

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

К. М А Р К С
и
Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
ПУБЛИЦИСТИКА - ФИЛОСОФИЯ - ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАПИТАЛ
ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ПЕРЕПИСКА

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. АДОРАТСКОГО

Т О М
X

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1933 МОСКВА

О Т Д Е Л П Е Р В Ы Й

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

1854 — 1856

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В настоящем X томе Сочинений Маркса и Энгельса собраны статьи и корреспонденции из «New-York Tribune» и «Neue Oder-Zeitung» за годы 1854—1856 до окончания крымской кампании, четыре статьи о падении Карса из чартистской газеты «People's Paper» и три статьи об армиях Европы, напечатанные в американском журнале «Putnam's Monthly».

К возможности помещать свои статьи в органе американской радикальной демократии «New-York Tribune» с конца 1854 г. присоединилась для Маркса и Энгельса возможность печатать статьи также и в немецкой либерально-демократической газете «Neue Oder-Zeitung», выходившей в Бреславле. Этому способствовал Лассаль, который был лично связан с издателями этой газеты. Марксу пришлось воспользоваться ее страницами, хотя это и был орган той самой либеральной буржуазии, против которой Маркс и Энгельс вели такую беспощадную войну, начиная с середины 40-х годов и особенно в годы революции, в «Neue Rheinische Zeitung». В годы реакции это была единственная возможность обращаться к читателям в Германии. К сотрудничеству принуждала и необходимость заработка. Маркс в эмиграции находился в очень стесненном положении и сильно нуждался. Статьи Маркса редакция «N. O.-Z.» очень высоко ценила, — ему была предоставлена полная свобода развивать свою точку зрения. При иных условиях, конечно, сотрудничество для Маркса было бы невозможно. В известном отношении положение Маркса в этой газете было лучше, чем в «N.-Y.T.», где на Маркса смотрели только как на военного корреспондента, в вопросах же политики склонны были относиться к нему с недоверием. Не малую роль в этом отношении играло влияние агента царского правительства, польского эмигранта панслависта Гуровского, который пробрался в редакцию «N.-Y.T.». Насколько сильно было его влияние в этом отношении, показывает хотя бы, например, тот факт, что из пяти статей Энгельса о панславизме, присланных в редакцию газеты, напечатана была только одна и то в искаженном виде, со вставками Гуровского, развивавшими мысли совершенно противоположные тем, которые защищал автор. Такая редакционная «правка» вызвала, конечно,

самый энергичный протест со стороны Маркса. Эта статья в ее настоящем неискаженном виде была опубликована в «N.O.-Z.». В настоящем томе она напечатана в переводе с этого последнего текста.

Однако сотрудничество Маркса в этой последней газете продолжалось только один год. В конце этого периода, в течение нескольких месяцев, Маркс болел, и статьи для газеты писал тогда главным образом Энгельс. В конце концов газета была закрыта прусским правительством, и сотрудничество само собой прекратилось. В течение всего 1855 г. Маркс и Энгельс корреспондировали в обе газеты, и часто одни и те же статьи помещались и в «Neue Oder-Zeitung» и в «New-York Tribune», или в чартистской «People's Paper». В настоящем томе статьи за 1855 г. взяты по преимуществу из «N.O.-Z.» ввиду того, что текст статей, помещенных там, не подвергался искажению, от чего статьи Маркса не были гарантированы в «Трибуне». Те пять статей за 1855 г., которые взяты в настоящий том из «Трибуны», в «N.O.-Z.» совсем не были напечатаны.

Центральной темой, вокруг которой сосредоточивается все внимание Маркса и Энгельса, в статьях настоящего тома попрежнему остаются вопросы революции.

Царизм — главный враг революции, стоящий во главе всей европейской реакции, это — контр-революционная сила, «голова которой в Петербурге, а руки в каждом кабинете Европы», — против нее необходима беспощадная борьба. Исходя из этого Маркс и Энгельс внимательно изучают Восточную войну. Они видят в этом столкновении реакционных правительств толчки для развития европейской революции. В самой этой войне против России имеются элементы прогрессивного характера. В ходе ее вскрывается реакционность французского и английского правительств. Выясняется, что победоносно окончить эту войну могут только силы революционной демократии. Буржуазно-демократическая революция в эти годы впервые после поражения 1849 г. снова поднимает голову. Вновь развивающееся широкое национально-освободительное движение в Италии, в Венгрии, в Польше являлось серьезной угрозой европейской реакции. В Испании во второй половине 1854 г. вспыхнула революция.

«Мы опять увидели победоносные, неприступные баррикады, — писал Энгельс по поводу известий об испанской революции. Чары разрушены. Новая революционная эра становится возможной; и характерно, что в то самое время, когда войска официальной Европы обнаружили свою непригодность в действительной войне, они в это самое время были разбиты восставшим населением города» (стр. 147).

Под руководством Пальмерстона и Бонапарта реакции удалось задержать нарастающую революционную волну. Но это произошло не по той причине, что реакция была сильна, а благодаря слабости революционной демократии. Блестящий анализ этого дан в ряде статей, в особенности в статьях об Испании.

В самой Англии Маркс и Энгельс с величайшим вниманием изучали всяческое проявление массового революционного движения, какую бы форму оно ни принимало. И в то же время отмечали и вскрывали причины слабости этого движения. Статьи, посвященные этим вопросам, собраны в отделе «Движение против аристократического правительства в Англии». С революционной беспощадностью Маркс и Энгельс разоблачают английского «либерального» демагога Пальмерстона, который наряду с Бонапартом был одним из главнейших вождей европейской реакции в период после 1848 г., как злейшего врага европейской революции. Статьи Маркса о Пальмерстоне, вошедшие в IX том нашего издания, и статьи об изменнических интригах вокруг осады Карса из настоящего тома были вскоре после их появления в газетах напечатаны брошюрами и получили широкое распространение в Англии среди рабочих и мелкобуржуазной демократии. Через вождя чартистов Эрнеста Джонса Маркс оказывал влияние на передовые слои английского пролетариата. Среди передовых английских рабочих имя Маркса стало в это время уже широко известным.

В настоящем томе в ряде статей Маркс дает также анализ социальной основы бонапартовской империи, разбирает и критикует политику Бонапарта (в виде примера укажем статьи «Критика французской системы ведения войны» и «Ближайшие перспективы в Англии и Франции»), но наибольшее внимание этой теме уделено в статьях 1857 — 1859 гг., которые входят в следующий — XI — том Сочинений.

Наибольшее количество статей настоящего тома разбирают Восточную войну. Энгельс, которому принадлежат статьи, посвященные военным вопросам, выступает здесь как военный специалист. Ленин, и в области военной науки сумевший дать новое, обогатить и развить марксистскую военную науку, пишет о значении военного образования и о заслугах Энгельса в этой области: «Возьмите военное дело. Ни один социал-демократ, знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений» (Ленин, «Революционная армия и революционное правительство», Соч., т. VII, стр. 384 — 385). Энгельс изучение всех

вопросов, также и военных, ставит последовательно на почву материализма: «Военная тактика зависит от уровня военной техники, — эту истину разжевал и в рот положил марксистам Энгельс» (Ленин, «Уроки московского восстания», Соч., т. X, стр. 52). Блестящий популярный очерк истории военного дела Энгельс дал в «Анти-Дюринге». В ряде статей для американского энциклопедического словаря разработаны им отдельные вопросы военного дела и военной истории.¹

Военные статьи Энгельса представляют огромный интерес, так как являются образцом революционной диалектики, в них даны основы марксистской военной науки.

Ряд статей написаны Марксом и Энгельсом совместно, таковы, например, статьи о боях за время крымской кампании; серия статей «Падение Карса»; это также превосходный образец сотрудничества Маркса и Энгельса в работе на военно-политические темы.

В статьях настоящего тома много места также отведено вопросам внутренней политики Англии. Маркс вскрывает банкротство знаменитой «демократической» английской конституции. Он разоблачает классические английские партии вигов и ториев и показывает их антинародный, антидемократический, реакционный характер. «Реакция вигов, — пишет Маркс, — всегда совершалась в согласии с буржуазией. Реакция ториев была направлена больше против буржуазии, чем против народных масс. Отсюда репутация либерализма у вигов» (стр. 402). Маркс разоблачает подлинную сущность правящих классов, используя официальные документы правительства. Укажем здесь на следующие три: 1) отчет комитета Робека, разоблачающий неспособность и гнилость аристократической олигархии в ведении войны в крымскую кампанию; 2) отчет комиссии Шольфильда, посвященный вопросу о подделках и недоброкачественности съестных припасов, которыми снабжают торговцы рабочих, и 3) отчеты фабричных инспекторов, рисующие потрясающую картину массовых увечий и убийств рабочих на фабриках, принадлежащих буржуазии. В своих статьях Маркс неоднократно отмечает тот неоспоримый факт, что при господстве капиталистических порядков не только во время войны, но и в так называемые «мирные» времена рабочий класс несет громадные потери оттого, что в его повседневной производственной деятельности безопасность его совсем не обеспечена вследствие корысти капиталистов-предпринимателей. В капиталистическом обществе идет непрерывная классовая война.

В 1932 г. «национальное» правительство справляет столетнюю годовщину «великого» билля о реформе, этой «основы» парламентарной

¹ Важнейшие из этих статей входят в XI том нашего издания.

демократии, и знаменует ее тем, что в обстановке углубляющегося экономического кризиса и обостряющейся классовой борьбы это правительство быстро движется по пути фашизации государства.

В статье «Британская конституция» Маркс, вскрывая внутренний механизм классовой диктатуры и одурачивания масс, предсказывал, что британскому капитализму придется иметь дело с врагом пострашнее, чем царь Николай, — с торговым и промышленным кризисом. Маркс указывает, что в таких условиях буржуазия отбрасывает всю мишуру демократии и даже священные догмы «свободы торговли». И тут же Маркс говорит о том, что пролетариат неизбежно рано или поздно должен победить. В ходе развития революционного кризиса будет сорвана маска, «скрывавшая до сих пор от заграницы истинные черты политической физиономии Великобритании. И только тот, кто не знаком с богатствами Англии в отношении живых и материальных ресурсов, может сомневаться в том, что она выйдет победоносной и обновленной из надвигающегося на нее жестокого кризиса» (стр. 323 — 324).

Тема последней серии статей в этом томе — испанская революция. Эти статьи дают мастерское освещение истории Испании главным образом первой половины XIX в. и вместе со статьями Энгельса «Бакунисты за работой» должны служить незаменимым руководством для изучения и современной Испании. По глубине анализа и по мастерству научного объяснения конкретного исторического материала эти статьи являются образцами применения марксистского метода. То, что писал Маркс в 50-х годах о классовой борьбе в Испании, приемы его работы, — все это сохраняет свою силу и до настоящего времени.

В современной обстановке испанской революции следует вспомнить слова Маркса:

«Революциям свойственна одна особенность: в тот самый момент, когда народ готов уже ринуться вперед и открыть новую эру, он добровольно подпадает под власть иллюзий прошлого и отдает всю свою силу и влияние, добытые с такими жертвами, в руки людей, которые являются представителями народного движения минувшей эпохи, или слынут таковыми» (стр. 689).

Перед испанским пролетариатом стоит задача освободиться от традиций прошлого и сбросить со своих плеч социал-фашистов и фашистов, сторожевых псов и главную опору буржуазной реакции. Освобождение пролетариата и трудящихся масс невозможно без победы народной революции. Победа же такой революции немыслима без того, чтобы в этой борьбе масс не играла руководящую роль коммунистическая партия, владеющая революционной теорией марксизма-ленинизма.

* * *

Из собранных здесь статей очень большая часть печатается в русском переводе впервые.

Заголовки статей в большинстве даны редакциями газет, где эти статьи печатались. В некоторых случаях заглавия совсем отсутствуют или неудачны. Тогда редакция настоящего тома давала свои заглавия. Такие заглавия отмечены звездочкой.

Текст этого тома вместе с аппаратом к нему подготовлен к печати г. В. Семеновым, с участием т. Р. Фокса, и проредактирован мною.

22 мая 1932 г.

В. Адоратский.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СТАТЬИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

1854—1856

ВСТУПЛЕНИЕ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ В ВОЙНУ

* ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ. — МУСУЛЬМАНЕ И ХРИСТИАНЕ.

Лондон, 24 марта 1854 г.

Наконец, война объявлена. Обращение королевы было вчера прочитано обеим палатам парламента — в Верхней палате лордом Эбердином, в Нижней — Джоном Росселем. Оно говорит о мерах, которые должны быть приняты, «чтобы активно противодействовать насильственным действиям России против Турции». Завтра в «London Gazette» будет опубликован официальный текст объявления войны; в пятницу в парламенте будет обсуждаться ответ на обращение.

Одновременно с этим английским манифестом Луи-Наполеон адресовал такое же обращение своему Сенату и Законодательному корпусу.

Объявление войны против России уже нельзя было дольше откладывать, после того как капитан Блеквуд, отвозивший англо-французский ультиматум царю, вернулся в прошлую субботу с ответом, что Россия вообще не желает отвечать на этот документ. Однако миссия Блеквуда не была совершенно безрезультатной. Благодаря ей Россия выиграла месяц март — самое опасное для русского оружия время года.

Опубликование секретной переписки между царем и английским правительством — *incredibile dictu!* [невероятная вещь] — вместо того, чтобы вызвать взрыв общественного негодования, дало повод всей ежедневной и еженедельной прессе поздравить Англию с ее истинно национальным правительством.

«Hamburger Correspondent» помещает следующее сообщение: «Русское правительство намерено опубликовать дальнейшие документы по восточному вопросу. Среди них имеется несколько писем принца Альберта».

Любопытно, что в тот же самый вечер, в который было прочитано в палате общин королевское послание, правительство потерпело свое первое *поражение* в новой сессии. Второе чтение билля об устройении бедных и передвижении населения (*Poor settlement and Removal bill*) отложено до 28 апреля большинством 209 против 183. Лицом, которому правительство обязано этим поражением, является

лорд Пальмерстон. «Его светлость, — пишет «Times», — сумел поставить себя и своих коллег между двумя огнями (ториями и ирландской партией) без всякой надежды на то, что они друг с другом сговорятся».

Нам сообщают, что 12-го с. м. подписан договор о тройственном союзе между Францией, Англией и Турцией, но что великий муфтий, несмотря на личное обращение к нему султана, опираясь на корпорацию улемов [мусульманских ученых], отказался дать свое заключение, которое санкционировало бы постановления об изменении положения турецких христиан, так как эти постановления противоречат предписаниям Корана. Известию этому, повидимому, придадут большое значение, так как оно заставило лорда Дерби сделать следующее замечание: «Необходимо, чтобы правительство определенно заявило, содержатся ли в этом соглашении статьи, обеспечивающие за Англией протекторат, право на который мы отрицаем за Россией».

Сегодняшний «Times» констатирует, что правительственная политика совершенно противоположна политике лорда Дерби, но прибавляет: «Мы очень сожалели бы, если бы результатом религиозного фанатизма муфтия или улемов явилось серьезное противодействие этой политике».

Чтобы понять как характер отношений между турецким правительством и духовными властями Турции, так и трудности, в которых правительство запуталось в данный момент, когда дело идет о протекторате над ее христианскими подданными, т. е. о вопросе, который на первый взгляд лежит в основе нынешних восточных осложнений, необходимо бросить взгляд назад на прежнюю историю и развитие Порты.

Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию народов всего мира к простой и удобной формуле деления на две половины: правоверных и неверных. Неверный, это — «гяур», это — враг. Ислам проклинает нацию неверных и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными. В этом смысле пиратские корабли берберийских государств были священным флотом ислама. Но как же совмещается существование христианских подданных в империи Порты с Кораном? «Если какой-либо город капитулирует, — говорит мусульманское законодательство, — и его жители выразят согласие стать «райей», т. е. подданными мусульманского государя, не оставляя своей веры, — тогда они обязаны платить харадж (подушную подать); за это они получают мир, и никто не смеет трогать их дома или имущество... Они могут совершать моления в своих старых церквах и ремонтировать их, но не имеют права строить новых.

Время от времени губернаторы провинций посылают особых комиссаров обследовать, не построены ли христианами новые церкви и часовни, под предлогом ремонта старых. Если же город берется с бою, то церквами можно пользоваться как местом жилья или убежища, но не как местом моления».

Так как Константинополь сдался по капитуляции, как и вообще большая часть Европейской Турции, то христиане пользуются там своими привилегиями исключительно потому, что согласились поставить себя под покровительство мусульман. Только по этой причине могут христиане управляться мусульманами по мусульманскому закону и в то же время считать константинопольского патриарха своим духовным главой, политическим представителем и верховным судьей. Поэтому там, где мы находим в Оттоманской империи скопление греческой райи, архиепископы и епископы состоят по закону членами муниципальных советов и, под руководством патриарха, заведуют распределением податей, налагаемых на греков. Патриарх ответственен перед Портой за поведение своих единоверцев. Он имеет право суда над райей своей церкви; этим правом он облакает митрополитов и епископов в пределах их епархий, а их приговоры обязаны приводить в исполнение чиновники, кади [судьи] и т. д. Порты. Они имеют право налагать наказания в виде денежных штрафов, тюремного заключения, палочных ударов и ссылки. Кроме того, их собственная церковь дает им право отлучения. Кроме денежных штрафов, в их распоряжение поступают и различные пошрины по гражданским и торговым процессам. Каждая ступень в духовной иерархии имеет свою покупную цену. Чтобы получить утверждение, патриарх платит Дивану¹ громадную дань; с своей же стороны, он продает своему клиру архиепископства и епископства. Этот последний опять-таки вознаграждает себя продажей второстепенных мест и данью, взимаемой с попов. Эти же пускают в розницу власть, купленную у начальства, и торгуют всеми священными актами: крещениями, бракосочетаниями, разводами и завещаниями.

Из этого описания ясно видно, что вся эта система господства духовенства над греческими христианами в Турции и вся структура их общества вытекают из подчинения райи Корану, который, с своей стороны, относясь к ним как к неверным, т. е. как к нации лишь в религиозном смысле, санкционирует соединение духовной и светской власти в руках их духовенства. Поэтому отменить их подчинение Корану — значило бы отменить одновременно их подчинение

¹ Диван (или Высокая Порта) — название правительства в Турции. *Ред.*

духовенству и вызвать в их социальных, политических и религиозных условиях революцию, которая, прежде всего, неизбежно бросит их в объятия России. Кто хочет на место Корана поставить Code civil [гражданский кодекс], тот должен перестроить все здание византийского общества по западно-европейскому образцу.

Выяснив отношения между мусульманами и их христианскими подданными, мы спрашиваем дальше: каковы отношения между мусульманами и неверными иностранцами?

Так как Коран объявляет всякого чужеземца врагом, то никто не отважится выступать в мусульманской стране без мер предосторожности. Первые европейские купцы, бравшие на себя риск торговли с таким народом, пытались поэтому вначале обеспечить лично за собою исключительные условия и привилегии, которые, однако, распространялись впоследствии на всю их нацию. Таково происхождение капитуляций. Капитуляции, это — императорские дипломы, грамоты и привилегии, выданные Портою различным европейским нациям, которыми подданным этих наций давалось право беспрепятственно въезжать в магометанские земли, спокойно заниматься там своими делами и отправлять богослужение. От договоров они отличаются тем важным признаком, что не основываются на взаимности, не обсуждаются совместно заинтересованными сторонами и не утверждаются ими на основе взаимных выгод и уступок. Наоборот, они являются односторонне дарованными льготами, которые, следовательно, соответствующее правительство может по своему усмотрению взять назад. И, в действительности, Порта в разное время уничтожала привилегии, данные ею какой-либо нации, тем, что распространяла их и на другие или совершенно отменяла, воспрещая дальнейшее пользование ими. Этот непрочный характер капитуляций превращал их в неиссякаемый источник споров, жалоб со стороны послов и вызывал бесконечный обмен противоречивыми нотами и фирманами, возобновлявшимися в начале каждого нового царствования.

От этих же капитуляций ведет свое начало право *протектората* иностранных держав не над христианскими подданными Порты — райей, — а над своими единоверцами, посещающими Турцию или поселившимися там в качестве иностранцев. Первою державою, добившеюся такого протектората, была Франция. Капитуляции, состоявшиеся между Франциею и Оттоманскою Портою в 1535 г. при Сулеймане Великом и Франциске I, в 1604 г. при Ахмете I и Генрихе IV и в 1673 г. при Мустафе II и Людовике XIV, были в 1740 году возобновлены, подтверждены, повторены и дополнены в

сборнике, носившем заглавие: «Старые и новые капитуляции и договоры между французским двором и Оттоманской Портою». ¹ Ст. 32 этого соглашения закрепляет право Франции распространить свой протекторат на все монастыри, в которых исповедуется французская религия, а также на всех французских паломников к святым местам.

Россия была первой державой, включившей в 1774 году составленную по примеру Франции капитуляцию в *договор*, а именно в Кайнарджийский договор. Наполеон в 1802 г. также считал полезным сделать существование и дальнейшую поддержку капитуляций предметом одной из статей договора и придать капитуляциям характер взаимно связывающего контракта.

В каком же отношении стоит к протекторату вопрос о святых местах?

Вопрос о святом гробе есть не что иное, как вопрос о протекторате над существующими в Иерусалиме религиозными общинами греческих христиан и над зданиями, которыми они владеют на святой земле, в особенности же над церковью гроба господня. Нужно тут же указать, что владение в этом случае не означает собственности, которая Кораном воспрещается христианам, но что здесь имеется в виду право *пользования*. Это право пользования отнюдь не является абсолютным препятствием для других общин совершать свои богослужения в тех же самых местах; владельцы не имеют никаких других привилегий, кроме права держать *ключи*, посещать и чистить здания, зажигать святую лампаду, выметать помещения метлою и расстилать ковры, что считается у восточных народов символом владения. Поскольку святые места являются кульминационным пунктом христианства, постольку и вопрос о протекторате нашел в связи с ними свое высшее выражение.

Участие во владении святыми местами и церковью гроба господня принимают латиняне, греки, армяне, абиссинцы, сирийцы и копты. Между всеми этими различными претендентами возникли конфликты.

Европейские монархи, видевшие в этих религиозных распрях вопрос своего влияния на Востоке, обратились прежде всего к хозяевам земли — фанатичным и жадным пашам, злоупотреблявшим своим положением. Порта со своими агентами усвоила в высшей степени

¹ Capitulations ou traités anciens et nouveaux entre la cour de France et la Porte Ottomane, renouvelés et augmentés l'an de Jesus Christ 1740 et de Hégire 1155; traduits à Constantinople par le sieur Deval, secrétaire interprète du roi et son premier drogman à la cour ottomane 1761.

беспокойную *systeme de bascule* [систему качелей]: признавала попеременно правыми латинян, греков и армян, брала деньги со всех и потешалась над всеми партиями. Едва лишь успевали турки передать фирман на владение спорным местом латинянам, как появлялись армяне с еще лучше наполненными кошельками и мгновенно добивались противоположного фирмана. Такая же тактика проводилась по отношению к грекам, которые сверх того умели, как официально засвидетельствовано в различных фирманах Порты и в показаниях ее агентов, создавать себе фальшивые и поддельные титулы на владение. В других случаях решения султана срывались корыстолюбием и злою волею пашей и низших чиновников в Сирии. Тогда приходилось начинать новые переговоры, назначать новых комиссаров и приносить новые денежные жертвы. То, что в прежние времена Порты делала из денежных соображений, теперь она делает из страха, стремясь приобрести протекцию и покровительство. Уступив требованиям Франции и притязаниям латинян, она должна спешить сделать такие же уступки России и грекам, чтобы таким образом отклонить от себя бурю, сопротивляться которой она чувствует себя слишком слабой. Ведь нет святыни, часовни, камня от церкви гроба господня, который бы не попытались сделать предметом склоки между различными христианскими общинами.

Сколько различных христианских сект группируется вокруг гроба господня, сколько за их религиозными притязаниями скрывается политических и национальных соперничеств!

Латиняне, греки, армяне, копты, абиссинцы и сирийцы, живущие в Иерусалиме и святых местах, исповедуют различные религии. Там имеется 2 000 греков, 1 000 латинян, 350 армян, 100 коптов, 20 сирийцев и 20 абиссинцев — всего 3 490 человек. В Оттоманской империи насчитывается — 13 730 000 греков, 2 400 000 армян и 900 000 латинян, но и внутри все эти группы разделены. Греческая церковь, о которой я говорил выше и которая признает константинопольского патриарха, существенно отличается от греко-русской, высшей духовной властью которой является царь, и от эллинской, верховными главами которой являются король и афинский синод. Точно так же и латиняне делятся на римских католиков, греко-униатов и маронитов; армяне — на григорианских и латинских армян; так же подразделяются копты и абиссинцы. Три преобладающими церквами в святых местах являются греки, католики и армяне. Латинская церковь представляет преимущественно латинские расы; греческая — славянскую, турецко-славянскую и эллинскую расы, другие — азиатские и африканские расы.

Теперь надо только представить себе, как все эти враждующие народности осаждают гроб господень, как монахи ведут войну, видимой причиной которой часто является звезда с вифлеемской пещеры, кусочек ковра, какой-нибудь алтарь, ключ от какой-либо святыни, гробница, стул, подушка, — словом, какой-нибудь смешной предлог!

Чтобы понять эту войну монахов, необходимо иметь в виду, во-первых, их образ жизни и, во-вторых, характер их жилищ. Один путешественник недавно рассказывал об этом: «Все эти религиозные отбросы различных наций живут в Иерусалиме обособленно, враждуя и не доверяя друг другу; это — бродячее население, рекрутирующееся из паломников и развѣдаемое чумою и нищетою. Европеец умирает или возвращается через несколько лет обратно в Европу, паши и их гвардия уезжают в Дамаск или Константинополь, а арабы бегут в пустыню. Иерусалим, это — пункт, который посещают и в котором никто не оседает прочно. Свое существование в священном городе каждый поддерживает своею религиею, — греки и армяне живут теми 12 000 или 13 000 паломников, которые посещают ежегодно Иерусалим, латиняне — субсидиями и подачками, которые они получают от своих единовѣрцев во Франции, Италии и т. д.»

Кроме своих монастырей и святынь, христианские нации владеют в Иерусалиме маленькими жилищами или кельями, пристроенными к церкви гроба господня и населенными монахами, которые должны днем и ночью охранять это святое место. В определенное время эти монахи сменяют друг друга в исполнении обязанностей. У келий этих имеется лишь одна дверь, ведущая внутрь храма; пищу эти духовные стражи получают извне через фортку. Церковные двери заперты и охраняются турками, которые открывают их лишь за деньги и закрывают по своему усмотрению, руководясь капризом или корыстолюбием.

«Споры между духовными — всегда самые ядовитые», говорит Мазарини. Что же сказать об этих духовных, которые не только все живут этими святынями, но при этом вынуждены жить в них совместно!

Картина станет еще привлекательнее, если вспомнить, что отцы латинской церкви, состоящие главным образом из римлян, сардинцев, неаполитанцев, испанцев и австрийцев, все одинаково с завистью относятся к французскому протекторату, который они охотно заменили бы австрийским, сардинским или неаполитанским; короли сардинский и неаполитанский уже оба носят титул короля иерусалимского. К этому присоединяется то, что оседлое население

Иерусалима составляет 15 500 душ, из которых 4 000 магометан и 8 000 евреев. Мусульмане, составляющие около четверти всего населения и слагающиеся из турок, арабов и мавров, само собою разумеется, являются во всех отношениях господами, так как благодаря слабости их правительства в Константинополе они ни в чем не чувствуют стеснения. Но что не поддается никакому описанию, так это нищета и страдания, испытываемые евреями в Иерусалиме; они живут в грязнейшем квартале между Сионом и Мориа, называемом Харет-ель-йагуд, где и находятся их синагоги, и непрерывно подвергаются угнетению и проявлениям нетерпимости со стороны мусульман; оскорбляемые греками, преследуемые латинянами, они живут лишь скудными подачками, получаемыми от их европейских братьев. Но евреи здесь не туземцы, они собираются из различных отдаленных стран, и в Иерусалим привлекает их лишь желание жить в долине Иосафата и умереть в том самом месте, где должен прийти искупитель. «В ожидании смерти, — говорит один французский писатель, — они страдают и молятся. Устремив свои глаза на гору Мориа, на которой некогда стоял храм Соломонов и к которой они не смеют приблизиться, они льют слезы о несчастиях Сиона и о своем рассеянии по всему свету».

Чтобы переполнить чашу страданий этих евреев, Англия и Пруссия в 1840 году командировали в Иерусалим англиканского епископа, которому открыто было поставлено задачей их обращение. В 1845 году он был страшно избит и стал посмешищем одинаково для евреев, христиан и турок. О нем, действительно, можно сказать с полным правом, что он создал первый и единственный случай объединения всех религий в Иерусалиме.

Теперь понятно, почему совместное богослужение христиан в святых местах есть не что иное, как нескончаемый ряд отчаянных «ирландских драк» между различными верующими сектами; почему, с другой стороны, за этими по видимости религиозными спорами скрывается лишь в высшей степени светская война не только наций, но и рас, и почему протекторат над святыми местами, который западно-европейскому человеку кажется столь смешным, а восточному — столь необычайно важным, есть лишь фаза восточного вопроса, который постоянно вновь возникает, всегда затушевывается, но никогда не разрешается.

ВОЕННЫЕ ДЕБАТЫ В ПАРЛАМЕНТЕ.

Лондон, 4 апреля 1854 г.

Одною из особенностей английской трагедии, настолько отталкивающей чувство француза, что Вольтер даже называл Шекспира пьяным дикарем, является причудливая смесь возвышенного и низкого, ужасного и смешного, героического и шутовского. Но нигде Шекспир не возлагает на шута задачу — произнести пролог к героической драме. Честь этого изобретения принадлежит коалиционному министерству. Милорд Эбердин сыграл роль если не английского шута, то итальянского «простофили». Поверхностному наблюдателю кажется, будто все великие исторические движения кончаются фарсом или, по крайней мере, пошлостью. Но сразу с этого начать, это — особенность трагедии, носящей название «война с Россией», пролог которой был произнесен в пятницу вечером в обеих палатах парламента, где одновременно был обсужден и единогласно принят ответ министерства на королевское обращение, так что вчера после обеда ответ этот мог быть уже вручен королеве, восседающей на троне в Букингемском дворце. В Верхней палате дело прошло быстро. Лорд Кларендон осветил положение дела с точки зрения правительства, лорд Дерби — с точки оппозиции. Один говорил, как человек, состоящий на службе, другой — как человек, находящийся вне ее.

Лорд Эбердин, благородный граф, стоящий во главе правительства, этот «остроумный» поверенный царя, «милый, хороший, превосходный» Эбердин Луи-Филиппа, «достойный уважения джентльмен» Пия IX, хотя и закончил свою проповедь обычными хныканиями о мире, но во время большей части своей речи вызывал у лордов взрывы смеха, потому что объявил войну не России, а лондонскому еженедельнику «Press». Лорд Мальмсбери возражал благородному графу. Лорд Брум, эта «глупая старая баба», как его называл Коббет, нашел, что предпринимаемая борьба не «легка». Граф Грей, умудрившийся при своем христианском умонастроении сделать из британских колоний самое жалкое место на свете, напомнил британскому народу, что тон и настроение, с которым говорят о войне, и чувство враждебности к царю и его казакам не соответствуют тому

духу, с которым должна начинать войну христианская нация. Граф Гардуик был того мнения, что Англия недостаточно подготовлена для борьбы с русским флотом. Военная сила Англии в Балтийском море должна составлять не менее двадцати хорошо снабженных экипажем и оружием линейных судов; экипаж должен быть хорошо дисциплинирован, и не следует, как это произошло, вступать в бой с кучкой только что набранных людей, ибо такая толпа на линейном корабле во время боя хуже всякой другой толпы. Маркиз Ленсдоун защищал правительство и выразил надежду, что война будет короткой и счастливой, потому что (и это характерно для уровня понятий благородного лорда) «это — не династическая война, а только такие войны влекут за собою тяжелые последствия и их труднее всего закончить».

После этой приятной беседы, в которую каждый вставил свое словечко, адрес был принят без возражений. И все новое, что узнали из этой беседы, исчерпывается несколькими официальными заявлениями лорда Кларендона и некоторыми данными из истории меморандума 1844 года. Лорд Кларендон констатировал, что «в данный момент соглашение с Францией заключается лишь в обмене нотами, содержащими только указания насчет военных операций». Следовательно, в данный момент договора между Англией и Францией не существует. Об Австрии и Пруссии он сообщил, что первая будет сохранять вооруженный нейтралитет, а вторая — простой, но что «при такой войне, которая будет теперь разыгрываться у границ обоих государств, им будет невозможно сохранить нейтралитет». Наконец, он заявил, что мир, которым должна быть закончена грядущая война, только в том случае будет почетным, «если удастся обеспечить за христианскими подданными Турции равноправие и свободу».

Но мы уже знаем, что шейх-уль-ислам смещен за то, что отказался санкционировать договор, устанавливающий это равноправие; что старо-турецкое население Константинополя возбуждено в высшей степени; а сегодня из телеграмм мы узнаем, что царь заявил Пруссии о своей готовности вывести свои войска из княжеств, если западным державам удастся навязать Порте такой договор. У него нет другой цели, кроме ниспровержения османского режима. И если западные державы хотели сделать это за него, то он, разумеется, не так глуп, чтобы начинать с ними войну.

А теперь — история секретного меморандума, как я себе выясняю ее из речей Дерби, Эбердина, Мальмсбери и Гренвилля. Меморандум должен был быть «временным, условным и секретным соглашением между Россией, Австрией и Англией на предмет раз-

личных мероприятий, касающихся Турции, в которых и без ясно выраженного согласия должна была участвовать Франция». Этот меморандум, описываемый лордом Мальмсбери в выше приведенных выражениях, был результатом секретных переговоров между царем, графом Эбердином, герцогом Веллингтоном и сэром Робертом Пилем. По совету Эбердина царь обратился к герцогу и к сэру Роберту Пилю. Спорный вопрос между лордом Эбердином и его противником состоит в том, составлен ли документ графом Нессельроде после возвращения царя из Англии в Петербург в 1844 г. или же его составили сами английские министры как протокол о сообщениях сделанных императором.

Отношение графа Эбердина к этому документу отличалось от простого отношения министра к любому официальному документу. По утверждению лорда Мальмсбери это доказывается *другим документом, не предъявленным палате*. Документ считается в высшей степени важным и не подлежащим сообщению другим державам, хотя Эбердин уверял, что он сообщил Франции его «существенное содержание». Во всяком случае царь ничего об этом сообщении не знал. Документ был одобрен и санкционирован герцогом Веллингтоном и сэром Робертом Пилем. Однако кабинету Пиля, членом которого был тогда лорд Дерби, он не был сообщен и не был представлен для оценки. Он не хранился с обычными бумагами министерства иностранных дел, а передавался для секретного хранения от одного министра к другому, в министерстве же иностранных дел никакой копии этого документа не было. Хотя лорд Дерби в 1844 г. был сам членом кабинета Пиля, ему при вступлении в должность о документе ничего сообщено не было. Покидая пост министра иностранных дел, Эбердин передал документ в шкатулке лорду Пальмерстону, передавшему этот ларец Пандоры своему преемнику, лорду Гренвиллю, который, в свою очередь, как он сам рассказывает, вручил его по требованию барона Бруннова, русского посланника, графу Мальмсбери при его вступлении в должность. Но, повидимому, тем временем было произведено изменение или, говоря точнее, подлог в подлинном названии документа, так как граф Гренвилль переслал его графу Мальмсбери с замечанием, что это — записка, составленная *бароном Брунновым* в результате совещаний между российским императором, сэром Робертом Пилем и лордом Эбердином, причем имя герцога Веллингтона вовсе не было упомянуто. Нельзя придумать никакого другого мотива для такого неверного обозначения, кроме трусливого стремления затушевать важность документа, представив его простыми записями посланника, а не

официальным документом петербургской дворцовой канцелярии. Россия придавала такую важность этому документу, что через 48 часов после вступления в должность лорда Мальмсбери его посетил барон Бруннов и спросил, читал ли он уже его; но Мальмсбери тогда его еще не прочел, потому что документ был вручен ему лишь несколько дней спустя. Барон Бруннов настойчиво указывал на необходимость прочесть этот документ, так как он представляет собою *ключ ко всем переговорам с Россией*. С этого момента, впрочем, он не упоминал больше об этом документе перед сторонниками Дерби, так как, очевидно, считал торийское правительство слишком слабым и не подходящим для проведения русской политики. В декабре 1852 года министерство Дерби ушло в отставку, а вскоре после того, как известие об образовании коалиционного министерства достигло Петербурга, 11 января, царь снова поставил вопрос, — достаточное ли доказательство, что он считал кабинет всех талантов способным действовать дальше на основе этого меморандума.

Итак, перед нами компрометирующие разоблачения, сделанные в палате лордов самыми неопровержимыми свидетелями, каждый из которых уже был премьером или министром иностранных дел Великобритании. Английский министр иностранных дел заключает тайно, как говорится в меморандуме, «условное соглашение» с Россией, и притом не только без согласия парламента, но за спиною своих собственных коллег, из которых лишь двое были посвящены в тайну. Документ в течение 10 лет не передается в министерство иностранных дел, а сохраняется в секретном хранилище сменяющимися друг друга министрами. При уходе какого-либо министра со сцены русский посланник появляется на Даунингстрите¹ и сообщает его преемнику, чтобы он хорошенько ознакомился с договором, с тайным договором, заключенным отнюдь не законным представительством нации, а каким-то кабинетским министром с царем, и чтобы он вел себя в точности так, как ему предписывает русский меморандум, сочиненный в петербургской дворцовой канцелярии.

Если это не открытое нарушение конституции, заговор и государственная измена, если это не тайное соглашение с Россией, тогда мы не знаем, что понимается под этими выражениями.

В то же время из этих разоблачений мы узнаем, почему преступники, чувствуя себя в полной безопасности, могут спокойно оставаться у руля государственного корабля, и притом во время явной войны с Россией, с которою они, как это доказано, непрестанно кон-

¹ Даунингстрит — квартира премьер-министра в Лондоне. *Ред.*

спирировали; и почему парламентская оппозиция — чистое шарлатанство, пущенное в ход, чтобы досадить виновным, но не выдвинуть против них обвинения. Все министры иностранных дел и, следовательно, все сменявшие друг друга с 1844 года министерства являются соучастниками преступления; каждый становился им с того момента, как отказывался бросить обвинение своему предшественнику и молчаливо принимал таинственную шкатулку. Уже одно только намерение утаить делает каждого из них виновным. Скрывая заговор от парламента, каждый тем самым становился участником заговора. Укрывателя краденого закон считает таким же преступником, как самого вора. При всяком судебном процессе были бы отвержены в прах не только коалиция, но и ее соперники, не только данные министры, но и парламентские партии, которые они представляют, и не только эти партии, но и господствующие классы Англии.

Мимоходом я хочу заметить, что единственную достойную внимания речь в Верхней палате произнес граф Дерби. Но его критика меморандума и секретной переписки, — и то же самое я могу сказать о дебатах в Нижней палате, — не содержит ничего такого, чего бы я уже не сказал в посланном мною вам обширном изложении этого рокового меморандума и этой необычайной переписки.

«Объявление войны, это — прерогатива, настоящая прерогатива короны; и когда королева созывает парламент и сообщает ему, что она нашла необходимым начать войну, то это не должно быть поводом для Нижней палаты высказываться о том, уместна ли или неуместна война. При таких обстоятельствах долг палаты — сплотиться вокруг престола и лишь впоследствии при подходящем и соответствующем конституции случае обсуждать политику, которая смогла привести к войне».

Так говорил в Нижней палате Дизраэли, и так говорили все члены Нижней палаты, и все же «Times» наполнил целых 17 столбцов комментариями к этой политике. Почему? Да именно потому, что не было «подходящего случая», и его болтовня должна была остаться безрезультатной. Я должен, впрочем, сделать исключение для г. Лайарда, который заявил прямо:

«Если бы, выслушав его, палата пришла к убеждению, что поведение министров дает повод к парламентскому запросу, то он не отступил бы от возлагаемой на него этим обязанности и просил бы министров назначить в ближайшем будущем день, когда он может поставить этот вопрос».

Понятно теперь, почему «Times» начинает сомневаться в подлинности ассирийских открытий Лайарда.

Лорд Джон Россель, читавший адрес в палате общин, отличался от лорда Кларендона только подчеркиванием слов — «неприкосновенность», «независимость», «свобода», «цивилизация», что вызвало оживленное одобрение со стороны более простой публики.

Г-н Лайард, поднявшись, чтобы отвечать ему, совершил две грубых ошибки, испортивших его в общем замечательную речь. Во-первых, он пытался доказать существование двух противоположных элементов коалиции — русского и английского элемента, фракции Эбердина и фракции Пальмерстона, между тем как в действительности эти обе фракции ничем не отличаются друг от друга, кроме языка и способа пресмыкательства перед Россией. Один лидер является приверженцем России, потому что ее не понимает, а другой — несмотря на то, что понимает ее. Первый является поэтотому открытым сторонником России, второй — ее тайным агентом. Первый служит бескорыстно, второму за его службу платят. Первая фракция менее опасна, так как стоит в открытом противоречии с чувствами английского народа; вторая — зловредна, так как выдает себя за воплощение национальной враждебности к России. Что касается г. Лайарда, то приходится предположить, что он не знает человека, которого выдвигает в противоположность Эбердину. Для г. Дизраэли, конструировавшего ту же самую противоположность, такого извинения нет. Ибо ведь никто не знает лорда Пальмерстона лучше, чем этот вождь оппозиции, уже в 1844 г. заявивший, что никогда еще политика ни одного министра иностранных дел не была столь роковою для британских интересов, как политика благородного лорда. Второю ошибкою, совершонною Лайардом, было утверждение, что «Times» является прямым органом эбердиновской партии, потому что материал для своих передовиц он черпает из секретной и доверительной переписки уже через 2 — 3 дня после ее прибытия. Но эти передовицы стремились убедить страну одобрить опасные затеи Петербурга, как это особенно имело место в феврале и марте прошлого года. Лайард сделал бы гораздо лучше, если бы, подобно лорду Пальмерстону, допустил, что этот материал доставляется газете русским посольством в Лондоне; это дало бы возможность уличить и «Times» и министерство иностранных дел в том, что они являются органами петербургского кабинета.

Так как и я того мнения, что «Times» на деле большая сила, чем коалиционное правительство, не столько на основании развиваемых им взглядов, сколько на основании тех дат, из которых вытекает изменнический характер этой секретной корреспонденции, то я привожу полностью заявление Лайарда против этой газеты.

Лайард сказал следующее:

«Первая из этих секретных депеш была получена в Англии 23 января 1853 г., а 26 числа того же месяца в «Times» появилась первая статья из тех, на которые он ссылался. Следующая депеша была получена 6 февраля 1853 г. и 11-го того же месяца, спустя четыре дня, появилась экстренная статья «Times'a», из которой он теперь цитирует. В этой статье говорилось: «Мы не думаем, чтобы целью русской политики было ускорение катастрофы на Востоке; нашим правительственным агентам предстоит принять меры к уменьшению опасности положения, которое становится все более затруднительным. Однако мы не должны забывать, что попытка продления грубой и дряхлой власти турок в Европе может быть осуществлена лишь ценою подчинения многолюдных христианских провинций варварскому правлению; мы будем рады, если цивилизация и христианство исправят зло, причиненное оттоманским завоеванием».

«Тот же «Times», говоря об истощении Турции, писал 23 февраля 1853 г.:

«Крайний политический упадок, полное отсутствие способных и честных людей в среде ее правителей, уменьшение мусульманского населения и пустое казначейство по какому-то странному контрасту соединены с господством над самыми плодородными областями, прекрасными портами и наиболее предприимчивым и талантливым народом Южной Европы... Трудно понять, как столь великое и несомненное зло еще может так долго находить защитников в среде политических деятелей, рассматривающих его как относительное благо; хотя мы и отдаем себе отчет в трудностях, вытекающих из изменения территории столь обширной империи, — мы все же склонны не с сожалением, а с удовлетворением ожидать того момента, — каким образом знает «Times», что этот момент близок? — когда нельзя уже будет продлить господство такого правительства, как правительство Порта, над той страной, которая подчинена его власти. Может быть, этот срок менее далек, чем обычно его представляют, и, может быть, некоторые мудрые государственные деятели уже готовят меры на случай подобного исхода, дальнейшее неопределенное откладывание которого не в их власти. Мы не думаем и не намерены предполагать, что у Австрии и России имеются в настоящее время или были разработаны ранее без ведома других европейских держав какие-либо планы, враждебные территориальным правам Оттоманской империи. У нас есть достаточные основания верить этому». Когда «Times» заявляет это, мы знаем, что это значит, — «что князь Меншиков послан из Петербурга в Константинополь в качестве

чрезвычайного посла, чтобы от имени императора Николая заявить, что он [царь], как глава греческой церкви, не может подчиниться сам или заставить подчиниться восточную церковь условиям фирмана, полученного недавно французским послом по вопросу о погребении святым гробом в святой земле».

«Первое сообщение о миссии Меншикова содержалось в депеше сэра Сеймура от 14 и 21 февраля. Важно отметить, что 6 марта 1853 г. прибыла депеша, передающая весь план русского императора о разделе Турции. Ответ на нее был послан лишь 23 марта; до 13 марта не происходило ни одного заседания кабинета, хотя некоторые члены правительства за семь дней до этого получили предложение императора. Их коллегам оно было сообщено лишь 13 марта; зато оно заранее было сообщено «Times'у», потому что 7 марта, т. е. на следующий день по получении депешы, о которой еще никто не знал, кроме двух или трех членов кабинета, и которую не мог видеть ни один служащий в министерстве иностранных дел, — в «Times» появилась статья (Слушайте! Слушайте!), в которой между прочим говорилось:

«Состояние Турецкой империи и отношение европейских держав к Востоку — это вопросы, над которыми следует пораздумать политикам и независимой прессе, чтобы составить и выработать свои мнения, хотя проведение этих мнений по данным вопросам является еще делом несвоевременным и отдаленным. Государственные деятели, вынужденные заниматься повседневной политикой и всякий раз придерживаться правил так называемой государственной необходимости, ограничены узким круговоротом и, повидимому, неспособны осуществить новую или оригинальную идею, если она предварительно не будет предметом внимания и размышления общества».

«Он [Лайард] просил благородного лорда обратить внимание на дальнейшие слова в «Times», которые он выставляет в качестве возражения против него: «Нас ни в какой степени не удивляет то, что, намекая на те разногласия, которые недавно имели место по вопросу о Турции и особенно ее европейских границах, лорд Джон Россель выразил свое несогласие с теми взглядами о неприкосновенности и независимости, которые еще недавно были высказаны по этим вопросам и со всей вескостью и официальной ответственностью повторены затем в парламенте. Мы, однако, не согласны с подобной точкой зрения».

«Каким образом автор статьи знал о несогласии лорда Джона Росселя? (Слушайте!) Далее статья продолжает:

«Мы не согласны с мнением лорда Джона Росселя, что будто решение вопроса о разделе этой империи является в настоящее время величайшим бедствием для Европы».

«Пусть палата обратит внимание на следующие слова, которые почти целиком совпадают с словами русского императора:

«... Было бы, я полагаю, большим несчастьем, если расчленение Турции началось раньше, чем имело место обсуждение этого вопроса. (Слушайте!) Это те же самые слова. Далее автор статьи продолжает:

«И мы должны выразить свое удивление по поводу того, что государственный деятель смущается той политикой, которую ему предстояло бы проводить в случае распада Турецкой империи, руководясь примером раздела Польши. Правда, чтобы поддержать неприкосновенность и независимость Турецкой империи, обычно ссылаются еще на государственную необходимость, но этот аргумент выставляется лишь как меньшее из зол, в действительности же означает боязнь приступить к разрешению важного и сложного вопроса. В самом деле, по этому вопросу имеются закоренелые предрассудки, которые поощрялись особенно за последние годы, так что даже самая попытка обсудить вопрос в его истинном значении рассматривается как акт грабежа и нарушения всех законов, которыми связаны друг с другом нации».

«Следующая статья появилась 10 марта. Палата, может быть, думает, что он [Лайард] не доказал еще, что автор из «Times» употреблял точные выражения депеши. Статья, которую он собирается цитировать сейчас, не оставляет в этом пункте никакого сомнения. 10 марта появилась статья, начинающаяся такими словами:

«Князь Меншиков обладает определенно дипломатическими способностями, его инструкции носят более примирительный характер, чем инструкции графа Лейнингена». Подобное выражение может быть найдено в депеше сэра Г. Сеймура от 21 февраля: «Его превосходительство (граф Нессельроде) желал заверить меня, что инструкции, данные князю Меншикову, носят примирительный характер».

«Далее статья продолжает:

«Мы осмеливаемся заявить, что современные государственные деятели обнаруживают некоторую бедность средств, когда им приходится иметь дело с вопросом, касающимся цивилизации нескольких крупных провинций и восстановления самого христианства на ту ступень, на которой оно когда-то стояло всюду в Европе, обеспечения прогресса и благосостояния миллионов людей; единственным целесообразным делом, относительно которого они могут быть согласны, является украшение головы турка тюрбаном, и они согласны считать это все еще символом силы и империи».

«19 марта происходило заседание кабинета, на котором обсуждалась депеша, полученная 6 марта: ответ на последнюю был отправлен

23 марта, заключая в себе между прочим следующие строки: «Хотя правительство ее величества считает необходимым придерживаться принципов политики, изложенной в депеше лорда Джона Росселя от 9 февраля, однако оно согласно с выраженным императором пожеланием о дальнейшем откровенном обсуждении вопроса».

«В тот же день в «Times» появилась статья, в которой можно было найти фразы, имеющиеся в депеше лорда Кларендона. Статья начиналась так:

«Наши взгляды на настоящее положение и будущие перспективы Оттоманской империи не совпадают с точкой зрения, которой держится лорд Джон Россель и которая была сообщена им палате общин. Они [взгляды] отличаются от той политики, которую наша страна проводила в прошлом в ряде случаев и совершенно не согласны с той системой, которую не совсем блестяще, без какого-либо успеха, защищает большинство лондонской прессы».

«Британской печати делает честь, что она не придерживается точки зрения «Times'a», хотя у нее и нет тех блестящих перьев, которые потрясли колониального министра и почти весь кабинет». «В конце статьи «Times'a» говорится: «Он (император) заявил, что предметом его честолюбия является поддержание хороших отношений с нашей страной и стремление заслужить ее доверие. Его переговоры по данному вопросу будут испытанием искренности его заверений; но он не может дать большего доказательства своей умеренности и доверия по отношению к Турции и остальной Европе, чем то, которое он дал, выразив готовность на сотрудничество в этом вопросе с британским правительством».

«В тот самый день, когда «Times» объявил, что его желание примирить британскую публику с разделом Турции не имело успеха, ответ на депешу, с которой медлили целых 16 дней, был послан в Петербург. (Слушайте! Слушайте!) Он [Лайард] не хочет затруднять палату новыми цитатами из «Times».

Брайт поддержал Кобдена, чтобы снова дать лорду Пальмерстону возможность поднять свою популярность бранью по адресу России и лицемерно-энергичной защитой военной политики. Между прочим, Пальмерстон заявил:

«Теперь, я думаю, известно тем, кто следил за европейскими делами в течение значительного периода времени, что взгляды России на Турцию не являются точкой зрения вчерашнего дня или недавнего времени. (Слушайте! Слушайте!) Известно, что уже в течение длительного времени политика России ставила своей целью захват по крайней мере европейской части Турции, а позднее и

Азиатской Турции. Эта политика проводилась ею с неуклонной и систематической настойчивостью. Она всегда имела ее в виду. Когда представлялись благоприятные обстоятельства, она делала шаги вперед, когда же обнаруживались препятствия, она отступала, но лишь для того, чтобы лучше использовать ближайший случай, который ей представится. (Слушайте! Слушайте!) Отсрочка не является подходящим средством, чтобы укротить Россию и заставить ее оставить свои планы. Ее политика состоит в том, чтобы, имея в виду одну цель, — не спешить, не терять намеченный предмет преждевременным его захватом, но следить за курсом политики других европейских правительств и использовать каждый случай, который представится, так, чтобы он дал ей возможность сделать хотя бы незначительное продвижение к конечному предмету ее честолюбия.

Если сравнить это заявление лорда Пальмерстона с заявлениями, сделанными им в 1829, 1830, 1831, 1833, 1836, 1840, 1841, 1842, 1843, 1846, 1848, 1849 годах, то оказывается, что оно служит ответом не столько Брайту, сколько его собственной прежней политике. Но в то же самое время, как этот коварный враг старается приобрести симпатии публики яростными нападкамии на Россию, он обеспечивает себе, с другой стороны, симпатии царя следующим замечанием: «Разве я порицаю русское правительство за то, что оно ведет подобную политику. Политика расширений, проводимая законными средствами, это — политика, которую вы можете считать опасной для себя, против которой вы можете бороться, как угрожающей независимости и свободе других государств, но которая не дает повода для осуждения данного правительства, если только оно пользуется открытыми, искренними и общепризнанными средствами, без утайки, без уверток и без обмана. К сожалению, я должен признать, что путь, избранный русским правительством, судя по последним событиям, не является открытым и прямым путем, который бы оправдывал ее открыто признаваемую и смело провозглашаемую политику».

В противоположность этому Дизраэли выражается следующим образом: русскому правительству можно сделать только единственный упрек в «роковой откровенности». Если, таким образом, Пальмерстон осуждает то, чего Россия не делала, то Дизраэли совершенно одобряет все, что она действительно сделала.

Дизраэлева критика тайных актов была, как всегда, очень удачна, но не достигла цели ввиду его заявления, что критика теперь несвоевременна и что он лишь обратился к палате с единственной целью поддержать адрес. Досадно видеть, как такой талантливый человек, как Дизраэли, из-за мелкого карьеризма и соображений

партийной политики льстит какому-нибудь Пальмерстону не только в парламенте, но даже в своем солидном органе «Press».

Во вчерашнем заседании палаты сэр Дж. Грехем сообщил о получении известия, что флот вошел в Черное море и находится сейчас поблизости от Варны.

Лорд Эбердин заявил в палате лордов, что во вторник 11 апреля он предложит отсрочку заседания палаты до четверга 27 апреля.

*** ЗАЯВЛЕНИЯ МИНИСТРОВ В ВЕРХНЕЙ И НИЖНЕЙ ПАЛАТАХ. — РАЗОБЛАЧЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПОДКУПОВ. — РОССИЯ И НЕМЕЦКИЕ ДЕРЖАВЫ. — СПЕКУЛЯЦИИ НА ХЛЕБЕ.**

Лондон, 7 апреля 1854 г.

В Верхней палате лорд Кларендон вчера заявил, что «он имеет основание полагать», что известие о высадке в Добрудже 4000 русских, прибывших на транспортах из Одессы, неверно. Ему неизвестно, чтобы русский флот покинул Севастополь, который временно находится под наблюдением английских или французских военных судов. Относительно кажущейся бездеятельности флотов он может лишь сказать, что для блокады Севастополя и Одессы потребовался бы весь союзный флот и что ввиду плохого времени года это было бы опасным предприятием. Он поэтому полагает, что поступили целесообразно, задержав флот в Бейкосе. Венский корреспондент «Times'a» присоединяется к этим соображениям Кларендона и излагает, кроме того, истинные причины политики последнего. С тех пор как стали известны переговоры об «освобождении христиан», опасение восстаний в Константинополе стало более основательным, чем когда-либо. Было бы поэтому в высшей степени «неполитично» удалить флот от Босфора ранее, чем появится достаточная сухопутная сила, т. е. достаточная, чтобы заставить замолчать турок.

В Нижней палате лорд Джон Россель заявил, что афинский двор несет ответственность за греческое восстание, ибо он — сначала тайно, а теперь явно — поддерживал его.

Дебаты, происходившие на этой неделе, не представляют ничего интересного, исключая прений по предложению г. Мура о выделении комитета для рассмотрения дела о назначении г. Стонора судьей в колонию Виктория. Палате было доложено, что этот Стонор обвиняется в подкупах, произведенных на выборах в местечке Слиго в 1853 г. Палата постановила выделить комитет. Однако на самом деле преследование г. Стонора является лишь предлогом для возобновления на новой почве спора, который ведется между двумя фракциями расколовшейся ирландской бригады. До какой степени ханжеская клика г. Гладстона и его сторонников-пилитов вовлечена

и погружена в эти ирландские скандалы, можно судить по следующей заметке в «Morning Post»:

«В появившихся письмах распространяется сплетня, и парламентскому комитету за последние недели доставлены данные, которые рассчитаны на то, чтобы усилить подозрения, что фракция пилитов, входящих в состав коалиции, в прошлом систематически нанимала агентов, чтобы влиять на ирландские выборы, снабжая их для этой цели деньгами. Особенно скомпрометированным оказался герцог Ньюкестль... Повидимому, как обнаруживается, по его инструкции, происходило совещание о повышении по службе лиц, руководящих делом избирательной кампании».

Сегодняшняя «Daily News» опубликовала договор между Францией, Англией и Турцией, не содержащий, впрочем, ничего, кроме соглашения о военных действиях. Западные державы, конечно, остерегаются формулировать в договоре истинные условия «помощи султану». Эти условия навязаны лордом Стратфордом де-Редклиффом при помощи местных средств воздействия и затем представлены как добровольный акт турецкого правительства.

У мирной миссии принца Мекленбургского в Берлине не было другой цели, как дать королю Пруссии лишний предлог держаться в стороне от западного союза. Мне пишут из Берлина, что Россия только в том случае согласна признать нейтралитет Швеции, если король обязуется вновь предписать комендантам шведских гаваней соблюдение старых правил, по которым в районе пушечного выстрела от гавани могут бросать якорь не больше четырех военных кораблей. Так как этот приказ существенно разнится от правил нейтралитета, выработанных Швецией и Данией, то надо ожидать новых переговоров между скандинавскими державами, с одной стороны, и западными — с другой. В Стокгольме общераспространенно мнение, что русские уведут с Аландских островов свои гарнизоны и сроят там свои укрепления; оружие и прочие военные материалы они возьмут с собою. Полученная сегодня телеграмма сообщает, что шаг этот уже сделан.

Австрийский наблюдательный корпус в юго-восточных частях Венгрии теперь вполне готов к войне и занял указанные ему в разных местах позиции. Концентрация продолжалась от 10 до 12 дней. Все немецкие газеты полагают, что эта армия предназначена для нападения на турецкую армию с фланга, в случае активного присоединения Австрии к России, и что это не представит никаких трудностей. Но австрийцы могут проникнуть в Турцию только через Мехадю, где они будут иметь перед собою фронт турецкой армии, либо

через Белград, где они окажутся на одной линии с растянутым левым флангом турок. Поэтому гораздо вероятней, что если австрийцы вступят в Турцию с враждебными намерениями, то они будут идти от Белграда к Софии через Крушевац и Ниш. Но и в этом случае у турок будет более короткий путь к Софии, если они направятся от Видина прямо на юг.

В отчете прусского комитета по делам займов, доложенном во второй палате, излагается политика, проводившаяся Пруссией в восточном вопросе. В нем оглашаются многие документы, неизвестные еще английской печати. Я хочу поэтому привести из этого отчета несколько важных извлечений.

В конце января русский посланник в Берлине передал прусскому правительству, и одновременно граф Орлов — австрийскому, предложение, по которому три двора — прусский, русский и австрийский — должны были подписать общий протокол. В предисловии к проекту этого протокола указывается, что побудительной причиной для предлагаемого соглашения является всеобщее желание еще тесней сомкнуть, перед лицом опасностей, угрожающих Европе, союз трех держав и урегулировать на будущее время отношения как между собою, так и с западными державами.

Предложение содержало следующие три пункта:

1) Обе немецкие державы формально обязуются соблюдать строжайший нейтралитет в случае активного участия Англии и Франции в войне против России; они заявляют также, что в случае новых давлений или угроз со стороны западных держав они готовы, если понадобится, с оружием в руках защищать этот нейтралитет против всякого, кто его нарушит.

2) Три державы будут рассматривать всякое нападение Франции или Англии на земли Австрии, Пруссии или другого немецкого государства как нападение на собственную территорию и по требованию обстоятельств и взаимному соглашению военных властей окажут друг другу помощь для отражения нападения. (Этот пункт теперь подписан в Берлине генералом Гессом и прусским военным министром.)

3) Русский император еще раз удостоверяет свое желание окончить войну, как *только это допустят его достоинство и правильно понятые интересы его империи*. Принимая, однако, во внимание, что дальнейшее развитие событий может изменить положение вещей в Турции, его величество обязуется, при переговорах по этому поводу с морскими державами, не принимать никаких решений без предварительного соглашения с *своими немецкими союзниками*.

Этот проект сопровождается нотой графа Нессельроде, в которой он прежде всего напоминает Пруссии и Австрии о важном значении тройственного союза, в течение долгого времени бывшего стражем Европы. Ввиду происходящей войны его повелитель считает себя обязанным обратиться к своим друзьям и союзникам с серьезным призывом. Их взаимные интересы требуют, чтобы образ действия их по отношению к столь важным событиям был точно определен. Подчеркивая односторонний образ действий западных держав, он указывает, что державы эти не считались с немецкими интересами. Россия поступала иначе. Она была готова одна нести бремя войны и не будет требовать от своих друзей и союзников ни помощи, ни жертв. Благополучие обоих государств и всей Германии зависит от их единодушия. Этим путем они сумеют сдержать развитие кризиса, а может быть, и облегчить его разрешение. Далее, русская нота рассматривает три возможности, открывающиеся перед немецкими державами: союз с Россией против западных держав, союз с последними против России и, наконец, простой нейтралитет. Что касается союза против западных держав, то царь такового не требует. Вторая комбинация вообще невысказана, разве что немецкие державы вынуждены были бы отступить перед угрозами западных держав. Они должны были бы тогда покориться оскорбительной необходимости и идти навстречу печальной будущности. Россия же, неприступная на своей собственной территории, не боится ни военных нашествий, ни еще более страшного нашествия революционного духа. Если ее союзники ее покинут, то она положится на свои собственные силы и постарается впредь обойтись без их помощи. (Граф Нессельроде пишет свои ноты по-немецки, ибо ему кажется, что перевод их на другой язык является отчаянно трудным делом. Как образец его немецких упражнений передаю вам дословно его последнюю фразу: Wenn seine Alliierten es verliessen, so würde es sich gesagt sein lassen, sich auf sich selbst zurückzuziehen und sich so einrichten ihrer in Zukunft entbehren zu können.) Царь, однако, полагается на известные чувства и образ мыслей своих друзей и союзников и на храбрость их армий, издавна связанных с его армиями боевым крещением (Bluttaufe) и единством принципов. Петербургский кабинет рассматривает поэтому третью альтернативу как единственно заслуживающую внимания немецких дворов, как единственно согласованную с их действительными интересами и в то же время способную осуществить желание России, так как она позволяет им взять на себя посредническую роль. Но этот нейтралитет не должен быть неопределенным, временным или выжидатель-

ным, иначе он будет почитаться враждующими сторонами, и особенно Россией, как враждебный. Поведение немецких держав должно, наоборот, опираться на основные принципы (Священного союза), неоднократно обеспечивавшие всеобщий порядок и международный мир. Они должны быть готовы защищать эту политику с оружием в руках. Если бы одна из двух морских держав (Франция) замыслила или произвела нападение на Германию, то другая (Англия) должна была бы немедленно изменить свое поведение. Во всяком случае, если бы такое событие наступило, Россия была бы готова защищать Германию всеми своими силами.

Это предложение было сначала в Берлине, а через несколько дней и в Вене — отклонено. Мантейфель, разыгрывавший тогда еще роль независимого государственного мужа, телеграфировал в Петербург, что Россия, хотя и заявляет наперед о том, что не нуждается в помощи Пруссии, однако косвенно домогаются этой помощи своим требованием трюйственного союза. «Что касается революционного духа, которого Россия не боится, Пруссия также умиривала его, не обращаясь к иностранной помощи». Независимый министр, который «спас» Пруссию, став во главе контр-революции, не может скрыть своего огорчения по поводу того, что Пруссия, не имевшая Венгрии, ставится на одну ступень с Австрией.

В то время как Пруссия так хвалится своей безопасностью, другие документы, на которые намекается в памятной записке, доказывают, что в последних числах февраля Австрия передала Пруссии проект конвенции между четырьмя державами. Пруссия отклонила эту конвенцию в депеше от 5 марта. Все же характерно для этой державы, что правительство Фридриха-Вильгельма IV одновременно заявило, что оно считает единение четырех держав лучшим средством для благоприятного разрешения кризиса. Вследствие этого и Австрия вынуждена была отбросить эту конвенцию, которая должна была положить конец двусмысленной позиции обеих немецких держав.

Прусская депеша от 16 марта содержит следующий пункт: «Прусский кабинет с интересом ознакомился с мерами, принятыми Австрией для охраны своих интересов на юго-восточных ее границах. Конечно, Пруссия, подобно всем остальным германским государствам, будет отстаивать свою точку зрения. Это, однако, не должно служить препятствием для соглашения с Австрией. Наоборот, существует готовность к такому соглашению, поскольку дело идет об охране немецких интересов. Необходимо поэтому более подробное сообщение о том: 1) предполагает ли Австрия в интересах безопасности

собственных пограничных провинций занять в случае надобности прилегающие турецкие земли, 2) возьмет ли она эти земли в свое владение, как залог до восстановления мира, и, наконец, 3) будет ли она активно участвовать в войне?»

От ответа на эти различные вопросы зависело бы, сможет ли Пруссия определить, чего потребует охрана немецких интересов, и сможет ли она что-либо сделать, чтобы уменьшить давление *закадных держав* (не России!) на Австрию.

14 марта прусское и австрийское правительства разослали немецким дворам два совершенно противоположных друг другу циркуляра. Прусский циркуляр утверждает, что война будет иметь чисто местный характер. Австрия, наоборот, отстаивает ту точку зрения, что война может принять направление, которое отразится на ее собственном положении. Пока будут позволять обстоятельства, она в войне участия принимать не будет, но все же необходимо иметь ввиду и возможность такого участия. Интересы, о которых идет в данном случае речь, имеют значение и для немецких государств. Императорский кабинет рассчитывает поэтому, что в этом случае Пруссия и все другие немецкие государства соединят свои боевые силы с австрийскими. Германский союз должен тогда показать, что он, несмотря на свою оборонительную позицию, готов играть в этом вопросе и активную роль. Австрия выпустит новую декларацию, как только война между западными державами и Россией будет действительно объявлена. Если есть вообще средство для предотвращения роста опасностей, угрожающих теперь Европе, то оно заключается только в совместных действиях Австрии и Пруссии, к которым должны были бы примкнуть их германские союзники. В отчете приводится не лишенный интереса меланхолический ответ Мантейфеля на вопрос членов комитета: Россия ни в какой форме не сообщала прусскому правительству о своих проектах раздела.

Наконец, из этого документа мы узнаем, что мошенническим фокусам венских конференций все еще нет конца. Напротив, он констатирует, опираясь на авторитет прусского премьера, что предполагается составить новый протокол, в котором *«было бы закреплено прочное единомыслие четырех держав»*.

Цены на хлебном рынке снова поднимаются. Причиной их недавнего падения во Франции и Англии были затруднения спекулянтов, которые ввиду отсутствия достаточного капитала и напряженности денежного рынка были вынуждены сделать крупные продажи, что переполнило хлебный рынок. Другой причиной было то обстоятельство, что торговцы, мельники и булочники решили истратить

свои запасы, поверив слухам, что в европейские порты направлены громадные грузы хлеба. Поэтому я полагаю, что цены еще далеки от своего максимума. Несомненно, ни в один из предшествующих годов не было таких ошибочных и обманчивых спекуляций на вероятных и возможных запасах хлебного рынка, как в этом году, иллюзий, вдохновляемых до известной степени ханжеством фритредерских газет.

ПРУССКАЯ ПОЛИТИКА.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Политика, преследуемая Пруссией среди все еще царящего в Европе хаоса, вызвала в английских и французских газетах недружелюбные и резкие комментарии. Газеты в данном случае солидарны с западной дипломатией, главная цель которой теперь вовлечь Пруссию активно в крестовый поход против России. При этом пускаются в ход всякие средства: уговоры, угрозы войной, революцией и все прочее, что может испугать или застрашать боязливое правительство. Как бы Пруссия ни поступила под давлением событий или крайней необходимости, уместно уже сейчас произвести анализ теперешнего положения вещей, что мы в нижеследующем и делаем.

Обычно придается большой вес близким родственным отношениям между берлинским королевским домом и царем; мы, однако, совсем не можем придавать такой чрезмерной важности этой тесной связи. Между теперешним королем и царем Николаем, любимцем покойного отца короля, уже более тридцати лет нет дружественных чувств. Еще будучи кронпринцем, Фридрих-Вильгельм даже покинул Берлин, когда там появился его царственный шурин. Со времени же занятия им престола целый ряд событий, которые здесь скучно перечислять, содействовал скорее усилению, чем ослаблению отчужденности обеих сторон. Кроме того, уже стара истина, что семейные связи государей никогда не нарушали и не могли нарушить хода событий и требований политики.

Не надо ходить далеко, чтобы иллюстрировать это на примере: отделение, например, Бельгии от Голландии осуществилось, несмотря на то, что Оранский дом был связан с Пруссией и Россией разными браками и другими семейными узами. Все эти связи были слишком слабы, чтобы сохранить за ним бельгийскую корону.

Почти никогда монархи не вели войн из-за принципов или ради того только, чтобы предотвратить далекую или близкую опасность. Они это делают всегда ради непосредственных интересов и непосредственных выгод. На монархов часто также оказывают влияние известные традиции, особенно такие, которые глубоко коренятся в умах

господствующего класса данной нации. В Пруссии господствующим классом является военный, и страна гордится тем, что она называется военным государством. Несмотря на все противоположные утверждения, три четверти этого класса, поскольку он представлен генералами, полковниками, майорами и прочими офицерами, живо помнят еще национальные победы 1813 — 1815 годов; все высшее офицерство сражалось тогда бок-о-бок с русскими против французов, к которым они и теперь не питают симпатий. И было бы трудно, если не невозможно, заставить их отказаться от этого пристрастия. В прусской армии господствует действительно дух недоверия, если не ненависти, к французам. Еще недавно граф Дона, военный патриарх Пруссии, публично выразил эти чувства и встретил при этом живое одобрение многочисленного офицерского корпуса, большая часть которого очень далека от вражды к русским. Недаром генерал фон-Гесс, посланный недавно из Австрии в Берлин для заключения военной конвенции, сказал, — если верить слухам, — что он «нашёл в Берлине Россию».

В самом народе еще до сих пор рассказывается о подвигах французского похода и поются песни тогдашнего времени. Театр также временами услаждает еще публику пьесами, в которых речь идет об угнетении Францией, чем снова разжигается национальная вражда. Поколение зрелых мужчин и женщин, имеющих теперь лет по пятидесяти и воспитанных в период наполеоновских войн или в ближайшие после них годы, обычно не говорит по-французски, потому что в то время язык этот был почти совершенно изгнан из общественных школ и даже из частного преподавания. Кроме того, Пруссия — т. е. Пруссия от правого берега Рейна до русских границ — живет в постоянном страхе потерять Рейнские провинции, обладание которыми, ради восстановления национальной границы, является страстной мечтой всякого француза, от крестьянина до императора. Если бы эта опасность стала действительно угрожающей, то только в русской помощи Пруссия нашла бы гарантию против ненасытного аппетита Франции.

В предстоящей войне Пруссия ничего не выиграет, но много проиграет, в особенности если она пустится в войну в такое время, как сейчас, когда исход ее так шаток и неопределенен. Западные державы не могут предложить Пруссии никаких положительных выгод, если она будет действовать с ними сообща. А если Франция, или ее правитель, потерпит — что возможно — поражение, то это событие радостно приветствовали бы в Берлине, где Бонапарты ненавидят от всего сердца.

Польская приманка, выкинутая для Пруссии недавно Наполеоном, не привлекает последнюю. Она едва может справиться даже с той частью польской территории и населения, которыми теперь владеет. Пруссаки ненавидят и презирают поляков, и существует общее нерасположение к новым, сверх прежних, приобретениям в этой области. С другой стороны, распадение Турции не грозит Пруссии никакой опасностью, хотя и пользы из этого она извлечь тоже не сможет. Австрия, конечно, ничего бы не возражала против приобретения Боснии, Герцеговины и Сербии; но где на европейской карте найдет себе компенсацию Пруссия?

Пруссия, раскинувшаяся по Германии, как длинная посередине перевязанная колбаса, имела бы, конечно, сильнейшее желание проглотить Ганновер или Саксонию, если при всеобщем мировом пожаре эти две страны дрались бы на другой стороне. Ганновер она уже однажды получила, почти с благодарностью, от Наполеона, мечта же ее о Саксонии была обманута в 1815 году в Вене, когда Франция и Англия заявили протест, а Австрия противодействовала тайно. Эта держава будет всегда какой угодно ценой сопротивляться всякому расширению Пруссии в Германии. Это в Берлине очень хорошо знают, и потому там не очень жаждут связать между собою судьбы обоих государств. По всем этим основаниям берлинскому кабинету незачем спешить кидаться в войну, не обещающую никаких компенсаций. Королевство это от природы не богато, но сделалось таковым, благодаря прилежанию, труду и бережливости. Эти благодетельные результаты, которые может дать только мир, могут быть и будут уничтожены неудачной войной. Уже теперь вся экспортная торговля России и почти вся ее импортная торговля ведется по прусским каналам; если война затянется, то беднейшая часть Пруссии, граничащая с Литвой, точно так же будет пожинать плоды нейтралитета и, благодаря создавшимся новым торговым отношениям, достигнет такого процветания, о каком и не мечтала.

Как проявляет себя национальное прусское настроение в отношении к настоящему случаю, об этом лишь с трудом можно судить по различным, друг другу противоречащим данным. Из дебатов прусской палаты нельзя сделать каких-либо определенных выводов. Так называемая партия Бетман-Гольвега (называемая так по своему вождю), пользующаяся такой любовью английской прессы, состоит преимущественно из зажиточных буржуа и выскочек. Это — бесильная «золотая середина» и, в известном смысле, слабая копия прославленных французских доктринеров. Многие из них презирают старое дворянство, господствующее ныне над правительством; они

жаждут власти, но когда они ее получают, то, — так же, как в 1848 и 1849 годах, — будут гнуть спину перед двором и военной аристократией. Когда они недавно выступали против предложенного правительством займа, то у этой «золотой середины» нехватило мужества поддержать ясную антирусскую резолюцию, предложенную Финке, лидером двух десятков левых; она благоразумно предпочла спрятаться за ворохом пустых общих фраз.

Бетман-Гольвег и его сторонники — сильнее всего в Рейнских провинциях, которые он и представляет. Несомненно, интересы левого берега Рейна тяготеют к связи с Францией. Этот берег богат углем и железом; уже сейчас эти залежи эксплуатируются в значительной мере французским капиталом; они стали бы гораздо ценнее от присоединения к Французской империи. Но Пруссия затратила миллионы и миллионы, чтобы превратить Дюссельдорф и Кобленц в первоклассные крепости и едва ли она легко расстанется с этими провинциями. Крупные бумагопрядильные, шерстяные, шелковые и льнопрядильные фабрики расположены главным образом на правом берегу Рейна; они уже теперь с успехом конкурируют с французскими и английскими фабрикатами и при случае вытесняют их с чужих рынков. Они ничего не выиграют от тесного объединения со своими торговыми конкурентами, но все проиграют.

Так эти противоречивые интересы, различные импульсы и настроения влияют на решения берлинского кабинета. Время покажет, как он справится с этим двойственным положением и не погибнет ли он в объятиях, одинаково для него опасных, Запада, Юга или Северо-востока Европы.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА БАЛТИЙСКОМ И ЧЕРНОМ МОРЯХ. — АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАЯ СИСТЕМА ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ.

Лондон, 23 мая 1854 г.

Наконец, мы можем дать описание геройского подвига британских смоленых курток [моряков].

Флот адмирала Немира разрушил после 8-часовой бомбардировки крепость Густавсвэрн (в переводе со шведского: твердыня Густава) и взял в плен гарнизон ее, численностью в 1 500 человек.

Это — первое серьезное нападение на императорские русские владения, показывающее, по крайней мере, по сравнению с сонливыми и тихими одесскими операциями, что Чарльз Немир, поскольку это для него возможно, не склонен рисковать своей репутацией и славным именем своей фамилии. Форт Густавсвэрн находится на крайней оконечности полуострова, образующего юго-западный угол Финляндии, около маяка Гангеуд (Hangöudd), хорошо известного всем морякам, плавающим вверх по Финскому заливу. Его военное значение невелико, он защищает совсем небольшой водный и сухопутный район, и наступающий флот мог бы его без риска оставить у себя в тылу. Сам по себе форт не может быть велик, что доказывается численностью его гарнизона. Пусть нас, однако, простят, если мы отложим тактическую оценку этого дела до тех пор, пока будем иметь в своем распоряжении более подробные сведения. Ведь в самом британском адмиралтействе и в военном министерстве царит блаженное неведение о действительной силе и значении балтийской береговой обороны России.

Пока мы можем только сказать, что 8-часовая продолжительность обстрела свидетельствует о храброй, если не сверхъискусной, защите со стороны русских и заставляет ожидать от них еще значительно более упорного сопротивления при защите первоклассной крепости в этом же морском заливе. С другой стороны, эти 1 500 военнопленных не составляют для России сколько-нибудь значительной потери (они равняются средней двухдневной потере от болезней на Дунае). Немиру же они доставят много затруднений. Что ему с

ними делать? Он их не может отпустить ни на честное слово, ни без честного слова, и ему некуда отправить их, кроме Англии. Для того же, чтобы обеспечить перевозку 1 500 человек, ему потребуется по меньшей мере три линейных корабля или вдвое больше паровых фрегатов. Таким образом последствия его победы парализовали бы его на 2—3 недели. И, наконец, как сможет он, не имея десантных войск, занять завоеванную территорию? Это он может сделать, лишь ослабив свой, и без того слабо обеспеченный людьми, флот, т. е. сократив на определенное число контингент матросов и морских солдат на каждом корабле. Вопрос этот вызвал сейчас очень оживленную дискуссию в британской прессе, конечно, как всегда, слишком запоздалую.

Внезапно британская пресса открыла, что флот, как бы силен он ни был, имеет довольно ограниченную ценность, если у него нет на борту войск, могущих высадиться на суше и закрепить победу, для чего одних судовых выстрелов по береговым укреплениям даже и в лучшем случае далеко не достаточно. Получается впечатление, что идея эта никогда не приходила в голову ни официальным руководителям войны, ни тем, кто официально оказывает воздействие на английское общественное мнение. Но все имеющиеся в распоряжении войска и транспортные средства уже направлены в Черное море; вся же сухопутная сила, предназначенная для Балтийского моря, состоит всего из одной бригады в 2 500 человек, из коих ни один еще не отправлен, так как и штаб еще совершенно не организован.

Французы, с своей стороны, тоже самым жалким образом ковыляют позади. Их восточно-морской флот — вспомним напыщенные слова секретаря Дюка: «Ваше величество приказало снарядить третий флот; приказание вашего величества исполнено!» Эта великолепная армада, которая должна была быть готовой к отплытию в середине марта и насчитывать десять линейных кораблей, в действительности никогда не имела больше 5 линейных кораблей, которые и ползут теперь вдоль Большого Бельта с некоторым числом мелких кораблей и одним фрегатом. Чтобы достигнуть его, ей понадобилось от Бреста целых три недели, хотя все время дули западные ветры. Большой лагерь у Сент-Омера, в котором должны были находиться 150 000, а в случае нужды — даже и 200 000 человек, предназначенные для балтийской экспедиции, существует на бумаге уже три-четыре недели, а на самом деле туда и по сей день не стянуто ни одной бригады. А между тем французы могли легко достать 10 — 15 000 человек из своих береговых гарнизонов, не производя большого шума напыщенно-театральными, демонстративными полевыми лагерями. Но где же взять транспортные средства? Пришлось бы заарендовать британские

коммерческие суда, а при средней скорости французского флота им понадобилось бы от четырех до шести недель, чтобы одному за другим достичь цели — театра военных действий; но где могли бы войска высадиться, сплотиться в бригады и дивизии, организоваться генеральный штаб и интендантство? Вот тот порочный круг, в котором вертятся союзники. Чтобы иметь возможность сделать высадку в восточном море, им необходимо завоевать раньше остров или полуостров, где они могли бы сконцентрироваться и сорганизоваться для нападения; а чтобы осуществить это неизбежное предварительное условие, они должны иметь на месте сухопутные силы. Если только у них будет хороший адмирал, понимающий в сухопутной войне настолько, чтобы управлять сухопутными силами, то они легко смогут выпутаться из этих тисков; в Чарльзе Непире они имеют такого адмирала, ибо он уже много воевал и на суше. Но трудно ожидать, что будет достигнуто единство там, где над всем главенствуют Эбердины и Пальмерстоны, где в дела армии вмешиваются четыре различных министерства, где армия и флот живут в вечной между собою вражде и где должны совместно выступать английские и французские боевые силы, соперничающие друг с другом из-за славы и почестей.

Таким образом до конца июня для Балтийского моря не может быть подобрана сколько-нибудь значительная армия; и если в течение четырех месяцев война не закончится и мир не будет заключен, то придется отказаться от всех завоеваний, — увести обратно или бросить войска, орудия, корабли, провиант, и русские опять на семь зимних месяцев останутся хозяевами всей приморской области. Отсюда ясно, что в текущем году не может быть и речи о каких-либо серьезных и решительных наступлениях на прибалтийские области России. Слишком поздно! Разве только если Швеция присоединится к западным державам; тогда у них будет операционный базис в восточном море, который даст им возможность вести зимний поход в Финляндии. Здесь перед нами опять порочный круг — правда, как и первый, порочный лишь для малодушных. Как можно ожидать от Швеции присоединения к этим державам, пока они на деле не убедят ее в серьезности своих намерений тем, что подвезут сухопутные силы и займут Финляндию? Но как, с другой стороны, послать туда эти силы, не обеспечив себе Швецию, как операционный базис?

Поистине Наполеон Великий, этот «убийца» стольких миллионов людей, с его быстрым, решительным и сокрушительным способом ведения войны, был образцом гуманности по сравнению с нерешительными, медлительными «государственными мужами», руководя-

пцами этой русской войной, которым, в конце концов, ничего не остается, как принести в жертву еще гораздо больше людей и денег, если только они и в дальнейшем будут действовать, как до сих пор.

Если мы теперь обратимся к Черному морю, то увидим, как соединенные флоты забавляются перед Севастополем невинной стрельбой в мишень на далекое расстояние — в два жалких внешних укрепления этой крепости. Эта невинная игра велась, как нам сообщают, большинством судов в течение четырех дней, и так как у русских было годных к плаванню лишь 12 линейных кораблей, то они в течение всего этого времени не показывались из гавани, к великому удивлению адмирала Гамелена (см. отчет его с 1-го по 5-е мая). Этот герой-моряк, правда, достаточно стар, чтобы вспомнить то время, когда французская эскадра не только была под блокадой значительно более слабого английского флота, но даже подвергалась нападению в гаванях. На самом деле, было бы странно ожидать, что более слабый русский флот покинет Севастополь для того, чтобы быть рассеянным и потопленным вдвое большим числом кораблей и, таким образом, искупить «отвратительное синопское преступление».

Тем временем два линейных корабля (винтовых парохода) и семь паровых фрегатов находятся на пути в Черкесию. Они были назначены для разведок у берегов Крыма с тем, чтобы после этого разрушить форты на черкесском побережье. Однако в этом направлении должны были участвовать лишь три паровых фрегата, другим же четырем было предписано вернуться, как только они сделают основательную рекогносцировку Крыма. Но, сколько мы знаем, три форта, еще занятые русскими на Кавказском побережье — Анапа, Сухум-Кале и Редут-Кале, — довольно сильно укреплены и построены на высотах, господствующих над открытым морем (за исключением Редут-Кале). Сомнительно поэтому, чтобы посланных сил было достаточно для выполнения этих заданий, тем более, что при них нет десантных войск. Эскадра, под командой контр-адмирала Лайонса, должна также вступить в связь с черкесами, в особенности с вождем их Шамилем. О чем Лайонс должен договориться с Шамилем, достоверно неизвестно; но одно несомненно, что он ему не может доставить того, в чем тот наиболее нуждается, т. е. оружия и боевых припасов; ибо на действующих военных судах нет лишнего места для подобных вещей. Два плохоньких коммерческих судна или шкуны, нагруженные этим драгоценным материалом, оказали бы гораздо больше услуг, нежели моральная, но, к сожалению, ничего не стоящая, поддержка пяти военных кораблей. Одновременно мы узнаем, что сюда же плывет турецкий флот, который везет необходимые для черкесов предметы

вооружения. Так одной и той же задачей занимаются два союзных флота, ничего не зная друг о друге. Чорт возьми, вот это называется единством плана и действий! В конце концов, один еще примет другого за русских, и для черкесов будет хорошим развлечением наблюдать, как обе эскадры обстреливают друг друга!

В это самое время союзные сухопутные войска братаются между собою по-своему в Скутари и Галлиполи, уничтожая огромное количество местного крепкого и сладкого вина. Те из них, которые остались случайно трезвы, занимаются постройкой полевых укреплений, так расположенных, что или на них никогда не будет нападений, или их никогда не будут защищать. Если бы кому-нибудь нужны были доказательства, что ни английское, ни французское правительства никогда не имели намерения хоть в малой степени причинить вред другу Николаю, то достаточно наблюдать времяпрепровождение войск, чтобы это ясно стало и слепому. Чтобы иметь предлог держать войска вдали от театра военных действий, союзное командование заставляет их строить непрерывную линию окопов поперек перешейка Фракийского Херсонеса. Всякий, в особенности всякий французский инженер, знает, что непрерывные защитные линии при полевых укреплениях негодны при всех обстоятельствах. Между тем англо-французскую армию в Галлиполи заставили все-таки рыть сплошные окопы в таком месте, над которым на две трети господствуют высоты, расположенные на той стороне, с которой ожидают неприятеля. Так как, однако, при всем старании продвигаться возможно медленнее, даже и при этой скорости улитки все же получается нечто вроде продвижения, то, по слухам, 15 000 человек отправляются в Варну, — а зачем? Чтобы умирать там от перемежающейся лихорадки и эпидемий.

Если бы эта война велась с каким-нибудь смыслом, то руководители ее должны были бы знать, что как раз турки не знают того искусства маневрирования в открытом поле, в котором такие мастера англо-французы. С другой стороны, они должны были бы знать, что турки настолько мастерски умеют защищать против штурмующих войск насыпи (валы), укрепления и даже бреши, что ни англичане, ни французы в этом не могут с ними состязаться. *Поэтому и потому* также, что Варна со своим турецким гарнизоном оказалась в состоянии сделать то, что до сих пор не удавалось ни одной крепости, — а именно, продержаться 29 дней, после того как *были сделаны в ее валах три бреши, удобные для штурма*, — именно *поэтому* из Варны берут полудисциплинированных турок и посылают их в открытое поле против русских; а в то же время хорошо вымуштро-

ванных французов, великолепно подготовленных для атаки, но совершенно непригодных для длительной обороны, посылают в Варну для защиты укреплений.

Из других сообщений видно, что все эти события — не более, как напускной туман. Подготавливаются-де крупные события. Вовсе не имеются в виду операции союзных войск в Балтийском море; наоборот, они должны при содействии флотов совершать геройские подвиги в тылу у русских. Они должны высадиться в Одессе, отрезать врагу отступление и в тылу у него соединиться с австрийцами в Трансильвании и, кроме того, послать части на Кавказ. Наконец, они должны выделить 15—20 тысяч человек для атаки Севастополя с суши, в то время как флоты будут брать гавань. Стоит бросить взгляд на прежнюю историю войны и предшествовавшие ей дипломатические переговоры, чтобы ясно стало происхождение этих слухов. Они пошли из Константинополя сейчас же по прибытии туда маршала Леруа, обычно называемого Сент-Арно. Кто знает прежнюю историю этого достойного господина, тот в этих похвальбах узнает опять человека, добравшегося до высокого чина, несмотря на то, что в качестве армейского офицера он трижды был отрешен от должности.

Резюмирую вкратце все военное положение. Англия и, в особенности, Франция вынуждены «неизбежно», «хотя и искусно сопротивляясь», держать большую часть своих сил на Востоке и на Балтийском море, т. е. на двух выдвинутых флангах военной позиции, наиболее близким центром которой является Франция. Россия жертвует своим побережьем, флотом и частью армии для того, чтобы окончательно вовлечь западные державы в это антистратегическое движение. Как только это случится, как только должное число французских войск будет заслано в отдаленные страны, так сейчас же Австрия и Пруссия объявят себя сторонниками России и с большими силами начнут наступление на Париж. Если этот план удастся, то у Луи-Наполеона не будет никаких сил, чтобы устоять перед этим ударом. Но есть одна сила, которая может «мобилизоваться» при всяких неожиданных событиях и которая может также «мобилизовать» и Луи Бонапарта и его продажных слуг, как она уже ранее «мобилизовала» многих правителей. Эта сила сумеет оказать сопротивление всем этим вторжениям: она уже однажды показала это объединенной Европе. И эта сила, — революция, — будьте покойны, не заставит себя ждать тогда, когда ее действие потребуется.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АНГЛИЙСКОЙ АРМИИ. — ТАКТИКА. — ОБМУНДИРОВАНИЕ. — ОРГАНИЗАЦИЯ СНАБЖЕНИЯ И Т. Д.

Лондон, 26 мая 1854 г.

Если Восточная война даже ничего не даст, то она, по крайней мере, рассеет добрую половину военной славы покойного герцога Веллингтона. Кто знал Англию еще при жизни этого слишком переоцененного полководца, тот вспомнит, что в те времена считалось оскорблением английской нации, если говорили даже о Наполеоне, как о солдате, хоть наполовину равноценном «железному герцогу». Теперь он умер и похоронен, этот знаменитый герцог, которому, как это по крайней мере считалось общепризнанным, принадлежало господство в британской армии в течение последних сорока лет. Не было еще другого человека, который пользовался бы в должности военачальника большей независимостью и безответственностью, чем он. «Герцог» был сверхавторитетом, которому в области его деятельности не смели противоречить ни король, ни королева. «Железный герцог» умер, вкусив в течение долгих лет все уготованные для счастливых посредственностей почести и радости, столь резко контрастирующие с трагическими потрясениями, обычно неразлучными с жизненным поприщем гениальных натур (пример — Наполеон). Командование британской армией перешло в другие руки. Года через полтора после его смерти британская армия должна была выступить против русских, и тут, еще до посадки первого полка на пароход, обнаружилось, что «железный герцог» оставил армию в состоянии, непригодном для какой-либо действительной службы.

Несмотря на свой, в общем, здоровый английский ум, «герцог» во многих отношениях был человеком узких, ограниченных понятий. Хорошо известно, как несправедливо отзывался он о роли своих немецких союзников в исходе битвы при Ватерлоо, приписывая себе всю славу победы, которая, без своевременного прихода Блюхера, превратилась бы в поражение. Он упрямо отстаивал все бессмысленные обычаи и нелепости, творившиеся в английской армии, и всем критикам отвечал, что «все эти обычаи и нелепости сделали нас по-

бедителями в Испании и Португалии». С этим вполне гармонировало его консервативное мнение, что известная степень традиционной нелепости и коррупции необходима, чтобы «бесспорно наилучшая» из всех конституций функционировала правильно. Но умея уступать в серьезных вопросах политического характера в критические моменты, он тем упрямее цеплялся в военных делах за устарелые идеи и традиционные пошлости. За всю его жизнь в британской армии не было введено ни одной сколько-нибудь серьезной реформы, если не считать чисто технических усовершенствований в артиллерии. Ибо здесь просто невозможно было совершенно игнорировать быстрые успехи машинной индустрии и технических наук. В результате английская армия, обладая лучшим артиллерийским материалом в мире, имеет такую же тяжеловесную организацию артиллерии, как и других родов оружия, а по обмундированию, снаряжению и общей организации английская армия не может указать ни одного пункта, в котором она не оставалась бы позади всех цивилизованных европейских армий.

Я должен снова обратить внимание ваших читателей на то обстоятельство, что у нас здесь руководство военными делами не сосредоточено, как в других странах, в одном каком-либо ведомстве. Таких ведомств имеется четыре, и все они, обладая полной независимостью, мешают друг другу. Есть военный министр — просто казначей и счетовод. Есть главнокомандующий, которому подчинены пехота и кавалерия. Есть начальник артиллерии, командующий артиллерией и номинально ведающий всеми военными материалами. Далее, есть еще министр колоний, распоряжающийся войсками в разных колониальных владениях и снабжением их военным снаряжением. Наряду с ним есть еще интендантство или департамент по провиантским делам и, наконец, для войск в Индии — главнокомандующий индийской армии. Лишь после смерти герцога бессмысленность таких порядков стала предметом публичного обсуждения, а еще в 1837 году доклад по этому поводу парламентской комиссии был, благодаря авторитету герцога, отложен в долгий ящик. Ныне, с началом войны, этот недостаток чувствуется всеми; но от каких бы то ни было изменений отмахиваются, боясь именно этим окончательно нарушить порядок и правильность ведения дел.

В виде примера путаницы, какая создается такой системой, я уже как-то указывал, что нельзя найти и двух предметов, за которыми воинская часть не должна была бы обращаться к различным, друг от друга независимым начальствам. Снаряжение выдается полковым командиром, а щинели — артиллерийским ведомством;

портупелями и ранцами снабжает главнокомандующий, а огнестрельным оружием — опять артиллерия. Все колониальные военные чины, начальники артиллерии, заведующие магазинами и интенданты более или менее независимы друг от друга и в то же время несут ответственность перед различными, тоже друг от друга независимыми чинами в метрополии. Кроме того, сохранилось еще безобразие в виде «обмундировочных полковников». Всякий полк имеет офицера, носящего титул полковника, на обязанности которого лежит добыть от казны для обмундирования своего полка известную сумму, из которой он, однако, тратит только часть. Остальное берется им в награду за хлопоты.

Затем эта торговля офицерскими должностями, благодаря которой все высшие и военные посты в армии сохраняются почти исключительно за аристократией! После немногих лет службы в качестве лейтенанта, полковника и майора всякий офицер имеет право при первой освобождающейся вакансии купить себе следующее высшее место, за исключением случая, когда на ту же должность претендует другой офицер, в том же чине, но старший по службе. Таким образом человек, обладающий свободными деньгами, может быстро продвигаться вперед потому лишь, что люди с большим сроком службы не имеют возможности купить себе должности. Ясно, что такая система сильно сокращает круг способных людей в среде, из которой рекрутируется офицерский корпус. И так как движение по службе старших офицеров зависит почти исключительно от старшинства или аристократических связей, то этим ограничением неизбежно устраняется от высших командных должностей много талантливых и знающих людей. Несомненно, что этой системе надо главным образом приписать вопиющую невежественность большинства британских офицеров в общих и более специальных областях военной науки.

Число офицеров непропорционально велико по отношению к числу солдат. Нигде нет такого избытка золотых галунов и эполет, как в британском полку. Поэтому офицерам нечего делать, а так как занятие какой-нибудь серьезной наукой противоречило бы их «корпоративному духу», то они проводят свое время во всяких сумасбродных проделках, — убежденные, что когда действительно придет война, то они сумеют преодолеть все трудности одной природной храбростью и «уставом ее величества». Когда формировали лагерь в Кобгеме, неспособность большей части офицерства стала очевидна для всех тех, кто может судить о маневрах хоть немного основательнее бедных репортеров, этих истинных детей Лондона, удивлявшихся всем подробностям впервые виденного ими непривычного зрелища.

Система обучения и строевой устав в высшей степени устарели,

Маневры чрезвычайно тяжеловесны, ибо все движения войск запутаны, медленны и педантичны. Старая система движения шеренгами, удержавшаяся, как главная форма всех тактических маневров, в английской армии дольше, чем в австрийской, при благоприятных почвенных условиях представляет хорошо известные преимущества, но эти преимущества уничтожаются многими обстоятельствами, а, главное, самая система применима лишь в исключительных условиях. Система развертывания в колонны, особенно ротами, принятая в лучших армиях континента, гарантирует гораздо большую подвижность, а когда нужно, столь же быстрое построение линий.

Снаряжение английского солдата сделано из хорошего материала отличной выработки, но оно во многих случаях испорчено старомодными узаконениями. Старые, крупно-калиберные, гладко просверленные ружья хорошо сделаны, но они гораздо тяжелей, чем нужно. Старая брауншвейгская винтовка была в своем роде хороша, но она превзойдена лучшим оружием. Недавно введенная винтовка Причарда, считающаяся улучшением французской винтовки Минье, повидимому, будет превосходным оружием, но она была лишь после жестокой борьбы навязана руководящим кругам. И сейчас в деле введения нового вооружения господствуют такая бессистемность и беспорядочность, что иногда одна половина полка имеет старые ружья, а другая — винтовки, чем совершенно нарушается единство вооружения. Кавалерийские сабли хороши и их клинки более пригодны для рубки и колотья, чем в войсках континента. Лошади тоже первоклассные, но всадник и вооружение слишком тяжелы. Полевая артиллерия обладает лучшим в мире и во многих отношениях удивительно упрощенным материалом, но она слишком разнообразна по калибру и тяжести пушек, вызывая этим самым чрезмерное разнообразие зарядного материала.

Но самое большое зло, это — обмундирование и общее снаряжение английского солдата. Высокий, узкий, твердый воротник вокруг шеи; тесная, узкая куртка с фалдочками, плохо скроенные, неудобные, узкие штаны, гнусного вида шинели, отвратительное кепи или кивер, целая путаница ремней и поясов для ношения амуниции и портупей, какой нет даже в прусской армии. Обо всем этом так много писалось в последнее время в ежедневной прессе, что достаточно только упомянуть об этом. Не следует к тому же забывать, что при таком как будто нарочно придуманном неудобном обмундировании британскому солдату приходится нести на себе гораздо больший груз, чем какому-либо другому. И как будто для того, чтобы возвести тяжеловесность в высший принцип армии, ее еще обременили

таким огромным обозом, какого нет ни в какой другой армии. Во многом тут повинна неуклюжесть интендантских учреждений; но такие полковые обозы и такое обилие офицерского багажа можно встретить разве только в Турции или Индии.

Посмотрим теперь, как действовала эта армия, когда войска прибыли в Турцию. Французские солдаты, в военный режим которых были введены все улучшения, полученные из опыта алжирского похода, высадились лишь тогда, когда предварительно с удобством устроились. Они принесли с собою, хотя и немного, но все, что было им необходимо. А то, чего им нехватало, они быстро пополнили с врожденной французскому солдату ловкостью. Даже при мошеническом правительстве Луи Бонапарта и Сент-Арно эта система действовала довольно безукоризненно. А англичане! Они пришли в Галлиполи раньше, чем прибыли их провиантские запасы; прибыло их вчетверо больше того количества, какое мог обслуживать лагерь; ничего не было приготовлено для их высадки с кораблей, не было передвижных пекарен, не было действительно ответственной администрации. Сыпались приказы и контр-приказы, противоречившие друг другу самым ужасающим или, вернее, смехотворным образом. Какой-нибудь старый сержант или капрал, который отлично умел устроиться где-нибудь в кафрских лесах или в горячих низинах Инда, здесь чувствовал себя беспомощным. Все те улучшения в армии, которые удавалось когда-либо ввести отдельному колониальному командующему, имели значение только для данного похода; лишь только отдельные полки снова расходились в разные стороны, в свои права снова вступал старомодный устав ее величества, и весь приобретенный в походе опыт пропадал даром.

Такова эта прославленная система, за которую с железной цепкостью держался «железный герцог» потому лишь, что с нею он побил на Пиренейском полуострове наполеоновских генералов. Английский солдат, зашнурованный в кожаную кирасу, влекущий на себе по болгарским степям 60 или 70 фунтов груза, часто едва волочащий ноги из-за припадков лихорадки, плохо снабжаемый нерадивыми и неумелыми интендантскими офицерами,—этот солдат может действительно гордиться своим «железным герцогом», наградившим его этими благодеяниями.

Эти плачевные последствия, необходимо вытекающие из законстеной системы герцога, еще более усиливаются олигархическим характером английского правительства. Важнейшие должности вручены людям, поддержка которых в парламенте, быть может, и необходима для клики карьеристов, стоящих в данный момент у вла-

сти, но которые лишены самых элементарных знаний и способностей. Возьмем для примера г-на Бирнеля Осборна, секретаря артиллерийского ведомства при коалиционном министерстве. Назначение г-на Бирнеля Осборна было уступкой мэйферовским радикалам, представленным в министерстве сэром В. Мольсвортом, этим «скромным» издателем сочинений Гоббса. Г-н Бирнель Осборн «подбирает остроты, как голуби горох, и рассказывает их, когда это угодно Юпитеру. Он разносит повсюду остроты, сбывая свой товар на церковных праздниках, попойках, собраниях, площадях и базарах». Но хотя он и промышляет в розницу дешевыми остротами, он все же вряд ли в состоянии отличить старый мушкет от винтовки Минье. И, тем не менее, он — ее величества парламентский секретарь артиллерийского ведомства.

Вы, вероятно, припоминаете, что несколько времени тому назад он ходатайствовал перед парламентом об ассигновании этому ведомству средств на производство нужного для армии и флота мелкого огнестрельного оружия. Он утверждал, что в Соединенных Штатах Америки на казенных заводах оружие обходилось дешевле, чем на частных, и что [в Англии] в некоторых случаях происходили уже серьезные затруднения оттого, что по контрактам оружие сдавалось несвоевременно.

По докладу г-на Мунца вотум палаты был отложен, пока комиссия не разрешит вопроса «об изыскании наиболее дешевого, быстрого и удовлетворительного пути для обеспечения армии ее величества огнестрельным оружием». Отчет этой комиссии теперь опубликован, и что же, к каким она пришла заключениям? Что частные предприятия не могли своевременно выполнить заказов, потому что «принятый в артиллерийском ведомстве способ испытания сдаваемого оружия представлял собою сплошное крючкотворство, и потому еще, что принято было сдавать заказ на каждую из многочисленных составных частей ружья различным контрагентам». Отчет добавляет далее, что «ведомство едва ли имеет понятие как о цене, по которой в Америке изготавливается оружие, так и о степени применимости там машинного производства». И далее, «что едва ли оно [ведомство] когда-либо видело оружие, произведенное на казенных заводах названной страны». И наконец, мы узнаем из этого доклада, что «заводы, которые правительство предполагает построить, не смогут выпустить ни одного ружья раньше, чем через полтора года».

Приведенных выдержек из парламентского доклада достаточно, чтобы судить о служебной деловитости г-на Осборна, коалиционного секретаря по снабжению армии. *Ex ungue leonem* [по когтям узнаешь льва].

***«TIMES». — СОЮЗНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ АВСТРИЕЙ И ПРУССИЕЙ. — ПЕРЕПАЛКА В АНГЛИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ.**

Лондон, 30 мая 1854 г.

«Times» очень возмущен приказом британского генерала, запрещающего его «собственному корреспонденту» сопровождать английскую армию. Если бы эта война была войной, серьезно ведущейся, то было бы глупо что-либо возражать против этой меры. Еще герцог Веллингтон неоднократно жаловался в своих депешах, что Наполеон черпает сведения о его, Веллингтона, намерениях из столбцов английских газет, пересылая потом эти сведения своим генералам в Испанию. Но при настоящей постановке дела у этого приказа может быть одна цель: оставить общество в неведении относительно предательских замыслов экспедиционного корпуса. Достойной парой к нему может служить приказ, изданный султаном под давлением героев 2-го декабря и оглашенный в мечетях, в котором туркам запрещается вести какие-либо политические разговоры. И в самом деле, почему турки в этом отношении должны быть в лучшем положении, чем сами англичане?

Во вчерашнем заседании Нижней палаты г-н Блекет запросил лорда Джона Росселя, гарантировала ли Англия в последнем Венском протоколе признание или санкцию первой статьи австро-прусского договора от 20 апреля 1854 года. Статья эта гласит: «Договаривающиеся державы взаимно гарантируют друг другу обладание их немецкими и не-немецкими землями, так что нападение на территорию одной из этих держав, откуда бы оно ни исходило, должно рассматриваться как враждебное нападение на территорию другой державы». Лорд Джон Россель ответил, что «в протоколе нет *прямого* признания или санкции этой первой статьи договора между Австрией и Пруссией». Прямое это или не прямое признание, но во французском «Moniteur» мы вчера прочли: «Последний Венский протокол связывает англо-французское соглашение для настоящей войны с австро-прусским договором на случай войны». Это значит, что этот протокол связывает настоящую англо-французскую войну против России с возможной австро-прусской войной за Россию и, во

всяком случае, является для Пруссии и Австрии гарантией со стороны западных держав в неприкосновенном обладании Познанью, Галицией, Венгрией и Италией. Лорд Джон Россель признается далее, что в этом протоколе «заключается тенденция к укреплению и сохранению основ, заложенных в венских протоколах, — именно, неприкосновенности Турции и эвакуации княжеств русскими войсками». В действительности это означает не что иное, как новое обязательство сохранить *status quo ante bellum* [положение как до войны]. Западные державы не могут похвалиться, что они этим протоколом добились каких-либо преимуществ над Россией. Ибо в австро-прусском договоре определенно сказано: «Наступательные или оборонительные действия со стороны обеих договаривающихся держав могут быть вызваны либо присоединением княжеств, либо нападением русских на Балканы или переходом их через Балканы». Оба эти условия явно продиктованы самой Россией. Ибо с самого начала она заявила, что в ее виды вовсе не входит присоединение княжеств: она лишь хочет сохранить их в качестве «материальной гарантии» удовлетворения ее требований. Равным образом никогда, при наличии французской армии в 80 000 человек, в военный план России не входил переход через Балканы. Ее единственной целью было лишь обеспечить для своей армии несколько укреплений на правой стороне Дуная, в качестве предмостных позиций, чтобы таким образом иметь постоянную и легкую возможность нападения на Болгарию. Заметим мимоходом, что «Times», ввиду этого протокола, довольствуется уже надеждою, что, по крайней мере, западным державам удастся таким образом склонить на свою сторону Австрию, так как Пруссия «заведомо» находится под командой «русских агентов». А «Morning Chronicle» сомневается даже в длительной приверженности Австрии.

Великий Наполеон принудил бы Австрию и Пруссию к открытому союзу с Россией; маленького же Наполеона Россия заставляет заключить с немецкими державами такой союз, который возможно дальше отодвигает его армию от операционного базиса.

Отвечая на запрос г-на Мюллингса, лорд Джон Россель заявил: «Франция выслала армию приблизительно в 6 000 человек, с приказом занять Пирей; равным образом английский пехотный полк, покинувший на прошлой неделе нашу страну, предназначен также для занятия Пирея». Эта мера вызвана тайным соглашением греческого правительства с Россией. Войска должны занять Афины только при наступлении известных событий. В сегодняшних французских газетах мы читаем: «Король Оттон принял ультиматум и

обещал вернуть министерство Маврокордато, если оккупация будет снята. В противном случае он решил перенести местопребывание своего правительства в глубь страны и туда стянуть свои войска». Что эта альтернатива была принята не совсем добровольно, видно из дальнейших заявлений лорда Джона Росселя. «Если, — сказал он, — греческий король не одобряет попыток своего народа пренебречь своими обязанностями перед нейтральной державой, то он найдет у посланных к нему войск защиту и все нужные средства, чтобы заставить свой народ соблюдать эти обязанности. Если же данные нам греческим правительством обещания окажутся неискренними, эти войска, быть может, окажут хорошие услуги другим путем».

Из этого можно сделать один вывод: что бы ни делало греческое правительство, Греция будет оккупирована.

«Times» с некоторым раздражением сообщает, что «в настоящий момент французские войска составляют большую часть гарнизонов Рима, Афин и Константинополя, этих трех великих столиц античного мира». Великий Наполеон имел обыкновение занимать столицы современного мира. Наполеон Малый довольствуется театральной видимостью величия, рассеивает свои армии в мелких странах и загоняет лучшие части своих войск в тупики.

Взятие обратно билля о предупреждении подкупов во вчерашнем вечернем заседании палаты дало повод к весьма забавной перепалке между маленьким Джонни, Дизраэли и Брайтом. Г-н Дизраэли заметил, что «правительство внесло за время сессии семь важных биллей. Из этих семи биллей на трех оно было побито, три билля были взяты им обратно, а на седьмом—министерство, достаточно уже наказанное, хотя и частично, также терпит поражение. Оно потерпело неудачу с биллем об изменении закона о положении бедных, с биллем о народном образовании в Шотландии и с биллем о перемене парламентской присяги. Им взяты обратно настоящий билль о предупреждении подкупов, очень важное мероприятие об изменениях в гражданской службе и проект парламентской реформы. Билль о реформе Оксфордского университета выйдет из палаты совершенно изуродованным».

Если у правительства не было надежды провести эти мероприятия, то ему и не следовало бы вносить соответствующие билли... Говорили, что у настоящего правительства не имеется принципов, но есть «все таланты», тогда можно было бы по крайней мере ожидать увеличения выгод для общества от такого героизма, поскольку каждый министр пожертвовал своими частными мнениями.

Ответ лорда Джона не стал менее слабым от того, что был сделан тоном большого раздражения. Он превозносил достоинства биллей,

как отвергнутых, так и взятых обратно. «Во всяком случае, — заявлял он, — палата была не за г. Дизраэли и его друзей. Г-н Дизраэли обвинял правительство в легковерии и потворстве в проводимой им внешней политике, но Дизраэли никогда не осмеливался узнать с мнения палаты по этому вопросу. Он делал вид, что не желает делать затруднения правительству в его приготовлениях к войне. Но тем не менее он выступал с предложением, лишаящим правительство средств к ведению войны. Однако предложение было отвергнуто большинством свыше чем в 100 голосов. В отношении евреев, защитником эмансипации которых г. Дизраэли себя выставляет, последний то поддерживал, то выступал против мероприятий по этому вопросу, в зависимости от условий момента.

Этот ответ вызвал по адресу бедного лидера палаты общин взрыв смеха с скамей его противников, еще больший, чем первый.

«Благородный лорд, — сказал г. Дизраэли, — кажется, думает, что я удивлен тем, что он не покинул свою должность. Напротив, я был бы чрезвычайно удивлен, если бы он сделал это (громкий смех). Потребуется много поражений, может быть еще более унижительных и еще более полных, чтобы он наконец почувствовал необходимость такого шага (аплодисменты). Я знаю слишком хорошо благородного лорда. Я слишком долго сидел против него. Я слишком часто видел его в подобном положении. Много раз приходилось мне наблюдать его опытность в искусстве терпеть величайшие поражения, и все же я его видел остающимся у власти с присущим ему патриотизмом и настойчивостью, которым нельзя слишком удивляться (аплодисменты и смех). В отношении войны правительство заявило, что оно выложит на стол все документы по этому вопросу, между тем как фактически оно скрывает наиболее важные из них, и страна оставалась бы в полном неведении относительно того, что происходит, если бы не разоблачения «С.-Петербургской газеты». После этих разоблачений лорд Россель должен был изменить свое мнение настолько, что уже не оставил места каким-либо предположениям, а прямо заявил, что правительство было виновно в легковерии и потворстве. Он теперь убедился в том, что давно уже было всеобщим мнением страны».

Затем г. Дизраэли принялся защищать правительство лорда Дерби и доказывать, что оппозиция лорда Джона была «мятежной». Лорд Джон принес большие жертвы: «Он расстался с своими ближайшими друзьями, чтобы вступить в лоно своих старых врагов, всегда отрицавших его способности и порицавших его карьеру. Он потерял доверие, могу сказать, порвал с той исторической партией, доверие которой для такого человека, как лорд Джон, было не менее ценно, чем

милость его государыни (аплодисменты). И для чего он это сделал? Потому что он был предан великим принципам и решился провести великие мероприятия. Но теперь, когда его мероприятия потерпели крушение, он все еще остается у власти».

«Что касается своего поведения в еврейском вопросе, то он [Дизраэли] определенно и категорически возражает против утверждения, сделанного благородным лордом».

Действительно, после выступления Дизраэли лорду Джону Росселю не оставалось ничего иного, как говорить о своем «несчастье» и выставлять продолжение коалиции как неизбежное зло.

Г-н Брайт выразил мнение, что «благородный лорд вышел с большим трудом из дискуссии. Состав правительства таков, что с самого начала своего образования оно ничего не могло совершить для своей страны. Он вспоминает об одном благородном джентльмене, члене палаты и большом друге лорда Джона и всего правительства, который говорил, что кабинет достиг бы замечательных результатов, если бы он смог избежать политики. Приблизительно так и случилось с тем курсом, который взяло правительство. По любому вопросу, исключая свободную торговлю, правительство оказалось неспособным ни посоветовать, ни руководить, ни контролировать палату. Совершенно очевидно, что благородный лорд, который из вежливости называется лидером палаты, на самом деле не руководил палатой, палата не идет за благородным лордом, и предлагаемые правительством мероприятия отвергаются самым бесцеремонным образом. Вы вовлекли нас в войну и вы же должны вывести нас из нее. Мы не хотим брать ответственности. Вот то положение, до которого довело правительство. В то время как оно взрывает и разрушает турецкие учреждения, оно также в известной степени взрывает и разрушает парламентскую систему нашей страны».

Можно спросить: для чего существует эта система? Вопросы внутренней политики нельзя поднимать, так как страна находится в войне. Но вследствие этого же нельзя касаться и военных вопросов. Для чего же тогда остается парламент? Старый Коббет раскрыл секрет: чтобы быть предохранительным клапаном для кипящих в стране страстей.

ЭВАКУАЦИЯ ПРИДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ

*** ОБРАЗОВАНИЕ ОСОБОГО ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В АНГЛИИ.—ЗАДЕРЖКА НА ДУНАЕ.—«ОРЕЛ, БУЛЬДОГ, ПЕТУХ И ЗАЯЦ». — ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.**

Лондон, пятница, 2 июня 1854 г.

Решение об образовании особого военного министерства уже принято, и весь вопрос теперь в том, кто будет выбран на этот пост. Герцог Ньюкестль, объединявший до сих пор в своем лице должности министров по колониальным и по военным делам, всегда проявлял большое нежелание отказаться от какого-либо из этих двух постов, и, судя по тону «Morning Chronicle», он хочет во всяком случае остаться во главе управления военным ведомством. «Times» в сегодняшнем номере в третий раз настаивает на назначении лорда Пальмерстона. «Лорд Пальмерстон был бы, конечно, более на месте в качестве военного министра, руководя вооруженными силами страны *против своего, можно сказать, старого врага, России*, чем занимаясь бесконечными препирательствами с приходскими собраниями и комиссиями по канализации. «Daily News» тоже рекомендует лорда Пальмерстона. Во вчерашнем номере «Morning Herald'a» появилось разоблачение всей этой интриги, принадлежащее перу г-на Уркарта. Как бы то ни было, это движение воды на Даунингстрите имеет больше значения для «войны», чем все военные демонстрации в Галлиполи или Скутари.

Вы, может быть, помните, какие надежды старались внушить публике на то, что энергичные шаги будут предприняты тотчас же после прибытия в Константинополь командующих экспедиционными отрядами. 18 мая маршал Сент-Арно, лорд Раглан и турецкий сераскир¹ отправились в Варну, где 20-го должно было состояться совещание с Омером-пашой и адмиралами. Вчера в Лондоне получено телеграфное сообщение, что «на военном совещании в Варне было решено двинуть союзные войска из Галлиполи в Адрианополь». Одновременно «Times» поместил у себя передовую, в которой изложен весь план кампании и сообщаются сведения о Варнской конференции. «Эта конференция, — говорит «Times», — происходила очевидно в тот самый

¹ Сераскир — военный министр в Турции. *Ред.*

момент, когда русские, под командой князя Паскевича, направляли свои ожесточеннейшие удары против крепости Силистрии, и поэтому начальники союзной армии могли скорее всего решить вопрос о мерах, необходимых для оказания помощи этому укрепленному пункту». *По тому-то* они и отдали приказ своим войскам двинуться из Галлиполи в Адрианополь, чтобы оказать помощь Силистрии; *по тому-то* они и пришли к следующему героическому решению: «Было бы нецелесообразно подвергать турецкую армию риску общего выступления для того лишь, чтобы отбить атаки русских на крепости, защищающие правый берег Дуная... как равно нецелесообразно и бросить значительную часть союзных армий на побережье для немедленного столкновения с передовыми русскими постами». Другими словами, союзные генералы решили никак не противиться энергичным попыткам русских взять крепости на правом берегу Дуная. «Times» признает, что такой план военных действий «может вызвать естественное нетерпение публики»; но, с другой стороны, газета уверяет, что «эти укрепленные пункты являются в действительности лишь внешними фортами Турции, отнюдь не составляя ее главной силы». Прежде нам говорили, что Молдавия и Валахия лишь *внешние форты* Турции и что последняя едва ли много потеряет, сдав их русским. Теперь мы узнаем, что Турция может так же спокойно отдать русским и Болгарии. «Балканы — вот настоящая твердыня Оттоманской империи, и русские ничего не выиграют от захвата, с тяжелыми жертвами, внешней линии укреплений, если новые препятствия, неизмеримо более грозные, будут вставать перед ними по мере их дальнейшего продвижения. Чем дальше они будут продвигаться в этой северной области Балкан, тем все больше будет ухудшаться их положение... Вторгающаяся армия истощает свою энергию в борьбе против укрепленных пунктов, расположенных по Дунаю, и разбросанных отрядов неприятеля; а между тем силы, защищающие главные позиции последнего, остаются сравнительно свежими и крепкими». Несомненно, если упитанные (beef-eating) союзники смогут только уклониться от встречи с неприятелем, их силы останутся совершенно свежими. Но что, если русские не станут продвигаться дальше в северной области Балкан, довольствуясь захватом крепостей, этих ключей к Болгарии, и занятыми княжествами? Как добиться тогда их эвакуации? «За линией Балкан европейская армия готовится к тому, чтобы в надлежащий момент *перейти в наступление* с неуправляемой силой, и заключительные месяцы кампании *должны* будут принести уничтожение неприятеля». Это неуправляемое наступление

будет, конечно, чрезвычайно обегчено переходом дунайских крепостей в руки русских, а то, чего не смогут добиться союзные армии, без всякого труда довершит *время года*.

«Moniteur» сообщает, правда, что Омер-паша готовится итти на помощь Силистрии. И «Morning Chronicle» недоволен цитированной только что статьей «Times'a»; он говорит: «Автор этого плана надеется вероятно на то, что австрийская дипломатия побудит тем временем царя увести свои войска обратно, после того как тот будет удовлетворен достигнутым без какого-либо сопротивления успехом; а, с другой стороны, быть может рассчитывают, что в случае дальнейшего продвижения русских на Балканах осуществится отдаленная возможность, предусматриваемая австро-прусским договором». Впрочем, «Moniteur» преподносит, как известно, свои новости так, чтобы поддерживать парижан в хорошем настроении; а форма, в какой «Chronicle» комментирует план «Times'a», только увеличивает вероятность того, что это и есть план коалиции. Такое предположение подтверждается и из других источников. Константинопольский корреспондент «Chronicle» замечает в своем сообщении от 18 мая: «Едва ли какая-нибудь кампания будет предпринята на Дунае в разгаре лета, потому что при этом погибло бы от лихорадки и болезней больше людей, чем от других причин». Кроме того министерский «Globe» напечатал во вчерашнем вечернем выпуске статью, проникнутую совершенно тем же настроением, что и статья «Times'a». «Globe» сообщает, во-первых, что в настоящий момент в Турции имеется «только» 45 000 человек союзных войск — 29 000 французов и 16 000 англичан; во-вторых, на следующем столбце говорится, что под Силистрией русские имеют только 90 000 человек, а численность действующей турецкой армии достигает 104 000 чел. И все-таки «Globe» полагает, что этой почти 150 000-й громады турецких, французских и английских войск недостаточно, чтобы не дать 90 000 русских взять болгарские крепости — не говоря уже о содействии, которое могли бы оказать союзникам три могущественных флота. «Globe» считает совершенно излишней какую бы то ни было борьбу турок или союзников против русских, ибо «против них борется время». Раскрывая план кампании, состряпанный союзными командующими, «Globe» идет даже дальше, чем «Times», говоря: «Какова бы ни была судьба дунайских крепостей, необходимо собрать надлежащие силы, чтобы сделать невозможным *дальнейшее* продвижение захватчика и покарать его за дерзкий натиск». Здесь перед нами ясное доказательство того, что в последнем Венском протоколе Англия и Франция присоединились к австро-прусскому договору.

Дунайские крепости и Болгарию решено отдать России, и поводом к войне может явиться только ее *дальнейшее продвижение*.

Когда 15 000 русских, захватив сперва Молдавию, перешли через Прут, Турции был преподан совет сидеть смирно, так как она все равно, мол, не сможет помешать этой чудовищной силе (в 15 000 человек) занять и Валахию. И русские действительно заняли Валахию. Когда Порта объявила войну, нельзя было начать никаких операций против русских, потому что была зима. С наступлением весны Омер-паша получил приказ воздерживаться от всяких наступательных действий, потому что еще не прибыли войска союзников. После их прибытия ничего нельзя было сделать, потому что уже наступило лето, самое нездоровое время года. Дождемся осени, и окажется, что «уже слишком поздно начинать кампанию». Этот метод «Times» называет комбинацией стратегии с тактикой: очевидно, сущность тактики газета усматривает в том, чтобы пожертвовать армией ради сохранения резервов в «свежем» виде. Заметьте при этом, что с того самого времени, как это надувательство происходит прямо на глазах у оппозиционных газет и у широкой английской публики вообще, «Morning Advertiser» и «Times» не перестают взапуски обрушиваться на Пруссию, на Данию и Швецию за то, что они не «присоединяются» к западным державам! Что мотивы, заставляющие все мелкие государства склоняться на сторону России, не лишены весьма серьезных оснований, — видно, например, из тона датских правительственных газет. Так копенгагенский корреспондент «Morning Chronicle» пишет: «Угроза, с помощью которой министерская партия держит в узде национальную партию, заключается в том, что Англия всегда была коварна по отношению к Дании и что если бы последняя присоединилась теперь к западным державам, то 100 000 пруссаков, может быть вместе с австрийским корпусом, опустошили бы Ютландию до самого Эйдера и заняли бы всю датскую территорию».

Коалиция могла ждать и наверное ждала, что за деликатные услуги — дипломатические, военные и другие, — оказанные ею «правому делу» России, она увидит хоть какую-нибудь благодарность со стороны самодержца. Вместо этого она получает от него больше пинков, чем это требуется обстоятельствами дела. Для иллюстрации того, как выражается это высокомерное презрение русского двора к своим мнимым противникам, я переведу вам басню одного безымянного российского Тиртея, недавно появившуюся в «Nordische Biene». Детскую простоту ее языка и композиции следует объяснить полужарварским уровнем развития тех, к кому обращается поэт, — точно

так же как ироническую вежливость, с какой «С.-Петербургская газета» подвергла критике последний доклад адмирала Гамелена об Одессе, приходится отнести за счет того обстоятельства, что газета обращалась в данном случае к европейским дипломатам. Басня озаглавлена: «Орел, бульдог, петух и заяц». Вот ее содержание:

Царственный орел, большой и сильный, сидел на вершине скалы и озира́л весь мир из далекой Прибалтики (*Weit hinter in Belt die ganze Welt*); так он сидел, спокойно и тихо, довольствуясь своей скромной трапезой и не заботясь о добычании припасов из лежащей внизу долины, потому что в любую минуту он может достать все. Бульдог взглянул на него с завистливым видом и обратился к петуху с такими словами: «будь моим союзником, мы объединимся, — ты из мести, а я из зависти, — и сбросим вниз вон того орла». Сказано-сделано. Они двинулись в поход, и когда в пути меж ними зашла речь о том, как лучше всего сразить орла, петух сказал: «Стой! Вгляни на его когти, на его крылья — горе тому, кто захочет испытать их силу; не раз слышал я проклятие моих дедов, вспоминавших об ударах, которые он нанес им своими крыльями». «Это верно, — сказал бульдог, — но мы поймаем орла хитростью. Подошлем к нему зайца. Он вцепится в зайца, а ты тем временем отвлеку его внимание криками и прыжками, на которые ты такой мастер, и сделай вид, что ты хочешь ввязаться в драку. Когда мы отвлечем таким образом его внимание и его когти, я нападу на него сзади, так что он не сможет защищаться, и в несколько минут он будет растерзан моими острыми зубами». — Этот план понравился петуху, и он занял наблюдательный пост поблизости. Бульдог входит в лес и громким лаем гонит зайца навстречу орлу, который спокойно ждет. Заяц, не помня себя от страха, живо попадает в лапы орлу. Петух, верный заключенному соглашению, поднимает крик и несется за зайцем, но — о ужас! Орел, не двигаясь с места, только взмахивает крыльями и, не удастая зайца своего внимания, отгоняет его прочь, а потом схватывает петуха, который тотчас же перестает шевелиться и кричать. Всем известна склонность зайцев к быстрому бегу; вот он бежит, без чувств и без памяти, прямо в море и там испускает дух. Орел видел, как жирный бульдог плетет в отдалении свои ковы — может ли что-нибудь ускользнуть от орлиных взоров? Он открыл героя, притаившегося за кустом. Орел взмахивает своими могучими крыльями и величественно поднимается ввысь. Бульдог лает и старается улепетнуть. Тщетны усилия, уже поздно. Орел падает на него с высоты и вонзает когти в спину предателя, который через минуту лежит, растерзанный на части.

В связи с благоприятными видами на урожай и благодаря отсутствию спекулятивных покупателей, цены на хлеб несколько понизились за последнюю неделю. Однако обратное движение неизбежно, потому что, «судя по всем обстоятельствам, имеющим отношение к делу, надо думать, что запасов у крестьян гораздо меньше, чем это обыкновенно бывает в соответствующее время года» («*Mark-lane Express*»). Сообщения из Данцига, Штеттина, Ростка и т. д. в один голос свидетельствуют о том, что наличные запасы очень малы, что

окрестным крестьянам нечего или почти нечего больше продавать и что привозного хлеба из этих районов можно ждать только по очень высокой цене. Привоз зерна из Франции тоже, повидимому, не увеличился, а предложение пшеницы на внутренних рынках считается едва ли достаточным для покрытия спроса.

Я узнал из частного источника, что отчеты «Times'a» о состоянии промышленности в районах вокруг Манчестера в общем не соответствуют действительности и что промышленность переживает упадок повсюду, кроме Бирмингема. «Manchester Guardian» подтверждает это, прибавляя, что возвращение на работу стольких бастующих рабочих наверное приведет к падению цен.

Что касается заявления сэра Дж. Грехема на заседании палаты общин от прошлого понедельника, — заявления о том, что Архангельский порт не будет блокирован, — то «Morning Herald» комментирует его следующей лаконической фразой: «В Архангельске есть дом, принадлежащий канцлеру казначейства».

*** РЕЧИ КОШУТА И УРКАРТА. — НОВЫЕ МИНИСТЕРСКИЕ
НАЗНАЧЕНИЯ. — АВСТРИЯ И РОССИЯ. — ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ. — МАРШАЛ СЕНТ-АРНО.**

Лондон, 9 июня 1854 г.

Речь, произнесенная Кошутом в Шеффилде, самая содержательная из всех, которые были произнесены им за все время пребывания его в Англии. Однако и против нее у нас есть кое-какие возражения, так как исторические предпосылки ее частью не точны. Так, например, нет абсолютно никаких оснований считать, что упадок Турции был вызван тем, что Собеский в свое время оказал помощь австрийской столице. Исследования Гаммера неопровержимо доказали, что организация Турецкой империи уже находилась в то время в процессе разложения и что эпоха быстрого упадка османского могущества и величия началась еще ранее. Точно так же неправильно предположение, будто Наполеон отказался от мысли напасть на Россию с моря по каким-то иным причинам, а не потому, что у него не было флота и англичане лишили его господства над океаном. Угроза, что Венгрия заключит союз с Россией, если Англия вступит в союз с Австрией, весьма безрассудна. Во-первых, это дало министерским газетам желанное оружие, и «Times», не медля ни минуты, широко им воспользовался для того, чтобы заклеить всех революционеров как русских агентов. Во-вторых, это странно звучало в устах человека, министерство которого уже в 1849 г. предлагало венгерскую корону русскому царевичу. И, наконец, как мог он отрицать, что мадьярская раса была бы уничтожена, если бы его угроза, по его ли инициативе или по инициативе других лиц, когда-либо осуществилась? Ведь большая часть населения Венгрии состоит из славян. Точно так же было ошибкой характеризовать войну против России как войну между свободой и деспотизмом. Совершенно уже не касаясь того, что в этом случае Бонапарт явился бы вдруг защитником дела свободы, утверждению Кошута противоречит установленный факт, что война имеет целью сохранить равновесие держав и венские договоры — как раз те договоры, которые уничтожают свободу и независимость наций.

Сильнее, чем обычно, говорил и г. Уркарт в Бирмингеме, где он вновь обосновывал свое обвинение коалиции в измене. Так как, однако, г. Уркарт коренным образом расходится с той единственной партией, которая была бы в силах устранить совершенно прогнившую основу, на которой покоится это олигархическое коалиционное министерство, то все его речи так же мало достигают цели, как если бы он обращался с ними к луне.

Лорд Джон Россель объявил вчера в Нижней палате о предстоящем образовании особого военного министерства, которое, однако, не должно охватывать различных отделов, из которых сейчас состоит военное управление, но должно иметь лишь номинальный верховный надзор над всеми ими. Единственное достоинство этого изменения заключается в создании нового министерского поста.

Что касается новых назначений, то «Morning Post» вчера сообщила, что в кабинете победили пилиты и что герцог Ньюкестль получит новый пост военного министра, тогда как пост министра колоний будет предложен лорду Джону Росселю. «Globe» в последнем вечернем выпуске подтверждает это сообщение и добавляет, что так как лорд Джон по всей вероятности откажется, то министром колоний будет назначен сэр Джордж Грей. Несмотря на то, что пилитские газеты все время подчеркивают свою неосведомленность относительно окончательного решения вопроса, газета Пальмерстона сегодня в определенной форме сообщает, что герцог Ньюкестль и сэр Джордж Грей уже назначены.

«Morning Post» пишет следующее относительно «решительного требования» Австрии: «мы имеем основание думать, что Россия не пройдет молчанием обращения Австрии и не ответит ей отказом, и мы не будем удивлены, если скоро узнаем, что Россия готова принять австрийское предложение о полной эвакуации турецкой территории на том условии, что Австрия предпримет шаги для заключения такого перемирия, которое даст возможность вести переговоры».

Сегодняшний «Morning Chronicle» также признает, что «это обращение может иметь величайшее значение». Газета добавляет, тем не менее, что обращение не может рассматриваться как ультиматум, что оно написано в обычном вежливом тоне и что разрыв может иметь место лишь в том случае, если Россия на это обращение совершенно не обратит внимания.

Если же Россия даст уклончивый ответ или сделает частичные уступки, могут последовать новые обращения и переговоры.

Предположим на один момент, что предположение «Post» правильно и близко к осуществлению: это означало бы только,

что оказанная Австрией услуга дала еще одно перемирие в пользу России. Весьма вероятно, что нечто подобное имелось в виду, причем основывались на том, что Силистрия, пока что, падет и «честь и достоинство царя» будут соблюдены. Однако весь план рухнет, если Силистрия продержится и обнаруженная Турциею сила заставит в конце концов союзные войска принять большее участие в кампании, чем это соответствовало бы желаниям правительств и командования.

Если есть что-либо, что может сделать менее тягостными упущения и промахи этой большой войны, то это забавная неопределенность, в которой находятся английская публика и пресса по отношению к вопросу о реальности и ценности союза между западными державами и Германией. Едва ли «решительное требование» Австрии было пущено в ход для удовлетворения всего мира, если весь мир сейчас встревожен встречей австрийского и прусского монархов, встречей, которая, по словам «Times'a», «не предвещает ничего хорошего для западных держав».

Опубликованы статистические данные департамента торговли за прошлый месяц. Данные эти менее благоприятны, чем данные за прошлые месяцы. Заявленная ценность экспорта дает снижение на 747 527 ф. ст. по сравнению с соответствующим месяцем 1853 г. Наиболее пострадавшими являются статьи экспорта, связанные с манчестерским рынком; но и полотняная, шерстяная и шелковая промышленность также показывает снижение.

В очередном месячном бюллетене, издаваемом господами Стерджиз Бирмингема, мы читаем, что всходы пшеницы находятся в неблагоприятном состоянии, причем сообщается об этом в следующих выражениях:

«Высокие цены на семена явились причиной того, что на посев каждого акра было употреблено семян меньше, чем в нормальные годы, и меньшее количество пшеницы прошлого урожая, которое возвращено земле в виде семян, может быть, является причиной того, что виды на урожай не столь благоприятны, как это имело бы место, если бы был хороший урожай в прошлом году».

По поводу этого сообщения «Mark-lane Express» замечает: «Этот вывод нам представляется весьма вероятным и заслуживает внимания, а именно — что недостаточное обсеменение вряд ли позволяет ожидать таких обильных всходов, на какие можно было бы рассчитывать при более благоприятных условиях. Следить за развитием всходов нынешнего урожая необходимо с особенным интересом, поскольку мы соглашаемся с тем фактом, что хлебные запасы не

только в этой стране, но и почти во всех частях света, низведены вследствие сильного неурожая 1853 г. до весьма недостаточных размеров.

«Будущий уровень цен будет в значительной степени зависеть от характера погоды; теперешние цены на пшеницу слишком высоки, чтобы стимулировать спекуляцию, и хотя более чем вероятно, что подвоз извне в течение ближайших трех месяцев будет производиться в гораздо менее широких размерах, чем это было до сих пор, тем не менее, если не случится ничего такого, что усилило бы неблагоприятные перспективы в отношении предстоящего урожая, обладатели свободными запасами поостерегутся расстаться с ними, между тем как и мукомолы и многие другие будут также придерживаться выжидательной тактики... И все это должно создать представление, что страна страдает нехваткой хлеба».

Теперь нельзя пройти по улицам Лондона, не наталкиваясь на толпы людей, скопляющихся перед патриотическими картинами, на которых изображена интересная группа «трех спасителей цивилизации»: султан, Бонапарт и Виктория. Чтобы дать вам возможность в полной мере оценить характеры этих трех личностей, которые теперь будто бы должны спасти цивилизацию, после того как они уже «спасли общество», я возвращаюсь к моему эскизу портрета их генералиссимуса, маршала Сент-Арно.

Знаменитые июльские дни освободили Жака Леруа (старого стиля) или Жака-Ахилла-Леруа де-Сент-Арно (нового стиля) из когтей его кредиторов. Тут перед ним встал трудный вопрос, как ему использовать условия французского общества, пришедшего в полный беспорядок благодаря внезапному крушению старого режима. Было слишком хорошо известно, — чтобы Ахилл мог это отрицать, — что он не мог принимать участия в трехдневной битве, так как в это время он находился под стражей в одиночной камере Сент-Пелажи, и не мог поэтому, по примеру столь многих авантюристов, добиться себе награды под ложным предлогом, что он один из «июльских борцов». С другой стороны, однако, и успех буржуазного режима не был благоприятен для этого выродка парижской богемы, который всегда рьяно исповедывал легитимизм, никогда не принадлежал к «обществу самопомощи» (*Aide-toi*) (этот недостаток прозорливости он возместил тем, что стал одним из первых членов «общества десяти тысяч») и не играл в великой «комедии пятнадцати лет» абсолютно никакой роли. Все же Ахилл кое-чему научился в искусстве импровизации у своего старого учителя г-на Э. де-П. Он очень бойко явился в военное министерство и объявил себя здесь младшим

офицером, подавшим по политическим мотивам в отставку во время реставрации.

Свое изгнание из королевской гвардии, свое исключение из корсиканского легиона, свое отсутствие в 51-м полку, когда полк отправился в колонию, он сумел легко превратить в такое же количество доказательств своего необузданного патриотизма и преследований со стороны Бурбонов.

Послужной список удостоверял, правда, ложность его заявлений, но военное министерство сделало вид, что оно ему верит. Многие офицеры предпочитали подавать в отставку, вместо того, чтобы присягать Луи-Филиппу; благодаря этому оказалось много незанятых мест, которые нужно было заполнить, и правительство узурпатора охотно принимало поэтому всякого открытого отступника от легитимизма, каковы бы ни были мотивы его перехода. Так и Ахилл получил назначение в 64-й линейный полк, впрочем, не без унижения: он был принят обратно на службу в качестве младшего офицера, вместо того, чтобы получить повышение, как его получили прочие офицеры, подавшие в отставку во время реставрации.

Время и его старое офицерское звание дали ему, наконец, чин лейтенанта. Одновременно ему представился случай проявить свои особые таланты пресмыкающегося отступника. Его полк стоял в 1832 г. в Партенэ, в центре Вандеи, старой арены легитимистского восстания. Его прежние связи с некоторыми лицами из прежней королевской гвардии, собравшимися вокруг герцогини Беррийской, открыли перед ним возможность одновременно исполнять обязанности солдата и полицейского шпиона; комбинация эта чрезвычайно соответствовала его гению, получившему свое развитие в игорных притонах Лондона и подозрительных кафе Парижа. Герцогиня Беррийская была продана г. Тьеру евреем Дейтцем; она была арестована в Нанте, и Ахиллу было поручено сопровождать ее в Блэ, где он исполнял обязанности одного из ее тюремщиков под командой генерала Бюжо. Бесконечно счастливый, что ему представился случай открыто проявить свое крайнее рвение во имя интересов династии, он хватил через край и оттолкнул даже Бюжо низкими услугами, которые он исполнял для полиции, вызвав при этом его возмущение своим грубым обращением с герцогиней. Бюжо, однако, не имел права уволить адъютанта, специально назначенного полицией для охраны герцогини, подчинявшегося особому надзору полицейского комиссара г. Жоли и принадлежавшего, наконец, скорее к ведомству министерства внутренних дел чем к военному ведомству. Будущий

генералиссимус англо-французских войск исполнял роль повивальной бабки, так как его специальной миссией было установить свидетельскими показаниями и доказать беременность герцогини, открытие которой нанесло смертельный удар сторонникам старого режима. В связи с этим его качеством имя г. Сент-Арно упоминается в «Moniteur». В мае 1833 г. мы читаем в этой газете: «Г-н Ахилл де-Сент-Арно, 34 лет, обычно проживающий в Париже, офицер для поручений при генерале Бюжо, получил предписание, согласно его официальному положению, подписать акт о рождении ребенка, которым герцогиня разрешилась в тюрьме 10 мая 1833 г.». Мужественный Сент-Арно и далее оставался верен своей роли тюремщика и сопровождал герцогиню на корвете, который должен был доставить ее в Палермо.

По возвращении во Францию Ахилл стал посмешищем и козлом отпущения для всего полка. Офицеры его не переносили, не допускали его в свои кружки, недвусмысленно давали ему понять, что они его презирают. Так как в конце концов весь полк от него отшатнулся, ему не оставалось другого выхода, как искать прибежища в иностранном легионе в Алжире, как раз в это время формировавшемся в Париже под руководством полковника Бедо. Этот иностранный легион с успехом можно было бы назвать «обществом десятого декабря» среди европейских армий. Всемирно-известные «отчаянные» (*desperados*) авантюристы, запутавшиеся в долгах, дезертиры из всех стран, вообще отбросы европейской армии составляли главное ядро этого *Corps d'élite* [избранного войска], который с полным правом носил название *refugium peccatorum* [убежища грешников]. Нигде в другом месте гений Ахилла не мог бы развернуться лучше, чем в товарищеской среде в таком полку, официальная миссия которого предохраняла его от клыков полиции, между тем как характер его членов устранял в то же время все границы, которые обычно сдерживают офицеров регулярных армий. Расточительный во всем, Ахилл, однако, был очень скуп на доказательства своего мужества и военных способностей и прозябал поэтому еще четыре года в незначительной должности лейтенанта первого батальона иностранного легиона, пока, наконец, 15 августа 1837 г. ему не был дан чин капитана. К его несчастью, походная касса находится во французской армии под надзором капитана, который несет ответственность за выплату жалованья солдатам и за снабжение продовольствием.

Кассы, однако, и были как раз тем местом, где наш современный Ахилл был чрезвычайно уязвим. Так и в его кассе месяца

через два после его повышения в чине был обнаружен ужасный дефицит. Генерал-инспектор М. де-Рюльер, раскрывший эту растрату, настаивал на наказании капитана. Доклад в министерство был уже написан и должен был быть как раз сдан на почту, что означало бы крушение г. де-Сент-Арно, но тут вмешался его начальник г. Бедо, тронутый отчаянием своего подчиненного, и ему удалось смягчить гнев генерала Рюльера.

У Сент-Арно есть своя особенная манера выражать благодарность за оказанные ему благодеяния. Когда накануне государственного переворота он был назначен военным министром, он приказал арестовать генерала Бедо и вычеркнуть имя генерала Рюльера из списков офицерского корпуса. Рюльер послал ему после этого следующее письмо, которое распространил среди друзей в Париже и опубликовал в бельгийских газетах: «В 1837 г. генерал Рюльер отказался сломать шпагу капитана Леруа де-Сент-Арно, так как он не хотел обесчестить его. В 1851 г. военный министр Леруа де-Сент-Арно сломал шпагу генерала Рюльера, и все же он был не в силах обесчестить его».

ОСАДА СИЛИСТРИИ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

После некоторого промежутка времени, заполненного военными операциями, не заслуживающими критического рассмотрения и предпринятыми не столько из стратегических и тактических, сколько из дипломатических и парламентских соображений, — осада и штурм Силистрии представляются, наконец, событием военного интереса.

Этот штурм показывает, что русские продолжают удерживать инициативу в своих руках и что до настоящего момента действия турок, союзных армий и союзных флотов диктуются толчками, получаемыми от противника. Союзные флоты инстинктивно, непреодолимо притягиваются русским флотом к его надежному убежищу у Севастополя; не будучи в состоянии атаковать эту твердыню без помощи сухопутной силы, они удерживаются в бездействии и парализованы флотом, значительно уступающим им по качеству и числу судов. Даже эвакуация фортов кавказского побережья, произведенная весьма своевременно и под носом у британских и французских судов, показывает, что русские решили удерживать в своих руках руководящую роль как можно дольше. А на войне это уже очень много. Это показатель превосходства — в количестве или качестве войск, или же в военной тактике. Это поддерживает *дух* солдат несмотря на все неудачи и отступления вплоть почти до потери решительного сражения. Именно эта инициатива и спаивала маленькую армию Веллингтона среди сотен и тысяч французских войск в Испании и делала ее центром, вокруг которого сосредоточивались все события длившейся пять лет войны. Вы можете быть вынуждены к отступлению, вы можете быть оттиснуты, но пока вы в состоянии давать толчки противнику, вместо того чтобы получать их от него, вы все еще до некоторой степени превосходите его. И — что еще важнее — ваши солдаты будут чувствовать себя, индивидуально и коллективно, выше его солдат. Атака Силистрии, кроме того, является первым действительным продвижением русских вперед с тех пор, как они закончили оккупацию Дуная. Занятие Добруджи было

блестящей оборонительной операцией; оно было одновременно и сокращением линии их фронта, и шагом к обеспечению за ними устьев Дуная. Атака Силистрии — не только смелое, но и в высшей степени правильно рассчитанное движение.

В 1828 — 1829 гг. русские, тогда господствовавшие на Черном море, совершенно правильно пренебрегли Силистрией ради обеспечения за собой в первую очередь Варны, так как Варна открывала новую линию морских сообщений с их собственной страной. Все же Силистрия была достаточно важным пунктом, чтобы заставить их взять ее прежде, чем перейти Балканы. Но в настоящее время, когда союзные флоты владеют Черным морем, Варна в значительной степени теряет свое значение для русских, а Силистрия и Шумла становятся главными объектами наступления. Варна же для них может иметь теперь лишь косвенную ценность: взяв ее, они не получают расширенной базы для операций, но только лишат противника того, что может быть названо морским предместным укреплением, под прикрытием которого он может внезапно сконцентрировать, при помощи своих судов, известное количество войск для специальной операции. Так, датчане в 1849 году, отвлекши прусскую армию в Ютландию, внезапно переправили морем сильный отряд войск к своему морскому предместному укреплению у Фредериции и одной вылазкой уничтожили прекрасную, но значительно более слабую шлезвиг-голлштинскую часть, оставленную перед крепостью для ведения осады. Если поэтому русские, вытесненные из Черного моря, не могут ни при каких обстоятельствах перейти Балканы, не обеспечив за собой Варны, они не могут продвинуться к Варне, не овладев по крайней мере Силистрией.

Но для настоящего момента это — соображения второстепенного порядка. Без помощи Австрии Россия не может и думать о переходе Балкан под носом у ее теперешних противников. Оборонительное значение Силистрии является для русских в настоящий момент преобладающим; и ее значение столь велико, что, не взяв ее, они могут считать свою кампанию этого года проигранной. Силистрия расположена как раз против центра русских позиций, протянувшихся от Журжева под Каларашом и Черноводы к Кюстенджи. При сильной системе крепостей, находящихся впереди этих позиций, при наличии в Шумле Омера-паши, подобно пауку посреди своей паутины следящего за каждым движением предназначенной ему добычи, при союзных силах, ожидаемых в Камчике и Девне, — весьма мало надежды на то, что армия, которой Россия может располагать для Дунайской войны, предоставленная самой себе, увидит когда-либо

фракийские долины, зелень которых манила усталых солдат Дибича с Балканских высот. Россия должна рассчитывать, по крайней мере в этом году, на простую защиту ее нынешних завоеваний, до тех пор, пока или Австрия не присоединится к ней, или же какое-либо обстоятельство не обессилит или не заставит удалиться ее наиболее серьезного противника, англо-французскую армию. Оборонительная война предполагает систему полевых или, если возможно, постоянных укреплений. Но пока Силистрия остается в руках противника, русские не имеют под рукой постоянных укреплений за исключением мелких фортов Добруджи, которые в случае потери Валахии окажутся совершенно бесполезными. Русские могли бы восстановить некоторые укрепления Браилова и Руцука и создать укрепленный лагерь под Бухарестом, но до тех пор, пока они не овладели Силистрией, их первая линия серьезной защиты лежит далеко позади, на линии Серет — Фокшаны — Галац — Измаил.

Но предположите, что Силистрия находится в руках русских, — и все военное положение сразу меняется. Силистрия — прекрасный пункт для русского предместного укрепления на Дунае. Она расположена в угловом выступе, образованном извилиной Дуная, и это положение как раз наиболее соответствует указанному назначению. На северо-западе имеется большой остров, пересекаемый каналом по направлению к Каларашу и господствующий над равнинами к западу от крепости, на расстоянии в 1 000 ярдов, достаточно близком для обстрела траншей и бомбардировки колонн. На востоке — два небольших острова, прилегающих к восточным подступам, и временные батареи, воздвигнутые там при низкой воде, весьма существенно тревожили бы осаждающих. Таким образом часть территории, которую турки, атакованные с севера, не могут использовать при обороне и должны поэтому отдать противнику, дала бы русским отличные позиции для батарей, обстреливающих с флангов атаку, идущую с юга. Открытый для атаки фронт свелся бы при этом к основанию треугольника, в вершине которого расположена Силистрия, или, другими словами, к его южной, обращенной к суше стороне; и турецкая или союзная армия не могла бы и думать о серьезной атаке Силистрии, по крайней мере до тех пор, пока Валахия не была бы отнята у русских.

Главные преимущества, однако, были бы не столько тактического, сколько стратегического характера. Обладание Добруджей и Силистрией дает России господство на Дунае и возможность, смотря по обстоятельствам, предпринимать быстрые наступательные действия либо со стороны Траянова вала, либо из Силистрии. Неприя-

тель, не превосходя вдвое по силе русских, не был бы в состоянии совершить переход ни в одном из пунктов выше по течению, не обнажив при этом Шумлу. Что же касается перехода ниже Силистрии, то об этом не может быть и речи: ближе Гирсовы нет переправы, для достижения ее ему пришлось бы сперва овладеть позициями Кара-су и затем самой Гирсовой, которая настолько же укреплена против атаки со стороны суши, насколько она слабо защищена от атаки со стороны реки.

Таким образом, в случае занятия Силистрии, форты Добруджи приобретают большое значение для русских. Их армия получает двойной стержень, вокруг которого она может свободно маневрировать, не обнажая линий связи своего фронта с базами, и если бы даже превосходство вдвое позволило неприятелю переправиться у Ольтеницы или Журжева, взять Бухарест и отбросить русских за Яломицу, осада Силистрии явилась бы неизбежной операцией, прежде чем какое-либо решительное продвижение в Бессарабию могло бы быть признано безопасным. Поэтому, пока Силистрия действительно не пала, русские могут считать себя обладателями Валахии, хотя бы они и не имели в этой провинции ни одного солдата. Словом, обладание Силистрией означало бы для русских шесть месяцев владения Валахией, а шесть месяцев, подводящие нас к зиме, когда вообще никакие осады не могут вестись в этой стране, дали бы продление еще на четыре месяца. Силистрия явилась бы выигрышем, оттеснение от Силистрии — почти проигрышем кампании.

Итак, вопреки дипломатии, подкупу, трусости и нерешительности, мы вдруг, по внутренним законам войны, подошли к решительному, поворотному пункту. Либо Силистрия будет предоставлена своей судьбе, — тогда ее падение есть факт более чем математически достоверный, либо союзники придут ей на помощь, — тогда произойдет решительное сражение, так как без деморализации своей армии и потери всего своего престижа русские не могут, — да, как кажется, и не собираются, — отступить без боя из-под Силистрии.

Более переменчивой судьбы, чем Силистрия, не претерпела ни одна крепость. В 1810 г. русские взяли ее после девяти дней осады и пяти дней решительной атаки. В 1828 г., при совершенно не изменившемся состоянии крепости, они 21 июня обложили ее своими сухопутными силами, а 10 августа — в дополнение к этому — тридцатью шестью канонерскими лодками. Но их осадная артиллерия прибыла лишь в сентябре, и при ней не оказалось никаких боевых припасов, так что правильная атака не могла быть предпринята. 10 ноября они были вынуждены снять осаду ввиду наступления зимы и появления

на Дунае пловучего льда. При своем отступлении дезорганизованные и деморализованные русские подверглись ожесточенному преследованию со стороны гарнизона; часть русской осадной артиллерии была оставлена в батареях, остальная была взята турками при преследовании в направлении Рассовы. В следующем году Дибич возобновил атаку, обложил крепость 7 мая, выбив турок из окопов и редутов, возведенных русскими в предыдущем году, и открыл огонь из тридцати одного тяжелого орудия, поместив их, как кажется, без всякой предварительной подготовки на возвышении, в расстоянии около 900 ярдов от города. 26-го сниженные батареи были введены в действие на расстоянии около 600 ярдов от стены. В то же время была готова вторая параллельная линия; третья открылась 4 июня, а 12-го началось продвижение на покрытие гласиса. 17-го гласис был покрыт в одном пункте, но эта операция была закончена лишь 26-го, когда пять батарей были открыты у самого края рва, в расстоянии тридцати ярдов от главной стены. Одновременно генерал Шильдер, тот самый, что руководит теперь инженерной частью осады, произвел свои любимые минные операции в широком масштабе. Крупные мины, заложенные под контр-эскарп, были взорваны 21-го (сразу же образовав проходную брешь), 25-го, 27-го, 28-го и 29-го, когда, наконец, крепость сдалась. Но и тогда, как кажется, не было крайней необходимости в сдаче, если бы не ужас, наводимый подземными взрывами на суеверных, недисциплинированных солдат. Позади всего атакованного фронта и второго вала был проведен абшнит, или еще один новый окоп, потребовавший бы несомненно перед своим взятием новых минных или артиллерийских операций. Таким образом эта удивительная крепость, несколько не усовершенствованная по сравнению с ее состоянием в 1810 г., все же продержалась тридцать пять дней после открытия траншей и девять дней после образования проходной бреши в главной стене; она вынудила русских израсходовать 30 000 снарядов и гранат в артиллерийской атаке и 336 центнеров пороха при минировании.

Финансовые затруднения и египетские войны заставили турок после Адрианопольского мира до такой степени пренебречь этим важным пунктом, что еще в 1836 г. не только не были окончательно заделаны пробоины 1829 г. и очищены рвы, но даже следы атаки 1810 г. были еще видимы. Султан имел тогда в виду воздвигнуть самостоятельные форты, но это намерение долго не осуществлялось. В настоящее время Силистрия находится в совершенно ином состоянии, главным образом благодаря усилиям прусского офицера на турецкой службе, полковника Граха. Первоначальная неудачная кон-

струкция крепости, повидимому, вряд ли допускает значительные улучшения, но отдельные форты, воздвигнутые на возвышенностях, уже доказали свою полезность. Крепость образует полукруг, диаметр которого, длиной около 1 800 ярдов, идет по берегу Дуная. Она имеет 10 бастионных фронтов в среднем длиной в 500 ярдов. Конструкция, как во всех турецких крепостях шестнадцатого и семнадцатого столетий, изобилует всеми недостатками старой итальянской фортификации: длинные куртины, небольшие и тесные бастионы, короткие фланги, почти не дающие защиты рву, сам ров мелкий (не более восьми футов глубины), отсутствие прикрытых путей, лишь простой гласис, хребет или верхняя часть которого выдавалась едва на четыре фута над верхушкой контр-эскарпа. Сам же вал был восьми футов вышины при двадцати футах в толщину и был возведен из земли; эскарп и контр-эскарп были закреплены на высоте рва, т. е. восьми футов. Сам ров, вследствие высоты его уровня, по необходимости остается сухим. Перед куртинами не было даже люнетов. Такова была Силистрия до 1836 г. И слабость ее укреплений усугубляется тем фактом, что в 600 ярдах от стены над крепостью господствует цепь возвышенностей, тянущихся к югу от нее. Эти возвышенности являются окраиной болгарского плато, которое, имея совершенно гладкую верхнюю поверхность, простирается на расстоянии 1 500 ярдов от города и затем отлого понижается по направлению к реке, предоставляя великолепные позиции полевым батареям для фронтального или анфиладного огня, имея узкий рукав реки с одной стороны и возвышенности — с другой. Майор Мольтке, который осмотрел эту крепость в 1836 г. и работе которого о кампании 1849 г. мы обязаны вышеприведенными подробностями, выражает мнение, «что Силистрию невозможно сделать способной к серьезной обороне без четырех отдельных фортов на возвышенностях и предместного укрепления на расположенном напротив большом острове». Возведение предместного укрепления на острове, принадлежащем Валахии, из которой турки по мирному договору были удалены, было невозможно; но форты уже воздвигнуты и, если мы правильно осведомлены, приблизительно на тех именно местах, которые указаны были майором Мольтке.

Что именно полковник Грах мог предпринять для возмещения недостатков главной крепостной стены — мы сказать не можем. Однако вряд ли может быть сомнение в том, что он должен был по меньшей мере соорудить прикрытый путь и устроить амбразуры для анфилирования рва в центре куртины во всех наиболее угрожаемых и наименее защищенных пунктах. Что касается четырех отдельных

фортот, мы еще ничего не знаем о характере их конструкции, но привлекая во внимание, что полковник Грах — пруссак и что дешевизна имеет большое значение для Порты, мы сказали бы, что по всей вероятности они построены по системе, почти повсеместно принятой теперь на континенте и особенно в Пруссии, а именно: плоские квадратные или восьмиугольные редуты с бойницами на каждом втором углу. Их местоположение предугазано четырьмя мысами, образующими конечные выступы плато в направлении города и отделенными друг от друга тремя лощинами. Их расстояние от главной стены должно равняться в среднем 1 500 ярдам, так что они не могут быть сколько-нибудь успешно защищаемы огнем из крепости. Но в этом и нет абсолютной необходимости; ближе к городу на склоне, кажется, нет ни одного места, где бы форт мог быть хорошо задефилирован со стороны господствующего над ним края плато.

Помимо этих долговременных сооружений, полковник Грах возвел на самом плато земляные укрепления временного характера, названные Араб-Табия (Форт Аравия) и расположенные перед двумя центральными фортами, на расстоянии около 1 000 ярдов. Некоторые сведения позволяют предположить, что были воздвигнуты и другие полевые редуты, составляющие как бы внешнюю линию фортот. Таким образом получаются три линии последовательной обороны. Араб-Табия, однако, остается ключом этих позиций и должен быть взят прежде, чем можно будет подойти к внутренней линии фортот. Такое расположение укреплений сообщает Силистрии большую оборонительную и наступательную силу. Так как правильная атака может привести к решающим результатам лишь с ее южной стороны, гарнизон в 15 000 — 18 000 может выделять большие силы для вылазок. Войска, производящие вылазку, получают великолепные прикрытые позиции на склоне, за отдельно стоящими фортами, от которых они могут по ложбинам незамеченными подходить на близкое расстояние к неприятелю. При штурме Араб-Табия, ввиду этого, решать дело будет не столько гарнизон этого форта, сколько отряды, высланные из Силистрии.

Переходим непосредственно к самой осаде.

С конца апреля русские время от времени открывали огонь по Силистрии с другой стороны Дуная. В мае они приступили к возведению правильных апрошей на большом острове против города, близ канала, ведущего к Каларашу, и около 10-го закончили размещение своих батарей вдоль берега реки. Ураганная бомбардировка города, а также горизонтальный огонь по северному форту имели место 11-го. Они были повторены 12-го, когда их наблюдал только что

прибывший лейтенант бенгальской артиллерии Несмит, поместивший сообщение об этой бомбардировке в лондонском «Times». Главным пунктом обстрела был северо-восточный или Чшенгельский бастион, с которого турки отвечали особенно ожесточенно и с большой верностью прицела. Наоборот, стрельба русских может быть названа весьма посредственной. У большого количества гранат, найденных в городе, при выстреле не были сняты колпачки с трубок, так что они не могли воспламениться и взорваться. Подобный недосмотр, обычный в быстрой полевой практике в начале кампании, является неслыханным при осадной стрельбе, в которой огонь всегда поддерживается сравнительно медленный. Он показывает, в какой степени русские спешили избавиться от своих боевых припасов. Кроме того, в течение ночи русские воздвигли батарею на острове Шиблаке, к востоку от Силистрии (в 1829 г. они имели в этом месте две батареи). Четыре орудия этой батареи предназначены к афилированию всего северного фронта.

С 13-го по 16-е никаких новых действий, видимо, не было; по крайней мере донесения совершенно умалчивают об этом. Нет ничего невероятного в том, что русские генералы, найдя, как они это вполне могли ожидать, что бомбардировка не достигает цели в отношении турецкой крепости, подготовлялись к атаке на правом берегу реки. Соответственно этому 16-го был возведен мост ниже Силистрии; по нему переправилось 20 000 солдат, к которым в скором времени присоединились, как говорят, еще 20 000 из Добруджи. С русской стороны произошло общее движение концентрации в направлении Силистрии и Туртукая; ибо, раз была задумана атака на правом берегу реки, понадобились силы для прикрытия ее со стороны Омера-паши в Шумле и тех англо-французских войск, которые могли быть высажены в Варне.

19-го имели место первые разведывательные действия против Араб-Табия; крупные массы войск были сконцентрированы непосредственно за чертой досягаемости орудийного огня, и стрелковая цепь начала продвижение вперед. После короткой канонады Муса-паша выслал на плато отряд башибузуков, оттеснивший стрелков. 20-го имело место новое выступление русских, выглядевшее слишком внушительно для простой разведки и недостаточно внушительно для настоящей атаки. 21-го был произведен первый натиск на Араб-Табия; подробности неизвестны, но русские были отражены с большими потерями. Два русских офицера, перебежавшие к туркам, донесли, что силы противника достигают 90 000, слагаются из трех армейских корпусов (что соответствует действительности: 3-го, 4-го

и 5-го), и во главе ее стоит великий князь Константин. Последнее сообщение, очевидно, ошибка, ибо, как известно, Константин командует флотом, армией и береговой защитой Финляндии. Известие о предполагавшемся на следующий день возобновлении атаки на деле не подтвердилось. Русские были в боевой готовности, но не приближались к форту. Затем мы опять не имеем сведений о ходе событий вплоть до 26-го; на рассвете же 27-го русские вновь атаковали Араб-Табия весьма значительными силами. Три раза возобновлялся приступ, и три раза атакующие были отбиты с большим уроном. Турецкие отчеты говорят о 1 500 убитых и 3 000 раненых русских, что, может быть, несколько преувеличено, но все же не слишком неправдоподобно. Решив взять форт, на манер Суворова, Паскевич на следующее утро вновь привел свои колонны в боевую готовность. Резня, повидимому, была ужасающей; генерал Сильвен был убит. Полковник князь Орлов младший умер от раны в глаз. Другой полковник был тяжело ранен. Сами русские определяют потери в 186 убитых и 379 раненых; но это, по всей вероятности, не составляет и трети их действительных потерь; при тех массах, которые они ввели в атаку, урон в 2 000 есть наименьшее, что они могли понести.

В следующую ночь турки произвели массовую вылазку, неожиданно напали на русские расположения и оттеснили русских с большими потерями (1 500 — 1 800, согласно донесениям). Эта удачная вылазка, а также то обстоятельство, что при последнем натиске не удалось довести войска до схватки, несмотря на то, что кавалерия была пущена в ход с целью их подогнать и отрезать им отступление, заставили князя Паскевича отказаться от попытки взять этот пункт штыковой атакой. Нет никакого сомнения в том, что защита этого редута представляет собой один из славнейших военных подвигов не только в этой, но вообще во всех русско-турецких кампаниях. Местность эта допускает атаку весьма большими силами, а русские уж не пропустят случая послать на штурм столько тысяч, сколько они только могут. Количественное превосходство на их стороне должно быть поэтому весьма велико и требует для своего отражения со стороны турок не только блестящей доблести, но и хорошо спланированных и стройно выполненных операций по вылазкам. Едва ли можно сомневаться в том, что, имея против себя турок 1829 г., русские взяли бы крепость. Их теперешнее повторное поражение показывает, какие успехи турки, по крайней мере часть их, сделали в тактическом искусстве и военной науке, не потеряв ничего из своей храбрости. В этом отношении защита Араб-Табия и занятие Четати являются наиболее замечательными делами всей кампании.

Что касается русской атаки, мы не можем слишком хорошо отозваться о ней. Паскевич, кажется, настолько торопится взять Силистрию, что у него не остается времени даже на мероприятия, совершенно необходимые для достижения его цели. Его нерешительность всем бросается в глаза. Сперва он испробовал бомбардировку, хотя он мог знать, насколько это бесполезно в отношении турецкого города. Бомбардировка ни к чему не может привести, кроме большой потери боевых припасов для русских, да разве еще к пролому в стене со стороны реки, где соседство Дуная, этого природного рва шириной в 1 000 ярдов, исключает всякую мысль о штурме. Затем был атакован сухопутный фронт, но артиллерию Араб-Табия, повидимому, ни разу не удалось привести к молчанию, и ни одной серьезной попытки разрушить его укрепления не было сделано. Все это весьма знаменательно для преемника Суворова. Как говаривал этот архирусский генерал, «пуля — дура, а штык — молодец», и если это верно в отношении русского штыка, который, согласно тому же доблестному авторитету, проходит сквозь Альпы, это несомненно еще более верно в отношении русских пуль, имеющих неизменное и непреодолимое влечение к отклонению. Таким образом штурм был предписан, выполнен, повторен и вновь повторен. Выходит, что земляные парапеты небольшого, но крепко выстроенного турецкого форта тверже альпийского гранита, против которого сражался Суворов, и что турецкие ядра и пули — не такие дуры, как русские. В итоге Паскевич вынужден будет вернуться к старому правилу: никогда не штурмовать укреплений до приведения к молчанию их артиллерийского огня и разрушения их защитительных сооружений. Таким образом, около 30 или 31 мая начинается правильная осада, и Паскевич в конце концов обращается к «дуре-пуле».

Но нет! И это — только видимость. Налицо имеется знаменитость 1829 г. — генерал Шильдер, обещающий уничтожить это место своими неизменными минами, и к тому же в несколько дней. Мины против полевого укрепления являются крайней степенью выражения военного отчаяния, невежественной ярости, попавшей в безвыходное положение. Если нужно прибегнуть к минам, первым условием их успешного действия является покрытие *гласиса*. Но до покрытия гласиса неприятельская артиллерия должна быть приведена к молчанию; а это означает проведение одной, двух, трех параллелей, с их соответствующими батареями. В самом деле, мины составляют заключительную осадную операцию, а не ее начало. Если Шильдер не предполагает вести подземный подкоп на протяжении около двадцати квадратных миль или прокладывать туннель под Дунаем, он не может избежать

необходимости правильной осады. Вопреки Суворову, пули — неизбежны.

Далее, правильная осада Араб-Табия могла бы быть несомненно закончена в несколько дней, так как это укрепление уже почти выполнило свое назначение, и продолжительная оборона слишком ослабила бы гарнизон. Но потребовалась бы правильная осада по крайней мере двух фортов, а затем — самого города. Пять недель — несомненно *кратчайший* срок, в течение которого русские, при их небрежности в осадных действиях, могли бы это осуществить. Если же турки не будут терпеть недостатка в провианте и боевых припасах и не случится никаких непредвиденных обстоятельств, крепость может считаться в безопасности до начала июля. Конечно, мы предполагаем, что форты — средней крепости и что стены не слишком изношены. Но если Силистрия продержалась 35 дней по открытии траншей в 1829 г., ясно, что с новыми добавлениями, при доблестном и умном командире, опытном руководителе артиллерии и первоклассном гарнизоне она сможет выдержать по меньшей мере столько же в 1854 г. Если бы можно было рассчитывать на союзников, мы могли бы спокойно сказать, что эта кампания должна принести русским полную неудачу, если не что-либо гораздо худшее.

ПОЛОЖЕНИЕ НА РУССКО-ТУРЕЦКОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.¹

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Не только странное совпадение очищения Валахии русскими и занятия ее австрийцами, но и своеобразные черты того, как была предпринята, проведена и, наконец, прервана осада Силистрии, указывают, что здесь действовали движущие силы, глубоко отличные от мотивов чисто военных. Из официального русского отчета, заканчивающегося вечером 28 мая, расходящегося с турецкими отчетами только данными о числе убитых и раненых, видно, что операции производились с удивительной поспешностью, что энергичные усилия разрушить внешние укрепления были предприняты не ранее, чем практически была доказана невозможность взять город штурмом, и что наступление носило более бессистемный и ненаучный характер, чем какое бы то ни было другое даже и в летописях русских осадных подвигов. Об операциях от 28 мая до 15 июня имеются лишь слишком отрывочные отчеты, недостаточные для того, чтобы мы могли нарисовать более точную картину событий: тот факт, однако, что во время повторных отчаянных атак почти все высшие офицеры были ранены и вышли из строя: Паскевич, Шильдер, которому затем ампутировали ногу, Горчаков, Лидерс и Орлов, которому пуля попала в глаз, — факт этот убедительно доказывает, что русские имели приказ не только взять эту крепость во что бы то ни стало, но и исполнить это в определенный срок. Их поведение во всем этом деле было действительно таково, что напоминало скорее варварские приемы осады городов в Курдистане во время Тимура Тамерлана, чем регулярное ведение современной войны. С другой стороны, очевидно, что героическая и искусная защита Силистрии вызвала одинаковое изумление и союзных держав, и оттоманского Дивана. Наши читатели, может быть, помнят, что около шести недель тому назад командующие войсками союзников встретились в Варне и открыли, что балканская линия создает естественную защиту Турции, а теперь многие английские

¹ Первый абзац статьи, принадлежащий редакции «Трибуны», опущен. *Ред.*

газеты не только признают, что для прекращения осады Силистрии не понадобилось ни одного английского или французского солдата, но, признавая это, даже торжествуют. Наконец, нельзя отрицать, что Силистрия была пунктом большой военной важности, что судьба этой крепости решает судьбу всей кампании и что русские, отказавшись от осады и внезапно отойдя на Серет, потеряли всю область, которую они завоевали в этом и в предыдущем году.

Все же нужно сказать, что многие английские газеты очень преувеличивают размеры московских ошибок. Конечно, нужно обладать большой доверчивостью, чтобы допустить, будто вылазка, предпринятая гарнизоном Силистрии 13 июня, и подкрепление в 2 000 человек, полученное крепостью, как передают, от Омера-паши, привели к полному поражению русских и принудили от 90 до 100 тысяч человек бежать пред 15 тысячами. Внезапное отступление русских, насколько мы можем судить, столь же загадочно, как и их внезапное наступление. Его можно объяснить только предварительным соглашением с Австрией, в котором было предусмотрено, что австрийцы займут Валахию. При таких обстоятельствах особый интерес представляет одно место, которое мы заимствуем из письма константинопольского корреспондента «Morning Chronicle», раскрывающего этот план 15 июня, т. е. за четыре дня до заключения австро-турецкого договора:

«Турки считают, что дипломатия играет с ними и что они [союзники] собираются отдать Силистрию в руки русских. Это подозрение подтверждается получившимся здесь сообщением, что в Вене готовится новый протокол, в котором падение Силистрии, как мне передают, рассматривается как *уже совершившийся факт*; если бы военное честолюбие России было удовлетворено, Австрия считала бы, что наступило время для ее интервенции, чтобы при ее участии добиться урегулирования этого вопроса и занять Придунайские княжества, оставленные русскими войсками».

Таким образом, если бы русские своевременно взяли Силистрию, все было бы в порядке. А тут они должны были, хотя им и не удалось удовлетворить военное честолюбие царя, в силу соглашения с Австрией, отступить с некоторым повором. Так как русские отошли за Серет, австрийцы продвинулись к Серету и Дунаю и стали таким образом между москвитами и турками с их союзниками. В этом положении они являются третьей стороной в споре и затрудняют продвижение и тех, и других. Русские остаются в Молдавии, между тем как Венская конференция, больше чем когда бы то ни было, будет заниматься составлением протоколов, и так будет выиграна зима. Если кон-

ференция ни к чему не приведет, — а таков ее верный результат, так как русский император получил по своему новому займу 7 400 000 фунтов стерлингов у Гоге и К^о в Амстердаме, — положение русской армии за Дунаем и Серетом будет вдвое прочнее, чем ее линия между Бухарестом и Кюстенджи. Если мы к тому же сопоставим относительную силу русских перед Силистрией, в Болгарии и при их теперешнем отступлении за Серет и силу союзных армий, поскольку они, благодаря их гениальному расположению, вообще могут быть брошены на чашку весов, мы ясно увидим, что даже при самых лучших намерениях последние не в силах были бы расстроить австро-русскую комбинацию.

Русские силы, сосредоточенные на европейском берегу Черного моря против Турции и союзников, состоят из тринадцати дивизий пехоты, а именно: трех из третьего, трех из четвертого, одной из пятого, трех из шестого армейских корпусов и трех запасных дивизий. Кроме того, здесь находятся третья, четвертая, пятая и шестая дивизии легкой кавалерии и третья, четвертая и пятая артиллерийские дивизии. Эти войска, составляющие почти половину большой операционной армии, должны состоять, по официальному расчету, из 16 000 человек каждая пехотная дивизия, из 5 000 каждая кавалерийская дивизия и из 160 орудий каждая артиллерийская дивизия; всего приблизительно от 250 000 до 260 000 человек, включая обоз и обслуживающий лагерь. Если мы, однако, попытаемся определить силу русской армии по тому, какой она в действительности была во время венгерской войны, мы должны считать в русской пехотной дивизии не более 13 000 — 14 000 человек и соответственно ниже определять размеры кавалерии и артиллерии. Действительная численность войск, которые русские постепенно ввели в княжества, должна была бы поэтому достигать приблизительно 210 000 человек, и отсюда нужно еще вычесть, по крайней мере, 20 000 — 25 000 человек, выбывших из строя благодаря потерям в сражениях и благодаря болезням. Если мы вспомним опустошения, которые произвела болотная лихорадка 1828 — 1829 гг. в рядах русской армии, и привлечем для сравнения письма русского хирурга в венском «Медицинском журнале», мы можем без преувеличения принять, что потери русской армии достигают 8 — 10 процентов общей численности ее. У русских остается, таким образом, возможность располагать армией приблизительно в 180 000 человек.

Интересно выяснить, какая часть этой армии была использована для операций против Силистрии. Большое число войск было необходимо для охраны связи и складов в тылу боевой линии.

Бухарест и линия Добруджи должны были быть заняты. Несколько отрядов потребовалось для прикрытия флангов и отчасти фронта армии; если мы вычтем для осуществления этих различных задач 60 000 человек, для осады Силистрии и прикрытия этой операции остаются 130 000 человек. Это скорее слишком высокая, чем слишком низкая оценка. Благодаря положению Силистрии у большой реки, осаждающая армия должна была неизбежно разделиться, чтобы окружить крепость со всех сторон. Далее, было необходимо, чтобы на северном берегу находились сильные резервы, которые могли бы прийти на помощь войскам, оттесненным с южного берега в случае поражения. Наконец, войска, занимавшие южный или правый берег, еще раз должны были разделиться на две армии, из которых одна должна была продолжать осаду и отражать вылазки осажденных, другая же — прикрывать осаду и выступить против всякой армии, которая пришла бы для освобождения крепости. Приблизительно 35 000 — 40 000 человек нужно было для того, чтобы занять правый берег и продолжать осаду на левом берегу. Таким образом, для активных полевых операций против армии, идущей на освобождение крепости, русские могли бы располагать армией в 80 000 человек, и это было самое большое, что русские могли бы выставить на болгарской территории на 10 — 20 миль вокруг Силистрии.

Взглянем теперь, какие силы союзники могли противопоставить только что перечисленным 180 000 русских. О турецкой армии в Шумле недавно сообщалось, что она насчитывает 80 000 человек, но ей недостает всего, что необходимо для операций в открытом поле: у нее, — по сообщениям лорда Раглана и французских штаб-офицеров, — плохие офицеры и, следовательно, она в таком состоянии, которое решительно препятствует предпринять наступательное движение. Мы не намерены, да сейчас и не в состоянии проверить эти сообщения. Достаточно констатировать, что таково официальное мнение союзников о состоянии турецкой армии. С тех пор войска направлены в Калафата в Руцук, где, как говорят, устроен лагерь на 40 000 человек. Трудно понять политику, которая парализует целый корпус, достаточный для того, чтобы заставить русских прекратить осаду Силистрии, если бы его направить на Бухарест, а не на Руцук. Но известно, что руководство войной находится всецело в руках дипломатии. Если не считать теперешнего гарнизона Руцука и гарнизона запасных частей в Шумле, можно сильно сомневаться, располагают ли турки в открытом поле 50 000 людей, которые в состоянии разрешить стоящую перед ними задачу. По оценке западных военных авторитетов, один англо-французский солдат принимается, правда, равным по

крайней мере двум русским солдатам; все же союзники должны были бы располагать армией в 65 000 человек, чтобы создать противовес русской операционной армии. Поэтому, пока союзники не сконцентрируют в Варне такой военной силы, они едва ли без крайней нужды перейдут к активным операциям.

Между тем они были настолько осторожны, что не выступили в поле сразу с такими силами, чтобы потом не иметь повода уклониться от дальнейших активных операций. Находящиеся теперь в Турции англо-французские войска достигают не более 80 000 человек, не считая остальных 15 000 — 20 000, находящихся сейчас на пути туда, включая почти всю артиллерию и кавалерию. Число транспортных судов в Босфоре — преднамеренно или нет — очень ограничено, так что понадобилось бы много рейсов туда и обратно, если бы войска должны были быть доставлены в Варну исключительно морским путем. Но, «согласно последним и точным сообщениям, — говорит цитированный уже нами выше корреспондент, — до сих пор только 12 000 английских и французских солдат отправлены морским путем, между тем как главная масса французской армии медленно продвигается от Галлиполи к Константинополю и Адрианополю». Так как дороги очень плохи, а затруднения со снабжением армии продовольствием чрезвычайно велики, то все это является предприятием, которое позволяет славному генералу Сент-Арно все время «быть под парами» между Варной и Константинополем. Мы можем быть уверены, что он не упустит ни одного случая дать всякой интриге в Диване такое направление, чтобы при этом получилась солидная выгода для его бездонного кошелька. О двух британских дивизиях, находящихся еще в Скутари, мы узнаем от того же корреспондента, что «они, повидимому, еще не готовы к отплытию, хотя целый флот транспортных судов и пароходов стоит на якоре в ожидании их погрузки».

Из всех этих фактов для каждого становится достаточно ясно, что союзные державы были очень озабочены тем, как бы не расстроить теперешнее соглашение между Россией и Австрией. Если бы они ставили себе противоположную цель, для осуществления ее открывалась очень простая альтернатива: либо англо-шведский союз в Балтийском море, создающий операционный базис для вспомогательных войск путем облегчения вторжения в Финляндию и обхода с суши крепостей Свеаборг и Кронштадт, либо комбинированное нападение с суши и с моря на Крым и Севастополь. Что касается первого предположения, интересно видеть, как лондонский «Times», менее трех недель тому назад настойчиво говоривший о

необходимости послать черноморскую эскадру в Балтийское море, теперь рекомендует простую блокаду балтийских гаваней и немедленное возвращение большей части Балтийского флота в Черное море и внезапно настаивает на оккупации Крыма. Это — та самая газета, которая делала вид, будто она сожалеет, что Непир ничего не может предпринять, прежде чем французский флот не соединится с ним. Теперь, когда это случилось, полагают, что, в конце концов, ничего и *не будет* сделано и что английский и французский флоты лучше бы уж еще раз совершили экскурсию через Каттегат, Ламанш и Гибралтарский пролив в Черное море. Если принять во внимание, сколько времени уже потребовало соединение этих флотов и, с другой стороны, сколько еще потребуется времени для объединения их под командой адмирала Дендаса, станет совершенно ясно, что главная цель этих предложений заключается в том, чтобы и в Балтийском и в Черном морях ничего не было сделано.

Если не считать непредвиденного и неожиданного поражения русских у Силистрии, то единственный пункт, где они понесли потери и окружены опасностями, это Кавказ, хотя об этом еще совсем нет достоверных известий. Они оставили почти все свои крепости на восточном берегу Черного моря не из боязни союзного флота, а для усиления своей армии в Грузии. Сообщают, что при своем отступлении через Дарьяльское ущелье их авангард и арьергард внезапно подверглись нападению значительных воинских сил, состоящих из горцев, причем авангард русских был изрублен, а центр и арьергард вынуждены были отступить с большими потерями. Одновременно армия Селима-паши продвинулась от форта Николая к Озургетам, откуда русские часто беспокоили турок и угрожали им, и принудила русских очистить эту крепость; это был успех, обеспечивший связь Селима-паши с главными турецкими силами в Карсе. Если вспомнить, что даже и эта армия в течение зимы и весны находилась в очень жалком состоянии бездействия, то маневр русских свидетельствует по меньшей мере о том, что они считали свое положение в Грузии непрочным и что подкрепление со стороны берега им было крайне необходимо. Если сообщение о поражении у Дарьяла полностью или хотя бы отчасти подтвердится, то из него следует, что армия Воронцова отрезана и должна пытаться либо создать себе прочную базу в Тифлисе, чтобы, — и эта задача не из легких, — продержаться до следующей зимы, либо она должна подумать о том, чтобы какую угодно ценой пробираться через ущелье. Этот план, во всяком случае, нужно предпочесть отступлению к Каспийскому морю, так как проход, который ведет туда, несравненно опаснее Дарьяла.

Об этом, однако, мы сможем высказаться определеннее лишь по получении более полных и более достоверных известий из этих мест. Пока же мы можем только установить, что Россия, благодаря последним операциям, бесспорно одержала две победы: одну — с помощью займа у Голы и К^о и другую — договором Австрии с Турцией, и что она потерпела одно поражение — под Силистрией. Окажется ли прочный выигрыш от этих побед достаточно велик, чтобы вознаградить за позор поражения, — покажет будущее.

ВОЙНА. — ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ.

Лондон, 27 июня 1854 г.

Русский «Правительственный вестник» сообщает официально из Бухареста, что, согласно приказам из Петербурга, осада Силистрии снята, Журжево очищено, и вся русская армия собирается опять перейти Прут. «Times» опубликовал вчера, в третьем выпуске, аналогичное телеграфное сообщение своего венского корреспондента: «Русский император принял вчера австрийское предложение из уважения к своему старому союзнику и приказал своим войскам снова перейти обратно Прут». Лорд Джон Россель подтвердил во вчерашнем заседании в Нижней палате сообщение о снятии осады Силистрии, но не получил еще официального уведомления об ответе России на австрийские требования.

Австрийское вмешательство будет иметь своим последствием создание барьера между турками и русскими в целях обеспечения безопасности русского отступления и предоставления русским возможности вновь усилить гарнизон Севастополя и Крыма и, может быть, восстановить связь с армией Воронцова. Кроме того, в настоящий момент можно с уверенностью считать совершившимся фактом возобновление Священного союза России, Австрии и Пруссии, так как союзные державы не соглашаются одобрить простое возобновление *status quo ante bellum* [положения как до войны], в крайнем случае с маленькими уступками, которые царь готов сделать в пользу Австрии.

Все мастерство этого великолепного «разрешения» вопроса, являющееся, как говорят, делом рук Меттерниха, уничтожено, однако, благодаря болтливости старого Эбердина и интригам Пальмерстона.

Читатели, может быть, помнят, что при последнем переформировании министерства все старания добиться портфеля военного министра для лорда Пальмерстона, чего, в частности, очень шумно требовала пальмерстоновская пресса, остались тщетными, и благородного лорда сменил на намеченном для него новом посту пилит, герцог Ньюкестль. Эта неудача напомнила, видимо, лорду Пальмер-

стону, что уже пора распустить весь кабинет, и он вызвал поэтому целую бурю против главы кабинета, поводом для чего явилось выступление лорда Эбердина с необдуманной речью против лорда Линдхерста. Вся английская печать занята сейчас этой речью. Во всяком случае, важно отметить, что «Morning Herald» открыто указал на существование заговора против лорда Эбердина еще до того, как эта речь была произнесена. Г-н Лайард поднялся в последнюю пятницу в Нижней палате и сообщил, что он внесет в ближайший четверг следующее предложение: «Язык, которым говорит первый министр короны, рассчитан на то, чтобы вызвать в общественном мнении серьезные сомнения относительно задач и целей войны и уменьшить виды на заключение прочного и почетного мира». В этом предложении два слабых места: во-первых, оно противоречит конституции и поэтому легко может быть отвергнуто, так как оно нарушает парламентское правило, запрещающее критику членом Нижней палаты речи, произнесенной в Верхней палате, и, во-вторых, оно претендует проводить различие между языком премьера и действиями всего коалиционного кабинета. Тем не менее, оно вызвало у лорда Эбердина такую тревогу, что через два часа после его оглашения он поднялся и заявил в необычайно возбужденном тоне, что «в понедельник (опережая г-на Лайарда на целых три дня) он представит палате копию своей телеграммы, адресованной России после заключения Адрианопольского договора, и вернется к искажениям, которым подверглась его недавняя речь в палате лордов по вопросу о войне».

Убеждение, что предложение г. Лайарда вызовет удаление лорда Эбердина из кабинета, было столь сильно, что, например, «Morning Advertiser» уже опубликовал состав министерства, которое должно его сменить, и в котором премьером является лорд Россель и военным министром — лорд Пальмерстон. Можно себе поэтому представить, как необычайно велико было число падких на сенсацию и возбужденных аристократических *интриганов*, которых привлекло состоявшееся последней ночью заседание Верхней палаты и которые с любопытством ждали, как выпутается лорд Эбердин из своего трудного и щекотливого положения.

Прежде чем резюмировать речь лорда Эбердина и речь, с которой напал на него маркиз Кланрикард, я должен вернуться к тому времени и к тем обстоятельствам, о которых главным образом и говорили оба оратора. Это было в 1829 г., когда лорд Эбердин стоял во главе английского министерства иностранных дел. В это время русский флот под командой адмирала Гейдена блокировал Дарданеллы, морские

бухты Ларос и Энос, а также Адрамити и Смирну, и это вопреки соглашению, заключенному в 1815 г. между петербургским и лондонским кабинетами, согласно которому Россия не должна была предпринимать никаких военных действий в Средиземном море. Эта блокада, угрожавшая британской торговле в Леванте, взволновала обычно сонливое общественное мнение Англии и вызвала бурные выпады против России и против министерства. Это привело к встречам русских посланников князя Ливена и графа Матушевича, с одной стороны, и Веллингтона и Эбердина — с другой. В депеше от 1 (13) июня 1829 г. князь Ливен так сообщает о характере происходивших при этом переговоров:

«Разговор с лордом Эбердином, происходивший через несколько часов (после разговора с герцогом Веллингтоном, не удовлетворившего русского дипломата), был не менее замечателен. Будучи не вполне в курсе нашей беседы с премьером, он старался, узнав ее подробности, *смягчить* неприятные впечатления, которые могли получиться от его слов в начале разговора. Он несколько раз повторял свои заверения, *что в намерения Англии никогда не входило искать ссоры с Россией*; что если английское министерство стремилось повлиять на нас, чтобы мы не настаивали на блокаде Эноса, то оно делало это лишь из желания предотвратить докучливые требования о возвращении и укрепить добрые отношения, существующие между двумя кабинетами; *что мы имеем больше оснований, чем, может быть, мы полагаем, поздравить себя с теми выгодами, которые мы получаем от счастливого и постоянного содействия [Англии]*. Он считает своей заслугой, что поддержанию этого согласия он предпочел те временные выгоды, которые представлялись для нас блокадой Эносского залива; но он опасается, что в Петербурге недостаточно хорошо понимают положение английского министерства. Те возражения, которые он [Эбердин] иногда делал, как, например, это имело место в недавно совершившихся событиях, в Петербурге истолковывают как недоброжелательные намерения и враждебные взгляды, — когда на самом деле такие намерения и *arrière pensées* [задние мысли] очень далеки от его настроения и от его политики.

«Но, с другой стороны, его положение является чрезвычайно щекотливым. Общественное мнение Англии всегда было готово к враждебному выпадку против России. *Британское правительство не могло не считаться с ним*, и было бы опасно возбуждать его по вопросам морского права, с которым так тесно связаны национальные предрассудки. Все же Россия может рассчитывать на расположение

и дружеские чувства английского министерства, которое борется против этих национальных предрассудков.

«На это я возразил ему: «Я знаю значение общественного мнения в Англии, и мне заметна перемена, происшедшая на этих последних днях. Общественное мнение против нас в этой войне, потому что считает нас захватчиками, в то время как на нас нападают; нас обвиняют в намерении ниспровергнуть Оттоманскую империю, когда мы *завяляем*, что это не входит в наши планы; в Англии думают, что мы преследуем честолюбивую политику, против которой *мы сами протестуем*. Освещение этого вопроса пред общественным мнением было бы вернейшим способом к его исправлению».

«Лорд Эбердин ответил мне, что дело обстоит не совсем так, как я его представляю; общественное мнение высказывается против России, потому что в Англии оно вообще горячо сочувствует вигам, но, *впрочем, британский кабинет далек от нежелания нам успеха*; напротив, *он желает нам быстрого и решительного успеха*, ибо он знает, что это единственное средство закончить войну, на которую нельзя смотреть иначе, как на великое несчастье, поскольку невозможно предвидеть ее последствий (!). В заключение английский министр пустился в длинные рассуждения, чтобы доказать, что мы приписываем ему намерения, которых он не мог иметь, и кончил заявлением, что лондонский кабинет желает, чтобы война закончилась *с честью и выгодой для России*».

Странно, что никто из противников лорда Эбердина не счел уместным вернуться к этой депеше, которая так убедительно говорит против его поведения в период до заключения Адрианопольского договора, что невозможно придавать еще хоть какое-либо значение секретной депеше его светлости, написанной *после* заключения этого договора. Оглашение цитированной выше депеши одним ударом уничтожило бы единственный аргумент, который лорд Эбердин сумел привести в свою защиту в своей вчерашней речи. Его действительной защитой могло бы быть лишь открытое встречное обвинение лорда Пальмерстона, так как вся эта драка разыгралась исключительно между этими двумя соперничающими друг с другом старыми лакеями России.

Лорд Эбердин начал с заявления, что ему нечего ни брать обратно, ни опровергать, но что он намерен лишь кое-что «объяснить». Против него выдвинуто ложное обвинение, будто он приписывает себе честь подготовки Адрианопольского договора. Вместо того, чтобы его подготавливать, он протестовал против него, как их светлости усмотрят из депеши, оглашение которой он теперь

предлагает. Тревога, которую этот договор вызвал у него и его коллег, была так велика, что одно существование этого договора вызвало перемену всей политики правительства в одном чрезвычайно важном пункте. В чем состояла эта перемена политики? До подписания Адрианопольского договора ни он, лорд Эбердин, ни герцог Веллингтон, следуя в данном случае примеру политики Каннинга, никогда не имели намерения создать из Греции независимое королевство, но хотели сделать ее вассальным государством под сюзеренитетом Порты, приблизительно наподобие Молдавии и Валахии. После подписания Адрианопольского договора положение Турецкой империи казалось им настолько опасным и ее существование до того непрочным, что они предложили превратить Грецию из вассального государства в независимое королевство. Другими словами, было постановлено, — так как Адрианопольский договор так много содействовал ослаблению Турции, — противодействовать его опасным последствиям *отторжением* от Турции целых провинций. Такова была «перемена».

Хотя их опасения возможных последствий этого договора оказались преувеличенными, все же лорд Эбердин очень далек от того, чтобы не считать его в высшей степени вредным и пагубным. Он сказал тогда, что «Россия не приобрела этим договором значительной территории», да и сейчас он утверждает, что Российская империя в течение последних пятидесяти лет не увеличилась значительно в Европе, как это уверял лорд Линдхерст. (Бессарабия, Финляндия и королевство Польское не являются значительными приобретениями по мнению благородного лорда.) Но, как он уже сказал в своей депеше от декабря 1829 г., если территориальные приобретения России не велики, то все же они имеют большое значение: одно из них создало России «исключительное господство над судоходством по Дунаю, а другое отдало ей гавани в Азии, которые, правда, не велики, но политически очень важны». (Обширная территория, приобретенная русскими на Кавказе, опять изгладилась из памяти лорда Эбердина.) С этой точки зрения, — уверял он, — Адрианопольский договор был началом изменения русской политики, которая со времени этого договора стремилась более к расширению своего политического влияния, чем к новым территориальным приобретениям. Перемена политики не была переменой направления. «Сатана стал только умнее, чем в прежнее время». Тот факт, что Россия договорилась с Карлом X о плане приобретения Турции не путем насильственного и пугающего завоевания, а посредством ряда договоров, — факт этот обходится молчанием. Лорд Эбердин счел также неуместным упомянуть, что Россия даже до Адрианопольского договора и договора в Ункиар-

Скелесси, который он цитировал в доказательство изменения русской политики, уже в 1827 г. обязалась по отношению к Франции и Англии не пытаться использовать войну с Турцией для новых территориальных приобретений и что без позволения Англии Россия не могла бы двинуть в 1833 г. армию против Константинополя.

Лорд Эбердин констатировал далее, что его фраза: «если мы могли бы достичь мира, продолжающегося двадцать пять лет, как это было после Адрианопольского договора, то это было бы неплохо», — что фраза эта неверно была истолкована в том смысле, будто он вновь желает договора, подобного Адрианопольскому. Он хотел только сказать: «Что если бы они [министры], благодаря договору в результате военного счастья, сумели обеспечить мир на двадцать пять лет, то это, принимая во внимание непостоянство человеческих дел, было бы не худо. Он никогда не рекомендовал возвращения к *status quo*, равно и не возражал против него. До объявления войны *status quo* было тем, на что они [министры] все надеялись или чего они желали, это было все, чего они хотели добиться, и турецкое правительство соглашалось дать это и даже больше, чем они имели права ожидать. Но когда настоящая война была объявлена, вся постановка вопроса изменилась, и все уже стало зависеть от войны. Никто не может сказать, как далеко зайдет уклонение от *status quo*, поскольку это зависит от событий, управлять которыми совершенно не в их власти. Все, что он может сказать, это — то, что независимость и целостность Турции должны быть обеспечены, действительно обеспечены».

Как ее обеспечить, этого он, лорд Эбердин, сказать не может, так как это опять-таки зависит от военных событий.

Его так поняли, будто он относится с сомнением или с недоверием к опасности русского наступления; в действительности он чрезвычайно опасается русского нападения на Турцию, хотя он и не испытывает большого страха перед опасностью русского нападения на Европу и «склоняется к тому, чтобы с каждым днем все менее этого бояться». Он считает Францию сильнее России и Австрии, вместе взятых. Благородный лорд жаловался «на чрезвычайно пошлый и злостный характер личных заподозриваний, которым он подвергался». Действительно, в стране нет большего миротворца, чем он, но как раз его любовь к миру делает его особенно пригодным для ведения войны с максимальной энергией.

«Его коллеги не откажутся подтвердить, что лично он настойчивее, может быть, чем всякий другой, требовал быстрого продвижения вперед и концентрации сил союзников на Балканах, чтобы

поддержать мужественную армию Османа-паши и протянуть руку Австрии, чтобы дать ей возможность принять более деятельное участие в военных операциях». Такова линия поведения, которой он неизменно следовал. На запрос лорда Бомонта он [Эбердин] заявил, что хотя он, как и прежде, остается искренним другом Меттерниха, но в течение тех восемнадцати месяцев, которые он находится у власти, он не имел с ним сношений ни прямо, ни косвенно; когда несколько дней тому назад один его друг сказал ему, что он собирается написать Меттерниху, и спросил его, не имеет ли он чего сказать князю, он [Эбердин] ответил: «Прошу передать ему мой сердечный привет».

В общем речь Эбердина была принята палатой благоприятно, но замечательно то, что на едкий ответ, данный ему маркизом Кланрикардом, разочарованным карьеристом и бывшим посланником лорда Пальмерстона в Петербурге, никто из членов кабинета ничего не возразил и никто из них не выступил, чтобы удостоверить, что Эбердин был первым, требовавшим энергичного ведения войны.

Маркиз Кланрикард сосредоточил внимание на участии Эбердина в Адрианопольском договоре, на общем характере его политического прошлого и на его теперешних административных грехах. Он сказал, что лорд Эбердин предаст теперь огласке в своих личных интересах, по мотивам чисто персонального характера, депешу, которую несколькими месяцами ранее он отказался сообщить членам обеих палат. Впрочем, совершенно безразлично, что писал благородный лорд в Петербург в декабре 1829 г., после того, как Адрианопольский договор в сентябре был подписан. В чем действительно суть дела, это — в инструкциях, которые он в то время дал нашему посланнику, и в том, какие шаги он предпринял, чтобы помешать подписанию этого договора. Главнокомандующий русских войск в Адрианополе имел не более 15 000 солдат, да и из этого количества нужно было бы вычесть 5 000 — 6 000, буквально находившихся hors de combat [вышедших из строя] вследствие болезней и ран. С другой стороны, турецкий генерал с 25 000 албанцев находился поблизости. Русский генерал дал Турции очень короткий срок для подписания или неподписания предложенных условий, так как он знал, что его действительное положение могло бы быть открыто, если бы он предоставил туркам долгий срок. Поэтому он и назначил не более 5—8 дней. Турецкий министр в Константинополе пригласил в свой совет австрийского и английского послов и прусского посланника и спросил их об их мнении. Английский посол, инструктированный лордом Эбердином, посоветовал возможно скорее подписать договор,

о котором благородный лорд теперь говорит, что договор этот был роковым.

Благородному маркизу неугодно было указать на то обстоятельство, что резкие нападки, с которыми его друг лорд Пальмерстон, бывший тогда в оппозиции, выступил против лорда Эбердина за его чрезмерное руссофобство, как раз и заставили последнего распорядиться о подписании договора.

Маркиз продолжал упрекать премьера, что он всегда был самым ревностным, самым постоянным и самым могущественным сторонником деспотического режима в Европе, в доказательство чего он сослался на историю Португалии, Бельгии и Испании и намекнул на оппозицию Эбердина знаменитому четверному союзу 1834 г. Действительно, нужно было обладать холодным бесстыдством старого виг-лорда, чтобы в этот момент торжествовать по поводу великолетия Бельгии, конституционализма Португалии и Испании и всеобщего преуспевания, которым Европа обязана четверному союзу, о котором Пальмерстон в своей защитительной речи сказал, вопреки истине, будто он был выдуман Талейраном, а не им.

Об операциях теперешней войны Кланрикард сказал, что план кампании разработан высшими военными авторитетами России в декабре прошлого года, и английское правительство было поставлено в известность, что кампания имеет своей задачей не простую оккупацию княжеств, но переход Дуная, взятие Силистрии, обход Шумлы и поход на Балканы. Благородный лорд, хотя и был обо всем этом осведомлен, явился в палату, чтобы говорить о мире, и ничего не сообщил об указаниях, которые в то время и до конца февраля или до начала марта кабинет давал военному министерству.

Если бы лорд Кланрикард припомнил, что лорд Пальмерстон отвечал в Нижней палате Дизраэли, а лорд Кларендон — ему самому в Верхней палате, он воздержался бы от смешного обвинения одного только лорда Эбердина в этом пренебрежении к своим обязанностям, не делая в то же время своим друзьям вигам никаких упреков, хотя их заслужил весь кабинет. «Если бы, — воскликнул маркиз, — если бы правительство 15 месяцев тому назад вступило на надлежащий, он почти готов сказать на честный, путь, то войны не было бы вовсе». Это как раз те самые слова, с которыми Дизраэли обратился к лорду Джону Росселю.

Наконец, маркиз дошел до такой нелепицы, что приписал все ошибки коалиции и ее постоянные поражения в парламенте по всем важным вопросам лично и исключительно лорду Эбердину. Его память ему изменила, иначе он должен был бы вспомнить, что уже при

образовании кабинета всякий разумный человек говорил, что он не удержится и шести недель, разве лишь, если все законодательство останется для него открытым вопросом и он будет воздерживаться от какой бы то ни было политики.

После глупой речи лорда Брума, заявившего о своем полном удовлетворении и первой, и еще более второй речью лорда Эбердина, вопрос был снят.

Вызывает тревогу во всем этом инциденте то, что значение тайного протокола, составленного в Вене, сведено к нулю, а это означает продолжение войны, быстрого окончания которой ожидали уже с такой уверенностью, что консоли поднялись на 3%, несмотря на наличность на рынке значительных займов, а в военных клубах заключались пари, что война ни в коем случае не продолжится более четырех недель.

***РУССКИЙ ЗАЕМ. — ЭВАКУАЦИЯ КНЯЖЕСТВ. — АВСТРО-ТУРЕЦКИЙ ДОГОВОР. — МОЛДАВИЯ И ВАЛАХИЯ.**

Лондон, 4 июля 1854 г.

Выясняется, что русский заем, повидимому, не был в положительном смысле оформлен со стороны гг. Гоге из Амстердама, как я полагал раньше на основании сообщений, сделанных на лондонской и манчестерской биржах; повидимому, эти банкиры не авансировали русскому казначейству никаких денег. Они взялись предложить только этот заем на различных биржах Европы, но не беря на себя никакой ответственности. Сообщают, что успех этого займа весьма сомнителен, и мы имеем сведения, что в Берлине и Франкфурте к нему относятся несочувственно. Гамбургский сенат запретил его официальную котировку, а английские дипломатические агенты и консул, как сообщает «Morning Chronicle», обратились с предупреждением к британским подданным, советуя воздержаться от подписки на заем, «имеющий целью доставить средства на войну с королевой».

Сведения о движениях русских войск после снятия ими осады с Силистрии противоречивы. В то время как «Moniteur» сообщает об отступлении русских за Прут, венская «Presse» говорит, что нет ни малейших оснований для того, чтобы верить в действительность подобного движения. Напротив, русские не собираются эвакуироваться даже из Валахии, поскольку генерал Липранди выдвинул свои позиции к Плоешти и к Кимпина, а его аванпосты расположены у входа в Ротертурм, в то время как главная армия, отходя от Слободжика и по левому берегу Дуная, остановилась, как сообщают, у Браилова. С другой стороны, корпус Лидерса, занимающий Добруджу, еще не оставил линии Траянова вала, и мало вероятно, чтобы даже в случае дальнейшего отступления были сданы Мачин и Исакча. Говорят, что Молдавия будет наводнена свежими войсками, и у русских имеется, повидимому, план сосредоточить здесь большие силы. Корпус генерала Панютина пришел сюда из Подолии, и дополнительные силы подтянуты из Бессарабии. Говорят, что все силы русских в Верхней Молдавии, между Яссами, Романом и Ботушани, достигают 60 000, одна дивизия в 20 000 человек стоит у Каменца. «Паскевич, — говорит

«Ostdeutsche Post», — заявил, что он ни в каком случае не оставит устьев Дуная». Свое отступление русские объясняют только вспыхнувшей на верхнем Дунае эпидемией.

Пока еще совершенно неясно, что предпринимают австрийцы. Говорят, корпус Коронини получил приказ погрузиться на пароходы в Оршове, чтобы спуститься по реке в Журжево и отсюда направиться в Бухарест. «Corriere Italiano», австрийский правительственный орган, сообщает, что целью этой операции является только занятие нейтральной позиции в Валахии; одновременно, однако, нам сообщают, что Россия отклонила австрийский «ультиматум». Телеграмма, помещенная в «Morning Chronicle», сообщает: «В своем ответе на австрийское предложение русский император выражает готовность вести переговоры с четырьмя державами по всем вопросам, кроме вопроса о привилегиях христианских подданных султана. По этому вопросу он намерен вести переговоры непосредственно и исключительно с Портой и отказывается допустить четыре державы в качестве посредников. Точно так же он отказывается представить гарантии, что княжества будут эвакуированы».

Этот отказ легко может привести к мнимой войне между Австрией и Россией, войне, которая, возможно, сведется к такому же замечательному сражению, как знаменитое дело под Бронцеллем, которым мнимая война между Пруссией и Австрией в 1850 г. была закончена в то время, когда газеты еще терялись в догадках на тему об ужасных последствиях этого «средне-европейского кризиса». Вместо того, чтобы заниматься подобными фантастическими соображениями о возможном значении теперешней политики Австрии, лучше обратимся к австро-турецкому договору 14 июня, официально и целиком опубликованному.

Здесь нужно обратить внимание на два вопроса: о взаимоотношениях между Австрией и Турцией и о взаимоотношениях между молдавско-валахским народом и Турцией и Австрией или другими иностранными державами; этот последний вопрос, что особенно поразительно, оставляется в полном пренебрежении находившимся во власти дипломатии общественным мнением Европы.

Первая статья договора гласит: «Австрийский император принимает на себя обязанность исчерпать все средства, как посредством переговоров, так и иным путем, чтобы добиться очищения Придунайских княжеств занимающей их иностранной армией и в случае необходимости выставить необходимое для достижения этой цели количество войск». Этим постановлением австрийский император уполномочивается послать в Валахию столько войск, сколько он поже-

лает, без предварительного объявления им войны России. Так турецкое вассальное государство подвергается операции, которая превращает его в нейтральное владение под властью Австрии и против Турции. Второй статьей определяется: «В этом случае императорскому верховному командованию будет принадлежать исключительное руководство операциями своей армии. Оно должно будет, однако, озаботиться своевременным осведомлением о своих операциях главнокомандующего оттоманских армий».

Благодаря этому соглашению, австрийцы не только оказываются свободными от какого бы то ни было контроля Турции над операцией, которую они признают для себя целесообразной, но от них к тому же оказываются в полной зависимости и все операции, которые турецкое командование, может быть, предпримет на валахской территории; стоит им только уведомить турецкое командование, что они намерены занять тот или иной пункт, и этого уже достаточно, чтобы помешать туркам направиться туда. Если принять к тому же во внимание, что, кроме узкой территории Добруджи, княжества являются единственным возможным плацдармом между Турцией и Россией, то отсюда ясно, что австрийское вмешательство сделало для Турции просто невозможным дальнейшее развитие ее побед и наказание вторгшегося на ее территорию противника.

По статье 3-й «австрийский император принимает на себя обязанность по соглашению с оттоманским правительством в *кратчайший срок* восстановить в княжествах законный порядок в соответствии с привилегиями, касающимися внутреннего управления в княжествах и гарантированными Высокой Портой. *Восстанавливаемые таким образом местные власти* не смогут, однако, настолько расширить круг своей деятельности, чтобы в какой-либо форме контролировать императорскую армию».

Австрийский император сохраняет таким образом за собой полную свободу восстановить законный порядок вещей, когда это покажется ему *возможным*; и даже тогда ему предоставляется восстановить местные власти лишь для того, чтобы подчинить их австрийскому военному закону, по образцу русского генерала Будберга.

По статье 4-й «императорский австрийский двор обязуется не заключать никакого соглашения с императорским русским двором, которое не исходило бы из признания суверенных прав султана и неприкосновенности его империи».

Статья 5-я добавляет: «Как только цель настоящей конвенции будет достигнута заключением мирного договора между Высокой Портой и русским двором, австрийский император примет

немедленно меры к тому, чтобы его военные силы были в *кратчайший срок* выведены из княжеств. Подробности увода австрийских войск составят предмет специального соглашения с Высокой Портой».

В первой из этих двух статей Австрия сохраняет за собой право заключить соглашение с Россией с тем лишь, что оно должно покоиться на принципе *status quo*, как он установлен в Венской ноте. В последней статье Австрия не обещает увести войска после того, как она сама заключит соглашение с Россией, а лишь тогда, когда будет заключен договор между Россией и Турцией. «Материальная гарантия», недостаточно обеспеченная теперь в руках России, передается Австрии, и Австрия уполномочивается сохранять ее вместо Порты — с согласия последней — до тех пор, пока Турция не присоединится к «соглашению между обоими императорскими дворами».

Статья 6-я уполномочивает Австрию, даже и без видимости уплаты, присвоить себе все жизненные припасы, оставленные русскими в княжествах. Выгоды этого предприятия будут особенно оценены в Германии, где привыкли к тому, что карой за революционные грехи является австрийский гарнизон, и где в 1849 — 1850 гг. австрийцы опустошили довольно большие области.

По существу договор означает передачу княжеств Австрии и прекращение турецкого сюзеренитета над ними. Турки совершили при этом такое же вопиющее нарушение прав молдавско-валашского народа, как это ранее сделали русские. Турки точно так же не в праве отдавать княжества для австрийской оккупации, как они не в праве объявлять их русскими провинциями.

Притязания Порты на сюзеренитет над Молдавией и Валахией основаны на договорах 1393, 1460 и 1513 гг. Договор 1393 г. между Турцией и Валахией содержит следующие статьи:

«Статья 1. Мы, Баязет, и пр., по нашему крайнему снисхождению к Валахии, подчинившейся нашей непобедимой империи, вместе с ее правящим князем, постановляем, что эта страна должна продолжать управляться по своим собственным законам и что валашский князь будет иметь полную свободу объявлять войну и заключать мир со своими соседями, как и когда это ему угодно.

«Статья 3. Князья (христиане) избираются митрополитами и боярами.

«Статья 4. Валашский князь обязан платить в императорскую казну ежегодную дань в 500 пиастров».

Договор, заключенный в 1460 г. Владом V, князем валашским, с Магометом II, постановляет:

«Статья 1. Султан соглашается и обязуется за себя и своих преемников покровительствовать Валахии и защищать ее против всех ее врагов, не требуя от нее чего-либо, кроме признания своего сюзеренитета над Валахией, как суверенным княжеством, за что воеводы должны платить Высокой Порте дань в 10 000 дукатов.

«Статья 2. Высокая Порта никоим образом не вмешивается в управление названного княжества, и ни один турок не имеет права вступать в пределы Валахии без какой-либо серьезной причины.

«Статья 3. Воеводы попрежнему избираются митрополитами, епископами и боярами, и эти выборы признаются Портой как законные.

«Статья 4. Валахский народ продолжает свободно пользоваться своими законами, и его воеводы обладают правом жизни и смерти над своими подданными, также как и объявления войны и заключения мира, не неся никакой ответственности в своих действиях перед султаном».

Третий договор, это — договор 1513 г., в котором Молдавия признает сюзеренитет Турции и выговаривает себе еще более благоприятные условия, чем те, которые достигнуты Валахией.

Договоры, заключенные между Россией и Турцией, не могли, конечно, лишить силы договоры, которые молдаво-валахи сами заключили с Портой, так как народы эти никогда и сами не вели переговоров с Россией и Порте не поручали договариваться за них. Впрочем, здесь стоит отметить, что Россия сама признала в Адрианопольском договоре упомянутые выше соглашения. В пятой статье этого договора говорится: «Княжества Валахия и Молдавия подчинились через капитуляцию сюзеренитету Высокой Порты, и поскольку Россия гарантирует их преуспевание (!), является само собой очевидным, чтобы они пользовались теми привилегиями и иммунитетами, которые были дарованы им в силу их капитуляции».

Из цитированных выше соглашений, которые еще остаются в силе, так как никаким позднейшим договором они не отменены, вытекает, что княжества являются двумя суверенными государствами под сюзеренитетом Порты, которой они платят дань под условием, что Порта защищает их от всех внешних врагов, кто бы они ни были, и при этом отнюдь не вмешивается во внутреннее управление княжеств. Турки не только не имеют права отдавать Валахию под иностранную оккупацию, но и им самим запрещено переходить на территорию Валахии без видимого серьезного основания. Больше того: так как турки нарушили таким образом свой договор с валахами и потеряли право на сюзеренитет, то русские даже могли бы, если бы валахи обратились к ним, обосновать свое право изгнать

австрийцев из княжеств указанием на нарушенные Турцией договоры. И это отнюдь не было бы неожиданностью, так как Россия всегда вела политику поощрения и даже подстрекательства Турции к нарушению прав валахов, чтобы посеять между ними вражду и создать себе таким образом повод для вмешательства.

Что, например, произошло в 1848 году? Весною этого года несколько бояр подали молдавскому князю петицию, в которой требовали известных реформ; благодаря влиянию русского консула эти требования не только не были удовлетворены, но авторы петиции были брошены в тюрьму. Движение, вызванное этой мерой, дало затем русским повод перейти 25 июня границу и открыть наступление на Яссы. Одновременно валашский господарь, подобно прочим континентальным правительствам, даровал несколько реформ, которых требовала либеральная партия валашских бояр. Это было 23 июня. Что эти реформы ни в какой мере не затрагивали суверенитета Порты, кечего и говорить. Но они разрушили все влияние, которого Россия добилась благодаря основному закону, изданному ею во время оккупации 1829 г. и упраздненному указанными реформами. Установленная вместо этого основного закона конституция отменила крепостное право и передала крестьянам в собственность часть земли, на которой они жили, помещики же были вознаграждены государством за перешедшую к крестьянам землю и за потерю прав на труд их крестьян. Вслед за тем правящий князь был принужден русскими отказаться от престола, и было образовано временное правительство для заведывания государственными делами. Порта, которая, как мы видели, не имела права вмешиваться во внутренние дела княжеств и которая упустила время для протеста против вступления русских в Молдавию, послала Солимана-пашу с турецкой армией в Валахию и опубликовала угрожающее обращение султана к ее населению; Диван принял эти меры, конечно, под русским влиянием. Валахи вышли навстречу паше и туркам и побратались с ними. Было заключено соглашение, что вместо временного правительства будет создано *княжеское наместничество*, которое должно было состоять сначала из шести, затем из трех лиц. Это правительство было затем признано пашей и по настоянию паши также и иностранными консулами. После того как новая конституция подверглась еще некоторым изменениям, она была утверждена султаном.

Между тем русское правительство в манифестах, обращенных ко всей Европе, возмущалось против валашского народа и обвиняло его в том, что он ввел республику и прокламировал коммунизм. 1 августа 1848 г. большой русский военный отряд перешел Прут,

направляясь в Бухарест. Внезапно Солиман-паша был отозван Портой; султан отказался принять валашских депутатов, прибывших в Константинополь по его собственному приглашению, и 25 сентября Фуад-эфенди во главе турецкой армии появился под Бухарестом и заявил, что он явился только для того, чтобы лишить Россию всякого повода для перехода на территорию княжеств. Веря словам турок, более 100 000 жителей города Бухареста и его окрестностей, невооруженные, в праздничных одеждах, с духовенством во главе, вышли с приветствиями навстречу туркам. Фуад-эфенди пригласил их послать в его лагерь депутацию, которой он сообщит свои инструкции. Господин Братиану рассказывает в своем отчете об этих событиях: «Не успела еще депутация представиться Фуаду-эфенди, как она уже была арестована, и в то же время турецкая армия стремительным маршем бросилась в Бухарест, давя под копытами своей кавалерии мирных жителей, вышедших встречать турок как друзей, разрывая их знамена, ломая кресты, бомбардируя встретившийся на пути военный барак, так же как и военный квартал в самом Бухаресте, стреляя картечью в находившихся там валашских солдат, побуждая их сдаться и сложить оружие и умерщвляя больных; достигнув города, армия предалась грабежу и убийствам и прочим ужасным насилиям».

Здесь русекий уполномоченный, генерал Дюгамель, также сопровождал турецкую армию и фактически командовал ею. Русская армия следовала за ним, и результатом явился договор в Балта-Лимане, который, кроме ряда других вещей, восстановил русский основной закон, так называемый *Сталато*. Это есть не что иное, как *status quo*, вернуть к которому Валахию Австрия ставит себе теперь задачей.

Ясно, что если бы Омер-паша вступил теперь со своей победоносной армией в Валахию, турки, наученные своим последним опытом и находясь в состоянии войны с Россией, восстановили бы конституцию 1848 г., благодаря которой вновь оживилась бы «республика, коммунизм» и все творения 1848 г. Никто не думает, что Австрия менее недовольна этой перспективой, чем Россия. Точно так же ясно, с другой стороны, что на Порту должно было быть оказано совершенно исключительное давление, прежде чем она дала принудить себя к нарушению ее договоров с валахами, последствия которого по опыту должны быть ей известны. Давление это могло быть оказано только английским посланником. Интересно поэтому напомнить, как тот же самый лорд Редклифф и его начальство на Даунингстрите относились в 1848 — 1849 гг. к насилиям, совершенным русскими и турками против прав Молдавии и Валахии,

Когда русская армия в июне 1848 г. впервые перешла молдавскую границу, лорд Пальмерстон заявил в Нижней палате, отвечая на вопрос неизбежного Дедли Стюарта, что русская армия вступила в Молдавию без приказа петербургского кабинета, что она имеет целью лишь установление порядка, что после этого она немедленно будет выведена, что переход ее произошел с согласия господаря и у России нет намерения приобретать эту территорию.

Когда в августе 1848 г. русская армия на пути в Бухарест вновь перешла Прут и молдаво-валахи послали депутацию в Константинополь, Диван обратился за советом к английскому и французскому посланникам и получил от лорда Редклиффа совет следовать той политике, какой следуют русские.

Когда в октябре турки и русские совместно заняли Валахию, один валашский офицер подвергся со стороны русских преследованию до самой квартиры командующего турецкими войсками в Бухаресте Омера-паши, который вместе с Фуадом-эфенди заявил протест против этого. Когда Порта узнала об этом оскорблении, она заявила, что не желает более иметь дела с русскими и намерена отозвать свои войска за Дунай, чтобы не нести более вместе с русскими вины за то, что творится в княжествах. При этом Порта угрожала, что она обратится с торжественным протестом к великим державам, с приложением подробного меморандума о всех событиях в княжествах. Опять вмешался тот же посланник и расстроил эти намерения Порты.

Когда, наконец, общая русско-турецкая оккупация в 1849 г. приняла характер террористического режима, и Магиеро, вождь валашских регулярных войск, один только оказывал сопротивление, он вынужден был отступить за Карпаты, «подчиняясь доводам британского генерального консула, который указывал ему, что присутствие его армии парализует деятельность дипломатии и что стране его будет оказана помощь для восстановления ее в правах».

* АВСТРИЯ И ВАЛАХИЯ. — ОТПРАВЛЕНИЕ БАЛТИЙСКОЙ ДИВИЗИИ.

Лондон, 7 июля 1854 г.

Австрия в данный момент решает судьбу войны. Если ее войска еще не вступили в Валахию, то только потому, что она ждет ответа русского императора. Горчаков, как сообщает телеграф, уже прибыл в Вену, привезя с собой неприятный ответ. Австро-пруссские требования, отосланные 3 июня, впервые опубликованы в «Kölnische Zeitung». Основные положения в австрийских требованиях таковы: «Император России, мудро взвесив все представленные ему соображения, оценит значение, которое австрийский император придает тому, чтобы русские армии не расширяли более своих операций в странах по ту сторону Дуная, и чтобы он [русский император] дал определенные указания о точном и, мы надеемся, не слишком отдаленном сроке, в течение которого будет закончена оккупация княжеств. Император Николай, мы в этом не сомневаемся, желает мира; он озаботится поэтому принятием мер, которые приведут к прекращению положения вещей, с каждым днем все более становящегося источником глубоких тревог для Австрии и Германии. Мы уверены, что он не пожелает продолжением неопределенного срока оккупации или выставлением для эвакуации княжеств условий, которые нами не могут быть приняты, заставить императора Франца-Иосифа самого принимать меры к охране интересов, подвергающихся столь значительной угрозе при теперешнем положении вещей».

Прусская нота, которая должна поддерживать австрийские «требования», заканчивается следующим: «Король надеется, что русский император согласится поставить спорный вопрос на практическую почву, чтобы облегчить его удовлетворительное разрешение путем ограничения и установления точных пределов действий обеих сторон. Наш августейший государь надеется поэтому, что настоящий шаг встретит со стороны императора России прием, отвечающий стремлениям, которые его вызвали, и что ответ, которого мы, так же как и венский кабинет, ждем с интересом, соответствующим его

важности, сможет освободить короля от тяжелой необходимости, налагаемой на него его долгом и его обязательствами».

Ставка Гесса, главнокомандующего австрийской армии, будет находиться в Черновицах. «Soldatenfreund» («Друг солдата») в Вене набрасывает следующую биографию генерала Гесса: «Фельдмаршал фон-Гесс родился в Вене в 1788 г., в 1805 г. поступил в полк Гинля прaporщиком, в конце 1815 г. был лейтенантом, в 1822 г. был назначен подполковником и военным интендантом в Турине. С 1829 г. полковник, в 1831 г. был назначен квартирмейстером подвижного корпуса в Верхней Италии. В 1842 г. он получил чин генерал-лейтенанта, в 1848 г. был начальником штаба армии Радецкого. Ему принадлежит выработка планов похода на Мантую, Куртатону и Виченцу в 1848 г., а также краткой кампании 1849 г., закончившейся битвой при Новаре».

Об открытых планах Австрии при оккупации Валахии я приведу цитаты из самих австрийских газет.

Франкфуртский «Oberpostamts-Zeitung», орган австрийского посольства при Союзном сейме, замечает: «Австрия, благодаря своему географическому положению, обязана сыграть самую крупную роль в деле восстановления мира, разделив фактически оккупацией княжеств воюющие стороны и заняв значительное пространство между ними. Если русские отступают за Прут, турки и их союзники не могут перейти Дунай. Если мы далее примем во внимание, что обе стороны приобрели известную опытность и отказались от своих иллюзий (русские — от иллюзии своего военного превосходства, морские державы — всемогущества своих флотов), — то ясно, что теперешняя ситуация делает восстановление мира почти неизбежным».

«Lloyd» с своей стороны замечает: «оспариваемая территория, т. е. княжества, поступила бы под покровительство нейтральной державы. Турецкая армия не могла бы тогда достичь позиций на берегах Прута. Вооруженный противник стоял бы между войсками западных держав и войсками России и мешал бы столкновению их в Дунайских княжествах. Ввиду этого факта на самом важном театре военных действий наступило бы перемирие. Если еще действительно существует возможность мира, эта мера приблизит его. Без сомнения, она будет предметом разговоров в Петербурге и других местах, но решение Австрии занять княжества предпринято с точки зрения мира и является последним шагом в деле предупреждения всеобщей войны».

Последнюю и наиболее интересную статью такого рода мы находим в «Speyersche Zeitung», выходящей в Берлине: «Новая конферен-

ция послов четырех великих держав собирается в Вене, во-первых, для обсуждения конвенции между Австрией и Портой и для заявления, что она согласована с прежними протоколами конференции, во-вторых, для того, чтобы столковаться о таком изменении Венского протокола 9 апреля, чтобы он мог служить основой не для войны, а для будущего мирного договора.

Австрия, между тем, воспользовалась этими событиями, чтобы составить проект нового займа, официально опубликованные условия которого таковы:

1. Сумма займа предположительно устанавливается в 350—500 милл. флоринов. Если подписка достигнет этой суммы, платежи производятся в три, четыре или пять лет, в зависимости от суммы подписки.

2. Ставки эмиссии определяются в 95 банковыми билетами.

3. Процент должен быть 5 и уплачиваться металлической монетой.

4. Подписка не носит принудительного характера; императорское правительство обратится через соответствующие управления всех провинций к *патриотизму* подданных империи.

5. Займом будет уплачен государственный долг банку в сумме около 80 миллионов, в целях восстановления стоимости банковых билетов. Остаток (очень остроумно называть остатком четыре пятых всей суммы) будет употреблен для бюджетов ближайших лет.

«Lloyd» уверяет, конечно, что эта большая финансовая операция, как ее сейчас (и почти впервые!) проектируют, раз навсегда положит конец теперешней депрессии австрийского курса. Читатели помнят, что этот аргумент приводился в пользу почти каждого из австрийских займов текущего столетия. Но в этой крупной операции есть, однако, пункты, которые останутся, может быть, незамеченными ими, так как они заботливо опущены в цитированном выше сообщении. О причинах этого вчерашний «Globe» пишет следующее: «Этот заем будет национальным, т. е. все плательщики налогов должны подписываться на заем пропорционально уплачиваемым ими налогам. Сначала применяется моральное, затем физическое принуждение. В действительности это не что иное, как установление нового налога с обещанием, что эта специальная сумма будет возвращена».

Характерно, как эта крупная операция и в своей мотивировке, и в способе ее осуществления напоминает последние испанские указы, явившиеся предисловием к революции.

В моем последнем письме я обратил ваше внимание на права и состояние валашского народа и указал на дипломатические трения,

которые возникли будто бы по поводу их нарушения. В парижском «Siècle» только что появился доклад Барбо Бибеско, префекта Мегединца в Малой Валахии, адресованный министру иностранных дел Порты. Здесь мы, наконец, слышим голос в защиту народа, населяющего княжество, к судьбе которого «защитники цивилизации» относятся с таким позорным равнодушием. Доклад начинается сообщением, что «русские, чтоб отомстить за пассивное сопротивление безоружного народа, позволили себе при отступлении из Малой Валахии самые отвратительные жестокости и разрушения. Они захватили с собою всю наличность общественных денег, печати и архивы правлений и церковную утварь. На своем обратном пути они убивали скот, уцелевший от прежних бесчисленных реквизиций, причем не брали его с собою, а оставляли гнить, делая это исключительно для того, чтобы народ почувствовал их жестокость и ненависть». О слухах о вступлении австрийцев в Валахию Бибеско замечает:

«Даже и благожелательная иностранная армия всегда является бременем для оккупированной ею страны». Он говорит, что Валахия не нуждается в австрийцах; она сама в состоянии выставить 50 000 приученных пользоваться оружием и дисциплинированных людей. В каждом из 17 департаментов Валахии имеется в настоящий момент 3 000 человек жандармерии для охраны лесов и дичи, старых солдат, которых надо только вооружить, чтобы по первому сигналу они бросились на русских. Он заканчивает следующими словами:

«Нам недостает только оружия; если его недостаточно в ваших арсеналах, то его много на многочисленных фабриках Франции, Англии и Бельгии, и мы готовы заплатить за него. Оружия! и еще раз оружия, ваше превосходительство, и тогда не пройдет трех месяцев, как в княжествах не останется ни одного солдата и Высокая Порта будет иметь в своем распоряжении 100 000 румын, стремящихся так же страстно, как и османы, преследовать и наказывать своего общего и непримиримого врага».

Бедный префект Мегединца не понимает, что Австрия именно для того и подчиняет валахов своей оккупации, чтобы помешать их вооружению и не допустить, чтобы они вместе с османами преследовали и прогнали русских.

Сэр Чарльз Непир, по сообщению наивных лондонских газет, пытается выманить царских адмиралов из Кронштадта, за оборонительными гранитными стенами которого они «трепещут» перед англо-французским флотом. Почему, однако, английские матросы

не оставляют своих деревянных стен, чтобы вступить в борьбу с русскими в их стихии, на суше? Не надо все же упускать из виду, что, несмотря на все хвастовство англичан, русские выступили из Севастополя и «повредили» пароход «Fury».

Барагэ д'Илье назначен командующим дивизией, которая должна погрузиться на суда, чтобы отправиться в Балтийское море, и отъезд которой назначен на 14-е с. м. Англия должна предоставить транспорт для 6 000 человек. Такое же количество войск и полевая батарея будут погружены на французские пароходы. Если мы к этому прибавим морскую пехоту, находящуюся под командой полковника Фиерона, то вся балтийская дивизия достигнет 13 000 ~ 14 000 человек. А так как одновременно в Марселе еще не прекратилась погрузка войск для отправки в Черное море, то, очевидно, процесс разоружения Франции еще не дошел до желанной степени «безопасности».

* ОСАДА СИЛИСТРИИ.¹

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Около 80 лет тому назад, когда победоносные армии Екатерины II отрывали от Турции одну провинцию за другой, превращенные тогда в то, что теперь называется Новороссией, в одном из стихотворений поэта Державина, выражающем лирический восторг, с которым он обычно превозносит если не добродетели, то славу этой императрицы, мы встречаем заслуживающую внимания фразу, которая и сейчас выражает высокомерную смелость и самоуверенность царской политики:

На что тебе союз? — о Росс!
Шагни — и вся твоя вселенна.

Это и сегодня было бы верно, если бы только русский мог продвигаться вперед; этому движению, однако, довольно энергично поставлен барьер. Поэтому он вынужден, по крайней мере в настоящий момент, немного отсрочить захват всего мира. Но особенно задевает его гордость то, что, отступая, он не только не может захватить с собой какой-либо залог мирового господства, но вынужден даже оставить ключи простой крепости Силистрии на Дунае, завладеть которой он поклялся. И что еще более горько, он оставляет также останки приблизительно 50 000 своих братьев, которые пали и погибли от болезней в течение этой единственной в своем роде кампании.

Осада Силистрии, несомненно, с военной точки зрения — важнейшее событие с начала этой войны. Кампания для русских должна считаться проигранной после того, как им не удалось взять эту крепость, и отступление за Серет, которое они сейчас совершают, присоединяет к этому позору еще немилость царя. Более ранние стадии осады мы уже точно и, как мы надеемся, ясно изложили нашим читателям; теперь, когда, наконец, имеются официальные русские отчеты, мы можем проследить эту операцию до ее завершения, не оказываясь несправедливыми ни к одной из сторон. Кроме русских отчетов, ясно, отчетливо и деловито излагающих то, что они сообщают,

¹ В «Трибуне» статья озаглавлена: «Война на Дунае». Ред.

но содержащих множество пропусков, мы пользуемся еще отчетом лейтенанта Несмита (из бенгальской артиллерии), написанным для «Times». Это — настоящий дневник осады, содержащий много интересных подробностей, но написанный несколько небрежно, кое-где сообщающий неточные даты. Высказанные нами ранее взгляды и заключения об осаде, — мы можем это спокойно утверждать, — этими более поздними и более подробными отчетами полностью подтвердились до такой мелочи, что турки не отказались от защиты форта Араб-Табия, как мы и предполагали во время осады. Русские в своих операциях действовали еще более необдуманно, чем мы подозревали. Сначала они прямо напали на крепость с востока в низинах Дуная и надеялись, что смогут совершенно обойти обособленные от крепости форты, чтобы сразу сделать брешь в главной стене крепости. Если эта попытка имела какие-либо достоинства, то лишь достоинства оригинальности. Она является, может быть, первым примером того, как окопы и рвы устраиваются против крепости на пространстве, которое не только может подвергнуться фланговому удару, но и в тылу замыкается высотами, господствующими над этим пространством и укрепленными неприятелем. Затем было предпринято второе неправильное нападение как раз на эти высоты, причем оно велось так искусно, что после того как две недели были потрачены на рекогносцировки и атаки, во время которых тысячи русских были убиты и изувечены, против этих высот должна была быть начата правильная осада. А теперь перейдем к подробностям осады.

1 июня русские получили с левого берега Дуная свежий транспорт осадных орудий, которые они выставили против Араб-Табия. Турки рыли шанцы и прокладывали мины под внешними скатами и под гласисом этого форта. 2 июня был убит бомбой Муса-паша, командующий войсками в Силистрии. К вечеру русские зажгли мину под одним из бастионов Араб-Табия. Так как они к этому времени не могли еще достичь вершины гласиса, то мина, несомненно, была заложена не очень точно. Расстояния и линия наименьшего сопротивления, видимо, были ошибочно рассчитаны, и благодаря этому случилось, что мина, вместо того, чтобы повредить турецким защитительным сооружениям, взорвалась назад и засыпала русские окопы градом камней и земли. Но тут штурмовые колонны как раз приготовились к нападению, и можно легко себе представить впечатление, которое произвел на них этот град камней. Насколько, впрочем, русским удалось успешно блокировать крепость, можно видеть из того факта, что 5000 турецких нерегулярных войск из Расгарда, к западу от Силистрии, прорылись в этот осажденный город.

С 4 по 8 июня работа в траншеях против Араб-Табия продолжалась. Русские появились на гласисе, мужественно подвели подкоп до его кроны, которая, впрочем, лишь слабо защищалась артиллерийским огнем. Они начали подводить мину под ров и довели ее до откосины бастиона. Эти работы еще продолжались, когда генерал Паскевич предпринял 9 июня одну из своих непонятных военных операций в виде рекогносцировочного марша против крепости в составе 31 батальона, 40 эскадронов и 144 полевых орудий. Что он рассчитывал выиграть этой операцией, этого никто не может сказать. Кажется, она была произведена в надежде, что откроется какой-нибудь случай для серьезных действий или, по крайней мере, для того, чтобы убедить врага в невозможности сопротивления. На турок, однако, это не произвело подобного впечатления. Они выслали навстречу русским 4 000 кавалерии, которая, как говорит русское сообщение, была жестоко разбита. Несмит, напротив, уверяет, что они вернулись с 60-ю русскими лошадьми, захваченными ими во время рукопашной. И вместо того, чтобы произвести рекогносцировку в своих интересах, Паскевич был сам рекогносцирован турецким пушечным ядром, выведшим его из строя, так что он должен был быть отвезен в Яссы.

10 июня осада достигла своего кульминационного пункта. Большая мина, последняя надежда Шильдера, взорвалась. Она пробила, правда, широкую брешь в переднем бастионе Араб-Табия. Русские колонны продвинулись вперед для штурма; как, однако, они должны были ожидать, турки давно уже поставили второй бруствер со рвом немного позади главного бруствера, и когда русские двинулись вперед, они увидели на своем пути препятствие и подверглись убийственному огню. Но если идущая на штурм колонна раз остановлена, она уже разбита, так как неприятельский огонь, прикрытый бруствером и поддержанный артиллерией, стреляющей на таком расстоянии, что каждый выстрел попадает в цель, вынуждает ее отступить в течение нескольких минут. Русские должны были поэтому отступить через пробитую ими брешь, и при этом они до самых своих окопов подверглись преследованию турок, разрушивших часть осадных сооружений. Это наступление было последней серьезной операцией русских против Силистрии. Если осада по видимости и по названию продолжалась, пока не пришел приказ о ее прекращении, то это делалось только для сохранения внешнего приличия. 12 июня блокада поддерживалась так слабо, что европейские офицеры из Шумлы без затруднений могли пройти в крепость.

19 мая русские начали прокладку своих ровов в низинах Дуная.

22 мая их батареи, в числе 7, начали обстрел Араб-Табия. На следующий день против этого форта было выставлено еще 15 орудий. И все же, согласно русскому отчету, регулярное нападение на Араб-Табия было произведено лишь 31 мая. Это, повидимому, указывает на то, что батареи, установленные 21 и 22, обслуживали лишь первую параллель и были снабжены тяжелыми орудиями лишь для продольного обстрела форта. С 31 мая до 10 июня русские батареи продвинулись вперед, достигнув расстояния 100 ярдов от крепости, т. е. от первой до третьей параллельной траншеи у основания гласиса. На гласисе не было ни кроны, ни защищенных окопами батарей, но, как мы уже упомянули, был вырыт подземный ход к откосине гласиса с целью заложить мину у его вершины.

Так как из всех отчетов вытекает, что форт Араб-Табия представлял не более, как полевое укрепление, хотя и обширных размеров, но неспособное на длительное сопротивление, то действия его защитников, численностью в 4 батальона и 500 человек нерегулярных войск, под командой Гусейна-паши, конечно, заслуживают величайших похвал. Девятидневный обстрел дальнобойными орудиями, одиннадцатидневное пребывание в неприкрытых траншеях, две минные атаки и четыре или пять штурмов, причем все это закончилось поражением врага, — поистине в военной истории едва ли найдется другой подобный пример героического сопротивления наружного форта типа Араб-Табия, способного выдержать столь длительную осаду. Скорее всего с этим можно сравнить защиту Кольберга пруссаками в 1807 г. и защиту Данцига французами в 1813 г.

Должно было казаться очень странным, что во все время осады Омер-паша ничего не предпринял для того, чтобы поддержать и освободить такой важный пункт. Из письма его к Сами-паше, губернатору Видина, однако, видно, что он действительно готов был прийти на помощь Силистрии, когда русские отошли на левый берег Дуная. «Ты знаешь, — писал он в этом письме, — что я собрал все наши войска против Шумлы и готовился итти на помощь к крепости. Для этой цели шесть полков кавалерии и три батареи уже оставили Шумлу. Русские, узнав об этом движении, стремительно отступили на левый берег со всей своей артиллерией. За сорок дней осады крепости они потеряли убитыми 25 000 человек».

Что теперь будут делать русские, нельзя определить. Некоторые венские газеты сообщают, что они собираются занять позиции повали Бувео, но те же газеты уверяют, что русских гонит назад страх пред австрийцами, а город Бувео уже обойден австрийцами. Если русские попытались бы удержать Молдавию, то австрийцы

обошли бы их со стороны Галиции и Буковины. Но своевременное соединение русских войск в Польше с прежней дунайской армией в Подолии и Волыни привело бы, в свою очередь, к обходу австрийцев и потере ими северо-восточной части Галиции до Сана и Днестра.

Если мы на минуту оставим политические соображения и допустим, что Австрия готова соединиться с союзниками для нападения на Россию, то обстоятельства представились бы в следующем виде: австрийцы могли бы выставить полевую армию в 200 000 — 250 000 человек, чтобы соединиться с союзниками, в свою очередь располагающими приблизительно 160 000 человек с лишком: от 100 000 до 120 000 турок и 60 000 англо-французских войск. Этим силам Россия могла бы противопоставить четыре корпуса дунайской армии с их резервами, что составляет, если отсчитать соответственное число за счет потерь, приблизительно 200 000 человек. Второй корпус, находящийся под командой Паниютина, три кавалерийских запасных корпуса и еще некоторые пехотные резервы и подкрепления от свежих мобилизаций дали бы еще в общей сложности приблизительно 180 000 человек, так что вся военная сила России достигла бы 350 000, из которых еще нужно вычесть гарнизоны для охраны Крыма и некоторых частей Южной России. Сверх этого оставались бы еще гвардия, гренадеры и первый армейский корпус для защиты Польши и Прибалтийских провинций, не считая Финляндского корпуса приблизительно в 15 000 человек. Если принять все это во внимание, то равница между обеими воюющими сторонами была бы не так велика, чтобы помешать России рассчитывать на умеренный успех в случае, если она ограничится защитой в тесном смысле слова.

Если Австрия, как мы можем заключить из последних дипломатических известий и из ее полной пассивности на молдавской границе, не имеет других намерений, кроме посредничества между воюющими сторонами, то мы можем с уверенностью сказать, что в течение этого года ни в Молдавии, ни в Бессарабии ничего серьезного не произойдет.

*** ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ. — ВОЗГУЖДЕНИЕ
В ИТАЛИИ. — РУССКАЯ НОТА К НЕМЕЦКИМ ДЕРЖАВАМ. —
СЕРБИЯ И АВСТРИЯ. — ПОЗИЦИЯ МЕЛКИХ ГОСУДАРСТВ.**

Лондон, 14 июля 1854 г.

Сэр Чарли спокойно возвратился из Кронштадта и все его потери убитыми и ранеными состояли из нескольких храбрых моряков, умерших от холеры. Чтобы поддержать у публики хорошее настроение, этот фарс должен теперь повториться под Севастополем, и перед Одессой уж видели пятнадцать судов соединенных флотов, «шедших прямо к этому пункту».

Погрузка французских войск на суда в Кале, назначенная на сегодня, отложена до 20-го с. м., как говорят, для того, чтобы выждать развития событий в Испании.

Генерал Будберг принудил население княжеств составить адрес, в котором выражается благодарность императору Николаю «за русскую оккупацию страны и за защиту ее против жестоких и варварских турок». «Евфрат», оставивший Константинополь 5-го с. м. и 13-го прибывший в Марсель, приносит важное сообщение, что Добруджа все еще не очищена русскими и что «знаменитый» Решид (wretched)-паша¹ снова занял пост министра иностранных дел.

Из Кракова сообщают от 8 июля, что князь Паскевич прибыл в свой литовский дворец в Гомеле и не будет более принимать участия в этом походе. К этому добавляют, что не только он сам получилставку, но что и отказались от его плана кампании, и это сообщение кажется тем более заслуживающим доверия, что русские войска, уже готовые к отступлению в Молдавию, снова двинулись вперед под командой князя Горчакова, предлагающего, как думают, сконцентрировать значительные силы перед Бухарестом. Расположение русских войск теперь таково: их правое крыло у верхней Яломицы простирается до Трансильванских Альп, где оно с помощью 24 орудий удерживает Темешский проход, между тем как их центр занимает

¹ В подлиннике игра слов: созвучное с фамилией Решид «wretched» означает — злополучный, никуда негодный. *Ред.*

пространство от Фокшан до Бухареста; их левое крыло под командой Лидерса стоит под Браиловым, и их крайнее левое крыло под командой Ушакова находится в Добрудже.

Последний отчет с театра военных действий сообщает, что турки в числе 40 000, включая и 12 000 союзников, перешли Дунай и заняли Журжево. Французские газеты сообщают, что русский поселок у устья Сулины подвергся бомбардировке с судов союзного флота и разрушен; возможно, однако, что с этим сообщением дело обстоит так же, как со сказкой о вторичной бомбардировке и разрушении Бомарзунда в Балтийском море. Операции маршала Сент-Арно на востоке, кажется, внушили страх тюльерийским политикам, как бы они не превратились в операцию крупного масштаба. По крайней мере передают, что французское правительство послало специального обер-инспектора, — конечно, *финансиста*, — чтобы умерить это чрезмерное усердие.

Странное возбуждение охватило в Италии правительства и народ. Генерал Ламармора, военный министр Пьемонта, издал приказ об образовании военных лагерей в Савойе, Сен-Морисе, Александрии и даже на острове Сардинии. Под ружье призвано большое число солдат, находившихся в бессрочном отпуску. Одновременно происходит усиленное снабжение крепостей Александрии и Казале. С другой стороны, маршал Радецкий также издал приказ об образовании военного лагеря между Вероной и Вольтой, где ежедневно свыше 20 000 солдат обучаются военным операциям типа малой войны (*petite guerre*). В Кодоньо, Казале, Пустерлярцо и некоторых других городах Ломбардии имели место беспорядки, вызванные дороговизной продовольственных продуктов. Около 200 человек арестовано и отправлено в Мантую. Судя по письмам, полученным из Неаполя, там также были произведены многочисленные аресты, равно как и в Сицилии, где заключен в тюрьму сын графа Караффы. Король Бомба принимает чрезвычайные меры к вооружению на суше и на море. Он издал приказ о приведении в боевую готовность крепости Гаэта. Вся Европа объявлена им неблагополучной по чуме, и поэтому для всех прибывающих судов установлен строгий карантин. Все корабли, приходящие из Португалии, Глазго и Сардинского королевства, подвергаются карантину на десять дней, суда из Тосканы и Римского государства — на семь дней. Подобным же стеснениям подвергаются почти все остальные страны; свободное прибытие какого-либо судна является редким исключением. Иностранная корреспонденция, прибывающая сухим путем, подвергается всем мерам предосторожности, соблюдаемым в отношении чумных стран. Сообщение с папским государством про-

изводится через Монте-Кассино и Сорю, а также через Абруццы, но санитарный кордон, вероятно, скоро будет установлен вдоль всей границы.

«Indépendance Belge» совсем по-новому излагает ноту, адресованную Россией к Австрии и Пруссии. Газета эта, — а ее можно рассматривать как орган, выражающий взгляды бывших русских дипломатов в Брюсселе, — сообщает, что русская нота была адресована непосредственно не австрийскому правительству, а князю Горчакову, который передал копию ее графу Буолю и выражал при этом надежду, что Австрия, требуя от русских очищения княжеств, имела в виду предложить перемирие, так как не могла же она желать, чтобы отступающие русские войска подверглись нападению со стороны союзных войск. Австрия, согласно этой версии, желает только перемирия. Турки, англичане и французы должны были бы поэтому воздержаться от какого-либо наступательного движения и от всяких новых враждебных действий против России. В вопросе об очищении княжеств от русских войск нота подчеркивает, что Россия безусловно должна удержать в этих провинциях определенные стратегические пункты, пока не заключен мир, так как иначе положение ее по отношению к армиям союзников было бы слишком неблагоприятно. С другой стороны, нота протестует против предположения, будто указанная стратегическая операция имеет целью создать какую-либо угрозу Австрии. Исходя из этих предпосылок, русская нота предлагает новые мирные переговоры на следующей основе: целостность Оттоманской империи, на которую русское правительство никогда не хотело посягать; равенство христианских и магометанских подданных Порты, как оно намечено в протоколе от 9 апреля; наконец, пересмотр договоров, касающихся проливов. Нота допускает общий протекторат держав над христианами в Турции; но «Indépendance» сознается, что по вопросу о русском протекторате над христианами греческой веры в ноте добавлено несколько неопределенных фраз, создающих достаточную почву и для иных толкований. Князь Горчаков, как передают, взял еще более уступчивый тон, чем нота. Его депеша не является *последним словом* России; он уполномочен идти дальше, если есть надежда побудить Австрию начать новые переговоры. 9-го с. м. венский кабинет еще не пришел ни к какому решению. «В настоящее время — говорит «Indépendance» или, вернее, барон Бруннов, — каковы бы ни были намерения в Петербурге, но уже один инцидент, какой-либо военный акт, например нападение на Кронштадт или, что более вероятно, нападение на Севастополь, или даже оккупация Аландских островов англо-французами, — могут изменить

эти намерения и усилить партию, которая не желает делать никаких уступок».

Во всяком случае Пруссия удовлетворена этой русской нотой и рассматривает ее как средство для возобновления переговоров и для того, чтобы помешать вступлению австрийцев в Валахию. Даже «Moniteur» признает, что возражения Пруссии против этого вступления австрийцев явились причиной недавних колебаний венского двора. С другой стороны, лицемерная «Morning Chronicle» сообщает, будто «в Берлине утверждают, что прусский двор признал выпавшую на него обязанность защищать австрийскую территорию от неприятельского вторжения и что в силу этого он готов протестовать против всякой новой провокации со стороны России». Кроме того, известно, что договор между Австрией и Пруссией составлен как раз так, что он позволяет каждой из обеих держав прервать свои военные операции, пока она не убедится в необходимости военных мероприятий, намечаемых другой державой. Поэтому Австрия, как ей ни хотелось бы, видимо, действовать сообща с западными державами, благодаря протесту Пруссии, может оказаться вынужденной отказаться от этого. Я, со своей стороны, убежден, что все эти возможности заблаговременно сообща подготовлены тремя северными державами и что даже новые затруднения, встающие перед Австрией, имеют целью лишь придать оккупации ею Валахии видимость героической борьбы против России. Маленькая мнимая война, наподобие австро-прусской войны 1850 г., может быть при этих обстоятельствах и не исключена, так как она лишь содействовала бы предоставлению Австрии решающего голоса при заключении мира. Нужно заметить, что «Oesterreichische Korrespondenz» категорически заявляет, что Австрия по всем пунктам согласна с политикой западных держав, кроме пункта о возможном нарушении существующей границы России.

Для оценки позиции Австрии важно обратить внимание на «протест сербского правительства против австрийской оккупации», датированный 22 июня и представленный теперь Нижней палате. Протест этот обращен к Высокой Порте. Он начинается констатированием того, что «Австрия относилась к Сербии более или менее дружественно, соответственно тому, как относилась Сербия к России или Турции, и постоянно обещала ей свою помощь для защиты границ княжества против всяких враждебных нападений».

Затем на сербской границе были сконцентрированы значительные силы. Сербское правительство запросило «непосредственно венский кабинет и косвенно Высокую Порту, что означают военные передвижения австрийцев». Австрия дала уклончивый ответ, между

тем как Порта и представители западных держав в Константинополе заявили, что они ничего не знают о цели австрийской демонстрации, и даже, казалось, разделяли беспокойство сербского правительства. «Белградский паша оставался без инструкции или, правильнее сказать, имел все еще свои старые инструкции, согласно которым всякая интервенция Австрии в Сербии должна была рассматриваться как акт, враждебный по отношению к Османской империи, и встретить самый решительный отпор».

Когда Австрия, казалось, все более и более склонялась на сторону западных держав, ее представитель в Белграде начал делать успокоительные заявления относительно ее намерений. Одновременно венский кабинет заверил сербское правительство, что военные мероприятия, о которых шла речь, не имели характера враждебного акта по отношению к Сербии; что Австрия желает лишь защищать свои границы и вмешается лишь в том случае, если русские войска вступят на территорию Сербии или там вспыхнет бунт против законной власти; что поэтому даже и в последнем случае вмешательство ее носило бы дружественный характер и имело бы целью только прийти на помощь правительству и законной власти. Уверения Австрии не успокоили сербское правительство. Оно видело, как Австрия, с одной стороны, притязала на право третейского судьи, а с другой стороны, выступала изолированно под предлогом, что она желает вместе с западными державами прийти на помощь Порте. Наконец, сербское правительство подозревало, что намерения Австрии сводятся как раз к тому, чтобы вызвать те самые беспорядки, устранение которых она будто бы так близко принимает к сердцу. Так как военные приготовления Австрии с каждым днем принимали все более угрожающий характер, то сербское правительство совместно с Иветом пашей предприняло энергичные шаги в Вене и Константинополе для того, чтобы противодействовать каким бы то ни было комбинациям, которые в определенный момент могли бы сделать Австрию судьей относительно судеб Сербии. Вот почему Азир-паша сначала поехал в Вену, а сейчас находится в Константинополе. Одновременно, по соглашению с Турцией, были приняты все меры к защите страны. Австрия указывает две причины, которые могут вызвать ее интервенцию в Сербию: 1) вступление русских и 2) восстание в Сербии. Первое абсурдно, так как театр военных действий находится слишком далеко от Сербии, и если бы русские попытались проникнуть в Сербию, то сербских и турецких войск было бы совершенно достаточно для того, чтобы дать им отпор.

Если бы понадобились вспомогательные войска, Сербия предпочла бы австрийским войскам другие. «Сербский народ так не

доверяет, если не непавидит Австрию, что вступление австрийских войск в пределы Сербии немедленно рассматривалось бы каждым сербом как грозная опасность, как столь большое несчастье, что оно направило бы все усилия сербов на борьбу с австрийскими войсками; вся энергия нации была бы употреблена против этого неприятеля, который, как всегда думали, олицетворяет собой ту жадную и эгоистическую политику, которую преследует Австрия в Сербии под предлогом оказания ей покровительства».

Что касается внутренних беспорядков, то их следует опасаться лишь в результате австрийской интервенции. Сербия всегда будет лояльна по отношению к Порте. «Все, чего требует сербское правительство, это — то, чтобы Высокая Порта и впредь оказывала ему то высокое доверие, которое она обнаруживала до сих пор, и чтобы Сербия не была отдана под власть австрийской оккупации, что явилось бы началом последующих неисчислимых бедствий. При этом условии сербское правительство вполне отвечает за сохранение общественного спокойствия и порядка в Сербии».

Этот протест Сербии ясно показывает в то же время, с каким «восторгом» валашский народ приветствует вступление австрийцев в Валахию.

Нейтралитет или, вернее, враждебное отношение маленьких государств к Англии не должно удивлять того, кто следил за теперешними военными подвигами ее против России, за грабительскими экспедициями английского флота в Балтийском море и за теми мерами, которые были приняты для того, чтобы сделать войска под Варной неспособными к каким бы то ни было действиям в поле. Ведь даже подвижные санитарные отряды для британских войск в Турции только сейчас на «Himalaya» оставили Саутгемптсн. Швеция поэтому заявила о своем окончательном решении оставаться нейтральной и воздержаться от всяких общих шагов с западными державами. Дания и Голландия, как члены Германского союза, присоединились к австрийскому communiqué [официальному сообщению] от 24 мая лишь в категорической оговоркой, что оно имеет единственной целью сохранение нейтралитета и восстановление мира.

**• СОВЕЩАНИЕ В ВЕНЕ. — ДЕЛО ПРИ ЖУРЖЕВЕ. — СЛУХИ
О ВЗЯТИИ БУХАРЕСТА. — АВСТРИЙСКИЙ ЗАЕМ. —
МИНИСТЕРСКИЙ КРИЗИС В АНГЛИИ.**

Лондон, 18 июля 1854 г.

В Вене состоялся 13 июля конгресс с несколько иным составом, чем последние знаменитые конференции. Граф Буоль, австрийский премьер, дал в этот день обед в честь князя Горчакова как русского уполномоченного, чтобы прикрыть этим Горчакова как главнокомандующего в Дунайских княжествах. Помимо *персонала* русской миссии, на обеде присутствовали граф Флемминг, представитель Пруссии в отсутствие графа Арнима; генерал Магсбак, шведский посланник; граф Билле-Браге, датский посланник; господин де-Геккерен, голландский посланник; господин де-Вендланд, изгнанный секретарь греческого короля; наконец, граф О'Сюлливан де-Грасс, бельгийский посланник и старшина дипломатического корпуса. Итак, перед вами полный список лиц, открыто действующих под русским флагом. Впрочем был достойно представлен и Бамберг, но имена его великих людей не были названы.

Официальная английская пресса не может скрыть своего дурного настроения по поводу австрийского приказа о прекращении продвижения графа Коронини в Валахию и доставленных в Лондон и Париж депеш, согласно которым Россия предлагает принять статьи протокола от 9 апреля как основу для мирных переговоров, но на определенных условиях. Полу-официальная «Oesterreichische Correspondenz» полагает, что хотя русские предложения не совсем удовлетворительны, однако в них заключается нечто такое, что побуждает западные державы принять их во внимание. «Times», «Morning Chronicle» и «Observer» предполагают, в качестве утешения, что вся вина в этом падает на Пруссию. Если еще нужно чем-нибудь усугубить впечатление от парадного обеда, то перегруппировка русских войск достаточно свидетельствует о том, насколько Россия доверяет намерениям Австрии. Мы читаем в «Neue Preussische Zeitung», этом русском «Правительственном вестнике» в Берлине, о последних передвижениях русских войск в Дунайских княжествах следующее:

«По распоряжению князя Горчакова все приказы, изданные за последние дни, отменены. Предписаны уход гарнизона (из Бухареста) и эвакуация Бухареста; генерал Данненберг должен оставить этот город в ближайшие дни вместе с жандармами и сделать Фокшаны главной квартирой арьергарда. Теперь, согласно с новыми распоряжениями, должна быть удержана линия Ольтеница — Бухарест — Бузео — Фокшаны».

Из других источников мы узнаем, что русская кавалерия снова брошена вперед на Статиру, левее Алуты. Насколько серьезно было намерение эвакуировать Бухарест, ясно из тех строгих мер, которые были приняты для вывоза архивов этого города, о которых думали, что они содержат некоторые документы, чрезвычайно компрометирующие петергофский двор.

Все эти на вид причудливые и противоречивые движения русских получают свое объяснение в несвоевременном вмешательстве турецкой армии в дипломатические переговоры. Как успешные действия дипломатов в Вене были ликвидированы подвигами турок при Ольтенице, Чети и Силистрии, так же точно недавние дипломатические интриги были рассеяны общим продвижением армии Омера-паши.

«Политика этих угодливо присягающих плутов — дряблого и точно разъеденного, как старый сыр мышами, Нестора и подобного какому-то старому и злему псу Улисса — оказалась не совсем безрезультатной; сверх того греки начинают превозносить варварство, и политика приобретает все более дурную славу».

Если бы вы проходили в субботу по улицам Лондона, вы слышали бы выкрики газетчиков: «большая англо-франко-турецкая победа над русскими при Журжеве и взятие Бухареста союзными войсками». Причины этих торжественных оповещений вам постепенно станут ясны, когда я перейду к вопросу о новом министерском кризисе. Что касается совместных действий англо-французских сил в деле при Журжеве, то нам известно из сообщений, полученных очередной почтой из Варны от 4 июля, что в лагерях «никаких передвижений» не было. Согласно последним сообщениям из Вены, 13 июня вспомогательные войска быстро шли на Руцук по дороге через Шумлу, 8-го в Руцук прибыла одна французская дивизия и только 9-го туда прибыла одна английская дивизия. Битва же при Журжеве окончилась в 4 часа пополудни 8-го, начавшись на рассвете 7-го и продолжившись с перерывом на несколько часов около полудня до утра 8-го. Из этого явствует, что в этом деле французские или английские войска не могли принимать участия. Турки, узнав, что восемь русских пушек заклепаны, тотчас же окопались

вокруг Журжева. Сам город, повидимому, не пострадал, несмотря на гранаты, послывавшиеся турками из Руцук и с островов. После отступления русских Омер-паша выпустил прокламацию, в которой призывал население оставаться спокойным, так как никаких дальнейших опасностей городу не угрожает. Журжево было занято лишь слабым отрядом регулярных войск, так как главные силы турок расположены вокруг города на трех островах на Дунае. Омер-паша остается в Журжеве, Саид-паша — в Руцук. Турки господствуют над путями сообщения между Ольтеницами и Журжевым по левому берегу Дуная.

Относительно второго сражения, после которого, как уверяют, последовало взятие Бухареста, сам французский «Moniteur» говорит, что дело ограничилось небольшой стычкой, в которой турки нанесли поражение русским арсегардам у Фратешти, по дороге от Журжева на Бухарест. «Moniteur» добавляет, что к туркам присоединился англо-французский корпус в 25 000 человек, что силы союзников равны приблизительно 60 000 человек, что князь Горчаков стоит во главе численно приблизительно равных сил и что можно ожидать большого сражения, которое решит участь Бухареста. Фратешти — слабо укрепленный пункт приблизительно в 12 милях от Журжева и в 30 — от Бухареста. Согласно «Moniteur'у» сражение в этих местах произошло 11 июля, согласно же «Journal des Débats» — 14 июля. Говорят, что русские потеряли в этом деле 700 человек ранеными, в том числе двух генералов.

Последний марсельский пароход из Константинополя сообщает о захвате Сулинского рукава устья Дуная английским судном «Terrible». Говорят, что он пришел на рейд, разрушил русские укрепления, рассеял их гарнизон и взял в плен их командира. Мне кажется, что это известие нуждается в более положительном подтверждении.

Английские газеты передают слух, — который, однако, не повторяется ни одной французской газетой, — что будто адмирал Лайонс крейсирует около Анапы, намереваясь поддержать экспедицию адмирала Брюа, который, как говорят, имеет на борту 7 000 человек для десанта.

Письма из Константинополя сообщают, что после представления английского и французского послов Порты, повидимому, согласна на немедленное возобновление торговых сношений с Грецией на следующих условиях: 1) Греция обязуется выплатить в условленные сроки военные издержки и выдать вознаграждение за грабежи, произведенные недавно повстанцами, и 2) она подпишет в течение двух месяцев торговый договор, который она до сих пор отклоняла. В этом договоре признаются существующие ныне границы между Турцией и Грецией.

Из Балтики сведений нет. «Hamburger Correspondent» описывает результат английской мародерской экспедиции к финским берегам и произведенное ею в Финляндии впечатление следующим образом:

«Подтверждается, что русское правительство, будучи уверено после сожжения Брахестада и Улеборга в чувствах финского населения на берегах обоих заливов, издало приказ о распределении оружия среди способных к обороне людей, с целью дать им возможность противостоять дерзким попыткам высадки английских отрядов. Санкционировано немедленное создание двух батальонов финских стрелков по 1 000 человек в каждом и предстоит их вербовка в округах Або, Улеборга и Ваза. Гряд таких же батальонов собираются постепенно сформировать в других провинциях».

Австрийский заем, как я и предсказывал, превращается в насильственную контрибуцию. Теперь он должен быть распределен между различными коронными землями империи. Например, Верхняя Австрия должна подписаться на 115 000 000 флоринов, Нижняя Австрия — на 15 000 000, Вена — на 2 500 000, Венгрия на 70 000 000 и т. д. Если русский император ничего не получил для себя, он, по крайней мере, способствовал вовлечению всех других правительств в серьезную ссору с их подданными по вопросу о деньгах. Пруссаки должны будут уплатить повышенный подоходный налог к 1 августа. Затем говорят, что Бонапарт проектирует еще один заем в 50 000 000, шансы которого во Франции не следует преуменьшать ввиду теперешних видов на урожай винограда и пшеницы и наступившего застоя в торговле, особенно в Лионе — в связи с революционным взрывом в Испании. Обратиться к карманам англичан собирается и коалиционное министерство, что, повидимому, произойдет в течение ближайших недель.

Aimes - tu le front, severe,
Du sage Napoleon?
Aimes tu que l'Angleterre,
T'oppose lord Palmerston? ¹

Приведенной песенкой была прославлена погрузка в Кале на суда французских войск. Громадное волнение, потрясавшее город с субботы до понедельника, вместо того, чтобы действительно противопоставить лорда Пальмерстона царю, имело в виду лишь ту цель, чтобы поставить Пальмерстона на место герцога Ньюкестля. Большое возбуждение царило как в министерском лагере, так и в лагере оппозиции. Было известно, что бюджет нового военного министерства войны будет представлен палате в понедельник ночью и что это

¹ [Приятно ли тебе, суровый лик Наполеона? Нравится ли тебе, что Англия противопоставляет тебе лорда Пальмерстона?]

обстоятельство будет использовано для сокрушительной атаки на коалицию и для того, чтобы предоставить непобедимому Пальмерстону место в военном министерстве.

«В субботу около двух часов дня был назначен совет кабинета министров. Министры собрались только в три. Они явились все, за исключением министра иностранных дел, задержавшегося на аудиенции у королевы. Лорд Кларендон присоединился к своим коллегам в четыре. Заседание тянулось до половины седьмого, после чего лорд Эбердин немедленно проследовал во дворец к ее величеству».

Из этого тревожного повествования «Morning Chronicle» вы можете видеть, какие большие надежды появились у ториев при этих «важных» событиях. Лорд Джон Россель пригласил своих сторонников в Белую залу на понедельник, а господин Дизраэли, в свою очередь, собрал членов оппозиции. В Белую залу явилось 179 джентльменов, почти в истерике от предчувствия тех разоблачений, которых они ждали от Росселя. Они были большею частью гнусно обмануты парламентским Скуирсом, который сухо сказал им, что, поскольку на очереди стоит голосование военного бюджета, он ожидает от них спокойного поведения: «Кабинет вскоре потребует больше денег для успешного завершения войны и таким образом вопрос о доверии или недоверии коалиции будет решен на ближайшей неделе, когда это голосование по финансовому вопросу будет предложено палате». Не будучи посвящен в тайны лорда Кларендона, он не может дать им информации о положении внешних дел. Результат был тот, что Россель спас всю коалицию на текущую сессию; в самом деле, если бы вотум доверия был вынесен по бюджету военного министерства, то поражение означало бы победу Пальмерстона над Ньюкестлем, тогда как вотум недоверия по поводу общевоевого бюджета был бы победой ториев над объединенными вигами и пилитами, — предположение, конечно, совершенно недопустимое.

В соответствии с этим голосование за военное министерство происходило вчера вечером при полном спокойствии палаты, причем ничего не случилось, кроме того, что Россель и Пекингтон пустили в ход весь арсенал надоевших общих мест о теперешнем состоянии военного управления.

Жаль, что упрямое сопротивление королевы не позволяет войти Пальмерстону в военное министерство, так как с его водворением там устранился бы последний ложный предлог, пользуясь которым радикалы пока еще защищают внешнюю политику Англии.

* ТУРЦИЯ И ГРЕЦИЯ.

Лондон, 21 июля 1854 г.

Порта вручила представителям четырех союзных держав ноту относительно возобновления разрешения греческим торговым кораблям входить в турецкие гавани. Это разрешение будет иметь силу на два месяца, с условием, что греческое правительство не допустит никаких поступков, которые могли бы вызвать его отмену. Если, по истечении этого срока, греческое правительство не даст надлежащего удовлетворения Порте, последняя оставляет за собой право восстановить нынешнее положение вещей. Греческие корабли в турецких гаванях будут подчиняться местным властям и не могут апеллировать к покровительству других держав. В течение двух месяцев должны быть выработаны основы для заключения соглашения и торгового договора. Вознаграждение, которого требует Порта за огромные убытки, причиненные греческим восстанием, должно быть определено третейским судом на основании доклада комиссии, которая произведет расследование на местах и будет состоять из французов, англичан, турок и греков.

Шамиль официально получил от Порты звание генералиссимуса черкесской и грузинской армии.

Три драгомана,¹ служившие во французской армии, были расстреляны в Варне; все они были изоблачены в сношениях с русскими. Двое из них греки, а третий — армянин. Перед казнью один из них проглотил компрометирующий его документ.

Нам сообщают из Германштадта от 16 июля, что в районе Фрагетши еще не было никаких столкновений.

Сообщение о прибытии союзных войск в Русчук оказалось, само собой разумеется, ложным, и при нынешних условиях их задача будет заключаться только в том, чтобы сдерживать, как выражается «Times», варварское ожесточение победивших турок.

¹ Драгоман — переводчик в европейских посольствах в Турции. *Ред.*

ДЕБАТЫ О ВОЙНЕ В ВЕРХНЕЙ И НИЖНЕЙ ПАЛАТЕ.

Лондон, 25 июля 1854 г.

На вечернем заседании палаты общин в прошлую пятницу, в ответ на запрос Дизраэли, лорд Дж. Россель заявил, что ее величеству было угодно отдать приказ о роспуске палаты, в связи с чем он предполагает внести в понедельник предложение о вотировании кредитов в 3 000 000 ф. ст. В созыве Комиссии для предварительного обсуждения новых налогов, по его словам, не представится надобности. На вопрос Дизраэли, будет ли в этом году осенняя сессия парламента, лорд Джон ничего не ответил. В результате испрашиваемые кредиты были вотированы единогласно на заседаниях обеих палат, состоявшихся вчера.

В палате лордов с мотивировкой требования кредитов выступил лорд Эбердин, произнесший при этом самую короткую, сухую и банальную из всех речей, которыми он осчастливил нас с момента своего появления на посту премьера. Ему приходится, сказал он, просить три миллиона, и он уверен, что лорды не будут возражать. Они могут расходиться во взглядах, но все они должны быть согласны в том, что «необходимо принять все меры, которые вернее всего могут привести к быстрому и успешному окончанию войны». А для этой цели требуются прежде всего «активные и энергичные усилия Англии и Франции совместно с другими державами». Лорд Эбердин не сказал, имеет ли он в виду военные или дипломатические усилия; он даже не исключил Россию из числа «других держав», совместно с которыми должны действовать Англия и Франция. Ввиду предстоящего роспуска парламента особенно важно обеспечить правительство деньгами. Возможно, что кое-кто из благородных лордов предпочел бы доверить деньги не ему, а в их руки — но такие капризные желанья не должны мешать делу. Дело, и дело неотложное, заключается в том, чтобы вотировать три миллиона фунтов.

Граф Элленборо, отличающийся особым даром всегда говорить невпопад, нашел, что «сейчас представляется наиболее удобный случай рекомендовать правительству самую тщательную экономию во всех ведомствах гражданского управления, не имеющих отношения к войне».

Граф Гардуик говорил о том, что в Балтийском море находится наготове к отплытию чрезвычайно сильная эскадра, что такая же эскадра имеется в Черном море и что от берегов Англии отплыла самая многочисленная из всех экспедиционных армий, когда либо посылавшихся этой страной. Он не знает, как нам рено правительство использовать эти вооруженные силы, а потому он призывает всех лордов вотировать требуемые кредиты.

Граф Фитцвильям, виг не у дел, протестовал против утверждения, будто «из всех европейских стран наша страна наиболее обременена налогами; следовало бы, наоборот, сказать, что у нас народ страдает от налогов меньше, чем в какой-либо другой части европейского мира». Если бы благородный лорд сказал это о лордах, а не о народе, он был бы прав. «Что касается речи моего благородного друга, возглавляющего правительство», то никогда еще в подобных случаях не было произнесено речи, «о которой с большим основанием можно было бы сказать, что она не сообщила палате почти ни одной новой идеи», а благородный лорд должен был бы знать, каковы потребности палаты по части идей. Граф Фитцвильям хотел бы осведомиться у лорда Эбердина, кто эти «другие державы», о содействии которых он так хлопочет? Может быть Австрия? В таком случае он опасается, как бы эта держава не склонила английское правительство к мысли, что некоторые второстепенные вопросы, вроде эвакуации княжеств или свободы судоходства на Дунае, могут явиться достаточным поводом для заключения мира. (Смешное опасение, потому что никто, конечно, не склонит лорда Эбердина к предъявлению таких чрезмерных требований.) Граф хотел бы даже знать, что следует разуметь под целостью Турции? То ли, что под этим термином понимает Адрианопольский трактат, или нечто другое? В заключение он заметил, что положение лордов чрезвычайно неудобно, ибо парламент не имеет никаких сведений о намерениях правительства. Ввиду всех этих соображений он будет голосовать за кредиты.

Маркиз Кланрикард, настроение которого становится все более мрачным, по мере того как каждый день все больше отдаляет его от министерского поста, потребовал в награду за беспримерную мягкость, с какой он до сих пор относился к правительству, хотя бы некоторых сведений о том, какие успехи достигнуты и какой курс был принят со времени затребования предыдущих кредитов; он хотел бы узнать кое-что об условиях и перспективах войны и о взаимоотношениях страны с ее союзниками. Он отметил, что некоторые успехи уже одержаны турками, но не британским правительством и не британским оружием,

что впрочем не помешало ему произнести похвальное слово мужеству английских моряков в Балтийском и Черном морях. Что касается отношений с союзниками, то он намерен внести предложение об оглашении последнего договора, заключенного между Турцией и Австрией, а также других документов, могущих пролить свет на настоящее положение. «Из широко распространенных слухов явствует, что благодаря давлению и настояниям британского правительства Диван, бывший прежде против этого, и турецкий посол недавно заключили с Австрией соглашение, в силу которого австрийские войска должны войти в Дунайские княжества и занять часть Турецкой империи». Как же случилось, что в минуту опасности Австрия воздержалась и, вместо того, чтобы спешно двинуть свои силы, снова начала переговоры? Оратор хотел бы также знать, продолжаются ли венские совещания и какие вопросы на них обсуждаются. В общем он находит, что Англия слишком зависима от германских держав.

В доказательство того, что Австрия «должна» быть наилучшим союзником, лорд Кларендон показал, как она окружена Россией и как последняя угржает Австрии во всех частях ее владений. Австро-турецкий договор не мог быть предъявлен палате, так как еще не получено ни одной ратифицированной копии этого договора. Лорд Кларендон считает возможным заверить палату, что недалеко то время, когда Австрия будет действовать совместно с Англией, но, «впрочем, он ни за что не может ручаться». Тем не менее общая характеристика Австрии и тот факт, что лорд Кларендон управляет министерством иностранных дел, привели лордов к самым утешительным заключениям. Кларендон, дважды уличенный в самой бесстыдной лжи, требует теперь безотчетной веры в свое заявление, что «правительство не намерено вернуться к *status quo* и не намерено также удовлетвориться наскоро состряпанным миром, который был бы только гнилым перемирием и сделал бы неизбежной новую войну».

Показав такой блистательный образец своей собственной высокой просвещенности, лорды перешли затем к вопросам народного образования, — и на этом мы с ними расстанемся.

Во время вышеизложенных прений в палате лордов Нижняя палата занималась какими-то третьестепенными вопросами, пока ей не была сообщена речь лорда Эбердина, произведшая «неприятное впечатление». Лорд Джон Россель тотчас же сообразил, что необходимо другим выступлением рассеять это впечатление.

Когда правительство собиралось потребовать первой чрезвычайной ассигновки, оно пустило в ход «великолепный» балтийский

флот; поводом для второй ассигновки должен был явиться знаменитый обстрел Одессы; теперь в качестве лозунга был выбран Севастополь.

Лорд Джон начал с того, что отдал честь «патриотическому» духу палаты, проявившемуся в ее живом отклике на первые просьбы правительства о кредитах, и поблагодарил палату за то, что она до сих пор не ставила правительству затруднительных вопросов. Это дало возможность достигнуть многого, очень многого — обеспечить себя большим количеством судов и человеческого материала. Во-первых, Англия имеет теперь 17 пароходов второго и третьего разряда, вместо одного, которым она располагала к 1 января 1853 г., 17 парусных линейных судов, вместо 11 и морские военные силы численностью в 57 200 чел., вместо 33 910. Кроме того на турецком побережье высажен корпус в 30 000 с лишним солдат, «многие из которых были недавно в Варне». Так обстоит дело с военными ресурсами. Что же касается военных операций, то они еще «только начались, и пока можно только сказать, что турецкая армия совершила чудеса храбрости. Теперь никто не скажет, что русский император может одним щелчком ниспровергнуть всю оттоманскую державу. Наряду с блестящими подвигами турок, славу настоящей войны составляет единение и полная гармония французского и английского оружия».

Перейдя затем к вопросу об испрашиваемых кредитах, лорд Джон заявил, что он не может в точности объяснить депутатам, на что именно требуются деньги. Часть полученных сумм будет израсходована на интендантство, артиллерию и транспорт; кроме того, предполагено присоединить к британской армии крупный отряд турецких войск, жалование которым будет выплачиваться британским правительством. В общем, однако, деньги испрашиваются у палаты не на основании каких-нибудь кропотливых подсчетов, а «поскольку правительство будет в них нуждаться».

Австрия, заявил благородный лорд, еще больше заинтересована в защите Турции, чем даже Франция или Англия. Царь целиком подчинил бы себе австрийское правительство, если бы овладел княжествами и приобрел преобладающее влияние в Турции. Но чтобы правильно судить об Австрии, необходимо помнить, какие трудности стоят перед нею. Русские войска без особых затруднений могут подойти чрезвычайно близко к австрийской столице, а, с другой стороны, в некоторых подчиненных Австрии королевствах положение настолько тревожно, что вступить в войну было бы для нее опасно. Поэтому она и старалась, пока это было возможно, добиться разрешения этих вопросов дипломатическим путем. Но недавно

она отправила послание русскому императору, ответ которого нельзя назвать уклончивым. «Россия не изъявляет готовности назначить какой-нибудь срок для эвакуации княжеств. Она находит, что раз война объявлена и раз Англия и Франция приняли участие в ней, причем они превосходят ее силами в Черном и Балтийском морях, так что русские военные суда не выходят из своих портов, — она находит, что при таких условиях только ведение войны в Дунайских княжествах и дальнейшее судоходство на Дунае может дать ей надежду на восстановление равновесия и на то, что успехами своего оружия она добьется победы. В таком положении она отказывается эвакуировать княжества». Россия готова принять принципы, изложенные в протоколе от 9 апреля, за исключением пункта о допущении Турции в концерт европейских держав. Что касается будущего поведения Австрии, то лорд Джон думает, что ее нынешняя политика ошибочна, но в то же время он не может поверить, чтобы она изменила принятым на себя обязательствам. Согласно этим обязательствам, заключенным с западными державами и Турцией, Австрия обязалась принять участие в том, чтобы прогнать Россию обратно. Возможно, однако, что она попытается снова добиться более благоприятного ответа из Петербурга. Союзники, конечно, не могут контролировать правительственные советы Австрии, также как и Австрия — прусского короля. Ясно, таким образом, что все державы находятся в наилучших условиях для совместного выступления против России.

Затем лорд Джон перешел к подробному и восторженному изложению того, что намерены предпринять Англия и Франция. Целость Турции несовместима с возвращением к *status quo* в княжествах. Лорд Джон заявил:

«Но еще и с другой стороны позиция России угрожает независимости и целостности Турции. Я имею в виду создание сильной крепости, оборудованной по всем правилам искусства, вооруженной до зубов и имеющей в своем порту крупнейший отряд линейных судов, готовых в любую минуту отплыть с попутным ветром к Босфору. Я считаю такое положение настолько угрожающим для Турции, что никакой мирный договор не мог бы быть признан удовлетворительным, если бы он оставил за русским императором эту угрожающую позицию. (Шумные аплодисменты.) Мы будем готовы и впредь, как мы были готовы до сих пор, обсуждать этот вопрос с французским правительством, и я имею все основания думать, что правительство императора французов вполне солидарно с нами в этом пункте». (Аплодисменты.)

Относительно предложения Дизраэли об осенней сессии лорд Джон сказал, что он «отказывается принимать от членов этой палаты какие-либо условия, ограничивающие свободу министров».

Было бы скучно и излишне передавать все соображения, высказанные по этому поводу Юмами, Бенксами, Найтами, Алькоками и т. п.

Кобден, поверив словам лорда Джона и вообразив, что он находится на военном совещании, весьма усердно отарался показать, почему Севастополя и Крыма не следует брать ни в коем случае. Более интересную тему затронул он, поставив вопрос, не находится ли Англия в союзе с правительствами против народов. В народе распространена иллюзия, будто война была предпринята в защиту угнетенных национальностей. В действительности же она ведется для того, чтобы еще крепче сковать цепями Венгрию и Италию, которые отданы под власть Австрии. В палате есть почтенные, но введенные в заблуждение люди, которые «заявляют, что правительство ведет войну не так, как бы следовало, что оно должно было бы поставить другого человека во главе военного ведомства, иногда даже говорили—во главе правительства. Таким человеком они считают лорда Пальмерстона. И все это делается в интересах Венгрии и Италии. А между тем оратор слышал из уст двух крупнейших вождей венгерского и итальянского народов, что меньше всего надежд и упований они возлагают именно на этого лорда, ибо им известно, что когда он имел возможность оказать им моральную поддержку, он не пожелал даже двинуть пальцем ради них. Если есть сейчас в английском правительстве человек, которому эти вожди склонны доверять меньше, чем кому бы то ни было, то таким человеком является как раз этот благородный лорд. Оратор не думает, чтобы благородный лорд сознавал тот великий обман, который творился его именем, но теперь иллюзия, к счастью, лопнула».

Лайард и лорд Дедли Стюарт ограничились повторением своих старых речей; лорд Дедли прибавил только, что его вера в магическую силу имени «Пальмерстон» теперь «более крепка, чем когда-либо».

Дизраэли выпало на долю одним дуновением уничтожить весь мыльный пузырь речи лорда Джона. Вкратце обосновав свое предложение об осенней сессии ссылкой на Синоп и другие факты, имевшие место во время последних осенних каникул, он заявил, что сообщение о предстоящем разрушении Севастополя и завоевании Крыма изумило, ошеломило и встревожило его до крайности. Лорд Джон что-то возразил, не вставая с места; но Дизраэли, сев в свою очередь, заставил его дать объяснения. Тогда лорд Джон заявил робким и смущенным

голосом: «Я сказал только, что на мой взгляд России нельзя позволить оставаться в той угрожающей позиции, которую она заняла, держа такой обширный флот в Севастополе». Вырвав у лорда Джона это признание, Дизраэли разразился одной из своих самых необузданных и саркастических речей, которую весьма стоит прочесть целиком (она напечатана в нашей газете полностью среди сообщений из Великобритании); закончил он ее следующими словами:

«В самом деле, после того, что мы слышали, было бы весьма несправедливо проводить, как это иногда делают, тонкое различие между политикой лорда Эбердина и политикой некоторых из его коллег. Я не поклонник и не сторонник лорда Эбердина, но я не поклонник и той парламентской политики, которая считает нужным сваливать вину с одних членов кабинета на других. После объяснения, данного благородным лордом относительно высказанных им мыслей, я думаю, что его политика в русском вопросе по существу ничем не отличается от политики лорда Эбердина, и это должно дать в конце концов некоторое удовлетворение английскому народу. Значит, у нас нет раскола в кабинете; настоящая сессия заканчивается по крайней мере при полном единодушии министров по этому вопросу. В том, что война должна вестись с малыми целями, что великие политические задачи должны привести к жалким и ничтожным результатам, — в этом пункте коалиционное правительство оказывается единодушным».

Шутки лорда Пальмерстона не произвели никакого впечатления. После речи Дизраэли и выступлений ряда других депутатов, заявивших, что они были введены в заблуждение первой речью лорда Джона, испрашиваемые кредиты были вотированы, но с той оговоркой, что прения будут продолжаться сегодня вечером. В то же время лорд Дедли сообщил, что он намерен предложить обратиться с адресом к королеве, «прося ее всемилостивейше отложить роспуск парламента до того момента, когда она сможет дать палате более полную информацию о взаимоотношениях с иностранными державами и о своих видах и планах в той борьбе, в которой ее величество приняла участие».

***ТУРЦИЯ И АВСТРИЯ.—АВСТРИЙСКИЙ ЗАЕМ В ЛОМБАРДИИ.— ДЕБАТЫ О ВОЙНЕ В НИЖНЕЙ ПАЛАТЕ.**

Лондон, 28 июля 1854 г.

В одном из моих предыдущих писем я подробно изложил содержание австро-турецкого договора 14 июня. В качестве цели этого странного дипломатического соглашения я указал: во-первых, намерение дать повод армии союзников не переходить Дуная и не встречаться с русскими; во-вторых, помешать туркам опять занять всю Валахию и вытеснить их из уже завоеванной части ее и, в-третьих, восстановить в княжествах прежний реакционный режим, навязанный румынам Россией в 1848 г. Мы действительно получили из Константинополя сообщение, что Австрия заявила протест против намерений Омера-паши перейти Дунай; что она притязает на исключительное право оккупации княжеств и хочет закрыть их не только для англо-французских войск, но даже и для турок. В ответ на этот протест Порты, как говорят, приказала Омеру-паше не переходить теперь Дуная, но будто бы отказалась в принципе согласиться с исключительной оккупацией княжеств австрийцами. Решид-паша (Wretched Pasha), кое-что уже позаимствовавший у своего учителя и покровителя лорда Пальмерстона, конечно не имеет серьезных возражений против того, чтобы допустить на деле то, что он отвергает в принципе. Может быть, кто-либо думает, что Австрия уже нарушила и фактически сделала недействительным договор 14 июня тем, что не вступила в Валахию в тот момент, когда русская армия в беспорядке отступила в трех различных направлениях и была с фланга и с тыла открыта для австрийского нападения, не сумев сразу отступить за Серет. Но нужно вспомнить, что как раз, согласно тексту этого знаменитого договора, Австрия не обязана ни вступить немедленно в княжества, ни оставить их к определенному сроку, ни даже принудить русских очистить их в течение установленного срока. Теперь сообщают, что австрийцы действительно вступили в Малую Валахию, а русские отозвали свои войска с Карпатских проходов и сконцентрировали их в Фокшанах.

Это означает, однако, только, что австрийцы, вместо того, чтобы вытеснить русских из Большой Валахии, решили прогнать турок из Малой Валахии и помешать таким образом их действиям у берегов Алуты. Нельзя было придумать лучшего плана для того, чтобы вызвать военный бунт в Турции, чем удаление турок из области, завоеванной турецкой армией, и занятие Болгарии англо-французскими войсками, боязливо уклоняющимися от встречи с русскими и держащими Турцию в каком-то осадном положении, как это видно из общей прокламации английского и французского командующих войсками к населению Болгарии, — прокламации, которая, впрочем, почти дословно списана у Будберга, Горчакова и им подобных. Я уже давно предсказывал, что западные державы окажут одну услугу делу прогресса, именно — революционизируя Турцию, этот краеугольный камень пережившей себя европейской системы.

Австрия протестует не только против претензий турок занимать турецкие области, но и требует, кроме того, восстановления в правах обоих господарей, которые сейчас проживают в Вене и вместе с австрийскими войсками должны возвратиться в Молдавию и Валахию, о чем г. фон-Брук довел до сведения Порты. Решид-паша возражал, что Порта обсудит, уместно ли восстановление их в правах, но г. фон-Брук настаивает на соблюдении 3-й статьи договора, требующей восстановления старого правительства. Читатели, может быть, помнят, что я обратил свое время их внимание на двусмысленную редакцию этой статьи. Решид-паша возражает на это, что восстановление господарей в правах не может иметь места, пока Порта не убедится, что они не нарушили обязанностей, которые лежат на них как на лояльных подданных. Против молдавского князя Гики Порта не имеет серьезных возражений, но поведение Стирбея, валашского господаря, носило очень вызывающий характер: он самым скандальным образом проявил себя сторонником России, так что смещение его стало для Порты обязательным.

Г-н фон-Брук апеллировал тогда к султану. Последний созвал Чрезвычайный совет, выработавший компромисс, согласно которому оба господаря временно возвращаются на свои посты, между тем как Порта назначает верховного комиссара, который подробно расследует их образ действий, после чего будет принято окончательное решение. Конечно, само собой понятно, что князь Гика, против которого Решид будто бы не имеет серьезных возражений, лишь номинально вновь призывается к власти, и Молдавия остается в руках русских. Напротив, восстановление в правах князя Стирбея, которого Порта сама прогнала и заклемила как русского агента,

является фактическим, так как часть Валахии уже очищена от русских и то же, вероятно, скоро будет и с остальной частью.

Деятельность австрийской дипломатии этим, однако, не ограничивается. Во вчерашней «Morning Post» мы читаем следующую телеграмму из Белграда от 19 июля: «Вчера из Константинополя прибыл приказ, предписывающий немедленно прекратить дальнейшее вооружение и все военные учения. Ожидается новый приказ о разоружении. Известие об этом спешно передано князю Александру». Итак, вот ответ Порты на сербский протест против австрийской оккупации. Так жалкое турецкое правительство лишается возможности оказать сопротивление своему явному врагу и одновременно оно подстрекается к враждебным неправомерным действиям по отношению к своим собственным лойяльным провинциям. Договором 14 июня Турция разорвала свое соглашение с княжествами, а приказом о разоружении она нарушает основные законы Сербии. То же политическое насилие, которое толкает турецкую армию на путь восстания, толкает Сербию и княжества в объятия России. Австрийское требование об очищении княжеств означает для Турции запрещение вступить в княжества, а знаменитые военные приготовления Австрии приводят к разоружению Сербии.

Австрия, являющаяся жалким орудием в руках царя и его английских союзников, не видит в своей ограниченности, что всем этим она подготавливает лишь элементы всеобщей революции, первой жертвой которой явится она сама и сожалеть о наступлении которой может только такой утопический реакционер, как Давид Уркарт.

Читатели уже осведомлены о начавшемся движении в Италии. Газеты сообщают о мятежах в Генуе, Модене, Парме и пр. Но, по моему мнению, события, происшедшие в Ферраре, наиболее по сравнению с остальными напоминают всеобщее восстание 1848 года.

Насколько правильную характеристику давал я патриотическому и «добровольному» займу надменного австрийского правительства, переживающего банкротство, читатели увидят из воззвания Шевалье ле-Бурже, с которым он обратился недавно к лойяльным подданным Ломбардии. В нем извещается, что доля «добровольного» займа, причитающаяся на Ломбардию определяется в 40 000 000 флоринов, что равняется 104 400 000 франков; если эту сумму разделить на число населения, то на одну голову придется 40 франков. «Добровольный» заем, пишет «Union», превращается в гигантскую контрибуцию, которая ложится на каждую провинцию, на каждую общину и на каждое отдельное лицо и которую *должно* уплачивать *добровольно*. Для того чтобы более не оставалось никакого сомнения

в истинном характере этого «добровольного» займа, воззвание Шевалье Бурже заканчивается следующим:

«Более чем очевидно, что в случае неуспеха добровольного займа, будет наложена чрезвычайная и принудительная контрибуция, которая будет распределена соответственным образом между различными видами доходов от земли, с капитала, торговли и промышленности».

В заседании Нижней палаты в последний понедельник поднялся председатель Тайного совета и руководитель палаты, чтобы подробно изложить намерения кабинета, и шестью часами позже он на том же месте полностью взял все сказанное обратно; это небывалый случай в летописях парламента. В 7 часов вечера Севастополь, подвергшийся бомбардировке, был разрушен и отделен от России. В 1 час 15 мин. пополудни русский флот в Севастополе потерял одно или два линейных судна, и «Россия ни в какой степени не потерпела урона в своем теперешнем достоинстве и в своем положении». В течение шести часов маленький Джонни горланил, шумел, буянил, хвастался, поздравлял и преувеличенно ликовал перед членами Нижней палаты, в продолжение шести часов он старался уверить их в том, чего в действительности не было, но достаточно было одного укола острым язычком господина Диаразали, как этот пузырь лопнул, и мнимый лев должен был опять покрыть свои плечи привычной телячьей шкурой. Это был для министерства «день унижения» («day of humiliation»), но свои три миллиона фунтов оно провело.

В заседании во вторник происходили дебаты по резолюции лорда Стюарта по поводу отсрочки роспуска парламента. Если вотум относительно денег уже состоялся, то нужно уж было вотировать и доверие министерству. Так как достопочтенные члены палаты все были солидарны в этом, то в палате было немного депутатов, дебаты носили сонный характер, министерство вело себя более вызывающе, чем когда бы то ни было, и резолюция Дедли была отвергнута единогласно. Министерство сумело свой собственный повор превратить в победу над членами Нижней палаты. Это был «день унижения» для парламента. И все же заседание оказалось заслуживающим внимания благодаря выступлению господина Герберта, английского военного министра и шурина Воронцова, который защищал способ ведения войны, далее благодаря нескромности морского министра Беркли и высокомерным тирадам маленького Джонни о внутреннем состоянии английского министерства.

Господин Герберт, человек с маленькой головой, бывший ранее членом «Молодой Англии», на жалобы на неудовлетворительную

организацию комиссариата отвечал хвалебным гимном в честь верховного комиссара Фильдера, который, несомненно, является самым подходящим человеком для занятия этой должности; ведь пятьдесят лет тому назад он пользовался доверием железного герцога и занимал при нем высокие посты. Неприятным письмам газетных корреспондентов он противопоставил рисующие все в самых радужных красках отчеты «лучших казначеев армии» и обязательные комплименты нескольких французских офицеров. Он не проронил ни слова по поводу полного отсутствия транспортных средств в армии, в которой не было ни мулов, ни лошадей для перевозки багажа и необходимых запасов воды, не было и многого другого, что необходимо для похода из Варны и Девны к Дунаю. Он ни слова не сказал о недостатке средств пропитания армии. Он не оспаривал факта, что провиантское управление было создано после того, как были уже отправлены несколько дивизий и флот находился уже в Константинополе. Он не осмелился также опровергнуть утверждение, что лорд Раглан сам сказал, что его войска, не снабжавшиеся продовольствием в достаточном количестве, в течение двух месяцев оставались на месте, не имея возможности продвинуться вперед, хотя их отделяло от почти изнемогшего от голода врага расстояние, лишь не многим большее расстояния пушечного выстрела.

В таком же роде гениальный шурин князя Воронцова отвечал на жалобы по поводу орудий. Пространно отвечал он на сделанный им самим упрек в том, что армия захватила с собой в Турцию лишь шестифунтовые орудия. Зато он обошел упорным молчанием тот факт, что в армии нет осадных орудий и что для поддержки пехоты почти нет кавалерии, которая на равнинах Валахии явилась бы наиболее действительным родом оружия, и что, наконец, сорокатысячная армия в Варне не имела даже и 40 орудий, чтобы противопоставить их русским, у которых каждый корпус в 40 000 человек сопровождает 120 орудий.

На обвинения правительства по поводу проявленной им халатности в деле снабжения армии необходимыми вспомогательными средствами шурин Воронцова с возмущением ответил защитой командующих армиями, которых ни в чем нельзя упрекнуть.

Роковые случайности и английскую монополию на роковые случайности, каких никогда не было во французской экспедиции, достопочтенный г. Герберт объяснил следующим образом: во-первых, действительно, правда, что одно судно, на борту которого находилась часть драгунов, уничтожено огнем, но что капитан, «благородный старый моряк, находясь лицом к лицу пред самой ужасной

смертью, какая только может быть, отказался, несмотря на просьбы экипажа, покинуть судно и погиб на своем посту». Глуповатые члены Нижней палаты с восторгом выслушали эту бессмыслицу. Что касается потери «Тигра», то ее нужно отнести к числу случайностей. «А печальный случай в Балтийском море, — ну, он доказывает лишь безумную храбрость наших моряков».

Господин с маленькой головкой перешел затем к поставленному ему вопросу: «достигли ли каких-нибудь практических результатов наш флот и наши армии?» Он хвастался «полной, успешной и ненарушимой блокадой русских портов». Эта блокада была столь успешна, что, например, восемь русских военных судов пришли из Севастополя в Одессу, несмотря на все сражения, бомбардировки и преграды. Она столь успешна, что русская торговля в Балтийском море продолжается в широком масштабе, обеспечивающем продажу в Лондоне русских товаров по ценам, лишь незначительно превышающим цены до войны, и что в Одессе торговля производится точно так же, как и в прошлом году; да и эта только номинальная блокада Черного и Белого морей лишь несколько дней назад должна была быть навязана англичанам Бонапартом.

Но, — утверждает благоразумный молодой человек по фамилии Герберт, — английское правительство сделало еще больше. Разве оно не лишило Россию возможности перевозить Черным морем подкрепления и не отрезало России всякий доступ к морю? При этом он совершенно забывает, что в течение четырех месяцев Англия предоставила русским господствовать на Дунае; что она позволила им лишь с 15 000 человек занять европейские житницы — Молдавию и Валахию; что она молча смотрела, как Россия отняла у нее из-под носа богатые стада Добруджи, и что она помешала турецкому флоту уничтожить русскую эскадру у Синопа.

Военным успехам турок мы, англичане, тоже оказали не малое содействие, так как мы явились их резервом и сделали для них, таким образом, возможным использовать каждого солдата и каждое орудие против вторгающегося в страну врага. Должен ли я напоминать читателям, что прежде чем русские смогли сконцентрировать в княжествах превосходные силы, английское правительство запретило Омеру-паше использовать численный перевес его армии и плоды его первых побед?

Что же еще было сделано английскими войсками? «Сколько денег было затрачено Россией на сооружение целой линии фортов вдоль черкесского побережья? И в течение одной короткой кампании все эти сильные крепости, образывавшие цепь вокруг Черкесии,

перешли в наши руки или к нашим союзникам, за исключением одного форта».

Воронцов! Воронцов! Ты уже забыл, что когда в начале сессии тебе советовали взять эти форты, ты отказался это сделать и предоставил, таким образом, русским возможность перевести гарнизоны этих фортов в Севастополь. Ты взял лишь те форты, которые русские сами оставили, и единственное «исключение», которое не было ни разрушено, ни взято и даже не подверглось нападению, это как раз тот единственный форт, который стоил того, чтобы его взять, и который русские считали заслуживающим того, чтобы его удержать: этот единственный форт, открывающий возможность сообщения с черкесами — *Анапа*.

Пошлая болтовня господина Герберта достигла своего кульминационного пункта, когда он попытался заставить поверить, будто в славной защите Силистрии, при которой она и сама не оказала помощи и не позволила Омеру-паше прийти на помощь, Англия принимала участие, так как среди убитых был один молодой человек — капитан Бетлер. Лейтенант Несмит, который еще жив, конечно не был назван. Капитан Бетлер, — я должен об этом упомянуть, — отправился в Силистрию на свой собственный риск, после того как правительство отказалось послать его; маршал Герберт не имеет поэтому оснований особенно хвалить его образ действий. Что касается лейтенанта Несмита, то он относится к тому сорту людей, которому предстояло исключение из английского лагеря. Он отправился поэтому в Силистрию в качестве военного корреспондента.

Когда лорд Дедли Стюарт напал на правительство за то, что оно не приобрело судов, сидящих не глубже трех футов и могущих перевозить одно-два тяжелых орудия, адмирал Беркли, говоривший после генерала Герберта, просил благородного лорда «научить инспекторов кораблестроения как строить такие суда». Это все, что сумел ответить мужественный виг и адмирал на вопрос, как сможет адмиралтейство снарядить балтийский флот, не строя большого числа канонерских лодок. Храбрый Беркли и его ученый инспектор кораблестроения вместо того, чтобы обращаться за инструкциями к бедному осмеянному лорду Дедли Стюарту, обратились бы лучше в шведское и русское адмиралтейства.

Не будем останавливаться далее на защите британского командования элегантным Гербертом и мужественным Беркли и перейдем к нескромным открытиям того же Беркли. Вчера вечером лопнул севастопольский мыльный пузырь у Джонни, сегодня у Беркли лопнул кронштадтский мыльный пузырь. Так как вся борьба в княже-

ствах будет делом исключительно австрийцев, то «сильным армиям и флотам, с их винтовыми пароходами, длинными мортирами и прочими чудовищами разрушения, каких никогда не снаряжала и не высылала ни одна страна», не остается поля для деятельности. Мужественный Беркли цитировал следующие фразы из письма храброго командующего Балтийским флотом: «Не в моей власти было предпринять что-либо с этим сильным флотом, так как всякое нападение на Кронштадт или Свеаборг означало бы верную гибель». Но этого мало. Мужественный Беркли, ликующий по поводу того, чего не мог сделать самый сильный флот, весело болтает далее: «Адмирал Чэдс, по сравнению с которым никто не обладает столь обширными научными познаниями, пишет об этом следующее: «После двухдневного наблюдения с маяка и подробного осмотра фортов и судов, я убедился, что форты слишком массивны для нашей судовой артиллерии. Они состоят из громадных массивных глыб. О возможности нападения на неприятельские суда, где таковые имеются, нечего и думать». Что касается Непира, мужественный Беркли закончил словами: «Никогда еще ни один британский офицер не имел большей свободы действий, чем та, которой он пользовался. Правительство совершенно не связывало ему рук и лишь всячески поощряло его к продвижению вперед» — из Бомарзунда в Кронштадт и из Кронштадта в Бомарзунд.

Когда господин Гильдьярд, торий, заметил, что «еще ни разу за всю свою жизнь он не слышал такой нескромности», что Беркли говорил как настоящий агент России и что, несмотря на все его разглашательства о Кронштадте, в его речи все же звучало его молчаливое согласие со всем тем, что произошло, мужественный Беркли частью взял свои нескромные сообщения назад, заявив, что Непир говорил только о своем теперешнем положении, когда в его распоряжении находятся только суда и он не может опереться на сухопутные силы. Что без сухопутных войск и без союза с Швецией в Балтийском море ничего нельзя достигнуть, я повторял все время с тех пор, как Непир покинул английские берега, и мое мнение разделяли все научно-образованные военные.

Я перехожу к последнему пункту этих замечательных дебатов, к высокомерным заявлениям лорда Джона Росселя. Едва только чек на три миллиона оказался у него в кармане, как он стал так же боек, как он был робок двадцатью часами раньше, когда он извигался под ударами сарказма Дизраэли.

«Более подробно объяснить свои прежние утверждения он не видит необходимости». Относительно «досадных разногласий», которые

некоторые партии пытаются создать между Эбердином и его коллегами, он скажет лишь одно: «Что касается общих мероприятий в отношении войны, эти мероприятия одно за другим были обсуждены теми советниками ее величества, которые составляют так называемый кабинет, и ответственность за вынесенные решения пред парламентом и страной несут одинаково как лорд Эбердин, так и все его коллеги по кабинету».

Он решился даже, не подвергаясь, впрочем, никакому риску, сказать палате: «Если нас считают способными быть министрами, то надо доверять и нашей способности по усмотрению созывать или не созывать парламент; если же эта наша способность оспаривается, то мы не можем более оставаться министрами».

После того как в понедельник и вторник я присутствовал в этих заседаниях английского парламента, я признаю, что я ошибался, когда в 1848 г. писал в «*Neue Rheinische Zeitung*» о Берлинском и Франкфуртском национальных собраниях, что они стоят на самом низком уровне парламентской жизни.

Может быть, читателей немного освежит, если я противопоставлю декламации британского шурина Воронцова, пресному хвастовству Росселя и рычащим передовицам «*Times'a*» несколько выдержек из последних писем корреспондентов «*Times'a*» в британском лагере в Варне ст 13 июля: «Вчера широко распространилось убеждение, что скоро будет заключен мир. Передавали, что австрийский посланник обедал с генералом Броуном, и что этот посланник едет из Шумлы, где он вел длительные переговоры с Омером-пашей, в Варну, чтобы совещаться там с лордом Рагланом и маршалом Сент-Арно, что герцог Кембриджский будто заявил, что кавалерия будет в Англии уже в ноябре, а пехота в мае. Положительно нельзя сказать, находимся ли мы в состоянии войны и союзные армии действительно являются воюющей стороной, или же это одна видимость военных действий, с тех пор как войска высадились в Турции. Наши парады, смотры, учения и пр. носят такой же невинный характер, как если бы это происходило в Сатори и Кобгеме, и все наши операции на суше ограничиваются пока разведочной экскурсией лорда Кардигана, посылкой нескольких инженеров и саперов в Силистрию и Руцук, отправлением нескольких французских понтонеров туда же и новой посылкой группы саперов и 150 матросов в Руцук для постройки моста от берега до островов и далее от островов до другого берега».

Еще одна маленькая парламентская комедия разыгралась в прошлую среду. В заседании в последнюю пятницу господин Бетт

внес предложение о запрещении британским подданным под страхом наказания торговать русскими государственными бумагами, но это ограничение должно было относиться только к займам, выпущенным русским правительством во время этой войны. Британское правительство не внесло соответственного билля, но и не могло решиться выступить против него, так как Бонапарт уже опубликовал в «Moniteur» ложное сообщение, будто английское правительство, так же как и Бонапарт, считает подписку на русский заем незаконной. Пальмерстон поддерживал поэтому предложение Бетта, но встретил довольно нелюбезное сопротивление господина Вильсона, секретаря казначейства и умного издателя «Economist'a». Тот же Пальмерстон, в понедельник защищавший коалиционное министерство, промолчавший во вторник и обеспечивший этим успех коалиции, все же не мог упустить в среду случая вновь выступить в роли «утнетной» кабинетом «невинности». Он говорил в тоне и с важностью Сивиллы мужского пола, как если бы он был всецело во власти своих патриотических чувств, которые он, бедняга, должен был подавлять в течение предыдущих двух вечеров, связанный железным принуждением своего официального положения. Неизбежный бурный восторг достопочтенных одураченных слушателей покрыл его слова: «Этот билль только подтверждает принцип, что британские подданные не должны предоставлять России средств для продолжения войны. Аргументы, представленные секретарем казначейства, сводились к тому, чтобы принудить нас к уничтожению законов о государственной измене. Подобные аргументы — бессмыслица».

Нужно заметить, что это тот самый человек, который в течение 24 лет навязывал Англии русско-голландский заем и в настоящий момент является самым влиятельным членом кабинета, все еще уплачивающего и капиталы и проценты по этому займу и, таким образом, предоставляющего России «средства для продолжения войны».

СКУЧНАЯ ВОЙНА.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Прошло почти 12 месяцев с тех пор, как небольшому отряду турок в составе двух батальонов удалось под Туртукаем против Ольтеницы перейти Дунай. Турки соорудили там окопы, и когда русские на них напали, они отбросили их в непродолжительной, но энергичной схватке, получившей гордое название, — так как это было первое столкновение в этой войне, — битвы у Ольтеницы. Здесь турки одни противостояли русским, за ними не было резервов английских или французских войск, и они также не могли рассчитывать на поддержку союзного флота. Все же они удержались на валашском берегу Дуная у Ольтеницы в течение четырнадцати дней и у Калафата в течение всей зимы.

С тех пор Англия и Франция объявили России войну; были совершены различные геройские подвиги, хотя и сомнительного характера. Черноморский и балтийский флоты и почти сотысячная англо-французская армия поспешили на помощь туркам или пытаются отвлечь от них врага. И единственным результатом этого является лишь повторение дела под Ольтеницей в большем масштабе, но, собственно, с меньшим успехом, чем в прошлом году.

Русские осаждали Силистрию. Они действовали при этом бессмысленно, но мужественно. Из дня в день, из ночи в ночь они терпели поражения; не благодаря научному превосходству противника, не благодаря капитану Ветлеру и лейтенанту Несмиту, двум бывшим в Силистрии английским офицерам, спасшим, по словам «Times'a», Силистрию. Нет, они терпели поражение благодаря невежеству турок, невежеству, которое было так велико, что они не знали, когда больше уже невозможно удерживать в своих руках какой-либо форт или вал, и цепко держались за каждую пядь земли, за каждый бугорок, который враг пытался завоевать. Они были, кроме того, разбиты благодаря тупости своих собственных генералов, благодаря холере и лихорадке, наконец благодаря моральному впечатлению, которое производила армия союзников, угрожавшая их левому, и австрийская армия, угрожавшая их правому крылу. Когда война началась, мы уже от-

метили, что русские никогда не умели провести правильную осаду, и плохое руководство операциями под Силистрией только подтверждает, что они с тех пор ничему не научились. Они были, таким образом, разбиты, должны были позорно бежать, прервав осаду несовершенной крепости в самое лучшее время года, хотя гарнизон крепости ниоткуда не получил подкрепления. Такие вещи случаются лишь раз в сто лет. И что ни предпримут русские осенью, этот поход окончательно и позорно проигран ими.

Взглянем, однако, на оборотную сторону медали. Силистрия свободна. Русские отступают на левый берег Дуная. Они готовятся даже к очищению Добруджи и постепенно его осуществляют. Гирсова и Мачин разрушены. Серет, повидимому, является той линией, которую русские избрали для защиты не своих завоеваний, а своей собственной территории. Старый хитрый кроат, Омер-паша, который, как и всякий другой, умеет молчать или лгать «во исполнение своего долга», посылает одновременно два корпуса против обоих крыльев русских, один в Добруджу, другой — в Руцук. Правда, в это время возможны были и значительно лучшие операции, но старина Омер во всяком случае лучше знает своих турок и союзников, чем мы. С военной точки зрения представлялось бы правильным ударить через Добруджу или Калараш на линию связи неприятеля, но после всего того, что мы видели, мы не должны обвинять Омера, что он упустил хороший случай. Мы знаем, что его войско очень плохо обеспечено продовольствием, почти ничем не снабжено и поэтому не может совершать быстрых передвижений, которые слишком отдалили бы его от его базы или открыли бы новые операционные линии. Такие передвижения приобретают решающее значение, когда они производятся сильной армией; армия, которая живет изо дня в день и проходит по бесплодной стране, должна от них воздерживаться. Мы знаем, что Омер-паша, когда он был в Варне, обратился с просьбой о помощи к союзным генералам, стоявшим тогда с 75 000 превосходных солдат всего в четырех переходах от Дуная. Но ни Сент-Арно, ни Раглан и не думали отправляться туда, где бы они могли встретиться с врагом. Поэтому Омер и не мог сделать больше того, что он сделал. Он послал 25 000 человек в Добруджу и с остатками своей армии направился в Руцук. Здесь его войска переходили с острова на остров, пока они не перешли Дуная; тогда внезапным маршем влево они взяли с тылу Журжево и принудили русских его оставить. На следующий день русские отступили на высоты к северу от Журжева, где подверглись нападению турок. Дело дошло до кровопролитного сражения, замечательного по количеству

английских офицеров, которые с блестящим успехом стремились быть убитыми в числе первых. Каждый из них получил свою пулю, но от этого не было никакого проку; да и глупо было бы предполагать, что турецкий солдат, видя, как убивают английских офицеров, должен прийти в такое воодушевление, что стал бы непобедимым. Как бы то ни было, русские, имевшие тут только авангард, одну бригаду из двух полков (Колыванского и Томского), были разбиты, и турки упрочили свое положение на валашском берегу Дуная. Они немедленно принялись за укрепление местности, и так как с ними были английские саперы, да и сами они, как и в Калафате, превосходно работали, они создали бы здесь, несомненно, грозные позиции. Но это был предел, до которого им дозволено было дойти: до сих пор и ни шагу дальше. Тот же самый австрийский император, который в течение восьми месяцев так старался разыгрывать роль незаинтересованного человека, внезапно вмешивается в дело. Ведь княжества были обещаны ему для прокормления его армий, и он хочет иметь их. Что там делать туркам? Пусть они возвращаются обратно в Болгарию. Поэтому из Константинополя приходит приказ оттянуть турецкие войска с левого берега Дуная и оставить «весь этот клочок земли» на произвол австрийских солдат. Дипломатия выше стратегии. Что бы из этого ни вышло, Австрия намерена защищать свои границы, оккупируя для этого вне границ еще несколько ярдов земли; и этой важной цели она приносит в жертву даже нужды войны. Да к тому же разве Омер-паша не австрийский дезертир? А Австрия ничего не забывает. В Черногории она уже стала ему поперек дороги в его блестящей карьере, и теперь игра повторяется, чтобы дать почувствовать ренегату, что на нем еще лежат обязанности подданного по отношению к своему законному государю.

Было бы бесполезно останавливаться на военных деталях в настоящей стадии кампании. Отдельные действия не представляют тактического интереса; это простые прямые, фронтальные атаки; передвижения войск с обеих сторон диктуются больше стратегическими, чем дипломатическими мотивами. Очень возможно, что поход закончится без значительных операций, так как на Дунае не делают приготовлений к наступлению в более крупном масштабе, а что касается взятия Севастополя, о котором мы слышим так много, то, вероятно, будут медлить с началом этого дела до тех пор, пока позднее время года не заставит отложить его до будущего года.

У тех, кто разделял в Европе какие-либо консервативные воззрения, последние, казалось бы, должны были рассеяться при виде этого вечного восточного вопроса. Вся Европа оказывается

неспособной, явно неспособной вот уже в течение шестидесяти лет разрешить этот крошечный спор. Вот они — Франция, Англия и Россия, которые, наконец, вступают в войну. Они воюют уже шесть месяцев, но дело почти еще ни разу не дошло до сражения, разве лишь по недосмотру или в ничтожном размере. Вот они под Варной — от восьмидесяти до девяноста тысяч английских и французских солдат под командой бывшего военного секретаря старого Веллингтона и французского маршала (главные подвиги которого совершены, впрочем, в лондонских ломбардах); вот они тут: французы, которые ничего не делают, а англичане по мере своих сил помогают им в этом; и так как такой образ действий кажется им, может быть, не очень почетным, то флоты приходят в Балчик, чтобы взглянуть на них и убедиться, какая из двух армий с большим достоинством наслаждается этим *dolce far niente* [приятным ничегонеделанием].

И хотя союзные армии до сих пор ничего не делали, кроме того, что съедали запасы, на которые рассчитывала турецкая армия, да в течение двух месяцев день за днем зря проводили время под Варной, они все еще не находятся в боевой готовности. Если бы от них потребовали, они освободили бы Силистрию в мае будущего года. Те самые войска, которые завоевали Алжир и изучили теорию и практику войны на одном из самых трудных среди существующих театров военных действий, те солдаты, которые сражались против сикхов на берегах Инда и против кафров в колючих кустарниках Южной Африки, в странах значительно более диких, чем Болгария, — теперь эти солдаты беспомощны и робки и оказываются нигде не годны в стране, которая даже экспортирует хлеб!

Но если союзники не могут похвастаться своими подвигами, не лучше обстоит дело и у русских. Последние имели более чем достаточно времени, чтобы подготовиться. Они и делали все, что могли, так как они знали с самого начала, какое они встретят сопротивление. И все же, что они оказались в состоянии сделать? Ничего. Они не отняли у турок ни пяди спорной территории; они не сумели взять Калафат и ни в одном сражении не сумели разбить турок. А ведь это те же русские, которые, под командой Миниха и Суворова, завоевали берег Черного моря от Дона до Днестра. Но Шильдер не Миних, а Паскевич не Суворов, и хотя русский солдат в состоянии выдерживать более розог, чем всякий другой, но и он, как и всякий другой, теряет свою стойкость, если он постоянно должен отступать.

Факт тот, что консервативная Европа, — Европа «порядка, собственности, семьи и религии», Европа монархов, феодалов, капиталистов, как ни различны их взаимоотношения в различных странах, — снова обнаруживает свое полное бессилие. Пусть Европа прогнила, но война должна была бы встряхнуть ее здоровые элементы, война должна была бы вновь пробудить кое-какие дремлющие силы. И среди 250 миллионов людей уж, конечно, можно было бы найти достаточно энергии, чтобы, по крайней мере, вести приличную борьбу, в которой обе стороны могли бы хоть сколько-нибудь отличиться (*gear some honor*), поскольку мужество и энергия могут быть проявлены на поле битвы. Но нет, не только буржуазная Англия и бонапартовская Франция не годны для порядочной, энергично и твердо проводимой войны, — нет, даже Россия, т. е. та страна Европы, которая менее всего заражена расслабляющей вероломной цивилизацией, неспособна на это. Турки хороши для внезапных активных шагов в наступательных действиях и пригодны к упорному сопротивлению при обороне; но для больших комбинированных операций с большими армиями они, очевидно, не годятся. Все обречено, таким образом, до известной степени на бессилие; все ограничивается тем, что взаимно признаются друг другу в своем бессилии, и никто, повидимому, и не ждет от другого ничего лучшего. При тех правительствах, каковы они в настоящее время, эта Восточная война может продолжаться еще тридцать лет и все же ничем не кончиться.

Пока официальная бездарность обнаруживает себя по всей Европе, в юго-западной части этого континента пробуждается движение, которое сразу нам указывает, что имеются еще и другие силы, более действительные, чем официальные силы. Каков бы ни был действительный характер и результат испанского восстания и чем бы оно ни кончилось, можно сказать с уверенностью, что оно так будет относиться к будущей революции, как швейцарское и итальянское движения 1847 г. к революции 1848 г.

Два крупных факта обнаруживаются в этом восстании: во-первых, армия (*the military*), с 1849 г. фактически господствующая на континенте, внутренне раскололась и отказалась от своего призвания поддерживать порядок, чтобы в оппозиции к правительству провести в жизнь свое собственное мнение. Дисциплина научила ее сознать свою власть, но эта власть ослабила ее дисциплину. Во-вторых, мы видели картину успешной баррикадной борьбы. Повсюду, где, начиная с июня 1848 г., строились баррикады, они оказывались до сих пор недействительным средством

борьбы. Баррикады, как форма сопротивления войскам со стороны населения большого города, казалось, совсем не достигали цели. Этот предрассудок теперь опровергнут. Мы опять увидели победоносные, неприступные баррикады. Очарование разрушено. Новая революционная эра становится возможной; и характерно, что в то самое время, когда войска официальной Европы обнаружили свою непригодность в настоящей войне, они в это самое время были разбиты восставшим населением города.

* ОТСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ. — ДАНИЯ. — АНГЛИЙСКАЯ НАРОДНАЯ ХАРТИЯ.

Лондон, 8 августа 1854 г.

28 июля князь Горчаков с главными силами своей армии прошел Шлаву, селение, расположенное в расстоянии около шести миль от Калуганери; 29-го он уже оставил ее, направляясь к Фокшанам. Авангард под командой генерала Соймонова составляют восемь батальонов 10-й пехотной дивизии, Томский и Колыванский стрелковые полки и гусарский полк великого князя-цесаревича. Авангард этот должен был 1 августа пересечь Яломицу в Урешти и Хересчанах, где были наведены мосты. Рассчитывают, что к середине месяца он достигнет Фокшан.

Турецкая армия движется тремя колоннами. Центр ее 29 июля находился в Калуганери; 30-го разведывательные партии ее авангарда были замечены под Глиной, в двух милях от Бухареста, где было предположено к 1 августа установить главную квартиру Омера-паши. Правое крыло двигалось вдоль Аргиша, в направлении от Ольтеницы к Бухаресту. Левое, находившееся 28-го у Могины, должно держать путь от Слатины к Бухаресту.

«Отходное движение русской армии, — говорит «Moniteur de l'armée», — носит, повидимому, скорее стратегический, чем политический характер. Московитский генерал получает благодаря этому движению преимущество сосредоточения своих войск на хорошей позиции, где они могут перевести дух после страданий, перенесенных в Добрудже и причиненных им турками на левом берегу Дуная. Он хочет быть ближе к своей *продовольственной* базе, продолжая в то же время оккупацию значительной части территории, занятой в прошлом году. Наконец, он приобретает позицию, грозную даже перед лицом превосходящих сил».

26 июля барон Будберг обратился со следующей прокламацией к жителям Валахии:

Его величество император всероссийский, царь польский, покровитель княжеств Молдавии и Валахии, покровитель всех исповедующих православную греческую веру, постановил отозвать на весьма короткое время

императорские войска из нездоровых придунайских местностей, чтобы расквартировать их в более здоровой возвышенной местности. Неприятель по своей близорукости вообразил, что мы отступили в страхе перед ним, и попытался поэтому атаковать наши отходящие войска. Но едва верховный главнокомандующий князь Горчаков отдал приказ об отражении атакующих, как они позорно бежали, оставив оружие и боевые припасы, захваченные нашими доблестными солдатами. С наступлением более благоприятного времени года мы возвратимся к вам с оружием в руках, чтобы навсегда освободить вас от варваров-турок. Наше отступление будет выполнено с предосторожностями, без поспешности, дабы противник не мог вообразить, что мы бежим перед ним.

Интересно, что в 1853 г., в том же месяце июле, русские вовсе не находили это время года неблагоприятным для оккупации Валахии.

«Эмиграция болгарских семей из Добруджи, — сообщает письмо из Галаца, опубликованное в одной немецкой газете, — непрерывно продолжается. Около 1 000 семей с 150 000 голов скота переправились у Рени». Эта «добровольная эмиграция», к которой русские призывают жителей под предлогом угрозы мести со стороны турок, по своему характеру весьма сходна с «добровольным» австрийским займом. Венский корреспондент «Morning Chronicle» рассказывает, что те же самые семьи, «узнав, что они предназначаются для фортификационных работ в Молдавии, пожелали возвратиться по домам; но казаки силой принудили их отправиться в Фокшаны, где они в настоящее время заняты на работах по проведению траншей».

По требованию Наполеона Малого, полковник Шарра изгнан из Бельгии. Парижский корреспондент «Indépendance Belge» сообщает о памфлете, написанном и опубликованном принцем Мюратом, который претендует на корону короля-Бомбы как на законное наследие Мюратов. Памфлет был переведен на итальянский язык.

Датское министерство упорно продолжает отказывать западным державам в соглашении относительно портов и мест высадки, которое дало бы им возможность зимой держать свои силы в Балтийском море. Это, однако, не единственный способ, которым это правительство проявляет свое пренебрежение к державам, поднявшимся против его покровителя, русского императора. Оно не поколебалось прои́звести свой давно задуманный, исключительно в интересах России, государственный переворот под самым носом у флотов и армий западных держав. 26 июля в Копенгагене был обнародован государственный документ, озаглавленный: «Конституция Датской монархии в области ее общих дел». Странно, что английская пресса почти вовсе не отозвалась на это мероприятие. Я привожу поэтому наиболее важные пункты этой новой датской конституции:

Раздел 1. Порядок наследования Датской монархии устанавливается законом 31 июля 1853 г.

Раздел 5. Общими делами монархии являются все дела, относительно которых точно не указано, что они относятся к какой-либо определенной отрасли дел.

Раздел 6. Общие расходы монархии в части, превышающей доходы, покрываются в следующей пропорции: 60% — за счет Дании, 17% — за счет Шлезвига, 23% — за счет Голштейна.

Раздел 7. Общие дела империи находятся в ведении *риксрада*.

Раздел 8. Настоящий *риксрад* составляется исключительно из членов, назначенных королем. Будущие *риксрады* должны *частично* избираться.

Раздел 10. *Риксрад* должен состоять тогда из пятидесяти членов; из них двадцать назначаются королем, остальные тридцать выбираются в следующей пропорции: датский сейм избирает 18, провинциальные чины Шлезвига — 5, чины Голштейна — 6 и дворянство Лауенбурга — 1.

Раздел 11. Основной закон королевства Дании от 5 июня 1849 г. ограничивается внутренними делами этого королевства.

Раздел 15. Члены *риксрада* получают вознаграждение в размере 500 талеров в год.

Раздел 16. *Риксрад* созывается по меньшей мере один раз в каждые два года на срок, устанавливаемый декретом короля.

Раздел 17. Заседания *риксрада* происходят в Копенгагене, но король может перевести его в другое место.

Раздел 18. Заседания происходят под руководством президента, назначаемого королем. Дебаты могут вестись на немецком или датском языках; резолюции же должны быть сформулированы на датском языке.

Раздел 19. Заседания *риксрада* — закрытые.

Раздел 21. Ни один налог, общий для всей монархии, не может быть введен, изменен или отменен, ни один общегосударственный заем не может быть заключен без согласия *риксрада*.

Раздел 22. *Риксрад* имеет лишь совещательный голос во всех делах, за исключением финансов объединенной монархии.

Декрет от того же числа назначает созыв *риксрада* на 1 сентября 1854 г., а еще одним декретом опубликованы королевские назначения, причем в числе назначаемых — лишь придворные, высшие чиновники и кавалеры ордена Данеброга.

Главными пунктами, которые удалось достичь при помощи

этого нового *государственного переворота*, являются отмена основного закона и представительных учреждений Дании и создание удобного механизма для доставления любого количества денег, необходимого двору и правительству.

Эрнест Джонс вторично отправился в поездку по промышленным округам с целью агитации в пользу народной хартии. В Галифаксе, Бекупе и прочих местах, которые он уже посетил, была принята следующая петиция к парламенту:

Досточтимым общинам Великобритании и Ирландии, собранным в парламенте. — Почтительная петиция жителей Бекупа, собравшихся на публичный митинг во вторник 30 июля 1854 г., указывает:

Что ваши петиционеры в течение долгого времени внимательно следили за действиями нынешних королевских министров в области внутренней и внешней политики и на основании спокойного наблюдения пришли к убеждению, что в обоих областях они [министры] решительно не заслуживают доверия страны.

Что ваши петиционеры убеждены в невозможности проведения какого-либо внутреннего улучшения и проявления внешней мощи, пока во главе национальных дел остаются подобные люди.

Ваши петиционеры поэтому обращаются с просьбой к вашей досточтимой палате представить королеве адрес, чтобы ее величество сооблаговолила уволить своих настоящих советников и призвать себе в помощь людей, более соответствующих прогрессивному духу времени и более удовлетворяющих требованиям наших дней.

И ваши петиционеры будут настаивать на своей петиции.

В воскресенье большой митинг собрался в Дирпли-Муре, в Бекупе, и агитатор [Эрнест Джонс] произнес там одну из наиболее сильных речей, когда-либо сказанных им, некоторые выдержки из которой заслуживают того, чтобы быть помещенными в вашей газете:

«Наконец-то наступило время действовать, и мы вступаем теперь в период такого возрождения чартизма в Англии, какое никогда еще не следовало за периодом упадка. Наконец-то, наступает час, когда у нас будет хартия.

.....

Вы боролись — и безуспешно боролись — против падения заработной платы; голод привел вас к восстанию, вашим учителем была бедность, подобно тому, как голод был командиром. И после каждой новой неудачи крепили у вас сознание и опытность. Сперва вашим оружием были коалиции и стачки. Вы стремились с их помощью победить, забывая, что, не имея возможности работать на самих себя, вы не обладаете средствами сопротивления капиталисту, мощна которого находилась в весьма удобном положении, наблюдая за вашим брюхом, выжидая, кто дольше выдержит.

Вы думали в короткий срок достичь цели, и вам говорили, что если каждый рабочий будет работать на два часа меньше, то совсем неработавшие получат два часа труда. Но вы забыли, что в то время, как вы сократили часы труда на один процент, монополия увеличила машинное оборудование в сто раз.

Затем вы прибегли к кооперации. Вы постигли великую истину, что освобождение труда должно зависеть от кооперации, но вы не разобрались в тех способах, которые обеспечивают это освобождение. Если вы производите, вам нужен рынок; если у вас есть что продать, вам нужен некто, нуждающийся в приобретении этого, — но вы забыли, что его-то и не было у вас. Вы начинаете кооперативное производство, но где же у вас рынок? Где вы разбудите рынок? Каким образом сможете вы сделать бедных богатыми, а только это одно могло бы дать им возможность стать покупателями продуктов кооперативного производства? При помощи тех британских калифорнийцев, золото которых находится на поверхности земли и окрашивает волны колосающейся нивы. Взгляните себе под ноги! Здесь, на этих покрытых травой берегах, на которых вы сидите; здесь, в этом широком поле, где вы стоите, — здесь заключена свобода, здесь лежит кооперация, здесь лежит высокая заработная плата, здесь лежит процветание и мир! В пятнадцати миллионах наших общественных земель, в двадцати семи миллионах невозделанных британских лугов у нас внутри страны. Греческое предание рассказывает, как Геркулес боролся с гигантом Антеем, матерью которого была земля, и несколько раз валил его, но каждый раз, как Антей падал на грудь своей матери, он получал новую силу и вскакивал более мощный. Геркулес, обнаружив это, поднял его кверху и держал в воздухе до тех пор, пока не одолел. Таким же образом Геркулес-монополия отрывает гиганта-труд от родительской почвы и держит его в когтях конкуренции, слабого, беспомощного, висящего, подобно гробнице Магомета, между небом и адом, — только гораздо ближе к последнему.

Но как добраться до земли? Есть люди, уверяющие вас, что политическая власть не является необходимым условием достижения этой цели. Кто же это говорит? Вожди ли десятипроцентного движения или же лидеры движения за десять часов, или движения в пользу сокращения рабочего дня, или движения за ограничение применения машин, или движения погребальных клубов, или движения товариществ, или движения благотворительных обществ, или движения за отделение церкви, или воспитательного движения, или муниципального движения, или каких-либо иных движений? Какое множество «движений», а мы все еще не *сдвинулись* с места. Не добиваться

политической власти! Почему же эти самые люди пританцовывая обхаживают политиканствующего Тидта-Пратта или шлют хнычущие депутации к политику Пальмерстону, или обращаются с петицией к политическому парламенту, или же льстиво увиваются вокруг политического трона? Почему мы должны, следуя их указанию, прийти к политической власти после всех? Только подобные люди советуют вам идти под политическое господство ваших *врагов*. Я же говорю вам: стремитесь к *собственной* политической власти. Я устанавливаю следующую высшую истину:

Хартия является универсальным средством.

Что противостоит нам? Во-первых, коалиционное министерство. Что это такое? Вожди группировок, ни одна из которых не может держаться самостоятельно. Около дюжины людей, слишком слабых, чтобы стоять на собственных ногах, — и они опираются друг на друга, и все они вместе не в состоянии выдвинуть ни одного настоящего человека. Вот что такое коалиция. Что имеем мы помимо ее? Торийскую оппозицию, которая выгнала бы их вон, да не решается, ибо знает, что сама, в свою очередь, будет выгнана; а затем наступит потоп, в котором сам Ной не мог бы спасти классовое правительство. А дальше что мы имеем? Землевладельческую аристократию, три четверти имений которой заложено приблизительно за две трети их цены, — надменная сила, способная раздавить народ! 38 000 обанкротившихся лендлордов на 300 000 фермеров, стонущих под бременем высоких рент, охотничьих законов и тирании лендлордов. Что имеем мы еще? Фабрикантов, приближающихся к банкротству вследствие их собственной подлой страсти к конкуренции, — скоро они окажутся не в состоянии удержать за собою свои фабрики. Достойная сила, призванная выбить пьедестал свободы из-под ваших ног! Что же остается? Рабочий и лавочник. Не раз делались попытки объединить их путем какого-нибудь компромисса. Я всегда противопоставлял их друг другу, так как компромисс в области привилегий лишь усилил бы денежную заинтересованность и усилил бы классовое законодательство. Но теперь, наконец, пришло время для такого союза — и пришло так, что не нужно ни компромисса ни предательства. Мелкие лавочники становятся почти демократами. Говорят, что путь к мозгу рабочего лежит через его брюхо. Пусть так! А путь к сердцу лавочника идет через его карман? За каждый недополученный им шиллинг он получает новую идею. Несостоятельность учит его истине... Так уничтожается моральная мощь наших врагов — и новые союзники присоединяются к нам. Их физическая сила также исчезает. И это сделал царь! В Ирландии осталось едва 1 000 человек! В Англии

нет более регулярной армии. Но зато существует ополчение (militia)! О, это ополчение, в котором дезертирство, согласно лондонскому «Times'у», достигает таких огромных размеров, что «вопли и кличи» более недостаточны, и специальные циркуляры рассылаются в каждый приход, в каждое местечко, где дезертир когда-либо жил хотя бы одну неделю, дабы попытаться силой или страхом вернуть его назад. Поздравляю правительство с таким новым войском.

Итак, поле чисто, — для народа наступило благоприятное время. Не заключайте отсюда, что я имею в виду насилие. Нет! Я далек от этого. *Мы имеем в виду широкое мирное моральное движение.* Но из того, что *мы* имеем в виду моральную силу, отнюдь не следует, что наши враги также имеют ее в виду.

Англия начала мыслить и слушать. Пока она прислушивается к польским барабанам и венгерскому топоту. Она все еще слышит крики Милана и ликования Парижа! Но в короткие перерывы она начинает слышать биение своего собственного гордого сердца — и восклицает: «И мне тоже необходимо выполнить одно дело — разбить врага и завоевать поле сражения».

Председатель митинга указал на присутствие надзирателя и других чинов полиции, выражая надежду, что никаких искажений того, что было сказано, не будет допущено в донесениях этих слуг правительства. По поводу этого предостережения Эрнест Джонс сказал:

«Что касается меня, я не забочусь о том, что они скажут, — они могут говорить, что им угодно. Я отправляюсь на агитацию как солдат на битву, — идя навстречу своей судьбе среди летящих пуль, чтобы пасть и погибнуть или же остаться в живых и победить, ибо я — солдат демократии».

*ЭВАКУАЦИЯ ПРИДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ.

Лондон, 11 августа 1854 г.

Вчерашний «Moniteur» заявляет, что «русский посол в Вене заявил австрийскому кабинету, что император Николай отдал приказ о полной эвакуации Молдавии и Валахии. Несмотря на это заявление, граф Буоль 8-го с. м. обменялся нотами с бароном Буркене и лордом Вестморлендом, из которых следует, что Австрия, равно как и Франция с Англией, держится того мнения, что от России должны быть потребованы *гарантии*, которые бы делали невозможным повторение смут, нарушающих спокойствие Европы. До восстановления всеобщего мира Австрия обязуется не вступать ни в какие переговоры с петербургским кабинетом, до тех пор пока не будут получены эти гарантии».

Какого рода эти гарантии, можно узнать из сегодняшнего «Times'a». Во-первых, эвакуация княжеств, во-вторых, замена русского протектората общим европейским протекторатом, в-третьих, «пересмотр договора о проливах и принятие необходимых мер к ограничению морского могущества России, чтобы последнее не было опасным для существования Турции и свободы судоходства по Черному морю и в устье Дуная».

Объяснения лорда Кларендона во вчерашнем заседании Верхней палаты подтверждают в общем и целом сообщение «Moniteur'a». Мы знаем также из другого источника, что русская главная квартира перенесена в Бузео, что четыре русских полка перешли Прут и что австрийское правительство, с своей стороны, отменило приказы об усилении различных воинских частей, сосредоточенных у галицийской и трансильванской границ.

В военной истории не много таких странных операций, как эта эвакуация княжеств русской армией. Факт тот, что она может быть объяснена лишь с дипломатической, но не с стратегической точки зрения. Как мы уже доказывали в «Трибуне», между Австрией и Россией заключено соглашение, согласно которому австрийцы должны занять княжества, лишь только честолюбие царя будет удовлетворено взятием Силистрии; на случай возможного поражения русских

в договор была внесена оговорка, согласно которой и в этом случае должна быть произведена австрийская оккупация. В соответствии с этим за день до снятия осады Силистрии между Турцией и Австрией был заключен договор, предоставивший Австрии право вступить в Валахию. Этот договор имел тройную цель: во-первых, Турция не должна была быть допущена в княжества; во-вторых, «против революционной заразы должен был быть протянут кордон вокруг всей австрийской границы», и, наконец, русским должно было быть обеспечено безопасное отступление. Из признаний лорда Кларендона для нас становится ясно, что именно лорд Стратфорд де-Редклифф, английский посланник в Константинополе, навязал Порте этот договор; одновременно Диван отдал приказ, чтобы отступающих русских не тревожили преследованием. Поспешное отступление русских от Дуная было бы необъяснимо, если бы этого не требовало соглашение России с Австрией. Австрийцы определили, что их войска должны вступить в Валахию 3 июля. Почему же они медлили? Они хотели принудить Порту к одной уступке за другой: во-первых, относительно формы правления, которая должна быть установлена в Валахии; во-вторых, относительно исключения Турции из ее собственной провинции. Позже они заявили, что их оккупация Валахии не означает объявления войны. Лорд Кларендон говорит: «В конце июня, когда русские собирались очистить Валахию, австрийское правительство отправило офицера из штаба генерала Гесса к союзным главнокомандующим с сообщением, что Австрия намерена занять часть Валахии от имени султана и в целях восстановления его власти; но австрийцы войдут в княжество не в качестве воюющей стороны, так как Австрия не находится в состоянии войны с Россией и не получила еще ответа на свои предъявленные ей требования».

Эта глупая откровенность Австрии вызвала путаницу, и новая отсрочка стала необходимостью. Тогда выступила с протестом Пруссия, ревниво относящаяся к увеличению сферы австрийского господства на Дунае. Ибо хотя обе эти державы и являются орудием России, это не мешает им всегда ревниво относиться друг к другу, как это ясно обнаружилось во время «картофельной войны» 1850 года. Если бы господин Уркарт познакомился с Варшавским протоколом этого года, ему бы никогда не пришла в голову дон-кихотская мысль внезапно превратить Пруссию в барьер Европы против России.

Когда русские, уже начавшие отступление, увидели, что Австрия упустила благоприятный случай, они повернули обратно и вновь приблизились к Дунаю, так как, если бы эвакуация Валахии произошла прежде, чем Австрия пошевелилась, у них не было бы более

предлога для последующего вступления в это княжество. Турецкий генерал в Рущуке, «подстерегавший», — я употребляю здесь фразеологию «Times'a», — русских во время их отступления, направился между тем в Журжево и так основательно разбил русских, что сделал для них невозможной какую-либо попытку вновь овладеть линией Дуная. После этого поражения русским нужно было всерьез подумать об отступлении; к этому решению толкало их еще открытие, что так называемые союзники Турции не будут более оставаться пассивны и что английское правительство, из внимания к своей армии и к общественному мнению, будет вынуждено что-нибудь предпринять против них [русских]. Отступив из княжеств, они увеличили свои оборонительные силы в Бессарабии и в Крыму. Мы уже получили телеграфное сообщение, что русские полки в Бессарабии и Херсоне спешно переведены в Крым, а полки, расположенные в Молдавии, выступают в путь, чтобы занять их место.

Можно было предвидеть, что турки не упустят случая использовать свои выгоды. 6-го с. м. их авангард под командой Искандербея вошел в Бухарест, и турецкий генерал принял депутацию валахской столицы в самый день годовщины вступления врагов Турции в этот город в 1853 году.

Австрийцы, таким образом, упустили благоприятный случай, и их мнимый предлог для вступления в Валахию у них отнят. В настоящий момент оккупация неизбежно создала бы для них коллизию с Турцией. И в то время, когда австрийская печать осуждает продвижение турок против Бухареста как нарушение договора, пресса английского министерства упрекает австрийцев в медлительности и тяжеловесности, благодаря которым расстроился искусно разработанный план. Мы читаем, например, в «Times» от четверга: «Австрийцы благодаря своей медлительности утратили то важное положение, которое они могли бы занять в княжествах. Омер-паша использовал выгоды этого обстоятельства и следует по пятам отступающего врага. Валахия в большей части уже занята войсками султана. Дунай от Оршовы до Галаца весь в их власти, и глупо думать, что какая-либо иностранная держава сможет заставить турецкого командующего уйти из провинции, которую он захватил по праву своего господства и силами своей армии».

Все, что австрийцы еще могут сделать, это — оккупировать Молдавию.

Телеграммы из Константинополя от 30 июля говорят почти исключительно о проектируемой экспедиции против Крыма. 27 июля возвратились обратно двадцать судов под командой адмирала Брюа,

оставившие Балчик 21 июля, чтобы в сопровождении генералов Броуна и Канробера произвести разведку вдоль берега от Анапы до Севастополя. Канробер и Броун тотчас по возвращении отправились в Варну, чтобы сообщить лорду Раглану и Сент-Арно результаты своей миссии. Англо-французские войска были растянуты на линии от Варны до Кюстенджи, чтобы иметь возможность легче погрузиться на суда в различных гаванях. Эта погрузка должна была произойти 29 и 30 июля. Турецкий флот вышел в Черное море, и весь англо-французский флот был сконцентрирован, вероятно, на широте Варны, так как 1 августа там было большое число военных транспортов.

О том, куда должны направиться эти войска, «Gazette du Midi» сообщает следующее: «Некоторые говорят, что в Анапу и находящуюся рядом с ней крепость, в которой имеется около 20 000 человек и захват которой дал бы возможность установить сообщения между Абхазией, Черкесией и Крымом; тогда черкесы могли бы легко принять участие при нападении на Крым. По словам других, наступление предполагается на Одессу, которая в настоящее время обладает гарнизоном в составе около 40 000 человек и которая в дальнейшем должна быть укреплена союзными войсками, чтобы они оставались там в течение зимы и таким образом угрожали с одной стороны Бессарабии, а с другой — Крыму. Третьи указывают на Николаев, где находятся арсеналы русской армии; этот город занимает треугольник, образованный с Востока рекой Днепром, а с запада — Бугом».

Добруджа совершенно оставлена русскими и ее занимают сейчас 36 000 турок и французов. Турки находятся в Бабадаге и, как передают, они получили приказ напасть на Тульчу, французам же приказано напасть на Галац.

16 июля английские пароходы «Огнедышащий» и «Везувий» будто бы совершенно уничтожили маленький городок, построенный русскими в устье Сулины и частью разрушенный уже ранее. Кроме маяка и церкви, не было пощажено ни одно здание.

В Белом море англичане высадились в каком-то месте на берегу Онеги и разрушили одну деревню.

Дело с «Владимиром» в Черном море дало «Times'у» повод резко напасть на адмирала Дендаса. «Herald» ответил на это следующее: «Сэр Чарльз Непир в Балтийском море допустил, чтобы флот из Свеаборга беспрепятственно прошел мимо него на свою якорную стоянку; чтобы Гангеуд был укреплен и вследствие этого стал недоступен бомбардировке; чтобы вежи были удалены и суда вследствие

этого терпели аварии, и по поводу всего этого «Times» не высказал ни одного слова упрека. С адмиралом Дендасом, однако, дело обстоит иначе».

Письма из Парижа от 9-го с. м. сообщают, что восточная армия должна быть увеличена на 50 000 человек. Если война не принесет более ничего хорошего, она имеет, по крайней мере, ту заслугу, что освобождает Францию от ее декабрьской армии.

*ВЗЯТИЕ БОМАРЗУНДА.

Лондон, 21 августа 1854 г.

В английской прессе вы прочтете о первых геройских подвигах английской армии у Бомарзунда. Эти жалкие газеты, не имевшие еще ни разу случая сообщить о чем-либо действительно выдающемся, исполнены восторга по поводу успехов, которых достигли 10 000 французов против 2 000 русских. Я пройду мимо этих ликований и лучше рассмотрю, какие последствия будет иметь взятие этого острова, являющегося преддверием не Петербурга, а Стокгольма. Французская газета «Siècle» сообщила и многие газеты перепечатали, что Швеция немедленно присоединится к западным державам в их кампании против России. Достоверность этого сообщения может быть оценена при сопоставлении с тем фактом, что Швеция заключила договор о вооруженном нейтралитете как раз в то время, когда она могла бы с успехом вести операции против болот и лесов Финляндии. Изменит ли она свою политику теперь, когда время для этих операций миновало? Англия и Франция отказали королю Оскару в денежных и территориальных гарантиях, которых он требовал. И можно ли было бы объяснить распоряжение шведского правительства о демобилизации целой эскадры, если бы Швеция действительно собиралась выступить в поход? Эта демобилизация распространяется на линейные суда «Карл XII», «Принц Оскар», фрегат «Желанный» и корветы «Gefle» и «Thor».

Взятие Бомарзунда сейчас, когда воды в этих широтах вскоре покроются льдом, не может иметь значения. В Гамбурге убеждены, что за ним должно следовать взятие Риги. Взгляд этот основывается на письме капитана Геткота, командира «Archer'a», к английскому консулу в Мемеле, г. Гертслету, в котором сообщается, что все иностранные суда должны уйти из рижской гавани до 10-го с. м.

Пруссия, видимо, энергично поддерживает военную контрабанду на своих русских границах и одновременно подготавливает разрыв с западными державами. Начальники портов в Кенигсберге, Данциге, Кольберге и Свиномюнде получили приказание держать эти порты наготове.

Наиболее влиятельные газеты Норвегии и Швеции заявляют: «Было бы более чем безумием соединиться с союзниками и пойти на ужасные жертвы до тех пор, пока нет определенной и безусловной уверенности, что Россия будет разбита наголову и Польша восстановлена. В противном случае даже присоединение Финляндии к Швеции было бы лишь обманом и западней».

Нужно при этом помнить, что все эти северные правительства находятся в состоянии конфликта по отношению к их собственным народам. В Копенгагене, например, дела обстоят так, что шлезвиг-голштинцы постановили совершенно воздержаться от выборов в ригсдаг, между тем как копенгагенские избиратели одковременно обратились к д-ру Мадвигу, члену ландстинга, с адресом, в котором они предлагают ему не принимать мандата в ригсдаг, так как указ короля нарушает датскую конституцию и права датского народа.

***СЛУХИ ОБ АРЕСТЕ МАДЗИНИ. — АВСТРИЙСКИЙ
ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ЗАЕМ В ПАВИИ, ТРИЕСТЕ И ПР.—
ПОЛОЖЕНИЕ В ВАЛАХИИ. — РЕВОЛЮЦИЯ В ТУРЦИИ.**

Лондон, 12 сентября 1854 г.

Газеты передают различные слухи по поводу ареста Мадзини в Базеле. Я получил от одного друга следующую информацию: Мадзини действительно был арестован в Цюрихе двумя жандармами, но лишь на несколько часов, после чего он бежал. В этом побеге помог другой итальянец, который одновременно заставил арестовать себя в другом месте, выдав себя за Мадзини. Этим маневром власти были сбиты с толку, и сам г-н Дрюэ телеграфировал из Берна в Женеву, чтобы дальнейшие поиски были прекращены, так как Мадзини в тюрьме. Предполагают, что арестованное вместо Мадзини лицо есть Саффи, тогда как другие говорят, что арестованный является венгерским офицером по имени Тюрр.

«Milan Gazette» от 31 августа имела удовольствие сообщить, что муниципальный совет Павии в своем заседании от 28 августа решил принять участие в подписке на национальный заем, подписавшись на 200 000 флоринов. В противоположность этому сообщению одна неофициальная газета дает следующий отчет о постановлении интересующего нас совета:

«Муниципалитет Павии подписался на сумму, *установленную* для города Павии и на него *наложенную*, но он сделал это не в качестве представителя городской общины и не в качестве просто подписчика, но лишь как государственный орган, зависимый от исполнительной власти, которой он по циркуляру 1830 г. обязан абсолютным повиновением, и во исполнение приказа, переданного ему 7 августа генерал-губернатором».

В Тревизо подписка на добровольный заем состоялась точно также только вследствие прямой угрозы. Из сообщения Триестского совета явствует, что даже в этом архиавстрийском лояльном городе подписка на заем не была ни добровольной, ни столь всеобщей, как это изображают австрийские газеты: «Наше городское самоуправление подписалось на второй миллион национального займа.

Настоящим магистрат объявляет, что эта сумма будет распределена между подписчиками, которые до сих пор либо совсем не принимали участия в подписке, либо подписались на сумму, не соответствующую их состоянию. В то же самое время 6-е сентября устанавливается как последний срок для добровольной подписки. Совет надеется, что все поспешат воспользоваться выгодами, предоставленными займом, тем более что после вышеуказанного срока совет, подчиняясь тяжелой необходимости, будет действовать принудительным порядком».

Путешественники, недавно вернувшиеся из Валахии, рассказывают, что состояние, в котором находится это княжество, ужасно. Как известно, из-за оккупации 1848 — 1849 гг. Россия обявала княжества долгом в 14 миллионов франков. Во время последней оккупации сумма эта была взыскана русскими генералами. Русские отступили лишь после того, как опустошили шкатулки и сундуки в церквях, монастырях и общинах; содержанием их они воспользовались для уплаты за продукты, полученные ими по договорам от валашских землевладельцев и крестьян. Но за транспортные средства, значение которых в аграрной стране очень велико, за дрова, уголь, солому и пр. они просто не платили, а реквизировали их. Благодаря этому государственное казначейство княжеств истощено до такой степени, что следует ожидать банкротства общин. И это не считая изнашивания домов, превращенных в госпитали, и на тысячи фунтов собственности, переданной боярами на хранение в русские руки из страха перед турецкими грабежами.

В письме из Афин от 29 августа мы читаем: «Король отказывается в каком-либо размере заплатить туркам за убытки. Ненависть против западных войск растет, и несколько французских солдат уже избиты народом».

Можно было бы рассказать вашим читателям замечательные истории, как благодаря английскому влиянию были распущены греческие общественные организации, как им навязали Каподистрию и как весь этот народ был деморализован благодаря махинациям лорда Пальмерстона. Честность намерений британского правительства в настоящий момент, когда им предпринята интервенция в Грецию, предательски обнаруживается в поддержке, оказываемой Англией генералу Калерги, который, как и Каподистрия, родился, вырос и постоянно живет в России.

Лорд Стратфорд де-Редклифф и британское правительство достигли, наконец, того, что они давно уже пытались вызвать, — революции в Турции, правда, не в Европейской Турции, но, по крайней

мере, в Анатолии. Мы уже знали из сообщений с Родоса, что на берегу, против этого острова, произошло восстание цейбеков, воинственного турецкого горного племени. «Journal de Constantinople» от 20 августа сообщает теперь, что восстание в этой местности растет с каждым днем. Так как там нет регулярных войск, то восставшие ежедневно спускаются с гор, нападают на деревни, взимают десятину, грабят жителей и караваны, насилуют женщин и убивают всякого, кто оказывает им сопротивление. Наиболее тяжелую форму принимают эксцессы в провинции Местешак. Губернатор провинции был вынужден бежать из Айдина в Тир. Деницлю — в их руках, а муфтий Сагиб-эфенди, который отправился с донесением к генерал-губернатору, был схвачен и обезглавлен вместе со своими сторонниками. Силы повстанцев исчисляются тысячами. Источником этих беспорядков являются возвращающиеся из Карса и Баязета башибузуки, обвиняющие Порту в том, что она притесняет турок и подчиняется русским.

Бросая взгляд на Европу, мы замечаем симптомы революции в Испании, Италии, Дании, Придунайских княжествах, Греции, в Азиатской Турции, и даже в рядах французской армии в Варне вновь раздался клич: «A bas les singes!» [Долой обезьян!]

КРЫМСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

НАСТУПЛЕНИЕ НА СЕВАСТОПОЛЬ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Повидимому, французам и англичанам представляется, наконец, возможность нанести серьезный удар могуществу и авторитету России, и мы все в Англии с новым интересом следим поэтому за операциями против Севастополя. Само собой понятно, французские и английские газеты очень гордятся этим предприятием, и, если им верить, в истории военного искусства никогда еще не было ничего более величественного; но на тех, кто помнит факты, непонятную медлительность и бессмысленные отговорки, которыми началась эта экспедиция, а также все предшествовавшие ей и сопровождавшие ее обстоятельства, все это не произведет никакого впечатления. Пусть конец этого предприятия и будет достоин славы, начало его носило скорее позорный характер.

Бросим взгляд на историю деятельности союзных войск в Турции. Сначала эти исполненные геройского мужества, но осторожные бойцы хотели высадиться в Эносе, по эту сторону Дарданелл, и приблизиться к полуострову лишь тогда, когда все окажется не представляющим никакой опасности. Но прежде чем они совершили этот геройский подвиг, они простерли свою храбрость до неслыханных размеров и рискнули высадиться в Галлиполи, во Фракийском Херсонесе. Они сделали это, однако, лишь для того, чтобы в кратчайший срок произвести оборонительные работы на полуострове и создать для себя таким образом самое важное из вспомогательных средств, операционную базу. Турки, между тем, должны были на Дунае все время подставлять свой лоб тому страшному противнику, присутствие которого в Валахии и явилось для союзников поводом для их ученых маневров; и турки справились с этой задачей довольно успешно. Но с прибытием все большего числа судов и войск выяснилось, что Дарданеллы и полуостров не могут их более вместить. В ученом проекте, на котором Лондон согласился с Парижем, появилась новая прореха. Часть войск должна была тогда найти в себе мужество подвергнуться опасности и высадиться в самом угрожаемом пункте — в Константинополе!..

Чтобы поправить дело, они сейчас же принялись за укрепление этого города. На это ушло, к счастью, очень много времени, и таким образом была достигнута главная цель: не выиграть, а потерять время. Затем выяснили, что без большого риска можно послать некоторое количество войск в Варну, чтобы занять этот пункт, так как турки, с такой славой защищавшие Варну в 1828 г., наверное сделали с тех пор столь значительные успехи в деле усвоения европейской дисциплины, что им уже нельзя было доверить защиту такого пункта. Была поэтому послана одна дивизия, за которой затем последовала еще одна или две. И так как, наконец, уже не было более предложения, чтобы держать войска в Босфоре, то вся большая союзная армия не спеша сконцентрировалась в Варне. Это произошло как раз тогда, когда австрийская армия, как грозовая туча, появилась с фланга и в тылу у русских, когда, таким образом, благодаря политическим комбинациям база союзных операций внезапно была перенесена из Константинополя в Трансильванию и Галицию. Если бы этого не произошло, то с уверенностью можно было бы сказать, что в Болгарии никогда не увидели бы армии союзников. Доказательством этого может служить поведение союзников во время осады Силистрии. Как всякий знает, там был поворотный пункт всей кампании. В такой момент, когда обе стороны до крайности напрягли все свои силы, в девяти случаях из десяти ничтожный перевес на одной стороне может разрешить вопрос в ее пользу. И все же во время этой решающей осады 20 000 английских и 30 000 французских солдат — «цвет обеих армий» — стояли на расстоянии лишь нескольких переходов от этой крепости, благодушно раскуривали трубки и благодушно готовились к приему холеры. И если бы эта болезнь не произвела в рядах русских ужасных опустошений, да еще если бы кучка арнаутов, окопавшихся и засевших во рву, со всех сторон осыпавшем снарядами, не совершила чудес храбрости, Силистрия попала бы в руки врага. Нет второго такого примера в военной истории, чтобы армия, которая так легко могла бы прийти на помощь, так трусливо предоставила своих союзников их судьбе. Никакой поход на Крым, никакие победы не смоят этого пятна с французских и английских военачальников. Что было бы с англичанами под Ватерлоо, если бы старый Блюхер, после поражения, которое за два дня до того было нанесено ему у Линьи, поступил так же добросовестно, как Раглан и Сент-Арно?

Кучка арнаутов, сражавшихся в окопах Араб-Табия, оказалась вполне достойной русских по своей ловкости, сообразительности и военной доблести. Русские были прогнаны за Дунай не какой-либо армией,

пришедшей для освобождения крепости. Их собственная неумелость, мужество защитников, болотная лихорадка, пассивное давление австрийцев на Днестре и союзников на Девне (так как кто мог бы предвидеть, что они так будут вести себя?) — все это, наконец, заставило русских прервать осаду и отказаться и от княжеств, и от Добруджи, и от всего похода. Союзные генералы, конечно, хотели использовать этот крупный успех, использовать согласно правилам той стратегической системы, которую они до сих пор применяли. Поэтому лорд Кардиган повел британскую кавалерию на Дунай, чтобы произвести там рекогносцировку, при которой она хотя и не увидела русских, но потеряла много лошадей и только подверглась болезням да вызвала над собой насмешки. А генерал Эспинас, обязанный своей славой измене Национальному собранию 2 декабря 1851 г., повел свою дивизию в Добруджу, и весь успех его свелся к тому, что несколько превосходных полков были наполовину уничтожены холерой и занесли холерную заразу в лагерь союзников. Тем, что холера произвела такие ужасные опустошения в лагере союзников в Варне, союзники обязаны, таким образом, исключительно своим тонким стратегическим распоряжениям. Тысячами они теряли солдат, которые даже и не видели врага; солдаты умирали, как мухи, в своем лагере, где спокойно и мирно они вели почти роскошную жизнь. Следствием этого был упадок духа, недоверие к вождям и дезорганизация, — не столько у англичан, которые страдали меньше и вообще обладают большей силой сопротивления, сколько у французов, национальный характер которых делает их более восприимчивыми по отношению к таким влияниям, особенно если их военачальники держат их в состоянии бездействия. Но то, что обнаружилось в бунтах, возникших теперь среди французов, было лишь естественным результатом ненормальных условий, в которых они жили с 1849 г. Буржуазия научила французского солдата, освободившего ее от ужаса революции, вообще считать себя спасителем нации и общества. Луи-Наполеон заигрывал с ним, чтобы с его помощью восстановить империю. С солдатом обращались так, что он поверил, будто он должен приказывать, и забыл, что он должен подчиняться. Ему внушили, будто он стоит выше штатских, и вот он скоро внушил себе мысль, что он, по меньшей мере, ни в чем не уступает своим начальникам. Не жалели никаких усилий, чтобы превратить его в преторианца, а история всегда учила нас, что преторианцы, это — только выродившиеся солдаты. Они начинают с того, что приказывают штатским, переходят к тому, что пытаются диктовать свою волю своим генералам, и кончают тем, что сами оказываются основательно поколоченными.

Но что произошло в Варне? Целые батальоны погибали здесь, на раскаленном песке, извиваясь в муках холеры; тогда старые солдаты начали сравнивать авантюристов, которые ими теперь командуют, со старыми военачальниками, так успешно командовавшими ими во время африканских походов, на которые с таким деланным презрением смотрят герои современной «*Bas Empire*» [империи упадка]. Африка — более жаркая страна, чем Болгария, и Сахара гораздо менее приятна, чем даже Добруджа. Но в течение всего периода африканских завоеваний смертность не достигала таких размеров, как во время спокойной стоянки на Девне или во время легких рекогносцировочных переходов вокруг Кюстенджи. Кавеньяк, Бедо, Шангарнье, Ламорисьер командовали ими при гораздо более опасной обстановке, но с меньшими потерями; правда, это было тогда, когда Эспинас и Леруа Сент-Арно еще скрывались во мраке неизвестности, из которого могла их извлечь только политическая бесчестность. Зуавы, главные представители той африканской армии, люди, воевавшие лучше всех и больше всех нанюхавшиеся пороха, возмутились поэтому, как один человек, и кричали: «*A bas les singes! Il nous faut Lamoricière!*» [«Долой обезьян! Дайте нам Ламорисьера!»] Его императорское величество Наполеон III, душа и глава этого современного официального обезьянничанья великого прошлого, получив известие об этом бунте, вероятно, почувствовал, что этот крик зуавов означает для него «начало конца». В Варне этот крик произвел волшебное действие. Можно утверждать, что он явился главной причиной экспедиции в Крым.

После опыта этой летней кампании или, вернее, прогулки из Галлиполи в Скутари, из Скутари в Варну, из Варны в Девну, Аладин и опять обратно, никто не ожидает от нас, чтобы мы серьезно отнеслись к тем отговоркам, которыми союзные генералы объясняют, почему экспедиция, так долго откладывавшаяся, наконец, так поспешно предпринимается. Мы можем на одном примере показать, насколько действительны их доказательства. Говорили, что отсрочка была вызвана тем, что не прибыла французская крепостная артиллерия. Но когда Леруа Сент-Арно во время холерных бунтов увидел, что ему сейчас, без промедления, нужно пустить в ход свой главный козырь, он послал в Константинополь за турецкой крепостной артиллерией и снаряжением, и все это действительно в кратчайший срок было приведено в готовность и погружено на суда; и если бы за это время не прибыл французский артиллерийский обоз, то отплыли бы и без него. Но турецкая крепостная артиллерия была готова уже несколько месяцев тому назад, поэтому можно считать доказанным, что все задержки, которые имели место, были не нужны.

Таким образом, выясняется, что эта широковещательная экспедиция в Крым с 600 судами, 60 000 солдат, тремя обозами осадной артиллерии и бог знает с каким количеством полевых орудий, вместо того, чтобы явиться хорошо продуманным результатом искусных, заблаговременно научно подготовленных военных операций, есть лишь поспешный безрассудный поступок, который должен был спасти Леруа Сент-Арно от расправы его собственных солдат. Старый добрый уступчивый лорд Раглан неспособен был противиться этому плану, тем более, что всякое дальнейшее промедление могло бы привести и его армию в то же состояние недисциплинированности и отчаяния, которое уже овладело французскими войсками.

Ирония событий (*irony of events*), о которой говорит один немецкий писатель, сказывалась не только в прошлом, но она действует и в современной нам истории, и в данный момент бедный лорд Раглан является ее жертвой. Что касается Леруа Сент-Арно, то на него и без того никто не смотрел как на главнокомандующего. Это — старый мошенник высшего ранга, старый приятель воровок и достойный последователь человека, которого «долги, но не долг» заставили принять участие в Булонской экспедиции. Несмотря на все цензурные запреты, его характер и его прошлое слишком хорошо известны в болтливом Париже. Там очень хорошо знают этого дважды разжалованного лейтенанта, этого капитана, ограбившего в качестве казначея полковую кассу в Африке. Чего бы он ни достиг в Крыму, его самым славным военным подвигом все же навсегда останется его успешная экспедиция с одеялами его квартирной хозяйки в лондонский ломбард, за чем последовало искусное отступление его в Париж. Но бедный Раглан, генерал-адъютант герцога Веллингтона, посевший в теоретических трудах и в тщательных деталях генерального штаба, несомненно, действительно верит аргументам, которыми Сент-Арно объясняет свои действия. И на него падает вся тяжесть ответственности за то, что вся эта кампания была так научно разработана, так искусно проведена, что 10 000 человек, т. е. почти один на семь, умерли прежде, чем они увидели врага, и что все эти искусные операции не привели ни к чему, кроме слишком спешной экспедиции в Крым на исходе самого благоприятного времени года. Да, нет ничего более едкого, чем эта «ирония событий».

Несмотря на все это, экспедиция может иметь успех. Союзники почти заслужили это, так как ничто не могло бы вызвать большего презрения к тому способу ведения войны, который они до сих пор применяли. Столько возни, столько осторожности, такой избыток учености против врага, который терпит поражение в кампании,

предпринятой его противниками не для его уничтожения, а для сохранения собственной армии! Это было бы худшим приговором, который сами союзники вынесли бы себе. Но они еще не в Севастополе. Они высадились в Евпатории и Старом укреплении (Staroye Kreplenie). Отсюда им нужно пройти до Севастополя — соответственно — пятьдесят и двадцать миль. Их тяжелая артиллерия высадилась будто бы совсем близко от последнего из указанных мест, чтобы сократить себе сухопутный транспорт; высадка, однако, еще далеко не закончена. Если о силах русских и нет точных сведений, то все же известно, что силы их в непосредственной близости Севастополя во многих отношениях превосходят силы союзников. Холмистая местность и почти на десять миль врезающаяся в материк бухта заставят союзников вытянуться в очень длинную линию, как только они попытаются начать операции против крепости. Решительному военачальнику будет не трудно прорвать их линию. Мы, конечно, не знаем, какими средствами Севастополь защищается с суши; но то, что мы знаем о старом Меншикове, заставляет думать, что он не потерял времени даром.

Отчеты английских газет и избранная союзниками операционная линия заставляют предполагать, что первое нападение было произведено на форт, устроенный на холме, с северной стороны, и господствующий над городом. Русские называют его Северной крепостью (Sievernaya Krepost).

Если этот форт хотя бы наполовину солидно построен, он может долго оказывать сопротивление. Это — большой четырехугольный редут, устроенный согласно полигональной системе Монталамбера или по системе капонир, и фланги которого защищены укреплениями, снабженными низкими казематами. Они расположены на конце рва на каждой стороне четырехугольника и окаймляют ров справа и слева. Этот род сооружений имеет то преимущество, что он подвергается непосредственному действию неприятельского огня не раньше, чем враг продвинется до самого края рва. Положение этого укрепления в непосредственной близости главной крепости позволяет пользоваться им для наступательных целей в качестве опорного пункта и базы для сильных вылазок, и уже самое существование этого укрепления должно вынудить союзников ограничить свои главные операции северным берегом бухты.

Опыт в Бомарзунде научил нас, что о русских крепостях нельзя сказать ничего определенного, прежде чем они фактически не подверглись испытанию. Определить поэтому с какой-либо степенью вероятности шансы крымской экспедиции на успех не представляется никакой возможности. Но одно можно сказать довольно определенно:

если операции очень затянутся, если наступление зимы вызовет новый взрыв заболеваемости, если войска будут трепаться в необдуманных и неподготовленных нападениях, как это было с русскими под Силистрией, то французская и, по всей вероятности, турецкая армии дойдут до такого состояния разложения, какому первая подверглась в Варне, а последняя многократно подвергалась в Азии. У англичан спайка, наверно, будет держаться дольше, но наступает момент, когда и наиболее дисциплинированные войска отказываются долее служить. В этом заключается подлинная опасность для союзников, и если, благодаря сопротивлению русских, обстоятельства так сложатся, то обратная посадка на суда перед лицом победоносного врага будет очень рискованным делом. Предприятие может оказаться очень успешным, но, с другой стороны, оно может стать вторым Вальхереном.

БИТВА ПРИ АЛЬМЕ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Наконец получены официальные сообщения о битве при Альме, и донесения военачальников, корреспонденции бывших очевидцами этого сражения английских журналистов и многих морских офицеров подробно изложены в сегодняшнем номере нашей газеты. Эти сообщения подтверждают в существенном те выводы, к которым мы пришли на основании первых переданных по телеграфу известий об этой битве. Повидимому, произошли следующие события.

На расстоянии около трех миль от берега моря река Альма делает изгиб, образуя полумесяц, рога которого обращены к северу. Южный берег реки, образуемый утесами, имеющими около 300 футов вышины, представляет здесь амфитеатр, спускающийся более или менее отлого к потоку. Эта покатость, защищенная справа и слева отвесными скалами, образующими края плоской возвышенности, была выбрана русскими в качестве их позиции. Если бы русские были отражены, то их превосходная конница во всяком случае могла бы прикрыть отступление на ровной поверхности возвышенности, которая почти на всем протяжении облегчала и перевозку артиллерии. На террасе, находящейся на одинаковом расстоянии между возвышенностью и долиной реки, русские расположили главные силы своей пехоты, защищенные слева крутыми утесами, считавшимися неприступными, а справа столь же крутыми утесами, редутом на террасе и тяжелой батареей для продолжной стрельбы на командующих высотах. Адмирал Гамелен утверждает, что эта батарея состояла из двенадцати 32-фунтовых пушек, но каким образом столь тяжелые орудия могли быть увезены при отступлении, как это несомненно произошло, остается тайной, которую этот офицер должен был бы разъяснить. Пространство впереди русской позиции, пересеченное виноградниками и скалами, было удобно для защиты, причем нападение затруднялось грудями срубленных деревьев и другими искусственными заграждениями, которые, однако, не могли быть очень грозными вследствие отсутствия лесов в этой местности. На высоком плоскогории позади

русских войск и у обоих флангов были расположены их резервы и кавалерия. С фронта их застрельщики расположились по ту сторону реки Альмы, заняв деревни Альму и Бурлюк.

Союзники двинулись против этой сильной позиции 20-го, причем французы находились на правом, англичане на левом крыле. Рано утром французы послали дивизию ген. Боске (вторую) с восемью турецкими батальонами вдоль морского берега для того, чтобы она взобралась на утесы с этой стороны под прикрытием корабельных пушек и таким образом обошла левое крыло русских войск. Англичане должны были произвести аналогичное движение против неприятельского правого крыла. Но они не могли находиться под защитой кораблей и имели против себя главную массу неприятельской кавалерии на плоскогории, так что эта часть плана атаки не была выполнена. Между тем французам под предводительством Боске удалось взобраться на скалистый край плоскогория, и в то время как русские войска на этой возвышенности обстреливались тяжелыми орудиями с кораблей, третья французская дивизия под начальством принца Наполеона двинулась против русского левого крыла. Англичане атаковали центр и правое крыло русской армии. Рядом с отрядом принца Наполеона шла вторая английская дивизия под начальством сэра де-Ласи Эванса, командовавшего британским легионом в Испании во время карлистской войны. Его поддерживал ген. Ингленд (3-я дивизия), а крайний левый фланг армии союзников образовала британская легкая дивизия под начальством сэра Дж. Броуна, которую поддерживала гвардейская дивизия под начальством герцога Кембриджского. Резерв (4-я дивизия, сэр Дж. Кеткарт и кавалерийская дивизия, граф Люкен) маневрировал в арьергарде левого крыла, чтобы предотвратить всякие попытки неприятеля напасть с фланга.

Отличительную черту сражения, повидимому, составляет то, что его начальный фазис — схватки вдоль всей линии, во время которых за этим покровом производились маневры, действительно имевшие решающее значение, — был очень непродолжителен. Позиция русских была, в самом деле, столь ясно определена, и их сильная артиллерия была так установлена, что сколько-нибудь продолжительные атаки были бы не только бесполезны, но и прямо вредны для союзников. Французы, повидимому, попали на некоторое время под этот хорошо поддерживаемый огонь, тогда как англичане находились позади, но затем колонны французов и развернувшиеся ряды англичан быстро двинулись вперед, преодолевая встречавшиеся на их пути трудности, вытеснили русских из деревень Альмы и Бурлюка

(последняя была сожжена отступавшими войсками, чтобы союзники не могли воспользоваться ею как прикрытием), перешли реку и без всяких лишних проволок устремились на высоты. Здесь сражение во многих местах, в виноградниках, между скалами и горами срубленных деревьев, напоминало битвы, происходившие между Вероной и Кастильоне в 1848 году. Регулярное движение вперед было невозможно; густая нерегулярная масса застрельщиков, большую часть действовавших независимо друг от друга, пробилась на первую террасу, где их ожидали русские войска. В то же время ген. Боске удалось привести одну из своих бригад на плоскогорье, с которого он угрожал левому крылу русской армии; на помощь ему была послана бригада четвертой дивизии (Форэ), между тем как вторая бригада Форэ поддерживала дивизию Наполеона. Заняв эту позицию, французы получили возможность серьезно угрожать левому крылу русской армии. На русском правом фланге сэр Джорж Броун взял русский редут — ключ этой части их позиции на террасе, и хотя наступление русского резерва с высот оттеснило его, атака горцев (дивизия герцога Кембриджского) повела к окончательному овладению этим укреплением. Таким образом левое крыло русской армии было обойдено, а ее правое крыло сломлено. Всему центру пришлось отражать фронтальные атаки, и он мог только отступить вверх по склону на плоскогорье; заняв последнее, он был защищен от всяких серьезных нападений благодаря присутствию русской конницы и конной артиллерии, в местности чрезвычайно удобной для действий этих двух видов оружия. Однако должно быть на левом фланге русских войск произошло какое-то замешательство в то время, когда Боске обходил их; французские сообщения единогласно подтверждают это, и тот факт, что там карета Меншикова попала в руки французов, вполне доказывает это. С другой стороны, то, что русские увезли всю свою артиллерию, даже и тяжелые осадные орудия батареи на правом крыле (французы не взяли ни одной пушки, а англичане только три, да и те, вероятно, подбитые), показывает, что отступление в общем было произведено в полном порядке, а также свидетельствует о мудром решении Меншикова прекратить борьбу, как только перевес оказался на стороне противника.

Повидимому, войска союзников сражались очень храбро. В редких случаях сражение, подобно битве при Альме, состояло из почти непрерывного, медленного, но непоколебимого движения вперед при полном отсутствии тех превратностей и тех инцидентов, которые придают такой драматический интерес большинству других великих сражений. Один этот факт в достаточной степени подтверждает, по

крайней мере, значительное численное превосходство на стороне союзников и доказывает, что союзные генералы крайне преувеличивали в своих донесениях силу русских. Мы тотчас вернемся к этому пункту.

Военная тактика союзников была хороша, но она свидетельствует больше о доверии к храбрости их войск и к поддержке со стороны флота, чем об изобретательности самих генералов. Это было, так сказать, простое обыкновенное сражение, имевшее чисто тактический характер, лишенное, как это очень редко бывает, всяких стратегических черт. Фланговый маневр являлся весьма естественной мыслью, и он был хорошо выполнен африканскими солдатами, научившимися совершать такие операции в ущельях Атласа. Британцы прорвали русское правое крыло, бесхитростно и упорно сражаясь, и это, вероятно, облегчалось хорошим маневрированием полков и бригад; но однообразие британского движения вперед двумя длинными последовательными рядами нарушалось лишь препятствиями, представляемыми грунтом, а не сложными маневрами, направленными к тому, чтобы обмануть противника или застигнуть его врасплох.

Князь Меншиков хорошо выбрал свою позицию. Однако он, повидимому, не настолько использовал свою конницу, как он мог бы это сделать. Почему не было конницы на левом фланге, чтобы сбросить вниз с утесов изолированную бригаду Боске, как только она начала строиться в ряды? Прекращение битвы, отвод войск, увоз артиллерии и вообще отступление, повидимому, были произведены весьма удовлетворительно, и они делают больше чести его тактике, чем победа — тактике союзных генералов.

Что касается участвовавших в сражении боевых сил, у союзников было под огнем три французских и четыре английских дивизии, кроме артиллерии, причем одна французская и одна английская дивизия и вся кавалерия оставались в резерве, кроме восьми турецких батальонов, которые были посланы на помощь Боске, но прибыли по окончании битвы. А так как французы оставили позади более сильные части войск и понесли большие потери при Варне, чем британцы, то можно считать дивизии почти равными в день битвы — в каждой французской дивизии было около 6 000, а в каждой британской около 5 500 человек. В таком случае фактически сражалось около 40 000 пехотинцев, при резерве около 16 000 человек, включая в это число турок, что, повидимому, соответствует сообщениям относительно сил экспедиции, вычитая больных и откомандированные части войск. Маршал Сент-Арно сообщает, что русская армия состояла из двух дивизий линейных войск — 16-й и 17-й — с двумя

бригадами резерва (призванных запасных) — 14-й и 15-й — и, кроме того, 6-го батальона стрелков. Это составило бы сорок девять батальонов, если бы в бригадах было полное число батальонов. Если считать в каждом батальоне 700 человек (в них никогда не насчитывалось больше солдат в этой войне, хотя в венгерской кампании в батальоне было на 50 человек больше), получилось бы в общем 34 300 человек. Но, как нам известно, кроме вышеупомянутых войсковых частей в Севастополе и в его окрестностях нет других регулярных линейных войск, и весьма вероятно, что, по крайней мере, пять или шесть батальонов было оставлено в качестве гарнизона в этой крепости. Итак, оказывается, что у русских было около 30 000 человек пехоты, каковую цифру можно считать приблизительно правильной. Говорят, что в их коннице было 6 000 кавалеристов, но, конечно, многие из них просто казаки. Это явное превосходство сил союзников лишает победу той чрезмерной славы, которую, как наши читатели увидят из приводимых нами выдержек из английских газет, пытаются приписать ей. Повидимому, обе стороны проявили одинаковую храбрость, и, конечно, как ни гордились союзные генералы победой, им не пришлось в голову после своих успехов войти в Севастополь немедленно и без сопротивления, с развевающимися знаменами и с военной музыкой.

Хотя результат сражения в моральном отношении имеет большое значение для союзников, он вряд ли может вызвать глубокое уныние в русской армии. Это отступление вроде люцернского или бауценского, и если Меншиков сумеет завлечь со своей фланкирующей позиции в Бахчисарае союзников так же ловко, как Блюхер сделал это перед битвой при Кацбахе, они еще могут убедиться в том, что такие бесплодные победы не приносят большой пользы победителю. Меншиков все еще угрожает с большими силами их тылу, и пока они не нанесут ему поражения еще раз и окончательно не оттеснят его, он продолжает быть грозным. Теперь почти все будет зависеть от прибытия подкреплений — с одной стороны, резервов союзников, с другой — русских войск из Перекопа, Керчи и Анапы. Та сторона, которая сумеет *первой* получить численный перевес, может нанести серьезный удар. Но у Меншикова то преимущество, что он может в любое время уклониться от нападения отступив, между тем как союзники прикованы к тому месту, где находятся их склады, лагеря и обозы.

В данный момент Севастополю, повидимому, не угрожает опасность, хотя он и обложен с одной стороны, так как превосходство сил союзников не настолько велико, чтобы они могли наступать

в двух направлениях. Но если, как представляется почти достоверным, судя по доставленным «Ниагарой» депешам, полученным нами по телеграфу вчера вечером из Галифакса, союзники получают свое подкрепление в 20 000 человек скорее, чем придут пополнения у Меншикова, — многое, может быть, будет решено уже в ближайшие дни. Раз такая крепость, как Севастополь, будет серьезно и энергично атакована, нельзя ожидать, чтобы она могла продержаться две недели против открытых траншей. Все резервы отплыли из Варны и должны были прибыть 4-го или 5-го, хотя паша депеша из Галифакса не упоминает об их прибытии, поэтому, во всяком случае, вряд ли можно ждать, что Севастополь падет до 16-го или 18-го. Возможно, что активные операции в открытом поле несколько замедлят его падение; но если Меншиков с своей подвижной армией, которой он располагает в тылу союзников, не одержит над ними решительной победы или если союзные войска не пострадают от болезней, он непременно должен пасть. Но, судя по приготовлениям русских и по их темпераменту, можно быть уверенным, что он не будет взят без отчаянного сопротивления и ужасного кровопролития; кровавые подробности битвы при Альме, конечно, будут превзойдены в своем роде ужасами штурма и взятия Севастополя.

ВОЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Мы спокойно на время можем предоставить Джону Буллию и Жаку Боному предаваться восторгам по поводу «славной победы» при Альме и преждевременно радоваться падению Севастополя. Война на Дунае и в Крыму, как ни велико ее значение в глазах союзников и объединенного буржуазного либерализма Европы, для России не имеет большого значения. Центр тяжести этой страны, каков бы ни был исход войны, останется незатронутым, между тем как для союзников поражения в Крыму и вынужденное отступление надолго парализовали бы сухопутные операции союзников и нанесли бы им моральный удар, от которого они могли бы оправиться лишь с крайним напряжением сил.

В последнее время мы получили несколько достоверных сообщений о распределении и последних передвижениях русских войск, и сводка этих данных, может быть, лучше всего покажет, что, по сравнению с общим числом русских войск, лишь небольшая часть их до сих пор вовлечена в борьбу, и даст нам возможность выяснить, чего можно еще ожидать от остальной части.

I. Великая действующая армия.

2 корпуса отборных войск гвардии и гренадеров, в составе 76 батальонов, 92 эскадронов, 228 орудий. 6 линейных корпусов, в составе 300 батальонов, 192 эскадронов, 672 орудий. 3 кавалерийских корпуса... 176 эскадронов и 96 орудий.

Всего 376 батальонов, 460 эскадронов, 996 орудий.

II. Специальные корпуса.

Финляндский корпус, в составе 12 батальонов.

Оренбургский корпус — 10 батальонов.

Сибирский корпус — 15 батальонов.

Кавказский корпус — 55 батальонов, 10 эскадронов, 180 орудий.

Резерв Кавказского корпуса — 36 батальонов, 2 эскадрона... орудий.

Всего 175 батальонов, 12 эскадронов, 180 пушек.

III. Казаки и прочие нерегулярные войска.

Около 700 эскадронов, 32 батальона и 224 орудия.

IV. Резервы.

1. Около 50 батальонов внутренней гвардии, кроме инвалидов, и штрафных команд — 77.

2. Резервы великой армии, или 4-й, 5-й и 6-й батальоны гвардии и гренадеров, 5-й и 6-й линейные батальоны, именно по три батальона для 24 полков и по два батальона для 72 полков, всего 216 батальонов.

Поскольку все эти резервы уже вытребованы и вполне организованы, настолько, что из последнего набора в 300 000 человек уже начали *формировать* 7-е и 8-е батальоны для каждого полка, указанные выше 216 батальонов могут быть включены в общий итог, который дает 726 батальонов, 472 эскадрона регулярной и 700 эскадронов нерегулярной кавалерии и значительно более тысячи орудий.

Так как об организации резервов для кавалерии и артиллерии из России нет достаточных сведений, то последние не включены в этот итог.

К счастью, русская военная организация выглядит более грозной, чем это есть на самом деле. Чтобы определить число войск, которыми Россия действительно может располагать для европейской войны, следует вычесть из общей суммы сибирские корпуса, внутреннюю гвардию и по крайней мере половину казаков; тогда остается около 650 батальонов, 472 эскадронов регулярной кавалерии и 350 эскадронов нерегулярной, с приблизительно 1 200 орудиями. Эти войска, если даже брать самые низкие цифры, составят 520 000 человек пехоты, 62 000 кавалерии и 30 000 казаков, т. е. несколько более 600 000 человек, растянутых по длинной линии от Каспийского моря вдоль Черного и Балтийского до Белого моря.

С начала настоящей войны у русских против союзников на южной границе империи действовали последовательно следующие войска:

1. 3-й, 4-й и 5-й линейные корпуса с частью своих резервов, большинство которых, однако, еще находится в пути.

2. Полностью три кавказских корпуса.
3. Две дивизии (две трети) 1-го линейного корпуса, без резервов.
4. Часть 3-го кавалерийского корпуса (драгуны) в Крыму.

Это дает итог в 240 000 человек. Так было *перед* вступлением в кампанию, но теперь эти силы уменьшились по крайней мере до 184 000 человек; из них 84 000 могут считаться как подкрепление бессарабской армии, 54 000 находятся в Крыму или направляются туда, и 46 000 на Кавказе.

На Балтийском море к концу августа имелось:

В Финляндии, резервы 6-го корпуса	16 800 чел.
Финский корпус	12 000 »
Гвардия и ее резервы	66 800 »
Корпус гренадеров в Ревеле	10 000 »
<hr/>	
Всего	105 600 чел.

В Польше, или направлялись туда:

Остальная часть гренадеров и их резервы . . .	55 000 чел.
1-й и 2-й корпуса и их резервы	120 000 »
Казачья и кавалерия различных корпусов . . .	30 000 »
Различные резервы	25 000 »
<hr/>	
Всего	230 000 чел.

Складывая все эти итоги, мы получаем приблизительно 575 000 человек, что вместе с Оренбургским корпусом (в Астрахани), резервами кавалерийского корпуса и отрядами, находящимися на Белом море и других местах, и дает в целом ту сумму общего итога, который был назван выше. Из польских войск около 30 000 находилось в пути, приблизительно 20 000 составляли гарнизон Варшавы, около 100 000 занимали правый берег Вислы, в бывшем царстве Польском, и почти 80 000 оставались в качестве резерва в Волыни и Подолии, на берегах Буга и Днестра. Таким образом главная масса русской армии, в том числе и щегольские полки гвардии и гренадеров, были концентрированы на линии Петербург — Хотин и вдоль восточных границ империи. Но эти позиции не представляются достаточно значительными. Гренадеры, замененные одной дивизией гвардии, покинули Ревель и отправились в Польшу вместе с другими двумя гвардейскими дивизиями; последние состояли из четырех батальонов или полков, причем в Петербурге остались только 5-й и 6-й батальоны. Таким образом армия на западе увеличилась до 270 000 человек с лишком и на соединение с ней идут три резервных кавалерийских корпуса.

дерийских корпуса, которые еще совсем не участвовали в деле; это увеличит западную армию до 300 000 человек.

Теперь положение изменилось. 100 000 человек, занимающие юго-восточную часть царства Польского, перешли Вислу и заняли позиции вдоль австрийской границы. 80 000 человек выступили из Волыни и направились в Польшу и продолжают линию вдоль этой границы. Гвардия, гренадеры, и возможно кавалерийские корпуса, когда они придут, займут центральную позицию в тылу. В течение зимы можно сэкономить много войск за счет замерзающего Балтийского моря. В мае новый набор, из которого формируются 7-е и 8-е или новые батальоны для различных полков, всего 192 батальона (от 130 000 до 140 000 человек), будет уже настолько обучен, что им вполне можно будет заменить временно взятые балтийские части.

Нет сомнения, что Николай довольно-таки мало беспокоится о том, что происходит на юге его империи, пока он может концентрировать 300 000 человек на блестящей стратегической позиции в Польше. И это действительно блестящая позиция. Как клин, она врезается между Пруссией и Австрией, охватывает их с флангов и при этом снабжена лучшими средствами сопротивления, какие могут быть созданы искусством в союзе с природой. Наполеон знал военное значение территории, замкнутой между Вислой и ее притоками. Поэтому он и сделал ее во время похода 1807 г. своей операционной базой, пока не взял Данцига. Но он все время воздерживался от ее укрепления, и за это он дорого заплатил при отступлении в 1812 г. Русские, особенно начиная с 1831 г., сделали то, что упустили сделать их предшественники. Модлин (Ново-Георгиевск), Варшава, Ивангород, Брест-Литовск составляют целую систему крепостей, систему, которая по силе стратегической комбинации является единственной в мире. Эта система обеспечивает возможность разбитой армии противостоять вдвое более сильному противнику, пока у нее довольно продовольствия; а отрезать целую страну от всех связей — задача, которой никто еще не испробовал. Вся эта переплетающаяся система крепостей, — говорит немецкий военный писатель, знающий эту страну, — продиктована скорее наступательными, чем оборонительными намерениями. Она придумана не столько для упрочения господства над территорией, в которой она создана, сколько для того, чтобы служить базой для наступательных операций против Запада.

А между тем есть люди, которые верят, что Николай будет просить мира, если Севастополь будет взят. Ах, Россия не разыграла до сих

пор и трети своих козырей, и потеря сейчас Севастополя и флота едва ли даже дадут себя почувствовать этому колоссу, для которого Севастополь и флот были лишь игрушками. Россия очень хорошо знает, что для нее решающая операция — не у берегов моря, в районе высадки войск союзников, а, напротив, далеко, в глубине континента, где можно, сконцентрировав массивную армию в одном месте, действовать ею, не распыляя своих сил в бесплодной защите берегов против врага, уклоняющегося от всякого удара. Россия может потерять Крым, Кавказ, Финляндию, Петербург и все эти придатки, но пока ее тело не тронута, сердце которого составляет Москва, а правую руку — укрепленная Польша, ей не нужно уступать ни ноты.

Большие операции 1854 г., — мы можем это утверждать, — являются лишь жалкой прелюдией к битвам народов, которые отметят летописи 1855 г. Лишь когда на сцену выступают великая русская западная армия и австрийская армия, друг ли против друга или совместно, лишь тогда мы увидим действительную войну в большом масштабе, приблизительно такую, каковы были великие войны Наполеона. И, может быть, эти битвы явятся только прелюдией для других, еще более жарких, еще более решающих боев, — боев европейских народов против сейчас победоносных и чувствующих себя прочно европейских деспотов.

ОСАДА СЕВАСТОПОЛЯ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Главным подвигом союзников в Крыму, на-ряду с битвой при Альме, был ставший знаменитым фланговый марш лорда Раглана из Альмы в Балаклаву, подменивший очевидную цель похода — взятие Севастополя — операцией против части, к тому же более слабой части, укреплений, операцией, которая, правда, заключала в себе разрушение русского флота, верфей и арсенала, но вызывала необходимость отступления союзников тотчас же после разрешения этой задачи. Что так должно было случиться, ясно вытекало из всей этой операции. Это был отказ от идеи атаковать крепость с северной, господствующей, стороны, где атака действительно только и могла бы иметь решающее значение, и это означало открытое признание экспедицией своей неспособности выполнить то, что она написала в своей программе: полное занятие Севастополя. Тем не менее, как мы уже сказали, как раз этот марш превозносится в бесконечных столбцах, в напыщенных фразах как особенно блестящее проявление гения генералов, и даже большие лондонские газеты, имеющие на месте своих корреспондентов, открыли истину лишь по истечении месяца, после того как правительство, повидимому, сделало им намек. Так, у лондонского «Times'a» лишь 28 октября открылись глаза на действительное положение, и он робко намекает, что до сих пор разрешена, видимо, лишь меньшая часть задачи и что форты на северной стороне бухты, если они добровольно не сдадутся, едва ли могут быть взяты. «Times», конечно, надеется, что они будут вести себя прилично и сдадутся, поскольку прилегающие укрепления должны сдаться, раз будет взята в основном самая крепость. В действительности не Северное укрепление зависит от Севастополя, а, наоборот, Севастополь зависит от Северного укрепления, и мы очень опасаемся, что аргументы этой газеты окажутся недостаточны для взятия такой сильной крепости.

Во всяком случае, со времени «славного марша», о котором мы сообщали, союзники не сделали ничего, чем можно было бы сколько-

нибудь похвалиться, и мы не можем поэтому упрекать наших заатлантических друзей, если они так раздувают этот марш. История этой осады, как она протекала до сих пор, относится к темам, о которых, как они сами, вероятно, понимают, лучше говорить возможно меньше. Но мы обязались с самого начала соблюдать полное беспристрастие в своем изложении и поэтому не проявим такой деликатности. В действительности в этой и без того странной войне эта осада является самой большой странностью. Характерной чертой этой войны, повидимому, является положение, что полевые укрепления невозможно взять. В Ольтенице сначала в течение многих часов применяли старомодный метод обстрела из орудий и после этого тщетно пытались взять штурмом укрепление. В Калафате русские даже не решились на нападение. В Силистрии простое земляное укрепление удержало натиск нападавших и, когда его уже почти сравняли с землей, все же противостояло яростному напору врага. А теперь в Севастополе простая линия полевых укреплений удостоивалась чести видеть перед собой растянутые брешь-батареи и много более тяжелых орудий, чем когда-либо было выдвинуто против самой совершенной крепости. Эта осада является наглядным доказательством того факта, что насколько за время длительного периода мира благодаря развитию промышленности улучшился военный материал, настолько же пошло назад военное искусство. Если бы Наполеон увидел батареи перед Севастополем с их восьми- и десятидюймовыми орудиями, он бы, наверное, расхохотался. Но этим история еще далеко не кончается.

Приблизительно 1 октября союзники заняли свои позиции, но только 8-го или 9-го были открыты траншеи и до 17-го не было сделано ни одного выстрела. Причина этого промедления та, что орудия не могли быть ранее доставлены на место. Нужно было преодолеть всего 4 — 5 миль расстояния, почва была хороша и тверда, с незначительными волнообразными возвышениями, отчасти даже с довольно хорошими дорогами. Но не было вьючных животных. Не было вьючных животных в Крыму — в крае, самом богатом волами! В Байдарской долине, насколько можно охватить взглядом с вершины Черной, есть больше волов, чем понадобилось бы для того, чтобы перетащить через горы весь союзный флот. Но Байдарская долина открыта для казаков, и союзная кавалерия, в качестве защитника против налета, легко могла бы столкнуться с этими страшными противниками. Кроме того, союзники должны были сохранять хорошие отношения с местными жителями и не касаться их собственности. Английские газеты пытаются окопаться за

этими отговорками, чтобы избежать необходимости признать правду, которая состоит в том, что Раглан и Канробер, блокируя Севастополь с юга, сами были блокированы форпостами Меншикова у Черной. Что это так, ясно из простого факта, что союзные войска еще до последнего сообщения вынуждены были питаться солониной, так как у них не было свежего мяса.

3 октября пять русских батальонов перешли у Инкермана Черную, и им позволили войти с юга в крепость, «так как для союзников это могло быть только выгодно». Вот — оригинальная система ведения войны! Враг, о котором нам сообщают, что он разбит, деморализован, уничтожен, посылает 3 000 человек в Севастополь и к тому же прямо под носом у союзников. У него должно было иметься основание сделать это. Но если он имел свои мотивы, чтобы посылать их, то и Раглан имел свои мотивы, чтобы пропустить их и пополнить гарнизон крепости. Он считает, что город переполнен; на чем он это основывает, это остается неясным. Во всяком случае, кроме четырех квадратных миль внутри русских линий, имеется еще весь северный берег и вся лежащая позади него местность, куда в десять минут можно направить всякий излишек войск. Называть переполненным город, блокированный только с одной стороны, это во всяком случае — верх бессмыслицы.

Когда было сообщено о высадке, мы предсказывали, что болезни будут худшим врагом союзников, если кампания затянется. И вот болезни свирепствуют в самых худших формах, а рука об руку с ними действует отвратительно поставленное снабжение продовольствием, по крайней мере, поскольку речь идет об англичанах. Действительно, о больных в этом отношении так мало заботятся, что лорд Раглан оказался вынужденным сделать медицинскому штабу энергичное внушение. Но и этого мало. Врачи находятся в Константинополе, запасы медикаментов в Варне, а больные в Балаклаве. Разве это не лучшая иллюстрация к новой военной доктрине, изложенной Луи Бонапартом в Булони, согласно которой каждая армия, для того чтобы занимать хорошую позицию, должна располагаться треугольником? По мере того как время года становится более суровым, болезни усливаются, полки тают, — британский полк, отправленный в составе тысячи человек, не может теперь выставить более шестисот боеспособных солдат, — а операции продолжают своим медленным темпом. Рутинная верховного командования, являющаяся плодом сорокалетней привычки к миру, не может из-за таких мелочей утратить свое душевное спокойствие. Пусть армия погибнет, лишь бы Севастополь был взят согласно «уставу ее величества».

При обыкновенных осадах осаждающие стремятся придвинуть свои первые батареи возможно ближе к вражеским укреплениям, и 600 — 700 ярдов считаются уже большим расстоянием. Но при большой осаде, как эта, направленной преимущественно против простых полевых укреплений, должно действовать, по Раглану, противоположное правило. Враг позволяет нам подойти на 700 ярдов, но мы никогда не должны делать того, что желает враг. Так говорит Раглан, и он ставит свои батареи на расстоянии 2500 — 3000 ярдов; это — факт, который мы не считали бы возможным, если бы отчеты допускали относительно этого хотя бы малейшее сомнение. Затем он подходит на 1500 — 1200 ярдов, и на вопрос, почему он не открывает огня, он, наконец, заявляет, что осадные батареи для того, чтобы доставать, должны находиться на расстоянии 300 — 400 ярдов от штурмуемых укреплений. В отдаленных батареях имеются ланкастеры и дальнобойные десятидюймовые орудия, так как английские артиллеристы, повидимому, придерживаются того мнения, что эти орудия, как телескопы, годны к употреблению лишь на большом расстоянии. Действительно, этот большой важности вопрос, вполне уместный в отношении морских орудий, причинил в применении к сухопутной артиллерии больше путаницы и беспорядка, чем добра; примером могут служить эти смехотворные батареи.

Обращенные к суше укрепления Севастополя, вызвавшие все эти гениальные остроумные маневры, состоят из следующих сооружений: на западной стороне (против которой оперируют французы) выдвигаются одна или две стороны Карантинного форта. Позади него находится стена с бойницами, которая тянется до конца Карантинной бухты и заканчивается на холме круглой башней, защищающей шанцы, возведенные вокруг него. Отсюда проведена стена приблизительно в три фута толщины до верхнего конца гавани, прикрывающая Севастополь с юга-запада. Эта стена, говорят, непригодна вовсе для обороны, хотя и легко можно было бы сделать ее годной для этого; она защищается поэтому небольшими, расположенными впереди нее земляными укреплениями. От конца гавани на восток до Карантинной бухты (фронт английского наступления) вообще нет каких-либо регулярных оборонительных средств, если не считать двух башен, как описанная выше, окруженных и защищенных люнетами. Кроме того, здесь есть несколько земляных укреплений неправильной формы, и все это образует защищенный лагерь, отвечающий лишь скромным требованиям, если верить сделанным на месте эскизам, опубликованным капитаном Биддельфом. Во всяком случае, эти эскизы говорят нам об оборони-

тельной линии, состоящей из открытых с задней стороны сооружений; мы не видим здесь закрытых редутов, которые в других случаях русские вообще очень любят. Но мы не можем поверить, чтобы это так и было. Если бы действительно нужно было взять только эту линию, англичане давно должны были бы занять ее штыковым боем. Несомненно, позади имеется еще вторая линия редутов.

Все русские укрепления вооружены тяжелыми морскими орудиями; использовать их лучше русские не могли. Все же характер этих действий ниже всякой критики. День и ночь русские бомбардируют из этих орудий врага, и из ста снарядов попадает самое большее один. Может быть, эта плохая стрельба и заставила лорда Раглана открыть свои траншеи на безопасном расстоянии в 3 000 ярдов. После трехдневной бомбардировки со стороны союзных флотов и армий англичане пробили будто бы с своей стороны брешь; французы с своей стороны еще не закончили этих операций. Как только и они пробьют брешь, должен начаться штурм. Что при 200 орудиях колоссального калибра понадобились три или четыре дня для того, чтобы сломить сопротивление таких оборонительных сооружений, показалось бы невероятным, если бы мы не знали из достоверного источника, на каком почтительном расстоянии были поставлены батареи союзников.

Вот то, что мы можем сообщить о достигнутых до сих пор результатах; какое бы событие ни увенчало эти операции, одно можно сказать с достоверностью: осада Севастополя не будет иметь равных себе в военной истории.

КАМПАНИЯ В КРЫМУ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Наши читатели будут несомненно поражены тем новым настроением, которым веет от известий с поля военных действий в Крыму, полученных вчера Балтийским агентством и публикуемых сегодня на наших столбцах. До сих пор высокомерная и надменная самоуверенность была отличительной чертой комментариев британской прессы и отчетов британских и французских корреспондентов о ходе и перспективах войны. Теперь это сменилось состоянием тревоги и даже смятения. Со всех сторон поступают признания, что такого превосходства союзных армий над их противниками, какое провозглашалось, не существует. Севастополь, оказывается, сильнее, Меншиков — более способный генерал, и его армия — гораздо значительнее, чем предполагалось. Вместо верной и решительной победы, французы и англичане стоят теперь перед опасностью возможного неуспеха и провала. Таково настроение, которое рисует наш ливерпульский корреспондент — сам англичанин, проникнутый всеми патриотическими чаяниями и предубеждениями своей страны, и это же настроение проявляется в весьма энергичных действиях обоих правительств, французского и английского. Делаются отчаянные усилия ускорить переброску подкреплений к Севастополю. Соединенное королевство мобилизовало уже всех солдат до последнего: много пароходов отдано под транспорт. 50 000-я французская армия уже отправлена в надежде, что она прибудет на поле военных действий еще во-время, для того чтобы принять участие в последнем, решительном сражении.

В субботу мы опубликовали большое количество документов, относившихся главным образом к более ранним стадиям осады и отчасти успешному, но все же жалкому сотрудничеству флотов; теперь мы добавляем официальные сообщения об убийственной атаке Липранди, произведенной им на союзников под Балаклавой, и прочие сведения о последующем ходе операций, — сообщения, должны признаться, все весьма неблагоприятные для союзников. Тщательное ознакомление с этими документами приводит нас к выводу, что поло-

жение, как мы уже это не раз высказывали, хотя и затруднительно и даже вызывает опасения, все же едва ли настолько тяжело, как это представляется нашему ливерпульскому корреспонденту. Мы не думаем, что вырисовывается опасность более грозной неудачи, чем вынужденное отступление и посадка на корабли. С другой же стороны, все еще представляется возможность, что город будет взят отчаянным кровопролитным приступом. Но хотя это и возможно, это должно, по нашему мнению, решиться задолго до того, как подкрепления, отправленные из Франции и Англии, могут прибыть в Крым. Кампания, повидимому, подошла к поворотному моменту; совершены такие движения, ошибки и упущения, которые уже определили ее характер и преопределили ее исход.

Мы располагаем достоверной, неоспоримой информацией об основных событиях; на основании ее мы предлагаем сжатый, краткий обзор всего хода борьбы.

Теперь установлено, что ко времени высадки союзников у Старого форта в поле под командой Меншикова находилось всего сорок два батальона и два полка кавалерии, не считая известного количества казаков; гарнизон же Севастополя состоял из флотских солдат и матросов. Это были сорок два батальона 12-й, 16-й и 17-й пехотных дивизий. Допуская, что каждый батальон имел полный состав в 700 человек, мы получим в общем 29 400 человек пехоты; с 2 000 гусаров, казаками, артиллерией, саперами и минерами это составит в общем 32 000 человек в поле. С такими силами Меншиков не мог воспрепятствовать высадке союзников, не подставив своих войск, без достаточного резерва, под огонь союзных флотов. Сильная армия, имеющая возможность пожертвовать частью своей силы, может выделить отряд для малой войны набегов и ночных атак против вражеского десанта; русские же в данном случае нуждались в каждом солдате для предстоящего генерального сражения. Кроме того, русский пехотинец менее всего приспособлен к операциям малой войны; его сила — в действиях колоннами в сомкнутом строю. Что касается казаков, их способ военной борьбы — слишком партизанский и годится лишь для более или менее удачных захватнических набегов. Помимо этого, Крымская кампания, повидимому, показывает, что регуляризация казаков, постепенно проведенная в течение последних тридцати лет, сломила их личную инициативу и поставила их в подчиненное положение, при котором они уже менее годны для нерегулярной службы и еще недостаточно приспособлены для службы регулярной. Они, кажется, теперь одинаково неспособны как к службе на аванпостах или в отдельных отрядах, так и к атаке неприятеля

в строю. Русские поэтому были совершенно правы, приберегая каждую саблю и штык для битвы при Альме.

На берегах этой реки 32 000 русских были атакованы 55 000 союзников. Соотношение сил было почти один на два. Когда около 30 000 союзников уже были введены в действие, Меншиков дал приказ об отступлении. Русских к тому времени было занято не более 20 000. Дальнейшие попытки удержать за собой позиции превратили бы русское отступление в настоящее бегство, ибо они потребовали бы введения в действие всех русских резервов. Так как успех союзников, при их огромном численном превосходстве, был с несомненностью обеспечен, Меншиков прекратил сражение, прикрыл отступление своими резервами и, одолев первое замешательство, вызванное на его левом фланге обходным движением Боске, оставил поле сражения «в блестящем порядке», не преследуемый и не тревожимый. Союзники ссылались на отсутствие кавалерии для преследования; но так как мы знаем, что русские имели всего два полка гусаров, — во всяком случае меньше, чем союзники, — этот довод отпадает. Как и в Цорндорфе, в Эйлау, в Бородине, русская пехота, хотя и разбитая, оправдала характеристику, данную ей генералом Кеткартом, командовавшим против нее дивизией и назвавшим ее «не поддающейся панике».

Но если русская пехота сохранила присутствие духа и спокойствие, сам Меншиков поддался панике. Большое количественное превосходство союзников, в соединении с неожиданно проявленными ими решительностью и стремительностью в атаке, на время расстроило все его планы. Он оставил мысль об отступлении во внутреннюю область Крыма и двинулся к югу от Севастополя, с целью удержать за собой линию Черной. Это было крупной, непростительной ошибкой. Обозревая с высот Альмы все позиции союзников, он имел полную возможность определить силу своих противников с точностью до 5 000 человек. Он должен был знать, что, несмотря на все их превосходство над его войсками, они не были настолько сильны, чтобы, последовав за ним внутрь Крыма, быть в состоянии оставить армию для наблюдения за Севастополем. Он должен был знать, что если на морском побережье союзники стояли к нему в отношении двух к одному, то у Симферополя он мог бы выставить против них силу, превосходящую их вдвое. И все-таки, согласно его собственному признанию, он двинулся к южной стороне Севастополя. Но совершив этот отход, без малейшего препятствия со стороны союзников, и дав своей армии передохнуть день-два на холмах за Черной, Меншиков решил исправить свою ошибку. Сделал он это путем рискованного

флангового движения от Черной к Бахчисараю. Это противоречило одному из основных правил стратегии, но обещало значительные результаты. Допустив однажды промах в стратегии, вы редко можете избежать его последствий. Вопрос при этом заключается лишь в том, является ли менее неблагоприятным подчиниться им, или же попытаться ускользнуть от них посредством второго, но уже сознательно неправильного движения. Мы думаем, что в данном случае Меншиков был совершенно прав, отваживаясь на фланговый марш в черте досягаемости противника, с целью выйти из своей нелепо «сконцентрированной» вокруг Севастополя позиции.

Но в этой борьбе между стратегическими посредственностями и пропитанными рутинной генералами движения вражеских армий приняты формы, невиданные до сих пор в военной практике. Страсть к фланговым маршам, подобно эпидемии холеры, охватила оба лагеря. Одновременно с решением Меншикова предпринять фланговый марш от Севастополя к Бахчисараю Сент-Арно и Раглану пришла в голову мысль двинуться от Катхи к Балаклаве. Русский арьергард и британский авангард встретились у фермы Макензи (названной по имени одного шотландца, позднее адмирала русской службы), и, что в порядке вещей, авангард разбил арьергард. Так как мы уже подвергли критическому рассмотрению в «Трибуне» общий стратегический характер флангового марша союзников, нам нет надобности теперь возвращаться к нему.

2 и 3 октября Севастополь был обложен, и союзники заняли те самые позиции, которые только что очистил Меншиков. С этого момента началась знаменитая осада Севастополя, а вместе с нею и новая стадия кампании. До того времени союзникам, при их неоспоримом превосходстве, были открыты все пути. Их флоты, господствуя на море, обеспечили их высадку. После высадки их численное превосходство и несомненно также более высокие штурмовые качества предопределили победу при Альме. Но теперь начало устанавливаться то равновесие сил, к которому рано или поздно они должны были прийти, действуя оторванно от своей базы в неприятельской стране. Правда, армия Меншикова до сих пор не показывалась, но она сделала необходимым помещение резерва на Черной с фронтом на восток. Благодаря этому собственно осаждающая армия оказалась значительно ослабленной и лишь слегка превосходящей по численности гарнизон.

Недостаток энергии, отсутствие системы, особенно в отношении сотрудничества различных групп британских сухопутных и морских сил, затруднения, обусловливаемые поверхностью почвы, и, главное,

непреодолимый дух рутины, врожденный, кажется, британским административным и научным ведомствам, задержали начало действительных осадных операций до 9 октября. В этот день, наконец, траншеи были развернуты на огромном расстоянии в 1 600 — 2 500 ярдов от русских укреплений. Ничего подобного мы никогда не видели и не слышали ни в одной из прошлых осад. Это доказывает, что русские все еще были в состоянии отстаивать поле вокруг крепости на расстоянии, по крайней мере, одной мили: и они действительно удерживали его за собой до 17-го. К утру этого дня осадные работы достаточно подвинулись, чтобы позволить союзникам открыть огонь. Весьма вероятно, что это было бы отложено еще на несколько дней, так как союзники в тот день отнюдь не были готовы к успешному выполнению подобных операций, если бы их не подтолкнуло прибытие горделивых сообщений, что вся Англия и Франция торжествуют по поводу предстоящего 25 октября взятия Севастополя. Эти сообщения, разумеется, возбудили негодование в армиях, и, чтобы их успокоить, пришлось открыть огонь. Но в итоге получилось, что союзники выставили 126 орудий против 200 или 250. Правда, великая аксиома Вобана, которую англо-французы все вновь и вновь пускают в ход для успокоения общественного мнения, гласит, «что осада является операцией с математически точным расчетом на успех, простым делом времени, при отсутствии вмешательства со стороны». Эта великая аксиома основана на другой аксиоме того же инженера, что «при осаде огонь нападения может быть доведен до превосходства над огнем обороны». Здесь же, у Севастополя, мы имеем как раз обратное: огонь нападения при его открытии решительно уступал огню обороны. Последствия не замедлили сказаться: в несколько часов русские заставили замолчать огонь французских батарей и в течение всего дня вели почти равный бой с английскими батареями. Чтобы вызвать диверсию, была предпринята морская атака. Но она велась не лучше и имела не больше успеха. Французские корабли, атаковав Карантинный и Александровский форты, поддержали сухопутную атаку на них; без помощи последней французы встретили бы несомненно гораздо более жесткий прием. Английские корабли атаковали северную часть порта, включая Константиновский форт и Телеграфную батарею, а также временную батарею, воздвигнутую к северо-востоку от Константиновского форта. Адмирал Дендас, человек осторожный, дал приказ своим кораблям бросить якорь на расстоянии 1200 ярдов от фортов, — он, очевидно, сторонник системы стрельбы на дальние расстояния. Но уже давно установлен факт, что в сражении между кораблями и береговыми батареями корабли

терпят поражение, если они не могут вступить в бой на расстоянии 200 ярдов и менее от батарей, так чтобы их огонь имел верность попадания и производил наибольший эффект. Ввиду этого Дендас вовлек свои корабли в ужасную переделку и потерпел бы изрядное поражение, если бы на помощь ему не пришел сэр Эдмунд Лайоне, который, повидимому, самовольно, не выполнив распоряжений, приблизился, насколько мог, с тремя линейными кораблями к Константиновскому форту и нанес ему некоторый урон, понеся, в свою очередь, урон от него. Однако, так как донесения британских и французских адмиралов до сих пор ни словом не упомянули о фактическом ущербе, нанесенном фортам, приходится заключить, что и здесь, подобно Бомарзунду, «Монталамберовский берег» — форты и батареи с казематами — показал двойное превосходство орудий по сравнению с находящимися на борту кораблей. Это тем более замечательно, что открытая каменная кладка этих фортов, как это отчасти было испытано у Бомарзунда, не может выдерживать ураганный огонь тяжелых судовых орудий, установленных на берегу, более двадцати четырех часов.

Французы затем почти совершенно молчали в течение нескольких дней. Англичане, расположив свои батареи на большом расстоянии от русских окопов и располагая более крупными калибрами, чем их союзники, были в состоянии поддерживать огонь и привести к молчанию верхний строй пушек в одном из каменных редутов. Морская атака не возобновлялась, — лучшее доказательство уважения, внушенного фортами с казематами. Защита русских сильно отрезвила победителей при Альме. На место каждого сбитого орудия в дело вводилось новое. Каждая амбразура, разрушенная в течение дня неприятельским огнем, восстанавливалась за ночь. В отношении земляных работ положение у обеих сторон было почти равным, пока не были приняты меры к доставлению превосходства союзникам. Комичный приказ лорда Раглана «падать город» был отменен и открыта бомбардировка, которая своим сконцентрированным действием на скопившиеся массы войск и своим опустошительным характером должна нанести большой вред гарнизону. Кроме того, впереди батарей были высланы стрелки, чтобы с какой-либо прикрытой позиции взять на прицел русских канониров. Как и при Бомарзунде — винтовки Минье работали хорошо. За несколько дней действия орудий и этих винтовок русские артиллеристы были в большинстве случаев выведены из строя. Это были флотские моряки, часть гарнизона, наиболее обученная обращению с тяжелыми орудиями. Пришлось прибегнуть к обычному средству осажденных

гарнизонов: пехота была поставлена на обслуживание орудий под наблюдением оставшихся артиллеристов. Но их огонь, как можно себе представить, не давал почти никакого эффекта, и осаждающие получили таким образом возможность продвигать свои траншеи все ближе и ближе к крепости. Они открыли, как установлено, третью параллель на расстоянии 300 ярдов от внешних укреплений. Мы не знаем еще, какие батареи они воздвигли в этой третьей параллели; мы можем только констатировать, что в правильных осадах *третья* параллель всегда проводится у подножия гласиса атакуемых укреплений, то есть на расстоянии около 50 или 60 ярдов от рва. Если эта дистанция была увеличена перед Севастополем, мы можем усмотреть в этом факте лишь подтверждение сообщения, содержащегося в некоторых британских газетах, что неправильность линий защиты, вместо того, чтобы дать британским инженерам полный простор в применении их изобретательных способностей, лишь сбивала с толку этих джентльменов, обладающих возможностью сломить по всем правилам искусства фронт регулярных бастионов, но попадающих в большое затруднение, как только неприятель отступает от правила, предписанного по этому предмету лучшими авторитетами.

Раз было принято решение произвести атаку с южной стороны, нужно было направить параллель и ее батареи на один или, в крайнем случае, на два точно определенных фронта обороны. Два внешних форта, близко расположенных один от другого, — или три у самого края, — нужно было атаковать сомкнутыми силами; в случае их разрушения все остальные наружные укрепления сделались бы бесполезными. Таким путем союзники, сосредоточив действие всей своей артиллерии на одном пункте, сразу легко достигли бы сильного превосходства огня и значительно сократили бы осаду. Насколько можно судить по планам и картам, фронт, идущий от Карантинного форта до самого края внутреннего порта, т. е. фронт, против которого французы направляют теперь свои усилия, был бы наиболее подходящим для атаки, так как разрушение его обнажило бы совершенно самый город. Сто тридцать орудий, имеющихся у союзников, сразу могли бы обеспечить им превосходство огня на этом ограниченном участке. Вместо этого, желание предоставить каждой армии полную свободу действий независимо от другой привело к такому, не имеющему прецедента способу осады, при котором весь вал, длиною свыше трех миль, одновременно подвергается обстрелу на всем его протяжении. Это нечто до сих пор невиданное. Кто слышал когда-либо о нападении, позволяющем обороне одновременно ввести

в действие, — в обычных бастионных укреплениях и люнетах, — огромное количество — двести пятьдесят — орудий? Один бастионный фронт едва ли может вместить более двадцати орудий, и в обыкновенной осаде принимать участие в обороне могут не более трех или четырех фронтов. Если союзные инженеры не смогут впоследствии привести весьма веские доводы в пользу своего странного образа действий, мы должны прийти к выводу, что они не были в состоянии найти наиболее слабые пункты обороны, и поэтому, чтобы не пропустить их, открыли сильный огонь по всей линии.

Между тем обе стороны получили подкрепления. Стремительные и частично увеличившиеся успехом атаки Липранди на аванпосты союзников обнаружили наличие более крупных русских сил по сравнению с отведенными Меншиковым к Бахчисараю. До сих пор, однако, они не являются достаточно сильными для победоносного сражения. Принимая во внимание успехи, достигнутые осаждающими, принимая во внимание, что вред, наносимый обороне, увеличивается в геометрической пропорции с приближением осаждающих к валу, принимая во внимание, что наружные укрепления все еще держатся, внутренняя же стена кажется слабой, — можно ожидать решительного исхода между 9 и 15 ноября: либо южная сторона крепости падет, либо же союзники потерпят решительное поражение и будут вынуждены снять осаду. Но нужно иметь в виду, что все подобные предсказания зависят от обстоятельств, которые не могут быть вполне предусмотрены на таком расстоянии от места действия.

* БИТВА ПОД БАЛАКЛАВОЙ.¹

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Прибывший пароход «Африка» привез нам из Европы новости последних трех дней, не содержащие, однако, ничего существенно нового с театра военных действий, кроме адского эпизода с одним госпиталем, в котором сгорело живьем множество больных и раненых, и рассказов о неподдающихся описанию человеческих страданиях. Относительно кровавого и не давшего определенных результатов боя 5 ноября, о котором мы узнали из кратких сообщений, привезенных «Балтикой», мы имеем теперь небольшую телеграмму лорда Раглана, но не располагаем еще пространными и живыми отчетами корреспондентов — участников или свидетелей событий. Большую тревогу внушают и в Англии и во Франции (гораздо большую, чем может показаться на поверхностный взгляд) возросшие и все возрастающие трудности войны; упорство Севастополя, не желающего пасть под натиском союзников, которые состязаются в храбрости и самоотверженности, расценивается как весьма злое обстоятельство. Приведенные в другом месте нашей газеты выдержки из лондонского «Times» свидетельствуют об изменившемся настроении, о сомнении, которое закралось в души и может быть кем-нибудь истолковано как симптом назревающего отчаяния. Так как за отсутствием достаточно прямых сведений о деле 5 ноября мы не можем высказать о нем обоснованного суждения, мы остановимся сегодня на некоторых предшествующих эпизодах осады.

25 октября медлительное однообразие севастопольской осады было впервые прервано драматическим инцидентом. В этот день русские атаковали позиции союзников, и так как преимущества были на этот раз распределены более равномерно, то и результат получился совсем другой, чем в битве при Альме: сражение было почти исключительно кавалерийское, между тем как при Альме кавалерия в деле совсем не принимала участия. Русские выступили в роли нападающей, а не обороняющейся стороны, союзники же располагали преимуществом хорошо укрепленных позиций. Правда, дело приняло

¹ В «Трибуне» статья озаглавлена: «Восточная война». *Ред.*

и на этот раз почти такой же затяжной характер, как при Альме, но перевес остался за русскими.

Полуостров Херсонес Гераклеяский, к югу от Севастопольского залива, соединяется с крымской степью рядом холмов, которые тянутся от устья Черной, впадающей в Севастопольский залив, к юго-западу. Эта цепь холмов отлого спускается на северо-западе к Севастополю, юго-восточным же своим склоном, большей частью крутым и обрывистым, она обращена к Балаклаве. Для союзников, занявших Херсонес, эти холмы были естественной оборонительной позицией против всякой русской армии, которая попыталась бы прорвать блокаду. Но, к несчастью, Балаклава была «операционной базой» англичан, главной гаванью для их флота, центральным складочным местом для их припасов; а Балаклава лежит приблизительно в трех милях к юго-востоку от этих холмов. Поэтому необходимо было включить Балаклаву в систему обороны. Местность вокруг Балаклавы представляет собой ряд весьма неравномерных возвышенностей, которые простираются от южного конца упомянутой холмистой цепи почти прямо на восток и на запад вдоль побережья и, подобно почти всем крымским холмам, отлого спускаются к северо-западу, но спадают крутым обрывом к юго-востоку. Угол между двумя этими группами возвышенностей заполнен волнистой равниной, которая постепенно поднимается к востоку, пока не заканчивается обрывистым спуском в долину Черной.

Самой замечательной чертой этой равнины является чередование холмиков и незначительных возвышенностей, которые тянутся на северо-запад и юго-восток, соединяя цепь, которую мы называем Гераклеяской, с горами на южном побережье. На этой-то возвышенности, приблизительно в трех милях к востоку и северо-востоку от Балаклавы, и возвели союзники свою первую оборонительную линию, состоявшую из четырех редутов, которые защищали пути от Бахчисарая и от верхнего течения Черной. В этих редутах стояли турки. Вторая линия полевых укреплений была возведена прямо против Балаклавы; она идет до вершины угла, образуемого прибрежными холмами и Гераклеяской цепью, причем последняя была укреплена стоявшей близ нее французской дивизией генерала Боске. Если, таким образом, вторая линия, защищаемая английскими солдатами и моряками, переходила в линию французских редутов, прикрывавших ее с фланга, то первая их турецкая линия, выдвинутая почти на две мили вперед, не только оставалась без всякой поддержки, но еще была расположена, как это ни странно, не перпендикулярно к дороге, на которой мог появиться неприятель.

а почти на ее продолжении, так что русские могли бы взять все четыре редута один за другим, закрепляясь всякий раз на завоеванном месте и не встречая особенно сильного сопротивления со стороны еще не взятых редутов.

Позиции союзников были заняты: в сторону Балаклавы—турками в редутах или первой линией; затем английскими морскими солдатами на высотах, непосредственно примыкающих к Балаклаве; 93-м шотландским полком и несколькими отрядами выздоравливающих в долине к северу от Балаклавы. Далее, к северу, стояла британская кавалерия, а на Гераклейских холмах — авангард дивизии генерала Боске.

В 6 часов утра 25 октября ген. Липранди повел русских в атаку на эти позиции. Он командовал объединенной дивизией в составе шести пехотных полков (Днепровский, Азовский, Украинский, Одесский, Владимирский, Суздальский, 6-й стрелковый батальон и один батальон черноморских казаков — всего 26 батальонов), трех кавалерийских полков (11-й и 12-й гусарские и объединенный уланский полк — от 24 до 26 эскадронов), около двух казачьих полков и 70-ти пушек, в том числе 30 двенадцатифунтовых.

Генерал Липранди приказал генералу Граббе пройти через расположенное слева ущелье с тремя батальонами днепровской пехоты и занять деревню Камару, перед которой находится первый и самый сильный редут. Генерал Граббе занял деревню, и три его батальона провели там день, повидимому, очень спокойно, во всяком случае в описаниях последовавшего сражения о них не упоминается ни разу.

Главная колонна, двинувшаяся сначала вдоль Черной, а затем свернувшая в бок, вышла на большую дорогу, от Бахчисарая к Балаклаве. Здесь она натолкнулась на редуты, занятые турками. Так как первый редут был довольно сильно укреплен, генерал Липранди сперва открыл по нему артиллерийский огонь, а затем выслал вперед штурмующие части. Застрельщики прикрывали первый, второй и третий батальоны Азовского полка, шедшие ротными колоннами, за которыми, в свою очередь, тесно следовали с обоих флангов четвертый батальон Азовского и один батальон Днепровского полка. После энергичного сопротивления редут был взят; то, что турки *потеряли* при этом 170 человек убитыми и ранеными, свидетельствует, вопреки злостным нареканиям английских газет, о мужественной защите этого редута. Зато второй, третий и четвертый редуты, построенные наспех и кое-как, были взяты русскими почти без боя, и в семь часов утра первая оборонительная линия союзников была уже целиком в их руках.

Сдача этих редутов турками может иметь добрые последствия, рассеяв суеверное представление о чудовищной турецкой храбрости, укоренившееся со времени Ольтеницы и Силистрии; но во всяком случае английские генералы и английская печать играют в этом деле очень скверную роль по отношению к туркам. Укорять следовало бы не столько турок, сколько инженеров, ухитрившихся так нелепо построить их оборонительную линию и не позаботившихся о ее своевременном окончании, а также командиров, которые выставили первую линию под сокрушительный удар, не обеспечив ей никакой помощи.

93-й шотландский полк, основательный и неповоротливый, как и подобает шотландцам, ввязался в дело не сразу и двинулся через холмы на помощь редутам лишь тогда, когда они уже были взяты. Бежавшие турки, истребляемые русской кавалерией, оправились наконец и выстроились по обе стороны от шотландцев. Последние, чтобы защититься от русского огня, легли за одним из гребней неровной местности вдаль от всех позиций, еще занятых союзниками, и имея в качестве поддержки только кавалерийскую дивизию с левого фланга. А в это время русские выстроились в боевом порядке на высотах, на которых были расположены редуты; слева стоял Азовский полк, вправо от него Украинский, еще правее Одесский пехотный. Эти три полка заполнили собою пространство между редутами и заняли бывшую первую линию союзников. Дальше, вправо от Одесского полка, волнистая равнина создавала благоприятные условия для действий кавалерии. Сюда и были посланы два гусарских полка, которые оказались прямо против британской кавалерии на расстоянии приблизительно в две мили. Суздальский и Владимирский полки, часть артиллерии и только что подошедшие уланы остались в резерве.

Когда 93-й шотландский полк, подкрепленный отрядом выздоравливающих и турками, стал оказывать сопротивление русским, против него были брошены гусары. Но не успели они домчаться до своей цели, как на них обрушилась тяжелая кавалерийская бригада англичан. Семьсот или восемьсот английских драгунов ринулись на русских и рассеяли их в одном из наиболее блистательных сражений, когда-либо имевших место, если учесть огромное численное превосходство русских. Русские гусары, численность которых была вдвое больше, были разбиты в одно мгновение. Несколько русских эскадронов, высланных против 93-го шотландского полка, были встречены спокойным шотландским залпом на расстоянии пятидесяти шагов и покатались прочь кто куда.

Если турки позорно бежали, то англичане покрыли себя славой. Мужество шотландцев, встретивших кавалерию даже не перестроившись в каре, стремительная атака тяжелой кавалерии — этими подвигами действительно можно было гордиться, тем более, что они совершены до подхода подкреплений. Но вот подошли первая и четвертая дивизия (герцога Кембриджского и Кеткарта), а также французская дивизия Боске и бригада африканских стрелков (кавалерийская). Войска выстроились в боевой порядок, и только теперь можно было говорить о встрече двух армий. После того как дивизия Боске выстроилась на Гераклеийских высотах, Липранди выставил Владимирский и Суздальский полки на крайнем правом фланге на холмах, за кавалерией.

Обе армии находились друг от друга дальше, чем на расстоянии выстрела, и поэтому огонь почти прекратился, как вдруг какое-то еще невыясненное недоразумение заставило английскую легкую кавалерию броситься в атаку, не имевшую смысла и окончившуюся поражением. Был получен приказ о наступлении, и через несколько секунд граф Кардиган повел свою легкую бригаду вверх по долине, расположенной против его позиций и защищенной с боков холмами, на которых стояли батареи, сосредоточившие свой огонь на лежащей внизу местности. Вся бригада состояла из 700 сабель; подойдя на расстояние выстрела к склонам холмов, она была встречена оттуда артиллерийским и ружейным огнем. Тогда она бросилась на батарею, стоявшую в верхнем конце долины, выдержала огонь с двадцати шагов, сбила с ног артиллеристов, рассеяла русских гусаров, собравшихся вновь для второго, но нерешительного удара, и была уже готова вернуться, как вдруг русские уланы ударили в нее с фланга. Они только что подошли и сразу обрушились на запыхавшихся лошадей англичан. На этот раз, несмотря на частичные успехи, англичанам пришлось отступить и русские жестоко побили их — правда, благодаря своему численному превосходству и случайной ошибке англичан, бросившей их без всякой цели прямо под перекрестный огонь многочисленной артиллерии. Из 700 английских кавалеристов не вернулось обратно в боеспособном виде и 200 человек. Бригаду легкой кавалерии можно считать уничтоженной, впредь до прибытия свежих подкреплений.

Поражение английского отряда было бы еще тяжелее и едва ли хоть один человек вернулся бы обратно, если бы не два тактических хода, поддержавших с обоих флангов бросившуюся в атаку легкую кавалерию. Справа лорд Люкен приказал тяжелой бригаде произвести демонстрацию против русских батарей. Она

прогарцовала несколько минут, потеряла около десяти человек и поскакала обратно. Но с левого фланга французские африканские стрелки, один из лучших кавалерийских полков в мире, видя замешательство среди своих союзников, помчались к ним на выручку. Они атаковали батарею, стоявшую высоко на холме против Владимирского пехотного полка и обстреливавшую с фланга английскую легкую кавалерию, в одно мгновение прорвались за линию орудий, перебили артиллерийскую прислугу и затем удалились, выполнив свою задачу. Они удалились бы и в том случае, если бы владимирцы не двинулись тотчас же против них.

Здесь перед нами еще один пример тактики, принятой англичанами в настоящую кампанию и уже не раз отмечавшейся нами. Англичане сделали сперва ошибку, а затем отказались от нетактического движения, которое одно только могло бы исправить последствия этой ошибки. Но французские стрелки тотчас же сообразили, как нужно действовать. На том фланге, где стояли *они*, русская кавалерия не успела нанести удара, потому что они предупредили его своим стремительным натиском; осторожные же кавалеристы из тяжелой бригады Скарлета только демонстрировали, а этого, конечно, было недостаточно, чтобы помешать русским уланам ударить с фланга на англичан. Если бы и они бросились в атаку, подобно французам, русские уланы очень скоро повернули бы назад. Но тогда как легкой английской кавалерии был отдан приказ, требовавший чрезмерной смелости, им было приказано быть чрезмерно осторожными, и в результате легкая бригада погибла.

На этом дело и кончилось. Русские разрушили два редута, наиболее близкие к расположению союзников, и крепко засели в двух остальных. Они удержали за собой завоеванную территорию, и лорд Раглан, не решаясь напасть на них, приказал укрепить вторую линию редутов и ограничился их обороной. Первая линия была сдана.

В этом деле поведение шотландцев было выше всякой похвалы. Встретить кавалерию в линейном построении, как они это сделали, только отодвинув назад роту на своем правом фланге, воздерживаться от стрельбы до решительного момента и затем открыть такой смертельный огонь, — на это способны лишь очень немногие войска, и этим они обнаружили в себе высшие качества, требуемые от пехотинца. Австрийские и английские войска, вероятно, единственные, которые могут рискнуть на такой эксперимент; может быть, к ним следует присоединить еще *некоторые* русские войска, которым долголетняя служба дает нужную тренировку, но мы не припомним

случая, когда они бы оказались в таком положении и с честью бы вышли из него.

Описанным сражением неопровержимо доказано превосходство английской и французской кавалерии над русской. Три бригады союзников были численно приблизительно так же сильны, как три русских полка; и если бы они были посланы в атаку не одна за другой, а одновременно, и были бы еще поддержаны артиллерией и наступлением всей пехоты, войска Липранди оказались бы под угрозой быть сброшенными вниз по крутому спуску к Черной и испытать судьбу, уготованную Блюхером французам при Кацбахе.

Численность обеих армий была приблизительно следующая. У русских было 25 батальонов, большинство которых участвовало в битве при Альме и которые насчитывали самое большее 14 000 человек. Кавалерия в составе 24 эскадронов, прошедших по большей части весь путь от Москвы и Калуги, насчитывала наверное не больше 2 400 человек. Кроме того у русских было около 1 000 казаков и 70 артиллерийских орудий.

Пехота союзников состояла из основного ядра первой и четвертой британских дивизий и французской дивизии Боске; затем в нее входило некоторое количество турок, которое можно подсчитать только приблизительно на основании данных о высадившихся турецких батальонах. С самого начала в крымской экспедиции участвовало десять турецких батальонов, а, согласно телеграмме лорда Раглана от 18 октября, затем было высажено еще шесть батальонов в Балаклаве. Так как эти силы не вошли в состав осаждающей армии и не были уведены далеко от Балаклавы, то все они должны были принять участие в вышеописанном сражении, хотя после их ухода из редутов о них больше не упоминается в телеграммах и донесениях. В общем мы едва ли сильно ошибемся, если примем численность англичан в 6 500 чел., французов — в 3 500 и турок — по меньшей мере в 6 000. Сюда надо еще прибавить около 1 000 английских морских солдат и матросов в редутах над Балаклавой. Вся пехота составляла, таким образом, 17 000 чел. или, если не считать турок, 11 000. Что касается кавалерии, то две английские бригады составляли около 1 400 чел. (в английских отчетах приводится только число рядовых); африканские егеря — не меньше 800 чел., всего — 2 000 чел. Количество артиллерии — неизвестно, но во всяком случае она уступала русской по числу, хотя далеко превосходила ее по качеству.

В общем и целом мы находим, что в данном случае союзники были во всяком случае не слабее русских, что они располагали

превосходными позициями для отступления и могли бы смелой атакой, кавалерийской и пехотной вместе, добиться решительной победы, не такой, как при Альме, не давшей ничего положительного, а победы, которая избавила бы их от тягот кровопролитного сражения, разгравшегося 5 ноября. Теперь же они не оккупировали даже всех перенесенных ими невзгод; и благодаря странной смеси чрезмерной смелости и чрезмерной осторожности, неуместной стремительности и неуместной робости, ни с чем не считающегося военного порыва и стратегических размышлений, упускающих благоприятный момент для действия, — благодаря этому удивительному методу всегда делать не то, что нужно, и не тогда, когда нужно, характерному для всех действий союзников, они, откровенно говоря, проиграли битву под Балаклавой.

Из данных о сражении 5 ноября мы можем пока только заключить, что оно явилось началом того кризиса, который, по нашим соображениям, и должен был наступить между 5-м и 10-м. Как мы уже давно утверждали и как теперь утверждает и лондонский «Times», вопрос сводится к получению свежих припасов и подкреплений.

БИТВА ПРИ ИНКЕРМАНЕ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Это кровавое сражение произошло 5 ноября, но донесения союзных военачальников и корреспондентов руководящих газет получены в Лондоне только 23-го. Очень краткие сообщения о битве были доставлены в Англию двумя недавно прибывшими пароходами, но ни одно из этих сообщений не было настолько подробно, чтобы можно было составить себе сколько-нибудь удовлетворительное суждение о характерных чертах боя. Но прибывшая сегодня почта дает нам возможность сообщить подробный отчет о всем деле вместе с депешами Раглана, Канробера и Меншикова и превосходными, весьма остроумными письмами специальных корреспондентов газет лондонского «Times'a» и «Morning Herald», каждая из которых обслуживается на местах очень способными сотрудниками. Располагая всеми этими, а кроме того еще и другими документами, мы приступаем к разбору хода сражения, чтобы дать нашим читателям возможность составить себе беспристрастное и обоснованное мнение о нем.

Как пруссаки при Иене, британские войска, стоявшие лицом к Инкерману, расположились на высотах, доступных для фронтальной атаки только из нескольких ущелий. Подобно пруссакам, британцы не позаботились о том, чтобы занять возвышенность на своем крайнем левом фланге, на которую Меншиков, как Наполеон при Иене, двинул часть своей армии, заняв там до рассвета позицию против фланга неприятеля. Русские, очевидно, намеревались воспользоваться этим обстоятельством, чтобы обрушиться главными силами своей армии на фланг британцев, развернуться на занятых таким образом высотах и уничтожить британские дивизии в то время, как они по одиночке пробирались бы в роковом, неизбежном при перемене фронта передвижении, или, употребляя техническое выражение, «свернуть их». Наполеон был обязан этому маневру своей блестящей победой над армией, которая при всей ее неповоротливости, вялости и при плохом командовании, все же была в то время наилучшею из старых континентальных армий. Быстрота его движений, выполненных войсками, освоившимися

с новой постановкой военного дела, введенной в употребление американской войной за независимость, французскими революционными войсками и самим Наполеоном, способствовала этому смелому удару. Здесь, при Инкермане, Меншиков пытался вялыми и неповоротливыми войсками застигнуть таким же образом врасплох деятельные и быстро передвигающиеся британские и французские войска, и соответственно этому результат оказался противоположен тому, который был достигнут при Иене.

Небрежность, проявленная британцами при занятии их позиций, чрезвычайно позорна для их командования. Ничем нельзя оправдать ни то, что не был занят холм на южном берегу Черной, ни то, что не было окопов, которые защищали бы эту важную позицию, для нападения на которую сконцентрировано было, как было хорошо известно английскому командованию, несколько тысяч русских. Как мы уже сказали, русские не замедлили воспользоваться этою оплошностью, заняв холм на северном краю горного хребта, вытесняя британцев с их позиции тяжелой полевой артиллерией. Британские газеты утверждают, что у русских на поле битвы были 24- и 32-фунтовые пушки, но это свидетельствует лишь о их крайнем невежестве в артиллерийском деле. Перевозка их собственной артиллерии из Балаклавы в траншеи должна была бы показать им, что 24- и 32-фунтовые пушки нельзя доставлять на поле, а тем более для внезапного ночного нападения. В действительности то, что они называют 24- и 32-фунтовыми пушками, были гаубицы, калибр которых сходен с калибром 24- и 32-фунтовых пушек, но которые на самом деле представляют собой легкие полевые орудия, не более тяжелые, чем британские полевые гаубицы. Гаубицы, из которых стреляют полыми снарядами с небольшим зарядом и для которых дальность полета снаряда достигается главным образом благодаря приподнятию, могут быть изготовляемы так, чтобы их калибр превышал калибр пушек, из которых стреляют массивными ядрами. 24-фунтовая гаубица соответствует по весу и действию 6-фунтовой пушке, а так называемые 32-фунтовые (приблизительно 6-дюймовые) гаубицы — 12-фунтовым; эти гаубицы присоединяются в русской армии к батареям этих калибров. Это показывает, как невежество и национальное тщеславие создают героев и возвеличивают славу национального оружия.

До сих пор все благоприятствовало русским. Их тактика оказалась гораздо более целесообразной, чем тактика лорда Раглана. Их план был превосходен, и он хорошо выполнялся. Удалось занять важную позицию и обойти фланг неприятеля. Огромное численное

превосходство войск, готовых напасть на растянутую и слабую линию британцев в ее слабейшем пункте, казалось, обеспечивало окончательный успех. Но русские еще не совсем знали, с какими солдатами им придется иметь дело. Будучи застигнуты врасплох, британцы хладнокровно перестроились, став лицом уже не к востоку, а к северу, и встретили атакующие колонны смертельным огнем. А затем начался такой бой, какого в Европе не бывало после битвы при Альбуэре, когда непоколебимая храбрость британских войск должна была, ценою крови трех четвертей их личного состава, отгрызть сражение, уже проигранное благодаря глупой самонадеянности командующего. В действительности при Инкермане было больше штыковых схваток, чем во время всей войны на полуострове [Пиренейском], где две храбрейшие армии того времени боролись друг против друга в продолжение шести лет. От половины седьмого до половины десятого около 8 000 британцев выдерживали натиск русской армии, в котором, как сообщают сами русские, участвовало по крайней мере 30 000 человек. Стойкость, с которой они неоднократно отражали атаки русских, часто производившиеся свежими войсками, выше всяких похвал, и вряд ли это могли бы сделать какие-либо другие войска в Европе, за исключением лучших батальонов в армии Радецкого. Следует отметить, что этой храбрости способствовала выгодная позиция. Фронт к востоку был защищен неприступными высотами. Холм к северу, занятый русскими, также был отделен от этих высот двумя ущельями, ведущими к английской позиции. Поэтому всякая продвигающаяся вперед русская колонна должна была пройти район губительного огня британской артиллерии и продвигаться сомкнутыми рядами, взбираясь на высоты, прежде чем получить возможность развернуться. Русские колонны взбирались наверх, ослабев от артиллерийского огня, а затем, когда они приближались, и от ружейного огня, и прежде чем они могли бы развернуться, залп и штыковая атака снова отбрасывали их вниз. В этой битве обнаружилось, что на близком расстоянии пуля Минье имеет огромное преимущество над обычной ружейной пулей; последняя своим ударом может убить только одного человека, в то время как пуля Минье часто убивала четырех или пять человек и производила сильное действие на густые колонны русских.

Когда подошли британские дивизии, начался бой на всем фронте. Русские, которые не могли далеко продвинуться, атаковали своим левым крылом первоначальный фронт британской позиции, между тем как их правое крыло старалось проникнуть к Севастополю. Им отчасти удалось занять британские высоты, но они не были в состоя-

нии выстроиться в регулярную боевую линию. Они старались окружить и отрезать один за другим небольшие отряды британских войск. Несмотря на ожесточенность борьбы и на изумительную храбрость британцев, они были бы уничтожены в этом неравном бою, если бы не подошла французская дивизия Боске. Зуавы и иностранный легион атаковали левое крыло и вызвали полное расстройство в его рядах, а затем африканские егеря получили возможность ринуться в атаку, и русской пехоте пришлось отступить. Итак, четырнадцать тысяч союзников, потеряв треть своих войск, одержали победу над тридцатью тысячами русских, и однако все признают, что русские, каждый в отдельности, сражались очень хорошо и, как мы видели, их тактика, поскольку дело шло о плане нападения, значительно превосходила тактику союзников.

Почему же они потерпели поражение? Следует отметить, что большая часть войск, участвовавших в сражении, состояла из разбитых и истощенных войсковых частей, осаждавших Силистрию, и, конечно, корпус Данненберга, после бывшего корпуса Остен-Сакена, в настоящее время является худшим в русской армии. Но не это обстоятельство имело решающее значение. Сражение было проиграно не только благодаря храбрости англичан, но главным образом благодаря тому, как русские его вели. Русский способ войны не устоял против европейского способа. И в этом заключается характерная черта этого сражения.

Русский командующий начинает с того, что вырабатывает очень хороший план нападения, скопированный с плана одного из наиболее прославленных наполеоновских сражений (ведь ни у одного русского генерала не было оригинальных мыслей, даже у Суворова, вся оригинальность которого заключалась в прямом движении вперед). Затем он приступает самым верным путем к осуществлению этого плана. Он занимает позицию на неприятельском фланге. Стратегическое движение закончено, начинается тактическое действие. И здесь сразу отвергается научный и ученый способ ведения войны, выработанный западной цивилизацией, и обнаруживается чистое варварство. Эта блестящая армия с ее старыми воинами, многие из которых носят оружие в течение двадцати пяти лет, — этот образец маршировки на парадах, — оказывается столь неповоротливой, столь неспособной к схваткам и к борьбе небольшими отрядами, что ее офицеры могут только бросать ее всю целиком, как единую тяжелую массу, на неприятеля. Отбрасывается всякая мысль о тактическом маневрировании: вперед, вперед, вперед, — это все, что можно делать. Эта густая масса тел, конечно, уже в силу своей компактности,

представляла собой лучшую мишень, которой только мог бы пожелать для себя артиллерист; и в то время, как неплотные ряды британцев, залегшие за вершущкой холма, были защищены от огня, они залпами обстреливали густые колонны, убивая при каждом залпе тридцать, сорок человек и осыпая их градом пуль Минье, из которых вряд ли хоть одна могла не попасть в столь огромную мишень. Простое грубое давление, вес этой массы должны были прорвать ряды союзников. Но здесь они нашли противника, привыкшего к этому способу ведения войны. Британцы во время своих индийских войн научились выдерживать натиск густых масс, даже превосходящих их численностью. И хотя русские далеко превосходят сикхов или белуджей, но войска, привыкшие побеждать в шесть или восемь раз превосходящих их численностью сикхов или белуджей, конечно, могли выдержать атаку в три раза превосходящих их численностью русских, раз русские усвоили себе тактику сикхов. Когда русские колонны взбирались на вершину холма, они уже были приведены в беспорядок огнем, и новый залп на расстоянии пятидесяти ярдов и штыковая атака оказывались недостаточными для того, чтобы отразить их. Затем, когда русские взбирались на холм более многочисленными группами, британцы, подобно солдатам Наполеона, строившимся в каре среди мамелюков у пирамид, стояли среди окружавшей их массы русских. Непоколебимость сил, полных того доверия к себе, которым могут обладать лишь люди, принадлежащие к высоко цивилизованной нации, и превосходство вооружения британцев и их стрельбы довершили остальное. Русские — худшие стрелки из всех известных войск, и они показали это здесь, потому что иначе они должны были бы уложить каждого из находящихся здесь англичан.

Таков был характер и таково значение битвы при Инкермане. Битва эта показывает, что слава русской пехоты блекнет. Она показывает, что какие бы успехи ни делала Россия, Запад продвигается вперед по крайней мере вдвое быстрее, и Россия ни в каком случае не может одолеть западные войска не только при равенстве сил, но даже имея на своей стороне такие преимущества, как при Инкермане. Если бы не погибли транспорты союзников в Черном море, можно было бы утверждать, что этого дела, без очень крупных ошибок со стороны английских и французских генералов, было бы достаточно, чтобы сделать несомненной их окончательную победу в Крыму. Мы еще не знаем подробностей этого большого несчастья, о котором известно только по телеграфной депеше из Лондона, полученной нашим агентом в Ливерпуле как раз перед отходом парохода «Pacific». Мы еще не знаем, везли ли последние корабли войска или только про-

довольственный и военный груз, а из молчания телеграфа мы делаем вывод, что они не перевозили войск на своем борту. Но если во время этой бури погибла масса войск, отправленных в Крым, в таком случае союзники в самом деле гораздо больше пострадали от стихий, чем от неприятеля, и их силы у Севастополя могут быть уничтожены болезнями и изнурительными атаками прежде, чем можно будет послать им новые подкрепления. Другая — и не менее серьезная — опасность угрожает им благодаря позиции, занятой немецкими державами. Повидимому, Австрия впервые в самом деле обнаруживает склонность порвать с западными державами и присоединиться к царю, и ее поддержит вся Германия. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что теперь близок момент, когда война примет колоссальные и ужасные размеры, и ее пламя охватит всю Европу.

ХОД ВОЙНЫ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Солнце Аустерлица погрузилось в воду. На праздник 2 декабря у Севастополя должна была произойти великая битва, как об этом уверенно возвещалось и ожидалось в Париже, но, согласно депеше генерала Канробера от 3 декабря, оказывается, «дождь лил ручьями, дороги были прерваны, траншеи наполнились водой и операции по осаде, так же как и все прочие работы, были приостановлены».

До сих пор русские наступали, союзники оборонялись, обнаружив превосходство на Черной; у стен Севастополя было наоборот. Другими словами, русские были достаточно сильны на Черной, чтобы иметь в своих руках инициативу боя, союзники же нет, хотя и были в состоянии удержать свои позиции; у Севастополя союзники, достаточно сильные, чтобы продолжать осаду, имеют против себя равный по силам гарнизон, так что операции, хотя совсем и не прекращались, подвигались вперед с едва заметным успехом. Соотношение сторон, повидимому, скоро изменится; союзники уже нашли достаточно сил, чтобы отразить русских от Черной. В таком случае, потеряв свои позиции над Инкерманом, русские могут действовать двумя путями. Или они пойдут в обход и останутся в защищенном окопном лагере около Северного форта, или со своими главными силами отступят внутрь страны, куда далеко за ними союзники следовать не смогут. Последние едва ли до февраля успеют укрепить настолько, чтобы обложить северный лагерь или преследовать отступающую армию дальше Бахчисарая. Едва ли они сумеют выдержать вторую битву против армии, защищенной окопами где-нибудь около Симферополя. И в том и другом случае они должны будут отступить обратно на Черную, и эта игра чередующегося наступления и отступления, вероятно, продолжится всю зиму, до тех пор, пока на южной стороне Севастополь действительно не падет благодаря штурму. Но так как известия, которые мы получаем относительно осады, очень скудны, мы не можем сказать чего-нибудь большего по этому пункту, кроме того, что представляется не совсем правдоподобным. В самом деле, мы осведомлены, что согласно депеше от 7 декабря, опубликованной в парижском

«Moniteur» и перепечатанной в лондонских газетах, союзные армии одержали неожиданную победу и спустя всего лишь два дня после погрома «почти закончили обложение города». Эта поддельная депеша со-
стряпана с целью исправления неудавшегося пророчества 2 декабря.

Не так давно мы давали отчет об общем числе русской армии и ее расположении. Мы тогда показывали, что из этих почти трех четвертей миллиона солдат едва ли одна треть до настоящего времени занята активными операциями и что гораздо бо́льшая часть из остальных двух третей употреблена на то, чтобы угрожать Австрию. Несмотря на подкрепления, посланные в Крым, дела не изменились с тех пор сколько-нибудь значительно; корпус Данненберга (4-й корпус), который пошел на помощь Севастополю, был взят из армии, расположенной на Дунае, где он перед этим был усилен. Единственная существенная перемена в положении великой русской западной армии, как мы можем назвать войска приблизительно в 300 000 человек, сконцентрированные на австрийской границе, состоит в том, что ее левое крыло вытянулось по направлению к Бессарабии и среднему Днестру, в каковом положении она может, в случае нужды, получить остатки дунайской армии, при отступлении последней из Бессарабии. Великая западная армия может, кроме того, выделить пару дивизий в Крым и дать небольшие подкрепления на Дунай, но в общем ее сила не уменьшается; прибытие третьей гвардейской дивизии из Ревеля и еще некоторых резервов возместит эту убыль.

Дунайскую армию, однако, следует рассматривать как совершенно расстроенную и низведенную до положения чисто демонстративного корпуса, расположенного в Бессарабии в тех целях, чтобы насколько возможно дольше сохранить видимость русской оккупации. Вследствие ухода Липранди, а затем Данненберга эта армия лишилась всего четвертого корпуса (10, 11 и 12-я дивизии); вычитая из оставшихся пяти дивизий (7, 8, 9, 14 и 15-я) войска, необходимые для занятия берега и гарнизона для крепостей от Бендер и Измаила до Хереона и Николаева, и принимая во внимание громадные потери от двух дунайских кампаний, можно предположить, что эти пять дивизий не смогут выставить для полевых операций более 15 000 человек. Они расположены близ берега, и какой бы берег ни взять, русская оборона, столь сильная внутри континента, здесь всюду крайне слаба. Нужно охранять многочисленные крепости и склады от нападений враждебного флота, и этим объясняется то положение, что из 30 000 или 35 000 человек, составляющих эти пять дивизий, и половиной нельзя располагать для боя.

Роспуск дунайской армии, подобно большинству крупных стратегических операций, предпринимаемых Россией (ошибки обычно начинаются лишь при *выполнении* их), является хорошо выбранным шагом. С тех пор, как англо-французы завязли с головой и по уши в Крыму, никакой враг не противостоит русским на Дунае. Армия Омера-паши, едва достигающая 40 000 человек, в результате ущерба, понесенного от двух кампаний, не получавшая никакого пополнения, настолько расстроена благодаря западно-европейской дипломатии, что ее едва хватает на то, чтобы обложить Измаил, но она не в состоянии отделить корпус, чтобы сделать достаточное прикрытие для этой осады или отразить русских в битве. Кроме того, нападение на Бессарабию, что явилось бы сильной диверсией несколько месяцев тому назад, в настоящее время лишено определенной военной цели, и поэтому армия Омера-паши отсылается теперь в Крым. Единственной силой, которая могла бы угрожать русским на юго-западе, является австрийская армия, занимающая, в количестве около 270 000 человек, Галицию, Трансильванию и Молдавию. Она служит наибольшей преградой; ибо стоит ей объявить себя враждебной России, и тогда Бессарабия и вся местность вплоть до Буга будет оставлена, и операции русских будут вестись или наступательные — со стороны польских крепостей, или оборонительные — от Киева и Днепра. В обоих случаях дунайская армия была бы отрезана и ей пришлось бы искать свою базу где-нибудь в южных степях, что не легкое дело в местности, которая может прокормить много лошадей и овец, но очень мало людей. С другой стороны, если Австрия объявит себя за Россию или обратит свои нейтральные штыки в сторону Альп и Рейна, тогда или польская армия пойдет в Германию в качестве резерва для австрийцев, предварительно послав сильный корпус на Дунай, или же австрийцы массой польются на Дунай и рискнут походом на Константинополь. И в том и другом случае отдельная армия на Дунае более сильная, чем чисто демонстративный корпус, была бы лишней.

Что касается участия Австрии в этой войне, то мы, конечно, можем говорить об этом совершенно предположительно. Союзный договор, возвещенный с таким шумом, который, как говорили, был заключен Австрией с Францией и Англией 2 декабря, превращается на самом деле в простую ловушку, поставленную для парламента, как мы и предупреждали наших читателей немедленно после его объявления.

В тронной речи королевы о договоре содержатся такие намеки: «Я с удовлетворением сообщаю вам, что вместе с французским императором я заключила договор с императором Австрии, от чего я ожи-

даю важных выгод для общего дела», но Эбердин, вынужденный к ответу лордом Дерби, должен был заявить: «Мы предлагаем лишь, чтобы в резолюции было сказано, что палата с удовлетворением узнала, что ее величество заключила договор, от которого она (очевидно, надо иметь в виду старого Эбердина) ожидает важных выгод».

Это и весь ответ, который он дал. В Нижней палате Дизраэли заставил лорда Джона Росселя сделать шаг дальше и откровенно сознаться, что союзный договор, которым так хвастались, есть вовсе не договор и не союз. Он открыто признал, что Австрия этим договором ни к чему не обязывается, в то время как западные державы должны, согласно ему, заключить с Австрией наступательный и оборонительный союз, *если бы* она объявила войну России, и, кроме того, обязаны предложить России до конца года мирные условия на основе знаменитых четырех пунктов. В заключение всего Австрия может «без какого-либо вероломства» освободить себя от союза, заявив «в последний момент», что она не согласна с толкованием, которое дают западные державы четырем пунктам. Результатом такого разъяснения лордом Джоном Росселем знаменитого договора 2 декабря было немедленное падение фондов как в Лондоне, так и в Париже.

Год тому назад коалиция отговаривалась, что она допустила Синопскую бойню исключительно по тем соображениям, чтобы получить союз германских держав. Теперь с одной из этих держав заключен мнимый договор в качестве эквивалента к потерям не турецкого флота, а британской армии. Нас даже уверяли в последних номерах немецких газет, что открытие британского парламента давало сигнал к новому появлению призрака Венской конференции, которая готова еще раз пустить в ход свою громоздкую машину.

Однако, так как Австрия, согласно лорду Джону Росселю, заявляет, что, возможно, она будет вынуждена к войне с Россией и так как то же самое обнаруживается из факта расположения русской армии на австрийской границе, — мы можем предположить на минуту, что Австрия и остальная Германия, включая сюда даже Пруссию, намерены присоединиться к западным державам. Насколько готова Россия к встрече подобной возможности?

Если в 1812 г. континентальные войска, брошенные против России, были гораздо слабее, чем те, которые она, возможно, увидит на своих границах в апреле или мае; если тогда Англия была ее союзником, а не врагом, — то Россия в свою очередь может утешать себя мыслью, что чем более многочисленные армии проникают в глубь ее, тем больше шансов на их быструю гибель, и что, с другой стороны, она имеет теперь в три раза больше войск под ружьем, чем тогда.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что «Святая Русь» недоступна. Наоборот, мы полагаем, что по своим военным ресурсам Австрия одна уже равна ей, а Австрия и Пруссия вместе, если принять в расчет чисто военные шансы, вполне в состоянии принудить ее к позорному миру. Сорок миллионов в стране такого объема, как Германия, с успехом могут состязаться с разбросанными шестидесятью миллионами русских подданных. Стратегия нападения на Россию с запада была ясно определена Наполеоном, и если бы он не был вынужден обстоятельствами нестратегического характера отказаться от своего плана, целостности России угрожала бы серьезная опасность в 1812 г. Этот план состоял в том, чтобы в качестве первого шага идти на Двину и Днепр, организовать здесь оборонительную позицию, в смысле устройства укреплений, складов, путей сообщения, захватить русские крепости по Двине, самый же поход на Москву отложить до весны 1813 г. Уже в конце сезона он был вынужден оставить этот план из политических соображений, вследствие недовольства офицеров, протестовавших против зимних квартир в Литве, и из-за слепой веры в свою непобедимость. Он пошел на Москву, и результат известен. Катастрофа была чрезвычайно усилена плохой организацией французского интендантства и недостатком теплой одежды для солдат. Если бы на эти вещи было обращено больше внимания, Наполеон, при своем отступлении, нашел бы себе в Вильне армию по численности в два раза больше той, которую могла против него выставить Россия. Его ошибки ясны; они вовсе не из тех, которые неизлечимы по самой своей природе. Факт его проникновения в Москву, а также поход Карла XII на Полтаву доказывают, что страна доступна, хотя доступ в нее и труден. Что же касается содержания победоносной армии внутри ее, — это все зависит от длины операционной линии, а также отдаленности и безопасности баз. Операционная линия Наполеона от Рейна до Эйлау и Фридлянда, если мы примем во внимание весь ущерб, который приносят длинные операционные линии активности армии, будет равна линии от Брест-Литовска (предполагая, что крепости будут взяты в первый год) до Москвы. И в этом предположении не принято еще в расчет то обстоятельство, что непосредственная база операций подвинется к Витебску, Могилеву и Смоленску, без каковых подготовительных действий поход на Москву безусловно был бы рискованным.

Россия, конечно, населена редко, но мы не должны забывать, что центральные провинции — настоящее сердце русской национальности и ее сила — имеют население, равное Центральной Европе. В Польше, т. е. в пяти губерниях, составляющих русское Царство

Польское, в среднем плотность населения та же самая. Наиболее населенный район России — губернии Московская, Тульская, Рязанская, Нижегородская, Калужская, Ярославская, Смоленская и др. составляют сердце Великороссии и образуют компактное целое; продолжением их на юге служат также густо населенные малорусские провинции — Киевская, Полтавская, Черниговская, Воронежская и пр. Всего таких провинций или губерний двадцать девять; плотность населения в них равна половине плотности Германии. Население редко лишь в восточных и северных провинциях и южных степях, частью также на западе в бывших польских губерниях — Минской, Могилевской и Гродненской, по причине обширных болот, находящихся между польским Бугом и Днестром. Но наступающей армии, имеющей в своем тылу хлебородные равнины Польши, Волыни и Подолии, а впереди и на театре военных действий поля Центральной России, нечего опасаться недостатка питания, если она более или менее хорошо наладит дело снабжения и научится от самих русских, как пользоваться местными транспортными средствами. Что касается уничтожения всех ресурсов отступающей армией, как это было в 1812 г., такая вещь возможна лишь по линии операций и в непосредственном соседстве с ней; если бы Наполеон из-за своего торопливого наступления от Смоленска не связал себя крайне коротким временем, в которое он предполагал закончить кампанию, он нашел бы кругом себя обилие ресурсов. Но так как он спешил, то он не мог вследствие этого получить достаточно продовольствия в местности, расположенной на незначительном расстоянии от линии похода, а его фуражирующие части, как оказалось, действительно боялись далеко проникать в глушь громадных сосновых лесов, которыми отделялись одно селение от другого. Армия, которая сможет выделить сильные кавалерийские части для добычи продовольствия и будет иметь многочисленные местные телеги и повозки, сумеет снабдить себя всем необходимым в отношении пищи; и вовсе не похоже на то, что Москва сгорит еще раз. Но даже и в таком случае отступление к Смоленску не может встретить препятствия, а там армия нашла бы для себя хорошо подготовленную базу для новых операций, снабженную всем необходимым.

Но не только военные вопросы приходится здесь разрешать. Подобная война должна быть тесно связана также и с политическими действиями. Возможно, что объявление Германией войны России явилось бы сигналом к восстановлению Польши самой Россией. Николай при этом не расстался бы, конечно, с литовскими и белорусскими провинциями; но кто скажет, какова будет прочность.

этого вссстановленного польского государства. Одно несомненно: это положило бы конец дутому энтузиазму по отношению к Польше, которым в течение последних сорока лет щеголяли все и каждый, кто называл себя либеральным и прогрессивным. Далее последовал бы призыв России к Венгрии; и если мадьяры будут колебаться, мы не должны забывать, что две трети населения Венгрии состоит из славян, которые смотрят на венгров как на правящую и вторгшуюся со стороны аристократию. С другой стороны, Австрия в таком случае не поколебалась бы восстановить древнюю венгерскую конституцию, стремясь тем самым вычеркнуть Венгрию с карты революционной Европы.

Этого достаточно, чтобы показать, какие широкие перспективы военного и политического значения открылись бы при условии вступления Австрии в западный союз и в случае войны всей Европы против России. При обратном предположении весна, возможно, увидит полтора миллиона солдат, выстроенных против западных держав, и австро-прусскую армию, марширующую на французской границе, и тогда дело всйны уже наверное будет изъято из рук теперешних ее руководителей.

ИТОГИ.

Лондон, 29 декабря 1854 г.

«Встреча графа Буоля, господина Буркенэ и князя Горчакова в доме английского посланника в Вене графа Вестморленда имела целью лишь *удовлетворить желание* русского царя и осведомить его о смысле тройственного союза, заключенного 2 декабря, и об условиях, при которых три великие державы готовы начать переговоры на основе четырех пунктов. Князь Горчаков тотчас сообщил в Петербург о полученных им сведениях. Принятие или отклонение царем прелиминарных условий должно последовать в ближайшие дни. Начало нового года будет ознаменовано решительным поворотом в событиях». Так пишет «Morning Post», официоз лорда Пальмерстона. «Венские переговоры, — говорит торийская «Press», — должны дать Австрии новый предлог к тому, чтобы оттянуть дольше срока, установленного в договоре 2 декабря, ее окончательное заявление западным державам». Решающее значение имеет, может быть, тот факт, что в то время, как политики ежедневной и еженедельной печати в своих передовицах проявляют глубокую государственную мудрость при обсуждении новой Венской конференции, деловые люди в биржевых статьях тех же органов просто называют ее «фарсом». Так поступает, например, деловой автор статьи о денежном рынке в сегодняшней «Morning Post». Действительно, венское событие показалось лондонской бирже настолько лишенным всякого значения, что сообщение о нем ни ее «медведям», ни «бульдогам», ни пессимистам, ни оптимистам, не дало толчка даже для самых незначительных спекуляций. Незначительные колебания в котировке государственных бумаг в течение последних трех дней стояли в связи не с работой венских дипломатов, а с парижским бюджетом. Предполагают, что английские капиталисты примут участие в новом парижском займе в пятьсот миллионов франков и вызовут таким образом сжатие денежного рынка, который и без того, под влиянием северо-американского кризиса (*более значительного по своим размерам, чем кризис 1837 г.*), последних неблагоприятных торговых сообщений из Ост-Индии, роста цен на

хлеб и нескольких неожиданных крупных банкротств в Лондоне и Ливерпуле, все более и более внушает тревогу. Если не у русского императора, то во всяком случае в английском министерстве господствуют иллюзии мира. В большую войну с Францией, начавшуюся в прошлом столетии, английский народ был втравлен своей олигархией. Теперешняя война с Россией английской олигархии навязана народом. Во всех ее дипломатических, военных и финансовых операциях сказывается нежелание вести эту навязанную ей войну. Даже последнее мероприятие — закон о формировании иностранного легиона — имело целью прежде всего «отбить охоту» у англичан к этой войне. Об исчерпании рекрутского материала не могло быть и речи в стране, из которой ежегодно эмигрирует более ста тысяч здоровых мужчин, причем эта эмиграция оказывает лишь преходящее влияние на высоту заработной платы. О чрезвычайном, внезапном подвозе вспомогательных войск точно так же не было и речи, так как министерское мероприятие не рассчитано ни на внезапную, ни на чрезвычайную помощь. Билль о милиции, прошедший через палату в мае, дал министерству возможность в одной лишь Англии и в Уэльсе собрать 80 000 ополченцев, и опыт показал, что из всех набранных весной полков целая четверть добровольцев перешла на активную службу, но до начала этого месяца правительство сформировало только 18 милиционных полков (приблизительно 13 500 человек). Известно, что англичане всегда — во времена Карла I, при Вильгельме III, при первых Георгах, наконец во время великой войны против якобинцев — протестовали против ввоза в Великобританию иностранных наемных солдат. Но ново и неслыханно в английской истории, что привлечение иностранных наемников к операциям вне английской территории вызвало бурю негодования. Именно этот факт доказывает *совершенно особый характер* этой войны, отличающий ее от всех прежних английских войн, поскольку они относятся к современной эпохе. Поэтому правящая аристократия нарочно вызывает призрак прошлого, возвращаясь к рутине своих старых агентов, покупавших солдат на *самом дешевом* рынке. Она делает это, не будучи хоть сколько-нибудь уверена, — как в этом сознался Сидней Герберт в Нижней палате, — в *успехе* предложенной меры. Следовательно, она делает это не для того, чтобы вести войну, а для того, чтобы подготовить мир. Чтобы создать в настоящее время удовлетворительную *английскую армию*, правительство должно было бы повысить плату солдатам, отменить телесные наказания, открыть перспективу повышения по службе, начиная с рядовых, коротко

говоря — демократизировать армию и из своей собственности превратить ее в собственность нации. «До сих пор, — говорит сегодняшняя «Times», — как во время войны, так и во время мира, армия была лишь органом правительства для обеспечения карьеры аристократов и для поддержки существующего в каждый данный момент министерства». Здесь мы подходим к решающему пункту. *Война с Россией* означает для английской аристократии потерю *ее правительственной монополии*. Вынужденная, начиная с 1830 г., вести внутреннюю политику исключительно в интересах промышленных и торговых средних классов, английская аристократия, тем не менее, упрочила за собой обладание правительственными постами, так как сохранила монополию в области иностранной политики и в военном деле. Эта монополия была, однако, обеспечена лишь до тех пор, пока народная война, — а такая война была возможна *только против России*, — не сделала иностранной политики делом народа. Все старания английской дипломатии с 1830 до 1854 г. сводятся поэтому к одному принципу: *какою угодно* ценою избежать войны с Россией. Отсюда постоянные уступки, которые делались России в течение последних 24 лет в Турции, в Персии, в Афганистане, в Дании, да и во всех пунктах земного шара. Что расчет аристократии был правилен, доказывают факты сегодняшнего дня. Едва только началась война с Россией, а даже «Times» уже заявляет: «Аристократия неспособна вести наши войны. Олигархический государственный механизм находится в резком противоречии с нашим общественным механизмом».

**АНГЛИЙСКОЕ ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ АНГЛИИ**

* ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ АНГЛИЙСКОГО ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.

Лондон, 1 января 1855 г.

«Все департаменты нашего военного управления рухнули под тяжестью теперешней войны». Так пишет сегодня «Times». Действительно, если взглянуть на организацию военного управления или какого-либо иного управления этой страны, то кажется, что тут хотели наглядно показать так называемый принцип конституционного равновесия сил. Различные органы власти так построены, что они совершенно парализуют друг друга, и весь механизм обречен, таким образом, на бездеятельность. Поэтому-то и могло случиться, что во время этой войны раненные находились в Балаклаве, военные врачи в Константинополе, а медикаменты в Скутари. Отсюда и возмущение крымской армии против системы, которая приносит ее в жертву; разве мы действительно не должны назвать это возмущением, если военные всех рангов, от полковника и до рядового, нарушают дисциплину, посылают каждую неделю тысячи писем в лондонские газеты и громко апеллируют к общественному мнению на действия своих начальников? Однако, если за то, что обусловлено всей системой, делают ответственным лорда Раглана, это несправедливо. Ответственность он несет за военное руководство. Бросая ретроспективный взгляд на Крымскую кампанию, мы убеждаемся, что лорд Раглан совершил свою первую ошибку в битве при Альме, приказав обойти не правый, а примыкавший к морю левый фланг русских. Обходом правого фланга часть русских была бы отеснена к морю, другая к Северному укреплению, а так они фактически были отброшены к Симферополю, т. е. на наиболее выгодную для них линию отступления. Между тем как в битве при Альме союзники без нужды схватили быка за рога, они со страхом отступили перед этим шагом, когда его требовали обстоятельства. Пресловутый «фланговый марш на Балаклаву» означал отказ от нападения на северный фронт крепости. Но этот фронт является господствующим и поэтому решающим; Северное укрепление, это — ключ к Севастополю. Союзники, таким образом, отказались от более смелого

и потому более надежного нападения, чтобы обеспечить себе прочное оборонительное положение. Это та же ошибка, которую совершил Омер-паша, когда укрепился у Калафата, вместо того, чтобы идти из Ольтеницы к Бухаресту и прорвать растянувшуюся линию врага. Затем началась осада Севастополя, которая во всяком случае доказывает, что в результате долгого мира военное искусство настолько же пошло назад, насколько — благодаря промышленному развитию — улучшились военные материалы. Ни в одной из прежних войн простые земляные сооружения не играли такой большой роли. Сначала у Ольтеницы русские прибегли к старой системе — подвергли их длившейся несколько часов канонаде и затем пошли на штурм. Однако без успеха. Под Калафатом земляные укрепления парализовали русских, не решавшихся напасть на них. Под Силистрией наполовину разрушенное сооружение сделало тщетными все усилия русской армии, и, наконец, в Севастополе линия земляных укреплений удостоилась обстрела стольких осадных батарей и тяжелых орудий, сколько еще никогда не употребляли и против настоящей крепости. Но еще прежде, чем были установлены осадные орудия, открытый город был превращен в укрепленный лагерь первого ранга. Известно, что 25 октября, в битве под Балаклавой, английская кавалерия без всякой пользы и бесцельно была принесена в жертву с нарушением всех традиционных правил военного искусства. Наконец, мы доходим до битвы при Инкермане, являющейся самым значительным событием этой кампании. Как пруссаки у Иены, британские войска при Инкермане занимали ряд высот, доступных с фронта лишь через небольшое число перевалов. Как и пруссаки, англичане упустили случай занять высоту на своем крайнем левом фланге, куда Наполеон у Иены, а Меншиков при Инкермане бросил часть своей армии и таким образом до рассвета занял позицию на неприятельском фланге. Русские — вообще не сторонники оригинального — заимствовали у Наполеона этот операционный план, но как только стратегическое движение было выполнено и должна была начаться тактическая операция, маска западно-европейской цивилизации была сброшена, и открылось лицо татарина. Эта блестящая русская армия с ее старыми воинами, — многие из них двадцать пять лет носят оружие, — этот образец маршировки на парадах, — проявила такую беспомощность, такую тяжеловесность, такую неспособность к схваткам и к борьбе небольшими отрядами, что их офицеры не могли предпринять ничего другого, кроме как сразу бросить на врага всю эту тяжелую массу. Давление этой массы одной своей тяжестью должно было прорвать тонкие

ряды англичан; однако, с одной стороны, эти густые колонны человеческого мяса обеспечивали опустошительное действие огня английских ружей и пушек, а, с другой — когда русские, находясь в подавляющем числе, ударяли в штыки, англичане принимали их удар с таким же превосходством, с каким наполеоновские каре в битве у пирамид встречали мамелюков. 14 000 союзников, потеряв треть своих людей, разбили 30 000 русских, хотя признано, что русские проявляют в сражении личное мужество и что их план нападения имел преимущество перед планом союзников. Еще ни разу со времени битвы у Нарвы такое несчастье не постигало русского оружия. И если мы взвесим огромную разницу между русскими под Нарвой и русскими при Инкермане, полудикими ордами 1700 г. и хорошо обученной армией 1854 г., то день под Нарвой покажется блестящим по сравнению с днем при Инкермане. Нарва была первой большой неудачей подымающейся нации, умевшей даже поражения превращать в орудия победы. Инкерман кажется почти верным признаком упадка того оранжерейного развития, которое началось в России со времени Петра Великого. Искусственно ускоренный рост и чрезвычайные усилия сохранить при полуварварском материале внешность блестящей цивилизации, повидимому, исчерпали нацию и вызвали у нее нечто вроде легочной чахотки. Битва при Инкермане для русской пехоты означает то же, что для испанской — битва у Рокруа.

ПРЕССА И ВОЕННАЯ СИСТЕМА.

Лондон, 3 января 1855 г.

«Русский император, — сообщает корреспондент «Times'a» из лагеря под Севастополем, — будто бы вызвался отправить обратно в Англию на *одном* военном судне все, что останется от нашей армии до начала мая». Затем следует описание смертности, нужды, беспорядка, разложения, царящих в английском лагере. Это положение дел является сейчас почти единственной темой передовиц лондонских ежедневных газет. «Британская армия, — говорит «Times», — вовсе не армия в военном смысле этого слова. Это лишь масса храбрых людей, не более того, а скорее даже менее, поскольку ею командуют люди, которые не должны были бы командовать, и поскольку она, таким образом, лишается своей естественной способности... Командование британской армией под Севастополем носит чисто номинальный характер, и даже хуже: выдающиеся офицеры уверяют, что командование армией с не меньшим успехом могло бы быть поручено унтер-офицерам, чем тем, которые считаются теперь командующими ею. Мы чувствуем, что было бы тягостно выбросить за борт честных и лойяльных людей, оттягченных годами и почестями». Но *à la guerre comme à la guerre* [на войне как на войне]. «Если когда какое-либо министерство имело возможность применить эту насильственную меру, так это теперешнее министерство». Почему? «Потому что оно упорно противилось объявлению войны». Поэтому — «карты в руках у правительства, и оно не связано необходимостью считаться с личностями». Хорошо ты рычишь, лев! Так как теперешнее министерство ведет войну против воли, то ошибки в отношении ведения войны должны быть приписаны не ему самому, а лишь командующим генералам, и публика должна понять, что не министерство мешает лорду Раглану, а лорд Раглан мешает министерству. В то время как «Times» так нападает на лорда Раглана, чтобы защитить министерство, «Morning Chronicle», орган пилитов, нападает на «Times» якобы для того, чтобы защитить лорда Раглана, в действительности же для того, чтобы поблагодарить «Times» за признание невинности министерства, использовать его и одновременно произвести диверсию посредством мнимой схватки между двумя министерскими

газетами. «Уныние, — пишет честный «Chronicle», — овладевшее в последние дни общественным мнением, должно быть, — мы с сожалением должны отметить это, — приписано исключительно влиянию «Times'a». Событиям придана слишком мрачная окраска, несчастные случаи преувеличены, заслуженная репутация наших генералов тяжело опорочена, и вошедшее в поговорку британское великодушие по отношению к отсутствующим забыто, и все это лишь ради сенсации, ради того, чтобы произвести эффект. Эта ненависть и яд этих нападок обращены особенно против фельдмаршала Раглана... Бедственное положение, в котором с начала декабря находится крымская армия, — хотя последние газеты и звучат опять более утешительно, — должно быть приписано главным образом ужасному штурму 14 ноября». И министерство столь великодушно, что не делает лорда Раглана ответственным за штурм 14 ноября. Таким образом, ничего не остается, кроме погони «Times'a» за сенсацией. Мы обращаемся теперь к той части лондонской прессы, которая отстаивает известные *частные* интересы *внутри* министерства — к «Daily News», являющейся с некоторого времени тайным, и к «Morning Post», в течение многих лет являющейся официальным органом Пальмерстона. «Наши административные системы, — говорит «Daily News», — остаются почти неизменными, как если бы они принадлежали мидьянам и персам. Какой-либо непредвиденный кризис, и они рушатся. Но перед лицом ужасных жертв людьми и имуществом они редко преобразуются, чтобы суметь противостоять подобным катастрофам в будущем... Так и с военным ведомством. Сколько было ожиданий, когда недавно был назначен верховный военный министр! Но от этого дело даже на йоту не улучшилось. Должны ли мы порицать герцога Ньюкестля или же нам следовало бы приступить к реформе парализующей нас системы, замыкающей все государственные функции в холодной тени аристократии? Каковы бы ни были заслуги герцога Ньюкестля, он не является *официальным* Геркулесом, способным искоренить эту систему. Но английский народ настаивает на том, чтобы было сделано то, что неспособен сделать герцог». Для «Daily News» еще непривычна министерская роль. Газета должна к тому же считаться со своей буржуазной публикой. Все же уже с первого взгляда видно, что суть статьи в «официальном Геркулесе», который необходим. Но кто же этот официальный Геркулес? И как до него добраться? «Morning Post» дает на это ответ. Она говорит: «Начинать с нападок на лорда Раглана — это, конечно, начинать не с того конца. Лорд Раглан *выше* нападок «Times'a»... Все же нельзя сомневаться в недостатках правительства здесь, дома... Возьмите, например, военное ведомство. Должно ли оно и впредь вестись в том же духе и по тому же образцу,

как и в течение последних девяти месяцев?.. Вспомните, что армия за границей всецело зависит от администрации на родине... Как исключительно важно поэтому, чтобы глава этого департамента был мастером своего дела и действовал бы как подобает мастеру... Говорят, этому мешает *старая система*. Но настоящий мастер уже давно за своей ответственностью сломал бы эту систему... Секрет в действительности заключается в том, что глава этого правительства, как свинцовая гиря, лежит на всех усилиях отдельных департаментов. Медленное биение *эбердиновского* пульса сообщается всем частям администрации и дает тон всей системе... Переделайте всю систему и поставьте ей реальную и крепкую голову на плечи». Другими словами: сделайте Пальмерстона премьер-министром. Он и есть *официальный Геркулес*, о котором мечтает «Daily News», — тот самый Пальмерстон, которого в 1830 г., по предложению русской княгини Ливен, лорд Мельбурн назначил министром иностранных дел, который во время афганской войны так загадочно пожертвовал британской армией, что сэр Роберт Пиль в публичном заседании парламента угрожал ему «разоблачениями», если он будет продолжать раздражать его своим самохвальством; тот самый Пальмерстон, который сумел предложенный Францией в 1839 г. и, повидимому, уже налаженный оборонительный союз *против России* направить так искусно, что в одно прекрасное утро 1840 г. он превратился в англо-русский союз *против Франции*. Хотя Пальмерстон является *самым влиятельным* членом теперешнего правительства и во всех парламентских кругах выступает и *должен* выступать как его передовой боец, он в печати непрерывно пускает в ход все средства дипломатического искусства, чтобы показаться находящимся в острых неладах с Эбердином и спасти таким образом свою популярность при возможном крушении коалиции. В то же время оппозиция удерживается от решительных шагов и поддерживается в состоянии бесплодного напряжения по поводу внутренней склоки в министерстве. Так, например, сегодня торийский «Morning Herald» в сотый раз попадает в ловушку, объявляет разрыв коалиции окончательным и много толкует о патриотическом негодовании Пальмерстона и Росселя против Эбердина, Ньюкестля и Гладстона. Кстати, о Гладстоне! Отмечу, что из передовицы сегодняшней «Chronicle» о французском займе вытекает, что Гладстон не намерен прибегать к займам, а решил вести войну при помощи прямого обложения, т. е. прибегая к самой непопулярной, обременительной и неэкономной форме.

ВОЕННОЕ ДЕЛО В АНГЛИИ.

I.

Лондон, 5 января 1855 г.

Кто несет ответственность за состояние английской армии в Крыму? Достаточно бросить взгляд на удивительный механизм английского военного управления, чтобы увидеть, что ответственность так искусно распределена между различными его органами, что она всех их касается, но ни на один из них не ложится полностью. Во главе английской армии стоит верховный главнокомандующий («Commander in Chief»), своего рода конетабль¹, ранг, во всех прочих цивилизованных армиях уже упраздненный. Из Horseguards — так называется канцелярия верховного главнокомандующего, так как она помещается в казарме «конной гвардии», — исходят почти все военные назначения. Было бы, однако, заблуждением предположить, что этот главнокомандующий действительно чем-либо командует. Если ему и предоставлен некоторый контроль над кавалерией и пехотой, то зато артиллерия, инженерная часть, саперы и минеры всецело находятся вне сферы его влияния. Если он и пользуется некоторым суверенитетом над брюками, куртками и галстуками, то уж на шинели его влияние не распространяется. Он может определить, сколько патронов должен иметь при себе пехотинец, но он не может его снабдить ни одним ружьем. Он может привлечь к суду всех своих людей и приказать их основательно высечь, но он не может двинуть их вперед даже и на один дюйм. Передвижение находится всецело вне его компетенции, а что касается содержания его войск, то это дело его совершенно не касается. Затем идет «Master general of the ordnance», генерал-фельдцейхмейстер [начальник артиллерии]. Это — печальная реликвия той эпохи, когда наука казалась недостойным солдата делом, и все научные части, как артиллерия и инженерное дело, состояли не из солдат, а составляли трудно определимый коллектив не то ученых, не то ремесленников, объединенных в особую гильдию или корпорацию под

¹ Конетабль — главнокомандующий во французской дореволюционной армии. *Ред.*

командой «Master general». Этому генерал-фельдцейхмейстеру подведомственны, кроме артиллерии и инженерной части, шинели и мелкое оружие всей армии. Без него невозможна поэтому абсолютно ни одна военная операция. Его участие неизбежно. Следующий по порядку — «Secretary at war», военный министр, но опять, собственно, не военный министр, а представитель военного министерства в палате общин, хотя и вполне самостоятельная инстанция. Этот военный министр не может ничего приказывать ни одной части армии, но он может любой части армии помешать что-либо сделать. Так как он — начальник военных финансов, и так как всякий военный акт стоит денег, то если бы он отказал в предоставлении средств, это было бы равносильно абсолютному veto по отношению ко всем операциям. Но как бы он ни хотел открыть свою кассу, он все же не может привести армию в движение, так как он не может ее кормить. Это выходит из пределов его компетенции. Органом, который кормит армию и, в случае передвижения обязан предоставить ей транспортные средства, является Commissariat [интендантство], находящийся под контролем казначейства. Таким образом, премьер-министр — первый лорд казначейства — прикосновенен к каждой военной операции и может по своему произволу ускорить ее, замедлить или остановить. Каждый знает, что комиссариат имеет такое же значение для армии, как и сами солдаты, и именно поэтому коллективная мудрость старой Англии признала нужным сделать комиссариат совершенно независимым от армии и поставить его под контроль по существу антивоенного департамента. Но кто же приводит армию в движение? Прежде министр колоний, теперь министр войны (Minister für den Krieg) номинальный глава военного министерства. Он приказывает войскам отправиться из Англии в Китай и из Индии в Канаду. Но сам по себе он так же бессилен, как и четыре названных выше военных инстанций, так как для того, чтобы осуществить даже самое незначительное движение, необходимо сотрудничество всех пятерых. Каждая из этих пяти сил имеет собственную бюрократию со своей собственной рутинной, и каждая из них действует на свою ответственность.

Происхождение этой системы покоится, очевидно, на конституционных мерах предосторожности против постоянного войска. Вместо *разделения труда*, которое дало бы армии наибольшую эластичность, — *разделение властей*, сводящее к минимуму ее способность к передвижению. Но сохранена была эта система отнюдь не из парламентских или конституционных соображений, а лишь потому, что одновременно с проведением отвечающей требованиям современности реформы военного управления было бы сломлено,

по крайней мере в этой области, влияние олигархии. На предыдущем заседании парламента министры отказались допустить какое-либо новшество, кроме разделения военного министерства и министерства колоний. Веллингтон упорно сохранял эту систему с 1815 г. до своей смерти, хотя он очень хорошо знал, что при этой системе он никогда не довел бы Пиренейской войны до успешного конца, если бы случайно в министерстве не сидел его брат, маркиз Веллестлей. В 1832 и 1836 гг. перед комитетами, образованными парламентом по вопросу о реформе старой системы, Веллингтон безоговорочно отстаивал старые порядки. Не боялся ли он облегчить своим преемникам путь к славе?

II.

Лондон, 6 января 1855 г.

Мы ознакомились с системой английского военного управления, под руководством которого началась война. Едва лишь войска прибыли в Галлиполи, как из сопоставления с французской армией сейчас же выяснилась неудовлетворительная постановка у англичан военного дела и беспомощность английских офицеров и чиновников. А здесь задача была еще сравнительно легка. О прибытии войск было сообщено много раньше, и число высадившихся было невелико. И все-таки все шло через пень-колоду. Корабельный груз портился на берегу на местах первоначальной выгрузки; недостаток места принудил послать часть войск в Скутари и т. д. Обнаружились несомненные признаки хаоса, но так как война только начиналась, то надеялись, что накопленный опыт принесет улучшение. Затем войска прибыли в Варну. Возрастала их отдаленность от дома, возрастало их число, возрастал беспорядок в управлении. Пять департаментов, образующих военное управление и ответственных каждый перед другим министерством, действуя независимо друг от друга, создавали неизбежные коллизии. В лагере царила нужда, между тем как гарнизон Варны наслаждался всяческим комфортом. Комиссариат не спеша собирал в близлежащих местностях кое-какие транспортные средства; но так как старший генерал не распорядился о назначении конвоя для этих повозок, то болгарские возчики исчезали быстрее, чем их удавалось собрать. Затем в Константинополе был образован центральный склад, что-то в роде первой операционной базы. Это привело лишь к созданию еще одного очага затруднений, отсрочек, споров о компетенции, ссор между армией, командованием, казначейской частью, комиссариатом и военным министерством. Но в Галлиполи, Скутари и Варне армия находилась еще более или

менее на мирном положении. И только в Крыму британская администрация получила полную возможность развернуть во всю ширь свой дезорганизаторский талант. Действительно, из числа более чем 60 000 человек, отправленных после февраля на восток, способны носить оружие сейчас не более 17 000. Из них ежедневно умирает от 60 до 80 человек и приблизительно 200 — 250 человек выбывают из строя по болезни, между тем как лишь изредка кто-либо возвращается из госпиталя в строй. И из 43 000 умерших или раненых на совести русских нет даже и 7 000 человек. Когда в Англию пришли первые сообщения, что армия лишена в Крыму и пищи, и одежды, и крова, что нет ни медикаментов, ни хирургического инвентаря, что больные и раненые либо должны лежать на холодной и мокрой земле, подвергаясь действию непогоды, либо скучиваться на палубах судов, без ухода, без самого необходимого для выздоровления; когда было сообщено, что сотни солдат умирают из-за недостатка в предметах первой необходимости, то каждый подумал, что правительство запоздало с посылкой на театр военных действий необходимых припасов. Действительно, подтвердилось, что подозрение это для первого времени не было лишено основания. Впоследствии, однако, выяснилось, что посылали-то все, кое-что даже сверх потребности, но, по несчастью, все приходило не туда, куда надо, и не во-время. Медицинский материал лежал в Варне, а раненые оставались в Крыму или в Скутари. Обмундирование и продовольствие прибывали на глазах у всех в Крым, но некому было их выгружать. Что случайно было выгружено, могло спокойно сгнить на берегу. Необходимое участие флота внесло новый элемент раздора, новую ответственную инстанцию, которая требовала, чтобы и с ней считались в лагере Аграманта. Бездарность, прикрытая *правилами* рутины мирного времени, господствовала безраздельно. В одном из богатейших уголков Европы, на берегу, под защитой которого стояли на якоре сотни транспортных судов, груженных запасами, английская армия жила на половинном пайке. Окруженная бесчисленными стадами скота, она страдала от цынги, так как должна была ограничиваться солониной. При наличности большого количества дров и угля на судах, армия так мало имела от них прока на суше, что должна была есть мясо *сырым* и никогда не могла просушить платье, промокшее от дождя. Если прибывало кофе, оно оказывалось не только не молотым, но даже *не поджаренным*. Имелись огромные количества продовольствия, напитков, одежды, палаток, упакованных на судах, почти касавшихся скал, на которых был разбит лагерь; и все же, подобно Танталу,

английские войска не могли достать их. Все сознавали зло, все с проклятиями метались с места на место и обвиняли всех и каждого в нарушении долга. Но у всех и каждого имелось множество инструкций, тщательно составленных, утвержденных компетентной властью и ясно устанавливающих, что то, что должно было быть сделано, не относится к кругу *его обязанностей*, и что он, с другой стороны, не имеет полномочий привести дела в порядок. Прибавьте к этому усиливающуюся суровость погоды и ливни, период которых только еще начался, чтобы превратить весь Гераклеийский Херсонес в сплошное болото, где грязь стоит выше колен; солдат, которые из четырех ночей проводят не меньше двух в окопах, остальные же две ночи спят промокшие и забрызганные грязью, лежа на сырой земле, не имея под собой даже досок, и едва прикрытые палатками; постоянные тревожные сигналы; судороги, поносы и пр., вызванные сыростью, холодом и пр.; распыленность без того немногочисленного медицинского персонала по всему лагерю; госпитальные палатки с 3 000 больных, лежащих почти под открытым небом и на сырой земле; госпитальные суда и госпитали в Скутари и Константинополе — прибавьте все это, и вы легко поймете, что британская армия в Крыму находится в процессе полного разложения и что солдаты приветствуют русскую пулю, освобождающую их от всех этих бедствий.

ТОРГОВЫЙ КРИЗИС.

I.

Лондон, 8 января 1855 г.

Предаваясь с важным видом болтовне о «министерских кризисах», здешние клубы и газеты не находят времени для признания несравненно более важного факта — *вновь наступившего большого английского промышленного и торгового кризиса*, размах которого превосходит размах кризисов 1847 и 1836 гг. То, чего не сумели понять из спорадически возникавших в течение последних трех месяцев банкротств, возрастающих в последнее время и количественно, и по своей интенсивности, — стало, наконец, неопровержимым после опубликования торговых годовых отчетов и составленных в министерстве торговли ведомостей о вывозе и ввозе за последние одиннадцать месяцев. Из последних ведомостей следует, что вывоз упал на 1710 677 фунтов стерлингов по сравнению с соответственными 11 месяцами 1853 г. и на 1856 988 фунтов стерлингов, если сравнивать только последний месяц того и другого года — от 5 ноября до 5 декабря. Из ведомости о вывозе мы заимствуем следующие подробности, показывающие сокращение вывоза по некоторым наиболее значительным отраслям промышленности:

	1853 г. (в фунт. ст.)	1854 г. (в фунт. ст.)
Хлопчатобумажные ткани . . .	23 757 155	22 877 050
Хлопчатобумажная пряжа . . .	6 322 639	6 055 640
Полотняные ткани	4 379 732	3 735 221
Льняная пряжа	1 069 812	852 763
Шерстяные ткани	9 470 413	8 566 723
Шелковые ткани	1 492 785	1 144 506
Вывоз машин	1 368 027	1 271 503

В торговых отчетах, конечно, делается попытка возложить ответственность за кризис 1854 г. на войну, точно так же, как революция 1848 г. была сделана ответственной за кризис, который разразился еще в 1847 г. Однако на этот раз даже лондонский «Economist», — имеющий обыкновение принципиально объяснять кри-

высы случайными обстоятельствами, чуждыми торговле и промышленности, — вынужден признать, что коммерческие неудачи и убытки 1854 г. являются началом естественной реакции против «судорожного процветания» 1853 г. Другими словами, коммерческий цикл снова достиг того пункта, где перепроизводство и сверхспекуляция кончаются кризисом. Лучшее доказательство — *Соединенные Штаты Северной Америки*, которых Восточная война коснулась лишь постольку, поскольку она вызвала неслыханный подъем их судостроения и торговли судами и создала им рынок сбыта для некоторых видов сырья, поставлявшихся ранее главным образом или исключительно Россией. В Соединенных Штатах кризис продолжается уже более четырех месяцев и все еще нарастает, хотя из 4 208 банков 109, т. е. приблизительно 2 процента, уже обанкротились, и наступил такой застой промышленности, сопровождающийся таким падением заработной платы в индустриальных штатах Востока, что в прошлом месяце около 4 000 европейских эмигрантов «реэмигрировали» в Европу. Американский кризис 1837 г. последовал за английским кризисом 1836 г. На этот раз ход событий обратный. Америка взяла на себя инициативу банкротства. Соединенные Штаты и Австралия одинаково переполнены английскими продуктами. Как велико значение этого фактора для английской торговли, можно видеть из того, что приблизительно из ста миллионов фунтов стерлингов, которые Великобритания вывезла в 1853 г. в товарах, 25 миллионов падают на Соединенные Штаты и 15 миллионов на Австралию. Ост-Индия была наиболее важным рынком сбыта после Соединенных Штатов и Австралии. Но ост-индский рынок уже в 1852 г. был до того переполнен, что только совершенно новое расширение торговли через Пенджаб и Синд в Бухару, Афганистан и Белуджистан и отсюда, с одной стороны, в Центральную Азию, а с другой — в Персию с трудом смогло поддержать вывоз товаров из Англии на старом уровне — 8 миллионов фунтов стерлингов. Теперь и там каналы сбыта до такой степени переполнены, что недавно из Индустана были отправлены товары в Австралию и таким образом «совершенно отвезены в Афины». Единственным местом, куда вследствие Восточной войны товары в течение некоторого времени посылались «с осторожностью», был *левантийский* рынок. Но в Сити ни для кого не тайна, что кризис в Соединенных Штатах и застой в Австралии принудили торговлю с тревогой искать еще не переполненных рынков, что Константинополь стал складочным местом для всех товаров, ждущих покупателей, и сейчас также должен считаться «закрытым». Точно так же и последнее движение

в Испании было использовано для того, чтобы путем контрабандной торговли ввезти туда столько английских товаров, сколько только она могла поглотить. Последняя попытка такого рода предпринимается теперь в южно-американских государствах, ограниченная потребительная способность которых не нуждается, однако, в доказательствах. Ввиду решающего значения английского кризиса для социального и политического состояния всего мира необходимо будет более подробно и в деталях вернуться к истории английской торговли до 1854 г.

II.

Лондон, 9 января 1855 г.

Рост английской торговли и английской промышленности в период от 1849 до 1853 г. можно проследить по следующим датам. В 1846 г. тоннаж зафрахтованных судов, вышедших из британских портов и вступивших в эти порты, составлял 9 499 000; в 1850 г. тоннаж возрос до 12 020 000, а в 1853 г. поднялся до 15 381 000, т. е. удвоился по сравнению с 1843 г. В 1846 г. стоимость вывоза британской мануфактуры и сырья составляла 57 786 000 фунтов стерлингов, в 1850 г. — 71 367 000, в 1853 г. — 98 000 000 фунтов, т. е. более чем вдвое превышала стоимость вывоза 1842 г. Какая роль выпала на долю Соединенных Штатов Северной Америки и Австралии в этом увеличении вывоза? В 1842 г. стоимость британского экспорта в Австралию еще не достигает даже одного миллиона фунтов стерлингов; в 1850 г. она достигает 3 миллионов, а в 1853 г. даже 14 513 000 фунтов стерлингов. В 1842 г. вывоз в Соединенные Штаты составлял 3 582 000 ф. стерлингов, в 1850 г. почти 15 миллионов, в 1853 г. не менее 23 658 000. Из этих данных явствует, во-первых, что 1854 г. является таким же поворотным годом в истории современной торговли, какими были годы 1825, 1836, 1847; затем, что кризис в Соединенных Штатах представляется лишь одним моментом английского кризиса и, наконец, что война 1854 г., — которую «*Patric*», «орган империи», совершенно правильно называет «*guerre pacifique*» [мирной войной], — не имела никакого влияния на эту социальную катастрофу, а если и оказала влияние, то разве только сдерживающее. Отдельные отрасли промышленности, как, например, производство кожи, железа, шерстяных изделий, равным образом и судостроение, благодаря военному спросу, укрепились. Страх, вызванный объявлением войны после сорокалетнего мира, на мгновение парализовал размах спекуляции. Вследствие займов, заключенных различными европейскими государствами под давлением войны, раз-

мер процента был так высок, что предохранял промышленность от опрометчивых операций и сдерживал кризис. Но разве, говорит «Общество мира», война не подняла хлебных цен? Разве повышение хлебных цен не равносильно уменьшению domestic trade [внутренней торговли], т. е. уменьшению британского потребления промышленных изделий? И разве сокращение *собственного* рынка не является главным элементом кризиса? Прежде всего нужно напомнить, что 1853 г., т. е. год наивысшего расцвета британской торговли, был годом *высоких* хлебных цен и что цены на хлеб в 1854 г. были в среднем *ниже* цен 1853 г.; следовательно, как процветание в 1853 г., так и симптомы кризиса в 1854 г. не могут объясняться состоянием хлебных цен. Оставим, однако, в стороне вопрос о влиянии хлебных цен на промышленность. Каково было влияние войны на хлебные цены? Другими словами: поднялись ли хлебные цены оттого, что прекратился подвоз из России? Из всего количества зерна и муки, ввозимого в Великобританию, русский ввоз составляет 19%, а так как весь ввоз удовлетворяет только около 20% национального потребления, то Россия доставляет едва 2½% того, что нужно для этого потребления. Последний *официальный* отчет, содержащий данные о ввозе зерна и муки из различных стран в Великобританию, был опубликован в начале ноября 1854 г. и дает сравнительную таблицу за первые 9 месяцев 1853 и 1854 гг. Оказывается, что весь ввоз пшеницы в 1853 г. составлял 3 770 921 квартер, из которых 773 507 было доставлено из России, а 209 000 из Молдавии и Валахии. Весь ввоз муки составлял 3 800 764 центнера, из которых на долю России приходится 64 и ничего на долю Придунайских княжеств. В 1854 г. — год войны — Великобритания получила из России 505 000 квартеров пшеницы, из Молдавии и Валахии — 118 000. Никто не отважится утверждать, что это сокращение ввоза (уравновешенное к тому же усиленным ввозом муки из других стран) подняло цены на зерно в 1854 г., который выделялся своим *отличным* урожаем, на ту высоту, на какой они были в *плохие* 1852 и 1853 гг. Напротив, и полное отсутствие русского ввоза *не оказало* бы такого влияния. Что остается загадочным, хотя с экономической точки зрения и второстепенным, это — сокращение ввоза из *Придунайских княжеств*. Загадка разрешается просто. Если коалиция блокировала *русские* порты в Черном море только *номинально*, то *реальной* блокаде она подвергла сначала Босфор, а затем устья Дуная, т. е. блокировала Турцию и Придунайские княжества вместо России. Русские крестовые походы против Полумесяца в годы 1812, 1828, 1848 (на этот раз под предлогом подавления *мятежников* в Яссах и

Бухаресте) и 1854 были — кто этого не знает? — отчасти вызваны торговой конкуренцией южно-русских областей с Придунайскими княжествами, с одной стороны, и с Боснией, Сербией и Болгарией, ведшими торговлю по Дунаю, — с другой. Какую же *гениальность* обнаружило в этом случае *английское* министерство, когда оно, чтобы наказать Россию, предоставило свободу торговли Одессе и Таганрогу, но зато наложило руку на торговлю русских конкурентов на Дунае, подвергло их блокаде и тем самым пресекло ввоз в Англию!

III.

Лондон, 16 января 1855 г.

Лондонский «Economist» по поводу нынешнего торгового и промышленного кризиса замечает: «Какое бы ни было сокращение вывоза разных предметов, — оно не распространяется на машины. Стоимость машинного экспорта, вместо того чтобы сократиться, поднялась в 1854 году сравнительно с 1853 г. Таким образом, другие страны пользуются теперь нашими машинами. В этом отношении мы больше не пользуемся никакими преимуществами перед ними. Франция, Германия, Бельгия, Швейцария и Соединенные Штаты являются теперь странами с крупным мануфактурным производством, а некоторые из них имеют преимущество перед нами. Нам предстоит состязание в беге, но оно не может быть успешным, раз у нас связаны ноги. Весь мир убедился из опыта, что ограничения, вводимые в пользу крупных землевладельцев, им же приносят вред; что ограничения, вводимые для блага крупных промышленников, обращаются против них самих; мало-помалу и фабричные рабочие придут к тому убеждению, что законом установленные в их интересах ограничения, могут принести им только вред. Но нужно надеяться, что они придут к этому убеждению раньше, чем упомянутые выше страны, благодаря сделанным ими успехам, вытеснят Англию из ее собственных и чужих рынков и свергнут наших фабричных рабочих в крайнюю нищету.

Г-н Вильсон, — издатель журнала «Economist» и чиновник особых поручений в министерстве финансов миропомazanного и елейного Гладстона, одновременно апостол свободы и карьерист, который на одной странице своего издания отрицает вообще необходимость государства, а на другой в частности доказывает неизбежность коалиции, — г. Вильсон начинает свое поучение с сознательно фальсифицированного факта. Таблицы вывоза заключают в себе две рубрики, относящиеся к вывозу машин. Первая — о локомотивах для железных дорог — показывает, что в 1853 г. их было вывезено на

443 259 ф. ст., в 1854 г. на 525 707, и таким образом, действительно, увеличение составляет 82 448 ф. ст. Например, вторая рубрика, в которую включены всякие машины, — кроме локомотивов, — находящие применение на фабриках, показывает для 1853 г. 1 368 027 ф. ст., для 1854 г. — 1 271 503, таким образом, уменьшение составляет 96 524 ф. ст. При сопоставлении обеих рубрик обнаруживается уменьшение на 14 076 ф. ст. Эта «деталь» очень характерна для господ из манчестерской школы. Настоящий момент они находят удобным для того, чтобы уничтожить существующее в интересах фабричных рабочих «ограничение», а именно ограничение рабочего времени для женщин, для подростков моложе 18 лет и для детей моложе 12 лет. Чтобы достигнуть столь почетной цели, можно, конечно, и сочинить кое-какие цифры. Но, — как свидетельствуют все торговые бюллетени промышленных округов и специальный орган квакера Брайта «Manchester Examiner», — «иностранные рынки, являющиеся обычно каналами, отводящими излишки нашего производства, стонут под тяжестью нашего перепроизводства и сверхспекуляции». Если такое переполнение мирового рынка произошло, несмотря на *импровизированное выступление* двух новых золотых рынков — Австралии и Калифорнии, несмотря на электрический телеграф, обративший всю Европу в одну огромную торговую биржу, несмотря на железные дороги и паровые суда, до невероятности облегчившие сношения, а следовательно и обмен, то как долго пришлось бы ожидать наступления кризиса, если бы крупные фабриканты могли по своему усмотрению вводить 18-часовой рабочий день вместо 11-часового? Подсчет слишком прост, чтобы его нужно было еще производить. Однако это повлекло бы за собой не только *ускоренное наступление* кризиса. Целое рабочее поколение ослабило бы на 50% свою физическую силу, свое духовное развитие и свою жизнеспособность. Та самая манчестерская школа, которая на это соображение ответит словами поэта [Гете]:

Sollte diese Qual uns quälen,
Da sie unsere Lust vermehrt?¹

оглашает Англию стенаниями по поводу тех человеческих жертв которых требует война с Россией и вообще всякая война!

Через несколько дней мы услышим, как господин Кобден будет в Лидсе протестовать против взаимной резни христиан. Через

¹ [Если мука влечет улады,
Кто б терзаться ею стал?]

несколько недель мы услышим его протест в парламенте против тех «ограничений», которые задерживают слишком быстрое изнашивание детей на фабриках. Считает ли он из всех героических подвигов уместным лишь подвиг Ирода?

Мы согласны с манчестерской школой в том, что содержащиеся в законах принудительные ограничения рабочего времени не служат показателем высокого уровня общественного развития. Но вину этого мы усматриваем не в законах, а в тех обстоятельствах, которые делают их необходимыми.

IV.

Лондон, 22 января 1855 г.

Канцлер казначейства Робинсон, как известно, открыл парламент в 1825 г. патетической речью, посвященной неслыханному подъему торговли и промышленности. Несколько недель спустя Английский банк едва не был вынужден приостановить свои платежи наличными деньгами. С того времени Робинсон, с легкой руки Коббета, получил прозвище «Процветающего Робинсона». Так как в Англии очень чтут исторические прецеденты, то Процветающий Робинсон не мог не иметь последователей. Тронная речь, открывшая последнюю чрезвычайную сессию парламента, поздравляла страну с чрезвычайным преуспеванием в области сельского хозяйства, промышленности и торговли. А ведь уже исчезла даже *видимость* всего того, что могло в какой бы то ни было степени ослепить Робинсона. Министерские поздравления составляют, по видимому, необходимую часть церемониала и официально предупреждают о потрясениях мирового рынка. Но в настоящий момент молчание печати еще удивительнее, чем речи министров. Или печать полагает, что, дав обет молчания, она может «заморить» торговый кризис, подобно тому как литературные клики в Париже «морят» неугодные им книги, замалчивая их? Но о кризисе говорят индексы цен, говорят списки банкротств в «Gazette», наконец письма «деловых друзей». Скоро заговорят и газеты. За последнюю неделю многие торговые дома в Сити приостановили свои платежи; между ними выделяются, как наиболее значительные, фирма Лонерган и К^о, ведущая торговые операции с Испанией и Вест-Индией, фирма Роджерс, Лаурей и К^о, работающая с Манчестером и прилегающим к нему фабричным округом, Котерингтон и К^о, связанная с Америкой, наконец фирма братьев Ауберциус, принадлежащая к числу старинных и почтенных фирм. Долговые обязательства этих домов составляют в среднем от 100 до 150 тысяч фунтов стерлингов. На этой неделе

ожидается приостановка платежей, по крайней мере, семи крупных торговых домов в Сити.

Из одного делового письма из Бирмингема, помеченного 20-м января, приведем следующие подробности о состоянии промышленности в южном Стаффордшире: «За исключением предприятий железнорудной промышленности, занятых по заданию правительства производством военных материалов, прочие предприятия имеют лишь незначительные заказы, да и то по крайне пониженным ценам. Одну тонну полосового железа можно купить теперь за 8 фунтов 10 шиллингов, тогда как в середине лета ее цена была 12 фунтов стерлингов; но и по такой цене едва находятся покупатели, вследствие чего приходится сократить производство. В Соединенных Штатах Северной Америки немногие из крупных отраслей промышленности пострадали более, чем железная индустрия. Почти все большие железнорудные заводы, на которые были затрачены огромные суммы, выбросили своих рабочих на мостовую без перспективы на скорый прием их обратно. Можно сказать, что потребление железа в Америке почти прекратилось, и оттуда не приходится ожидать заказов. В последнюю субботу многие рабочие, занятые (в Бирмингеме) на оловянных заводах, были рассчитаны, и еще больше получают расчет сегодня (20 января). Рабочие на рудниках и латунных заводах находятся не в лучшем положении, так как в большинстве этих предприятий продолжительность работы сокращена. На фабрики готового платья заказы поступают очень скудно, и коммивояжеры, объезжающие клиентуру для сбора заказов на весну, шлют крайне неутешительные сообщения. Состояние денежного рынка попрежнему тяжело отражается на всех областях торговли. Банки в высшей степени убыточным образом взвинчивают учетный процент, и в настоящий момент процветает только одно дело — ссуда денег. К мелким ростовщикам стремится поток просителей, и вексельные дисконтеры собирают обильную жатву».

ЧЕТЫРЕ ПУНКТА.

I.

Лондон, 9 января 1855 г.

Венская телеграмма, сообщившая о принятии Россией четырех пунктов, вызвала, с одной стороны, повышение консолей на здешней бирже — был момент, когда они поднялись на $2\frac{1}{2}\%$ над субботним уровнем, с другой — настоящую панику на рынках сала, растительных масел и семян, где близкое заключение мира послужило бы сигналом к целому ряду банкротств. Но сегодня в деловых кругах Сити, считающих, что переговоры относительно четырех пунктов явятся просто продолжением переговоров о «Венской ноте», возбуждение улеглось. По мнению преданной министерству «Morning Chronicle», было бы *преждевременно* говорить о действительном принятии Россией требуемых гарантий. Россия лишь выразила готовность приступить к переговорам на основе четырех пунктов в том толковании, какое им дали все три державы. «Times», усматривая в данном случае победу западной политики, говорит по этому поводу: «Мы должны самым решительным образом отвергнуть предположение, будто настоящая война должна повлечь за собою так называемый пересмотр европейской карты, — будь то путем завоеваний или революций, в которых наша страна совершенно не заинтересована». «Союзники, — говорит «Morning Post», — достаточно сделали для того, чтобы с честью вернуться с театра военных действий, если только их условия будут приняты». По мнению «Daily News», Россия, возобновляя переговоры, ставит себе целью укрепить веру Пруссии в ее (России) умеренность, раздуть вражду между немецкими государствами и поколебать позицию, занятую западными державами по отношению к Австрии. Важна, по мнению газеты, лишь дополнительная статья к четырем пунктам, согласно которой договор о Дарданеллах от 13 июня 1841 г. должен быть пересмотрен «в смысле ограничения русских морских сил на Черном море»; в Сити уже поговаривали о том, что правительство готово отказаться от этой статьи. Наконец, «Morning Advertiser» утверждает, что Россия приняла свое последнее решение по уговору с Австрией, чтобы дать ей возмож-

ность освободиться от обязательств по отношению к западным державам. Как явствует из только что поступившей телеграммы, переговоры не приостановят военных операций.

II.

Лондон, 12 января 1855 г.

Слух о безусловном принятии Россией «четырёх пунктов» в том толковании, какое им дают «три» державы, оказался просто «уткой» «Morning Post» и «Times'a». Мы тем более были склонны верить этой выдумке, что, как мы узнали из секретной телеграммы Поццоди-Борго, ставшей, однако, известной после варшавского восстания, этот ловкий дипломат устанавливает следующий принцип: «России, при всех коллизиях, должны быть *навязаны* европейскими великими державами лишь *ее собственные условия*». Мы можем поэтому в упомянутых «четырёх» пунктах усмотреть только «четыре» русских тезиса. Если же Россия временно их не принимает, то объяснение этому мы находим также в заявлении Поццоди-Борго.

Россия, — говорит он, — могла бы пойти на такие мнимые уступки Западу только в том случае, если бы ее военный фронт одержал победу. Это необходимо для сохранения «престижа», на котором покоится ее мощь. Однако до сих пор Россия, хоть и развернула «фронт», но не добилась «победы». Если бы пала Силестрия, «четыре пункта» были бы уже давно выставлены. Как уверяют «Times» и «Morning Post», «четыре пункта» в толковании «трех держав» были положены в основу переговоров в качестве минимума, из которого можно исходить. Теперь выясняется, что князь Горчаков смотрит на них как на проблематический максимум, который, наоборот, подлежит только урезыванию, или как на нечто такое, что дает повод к созыву второй «Венской конференции». В широковещательной передовице, имеющей характер дипломатического прорицания, «Morning Post» заверяет нас сегодня, что встречи дипломатов в Вене явятся лишь подготовительной школой к действительной конференции, которая соберется только 1 февраля и, конечно, не преминет в той или другой мере поразить мир.

Вчера в здании Ллойда было вывешено следующее объявление адмиралтейства: «Ссылаясь на последний параграф моего заявления от 3 ноября 1854 г., в котором сообщалось, что французский и английский адмиралы в Черном море получили приказ распространить блокаду, установленную над устьями Дуная, на все гавани Черного

и Азовского морей, находящиеся еще в обладании врага, я должен, во исполнение приказа лордов адмиралтейства, поставить вас в известность, — для осведомления коммерческих кругов, — что упомянутая блокада начнется с 1 февраля 1855 г. и что в лондонской «*Gazette*» будет сообщаться о блокаде каждой гавани в отдельности, как только соответствующее постановление вступит в силу. — Подпись: В. А. Б. Гамильтон». Здесь открыто признано, что союзные флоты до сих пор блокировали в устьях Дуная только собственных союзников, а отнюдь не русский флот в Черном и Азовском морях. Между тем министерство многократно повторяло, — в апреле, в августе, в октябре, — что оно самым строгим образом «приказало» блокировать русские берега и гавани. Еще в декабре лорд Гренвилль от имени правительства заявил в Верхней палате, что «Одесса блокируется пятью военными судами, которые постоянно маневрируют перед гаванью и посылают непрерывные донесения правительству». В письме, адресованном в одну газету, один известный английский памфлетист следующим образом резюмирует последствия принятых или, скорее, не принятых коалицией мер блокирования: «1) Английское правительство снабжает врага Англии денежными средствами для продолжения войны против нее. 2) Дунай блокируется для того, чтобы разорить Придунайские княжества и приостановить ввоз хлеба в Англию. 3) Одесса, Таганрог, Керчь и т. д. не испытывают никакого ущерба и доставляют крымским частям военные подкрепления, боевое снаряжение и провиант. 4) Мнимая блокада разоряет наших купцов, обогащая в то же время греческих, русских и австрийских».

В связи с заявлением Гамильтона «*Times*» также подвергает резкой критике «блокадную дипломатию» министерства. Для громовержца из Принтингхауз-сквера характерно, что его грома разражаются всегда *post factum* [после события]. С 26 марта 1854 г. до настоящего времени «*Times*» защищал «блокадную дипломатию». Теперь, когда поднимаемым им шумом он не наносит никакого вреда министерству, а в то же время увеличивает свою популярность, он внезапно становится ясновидящим.

Морской министр, или, как его здесь называют, первый лорд адмиралтейства, сэр *Джеймс Грехем*, достаточно известен по своим подвигам в черном кабинете, пославшем *братьев Бандьера* на эшафот. Менее известен тот факт, что тот же Грехем в 1844 г., когда царь Николай вступил на английский берег, не посмел пожать, а поцеловал протянутую ему царскую руку. (См. «*Portfolio*», вторая серия, 1844 г.)

III.

Лондон, 15 января 1855 г.

«В области дипломатии ничего более не произойдет до 1 февраля (по словам венского корреспондента «Times'a» — до 5 или 6 февраля). В распоряжении царя оказывается, таким образом, целый месяц, в течение которого он может двигать свои войска повсюду, куда захочет. Месяц, который Россия выигрывает, принимая четыре пункта, может превратиться в два месяца; на протяжении этого времени каждый из пунктов будет подвергаться систематическому оспариванию, — в этом смысле русский посол, вероятно, получил надлежащие инструкции, — и в то же время будут делаться всемерные усилия к тому, чтобы выговорить условия, удовлетворяющие Австрию, но неприемлемые для Франции и Англии. Разделить три державы — вот наиболее правдоподобная цель». Так говорит «Morning Post». Однако более существенным, чем эти гадания английской печати о скрытых намерениях России, является открытое (за исключением, разумеется, министерских органов печати) признание ею того, что положенные в основу переговоров четыре пункта не стоят обсуждения.

«Когда борьба началась, — пишет «Sunday Times», — всех пытались уверить, что дело идет о том, чтобы либо сломать русскую империю, либо добиться, по крайней мере, материальных гарантий, обеспечивающих сохранение европейского мира. Для достижения той или другой цели ничего не сделано и не будет сделано, раз мир должен быть заключен на основе так называемых четырех пунктов. Если здесь может идти речь о триумфе, то лишь о триумфе, которого добилась Россия». «Министерство всех бездарностей, — говорится в передовой, — никак не в силах преодолеть этих четырех пунктов. Оно вполне заслуживает того, чтобы потомство назвало его министерством четырех пунктов. Но довольно этой наскучившей комедии — войны без цели! Мир на основе четырех пунктов может быть заключен только из боязни, как бы в шуме войны не усилилось слишком значение самих народов; а, может быть, также для того, чтобы помешать англичанам вернуть снова те права, которые Кромвель для них завоевал. Одно это могло бы явиться мотивом, достаточным для того, чтобы восстановить путем заплат былой *заговор* с Россией и снова предоставить ей возможность, под прикрытием мирного флага, возобновить свои нападения в Европе».

В «Examiner», который среди буржуазных еженедельников, бесспорно, занимает первое место, помещена обстоятельная статья по вопросу об «основе» для мирных переговоров. Сущность этой

статьи в кратких словах сводится к следующему. «Если, — говорится в ней, между прочим, — те уступки, какие могут быть сделаны на основе самого строгого истолкования четырех пунктов, должны рассматриваться как эквивалент за материальные потери, понесенные Англией в этой войне, и за пролитую ею кровь, то русский царь, начиная войну, оказался великим государственным человеком. Россия не должна даже платить никакой пени за те крупные суммы, которые она выжимала из нас, не соблюдая Венского договора. Устье Дуная, которое она, как это явствует из недавно опубликованных официальных данных, всеми средствами стремилась закрыть для английской торговли, должно остаться в ее руках. Пункт относительно свободы судоходства по Дунаю практически приводит к ранее существовавшему «status quo», так как Россия никогда не отрицала, что постановления Венского договора, касающиеся речного судоходства, относятся и к Дунаю. Уничтожение Кайнарджийского и Адрианопольского договоров ничего не дает, так как, по общему мнению, эти договоры отнюдь не оправдывают тех требований, которые Россия предъявляет Турции. Если, с другой стороны, мы примем во внимание, что Россия должна быть одной из тех пяти держав, которые призваны совместно осуществлять протекторат над Придунайскими княжествами и христианскими подданными султана, то придем к заключению, что ожидаемые от такого изменения выгоды совершенно обманчивы, так как махинациям России, направленным к *разделу Турции*, это изменение придает *легальный* характер, а это обстоятельство, бесспорно, принесет лишь огромный вред. Нам могут, конечно, напомнить, что в четырех пунктах заключается, между прочим, постановление о пересмотре договора 1841 г. — и о таком именно пересмотре, который согласуется с идеей о равновесии держав. Но эта формула слишком неопределенна и таинственна; а кроме того, как недавно на это указывалось, мы никоим образом не можем быть уверены в том, что предполагаемое изменение не будет в гораздо большей степени угрожать независимости нашей союзницы (Турции), чем господству нашего врага... Мы отвергли бы, как абсолютно невероятную, всякую возможность такого «основания», какое, по видимому, в настоящее время дебатировалось в Вене, если бы лорд Джон Россель, в ответ на речь Кобдена, не заявил в торжественной форме, что правительство отнюдь не желает лишить Россию какой бы то ни было из ее территорий».

Это последнее указание является по существу решающим, так как, например, даже свобода судоходства по Дунаю может быть

обеспечена лишь в том случае, если Россия потеряет в дунайских устьях «территорию», которой она завладела отчасти в силу Адрианопольского договора и с нарушением Лондонского договора 1827 г., отчасти в силу февральского указа 1836 г. с нарушением Адрианопольского договора. Пункт, который «Examiner» обходит молчанием, относится к договору 1841 г. о Дарданеллах. Этот договор отличается от договора 1840 г., заключенного Пальмерстоном, только тем, что в нем в качестве договаривающейся стороны появляется и *Франция*. Содержание же их одинаково.

Еще несколько месяцев тому назад лорд Пальмерстон заявил, что договор 1840 г., *творцом* коего он, по его же собственным словам, является, равно как договор 1841 г. знаменуют собою победу Англии над Россией. Каким же образом *уничтожение* договора, принесшего Англии победу, может внезапно обратиться в поражение, нанесенное той же Англией России? Или, если Англия тогда была введена в заблуждение своими собственными министрами и полагала, что она выступает *против* России, тогда как она выступала *за* нее, — то почему и теперь этого нет? В последнем чрезвычайном заседании парламента Дизраэли воскликнул: «Никаких четырех пунктов!» Из приведенных выше выдержек явствует, что восклицание Дизраэли встретило отклик и в либеральной прессе. Недоумение по поводу принятия Россией, с оговоркой или без оговорки, четырех пунктов начинает уступать удивлению тому, что Англия их предложила.

ПИВНЫЕ ХОЗЯЕВА И ВОСКРЕСНЫЙ ПРАЗДНИК. — КЛАНРИКАРД.

Лондон, 19 января 1855 г.

На столбцах «Morning Advertiser» очень живо обсуждается теперь вопрос о том, правильно ли упрекают коалиционное министерство в «глупости»? Исходя из своей точки зрения, что между министерством и Россией существует тайное соглашение, Уркарт удачно защищает министерство от упрека в бездарности.

«Morning Advertiser» — своеобразное явление в лондонской прессе. Являясь собственностью «Общества защиты патентованных пивных хозяев», созданный в благотворительных целях для оказания помощи сиротам, ветеранам и банкротам пивного дела, — этот орган по своему распространению занимает второе, после «Times», место среди лондонских ежедневных изданий. Этим он, конечно, обязан не своей редакции, во главе которой стоит некий Грант, бывший стенограф. Грант женился на дочери крупного представителя «Общества защиты» Хомера, или великого Хомера, как называют его пивные хозяева. А великий Хомер сделал своего маленького зятя главным редактором «Morning Advertiser». Так как общество располагало возможностью наводнить этим изданием все трактиры, и даже многие «гостиные», то материальная база для него была налажена. Но своим влиянием издание обязано тому обстоятельству, что оно вовсе не редактируется, а, напротив, представляет собою род говорильного зала, в котором высказывается каждый посетитель из публики. Этому органу, как не равному по происхождению, закрыт вход в круг «респектабельной» лондонской прессы; в отместку за это он время от времени предоставляет свои столбцы между прочим и довольно крупным писателям, которые не продали себя ни одной партии.

От «Morning Advertiser» к *пиву* и последнему *пивному закону* Вильсона Паттена — один шаг. Этот *coup d'état* [государственный переворот] церковников вызвал не мало смеха и показал, что шекспировские типы еще не перевелись во второй половине XIX века. Но в этом деле имеется и серьезная сторона, а именно то *удивление*, с

которым массы встретили попытку церкви вмешаться в гражданскую жизнь и регулировать ее. Отчуждение масс от церкви столь велико, что они считают такого рода попытки со стороны церкви только «шутками», которые нужно встретить отпором, когда они становятся назойливыми.

Церковная партия, не сознавая своего положения, возымела дерзость организовать вчера в Ноттингеме митинг, на котором она предложила отправить в парламент петицию с ходатайством о закрытии трактиров не только в течение установленного Вильсоном Паттеном времени, но и в продолжение всего воскресного дня. Огромное число рабочих было против этого предложения. После бурного заседания значительным большинством была принята следующая поправка, предложенная одним фабричным рабочим Хеттоном: «просить парламент о закрытии в воскресные дни всех церквей и часовен».

Уверяют, что лорд Линдхерст, по открытии парламента, сформулирует в Верхней палате все обвинения, выдвигаемые против министерства. В сессии 1853—1854 гг., как известно, маркиз Кланрикард был мнимым («wouldbe») лидером антирусской оппозиции среди пэров. Но те письма, с которыми он и его сын, лорд Денкеллин, по случаю его освобождения из-под ареста в России обратились к царю Николаю, естественно положили конец этому лидерству. Дуглас Джерольд, известный юморист, говорит в «Lloyd's Paper» по поводу письма Денкеллина следующее: «Николай, по мнению лорда Денкеллина, действительно великий человек на том изумительном основании, что он лорда Денкеллина отпустил на свободу! — Я называю тебя великим потому, что ты меня завоевал, — говорит великанша, обращаясь к Тому-Карлику, — но тут ведь карлик превращает царя в великого человека».

Кто познакомился с «Синими книгами», опубликованными в 1841 г. и трактующими о турецко-египетских делах, и узнал из них о роли, которую маркиз Кланрикард, в качестве посла, играл при русском дворе, тот узнал также, что его антирусские тирады в Верхней палате принадлежат к особому роду оппозиции, которую проводит принципиально всякий виг, как только бог не посылает ему никакого государственного поста.

К КРИТИКЕ ОСАДЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Лондон, 19 января 1855 г.

Сэр Говард Дуглас выпустил новое издание своей известной книги «Naval Gunnery» [«Морская артиллерия»], дополнив ее данными последней войны. Основываясь на опыте этой войны и на официальном, одному ему известном материале, он доказывает, что флот бессилен в борьбе против крепостных бастионов, если только эти бастионы правильно построены и правильно защищаются; что бомбы не могут повредить прочно построенной каменной стены; что пробить бреши в таких башнях и фортах, какими располагают Бомарзунд и Севастополь, можно только обстрелом из тяжелых, по меньшей мере 32-фунтовых осадных орудий, т. е. старым испытанным путем, тогда как судовыми орудиями, вследствие ненадежного прицела, нельзя пробить бреши без того, чтобы не подвергнуть судно опасности разрушения. Что же касается в частности крымской кампании, то Дуглас, несмотря на все свое пристрастие к английскому командованию и на занимаемое им официальное положение, приходит к выводу, что экспедиция в Крым в окончательном итоге представляется ошибочным шагом.

Но разве громовержец из «Times» не возвестил сенсационной новости о том, что после 40-часовой канонады Севастополь подвергнется *штурму*? Он узнал «об этом из надежного источника, — но для того, чтобы это сообщение не стало известно русским, он не все рассказывает о событии, которое как раз в эти дни (см. номера от 26 до 31 декабря) должно произойти. Не подлежит сомнению, что на этих днях Севастополь будет взят».

Все дело в следующем. «Times», как известно, яростно напал на билль об иностранных легионах, так как о нем он узнал одновременно со всеми смертными. Газета неистовствовала против министерства. Чтобы заставить ее замолчать, министерство из трусости бросило ей подачку — новость о штурме Севастополя, причем оно выдало за положительный военный план лишь мнение, высказанное генералами применительно к известным обстоятельствам и при наличности известных условий. Что французские газеты, в

качестве полуофициальных органов, сообщали о том же, не вызывает удивления, так как это было накануне 500-миллионного займа. Что «Times» поддался на удочку — также понятно: эта газета верит всякому сообщению, которое она получает на сутки раньше другой газеты.

Положение в Крыму мало улучшилось. В то время как у французов потери от болезней сравнительно незначительны, кавалерийское дело поставлено удовлетворительно, а пехота бодрa и деятельна, — потери британцев попрежнему составляют ежедневно 40 — 50 убитых и 150 раненых и больных. У английской артиллерии нет лошадей; кавалерия спешена, для того чтобы ее лошади пришли в негодность от перевозки тяжелых орудий у Балаклавы. Погода меняется каждые два-три дня, и дожди сменяются легкими морозами; в результате, слякоть не прекращается. Так как все транспортные средства заняты под снабжение армии, которое является задачей первостепенной важности, то пушки и боевые припасы не могут быть доставлены на возвышенные места. Между тем траншеи уже приблизились к неприятельским укреплениям; возведена третья линия, которую нельзя вооружить, тогда как необходимо защищать ее против вылазок.

Как близко расположены траншеи к наиболее уязвимым местам, нельзя сказать, так как сообщения об этом, не имеющие к тому же официального характера, противоречивы. По одним сведениям их отделяет расстояние в 140 или 150 ярдов; по французским источникам это расстояние составляет не менее 240 ярдов. Между тем французские батареи, вполне пригодные к работе, вынуждены бездействовать, так как, в результате беспорядочной и совершенно бесполезной ноябрьской канонады, боевые запасы сильно истощились, и повторить такой обстрел теперь было бы нелепо. Таким образом, русские имели и имеют достаточно времени для того, чтобы не только исправить все причиненные им разрушения, но и построить новые укрепления, — и это они делают с таким рвением, что в настоящее время Севастополь укреплен более, чем когда-либо. Теперь, когда различные оборонительные линии взяты и находящиеся за последней обводной стеной большие каменные дома города превращены в редуты, возможность решительного штурма совершенно исключается. Если осада снова возобновится, то придется начинать все сначала, — с тем лишь различием, что ныне батареи значительно приблизились к городу и, следовательно, могут действовать более уверенно. Но какой ценой куплено это преимущество! Именно непосильный труд по обороне так далеко выдвинувшихся траншей и вызвал

заболевания в британской армии, так как заставлял солдат бодрствовать больше, чем нужно. К тому же русские довольно энергично производили вылазки, которые, если не всегда удачные, всегда бывали достаточны для того, чтобы изнурить и без того утомленного врага.

Между тем турецкая армия постепенно прибывает в Евпаторию, откуда она должна повести наступление на Симферополь и одновременно иметь наблюдение за северным участком Севастопольского района. Эта операция, совершенно отделяющая турок от англо-французской армии и создающая таким образом две отдельные армии, является новой стратегической ошибкой, которая дает русским возможность разбить каждую армию в отдельности. Но она была неминуема. Еще ошибочнее было бы увеличить количество войск на маленьком Гераклеиском Херсонесе.

Таковы последствия знаменитого «флангового балаклавского марша»,

ЦЕЛЬ ПЕРЕГОВОРОВ. — ПОЛЕМИКА ПРОТИВ ПРУССИИ. — СНЕЖНЫЙ БУНТ.

Лондон, 23 января 1855 г.

Западные державы заявили, что венские переговоры ни на одно мгновение не приостановят военных операций. Какую *чисто военную выгоду* может извлечь Россия из этих мнимых переговоров? На этот вопрос, поставленный газетой «Sun», можно дать следующий ответ. Первоначальный гарнизон Крыма состоял из пятого армейского корпуса и части шестого. Четвертый корпус прибыл за несколько дней до битвы под Балаклавой. В настоящий момент третий корпус находится в Крыму. Восьмая дивизия прибыла 18 декабря в Бахчисарай; а седьмая дивизия вместе с первой дивизией драгунов, 240 пушками и четырьмя казачьими полками остановились у Перекопа. Легкая кавалерийская дивизия, входящая в состав третьего армейского корпуса, выдвинута к Евпатории, которую она имеет под своим наблюдением. Таким образом, примерно половина русской *активной* армии (не считая резервов) расположена в Крыму или в гарнизонах Одессы, Херсона, Николаева, а часть второго корпуса (Панютин) должна подойти к ней на помощь.

Какова действительная сила этих 12 пехотных и 6 кавалерийских дивизий, после огромных переходов и потерь, понесенных ими в неудачном походе, — нельзя, конечно, сказать, так как мы не знаем, были ли эти потери восстановлены. Но, во всяком случае, мы должны определить эту силу, по крайней мере, в 100 тысяч боеспособных единиц, не считая солдат, морской пехоты и матросов, которые могут находиться в Севастополе. Факт такой значительной концентрации армии в Крыму, — армии, составляющей по меньшей мере четвертую часть всех военных сил России, — показывает, как важно для царя Николая втянуть Австрию в новые переговоры, пока снова не будут пополнены все вызванные последними передвижениями пробелы в русской волыньско-подольской армии.

Опубликование последних прусских, австрийских и французских телеграмм используется накануне обычного парламентского заседания точно так же, как договор 2 декабря был использован

накануне чрезвычайного парламентского заседания. Министерским органам печати оказалось очень на-руку, что на критику, направленную против английского морского командования, они смогли ответить нападениями на прусскую дипломатию. Среди них «Globe» и «Daily Chronicle» особенно выделялись ожесточенной полемикой против Пруссии.

«Снежный бунт», происшедший здесь в прошлое воскресенье, доказывает лишний раз, что назойливое вмешательство церковной партии и проведенный ею под сурдинку через парламент билль о более строгом соблюдении воскресного праздника толкают английский народ на озорные и издевательские демонстрации. В этот день, во время утренней церковной службы, на Трафальгарском сквере, вблизи церкви св. Мартина, собралась толпа в 1 500 человек. Она тешилась тем, что забрасывала снежками омнибусы, дрожки, пешеходов. Церковную службу пришлось из-за шума, поднятого вблизи дверей храма, совершенно приостановить. Прибывшая на место полиция сейчас же сделалась предметом главного нападения. Через несколько минут после своего прибытия часть констеблей уже была лишена возможности обозревать поле сражения, так как на их плечах, шляпах и т. п. высились кучи снега. Солдаты, намеревавшиеся отправиться из церкви в казармы, вынуждены были отступить, и их английский флегматизм подвергся тяжкому испытанию. Пришлось экстренно выслать вспомогательный отряд в 100 констеблей. Полиция, наконец, прибегла к дубинкам, и дело дошло до горячих схваток. Четверо зачинщиков были схвачены и отправлены в полицейский участок, несмотря на все попытки вырвать их из рук блюстителей порядка на Чандоустрите и Россельстрите. Вчера они предстали перед полицейским магистратом в Боустрите. Представители церкви св. Мартина также явились для дачи показаний. Каждый из героев был приговорен к штрафу в 40 шиллингов или к тюремному заключению на две недели, и на этом кончается летопись «снежного бунта».

Утверждение принца де-Линь, таким образом, опровергнуто: принц, как известно, во время нидерландского восстания отказал Иосифу II в содействии под тем предлогом, что стоит зима, а снег и восстание друг друга исключают...

КРИЗИС КАБИНЕТА.

I. ОТКРЫТИЕ ПАРЛАМЕНТА.

Лондон, 24 января 1855 г.

Вчера открылись заседания парламента. Граф Элленборо заявил в палате лордов, что в пятницу 1 декабря он даст официальную справку о численности посланных в Крым войсковых частей, — пехотинцев, кавалеристов и матросов, — равно как и о числе убитых, раненых, заболевших и вообще выбывших из строя. Герцог Ричмонд запросил министра войны, почему при распределении почетных медалей сражавшиеся под Балаклавой были обойдены. Не только участники балаклавских боев, но вообще все находящиеся на Черном море матросы, в боях не участвовавшие, должны получить почетные медали. Так герцог Ньюкестль, министр войны, «покрыл» карту герцога Ричмонда. А последний вместе с графом Элленборо и Гардуиком доказали уже давно установленное Адамом Смитом положение, что стоимость «предметов фантазии» и, следовательно, почетных медалей обратно пропорциональна их массе. После столь «серьезных» дебатов, длившихся полчаса, лорды разошлись.

В палате общин был большой наплыв депутатов. Но ожидания не оправдались. Дизраэли отсутствовал, и выступал сэр Бенджамин Холль. Заседание, открывшееся в без четверти четыре, закрылось раньше шести. Обыкновенно дивятся тому благородному спокойствию, с каким римский сенат принял весть о поражении при Каннах. Но английские коммонеры превзошли римских *patres conscripti* [сенаторов]. При взгляде на их физиономии нельзя было поверить, что английские армии погибают в Крыму. Повидимому, санитарное состояние крымской армии и побудило сэра Бенджамина Холля внести два билля об улучшении положения полиции здравоохранения в Англии.

Сэр Бенджамин Холль — один из тех так называемых радикалов, которые принадлежат к разновидности Вильяма Мольсворта, Осборна и К^о. Радикализм этих господ выражается в том, что они требуют для себя министерских постов, хотя они, с одной стороны, не принадлежат к олигархии, а с другой — не обладают

плебейскими талантами. Но одно простое сидение их в министерстве — уже радикальный факт. Так уверяют их друзья. Поэтому, когда летом 1854 г. холера стала сильно свирепствовать в Англии и «коллегия по здравоохранению», находившаяся под контролем министра внутренних дел Пальмерстона, оказалась здесь так же недееспособной, как медицинский департамент в лагере под Севастополем, — коалиция сочла этот момент удобным для создания нового министерского поста, назначения самостоятельного председателя коллегии здравоохранения, и решила усилить свою позицию привлечением «радикального» сэра Бенджамин Холля.

Таким образом, сэр Бенджамин Холль стал министром здравоохранения. После того как в «Gazette» было сообщено об этом, холера, правда, не исчезла из Лондона, но зато со столбцов «Punch» исчез некий Тэйлор, высмеивавший коалицию и русского царя: Бенджамин Холль назначил его секретарем коллегии здравоохранения с содержанием в 1 000 фунтов. Как радикал, сэр Бенджамин Холль предпочитает и радикальное лечение. О достоинствах его биллей можно будет поговорить, когда они будут внесены. Вчера же они только дали ему повод для его первого министерского выступления в Нижней палате.

На запрос Лайярда, «не возражает ли правительство против ознакомления палаты с перепиской с иностранными державами по поводу договора 1852 г. и в частности с переданными Англией и Францией русскому правительству документами, которые имеют отношение к истолкованию четырех пунктов, предложенных не для переговоров, а для принятия», — лорд Джон Россель ответил, что он не знает, будет ли возможно представить какой бы то ни было из запрошенных документов. Это было бы противно парламентским обычаям. Что же касается истории с четырьмя пунктами, то он может сообщить своему достопочтенному другу в общих словах следующее. В конце ноября Россия уведомила через Горчакова о принятии ею так называемых четырех пунктов. Затем последовал договор 2 декабря. А 28 декабря в Вене состоялась встреча Горчакова с послами Англии, Франции и Австрии. Французский посол прочел от имени союзников документ, толковавший четыре пункта. Это толкование должно было рассматриваться как основа для переговоров. В третьем пункте предлагалось положить конец господству России на Черном море. Горчаков не согласился с таким толкованием и заявил, что намерен обратиться к своему правительству за инструкциями. Спустя десять дней, Горчаков сообщил графу Буолю, что инструкции им получены. 7 или 8 января состоялась новая встре-

ча в канцелярии австрийского министра иностранных дел. Горчаков прочел меморандум, содержащий изложение взглядов его правительства. Граф Буоль, лорд Вестморленд и барон Буркенз заявили, что они не уполномочены принять меморандум. В основу переговоров должно быть положено упомянутое толкование четырех пунктов. Тогда Горчаков спрятал свой меморандум и принял интерпретацию как основу для переговоров. Но Россия, — прибавил Россель, — хотя и принимает такую «основу», сохраняет, однако, за собой право оспаривать в ней «каждый пункт», как только она будет сформулирована в виде статей (а не только в виде пунктов). Английское правительство заявило, что оно согласно вступить в переговоры на вышеуказанном основании. «Но до сих пор оно еще не дало своему послу полномочий на переговоры». Последнее сообщение и есть то единственно новое, чем Россель поделился с коммонерами.

Важнейшим моментом в парламентском заседании было заявление Робека о том, что «в ближайший вторник он предложит образовать особую комиссию для исследования численности и положения армии под Севастополем и образа действий правительственных органов, на которых лежала обязанность удовлетворять потребности армии». «Times» умоляет Робека «громко кричать и никого не щадить». Как мольба «Times'a», так и прошлое господина Робека не в силах вполне рассеять подозрение в том, что Робек будет кричать или, скорее, кряхтеть, чтобы не дать говорить другим. Терсит, насколько мы знаем, никогда не был использован Улиссом; но виги, которые, пожалуй, не менее хитроумны, чем Улисс, используют Робека.

II. ПОЯСНЕНИЕ К КРИЗИСУ КАБИНЕТА.

Лондон, 26 января 1855 г.

Когда гонец султана Мелик-шаха прибыл в Аламоот и потребовал от Гассан-бен-Саббаха, чтобы тот сдался, то вместо ответа «старец с горы» указал на одного из своих «фейдави» [верных], которому он приказал убить себя. Юноша тотчас вонзил себе кинжал в грудь и бездыханный пал на каменный пол. Так и «старец» из коалиции потребовал от лорда Джона Росселя, чтобы тот убил себя в палате общин. Россель, этот старый парламентский человеколюбец, который заповедь «люби ближнего, как самого себя», всегда толковал в том смысле, что «всякий себе ближе всех», предпочел убить «старца». Мы не обманулись в Робеке. Свое предложение он внес по уговору с Росселем, дабы при неизбежном кораблекрушении спасти «лучшую часть» груза — вигов.

В самом деле, предложение Робека было направлено не против министерства, а против «департаментов», которым непосредственно поручено ведение войны, т. е. против «пилитов». К тому же было ясно, что Россель не напрасно заявил при открытии заседания, что предполагаемая основа для переговоров вовсе не есть основа, раз Россия оставила за собой право оспаривать каждый из четырех пунктов, и что самые переговоры не суть переговоры, раз английский кабинет еще никого не уполномочил на их ведение. Как только Рсбек внес свое предложение, — это было во вторник, — Россель вечером того же дня написал «старцу», что цель предложения — выразить недоверие военному департаменту (пилитам), и посему он должен вручить свою отставку. Эбердин поехал к королеве в Виндзорский замок, посоветовал ей принять отставку; совет был принят. Мужество «старца» стало понятно, когда сделалось известно, что Пальмерстон в отставку не подал.

Нижняя палата узнала об этих важных событиях во время заседания в четверг. Она отложила заседание до сегодняшнего вечера, а Рсбек отложил свое предложение. Члены Нижней палаты бросились в Верхнюю палату, где ожидалось объяснения Эбердина. Но последний был достаточно сметлив, чтобы, под предлогом поездки в Виндзор, не явиться в палату. Здесь герцог Ньюкестль рассказал ту же сказку, какую Пальмерстон рассказал в Нижней палате. В это время виги Нижней палаты с ужасом узнали, что их план разгадан и что отступление им отрезано. Тории же отнюдь не были склонны снова предоставить вигам, за счет пилитов, ту привилегию, на какую они притязали в качестве «небеснорожденных арендаторов Великобританской империи». Поэтому они побудили лорда Линдхерста внести предложение, которое, в противоположность предложению Робека, предъявляло формальные обвинения не отдельным департаментам министерства, а всему министерству.

Это предложение дословно гласило так: «Во вторник 2 февраля я внесу заявление о том, что, по мнению палаты, крымская экспедиция была предпринята министрами ее величества при крайне недостаточных средствах и без надлежащей предусмотрительности или необходимого обследования вопроса о характере и размере ожидаемого со стороны врага сопротивления и что нерадивость и дурное руководство в ведении кампании привели к самым несчастным последствиям».

Нельзя, конечно, сомневаться в том, что предложение Линдхерста в той же мере направлено против вигов, в какой предложение Робека направлено против сторонников Эбердина. Заметим кстати:

лорд Джон Россель дал знать Нижней палате через Хайтера, что при первом же случае, — следовательно, уже сегодня вечером, — он изложит причины своей отставки. «Кто ничего не ждет, тот не обманывается».

Как сообщают лондонские телеграммы от 26 и 27 января, лорд Джон Россель, излагая парламенту причины своей отставки, сослался, между прочим, на переписку между ним и лордом Эбердином, в которой он, Россель, настаивал на необходимости произвести перемены в руководящих органах управления. По его мнению, плачевное положение крымской армии неоспоримо, но, несмотря на весь свой деловой опыт, он не может отыскать причину бедствия. Лорд Пальмерстон, подвергнув критике мотивы, побудившие Росселя подать в отставку, признал, однако, что войну нужно вести с величайшей энергией. Он утверждал, что все суда были надлежащим образом использованы для транспорта воинских частей и для доставки платья и провианта в Крым, и требовал формального вотума доверия или недоверия правительству. Речь Робекса, имевшего явно болезненный вид, неоднократно прерывалась знаками одобрения на всех скамьях палаты. В Верхней палате лорд Эбердин заявил, что, несмотря на уход своего коллеги, пользующегося большим влиянием, министры считают своим долгом высказаться против предложения о назначении комиссии расследования.

III. ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕЛА.

Лондон, 27 января 1855 г.

Облик и тон вчерашнего заседания Нижней палаты дают ясное представление о степени падения английского парламента.

К четырем часам пополудни, т. е. к началу заседания, зал был переполнен, так как ожидался «скандал» — объяснения лорда Росселя о причинах его отставки. Но как только закончились «личные дебаты» и началась деловая часть заседания по поводу предложения Робекса, возмущенные патриоты поспешили к обеденному столу. Зал заседаний опустел: кое-где раздавались призывающие крики: «голосование, голосование!» Наступила критическая пауза, длившаяся до тех пор, пока военный министр Сидней Герберт не поднялся и не приступил перед пустующими скамьями к чтению пространного, обстоятельно составленного доклада. После этого насытившиеся члены парламента стали постепенно возвращаться и занимать места. Когда Лайард начал свою речь, — это было в половине десятого вечера, — налицо было 150 депутатов; когда он ее кончил, — приблизительно

за час до закрытия заседания, — зал был снова переполнен. Однако конец заседания напоминал собою парламентский полуденный отдых.

Лорд Джон Россель, все достоинства которого могут быть сведены к одному — к сохранению рутины в парламентской тактике, — произнес свою речь не с трибуны спикера, как это принято в таких случаях, а с третьей, расположенной за министерскими креслами, скамьи, на которой восседают недовольные виги. Он говорил тихим, сильным голосом, растягивая слова, как всегда с дурным английским произношением и оказываясь часто в антагонизме с английским синтаксисом. (Между прочим: не надо отождествлять речи, напечатанные в газетах, с речами, как они произносятся.) Обыкновенно ораторы прикрывают убогое содержание речи хорошим ее изложением. У Росселя плохое содержание сопровождается еще худшим изложением. Та манера, с которой он говорил, являлась как бы извинением в том, что он говорил. И в самом деле, было в чем извиняться! В прошлый понедельник он еще не думал об отставке; но уже во вторник, как только Робек сообщил о своем намерении внести предложение, он счел ее неизбежной. Это напоминает того лакея, который ничего не имел против лжи, но у которого пробуждалась совесть, когда эта ложь раскрывалась.

На каком основании мог он возражать против предложения о парламентском расследовании, как того требовал от него как от министра, руководящего палатой, прямой долг? На том, что зло не так велико, чтобы требовалось расследование. Никто не может отрицать грустного положения дел под Севастополем. Оно не только мучительно, оно ужасно и раздирает душу. Или он мог заверить парламент в том, что комиссия расследования бесполезна, так как для борьбы со злом применены лучшие средства? Этот вопрос был щекотливым, потому что Россель за принятие таких мер был ответственен не только как член министерства, но еще особенно как председатель Тайного совета.

Россель признает, что он дал согласие на назначение герцога Ньюкестля «верховным» военным министром. Он не может отрицать, что меры к снабжению армии продовольствием, к ее обмундированию и к обслуживанию медицинской помощью нужно было принять, по крайней мере, в августе и сентябре. Что же он, по его собственному признанию, делал в этот критический период? Он разъезжал, произносил речи в литературных кружках и издал переписку Чарльза-Джемса Фокса. В то время как он ездил по Англии, Эбердин разъезжал по Шотландии, и с августа до 17 октября кабинет ни разу не собирался. На его последнем заседании лорд

Джон, по его собственным словам, не предлагал ничего такого, что заслуживало бы внимание парламента.

Тогда лорд Джон снова берет себе целый месяц на размышление. 27 ноября он направляет Эбердину письмо, в котором предлагает пост министра войны (*die Stelle des Ministers für den Krieg*) соединить с постом военного министра (*Secretary at War*) и поручить обе должности лорду Пальмерстону, — другими словами, сместить герцога Ньюкестля. Эбердин отклоняет это предложение. Россель снова пишет о том же в письме от 28 ноября. Эбердин совершенно справедливо указывает в своем ответном письме от 30 ноября, что предложение Росселя направлено лишь к тому, чтобы заменить одно лицо другим — герцога Ньюкестля Пальмерстоном. Но когда министерство колоний было отделено от военного министерства, Россель охотно предложил последнее герцогу Ньюкестлю, чтобы ввести в министерство колоний одного из вигов — именно сэра Джорджа Грея. Эбердин затем лично запросил Росселя, желает ли он внести свое предложение в совет министров. Россель отказался от этого, не желая, как он выразился, «ломать министерства». Итак, на первом плане министерство, на втором — крымская армия.

Никаких мер для смягчения зла, по признанию Росселя, не было принято. Вся реформа военного управления свелась к тому, что комиссариат был подчинен министру войны. Тем не менее, хотя меры и не были приняты, Россель спокойно оставался в министерстве, и с 30 ноября 1854 г. до 20 января 1855 г. не вносил никаких дальнейших предложений. В минувшую субботу Эбердин предложил Росселю проект реформы военного управления, но Россель нашел его недостаточным и внес в письменном виде свои контрпредложения. Лишь спустя три дня он, ввиду оглашенного Робертом заявления, счел нужным подать в отставку, так как не был намерен разделять ответственность с тем кабинетом, с которым разделял бремя управления. Он, Россель, якобы слышал, что Эбердин никогда не решился бы назначить Пальмерстона диктатором военного министерства; а раз это так, то он, уподобляясь Курцию, мог только поздравить себя с тем, что не напрасно оставил министерство и ринулся в вязшую пропасть оппозиции. Таким образом, лорд Джон, катясь все ниже по наклонной плоскости, рассеял последние предлоги своей отставки, заявив: 1) что перспективы войны совсем не таковы, чтобы дать повод для господствующих безотрадных настроений; 2) что Эбердин — великий министр, Кларендон — великий дипломат, Гладстон — великий финансист; 3) что партия вигов состоит не из гонящихся за постами карьеристов, а из патриотических мечтателей,

и, наконец, что он, Россель, воздержится от голосования предложения Робека, хотя он вышел из министерства будто бы именно потому, что патриот *ничего* не может возразить против этого предложения. Речь Росселя была принята еще более холодно, чем была произнесена. От имени правительства выступил Пальмерстон. Его положение было смешным. Курций-Россель уходит, потому что Эбердин не хочет назначить Пальмерстона военным диктатором. Брут-Пальмерстон обрушивается на Росселя за то, что в минуту опасности он покидает Эбердина.

В этом смешном положении Пальмерстон чувствовал себя прекрасно. Оно помогло ему прибегнуть к приему, который он обычно пускает в ход в критические моменты, чтобы превратить серьезное положение в фарс. Когда Пальмерстон упрекнул Росселя в том, что он еще в декабре не принял героического решения, Дивраэли, — не скрывающий, по крайней мере, своей радости по поводу гибели венецианской конституции, — громко рассмеялся, а Гладстон, специализировавшийся на серьезности, вероятно прошептал все пьюэитские¹ молитвы, чтобы громко не расхохотаться. Пальмерстон заявил, что принятие предложения Робека повлечет за собой падение кабинета. Если же предложение будет отвергнуто, то кабинет займется вопросом о своем собственном преобразовании (со включением вопроса о диктатуре Пальмерстона).

Великий волшебник — этот Пальмерстон! Стоя одной ногой в гробу, он умеет, однако, убедить Англию в том, что он — *homo novus* [новый человек] и что его карьера только начинается! Занимал в течение *двадцати лет* пост военного министра и известный только своей защитой системы физических наказаний и продажи мест в армии, — он смеет теперь выдавать себя за человека, одно имя которого способно уничтожить недостатки целой системы. Из всех английских министров единственный, — много раз в парламенте изблеченный, и особенно серьезно в 1848 г., как *русский агент*, — он смеет выдавать себя за человека, который один только и способен повести Англию на войну с Россией. Великий Пальмерстон!

О прениях по поводу предложения Робека, отсроченных до понедельника, в следующий раз. Последнее так ловко поставлено, что враги министерства готовы голосовать за него, хотя находят его нелепым, а сторонники министерства высказываются за него, хотя голосовать будут против. Заседание Верхней палаты не представляло

¹ Пьюэизм (трактарианство) — течение в англиканской церкви XIX в., стремившееся к сближению с католичеством. *Ред.*

особенного интереса. К заявлению Росселя Эбердин ничего не прибавил, кроме своего изумления: Россель будто бы изумил весь кабинет.

IV. ИЗ ПАРЛАМЕНТА. — С ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

Лондон, 29 января 1855 г.

Наше суждение об английском парламенте находит себе сегодня подтверждение в английской печати. «Английский парламент, — говорит «Morning Advertiser», — снова собрался и разошелся в первый же вечер под хохот, который был противнее, чем шутка идиота над гробом своего отца». «Times» также вынужден заметить: «Несомненно, только немногие, прочитав отчет о заседании, состоявшемся в пятницу, не будут охвачены мрачным чувством. Это чувство, как показывает анализ, вызвано сознанием, что наш законодательный корпус, созванный по чрезвычайному поводу для рассмотрения самых серьезных вопросов, отдал предпочтение посторонним делам перед важнейшими задачами, личным и партийным интересам посвятил часы, которые всецело надлежало отдать вопросу об отчаянном положении нашей крымской армии». Пользуясь этим случаем, «Times» советует назначить Пальмерстона премьер-министром, так как для военного министра он «слишком стар». Эта же газета советовала начать крымскую экспедицию в такое время года и с такими военными силами, которые, по утверждению сэра Говарда Дугласа, наиболее крупного военного критика в Англии, почти гарантировали неудачу.

Для характеристики заседания, состоявшегося в пятницу, можно привести еще один дополнительный штрих. Хотя Ребек, давно страдающий хронической болезнью, и вынужден был оборвать свою речь через десять минут после ее начала и прямо перейти к своему предложению, однако у него было достаточно времени, чтобы сформулировать роковой вопрос: Мы послали на восток хорошо вооруженную армию в 54 000 человек; из них осталось 14 000; что стало с *недостающими* 40 тысячами? Как ответил на этот вопрос военный министр Сидней Герберт, великий покровитель английских пиетистов, трактарианцев? Никуда не годится система. Но кто противодействовал какой бы то ни было коренной реформе системы несколько месяцев тому назад, когда было проведено отделение министерства войны (Ministeriums für den Krieg) от колониального министерства? Сидней Герберт и его коллеги. Не довольствуясь спасительной ссылкой на «систему», Сидней Герберт, кроме того, обвиняет командиров бригад и полков в полной неспособности. Но кто знаком с системой, тот знает, что командиры не имеют никакого отношения к управлению,

а следовательно, и к его недостаткам, жертвой которых, по общему теперь признанию, стала образцовая армия. Однако благочестивому Герберту недостаточно было исповедаться в *чужих* грехах. Английские солдаты, по его словам, тяжелы на подъем. Они — ненаходимы. Они, правда, храбры, но глухи.

Zuschlagen, da sind sie respectabel,
Denken gelingt ihnen miserabel.¹

Он же, Сидней Герберт, и его коллеги — непризнанные гении. Удивляться ли тому, что проповедь Герберта разволновала чудака Дрюммонда и вызвала с его стороны вопрос, не наступило ли время приостановить действие конституции в Англии и назначить диктатора? Вернон Смит, бывший министр из вигов, дал классическое выражение общей путанице, заявив, что он не знает ни того, чего, собственно, хочет автор предложения, ни того, что он сам должен делать, — не знает, образуется ли новое правительство и существовало ли когда-нибудь старое, и что поэтому он не намерен голосовать за предложение. «Times» полагает, однако, что сегодня вечером предложение будет принято.² 26 января 1810 г. предложение лорда Порчестера об учреждении комиссии по расследованию вальхеренской экспедиции встретило отпор в английском парламенте. Аналогичный отпор наблюдался и 26 января 1855 г. Но 29 января 1810 г. предложение прошло, а Англия — страна исторических прецедентов.

Формальное согласие России на мирные переговоры позволило ей оттянуть из наблюдательной армии, расположенной на австрийской границе, такое количество войск, какое можно было восполнить в 8 — 10 недель, т. е. по меньшей мере от 60 до 80 тысяч. Мы знаем теперь, что вся бывшая (русская) дунайская армия, как таковая, перестала существовать, так как четвертый корпус с октября находился в Крыму, третий корпус прибыл туда в конце декабря, а остаток пятого корпуса, вместе с кавалерией и резервами, находится на пути в Крым. Новое распределение этих войск, которые должны быть заменены на Буге и Днестре войсками из западной армии (расположенной в Польше, Волыни и Подолии), и тот факт, что части второго корпуса и резерва кавалерии также направляются в Крым, уже сами по себе объясняют, — независимо от всех прочих дипломатических соображений, — почему Россия, ни минуты не колеблясь, снова согласилась вести переговоры на так называемой «основе». Срок в два или три месяца имеет для нее важнейшее зна-

¹ [Они на драку мастера, но рассуждать им не под силу].

² Оно прошло. — *Примечание редакции «Neue Oder-Zeitung».*

чение, так как ее армия, растянутая по длинной линии от Калиша до Измаила, лишенная подкреплений, не в силах более противостоять австрийской армии, численно все более возрастающей. Чтобы доказать это, приведем следующие данные о силе русской армии, действующей на юге и западе; данные эти почерпнуты из лучших источников и скорее переоценивают, чем недооценивают ее мощь. Она состояла вначале из шести армейских корпусов, из которых каждый имел 48 батальонов, из двух отборных корпусов (гвардейцев и гренадеров), силой каждый в 30 батальонов, с относительно большим числом кавалерии — регулярной и нерегулярной — и артиллерии. Русское правительство призвало резервы, чтобы сформировать четвертый, пятый и шестой батальоны отборных войск и пятый и шестой батальоны других армейских корпусов. Вслед затем оно, путем нового набора, влило в каждый полк по седьмому и восьмому батальону, — так что число батальонов линейного корпуса удвоилось, а для отборных войск более чем удвоилось.

Приблизительный подсчет этих военных сил дает следующие цифры: *гвардейцы и гренадеры* — четыре первых батальона на полк, 96 батальонов по 900 человек, всего 86 400 человек; четыре последних батальона на полк, или 96 батальонов по 700 человек, всего 67 200 человек; *первый и второй* корпуса (не бывшие еще в действии) — четыре первых батальона на полк, или 96 батальонов по 900 человек, всего 86 400 человек; четыре последних батальона на полк, или 96 батальонов по 700 человек, всего 67 200 человек; *третий, четвертый, пятый и шестой* корпуса — четыре первых батальона на полк, или 192 батальона по 500 человек, всего 96 000 человек; четыре последних батальона на полк, или 192 батальона по 700 человек, всего 134 400 человек; *Финляндский корпус* — 14 400 человек, итого 784 батальона, 552 000 человек; *кавалерия* (регулярная) — 80 000 человек; *кавалерия* (нерегулярная) — 46 000 человек; *артиллерия* — 80 000 человек. Общий итог 758 000 человек. До сих пор потери несли только 96 действующих батальонов 3, 4, 5 и 6-го корпусов.

За вычетом первой дивизии 5-го корпуса, находящейся на Кавказе, остается 750 000 человек. Их расположение следующее. На берегах Балтийского моря находится под командой генерала Сиверса балтийская армия, образованная из Финляндского корпуса и резервных частей гвардии, гренадеров и шестого корпуса; вместе с кавалерией и т. д. она составляет около 135 000 человек, из которых часть образована из необученных рекрутов и наспех сколоченных батальонов. В Польше и на галицийской границе, от Калиша до Каменца, стоят гвардия, гренадеры, первый корпус, вторая дивизия шестого

корпуса, кое-какие гренадерские резервы и первый корпус, вместе с кавалерией и артиллерией, — всего около 235 000 человек. Этой наиболее отборной частью русской армии командует Горчаков. В Бессарабии, а также между Днестром и Бугом, расположены две дивизии второго корпуса с частью резервов, всего приблизительно 60 000 человек. Они составляли часть западной армии. Но после того, как дунайская армия была отправлена в Крым, они должны были занять место последней, для чего они были выделены из западной армии и выставлены против австрийской армии под командованием генерала Панютин. Для защиты Крыма предназначены: третий и четвертый корпуса, две дивизии шестого корпуса с резервами, по дивизии от третьего и пятого армейских корпусов, находящиеся в пути, — всего вместе с кавалерией 170 000 человек под командой Меншикова. Из остатка резервов и вновь образованных батальонов, — в особенности первого, второго, третьего, четвертого и пятого корпусов, — формируется большая резервная армия под командой генерала Чаадаева. Она составляет силу приблизительно в 150 000 человек и сконцентрирована внутри России. Какая часть этой армии направлена в Польшу или на юг, неизвестно.

Следовательно, в то время как Россия в конце прошлого лета располагала на своих западных границах от Финляндии до Крыма армией в 500 000, она теперь имеет там 600 000 человек, кроме резервной армии в 150 000. Несмотря на это, Россия в отношении Австрии теперь слабее, чем раньше. Тогда, в августе и сентябре, Россия имела в Польше и Подолии 270 000 человек; армия на Пруте, Днестре и Дунае составляла 80 000 человек, — всего армия в 350 000 человек, которая могла оперировать против Австрии. Теперь она располагает лишь 295 000 человек, которым Австрия противопоставляет 320 000 человек; кроме того, она может послать им на помощь от 70 до 80 тысяч из Богемии и Моравии. Поэтому Россия *в настоящий момент* не в силах предпринять наступательную операцию; а это значит, что в такой открытой стране, как Польша, при отсутствии речных рубежей между двумя армиями, русские войска вынуждены отступить на такие позиции, которые можно удержать. Если бы Австрия начала теперь наступление, то она должна была бы расколоть русскую армию на две половины, из которых одна отступала бы на Варшаву, другая на Киев; между ними лежали бы непроходимые подольские болота, которые тянутся от Буга до Днестра. Вот почему *в настоящий момент* вопрос о выигрыше времени является для России решающим. Вот где и источник ее «дипломатических соображений».

**ПАДЕНИЕ КОАЛИЦИОННОГО
МИНИСТЕРСТВА**

К МИНИСТЕРСКОМУ КРИЗИСУ.

Лондон, 2 февраля 1855 г.

Вчера вечером, после того как Пальмерстон внес формальное заявление об отставке министерства, парламент снова закрылся. Лорд Эбердин в Верхней палате произнес надгробное слово «кабинету всех талантов». Он высказался против предложения Робекана не потому, что подчиненные ему административные органы боятся расследования, а потому, что это предложение нарушает конституцию. Эбердин, однако, уклонился от исторической иллюстрации своего утверждения, как это сделал его друг Сидней Герберт; последний спросил Нижнюю палату, намерена ли она последовать примеру французской директории (учрежденной в 1795 г.), выславшей комиссаров для ареста Дюмурье, — комиссаров, которых, как известно, в 1793 г. Дюмурье выдал Австрии.

Шотландский тан воздерживается от обнаружения такой образованности. Его кабинет, — уверяет Эбердин, — мог бы только выиграть от назначения комиссии расследования. Он идет дальше. Он предвосхищает результаты расследования, слагая похвальную речь в свою честь и в честь своих коллег, — сначала военного министра, затем канцлера казначейства, потом морского министра и наконец министра иностранных дел. Каждый из них на своем посту был велик, каждый был талантом.

Что касается военного положения Англии, то состояние крымской армии, правда, неприятное, но Бонапарт уверял Европу, что французская армия насчитывает 581 000 человек; к тому же он распорядился произвести набор 140 000 человек. Сардиния предоставила в распоряжение лорда Раглана 15 000 отборных бойцов. Если бы мирные переговоры в Вене оказались безуспешными, то в дело была бы пущена крупная военная сила в 500 000 человек.

Шотландский тан, во всяком случае, не страдает тем пороком, каким страдал известный экономист и историк Сисмонди, который, по его собственному признанию, одним глазом видел все в черном свете. Эбердин обоими глазами видит только розовые цвета. Так, он усматривает в настоящий момент во всех округах Англии цветущее

благосостояние, тогда как купцы, фабриканты и рабочие утверждают, что они переживают тяжелый торговый кризис. Частичку той аттической соли, которую у шотландского тана прославлял еще лорд Байрон, Эбердин высыпает на своего противника, лорда Дерби: «Уважаемые лорды! Чего теперь требует страна, это — сильной власти. Но не мне говорить о том, как создать такую власть. Общественная молва гласит, будто лорд Дерби получил от ее величества поручение взять на себя составление кабинета. Но так как я вижу, что лорд Дерби занимает свое обычное место, то я догадываюсь, что этого еще нет и циркулирующие в обществе слухи неверны».

Чтобы понять всю аттическую тонкость этих слов, необходимо выслушать ответ лорда Дерби. «Благородный граф Эбердин недооценивает источник, из которого он почерпнул свои сведения. Не общественная молва, а он сам (Дерби), раньше чем отправиться в палату лордов, лично сообщил Эбердину о предложении, которое он получил от королевы. Ссылка на слухи, внушившие благородному графу уверенность в том, будто он (Дерби) имел свидание с ее величеством, является просто оборотом речи, к которому благородный граф прибегает вследствие присущей ему боязни преувеличений и желания беспристрастно осветить каждую деталь своего поведения». Пользуясь этим случаем, Дерби попутно заметил, что, при существующем сейчас соотношении партий и положении Нижней палаты, он не считал возможным взять на себя образование министерства.

Разъяснения военного министра, герцога Ньюкестля, и набросанная им картина внутренних отношений, царящих в «согласной семье», отвлекли внимание как публики, присутствовавшей в Верхней палате, так и самих паров не только от крымской армии, но и от министерского кризиса. Сообщение лорда Джона Росселя в Нижней палате, — говорит герцог Ньюкестль, — вынуждает его высказаться относительно своего положения в павшем кабинете. Изложение Росселя не отличалось ни полнотой, ни правдивостью. Россель представил дело так, будто он, при отделении военного министерства от министерства колоний, лишь уступая «настойчивому желанию» герцога Ньюкестля, согласился на передачу герцогу военного министерства. Напротив, когда совет министров решил произвести это отделение, он (Ньюкестль) заявил: «что касается его лично, то он готов взять на себя любое из двух министерств, либо не брать ни одного из них». Он не помнит, чтобы Россель выражал когда-нибудь желание поручить лорду Пальмерстону военное министерство, но вспоминает, что Россель сам собирался взять его. Он (Ньюкестль) в этом отношении никогда не думал стоять ему на дороге.

Он принял пост военного министра в полном сознании того, что в случае успеха — последний не будет приписан ему, а в случае неудачи — на него посыплются упреки. Но он считал своим долгом не отказываться от этого неблагодарного поста в столь опасную и тяжелую минуту. Одни называли эту решимость «дерзостью»; лорд Россель в явно покровительственном тоне называл ее «похвальным честолюбием». По словам Ньюкестля, лорд Россель намеренно *скрыл* от палаты общин следующее место из письма Эбердина к благородному лорду: «Я сообщил содержание вашего письма герцогу Ньюкестлю и Сиднею Герберту. Оба они, как и следовало ожидать, энергично настаивали на том, чтобы я в отношении их постов принял такие решения, какие наиболее отвечают интересам общественного блага». Он (Ньюкестль) сделал графу Эбердину следующее устное заявление: «Не давайте лорду Росселю повода выйти из кабинета. Не противьтесь его желанию устранить меня с занимаемого поста. Поступайте со мною так, как того требует общественный интерес». В палате общин лорд Россель загадочно намекал на ошибки, о которых сообщал в письме к Эбердину. Он поостерегся прочесть в палате соответствующие выдержки из этого письма. Первая касается непосылки 97-го полка из Афин в Крым; но министр иностранных дел считал недопустимым и опасным вывоз из Афин английских войск. Что касается второй ошибки — отказа от посылки 3 000 новобранцев, — то лорд Раглан протестовал против дальнейшей отправки столь молодых и недисциплинированных солдат. Кроме того, в тот момент ощущался недостаток в паровых транспортных судах. Эти две мнимые ошибки — все, что Россель высидел во время своего лечения на минеральных водах, где он находился вместе со своими коллегами, тогда как он (Ньюкестль) в течение всего 1854 г. неизменно находился на своем посту. Впрочем, по поводу этих «ошибок» Россель ему самому писал 8 октября: «Вы сделали все, что было возможно, и я исполнен самых горячих надежд на успех». Эбердин, впрочем, представил совету министров доклад Росселя относительно персональных перемен. Доклад был единодушно отвергнут. 13 декабря он (Ньюкестль) выступил в палате лордов с обстоятельной защитой своего ведомства; 16 декабря Россель заявил Эбердину, что он изменил свою точку зрения и отказался от намерения произвести персональные перемены. Предложений относительно реформ военной администрации Россель никогда не внесил — за исключением двух случаев. За три дня до отставки Росселя и предложения Робекса происходило заседание совета министров. Россель предложил придать формальный и официальный

характер тем совещаниям начальников военных департаментов, которые с некоторого времени стали созываться в канцелярии военного министра. Предложение Росселя было принято. Вскоре после этого Россель вошел с письменным докладом, в котором, кроме нововведения, уже одобренного советом министров, заключалось еще два предложения: 1) образовать Высшее бюро, во главе с министром войны, которое поглотило бы бюро приказов и контролировало все гражданское управление армии; 2) привлечь в это бюро, кроме начальника военного департамента, двух высших офицеров. Россель заявил в Нижней палате, что он имел все основания полагать, что его «письменные предложения» будут отвергнуты. Это неправда. Первое предложение было принято герцогом Ньюкестлем; второе отвергнуто, между прочим, потому, что «генеральный комиссар», которого Россель хотел привлечь в бюро, стал мифической фигурой уже несколько лет тому назад и его в английской армии более не существует. Таким образом, Россель никогда не вносил такого предложения, которое не было бы принято. К тому же он (Ньюкестль) уже 23 января заявил графу Эбердину, что, каково бы ни было решение парламента относительно правительства, он выйдет из кабинета. Он только не хотел дать повода думать, что бежал раньше, чем парламента вынес свое суждение.

Лорд Джон Россель, вся жизнь которого, по словам старого Коббета, была сплошным рядом «мнимых предлогов к жизни», теперь, как показывает речь герцога Ньюкестля, скончался также по мнимому предлогу.

СВЕРГНУТОЕ МИНИСТЕРСТВО.

Лондон, 3 февраля 1855 г.

16 декабря 1852 г. первый пункт бюджета Дизраэли, предлагавший увеличить прямые налоги и прежде всего подомовый сбор, был отвергнут большинством 19 голосов. Кабинет ториев подал в отставку. После десятидневной закулисной борьбы образовалось коалиционное министерство. Оно составилось из части вигов, принадлежащих к олигархии, — клан Греев на этот раз был исключен, — из бюрократии пилитов, некоторой примеси так называемых мэйферских радикалов, — как-то Мольсворта, Осборна, — наконец, из маклеров «ирландской бригады» — Седлера, Киха, Монселля; последние 16 декабря решили дело, и им были поручены второстепенные министерские посты.

Новое министерство само назвало себя «кабинетом всех талантов». Оно на самом деле заключало в себе почти *все* таланты, отложившиеся в правительственных кругах в течение 30 и более лет. «Times» охарактеризовал «кабинет всех талантов» следующими словами: «мы теперь стоим у порога *политического тысячелетнего царства*». И, действительно, «политическое тысячелетнее царство» наступило для правящих классов с того момента, как они открыли, что их партийные группировки растворились, что их внутренние противоречия покоятся только на личных капризах и на тщеславии, а взаимные трения не способны более приковывать к себе национальное внимание. Коалиционное министерство не представляло какую бы то ни было особую фракцию. Оно представляло «все таланты» класса, до сих пор правившего Англией. Важно поэтому очертить его протекшую деятельность.

После падения министерства Дерби парламент был закрыт на рождественские праздники. Затем он снова был закрыт на пасхальные праздники. Лишь после этого началась действительная сессия 1853 г., почти целиком посвященная обсуждению гладстоновского бюджета, билля Чарльза Вуда об Индии и билля Юнга об урегулировании отношений между землевладельцами и арендаторами в Ирландии.

Раньше чем внести свой бюджет на рассмотрение, Гладстон заявил, что необходимо произвести большие операции для уменьшения как неконсолидированного, так и консолидированного государственного долга. Первая операция состояла в том, что он понизил с $1\frac{1}{2}$ до 1 пенса в день процент по свидетельствам казначейства, — понизил как раз в тот момент, когда рыночная норма процента повысилась. Результат операции был тот, что Гладстону сначала надо было выкупить этих свидетельств на 3 миллиона, а затем снова выпустить их по более высокому проценту. Еще значительнее был его эксперимент над огромным консолидированным долгом. Задача, очевидно, заключалась в уменьшении долга. Гладстон оперировал так удачно, что к концу финансового года он вынужден был выкупить на 8 миллиардов свидетельств по ценам *at par*, тогда как по биржевому курсу они стоили лишь 85 процентов. Одновременно с тем Гладстон бросил на биржу новую ценную бумагу — казначейские бонды. От парламента он добился согласия на выпуск этих бумаг на 30 милл. фунтов стерлингов. Но с большими усилиями ему удалось сбыть их на сумму в 400 тысяч фунтов стерлингов. Короче, — его операции по уменьшению долга закончились увеличением капитальной стоимости консолидированного долга и повышением процента неконсолидированного государственного долга.

Бюджет Гладстона — эта гордость коалиции — состоял из самых разнородных элементов. Некоторые из них, — как, например, понижение пошлины на чай, понижение акциза (разница заключается только лишь в том, что Гладстон говорил о мыле, тогда как Дизраэли — о солоде) и повышение прямых налогов, — заимствованы из предшествовавшего бюджета. Другие и более важные статьи, — как то: введение наследственного налога на землю, отмена налога на газетные объявления и т. д., — Гладстон внес по необходимости, так как палата дважды провалила его предложения, шедшие в разрез с упомянутыми. От некоторых статей своего бюджетного плана, — например от нового урегулирования системы патентов, — он должен был совершенно отказаться. То, что при внесении в палату претендовало быть энциклопедической системой, оказалось смесью разнородных и противоречивых статей. Оригинальным остается только один пункт бюджета, уничтожающий штемпельный сбор с газетных приложений; благодаря этому «Times», единственный орган, выпускающий прибавления, сберегает от 30 до 40 тысяч фунтов стерлингов в год. Но тем энергичнее Гладстон настаивал на сохранении штемпельного сбора с основного газетного издания, за что добился особого благоволения со стороны «Times», который, разумеется, желал

бы видеть его в новом министерстве. Вот те великие достижения Гладстона, на которых коалиция держалась в течение всей сессии 1853 г.

Договор с Ост-индской компанией истекал 30 апреля 1854 г. Отношения Англии к Индии должны были быть заново урегулированы. Коалиция хотела продлить привилегии Ост-индской компании на 20 лет. Она этого не добилась. Индия не была отдана компании «в аренду» на новые десятилетия. Сошлись на том, что парламент может в любой момент прислать компании «уведомление о прекращении договора». Этот — единственно важный — пункт билля об Индии был принят *против* желания министерства.

Если исключить некоторые второстепенные изменения в области судопроизводства и открытие всем способным к этому доступа на гражданскую службу и к военно-научным занятиям, то сущность индийской реформы можно свести к следующему: содержание находящегося в Лондоне министра по индийским делам (President of the Board of control) поднято с 1 200 до 5 000 фунтов стерлингов в год. Из общего числа 18 директоров Ост-индской компании 6 будут назначаться правительством, 12 — общим собранием акционеров компании. Содержание этих директоров увеличивается с 300 до 900, а двух распорядителей — с 400 до 1 000 фунтов. Затем пост бенгальского губернатора, вместе с находящейся при нем правящей коллегией, отделяется от поста индийского генерал-губернатора. Равным образом над районом Инда имеет быть назначен особый президент с коллегией. Этим повышением содержания и созданием новых sine-cur ограничивается индийская реформа «кабинета всех талантов».

Билли об отношениях между землевладельцами и арендаторами в Ирландии коалиционное министерство получило от своих торийских предшественников. Не желая отстать от последних, оно незадолго до закрытия сессии, после прений, продолжавшихся десять месяцев, их провело или, правильнее, дало им пройти в палате. Но в Верхней палате Эбердин высказался за то, чтобы предложенные билли были отвергнуты под тем предлогом, что они должны быть приняты в ближайшем заседании, после того как они будут предварительно изучены. Министерские билли, касавшиеся парламентской реформы, народного воспитания, судебной и законодательной реформы и т. д., были, по предложению кабинета, отложены. Великое начинание «всех талантов», — билль по урегулированию вопроса о легковых извозчиках в Лондоне, — стало, правда, законом, но едва этот закон вышел за стены парламента, как пришлось вернуть его обратно для переделки, так как он оказался неосуществимым.

Наконец, 20 августа парламент закрылся. Внешнюю политику кабинета в течение всей сессии Пальмерстон резюмировал в следующих словах, сказанных им на прощание: парламент может спокойно разойтись, потому что «он вполне верит в честность и благородство русского царя», который добровольно считает Придунайские княжества.

Открытое вмешательство Пальмерстона во внешнюю политику во время сессии 1853 г. ограничилось этим заявлением да еще парламентской речью, которую он произнес за несколько дней до закрытия Нижней палаты и в которой он «закупорку» сулинского устья Дуная русскими назвал плохой шуткой, и наконец вынужденным, в заседании 15 апреля 1853 г., — в связи с так называемым коштутовским пороховым заговором, — признанием в том, что он возлагал, по поручению континентальных дворов, на английскую полицию задачу по надзору за политическими эмигрантами.

ПАРТИИ И КЛИКИ.

I.

Лондон, 5 февраля 1855 г.

Длительность нынешнего министерского кризиса более или менее нормальна, так как подобные кризисы в Англии продолжались в среднем 9 — 10 дней.

В своем известном произведении «О способностях человека» Кетле указывает на поразительное явление, а именно, что годовое количество несчастных случаев, преступлений и т. д. в цивилизованных странах может быть заранее установлено с почти математической точностью. Но нормальная длительность английских министерских кризисов, напротив, не заключает в себе ничего разительного: как известно, в этих случаях всегда должен быть пройден определенный круг комбинаций, разрешен вопрос об определенном числе постов и преодолена определенная совокупность интриг. Необычайным является на этот раз только характер комбинаций, который создается разложением старых партий.

Наличие такого разложения сделало образование павшего коалиционного министерства и возможным, и неизбежным. Правящая каста, отнюдь не совпадающая в Англии с классом, будет гоняться то за одной, то за другой коалицией до тех пор, пока на деле не докажет, что она потеряла свое призвание к управлению. Сторонники Дерби, как известно, очень горячо возражали против коалиции. Первым шагом Дерби, после того как королева поручила ему образование нового кабинета, была попытка создать коалицию не только с Пальмерстоном, — которому Дизраэли при обсуждении предложения Робека определенно заявил, что предложенный вотум порицания направлен столько же против герцога Ньюкестля или Эбердина, сколько и против него самого, — но и с Гладстоном, и Сиднеем Гербертом, т. е. со сторонниками Пилля, которых тории особенно глубоко ненавидят и преследуют, считая их ближайшими орудиями разложения партии. С другой стороны, Россель, уполномоченный на образование кабинета, пытался привлечь в коалицию тех самых пилитов, участие которых в старом министерстве дало ему

повод к выходу в отставку и которые в торжественном заседании парламента уличили его во лжи. Наконец, Пальмерстон, если он составит свое министерство, выпустит в свет лишь второе, мало измененное издание старого коалиционного министерства.¹ Россели, принадлежащие к вигам, сменятся, может быть, вигами — Грейми и т. д. Старые парламентские партии, владеющие монополией на управление, существуют только в форме кoterий; но те самые причины, которые не позволяют им образовать партии и стирают различие между ними, лишают их способности к объединению.

Ни одна эпоха в парламентской истории Англии не дала поэтому такого обильного расщепления партий на незначительные и случайные клики, как эпоха коалиционного министерства. В численном отношении выделяются только две клики: дербиты и росселиты. В их орбите находится сильная разветвленная группа могущественных старинных фамилий с многочисленной клиентелой. Но эта численная мощь и является источником слабости как дербитов, так и росселитов. Слишком незначительные для того, чтобы образовать самостоятельное парламентское большинство, они в то же время слишком велики, а число искателей мест в их собственных рядах слишком значительно для того, чтобы они могли обеспечить себе достаточную поддержку путем раздачи ответственных постов. Поэтому численно слабейшие клики, возглавляемые Пилем, Греем, Пальмерстоном и т. д., более приспособлены к образованию коалиционных министерств. Но то, что облегчает им возможность создания кабинета, — именно слабость каждой из них, — делает совершенно случайным их парламентское большинство, которое в любой день может быть сорвано, будь то по соглашению между группами Дерби и Росселя или между сторонниками Дерби и манчестерской школой.

Новые попытки к созданию «министерских комбинаций» интересны также и в другом отношении. Во всех этих комбинациях фигурировали члены старого кабинета. Последняя из них возглавляется виднейшим членом этого кабинета. Но разве палата общин, принимая предложение Робека, направленное против всех членов старой коалиции, как на это указывал сам Пальмерстон в своем ответе Дизраэли, не высказалась не только за вотум порицания, но и за назначение комиссии расследования? Комиссия еще не назначена, расследование еще не началось, а обвиняемые снова становятся у государственного руля. Но если парламент может свергнуть министерство, то министерство может *распустить* парла-

¹ Это в действительности и случилось, — *Ред. «Neue Oder-Zeitung».*

мент. А как перспектива роспуска должна влиять на нынешний парламент, видно из заявления, сделанного сэром Дж. Троллопом в палате общин 1 марта 1853 года: «Уже теперь, — сказал он, — заседает 14 комиссий, выделенных из состава палаты для расследования случаев подкупа, имевших место на последних парламентских выборах. Если продолжать дело в том же направлении, то придется весь парламент разбить на комиссии по расследованию подкупов. Более того, число обвиняемых членов парламента могло бы оказаться столь значительным, что оставшейся вне подозрений горсточкой было бы недостаточно для суда или даже следствия над первыми».

Конечно, было бы тяжело купленные такой дорогой ценой места потерять уже в начале третьей законодательной сессии... из-за одного лишь патриотизма.

II.

Лондон, 6 февраля 1855 г.

Общественное внимание поглощено в настоящий момент двумя кризисами: кризисом, переживаемым крымской армией, и кризисом кабинета. Первый занимает народные массы, второй — клубы и салоны. Согласно последним сведениям из Крыма, составленным в мрачных тонах, английские военные силы сократились с 14 до 12 тысяч человек, и в скором времени предполагается снятие осады Севастополя. Тем временем Нижняя палата обсуждает дела, источник которых — в салонных интригах. Лорд Россель и Гладстон занимают целое заседание подробными соображениями за и против выхода «великого Росселя» из кабинета, которого уже более не существует. Новых фактов никто не приводит, высказываются лишь по поводу старых. Лорд Джон является своим собственным адвокатом, Гладстон выступает в роли адвоката герцога Ньюкестля. Внимательное исследование вопроса о годности последнего на амплуа военного министра приобретает особую забавность в связи с тем, что армии, которой надо было бы управлять, более не существует. Даже нынешняя палата общим знаменитым традиционным хрюканьем выразила свое неудовольствие, когда Гладстон, в заключение своей солидной речи, сказал, что он «желал бы, чтобы все недоразумения (между Росселем и герцогом Ньюкестлем) были аннулированы».

Итак, ни вотум недоверия палате, ни гибель английской армии не составляют причину министерского кризиса; лишь «недоразумение» между старым лордом и молодым герцогом — вот сущность этого кризиса. Крым, это — не больше, как предлог для салонной интриги. Недоразумение между министерством и палатой общин не

заслуживает и упоминания. Даже такой палате подобное отношение показалось слишком нестерпимым. Провалился Россель, провалился Гладстон, провалилось и все заседание.

Обеим палатам было сообщено, что образование нового министерства поручено лорду Пальмерстону. Но последний столкнулся с неожиданными препятствиями. Лорд Грей отказался взять на себя руководство войной, которую он не одобрял с самого начала, не одобряет и сейчас. Какое это счастье для армии, дисциплину которой он, наверное, разрушил бы, как разрушил в свое время дисциплину в колониях! Но Гладстон, Сидней Герберт и Грехем также не дали безоговорочного согласия. Они потребовали полного восстановления пилитов. Эти государственные деятели сознают, что составляют незначительную клику, располагающую в палате приблизительно 32-мя голосами. Надеяться на сохранение своей самостоятельности такая клика может лишь в том случае, если сохранит сплоченное единство своих «великих» талантов. Положение, когда одна часть руководящих пилитов *вступила* бы в кабинет, а другая оставалась бы *вне* кабинета, было бы равносильно упразднению этого высокопробного клуба государственных деятелей.

Пальмерстон рискнул на крайнее средство: как раньше он «октроировал» себя королеве, так теперь он вознамерился «октроировать» себя парламенту, где он не располагает своей партией. Еще кабинет его не образован, а он уже угрожает в «Morning Post» апелляцией к народу. Он угрожает палате роспуском в случае, если она посмеет «отказать ему в том уважении, каким он пользуется вне Вестминстерского дворца, в народной массе». Этот «народ», правда, ограничивается группой газет, целиком или наполовину ему принадлежащих. Там же, где народ действительно дает себя слышать, — как, например, на митинге в Ньюкестле-на-Тайне, пославшем петиции в парламент о предании министерства суду, — там Пальмерстона разоблачают как тайного руководителя скончавшейся коалиции.

Еще несколько слов, дополняющих некролог «кабинету всех галантов». 30 ноября 1853 г. произошли события под Синопом. 3 декабря о них стало известно в Константинополе. 12 декабря представители держав вручили Порте ноту, которая требовала для России больше уступок, чем пресловутая Венская нота. 14 декабря английский кабинет телеграфировал в Вену, что синопские события не должны приостанавливать Венскую мирную конференцию. Лорд Пальмерстон присутствовал на том совещании министров, которое приняло это решение. Он его одобрил, но на следующий день вышел из министерства под тем предлогом, что выработанный Росселем проект

реформ противоречит его консервативному мировоззрению. Но истинная цель заключалась в том, чтобы «умыть руки» и предстать перед публикой ни в чем не повинным за синопские события. Как только цель эта была достигнута, он сейчас же вновь вступил в кабинет.

В начале февраля парламент снова открывается. Ему представлены будто бы все дипломатические документы, касающиеся восточных дел. Важнейшие бумаги отсутствуют. Парламент получает их от императора Николая, вместо того, чтобы получить их от британских министров через Петербург. Из опубликованной в этих документах «секретной и доверительной корреспонденции» изумленный парламент узнает, что в течение всей сессии 1853 и 1854 гг. министры его намеренно дурачили по вопросам иностранной политики. Он принуждает министров 26 марта объявить войну. 6 февраля Пальмерстон заявил, что он внесет билль о призыве временного ополчения в Шотландии и Ирландии. Но как только война объявлена, он отсрочивает свой проект и до конца июня не вносит его. 17 февраля Россель вносит свой билль о реформах, откладывает второе чтение билля до конца апреля, в марте с сокрушением берет его обратно; а его коллеги за принесенную им жертву вознаграждают его тем, что создают для него, бывшего до сих пор, так сказать, экстраординарным министром, без департамента и без жалованья, платную синекуру в виде председательствования в Тайном совете. 6 марта великий финансист Гладстон вносит свой бюджет. Он ограничивается удвоением подоходного налога на ближайшие шесть месяцев. Он требует «лишь такой суммы, которая была бы достаточна, чтобы вернуть 25 000 человек, которые намерены оставить Англию». Но от этой заботы его освободил теперь его коллега герцог Ньюкестль. Уже 8 мая он вынужден внести второй билль. 12 апреля он высказывается против государственного займа, а 21 апреля предлагает парламенту одобрить заем в 6 миллионов, необходимых для покрытия расходов по неудачному опыту конверсии государственных долгов. 7 апреля лорд Грей произносит речь о недостатках английского военного управления. 2 июня министерство пользуется этим случаем, — как оно пользовалось вопросом об Индии и вопросом о холере, — чтобы создать новый пост. Военное министерство отделяется от министерства колоний. Все прочее остается по-старому.¹

¹ Конец статьи — о провале семи биллей коалиционного министерства — опущен. См. ранее стр. 50, четвертый абзац. *Ред.*

ПАДЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ЭБЕРДИНА.

Лондон, 2 февраля 1855 г.

В летописях представительного правления нет другого такого случая, когда министерство было бы столь позорно отставлено, как был отставлен прославленный «кабинет всех талантов» в Англии. Любой кабинет может остаться в меньшинстве; но получить меньшинство в 148 голосов против 305, — и получить его в такой организации, какой является английская Нижняя палата, — могла только коллегия гениальных голов, которой руководил се chef [этот милый] Эбердин.

Кабинет, конечно, знал, — как только собрался парламент, — что дни его сочтены. Скандальные события в Крыму, полное поражение армии, беспомощность всех органов, имеющих отношение к руководству армией, ропот недовольства в стране, усиленный выпадами «Times'a», твердая решимость Джона Булля узнать наконец, кто является виновником происшедшего, или, по крайней мере, выместить на ком-нибудь свое раздражение, — всего этого было достаточно, чтобы показать кабинету, что настал его час и что он должен готовиться к смерти.

В перспективе был целый ряд опасных запросов и предложений. Прежде всего угрожало предложение Робекка, настаивавшего на создании комиссии, которая должна установить, как велась война и какие партии ответственны за это ведение. Это предложение приблизило развязку. Политический инстинкт тотчас подсказал лорду Джону Росселю, что оно, несмотря на голосование меньшинств, будет принято; а такой государственный деятель, как он, который, оглядываясь на прошлое, насчитывает в нем больше меньшинств, чем истекших лет, не мог позволить себе роскоши еще раз остаться в меньшинстве. Он счел поэтому, что благоразумие есть лучшее украшение мужества; повинувшись голосу малодушия и страсти к наущничеству, — эти качества всегда скрывались у него под личиной мнимо-важной деловой болтливости и конституционного чванства, — он оставил свой пост, не предупредив заранее об этом своих коллег. Теперь, собственно, и нужно было признать, что лорд Джон Россель,

это — человек, без которого всегда можно обойтись. Однако неожиданный выход его, повидимому, совершенно расстроил «все таланты». Английская печать единодушно осудила маленького государственного деятеля; но какое это могло иметь значение? Эта печать, с ее единогласным осуждением, не могла внести порядка в расстроенные ряды министерства. И в момент такого расстройтва, — когда герцог Ньюкестль отказался от поста военного министра, а лорд Пальмерстон его еще не принял, — в этот момент Робек внес свое страшное предложение.

Господин Робек — мелкий адвокат — был бы столь же забавным и столь же безобидным маленьким вигом, как и лорд Джон Россель, если бы в своей парламентской карьере он был более счастлив. Но бывшему адвокату без судебных дел, а ныне патетическому парламентария, не удалось, несмотря на всю свою бойкость и язвительность, нажить сколько-нибудь значительный капитал. Хотя он и выступал в роли закулисного «подавальщика», работающего на любое министерство вигов, тем не менее он ни разу не достигал того положения, которое обеспечивает «место», что является высшей целью всех британских либералов. Обманутый в своих лучших надеждах, недооцененный своей собственной партией, презираемый своими противниками, Робек переродился: молоко смиренномудрого благомыслия в его груди обратилось в драконов яд, а сам он мало-помалу выродился в самую несчастную, неприятную, злую, ненавистную дворняжку, какая когда-либо тявкала в парламентской зале. И он, не претендуя на благодарность или уважение какой бы то ни было партии, отдавал себя в распоряжение всякого, кто умел его использовать в собственных целях. И никто не сумел извлечь из него такой выгоды, как наш старый друг Пальмерстон, в пользу которого он должен был выступать 26 января.

В своей первоначальной форме предложение Робека едва ли могло иметь какой-нибудь смысл в таком представительном собрании, как английская палата общин. Известно ведь, как тяжело, лениво и убийственно-медленно работает аппарат следственных комиссий. Расследовать военные события при помощи такой комиссии не представлялось практически целесообразным, так как результаты работы имели бы место лишь много месяцев спустя, если даже допустить, что из этой работы вообще могло выйти что-нибудь путное. Только в революционных, диктаторских собраниях, — каким был, например, французский национальный конвент 1793 г., — такие комиссии могли дать положительные результаты. Но в такие моменты само правительство является не чем иным, как комиссией;

его деятели являются уполномоченными (commissioners) собрания, и подобные предложения в нем излишни.

Сидней Герберт был поэтому не совсем не прав, когда он указывал, что это предложение (конечно, совершено без какого-либо намерения со стороны Робека) носит некоторым образом неконституционный характер; а затем, со свойственным ему стремлением к исторической точности, он осведомился, не намерена ли палата послать в Крым комиссаров, как это сделала Директория (вот как!) с генералом Дюмурье. Нужно при этом заметить следующее: хронология Герберта приписывает Директории, учрежденной в 1795 г., посылку к генералу Дюмурье комиссаров, которых этот генерал арестовал и выдал Австрии в 1793 г. Эта по-своему ценная хронологическая справка представляет яркую иллюстрацию того смещения событий во времени и пространстве, каким отличаются все выступления Сиднея Герберта и его коллег. Но что касается предложения Робека, то упомянутая выше формальная ошибка подала многочисленным кандидатам на «места» повод не голосовать за это предложение и таким образом оставлять за собой возможность входить в любую министерскую комбинацию. И тем не менее, высказавшееся против министерства большинство было таким подавляющим!

Дебаты отличались особенным разнообразием взаимных попреков, которыми обменялись ведомства. Одно министерство обвиняло другое. Сидней Герберт, военный министр, утверждал, что во всем повинен транспорт. Бирнелль Осборн, секретарь адмиралтейства, заявил, что причина несчастья кроется только в отвратительной системе, усвоенной военным министерством. Адмирал Беркли, один из лордов адмиралтейства, дал ясно понять Герберту, что он должен сам на себя пенять и т. д.

В Верхней палате подобными любезностями обменялись министр войны, герцог Ньюкестль, и главнокомандующий, виконт Гардинг. Позиция Герберта ухудшилась благодаря выступлению лорда Джона Росселя, признавшего, что все сообщения печати о состоянии крымской армии совершенно правильны и что состояние войск «несказанно печальное и душераздирающее». Сиднею Герберту, таким образом, ничего не оставалось, как признать факты и ограничиться ссылкой на ряд извиняющих обстоятельств, которые были либо ничтожны, либо ни на чем не основаны. Он должен был совершенно определенно признать полную неспособность и дезорганизованность военного министерства. Нам сравнительно легко было перебросить 240 тысяч тонн различных запасов и много-

численную армию в Балаклаву, на расстоянии 3 000 миль, — тут следует стремительное перечисление мундиров, палаток, воинского снабжения и даже предметов роскоши, — но — увы! — все это нужно было не в Балаклаве, а в пункте, расположенном шестью милями дальше. Перевезти все запасы на расстоянии 3 000 миль было возможно, но на 3 006 миль — невозможно! В этих шести милях — источник всех несчастий!

Лорд Джон Россель, в тоне и позе которого был умоляющий призыв к спокойствию, пожалуй, встретил бы некоторое сострадание, если бы Лайард, Стаффорд и его коллега Гладстон не выступили против него. Первые два, члены Нижней палаты, только недавно вернулись из поездки на восток, — они были очевидцами всех сообщенных ими событий. Не повторяя того, о чем уже говорилось в газетах, они привели такие иллюстрации нерадивости, дурного управления и неспособности, изобразили такие ужасные сцены, которые превзошли все, до сих пор известное. На парусных судах лошади переправлялись из Варны в Балаклаву, но фуража для них не было; ранцы совершали пяти- или шестикратное путешествие из Крыма в Босфор, в то время как воинские части голодали, мерзли и, из-за недостатка одежды, не могли сменить мокрого платья на сухое; «выздоровливающих» возвращали в действующую армию, когда они бывали еще настолько слабы, что не могли держаться на ногах; больные и раненные, оставленные в Скутари, в Балаклаве, на транспортных судах, жили в условиях полной беспризорности, заброшенности и грязи, и все это, вместе взятое, давало картину, наряду с которой совершенно бледнели описания «собственных корреспондентов» или сообщения частных лиц из Крыма.

Чтобы смягчить тяжелое впечатление, произведенное этой картиной, в бой пришлось вступить Гладстону, сохраняющему вид ученого самодовольства; но, к несчастью для Сиднея Герберта, Гладстон взял обратно все те признания, которые были сделаны его коллегами в первый вечер дебатов. Робек поставил Герберту вопрос ребром: вы отправили из Англии 54 000 человек, теперь под ружьем находится 14 000; что же стало с остальными 40 000? Герберт нашелся только ответить, что одни из них умерли еще в Галлиполи и Варне; что же касается пропавших без вести и изувеченных, то о действительной численности их он никогда не справлялся. Однако Гладстон оказался лучше информированным, чем военный министр, и, «согласно данным последнего дня», установил, что численность войск составляет не 14 000, а 28 000 человек, не считая 3 000 — 4 000 морских солдат и матросов, находящихся на суше.

Гладстон, конечно, поостерегся сообщить, к «какой именно дате относятся эти последние сведения». Имея в виду ту невообразимую волокиту, которая господствует во всех министерствах и особенно в бригадных, дивизионных и генеральном штабах, мы в праве предположить, что сведения Гладстона относятся приблизительно к 1 декабря 1854 г. и что они включают в себя еще много людей, погибших в течение последующих шести недель от переутомления и тяжелых физических условий. Но Гладстон в настоящий момент, повидимому, питает такую же слепую веру в официальные документы, какую он рассчитывал встретить в палате, когда представлял ей свои финансовые предложения.

Я не буду слишком удлинять своего отчета о дебатах. Кроме многих *dii minorum gentium* [малых богов], говорил еще Дизраэли, затем Вальполь, последний торийский министр внутренних дел, и, наконец, Пальмерстон, «великодушно» выступивший в защиту своих оклеветанных коллег. Пока шли прения, Пальмерстон не проронил ни одного слова, раньше чем не убедился окончательно, куда дует ветер. Только после этого, но не раньше, взял он слово. По сведениям, доходившим до министерской скамьи об общем настроении палаты, поражение министерства было неизбежно, но это поражение должно было коснуться коллег Пальмерстона, отнюдь не затрагивая его самого. Хотя ему, повидимому, и предстояло уйти вместе со всеми прочими, однако он был настолько уверен в прочности своего положения, был так убежден в том, что уход коллег пойдет ему на пользу, что счел долгом вежливости выпроводить их. И этот долг он выполнил, произнеся свою речь как раз перед голосованием.

Пальмерстон в самом деле искусно использовал все средства, какими он располагал. Благодаря делу Пасифико за ним установилась репутация «истинно английского министра», — и эту репутацию он сумел сохранить в такой степени, что каждый раз, когда Пальмерстон оставлял пост министра иностранных дел, Джон Буль, несмотря на ряд неслыханных разоблачений, сейчас же полагал, что он «продал» чужой державе. Прогнанный Джоном Росселем самым бесцеремонным образом с своего поста, Пальмерстон путем угроз заставил этого маленького человека умолчать о причинах этого изгнания, и с этого момента еще более возрос интерес к «истинно английскому министру», который рисовался как невинная жертва честолюбивых и бесталанных коллег, как человек, которого предали виги. После падения министерства Дерби Пальмерстона сунули в министерство внутренних дел, и на этом месте он опять-таки имел вид «жертвы». Обойтись без великого человека, которого все нена-

видели, было невозможно, а так как дать ему отвечающее его заслугам место не хотели, то от него отделялись постом, недостойным такого гения. Так думал Джон Булль. И он все более и более гордился своим Пальмерстоном, видя, как этот «истинно английский министр», занимая второстепенное положение, гремел, однако, своими делами, — боролся с мировыми судьями, обрушивался на извозчиков, бичевал канализационное ведомство, красноречиво выступал по поводу системы патентов, домогался централизации полиции, горячился по поводу вопроса о бедствиях от дыма, выступал против погребения внутри города. Истинно английский министр! Всконечно длинные письма в «Times», подписанные «Paterfamilias», были заполнены поучительной информацией, мероприятиями, реформами, правилами поведения, почерпнутыми из пальмерстоновской сокровищницы.

Разумеется, никто этому не был больше рад, чем «Paterfamilias», который являет собой точную копию большинства буржуазных избирателей Англии и который в Пальмерстоне видит свой идеал. «Смотрите, что может сделать великий человек на скромном месте! Какой министр внутренних дел возился прежде с искоренением таких несносных вещей?» Правда, от этой возни экипажи не становились лучше, дым не уничтожался, кладбища внутри города не упразднялись, полиция не централизовалась, — вообще ни одна из крупных реформ не осуществлялась, — но виной этому был не Пальмерстон, а его недоброжелательные, крепколобые коллеги! И, кроме того, эта хлопотливость, эта страсть к вмешательству в чужие дела рассматривались как свидетельство кипучей энергии и огромной активности. И этот наиболее непостоянный из государственных деятелей Англии, который никогда не мог довести до благополучного конца ни одного закона в парламенте, который только тем и был занят, что терял попусту время, и все постановления которого мирно покоились в архиве, — этот самый Пальмерстон прославлялся как единственный человек, на которого в критических случаях страна может положиться!

На самом деле Пальмерстон сам не мало содействовал распространению этой кричащей рекламы. Не довольствуясь ролью совладельца «Morning Post», в которой ему ежедневно пелась хвала как будущему спасителю страны, он нанимал еще молодцов, вроде Chevalier Wykoff [кавалера Выкова], которые обязаны были трубить о нем в Америке и Франции; подкупал «Daily News», которой сообщал некоторые телеграммы и давал другие полезные указания, и вообще имел свою руку в редакции почти всех лондонских газет. Плохое ведение войны создало положение, при котором падение коалиции было неминуемо, и на обломках последней Пальмерстон намеревался

подняться на недостижимую высоту. В этот решительный момент он заручился безоговорочной поддержкой «Times'a». Как он добился этого, какой договор заключил с Дилейном, мы, конечно, сказать не можем. Но на следующий день после голосования вся лондонская печать, за исключением только «Herald'a», единодушно называла Пальмерстона премьером; и мы думаем, что теперь он считал цель своих вождений достигнутой. К несчастью, королева слишком много испытала от этого истинно английского министра и не уступит ему, если сможет этому помешать.

МИНИСТЕРСТВО ПАЛЪМЕРСТОНА

ПАЛЬМЕРСТОН. — АРМИЯ.

Лондон, 9 февраля 1855 г.

Приняв новые министерские посты, Пальмерстон и Сидней Герберт тем самым должны были подвергнуться процедуре переизбрания в парламент. По этой причине обе палаты были вчера закрыты на неделю. Сообщения лорда Дерби и маркиза Ленсдоуна в палате лордов о закулисной истории министерского кризиса повторили то, что уже не раз повторялось. Интересно было только одно — заявление Дерби, которое вскрыло загадку положения лорда Пальмерстона. Как известно, Пальмерстон не имеет за собой никакой парламентской партии или клики, которая прикрывается названием партии. Виги, тории, пилиты питают к нему одинаковое недоверие. Манчестерская школа борется с ним открыто. Его личных сторонников среди мэйферских радикалов (в отличие от манчестерских радикалов) насчитывается не больше дюжины. Кто и что, в таком случае, дало ему возможность октроировать себя короне и парламенту? Его популярность? Но она так же мало могла это сделать, как мало непопулярность Гладстона, Герберта, Грехема, Кларендона могла им помешать снова стать у кормила правления. Или же человек, не принадлежавший никогда ни к какой партии, попеременно всем служивший, покидавший всех по очереди и всегда балансировавший между ними, является естественным вождем распыленных партий, вступающих в коалицию для того, чтобы попытаться остановить поток истории? Но это обстоятельство ничего не доказывает в настоящем случае, так как оно же оказалось слишком слабым для того, чтобы в 1852 г. поставить Пальмерстона вместо Эбердина во главе коалиции.

Дерби дал ключ к разгадке: Пальмерстон — открытый друг Бонапарта. Поспешное признание Пальмерстоном государственного переворота в декабре 1851 г. было тогда, как уверяют, причиной его ухода из министерства вигов. С тех пор он — «persona» grata [желанное лицо], человек, облеченный доверием Бонапарта. Союз же с Бонапартом является в данный момент решающим обстоятельством. Таким образом, Пальмерстон бросил иностранные силы на

чашу весов правительственных комбинаций, что, впрочем, случилось не в первый раз, как в этом можно было бы убедиться при ближайшем рассмотрении истории английских министерств на протяжении от 1830 до 1852 г.

Так как положение крымской армии в настоящий момент уже не может быть использовано для кабинетских интриг, то Джон Россель во вчерашнем заседании палаты общин взял обратно свое, продиктованное тяжелым настроением, предложение об увеличении английской армии на несколько десятков тысяч человек и обменялся с правоверным Гладстоном поздравлениями. Несмотря на такое «парламентское воскрешение» английской армии, не подлежит никакому сомнению, что она в настоящее время перестала существовать как армия. Несколько тысяч человек будут еще считаться «способными к службе», так как в госпиталях для них нет места.

Из 100 000 бойцов французы насчитывают еще каких-нибудь 50 000; но что значат 50 000 или 60 000 человек, когда нужно продержаться всю зиму у Херсонеса, заблокировать Севастополь с юга, защищать траншеи и с остающимся излишком весною возобновить наступление? Возможно, что французы держат наготове несколько дивизий для посадки их на суда в марте, но они слишком заняты приготовлениями к весенней кампании на континенте; и все говорит за то, что их транспорты окажутся слишком слабыми или придут слишком поздно.

Беспомощность английского и французского правительств — более того, предоставление ими крымской армии на произвол судьбы — сказалось в двух мерах, к которым они прибегли, чтобы помочь беде. Желая исправить ошибку, заключавшуюся в том, что экспедиция запоздала на четыре месяца, они впадают в несравненно большую ошибку, посылая в Крым, спустя четыре месяца после прибытия их войск и посреди зимы, единственно годные остатки турецкой армии. Эта армия, уже надорванная, уже начавшая разлагаться в Шумле вследствие небрежности, неспособности и подкупности турецкого правительства, растает в Крыму из-за голода и холода еще скорее, чем это случилось с английской армией.

Как только русские сконцентрируют свои силы, и состояние погоды позволит начать полевые операции, эти силы, вероятно, атакуют сначала турок, находящихся под начальством Омера-паши. Этого, впрочем, и ожидают французы и англичане, — настолько для них ясна неблагоприятность позиции, отведенной ими туркам. Тем самым они признают, что, бросая сейчас турок на север, они с открытыми глазами совершили стратегическую ошибку. Только благодаря

невероятнейшим ошибкам со стороны русских турки могли бы спастись от полной гибели.

Во-вторых, англо-французы наняли 15 000 пьемонтцев, которые должны пополнить поредевшие ряды англичан и содержаться за счет британского комиссариата. Пьемонтцы показали себя хорошими и храбрыми солдатами в 1848 и 1849 гг. В большинстве своем горные жители, они образуют пехотные части, которые в разведке, перестрелке и рукопашной схватке на изрезанной территории превосходят самих французов. С другой стороны, жители равнин По дают кавалерию, которая может сравниться с английской конной гвардией. Наконец, все они прошли серьезную школу в последних революционных походах. Эти легконогие, подвижные и проворные ребята годны для всего, но только не для того, чтобы стать английскими солдатами, в которых их хотят превратить, и не для простых тяжеловесных фронтальных атак, к которым сводится вся тактика Раглана. К тому же еще пьемонтцы должны были содержаться за счет английского комиссариата, который до сих пор умел прокормить только самого себя! Поэтому наем 15 000 пьемонтцев можно считать лишь новым промахом.

Доставка английских подкреплений в данный момент приостановлена. Сам Раглан, повидимому, просит не посылать их, так как до сих пор он никак не мог справиться с имеющимися налицо остатками армии. Едва ли поверят, что изумительная система сечения плетью применяется тем шире, чем более распространяются в британском лагере болезни, переутомление, истощение? С людьми, которые годны только на то, чтобы лежать в госпиталях, которые целыми неделями спят и работают в мокрой одежде и на мокрой земле и переносят все это с почти нечеловеческой стойкостью, — с ними разговаривают при помощи «кошек» и палок, когда они засыпают в траншеях.

«Пятьдесят ударов бездельнику!» — вот единственный стратегический приказ, который лорд Раглан издает время от времени. Что же удивительного в том, что солдаты, которыми командует автор знаменитого «флангового марша» на Балаклаву, подражают ему и тем же «фланговым маршем» в сторону русских уклоняются от палки? Как сообщает корреспондент «Times'a», дезертирство в русский лагерь с каждым днем увеличивается.

Разговоры о штурме Севастополя, естественно, прекратились. Сначала русские должны были бы быть разбиты в открытом поле. Так, Веллингтон дважды снимал осаду с Бадахоза, чтобы двинуться против армии, шедшей на помощь осажденной крепости. К тому

же, как мы видели, вновь возведенные русскими оборонительные укрепления делают невозможным успешный штурм. Наконец, последние вылазки русских доказывают, что союзная армия превосходит противника только артиллерией. До тех пор, пока вылазкам не будет положен предел, всякая мысль о штурме нелепа. Осаждающие, которые не в силах запереть осажденных в стенах их собственной крепости, еще менее в силах отнять эту крепость в рукопашном бою. Таким образом, осаждающие и впредь будут прикованы к своему лагерю: на такое прозябание их обрекает собственная слабость и сила русской полевой армии. Численно они будут все больше таять, тогда как русские будут пополняться все новыми боевыми единицами. Прелюдия к европейской войне, разыгрывающаяся в Крыму, окончится гибелью союзных армий, если только не будут открыты совершенно неожиданные и заранее непредвидимые источники помощи.

* ГЛАДСТОН.

Лондон, 10 февраля 1855 г.

Гладстон — канцлер-казначей догматики и Дунс-Скот финансов — дал новое подтверждение старой поговорке, что «вера чудеса творит». Гладстон верой воскресил мертвых и верой увеличил английскую армию в Крыму с 11 000 до 30 000 человек. Такой же веры он требует от парламента. К несчастью, прибыл доклад д-ра Холля, начальника медицинского департамента в севастопольском лагере. Согласно этому докладу, не только исчез совершенно 63-й полк, а от 46-го полка, который в прошлом ноябре покинул Англию в составе 1 000 человек, осталось лишь 30 боеспособных воинов; но половина несущих еще службу войск, как заявляет д-р Холль, подлежит отправке в госпиталь; в лагере имеется налицо не больше 5 000 — 6 000 действительно боеспособных человек. Кто знает проделки благочестивых апологетов, не станет сомневаться, что Гладстон, подобно Фальстафу, 6 000 одеревенелых и окоченевших солдат превратит в 30 000. Не объяснял ли Гладстон нам в четверг, на последнем заседании палаты, что те, которые производили примерные исчисления, исходили из различных точек зрения, — например, склонные уменьшить размеры крымской армии подсчитывали кавалерию не так, как он считал, — как будто после битвы под Балаклавой вообще еще существует часть, достойная названия кавалерии! Гладстон находит это простым — присчитывать «отсутствующих» к наличному составу. Бесподобна была проповедь, которую он, резюмируя в четверг свой «бюджет» по состоянию армии, — где каждый дебет фигурирует как кредит, а каждый дефицит как излишек, — кончил заявлением, что он «прощает противникам правительства их преувеличения». Бесподобны были тон и поза, с которыми он увещевал членов парламента не поддаваться «чувствам». Чужие страдания переносить со смирением и душевным спокойствием — таков девиз правоверного Гладстона.

ПЕРЕИЗБРАНИЕ ГЕРБЕРТА. — ПЕРВЫЕ ШАГИ НОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. — ИЗВЕСТИЯ ИЗ ОСТ-ИНДИИ.

Лондон, 16 февраля 1855 г.

Вчера в городской ратуше Солисбери был разыгран фарс переизбрания Сиднея Герберта в члены парламента от южной части Уильтшира. Уильтшир даже среди английских графств отличается исключительной концентрацией земельной собственности, благодаря которой вся земля находится во владении менее дюжины семейств. За исключением некоторых северо-шотландских округов, земля нигде не «очищена» так основательно от своих обитателей и нигде не проведена так последовательно новейшая система сельского хозяйства, как здесь. Если бы иногда не вспыхивали семейные распри между немногочисленными его владельцами, то Уильтшир не знал бы никакой выборной борьбы.

Против Сиднея Герберта не было выставлено других кандидатов. Поэтому главный шериф, председательствовавший на выборах, тотчас же по открытии заседания признал его переизбранным по всем правилам закона. Сидней Герберт поднялся тогда и обратился к своим арендаторам и вассалам с несколькими избитыми общими фразами. Тем временем в зале все больше стала собираться городская публика, которая лишена избирательного права, но которой английская конституция дарит привилегию докучать кандидатам в избирательном собрании своими вопросами. Не успел Сидней Герберт сесть, как на его освященную избранием голову посыпался град перекрестных запросов. «Как обстоит дело с зелеными кофейными зернами, которыми угощали наших солдат?» — «Где наша армия?» — «Что вчера было сказано о вас в «Times?»» — «Почему вы пощадили Одессу?» — «Владеет ли ваш дядя, русский князь Воронцов, дворцами в Одессе?» и т. д... Конечно, эти непарламентские вопросы не удостоились ни малейшего внимания. Напротив, Сидней Герберт воспользовался первым моментом, когда шум ослабел, чтобы предложить благодарственный вотум шерифу, который так «беспристрастно» провел «обсуждение». Это было принято под одобрительные рукоплескания парламентской публики и под шипенье и хрюканье непарла-

ментской. Тогда последовал второй залп уничтожающих вопросов: «Кто морил наших солдат голодом?» — «Пусть он сам отправится на войну» и т. д. Результат был тот же, что и раньше. Затем шериф объявил представление, продолжавшееся не многим более получаса, законченным, — и занавес опустился.

Первые шаги обновленного правительства совсем не встретили одобрения. Так как лорд Пенмюр, новый военный министр, — инвалид, то почти все бремя его обязанностей падает на помощника статс-секретаря по военным делам. Назначение на этот важный пост Фредерика Пиля, младшего сына покойного Пиля, вызывает тем большее недоумение, что Фредерик Пиль — всем известная посредственность. Несмотря на свою молодость, он — живое воплощение рутины. Другие люди *делаются* бюрократами — он родился бюрократом. Фредерик Пиль обязан своим назначением влиянию пилитов. Поэтому необходимо было бросить на другую чашу весов вига. Вот причина назначения сэра Френсиса Беринга канцлером Ланкастерского герцогства. Он был канцлером казначейства в правительстве вигов, возглавлявшемся лордом Мельбурном, и он тогда получил вполне заслуженную кличку «господин Дефицит».

В новейших военных назначениях сохранена целиком система геронтократии [власти стариков]. Так, восьмидесятилетний лорд Ситон назначен генерал-губернатором Ирландии. Лорд Рокеби, старый, глухой, расслабленный ревматик, послан в Крым командиром гвардейской бригады. Командование 2-й дивизией в Крыму, ранее принадлежавшее сэру де-Ласи Эвансу, поручено генералу Симпсону, который отнюдь не походит на Самсона, — он, напротив, много лет занимал спокойное место заместителя губернатора Портсмута. Генерал Сомерсет, бывший в 1811 г. бригадиром, отплыл в Ост-Индию в качестве главнокомандующего. Наконец, адмирал Боксер, этот старый «анарх», — как его называет «Times», — который в Константинополе привел в полный беспорядок все транспортные средства и пр., назначен в Балаклаву, чтобы «привести в порядок» тамошнюю гавань.

«Мы боимся, — говорит «Times», — что нужно искать где-нибудь в другом месте источник министерской энергии. Было бы бесцельно апеллировать против такого ужасного и легкомысленного расточения лучших ресурсов нации к тем, кто производит это расточение. Если бы им не вскружило голову долгое пребывание у власти, которая постоянно переходила от одной группы их класса к другой его группе, они остереглись бы, — по крайней мере, именно в данный момент, — обнаружить свой упрямый и близорукий эгоизм.

Инстинкт самосохранения подсказал бы им нечто лучшее. Но мы громко спрашиваем английский народ: может ли он позволить, чтобы наши соотечественники были принесены в жертву на алтарь ужасной апатии или беспомощной бездарности?» «Times» грозит: «Не власть, даже не палата общин, — а сама английская конституция стоит перед судом».

Последние известия из Ост-Индии важны тем, что рисуют в самом безотрадном виде положение дел в Калькутте и Бомбее. В округах текстильной промышленности медленно, но верно надвигается кризис. На состоявшемся третьего дня в Манчестере митинге владельцы шелкопряделен постановили с 26 февраля пускать фабрики в работу по четыре дня в неделю и заставить окрестных фабрикантов пойти на такую же меру. На фабриках в Блекберне, Престоне и Болтоне рабочие уже предупреждены о том, что в будущем работа будет сокращена. Банкротства станут тем многочисленнее и крупнее, что в прошедшем году многие фабриканты для того, чтобы оказать давление на рынки, взяли в свои руки дело экспорта, обойдя комиссионные дома. «Manchester Guardian» в номере от прошлой среды признается, что налицо имеется перепроизводство не только фабрикатов, но и фабрик.

* НОВАЯ СЕССИЯ ПАРЛАМЕНТА.

I.

Лондон, 17 февраля 1855 г.

Вчера парламент возобновил свои заседания. Палата общин находилась в явном смущении. Она казалась удрученной сознанием, что события последних трех недель сильнее всего поколебали ее авторитет. Снова у власти старое министерство, лишь заново отполированное. Два старых лорда, которые не смогли поладить между собой, исчезли из него, но третий лорд, вместе с ними получивший вотум недоверия, не только не опустился ниже, а поднялся на самую высокую ступень.

Лорд Пальмерстон был встречен торжественным молчанием. Ни рукоплесканий, ни энтузиазма. В виде исключения речь его была принята холодно и с неприязненным скептицизмом. Также в виде исключения память ему совершенно изменила, и он растерянно копался в лежавших перед ним заметках, пока, наконец, сэр Чарльз Вуд не подсказал ему шопотом надлежащего продолжения. Его аудитория, повидимому, не верила в то, что перемена вывески спасет старый торговый дом от банкротства. Весь вид Пальмерстона вызывал в памяти слова кардинала Альберони о Вильгельме: «Этот человек был силен, пока держал весы в своих руках; он слаб с тех пор, как бросил себя самого на одну из чаш». Однако важнейшим событием, несомненно, было появление новой коалиции против коалиции старой, но обновленной, — коалиции ториев во главе с Дизраэли с самой крайней частью радикалов — Лайардом, Денкомбом, Хорсманом и др. Как раз среди последних, среди мэйферских радикалов, Пальмерстон насчитывал до сих пор своих преданнейших сторонников. «Надежда Лайарда на получение места в военном министерстве не оправдалась», — вскользь замечает одна министерская газета. «Дайте ему какое-нибудь место!» — подсказывает другая.

Лорд Пальмерстон, прежде чем представить свой кабинет, изложил вкратце историю министерского кризиса. Затем он стал расхваливать своей товар. Образованное им министерство, оказывается,

«обладает достаточными административными способностями, достаточной проницательностью, достаточно либеральными принципами, достаточным патриотизмом и решимостью выполнить свой долг». Лорд Кларендон, лорд Пенмюр, г-н Гладстон, сэр Джеймс Гре-хем — на долю каждого из них выпал комплимент. Но министерство с первых же шагов очутилось перед большим затруднением. Присутствующий на заседании Робек настаивает на том, чтобы в следующий четверг была назначена его следственная комиссия. Для чего палате нужна комиссия? Он напомнил палате один анекдот из эпохи Ричарда II, относящийся ко времени восстания Уота Тайлера. Юный монарх был встречен группой мятежников, предводитель которых только что погиб на их глазах. Смело направляясь к ним, он воскликнул: «Вы потеряли своего вождя; друзья, я буду вашим вождем». — Так же скажу я (молодой (!) диктатор Пальмерстон): «если вы, палата общин, настаиваете на назначении этой комиссии, то правительство само станет ею».

Такое мало почтительное сравнение палаты с толпой «мятежников» и нескромное предложение сделать кабинет своим же собственным судьей было встречено ироническим смехом. — «Чего же вы хотите, — вскричал Пальмерстон, повысив голос и вызываяще, по-ирландски, откинув голову. — Какую цель преследует следственная комиссия? Административные улучшения? Превосходно. Послушайте же, каких только мер мы ни решили принять! Вы имели раньше двух военных министров, секретаря по военным делам и министра войны. Впредь вы будете иметь только одного, именно последнего». В распорядительной части военное командование передается главному военному штабу, а гражданское управление — военному министру. Транспортное бюро будет расширено. До сих пор, согласно закону 1847 г., срок службы был установлен в 10 лет; теперь будет предоставлена свобода наниматься на любой срок — от 1 до 10 лет. На службу не будут приниматься лица моложе 24 и старше 32 лет.

Переходим к театру войны. Здесь, чтобы внести единство, энергию и порядок в ведение войны и в область управления, Пальмерстон предлагает удивительное средство — к каждой должности приставить контролера с неопределенными полномочиями. Лорд Раглан останется главнокомандующим, но генерал Симпсон будет начальником генерального штаба, и Раглан «сочтет своим долгом выполнять его советы». Сэр Джон Бургойн будет отозван, а сэр Гарри Джонс назначен генеральным комиссаром интенданства с неопределенной диктаторской властью. Вместе с тем в Крым будет назначено гражданское лицо, сэр Джон Мак-Нейл (автор знаменитого памфлета «Успе-

хи России на Востоке»), для расследования вопроса о хищениях, несостоятельных мерах и нарушениях долга, допущенных комиссариатом. Далее будут устроены новые госпитали в Смирне и Скутари; будет реформировано врачебное дело в Крыму и в самой Англии; между Крымом и Англией каждые 10 дней будут курсировать транспортные суда, предназначенные для перевозки больных и раненых. Наряду с этим военный министр пригласит трех чиновников из министерства здравоохранения и пошлет их в Крым для того, чтобы они приняли там нужные санитарно-предохранительные меры против чумы при наступлении весенней погоды и расследовали действия персонала и общую постановку медицинского дела. Как видно из сказанного, конфликтам по вопросам о компетенции открывается широкое поле. И лорд Раглан, в виде компенсации за то, что отныне его «командование обставлено конституционными гарантиями», получает полномочия для переговоров о создании в Константинополе отряда в 300 турецких подметальщиков улиц и могильщиков; этот отряд должен, с наступлением теплой погоды, выбросить в море умерших воинов, павших лошадей и прочую дрянь. На театре войны будет образован собственный транспорт для доставки песка. И одновременно с такой подготовкой к дальнейшим военным действиям лордом Джоном Росселем будет подготавливаться в Вене мир, — если только это окажется возможным.

Дизраэли: Если послушать хвалебные отзывы благородного лорда об «административной способности и политической проницательности» его коллег, то можно ли думать, что он говорит о тех самых «бесподобных виновниках ошибок», которых палата осудила 19 дней тому назад? Допустим, что обещанные улучшения будут претворены в жизнь и дадут те результаты, которых от них ожидают; но не является ли все это злейшей сатирой на министерство, которое одно только и противилось этим мерам, которое постановление палаты общин о расследовании негодной деятельности в области управления истолковало как вотум недоверия себе? Даже лорд Джон Россель заявил, что ему непонятно таинственное исчезновение армии и что следствие о ее загадочной участи необходимо. Должна ли палата сама себя поставить в глупое положение и отменить постановление, принятое ею лишь десять дней тому назад? Тогда она на долгие годы потеряет свое влияние на общество. Каков главный аргумент благородного лорда и его заново подкрашенных коллег, с помощью которого он пытается заставить палату одурaczyć самое себя? Это — обещания, которые, не будь угрозы создания следственной комиссии, никогда не были бы даны. Он, Дизраэли,

настаивает поэтому на парламентском расследовании. Пальмерстон начинает свою деятельность в качестве премьера с угроз против самостоятельности парламента. Никогда ни одно министерство не встречало такой поддержки и готовности идти навстречу со стороны оппозиции, как правительство лорда Эбердина, — «последнее» министерство — как бы тут выразиться? лучше всего будет сказать — «последнее министерство и его теперешние последователи — его двойники на министерской скамье».

Робек заявил, что в следующий четверг он сообщит имена кандидатов в вотируемую уже парламентом комиссию. Правительство осталось старое; правда, карты перетасованы, но они снова попали в прежние руки. Только прямое вмешательство палаты общин сможет разорвать оковы рутины и устранить препятствия, не позволяющие правительству проводить нужные реформы даже в том случае, когда оно этого хочет.

Т. Денкомб: Благородный лорд сообщил, что он и правительство хотели образовать свою комиссию. Палата чрезвычайно благодарна, но палата желает расследовать именно управление благородного лорда и его коллег. Лорд обещал реформы, но кто же должен их проводить? Те самые люди, административная деятельность которых заставила подумать о реформе. В области управления ничто не изменилось. Оно сохраняет status quo ante [положение, бывшее до] предложения *Робека*. Лорд *Джон Россель* подло удален со своего поста. Сам лорд *Пальмерстон* — «увядший цветок» тринадцати отправившихся к праотцам кабинетов, от лорда *Ливерпуля* до настоящего момента. Поэтому он должен, бесспорно, обладать «большим опытом и высоким административным талантом». Его лорд *Пенмюр* не может идти в сравнение даже с герцогом *Ньюкестлем*. Назначение комиссии — не цензура. Речь идет о расследовании. Цензура пойдет, вероятно, по следам следствия. Что же касается переговоров в Вене, то и здесь правительство не идет вместе с народом. Народ желает пересмотра Венского трактата 1815 г. в интересах поляков, венгерцев и итальянцев, а под войной против России он разумеет действительное уничтожение русского могущества.

Таким образом, министерство *Пальмерстона* начинает с того, чем закончило министерство *Эбердина*, — с борьбы против предложения *Робека*. К следующему четвергу будут приняты все меры к тому, чтобы собрать министерское большинство против следственной комиссии.

II.

Лондон, 19 февраля 1855 г.

Коалиция между ториями и радикалами, о которой мы сообщали в нашем последнем письме, сегодня обсуждается всей лондонской ежедневной прессой как совершившийся факт. Министерский «Morning Chronicle» замечает по этому поводу: «Еще не было той *революции*, темп которой не возрастал бы вследствие раздражения, уязвленного тщеславия, ложного честолюбия или же просто глупости тех лиц, которые обречены, сами того не сознавая, стать ее жертвой; пестрая комбинация дербитов и либералов, объединившихся с г. Робекком, пошла по стопам тех членов палаты депутатов, которые своей тактикой банкетов в пользу «реформ» в 1848 г. добивались только низвержения министерства, а кончили низвержением трона». Робек будто бы готов сыграть роль Робеспьера или (в высшей степени замечательное «или»!) Ледрю-Роллена. Он намерен образовать «Комитет общественного спасения». Он не остановился перед тем, чтобы выставить следующие имена в предложенную им следственную комиссию: Робек, Дрюмонд, Лайард, сэр Джозеф Пакстон (строитель дворца Всемирной промышленной выставки), лорд Стенли (сын Дерби), Эллис, Уайтсайд, Дизраэли, Бетт, Лоу (член негласного совета «Times'a») и Майльс.

«Было бы бесполезно умалчивать о том, — продолжает «Morning Chronicle», — что мы стоим перед открытой опасностью революционного крестового похода против аристократии страны. Демагоги стремятся к свержению правительства лорда Пальмерстона, ловко играя против него связанными друг с другом, но не скомбинированными боевыми силами Дизраэли и Робека. Демократия ищет возможности произвести революцию, методически низвергая один кабинет за другим». Наконец один правительственный орган гровит закрытием парламента, «обращением к народу», — что аналогично тому, к чему прибег Бонапарт за несколько месяцев до государственного переворота.

«Economist», издаваемый Вильсоном, секретарем министерства финансов, считает «представительные учреждения» несовместимыми с ведением войны. Бывший шапочник Вильсон предлагает поэтому освободить членов палаты, занимающих государственные посты, от необходимости переизбрания и предоставить членам кабинета министров *ex officio* [по должности] право участия и решающего голоса в палате общин. Таким образом, министерство станет независимым от избирателей и палаты общин, а палата — зависимой от министерства.

По этому поводу «Daily News» говорит: «Народ Англии должен быть настороже и приготовиться к тому, чтобы образовать фронт для защиты своих представительных учреждений. Попытка сделать правительство независимым от палаты общин становится все определеннее. В таком случае конфликт между правительством и палатой стал бы неизбежен. В результате последовала бы революция».

Действительно, в следующую среду в Мерилебоне, — считающемся одним из самых радикальных округов Лондона, — созывается митинг, который должен вынести резолюцию о «попытке правительства противодействовать парламентскому следствию».

В то время как «Morning Chronicle» таким образом предвещает революцию, а «Daily News» — попытку контр-революции, «Times» тоже напоминает о февральской революции, имея в виду, правда, не оппозиционные банкеты, а убийство Пралена. Как раз на-днях в ирландском канцлерском суде разбиралось дело о наследстве, в котором маркиз Кланрикард, — пэр Англии, посол в Петербурге при министерстве Мельбурна и главный начальник почт при министерстве Росселя, — фигурирует в роли первого актера в поистине балзаковском романе, включающем убийство, прелюбодеяние, обман и незаконное домогательство наследства. «Пасмурной осенью 1847 г., — замечает «Times», — когда дух Франции был томим тревожным предчувствием надвигавшейся революции, в высших слоях парижского общества разыгрался крупный скандал, который только усилил раздражение среди населения и ускорил развязку предстоявшей катастрофы. Кто внимательно наблюдает в настоящее время за крайне возбужденным состоянием общественного настроения, тот не может без подобного же чувства тревоги следить за громким скандалом, разоблаченным в зале ирландского канцлерского суда».

Преступление в кругах правящей касты, заносчивая беспомощность и бессилие последней, гибель цвета английской армии, распад старых партий, отсутствие большинства в палате общин, создание министерских коалиций на основе давно изжитых традиций, потребность в расходах на ведение европейской войны, совпадающей с ужасным торгово-промышленным кризисом, — все это достаточные симптомы, говорящие о предстоящем политическом и социальном перевороте в Великобритании. Наиболее знаменательно то, что одновременно с крушением политических иллюзий рушатся и иллюзии свободной торговли. Как первые обеспечивали монополию правительственной власти за аристократией, так последние обеспечивали монополию законодательства за буржуазией.

III.

Лондон, 20 февраля 1855 г.

Несмотря на то, что Нижняя палата заседала вчера с 4 часов дня до 2 часов ночи и ассигновала около $7\frac{1}{2}$ миллионов фунтов на содержание сухопутной армии, дебаты не представляли ничего заслуживающего внимания. Можно только отметить, что Пальмерстон выводил из себя своих либеральных противников как пошлостью реплик, облеченных в изысканную форму, так и вызывающей самонадеянной грубостью, с которой он преподносил эти пошлости. Повествуя о битве под Балаклавой в декламаторском тоне, пригодном для цирка Этли, он в то же время обрушился на Лайарда за его «обычную декламацию об аристократии». Не аристократия сидит в комиссариате, в транспорте, в медицинском отделе; он забыл, что там сидят их лакеи. Лайард справедливо заметил, что изобретенные Пальмерстоном комиссии годятся только на то, чтобы плодить конфликты по вопросу о компетенции в экспедиционной армии. Как! — воскликнул Пальмерстон, — вы, — и вот он снова в позе Ричарда II, а парламент в роли черни Уота Тайлера, — вы хотите учредить парламентскую комиссию, годную лишь на то, чтобы составлять Синие книги, а возражаете против моих комиссий, «которые должны работать!» Пальмерстон отнесся к парламенту с таким высокомерием, что на этот раз счел даже лишним проявить собственное остроумие: он заимствовал его из правительственных утренних газет, лежавших на столах перед членами парламента. Тут было и замечание «Morning Chronicle» относительно «Комитета общественного спасения», и дурного тона острога «Morning Post», — «отвести желающих произвсдить инквизиционные расследования депутатов в Крым и там их оставить». Только *такому* парламенту могло быть сделано подобное предложение.

В то время как в парламенте Пальмерстон перещеголял старого Эбердина, в печати — не в своих органах, а в легковерной газете объединенных пивоваров, — он пускает слух о том, что он-де не свободен в своих действиях, что двор держит его в цепях и т. д.

Так как в Вене скоро открывается мирный конгресс, то своевременно будет поговорить о войне и оценить военные силы, которыми могут располагать страны, выступавшие в большей или меньшей степени на полях сражений. При этом речь идет не только об общем численном составе армий, но и о той части, которая может быть предназначена для наступательных операций. Подробно мы коснемся только пехоты, так как остальные роды оружия должны находиться в соответствующей пропорции к последней.

У Англии в общем 99 полков или 106 батальонов пехоты, из которых по меньшей мере 35 батальонов находятся на колониальной службе. Из того, что остается, следующие 40 батальонов приходится на отправленные в Крым первые 5 дивизий, и по крайней мере 8 батальонов отправлены с тех пор в качестве подкреплений. Таким образом, остается приблизительно 23 батальона, из которых едва ли даже один может быть выделен для службы вне страны. Милиция в количестве свыше 50 тысяч человек, предназначается для службы вне Англии. Она займет Гибралтар, Мальту и Корфу, и, следовательно, остаются свободными около 12 батальонов, которые могут быть использованы для Крыма. Организация иностранного легиона, как объяснил вчера Пальмерстон в Нижней палате, не может быть осуществлена. Наконец, 13 февраля был дан приказ образовать вторые батальоны для 93 полков, именно 43 батальона по тысяче человек и 50 батальонов по тысяче двести. Это должно было дать увеличение на 103 тысячи человек и около 17 тысяч кавалерии и артиллерии. Ни один солдат из этих 120 тысяч еще не завербован! Затем они должны быть обучены и укомплектованы офицерским составом.

Благодаря ныне действующей чудесной организации оказалось, что Крым и колонии поглотили почти всю пехоту, за исключением запасных команд и немногих запасных батальонов, поглотили не только солдат, но, — что кажется невероятным, — и самые кадры. Генералы, полковники, майоры, числящиеся в избытке на пенсии по спискам британской армии, могли бы быть использованы для этих новых боевых сил. Но почти вовсе нет капитанов и совершенно нет лейтенантов и унтер-офицеров. Последние же составляют, как известно, краеугольный камень всякой армии. По мнению лучшего авторитета в этой области, генерала Вильяма Непира, историка Пиренейской войны, надобно полных три года, чтобы люмпен-пролетариат старой Англии — «tag-rag and bob-tail» — обратить в «лучшую кровь Англии», в «первых солдат всего мира». Но это в том случае, если имеются кадры, и их нужно лишь пополнить. Сколько же потребуется времени для того, чтобы создать героев из этих 120 тысяч человек? В течение следующих 12 месяцев английское правительство в лучшем случае сможет выставить против врага только «маленькую героическую армию» в 50 тысяч человек. Правда, на короткие периоды времени это число можно было бы превысить, но только с существенным ущербом для дела подготовки будущих подкреплений.

Отъезд почты заставляет нас прервать дальнейшее изложение.

СОСТОЯНИЕ АРМИЙ.

Лондон, 21 февраля 1855 г.

Мы видели, что в ближайшие 12 месяцев Англия может выставить против неприятеля не больше 50 тысяч человек собственных войск — боевую силу, которой, несмотря на ее численную слабость, нельзя было бы пренебрегать, если бы она находилась под хорошим командованием и имела порядочную администрацию. Достаточно вспомнить битву при Инкермане.

Франция, располагающая гораздо большей армией и несравненно более совершенной военной организацией, призвала свои боевые силы под ружье далеко не в таком масштабе. Франция выставила 391 батальон пехоты, — а именно 100 полков линейных, 3 полка зуавов, 2 полка иностранных легионеров, состоящие каждый из 3 батальонов, — кроме того 20 батальонов стрелков и 6 африканских батальонов. Из этих 391 батальона 100 — запасных, по два на каждый линейный полк, в которые вливаются рекруты. Только первые два батальона привлекаются к несению полевой службы, тогда как резервы готовят подкрепления, предназначенные для того, чтобы поддерживать действующие части в полном составе. Поэтому 100 батальонов должны быть исключены из общей массы оперативной армии. Если резервные батальоны будут использованы в качестве основы для третьего полевого батальона, как это часто случилось при Наполеоне, то это произойдет путем перевода в них подвляющего числа рекрутов. Во всяком случае, потребуется некоторое время для того, чтобы приспособить их к полевой службе.

В настоящее время боеспособными являются, таким образом, 291 батальон. Из них требуется, по меньшей мере, 25 для Алжира, 4 находятся в Риме, 9 пехотных дивизий — приблизительно 80 батальонов — посланы в Крым, Константинополь и Афины; всего, следовательно, призвано в действующую армию 109 батальонов, что составляет почти половину боеспособной французской пехоты, за исключением резервов. Улучшения, введенные во французской армии, и исключительная восприимчивость французов к военной выгучке позволяют удвоить число пехоты приблизительно в течение 12 часов.

Принимая во внимание не прекращавшееся усиление вооружений с середины 1853 г., образование 12 батальонов императорской гвардии и те силы, которые французы насчитывали прошлой осенью в различных своих лагерях, мы можем предположить, что численность пехоты, находящейся внутри страны, теперь так же велика, как и до отправки 9 дивизий, и что она даже возросла, если прибавить трети батальоны, которые можно образовать из запасных частей, не нанося существенного ущерба действительному значению последних. Таким образом, Франция может выставить к 1 марта свыше 350 тысяч человек. Вместе с кавалерией, артиллерией и т. д. эти пехотные силы французской военной организации представляют в общем полумиллионную армию. Из этого числа надо отнять не меньше 200 тысяч человек, предназначенных для внутренней службы в качестве резервных кадров, для охраны порядка, для военных мастерских, для госпиталей.

Итак, Франция могла бы к 1 апреля выступить с 300-тысячной армией, в том числе около 200 батальонов пехоты. Но последние ни в отношении организации и дисциплины, ни в смысле выносливости в бою не могут равняться с ранее отправленными в Крым войсками. Среди них имеется много новобранцев, много вновь образованных по случаю войны батальонов, в которых офицеры и остальная воинская масса чужды друг другу; во всех отношениях, стало быть, они качеством ниже старых корпусов, отличающихся своим *esprit de corps* [чувством корпоративной солидарности]. Находящиеся в Крыму 80 батальонов представляют, несомненно, более сильную часть французской армии, чем об этом говорит голая цифровая справка о ее численности. Если Англия держит свою армию почти целиком в Крыму, Франция насчитывает там около половины своих лучших войск.

Мы уже давали по другому поводу обзор действующих русских войск, выставленных против Европы. Здесь достаточно будет повторить, что Россия выставила свыше 75 батальонов, из коих 250, не вполне еще сформированные, останутся постоянно слабыми, а 200 других сильно пострадали в двух последних кампаниях. Если первоначальный организационный план выполнен, то 5-й и 6-й батальоны резервов должны состоять главным образом из отставных солдат, а 7-й и 8-й, напротив, из мало пригодных рекрутов, ибо русские, несмотря на свою понятливость и склонность к подражанию, крайне медленно поддаются военному обучению. Кроме того, руководство всеми запасными частями поставлено скверно. Итак, Россия пустила в ход уже половину своей регулярной действующей армии.

Остальная половина составляет, как уже было указано, цвет ее армии. Только влиянием западной дипломатии на ведение войны можно объяснить успехи, уже достигнутые Россией: наступательная сила Турции сведена к нулю, британская 50-тысячная армия принесена в жертву и Англия чуть ли не на двенадцать месяцев устранена как сухопутная боевая сила; Франция принуждена выставить соответственно столько же войска, сколько Россия, и повести против врага свои лучшие африканские полки, в то время как отборные русские войска не сделали еще ни одного выстрела. И все это несмотря на то, что русская армия в Европе не может похвалиться ни одним успехом, что она, наоборот, в каждом крупном столкновении должна была отступать и отказываться от выполнения каждого своего самостоятельного начинания.

Австрия склоняет чашу весов решительно против России, — она играет решающую роль. Австрия располагает свыше 500 тысяч войска, готового к боевой службе, около 100 тысяч запасных частей и 120 тысяч в резервах. Ее общая военная сила, без особого напряжения в наборе рекрутов, может быть доведена до 850 тысяч человек. Но мы считаем только 600 тысяч человек, включая сюда запасные части и не принимая во внимание резервов, которые, насколько нам известно, еще не призваны. Из этих 600 тысяч человек должны быть исключены 100 тысяч запасных и приблизительно 70 тысяч солдат, находящихся в Италии и в других частях страны, которым не угрожает Россия. Остается 430 тысяч, расположенных отдельными армиями на протяжении от Богемии до Галиции и Нижнего Дуная. Из них 150 тысяч человек могут быть в кратчайшее время сконцентрированы в любом пункте.

Мы уже видели раньше, что со времени перевода русской дунайской армии в Крым австрийцы превосходят русских во всех отношениях и могут столь же быстро придвинуть свои резервы к границе, несмотря на то преимущество, которого сумела добиться Россия. Необходимо, однако, отметить, что австрийские резервы численно гораздо ограниченнее русских и что с призывом 120 тысяч человек резервов каждый новый прирост должен происходить за счет нового набора, медленно приспособляемого к войне. Поэтому, чем дольше откладывает Австрия свое объявление войны, тем больший выигрыш дает она в руки России. Французская вспомогательная армия должна бы уравновесить этот выигрыш, но от Дижона и Лиона далеко до Кракова. Чем дольше будет дипломатия медлить, тем менее вероятно, что армия эта явится во-время. Между тем, если бы Австрия, благодаря своевременному прибытию русских резервов,

на мгновение и лишилась своего превосходства, то достаточно было бы нескольких ловких маневров, как, например, совсем небольшого отступления, чтобы принудить противника к распылению своих сил, что опять вернуло бы ей прежние шансы. Стоит только Австрии привести свои армии в движение, и Россия, с чисто военной точки зрения, принуждена будет ограничиться обороной. Даже тактический успех кратковременного наступления не может изменить по существу этого результата.

Наконец, надо принять во внимание, что если Франция увеличит свою внутреннюю армию до 500 тысяч человек, а Австрия доведет общую численность своих войск до 800 тысяч, то каждая из этих стран будет в состоянии в течение 12 месяцев призвать под ружье по меньшей мере свыше 250 тысяч человек, в то время как английский контингент со второго года будет также непрерывно расти. Напротив, царь, если он пополнит 7-й и 8-й батальоны своих пехотных полков и доведет всю свою действующую армию до 900 тысяч, исчерпает почти все, чем может располагать для наступления. Его последние наборы наталкивались уже на большие затруднения: пришлось понизить установленную для набора «мерку» и прибегнуть к другим исключительным мерам, чтобы получить необходимое число людей. Приказ царя о том, что к оружию призывается все мужское население, доказывает только невозможность дальнейших регулярных наборов. Такое же средство было применено во время французского нашествия в 1812 г., и то только в 17 губерниях. Москва выставила 80 тысяч добровольцев, или 10%, Смоленская губерния 25 тысяч и т. д. Однако в течение всей войны этих добровольцев нигде нельзя было найти, и все эти сотни тысяч добровольцев нисколько не улучшили положения: добравшись до Вислы, русские оказались в таком же плохом положении и в такой же степени дезорганизованы, как и французы.

К НОВОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМУ КРИЗИСУ.

Лондон, 24 февраля 1855 г.

Палата общин была вчера переполнена ввиду ожидавшихся объяснений в связи с выступлением *первого* пальмерстоновского правительства. Тесно столпившиеся депутаты с нетерпением ожидали прибытия благородного виконта, который появился спустя час по открытии заседания, встреченный на одних скамьях усмешками, на других — одобрительными возгласами. Министры-отступники — Грехем, Гладстон, Герберт — заняли свои места на скамьях так называемых радикалов (манчестерской школы), где их, повидимому, приветствовал Брайт. На ближайшей к ним скамье расположился тоже ушедший из министерства Кардуэлль.

Лорд Пальмерстон выступил с предложением, чтобы вопрос о робековской комиссии был немедленно рассмотрен. Затем сэр Джемс Грехем начал свою министерскую исповедь: в то время как он витал в высотах реторики, раздался вдруг аккомпанемент Пальмерстона, свидетельствовавший о том, что лорд менее всего страдает бессонницей.

В своей полемике против следственной комиссии Грехем исходил из того положения, что ее назначение было бы нарушением прерогатив короны. Мы знаем, что за истекшие полтора года английские министерства усвоили себе обычай выступать против короны за привилегии парламента и против парламента за привилегию короны. Фактически Грехем уверял, что деятельность следственной комиссии таит в себе опасность для англо-французского союза. Что это было, как не инсинуации по адресу французского союзника, который как бы выставляется главным виновником всех несчастий? Что касается выхода Грехема из министерства, то ведь правительство еще раньше усмотрело в предложении Робека лишь прикрытое выражение недоверия. Эбердин и Ньюкестль были принесены в жертву, старый кабинет был распущен. Но новый кабинет состоит из прежних персонажей, за исключением Каннинга и Пенмюра; каким же образом предложение Робека получает вдруг в его глазах новое истолкование? Не он, Грехем, а лорд Пальмерстон с пятницы до вторника

изменил свои взгляды. Не он, а его благородный друг является девертиром. Кроме того, — наивно признался Грехем, — причина его выхода из обновленного кабинета кроется в вынесенном им убеждении, что «теперешнее правительство отнюдь не пользуется большим доверием палаты, чем правительство, вышедшее в отставку немногими неделями раньше». В своей речи Грехем между прочим сказал: «При образовании нового правительства я пожелал узнать от благородного лорда (Пальмерстона), должны ли произойти какие-нибудь изменения во внешней политике Эбердина, а также и в выставленных условиях мира. Лорд Пальмерстон уверил меня, что в этом отношении все останется по-старому». (Мы цитируем эти слова так, как они были произнесены в палате, а не в той перефразированной форме, в какой они были напечатаны в газетах.)

Брайт тотчас же подхватил это заявление Грехема и заметил, что он не желает низвержения пальмерстоновского правительства, не питает лично никакой ненависти к благородному лорду, больше того — он убежден, что Пальмерстон и Россель обладают тем, чего нехватало несправедливо преследуемому Эбердину, а именно — необходимой популярностью для того, чтобы заключить мир на основе четырех пунктов.

Сидней Герберт: Предложение Робека распадается на две совершенно различные составные части. Он предлагает, во-первых, обследовать положение армии под Севастополем; во-вторых, обследовать управление тех государственных органов, на которые специально была возложена забота об армии. Палата имеет право произвести последнее, но ни в коем случае не первое. Как раз, основываясь на этом же положении, Герберт 29 января горячо возражал против «последнего», как теперь, 23 февраля, он возражает против «первого». Когда он (Герберт) занял свое место в теперешнем кабинете, лорд Пальмерстон, в полном согласии с своей же собственной речью, произнесенной в прошлую пятницу, назвал тогда комиссию неконституционной мерой и счел, что вопрос о ней снимается в связи с уходом Эбердина и Ньюкестля. Пальмерстон не сомневался даже в том, что теперь палата отвергнет предложение Робека без прений. Комитет, поскольку его целью является не возбуждение обвинения против правительства, а расследование положения армии, оказался бы чем-то в высшей степени призрачным. Лорд Пальмерстон ослабил бы правительство, если бы не имел мужества действовать согласно неоднократно высказанному им убеждению. А какая польза от сильной личности, если она проводит слабую политику?

Гладстон к объяснениям своих коллег не прибавил ничего су-

пественного, кроме разве такого рода аргументации, которая дала покойному Пилю повод заметить по случаю выхода Гладстона из его правительства (тогда обсуждался вопрос об институте Маупноот¹), что он как будто понял причины ухода своего друга, но это было до того, как последний вздумал изложить эти причины парламенту в двухчасовой речи.

Пальмерстон счел излишним входить в подробности по поводу объяснений своих бывших коллег. Он, конечно, сожалеет об их уходе, но он найдет способ утешиться. По его мнению, комиссия не преследует ничего преступного, а должна лишь расследовать положение армии. Он, правда, противился назначению комиссии, но теперь убедился в том, что постановление парламента не может быть отменено. Без правительства страна не может остаться, поэтому он остается во главе правительства — с комиссией или без нее. На вопрос Брайта Пальмерстон ответил, что мирные переговоры ведутся серьезно и инструкции Росселю составлены на основе четырех пунктов. О положении своего собственного министерства он ничего не сообщил палате.

Пальмерстон, несмотря на внезапное крушение своего первого правительства, бесспорно одержал уже победу, если не в общественном мнении, то в кабинете и в парламенте. Отправив Росселя с миссией в Вену, он избавился тем самым от неудобного и капризного соперника. Пойдя на компромисс с Робертом, он превратил парламентский комитет расследования в правительственную комиссию, которая, наряду с тремя им самим назначенными комиссиями, займет место четвертой. Говоря словами Сиднея Герберта, он реальность заменил «чудовищным призраком». Уход пилитов дал ему возможность образовать кабинет из абсолютных нулей с самим собою в качестве единственной единицы. Что образование такого действительно пальмерстоновского правительства должно натолкнуться на непреодолимые трудности, — это не подлежит сомнению.

¹ Королевский католический колледж, построенный в 1845 г. в Мейноте (Ирландия) на средства, ассигнованные парламентом. *Ред.*

ЮМ.

Лондон, 24 февраля 1855 г.

В лице Юма скончался ветеран палаты общин. Его продолжительная парламентская деятельность является точным барометром развития буржуазно-радикальной партии, достигшей своего расцвета в 1831 г. В первое время после реформы палаты он играл в ней роль парламентского Варвика, т. е. назначал депутатов. Спустя 8 лет, он вместе с Даниэлем О'Коннелом и Фергюсом О'Коннором выступает в качестве одного из творцов «Народной хартии», которая и сейчас еще составляет политическую программу чартистов, хотя не содержит по существу ничего другого, кроме требования *«всеобщего избирательного права и создания таких условий, при которых это право могло бы осуществиться в Англии»*.

Вскоре после этого последовал разрыв между рабочими массами и буржуазными агитаторами. Юм оказался тогда на стороне последних. Во время министерства Росселя он составил «малую хартию», которую так называемые «парламентские и финансовые реформисты» сбъявили своей программой. Вместо шести пунктов, имевшихся в «Народной хартии», она содержит три пункта, и «всеобщее» избирательное право заменяет более или менее «расширенным». Наконец, в 1852 г. Юм опубликовал новую программу, в которой он отказывается и от своей «малой хартии» и настаивает только на одном пункте — на тайном голосовании. В остальном Юм является классическим представителем так называемой «независимой» оппозиции, которую Коббет метко и исчерпывающе охарактеризовал как «предохранительный клапан» старой системы. В последнее время Юм усвоил себе привычку, обратившуюся в манию, вносить в парламент предложения, но в решительный момент отказываться от них по сигналу министров. Его кокетничание с «экономией казенных средств» вошло в поговорку. Все министры разрешали ему нападать на мелкие расходные статьи и сокращать их, чтобы тем успешнее проводить через палату в неприкосновенности статьи крупные.

* ПАЛЬМЕРСТОН И АНГЛИЙСКАЯ ОЛИГАРХИЯ.

Лондон, 27 февраля 1855 г.

На поднявшийся против аристократии поход Пальмерстон ответил министерством, состоящим из 10 лордов и 4 баронетов, причем 8 из этих 10 лордов заседают в Верхней палате. Нетерпеливым расчетам на компромисс между различными фракциями олигархии он противопоставляет компромисс между различными семейными группами внутри фракции вигов. Его комбинацией удовлетворен род Греев, герцогский дом Сутерлендов, наконец семейство Кларендонов. Министр внутренних дел, сэр Джорж Грей, — кузен графа Грея, зятя сэра Чарльза Вуда; первый лорд адмиралтейства, граф Гренвилль, и герцог Аргайль представляют семейство Сутерлендов. Сэр Дж. К. Льюис, канцлер казначейства, является шурином графа Кларендона, министра иностранных дел. Одна только Индия досталась нетитулованному, хотя и породнившемуся браком с вигской фамилией, Вернону Смиту. «Королевство за коня!» — воскликнул Ричард III; «Коня за королевство!» — восклицает Пальмерстон, подражая Калигуле, и обращает Вернона Смита в Великого могола Индии.

«Лорд Пальмерстон, — жалуется «Morning Advertiser», — дал нам не только самое аристократическое управление, какое только знает наша история, — он составил свое правительство из самого жалкого аристократического материала, какой только можно было найти». Но «Пальмерстон все еще в цепях, он до сих пор не свободен в своих действиях», — утешает себя честный «Advertiser».

Как мы предсказывали, лорд Пальмерстон образовал кабинет из нулей, в котором он сам является единственной единицей. Лорда Джона Росселя, который в 1851 г. недипломатически выбросил его из кабинета вигов, он дипломатически отправил путешествовать. Пилитов он использовал для того, чтобы вступить в наследство Эбердина. Обеспечив за собой председательствование в кабинете министров, он опрокинул эбердинитов и похитил у Росселя, как выразился Дизраэли, не только одеяние вигов, но и самих вигов. Несмотря на большое сходство, почти тождество теперешнего правительства с

правительством вигов, возглавлявшимся Росселем с 1846 по 1852 г., не было бы ничего ошибочней, как смешивать их. Суть дела заключается теперь вообще не в кабинете, а в лорде Пальмерстоне, заменяющем кабинет. Хотя состав кабинета почти прежний, однако места в нем так распределены, связи его с палатой общин так отличны от прежних и сам он создан при столь изменившихся обстоятельствах, что если раньше он представлял собою слабое правительство вигов, то теперь он олицетворяет сильную диктатуру одного человека; конечно, при том предположении, что Пальмерстон — не фальсифицированный Питт, Бонапарт — не фальсифицированный Наполеон, а лорд Джон Россель продолжит свое путешествие. Английский буржуа хотя и раздосадован тем, что дела приняли столь неожиданный оборот, однако с интересом следит за бессовестной игрой, с помощью которой Пальмерстон одурачил друзей и врагов. Пальмерстон, — говорит купец из Сити, — снова показал, что он «clever» [ловкий]. Но «clever», это — непере译имое сказуемое, имеющее различный смысл и значение. Оно охватывает все качества человека, умеющего учесть обстановку и так же хорошо понимающего собственные выгоды, как и чужие невыгоды. При всей своей «моральности» и «респектабельности» английский буржуа прежде всего почитает человека, о котором говорят, что он «clever», которого мораль не стесняет, уважение не сбивает с толку, который на принципы смотрит как на сети, куда можно уловлять своих ближних. Если Пальмерстон настолько «clever», то не перехитрит ли он русских так же, как он перехитрил Росселя? Таков политик, отвечающий вкусу высших слоев английской буржуазии.

Что касается ториев, то им кажется, что вернулось доброе старое время, что чары коалиции кончились и вновь восстановлен традиционный переход власти от вигов к ториям и обратно. Действительно, изменения, не ограничивающиеся одним пассивным распадением, могут происходить только при управлении ториев. Лишь тогда, когда у кормила правления стоят тории, начинается громадный нажим извне — *pressure from without* — и осуществляются неизбежные реформы. Так, при правительстве Веллингтона проходит эмансипация католиков; отмена хлебных законов имеет место при министерстве Пиза; то же самое можно сказать если не про билль о реформах, то, по крайней мере, об агитации за реформы, агитации, имевшей большее значение, чем ее результаты.

Когда англичане призвали из-за моря голландца [Вильгельма III] для того, чтобы провозгласить его королем и чтобы вместе с новой

династией начать новую эпоху, наступила эра брака земельной аристократии с финансовой. С того времени и по сей день сохраняется конституционное равновесие между привилегией крови и привилегией золота. В согласии с принципом крови, например, часть должностей в армии распределяется по признаку родовых связей, кумовства, фаворитизма; но и принцип золота дает себя чувствовать, так как все офицерские должности можно купить и продать за звонкую монету. Вычислено, что служащие теперь в армии офицеры уплатили за свои должности капитал в 6 миллионов фунтов стерлингов. Чтобы не лишиться своих прав, полученных по службе, и не быть вытесненным каким-нибудь молодым богачом, более бедный офицер занимает деньги, чтобы обеспечить свое продвижение по службе, и таким образом становится обремененным ипотеками существом.

Как в армии, так и в церкви наравне с принципом семейных связей господствует принцип чистогана. В то время как часть церковных должностей достается младшим сыновьям аристократии, другая часть принадлежит тем, кто больше заплатит. Торговля «душами» английского народа, — поскольку они принадлежат государственной церкви, — не менее регулярна, чем торговля неграми в Виргинии. В этой торговле существует не только продавец и покупатель, но и маклер. Один из таких «церковных» маклеров, по фамилии Симпсон, предстал вчера перед «Court of Queen's Bench» [судом королевской скамьи] и потребовал следующее ему вознаграждение с некоего Лемба, который по договору обязался устроить назначение в приход Westhackney священника Джозайю Родвелля, причем Симпсон, не считая кое-каких добавочных доходов, выговорил себе 5% как с покупателя, так и с продавца. Лемб, по его словам, не выполнил своего обязательства. Обстоятельства дела сложились следующим образом. Лемб — сын 70-летнего настоятеля (rector) двух приходов в Сессексе, рыночная цена которых определяется в 16 000 фунтов. Цена стоит, конечно, в прямом отношении к доходам от церковного прихода и в обратном к возрасту владельца прихода. Молодой Лемб является патроном приходов, занятых старым Лембом, и к тому же братом еще более молодого Лемба, владельца и священника прихода в Westhackney. Так как настоятель Westhackney еще очень молод, цена следующего назначения на его синекуру стоит соответственно ниже. Хотя ежегодная доходность ее, вместе с жильем для священника, составляет 550 ф. ст., однако ее владелец продаст следующее назначение только за 1 000 фунтов. Брат обещает ему передать, после смерти отца, приходы в Сессексе, но продает через Симпсона освобождающуюся в Westhackney вакансию за 3 000 ф. ст.

Джозайе Родвеллю, причем кладет себе в карман 2 000 ф. чистой прибыли, а брат его получает лучший приход. Маклер должен был бы на этом деле заработать 300 фунтов, из расчета причитающихся 5% комиссии. Осталось невыясненным, почему контракт был расторгнут. Суд присудил маклеру Симпсону «за понесенные труды» вознаграждение в 50 ф. ст.

БРИТАНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ.

I.

Лондон, 2 марта 1855 г.

В то время как британская конституция терпела крушение всякий раз, как война подвергала ее испытанию, в стране потерпело крушение коалиционное министерство, самое конституционное из всех министерств, какое знала английская история. 20 000 британских солдат, погибших на берегах Черного моря, — это жертвы британской конституции! Офицеры, генеральный штаб, комиссариат, медицинский отдел, транспортная служба, адмиралтейство, военное министерство, артиллерийское управление, интендантство, армия, флот, — все это рухнуло, все это само подорвало свой престиж в глазах света; но все гибнущие находили удовлетворение в сознании, что они выполнили свой долг перед британской конституцией!

«Times» был ближе, чем он сам полагал, к истине, когда он по поводу этого всеобщего банкротства воскликнул: «Сама британская конституция стоит перед судом!» Она стояла перед судом и была признана виновной.

Но что такое британская конституция? Заключается ли суть ее в представительных учреждениях и в ограничении исполнительной власти? Эти признаки не отличают ее ни от конституции Соединенных Штатов Северной Америки, ни от конституции бесчисленных английских акционерных компаний, которые понимают «свое дело». Британская конституция является в действительности лишь просроченным, пережившим себя, устарелым компромиссом между *неофициально*, но фактически *господствующей* во всех важнейших сферах гражданского общества буржуазией и *официально правящей* земельной аристократией. В первое время после «славной» революции 1688 г. в компромиссе была включена только часть буржуазии — *финансовая аристократия*. Билль о реформах 1831 г. включил и другую часть — «Millocgasy», как ее называют англичане, что означает верховных сановников *промышленной* буржуазии. История законодательства с 1831 г. представляет собою

историю уступок, сделанных промышленной буржуазии, начиная с нового акта о «домах для бедных» и кончая отменой хлебных законов и от отмены хлебных законов до установления налога на наследование земельной собственности.

Если буржуазия — собственно только верхний слой средних классов — была, таким образом, признана и в политическом отношении *господствующим классом*, то лишь под тем условием, что общее управление, во всех его деталях, даже исполнительный орган законодательной власти, т. е. самое «делание законов» в обеих палатах парламента, будет закреплено за земельной аристократией. Буржуазия в 1830 г. предпочла новый компромисс с земельной аристократией компромиссу с массой английского народа. И вот аристократия, хотя и подчинившаяся известным принципам, выставленным буржуазией, но исключительно господствующая в кабинете министров, в парламенте, в администрации, в армии и флоте, — эта единственная в своем роде и сравнительно важнейшая часть английской нации вынуждена теперь подписать себе смертный приговор и перед лицом всего света признать, что она неспособна управлять Англией. Какие только усилия употребляются для того, чтобы гальванизировать этот труп! Одно министерство образуется за другим и уходит после нескольких недель пребывания у власти. Кризис становится непрерывным, управление — лишь временным явлением. Всякая политическая работа приостановлена, и каждый сознает, что он только о том и думает, как бы достаточно смазать политическую машину и тем предохранить ее от полной остановки. Палата общин сама не узнает себя больше в министерствах, созданных по ее образу и подобию.

И в обстановке такой всеобщей беспомощности приходится не только вести войну, но еще бороться с врагом, более грозным, чем царь Николай. Этот враг — *торгово-промышленный кризис*, ежедневно усиливающийся с прошлого сентября и становящийся всеобщим. Его железная рука немедленно зажала рот поверхностным апостолам свободной торговли, проповедующим в течение нескольких лет, что со времени отмены хлебных законов переполненные рынки и социальные кризисы навсегда отошли в область предания. Переполнение рынков налицо, и вот — никто не кричит громче о непредусмотрительности фабрикантов, не сумевших сократить производство, чем те самые экономисты, которые еще пять месяцев тому назад проповедывали с догматической непогрешимостью, что перепроизводства никогда быть не может.

В хронической форме болезнь обнаружилась уже со времени

приостановки работ в Престоне. Вскоре после того переполнение американского рынка вызвало кризис в Соединенных Штатах. Индия и Китай, равно как Калифорния и Австралия, хотя и были перегружены, продолжали тем не менее играть роль отводных каналов для промышленного перепроизводства. Не имея больше возможности сбывать свои товары на внутреннем рынке без понижения цен на них, английские фабриканты прибегли к опасному средству — к отправке товаров на комиссию за границу, главным образом в Индию, Китай, Калифорнию и Австралию. Благодаря такому приему торговля протекала некоторое время с меньшими перебоями, чем это случилось бы, если бы все товары были сразу выброшены на рынок. Но как только товары прибыли на места назначения, они оказали решающее влияние на местные курсы, и к концу сентября результаты этого влияния стали ощущаться и здесь, в Англии.

Кризис, бывший хроническим, стал острым. Первыми предприятиями, потерпевшими крушение, оказались ситценабивные — между ними старые солидные фирмы Манчестера и его окрестностей. За ними пришла очередь судовладельцев, австралийских и калифорнийских купцов, затем китайских и, наконец, индийских торговых домов. Очередь дошла до всех; большинство сильно пострадало, многие принуждены были приостановить дела, и ни одна отрасль торговли не избежала опасности. Напротив, опасность определенно растет. Шелковые фабриканты также были ею захвачены; их индустрия в настоящее время сведена почти к нулю, а в местах производства царит величайшая нужда. Теперь наступает очередь шерстопрядильщиков и шерстяных фабрикантов. Некоторые из них уже свалились под ударом кризиса, и большинству еще предстоит разделить их участь. Мы уже видели раньше, что производители тонкой пряжи сокращают продолжительность работы, но к тому же средству вынуждены будут прибегнуть и производители толстой пряжи. Часть из них уже теперь работает лишь по нескольку дней в неделю. Долго ли они смогут так продержаться? Еще несколько месяцев, — и кризис в промышленных округах достигнет той высоты, какой он достиг в 1842 г., если не окажется даже выше.

Но лишь только весь рабочий класс почувствует на себе влияние кризиса, как он снова будет охвачен политическим движением, дремавшим в течение последних 6 лет и лишь оставившим кадры для новой агитации. Конфликт между промышленным пролетариатом и буржуазией снова созреет как раз к тому времени, когда конфликт между аристократией и буржуазией достигнет своей высшей точки развития. Тогда спадет маска, скрывавшая до сих пор от заграницы

истинные черты политической физиономии Великобритании. И только тот, кто не знаком с богатствами Англии в отношении живых и материальных ресурсов, сможет сомневаться в том, что она выйдет победоносной и обновленной из надвигающегося на нее жестокого кризиса.

II.

Лондон, 2 марта 1855 г.

Лайард, известный ученый ассириолог, осветил вчера в речи, произнесенной им перед своими избирателями в Айлсбери, интересные подробности, характеризующие, с одной стороны, методы олигархии в раздаче ею важнейших государственных должностей, с другой — в высшей степени двусмысленную позицию, занимаемую так называемыми либеральными и независимыми членами парламента в отношении к этой олигархии.

Лорд Гренвилль, рассказывает Лайард, назначил его помощником статс-секретаря по иностранным делам; на этом месте он прослужил три месяца, когда рухнуло правительство Росселя и был образован кабинет Дерби. Последний предложил ему остаться на своем посту до тех пор, пока не вернется из Индии назначенный его преемником лорд Стенли (сын Дерби). Затем он обещал отправить его (Лайарда) с дипломатической миссией за границу. «Все мои политические друзья, — рассказывает Лайард, — были того мнения, что я должен принять предложение, за исключением лорда Росселя, который держался противоположного мнения; совету Росселя я и последовал».

Итак, Лайард отверг предложение Дерби. Прекрасно! Лорд Россель снова становится министром, и Лайард не остается забытым. Россель приглашает его к «министерскому столу», за которым он должен занять место помощника секретаря «Board of Control», т. е. министерства по делам Индии. Лайард соглашается. Но вдруг Россель вспоминает о том, что более пожилой джентльмен из вигов, по фамилии сэр Томас Редингтон, однажды уже как-то занимавшийся ирландскими, но отнюдь не азиатскими делами, «еще не пристроен» (буквально!). Он дает понять Лайарду, что тот не должен становиться почтенному джентльмену поперек дороги. Лайард снова покорно устраняется. Тогда Россель, ободренный кротостью и самопожертвованием ученого, убеждает его совсем стусеваться и принять место консула в Египте. Но на этот раз Лайард приходит в бешенство, отказывается наотрез и приобретает известность в парламенте благодаря своим речам против восточной политики правительства.

Пальмерстон, создав свой кабинет, пытается склонить Лайарда в свою пользу и предлагает ему место секретаря в артиллерийском управлении. Лайард отклоняет предложение, так как он ровно ничего не понимает в артиллерии и т. д. Какая наивность! Как будто ушедший в отставку секретарь, — г. Монселль, один из маклеров ирландской бригады — был когда-либо в состоянии отличить обыкновенный мушкет от игольчатого ружья! Тогда Пальмерстон предлагает ему пост помощника секретаря в военном министерстве. Лайард принимает предложение. Но на следующий день Пальмерстон приходит к заключению, что Фредерик Пиль младший, — это бюрократическое ничтожество, — в данный момент абсолютно необходим в военном министерстве, о работе которого Пиль не имеет ни малейшего представления. В качестве компенсации он предлагает, наконец, Лайарду от имени Росселя место помощника секретаря в министерстве колоний. Лайард считает создавшееся положение слишком тяжелым для того, чтобы при существующих условиях взять на себя обузу — ознакомиться с 50 колониями, которыми он до сего времени совсем не занимался. Он снова отказывается. И на этом заканчивается эта поучительная история.

Единственная мораль, которую правительственные органы отсюда выводят, такова: Лайард еще очень неопытен в житейских делах и сам виноват в том, что не использовал своей ассирийской славы.

АНГЛИЙСКАЯ ПЕЧАТЬ ОБ УМЕРШЕМ ЦАРЕ.

I.

Лондон, 3 марта 1855 г.

Все вышедшие сегодня газеты содержат, конечно, статьи, посвященные смерти русского императора. Но все они без исключения пошлы и повторяют общие места. «Times» по крайней мере пытается с помощью пафоса в 100 лошадиных сил поднять свой стиль до тамерлановских высот. Мы подчеркнем два места — оба являются комплиментами по адресу лорда Пальмерстона. Назначение последнего, «худшего врага царя», премьер-министром будто бы еще более усилило раздражение Николая и ускорило его смерть. С 1830 по 1840 г. (первое десятилетие иностранной политики Пальмерстона) царь отказался-де от политики захватов и мирового господства. Одно утверждение стоит другого.

«Morning Advertiser» делает открытие, что Михаил — старший сын царя и является поэтому законным наследником престола. «Morning Post», негласный орган Пальмерстона, объявляет английской читающей публике в своей надгробной речи, что «Венская конференция отсрочена только на некоторое время, но должна скоро открыться при новых обстоятельствах», и что «сегодня после обеда лорд Кларендон будет иметь в Булони беседу с императором Наполеоном, в которой оба правительства обменяются своими соображениями по поводу столь внезапного и важного события». «Daily News» не верит в мирные последствия «внезапного события», так как западные державы не могли бы отступить до падения Севастополя, а Россия — после его падения.

II.

Лондон, 6 марта 1855 г.

Смерть императора Николая дает повод к появлению не совсем обычных рекламных сообщений в здешней прессе. Джемс Ли, не делавший никаких врачебных наблюдений, перещеголял д-ра Гренвилля. «6 февраля, — пишет он в сегодняшнем номере «Advertiser», — я отправил вам письмо, в котором писал, что русский император через

три недели от сего дня обратится в труп». Редакция «Morning Advertiser'a» в приписке объясняет, что она действительно получила письмо Ли, но бросила его в корзину, считая, что оно — бред больного мозга. Ли идет еще дальше. Он берется предсказать на страницах «Advertiser'a» скорую смерть другого властелина, но при том непременно условии, чтобы его сообщение было опубликовано. Предсказания Ли, повидимому, стоят дешевле, чем книги Сивиллы.

Смерть царя побуждает Уркарта, одаренного, в качестве шотландца, благодатью прозрения, высказать несколько пифических изречений, из коих наиболее характерным и понятным является следующее: «Кровь легла между Николаем и поляками, которые не могли быть отпущены, дабы не упускать их из виду, и от которых потребовали 500 000 бойцов. И было вполне понятно, что реставрация белого двуглавого орла, — символа объединения славянских рас, — возвещенная в московском соборе Александром, предшественником Николая, не могла осуществиться при его жизни». Уркарт, следовательно, полагает, что теперь наступил момент, когда Россия превратится в Славянию, подобно тому как некогда Московское царство превратилось в Россию.

ТОРГОВЛЯ ДОЛЖНОСТЯМИ. — ВЕСТИ ИЗ АВСТРАЛИИ.

Лондон, 3 марта 1855 г.

В позавчерашнем заседании палаты общин предложение лорда Годерича о продвижении унтер-офицеров до капитанского чина было, как известно, отвергнуто. Пальмерстон формулировал старую дилемму: частичная реформа невозможна, так как все звенья старой системы обуславливают друг друга. Итак, отдельная практическая реформа неосуществима, ибо она не имеет теоретического основания. Общая же реформа системы невозможна потому, что она была бы не реформой, а революцией. Стало быть, теоретическая реформа невозможна потому, что она неосуществима на практике. Палата общин, та палата, которая руководствуется правилом «*principiis obsta*» [борись со злом с самого начала], конечно, легко дала себя убедить в этом или, правильнее, не нуждалась в убеждении, так как она уже заранее приняла решение.

Пальмерстон сослался по этому поводу на то, что система продажи офицерских патентов стара, и в этом он был прав. Мы уже указывали раньше, что эта система возникла в эпоху «славной» революции 1688 г., одновременно с введением системы государственных долгов, банкнот и голландской династии. Уже в «акте о мятежах» 1694 г. упоминается о необходимости «прекратить бедствия, происходящие от продажи и покупки офицерских должностей в королевской армии», и предписывается, чтобы «каждый определенный на должность офицер (только унтер-офицеры *не определялись*) давал клятву в том, что он не купил своей должности».

Это ограничение, однако, не было проведено на практике: напротив, сэр В. Райт, лорд-хранитель печати, вынес решение в обратном смысле. 1 мая 1711 г. система патентов была признана одним из постановлений королевы Анны, в котором говорилось, «что ни одно назначение не может быть продано без королевского утверждения, и ни один офицер, не прослуживший полных 20 лет или не потерявший во время службы способности к ней, не имеет права откупиться» и т. д. От этого официального признания торговли военными патентами оставался только один шаг до официального регулиро-

вания рыночных цен на назначения. Такие цены были впервые зафиксированы в 1719 — 1720 гг. Затем цены были пересмотрены в 1766, 1772, 1773, 1783 гг. и, наконец, в 1821 г. были утверждены существующие теперь цены.

Еще в 1766 г. военный министр Баррингтон опубликовал письмо, в котором сказано: «Последствием этой торговли офицерскими патентами часто является то, что люди, поступившие в армию по склонности к военной службе и много раз отличившиеся, остаются всю жизнь в низшей должности только потому, что они бедны. Эти заслуженные и достойные офицеры терпят часто жестокие унижения со стороны командующих ими юнцов, происходящих из богатых семей, поступивших на службу гораздо позже, но обладающих средствами для того, чтобы бражничать вне полка, в то время как другие, постоянно находящиеся в служебных помещениях, выполняют обязанности как этих джентльменов, так и свои собственные».

Правда, общее право Англии считает незаконным всякое дарение или «маклерское вознаграждение» за предоставление государственных должностей, подобно тому, как статуты государственной церкви налагают за симонию отлучение. Но историческое развитие в том и заключается, что ни закон не определяет собой практики, ни практика не устраняет противоречащего закона.

Последние известия из Австралии дают новый материал для характеристики всеобщего брожения и всеобщей неустойчивости. Мы должны различать между мятежом в Балларате (близ Мельбурна) и общим революционным движением в провинции Виктория. Первый в настоящий момент, вероятно, уже подавлен; второе может быть прекращено только путем значительных уступок. Первый является только симптомом, конкретным выявлением второго.

Что касается балларатского мятежа, то вызвавшие его обстоятельства были следующие. У некоего Бентли, владельца гостиницы «Эврика» у золотоносных копей Балларата, возникли разного рода нелады с золотоискателями. Случившееся в его доме убийство только увеличило ненависть к нему. После осмотра трупа — Бентли был освобожден как не причастный к делу. Но 10 из 12 присяжных, присутствовавших при осмотре тела убитого, выразили протест против пристрастного отношения следователя, который пытался затушевать невыгодные для арестованного свидетельские показания. По требованию толпы было произведено вторичное расследование. Несмотря на весьма подозрительные свидетельские показания, Бентли был снова отпущен на свободу. Между тем выяснилось, что один из

судей является пайщиком его гостиницы. Как прежние, так и вновь поступающие жалобы вообще указывают на двусмысленный характер деятельности правительственных чиновников округа Балларата. В день вторичного освобождения Бентли золотоискатели произвели внушительную демонстрацию, сожгли его гостиницу и вернулись обратно. Трое зачинщиков были арестованы по приказу сэра Чарльза Готема, генерал-губернатора провинции Виктория. 27 ноября депутация от золотоискателей потребовала их освобождения. Готем отказал в просьбе. Золотоискатели устроили грандиозный митинг. Губернатор послал из Мельбурна полицию и военную силу. Дошло до столкновения, после которого осталось несколько убитых. По последним сведениям — от 1 декабря — золотоискатели подняли знамя независимости.

Этот рассказ, заимствованный в главных чертах из одного правительственного органа, ни в коем случае не говорит в пользу английских судей и правительственных чиновников. Он указывает на господствующее к ним недоверие. Революционное движение в провинции Виктория обуславливается следующими важнейшими обстоятельствами. Золотоискатели требуют отмены патентов на добывание золота, т. е. отмены налога, падающего непосредственно на труд; во-вторых, они настаивают на отмене имущественного ценза для членов палаты депутатов, чтобы таким образом самим получить право контроля над установлением налогов и законодательством. Не трудно заметить, что это по существу те же мотивы, которые привели к объявлению независимости Соединенных Штатов, только с той разницей, что в Австралии оппозиция против монополистов, объединенных с колониальной бюрократией, исходит от рабочих. В «Melbourne Argus» мы читаем о больших митингах по вопросу о реформах, с другой стороны, — о крупных военных приготовлениях со стороны правительства. Между прочим, там сказано: «На одном митинге в 4 000 человек было постановлено, что патентное обложение является незаконным налогом на свободный труд, что собравшиеся обязуются немедленно сжечь все патенты и тем самым признать систему патентов отмененной. Если кто-нибудь из собравшихся будет арестован за то, что он не имеет патента, то объединенный народ защитит и охранит его». «30 ноября в Балларате появились комиссары Рид и Джонсон с кавалерией и полицией и с обнаженными саблями и ружьями наперевес потребовали у золотоискателей предъявления патентов. Последние, большей частью вооруженные, устроили массовый митинг и постановили всеми силами противиться выколачиванию ненавистного налога. Они отказались предъявить

патенты и заявили, что патенты ими сожжены. Восстание было объявлено, и мятеж стал открытым».

Чтобы изобразить общее поведение господствующих в местных законодательных органах монополистов и объединенной с ними колониальной бюрократии, достаточно указать, что в 1854 г. правительственные расходы по провинции Виктория достигли 3 564 258 ф. ст., дефицит составил 1 085 896 ф. ст., т. е. больше трети всех доходов. И перед лицом теперешнего кризиса, перед лицом всеобщего банкротства сэр Чарльз Готем требует на 1855 г. сумму в 4 801 292 ф. ст.! Виктория едва насчитывает 300 000 жителей, и из вышеприведенной суммы 1 860 830 ф., — что составляет 6 ф. на человека, — предназначаются для общественных работ, как-то: для сооружения дорог, доков, набережных, казарм, правительственных зданий и пр. Если принять такой масштаб, т. е. 6 ф. на человека, то население Великобритании должно было бы ежегодно платить только на выполнение общественных работ 168 000 000 ф. ст., т. е. втрое больше того, что составляют все его налоги в совокупности. Не трудно понять, что рабочее население восстает против такого чрезмерного обложения. И не трудно также понять, какие хорошие «дела» должны делать бюрократы и монополисты, объединившись на почве производящихся в таком широком масштабе — на чужой счет — общественных работ.

К ИСТОРИИ СОЮЗА С ФРАНЦИЕЙ.

Лондон, 6 марта 1855 г.

Сегодняшний номер «Morning Herald'a» поразил Лондон следующим заявлением: «Мы можем с полной достоверностью сообщить, что французский император опротестовал назначение следственной комиссии о ведении войны и заявил, что, в случае, если эта комиссия приступит к работе, армии обеих наций не смогут больше сообща действовать, хотя они могли бы преследовать одну и ту же цель. Чтобы удовлетворить Луи Наполеона и вместе с тем не поселить недоумения в английском народе, в ближайшем же будущем будет объявлен роспуск парламента».

Не придавая особой важности этой заметке «Herald'a», мы отмечаем ее как один из многих симптомов того, что *по ту и другую сторону канала какие-то скрытые силы работают над разрушением англо-французского союза*. Вспоминаются объяснения бывшего министра иностранных дел сэра *Джемса Грехема*: «Под давлением следственной комиссии наш адмирал будет принужден раскрыть все причины, которые вызвали отсрочку блокады; расследование в таком случае распространилось бы на самые основы нашего союза с нашим великим и могущественным союзником как раз в то время, когда устранение какого бы то ни было недоразумения между нами представляется крайне важным».

Сидней Герберт: «Он требует, чтобы комиссия добралась до корней всего дела, не оскорбляя в то же время чести нашей крымской армии и не колебля доверия наших союзников. Была бы допущена большая несправедливость, если бы члену комиссии не было дано возможности остановить ее в тот момент, когда она окажется на опасном пути; те офицеры, которых она вызвала бы для допроса, были бы, вероятно, принесены в жертву, ибо им не было бы разрешено ответить на предъявленные к ним обвинения, так как в таком случае они были бы вынуждены сделать опасные разоблачения. По крайней мере, он (Герберт) считает себя обязанным воспрепятствовать тому, чтобы офицеры британской армии оказались в положении обвиняемых, у которых связаны руки и которые лишены возможности защищаться».

Гладстон: «Помимо всего прочего, комиссии придется отыскать причину, почему ранее не была построена дорога от Балаклавы. Если комиссия этого вопроса не расследует, то вообще она ничего не расследует; в противном же случае ответ на него будет гласить: недостаток рабочей силы. Если же она, далее, спросит, чем объясняется такой недостаток, то услышит в ответ, что люди работали над окопами и что последние занимали *большое пространство вследствие неблагоприятного распределения позиций между французами и англичанами.* Я заявляю также, что следствие даст всему делу ложное освещение, если вы не исследуете тщательно вопроса о дорогах, а если вы это расследование произведете, то обвиненные стороны в своей защите непосредственно коснутся самых интимных сторон в отношениях между Англией и Францией».

Понятно, что такие министерские объяснения только способствуют росту посеянных зерен недоверия. То обстоятельство, что английская армия в Крыму была обречена на сторожевую службу под Балаклавой, уже задело самым чувствительным образом национальное чувство англичан. Затем появилась полуофициальная статья в «*Moniteur*», наполненная «императорскими» соображениями об английской конституции. Статья вызвала едкие реплики во всей здешней еженедельной печати. Затем был опубликован Брюссельский мемуар, представляющий Луи-Наполеона как инициатора, с одной стороны, крымской экспедиции, а с другой — уступок, сделанных Австрии. Комментарии к этому мемуару, появившиеся, например, в «*Morning Advertiser*», напоминают по своему непочтительному тону «Письма англичанина» по поводу государственного переворота 2 декабря.

Какие отклики находит все это в настоящей народной печати, можно видеть по следующей выдержке из «*People's Paper*», чартистского органа: «Бонапарт заманил Англию в Крым... Наша армия, попав в эту ловушку, была им поставлена в такое положение, что она притупила острие русской военной мощи раньше, чем оно могло прикоснуться к его собственной армии. Под Альмой, под Балаклавой, под Инкерманом, под Севастополем британцы оказались на самых опасных позициях. Они должны были принимать всю тяжесть сражений и понесли наибольший урон. По договору Англия должна была выставить лишь третью часть армии по сравнению с Францией. Эта треть должна была принять участие почти во всех боях. Эта же треть должна была занять больше половины позиций под Севастополем. Наша армия была уничтожена, потому что она не могла получить тех запасов продовольствия и обмундирования, которые гнили

в Балаклаве; не могла потому, что между Балаклавой и Севастополем нет надлежащей дороги, а нет ее потому, что Наполеон настоял на том, чтобы англичане, располагая менее чем одной третью всех войск, выполняли большую половину окопных работ; вследствие этого они не могли выделить нужного количества людей для исправления дорог. В этом заключается секрет, на который намекали Грехем, Герберт и Гладстон. Таким образом Наполеон умышленно погубил 44 000 наших солдат» и т. д.

Все эти признаки недоверчивого отношения к союзникам-французам потому приобретают такое значение, что во главе правительства стоит лорд Пальмерстон, — человек, который всякий раз подымается вверх, пользуясь в качестве лестницы союзом с Францией, а потом внезапно создает такое положение, при котором между Англией и Францией почти неизбежно военное столкновение. Так было во время турецко-сирийских событий 1840 г. и договора 15 июля, которым он увенчал 10-летний союз с Францией. Сэр Роберт Пиль заметил по этому поводу в 1842 г., что он «никогда не мог понять, почему был расторгнут союз с Францией, — союз, которым благородный лорд, казалось, всегда так гордился». То же было в 1847 г. по случаю испанских браков. В 1846 г. Пальмерстон мог снова занять свой пост лишь после того, как он пошел на поклон к Луи-Филиппу, с ним помирился и польстил французам в одной из своих речей в палате общин; а в 1847 г. он уверял, что Луи-Филипп уничтожил союз, так как нарушил Утрехтский договор (договор, прекращенный с 1793 г. и ни разу с тех пор не возобновленный), и совершил акт «вероломства» по отношению к английской короне. Что касается «вероломства», то доля правды тут имеется, но, как доказали опубликованные впоследствии документы, Пальмерстон искуснейшим образом вызвал французский двор на это «вероломство», чтобы получить *предлог* для разрыва. Думая перехитрить Пальмерстона, лукавый Луи-Филипп сам попал в заботливо поставленную «шутником» вишней ловушку. Только февральская революция помешала возникновению войны между Англией и Францией.

СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ. — БРЮССЕЛЬСКИЙ МЕМУАР.

Лондон, 7 марта 1855 г.

Слухи о предстоящем роспуске парламента под тем предлогом, что следственная комиссия компрометирует союз с Францией, видимо, подтверждаются. Корреспондент «Morning Advertiser'a» замечает по этому поводу: «Кто сообщил комиссии гласный характер? Лорд Пальмерстон, который, как утверждают, хочет распустить палату. Робек, который требовал и добился расследования, настаивал на тайне. Лорд Пальмерстон, который высказывался против тайны, но принужден был уступить в этом вопросе, стоял за гласность. Сначала он заставляет комиссию избрать путь, непристойный с точки зрения наших союзников, а затем допущенная непристойность становится для него основанием, чтобы распустить парламент, упразднить следствие и посмеяться над обоими». «Morning Herald» по тому же поводу говорит, между прочим, в передовой статье: «Когда союзные армии заняли свои позиции под Севастополем, английский контингент был сильнее французского; последовавшее же затем разрушение нашей армии должно быть целиком приписано недостатку в резервах на Средиземном море и отсутствию ополчения на родине, так как в силу того и другого английская армия была лишена подкреплений. Попытка впутать в дебаты имя наших союзников является плохо прикрытым стратегическим маневром со стороны отчаявшихся и бессовестных людей, желающих отвести от себя следствие, которое — они это знают — должно оказаться роковым для их будущего политического бытия. Лорд Кларендон прибег к антиконституционному средству, ища свидания с французским императором только для того, чтобы вырвать у него заявление, которое могло бы быть истолковано как неодобрение следственной комиссии. Добившись такого заявления, министры-патриоты ставят себе задачу — запугать палату угрозой роспуска и апеллировать к стране под лозунгом: *союз с Францией в опасности!*»

Ясно, что если такая тактика служит английскому правительству для того, чтобы ликвидировать следственную комиссию, то она в такой же мере способна повредить союзу с Францией и, таким

образом, подготовить как раз то, что она стремится предотвратить. Французский союзник скомпрометирован уже одним утверждением, что от комиссии следует отказаться, так как она-де должна будет раскрыть «деликатные и опасные» тайны, компрометирующие Францию. Закрытие комиссии говорит против союзника громче, чем могла бы это сделать сама комиссия. Кроме того, самое поверхностное знакомство с колебаниями общественного мнения в Англии должно подсказать, что вслед за столь крупной уступкой иностранной державе, как закрытие парламентской комиссии или роспуск парламента, обусловленный будто бы требованием Бонапарта, неизбежно последует сильнейшая реакция общественного мнения против французского влияния.

Приведем два показания генерала сэра де-Ласи Эванса, заимствованные из отчета о двух первых заседаниях следственной комиссии. В Мальте, куда был послан интендантский чиновник незадолго до того, как армия оставила Англию, он, к своему удивлению, узнал, что мулы все еще не были закуплены. В Скутари не оказалось необходимых приспособлений для убоя скота и для печения хлеба. Уже тогда выяснилось, что некоторые, установленные казначейством, правила препятствуют правильной работе. Он [Эванс] твердо уверен в том, что война началась при иллюзии, будто она обойдется без единого выстрела и что поэтому нет нужды в оборудовании всякого рода складов. Хотя комиссариат [интендантство] и находится под контролем главнокомандующего, однако он тесно связан с казначейством (следовательно, и с премьер-министром), и чиновникам комиссариата, повидимому, было внушено, что производить расходы, необходимые для настоящей войны, было бы чистейшим сумасбродством. В Варне почти ничего не было устроено для ухода за ранеными. Все, повидимому, были убеждены в том, что в этой войне не будет раненых. Никаких приготовлений не было сделано и для того, чтобы сразу приспособить армию к несению полевой службы. Когда русские перешли Дунай, Омер-паша обратился к ним (англичанам) за помощью; на это последовал ответ, что армия не располагает необходимыми транспортными средствами, о которых, конечно, следовало позаботиться задолго до того. Правительство все еще дождалось нот и протоколов из Вены и не прилагало никаких усилий к тому, чтобы привести армию в походное состояние. За такого рода волокиту ответственно, конечно, правительство, а не комиссариат. Русские приступили уже к осаде Силистрии, а армия все еще не была готова к выступлению. Заготовка продовольствия была возложена на два ведомства — на комиссариат и на ве-

домство генерал-квартирмейстера. Конфликты последнего с комиссариатом стали обычным явлением. Его чиновники, может быть, были бы хорошими писарями в казначействе, — они на самом деле были постоянно заняты перепиской с комиссариатом, — но на войне они оказались совершенно непригодными. Представлялось затруднительным доставить продовольствие даже на расстояние 18 миль от Варны. Личный состав комиссариата оказался численно настолько недостаточным, что пришлось откомандировать к нему на службу 100 унтер-офицеров. Смертность среди воинских частей в Варне повысилась главным образом вследствие угнетенного состояния, охватившего их; а угнетенность обуславливалась изнурительным и продолжительным бездействием.

Что касается положения войск в Крыму, то Эванс повторяет отчасти уже известное — недостаток продовольствия, обмундирования, барачков и т. д. Мы приведем еще лишь следующие, относящиеся сюда замечания: «Престарелый Фильдер, стоявший во главе комиссариата еще со времени пиренейского похода, ныне генерал-квартирмейстер, никогда не советовался с ним о нуждах его (Эванса) дивизии; это было его обязанностью, и он (Эванс) предложил ему исполнить ее, но Фильдер отклонил его предложение. Фильдер был, конечно, подчинен Раглану, но при этом состоял в непосредственной переписке с казначейством». «Использование артиллерийских и кавалерийских лошадей для фуражировки было крайне неуместно. В результате оказалось, что его (Эванса) пушки в последнее время были только наполовину снабжены лошадьми». «Дорога от балаклавской гавани в лагерь была крайне размягчена и размокла. Если бы 1 000 людей были взяты для работы на 10 дней, они привели бы ее в годное состояние; но он [Эванс] полагает, что все люди, которых можно было бы оставить, отправлялись в траншеи».

В заключение Эванс объясняет, почему английская армия под Севастополем растаяла: «Я убежден в том, что недостаток в подвозе обмундирования или продовольствия и топлива не вызвал бы в армии ужасающей смертности и заболеваний, если бы находившиеся в траншеях части не были так переутомлены. Изнурение людей принесло чрезвычайный вред. Работа, на которую они были брошены, оказалась с самого начала в полном несоответствии с их численностью. Переобременение людей ночной работой было, без сомнения, главной причиной страданий армии».

Неофициальный орган Пальмерстона, «Morning Post», приводит сегодня известный «Брюссельский мемуар» в английском переводе с кратким предисловием, указывающим на принца Наполеона

как на вероятного автора памфлета. Одновременно та же газета печатает статью, полную злейших выпадов против Наполеона Бонапарта, в которой, кроме того, часто повторяется нелепое утверждение, что автор «Мемуара» может быть «только русский шпион». Под предлогом защиты чести Луи Бонапарта против его кузена и сохранения незапятнанной памяти Ахилла Леруа, Флоримона тож, де-Сент-Арно тож, «Morning Post» открыто подливает масло в огонь для коллизий между Англией и Францией. *Сент-Арно* был одним из тех *saints* [святых], которые встречаются в летописях деяний французских мошенников во все эпохи, как, например, Сен-Жермен, Сен-Жорж и др. Но газете «Morning Post» принадлежит честь канонизации этих «*saints*» и превращения их в святых соответствующего ранга. Утверждение, будто «Мемуар» открывает русским «военные» тайны, является чистейшим вздором. Ни в Англии, ни в Америке, ни в Германии критика не ожидала «Мемуара» для того, чтобы назвать крымскую экспедицию ложным шагом. «Мемуар» ни одного слова не прибавил к раздавшейся до его появления критике, хотя заслуга его и заключается в том, что он дает откровенные портреты посредственностей, руководящих событиями под Севастополем.

Русским выгодно поддерживать иллюзии, окутывающие крымскую экспедицию, и пафос, с которым «Post» говорит о русских агентах и шпионах, напоминает об Эскине, который, обвиняя Демосфена в том, что он подкуплен Филиппом, также хвалился тем, что прежде других проник в тайные планы царя Македонии. Но, конечно, мы далеки от того, чтобы выдавать принца Наполеона Бонапарта за Демосфена.

МЕСТЬ ИРЛАНДИИ.

Лондон, 13 марта 1855 г.

Ирландия отомстила Англии — в *социальном* отношении тем, что в каждом значительном английском фабричном, портовом или торговом городе она имеет свой «*ирландский квартал*», в *политическом* отношении тем, что в британском парламенте она представлена своей «*ирландской бригадой*». В 1833 г. Даниэль О'Коннель заклеил вигов эпитетами «низких, кровожадных и жестоких», а в 1835 г. он становится полезнейшим орудием в руках вигов, и, хотя против правительства Мельбурна было большинство, все же оно продержалось с апреля 1835 г. по август 1841 г. благодаря поддержке О'Коннеля и «ирландской бригады».

Что стояло между О'Коннелем 1833 г. и О'Коннелем 1835 г.? Так называемый «Личфильдхаузский договор», по которому правительство вигов обеспечило О'Коннелю свое покровительство в Ирландии, а О'Коннель гарантировал этому правительству голоса «бригады» в парламенте. Как только виги были сокрушены, началась агитация «короля Дана» за отделение, но когда тории оказались выбитыми с поля сражения, «король Дан» снова опустился до положения рядового адвоката. Влияние «ирландской бригады» отнюдь не прекратилось со смертью О'Коннеля. Напротив, обнаружилось, что причина этого влияния коренилась не в талантах одного этого человека, а в совокупности общих обстоятельств. Обе традиционные партии английского парламента — тории и виги — находились в приблизительном равновесии. Поэтому неудивительно, что новые, численно слабые фракции, получившие места в реформированном парламенте — манчестерская школа и «ирландская бригада», — давали перевес той или другой стороне и играли решающую роль. Отсюда значение «ирландского квартала» в британском парламенте.

После О'Коннеля уже немислимо было поднять ирландские массы агитацией в пользу «отделения». «Католический» вопрос тоже мог только случайно сослужить службу, так как после эмансипации католиков он перестал быть очередной темой агитации. Ирландским политикам оставалось поэтому добраться до корня зла, —

чего избегал и чему противился О'Коннель, — сделать земельные отношения и их реформу лозунгом выборов, т. е. тем лозунгом, который содействовал бы избранию в парламент. Попав в парламент, избранники могли права арендаторов и т. д. использовать, — как раньше лозунг «отделения», — для заключения нового «Личфильдхаузского договора».

Ирландская бригада свергла министерство Дерби. В коалиционном министерстве она получила для себя место, хотя и второстепенное. Как она его использовала? Она помогла коалиции похоронить меры в пользу реформы ирландских земельных отношений, которые тории решили сами предложить, полагаясь на патриотизм ирландской бригады и думая склонить ее на свою сторону. Пальмерстон, который, в качестве ирландца, знает свой «ирландский квартал», со своей стороны возобновил «Личфильдхаузский договор» 1835 г. на самом широком основании. Киха, вождя бригады, он назначил генеральным адвокатом (*Attorney general*) Ирландии, Фитцджеральда, также либерально-католического члена парламента от Ирландии, генеральным прокурором (*Solicitor general*), а третьего члена бригады — в легализированный совет ирландского вице-короля (*Lord-lieutenant*); таким образом, весь юридический генеральный штаб ирландского управления состоит теперь из католиков и ирландцев. Монселля, секретаря по делам артиллерии при коалиционном министерстве, он, после некоторого колебания, снова утвердил в его звании, хотя Монселль, как верно заметил Муиц (депутат от Бирмингема и оружейный фабрикант), не в состоянии отличить мушкета от игольчатого ружья. Он предписал заместникам графств при назначении как на высшие, так и вообще на старшие должности в ирландской милиции отдавать предпочтение лицам, рекомендованным ирландским духовенством, которое связано с парламентской бригадой.

Политика Пальмерстона уже возымела свое действие, что доказывается переходом д-ра Ши на сторону кабинета. Это проявляется далее и в том, что католический епископ Атлона добился переизбрания Киха, и католическое духовенство содействовало переизбранию Фитцджеральда. Повсюду, где низшее католическое духовенство принимает всерьез «ирландский патриотизм» и оказывает оппозицию перешедшим на сторону правительства членам бригады, оно получает нагоняй от своих епископов, посвященных во все дипломатические тайны.

«Между лордом Пальмерстоном и ирландским духовенством царит полное взаимное понимание, — жалобно восклицает одна протестантско-торийская газета. — Если Пальмерстон отдаст Ирлан-

дию священникам, последние будут избирать в парламент депутатов, которые отдадут Англию Пальмерстону». Ирландская бригада служит вигам для того, чтобы держать в руках английский парламент; виги бросают бригаде подачки в виде постов и окладов; католическое духовенство позволяет одним покупать, а другим продавать себя при условии, что его влияние будет признано, закреплено и расширено обеими сторонами. Однако заслуживает внимания то обстоятельство, что по мере того как в Англии растет *политическое* влияние ирландцев, кельтская мощь в *социальном* отношении падает в Ирландии. «Ирландскому кварталу» в парламенте и ирландскому духовенству, повидимому, одинаково неведомо, что некая англосаксонская революция за их спинами производит коренной переворот в ирландском обществе. Эта революция состоит в том, что *ирландская земельная система уступает место английской, что система мелкой аренды заменяется крупной*, — так же как старые землевладельцы заменяются *новыми капиталистами*.

Главнейшие моменты, подготовившие этот переворот, это — голод в 1847 г., убивший около миллиона ирландцев; переселение в Америку и Австралию, которое уже вырвало из Ирландии другой миллион душ и еще продолжает вырывать все новые тысячи; неудачное восстание 1848 г., подорвавшее последнюю веру Ирландии в самое себя; наконец, парламентский акт, который обрек на продажу с аукциона имения старого задолжавшего ирландского дворянства и так же согнал это дворянство с земли, как голодная смерть унесла мелких фермеров, арендаторов и их домочадцев.

СОБЫТИЯ В КРЫМУ.

Лондон, 16 марта 1855 г.

Иллюзии, которыми официальная бездарность, английские министерские козни и корыстный бонапартизм окружали военные операции в Крыму, начинают таять вместе с снежным покровом, который последние месяцы покрывал театр военных действий. Pamфлет Жерома Бонапарта (младшего) отчетливо заявляет, что в то время, когда в Крыму дела шли вкривь и вкось, «командующие генералы получали правительственные приказы скрывать и замалчивать те трудности, на которые наткнулось овладение Севастополем». Это полностью подтверждается докладами этих генералов и в особенности распространяемыми ими слухами о том, что штурм произойдет в тот или другой день. С 5 ноября до начала марта публику по ту и другую сторону канала держали в постоянном ожидании этого спектакля. Между тем продолжительность осады вызвала в самом лагере нечто вроде общественного мнения, основанного на громко выраженном мнении специалистов-офицеров, и господа из генерального штаба не могут уже больше нашептывать, что штурм произойдет в определенный день и город будет взят. Теперь этим не проведешь ни одного рядового. Характер защитных укреплений, превосходство неприятельского огня, несоответствие осаждающих военных сил лежащей на них задаче и, прежде всего, решающее значение северного форта слишком хорошо разгаданы в этот момент всем лагерем, чтобы снова повторять старые сказки. Мы сами читали письма английских офицеров, которые не оставляют на этот счет никакого сомнения.

К концу февраля союзники должны были иметь у Севастополя 58 000 французов, 10 000 англичан и 10 000 турок, всего около 80 000 человек. Но, даже имея 90 000 человек, союзники не будут в состоянии поддерживать одной частью осаду, а другую часть отрядить для наступательных действий против русских у Бахчисарая, ибо полевая армия союзников могла бы выставить у Бахчисарая только 40 000 человек, тогда как русские могли бы противопоставить им не меньше 60 000 человек, не говоря уже о неприступности

флангов между Инкерманом и Балаклавой. Так союзники остаются осажденными в своем Херсонесе, пока они не будут в состоянии перейти через Черную, имея армию в 100 000 человек. Но тут как раз перед нами порочный круг, в котором они вращаются: чем больше войск они бросают в эту зачумленную мышеловку, тем больше они теряют людей от болезней; и все же единственный способ счастливо убраться отсюда — посылать побольше войск.

Другая изобретенная ими мера — турецкая экспедиция в Евпаторию, — оказывается буквальным повторением первоначальной ошибки. Турки, высадившиеся у Евпатории, слишком слабы для того, чтобы продвинуться в глубь страны. Укрепления вокруг этого пункта настолько обширны, что для их защиты нужна армия в 20 000 человек. Протяжение укрепленного лагеря, предназначенного для вмещения 40 000 человек, должно, кроме того, быть настолько значительным, что чуть ли не половина отряда потребуется для активной службы в случае нападения. Таким образом, для защиты города потребуется чуть ли не 20 000 человек, и только 20 000 человек останется для полевых операций. Но 20 000 человек не могут отважиться уйти от Евпатории дальше, чем мили на две, не подвергая себя разного рода нападениям с флангов и с тыла и даже опасности быть отрезанными русскими от связи с городом. Русские же, владея двумя линиями отступления, по направлению к Перекопу и к Симферополю, оставаясь притом на собственной земле, могут избежать всякого решительного сражения с 20 000 турок, которые явились бы из Евпатории. 10 000 русских, находясь на расстоянии одного дня пути от города, могут держать под угрозой 40 000 турок, сконцентрированных в этом городе. Каждые десять или двенадцать миль, на которые отступят русские, будут уменьшать число турок, которое сможет удалиться на более значительное расстояние от своей оперативной базы. Другими словами: Евпатория является вторым Калафатом, но с той разницей, что Калафат имел в тылу Дунай, а не Черное море, и был оборонительной позицией, тогда как Евпатория является позицией наступления. Если 30 000 человек в Калафате могли вести успешную оборону, связанную с случайными и вместе с тем успешными вылазками на данном расстоянии, то 40 000 человек в Евпатории — слишком много для защиты пункта, который удерживали в течение пяти месяцев около 10 000 англичан и французов, и слишком мало для какой-нибудь наступательной операции. В результате — достаточно одной русской бригады и, во всяком случае, одной дивизии, чтобы приковать к месту всю турецкую армию в Евпатории.

Так называемое *сражение при Евпатории* было простой разведкой со стороны русских. Они в составе от 25 000 до 30 000 человек подошли к Евпатории с севера-запада, единственно уязвимой стороны, так как с юга она защищена морем, а с востока болотистым Сакским озером. К северо-западу от города местность представляет низкую волнообразную поверхность, которая, судя по картам и по опыту этой последней операции, не господствует над городом в пределах орудийного выстрела. Русские, будучи на 10 000 человек слабее гарнизона и находясь на обоих флангах, особенно на правом, в сфере действия огня военных кораблей, стоящих в бухте, не могли иметь серьезного намерения взять город штурмом. Они поэтому ограничились энергичной разведкой. Они начали с того, что открыли по всей своей линии канонаду на таком расстоянии, которое исключало возможность нанести серьезный урон; затем они все ближе и ближе подвигали свои батареи, удерживая свои колонны возможно дальше от линии огня, двинули позже свои колонны вперед как бы для нападения, чтобы заставить турок показать свои силы, и произвели нападение в таком пункте, где прикрытие, образуемое памятниками и насаждениями кладбища, дало им возможность подойти близко к оборонительным укреплениям. Составив себе определенное мнение относительно положения и силы укреплений, а также о приблизительной численности гарнизона, они отступили, что сделала бы всякая другая благоразумная армия. Цель ее была достигнута; что ее потери значительнее, чем потери турок, понятно само собой. Это совершенно простое дело было союзными командирами раздуто до степени славной победы. Что это доказывает, кроме большого спроса на победы и малого предложения таковых в действительности? Конечно, русские, позволив союзникам продержаться в Евпатории пять месяцев, пока не прибыли турки, сделали большую ошибку. Одной русской бригады с достаточным количеством двенадцатифунтовых орудий было бы довольно, чтобы сбросить их в море, а легкие земляные укрепления, сооруженные на берегу моря, могли бы удержать на почтительном расстоянии и самые военные суда. Если бы союзные флоты отрядили в Евпаторию сильные военные корабли, то можно было бы этот пункт сжечь и сделать его совершенно непригодным в качестве оперативной базы для десантных войск. Но при теперешнем положении вещей русские могут быть довольны тем, что оставили Евпаторию в руках союзников. 40 000 турок, — последний остаток единственной внушавшей уважение армии, которыми обладает Турция, — осажжены в лагере, где 10 000 русских могут их держать под угрозой и

где они подвержены всем болезням и лишениям, возникающим там, где собраны большие человеческие массы; эти 40 000 парализованных турок представляют собой солидный вычет из наступательных сил союзников; французы и англичане заперты в лагере на Гераклейском Херсонесе; турки — в лагере у Евпатории; русские — в свободном сообщении с северной и южной стороной Севастополя, — таковы славные результаты пятимесячных экспериментов в Крыму. К этому присоединяется ряд политических и военных моментов, рассмотрение которых мы откладываем до ближайшего письма.

КРИТИКА ФРАНЦУЗСКОЙ СИСТЕМЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ.

Лондон, 17 марта 1855 г.

После того как памфлет Жерома Бонапарта (младшего) разоблачил, что крымская экспедиция является оригинальным изобретением Луи Наполеона, что он сам разработал ее в деталях без привлечения третьих лиц, что он в рукописи послал свой проект в Константинополь, чтобы избежать возражений маршала Вайяна, — после того как все это стало известным, значительная часть грубейших военных ошибок этой экспедиции находит себе объяснение в династических потребностях ее автора. В военном совете в Варне экспедиция была навязана присутствовавшим генералам и адмиралам путем прямой апелляции Сент-Арно к авторитету «императора», который, с своей стороны, открыто заклеил мнения своих противников как «робкие советы». Будучи уже в Крыму. Раглан подал действительно «робкий совет» продвинуться к Балаклаве, горячо принятый Сент-Арно, так как этот совет вел если не прямо в Севастополь, то, по крайней мере, к его воротам. Лихорадочная поспешность форсировать осаду, хотя и без достаточных для этого средств; жажда открыть огонь, которая заставила французов в такой степени пренебречь солидностью своих укреплений, что их батареи были приведены неприятелем к молчанию через несколько часов; чрезмерное напряжение солдат в траншеях, которое, как уже доказано, в такой же мере содействовало гибели английской армии, как и комиссариат, транспортная служба, медицинский отдел и т. д.; необдуманная и бесполезная бомбардировка от 17 октября до 5 ноября; пренебрежительное отношение к оборонительным укреплениям — все это получило теперь достаточное объяснение. Династия Бонапартов нуждалась в занятии Севастополя в кратчайший срок; союзная армия должна была привести это в исполнение. Канробер, в случае успеха, сделался бы маршалом Франции, графом, герцогом, князем, всем, чем захотел бы, с неограниченными полномочиями в области финансов. В случае неудачи, его карьера была кончена. Раглан был в достаточной степени старой бабой, чтобы уступить своему лично заинтересованному коллеге.

Но это, конечно, не самые важные последствия империалистского плана операций. В это безнадежное дело втянуто девять французских дивизий или 81 батальон. А дело признано почти что безнадежным; самые большие усилия, самые расточительные жертвы не привели ни к какому результату; Севастополь сильнее прежнего; французские траншеи, как мы знаем из достоверного источника, находятся на расстоянии 400 ярдов от русских укреплений, британские вдвое дальше. Генерал Низель, посланный Бонапартом для осмотра осадных работ, заявил, что о штурме не может быть и речи; главный пункт нападения он отодвинул с французской стороны на английскую и этим не только вызвал отсрочку в осаде, но и направил главный удар на предместье, которое, даже и будучи взято, все же отделяется от города внутренней гаванью. Короче говоря, один проект за другим, одна хитрость за другой, и все это для того, чтобы поддержать не надежду, а только одну видимость надежды на успех. И в то время, когда дела приняли такой оборот, когда на континенте предстоит всеобщая война, когда в Балтийское море снаряжается новая экспедиция, — экспедиция, которая на этот раз будет действительно что-то делать и поэтому скоро потребует больше десантных войск, чем в 1854 г., — в такой момент Бонапарт посылает новых пять дивизий пехоты в крымскую трясику, где люди исчезают и полки пропадают, как по волшебству. Да, он решил сам туда отправиться, и он туда отправится, если мало вероятный мир или серьезные события на польской границе не вынудят другого решения. Такова ситуация, до которой довел первый стратегический эксперимент Бонапарта его самого и «императорскую» Францию. Но не только одно упрямство толкает его туда, а и фаталистическое чутье, что судьба французской империи решится в севастьяпольских траншеях. До сих пор ни одно Маренго не оправдало второе издание 18-го брюмера.

Можно считать иронией истории то обстоятельство, что реставрированная империя, как мучительно она ни старается подражать своему прообразу, вынуждена всюду делать противоположное тому, что делал Наполеон. Наполеон нападал на самое сердце тех государств, которые он завоевывал; нынешняя Франция напала на *cul de sac* [закоулок] России. Расчет строился не на крупных военных операциях, а на неожиданном ударе, на желании захватить врасплох, на авантюре. В этих различных намерениях заключается вся разница между первой и второй французскими империями и их обоими представителями. Наполеон имел обыкновение вступать победителем в столицы *современной* Европы. Его преемник под различными

предлогами — защиты папы, защиты султана, защиты короля эллинов — разместил французские гарнизоны по столицам *античной* Европы — в Риме, в Константинополе и в Афинах; в результате — никакого усиления могущества, а одно только раздробление сил. Искусство Наполеона заключалось в концентрации, искусство его преемника — в распылении. Когда Наполеон видел себя вынужденным вести войну на двух различных театрах, как в своих войнах против Австрии, он концентрировал сразу самую значительную часть своих боевых сил на имеющей решающее значение операционной линии (в войнах с Австрией — линия Страсбург — Вена), оставив относительно незначительные силы на второстепенном театре военных действий (Италия), уверенный в том, что даже в случае поражения его войск на второстепенном театре его собственные успехи на главной линии вернее задержат продвижение вражеской армии, чем непосредственное сопротивление на второстепенной линии. Его преемник, напротив, рассеивает военные силы Франции по многим пунктам, а часть их концентрирует в том пункте, где малейший, да и вообще всякий успех должен быть куплен ценою величайших жертв. Кроме войск в Риме, Афинах, Константинополе, Крыму предстоит еще послать вспомогательную армию в Австрию к польской границе и другую — в Балтийское море. Таким образом французская армия должна была бы действовать на трех театрах военных действий, отделенных один от другого расстоянием самое меньшее в 1 000 миль. В соответствии с этим планом были отданы распоряжения относительно французских военных сил в целом еще *до* того, как война серьезно началась в Европе. Когда Наполеон считал какое-нибудь свое предприятие нерациональным (как, например, у Асперна), он, вместо того, чтобы настаивать на нем, умел сейчас же найти какой-нибудь новый ход, незаметно перебросить свои войска к новому пункту нападения и часто, при помощи блестящего удачного маневра, выставить частичное поражение как необходимый шаг к окончательной победе. Только в дни своего падения, когда он потерял после 1812 г. веру в самого себя, энергия его воли превратилась в ослепленное упрямство, заставлявшее его удерживать позиции (как у Лейпцига), которые отвергались его же собственным суждением, как стратега. А его преемник *вынужден* начать с того, чем кончил его предшественник. То, что у одного было результатом необъяснимых поражений, у другого являлось следствием необъяснимых счастливых случаев. У одного звездой, в которую он верил, был собственный гений; у другого вера в свою звезду должна была заменить гений. Один победил действительную революцию, так как он был единственным человеком.

способным ее осуществить; другой победил вновь ожившее воспоминание о прошедшей революционной эпохе, ибо он носил имя этого единственного человека, т. е. был сам одним лишь воспоминанием. Можно было бы легко доказать, что во внутреннем управлении второй империи находит свое отражение претенциозная посредственность его системы ведения войны, что и здесь иллюзия стала на место подлинной сущности и что «экономические» походы ни в коем случае не были успешнее походов военных.

* АГИТАЦИЯ ПРОТИВ ПРУССИИ. — ДЕНЬ ПОСТА. — СТОЛКНОВЕНИЕ МЕЖДУ ПРОЛЕТАРИАТОМ И БУРЖУАЗИЕЙ.

Лондон, 19 марта 1855 г.

Для характеристики настроения местной прессы по отношению к Пруссии мы дадим две выдержки — одну из газеты «Morning Herald», органа ториев, другую из «Morning Post», органа Пальмерстона. «Morning Herald», ссылаясь на речь сэра Роберта Пилья, только что назначенного младшим лордом адмиралтейства, перед своими портсмутскими избирателями, замечает: «Сэр Роберт Пиль выразил правильно чувства английского народа, когда высказал пожелание, чтобы Пруссия была принуждена к определенно выраженной политике, так как иначе наша вторая экспедиция в Балтийское море будет так же бесплодна, как и первая. У нас достаточно было протоколов, достаточно «пунктов»; уже давно пора отрезать Россию от ее ресурсов и подготовить реакцию внутри России».

«Morning Post» получил следующую корреспонденцию из Парижа относительно миссии генерала Веделя: «Генерал Ведель сообщил свои инструкции кабинету Наполеона. Каковы эти инструкции? Генерал Ведель рассказывает французскому правительству: 1) его величество король прусский глубоко опечален смертью своего шурина императора; 2) Пруссия в отношении протокола от 28 декабря во всем согласна с западными державами и готова подписать его в любой, отвечающей требованиям порядка, форме; Пруссия должна занять свое место в Венском совете. Но все дело в том, что протокол от 28 декабря никого ни к чему не обязывает и является скорее дипломатическим наброском исторического произведения. А так как Пруссия отказывается подписать *действительный* союзный договор между Англией, Францией и Австрией, то миссию генерала Веделя можно считать законченной».

Известно, что владыки Тира и Карфагена умилостивляли гнев богов не путем принесения себя в жертву, а посредством покупки детей у бедняков, чтобы затем бросать их в раскаленные объятия Молоха. Официальная Англия предписывает народу смириться перед господом, наложить на себя пост и покаяние за тот позор, который

старое правительство взвалило на него своим плохим управлением, за те миллионы фунтов стерлингов, которые правительство выжало из него без всякой надобности, за те тысячи человеческих жизней, которые оно бессовестно у него похитило. На ближайшую среду правительство назначило день покаяния и молитвы, «чтобы получить прощение наших грехов и в самой смиренной и благочестивой форме восслать наши молитвы и просьбы к господу богу, умоляя его о ниспослании благословения и оказания помощи нашим войскам и о восстановлении мира для королевы и ее владений». Подобно гофмаршалу при придворных церемониях, архиепископ Кентерберийский опубликовал «формуляр» для этой религиозной церемонии, — формуляр, в котором даются предписания, как обращаться к его величеству господу богу. В этой удивительной конкуренции между английской государственной церковью и русской, которая тоже умоляла о благословении божьем для ее оружия, преимущество явно на стороне России. «Будучи прочитана подданными царя, — говорит «Leader», — молитва, предписанная архиепископом Кентерберийским, покажется им молитвой трусов; когда ее будут читать англичане, она будет походить на молитву лицемеров; прочитанная диссентерами, она будет иметь вид молитвы секты, которая хочет навязать свою волю другой секте; прочитанная рабочим населением, она им покажется молитвой богатых, которые принадлежат к одной секте и сохраняют этот маскарад в надежде, что он является средством обеспечить им монополию чинов и постов. Елейная болтовня архиепископа взбудоражила рабочий класс в различных частях страны. День поста и смирения является для них чем-то реальным. Для всех тех, кто не исповедует бедность, этот день обозначает только приложение из яиц и рыбьей ухи к обычному обеду и закрытие торговых заведений, как в воскресные дни. Для рабочего день поста означает потерю заработной платы, а значит, и обеда».

В одной из предыдущих корреспонденций мы писали: «Столкновение между промышленным пролетариатом и буржуазией снова начнется в тот момент, когда столкновение между буржуазией и аристократией достигнет своей высшей точки». На большом митинге, состоявшемся в прошлую пятницу в «Лондонской таверне», это положение получило наглядное доказательство. Сообщению об этом митинге мы предположим некоторые данные о ряде стычек, которые имели место за последнее время между пролетариатом и буржуазией как в парламенте, так и вне его. Совсем недавно манчестерские фабриканты провели митинг, на котором было решено начать агитацию за отмену официальных «фабричных инспекторов», так как эти инспектора не

только берутся смотреть за соблюдением законных рабочих часов, но и требуют, чтобы на фабриках были действительно проведены предписанные парламентом меры к предохранению жизни и здоровья рабочих от опасностей, грозящих от машин. Фабричный инспектор из Южного Ланкашира, известный Леонард Горнер, вызвал их особое неудовольствие, так как он в своем последнем докладе настаивает на принятии в прядильнях законом предписанных мер, несоблюдение которых, как воскликнул наивно один фабрикант, — конечно, член Общества мира, — «в прошедшем году стоило жизни всего только пяти взрослым рабочим».

Это — *вне парламента*. В самой *Нижней палате* был отвергнут во втором чтении билль сэра Джона Гальфорда, объявивший незаконным «stoppage of wages». Это «stoppage of wages» обозначает, с одной стороны, *вычеты из номинальной заработной платы*, производимые в виде штрафа за нарушение утвержденных работодателем фабричных порядков, с другой стороны, *вычеты ренты и т. д.* за данные рабочим в пользование ткацкие станки в тех отраслях промышленности, где еще не введена современная система.

Эта система господствует в особенности в чулочно-вязальном производстве в Ноттингеме, где рабочий, как это доказал сэр Джон Гальфорд, часто вынужден оплачивать предпринимателя, вместо того, чтобы быть им оплаченным. Под различными предлогами делается так много вычетов из номинальной заработной платы, что рабочий должен еще выплачивать некоторую сумму, которую капиталист записывал на дебет его счета. Сделавшись таким образом должником работодателя, рабочий вынуждается возобновлять договор на все более неблагоприятных условиях, пока он в полном смысле слова не становится крепостным, не получая даже, подобно крепостному, гарантии поддержания своего физического существования.

Отвергнув во втором чтении билль сэра Джона Гальфорда, который должен был обуздать это безобразие, Нижняя палата даже отказалась оказать какое-либо внимание биллю Коббета, сына великого памфлетиста. Этот билль имел своей задачей: 1) заменить закон 1850 г. о 10¹/₂-часовом рабочем дне законом 1847 г. о 10-часовом рабочем дне; 2) ограничение законом рабочего времени на фабриках превратить в «действительность» путем принудительной остановки машин к концу каждого законного рабочего дня.

Завтра — о большом митинге в «Лондонской таверне».

* БАЛАКЛАВА. — «TIMES». — МИТИНГ В «ЛОНДОНСКОЙ ТАВЕРНЕ».

Лондон, 20 марта 1855 г.

Герцог Ньюкестль издал приказ об отзыве лорда Люкена. Лорд Пенмюр опубликовал послание Раглана, направленное против него, а лорд Гардинг, этот сказочный конетабль [главнокомандующий] английской армии, отказал ему в возбуждении следствия и в военном суде. Несмотря на оппозицию двух министерств, главнокомандующего в Крыму и начальника «Horseguards» в Лондоне, лорд Люкен своими подробными объяснениями в палате лордов доказал вчера, что не он, а исключительно Раглан несет ответственность за гибель легкой кавалерии под Балаклавой и что министерства Эбердина и Пальмерстона, чтобы спасти этого послушного, слабоумного и покорного полководца в Крыму, выкинули в качестве жертвы возмущенной публике лорда Люкена. Чудовище-общество должно было получить свою пищу. Решающее значение в этом вопросе имеет неоконченное письмо, найденное на трупе генерала Кеткарта и обращенное к его жене, датированное 2 ноября, за три дня до инкерманской битвы и спустя восемь дней после кавалерийской атаки под Балаклавой. В этом письме сказано: «Ни лорд Люкен, ни лорд Кардиган не заслуживают порицания; наоборот, потому что подчинялись приказам».

«Times» в статье о венских конференциях делает характерное замечание, смысл которого таков: если конгрессу суждено заняться делами всерьез, то главных трудностей следует ожидать со стороны турок. Главные уступки в пределах четырех пунктов придется вынудить не у царя, а у султана.

Позавчера «Times» снова мистифицировал свою публику «достоверным» сообщением о том, что до 19 марта состоится большая бомбардировка и решительный штурм Севастополя. Откуда этот внезапный поворот от близкой к отчаянью безнадежности к сангвиническому суевию? «Times» свой крымский поход против сверженной коалиции и свое «ceterum censeo» [впрочем полагаю] о необходимости образовать следственный комитет начал как раз в тот момент, когда Гладстон выдвинул угрозу монополии своим предложением отменить

штмпельный сбор, а вес газет, которые подлежат пересылке почтой за один пенс, ограничить четырьмя унциями, т. е. весом меньше веса одного экземпляра «Times'a». Как только Гладстон пал, его преемник, сэр Дж. К. Льюис, взял билль обратно, и «Times», надеясь, что он все оставит по-старому, превратил внезапно свой меланхолический взгляд на крымские события в патетическую панораму, блестящую лучами надежды на успех, где действует та самая армия, над которой три месяца тому назад газета держала надгробную речь. Сегодня взгляд газеты опять стал мрачным, так как вчера сэр Дж. К. Льюис, против всякого ожидания, снова внес билль об отмене штмпельного сбора с газет. Ненависть автора обзоров прошедших событий к свежим новостям! — восклицает «Times». Льюис, как известно, был издателем газеты «Edinburgh Review». Мы к этому биллю вернемся, как только он будет предложен палате в подробностях; пока только отметим, что он является уступкой *манчестерской школе*, за которой остается заслуга неутомимой агитации в пользу осуществления свободы конкуренции в области печати. Уступка министерства Пальмерстона манчестерской школе является *captatio benevolentiae* [снижением благоволения] на случай роспуска парламента и новых парламентских выборов.

«Morning Advertiser» несколько месяцев работал над тем, чтобы организовать агитационное общество под названием «Национальная и конституционная ассоциация» для свержения олигархического режима. После большой предварительной работы, воззваний, подписок и т. д. был, наконец, созван публичный митинг в прошлую пятницу в «Лондонской Таверне». Этот день должен был стать днем рождения много раз возвещенной ассоциации. Задолго до открытия митинга большой зал был густо заполнен рабочими, и когда, наконец, явились сами себя избравшие вожди нового движения, они с трудом нашли себе место на эстраде. Г-н Джемс Тэйлор, избранный председателем, огласил письма Лайарда, сэра де-Ласи Эванса, Уотли, сэра Джемса Дюка, сэра Джона Шелли и пр., которые заверяли в своих симпатиях к задачам ассоциации, отклонив одновременно под разными предлогами приглашение явиться лично. Затем было зачитано «обращение к народу». В нем были высказаны кое-какие взгляды на ведение войны на Востоке и на министерский кризис. Дальше последовало заявление, «что люди-практики каждого класса, а в особенности среднего, обладают всеми данными для того, чтобы взять на себя управление страной». Эти неловкие намеки на особые притязания буржуазии были встречены громким шиканьем. «Главной задачей ассоциации, — говорилось дальше, — будет уничто-

жение аристократической монополии на правительственную власть и на государственные посты, столь губительной для высших интересов страны. К второстепенным задачам относится *уничтожение тайной дипломатии*. Особая миссия общества будет заключаться в обращении ко всем избирателям Соединенного королевства с предупреждением внимательно смотреть за тем, каким рукам доверяют они духовные и материальные ресурсы страны, и не отдавать больше своих голосов призрачному идолу аристократии и богатства и их ставленникам».

После этого поднялся господин Бильс и в подробной речи мотивировал первое предложение: «Опасный характер нынешнего положения дел и очевидная безнадежность всякого улучшения при нынешней олигархической системе, узурпировавшей функции правительства, монополизировавшей посты и привилегии, навлекшей на страну позор и несчастье, делают необходимым объединение народа, чтобы разделаться с старой системой... Ввиду этого необходимо образовать общество под названием «Национальная и конституционная ассоциация». Г-н Николэй, одно из светил Мерилебона, поддержал это предложение.

В таком же духе выступил Эпсли Пиллет, член парламента: «Народ приступит к парламентской реформе с определенностью, умеренностью, настойчивостью и решительностью кромвелевских «железнобоких». Избиратели Англии держат в своих руках возможность исправить всякое злоупотребление, если они решат посылать *даром* честных людей в парламент. Но они не могут рассчитывать иметь честных представителей, когда человек, подобный лорду Эбрингтону, прошел в парламент от Мерилебона потому, что уплатил 5 000 фунтов стерлингов, тогда как его несчастный соперник не додал 3 000 фунтов». Затем выступил г. Мерроу, член парламента, но после серьезной оппозиции он был вынужден уступить место Джорджу Гаррисону (рабочий и чартист из Ноттингема). «Это движение, — сказал Гаррисон, — является попыткой со стороны буржуазии захватить правительство в свои руки, распределить между собой посты и пенсии и дать место еще худшей олигархии, чем сейчас». Он огласил при этом поправку, в которой объявил врагами народа как земельную, так и денежную аристократию, и заявил, что единственным средством возрождения страны является введение Народной хартии с ее пятью пунктами: всеобщее избирательное право, тайное голосование, равные избирательные округа, ежегодный парламент, уничтожение имущественного ценза.

Эрнест Джонс (вождь чартистов, происходящий из аристократической фамилии) поддержал эту поправку и между прочим заметил:

«Народ сам разрушил бы свои собственные позиции, если бы оказал поддержку этому движению буржуазии, цель которого — захватить власть и посты. На трибуне, наверное, находится много голодных премьер-министров (*возгласы одобрения*), много охотников за иностранными постами (*возгласы одобрения*). Народ не должен объединяться с Брайтами и Кобденами и представителями капитала. Не земельная аристократия, а представители денежных интересов оказали сопротивление гуманному закону; это они отклонили билль против *stoppage of wages* (вычетов из номинальной заработной платы), они помешали пройти хорошему закону об ассоциациях, — и прежде всех стремятся притеснить и унижить народ представители денежных и промышленных интересов. Он, с своей стороны, всегда готов присоединиться к движению, цель которого сломить влияние герцога Девоншира и других, но не для того, чтобы на их места поставить герцогов от фабричной пыли и лордов от веретена. (*Возгласы одобрения и смех.*) Говорят, что рабочее движение, что чартизм мертв. Он заявляет господам реформаторам из среды буржуазии, что рабочий класс достаточно полон жизни, чтобы убить всякое движение. Он не даст буржуазии пошевелиться, если она не решится включить в свою программу Народную хартию и ее пять пунктов. Пусть буржуазия себя не обманывает. Повторение старых обманов сейчас невозможно».

После непродолжительной дискуссии председатель, при всеобщем возбуждении, попытался избавиться от поправки путем заявления, что это вовсе не поправка; все же он увидел себя вынужденным изменить свое решение. Поправка была поставлена на голосование и прошла большинством голосов, не меньше десяти против одного, под громкие крики одобрения и кидание шапок. Председатель, объявив, что поправка прошла, констатировал при всеобщем смехе, что он, как и раньше, полагает, что большинство присутствующих на митинге сторонники «конституционного и национального объединения». Он заявил, что они предпримут дальнейшие шаги по организации этого объединения и затем вновь обратятся к народу; при этом он намекнул, хотя и в скрытой форме, что в будущем, во избежание оппозиции, будут допускаться только лица, снабженные входным билетом. Чартисты, в самом лучшем настроении, вынесли председателю благодарственный вотум, и митинг кончился.

Нельзя отрицать того, что даже с точки зрения публично провозглашенных принципов и ассоциации логика была на стороне чартистов. Ассоциация хочет низвергнуть олигархию путем апелляции от министерства к парламенту. Но что такое министерство?

Ставленники парламентского большинства. Или она хочет свергнуть парламент путем апелляции к избирателям? Но что такое парламент? Свободно избранный представитель избирателей. Таким образом, остается одно — расширить число избирателей. Те, кто отказываются путем принятия хартии расширить его до размеров всего народа, тем самым признаются в желании поставить на место старой аристократии новую. Они хотели бы говорить с нынешней олигархией *от имени народа*, но в то же время избежать фактического появления народа, когда его призывают.

* ДЕБАТЫ О ПРУССИИ В ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЕ.

Лондон, 21 марта 1855 г.

Во вчерашнем заседании палаты лордов лорд Линдхерст, старый коллега Ливерпуля и Кестльри, внес, наконец, давно обещанный им запрос «об отношении Пруссии к Венской конференции». Два обстоятельства, — заметил он, — придали этому вопросу новый интерес за последние дни: послание, отправленное с одра смерти русским императором прусскому двору, и манифест Александра II, в котором он обещает завершить политику Петра, Екатерины, Александра и своего отца. Как Россия сама представляла себе политику Пруссии, можно видеть по следующим выдержкам из тайной депеши, которую Поццо-ди-Борго послал Нессельроде незадолго до войны 1828 — 1829 гг. Между прочим там говорится: «Если Россия пустит в ход меры принуждения по отношению к Турции, то, по всей вероятности, Пруссия не будет ей мешать; напротив, позиция Пруссии, одновременно свободная и дружелюбная, будет действовать на другие государства как мощное препятствие и побудит их к принятию мер, которые отвечают достоинству и интересам России. Берлинский кабинет необходимо будет в известной степени вызвать на доверие и убедить его в том, что роль, которую мы отводим Пруссии, приведет к упрочению искренних отношений между обоими монархами и обоими дворами». Было ли возможно, — восклицает Линдхерст, — более пророчески предсказать то направление, которого прусский двор держался за последние полгода или год? Пруссия так или иначе подписала протоколы от 5 декабря, 13 января и 9 апреля. Цель этих протоколов заключалась в очищении Придунайских княжеств и в создании гарантий для защиты независимости султана и неприкосновенности Турции. Действовал ли прусский двор в соответствии с этой целью? В связи с займом в тридцать миллионов талеров для военных операций барон Мантейфель заявил: «В вышеуказанных протоколах Пруссия высказалась о русской политике в том смысле, что была совершена большая несправедливость; но итти дальше и принять активное участие Пруссия не считает возможным». Да разве это язык великой нации? И разве Пруссия не обязала

себя подписанием договоров 1840 и 1841 гг. защищать Турцию? Барон Мантейфель прибавил к этому, что независимость Германии и немецкие интересы не связаны с этим спором и поэтому Пруссия не считает себя обязанной приносить жертвы. Но сам же барон Мантейфель утверждал противоположное в другом документе. Впрочем, если когда-либо русский царь завладеет Константинополем, то нечего будет говорить о немецкой независимости и немецких интересах. Они тогда должны будут подчиниться превосходящей их силе. Намекнув в дальнейшем на увольнение военного министра Бонина, на отзыв посланника Бунзена из Лондона и на отклонение ответного адреса прусских палат на тронную речь, Линдхерст «перешел ко второй части этой политической драмы». По истечении значительного промежутка времени Австрия сочла возможным потребовать от России эвакуации Придунайских княжеств. Это требование было составлено и направлено для подписи в Берлин. Из Берлина были посланы в Вену контр-предложения, совершенно неприемлемые, да к тому же связанные с потерей времени, поскольку они должны были быть представлены союзникам для одобрения. Россия в это время эвакуировала Придунайские княжества, но часть их по военным соображениям оставила занятой и объявила, что впредь займет исключительно оборонительную позицию; тогда Пруссия вышла из конфедерации, так как Россия-де удовлетворила все разумные требования. С этого времени Пруссия пустила в ход все средства для того, чтобы расстроить планы Австрии. С этой целью она обращалась, большей частью успешно, с предложениями к Союзному совету и отдельным немецким государствам. В то же время Россия выразила публично благодарность двум немецким государствам за их отказ присоединиться к союзникам. Он (Линдхерст) приступает сейчас к третьей и последней части драмы. Союзники назначили общий съезд в Вене на 8 августа, чтобы решить, какие требования должны быть предъявлены России в качестве основания для предварительных переговоров. Пруссия была обычным путем извещена об этом, и извещение было повторено несколько раз. Пруссия не отказалась определенно от участия, но фактически в конференции не участвовала. Вследствие ее отсутствия союзники, вместо того, чтобы составить протокол, подписали ноту, в которой основанием для будущих переговоров были признаны четыре пункта. Эти четыре пункта были предложены России, но она отказалась их принять. Пруссия, с своей стороны, опубликовала и распространила документ, в котором выставила ряд возражений против четырех пунктов. Вместе с тем она как в Союзном совете, так и обращаясь к отдельным немецким

дворам продолжала препятствовать присоединению малых немецких государств к союзникам. После заключения договора от 2 декабря Пруссии было сообщено, что ей предоставлена возможность присоединиться. Пруссия присоединиться отказалась, но заявила, что она готова заключить отдельно такие договоры с Францией и Англией. После того как последние приняли это предложение, Пруссия в различных переговорах и путем разных предложений требовала бесконечных изменений, которые не могли быть приняты Францией и Англией, в чем она была твердо уверена. Когда он (Линдхерст) говорит о Пруссии, он имеет в виду *официальную* Пруссию. Он знает, что прусская нация в своем большинстве настроена против России. Совершенно непонятно, как может Пруссия, отказавшись от присоединения к договору от 2 декабря, требовать, чтобы ее привлекли к венским переговорам. Он надеется, что союзные державы ни под каким предлогом не допустят прусского представителя. В противном случае Россия будет иметь на Венском конгрессе не один, а два голоса. Прусская дипломатия не испытала никаких изменений со времени Фридриха Великого. Он просит вспомнить 1794 г., время незадолго до Аустерлицкой битвы и после нее и т. д.

Затем выступает лорд Кларендон. Он хочет ограничиться лишь заполнением нескольких пробелов в информации о переговорах, имевших место между Англией и Пруссией. После того как Россия отвергла условия союзников, была созвана конференция соответствующих уполномоченных, которая не могла состояться, так как представитель Пруссии не пожелал принять в ней участия. Правда, прусский посланник в Лондоне заявил ему [Кларендону] позже, что прусское правительство намерено дать соответствующее разрешение своему уполномоченному в Вене. Но он (Кларендон) заявил: «теперь слишком поздно». Переписка между Пруссией и Австрией послужила на пользу России. Еще перед подписанием договора от 2 декабря Пруссия получила приглашение присоединиться, но безрезультатно. Пруссия потребовала безусловного допущения на новую конференцию, так как эта конференция является продолжением старой, еще не законченной конференции, с которой она и не думала уходить. В связи с последним английское правительство сослалось на тот факт, что уже однажды эта конференция не могла состояться ввиду отказа Пруссии принять участие в ней, хотя приглашение посылалось ей неоднократно. К тому же новая конференция отнюдь не является продолжением старой, так как, когда Австрия обратилась в октябре и ноябре к Англии и Франции с просьбой снова созвать ее, они ей ответили, что время для протоколов и конференций прошло, но

если Австрия желает заключить с ними военный договор, то они посмотрят, нельзя ли добиться мира. Это повело к договору от 2 декабря. Позже была выражена готовность заключить отдельные договоры с Пруссией. «Но позволить Пруссии требовать любых привилегий без всякого участия в опасностях; допустить ее безусловно на конференцию, которая может кончиться миром, но может повести и к войне еще больших размеров, — без всяких заявлений с ее стороны, каковы ее цели и какова ее политика, — без вступления ее с нами в непосредственный или временный союз, не зная, явится ли она на конференцию нейтральной, враждебной или дружественной державой, — конечно, абсолютно невозможно». Командированные позже Пруссией специальные миссии были дружелюбно приняты в Лондоне и Париже, но они ни к чему пока не привели. Все же он не считает переговоры прерванными. Всего три дня тому назад сделаны новые предложения. К несчастью, Венская конференция была открыта, причем Пруссия оказалась исключенной благодаря ее собственному акту. Великая держава, подобная Пруссии, не может пребывать в тесной немецкой замкнутости. Против этой позиции выступали неоднократно. Постоянный ответ заключался в том, что мир является политикой Пруссии. Но ее политика не является в действительности «ни европейской, ни немецкой, ни русской» и скорее способна повредить Австрии, чем угрожать России. Несмотря на это, Пруссия не может долго оставаться в изоляции, когда на карту поставлены крупные европейские интересы. Она не может стать на сторону России, так как это противоречило бы народным чувствам в Пруссии и Германии. Выступив на стороне России против Австрии, Пруссия — она это знает — попадет в зависимость от первой. Она не хочет выступать на стороне Австрии. Напротив, она заняла позицию, враждебную Австрии. «Я поэтому говорю, что Пруссия заняла изолированную и ложную позицию. Это может, конечно, дать удовлетворение ее врагам, но вызовет глубокое сожаление у союзников и у патриотов из среды ее собственного населения». Будут сделаны все усилия, — заверил лорд Кларендон в заключение, — чтобы добиться содействия Пруссии.

В Нижней палате лорд В. Грехем запросил премьер-министра о том, «затребовал ли австрийский посланник от лорда Кларендона объяснений насчет слов, сказанных сэром Робертом Пилем при его переизбрании на тему о том, что не может быть удовлетворительного разрешения восточного вопроса без восстановления Польши и Венгрии». Лорд Пальмерстон, вместо того, чтобы дать какой-либо ответ на этот вопрос, высказал свою радость по поводу

того, что сэр Роберт Пиль занял пост в его управлении. Что касается Венгрии, то Австрия давно знает, что отделение от нее Венгрии Англия рассматривает как большое несчастье для Европы, так как имперское государство в виде единого целого рассматривается как существенный элемент равновесия держав. Что касается Польши (тут подымается продолжительный смех, вызванный маленькой паузой в ответе Пальмерстона и той странной манерой, которой он возобновил свою речь), то он того мнения, что польское королевство, в том виде, как оно сейчас организовано и как им владеют, является постоянной угрозой для Германии. Все же в четырех пунктах, подвергающихся обсуждению в Вене в настоящее время, нет никаких стимуляций относительно реорганизации Польши. Но Англия и Франция оставили за собой право, в зависимости от обстоятельств и военных событий, прибавлять к четырем пунктам, на основе которых сейчас ведутся переговоры, новые требования, которые могут показаться им имеющими значение для будущей безопасности Европы.

ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ В КРЫМУ.

Лондон, 23 марта 1855 г.

В то время как в Вене ведутся мирные переговоры, во Франции идут приготовления к войне. К тем десяти дивизиям, которые сейчас находятся в Крыму, посылаются еще четыре дивизии, из которых две должны образовать в начале кампании резервную армию в Константинополе; одна из этих дивизий будет состоять из императорской гвардии, другая — из объединенных отборных рот (гренадеры и стрелки отборной пехоты парижской армии). Остальные две дивизии (11-я и 12-я) грузятся в настоящее время на пароходы и концентрируются в Тулоне и Алжире. Эти свежие подкрепления доведут численность французских войск в Крыму до 100 000—110 000 человек, а к концу апреля придут 15 000 пьемонтцев и значительные английские подкрепления. Помимо всех трудностей чисто местного характера, главным возражением против такого метода войны является то обстоятельство, что почти четверть всех военных сил Франции концентрируется на второстепенном театре войны, где и величайшие успехи не имеют решающего значения. Фиктивное значение, придаваемое успехам и поражениям в Крыму, с удвоенной силой задевает автора схемы. Севастополь, далекий от того, чтобы олицетворить для Александра II Россию, стал Францией для Бонапарта.

Что касается местных затруднений, то ясно, что Херсонес, являющийся в настоящий момент могилой для многих тысяч людей и животных, при первых лучах весеннего солнца превратится в рассадник чумных болезней. Если союзники доведут свою армию до 150 000 человек, то продовольственный вопрос в Крыму, в котором русские уже скопили траву и который беден хлебом, будет тем труднее разрешить, что русские не преминут угнать скот в нужный момент и перед самым своим отступлением.

Что касается тех препятствий, с которыми осада Севастополя встретится со стороны русских инженеров (часть их — французы), то в этом отношении дает поучительный материал дело у Малахова кургана. Уже почти месяц, как осада Севастополя совсем затихла, но прибытие трех французских бригад (одна бригада 8-й и две бригады

9-й дивизии) позволило освободить часть английской пехоты и усилить защиту траншей. В то же время прибытие генералов Ниэля и Джонса, — первого из состава французского, второго из состава английского инженерного корпуса, — внесло в осадные операции некоторое оживление. Эти генералы попытались исправить ошибки, обусловленные упрямством французского генерала Бизо и численной слабостью английской пехоты. Были сделаны новые подступы, в особенности на английской стороне, где еще одна параллельная линия была проведена на расстоянии почти трехсот ярдов от русских укреплений на Малаховом кургане. Некоторые из построенных батарей были продвинуты так далеко по направлению к Инкерману, что они зашли бы части русских батарей в тыл или обстреливали их с флангов, как только начали бы действовать. Русские линии, как видно на любой карте, тянутся полукругом от Карантинной бухты до внутренней Военной гавани и отсюда до Корабельной бухты. На западной стороне последней находится ряд высот, занятых русскими. Самой важной из этих высот является Малахов курган, который, благодаря своему господствующему положению, образует ключ всего русского правого крыла. На восточной стороне упомянутой бухты находилось другое возвышение, которое, будучи под защитой русских батарей, было недосыгаемо для огня союзников, пока последние не смогли окончательно уничтожить сообщение между Севастополем и Инкерманом, — сообщение, в свою очередь, защищаемое огнем форта и батареями северной стороны гавани. Но с тех пор, как союзникам удалось найти позиции для своих батарей к востоку и юго-востоку от Малахова кургана, угрожавших русским линиям с тыла и флангов, этот нейтральный курган получил особое значение. Поэтому русские в ночь на 21 февраля послали партию рабочих возвести там редут. На следующее утро союзники могли ясно различить длинный ров и начало бруствера. Они, повидимому, не понимали значения русских работ. По крайней мере, они не мешали их продвижению вперед. На следующий день редут был готов в своих очертаниях, хотя глубина рва и прочность бруствера были еще недостаточны. Только теперь союзники открыли, какое замечательное положение занимало это укрепление для того, чтобы взять под фланговый обстрел их собственные, приноровленные к фланговому обстрелу батареи и тем самым сделать их почти бесполезными. Инженеры заявили, что это сооружение надо взять во что бы то ни стало. Канробер организовал под величайшим секретом штурмовую колонну, состоявшую приблизительно из тысячи зуавов и трех тысяч морских солдат. Так как при-

каз о нападении мог быть отдан лишь очень поздно и был неожидан, прошло некоторое время, пока солдаты собрались в условленном месте. Было уже два часа утра (24 февраля), когда войска, с зуавами во главе, смогли пойти в атаку. После небольшого перехода они очутились в 20 ярдах от рва. Как и всегда при такого рода атаках, нельзя было произвести ни одного выстрела. Солдаты должны были снять с ружей ударные замки, чтобы избежать бесполезных выстрелов. Внезапно раздалась русская команда. Сильный русский отряд внутри редута поднялся, положил свои ружья на бруствер и залпом выстрелил по нападающей колонне. Зуавы, чуть задержанные покатыми боками незаконченного рва и вала, в одно мгновение очутились в редуте и бросились в штыки на врага. Завязалась страшная рукопашная схватка. Через некоторое время зуавы завладели половиной редута, а позже он был целиком оставлен русскими. Между тем морские солдаты, следовавшие за зуавами на небольшом расстоянии, или потеряли дорогу, или по какой-либо другой причине остановились на краю холма. Здесь они на обоих флангах подверглись нападению русских колонн, которые после отчаянного сопротивления согнали их с холма. Между тем рассвело. Русские быстро ушли с холма и оставили редут в руках зуавов, на которых обрушилась огнем вся артиллерия, бывшая в состоянии обстреливать этот пункт. Зуавы одно время припали к земле, а стрелки, их сопровождавшие, влезли на Малахов курган, чтобы стрелять в русских канониров через бойницы. Но артиллерийский огонь был слишком силен, и зуавы были вынуждены отступить к Инкерману, где они были защищены от огня батарей. Они утверждают, что забрали с собой всех своих раненых. Русские сооружения были так удачно построены, что французы заявляют, что весь их план наступления был выдан русским. Атака русских на морских солдат кончилась для них блестящим успехом, тогда как отступление из недоконченного редута подвергло зуавов, не получивших поддержки, сильному огню, который должен был молчать, пока длился бой внутри редута. Генерала Форэ открыто обвиняли во французском лагере в том, что он сообщил неприятелю тайное решение военного совета. Русские закрепили за собой редут и с тех пор напряженно работают над его окончанием. Эта позиция имеет большое значение. Она обеспечивает сообщение с Инкерманом и прибытие обозов с этой стороны. Она, кроме того, является угрозой для всех осадных сооружений союзников. И, наконец, занятием этого редута русские перешли от обороны к нападению.

* К ИСТОРИИ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОГО СОЮЗА.

Лондон, 24 марта 1855 г.

«Press», орган Дизраэли, вызвала на последней неделе бурю в стакане воды своим утверждением, что «император Луи» является единственным препятствием для заключения мира и что особым «соглашением» он связал с собой Австрию, которая стремится от этого соглашения освободиться. Тории до сих пор превозносили англо-французский союз как свое детище. Разве их лорд Мальмсбери не подписал договора о союзе с Бонапартом? Разве Дизраэли не раздражался своими сарказмами в палате против Грехема и Вуда, которые преступно клеветали перед своими избирателями на государственный переворот 2 декабря? Разве в течение двух последних лет как на парламентской трибуне, так и в прессе тории не были самыми яркими сторонниками войны? И вдруг — внезапно, без всякого перехода, без околичностей — инсинуации против французского союза, язвительные слова по адресу «императора Луи» и проповедь в пользу мира. Дряхлый орган маститых ториев, «Morning Herald», не посвященный в тайну вождей партии, качал сомнительно головой и бормотал резкие слова протеста против непонятных для него галлюцинаций «Press». Последняя, однако, сегодня снова возвращается к роковой теме. На самом видном месте красуется следующее жирно набранное сообщение:

«Обнаружились важные обстоятельства. Еще недавно казалось, что конгресс так ничем и не кончится и лорд Джон Россель внезапно вернется в Англию. Тон Австрии по отношению к России, изменившийся после смерти императора Николая, и в особенности обращение австрийского императора к Александру II, без сомнения, значительно содействовали такому результату. У нас имеются основания предполагать, что французский император устранил препятствия, стоявшие на пути к всеобщему миру, и что Франция согласится на полное очищение Крыма, не ставя никаких условий относительно разрушения или сокращения крепостей этой провинции». В объяснение этого прорицания «Press» ссылается «на достоверные подробности своей передовой статьи». Как это ни странно, но как раз эти подробности

противоречат основанному на них и столь поспешно сделанному заключению. «События в Вене, — говорится в передовой статье, — становятся все менее и менее разумными и удовлетворительными, и важно, чтобы просвещенное мнение по обе стороны канала употребило все свое влияние, чтобы избежать результатов, которые могли бы вызвать упреки и сожаления. Будь наши министры искренни в англо-французском союзе в 1853 г., не было бы, вероятнее всего, и поводов для войны. Если же война и оказалась бы необходимой, то она, по всей вероятности, под эгидой этого союза была бы успешней и победоносней. Однако вместо заключения сердечного союза с Францией целый год был потрачен британским правительством на то, что оно называло *привлечением великих немецких государств*. Ничем другим нельзя было оправдать войну западных держав с Россией, как твердым решением укоротить ее владения на юге. Это — единственное решение восточного вопроса. В 1853 г. обстоятельства складывались удачно; этот случай был упущен. Были брошены на весы и время, и деньги, и оружие, и слава. Если бы в 1853 г. мы были искренни с Францией, то немецкие державы были бы вынуждены последовать за нами. А что произошло сейчас? Австрийский император дал императору Александру заверения в том, что «Австрия не стремится ни к сокращению границ России, ни к нанесению урона какой бы то ни было из ее областей». Эти слова допускают только одно толкование. Что же касается соглашения между Францией и Австрией, о котором мы говорили раньше намеками, то весьма авторитетный источник уверяет нас, что, хотя это соглашение и имеет характер длительного союза этих двух государств, в нем нет ничего такого, что неизбежно должно было бы привести Австрию к столкновению с Россией... Русский император готов принять условия мира, которые, не представляя собой разрешения восточного вопроса, все же несомненно являются признанием провала агрессивной политики и в известной мере искуплением совершенных актов насилия. Мы полагаем, что удобный случай для более крупной политики упущен, что та комбинация условий, которая гарантировала бы независимость Европы, не так скоро повторится. Все же и сейчас можно добиться мира, выгодного в общем для Европы, полезного для Турции и не бесславного для западных держав. Но мы опасаемся, и не без оснований, что такой мир не будет заключен. Что же служит препятствием?.. Император французов. Будь он еще и сейчас того мнения, что, несмотря на все затруднения, нужно взяться за разрешение восточного вопроса, мы не стали бы говорить о том, что Англия должна отступить; но мы знаем, что император

держится совсем других взглядов. Не сужение русских границ и не переговоры о мире интересуют его; он лелеет другой план, который представляет собой нечто среднее; план этот опасен и может стать роковым. Он мечтает о походе, полном геройских подвигов, который восстановит его престиж и закончится миром. Этот мир не изменит территориальных границ Европы и Азии ни на иоту больше, чем австро-русские предложения, к обсуждению которых уже готов был приступить чрезвычайный английский посланник в Вене. Не говоря уже о той части плана, которая, престижа ради, готова принести в жертву тысячи людских жизней, мы считаем, что неполитичность этого плана так же бросается в глаза, как и его безнравственность. А что, если кампания, затеянная ради престижа, не удастся?.. Кроме тех затруднений, которые угрожают в Крыму со стороны русской армии, весьма серьезной угрозой является чума. Если эта кампания, затеянная ради престижа, не удастся, что станет с Англией и Францией? На чьей стороне окажутся великие немецкие державы? Перспектива одна: распад и гибель Европы. Даже в том случае, если бы не все условия были против нас, имели ли бы мы право идти навстречу таким опасностям, и притом не ради определенной политики, а ради голой демонстрации? Для повелителя французов, быть может, и очень мучительно упустить удобный случай; не менее мучительно это и для английского народа. Но государственные люди должны брать события так, как они есть. Ни Франция, ни Англия, ни Россия не находятся в 1855 г. в таком же положении, как и в 1853 г. Горе тем, которые предали высшие интересы Европы. Пусть их постигнет судьба, которую они заслужили. Повелитель французов и королева Англии не виноваты, но они не должны, подобно зарвавшимся игрокам, форсировать свою неудачу безумным порывом разочарования или пароксизмом отчаяния».

В той же газете мы находим ссылку на памфлет Жирардена «La Paix» [«Мир»], в котором одновременное разоружение Севастополя и Гибралтара приветствуется как правильное разрешение вопроса о мире. «Подумайте только, — говорит «Press», — что этот памфлет или, вернее, его продажа разрешена французским правительством, а его автор является интимным другом, советником и товарищем предполагаемого наследника престола». Здесь стоит упомянуть, что сторонники лорда Дерби, органом которых является «Press», стремятся к коалиции с манчестерской (миролюбивой) школой и что министерство, с своей стороны, стремится привлечь ее на свою сторону биллем о об отмене газетного штемпельного сбора (к нему мы

еще вернемся). Идея чисто демонстративной кампании, идея европейской войны не для угрозы могуществу неприятеля, а для спасения собственного престижа, идея театральной войны должна вывести из терпения всякого трезвого англичанина. Возникает вопрос: не является ли эта идея одной из «*Idées Napoléoniennes*» [наполеоновских идей] в том виде, в каком может и должна понимать ее реставрированная империя?

* РАЗОБЛАЧЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ.

Лондон, 28 марта 1855 г.

Следственная комиссия палаты общин имела уже больше 12 заседаний, и результаты ее работ в значительной части известны публике. Были опрошены свидетели из различных общественных слоев, от герцога Кембриджского до г. Макдональда из газеты «Times», и редко показания свидетелей отличались таким единодушием. Были рассмотрены различные отрасли управления и все они оказались не только в плохом, но прямо в позорно скандальном состоянии. Штаб армии, медицинский отдел, отдел поставок, комиссариат, транспортный отдел, госпитальное управление, санитарная полиция, портовая полиция в Балаклаве и Константинополе, — все без всякого возражения были признаны негодными. Но как ни плох был каждый департамент сам по себе, весь блеск системы обнаружился только в процессе их контакта и взаимодействия. Механизм управления был так хорошо налажен, что как только он вступал в силу, никто не знал, где его власть начинается, где она кончается и куда надо обращаться. Прочтите описание положения дел в госпиталях, тех позорных жестокостей, которые — не то по нерадивости, не то по равнодушию — применялись к больным и раненым на борту транспортных пароходов и при прибытии к пункту назначения. При отступлении из Москвы не было таких ужасов. И все это происходило в Скутари, на виду Константинополя, в большом городе с разнообразными ресурсами, а не при поспешном отступлении, когда казаки гнались за бегущими войсками, отрезывая их от обозов; все это происходило во время победоносной пока кампании, в пункте, гарантированном от всякого вражеского нападения, в большом центральном складе, где Великобритания нагромодила запасы для своей армии. И виновниками всех этих безобразий были не варвары, а джентльмены, принадлежащие к «высшим десяти тысячам», в своем роде милейшие люди. Да здравствует регламент! Пусть гибнет армия! «Обратитесь к другому ведомству, дело не входит в сферу нашей компетенции!» — «Но куда же обратиться?» — «В сферу нашей компетенции не входит знать, какой де-

парламент является компетентным, а если бы это и входило в сферу нашей компетенции, то мы не компетентны вам это сказать». — «Но больные нуждаются в рубахах, мыле, постельном белье, уходе, медицинской помощи, присыпке для ран, портвейне. Они умирают сотнями». — «Я очень огорчен тем, что лучшая кровь Англии пропадает таким образом, но мы не можем ничем помочь. Мы ничего не можем дать, даже если бы и имели, без необходимого испрошения, подписанного полдюжиной лиц, две трети которых отсутствуют, находятся в Крыму и в других местах». И вот, подобно Танталу, солдаты должны были умирать, созерцая или даже обоняя все те средства, которые могли бы спасти им жизнь. И на месте не нашлось ни одного человека, который взял бы на себя смелость порвать эту сеть рутины и за свой страх и риск действовать так, как этого требовал момент, и вопреки регламенту. Одно только лицо осмелилось это сделать, и этим лицом была *женщина, мисс Найтингель*. Как только она убедилась, что нужные ей вещи находятся на складе, она выбрала нескольких решительных товарищей и совершила вторжение в магазины ее величества. Оцепеневшим от страха интендантам она сказала: «Теперь у меня есть то, в чем я нуждалась. Идите и доложите обо всем, что вы видели. Я всю ответственность беру на себя».

Старые бабы на начальнических постах в Константинополе и Скутари, будучи далеки от того, чтобы осмелиться на такое дело, были в такой степени трусами, что этому трудно было бы поверить, если бы у нас не было их собственного признания. Так, например, одному из них, некоему д-ру Эндрию Смиту, одно время начальнику госпиталей, был следственным комитетом задан вопрос: да разве в Константинополе не было средств для закупок и не было рынка, где можно было бы достать необходимые товары? — «О да! — ответил он. — *Но после сорока лет рутины и неприятностей на родине, уверяю вас, я целые месяцы не мог понять, что действительно в моем распоряжении имеются фонды*». И вот таким-то старым бабам была поручена британская армия! Самые живые описания в прессе и парламенте поблекли перед картиной действительности, вскрытой показаниями свидетелей. Что же нам теперь сказать о гг. Гербертах, Гладстонах, Ньюкестлях и tutti quanti [им подобных] модных молодчиках Пиля, которые не раз обзывали в парламенте ложью ныне уже доказанные факты и отвергали их с такой страстной горечью, которой до сих пор нельзя было ожидать от этих «высокопочтенных» особ! Эти денди из Exeter Hall, пьюэитские кавалеры, для которых разница между «*пресуществом*» и «*реальным присутствием*» является вопросом жизни, взялись с характерной для них скромной самоуверенностью

*

за руководство войной и настолько успели в «пресуществлении» британской армии, что она утратила свое «реальное присутствие». «Она где-то находится», — отвечает Гладстон. 1 января британская армия в Крыму насчитывала 32 000 человек. К несчастью, мы располагаем свидетельством герцога Кембриджского о том, что после сражения при Инкермане, 6 ноября, британская армия не насчитывала и 13 000 штыков, а мы знаем, что с ноября и декабря она потеряла почти 3 000 человек. Между тем, известия о возмущении палаты общин против министров, о комитете Робек и о народном негодовании в Англии достигли Крыма. Встреченные солдатами с ликованием, они нагнали страху на генералов и начальников департаментов. Неделю спустя пришло известие о том, что в дороге находятся комиссары, имеющие полномочия вести следствия и принимать по ним определенные меры. Это подействовало как гальванический ток на паралитиков. Одновременно с этим железнодорожные рабочие принялись за работу, не будучи скованы прецедентами, правилами и бюрократизмом. Они обеспечили место высадки, пустили в ход заступы, создали верфи, заводы, плотины, и прежде чем забавные старые джентльмены оглянулись, они уложили первую рельсу. Совершенно неважно, как железная дорога отразилась на осаде — всех ее преимуществ можно было добиться куда проще и дешевле, — но она принесла большую пользу одним лишь примером, воочию противопоставив беспомощной Англии, Англии рутины, новейшую индустриальную Англию. Энергичные действия железнодорожных рабочих рассеяли колдовство, которое держало в плену всю британскую армию, — колдовство, созданное призраком мнимых невозможностей, доведшим британских офицеров и солдат до тупого фатализма турок и заставившим их спокойно смотреть на разруху как на неумолимый рок. Благодаря железнодорожникам в армии всплыло снова: «Aide-toi et le ciel t'aidera» [на бога надейся, а сам не плошай]. В течение шести недель все преобразилось. Раглан и его штаб, дивизионные и бригадные генералы ежедневно показываются в траншеях, все осматривают и отдают приказания. Комиссариат нашел лошадей, телеги и погонщиков, а войска сумели устроить в закрытом помещении своих больных, а отчасти и самих себя. Медицинский штаб ликвидировал в госпитальных палатках и бараках наиболее возмутительные безобразия. Начали появляться боевые припасы, платье, даже свежее мясо и овощи. Определенная налаженность начинает брать верх, и хотя еще остается много старых зол, подлежащих излечению, все же наступившее улучшение в положении дел неоспоримо и разительно.

О ПОЛОЖЕНИИ В КРЫМУ.

Лондон, 30 марта 1855 г.

Известия о ходе мирных переговоров каждый день меняют свой характер. Сегодня несомненен мир, завтра — война. Пальмерстон в своей газете «Post» грозит пушками и мечом, — доказательство, что он в любой момент готов заключить мир. Наполеон приказал своей прессе воспевать пальму мира, — вернейшее доказательство, что он хочет продолжать войну. Ход дел в Крыму меньше всего позволяет говорить о близком падении Севастополя. Омер-паша прочно сидит в Евпатории, на сухопутной стороне. Пользуясь своим превосходством в кавалерии, русские могут подводить свои пикеты и наблюдательные посты до самого города, могут обшаривать всю местность патрулями, которые отрезают подвоз провианта и, в случае серьезной вылазки, могут вернуться к находящейся немного дальше пехоте. Как мы и предполагали, русским с вдвое или даже втрое меньшими силами удастся держать под угрозой превосходящую их турецкую армию. Вылазка, которую турецкая кавалерия предприняла под начальством Искандер-бега (полк: Ильинский, прославившийся под Калафатом), была отбита одновременным нападением трех русских отрядов, выступивших из трех различных пунктов. Как и всякая плохо обученная и неустойчивая кавалерия, турки, вместо того, чтобы с саблей наголо броситься на русских, остановились на почтительном расстоянии и начали стрелять из карабинов. Это недвусмысленное доказательство их нерешительности побудило русских перейти в наступление. Искандер-бег пытался врезаться со своим эскадроном, но был оставлен всеми своими, кроме башибузуков, и вынужден был затем пробиваться сквозь стену русских. Омер-паша ждет прибытия кавалерийских подкреплений, а пока он отправился в англо-французский лагерь возвестить союзникам, что он в настоящий момент ничего не может сделать и что было бы очень желательно подкрепление в 10 000 французских солдат. Последнее несомненно, но не менее желательна эта поддержка была бы и для Канробера, который сделал открытие, что у него одновременно и слишком много, и слишком мало войск. Слишком много для осады

Севастополя по старому методу и для защиты реки Черной; слишком мало для того, чтобы форсировать реку, загнать русских в глубь страны и охватить городскую часть. Отправка 10 000 человек в Евпаторию все же не дала бы туркам возможности выступить в бой и в то же время ослабила бы операции французской армии в открытом поле. Осада Севастополя становится каждый день все более рискованным предприятием для осаждающих.

Мы видели, что русские 29 февраля владели редутом на Сапунской горе (у Малахова кургана). Этот редут они сейчас увеличили, укрепили, установили на нем пушки и отсюда предприняли возведение контр-аппрошей. Точно так же и на другом месте, на фронте Корниловского бастиона, возведен ряд редутов на триста ярдов дальше старых русских крепостных укреплений. Для читателей «Times'a» последнее должно быть непонятно, так как, по словам этой газеты, союзники уже давно провели свои траншеи на незначительном расстоянии от русских линий.

Теперь, наконец, — например в своем письме от 16 марта, корреспондент «Times'a» признает, что и в самое последнее время английские траншеи находились на расстоянии 600 — 800 ярдов от русских укреплений и что *те батареи, которые должны действовать против врага, это те же батареи, которые открыли свой огонь 17 октября*. Таковы, следовательно, успехи осады; таково продвижение вперед траншей, стоившее жизни и здоровья двум третям английской армии! При таких условиях в промежутке между двумя линиями батарей оказалось достаточно места для возведения новых русских укреплений. Эти укрепления могут рассматриваться как новая параллельная линия против осаждающих на расстоянии 300 — 400 ярдов от их укреплений или как контр-аппрош на самом большом террасовидном выступе по направлению к охватывающей ее армии. Таким образом, последняя очутилась в состоянии обороны, тогда как первое существенное условие осады заключается в том, чтобы осаждающие поставили осажденных в положение обороняющихся.

Как в лагере у Севастополя, так и в самой Англии начинают понимать, что нет никаких шансов взять Севастополь штурмом. В этом затруднительном положении «Times» обратился к «высоко-авторитетному военному специалисту». От него он узнал, что «необходимо перейти в наступление или путем перехода через Черную и соединения с турками под начальством Омера-паши — до или после сражения с русской наблюдательной армией, — или путем диверсии по направлению к Кафе, что вынудило бы русских

разбить свои силы. Так как союзная армия насчитывает от 110 до 120 тысяч человек, то такие операции должны быть ей под силу». Так полагает «Times».

На самом деле никто не знает так хорошо, как Раглан и Канробер, насколько было бы желательно соединение с армией Омера-паши, но, к сожалению, союзники имеют на высотах у Севастополя не 110 — 120 тысяч человек, а всего от 80 до 90 тысяч человек, способных носить оружие. Что же касается экспедиции в Кафу, то русские ничего лучшего не могли бы и ждать. Разбросать союзные войска по трем различным пунктам, на расстоянии от 60 до 150 миль от главного пункта, и это в то время, когда ни в одном из пунктов, где они сейчас находятся, союзники не сильны настолько, чтобы разрешить стоящую перед ними задачу! Не заимствовал ли «Times» свой совет у «русских» военных специалистов?

Так как 11-я и 12-я французские дивизии находятся уже в дороге, по крайней мере часть их, а остаток их вместе с 13-й, 14-й и двумя пьемонтскими дивизиями готов за ними последовать, то к концу мая союзная армия достигнет такой силы, которая даст ей возможность и заставит ее сдвинуться с своих оборонительных позиций на реке Черной. Войска соберутся в Константинополе и, вероятнее всего, будут одновременно посажены на корабли, так что им придется возможно меньше времени провести на роковом Херсонесе. Эта мера связана с некоторым замедлением, но обеспечивает большие выгоды. Подкрепления, которые до сих пор все время посылались небольшими отрядами в Крым, хотя и образуют вместе целую армию, не настолько усилили экспедиционный корпус, чтобы дать ему возможность перейти в наступление.

СКАНДАЛ В ФРАНЦУЗСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ.— ВЛИЯНИЕ ДРУЭН-ДЕ-ЛЮИСА.— СОСТОЯНИЕ МИЛИЦИИ.

Лондон, 3 апреля 1855 г.

Нам пишут из Парижа: «В бонапартистском Законодательном собрании дело дошло до сцены, слух о которой еще не проник в английскую прессу. Во время прений по поводу закона о заместительстве вскочил Гранье де-Кассаньяк — после речи Монталамбера — и в пылу возмущения проболтался. Только когда этот закон вступит в силу, — сказал он, — армия станет тем, чем она должна быть, преданной порядку и императору, и нам не придется больше видеть позорное зрелище солдат, поворачивающих ружья в обратную сторону (à baïonnettes renversées). Конец этой речи, восхвалявшей открыто систему янычар как идеал для французской армии, вызвал даже в *этом* собрании громкий ропот, и Гранье должен был сесть. Тогда встал другой член законодательного собрания и отхлестал Гранье. Скандал был настолько велик, что сам Морни вынужден был потребовать объяснений у Кассаньяка (Гизо, как известно, называл его королем плутов еще тогда, когда он редактировал свою газетку «Globe»). Гранье малодушно отрекся от своих слов и сам предложил, чтобы весь инцидент не был упомянут в «Moniteur». Заседание своей бурностью напомнило наилучшие дни палаты депутатов в эпоху Луи-Филиппа.

«Британская публика, — говорит сегодняшней «Morning Chronicle», — пришла к заключению, что г. Друэн-де-Люис проехал в Вену, чтобы наущничеством и своего рода «маханьем крыльев» (Flügelschläger) подействовать на лорда Джона Росселя, поведение которого мало удовлетворяло до сих пор как его соотечественников, так и наших союзников. Благородный лорд известен своими причудами и вспышками патриотизма и либерализма, своим крайним общественным темпераментом до тех пор, пока он в оппозиции или должен составлять себе политический капитал, и, наоборот, своей пассивностью, как только исчезают непосредственные стимулы. Что-то в этом роде случилось с ним и на этот раз, и публика уже начинает роптать... С момента приезда г. Друэн-де-Люиса в Лондон в

высших сферах дал себя знать более решительный тон. Говорили даже, что его миссия настолько удалась, что мирные настроения лорда Джона Росселя не нашли у правительства отклика, и нашему «мужу великой энергии» (Пальмерстону) волей-неволей пришлось дать согласие на посылку ультиматума, который Россией будет с презрением отвергнут».

Английская армия уже исчезла, а английская милиция находится в процессе исчезновения. Милиция, созданная при лорде Дерби в силу парламентского акта 1852 г., не могла быть по закону созываема, при обыкновенных обстоятельствах, больше, чем на 58 дней в году. Для непрерывной службы милицию можно было призвать только в случае вторжения в страну неприятеля или вследствие какой-нибудь другой чрезвычайно важной и непосредственной причины. Напротив, парламентским актом 1854 г. все на вербованные после 12 мая 1854 г. были обязаны служить до тех пор, пока будет война. Теперь возник вопрос, как быть с обязательствами тех, которые на вербованы на основании акта 1852 г. Королевские судьи заявили, что они считают и эту категорию обязанной служить в течение всей войны. Лорд Пенмюр, в противоречии с этим юридическим решением, издал несколько недель тому назад приказ, согласно которому все на вербованные до акта 1854 г. могут уйти, но могут получить премию в один фунт стерлингов, если запишутся на следующие пять лет. Так как в настоящее время премия для рекрутов, вступающих в регулярную армию на два года, равна в пехоте семи, а в кавалерии десяти фунтам стерлингов, то премия в один фунт стерлингов за пятилетнюю службу в милиции была самым верным способом распустить ее. Лорд Пальмерстон, медливший почти год с созывом милиции, повидимому, желает от нее освободиться при первой возможности. В соответствии с этим мы узнаем, что за последние две недели один полк милиции за другим потеряли от $\frac{2}{3}$ до $\frac{5}{8}$ своего состава. Так, в первом полку Сомерсетской милиции из 500 человек уволилось 414, в Нортдергемской милиции из 800 ушло 770, в Лейстерской милиции — 340 человек из 460, а в Сеффолькской артиллерии из 130 ушло 90 человек и т. д.

БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ВО ФРАНЦИИ И АНГЛИИ.

Лондон, 10 апреля 1855 г.

Позвольте мне возобновить, после долгого перерыва, мои письма «Трибуне».

Сегодняшний и вчерашний день будут, по всей вероятности, решающими днями Венской конференции. 9-го заседание открылось в присутствии г. Друэн-де-Люиса. Одновременно с этим ждали, что русский посол получил инструкции относительно третьего и четвертого пунктов. Про путешествие г. Друэн-де-Люиса раструбили на всех биржах как о верном симптоме мира. Утверждали, что такой видный дипломат, не будучи уверен в успехе, не принял бы лично участия в переговорах. Но «выдающиеся свойства» этого дипломата во всяком случае очень проблематичны и существуют только в оплаченных им газетных статьях, где он превозносится как второй Талейран. Во время его долголетней карьеры при Луи-Филиппе удалось установить только его «выдающуюся» посредственность. Истинный смысл его поездки вот какой: лорд Джон Россель, благодаря полному незнанию французского языка, пошел в течение нескольких недель на такие уступки со стороны союзников, о которых он никогда и не думал. Взять эти уступки обратно было бы для него чрезвычайно трудно. Французский язык лорда Джона похож на язык истинного Джона Булля, на котором говорит «милорд» во «Фра-Диаволо» и в других популярных во Франции пьесах. Он начинает словами «Monsieur l'aubergiste» (г. хозяин гостиницы) и кончает словами «très bien» (очень хорошо). Если он понимает только половину того, что ему говорят, то он может утешаться тем, что из того, что он говорит, другие понимают еще меньше. Исходя из этих соображений, его друг и соперник, лорд Пальмерстон, послал его в Вену, полагая, что двух-трех серьезных неудач на этой конференции будет достаточно, чтобы бедный маленький Джон «сломал себе шею». Так оно и случилось. Лорд Джон не в состоянии был поспевать за ходом конференции, и каждое неожиданное возражение со стороны Горчакова или Буоля вызывало у несчастного дипломата-«новичка» смущенное «très bien».

Только благодаря этому могло случиться, что Россия, а в известной степени и Австрия получили возможность утверждать, что некоторые пункты, поскольку дело касается Англии, окончательно установлены, хотя бедный лорд Джон никогда и не думал идти на такие уступки. Пальмерстон не стал бы, конечно, возражать против этого, поскольку все упреки падут на голову его несчастного коллеги. Но Луи Бонапарт не сможет допустить, чтобы его таким обманным путем вынудили заключить мир. Чтобы создать препятствие этой дипломатии, французское правительство внезапно решило повести дело быстрым темпом. Оно предъявило ультиматум, который Друэн-де-Люис повез в Лондон, где и добился на него согласия со стороны английского правительства, после чего и поехал в Вену. Его сейчас можно рассматривать как общего представителя Англии и Франции, и нет никаких сомнений, что он сумеет самым лучшим образом использовать это положение в интересах своего господина. А так как единственный и исключительный интерес Луи Бонапарта заключается в том, чтобы *не* заключить мир до тех пор, пока он не добьется новой славы и новых выгод для Франции и пока война не оправдает полностью поставленной ей цели превратиться в *средство управления*, то становится ясно, что миссия Друэн-де-Люиса далека от того, чтобы домогаться мира. Совсем напротив — весь ее смысл заключается в том, чтобы под наиболее приличным предлогом обеспечить продолжения войны.

В кругах французской и английской буржуазии эта война решительно не пользуется популярностью. Французская буржуазия заняла эту позицию с самого начала войны. Этот класс, начиная с 2 декабря, все время находился в решительной оппозиции к правительству «спасителя общества». В Англии буржуазия раскололась. Большая часть ее свою традиционную ненависть к французам перенесла на русских. Хотя Джон Буль и пускается охотно на аннексии в Индии, он не думает позволять делать то же самое другим народам в тех странах, близость которых угрожает его собственным владениям. Россия являлась страной, которая уже давно вызывала его подозрительность в этом отношении. Невероятно разросшаяся торговля Англии в Леванте и ее стремление проникнуть через Трапезунд во внутреннюю Азию делают свободный проезд судов через Дарданеллы фактом чрезвычайной важности для Англии. Англия не может спокойно смотреть на поглощение Россией придунайских стран, значение которых, как хлебной житницы, все возрастает; она не может позволить, чтобы Россия прекратила судоходство по Дунаю. Русский хлеб и сейчас играет громадную роль в

потреблении Англии. Если же Россия завладеет и соседними, производящими зерно странами, то Британия попадает в полную зависимость от России и Соединенных Штатов, и эти две страны явятся регулятором хлебного рынка всего мира. Неопределенные, наводящие панику слухи о распространении России в Центральной Азии всегда имеются налицо. Они подхватываются заинтересованными английскими политиками и перепуганными фантастами и легко воспринимаются английской публикой, плохо разбирающейся в географических понятиях. И вот, когда Россия предприняла враждебные шаги против Турции, национальная ненависть естественно прорвалась наружу; ни одна война не была столь популярной, как эта. Партия сторонников мира на некоторое время лишена была возможности высказываться; значительная часть ее членов была даже увлечена общим потоком. Но кто знает характер английского народа, тому было ясно, что этот военный энтузиазм не может долго продолжаться, и в особенности поскольку это касается буржуазии. Как только война оказала в виде налогов свое влияние на карманы буржуазии, ее торгашество оказалось выше ее национальной гордости, и потеря немедленных личных выгод превысила страх перед потерями, грозящими в дальнейшем всей нации. Сторонники Пизы, которые противились войне не из любви к миру, а благодаря известной ограниченности и боязливости, избегающей всякого решительного кризиса и всяких активных шагов, приняли все меры к тому, чтобы всякий английский купец и фабрикант мог подсчитать до последнего пенса, во что ему обойдется война за год. Господин Гладстон, пренебрегая популярной идеей о займе, удвоил подоходный налог и приостановил финансовую реформу. Результат не замедлил сказаться. Партия мира снова подняла голову. Джон Брайт со свойственной ему живостью и упорством осмелился выступить против популярных настроений, и ему удалось склонить на свою сторону промышленные округа. В Лондоне настроение все еще в пользу войны, но и тут влияние партии мира становится ощутительным. Нельзя упускать из виду то обстоятельство, что Общество мира никогда не пользовалось сколько-нибудь влиянием в столице. Тем не менее агитация растет по всей стране, и если еще один год пройдет с удвоенными ставками подоходного налога и будет к тому же заключен заем, — а заем сейчас становится неизбежным, — то последний остаток воинственных настроений в торговых и промышленных кругах будет вырван с корнем.

Совсем иначе обстоит дело с массами населения в обеих странах. Во Франции с 1789 года крестьянство было все время настроено

в пользу войны и жаждало военной славы. На этот раз крестьяне убеждены, что им не придется почувствовать тяжести войны. Ибо в стране, где земля до бесконечности раздроблена между мелкими собственниками, набор не только освобождает земледельческие округа от излишних рабочих сил, но и дает ежегодно 20 тысячам молодых людей возможность заработать круглую сумму тем, что они являются заместителями призываемых на войну. Только затяжная война может себя тяжело дать знать. Налогов на крестьян император не посмеет наложить, если он только не пожелает рисковать короной и жизнью. Единственное средство поддержать среди них бонапартизм, это — избавить их от военных налогов и таким путем купить их расположение; следовательно, в течение ближайших лет они будут свободны от этого бремени.

Почти так же обстоят дела и в Англии. В земледельческой отрасли хозяйства обычно царит избыток рабочих сил. Отсюда набирается главная масса солдатчины, которая только в более поздний период войны получает подкрепление из среды городского люмпен-пролетариата. Так как в начале войны торговля находилась сравнительно в благополучном состоянии и недавно был проведен ряд улучшений в земледелии, число деревенских рекрутов было на этот раз меньше обыкновенного, и городской элемент явно преобладает в нынешней милиции. Но и незначительного числа призванных было достаточно для того, чтобы в благоприятном смысле повлиять на заработную плату, а симпатии деревенских жителей всегда на стороне тех солдат, которые выходят из их среды и превращаются затем в героев. Прямые налоги не затрагивают мелких фермеров и рабочих, и нужно несколько лет войны, чтобы они почувствовали тяжесть косвенных налогов. Эти люди, как и прежде, горячо ратуют за войну. Нет ни одной деревни, где бы не открылась новая пивная с вывеской «Герои Альмы» и тому подобными, где почти в каждом доме стены не украшались бы удивительными олеографиями с изображениями Альмы, Инкермана, нападения на Балаклаву, портретами лорда Раглана и др. Но если во Франции громадный перевес крестьянского населения (четыре пятых общего количества) и его своеобразная позиция по отношению к Луи Бонапарту придают такое значение его голосам, то в Англии, где сельское население образует едва ли третью часть всего населения страны, сельская масса не имеет никакого влияния и является только привеском к аристократическим землевладельцам.

Рабочее население промышленных округов занимает в обеих странах по отношению к войне одну и ту же своеобразную позицию.

Как британские, так и французские пролетарии еще преисполнены честным национальным чувством, хотя они в той или другой мере уже освободились от старомодных национальных предрассудков, которые свойственны крестьянству обеих стран. Они непосредственно мало заинтересованы в войне, хотя победы земляков льстят их национальной гордости; самое же ведение войны, со стороны французов безумно смелое и хвастливое, со стороны англичан — боязливое и беспорядочное, дает им подходящий случай поднять агитацию против существующих правительств и господствующих классов. Но самое главное для них заключается вот в чем: эта война, совпавшая с торговым кризисом, начало которого только что дало о себе знать; эта война, руководимая людьми, не доросшими до взятой на себя задачи; эта война, принимающая ныне европейские размеры, неизбежно вызовет события, которые дадут пролетариату возможность занять положение, утерянное им после июньского поражения во Франции. Это верно не только для Франции, но и для всей Центральной Европы, включая Англию.

Во Франции не может быть и сомнения, что всякая новая революционная буря рано или поздно приведет рабочий класс к власти. В Англии дела быстро принимают такой же оборот. Аристократия охотно продолжала бы войну, но не способна на это. Рядом неудач в продолжение прошлой зимы она сама выдала себе свидетельство в полной неспособности. Буржуазия, не желающая продолжать дальше эту бесконечную войну, приносит в пользу мира всевозможные жертвы и этим доказывает свою неспособность управлять страной. Если бы события заставили один из этих классов с их многочисленными фракциями уйти от власти, не вручая ее другому, то осталось бы всего два класса, которые могли бы претендовать на власть: мелкая буржуазия, класс мелких производителей, у которого отсутствие энергии и решимости обнаруживалось каждый раз, когда ему приходилось переходить от слов к делу, и рабочий класс, который постоянно упрекали в том, что он проявлял слишком много энергии и решимости, когда пытался выступать в роли класса. Возникает вопрос: какой же из вышеописанных классов выведет Англию из нынешней войны и всех осложнений, которые благодаря ей должны возникнуть?

КРИТИКА НАПОЛЕОНОВСКОЙ СТАТЬИ В «MONITEUR».

Лондон, 14 апреля 1855 г.

Публика, даже во Франции, начинает разбираться в тайне, окутывающей осаду Севастополя. Ввиду этого Луи Бонапарт, как главный редактор «Moniteur'a», снова разразился длинной передовой статьей на эту тему. Эта статья должна выполнить несколько задач: вообще утешить публику в неудаче предприятия, в особенности сбросить ответственность за неудачу с плеч преемника Наполеона и, в частности, ответить на Брюссельский мемуар. В полуофициальном, полуфамильярном стиле, столь характерном для человека, пишущего одновременно для французских крестьян и европейских кабинетов, дается нечто вроде истории похода с мнимым обоснованием каждого сделанного шага. Документ этот в высшей степени неполитичен, так как свыше всякой меры слаб и недостаточен. Все же «pressure from without» [давление извне], должно быть, достаточно сильно, если Бонапарт вынужден выступать и защищать себя таким образом.

После растянутого введения сообщается часть инструкций, полученных Сент-Арно в начале похода, и дается объяснение тому, почему союзные войска были сначала доставлены в Галлиполи. Русские могли, — говорится там, — форсировать Дунай у Рущука и, обойдя линии Шумлы и Варны, перейти Балканы и двинуться на Константинополь. Из всех оснований, которые можно было бы привести в защиту высадки у Галлиполи, это — самое плохое. Во-первых, Рущук — *крепость*, а не открытый город, как себе представляет это просвещенный издатель «Moniteur'a». Это напоминает нам исторический промах, который допустил недавно «Moniteur» в своем некрологе об императоре Николае, спутав Адрианопольский договор с договором в Кучук-Кайнарджи. Что касается опасности такого флангового русского похода, то надо напомнить о том, что турецкая армия в 60 000 человек, прочно засевшая между четырьмя сильными крепостями, не могла быть оставлена без внимания, и для наблюдения за ней нужно было выделить сильный отряд; что этот фланговый поход поставил бы русских в балканских ущельях в такое же положение, в каком очутился Дюпон у

Байлена и Вандам у Кульма; что русские в лучшем случае могли бы доставить в Адрианополь всего 25 000 человек. Того, кто такую армию считает опасной для Константинополя, может научить кой-чему книга майора Мольтке о русско-турецкой войне 1828 — 1829 гг. Послушаем теперь дальше. В случае, если бы Константинополю не угрожало никакой опасности, союзникам следовало бы продвинуть несколько дивизий к Варне, чтобы отразить всякую попытку осады Силистрии. В этом случае напрашивались еще две задачи: высадиться около Одессы или завладеть Крымом. Союзным генералам следовало обсудить обе операции на месте. Инструкции кончаются несколькими разумными военными советами в форме правил и изречений: «Будьте всегда в курсе того, что делает неприятель. Держите войска вместе, не разбивайте их; но когда вы вынуждены их разбить, то делайте это так, чтобы вы могли в течение 24 часов объединить их в каком-нибудь данном пункте» и т. д. Все это действительно ценные правила поведения, но настолько избитые, настолько общеизвестные, что Сент-Арно был, повидимому, в глазах своего повелителя полным невеждой, если он нуждался в таких советах. И внезапно инструкции прерываются следующими словами: «Вы пользуетесь полным моим доверием, маршал! Отправляйтесь, ибо я уверен, что под вашим опытным руководством французский орел добьется новой славы».

Что касается главного пункта, крымской экспедиции, то Бонапарт сознается, что это был его излюбленный план, что относительно этой экспедиции он послал Сент-Арно новую пачку инструкций. Он только отрицает, что план был им разработан во всех подробностях и отослан в главный штаб. По его словам, генералы могли предпочесть высадку у Одессы. В доказательство он приводит одно место из этих новых инструкций. Бонапарт предлагает здесь высадиться у Феодосии (Кафы), принимая во внимание безопасную и обширную якорную стоянку, которую здесь можно было предоставить флотам, роль которых была — все время служить операционной базой для армии. Что такое операционная база, это было уже разъяснено знаменитому маршалу самым подробным и элементарным образом еще в первых инструкциях. Из этого пункта — Кафы — армия должна была направиться к Симферополю, отбросить русских к Севастополю, перед укреплениями которого вероятно произошла бы битва, и затем осадить Севастополь. «К несчастью», союзные генералы не выполнили этого плана. Этот «несчастный» случай представляется тем более счастливым, что он позволяет Бонапарту всю ответственность за это неприятное дело свалить с себя на генералов. На самом деле

план высадки с 60 000 солдат у Кафы, чтобы отсюда направиться к Севастополю, представляется очень оригинальным. Приняв за общее правило, что наступательная сила армии, находящейся на вражеской территории, уменьшается пропорционально ее удалению от оперативной базы, мы задаем вопрос: сколько человек доставили бы союзники в Севастополь после похода в 120 миль? А сколько человек надо было бы оставить в Кафе? Сколько для того, чтобы удержать и укрепить промежуточные пункты? Сколько людей понадобилось бы для защиты транспортов и очищения страны? И 20 000 человек нельзя было бы сконцентрировать под стенами крепости, требующей для простой блокады в три раза больше человек. Если Бонапарт сам отправится на войну и вздумает вести ее согласно этим принципам, то одна и та же фамилия Бонапарт представит самый удивительный контраст в военной истории. Что касается безопасной стоянки, то всякий матрос на Черном море знает и любая карта показывает, что Кафа является открытым рейдом, защищенным только от северных и западных ветров, тогда как самыми опасными бурями на Черном море грозят юго-западные и юго-восточные ветры. Таков ураган 14 ноября. Если бы флот стоял тогда на якоре у Кафы, он был бы бесспорно брошен на подветренную сторону.

Тут мы подошли к самой трудной части документа. Луи Бонапарт, очевидно, полагает, что ту ответственность, которая на него взвалена Брюссельским памфлетом, он с себя удачно сбросил. Но ведь нельзя принести в жертву Раглана и Канробера. И чтобы в соответствии с этим доказать способности этих генералов, он дает очерк осадного искусства. Очерк этот имеет своей задачей показать, при каких условиях Севастополь *не* мог быть взят, так как кончается заверением, что все эти правила были неприменимы у Севастополя. «Например, — продолжает он, — при обыкновенной осаде, где нападение идет с фронта, длина последней параллели составляла бы 300 метров, а общая длина траншей не превышала бы 1 000 метров. Здесь же длина параллели составляет 3 000 метров, а общая линейная длина траншей доходит до 41 000 метров». Правильно, но в этом-то и весь вопрос. *Почему* было допущено такое громадное растяжение линии атаки, когда все обстоятельства требовали возможно большей концентрации огня на одном или двух пунктах? Ответ таков: «Севастополь не похож на всякую другую крепость. У него один только неглубокий ров, нет каменных эскарпов, и эти защитные укрепления заменены *засеками* и *палисадами*. Таким образом, наш огонь мог оказать только слабое действие на земляные брустверы». Так как это писано не для маршала Сент-Арно, который,

может быть, и поверил бы этому, то это, очевидно, написано исключительно для французского крестьянства, ибо всякий унтер-офицер французской армии рассмеялся бы над такой галиматией. Палисады, если они только не построены на дне рва или, по крайней мере, вне поля зрения неприятеля, очень быстро уничтожаются картечью. Засеки легко поджечь. Они должны находиться у подошвы гласиса, на расстоянии 60 — 80 ярдов от брустверов, так как иначе они мешали бы огню пушек. Но откуда был взят лес для этих засек — длинные, положенные на дно дерева, обращенные острыми ветвями в сторону врага и прочно между собой связанные, — откуда был взят лес в этой безлесной стране — об этом «Moniteur» умалчивает. Что палисады являются прогрессом в сравнении с каменными эскарпами, это положительно ново; ведь эти деревянные ограды легко поджечь, и после этого, как только неприятельские пушки приведены к молчанию, возможен штурм.

В конце концов мы узнаем, — это должно доказать рассмотренное нами *exposé* [изложение], — что союзные генералы сделали все, что было возможно, и даже больше того, чего от них можно было ожидать при данных условиях, они даже покрыли себя славой. Плохая слава, если ее нужно доказывать, и еще таким образом! Если господа генералы не смогли окружить Севастополь, если они не смогли прогнать русскую наблюдательную армию, если они до сих пор не в Севастополе, — то только потому, что они были недостаточно сильны. Это правда, что они недостаточно сильны. Но если это так, то кто же виновник этого *величайшего промаха*? Не кто другой, как Бонапарт. Вот неизбежный вывод, к которому ведет передовая статья «Moniteur'a». Какое впечатление эта статья произвела в Париже, показывает следующая выдержка из письма обычно столь раболепного парижского корреспондента газеты «Times»: «Некоторые лица рассматривают эту статью как пролог к полному очищению Крыма. В одном легитимистском кружке говорят: нам сулили войну à la Наполеон, а кажется, что мы теперь получим мир à la Луи-Филипп. С другой стороны, подобные же впечатления господствуют в настроениях рабочего населения предместья Сент-Антуан. Они считают статью открытым признанием своего бессилия».

ПАИСЛАВИЗМ

Neue Oder-Zeitung.

Mittagsblatt.

32 Stroßen bei der Oper
auf der Grönastraße in Cöpen
1 Kabin 10 Rp.

Stroßen,
Cöpenhagen, den 21 April 1864

32 Stroßen bei der Oper
auf der Grönastraße in Cöpen
1 Kabin.

№ 184

ГЕРМАНИЯ И ПАНСЛАВИЗМ.

I.

Из достоверных источников сообщают, что *нынешний* император России обратился к определенным дворам с телеграммой, в которой между прочим говорится: «В тот самый момент, когда Австрия окончательно объединится с Западом или выступит с каким-нибудь враждебным актом против России, Александр II лично *станет во главе панславистского движения и нынешний свой титул императора вся России заменит титулом императора всех славян (?)*». Это заявление Александра, если он действительно его сделал, является первым искренним словом с начала войны. Это первый шаг к тому, чтобы придать войне европейский характер, таившийся до сих пор за всякого рода оговорками и предложениями, протоколами и договорами, параграфами из Ваттеля и цитатами из Пуффендорфа. Вопрос о независимости, даже самом существовании Турции отодвинут этим на задний план. Стоит вопрос не о том, кто будет хозяином в Константинополе, а о том, кто будет господствовать над всей Европой. Славянская раса, давно раздираемая внутренними спорами, отиснутая к востоку немцами, частично подавленная немцами, турками и венграми, исподволь объединяя свои разветвления после 1815 г. постепенным ростом панславизма, в первый раз заявляет о своем единстве и тем самым объявляет смертельную войну романско-кельтским и германским расам, которые до сих пор господствовали в Европе. Панславизм, это — не только движение в пользу национальной независимости, это — движение, которое хочет стереть с лица земли то, что создано историей за тысячелетие, которое не может осуществиться без того, чтобы не смести с карты Европы Турцию, Венгрию и половину Германии, которое, достигнув этого результата, не может иначе гарантировать дальнейшего своего существования, как только путем покорения Европы. Панславизм из символа веры ныне превратился в политическую программу с 800 000 штыков в своем распоряжении. Он ставит перед Европой альтернативу: покорение ее славянами или разрушение навсегда центра его

наступательной силы — России. Следующий вопрос, на который мы должны дать ответ, это — в какой степени Австрия заражена этим облаченным Россией в мундир панславизмом? Из 70 миллионов славян, живущих на восток от Богемского леса и Каринтийских Альп, почти 15 миллионов находятся под властью Австрии, включая в себя представителей почти всех разновидностей славянского языка. Богемское или чешское племя (6 миллионов) полностью находится под австрийским владычеством, польское племя представлено почти 3 миллионами галицийских поляков, русское племя — 3 миллионами малороссов (красноруссов, русинов) в Галиции и на северо-востоке Венгрии, — единственного русского племени, находящегося за пределами русской империи; южно-славянское племя представлено почти 3 миллионами словенцев (каринтийцев и кроатов) и сербов с небольшим числом рассеянных болгар. Австрийские славяне распадаются, таким образом, на две группы: одна из них состоит из обломков наций, собственная история которых принадлежит прошлому, а нынешнее историческое развитие связано с национальностями различных рас и языков. Их тяжелое национальное положение довершается тем, что эти печальные обломки прежнего величия не обладают внутри Австрии никакой национальной организацией, а большей частью поделены между различными провинциями. Словенцы, которых насчитывается полтора миллиона, рассеяны по различным провинциям Краины, Каринтии, Штирии, Кроации и юго-западной Венгрии. Богемцы, хотя и самое многочисленное племя в Австрии, частью живут в Богемии, частью в Моравии, а частью (словакская линия) в северо-западной Венгрии. Вследствие этого эти национальности, хотя они и живут исключительно на австрийской территории, ни в коем случае не признаются конституированными национальностями. Они рассматриваются как привески или немецкой, или венгерской нации, и на деле ничего больше собой и не представляют. Вторая группа австрийских славян состоит из обломков различных племен, которые откололись в ходе истории от великого тела своей нации и центр тяжести которых лежит поэтому вне Австрии. Так, австрийские поляки тяготеют, как к своему центру, к русской Польше, русины к другим объединившимся с Россией малороссийским областям, а сербы к турецкой Сербии. Что эти оторванные от своих национальностей обломки тяготеют к своим естественным центрам, понятно само собой, и явление это становится все более очевидным, чем больше среди них распространяется цивилизация и в силу этого потребность в национально-исторической деятельности. И в том и в другом случае австрийские славяне представляют собой *membra dis-*

јеста [разъединенные члены], которые стремятся к воссоединению или друг с другом, или с основными телами своих национальностей. Вот причина того, что панславизм является не русским, а австрийским изобретением. Чтобы обеспечить восстановление каждой отдельной славянской национальности, различные славянские племена в Австрии начинают работать в пользу объединения всех славянских племен в Европе. Ни Россия, обладающая своей собственной мощью, ни Польша, ярко ощущающая в себе неукротимую живучесть национального сознания и к тому же явно враждебная по отношению к славянской России, очевидно, не были призваны к тому, чтобы изобрести панславизм. Турецкие сербы и болгары были еще слишком варварами для того, чтобы открыть такую идею; болгары спокойно подчинялись туркам, а у сербов было достаточно дела в борьбе за собственную независимость.

II.

Первая форма панславизма была чисто литературная. Его изобретателями были *Добровский*, чех, основатель научной филологии славянских языков, и *Колар*, словацкий поэт из венгерского Прикарпатья. У Добровского главную роль играл энтузиазм научного изобретателя, у Колара быстро возобладали политические идеи. Но вначале панславизм довольствовался элегиями, и главной темой его поэзии были величие прошлого, позор, несчастье и чужеземное притеснение в настоящем. «Неужели, о боже, нет человека на земле, который захотел бы оказать справедливость славянам?» Мечты о панславистской империи, диктующей законы Европе, тогда еще едва обозначались. Но элегический период скоро кончился, а вместе с ним замолк и крик о простой «справедливости для славян».

Исторические исследования, охватывающие политическое, литературное и лингвистическое развитие славянской расы, сделали в Австрии гигантские успехи. *Шафарик*, *Копитар* и *Миклошич* как лингвисты, *Палацкий* как историк стали во главе движения, сопровождаемые толпой менее даровитых или вовсе лишенных дарований ученых, как *Ганка*, *Гай* и т. д. Славные эпохи чешской и сербской истории рисовались в пламенных красках в противовес униженному и жалкому настоящему этих национальностей; и подобно тому как в остальной части Германии под покровом «философии» подвергались критике политика и теология, в Австрии, на глазах у Меттерниха, филология была использована панславистами для проповеди учения о славянском единстве и создании политической партии, очевидной

целью которой было изменение положения всех национальностей в Австрии и превращение ее в великую славянскую империю.

Смешение языков, царящее к востоку от Богемии и Каринтии, вплоть до Черного моря, прямо-таки изумительно. Процесс денационализации среди славян, граничащих с Германией, медленное, но непрерывное продвижение вперед немцев, вторжение венгров, разделившее северных и южных славян компактной семимиллионной массой финской расы, вклинение турок, татар, валахов внутрь славянских племен, — все это создало настоящий языковой Вавилон. Язык меняется от деревни к деревне, чуть ли не от одной фермы к другой. Даже Богемия из 5 миллионов населения насчитывает 2 миллиона немцев рядом с 3 миллионами славян, окруженных кроме того с трех сторон немцами. То же мы видим у австрийско-славянских племен. Передать славянам всю первоначально славянскую территорию, превратить Австрию, за исключением Тироля и Ломбардии, в славянское государство, что было целью панславистов, значило презреть историческое развитие последнего тысячелетия, отрезать одну треть Германии и всю Венгрию и превратить Вену и Будапешт в славянские города, — чему вряд ли могли бы симпатизировать немцы и венгры, владеющие этими областями. К тому же различия между славянскими диалектами так велики, что они, за редким исключением, друг другу непонятны. Это было комическим образом доказано на славянском конгрессе в Праге в 1848 г., где, после различных и бесполезных попыток найти общий, понятный для всех членов язык, они в заключение вынуждены были говорить на ненавистном для них всех языке — на немецком.

Мы видим, таким образом, что австрийскому панславизму не хватало существенных элементов успеха: масс и единства. *Масс* не хватало потому, что панславистская партия, ограниченная по своему составу частью интеллигенции, не обладала никаким влиянием на народ и не имела силы одновременно оказать сопротивление австрийскому правительству и немецкой и венгерской национальностям, ограничения которых она требовала. *Единства* не было потому, что ее принцип единства был чисто идеальным и при первой же попытке осуществления потерпел крушение благодаря различию в языках.

Пока панславизм был чисто австрийским движением, он не представлял большой опасности, но скоро нашелся необходимый для него центр масс и единства. Национальное движение турецких сербов в начале этого столетия скоро обратило внимание *русского правительства* на тот факт, что Турцию населяло 7 миллионов славян, язык которых из всех славянских наречий больше всего

походит на русский, что их религия и *священный язык* — старо- или церковно-славянский — совершенно те же, что у русских. Среди этих сербов и болгар Россия впервые начала панславистскую агитацию, опирающуюся на положение России как главы и покровительницы греческой церкви. Как только панславистское движение приобрело некоторую почву в Австрии, Россия немедленно расширила разветвления своей агентуры на области своих союзников. Там, где она наталкивалась на славян римско-католической религии, религиозная сторона вопроса опускалась, и Россия выступала только как центр тяготения славянской расы, как ядро, вокруг которого могут кристаллизоваться возрожденные славянские племена, как сильный и единый народ, призванный создать великое славянское государство от Эльбы до Китая и от Адриатического моря до Ледовитого океана. Итак, здесь были найдены недостающие массы и единство! Панславизм сразу попал в ловушку. Он произнес свой собственный приговор. Чтобы утвердить заново мнимые национальности, панславизм объявил себя готовым принести в жертву русско-монгольскому варварству восьмисотлетнее фактическое участие в цивилизации. Разве это не было естественным результатом движения, начавшего с решительной реакции против европейской цивилизации и желавшего поставить запруды мировой истории?

Меттерних в годы расцвета своего могущества распознал опасность и заметил русские интриги. Он подавлял это движение всеми находящимися в его распоряжении средствами. Но все его меры можно обозначить одним словом — *репрессии*. Единственно действительное средство — свободное развитие немецкого и венгерского духа, вполне достаточное для того, чтобы рассеять славянский призрак, — противоречило системе его мелочной политики. В результате, после падения Меттерниха, в 1848 г. славянское движение разразилось сильнее прежнего, охватив более широкие слои населения, чем когда-либо раньше. Но тут же сразу обнаружился его основной реакционный характер. В то время как немецкое и венгерское движения в Австрии были определенно прогрессивными, — славяне спасли старую систему от разрушения, помогли Радецкому продвинуться к Минчио и Виндишгрецу завоевать Вену. Чтобы довершить зависимость Австрии от славянской расы, великий *славянский резерв*, русская армия, должен был спуститься в Венгрию и там продиктовать ей мир.

Но если присоединение панславистского движения к России было его самоосуждением, то Австрия не менее явно признала свой недостаток жизнеспособности, решив принять или даже призвать эту славянскую помощь против трех единственных наций в ее владениях.

обладавших историческими жизненными силами и проявивших их: немцев, итальянцев и венгров. Все время с 1848 г. этот долг перед панславизмом тяготел над Австрией, и сознание его было главной пружиной австрийской политики. Прежде всего Австрия считалась с славянами на своей собственной территории, что было возможно только путем хотя бы отчасти прогрессивной политики. Привилегии всех провинций были отменены, на место федеративной выступила централистическая администрация и вместо различных национальностей была признана одна искусственная — австрийская нация. Несмотря на то, что эти меры отчасти были направлены и против немецких, итальянских и венгерских элементов, главной своей тяжестью они обрушились на компактные славянские племена и дали немецкому элементу солидный перевес. Если таким образом устранена была внутренняя зависимость от славян, то оставалась зависимость от России и необходимость, хотя бы на мгновение и до известной степени, нарушить эту прямую и унижительную зависимость. Таково было истинное основание, правда, колеблющейся, но во всяком случае открыто объявленной антирусской политики Австрии в восточном вопросе. С другой стороны, панславизм не исчез; он оскорблен, негодует, молчит и со времени венгерской интервенции смотрит на русского императора как на своего предопределенного мессию. Не наша задача подвергать исследованию вопрос о том, смогла ли бы Австрия, выступи Россия открыто главой панславизма, ответить уступками по отношению к Венгрии и Польше, не подвергая опасности свое существование. Несомненно одно: сейчас уже не только Россия, но и панславистский заговор грозят основать свое царство на развалинах Европы. Объединение всех славян скоро заставит своей несомненной силой, которой оно обладает и которую может еще приобрести, выступить в совершенно другой форме противостоящую ей силу. Мы в данном случае не говорили ни о поляках, которые, к их чести будь сказано, большей частью враждебны панславизму, ни о мнимо демократической и социалистической форме панславизма, которая в сущности отличается одной фразеологией и лицемерием от обыкновенного честного русского панславизма. Так же мало говорили мы о немецкой спекуляции, которая благодаря своему фантастическому невежеству опустилась до роли органа русского заговора. Мы подробно остановимся на этих и других связанных с панславизмом вопросах.

**ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ АРИСТОКРАТИЧЕСКОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВА В АНГЛИИ**

К ИСТОРИИ АГИТАЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ.

Лондон, 7 мая 1855 г.

Во время крупных агитационных движений в Англии лондонское Сити ни разу не подумало стать в авангарде движения. До сих пор его присоединение к какому-нибудь агитационному движению означало, что цель этого движения достигнута и стала совершившимся фактом. Так было с *движением в пользу реформ*, когда инициативу взял Бирмингем. Так было с *движением против хлебных законов*, которым руководил Манчестер. Исключение представляет акт о приостановке размена банковых билетов в 1797 г. Митинги банкиров и купцов лондонского Сити помогли тогда Питту *запретить* Английскому банку выплату наличными, *после того как* банковые директора за неделю до этого ему открыли, что банк находится на краю банкротства и его можно спасти только путем государственного переворота — принудительного курса банкнот. Обстоятельства требовали тогда не большего самоотречения со стороны Английского банка, чтобы подчиниться *запрещению* выплаты наличными, чем со стороны купцов из Сити, кредит которых зависел от кредитов банка, чтобы поддержать запрещение Питта и рекомендовать его стране.¹ Спасение Английского банка было спасением Сити. Отсюда тогдашние «патриотические» митинги и «агитаторская» инициатива Сити. Инициатива, которую в настоящий момент Сити взяло на себя посредством митингов, организованных в последнюю субботу в «Лондонской таверне» и в Гильдхолле,² и образования Ассоциации административных реформ, имеет заслугу новизны, очень редкую в Англии, — заслугу беспрецедентного выступления.

¹ Прямо невероятно, что даже в самых последних историях политической экономии тогдашнее поведение Сити приводится как доказательство английского патриотизма. Еще невероятнее, что г. фон-Гакстгаузен в своей книге о России (том третий, 1852) настолько легковверен, чтобы утверждать, что Питт путем отмены выплат банка наличными удержал деньги в Англии. Каких только врак нельзя навязать в России человеку, обладающему такой верой? И что нам думать о берлинской критике, которая безусловно верит г. фон-Гакстгаузену и в доказательство этого повторяет то, что он сказал?

² Гильдхолл — здание лондонской городской думы. *Ред.*

Кроме того, на этих митингах не ели и не пили, что также ново в летописях Сити, «обжорный патриотизм» (Schildkröten Suppenpatriotismus) которого увековечен еще Коббетом. Наконец, новым было то, что митинги купцов лондонского Сити в «Лондонской таверне» и в Гильдхолле происходили в часы занятий, при свете дня. Нынешний застой в делах до известной степени объясняет это явление, как и вообще он представляет собой фермент, и притом существенный фермент, в духовном брожении лондонского купечества. При всем том нельзя отрицать серьезного значения этого движения Сити, как бы в Вестэнде¹ ни старались осмеять его. Буржуазные реформистские газеты — «Daily News», «Morning Advertiser», «Morning Chronicle» (последняя с некоторых пор принадлежит к этой категории) — пытаются убедить своих противников в «великом будущем» Ассоциации Сити. Они не видят того, что ближе. Они не поняли, что одним фактом этих митингов уже решены очень существенные, имеющие огромное значение пункты: 1) разрыв между господствующим классом *вне* парламента и правящим классом *внутри* парламента; 2) новая расстановка элементов буржуазии, задававших до сих пор тон в политике; 3) падение обаяния Пальмерстона.

Лайард, как известно, обещал сегодня вечером внести в палату общин свой проект реформ. Известно, что палата общин неделю тому назад освистала его, осмеяла и проводила хрюканьем... Принцы английского торгового мира в Сити ответили на своих митингах судорожными криками — да здравствует! — в честь Лайарда. Он был героем дня в «Лондонской таверне» и Гильдхолле. Возгласы одобрения в Сити были провокационным ответом на крики негодования Нижней палаты. Если Нижняя палата сегодня вечером даст себя запугать, то ее авторитет пропал, и роль ее кончилась; если же она возобновит свои крики негодования, то тем сильнее будут раздаваться поощрительные возгласы противника. А из «Абдеритов» известно, к каким фактам приводит соперничество между поощрительными возгласами и криками негодования. Митинги Сити были прямым вызовом Нижней палате, подобно тому, как в первом десятилетии нынешнего века вызовом было избрание Вестминстером сэра Френсиса Бердета.

До сих пор, как известно, во главе движения английской буржуазии стояла *манчестерская школа* с ее Брайтами и Кобденами. Фабричные тузы из Манчестера ныне оттеснены купеческими тузами из Сити. Их ортодоксальная оппозиция войне убедила буржуазию,

¹ Вестэнд — западная аристократическая часть Лондона. *Ред.*

которая в Англии не может ни на мгновение оставаться спокойной, что — по крайней мере, сейчас — они утратили право руководить ею. Тузы Манчестера могут в настоящий момент укрепить свою «гегемонию», только перещеголяв тузов из Сити. Это соперничество между двумя самыми значительными фракциями буржуазии, фактически возведенное митингами в Сити, из которых Брайты и Кобден были исключены и сами себя исключили, сулит выгоды народному движению. В виде доказательства мы можем указать на то, что секретарь комитета Сити обратился с письмом к чартистам в Лондоне, прося назначить члена в их постоянную комиссию. Чартистами был послан Эрнест Джонс. Купечество, естественно, не находится в таком *прямом* противоречии к рабочим, как фабриканты, миллосгасы, и — по крайней мере вначале — могут быть сделаны *совместные* шаги, невозможные между чартистами и манчестерцами.

Пальмерстон — и это последний крупный факт митингов в Сити — был в первый раз осмеян и освистан самой значительной группой избирателей в стране. Обаяние его имени навсегда исчезло. Развенчали его в глазах Сити не его русская политика, более старая, чем тридцатилетняя война; неопрыттые насмешки, претенциозный цинизм и главным образом «неудачные остроты», при помощи которых он предлагал излечить кризис, ужаснейший из всех, пережитых Англией, — вот что вызвало возмущение буржуазной совести, хотя это и имело успех у выродившейся палаты «общин».

Административная реформа *при* таком парламенте, как настоящий, — всякий сразу поймет нелепость этих благочестивых желаний. Но мы в нашем столетии видели и пап-реформаторов. Мы видели банкеты в пользу реформ с Одилоном Барро во главе. И не будет поэтому чудом, если лавина, которая снесет старую Англию, сначала появится в виде снежного кома в руках реформаторов-купцов из Сити.

«MORNING POST» ПРОТИВ ПРУССИИ. — ВИГИ И ТОРИИ.

Лондон, 14 мая 1855 г.

Частный орган Пальмерстона, «Morning Post», поместил сегодня угрожающую по адресу *Пруссии* статью, в которой между прочим говорится: «В апреле 1854 г. постановлением Тайного совета было дано разрешение ввозить на нейтральных судах в объединенное королевство русские продукты. Пруссия с удивительной быстротой использовала это разрешение. Следующие статистические данные (взятые из официальных таблиц, представленных парламенту) дают возможность сравнить итоги ввоза из указанной страны сала, конопли и льна за 1853 и 1854 годы. Избыток последнего года указывает на количество русских продуктов, нашедших себе дорогу на британский рынок через Мемель и Данциг, несмотря на нашу строгую блокаду русских гаваней на Балтийском море. Из Пруссии было вывезено в Соединенное королевство:

	1853 г.	1854 г.
	(в центнерах)	
Сало	54	253 955
Конопля	3 447	366 220
Лен	242 383	667 879
Льняное семя	57 848	116 267

Эти цифры в достаточной степени показывают значение этой новой отрасли торговли для Пруссии. Результат тот, что Россия, несмотря на нашу блокаду, может так же свободно продавать свои продукты, как и в мирное время, в то время как мы должны переплачивать за них 50 процентов в форме премии и прибыли прусским купцам. Мы признаем, что теперешняя наша политика в корне непоследовательна. Но лечебное средство следует искать не в отмене блокады вражеских гаваней, а в уничтожении, поскольку это в наших силах, торговли, ведущейся через Пруссию».

Движение *против аристократии* в Англии может иметь один только *непосредственный* результат — *привести к власти партию ториев, т. е. специфически аристократическую партию*. Если же этого

не произойдет, то движение сведется к нескольким вигским пошlostям, двум-трем мнимым административным реформам, не стоящим того, чтобы о них говорить. Обещание Лайярда внести свои резолюции по поводу «положения нации» и тот прием, который это обещание встретило в палате общин, вызвали митинги в Сити. Но непосредственно за митингами в Сити последовало предложение Элленборо в палате лордов, посредством которого тории берут в свои руки движение в пользу реформ и превращают его в лестницу, ведущую их к министерству. Лайярд в своем предложении слова «аристократическое влияние» превратил в «семейное влияние», сделав уступку ториям. Всякое движение вне парламента принимает в парламенте форму свары между обеими фракциями правящего класса. В руках вигов Лига против хлебных законов стала орудием свержения ториев. В руках ториев Ассоциация административных реформ стала средством свержения вигов. Не надо только забывать, что таким образом одна основа старого режима за другой попеременно приносилась в жертву обеими фракциями; а старый режим все же оставался, можем мы прибавить. Мы уже высказывали наше мнение, что только тории будут вынуждены к большим уступкам, так как только при них давление извне принимает угрожающий и даже революционный характер. Виги представляют подлинную олигархию в Англии, власть небольшого числа крупных фамилий, как, например, Сутерленды, Бедфорды, Карлейли, Девонширы и др. Тории представляют squigeосгасу, партию юнкеров, если угодно, хотя между английским сквайром и северо-германским юнкером отнюдь нельзя поставить знака равенства. Тории поэтому являются сосудами, полными старо-английских предрассудков в вопросах церкви и государства, протекционизма и антикатолицизма. Виги-олигархи просвещенны; и они никогда не колебались отбрасывать предрассудки, которые стояли на пути их наследственной аренды государственных должностей. Виги своей дружбой всегда тормозили движение буржуазии. Тории своей дружбой бросали народные массы в объятия буржуазии, которая отдавала их в распоряжение вигов. В настоящий момент нет больше никакого различия между вигами и ториями, так как последние представляют плебейскую, а первые — верхушечную часть аристократического общества. Аристократическая фраза принадлежит аристократическому племсу, а либеральная фраза — аристократической знати. Но в действительности после исчезновения старых ториев (лорд Болингброк и др.) партия ториев управляется все время выскочками, как Питт, Эддингтон, Персиваль, Каннинг, Пиль и Дизраэли. *Nomines novi*

[новые люди] — всегда в рядах ториев. Когда Дербби (сам перебежчик из лагеря вигов) образовал свое министерство, оно кроме него заключало, быть может, только два старых имени. Все остальные — простые сквайры и один литератор. В противоположность этому виги, которые ни минуты не колебались менять свои скютуки и взгляды соответственно обстоятельствам, которые внешне всегда сами обновлялись и преображались, не нуждались в новых людях. Они могли увековечить свои имена. Если бросить общий взгляд на английскую историю со времени «славной» революции 1688 г., то придешь к заключению, что все законы, направленные против народных масс, исходили от вигов, начиная с акта, превратившего парламент в семилетний, и кончая новыми законами о работных домах и фабричном распорядке. Но реакция вигов всегда совершалась в согласии с буржуазией. Реакция же ториев была направлена еще больше против буржуазии, чем против народных масс. Отсюда репутация либерализма у вигов.

* ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЛОРДА ЭЛЛЕНБОРО В ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЕ.

Лондон, 15 мая 1855 г.

Галлереи палаты лордов были вчера после обеда переполнены еще до открытия заседания. Был обещан интересный номер — предложение лорда Элленборо и регулярное сражение между представителями власти и оппозиции. Кроме того, было пикантно посмотреть собственными глазами, как наследственные законодатели разыграют роль крестоносцев *против* аристократии. Исполнение было скверное. Актеры все время сбивались с роли. Представление началось драмой, а закончилось фарсом. За время мнимого сражения ни разу даже не была соблюдена иллюзия, художественная иллюзия. С первого взгляда на благородных борцов видно было, что они пытаются сохранить в целости не только противника, но и оружие, которым тот сражается.

Поскольку дебаты вертелись вокруг критики ведения войны, они не подымались на высоту любого из политических клубов Лондона, и задержаться здесь хотя бы на минуту значило бы даром потерять время. Несколькими штрихами мы все же попытаемся показать, как благородные лорды вели себя в роли защитников административной реформы, противников аристократической монополии на управление, как они откликнулись на митинги в Сити. «Настоящий человек на настоящем месте!» — воскликнул лорд Элленборо. И в доказательство того, что каждый должен получать по заслугам и только заслугам, он привел тот факт, что он (Элленборо) и лорд Гардуик сидят потому в Верхней палате, что *их отцы* собственными заслугами расчистили себе дорогу в палату пэров. Это было, как будто, наоборот, доказательством того, что при помощи *чужих* заслуг, в данном случае заслуг отцов, можно добиться на всю жизнь не только какого-нибудь поста, но даже и звания законодателя Англии. А каковы были *заслуги*, которыми лорд-судья королевской скамьи, старый Элленборо, и г. Чарльз Йорк, отец лорда Гардуика, расчистили себе путь в Верхнюю палату? История весьма поучительная. Покойный Элленборо, английский адвокат, затем судья, сумел

в процессах по делам печати, по делам о заговорах и о полицейских шпионах при Питте и его последователях приобрести кличку *Джефриса в миниатюре*. Под его управлением чрезвычайные суды в Англии приобрели такую славу, какую не смогли приобрести даже «честные и свободные судьи» времен Луи-Филиппа. Таковы были *заслуги* старого лорда, и они расчистили ему дорогу в палату лордов. Что касается г. Чарльза Иорка, предка лорда Гардуика, то он рангом выше старого Элленборо в отношении *заслуг*. Этот Чарльз Иорк, в течение двадцати лет член парламента от Кембриджа, был одним из тех избранных, которым Питт, Персиваль и Ливерпуль поручали «делать за них грязное дело». Каждая из «лояльных» репрессий находила в нем своего Пиндара. В каждой петиции против открыто практиковавшейся продажи мест в палате общин он усматривал «якобинские происки». В каждом запросе о бесстыдной системе синекур в такое время, когда пауперизм в Англии появлялся на свет, Чарльз Иорк видел покушение на «благодать нашей святой религии». При каких же обстоятельствах праздновал этот Чарльз Иорк свое вознесение в палату лордов? В 1810 г. вальхеренская экспедиция вызвала в Англии такие же последствия, как и в 1855 г. крымская экспедиция. Лорд Порчестер внес в Нижнюю палату предложение назначить следственную комиссию. Чарльз Иорк выступил с энергичными возражениями, говорил о заговорах, о возбуждении недовольства. Несмотря на это, предложение Порчестера было принято. Тогда Иорк решил лишить публику возможности ознакомиться с материалами следствия, настаивая, на основании старой нелепой парламентской привилегии, на том, чтобы общественные трибуны были очищены от публики и корреспондентов. Он этого добился. Некий г. Гейль Джонс, председатель одного лондонского политического клуба, опубликовал сообщение, в котором говорилось, что в ближайшем заседании клуба подвергнется обсуждению вопрос об оскорблении свободы печати и грубом посярмлении общественного мнения Чарльзом Иорком. Тогда Чарльз Иорк возбудил перед Нижней палатой обвинение против этого Гейля Джонса в оскорблении члена парламента и в нарушении «привилегии парламента», после чего Джонс в противоречии со всеми английскими законами, прямо, без следствия, без участия суда, был перевезен в Ньюгетскую тюрьму, «чтобы содержаться там под стражей, пока это будет угодно общинам». Совершая эти геройские подвиги, Чарльз Иорк придавал себе вид чрезвычайной независимости: он, видите ли, действует как честный «дворянин», как «друг короля», как «лояльный антиякобинец». Не прошло и трех недель

с тех пор, как он распорядился запретить галлерей, как стало известно, что он уже успел послать министерству Персиваля счет и выторговал себе пожизненную синекуру счетчика казначейства (некто вроде «хранителя зеленого воска»), иначе говоря пожизненный доход в 2 700 фунтов стерлингов ежегодно. Вследствие получения этой синекуры Чарльз Йорк должен был явиться на перевыборы перед своими избирателями в Кембридже. На избирательном собрании его приветствовали свистками, хрюканьем, гнилыми яблоками и яйцами, и он был вынужден удрать. В вознаграждение за эти неудачи Персиваль возвел его в звание пэра. Так превратился Чарльз Йорк в лорда и так, — поучает лорд Элленборо лорда Пальмерстона, — заслуги могут проложить себе дорогу в хорошо налаженном государственном аппарате. Не считая этих наивных и характерных lapsus linguae [обмолвок], Элленборо, обладающий неоспоримым сходством с рыцарем печального образа, держался больше фразеологии митингов Сити.

Его друг Дерби постарался ограничить даже чисто риторические уступки. Он отрицал слух о том, что находится в союзе с Лайардом. Он, весь талант которого заключается в скромности, обвинял Лайарда в нескромности. Во взглядах господ из Сити много истинного, но они пришли к слишком экстравагантным (!) выводам. Министр должен искать своих коллег в парламенте, и даже не в парламенте, а в партии, к которой он принадлежит, и даже не в этой партии, а в кругу парламентски-влиятельных членов своей партии. Внутри этого круга решающее значение должны иметь, конечно, способности, а это до сих пор часто не принималось в расчет. Вина, — так думает Дерби, — лежит на парламентской реформе 1831 г. Уничтожили «гнилые местечки» — «rotten boroughs», а как раз эти гнилые местечки доставляли здоровых государственных мужей Англии. Они давали влиятельным людям возможность устраивать талантливых, но не располагающих средствами молодых людей в парламент, а затем на государственную службу. Итак, по мнению даже Дерби, никакие административные реформы невозможны без парламентской реформы, только парламентской реформы наоборот — реставрации «гнилых местечек». Жалобы Дерби кажутся мало обоснованными, если принять в соображение, что 85 мест в палате общин до сих пор еще принадлежат около 60 «гнилым местечкам» (в одной только Англии), из которых ни одно не насчитывает больше 500 жителей, а некоторые имеют по два депутата.

Лорд Пенмюр от имени министерства направил дебаты в Верхней палате на правильный путь. Вы хотите, — заикаясь, заявил он, — использовать крики за парламентскими стенами, чтобы выгнать нас

из министерства и самим туда войти. Почему Дерби не образовал министерства три месяца тому назад, когда получил предложение от королевы? Да, — ответил Дерби ухмыляясь, — три месяца тому назад! За три месяца дела изменились. Лорд Пальмерстон был три месяца тому назад «в моде», был необходимым государственным человеком. Пальмерстон отыграл — теперь очередь за нами.

Дебаты в Верхней палате показали, что здесь ни у одной из сторон нет подходящего материала, из которого можно было бы выкроить людей. Что касается Нижней палаты, то Элленборо справедливо заметил, что она выдохлась, что она потеряла кредит, что политическое влияние надо искать не *внутри*, а *вне* парламентских стен. В прениях ясно обнаружилась *mala fides* [неискренность] аристократической оппозиции, которую буржуазное движение пытается одновременно оттереть и использовать в качестве тарана против министерства. В одном из следующих писем мы воспользуемся случаем доказать такую же неискренность реформаторов из Сити по отношению к рабочему классу, которым они собираются играть так же, как играет ими аристократическая оппозиция. Это даст возможность убедиться в том, что нынешнее движение в Англии, несомненно, сложного характера и, как мы раньше указывали, включает в себе два противоположных и друг другу враждебных течения.

* БУРЖУАЗНАЯ ОППОЗИЦИЯ И ЧАРТИСТЫ.

Лондон, 16 мая 1855 г.

Негодование буржуазной оппозиции по поводу голосования в Верхней палате в связи с предложением Элленборо есть признак слабости. Она должна была бы, напротив, праздновать, как победу, отклонение этого предложения. Заставить Верхнюю палату, высший совет аристократии, торжественно и открыто заявить о своем удовлетворении прежним методом ведения войны, во всеуслышание признать Пальмерстона своим вождем и представителем и окончательно отвергнуть даже благие пожелания об административной реформе и вообще о всякой реформе — какого же более благоприятного результата могли ожидать *враги аристократии* от предложения Элленборо? Они должны были бы прежде всего попытаться дискредитировать палату лордов, этот последний оплот английской аристократии. А они жалуются, что палата лордов пренебрегла мимолетной популярностью не за счет своих привилегий, а за счет нынешнего кабинета! В порядке вещей, когда жалуется «Morning Herald», орган ториев, орган всех предрассудков «нашей неподражаемой конституции». Для «Morning Herald» было утешительной перспективой, что, после того как вигские олигархи в течение полутора столетий играли роль друзей буржуазии и «либерального прогресса», отныне роли переменятся и в течение ближайших полутора столетий тории будут облечены ролью «аристократических» представителей буржуазии и «либерального прогресса». «Morning Herald» имел право, законное право жаловаться. А буржуазная оппозиция? Неужели она воображала, что умеренной демонстрации купцов из Сити будет достаточно, чтобы вынудить аристократию к самоубийству, к отставке? Но дело именно в том, что буржуазия желает компромисса, что она ожидает уступчивости на другой стороне, чтобы быть самой в состоянии проявить уступчивость, что она по возможности хотела бы избежать настоящего боя. Как только бой делается настоящим, «миллион», как они называют «низшие» классы, проталкивается на арену не только в роли зрителя или третьего судьи, но и в роли стороны. А этого буржуазия хотела бы

избежать во что бы то ни стало. Подобное же основание держало вигов вдали от кабинета с 1808 по 1830 г. Они хотели свергнуть своих врагов всякой ценой, но только не ценой действительных уступок буржуазии, без помощи которой нельзя было свергнуть ториев, только не ценой парламентской реформы. Мы видели, как двусмысленно, с какими ужимками и оговорками, в какой иронической, ничего не говорящей форме Элленборо и Дерби объявили себя сторонниками буржуазной административной реформы, одновременно отталкивая руками и ногами своих мнимых союзников. С другой стороны, мы сейчас увидим, с каким трусливым коварством реформаторы-купцы пытались предупредить всякое противоречие со стороны чартистов и гарантировать их молчание, чтобы потом обманным образом их вышибить из добровольно уступленных им позиций. Как у ториев, так и у господ из Сити страх и отвращение к мнимым союзникам перевешивают вражду к мнимым противникам. Ход событий вкратце был таков.

«Ассоциация административных реформ» боялась оппозиции чартистов, которые на двух больших митингах, как читатель припомнит, в Сен-Мартинс холле и в Саутверке, разбили «Национальную и конституционную ассоциацию» и вынудили ее к отступлению с избранной ею позиции. 26 апреля на квартиру Эрнеста Джонса от них явился г. Джемс Эклэнд (раньше агитатор против хлебных законов) и заявил, что он «посланник» Ассоциации административных реформ, которая рассчитывает на поддержку чартистов, так как она стремится к уничтожению «классового законодательства» и к введению народного правительства. Он пригласил Эрнеста Джонса на свидание в ближайший день с комитетом упомянутой ассоциации. Джонс заявил, что он не может дать ответ от имени чартистской партии. Он должен отказаться от свидания, пока не посоветуется с лондонским исполнительным комитетом чартистов, который соберется в ближайшее воскресенье.

В воскресенье 29 апреля Джонс сообщил чартистскому комитету все дело. Он был уполномочен продолжить переговоры. На следующее утро Джонс имел свидание с г. Ингрехемом Треверсом, лидером движения в Сити, который лично поручил Джемсу Эклэнду быть полномочным представителем его партии. Г-н И. Треверс заверил Джонса, что они намерены образовать народное правительство. Резолюции в таком виде, как они напечатаны в «Times», — *предварительного* характера; о средствах для достижения этой цели решит исполнительный комитет, который будет избран на митинге в «Лондонской таверне». Чартисты в доказательство своего

сочувствия административной реформе должны выбрать оратора, который будет их представлять на митинге. Он должен будет по вызову председателя защищать одну из резолюций. Чартисты должны, далее, назначить представителя, который на митинге в «Таверне» будет, по предложению временного комитета купцов из Сити, назначен постоянным членом исполнительного комитета Ассоциации реформ. Наконец, пришли к соглашению, что ввиду пропуска на митинг по билетам чартисты получают соответствующую долю этих билетов. Джонс отказался ограничиться одними словесными переговорами и заявил г. Ингрехему, что он должен все упомянутые пункты представить в письменном виде исполнительному комитету чартистов.

Так и поступили. Письмо, изобилующее торжественными заверениями, было получено. Между тем, когда настало время присылки входных билетов, поступило только 12 билетов. На жалобу чартистов против нарушения слова было принесено извинение в том смысле, что не осталось больше билетов. Но если чартистский комитет поставит двух своих членов у дверей «Таверны», они будут уполномочены пропускать, кого хотят и без билетов. Для этой цели чартистами были избраны гг. Слокомб и Уэркман, которые и получили свои полномочия от г. Треверса. Чтобы избежать всяких подозрений, Ассоциация административных реформ послала в самый день митинга, за несколько часов до его открытия, специального курьера с письмом на имя Джонса, чтобы ему напомнить, что председатель предложит ему защищать четвертую резолюцию и что он, как представитель чартистов, будет предложен митингу в качестве члена исполнительного комитета.

За час приблизительно до открытия митинга перед «Таверной» собрались большие толпы чартистов. Как только двери были открыты, гг. Слокомбу и Уэркману было запрещено впускать кого бы то ни было без билетов. Восемь билетов были неохотно розданы, чтобы *получить отсрочку* в момент, когда натиск извне становился серьезным. Отсрочка была использована для того, чтобы ввести заранее расставленный на прилегающей улице отряд полиции. С этого момента никто не был пропущен, кроме «известных купцов и банкиров». Люди же *в рабочей одежде*, в знакомых всем бархатных куртках, не были допущены, даже когда они были снабжены билетами. Чтобы обмануть ожидавшие на улице массы рабочих, двери были внезапно заперты и вывешена записка следующего содержания: «Зала полна. Больше никто не может войти». Но к этому времени зала не была полна и наполовину, и «джентльмены», которые приезжали

в своих экипажах, пропускались через окна и в заднюю дверь через кухню. Рабочие массы спокойно разошлись, не догадываясь о предательстве. Несмотря на то, что Эрнест Джонс представил во время митинга свой «билет-пропуск на эстраду», он не был допущен к трибуне и уж, конечно, не получил слова. Ассоциация добилась двух целей: избежала оппозиции чартистов и получила возможность указывать на уличные толпы как на своих последователей. Но массы должны были фигурировать только на улице в качестве статистов.

В воззвании к рабочим Англии Эрнест Джонс раскрывает весь ход этой комедии интриг и от имени чартистов бросает перчатку Ассоциации административных реформ.

ДЕНЕЖНЫЙ РЫНОК.

Лондон, 19 мая 1855 г.

По мнению оптимистов местной прессы, английский торгово-промышленный кризис дошел до своего завершения, и промышленность и торговля движутся опять по восходящей линии. Факт, из которого они выводят это утешительное заключение, это — *облегчение денежного рынка*. С одной стороны, увеличился *золотой запас* в подвалах Английского банка, а, с другой стороны, банк понизил учетный процент. В то время как запас золота 20 января 1855 г. равнялся 12 162 000 фунтов стерлингов, к 12 мая 1855 г. он достиг 16 045 000 фунтов стерлингов, — увеличился на 3 883 000 фунтов стерлингов. Учетный процент, который 20 января 1855 г. равнялся 5 процентам, был понижен банком 31 марта до $4\frac{1}{2}$, а 28 апреля до 4 процентов. Однако эти господа просмотрели, что рост золота в подвалах банка и понижение процентной нормы могут иметь и другую причину, кроме коммерческого расцвета, и как раз *обратную*: застой в делах и связанное с ним *понижение спроса на капитал*. Что на этот раз действительной причиной является последнее, — показывают еженедельно публикуемые Английским банком таблицы. Не надо только, подобно вышеупомянутым оптимистам, направлять свой взор исключительно на две рубрики: золотой запас и процентная норма. Необходимо сравнить две другие рубрики: *резервный банкнот* и *дисконтированных векселей*.

Английский банк распадается, как известно, на два совершенно различных департамента: Issuing department — эмиссионный департамент — и Banking department — банковый департамент. Первый мы можем назвать *монетным двором* Английского банка. Вся его деятельность заключается в том, чтобы фабриковать банкноты. Актом Роберта Пиля 1844 г. эта фабрикация банкнот ограничена законом. Банк не имеет права выпустить банкнот больше, чем с излишком в 14 000 000 фунтов стерлингов над запасом золота, хранящимся в его подвалах, — излишком, равным капиталу, который ему должно государство. Если, например, банк выпускает банкнот на 20 миллионов фунтов стерлингов, он должен иметь в своих

кладовых 6 миллионов фунтов стерлингов золотом. К этому регулируемому таким путем изготовлению и выпуску банкнот сводится вся деятельность Issuing department банка. Все количество сфабрикованных им банкнот он передает Banking department, подлинному банку, который имеет дело с публикой, как всякий другой депозитный или дисконтный банк, и пускает банкноты в обращение путем дисконта векселей, ссуд под процентные бумаги, выплаты дивидендов государственным кредиторам, выплаты помещенных у него вкладов и т. д. Это чудесное изобретение — разделение Английского банка на два совершенно друг от друга независимых департамента, с указанной регуляцией количества выпускаемых банкнот, — сделано было Робертом Пилем потому, что таким путем он надеялся предотвратить все будущие денежные кризисы и посредством самодействующего механического закона согласовать бумажное обращение с металлическим.

Но что просмотрел этот много прославленный государственный деятель, это тот немаловажный факт, что его регулирование охватывает только циркуляцию между Issuing и Banking departments, между двумя бюро Английского банка, но отнюдь не циркуляцию между банковым департаментом и внешним миром. Эмиссионный департамент банка передает банковому департаменту такое количество банкнот, какое он имеет право выпустить по закону, например 20 миллионов, когда в его сундуках находится 6 миллионов золота. Сколько из этих 20 миллионов попадет в обращение, зависит от состояния дел, от потребностей и спроса торгового мира. Остаток, который банк не может пустить в обращение, который поэтому остается лежать в сундуках Banking department, фигурирует в отчетах банка под именем *резервных банкнот*. Если мы видели, что золотой запас банка увеличился с 20 января 1855 г. до 12 мая 1855 г. на 3 883 000 фунтов стерлингов, то мы находим, что сумма резервных банкнот поднялась за это время с 5 463 000 на 9 417 050, т. е. на 3 954 000 фунтов стерлингов. Чем больше сумма резервных банкнот, т. е. банкнот, лежащих в сундуках Banking department, тем меньше сумма фактически обращающихся в публике банкнот. Но из приведенных выше цифр следует, что одновременно с накоплением золота в подвалах банка уменьшилось количество обращающихся в публике банкнот. Отчего происходит это сжатие обращения? Да просто от сокращения оборота и уменьшения числа торговых сделок. Относительно правильности этого взгляда не остается никаких сомнений, если мы в тех же самых отчетах банка видим, что стоимость учтенных им векселей, достигшая до января 1855 г. 25 282 000 фун-

тов стерлингов, упала к 12 мая 1855 г. до 23 007 000 фунтов стерлингов, — уменьшилась на 2 275 000 фунтов стерлингов. Но стоимость дисконтированных банком векселей является самым верным мерилom массы произведенных им с торговым миром деловых сделок. Результат еще более поразителен, если принять в соображение, что банк 28 апреля понизил дисконтный процент до $\frac{4}{100}$ процентов и, таким образом, предложил свой товар — капитал — на 20 процентов дешевле, чем в истекшем январе. И с 28 апреля, когда банк так понизил учетный процент, до 22 мая сумма банкнот, выпущенная для дисконта векселей, понизилась, вместо того чтобы повыситься, — доказательство, что при нынешней конъюнктуре капитал не находит себе помещения даже под 4 процента, тогда как он находил его в начале января под 5 процентов; доказательство того, что падение учетного процента надо приписать не большому притоку капиталов, а только меньшему спросу его на коммерческие и промышленные нужды; доказательство того наконец, что увеличение золотого запаса в подвалах банка является увеличением без дела лежащего и в настоящий момент не находящего себе применения капитала.

К ДВИЖЕНИЮ В ПОЛЬЗУ РЕФОРМ.

Лондон, 21 мая 1855 г.

Все лондонские газеты опубликовали сегодня воззвание сторонников реформы из Сити или, вернее, их исполнительного комитета к «английскому народу». Стиль этого документа сухой, деловой, не такой возвышенный, как те торговые циркуляры, которые периодически исходят из того же источника и предлагают всему миру на продажу кофе, чай, сахар, пряности и другие продукты тропических стран в сплетениях фраз, составленных с большим или меньшим вкусом. Ассоциация обещает доставить материалы для подлинной физиологии различных правительственных департаментов и разоблачить все тайны Даунингстрита, наследственно-мудрого Даунингстрита. Это то, что она обещает. С своей стороны, она желает, чтобы избирательные органы Англии, вместо навязываемых до сих пор аристократическими клубами кандидатов, посылали в парламент кандидатов, выбранных по свободному влечению и рекомендованных только их заслугами. Она, таким образом, признает нормальными существующие привилегированные избирательные органы, те самые избирательные органы, продажность, зависимость от нескольких клубов, несамостоятельность которых, по ее собственному признанию, породили теперешнюю палату общин, а следовательно и теперешнее правительство. Она не хочет расширить эти замкнутые избирательные органы, она хочет на них воздействовать морально. Почему же не обратиться прямо к совести олигархов, вместо того чтобы угрожать их привилегиям? Во всяком случае, легче обратиться на путь истинный головы олигархов, чем олигархические избирательные органы. Ассоциация из Сити явно хотела бы вызвать антиаристократическое движение, но только в *пределах легальной* (как говорил Гизо), официальной Англии. Каким же образом они думают взбудоражить гнилое болото этих избирательных органов? Каким образом намерены они заставить их эмансипироваться от интересов и привычек, которые превратили их в вассалов двух-трех знатных клубов и в опорные столбы правящей олигархии? При помощи физиологии Даунингстрита? Не совсем так. Также и *давлением извне*,

при помощи массовых митингов и тому подобного. Но чем приведут они в движение неофициальные, лишенные избирательных прав народные массы, чтобы оказать давление на привилегированный круг избирательных органов? А тем, что они приглашают их отречься от Народной хартии (которая в сущности ничего в себе не заключает, кроме требования *всеобщего избирательного права* и тех условий, при которых оно только и может быть осуществлено в Англии) и освятить привилегии избирательных органов, которые, по собственному признанию реформаторов из Сити, охвачены процессом гниения. Ассоциация из Сити имеет перед собой пример «финансовых и парламентских реформаторов». Они знают, что движение это, во главе которого стояли Юм, Брайт, Кубден, Уолмсли и Томпсон, потерпело крушение, потому что они на место Народной хартии поставили так называемую «Малую хартию», потому что они шли на уступки народной массе, хотели заключить с ней компромисс. И они думают добиться *без уступок* того, чего те не могли добиться *несмотря* на сделанные уступки? Или, может быть, они из движения в пользу отмены хлебных законов делают вывод, что можно английский народ привести в движение ради частных реформ? Но сущность того движения была слишком всеобщей, слишком популярной, слишком ощутимой. Символом движения против хлебных законов была большая коврига хлеба в противоположность маленькому хлебу протекционистов. Коврига хлеба — и как раз в голодный 1846 год — говорит, разумеется, на совсем другом, народном языке, чем «физиология Даунингстрита». Нам нет нужды напоминать об известной книжке — «Физиология Сити». В ней неопровержимо доказано, что как бы хорошо эти господа ни обделывали свои собственные дела, они в управлении *общественными делами*, как и всеми *страховыми обществами*, будут более или менее точно следовать образцу официального Даунингстрита. Их управление *железными дорогами*, с наделавшими шуму мошенничествами и обманами, полным пренебрежением к мерам предосторожности, до такой степени опорочено, что уже не раз в печати, в парламенте и вне парламента ставился вопрос о том, не следует ли железные дороги поставить под непосредственный контроль государства и забрать их из рук частных капиталистов. Итак, физиология Даунингстрита «This will not do, sir!» [Этот номер, сударь, не пройдет!], как говорят англичане.

К КРИТИКЕ КРЫМСКИХ СОБЫТИЙ. — ИЗ ПАРЛАМЕНТА.

Лондон, 23 мая 1855 г.

Угрожающее недовольство, вызванное в союзных армии и флоте у Севастополя отменой экспедиции в Керчь, нашло отражение, правда слабое, вялое, в лондонской прессе. Начинают опасаться, что единство и искусное течение военной драмы в Крыму подвергаются меньшей опасности со стороны русских, чем со стороны наглого и капризного вмешательства *deus ex machina* [бог из машины] — военного гения Наполеона III. Образчики этого гения в известном военно-научно-дидактическом «опыте», напечатанном в газете «*Moniteur*», в действительности далеко не утешительны и не успокоительны. До сих пор значительная отдаленность театра военных действий от Тюльери представляла собой некоторую гарантию против практического вмешательства парижского военного дилетантизма. Между тем подводный телеграф уничтожил расстояния, а вместе с ними и эту гарантию, и Джон Булль, который сам себя называет «*the most thinking people of the world*» [наиболее мыслящим народом на свете], начинает задумываться, начинает ворчать и жаловаться на то, что английские армия и флот должны играть роль *corpus vile* [негодного тела], над которым будет производить свои эксперименты полученный по наследству и по милости провидения сохранившийся в наличности «военный гений». Сегодняшний «*Morning Herald*» положительно уверяет, что экспедиция была отменена ввиду того, что Бонапарт снова возымел неудачную идею штурмовать Севастополь с южной стороны. Мы не сомневаемся ни минуты, что военный гений из Тюльери одержим этой идеей, но мы не можем поверить, что даже такой простой «рубака», как Пелисье, способен взяться за выполнение столь бессмысленно пагубного плана. Мы поэтому полагаем, что переход всей армии через Черную решен и было сочтено опасным разбить общие силы отделением отряда в 12 000 человек. В действительности вместо отделения этих 12 000 человек решено было, напротив, перед самым выступлением армии посадить от 15 до 20 тысяч турок на корабли в Евпатории и присоединить их к главной армии, оставив лишь необходимый для удержания этого пункта гарнизон. Как мы указали

в одном из предыдущих писем, весь успех похода зависит от силы той армии, которая перейдет через Черную. Как бы то ни было, отмена Керченской экспедиции является доказательством неуверенных колебаний, действующего наощупь дилетантства, которые ныне выдаются за «наполеоновские идеи». Между тем герои, порожденные *coup d'état* [государственным переворотом], выходят в тираж с чрезвычайной быстротой. Первым в их ряду был Эспинас, которого зуавы, после его позорного похода в Добруджу, заставили сломя голову ретироваться в Париж. Это — тот самый Эспинас, который, будучи обязан охранять здание Национального собрания, выдал Собрание его врагам. Вторым по нисходящей линии был Леруа, иначе Сент-Арно, военный министр 2 декабря. За ним последовал Форэ, столь храбрый в травле несчастных крестьян юго-восточной Франции и столь деликатно-гуманный по отношению к москвитам. Подозрения армии, что он выболтал русским тайны французского военного совета, заставили его удалиться из Крыма в Африку. Наконец Канробер, разжалованный ввиду явной неспособности. По иронии истории, его преемником и в той или иной мере главнокомандующим англо-французской армии был назначен Пелисье, тот самый Пелисье, про которого в 1841 г. утверждали в парламенте, в лондонских офицерских клубах, на провинциальных митингах, в «Times» и «Punch», что ни один честный английский офицер не сможет служить с этим «чудовищем» («that ferocious monster»). А ныне английская армия служит не только *вместе* с ним, но и *под* его начальством — вся английская армия! Когда виги и их министр иностранных дел — Пальмерстон — были свергнуты ториями, Пальмерстон созвал своих избирателей в Тивертон и доказал им свое право расторгнуть англо-французский союз и соединиться с Россией на том основании, что французское правительство, что Луи-Филипп держит на службе такого «варвара» («Unmenschen»), как Пелисье. Нужно признать, что если французская армия и дорого платится за свое декабрьское восстание, то и Англии не во всех отношениях сладок союз с реставрированной империей.

Вчера министерство потерпело в Нижней палате поражение, которое показывает только то, что парламент время от времени мстит министрам за то презрение, которым он пользуется *out of doors* [вне своих дверей]. Некий г. Уайз предложил следующую резолюцию: «по мнению палаты, необходимо произвести полную ревизию наших дипломатических учреждений в том виде, как она рекомендована в докладе выбранного в 1850 г. комитета по делам о содержании чиновников». Г-н Уайз — друг Пальмерстона. Его предложение уже в течение

двух лет фигурирует в порядке дня палаты и не может дожидаться обсуждения. Случаю было угодно, чтобы оно вчера обратило на себя внимание недовольных общин. Уайз выступил с речью и думал, полагаясь на некоторые замечания Пальмерстона, повести старую игру и взять обратно свое предложение. Но, несмотря на договоренность, г. Бейли поддержал предложение, взятое обратно Уайзом, и провел его против Уайза и Пальмерстона большинством в 112 голосов против 57. Это поражение ни в какой мере не беспокоило такого опытного тактика, как Пальмерстон, так как он знает, что палата, чтобы спасти видимость своей самостоятельности, должна время от времени обречь на смерть министерские предложения и давать жизнь предложениям антиминистерским. Зато, как электрический заряд, подействовало на министерские скамьи предложение Дизраэли. Сам Пальмерстон, мастер парламентской комедии, поздравлял «авторов и актеров этой несравненной сцены». Это не была ирония. Это была невольная дань похвалы, которую художник платит сопернику, победившему его в его собственной отрасли. Пальмерстон в понедельник в заседании так умело вел игру с Мильнером-Гибсоном, Гладстоном, Гербертом, Брайтом и лордом Веном, что благородный виконт считал гарантированными отсрочку всяких дебатов по иностранной политике до конца троицыных вакаций, обязательность определенного поведения для министерства и палаты и многонедельную личную диктатуру. Единственный день, когда еще могли возникнуть дебаты — четверг, был заранее намечен для обсуждения предложения Лайярда о реформах. Таким образом никто не мог помешать Пальмерстону заключить мир во время троицыных вакаций и, как он уже неоднократно это делал, озадачить вновь собравшуюся палату одним из своих пресловутых договоров. Палата с своей стороны, быть может, не без охоты подверглась бы участи быть поставленной перед совершившимся фактом. Мир, *заключенный за ее спиной*, даже мир какой бы то ни было ценой, был приемлем с некоторыми запоздалыми протестами приличия ради. Но с того момента, как министерство и парламент оказались вынужденными высказаться до отсрочки сессии, министерство не могло уже озадачить парламент, а парламент уже не мог дать себя озадачить. Этим и объясняется воцарившееся смятение, когда поднялся Дизраэли, внес свое предложение и Лайярд уступил ему *свой* день. Этот «заговор между Лайярдом и Дизраэли», как называет это событие «Post», расстроил все ловкие маневры, пущенные в ход со времени «заключения» еще не прекращенной Венской конференции.

ПРОЛОГ К КОМЕДИИ У ЛОРДА ПАЛЬМЕРСТОНА. — ХОД ПОСЛЕДНИХ СОБЫТИЙ В КРЫМУ.

Лондон, 24 мая 1855 г.

Как только предложение Дизраэли наметило в перспективе регулярную битву между правительством и оппозицией в Нижней палате, Пальмерстон решил издать военный клич и призвать за несколько часов до открытия заседания министерскую свиту вместе с сторонниками Пиля, манчестерской школой и так называемыми «независимыми» в свою официальную квартиру на Даунингстрите. Явилось 202 парламентария, в том числе и г. Лайард, который чувствовал себя не в силах противиться влекущему, как сирена, министерскому зову. Пальмерстон разыгрывал дипломата, исповедывался, раскаивался, успокаивал и уговаривал. Он с улыбкой проглотил школьные наставления Брайта, Лоу и Лайарда. Он предоставил лорду Гровенору и сэру Джемсу Грехему вести переговоры с «взволнованными» депутатами. С того момента, как он увидел недовольных в своей служебной квартире, собравшихся вокруг него попеременно с верными ему, он был в них уверен. Они были в плохом настроении, но жаждали примирения. Результат заседания палаты общин был предугадан, дело было лишь за парламентской инсценировкой комедии перед публикой. Острие было сломано. Краткое изложение этой комедии мы дадим, как только будет разыгран ее заключительный акт.

Возвращение теплой и сырой погоды снова оживило те виды болезней, которые свойственны весенней и летней поре в Крыму. Холера и перемежающаяся лихорадка опять появились в союзном лагере, пока еще не в сильных размерах, но достаточных для того, чтобы дать предупреждение на будущее. Заразные миазмы, исходящие от похороненных трупов, которые по всей площади Херсонеса лежат на глубине нескольких футов под землей, дают себя ясно чувствовать. Одновременно с этим моральное состояние осаждающей армии весьма не удовлетворительно. После того как солдаты перенесли все тяготы и опасности беспримерного зимнего похода, их удавалось держать до некоторой степени в порядке и в хорошем настроении благодаря возвращению весны и постоянно повторяемым

*

обещаниям быстрого и славного окончания осады; но день проходил за днем без всяких успехов, между тем как русские продвигались за свои линии и возводили редуты на клочке земли, оспаривавшемся обеими сторонами. Зуавы стали недисциплинированы и были вследствие этого отправлены на бойню на горе Сапун 23 марта. И вот со стороны союзных генералов было проявлено немного больше подвижности — деятельностью это нельзя было бы назвать. Но последовательно не преследовалось никакой определенной цели, никакого определенного плана. Дух мятежа среди французов подавлялся постоянными вылазками русских, которые задавали им работу, и открытием второй бомбардировки, которая на этот раз уже наверно должна была кончиться великолепным штурмом. Последовало жалкое фиаско. Затем пошли инженерные работы, медленные, тяжелые, бедные успехами, необходимыми для поддержания духа солдат. Последним скоро огротивели эти ночные сражения в траншеях, где сотни гибли без всяких видимых результатов. Опять потребовали штурма и опять Канробера вынудили дать неисполнимые обещания. Пелисье спас его от возобновления мятежных сцен ночной атакой 1 мая. Именно он провел эту атаку, вопреки распоряжению Канробера, которое последовало в тот момент, когда войска уже были пущены в ход. Это удачное дело, казалось, должно было поднять дух солдат. К этому времени прибыли пьемонтские резервы; Херсонес заполнился. Благодаря полученным подкреплениям войска считали себя способными перейти к непосредственным действиям. *Нужно было что-то сделать.* Экспедиция в Керчь была решена и отправилась в путь. Но раньше, чем она достигла керченского рейда, телеграмма из Парижа побудила Канробера *отозвать ее обратно.* Раглан, разумеется, согласился. Броун и Лайонс, командующие британскими сухопутными и морскими силами, умоляли французских коллег напасть на крепость, несмотря на контр-приказ. Напрасно. Экспедиция должна была отправиться обратно. На этот раз нельзя было больше сдерживать возмущение войск. Даже англичане говорили языком, который не допускал никаких сомнений; французы находились в состоянии, граничащем с мятежом. Канроберу ничего другого не оставалось, как отказаться от командования армией, над которой он потерял всякую власть и всякое влияние. Пелисье был единственным возможным преемником, так как солдаты, давно уставшие от взрощенных в оранжерее бонапартизма генералов, *требовали вождя из старой африканской школы.* Пелисье пользуется доверием солдат, но верховное командование он берет в свои руки при неблагоприятных обстоятельствах. Он должен действовать, и к тому же быстро. Так

как штурм невозможен, то ничего другого не остается, как выступить против русских и притом не описанным нами раньше путем, при котором вся армия должна была бы идти по *единственной* и вдобавок сильно укрепленной русскими дороге, а путем разделения армии по многочисленным горным тропам, доступным только овцам и пастухам, что дало бы возможность охватить русские позиции с фланга. Здесь возникает затруднение. Французы обладают транспортными средствами не больше как для 30 000 человек и для очень небольших расстояний от морского берега. Транспортные средства англичан были бы исчерпаны, если бы они разместили лишь одну дивизию не дальше Чергуна на Черной. Каким образом двинуться в поход, блокировать в случае успеха северную часть, преследовать врага до Бахчисарая и осуществить связь с Омером-пашой, не имея транспортных средств? Тем более, что русские, по своему обыкновению, позаботятся ничего, кроме развалин, после себя не оставить, так что подвоз телег, лошадей, верблюдов можно будет осуществить только в том случае, если союзники нанесут русским решительное поражение. Мы посмотрим, как Пелисье выпутается из этих затруднений.

Мы уже раньше указывали на некоторые странные, связанные с назначением Пелисье обстоятельства. Но необходимо принять во внимание еще один момент. Когда началась война, главное командование было поручено бонапартистскому *par excellence* [по преимуществу] генералу Сент-Арно. Он своему императору оказал услугу тем, что скоро умер. После этого не был назначен ни один из бонапартистов: ни Маньян, ни Кастелян, ни Роге, ни Барагэ д'Илье. Прибегли к Канроберу, человеку менее глубокой и не столь старой бонапартистской закваски, но с большим африканским опытом. Теперь, когда командование опять сменяется, бонапартисты «завтрашнего дня» так же исключаются, как и бонапартисты «вчерашнего дня», и этот пост передается простому африканскому генералу, без всякой определенной политической окраски, но имеющему за собой большой служебный стаж и известному солдатам. Не должна ли эта нисходящая линия необходимо повести к Шангарнье, Ламорисьеру или Кавеньяку, т. е. вон из рядов бонапартизма?

«Неспособность к миру, так же как и к войне, — таково наше положение!» — заметил несколько дней тому назад один французский государственный деятель, у которого все поставлено на карту с режимом империи. Что он был прав, показывает каждое действие реставрированной империи до назначения Пелисье включительно.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ РЕФОРМА. — ПЕРЕРЫВ И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ВЕНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. — ТАК НАЗЫВАЕМАЯ ИСТРЕБИ- ТЕЛЬНАЯ ВОЙНА.

Лондон, 26 мая 1855 г.

По поводу созванного Пальмерстоном позавчера перед открытием Нижней палаты Comité du Salut Ministériel [комитета министерского спасения] распространились подробности, характерные для парламентского механизма и положения различных фракций, давших министерству большинство в сто голосов. Пальмерстон с самого начала грозил *отставкой*, если пройдет предложение Дизраэли. Он угрожал перспективой *торийского министерства*. Так называемые радикальные члены парламента — бедняги — с 1830 г. пользуются привилегией встречаться с этой великой и последней угрозой каждый раз, когда они пытаются учинить восстание. Всякий раз эта угроза возвращает их к дисциплине. И почему? Потому что они боятся массового движения, которое неизбежно при власти ториев. До какой степени это верно, можно видеть из признаний одного радикала, который в настоящий момент сам является министром — правда, только министром королевских лесов — сэра Вильяма Мольсворта. Пост этот вполне подходит человеку, который издавна обладал талантом из-за деревьев не видеть леса. Представитель Саутверка, одной из частей Лондона, он получил приглашение от своих доверителей присутствовать на общественном митинге, организованном в прошедшую среду для Саутверка. (Кстати: на этом митинге, как и на большинстве митингов, проведенных в различных провинциях, была принята резолюция, гласившая, что административная реформа без предварительной парламентской реформы является *обманом и шарлатанством*.) Мольсворт не явился, но прислал письмо, в котором он — радикал и член кабинета министров — заявляет: «Если предложение г. Дизраэли пройдет, станет еще очевидней необходимость административных реформ». Это «очевидней» значит: если тории вступят в министерство, движение в пользу реформ станет серьезным. Однако угроза отставкой не была той большой пушкой, из которой собирался стрелять Пальмерстон. Он поставил карту

на *расспуск парламента* и на судьбу тех многих несчастных, которые всего три года тому назад с такими невероятными жертвами купили себе места в «достопочтенной палате». Аргумент оказался неотразимым. Вопрос встал теперь уже не о *его* отставке, а о *их* отставке.

Хотя Пальмерстон и обеспечил себе большинство в сто голосов против предложения Дизраэли, угрожая одним своей отставкой, а другим — их изгнанием из Нижней палаты, открывая одним перспективы мира, а другим — перспективы войны, новооснованная коалиция снова рухнула, и как раз в момент публичного исполнения сретированной комедии. Заявления, к которым министры были вынуждены в ходе дебатов, нейтрализовали заявления, сделанные ими *en petit comité* [в тесном кругу]. Цемент, который связывал враждебные друг другу фракции, искрошился — и не от действия урагана, а от простого парламентского ветерка. Во вчерашнем заседании Робек запросил премьера по поводу слуха о возобновлении заседаний Венской конференции. Он спросил, уполномочен ли английский посол в Вене принять участие в этой конференции. Как известно, с момента возвращения из Вены несчастного дипломата, Росселя, Пальмерстон отклонял всякие дебаты о войне и дипломатии под предлогом «не мешать прерванной, но во всяком случае незаконченной Венской конференции». Мильнер-Гибсон в прошлый понедельник взял обратно или отложил свое предложение, потому что по заявлению благородного лорда «вопрос о конференции еще не разрешен». Пальмерстон при этом определенно заявил, что английское министерство предоставило *Австрии*, «нашей союзнице в определенных границах», изыскать новые возможности мирных переговоров. Продление Венской конференции не подлежит никаким сомнениям. Правда, Россель оставил Вену, но в Вене продолжает оставаться Вестморленд, где, кроме того, находятся послы всех великих держав, так что налицо имеются все элементы перманентной конференции.

Но с понедельника — дня, когда Пальмерстон наградил парламент этими разоблачениями, — произошла большая внезапная перемена. Предложение Дизраэли и день дебатов по поводу этого предложения стали между Пальмерстоном от понедельника и Пальмерстоном от пятницы, а Дизраэли обосновал свое предложение сомнением насчет того, «не приведет ли» страну министерство во время перерыва заседаний палаты «к позорному миру» как она была под руководством Эбердина «приведена» к позорной войне. Таким образом, от ответа Пальмерстона на запрос Робека зависела судьба голосования. Он не мог в этот момент вызвать призрак Венской конференции и

заявить палате, что в Вене выносят решения, между тем как в залах святого Стефана ведутся дебаты, что здесь предполагают, а там располагают. Он тем менее мог это сделать, что в предыдущий вечер Россель отрекся от Австрии, от проектов мира и от Венской конференции. Он поэтому ответил Робеку: Венская конференция *не* возобновилась, и английский посол *не имеет* разрешения без специального приказа от Даунингстрита принимать участие в новой конференции. Тогда поднялся Мильнер-Гибсон, горя негодованием. Ведь несколько дней тому назад благородный лорд заявил, что конференция *только отложена* и Вестморленд обладает *абсолютными полномочиями* принимать в ней участие. Разве эти полномочия у него отняты и когда? — Полномочия! — ответил Пальмерстон, — да, эти полномочия у него имеются, как и прежде, но он не имеет права пустить их в ход. Обладать полномочиями и иметь право ими пользоваться — не одно и то же. Этот ответ на запрос Робека разорвал узы между министерством и партией мира во что бы то ни стало, поддержанной сторонниками Пиля. Но это было не единственное и не самое важное «недоразумение». Дизраэли позавчера в течение нескольких часов подвергал Росселя мучительным пыткам и уколам раскаленными булавками. В одной руке Дизраэли держал риторическую львиную шкуру, в которую этот виг-ацтек обыкновенно облачается, а в другой — гуттаперчевого крохотного человечка, который скрывается за этой шкурой. Россель, будучи, благодаря своему долголетнему парламентскому опыту и приключениям, так же защищен от жестких слов, как неуязвимый Зигфрид от ран, все же не мог сохранить своего присутствия духа при таком беспощадном демонстрировании своего собственного «я». Он корчился все время, пока говорил Дизраэли. Он беспокойно ерзал на своем кресле, когда Дизраэли сменил Гладстон с своей проповедью. Когда Гладстон сделал риторическую паузу, поднялся Россель, и только смех палаты напомнил ему, что еще не пришла его очередь. Наконец Гладстон окончательно замолк. Тогда только Россель мог дать волю ущемленному сердцу. Он рассказал палате все, что он благоразумно скрыл от князя Горчакова и г. Титова. Россия, «*честь и достоинство*» которой он отстаивал на Венской конференции, представлялась ему теперь державой, которая безудержно стремится к мировому господству, которая заключает договоры, чтобы создавать предлоги для завоевательных войн, и ведет войны, чтобы отравлять затем договорами. Не только Англия, но и вся Европа, так думает он, находится под угрозой, и нет иного выхода кроме истребительной войны. Он намекнул также и на Польшу. Словом, этот

венский дипломат внезапно превратился в «уличного демагога» (одно из любимых его выражений). Дизраэли хитрым расчетом вынудил его к этому высокопарному стилю. Но тотчас же *после* голосования поднялся сэр Джеймс Грехем, сторонник Пизы. Верить ли ему своим ушам? Россель объявил «новую войну» России, крестовый поход, войну на жизнь и на смерть, войну национальностей. Вопрос слишком серьезен, чтобы прекратить дебаты. Сейчас меньше, чем когда-либо раньше, нам ясны намерения министров. Россель счел, что после голосования он может, как обычно, сбросить львиную шкуру. Он поэтому решил не церемониться. Грехем его «не понял». Он хочет только «гарантий для Турции». «Вот видите, — воскликнул тогда Дизраэли, — вы, которые, отвергнув мое предложение, сняли с министерства упрек в двурушничестве, вы слышите его искренность! Этот Россель *после* голосования берет обратно речь, которую он произнес *перед* голосованием. Я поздравляю вас с вашим голосованием!»

Палата не могла устоять перед таким наглядным доказательством. Дебаты были отложены до конца троицыных вакаций; победа, одержанная министерством, была снова потеряна в один момент. Комедия должна была состоять лишь из двух актов и кончиться голосованием. Теперь прибавился драматический эпилог, который грозит сделаться серьезнее главных и государственных событий. Парламентские вакации позволят нам между тем проанализировать два первых акта. Неслыханным в летописях парламента остается тот факт, что лишь после голосования дебаты приняли серьезный характер. Парламентские битвы до сих пор обыкновенно кончались голосованием, как любовные романы — женитьбой.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ДИЗРАЭЛИ.

I.

Лондон, 28 мая 1855 г.

«Разнообразное меню», по выражению изящного Гладстона, было предложено Нижней палате, предоставлявшее выбор между предложением Дизраэли и поправкой Беринга к предложению Дизраэли, между прибавлением сэра В. Геткота к поправке Беринга и контр-прибавлением г. Лоу, направленным против Дизраэли, Беринга и сэра В. Геткота. Предложение Дизраэли заключает в себе порицание министров и адрес по вопросу о войне на имя короны, первую в определенной, второй в расплывчатой форме, связанные между собой особой возможной лишь для парламентского процесса мышления связью. Робкая форма, в которую облечен военный адрес, нашла скоро свое объяснение. Дизраэли боялся возмущения в собственном лагере. Один торий, маркиз Гренби, говорит *против*; другой, лорд Стенли, говорил *за*, но оба — как сторонники мира. Поправка Беринга была *министерской*. Она отвергает вотум порицания, направленный против кабинета, и принимает военную часть запроса в собственной терминологии Дизраэли, только предпослав ей слова о том, что палата «с сожалением убедилась, что Венская конференция не привела к прекращению враждебных действий». Сразу обдает он и теплом, и холодом. «Сожаление» — для партии мира, «продолжение войны» — для военной партии, отсутствие определенных обязательств кабинета по отношению к любой партии — такова ловушка для голосов, как белых, так и черных, текст для флейты и текст для тромбона. Прибавление Геткота венчает двуручническую поправку Беринга чисто идиллическим оборотом, путем прибавления слов: «палата все еще выражает горячее пожелание (*cherishing*— в высшей степени добродушное выражение), чтобы продолжающиеся переговоры пришли к благополучному концу». Поправка Лоу объявляет, напротив, законченными переговоры о мире благодаря отклонению третьего пункта Россией и этим мотивирует военный адрес на имя короны. Мы видим, что эклектическая поправка министерства оставила стоять рядом мирно обе стороны, которые она хотела

затушевать и нейтрализовать. Продолжение Венской конференции! — восклицает Геттот. Никакой Венской конференции! — отвечает Лоу. Венская конференция и продолжение войны, — шипит Беринг. Исполнение тематических фраз этого терцета мы услышим через восемь дней, а сегодня мы вернемся к дебатам по поводу предложения Дизраэли, на первом вечере которых выступали только три главных и государственных персоны, *Дизраэли, Гладстон и Россель*, первый зло и едко, второй — гладко и казуистически, третий — плоско и шумно.

Мы не согласны с упреком, что Дизраэли из-за своего личного озлобления против Росселя потерял из виду «самую сущность» дела. Тайны русско-английской войны следует искать не на театре военных действий, а на Даунингстрите. Россель, министр иностранных дел в эпоху тайных сообщений петербургского кабинета, Россель, чрезвычайный посол во время последней Венской конференции, Россель, одновременно лидер палаты общин, он — ходячий Даунингстрит, он — его *разоблаченная* тайна. Не потому, что он является душой министерства, а потому, что он является его погрешностью.

К концу 1854 г., — рассказывает Дизраэли, — Россель преисполнился военного пыла и при полном парламенте под громкие возгласы одобрения заявил: «Англия не может сложить оружия, пока не будут получены *реальные гарантии*, которые вернули бы могущество России к безопасным для Европы масштабам и таким образом обеспечили полное спокойствие в будущем». Этот самый джентльмен был членом кабинета, одобрявшего Венский протокол от 5 декабря 1853 г., где английские и французские уполномоченные постановили, что война не может привести к ухудшению или изменению «материальных условий» русского государства. Кларендон на запрос Линдхерста по поводу этого протокола ответил от имени министерства: «Осуществить ослабление русской власти в Европе, быть может, является желанием Пруссии или Австрии, но не Франции и не Англии». Россель характеризовал перед палатой общин поведение императора Николая как «лживое и коварное». В июле 1854 г. он громко возвестил о вторжении в Крым и заявил, что разрушение Севастополя является европейской необходимостью. Наконец, он сверг Эбердина, так как, по его мнению, тот слишком слабо вел войну. Такова львиная шкура, а вот каков сам лев. Россель был министром иностранных дел в течение двух или трех месяцев 1853 г., во время которых Англия получила «*тайные и доверительные письма*» из Петербурга, в которых Николай открыто настаивал на разделе Турции, главным образом посредством установления

своего предупредительного (*vorgeschütztes*) протектората над христианскими подданными Турции, — протектората, которого, по признанию Нессельроде в его последней телеграмме, никогда и не существовало. Что же сделал Россель? Он обратился к английскому посланнику в Петербурге с телеграммой, в которой говорится буквально следующее: «Чем больше турецкое правительство будет держаться тактики беспристрастных законов и справедливого управления, тем меньше русский император будет считать необходимым пользоваться своим правом исключительного *покровительства*, которое он считает столь тяжелым и стеснительным, хотя оно, без сомнения, предписывается ему его обязательствами и освящено договором». Таким образом, Россель, не обинуясь, признает этот спорный пункт. Он объявляет протекторат не только законным, но даже обязательным. Он выводит его из Кайнарджийского договора. А о чем говорит «четвертый пункт» Венской конференции? О том, «что ложное толкование договора, заключенного в Кучук-Кайнарджи, является главной причиной нынешней войны». И если перед объявлением войны мы, таким образом, видим Росселя в роли адвоката русских *прав*, ныне преданных забвению даже самим Нессельроде, то в конце первого периода войны, на Венском конгрессе, мы его встречаем в роли защитника русской *чести*. Как только дошло до дела — обсуждения 26 марта третьего пункта, — подъялся дружелюбно расположенный к России Россель и торжественно заявил: «В глазах Англии и ее союзников самыми лучшими и *единственно допустимыми* условиями мира являются те, которые лучше всего обеспечивают спокойствие Европы в соответствии с честью и достоинством России». Ввиду этого 17 апреля русские уполномоченные отказались взять в свои руки инициативу предложений по третьему пункту, убежденные, после заявления Росселя, что условия, предложенные союзными уполномоченными, будут составлены в более русском духе, чем те, которые могла бы придумать сама Россия. Но разве ограничение морских военных сил России было «в соответствии с честью России»? Нессельроде в своем последнем циркуляре держится поэтому крепко признания Росселя от 26 марта. Он ссылается на Росселя. Он запрашивает его, являются ли предложения от 19 апреля «самыми лучшими и *единственно допустимыми*»? Россель выступает в качестве патрона России у порога войны. Он выступает ее патроном в конце первого периода войны, за зеленым столом во дворце графа Буоля.

Таково было выступление Дизраэли против Росселя. Затем он объяснил как несчастные события на театре военных действий, так

и недовольство в стране противоречивыми действиями министерства, которое в Крыму работает в пользу войны, а в Вене — в пользу мира, связывая воинствующую дипломатию с дипломатизирующей войной. «Я отрицаю, — воскликнул он, — что для ведения войны достаточно взимать налоги и снаряжать экспедиции. Вы должны поддерживать дух народа. На это вы неспособны, так как каждый день вы заявляете стране, что предполагается мир, что тот пункт, вокруг которого идет весь спор, в конце концов, сравнительно мелкого характера. Идешь на большие жертвы, когда полагаешь, что имеешь дело с сильнейшим врагом. Идешь на большие жертвы, когда полагаешь, что ты вовлечен в борьбу за славу страны, за ее существование и ее могущество. Но когда вы удваиваете или утраиваете подоходный налог, когда вы тащите людей от их семейных очагов на военную службу, когда вы омрачаете английские сердца вестями о несчастных событиях, когда вы все это делаете, то нельзя говорить народу, что весь вопрос заключается лишь в том, должна ли Россия иметь на Черном море четыре или восемь фрегатов. Чтобы энергично вести войну, необходимо поддерживать не только дух своей страны, но также и дух чужих государств. Будьте уверены, что пока вы апеллируете к чужой стране, прося ее выступить в качестве посредника, она никогда не будет поступать, как ваша союзница. Лорд Пальмерстон уверяет, что он не заключит позорного мира. Благородный лорд ручается сам за себя. Но кто поручится за благородного лорда? Вы не можете уйти от окружающих вас затруднений путем Венской конференции. Дипломатией вы только умножите опасность и затруднения. Ваша позиция во всех отношениях ложная. И вы никогда не сможете вести успешно наступательную войну, не будучи поддержаны народным энтузиазмом и союзниками, которые были бы убеждены в вашей решительности. Я хотел бы, чтобы палата в эту ночь своим голосованием положила конец этой ошибочной двойной системе, системе одновременно войны и мира, чтобы она открытым, не допускающим сомнения языком заявила, что время для переговоров прошло. Я думаю, что всякий, кто читал циркуляр Нессельроде, согласится с этим».

II.

Лондон, 29 мая 1855 г.

Гладстоновская манера красноречия ни разу не находила себе более совершенного, исчерпывающего выражения, чем в речи, произнесенной им в четверг вечером. Отполированная гладкость, пустая глубина, елейность не без ядовитой примеси, бархатная лапа

не без когтей, схоластические оттенки и оттеночки, *questiones* [вопросы] и *questionculae* [вопросики], весь арсенал пробабализма с его казуистической совестью и бессовестными оговорками, его не вызывающими сомнения мотивами и мотивированным сомнением, смиренная претензия на превосходство, добродетельная интрига, ограниченная оговорками простота, Византия и Ливерпуль. Речь Гладстона вращалась гораздо меньше вокруг вопроса о войне и мире между Англией и Россией, чем вокруг рассмотрения вопроса о том, каким образом Гладстон, еще недавно член ведущего войну министерства, стал теперь Гладстоном, сторонником партии мира во что бы то ни стало. Он анализировал, он исследовал во всех направлениях границы своей собственной совести, и из характерной скромности проявил желание, чтобы британская империя двигалась в рамках гладстоновской совести. Его речь поэтому отличалась дипломатически-психологической окраской, которая если и вносила элемент совести в дипломатию, то еще в большей степени — элемент дипломатии в совесть. Война против России была первоначально справедлива, но сейчас мы достигли такого пункта, когда продолжать войну было бы грешно. С начала восточных затруднений мы все время взвизгивали наши требования. Мы с нашими условиями двигались по восходящей линии, тогда как Россия спускалась с высоты своей неуступчивости. Сначала Россия предъявляла претензию не только на духовный, но и на светский протекторат над турецкими христианами греческого происхождения. Она не хотела отказаться ни от одного из старых договоров, не хотела безусловно очистить Придунайские провинции. Она отказалась принять участие в каком бы то ни было конгрессе держав в Вене и предложила турецкому послу явиться в Петербург или в русскую главную квартиру. Таков был язык России еще 2 февраля 1854 г. Какая разница между тогдашними требованиями западных держав и четырьмя пунктами! И еще 26 августа 1854 г. Россия заявила, что она никогда не согласится принять четыре пункта и скорей пойдет на долгую, отчаянную и преисполненную бедствий войну. Какая опять-таки разница между этим языком России в августе 1854 г. и ее языком в декабре 1854 г., когда она обещала принять четыре пункта «без оговорок»! Эти четыре пункта представляют собой тот узловой пункт, до которого наши требования могут подыматься, а русские уступки опускаться. Все, что лежит по ту сторону этих четырех пунктов, находится по ту сторону христианской морали. Так вот, Россия приняла первый пункт; она приняла второй пункт; она не отвергла четвертого пункта, потому что он не обсуждался. Остается, таким

образом, третий пункт, следовательно только четвертая часть, и даже не весь третий пункт, а только половина его, т. е. всего одна восьмая часть, в отношении которой нет согласия. Дело в том, что третий пункт состоит из двух частей: часть первая — гарантия турецкой территории; часть вторая — ослабление русских сил на Черном море. К первой части Россия отнеслась более или менее благосклонно. Остается, таким образом, вторая часть третьего пункта. И даже здесь Россия высказывается не против ограничения ее превосходства на море; она возражает только против *нашего метода* проведения его в жизнь. Западные державы предложили один метод, Россия предлагает не один только, а два других метода; значит и здесь она впереди западных держав. Что касается метода, предложенного западными державами, то он оскорбляет честь русской империи. Но не надо оскорблять чести государства, не ослабляя его мощи. С другой стороны, не надо ослаблять его мощь, так как таким путем подвергается оскорблению его честь. Различные взгляды на «методы», восьмая часть пункта как предмет расхождения, которая, принимая во внимание «методы», может быть оценена только в одну тридцать вторую часть — из-за этого жертвовать лишним полумиллионом человек? Должно быть, напротив, заявлено, что мы достигли целей войны. Неужели нам продолжать ее из-за одного престижа, из-за военной славы? Наши солдаты покрыли себя славой. Если, несмотря на это, Англия осрамилась в глазах континента, то «ради бога, — воскликнул достопочтенный джентльмен, — не мстите за это пролитием человеческой крови, а постарайтесь восстановить доверие к нам посылкой более верной информации за границу». И действительно, почему не осведомлять заграничные газеты? К чему поведут дальнейшие успехи союзного оружия? Они вынудят Россию к более упорному сопротивлению. А поражения союзников? Они только вызовут со стороны жителей Лондона и Парижа еще более смелые нападки. К чему же поведет ведение войны ради самой войны? Первоначально Пруссия, Австрия, Франция и Англия были *единодушны* в своих требованиях к России. Пруссия уже отошла в сторону. Если вы пойдете дальше, то отступит и Австрия. Англия останется изолированной с одной Францией. Но если Англия будет продолжать войну, основываясь на мотивах, разделяемых одной только Францией, то «моральный авторитет ее позиции будет ослаблен и подорван». Напротив, путем мира с Россией Англия — быть может, рискуя своим престижем, который от мира сего, — усилит свой «моральный авторитет», на который не действует ни моль, ни ржавчина. И, кроме того, чего же хотят, когда не соглашаются на русский метод.

выполнения второй части третьего пункта? Хотят ли расчленить русское государство? Это невозможно сделать, не вызвав «войны национальностей». *Хочет* ли Австрия, *может* ли Франция поддержать эту войну? Если Англия пожелает ее предпринять, то ей придется это сделать *одной*, — а это значит, что «она этого совсем не сделает». Итак, ничего другого не остается, как желать только того, на что согласилась Россия.

Такова была речь Гладстона, если не буквально, то по духу. Россия изменила свой язык; это доказывает, что она проявила уступки *на деле*. Для почтенного пьюэзита единственно язык является делом. Он также изменил свой язык. Он теперь произносит иеремиады по поводу войны; мировая скорбь овладела им. Он выступал с сплошной апологией, когда всячески протестовал против следственного комитета и считал в порядке вещей — обречь английскую армию на все страдания голодной смерти и чумы. Правда, тогда армия приносилась в жертву ради *мира!* Грех начинается тогда, когда она приносится в жертву ради *войны*. Но ему удастся доказать, что английское правительство никогда не думало серьезно о войне с Россией; удастся доказать, что как теперешнее английское, так и теперешнее французское правительство не в состоянии и не хотят вести серьезной войны против России; удастся доказать, что *поводы* к войне не стоят и одного ружейного выстрела. Он забывает только, что эти «поводы» принадлежат ему и его прежним коллегам, и «война» была им навязана английским народом. Руководство войною было для них только предлогом парализовать ее и закрепить за собой свои посты. А из истории превращений ложных предлогов, на основании которых они вели войну, он с успехом заключает, что они и мир могут заключить под такими же ложными предлогами. Только по одному пункту он расходится со своими старыми коллегами. Он — в оппозиции, они — в правительстве. Но ложный предлог, пригодный для экс-министра, не является ложным предлогом, пригодным для министра, хотя соус для гусыни является соусом и для гусака.

Это допущенное Гладстоном ужасное смешение понятий явилось для *Росселя* давно ожидаемым сигналом. Он поднялся и начал замалевывать черной краской те стороны России, которые Гладстон изобразил белыми. Но Гладстон был в оппозиции, а Россель был в правящей партии. После того, как Россель израсходовал все общеизвестные и, несмотря на их тривиальность, все же правильные общие места о мировых завоевательных планах России, он перешел к делу, именно к делу Росселя. Никогда, — заявил он, — такой крупный национальный вопрос не был низведен на такой низкий уровень, как

это сделал Дизраэли. Действительно, можно ли более унизить крупный национальный, даже мировой вопрос, чем отождествив его с маленьким *Джонни*, с *Джонни Росселем*? Но разве это ошибка Дизраэли, что в начале войны против *России* фигурировала *Европа*, а в конце первого ее периода против *Нессельроде* фигурирует *Россель*. Удивительно изворачивался этот маленький человек, когда он дошел до четырех пунктов. С одной стороны, он должен был доказать, что его условия мира находятся в соответствии с только что им нагроможденными русскими ужасами. С другой стороны, ему надо было показать, что он, верный своему добровольному, не спровоцированному обещанию, данному им Титову и Горчакову, предложил условия, лучше всего гармонирующие с честью России. Он поэтому доказал, что Россия, как морская держава, существует только *номинально* и поэтому легко может согласиться на ограничение этих воображаемых сил. С другой стороны, он доказал, что пущенный ко дну самой Россией флот является опасностью для Турции, а следовательно и для европейского равновесия, и что «вторая половина третьего пункта» является значительным целым. Иного загоняет противник между двумя рогами дилеммы. Россель сам посадил себя на ее рога. Он дал новые доказательства своего *дипломатического таланта*. От активного союза с Австрией ничего нельзя ожидать, так как в результате потери одного сражения русские могут очутиться в Вене. Так он подбадривает одного из союзников. «Наше чувство таково, — продолжал он, — что Россия намерена захватить Константинополь и править им, *так как Турция, очевидно, находится на пути к распаду*; и я не сомневаюсь, что Россия держится того же мнения о намерениях Франции и Англии в случае крушения этой страны». Нехватало только, чтобы он прибавил: «а между тем она ошибается; не Англия и Франция, а только одна Англия должна владеть Константинополем». Так воодушевлял великий дипломат Австрию принять участие в войне; так выдал он Турции, какого мнения, и притом «откровенно», держатся ее друзья, ее *спасители*. Один успех все же у него есть: он его достиг как парламентский тактик. В июне 1854 г., когда он хватался взятием Крыма, он был приведен Дизраэли в такое смущение, что взял обратно свои героические слова до голосования палаты. *На этот раз* он отсрочил этот акт самоуничтожения — отказ от возвещенной им мировой войны против России — до момента, когда голосование прошло. Это большой шаг вперед. Его речь содержит еще две исторических иллюстрации — высококомическое изображение переговоров с императором Николаем по поводу Кайнарджийского договора и очерк о *пемецких* делах

Оба заслуживают краткого упоминания. *Россель*, как припомнит читатель, признал, не обинуясь, протекторат России, основанный на Кайнарджийском договоре. Английский посланник в Петербурге, сэр Гамильтон Сеймур, оказался более тяжелым на подъем, более скептически настроенным человеком. Он наводил справки у русского правительства, и Россель имел наивность рассказать об этой истории: «Сэр Гамильтон Сеймур покорнейше попросил покойного русского императора показать ему ту часть договора, на которой он основывает свои притязания. Его императорское величество сказал: «Я не покажу вам специальной статьи договора, на которой я основываю свое притязание (на протекторат). Идите к графу Нессельроде. Он сделает это!» Гамильтон Сеймур отправился со своим требованием к Нессельроде. Граф Нессельроде ответил, что он незнаком со статьями договора, и рекомендовал ему пойти к барону Бруннову или послать к нему свое правительство; барон Бруннов им скажет, на какой части договора основывается притязание императора. Я полагаю, что барон Бруннов никогда не попытается показать такую статью в договоре».

О Германии благородный лорд рассказал: «С Германией Россия связана через браки с многочисленными мелкими государями. Многие из этих государей, — я должен, к сожалению, это признать, — правят, испытывая большой страх перед предполагаемым революционным настроением своих подданных. И поэтому они рассчитывают на защиту своих армий. Но каковы эти вооруженные силы? Их офицеры обольщены и испорчены русским двором. Русский двор распределяет между ними ордена, знаки отличия и вознаграждения, и в определенных случаях Россия дает деньги на уплату их долгов, так что Германия, которая должна была бы быть оплотом независимости и представлять собой защиту Европы от русского господства, уже много лет чувствует себя беспомощной и лишилась своей независимости благодаря русским интригам и русским деньгам». И вот, чтобы, как огненный столб, повести вперед Германию, чтобы снова призвать ее к «категорическому императиву», к *должному*, Россель объявил себя на Венской конференции защитником «чести и достоинства России» и говорил гордым языком свободного и независимого англичанина.

III.

Лондон, 1 июня 1855 г.

Если Гладстон вводит в заблуждение видимостью глубины, то *Пальмерстон* обманывает кажущейся поверхностностью. Свою дей-

ствительную цель он умеет искусно скрыть эффектными, кое-как склеенными фразами и ничего не говорящими уступками общественному мнению момента. Его кабинетская речь уже восемь дней лежит перед публикой. Ежедневная и еженедельная пресса провентилировала ее, проработала, прокритиковала. Его враги говорят, что, после многомесячного разговора на языке старика Эбердина, он счел снова уместным в течение вечера поговорить на языке ста-рого Пальмерстона. Они говорят: благородный лорд ручается за самого себя. Но кто же поручится за благородного лорда? Они называют его речь ловким фокусом, поскольку ему удалось избежать всякого определенного объяснения по поводу своей политики и принять столь эластичную воздушную форму, что нет никакой возможности где-либо за него ухватиться. Напротив, его друзья без всяких колебаний признают музыкой тот ветер, который он пустил в ход риторикой своего органного концерта. Он сразу правильно оценил ситуацию, в которой должен был предстать перед палатой и страной. «Кого я имею перед собою? На одной стороне находятся те, которые полагают, что мы были недостаточно энергичны в ведении войны, а на другой стороне те, которые пытаются довести страну до поворотных условий мира; на одной стороне находятся люди, которые упрекают нас, что мы втянулись в бесполезные и парализующие войну переговоры с Австрией, а на другой — те, которые думают, что мы в этих переговорах пошли недостаточно далеко и расстроили их путем чрезмерных требований». Так он сам занял позицию золотой середины. Нападки сторонников войны он отразил указанием на сторонников мира, а сторонников мира — ссылкой на сторонников войны. Выступление против безусловных сторонников мира дало ему повод для хорошо рассчитанных извержений патриотического жара, торжественных заверений в неизменной энергии и всех тех хвастливых слов, которыми он часто надувал «дураков». Он польстил национальному самолюбию, пересчитав те громадные средства, которыми располагает Англия — его единственный ответ на обвинение в неспособности управлять большими средствами. Благородный лорд, — сказал Дизраэли, — напоминает ему выскочку, который хочет выставить свое богатство перед любовницей: у меня есть дача, дом в городе, картинная галлерей, прекрасный погреб. Так и Англия имеет Балтийский флот, флот на Черном море и ежегодный государственный доход в 80 миллионов фунтов стерлингов и т. д. Между тем под покровом дешевых риторических украшений, к которым свелась вся речь Пальмерстона, ему удалось мимоходом сделать определенное заявление, к которому он сможет вернуться.

позже при подходящем случае и провозгласить его как санкционированный палатой принцип его политики. Ни одна английская газета не *отметила* этого, но искусство пальмерстоновских речей всегда заключалось в том, чтобы скрывать их острие и вытравливать его из памяти слушателей ровным и мелководным потоком фразеологии. Но так как дело для него не только в минутном успехе, как для какого-нибудь Росселя, так как он принимает в расчет и будущее, то он не довольствуется ораторскими требованиями момента, но заботливо закладывает фундамент для будущих маневров. Вышеупомянутое заявление гласит буквально следующее: «Мы вовлечены в большие операции на Черном море, мы полагаем и надеемся, что *успех будет на нашей стороне, и мы убеждены, что успех приведет нас к тому, чтобы добиться тех условий, которых Англия, Франция и Австрия при настоящем состоянии спора считали себя в праве добиваться*». Итак, как бы ни расширились операции на Черном море, дипломатические основания войны остаются те же. Каков бы ни был военный успех, окончательный результат заранее определен и ограничен так называемыми «четырьмя пунктами». И это заявляет Пальмерстон, после того как Лайард несколько часов тому назад сорвал с четырех пунктов их руссофильскую маску. Но Пальмерстон отвлек внимание от критики Лайарда, он уклонился от рассмотрения главного — явных целей и задач войны, взяв под свою защиту от Гладстона вторую половину третьего пункта и оценив *половину* пункта как *целое*.

Заслуживает быть упомянутым один инцидент, прервавший речь Пальмерстона. Один английский ханжа, лорд Роберт Гровенор, упрекнул его в том, что, говоря о военных успехах и взвешивая шансы войны, он не принял в расчет милости всевышнего, даже «не упомянул имени божьего». Он таким образом содействует ниспосланию небесной кары на свою нацию. Пальмерстон тотчас же раскаялся, стал бить себя в грудь и сумел доказать, что в случае нужды он тоже может произнести проповедь и закатывать глаза не хуже лорда Гровенора. Но парламентский инцидент получил народное дополнение. Граждане Мерилебона (часть города Лондона) созвали большой митинг в школьном помещении на Cowpers Street, чтобы протестовать против «билля о запрещении торговли в воскресные дни». Но так как здесь дело шло об избирателях, то появились лорд Эбрингтон и лорд Роберт Гровенор в качестве защитников билля, который они сами внесли в парламент. Вместо того, чтобы положиться на защиту и милость господ, они предусмотрительно разместили в различных местах митинга дюжину оплаченных клакеров и нарушителей по-

рядка. Тайна скоро была открыта, и наемные агенты ханжества были сейчас же пойманы гражданами и выставлены на улицу. «Благородные лорды», не будучи в состоянии противиться разразившемуся свисту, хрюканью и шипенью, снова заняли в смущении свои места. Как только они покинули собрание, за их экипажем последовала «неоплаченная» толпа с недвусмысленными проявлениями греховного издевательства и душевной черствости.

*** АССОЦИАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЕФОРМ. —
НАРОДНАЯ ХАРТИЯ. — УРКАРТ.**

Лондон, 5 июня 1855 г.

«Ассоциация административных реформ» одержала победу в Бате. Ее кандидат, г. Тайт, избран значительным большинством в члены парламента против кандидата ториев. Эта победа, одержанная на территории «легальной» страны, празднуется сейчас либеральными газетами как большое событие. Бюллетени о соотношении голосов печатаются с не меньшим чванством, чем бюллетени о бескровных успехах на Азовском море. Бат и Керчь! — вот пароль дня. Но что прессой замалчивается, как газетами-сторонницами, так и противницами реформ, как министерскими, так и оппозиционными, как из лагеря ториев и вигов, так и из радикального лагеря, это — те поражения и разочарования, которые «Ассоциация административных реформ» пережила за последние дни в Лондоне, Бирмингеме и Ворчестере. Во всяком случае на этот раз битва разыгралась не на отмеренной территории какой-нибудь привилегированной избирательной корпорации. И результаты этой битвы были не таковы, чтобы вызвать клики торжества со стороны противников сторонников реформы из Сити. Первый действительно *публичный* митинг (иначе говоря, митинг *без* входных билетов), организованный Ассоциацией реформ в *Лондоне*, состоялся в прошлую среду в Мерилебоне. Против резолюций реформаторов из Сити была выставлена чартистами поправка, гласящая, что «представляемая господами из Сити денежная аристократия так же плоха, как и земельная аристократия; что под предлогом реформ она стремится пробраться на спине народа в Даунингстрит, чтобы поделиться там с олигархами постами, окладами и чинами, что единственной программой народного движения является хартия с ее пятью пунктами». Председатель митинга, один из светил Сити, высказал целый ряд сомнений: во-первых, может ли он вообще поставить на голосование эту поправку, во-вторых, что ему раньше поставить на голосование: резолюцию или поправку, и, наконец, каким образом провести голосование. Аудитория, которой надоела его нерешительность, тактические соображения и

неприятные маневры, заявила, что он не способен дальше вести собрание, выбрала на его место Эрнеста Джонса и громадным большинством голосовала против резолюции и за поправку. В *Бирмингеме* Ассоциация организовала публичный митинг в городском зале под председательством мэра. Против ее резолюции была выставлена такая же поправка, как и в Лондоне. Мэр окончательно отказался поставить на голосование поправку, если слово «хартия» не будет заменено другим, менее непристойным. Иначе он оставит место председателя. На место слова «*хартия*» было поставлено «*всеобщее и тайное избирательное право*». В этой измененной редакции поправка прошла большинством в десять голосов. В *Ворчестере*, где реформаторы из Сити устроили публичный митинг, победа чартистов и поражение ассоциации были еще полнее. Здесь «*хартия*» была просто-напросто провозглашена. В высшей степени неудачные результаты больших митингов в Лондоне, Бирмингеме и Ворчестере вынудили сторонников административных реформ вместо публичной апелляции к vox populi [голосу народа] пустить в обращение в наиболее крупных и населенных городах петиции для сбора подписей среди единомышленников. Многообразные связи аристократии из Сити с торговыми тузами Соединенного королевства и влияние последних на своих приказчиков, на владельцев крупных магазинов и на «более мелких» друзей по торговле даст им без сомнения возможность тихонько и за спиной у всех заполнить эти петиции подписями и затем направить их в «достопочтенную палату» под этикеткой: *голос английского народа*. Но они заблуждаются, если полагают возможным застрашать народ этими выпрошенными, собранными путем интриг и происков подписями. Правительство с ироническим самоудовлетворением смотрит на то, как сторонники административных реформ со свистом прогнаны с публичной арены. Их органы пока молчат, отчасти потому, что иначе они должны были бы регистрировать успехи чартистов, отчасти же потому, что правящий класс уже носитя с мыслью стать во главе сторонников административных реформ, если бы народное движение стало слишком назойливым. Они обеспечивают себя «недоразумением» на случай наступления такой опасности — недоразумением рассматривать когда-нибудь в будущем сторонников административных реформ как выразителей воли народа. Такие недоразумения представляют собой главный курьез «исторического» развития Англии, и никто не умеет так ими пользоваться, как свободомыслящие виги.

Хартия представляет собой очень лаконичный документ и, кроме требования *всеобщего избирательного права*, заключает в себе

следующие пять пунктов, являющихся условиями его осуществления: 1) тайное голосование; 2) *отмену* имущественного ценза для членов парламента; 3) оплату членов парламента; 4) *годовой* парламента; 5) равные избирательные округа. После экспериментов, подорвавших всеобщее избирательное право в 1848 г. во Франции, жители континента легко склоняются к тому, чтобы недооценивать важность и значение английской хартии. Они забывают, что во Франции население состоит на две трети из крестьян и на одну треть из горожан, тогда как в Англии больше двух третей населения живет в городах и меньше одной трети в деревнях. В Англии результаты всеобщего избирательного права должны находиться в таком же обратном отношении к его результатам во Франции, в каком находятся город и деревня в обоих государствах. Этим объясняется диаметрально противоположный характер, который требование всеобщего избирательного права приняло в Англии и Франции. Там это было требование политических идеологов, в котором мог принять большее или меньшее участие каждый «образованный», в зависимости от его убеждений. Здесь это требование образует демаркационную линию между аристократией и буржуазией, с одной стороны, и народными массами — с другой. Там оно имеет значение политического, здесь — социального вопроса. В Англии агитация за всеобщее избирательное право проделала большое историческое развитие, прежде чем стать лозунгом народных масс. Во Франции оно *сначала* было введено, а *затем* начало проделывать свое историческое развитие. Во Франции потерпела крушение практика всеобщего избирательного права, в Англии — его идеология. В первые десятилетия этого века при сэре Френсисе Бердете, при майоре Картрайте, при Коббете всеобщее избирательное право носило еще тот неопределенно-идеалистический характер, который сделал его благочестивым пожеланием всех частей населения, не принадлежавших прямо к правящим классам. В самом деле, для буржуазии это было только наиболее крайним, обобщающим выражением того, чего она добилась благодаря парламентской реформе 1831 г. Еще в 1838 г. требование всеобщего избирательного права не приняло в Англии своего реального, специфического характера. Доказательство: Юм и О'Коннель подписали хартию. В 1842 г. исчезли последние иллюзии. Ловет сделал тогда последнюю, но тщетную попытку сформулировать всеобщее избирательное право как *общее* требование так называемых радикалов и народных масс. С этого момента нет больше сомнений насчет смысла всеобщего избирательного права, так же как и его названия. Оно является хартией народных классов и означает освоение

ими политической власти для осуществления своих социальных потребностей. Всеобщее избирательное право, понятое в 1848 г. во Франции как лозунг всеобщего братства, в Англии воспринимается как военный пароль. Там ближайшим содержанием революции было всеобщее избирательное право, здесь ближайшим содержанием последнего является революция. Если проследить историю всеобщего избирательного права в Англии, то можно увидеть, что оно в такой же мере освобождается от своего идеалистического характера, в какой мере здесь развивается современное общество с его бесчисленными противоречиями, — противоречиями, вызванными прогрессом промышленности.

Рядом с официальными и полуофициальными партиями, а также и с чартистами, в Англии можно наблюдать еще клику «мудрецов», настолько же недовольных правительством и господствующими классами, как и чартистами. Чего хотят чартисты? — восклицают они. Возвысить и расширить парламентскую власть, превратив ее во власть народную. Они не нарушают парламентаризма, они только возводят его в высшую степень. Истина же в том, чтобы сломать представительную систему! Один из восточных волхвов, *Давид Уркарт*, стоит во главе этой клики. Он хочет вернуться к Common law [обычному праву] Англии. Он хочет восстановить границы Statute law [статутного права]. Он хочет локализовать, вместо того чтобы централизовать. Он хочет снова откопать «древние и подлинные правовые источники англо-саксонской эпохи». Тогда они польются сами собой, оросят и оплодотворят окружающие земли. Но Давид, по крайней мере, последователен. Он хочет также и современное разделение труда и концентрацию капитала вернуть к старому англо-саксонскому, а еще лучше к восточному состоянию. Природный шотландец, ставший добровольно черкесом и турком, он способен осудить цивилизацию со всеми ее язвами и время от времени даже критически судить о ней. Но он не так пошел, как те возвышенные люди, которые отделяют современные формы государства от современного общества, которые мечтают о местной самостоятельности наряду с концентрацией капитала, об индивидуальном согласии наряду с анти-индивидуалистическим разделением труда. Давид — пророк со взором, обращенным назад, с антикварным восторгом перед старой Англией. Он должен поэтому считать в порядке вещей, когда новая Англия проходит мимо него, предоставляя ему стоять на месте, как бы убежденно и настоятельно он ни кричал: «Давид — единственный человек, который может вас спасти». Так взывал он еще несколько дней тому назад на митинге в Стаффорде.

*ПАРЛАМЕНТСКИЕ ДЕБАТЫ ПО ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ ВОЙНЫ.

I.

Лондон, 6 июня 1855 г.

Пальмерстон снова проявил свое старое искусство управлять дипломатией при помощи парламента и парламентом при помощи дипломатии. Политика министерства должна была подвергнуться обсуждению на основе поправок Беринга, Геткота и Лоу. Все эти поправки основывались на Венской конференции. Во время троицной недели Пальмерстон разделяется с Венской конференцией, ссылаясь по отношению к Австрии на состоявшиеся парламентские дебаты, а перед снова собравшимся парламентом он разделяется с дебатами, ссылаясь на *состоявшуюся* конференцию, которая-де существует теперь лишь в предании. Вместе с Венской конференцией отпадают основанные на ее существовании поправки, вместе с поправками отпадает дискуссия по поводу политики министерства, а вместе с дискуссией отпадает и необходимость для министерства делать заявления по поводу *тенденции, цели и задач «новой» войны*. Эта цель, — так утверждает *Давид Уркарт*, он же *Давид-бей*, — заключается только в том, чтобы познакомить союзные войска с летними крымскими болезнями после того, как они извели зимние. Если Уркарт не во всем разбирается, то в Пальмерстоне он разбирается отлично. Он только ошибается насчет власти тайных намерений над ходом всемирной истории. Итак, Пальмерстон заявляет вновь собравшемуся парламенту, что нет больше темы для обсуждения, что палата ничего лучшего не может сделать, как обратиться к короне с военным адресом, иначе говоря — выразить *доверие* министерству. Он пока что терпит неудачу ввиду упрямства парламентариев, которые заучили длинные речи по поводу поправок и хотели пристроить свой товар. Но путем роспуска конференции он лишил эти речи их жала, и боязнь пустоты, скука заставят парламент принять его адрес. Чтобы спастись от речей, он ухватится за адрес.

Поправка *Лоу* вместе с изменением ситуации изменила свой смысл. Сначала она означала прекращение Венской конференции.

Сейчас же поправка означает санкционирование Венской конференции и министерской дипломатии, поскольку она объявляет *конечной целью*, а значит и настоящей *задачей* войны, сформулированное Росселем уменьшение морских военных сил России на Черном море. Являясь камнем преткновения для партии мира, поскольку она хочет слишком многого, для партии войны, поскольку она хочет слишком малого, эта поправка является камнем преткновения для министерства, поскольку она вообще говорит о какой-то признанной задаче войны. Отсюда и то удивительное явление, что сторонники мира и тории голосовали *за*, а министерство *против* продолжения *дебатов* по поправке Лоу; отсюда попытка Пальмерстона выбросить ее за борт. Попытка не удалась. Он отложил поэтому дебаты на четверг вечером. Один день выигран. В этот промежуток был напечатан заключительный протокол Венской конференции. Протокол предлагается палате. Возникает новый момент, и Пальмерстон с своими *dissolving views* [разлагающими идеями] — что является собственно единственным актуальным вопросом — может надеяться избежать дебатов.

Двухдневная парламентская дискуссия была так скучна, так тягуча и сбивчива, как только могут быть речи, смысл которых уже потерян.

Она представляла все же характерное зрелище того, как сторонники партии мира, кокетничавшие до голосования резолюции Дизраэли с министерством, ныне кокетничали с оппозицией, оппозицией официальной. Она, кроме того, вскрыла сердечное согласие между сторонниками Пиза и манчестерской школой. Сторонники Пиза явно льстили себя надеждой *после* мира командовать Англией во главе промышленной буржуазии. Таким образом, сторонники Пиза нашли бы, наконец, после долгих блужданий стоящую за них партию, а промышленники нашли бы своих профессиональных государственных деятелей. Но если сторонники партии мира приобрели таким образом Гладстона, Грехема и К^о, они потеряли «радикального» сэра *Вильяма Мольсворта*, бывшего их другом больше двадцати лет. Мольсворт, вероятно, читал у Гоббса, которого он издал, «что разум приходит через уши». Он поэтому апеллировал не к разуму, а к ушам. Он сделал то, что Гамлет запрещает делать актеру. Он превзошел в тиранстве всех тиранов, был больше Росселем, чем сам Россель. Он, кроме того, вычитал у Гоббса, что все люди равны, так как каждый может отнять жизнь у другого. Так как для него дело шло о том, чтобы продлить свою министерскую жизнь, то он и говорил в духе тех, которые могут ее у него отнять. Все же странно

было видеть, как эта счетная машина произносила дифирамбы. Этого даже *Бембедж* не предвидел в своей «Философии машин». *Мильнер-Гибсон*, баронет из окрестностей Манчестера, говорил монотонно, усыпляюще, сухо. От близкой к нему столицы английской промышленности он, очевидно, научился производить возможно больше с наименьшими издержками производства. Это — человек, весь вид которого говорит, что ему скучно. Зачем ему пытаться развлекать своих ближних? Как ты мне, так и я тебе! Кроме того он, очевидно, относит блеск, остроумие, жизнь к непроизводительным издержкам производства, а первый закон той экономической школы, к которой он принадлежит, заключается в том, чтобы избегать «непроизводительных расходов».

Бульвер колебался между героическим настроением своего «делателя королей» и созерцательным настроением своего «Евгения Арама». В первом настроении он вызывал на бой Россию, во втором — сплетал миртовый венок вокруг головы *Меттерниха*. *Мильнер-Гибсон*, *Мольсворт* и *Бульвер* были корифеями первого вечера, *Кобден*, *Грехем* и *Россель* — корифеями второго. Одна лишь речь *Кобдена* заслуживает анализа, для которого сейчас нет ни места, ни времени. Мы только заметим, что, по его утверждению, *Бонапарт* был готов принять последние предложения Австрии. «Грязный малый» покойного сэра *Роберта Пиля*, специализировавшийся за последнее время на «чувствах», «разбитых сердцах» и «любви к истине», произнес самоапологию своего ближнего, а именно сэра *Джемса Грехема*. Он воспретил *Непиру* выступать в Балтийском море, пока не наступит время года, когда всякое действие явится разрушительным для английского флота. Он запретил *Дендасу* бомбардировать *Одессу*. Он таким образом нейтрализовал английский флот как в Балтийском, так и в Черном море. Он оправдывает себя величиной флотов, которые он снарядил: одно существование этих флотов было доказательством английской мощи. Действия флота были поэтому излишни. *Непир* несколько дней тому назад обратился с лаконическим письмом по адресу одного из друзей *Уркарта*, которое *Уркарт* прочел на митинге в *Стаффорде*. В этом письме дословно сказано: «Дорогой сэр! Я считаю сэра *Джемса Грехема* способным на всякую низость. Ч. *Непир*».

Наконец, *Россель* превзошел самого себя. В начале своей речи он заявил, что большой вопрос, стоящий перед палатой, заключается в следующем: «Если мы хотим заключить мир, то какие условия мира мы можем получить? Если мы желаем продолжать войну, в каких целях мы будем ее продолжать?» Что касается первого вопроса, то

ответ на него можно найти в венских протоколах. Что же касается второго вопроса, т. е. задач войны, то ответ на него должен быть слишком общим — поэтому ответа и не будет. Если «гарантию для Турции» захотят принять за ответ, то он ничего не имеет против. Одно толкование этой «гарантии» дано в Венской ноте, другое — в четырех пунктах, третье можно было бы найти, будь дело в войне, а не в Росселе. Принцип Наполеона заключался в том, чтобы война сама покрывала свои расходы, принцип же Росселя заключается в том, что война сама должна изыскать свою задачу.

II.

Лондон, 9 июня 1855 г.

Великие парламентские дебаты кончились или, вернее, скончались — от слюнотечения. Предложение *Беринга* прошло без возражений «под обций смех палаты». Предложение, по существу вадорное, кончается военным адресом на имя короны. Быть может, палата объявила войну — «войной насмех»? Или, может быть, парламент объявил себя «парламентом насмех»? Во всяком случае, истинный результат двухнедельных дебатов заключается не в принятии предложения Беринга — пустой формальности, — а во всеобщем смехе, в произвольных, противоуставных мускульных спазмах, в нескромных натуральных возгласах, под которые «достопочтенная палата» похоронила предложения, поправки и прибавления к ним, речи, возражения, проповеди, дедукции, резкие сарказмы и патетические мольбы, молитвы о мире и воинственные клики, тактику и бестактность, себя самое и свое голосование. Палата спаслась от смешного положения, высмеяв себя самое. Таким образом она признала, что в ее атмосфере всемирно-историческая серьезность превращается сперва в условную серьезность, пока деланная серьезность не обращается в естественную штуку.

Всякая попытка заставить Пальмерстона сформулировать политику министерства, дать объяснения по поводу задач, тенденций, целей войны, закончилась полной неудачей. Он прямо заявил: «Нельзя расспрашивать министра, как любого знакомого, о целях войны». Прежде всего помогли ему сторонники мира. Вы хотите знать, зачем мы ведем войну? Вот вам Ричард Кобден, который хочет мира любой ценой. Неужели вы не предпочитаете войну, которая ничего не стоит, миру во что бы то ни стало? Бейте же Ричарда Кобдена! Так он всякий раз выдвигал между собой и своими противниками Кобдена или Брайта, Грехема или Гладстона.

Хлопчатобумажные герои служили ему не только в роли подкладки, которой он подбивал свой военный плащ. Больше того. Он из хлопчатой бумаги делал порох.

Вместе с тем во время дебатов выяснилось, что Россель, как раньше Эбердин, служит Пальмерстону громоотводом, специально принадлежащим кабинету громоотводом, для его священной особы. С этой целью он послал Росселя в Вену, чтобы превратить его в свой громоотвод. И как раньше Лайард и компания объявляли ответственным Эбердина, так сейчас Робек объявляет ответственным Росселя за «недостатки» героического Пальмерстона. И подобно тому как прежде сторонники Пиля, на этот раз сторонники Росселя мешают «парению его свободной души». Он эти гири повесил на себя не для того, чтобы итти, подобно шварцвальдским часам, а для того, чтобы можно было неправильно отбивать время.

Все клики Нижней палаты вышли с уроном из условного и многого боя. Сторонники Пиля, наконец, признали, что до сих пор они были офицерами без армии. Они оставили претензию основать собственную фракцию и открыто примкнули к манчестерской школе. Они, которым в первый год войны было поручено управление армией и флотом, своим исповеданием веры в вечный мир самым смешным образом поставили себя в положение *изменников* внутри коалиции, к радостному удивлению Пальмерстона-Росселя. Они себя сделали невозможными.

Манчестерская школа, действительно, хочет мира, чтобы быть в состоянии вести индустриальную войну внутри страны и за ее пределами. Она домогается господства буржуазии как на мировом рынке, где война должна вестись ее оружием — хлопчатобумажными кипами, так и в самой Англии, где аристократ, лишний в современном производстве, должен быть отставлен в сторону, где пролетарий, как простое орудие производства, должен быть поработчен, где она сама, как руководительница производства, должна управлять также и государством и занять государственные посты. И вот Кобден доносит на священника д-ра Гриффитса, заявившего на каком-то митинге о ненужности палаты лордов. А Брайт оплакивает судьбу *королевских* детей, которых связанный с войной крах заставит самим себе стирать белье. И тот и другой доносят на народное движение. Таковы герои «Лиги против хлебных законов», которые, будучи вознесены на волне народного движения, объявили «варварский блеск короны», лордов, земельную аристократию и т. д. «непроизводительными издержками производства». Все для них, не исключая и проповеди мира, было средством в борьбе против аристократии.

А сейчас они доносят аристократии на массы!.. *Et propter vitam vivendi perdere causas.* [Ради жизни губить источники жизни.] Манчестерская школа в этих дебатах отреклась от основ своего существования.

Тории с своей стороны открыли в собственном стане партию мира и доказали, что они так же мало сохранили свою традицию быть представителями английского национализма, как и свою ненависть к «Бонапартам».

И, наконец, сторонники министерства? Ничто не характеризует их лучше, чем судорожная попытка ухватиться за предложение, которое Пальмерстон сам неделю тому назад вынужден был отклонить, которое его автор хотел взять обратно, которое Вальполь поддержал от имени ториев, Гладстон — от имени сторонников мира, а палата — «всеобщим смехом».

«Morning Herald» получил следующее сообщение из Финского залива: «Шестнадцать миль от Кронштадта, 28 мая. — «Орион» сделал рекогносцировку. Он доносит, что русская эскадра у Кронштадта состоит из 6 линейных кораблей, находящихся в исправном состоянии, такого же числа почти оснащенных линейных кораблей, 13 линейных кораблей, которые, если судить по их внешности, превращены в пловучие батареи, 8 больших пароходов и большого количества канонерок, число которых не удалось установить. При посещении Бомарзунда мы все там нашли в том же состоянии, в каком оставили; русские ничего не сделали для того, чтобы восстановить укрепления. Не видно было ни одного жителя. Наказания, наложенные на тех, которые в прошлом году вели торговлю с союзными эскадрами, сделали население чрезвычайно осторожным».

*** ПИСЬМА НЕПИРА. — КОМИТЕТ РОБЕКА. — МИТИНГИ. —
ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА.**

Лондон, 15 июня 1855 г.

Сэр Чарльз Непир открыл серию писем по поводу Балтийского флота письмом № 1 следующего содержания.

«Спрашивают, почему наша эскадра в Балтийском море не сделала ничего значительного за этот год и в ближайший год, вероятно, опять ничего не сделает. На этот вопрос легко ответить, а именно: *потому, что сэру Джемсу Грехему не было никакого дела до тех планов, которые я послал ему в июне прошлого года и про которые, по его словам, он ничего не знает; еще и потому, что адмиралтейство не обратило внимания на те планы, которые я послал в сентябре прошлого года.* Если бы адмирал Дендас был снабжен всеми теми приспособлениями, на которые я указывал, то можно было бы уже сейчас бомбардировать Свеаборг и, быть может, разрушить его. Вместо того, чтобы сделать это, истратили чуть ли не миллион на железные пловучие батареи, которые только с трудом могут плавать и, если будут посланы в Балтийское море, вряд ли вернутся обратно; и это после того, как в Портсмуте было доказано, что они могут быть разрушены 68-фунтовыми орудиями на расстоянии 400 ярдов, тогда как каждый знает, что на расстоянии 800 ярдов они не могут причинить ущерба гранитным стенам. Если те же деньги были бы истрачены на мортирные суда, то можно было бы кой-чего ожидать; или если бы хоть половина этих денег была истрачена на выполнение планов лорда Дендональда, которыми он поделился со мной, то, я не сомневаюсь, что мы имели бы успех как в Балтийском, так и в Черном море. Придет мое время, — и оно уже близко — когда я буду в состоянии разоблачить все поведение сэра Джемса Грехема по отношению ко мне. Г-н Денкомб (в деле братьев Бандьера) изобличил его в том, что он вскрывал частные письма. Он пытался ответственность за смерть бедного капитана Кристи свалить на г. Лайарда, и я обвинил его в том, что он искажил мои письма. Представить доказательства мне не разрешают под тем предлогом, что опубликование их

может дать неприятелю информацию. Этот предлог скоро исчезнет, и тогда страна узнает, какие средства достопочтенный баронет пустил в ход, чтобы заставить адмирала Беркли и адмирала Ричардса подписать инструкции, которые, будь они выполнены, могли бы привести к гибели королевского флота. Пусть страна узнает, имеет ли первый лорд адмиралтейства право превращать частные письма офицера в официальные, а затем препятствовать тому, чтобы то же самое было сделано с письмами первого лорда. Сэр Чарльз Непир».

Комитет *Робека* снова собрался вчера, в сорок девятый раз, чтобы прийти к какому-нибудь заключению по поводу доклада, который должен быть представлен Нижней палате. После четырехчасовых прений его члены так же мало смогли согласовать свои взгляды, как и в предыдущих заседаниях. Они снова отложили заседание до понедельника в «надежде», что смогут, наконец, доложить о результате своих работ.

«Ассоциация административных реформ» организовала вчера большой митинг в Дрюриленском театре, — однако митинг не *публичный*, а *билетный*, т. е. такой, куда имели доступ только те, кто были ошачествлены входными билетами. Господа реформаторы поэтому не стеснялись «в кругу своей семьи». Они, — это было ими признано, — собрались для того, чтобы дать выход «общественному мнению». Но, чтобы защитить общественное мнение от уличных сквозняков, было поставлено полроты констеблей у ворот Дрюрилена. Что за деликатно организованное общественное мнение, которое осмеливается быть общественным только под охраной констеблей и входных билетов! Этот митинг прежде всего был демонстрацией в честь Лайарда, который сегодня вечером вносит, наконец, в палату свой проект реформ!

На публичном митинге, состоявшемся позавчера в Ньюкестлена-Тайне, *Давид Уркарт* громил «предательское министерство и слабоумный парламент». О митингах, которые готовятся чартистами в провинции, — в другой раз.

В то время, когда существующее положение вещей подвергается критике с различных сторон и с различных точек зрения, *принц Альберт* воспользовался одним званым обедом в Trinity-house, чтобы охарактеризовать позицию *двора* по отношению к всеобщему брожению. У него также есть всеисцеляющее средство против кризиса. Оно гласит: «*патриотическое, безусловное доверие кабинету*». Только деспотизм кабинета, — так думает принц Альберт, — может предоставить конституционной Англии возможность сравниться с Россией и вести войну с северным деспотизмом. Контрасты, которые

он проводил между Англией и Россией, не были ни убедительны, ни удачны; например: королева не обладает властью набирать солдат, не имеет также в своем распоряжении войск, кроме тех, которые предлагают добровольно свои услуги! Принц Альберт забывает, что у королевы почти тридцать миллионов фунтов стерлингов, чтобы *купить* солдат. С каких это пор *принудительный труд* стал продуктивнее *наемного труда*? Что сказали бы о манчестерском фабриканте, который жаловался бы на конкуренцию московских фабрикантов ввиду того, что у него в распоряжении только такие рабочие, которые добровольно предлагают свой труд? Вместо того, чтобы напомнить о том, что император Николай приказал ясно и определенно заявлять его народу с амвонов о цели своей «священной» войны, тогда как Англия в течение двух лет ведет войну, о которой премьер-министр признает в парламенте, что «никто не может указать ее *задачу*», — принц Альберт жалуется, что «правительство королевы не может предпринять *ни одной меры* в интересах продолжения войны, о которой оно раньше не заявило бы парламенту». Как будто комитет Робена не был учрежден уже тогда, когда было принесено в жертву две трети английской армии! Как будто прения по поводу Венской конференции не были открыты уже *после* того, как конференция закрылась! Фактически в палате не было сделано ни одного заявления ни по одному мероприятию, кроме крикливого и никем не вызванного заявления Росселя о севастопольской экспедиции, которое явно ставило себе целью дать петербургскому кабинету своевременное предупреждение! И если по поводу блокады и были дебаты, то это произошло не потому, что министерство осуществило эту меру, а потому, что оно ее провозгласило, но не осуществило. Вместо того чтобы жаловаться на то, что корона, благодаря парламентским интригам, была вынуждена во время войны с Россией дать навязать себе диктатуру кабинета, откровенно руссофильского и явно стремящегося к миру, принц Альберт жаловался, напротив, на то, что неблагоприятное голосование в парламенте «вынуждает королеву отпускать своих доверенных слуг». Вместо того, чтобы справедливо жаловаться на то, что ошибки, слабости и низости, которых в России было бы достаточно для того, чтобы сослать в Сибирь любого генерала, министра и дипломата, в Англии в крайнем случае вызывают кое-какую равнодушную болтовню в прессе и парламенте, он, напротив, жалуется на то, что «нет такой неудачи, как бы незначительна она ни была, нет таких недостатков и слабостей, которые не были бы сейчас же выставлены на показ, а иногда даже и раздуты с каким-то

болезненным самоудовлетворением». Эти болезненно раздражительные излияния принц Альберт сделал содержанием своего тоста в честь своего долголетнего врага, лорда Пальмерстона. Но Пальмерстону чуждо великодушие. Он сразу использовал ложное положение, занятое принцем, чтобы в ответ ему ударить себя в грудь и громко воскликнуть: «Я вынужден заявить, что английский народ оказал нам великодушнейшую поддержку». Он пошел дальше. Он прямо заявил, что пользуется «доверием» английского народа. Он отверг настойчивые увещания принца, обращенные к народу. Он расшаркался перед народом, после того как принц расшаркался перед ним. Он даже не дал себе труда ответить комплиментом по адресу короны. Принц Альберт хотел выдать себя за покровителя министерства и поэтому прокламировал *«независимость»* кабинета от парламента и народа; Пальмерстон ответил на это тем, что констатировал *«зависимость»* короны от кабинета.

**• ИНЦИДЕНТ В ПАЛАТЕ ОБЩИН. — «МЕСТНАЯ ВОЙНА». —
ДЕБАТЫ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЕ. —
ДОКЛАД КОМИТЕТА РОБЕКА.**

I.

Лондон, 16 июня 1855 г.

Дебаты по поводу предложения Лайярда не были закончены вчера и перенесены на понедельник вечером. Мы также временно воздержимся от их характеристики.

Один инцидент в заседании палаты общин заслуживает упоминания. Во время обсуждения работ Венской конференции Пальмерстон вскользь заметил, что сторонники Пиля поставили условием своего вступления в его кабинет фиксирование определенных условий мира. Россель защищал в Вене именно эти условия. И вот *Отуей* затребовал вчера у Пальмерстона объяснения, придерживается ли он условий мира, исходящих от сторонников Пиля, — партии, которая созналась, что она действует в интересах России. Тут поднялся Гладстон и потребовал, чтобы оратор, обвиняющий его и его друзей в *измене*, был призван к порядку. Это было сделано. Тем не менее Отуей повторил свою характеристику сторонников Пиля и свой запрос, обращенный к Пальмерстону. Пальмерстон, как обычно, отказался от всякого ответа. Условия мира, естественно, зависят от военных событий. Что касается сторонников Пиля, то именно они выторговали у него, чтобы «некое» условие, о котором он должен молчать, не стало *conditio sine qua non* [непременным условием] мира. Гладстон в своем ответе заявил, что он никогда не вступал с Пальмерстоном в переговоры относительно условий мира. Быть может, иначе поступил его друг Грехем. Впрочем, он протестует против системы Пальмерстона — подчеркнутой официальной сдержанности, с одной стороны, и скрытых указаний, двусмысленных намеков и половинчатых сообщений, с другой. Пусть министерство договаривает до конца или молчит. Гладстон прочел Пальмерстону эту заслуженную лекцию с смиренной горечью.

Французское правительство поместило на столбцах «Constitu-

tionnel» новое сообщение о военных планах в ближайшие месяцы. Эти сообщения стали сейчас не только модными, но и периодическими. Хотя они полны внутренних противоречий, они все же ценны как разоблачение «всевозможных» военных планов Луи Бонапарта против России. Они ценны, поскольку документально свидетельствуют об исчезновении одной бонапартистской иллюзии за другой. Первым планом была *«большая война»* при посредстве союза с Австрией, с 500 000 австрийцев и 100 000 французов на Висле и Днепре. Этот план поставил бы французскую армию в такое же численно подчиненное отношение к австрийской, в каком сейчас находится английская армия по отношению к французской. Это предоставило бы России революционную инициативу. Австрия отказалась выступить. План рухнул. Вторым планом была *«война национальностей»*— всеобщее восстание «притесненных, все время взирающих на Запад». Этот план вызвал бы целую бурю между немцами, итальянцами и венграми, с одной стороны, и славянским восстанием, с другой. Отраженным образом этот план грозил концом «второй» империи. Поддельный «железный человек» отшатнулся. План рухнул. Все это — дело прошлого. Австрия исполнила свой долг, Пруссия исполнила свой долг, весь мир исполнил свой долг, и Бонапарт дошел до третьего и самого скромного плана— *«местной войны для местных целей»*. Французские войска сражаются в Крыму не из-за славы, — они выполняют полицейскую службу. Неразрешенный вопрос носит чисто местный характер: *перевес на Черном море*; разрешить его надо тут же, на месте. Придать войне более широкие размеры — было бы глупостью. «Почтительно, но твердо» союзники отразят всякую попытку русских оказать сопротивление на Черном море, а затем или они, или русские, или, может быть, те и другие заключат мир. От больших слов ничего не осталось, не осталось даже фразы о цивилизации, ничего кроме борьбы за третий пункт Венского протокола. *Война только из-за местных целей*, — замечает имперский оракул, — *может вестись только местными средствами*: лишите только русских перевеса на Черном море! В ближайшем письме мы покажем, что, после того как Бонапарт с «большой войны» сошел на «войну национальностей», а с «войны национальностей» на «местную войну с местными задачами», — эта последняя война приходит к *«абсурду»*.

II.

Лондон, 20 июня 1855 г.

«*Местная война*», провозглашенная Бонапартом в «Constitutio-nnel», есть война на Черном море, и ее целью является уничтожение

много русского перевеса на Черном море, перевеса, который, надо сказать, никогда не был доказан на море, даже по отношению к туркам. Как обстоит дело в настоящий момент? От Константинополя до Дуная с одной стороны и вдоль черкесских берегов до Балаклавы и Евпатории морское побережье отнято у русских. Держатся пока только Кафа и Севастополь; Кафа — в очень тяжелом положении, Севастополь же при первой серьезной угрозе должен будет сдаться. Больше того. Союзные флоты пенят волны внутреннего Азовского моря; их легкие суда доходят до самого Таганрога, и каждый значительный пункт подвергается ими бомбардировке. Ни одной части берега не осталось в руках русских, за исключением полосы от Перекопа до Дуная, составляющей приблизительно одну пятнадцатую часть их владений на этом берегу. Предположим, что Кафа и Севастополь тоже падут и даже уже пали, Крым во власти союзников. Дальше что? Россия, как она уже заявила, мира не заключит. Это было бы безумием. Это значило бы после отражения авангарда покинуть поле битвы в тот момент, когда подошли главные силы. Что же остается делать союзникам? Нам говорят: они могут разрушить Одессу, Херсон, Николаев. Они могут пойти дальше, высадить сильную армию у Одессы, укрепить ее против любого количества русских и затем действовать в зависимости от обстоятельств. Они могут, кроме того, послать войска на Кавказ, уничтожить русскую армию в Грузии и других закавказских владениях (под начальством генерала Муравьева) и отрезать русскую империю от ее южно-азиатских владений. А если Россия все же не заключит мира? Россия не может заключить мира, пока враг находится на ее территории. Уже 150 лет Россия не заключала такого мира, по которому бы она что-нибудь теряла. Даже Тильзит принес ей расширение территории, а этот мир был заключен, когда еще ни один француз не ступил на русскую почву. Александр II, едва вступив на престол, не сможет попытаться сделать то, что было бы опасно даже для Николая. Он не может сразу порвать с великодержавными традициями. Предположим, что Крым завоеван и занят гарнизоном в 50 000 человек, что Кавказ и все владения на юге отрезаны от России, что союзная армия угрожает русским на Кубани и на Тереке, что Одесса взята и превращена в укрепленный лагерь с армией в 100 000 человек, что Николаев, Херсон, Измаил разрушены или взяты союзниками. Захотят ли после этого союзники ограничиться тем, чтобы удерживать эти позиции и ждать истощения русских? Их отряды в Крыму и на Кавказе скорее растают от болезней, чем смогут быть восстановлены. Их главную армию в Одессе должны будут кормить

флотами, так как страна на сто верст вокруг Одессы ничего не производит. Всюду, где они осмелятся выйти за пределы лагеря, они подвергнутся нападениям со стороны русских, именно казаков. Вынудить последних на сражение было бы невозможно. Преимущество всегда будет на их стороне, так как они смогут завлекать врага внутрь страны. На всякое продвижение союзников вперед они ответят медленным отступлением. Кроме того, нельзя большую армию держать долго в бездействии в укрепленном лагере. Болезни и постепенный рост деморализации и недисциплинированности вынудят союзников к решительным шагам. Дело, значит, не в том, чтобы занять морской берег и затем выжидать, пока русские сочтут нужным уступить. Это также было бы ложно и с военной точки зрения. Для господства над берегом недостаточно захватить главные его пункты. Только обладание территорией, прилегающей к морю, гарантирует обладание берегом. Утверждение на южном берегу России создало бы такие обстоятельства, которые заставили бы союзные войска продвинуться в глубь страны. Но здесь-то и начинаются трудности. До границ Подольской, Киевской, Полтавской и Харьковской губернии страна представляет собой большею частью необработанную степь, плохо орошаемую, которая ничего не дает, кроме травы, и даже и того не дает, когда ее высушит солнечный зной. Если Одесса, Николаев и Херсон будут взяты как операционные базы, то где же объект, на который союзники должны будут направить свои усилия? Нет другого объекта, кроме Москвы, которая лежит на расстоянии 700 миль и для похода на которую требуется армия в 500 000 человек. Но для всего этого нужен не только строгий нейтралитет, но и моральная поддержка со стороны Австрии. А где они? В 1854 г. Пруссия и Австрия заявили, что продвижение русских на Балканы они сочтут за *casus belli* [повод к войне]. Почему им не объявить того же в 1856 г., если последует продвижение французов на Москву или даже Харьков? Не надо забывать ни на одну минуту, что всякая армия, которая от Черного моря направляется в глубь России, в такой же мере подвергается с фланга опасности со стороны Австрии, как и русская армия, которая продвигается в Турцию от Дуная и поэтому на определенном расстоянии ставит в зависимость от милости Австрии свою коммуникационную линию и свою оперативную базу, а следовательно, и самое свое существование. И при таких условиях союзные армии должны идти за русскими, как стадо баранов? Это — безумие, чистейшее безумие, но необходимое следствие последнего плана Бонапарта — «плана местной войны». Неумолимая диалектика гонит «местную войну» во

всех пунктах далеко за поставленные ей местные границы и превращает ее в «большую войну», но без предпосылок, условий и средств большой войны. И все же последний «план» Бонапарта знаменателен. Он является признанием того, что на сцену должны выступить другие державы, чтобы вести войну против России, и что реставрированная империя видит свое бессилие вести в местном масштабе против России войну, которую можно вести только в европейском масштабе. Все причудливые превращения, которым подверглись «наполеоновские идеи» в реставрированной империи, будут превзойдены этим превращением наполеоновской войны против России в «местную войну».

В *дебатах по поводу административной реформы*, возобновившихся сегодня вечером, поправка, внесенная Бульвером от имени ториев, дала правительству возможность побить «административистов» большинством семи голосов против одного. Особенно характерным для дебатов был *мелко-чиновничий* тон, над которым им не удалось подняться ни на минуту. Подробности о фаворитизме и кумовстве, исследования на тему о «наилучшем экзамене», раздражение пренебрежением к заслугам, — все было мелко и ничтожно. Можно было подумать, что слышишь жалобу младшего лесничего, направленную на имя почтенной правительственной коллегии. Даже Эбердин замыслил реформу бюрократии, — заверял Гладстон. Также и Дерби, — заверял Дизраэли. И мое министерство не в меньшей мере, — заверял Пальмерстон. И господам из Сити совсем не следовало собираться в поход, чтобы реформировать, информировать, реорганизовывать наши канцелярии. Не извольте беспокоиться! В прежних своих агитационных движениях английская буржуазия захватывала врасплох правящую касту и увлекала за собой массы в качестве хора, так как в своей программе она шла дальше своих действительных целей. На этот раз программа не осмеливается подняться на высоту действительно поставленной цели. Вы по очереди заверяете, что вы не стремитесь сокрушить аристократию, а хотите в содружестве с нами починить правительственную машину! Очень хорошо! Дружба за дружбу! Мы для вас реформируем администрацию, — конечно, внутри ее традиционных границ. «Административная реформа» не является спорным пунктом между классом и классом, как вы утверждаете. Дело идет только о «практическом деле», о «благонамеренных» реформах. Как первое доказательство вашей доброй воли мы желаем, чтобы вы нам представили детали, ибо дело идет только о деталях. Нам самим лучше всего знать, как далеко мы можем пойти, не подвергая опасности наш класс, не превращая по оплошности административную реформу в спорный пункт между

классами и не лишая ее человеколюбивого характера. Стоящая за реформу буржуазия вынуждена пойти на этот иронический язык аристократического *простодушия*, потому что она сама говорит с массами на лживом языке. Аристократия, министерство и оппозиция, тories и виги, ни одной минуты не заблуждались во взгляде на отношение сторонников административных реформ к массам. Они знали, что агитация кончилась крахом раньше, чем она могла проявить себя в парламенте. И могли ли они заблуждаться? Несмотря на то, что «Ассоциация административных реформ» допустила на свой митинг в Дрюрилене одних избранных, несмотря на то, что ее аудитория была дважды и трижды просеяна, ее страх перед возможностью какого-нибудь демократического предложения или какой-нибудь не предусмотренной регламентом речи был так чрезмерен, что председатель перед открытием митинга объявил, что публика присутствует здесь только для того, чтобы «заслушать речи ораторов, объявленных в программе», что никакие «предложения» не будут ставиться на голосование, что «поэтому не могут быть внесены никакие поправки» и что не может быть внесено «никакого добавления в список записанных ораторов». Такая агитация, конечно, не способна произвести впечатление на упрямую английскую олигархию и вынудить ее к уступкам.

Доклад комитета Робекса, зачитанный в Нижней палате позавчера вечером, скрывает свои острые выводы за кучей плоских и вялых слов. Он содержит робко сформулированное порицание различным департаментам, как, например, артиллерийскому управлению, комиссариату, медицинскому отделу и т. д. Он осуждает Пальмерстона за его управление милицией и все коалиционное министерство за его неосторожное легкомыслие, с которым оно предприняло севастопольскую экспедицию. Так как комитет во время допроса свидетелей избегал всюду доходить до последних причин чудовищных неудач, он вынужден, естественно, и в докладе все время колебаться между общим порицанием политических главарей и теряющимся в подробностях осуждением административных органов. В общем комитет выполнил свою задачу быть предохранительным клапаном против высокого давления общественных страстей.

Ежедневная пресса разразилась криками негодования по поводу русской «предательской резни» у Ганге. Между тем «Morning Chronicle» признает, что англичане употребляли корабли под мирным флагом для измерения дна и для выслеживания русских позиций, — например у Севастополя и Одессы.

С ПАРИЖСКОЙ БИРЖИ. — ДЕБАТЫ О РЕЗНЕ У ГАНГЕ В ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЕ.

Лондон, 22 июня 1855 г.

Непонятное упорство, с которым Пелисье продолжает уничтожать союзные силы в односторонних атаках на южную часть, очевидно имеет свое объяснение не в *военных*, а в *финансовых* мотивах. Бонапарт, как известно, под взятие Севастополя выдал уже на миллиарды векселей и заставил французскую нацию учесть их. Он намерен выдать еще на 800 миллионов или около этого. Уплата в погашение уже пущенных в обращение векселей казалась необходимой, и если переход через Черную имеет *осязательные результаты*, то атака на южную часть Севастополя обещает *ослепительный призрак успеха*. «Падение Севастополя» оказало бы благоприятное действие на новый заем, и если делаются займы для войны, то почему же не сделать войны для займа? Перед этой точкой зрения должна замолкнуть всякая военно-научная критика. Во всяком случае между войной в Крыму и парижской биржей существует таинственная связь. Как все дороги ведут в Рим, так и все электрические провода, как известно, сходятся в Тюльери, где они все заканчиваются в «кабинетской тайне». Замечено, что самые важные телеграфные депеши опубликовываются в Париже на несколько часов позже, чем в Лондоне. В течение этих часов некий Орси, корсиканец, проявляет усиленную деятельность на парижской бирже. Этот Орси, как всем в Лондоне известно, был в прошедшие времена «провиденциальным» агентом Наполеона, тогда еще изгнанника, на лондонской бирже.

Если уже опубликованные английским кабинетом депеши адмирала Дендаса доказали тот факт, что для русской *резни у Ганге* не было повода в каких бы то ни было злоупотреблениях парламентарским флагом со стороны офицеров или экипажа откомандированной «Казак» лодки, то рассказ «Русского инвалида» не оставляет на этот счет никакого сомнения. Русские, очевидно, не подозревали, что один матрос, по имени Джон Броун, ушел оттуда живым и сможет дать свидетельское показание против них. «Инвалид» счел поэтому излишним обвинять английскую лодку в шпионаже, в иссле-

довании дна и т. д., а сфабриковал свою историю экспромтом, убежденный вместе с аббатом Сийасом, что «мертвые не говорят». Дело это обсуждалось вчера в Верхней палате. Мы, однако, не можем согласиться с «Times», что «этот по привычке и по принципу всегда холодный и преисполненный достоинства сенат» на этот раз не мог сдержать неподдельных возгласов подлинного чувства. В словах мы видим подчеркнутое возмущение, а на деле — нежную заботливость о «русской чести» и трусливый отказ от народного мщения. Торийский министр иностранных дел граф *Мальмсбери* поднялся, вкратце изложил сущность дела и затем воскликнул: «Я рылся в английской истории и не могу найти примера подобного мерзкого поступка. Какие же меры думает правительство принять при таких обстоятельствах? Для каждого офицера и всякой армии в Европе является делом чрезвычайной важности, чтобы это происшествие было основательно расследовано и исполнители этого гнусного поступка понесли бы заслуженное наказание». Вигский министр иностранных дел *Кларендон* заявил, что он разделяет возмущение своих коллег. «Это такое ужасное и ни с чем не сравнимое злодеяние, столь противоречащее обычаям и привычкам цивилизованных наций, что необходимо предположить, что исполнители его не могли действовать по поручению и с разрешения начальства. Возможно, что командир 500 русских не был штабным офицером (все английские офицеры до чина лейтенанта включительно, считая сверху вниз, — штаб-офицеры; не штаб-офицерами являются сержанты и унтер-офицеры). Поэтому вероятно, что русское правительство не одобряет этого акта». И вот он, Кларендон, поручил английскому посланнику в Копенгагене сделать через датского посланника в Петербурге представление русскому правительству в том смысле, что английское правительство ожидает с величайшим напряжением, какие меры приняты русским правительством или какие меры оно думает предпринять, чтобы обнаружить свою точку зрения на акт, который не вызвал бы никакого удивления, случись он на каком-нибудь диком острове Южного океана, но которого не ожидали в цивилизованной Европе, и который, если он не будет строго и соответствующим образом наказан русским правительством, заслуживает самых жестоких репрессий. Английский кабинет, — закончил Кларендон, — ожидает русского заявления, чтобы в соответствии с этим принять меры. Лорд *Кольчестер* полагает, что «в каждом таком случае обязанностью командующего было вступить в сношение через парламентаря под мирным флагом с ближайшим русским начальством, изложить ему обстоятельства дела и потребовать,

чтобы оно отрелось от этого злодеяния». Лорд *Мальмсбери* поднимается еще раз и заявляет, что он в общем согласен с поведением правительства, но признается, что был смущен, услышав от Кларендона слово «репрессии». Англия не может опуститься до русской точки зрения. Необходимо, чтобы русский царь был наказан *морально*, необходимо побудить все европейские дворы к протесту против петербургского двора и таким образом вынести России международный приговор. Все, что будет носить характер «мести», только усилит общественное «отвращение». Номинальный председатель английского кабинета, граф *Гренвилль*, жадно цепляется за слова ториев и по-христиански умоляет: «никакой мести!» Что же нам говорят эти, как утверждает «*Times*», проявления «подлинного чувства» в Верхней палате? Торий, полный нравственного возмущения, делает запрос. Виг возмущен еще больше, но сам тут же подсказывает русскому правительству основания для извинения и указывает ему выход — отречься от какого-нибудь младшего офицера и принести его в жертву. Свое отступление он покрывает бормотанием о «возможных» репрессиях. Лорд Кольчестер хочет наказать русских за их разбойное покушение на парламентариев под мирным флагом тем, что посылает к ним другого парламентария под мирным флагом. Тогда снова подымается торий и от репрессий апеллирует к морали. Виг, обрадовавшись возможности отделаться от репрессий, хотя бы и «возможных», соглашается: никакой мести! Чистейшая комедия! Верхняя палата становится между народным возмущением и Россией, чтобы защитить Россию. Единственный пар, не выдержавший роли, был *Брум*. «Если когда-либо страна взывала к крови, — сказал он, — так это сейчас». Что касается английской чувствительности к «репрессиям», к «*jus talionis*» [«праву отмщения»], то лорд Мальмсбери, очевидно, просмотрел в английской истории ее ирландские, индийские и северо-американские страницы. Когда еще английская олигархия была так сантиментальна, как в отношении к России?

Из доклада комитета Робек, прочитанного перед палатой, странным образом исчез заключительный параграф, предложенный Робеком и после голосования принятый комитетом. Содержание параграфа таково: «Все было задумано и предпринято без достаточной информации и проведено в жизнь без достаточной предусмотрительности и предосторожности. Поведение правительства было первой и главной причиной несчастных событий, происшедших с нашей армией в Крыму».

* НЕУДАЧА 18-ГО ИЮНЯ (ШТУРМ МАЛАХОВА КУРГАНА).

Лондон, 23 июня 1855 г.

18-е июня, годовщина битвы при Ватерлоо, на этот раз в Лондоне, вполне естественно, не праздновалось. Его полагалось отпраздновать в Крыму победой, но одержанной не *над* французами, а совместно с французами. Это событие казалось тем пикантнее, что Раглан, этот прислужник Веллингтона, вел свое командование, так или иначе подчиняясь бонапартовскому генералу. Надпись была уже готова, подвело только событие, которое она должна была увековечить. Нельзя не оценить в истории реставрированной империи того фаталистического пристрастия, с которым стараются снова оживить великие даты империи, подтверждая успехи и отрицая неудачи при посредстве второго улучшенного издания. Этот увенчанный славой бунт наполеоновских дат, доселе весьма удачливый в боях с республикой, терпит крушение в сражениях с чужеземным врагом. А империя без побед империи напоминает ту обработку шекспировского Гамлета, в которой нехватало не только меланхолии датского принца, но и самого принца. На 2-е декабря 1854 г. из Парижа было заказано большое сражение в Крыму. Оно не удалось из-за обильных дождей и недостатка боевых припасов. 18 июня 1855 г. должна была быть разыграна у Севастополя битва при Ватерлоо в лучшем издании и в противоположном направлении. А вместо этого происходит *первое серьезное поражение* французо-английской армии.

Лондон мрачен: фонды упали, и Пальмерстон за один день потерял то, что он обеспечивал путем самой тонкой тактики в течение месяцев. Поражение произошло 18 июня; телеграммы сообщили о нем только 22 июня; прошлый четверг официальный «Globe» заявил по приказу Пальмерстона, что «не произошло ничего серьезного». В ночном заседании от того же числа Пальмерстон торжественно подтвердил это свое заверение. А теперь известно, что он телеграфную депешу получил еще в среду 20 июня, в 4 часа пополудни. «Leader» утверждает, что это произошло по настоятельному требованию из Парижа, где неудача на поле битвы была превращена в удачу на бирже. Как бы то ни было, но обыватель

очень серьезно злиться на Пальмерстона. Быть разбитым — достаточно плохо. Но быть вовлеченным хитростью министров в смешные овадии в честь взятия Севастополя в Дрюриленском и Ковентгарденском театрах — это уж никуда не годится, сэръ!

Мы достаточно подготовили наших читателей к тому, что упрямое настаивание Пелисье на штурме южной части принесет союзным армиям много несчастий. При его вступлении в командование мы, кроме того, обратили внимание на то смягчающее для него обстоятельство, что недостаток транспортных средств сильно затрудняет ему операции в открытом поле. Так, например, сегодняшний «Morning Herald» говорит: «Армия *не может* выйти в поле, что она должна была бы сделать согласно всем правилам стратегии, чтобы разбить вспомогательную армию у Симферополя. Она не может потому, что *бюрократические могильщики*, нерадивость и отсрочки оказались снова за своей злодейской работой, и вместо 28 тысяч вьючного скота, в которых мы нуждались, в нашем распоряжении оказалось от 4 до 5 тысяч; и это в такое время, когда опять крадется болезнь по лагерю, который готов воспринять все семена лихорадки, холеры и чумы. Эта неспособность продвижения вперед, — как в свое время у Варны и в Долине смерти — является причиной того, что наши генералы вынуждены изо дня в день истреблять силы наших войск в отчаянных штурмах почти неприступных земляных укреплений, в то время как благородная армия, которой следовало бы двинуться в поле, стоит в бездействии у реки Черной без кавалерии и транспортных средств».

С какой изысканной небрежностью кабинет использовал с самого начала войны предоставленные в его распоряжение средства, снова доказывается только что опубликованным финансовым отчетом. По этому официальному отчету из сумм, отпущенных для армии, в кассе на 1 января 1854 г. имелось 1 835 882 фунта стерлингов, а израсходованная на армию к 1 апреля 1854 г. сумма составляла всего 2 270 000 фунтов стерлингов, так что на набор войск было истрачено меньше трех четвертей вотированной парламентом суммы. А отчего погибла армия согласно заключению доклада комитета Робекса? — От переутомления! А откуда переутомление? — От численной слабости. А численная слабость армии, как указывает финансовый отчет, была результатом правительственной интриги. И принц Альберт еще жалуется, что королева не имеет в своем распоряжении войск! Что у кабинета связаны руки! Как тот же самый кабинет, жалуясь на недостаток в транспортных средствах, одновременно посылал транспортные суда в Портсмут через Ньюкестль-

на-Тайне, чтобы там нагрузиться углем, или из Клайда в Ливерпуль и из Дептфорда в Вульвич, чтобы там подвергнуться осмотру таможенными надсмотрщиками, — все это в достаточной степени выяснилось в дебатах по поводу предложения Лайарда.

Неудачи 18-го июня вызвали немедленно необходимость в *подкреплениях*. В соответствии с этим был вчера издан приказ немедленно посадить на корабли: 15-й пехотный полк, недавно вернувшийся с Цейлона, 51-й легкий пехотный полк королевы, 80-й и 94-й пехотные полки, все индийские отряды из различных кадровых рот и 1 200 человек кавалерии, которые должны немедленно отправиться на театр военных действий. Посланы телеграфные приказы в Марсель выслать экстренные пароходы на имя губернаторов Мальты, Гибралтара и верховного уполномоченного Ионийских островов с предложением немедленно посадить на суда *до* прибытия сменных полков и милиции все пригодные к службе отряды не только из гарнизонов, но также из резерва внутренней бригады и всех излишних резервных батальонов. Немедленно отправляются: 13-й легкий пехотный полк из Гибралтара, 31-й с Ионийских островов, 48-й с Корфу, 54-й Гибралтарский, 66-й Гибралтарский и 92-й горношотландский Гибралтарский полк. Британские военные силы в Крыму увеличатся, таким образом, больше чем на 23 тысячи человек. К этому присоединяются еще 4 полевых батареи, отряд конной артиллерии и подкрепление осадных обозов — все в полной готовности, ожидающие только транспортных судов. Англия, впрочем, снова в том положении, в каком была в 1854 г. У нее нет резервной армии! Еще хуже, чем в 1854 г. Тогда, по докладу комитета Робека, Пальмерстон задержал и отсрочил образование милиции; в 1855 году ему удалось почти что распустить уже организованную милицию. Подкрепления, как видно из вышеуказанного перечисления, поглощают не только всю массу армии: они поглощают и запасные батальоны и уничтожают кадровые войска. Англия походит на того дикаря у Монтескье, который рубит дерево для того, чтобы воспользоваться его плодами. Страна, экономная *par excellence* [по преимуществу], тратит вместо процентов свой военный капитал. Вот результат маневров кабинета, к которому принц Альберт требует безусловного доверия. Нет ничего более ложного, чем мнение континента, что Англия слишком бедна людьми для того, чтобы поставлять армии. В 1815 году, после двадцатидвухлетней войны, Англия имела больше 350 тысяч солдат! Но правительство нарочно пренебрегает обоими средствами: повышением премии для постоянной армии и жеребьевкой для милиции!

Чего другого можно ожидать от премьера, чьи долги княгиня Ливен уплатила в 1827 г., которого она в 1830 г. назначила министром иностранных дел, который посредством Ункиар-Скелесского договора предоставил России восьмилетнюю диктатуру над Турцией и который за восемь дней до истечения срока Ункиар-Скелесского договора возобновил его в Дарданельском договоре?

Робек заявил вчера в Нижней палате, что 3 июля (во вторник, через 8 дней) он внесет следующее предложение. «Палата, глубоко опечаленная страданиями армии в Крыму в течение зимней кампании и в согласии с докладом комитета, что поведение правительства является первой и главной причиной несчастных событий, постигших армию, выражает вместе с этим свое строгое порицание *каждому члену этого кабинета*, чьи советы привели к таким несчастным результатам». Предложение *Робека* сознательно включает Пальмерстона, Росселя, Кларендона, Гренвилля и Ленсдоуна, одновременно членов нынешнего и прежнего кабинетов. Маленький, ядовитый, похожий на Терсита, но опытный в парламентской тактике и законченный адвокат увидел себя вынужденным внести это предложение, так как избиратели Шеффилда пригрозили ему, во вторник обвинявшему Пальмерстона, а в четверг голосовавшему за выражение доверия тому же Пальмерстону, преподнести выражение недоверия на публичном митинге. Несчастное вмешательство принца Альберта в отношения между кабинетом и парламентом, его провокация парламентского суверенитета были вторым мотивом для этого предложения, которое опять угрожает лишить королеву ее «доверенных слуг».

Про последние подвиги и судьбы сторонников административных реформ и происки попов поговорим в следующий раз.

* АНТИЦЕРКОВНОЕ ДВИЖЕНИЕ.—ДЕМОНСТРАЦИЯ В ГАЙД-ПАРКЕ.

I.

Лондон, 25 июня 1855 г.

Стар и доказан историей факт, что пережившие себя общественные силы, номинально еще владеющие всеми атрибутами власти, когда уже давно истлели под их ногами основы их существования — продолжая прозябать, так как еще до объявления о смерти и распечатания духовного завещания наследники уже ссорятся из-за наследства, — еще раз перед агонией делают отчаянное усилие, из обороны переходят в наступление, становятся вызывающими, вместо того, чтобы идти на уступки, и пытаются сделать самые крайние заключения из предпосылок, которые не только поставлены под вопрос, но уже давно осуждены. Таковы сейчас английская олигархия и ее сестра-близнец — церковь. Бесчисленны внутри государственной церкви, как Высокой, так и Низкой, попытки к самоорганизации, попытки сговориться с диссентерами и таким образом противопоставить невежественной массе нации компактную силу, быстро проводя одну за другой религиозные меры принуждения. Так, благочестивый граф Шефтсбери, раньше известный как лорд Эшли, констатировал с огорчением в Верхней палате, что в одной Англии пять миллионов человек чужды не только церкви, но даже и христианству; «заставь их приобщиться», — отвечает государственная церковь. Она предоставляет лорду Эшли и ему подобным диссидентствующим, сектантствующим и не в меру возбужденным святошам таскать из огня каштаны, которые она собирается есть. Первой религиозной мерой принуждения был пивной билль, согласно которому все общественные увеселительные места открыты по воскресеньям лишь от 6 до 10 часов вечера. Этот билль был проведен контрабандой в конце заседания почти пустой палаты, после того как благочестивые господа купили себе поддержку крупных пивных хозяев Лондона гарантией продления патентной системы, иначе говоря, монополии крупных капиталов. Затем последовал билль о воскресной торговле, который сейчас прошел в третьем чтении через палату

общин, отдельные пункты которого только что подверглись обсуждению в комитете всей палаты. В этой новой принудительной мере снова был обеспечен голос крупного капитала, так как в воскресенье торгуют только лавочники, и крупные торговые дома всегда готовы парламентским путем убрать с дороги воскресную конкуренцию лавченков. В обоих случаях перед нами заговор церкви с монополией капитала, и в обоих же случаях религиозные карательные законы, направленные против низших классов в целях успокоения совести знатных классов. Пивной билль так же мало коснулся аристократических клубов, как билль о воскресной торговле — благородных воскресных занятий. Рабочий класс получает заработную плату поздно в субботу вечером. Воскресная торговля существует исключительно для него. Только он вынужден делать свои мелкие закупки в воскресенье. И новый билль направлен поэтому только против него.

В XVIII столетии французская аристократия говорила: «Для нас Вольтер, для масс — обедня и десятина». В XIX столетии английская аристократия говорит: для нас ханжеские фразы, для народа — христианские дела. Классические святые христианства бичевали *свое тело* во имя духовного спасения массы; современные, образованные святые бичуют *тело массы* во имя собственного духовного спасения. Этот союз развратной, идущей к гибели и жадной к наслаждениям аристократии с церковью, союз, основанный на грязных, корыстных расчетах пивных магнатов и крупных торговцев-монополистов, вызвал вчера *массовую демонстрацию* в Гайд-парке, какой Лондон ни разу не видел со смерти Георга IV, «первого джентльмена Европы». Мы наблюдали эту демонстрацию от начала до конца и полагаем, что не впадем в преувеличение, когда скажем, что *вчера в Гайд-парке началась английская революция*. Последние известия из Крыма образовали существенный фермент этой «непарламентской», «внепарламентской» и «антипарламентской» демонстрации. Лорд Роберт Гровенор, автор билля о воскресной торговле, на упрек в том, что его закон направлен против бедных, а не против богатых, ответил следующими словами: «Аристократия воздерживается от того, чтобы по воскресеньям задавать большую работу своим слугам и лошадям». В последние дни истекшей недели можно было прочесть на всех лондонских стенах большой печатный плакат, выпущенный *чартистами*, следующего содержания:

«Новый билль о воскресеньи, запрещающий чтение газет, бритье, куренье, еду, питье и все виды питания и отдыха, телесного и духовного, которыми

пока еще пользуется бедный народ. В воскресенье после обеда в Гайд-парке состоится *под открытым небом* большой митинг ремесленников, рабочих и «*нижних слоев*» столицы, чтобы убедиться, как благочестиво аристократия блюдет субботу и как она боится заставить работать в этот день своих слуг и лошадей. Читай речь лорда Роберта Гровенора. Митинг созывается на три часа на правом берегу Серпентины (маленькая речка в Гайд-парке), по дороге к Кенсингтонским садам. Приходите и приводите с собой жен и детей, чтобы они могли извлечь пользу из примера, который им дадут представители «*лучших*» классов».

Нужно иметь в виду, что как для парижан Лонгшан, так и для английской родовой знати дорога в Гайд-парке вдоль Серпентины является местом, где она как раз в воскресенье после обеда устраивает смотр своим шикарным каретам и нарядам и скачет верхом в сопровождении своры лакеев. Из вышеупомянутого плаката можно видеть, как борьба против поповства принимает такой же характер, как и всякая серьезная борьба в Англии, — характер *классовой борьбы* бедных против богатых, народа против аристократии, «*ниших*» против «*лучших*» классов.

К трем часам дня на указанном месте, на правом берегу Серпентины, на необозримых лугах Гайд-парка собралось около 50 000 человек, которые благодаря постепенному притоку масс с левого берега выросли, по крайней мере, до 200 000 человек. Можно было видеть, как отдельные группы проталкивались с места на место. Обильно представленные констебли, очевидно, пытались лишить организаторов митинга того, что требовал Архимед, чтобы перевернуть мир, — крепкой точки опоры. Наконец одна толпа побольше заняла место, и Блай — чартист — устроился в качестве председателя на холме среди толпы. Но лишь только он начал перед слушателями свою речь, как полицейский инспектор Бенкс во главе сорока констеблей, размахивавших дубинками, заявил ему, что парк является *королевской* частной собственностью и что здесь нельзя проводить митинг. После переговоров, в которых Блай пытался доказать, что парк является собственностью публики, а Бенкс заявил, что он имеет определенный приказ арестовать его, если он будет настаивать на своем намерении, Блай воскликнул под чудовищный ропот окружающих масс: «Полиция ее величества заявляет, что Гайд-парк является частной собственностью королевы и что ее величество не желает предоставить свои земли народу для его митингов. Мы поэтому перейдем на Оксфордский рынок». Под иронические крики: «Боже, храни королеву!» толпа двинулась, чтобы перекочевать на Оксфордский рынок. Но в это время Финлен, член центрального комитета чартистов, был отброшен к стоящему в отдалении дереву,

за ним последовали массы и в одно мгновение окружили его таким тесным и густым кольцом, что полиция оставила попытку пробраться к нему. «Шесть дней в неделю нас угнетают, а парламент хочет отнять у нас крупицу свободы и в седьмой день. Эти олигархи и капиталисты, вступившие в коалицию с закатывающими глаза попами, хотят не за свой, а за ваш счет искупить свою вину — бессовестное избиеие детей народа, которых они принесли в жертву в Крыму».

Мы оставили эту группу, чтобы приблизиться к другой, где оратор, распростершись во всю длину на земле, держал речь перед своей аудиторией в этом горизонтальном положении. Вдруг со всех сторон раздались крики: «К дороге, к каретам!» Между тем издевательства над экипажами и всадниками уже начались. Констебли, получавшие постепенно подкрепления из города, отгоняли прогуливающихся от дороги. Они таким образом способствовали тому, что по обе ее стороны образовались густые шпалеры людей, которые тянулись больше чем на четверть часа пути, начиная с Apsleyhouse Rottenrow вдоль Серпентины до Кенсингтонских садов. Публика на две трети состояла из рабочих, на одну треть — из представителей буржуазии, все с женами и детьми. Артистам поневоле, элегантным господам и дамам, членам палаты общин и палаты лордов, в высоких парадных каретах, с ливрейной прислугой спереди и сзади, солидного возраста господам на лошадях, разгоряченным от вина, на этот раз было не до прогулки. Они двигались сквозь строй. Поток насмешливых, провоцирующих ругательств, которыми ни один язык так не богат, как английский, скоро окружил их с обеих сторон. Так как концерт был импровизированный, то нехватало инструментов. Хор должен был поэтому пользоваться собственными органами и ограничиться вокальной музыкой. Образовался дьявольский концерт из смеси хрюкающих, шипящих, свистящих, гнусливых, ворчливых, урчащих, квакающих, звенящих, стонущих, трескучих, пищащих и скрипящих звуков, — музыка, способная довести людей до безумия и пробудить сознание даже в камнях, странная смесь из выпадов настоящего староанглийского юмора и долго сдержанной кипящей ярости. «Go to the church!» [Идите в церковь!] — был единственный членораздельный возглас, который можно было различить. Какая-то лэди, чтобы внести усюкоение, протянула из экипажа правомерно переплетенный молитвенник. «Give it to read to your horses!» [Дайте это читать вашим лошадям!] — загремело в ответ стотысячное эхо. Всякий раз, когда лошади, испугавшись, становились на дыбы, лягаясь, вырываясь и подвергая опасности жизнь своего элегантного груза, — насмешливые крики поднимались еще

выше, еще грознее и неумолимей. Благородные лорды и лэди, среди них — графиня Гренвилль, супруга министра и президента Тайного совета, были вынуждены выйти из экипажа и пустить в ход свои собственные ноги. Когда проезжали мимо почтенные джентльмены, одежда которых, в особенности шляпа с широкими полями, свидетельствовала об особых притязаниях на совершенство в отношении веры, все бешеные звуки, как по команде, превращались в неудержимый хохот. У одного из этих джентльменов лопнуло терпение. Он, как Мефистофель, сделал неприличное движение, — высунул противнику язык. «He is a wordcatcher, a parliamentary man! He fights with his own weapons!» [Это — болтун, член парламента! Он сражается своим собственным оружием!] — раздалось на одной стороне дороги. «He is a saint, he is psalm singing!» [Он святой, он поет псалмы!] — вторя, крикнули с другой стороны. Между тем по центральному телеграфу дано было знать всем полицейским постам, что в Гайд-парке возмущение, и приказано отправиться на театр военных действий. Через короткие промежутки времени полицейские отряды один за другим проследовали через двойную человеческую шпалеру от Arpsleyhouse к Кенсингтонским садам, каждый раз встречаемые народной песенкой:

Where are gone the geese? Ask the police!

[Куда делись гуси? Спросите полицию!]

намекающей на известную кражу гусей, которую один констебль učinил незадолго до этого в Клеркеруэлле. Три часа продолжался спектакль. Только английские легкие способны на такой подвиг. Во время исполнения в различных группах можно было слышать: «Это только начало!» «Это только первый шаг!» «Мы их ненавидим» и т. д. В то время как на лицах рабочих можно было прочесть выражение ярости, мы еще ни разу не видели на лицах представителей буржуазии такого приятного самодовольного смеха. Незадолго до конца безудержное веселье демонстрации дошло до апогея. Начали размахивать палками по адресу карет, и бесконечная какофония нашла свое выражение в крике: «You rascals!» [Вы, негодяй!] Энергичные чартисты и чартистки обошли в течение этих трех часов массы и раздавали печатные листки, на которых можно было прочесть большими буквами: *Реорганизация чартизма! Большой публичный митинг состоится в ближайший вторник, 26 июня, в литературном и научном институте на Friar Street доктора Коммонса, для выбора депутатов на конференцию по реорганизации чартизма в столице. Вход свободный.*

Лондонская пресса приводит в общем только коротенькое сообщение о событии в Гайд-парке. Ни одной передовой статьи, за исключением пальмерстоновской «Morning Post». «Зрелище, — говорит газета, — в высшей степени позорное и опасное, произошло в Гайд-парке: открытое оскорбление закона и приличий, незаконное вмешательство путем физического насилия в область свободных действий законодательной власти. Угроза повторить эту сцену в ближайшее воскресенье должна остаться только угрозой». Одновременно с этим газета считает «фанатичного» лорда Гровенора единственно «ответственным» виновником беспорядков и подстрекателем «справедливого негодования народа». Как будто парламент не принял билля лорда Гровенора в трех чтениях! Или, может быть, последний также воздействовал «физическим насилием на свободную деятельность законодательного органа»?

II.

Лондон, 2 июля 1855 г.

Демонстрация против билля о воскресном отдыхе была вчера повторена в Гайд-парке, но уже в более серьезном масштабе, с грозными перспективами, с более серьезными последствиями. Мрачное возбуждение, царящее сегодня в Лондоне, тому доказательство. В плакатах, призывающих к повторению митинга, заключалось одновременно приглашение собраться в воскресенье в 10 часов утра перед домом благочестивого лорда Гровенора и проводить его в церковь. Но благочестивый господин еще в субботу вечером оставил Лондон — в частном экипаже, чтобы сохранить incognito [не быть узнанным]. Насколько он от природы призван больше к тому, чтобы превращать других в мучеников, чем самому становиться им, доказало его обращение, напечатанное во всех лондонских газетах, в котором он, с одной стороны, настаивает на своем билле, а с другой стороны, старается доказать, что этот билль — бесцелен и не имеет никакого значения. Его дом был все воскресенье занят... только не псалмопевцами, а констеблями в количестве двухсот человек. Также был занят и дом его брата, известного своим богатством маркиза Вестминстера.

Сэр Ричард Майн, начальник лондонской полиции, покрыл стены Лондона в субботу плакатами, в которых «запрещалось» не только организовать митинг в Гайд-парке, но и собираться там «большими массами» и выражать какие бы то ни было знаки одобрения или неодобрения. Результатом этого «указа» (Ukase) было то, что, даже по признанию полицейского отчета, уже в половине третьего в парке

двигалась толпа в 150 000 человек различных сословий и возрастов, что людские массы постепенно нарастали до размеров, чудовищных и исполинских даже для Лондона. Лондон не только мобилизовал свои массы, он образовал снова человеческие шпалеры по обе стороны дороги, вдоль Серпентины, но на этот раз гуще и шире, чем в прошлое воскресенье. Но кто не явился, так это высшая знать. Всего показалось не больше двадцати экипажей, по большей части маленькие ландо и фаэтоны, которые проезжали нетронутыми, тогда как их более великолепные, более обширные, с высокими козлами и более расшитые галунами собратья встречались старыми приветствиями и тем хаосом звуков, раскаты которого на этот раз потрясали воздух на милю в окружности. Полицейские указы были отменены массовыми собраниями и тысячеголосыми упражнениями легких. Высшая знать не явилась на поле сражения и своим отсутствием признала суверенитет *vox populi* [гласа народного].

Уже наступило 4 часа, и демонстрация из-за недостатка в объектах, казалось, грозила превратиться в безобидное воскресное развлечение. Но не таков был расчет полиции. Неужели она должна была убраться под общий смех, бросая мучительные взоры разлуки на собственные плакаты, которые красовались большими буквами у входа в парк? Кроме того, налицо были ее начальники: сэр Ричард Майн и обер-интенданты Гильс и Уокер верхами, инспектора Бенкс, Деркин и Бренан пешими. Восемьсот констеблей были стратегически распределены, большей частью спрятанные в зданиях и засадах. Более сильные отряды были оставлены в ближайших полицейских участках в качестве подкреплений. Квартира смотрителя парка, пороховой погреб и здания верховых обществ, расположенные там, где дорога вдоль Серпентины переходит в тропинку к Кенсингтонским садам, были превращены в импровизированные блокгаузы с сильными полицейскими отрядами, приспособленные для приема пленных и раненых. Возле полицейских участков на Vinestreet, в Пикадилли, стояли наготове дрожки, чтобы отправиться на поле битвы и оттуда доставить побежденных под верной охраной. Коротко говоря, полиция набросала план похода, более «энергичный», как говорит «Times», чем «любой из тех планов, о котором мы слышали в Крыму». Полиция нуждалась в окровавленных головах и арестах, чтобы не впасть непосредственно из серьезного положения в смешное. И вот, лишь только человеческие шпалеры немного поредели и массы разбрелись подальше от дороги отдельными группами по необозримому пространству парка, полицейские шефы заняли место посредине

дороги, между обеими шпалерами, и начали со своих лошадей раздавать надменные приказы направо и налево. Приказы раздавались как будто для защиты проезжающих мимо экипажей и всадников. Но так как не было ни экипажей, ни всадников и некого было защищать, они начали «под вымышленными предлогами» выхватывать отдельных лиц из толпы и арестовывать их в качестве карманных воров. Когда эти эксперименты стали более многочисленны и предлог этот потерял свою силу, толпа разразилась криком; вдруг из своих засад выскочили отряды констеблей, вытащили из карманов свои дубинки, начали избивать людей до крови, выхватывать из толпы отдельных лиц (в общем было таким образом арестовано 104 человека) и тащить их к импровизированным блокгаузам.

Левая часть проезжей дороги отделяется только узкой полоской от Серпентины. При помощи ловкого маневра какой-то полицейский офицер со своей сворой оттеснил зрителей непосредственно к краю речки, грозя искупать их в холодной воде. Какой-то человек, чтобы избежать полицейской дубинки, переплыл через Серпентину на другой берег, какой-то полицейский последовал за ним на лодке, поймал его и с триумфом привез обратно. Но как изменился характер сцены с прошлого воскресенья! Вместо государственных карет — грязные дрожки, разъезжавшие все время от полицейского участка на Vinestreet к импровизированной тюрьме в Гайд-парке и оттуда обратно к полицейскому участку. Вместо лакеев на козлах — констебль рядом с пьяным возницей. Вместо элегантных мужчин и дам внутри карет — арестованные с разбитыми в кровь головами, с растрепанными волосами, обнаженные, с разорванным платьем, охраняемые внушительными фигурами, превращенными из представителей ирландского люмпен-пролетариата в лондонских полицейских. Вместо колеблющихся вееров — свист обшитых кожей дубинок (палка констеблей). Господствующие классы показали в прошлое воскресенье свой великосветский лик, а в этот раз государственный. За спиной дружелюбно улыбающихся старых джентльменов, модных щеголей, знатных расслабленных вдов, красавиц, разодетых в кашемировые шали и страусовые перья, благоухающих в гирляндах брильянтов и цветов, появился констебль в непромокаемом плаще, с засаленной шапкой и с дубинкой. Это была обратная сторона медали. В прошлое воскресенье массы имели перед собой господствующие классы в их индивидуальных экземплярах. Ныне эти классы явились в форме государственной власти, закона, дубинки. На этот раз сопротивление превратилось в восстание, а англичанина надо долго и медленно подогревать, чтобы он восстал. Вот почему демонстрация протеста

в общем вылилась в шипение, хрюканье, освистывание полицейских повозок, в изолированные и слабые попытки освободить арестованных, но преимущественно в пассивное сопротивление и флегматическое отстаивание поля битвы. Характерна роль, принятая на себя в этой сцене солдатами, частью принадлежащими к гвардии, частью к 66-му полку. Они были представлены в значительном числе. Двенадцать человек из них, гвардейцы, некоторые с крымскими медалями на груди, находились в группе мужчин, женщин и детей, по которым гуляли полицейские дубинки. Один старый человек, не выдержав ударов, упал на землю. «Лондонские stiffstuffs (бранная кличка для полицейских) хуже, чем русские под Инкерманом!» — воскликнул один из крымских героев. Полиция хотела его арестовать. Но он тотчас же был освобожден под громкие крики толпы: «Да здравствует армия!» Полиция сочла благоразумным удалиться. Между тем прибыло некоторое количество гренадеров, солдаты образовали группу и, окруженные массами, стали расхаживать по всему парку под крики: «Да здравствует армия! Долой полицию! Долой билль против воскресного отдыха!» Полиция стояла в нерешительности, как вдруг появился сержант гвардии, стал громко отчитывать ее за безобразное поведение, успокоил солдат, а некоторых из них уговорил пойти за ним в казармы, чтобы избежать более серьезных столкновений. Но большинство солдат осталось и дало волю своему раздражению против полиции, выражая его тут же среди народа яростными возгласами. Противоречие между армией и полицией старо в Англии. И данный момент, когда армия является «pet-child» [баловнем] масс, менее всего может ослабить это противоречие. Говорят, что какой-то старик, по фамилии Россель, умер от полученных им ран, полдюжины раненых находится в госпитале св. Георгия. Во время демонстрации были снова сделаны попытки организовать частичные демонстрации. На одной из них, у Альбертовских ворот, за пределами первоначально занятой полицейскими части парка, какой-то неизвестный произнес приблизительно такую речь перед своей публикой: «Люди старой Англии! Проснитесь, очнитесь от вашего сна, или вы навеки пропали. Каждое воскресенье оказывайте сопротивление правительству! Идите на демонстрации против церковного билля, как вы это сделали сегодня. Не бойтесь требовать принадлежащих вам прав, сбросьте с себя скорее цепи олигархического принуждения и насилия. Если вы этого не сделаете, то вы неминуемо будете раздавлены. Разве не срам, что жители этой столицы, самой крупной в цивилизованном мире, должны оставлять дело своей свободы в руках какого-нибудь Гровенора или такого человека, как лорд Эбрингтон!

Его светлость чувствует потребность послать нас в церковь и сделать нас религиозными путем парламентских актов. Это — напрасное предприятие. Кто мы и кто они? Подумайте о нынешней войне. Разве она не ведется за счет производительных классов и их крови? А что делают непроизводительные классы? Они все время стараются ее испортить». Как оратор, так и митинг были, разумеется, прерваны полицией. В Гринвиче, вблизи обсерватории, жители Лондона также организовали митинг, на котором присутствовало от 10 до 15 тысяч человек. И этот митинг также был разогнан полицией.

* В АНГЛИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ.— ПРЕДЛОЖЕНИЯ РОБЕКА И БУЛЬВЕРА.—ИРЛАНДСКИЙ ВОПРОС.

I.

Лондон, 11 июля 1855 г.

Предложение Робека о выражении порицания всем членам старого коалиционного кабинета, как известно, отложено на ближайший вторник. В то время, как в Бирмингеме, Ньюкестле и Шеффилде организуются многочисленные митинги для поддержки его предложения и одновременно с этим в отдаленных уголках Лондона собираются подписи под петициями по этому вопросу, члены парламента бегут в Париж, в Неаполь, в свои виллы, чтобы избежать голосования. Робек, чтобы задержать это поддерживаемое Пальмерстоном всеми мерами бегство, потребовал вчера полномочий произвести в ближайший вторник в Нижней палате «call» [перекличку]. «Call» является старым парламентским обычаем, пришедшим в забвение со времени дебатов об эмансипации католиков. При открытии заседания перечисляются имена всех членов парламента. Неявившиеся подлежат аресту парламентским приставом, публичному извинению перед палатой и обложению известным денежным штрафом. Но палата общин отказала Робеку в применении принудительной меры переклички большинством 133 против 108 голосов. Нет ничего более характерного для британского парламента и его органов прессы, чем отношение к предложению Робека. Предложение исходит не от члена «официальной» оппозиции. Это его первый недостаток. Оно направлено не только против членов нынешнего кабинета, но также и против членов кабинета, вышедшего в отставку. Оно поэтому не является чисто партийным маневром. Оно заявляет, что грехи старого министерства не искупаются образованием нового министерства. Оно образует мост для предложения о возбуждении обвинения. Это его второй крупный грех. Официальная оппозиция, разумеется, желает вести парламентскую войну только «в пределах смены министерств». Она далека от того, чтобы вести войну против министерской ответственности. Клика оппозиции не менее тревожно печалится о сохранении министерского всемогущества, чем клика правительственной

партии. Искусство парламентской борьбы заключается именно в том, чтобы в рукопашной схватке ударить не по должности, а по тому, кто в данный момент ее занимает, да и по последнему только так, чтобы тот мог вскочить на ноги в качестве *кандидата в министры*, после того как он упал в качестве *министра*. Олигархия увековечивает себя не только при помощи постоянного сохранения власти в одних руках, но также и тем, что она попеременно выпускает власть из одной руки, чтобы подхватить ее тут же другой. Тории поэтому так же недовольны предложением Робека, как и виги.

Что касается *прессы*, то решающей здесь является позиция «Times'a». Какая газета громче всех кричала об учреждении комитета Робека, пока он должен был способствовать, с одной стороны, тому, чтобы сменить министерство, а с другой стороны, — чтобы прорыть отводный канал для общественных страстей? Но с того момента, как Робек выступил вперед и, опираясь на результаты своего комитета, угрожает подвергнуть *всех* членов коалиции прямому порицанию со стороны парламента, какая газета хранит более упорное, мертвое молчание, чем «Times»? Предложения Робека для нее не существует, вчерашнего происшествия в парламенте по поводу переклички для нее не существует, о митинге в Бирмингеме, Шеффилде и т. д. нет ни слова на ее столбцах. Робек сам, разумеется, отнюдь не Брут; с одной стороны, он видел, как жалко была вознаграждена вигами его долготелетняя служба, с другой стороны, за ним стоят его избиратели. Он является представителем многочисленной избирательной корпорации, которую он должен оплачивать популярностью, так как не может оплатить звонкой монетой. Наконец, роль современного Варвика, парламентского «делателя королей», наверно, не может не быть по душе честолюбивому, но до сих пор едва ли успевающему адвокату. Тории, как представители оппозиции, не могут, конечно, вести борьбу против предложения Робека такими же мерами, как виги. Они стараются поэтому его опередить. В этом тайна предложения Бульвера о выражении *недоверия* министерству на основании удивительных разоблачений лорда Джона Росселя о Венской конференции. Предложение Бульвера не выходит «за пределы смены министерства». Оно изъемерит судьбу министерства из рук Робека. Если это предложение пройдет, то, значит, виги свергли ториев, а раз они вступят в министерство, то условное «великодушное» запретит им подчеркивать свою победу и поддерживать дальше Робека. Но хитрости ториев заставили одновременно и Пальмерстона прибегнуть к старым парламентским фокусам. Отставка Росселя — добровольная или вынужденная — парирует предложение Бульвера,

как Бульвер парировал предложение Робека. Отставка Росселя неминуемо свергла бы кабинет Пальмерстона, если бы она произошла не перед самым концом сессии. Теперь, наоборот, она сможет, пожалуй, продлить дни кабинета. Если это так, то ни один министр до Пальмерстона не использовал с такой ловкостью и так удачно народные крики для того, чтобы навязать себя парламентским партиям, и маленькие парламентские интересы, фракции и формальности, для того чтобы навязать себя народу. Он похож на заколдованного старика, которого Синдбад-мореплаватель никак не мог стряхнуть с себя, после того как позволил ему сесть к себе на плечи.

II.

Лондон, 13 июля 1855 г.

Не посвященные в тайны юриспруденции с трудом представляют себе, каким образом в самых простых судебных процессах неожиданно возникают правовые вопросы, которые своим существованием обязаны не природе судебного процесса, а предписаниям и формулам судопроизводства. Обладание этими правовыми обрядами делает человека адвокатом, как владение церковными обрядами делает человека брамином. Как в дальнейшем развитии религии, так и в дальнейшем развитии права форма превращается в содержание. И ту роль, которую в судебных учреждениях играет судопроизводство, в законодательных органах играют порядок дня и регламент. История аграрных законов показывает, что старые римские олигархи, изобретатели крючкотворства в судебном процессе, первые ввели кляузную процедуру в законодательство. В обоих направлениях их превзошли англичане. Технические трудности при постановке какого-нибудь предложения в порядок дня, различные метаморфозы, через которые должен пройти билль, чтобы превратиться в закон; формулы, которые позволяют противнику предложения или билля не впускать первое в палату, а второй — не выпускать из палаты, все это образует неисчерпаемый арсенал парламентских тонкостей, кляуз и тактических приемов. Все же до Пальмерстона ни один английский министр не сумел придать палате общин в такой полной мере вид, тон и характер судебного учреждения. Где бессильна дипломатия, он прибегает к крючкотворству. В его руках каждые дебаты по поводу неприятного ему предложения превращаются в предварительные дебаты по вопросу о назначении дня, когда дебаты могут состояться и инцидент может стать предметом обсуждения. Так было с предложением Мильнер-Гибсона, так было с предложением Лайярда, то же происходит сейчас с предложением Бульвера. При перегруженном порядке дня в

конце сессии Бульвер мог выбрать для внесения своего предложения лишь такой день, когда палата превращается в комитет помощи, т. е. когда министерство ставит палате денежные требования. Обычно для этой цели предназначается пятница. Но, конечно, вполне зависит от министерства определение времени, *когда* потребовать денег от палаты общин и тем самым превратить палату в комитет помощи. Пальмерстон тотчас же заявил Бульверу, что он в эту пятницу не «пойдет в комитет» — таково техническое выражение, а займется раньше биллем об ограниченной ответственности в торговых компаниях. Пусть Бульвер сам подыщет «свой день». Ввиду этого Дизраэли заявил в прошлый вторник, что он в ближайший четверг (вчера) будет апеллировать к палате об устранении этого крючкотворства. Пальмерстон опередил его. Он поднялся во вчерашнем заседании и при общем хохоте заявил, что, конечно, он не ставил себе цели задержать дебаты по поводу бульверовского вотума недоверия и путем технических затруднений помешать достопочтенной палате вынести свое суждение. Но дополнительные документы относительно Венской конференции, несмотря на все усилия, нельзя было бы представить членам палаты раньше завтрашнего дня, а каким образом они могли бы вынести суждение, не ознакомившись с документами? Он готов предоставить понедельник для обсуждения предложения Бульвера. Тогда Дизраэли разъяснил, что «дополнительные документы» не имеют никакой связи с предложением Бульвера. Билль об ограниченной ответственности торговых компаний, — в своем роде важный билль, но нация желает прежде всего знать следующее: «Несет ли кабинет солидарную ответственность за свои действия, или и здесь также действует принцип ограниченной ответственности? Она хотела бы прежде всего знать те условия, на которых участники фирмы «Даунингстрит» вели свои дела?» Бульвер заявил, что он согласен перенести дебаты на понедельник. Россель, с своей стороны, использовал этот инцидент для тщетной попытки ослабить и извратить смысл сделанного им в последнюю пятницу заявления. Но второе улучшенное издание пришло слишком поздно, как убедительно доказывает «Times». «Times» уже в течение многих дней пускает в ход все свое искусство, чтобы спасти кабинет Пальмерстона за счет Росселя, и его в этом настойчиво поддерживает простодушный «Morning Advertiser», который готов снова уверовать в Пальмерстона, всякий раз как парламент грозит потерять к нему доверие. Между тем Пальмерстон выиграл несколько дней для нового маневра. Как он умеет использовать каждый такой день, показала ирландская свалка, происшедшая вчера в Нижней палате.

Уже в течение двух лет, как известно, через палату проводятся три билля, которые должны урегулировать отношения между ирландскими землевладельцами и их арендаторами. Один из этих биллей устанавливает размер возмещения, которое может требовать арендатор за произведенные им на земле улучшения в том случае, если землевладелец отказывается возобновить с ним договор. До сих пор произведенные ирландскими арендаторами (арендаторы почти все временные — сроком на один год) улучшения земли приводили лишь к тому, что давали землевладельцам возможность после истечения срока аренды повышать арендную ставку. Арендатор, таким образом, или теряет ферму, когда он не хочет возобновить контракт на невыгодных условиях, а вместе с ней и вложенный в улучшения капитал, или же вынужден за произведенные им на *свой* капитал улучшения платить лендлорду проценты сверх первоначальной ренты. Поддержка вышеупомянутых биллей входила в цену, за которую коалиционное министерство купило себе голоса ирландской бригады. Поэтому они прошли через Нижнюю палату в 1854 г., но в Верхней палате при негласном содействии министров были отложены на будущий (1855) год, а затем так изменены, что потеряли свой смысл, и в такой изуродованной форме возвращены были в Нижнюю палату. Здесь в прошлый четверг была принесена в жертву на алтарь землевладения главная статья билля о возмещении, и ирландцы, к своему удивлению, узнали, что перевес против них составилась частью из принадлежащих министерству, частью — из прямо с ним связанных голосов. Яростный выпад доктора Ши против Пальмерстона грозил бунтом в «ирландском квартале» парламента, последствия которого как раз в этот момент были опасны. Пальмерстон прибег поэтому к посредничеству Седлера, экс-министра коалиционного кабинета и маклера ирландской бригады, и сделал так, чтобы третьего дня его посетила депутация из восемнадцати ирландских парламентариев с запросом, употребит ли он свое влияние, чтобы заставить парламент пойти обратно и провести статью при новом голосовании через палату. Он, естественно, объявил себя готовым на все, лишь бы гарантировать себе ирландские голоса на случай вотума недоверия. Преждевременный взрыв этой интриги в палате общин дал повод к одному из тех скандалов, которые характеризуют упадок олигархического парламента. Ирландцы располагают 105 голосами. При этом выяснилось, что большинство не давало делегации восемнадцати никаких полномочий. Вообще Пальмерстон не может так использовать ирландцев при министерских кризисах, как во времена О'Коннелля.

С разложением всех старых парламентских фракций «ирландский квартал» парламента также раскололся, распался на куски. Во всяком случае этот инцидент показывает, как Пальмерстон использует выигранное им время для обработки различных клик. Одновременно с этим он ждет какого-нибудь благоприятного известия с театра военных действий, какого-нибудь маленького происшествия, которое могло бы быть использовано если не с военной, то с парламентской точки зрения. Подводный телеграф вырвал из рук генералов управление войной и подчинил его дилетантским астрологическим причудам Бонапарта, равно как и парламентско-дипломатическим интригам. Отсюда необъяснимый и не имеющий себе равного характер второй крымской кампании.

ОТСТАВКА РОССЕЛЯ. — СОБЫТИЯ В КРЫМУ.

Лондон, 15 июля 1855 г.

В нашей предпоследней корреспонденции мы говорили об *отставке лорда Джона Росселя*, вынужденной или добровольной, как о свершившемся факте. Она произошла вчера после обеда, и надо сказать, что это — *синтетическая* отставка: добровольная и вынужденная одновременно. Пальмерстон довел самую жадную до постов часть вигов, под предводительством Бувери, до бунта против своего начальства. Они заявили, что вынуждены будут голосовать за предложение Бульвера, если Россель не подаст в отставку. С этим ничего нельзя было поделать. Не довольствуясь этим подвигом, чернь вигов-предателей стала собирать в кулуарах Нижней палаты подписи под петицией Пальмерстону, чтобы он убедил королеву принять уже врученное Росселем прошение об отставке. Из этих низких приемов Россель, во всяком случае, черпает одно удовлетворение: он создал партию по своему подобию.

Отставка человека, который, как говорит Уркарт, «обычно держит руки за спиной, чтобы самому себе дать моральную опору», едва ли оказала бы какое-нибудь влияние на прочность кабинета, если бы большинство Нижней палаты не хваталось жадно за каждый предлог, позволяющий ей отсрочить день роспуска. А роспуск палаты неотделим от принятия предложения Бульвера. Если Пальмерстон останется, несмотря на вотум недоверия, он должен будет распустить палату; если его преемником будет Дерби, он также должен будет распустить палату. А палата, очевидно, не чувствует склонности принести себя в жертву на алтарь отечества.

Сэр Джордж Грей учредил комиссию для обследования полицейских жестокостей. Она состоит из лондонских, ливерпульских и манчестерских судей и в ближайший вторник откроет свои заседания.

Если в торговле время — деньги, то на войне время — победа. Упустить благоприятный момент, — момент, когда подавляющая сила может быть брошена на врага, значит совершить самую большую ошибку, возможную на войне. Ошибка становится вдвое большей, когда она совершается не при обороне, где последствия небрежности

всегда могут быть исправлены, а при наступлении, в войне на чужой территории, где такая невнимательность может повлечь за собой потерю всей армии. Это все общие места, о которых каждый прапорщик знает, так что они подразумеваются сами собой. И все же ни против одного правила стратегии или тактики не грешат так часто, и кажется, что генерал Пелисье, этот человек бурных действий, этот «маршал-вперед» крымской армии, как бы призван к тому, чтобы своей персоной наглядно показать пример повседневного пренебрежения этими общими местами.

Дорога на Севастополь идет через Инкерман к северной стороне крепости. Пелисье и его штаб знают это лучше кого бы то ни было. Но чтобы занять северную сторону, союзная армия должна с главными своими силами выйти в поле, разбить русских, окружить северную сторону, выделить отряд, который держал бы в отдалении русскую полевую армию. Благоприятный момент для этого был тогда, когда прибыли сардинские войска и турки под начальством Омера-паши. Союзники были тогда гораздо сильнее русских. Но ничего подобного не было сделано. Были предприняты экспедиции в Керчь и в Азовское море и ряд штурмов, следовавших один за другим. Полевые операции ограничились одними рекогносцировками и расширением лагеря до выхода в Байдарскую долину. Теперь, наконец, выясняется мнимое основание этой бездеятельности: *нет будто бы транспортных средств*, и после 15-месячной кампании союзники так же прикованы к морю, Камышу и Балаклаве, как и раньше! Хорошо основание, нечего сказать! Крым не дикий остров у южного полюса. Он является страной, источники пропитания которой могут, конечно, иссякнуть, но которая может доставить массу фуража, скота и повозок, если обладать только ловкостью и храбростью, чтобы их взять. Робкие и вялые движения вперед и назад в области нескольких английских миль вокруг Черной, конечно, не являются средством для того, чтобы ими овладеть. Но если даже совсем не принимать в расчет верблюдов, лошадей и телег, имеющих в Крыму, то на европейском и азиатском берегах Черного моря остается масса транспортных средств, которые можно доставить на пароходах в течение двух дней. Почему они не реквизируются для нужд союзников? Русские дали им не один урок на тему о том, как надо действовать. Третий, четвертый и пятый армейские корпуса с различными резервными дивизиями были ими посланы в Крым в такое время, когда союзники сомневались в возможности доставлять провиант из Балаклавы в траншеи. Войска частью были переправлены через степи на телегах, и недостаток в средствах пропи-

тания у них был ужасный. И ведь страна у Перекопа на протяжении полукруга в 200 верст очень слабо населена. Но были использованы в порядке контрибуции ресурсы более отдаленных провинций, а ведь куда труднее для русских посылать телеги в Крым из Екатеринослава, Полтавы и Харькова, чем для союзников доставлять транспортные средства из Румелии и Анатолии. Во всяком случае, завоевание Крыма вплоть до Симферополя было упущено под предлогом недостатка в транспортных средствах. Теперь дела обстоят иначе. Русские образовали для Крыма резервную армию между Одессой и Херсоном. Силу этой армии мы можем определить только по тем отрядам, которые были взяты из западной армии и состояли из второго армейского корпуса в полном составе и двух дивизий гренадеров. Это составляет вместе пять дивизий пехоты (82 батальона), одну дивизию кавалерии (32 эскадрона) и 80 пушек. К этому надо прибавить пехотные и кавалерийские резервы. Принимая во внимание все потери во время перехода, армия, собранная между Одессой и Херсоном и предназначенная для Крыма, может быть определена приблизительно в 70 — 80 тысяч человек. Авангарды ее колонн, наверное, перешли сейчас уже Перекоп, и в конце июля они дадут себя знать союзникам.

А что могут союзники выставить против этих подкреплений? Их ряды снова редеют от холеры и лихорадки не меньше, чем от различных попыток штурма. Британские подкрепления прибывают очень медленно; на деле отправляется очень мало полков. 13 000 чел., об отправке которых мы недавно сообщили, оказались министерским пуфом. Французское правительство с своей стороны заявляет, что оно не предполагает посылать свежих дивизий, а только запасные отряды для возмещения понесенных на театре военных действий потерь. Если подкрепления придут своевременно, то их едва хватит для того, чтобы довести союзную армию до той численности, какой она обладала в июне, т. е. до 200 000 человек, включая турок и сардинцев. Вероятно, они доведут армию только до 180 000, против которых в начале августа будет стоять 200 000 русских, обладающих хорошими позициями, господствующих над страной, находящейся в тылу, и владеющих южной частью Севастополя в качестве передового укрепления. Если союзная армия при этих условиях будет опять втиснута в узкое пространство за Черной, то это последнее под тяжестью таких больших человеческих масс должно будет превратиться в кладбище.

Все же время для выхода в поле не потеряно. Самый подходящий момент, правда, прошел, но все же смелое выступление еще и

сейчас гарантировало бы союзной армии большее пространство. Но союзники, очевидно, не думают воспользоваться этим шансом.

В оправдание Пелисье необходимо в заключение указать на то, что общественное мнение, как здесь, так и в Париже, ищет и находит истинное основание всех несчастий второй крымской кампании во вмешательстве Луи Бонапарта, этого «генерала издалека».

*** ПАЛЬМЕРСТОН. — ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДСТВЕННЫХ
КОМИССИЙ. — ОХРАНА ТРУДА НА МАНЧЕСТЕРСКИХ
ФАБРИКАХ.**

Лондон, 23 июля 1855 г.

Если гарантия турецкого займа встретит сегодня вечером то же сопротивление, что и вчера, то Пальмерстон тотчас же *распустит* Нижнюю палату. Ловкому человеку все благоприятствует. Роспуск палаты из-за предложения Бульвера, роспуск палаты из-за предложения Робекка. И то, и другое было одинаково рискованно. Дипломатия, показавшая себя на Венской конференции, администрация, занятая зимним походом, — то и другое мало пригодно для того, чтобы дать предлог апеллировать от парламента к избирательным органам. Но *гарантия турецкого займа?* Декорация, положение, мотивы изменяются, как по удару волшебной палочки. Теперь уже не парламент осуждает кабинет за измену и бездарность, теперь кабинет обвиняет парламент в том, что он чинит препятствия ведению войны, что он ставит под угрозу союз с французами и оставляет на произвол судьбы Турцию. Кабинет не апеллирует больше к стране, чтобы она избавила его от обвинительного приговора палаты. Он апеллирует к стране, чтобы та осудила парламент. На деле заем формулирован так, что Турция прямо денег не получает, а лишь ставится на самых недостойных для любой страны условиях под опеку, согласно которой данные ей как будто бы в заем суммы распределяются и расходуются английскими комиссарами. Английская администрация так блестяще себя зарекомендовала в восточной войне, что она действительно должна чувствовать искушение расширить свои благодеяния на чужие государства. Западные державы завладели в Константинополе министерством иностранных дел, да и не только министерством иностранных дел, но и министерством внутренних дел. С тех пор как Омер-паша переправлен из Болгарии в Крым, Турция перестала распоряжаться своей собственной армией. Сейчас западные державы протягивают руку к турецким финансам. В первый раз османское государство берет на себя долги, не получая кредита. Оно попадает в положение владельца имения, который под

заклад земли не только берет ссуду, но еще и обязывается предоставить владельцу ипотеки право распоряжаться выданными ему в виде ссуды деньгами. Единственный шаг, который ему остается сделать, это отдать владельцу ипотеки свое имение. Подобного же рода системой займов Пальмерстон деморализовал Грецию и парализовал Испанию. Но *видимость* на его стороне. Участие партии мира в оппозиции против займа усиливает эту видимость. С помощью трюка он снова выступает как сторонник войны против объединенной оппозиции — сторонников мира. Мы знаем, какую войну он хочет вести: в Балтийском море прочнее связать Финляндию с Россией путем бесполезных и безрезультатных поджогов; в Крыму продлить до бесконечности бойню, которой может быть положен конец не победой, а только поражением. Согласно своей старой привычке, он бросает на парламентские весы внешние союзы. Бонапарт уже позволил санкционировать этот заем так называемому «законодательному собранию». Английский парламент должен себя приспособить к тому, чтобы стать эхом «законодательного собрания», т. е. стать эхом эха, иначе союзу грозит опасность. В то время как Пальмерстон пользуется французским союзом как щитом, чтобы парировать от себя удары, он одновременно испытывает удовлетворение от того, что этому союзу наносятся удары. В доказательство того, что «он ставит подходящих людей на подходящие места», Пальмерстон назначил сэра Мольсворта министром колоний, а сэра Б. Холля, вместо Мольсворта, министром лесов и доменов. Мольсворт принадлежит к векфильдской школе колонизации. Ее принцип заключается в том, чтобы в колониях искусственно удорожать землю и удешевлять труд, чтобы достигать «необходимого сочетания производительных сил». Попытка применить эту теорию в Канаде выгнала оттуда жителей в Соединенные Штаты и Австралию.

Сейчас в Лондоне заседают три следственных комиссии: одна учреждена кабинетом, две других — парламентом. Первая комиссия, составленная из лондонских, манчестерских и ливерпульских судей, по вопросу о *событиях в Гайд-парке*, наводняется каждый день доказательствами того, что констебли действовали не только невероятно жестоко, но, кроме того, предумышленно и *по приказу* свыше. Если бы следствие не считалось с лицами, то оно должно было бы начать с сэра Джорджа Грея и кабинета, как главных виновников. Вторая комиссия, под председательством *Беркли*, занятая изучением влияния актов о «продаже спиртных напитков в воскресенье», являет пример ханжеской поверхностности экспериментов Общества по улучшению праздничного отдыха. Вместо того, чтобы

стать реже, случаи пьяных эксцессов участились. Они только перешли частично с воскресенья на понедельник. Третья комиссия, под председательством *Шольфильда*, занята вопросом о фальсификации пищи, напитков и всех имеющих отношение к питанию товаров. Фальсификация оказывается *правилом*, доброкачественность — *исключением*. Примешиваемые вещества, имеющие целью сообщить дешевым подделкам цвет, запах, вкус, большей частью ядовиты и все действуют разрушительно на здоровье. Торговля рисуется чем-то вроде громадной лаборатории обмана, список товаров — дьявольским каталогом суррогатов, свободная конкуренция — свободой отравлять и подвергаться отравлению.

«Доклад фабричных инспекторов» за полугодие, заканчивающееся 30 апреля, предложенный обоим палатам, является неопенимым вкладом для характеристики *манчестерских* сторонников мира и того класса, который оспаривает у аристократии ее монополию на управление страной. «Несчастные случаи, вызванные машинной системой», классифицируются в докладе по следующим рубрикам: 1) «имеющие своим последствием смерть», 2) «потеря правой руки или правой кисти; потеря части правой руки; потеря левой руки или левой кисти; потеря части левой руки; переломы рук и ног; повреждения головы и лица» и 3) «рваные раны, ушибы и другие выше не упомянутые повреждения». Мы читаем о молодой женщине, «которая потеряла правую руку», о ребенке, «у которого носовые кости были вдавлены и зрение в обоих глазах уничтожено машиной», о мужчине, «у которого отпилена левая нога, правая рука поломана в трех или четырех местах, а голова ужасно изуродована», о юноше, «у которого рука вырвана из плечевого сустава наряду с другими повреждениями», и о другом юноше, «у которого обе руки были вырваны из плечевых суставов, нижняя часть туловища разорвана, так что внутренности выпали наружу, раздавлены голова и оба бедра» и т. д. Промышленный бюллетень фабричных инспекторов страшнее любого бюллетеня о крымских боях. Женщины и дети составляют постоянный и значительный контингент для списка раненых и убитых. Смерть и раны являются здесь не более почетными, чем те рубцы, которые плеть плантатора оставляет на теле негра. Они почти все без исключения являются результатом запоздалого введения предписанных законом мер *огораживания* машин. Вспомним, что фабриканты Манчестера, этой столицы сторонников мира во что бы то ни стало, осаждали кабинет депутациями протеста против акта, предписывающего определенные меры предосторожности при употреблении машин. Так как они не могли прямо уничтожить

закон, они пытались устранить, убрать путем интриг, фабричного инспектора Л. Горнера и на его место поставить более стговорчивого стража законов. До сих пор эти попытки были безуспешны. Они утверждали, что введение предохранительных аппаратов съест всю их прибыль. Ныне Горнер доказывает, что в его округе мало таких фабрик, которые нельзя было бы обезопасить ценой 10 фунтов стерлингов. Общее число несчастных случаев, вызванных машинами за шесть месяцев, о которых говорит доклад, достигает 1788, среди них 18 смертельных. Общая сумма наложенных на фабрикантов денежных штрафов, выплаченного ими вознаграждения за убытки и т. д. достигает за этот же период 298 фунтов стерлингов. Чтобы округлить эту сумму, в нее включены денежные штрафы за «допущение работ во внезаконное время», за «использование детей в возрасте ниже восьми лет» и т. д., так что денежные штрафы, наложенные за 18 смертельных случаев и 1770 изувечений, далеко еще не достигают 298 фунтов стерлингов. 298 фунтов стерлингов! Это меньше цены беговой лошади третьего разряда.

Комитет Робек и британская олигархия! Комитет Шольфильда и британский торговый класс! Доклад фабричных инспекторов и британские фабриканты! Под этими тремя рубриками наглядно группируется физиология господствующих ныне в Великобритании классов.

ПОСЛЕДНЯЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В БИРМИНГЕМЕ.

Лондон, 27 июля 1855 г.

Было бы большой ошибкой судить о движении в Англии по отчетам лондонской прессы. Возьмем, например, последнюю конференцию в Бирмингеме. Большинство лондонских газет даже не отметило ее, остальные же ограничились сухим сообщением о том, что она состоялась. А между тем, что представляла собою эта конференция? Она была открытым съездом делегатов от Бирмингема, Лондона, Гуддерсфильда, Ньюкестля, Галифакса, Лидса, Дерби, Бредфорда, Ноттингема и других городов, собравшихся для того, чтобы вырвать обсуждение важнейшего в данный момент вопроса — внешней политики Англии — из рук неспособного и разваливающегося парламента.

Это движение бесспорно подогревалось митингами, созывавшимися г-ном Уркартом во всех фабричных районах, и отличительной чертой происходившей в Бирмингеме конференции было совместное сотрудничество представителей буржуазии и рабочего класса. Конференция разделилась на ряд комиссий, которые должны были представить доклады по важнейшим вопросам английской внешней политики. Мне посчастливилось получить подробный отчет о работах конференции и связанные с ними материалы. С наиболее характерными из них я и познакомлю теперь читателей «Трибуны». Прежде всего остановлюсь на переписке между секретарем конференции и лордом Мальмсбери, министром иностранных дел при лорде Дерби, по поводу договора о датском престолонаследии от 8 мая 1852 г. Лорд Мальмсбери пишет:

Сэр!

Я имел честь получить от вас приглашение присутствовать на бирмингемской конференции 17, 18 и 19 июля. Обстоятельства складываются так, что я не могу приехать. Так как вы просите меня сообщить вам некоторые сведения о вопросах, стоящих на повестке конференции, спешу заметить, что принятая вами 6 июля резолюция о датском договоре от 8 мая 1852 г. основана на совершенно ошибочном представлении об обстоятельствах и фактах. Неверно, что этим договором за Россией обеспечено наследование Дании, Зунда

и Шлезвиг-Гольштейна. Россия не приобрела никаких прав ни в настоящем, ни в будущем, которых она не имела до подписания договора. Сейчас имеется в живых четыре мужских наследника датской короны. Договор предусматривает, что в случае смерти их всех высокие договаривающиеся стороны, т. е. Австрия, Пруссия, Россия, Англия, Франция и Швеция, обязуются обсудить вопрос о совместном представлении королю Дании с целью обеспечения престолонаследия на основе сохранения целостности датской монархии. Поэтому если бы указанный случай наступил, подписавшие договор державы должны были бы снова завязать переговоры для разрешения вопроса о датском престолонаследии, и я представляю вам судить, могли ли бы в таком случае пять держав, подписавших с Россией договор 8 мая, вынести постановление, чтобы Россия, как глава Голштинско-Готторпского дома, присоединила к своим владениям всю нынешнюю датскую монархию.

Имею честь и т. д.

Мальмсбери.

Ответ секретаря конференции на письмо лорда Мальмсбери гласил:

Милорд!

Бирмингемская конференция поручила мне выразить вам благодарность за чрезвычайно важное сообщение по вопросу о датском договоре. Мы заключаем из ваших слов, что в случае смерти четырех наследников объединенной датской монархии Англия и Россия должны будут вмешаться в отношения между датским королем и его разными владениями — Данией, Шлезвигом и Гольштейном. Мы не понимаем только, с какой точки зрения может быть оправдано подобное вмешательство, и мы решительно полагаем, что факт войны с Россией должен быть использован для того, чтобы дать нам возможность уклониться от такого безнравственного и незаконного выступления. Вы даете нам понять, что считаете поведение шести держав достаточной гарантией против допущения России к полному наследованию, на которое она может претендовать, во-первых, как наследница Голштейн-Готторпа и, во-вторых, в силу принципа неделимости датской монархии. Мы крайне хотели бы узнать от вас, кто же явится полноправным претендентом, если не Россия, и почему Англия, раз она не считала Россию таким претендентом, не поставила отказ России от Голштейн-Готторпа условием подписания договора? Так как этот договор подписан вами, то приходится заключить, что либо на поставленные нами вопросы вообще не может быть ответа, либо именно вы являетесь тем лицом, которое может ответить на них скорей всего. Прошу вас поэтому, по поручению конференции, не отказать в любезности ответить на эти вопросы и тем самым освободить нас от крайне тягостного недоумения. Честь имею пребыть и т. д.

Ленсфорд.

На этом переписка обрывается, — лорд Мальмсбери не имел охоты продолжать ее. Впрочем, неумение благородного лорда отвечать на поставленные вопросы не так уж непростительно; все вопросы, касающиеся датского престолонаследия, были так прево-

сходно разрешены в протоколе лорда Пальмерстона от 8 июля 1850 г., что лорду Мальмсбери действительно осталось только дать свою подпись под договором.

Другой документ, на котором я хочу остановиться, представляет собою доклад одной из комиссий конференции о знаменитых *четырех пунктах*. Приведу из него следующий отрывок:

Желая установить значение четырех пунктов, как базы мира, комиссия паучила дальнейшее развитие, полученное ими на Венской конференции; поддержку или сопротивление, которые встретило каждое относящееся сюда предложение со стороны представителей отдельных держав; время и способ первого оглашения четырех пунктов кабинетами Англии и Франции; источник их происхождения и их значение для общепризнанной цели настоящей войны, т. е. для обеспечения независимости и целостности Оттоманской империи. Мы пришли к выводу, что *источник происхождения* четырех пунктов заключается в телеграмме графа Нессельроде от 29 июня 1854 г., озаглавленной «Утверждение прав христиан в Турции» и гласящей: «Исходя из мысли, что гражданские права, которые должны быть обеспечены всем христианским подданным Порты, неотделимы от их религиозных прав, как то и оговорено в протоколе, — да и в самом деле наши единоверцы ничего бы не выиграли, если бы, приобретя новые права, они в то же время потеряли старые, — мы уже заявили, что если вопрос заключается в этом, то требования, предъявленные императором Порте, были бы выполнены, причина конфликта была бы устранена и его величество был бы готов присоединиться к *европейской гарантии этой привилегии*».

Это предложение, т. е. в сущности предложение о непрестанном вмешательстве не одной, а пяти держав во внутренние дела Турции, было принято Англией и Францией в форме так называемого четвертого пункта, как это выражено в следующей телеграмме Друэн-де-Люиса от 22 июля 1854 г., явившейся ответом графу Нессельроде: «Ни одна держава не притязает на право оказывать какое-либо официальное покровительство подданным Высокой Порты, каково бы ни было их правовое положение, но Франция, Австрия, Великобритания, Пруссия и Россия будут поддерживать друг друга в своих усилиях добиться от оттоманского правительства провозглашения и соблюдения религиозных привилегий различных христианских общин и постараются обратить проявленные султаном великодушные намерения на благо своим различным единоверцам, без какового-либо ущерба для достоинства и независимости его верховной власти...»

Четвертый пункт должен привести к уничтожению независимости Оттоманской империи, защита которой является общепризнанной целью войны; незаконность этого пункта заключается в том, что содержащаяся в нем уступка была сделана Англией и Францией без согласия Турции и что они продолжали настаивать на нем, несмотря на отказ Турции обсуждать его на Венской конференции. Выражаясь словами Сиднея Герберта, «дело осложняется тем, что мы пришли к соглашению с нашим неприятелем, но не с нашим союзником».

Если бы мы были разбиты Россией в войне и были бы вынуждены искать мира, мы не имели бы права сделать подобное предложение от лица другой державы. Чтобы приобрести это право, Англия и Франция должны были бы сначала открыто перейти на сторону России и объявить войну Турции. Как четвертый

пункт означает отказ от независимости Турции, так первый пункт равносильно отказу от сохранения ее целостности; и в обоих случаях уступка была сделана без согласия заинтересованной стороны, ибо турецкий уполномоченный определенно не дал своего согласия на обсуждение первого пункта.

Мы считаем, что за положением о необходимости сохранить Валахию, Молдавию и Сербию под властью Порты скрывается намерение отделить их от Турции. Фраза: «никакое исключительное покровительство не должно быть впрямь оказываемо этим провинциям» разъясняется в пяти параграфах, представляющих пяти державам одинаковые верховные права с Портой, и приобретает свой окончательный смысл в связи с проектом, предложенным Францией и Англией на шестом заседании конференции, — проектом объединения Валахии и Молдавии в одно государство под властью наследственного государя, члена какого-либо царствующего дома Европы. Позор этого отказа, как от прямо высказанных намерений Англии, так и от прав нашей союзницы Турции, усугубляется еще тем, что он произошел в такой момент, когда русские армии были вынуждены эвакуировать турецкую территорию, без малейших усилий со стороны вооруженных сил Англии и Франции. Так как отказ от целостности и независимости Османской империи был уже решенным делом до севастопольской экспедиции, то отсюда следует, что целью экспедиции было добиться проведения этого отказа в жизнь, — добиться этого от Турции посредством истощения ее сил, а от Англии — посредством изображения всего дела как ее торжества над Россией. Мы находим, что на эту последнюю точку зрения стал и г. Гладстон, когда он указывал, что Россия не соглашалась на четыре пункта до севастопольской экспедиции и согласилась на них после нее.

Мы ни на секунду не можем предположить, чтобы английский кабинет не понимал, что, заменяя турецких солдат австрийскими в Валахии и Молдавии, он освобождает русскую армию для защиты Севастополя. Предположить, что это было уступкой австрийскому правительству с целью добиться его присоединения к союзникам Турции, тоже совершенно невозможно ввиду следующих двух обстоятельств: с одной стороны, формальные цели нашего вмешательства были уже обеспечены турецкими победами над русскими, а, с другой, они были аннулированы теми мирными условиями, которые уже были предложены России в первом и четвертом пунктах.

Второй пункт касается свободного судоходства на Дунае. Свободное судоходство на Дунае прекратилось с того момента, когда Турция уступила России, по Адрианопольскому трактату 1829 г., дунайское устье, — наковая уступка противоречила Лондонскому договору от 6 июля 1827 г., обязавшему Россию не приобретать никаких турецких территорий. В оправдание того, что Англия не протестовала против этого нарушения международного права, сослались на ее стремление к миру, но эта ссылка во всяком случае опровергается настоящим состоянием войны. Возврат дунайского устья Порте должен был явиться необходимым требованием во всякой действительной войне Англии с Россией. Вместо этого он явился поводом для оскорбления Австрии. На четвертом заседании Венской конференции, состоявшемся 25 марта 1855 г., австрийский уполномоченный барон Прокеш предложил России признать нейтралитет дунайского устья, на что русские уполномоченные заявили, что они не согласятся намеру, имеющую вид косвенной экспроприации. Лорд Дж. Россель не поддержал весьма умеренного предложения Австрии, и вопрос был решен 23 марта в пользу оставления дунайского устья в руках России.

Третий пункт гласит, что договор 1841 г. должен быть пересмотрен высокими договаривающимися сторонами в интересах европейского равновесия и в смысле ограничения русского могущества на Черном море.

Чтобы сделать этот третий пункт действительно искренним, его следовало бы разделить на две статьи и затем исправить негодную формулировку второго пункта. А именно: второй пункт должен был бы заключать требование восстановления прав Турции в Дарданеллах и Босфоре. Россия не обладает естественными преимуществами на Черном море. Она не может из Севастополя овладеть Константинополем и Турцией; если бы она располагала этой возможностью, она давно бы использовала ее. Только невыполнимость предприятия удерживала Россию в прошлом и только это сможет удержать ее в будущем. В качестве подготовительной меры к такому захвату она при помощи договора похитила у Турции если и не ее законную долю господства на Черном море, то во всяком случае ее исключительный контроль в проливах, которые командуют над ее столицей в Босфоре и обеспечивают ее безопасность в Дарданеллах. Для восстановления исключительного контроля султана в проливах не требовалось никакого особого договора; он восстанавливается за ним в силу наступившей вместе с состоянием войны отмены тех договоров, которыми он временно был отменен. Это простое соображение не было, однако, даже упомянуто на Венской конференции. Прочитав телеграмму лорда Кларендона австрийскому правительству от 14 июня 1853 г., мы найдем разгадку этого факта в словах телеграммы о *справедливых требованиях России*. Но если требования России справедливы и если Англия решила поддержать их, то Англия должна была объявить войну Турции.

Что касается ограничения могущества России, то комиссия обращает внимание на следующие памятные слова австрийского уполномоченного, графа Буоля, из его письма от 20 мая 1855 г.: «По нашему мнению, соединенные усилия союзников должны быть направлены на такое ограничение политического могущества России, которое сделало бы для нее невозможным или, по крайней мере, весьма трудным злоупотребление своими материальными ресурсами. Сокращение и даже полное уничтожение русского флота в Черном море было бы само по себе еще недостаточно для лишения России преимуществ, вытекающих из ее географического положения по отношению к Турции.

Из всех приемов, которыми английское правительство пыталось ввести в заблуждение парламент, не удался только один, — именно предложение об ограничении морского могущества России на Черном море. Если бы война велась с той целью, которая была провозглашена, — с целью защиты целостности и независимости Османской империи, — мирные предложения царю должны были бы гласить: 1) возврат Турции дунайского устья, которым *de jure* [по праву] она продолжает владеть до сих пор, и 2) возмещение Россией военных расходов.

Комиссия заканчивает свой доклад следующими словами:

Комиссия считает невозможным примирить вышеизложенные факты с невиновностью английского кабинета. Было бы неправильно считать, что все члены кабинета до конца сознавали значение своего поведения. Но нельзя не вменить исключительной роли четырех министров иностранных дел — лорда Кларендона, лорда Эбердина, лорда Джона Росселя и в особенности лорда Пальмерстона. Действия последнего, обеспечившие признание Адрианопольского трактата, выплату России — даже во время войны — русско-датского

займа, подписание Ункиар-Скелесского, Дарданельского и Балта-Лиманского договоров; вероломное отношение лорда к Польше, Венгрии, Сицилии и Италии, равно как и его предательство по отношению к Франции, Персии Испании и Дании, — все это изобличает в нем неумолимого врага не только Турции, но и всех европейских стран, усердного агента России и главаря той части членов английского кабинета, которых он низвел до роли своих сообщников, принудив их помогать ему в преступлениях, которые они не сумели сразу раскрыть по недостатку ума, которым не могли дать отпора по недостатку честности и которых не посмели покарать по недостатку мужества. Только такая кара, свершонная по приговору верховного трибунала страны и по всей форме, предписываемой старинными законами и обычаями в отношении государственных изменников, может, по мнению комиссии, избавить народ от заговорщиков, предавших его в интересах иностранной державы.

ЛОРД ДЖОН РОССЕЛЬ

I.

Лондон, 25 июля 1855 г.

Лорд Джон Россель любил цитировать старую вигскую аксиому, что «партии похожи на улиток, у которых хвост приводит в движение голову». Вряд ли он предчувствовал, что этот хвост, в целях собственного спасения, отрубит голову. А лорд Россель, если и не был главой *«последнего вигского кабинета»*, был бесспорно главой *партии вигов*. Берк где-то говорит: «Число угодий, поместий, замков, лесов и т. д., отнятых у английского народа *Росселями*, прямо *невероятно*». Еще невероятней была бы слава, которой пользовался лорд Джон Россель, и та выдающаяся роль, играть которую он имел смелость в течение больше четверти столетия, если бы ключом к этой загадке не являлось «число поместий», захваченных фамилией Россель.

В течение всей своей жизни лорд Джон, казалось, гонялся за *постами* и, достигнув их, с таким ожесточением цеплялся за них, только затем, чтобы терять всякое притязание на власть. Так было с 1836 г. по 1841 г., когда ему достался пост лидера в палате общин, и с 1846 г. по 1852 г., когда он назвал себя премьер-министром. Ореол мощи, окружавший его в роли лидера оппозиции, шедшей штурмом на государственное казначейство, исчезал каждый раз в тот самый день, когда он приходил к власти. Как только лорд Джон из человека, стоявшего вне власти, превращался в человека, стоящего у власти, он сходил на-нет. Никакой другой английский государственный деятель не обладал в такой степени способностью превращать силу в бессилие. Зато никто, кроме него, не мог в такой степени выдавать свое бессилие за силу.

Кроме влияния герцогской семьи Бедфорд, младшим сыном которой был лорд Джон, призрачная власть, которою он периодически располагал, опиралась на отсутствие всех тех свойств, которые вообще дают человеку возможность властвовать над другими людьми. Его поразительно ограниченный взгляд на все вещи, как зараза, сообщался другим и в гораздо большей степени, чем самое гениальное крючкотворство, порождал смешение понятий у его слушателей.

Его истинный талант заключается в способности низводить все, чего бы он ни коснулся, к своим собственным карликовым размерам, сводить весь внешний мир к безгранично малому масштабу и превращать его в вульгарный микрокосм своего собственного изобретения. Его инстинкт умалять великое может быть превзойден только его способностью придавать ничтожному видимость величия.

Вся жизнь лорда Джона Росселя была основана на фальшивых предложениях, — фальшивых предложениях в пользу парламентской реформы, фальшивых предложениях в пользу религиозной свободы, фальшивых предложений в пользу свободы торговли. Его вера в достаточность фальшивых предложений была настолько искренней, что он считал возможным сделаться на основании их не только британским государственным деятелем, но и поэтом, мыслителем и историком. Только с такой точки зрения можно объяснить существование такой дряни, как его трагедия «Дон-Карлос или преследование», или его «Опыт истории английского правительства и конституции от царствования Генриха VIII до нынешнего времени», или его «Мемуары о европейских событиях со времени Утрехтского мира». Эгоистической узости его ума каждый предмет представляется какой-то *tabula rasa* [чистой доской], на которой он волен начертать свое собственное имя. Его мнения никогда не зависели от реальности фактов, а, напротив, факты зависели в его глазах от того порядка, в котором он располагает свои обороты речи. Как оратор, он не оставил после себя ни одной достойной упоминания остроты, ни одного глубокомысленного изречения, ни одного правильного наблюдения, ни одного сильного описания, ни одной красивой мысли, ни одного живого намека, ни одной юмористической сценки, ни одного искреннего чувства. «Самая скромная посредственность», — как признает Робек в своей истории министерства реформ, — вот что поразило удивлением его слушателей даже в тот момент, когда он совершил величайший акт своей общественной жизни, — внес в палату общин свой пресловутый билль о парламентской реформе. Он обладает своеобразной манерой связывать свою сухую, вялую, монотонную аукционоподобную речь с ученическими иллюстрациями из истории и какой-то торжественной тарабарщиной на тему о «красотах конституции», «всеобщих свободах страны», «цивилизации» и «прогрессе». В настоящий жар он впадает только или в состоянии личного раздражения, или выбитый своими противниками из лицемерно занятой им позиции надменности и самодовольства и доведенный до состояния явного душевного расстройства. В Англии все согласилось объяснять его бесчисленные неудачи какой-то

инстинктивной стремительностью. На самом же деле и эта стремительность является фальшивым предлогом. Она сводится к неизбежному сплетению уловок и крайних средств, рассчитанных только на данный момент без внимания к неблагоприятной конъюнктуре последующего момента. Россель лишен инстинкта, он всегда рассчитывает, но его расчет, такой же маленький, как и он сам, всегда — только для ближайшего часа. В результате этого — постоянные колебания и увертки, внезапные забеги вперед, позорные отступления, вызывающие слова, благоразумно проглоченные, гордые обязательства, с позором взятые обратно, и, когда все это не помогает, — слезы и всхлипывания, цель которых разжалобить мир. Вот почему вся его жизнь может быть рассматриваема либо как систематический подлог, либо как непрерывная ошибка.

Может показаться удивительным, чтобы общественная личность могла пережить такое множество мертворожденных правил, потерпевших крушение проектов и недоношенных схем. Но как полип растет от операции, так и лорд Джон Россель тучнеет от аборт. Значительное большинство его планов придумывалось для того, чтобы смягчить недовольство его союзников, так называемых радикалов, между тем как соглашение с его противниками, консерваторами, гарантировало ему «провал» этих планов. Кто мог бы во времени парламентской реформы назвать хотя бы одну единственную из его «широких и либеральных мер» или его «расплат по великой реформе», от судьбы которой он поставил бы в зависимость участь своего кабинета? Наоборот. Если что более всего другого способствовало укреплению и продолжительности его министерства, так это — выдвигание мероприятий для удовлетворения либералов и взятие их обратно в целях умиротворения консерваторов. Были периоды жизни Росселя, когда Пиль сознательно держал его у руля правления, чтобы не быть вынужденным *делать* то, о чем Россель, как он знал, будет только *болтать*. В такие эпохи тайных соглашений с официальными противниками Россель обнаруживал наглость по отношению к официальным союзникам. Он был храбр — под фальшивыми предлогами. Бросим взгляд на его прошлую деятельность с 1830 г. до нынешних дней. Наш *гений обыденщины* вполне этого заслуживает.

II.

Лондон, 1 августа 1855 г.

«Если бы я был художником, — сказал Коббет, — я бы изобразил английскую конституцию в виде старого дуба с прогнившими и мертвыми корнями, пустым стволом, шатающимся у основания и дрожащим от каждого напора ветра, а на него поместил бы лорда Джона Росселя под видом дятла, стремящегося все привести в порядок и клюющего гнездо насекомых на полуистлевшей коре одной из самых низких ветвей. Некоторые высказывают даже подозрение, что он гложет почки под предлогом очистки коры от вредных насекомых». Но как жалки ни были реформистские попытки Росселя в его допотопный период с 1813 г. по 1830 г., они, несмотря на всю свою незначительность, ни разу не были искренними. И одной минуты не колебался он отречься от них при малейшем намеке на министерский пост.

С 1807 года виги напрасно мечтали принять участие в потреблении казенного пирога, когда в 1827 году образование кабинета Каннинга, к которому они в вопросах торговли и внешней политики будто бы имели симпатии, казалось, представило им давно жданный случай. Россель в это время собирался как раз поставить в порядок дня один из своих дятловых законопроектов в пользу парламентской реформы, как вдруг Каннинг объявил свое твердое решение до конца своих дней противиться парламентской реформе. Тогда лорд Джон взял обратно свое предложение. «Парламентская реформа, — сказал он, — представляет собой вопрос, относительно которого существует много оттенков мнений среди ее защитников, и лидеры вигов были всегда против того, чтобы рассматривать ее как партийный вопрос. И сейчас он в *последний раз* поднимает этот вопрос». Он кончил свою речь бесстыдным заявлением: «Народ не желает больше парламентской реформы». Он, который всегда кичился своей шумной оппозицией против пресловутых шести принудительных законов Кестльри 1817 г., отказался голосовать предложение Юма об отмене одного из этих актов, угрожавшего пожизненной ссылкой автору любой заметки, в которой скрывалась хотя бы только *тенденция* подвергнуть оскорблению одну из палат парламента.

Так, мы видим, как в конце первого периода своей парламентской жизни лорд Россель предал свои более чем десятилетние декларации в пользу парламентской реформы в полном согласии с признанием Ораса Вальполя, этого прототипа вигов, который говорил в Конвее: «Демократические билли никогда не вносятся всерьез и являются лишь партийным орудием, а не залогом осуществления таких экстравагантных идей!» Таким образом ни в коем случае не Россель повинен в том, что, вместо того чтобы в мае 1827 года внести в последний раз предложение реформы, он повторил его четыре года спустя, 1 марта 1831 г., в виде знаменитого билля о парламентской реформе. Этот билль, который дает ему право притязать на восхищение со стороны всего света вообще и Англии в особенности, ни в коем случае не является его произведением. В своих главных чертах — в уничтожении большей части избирательных местечек путем присоединения их к графствам, в предоставлении избирательного права копигольдерам и временным арендаторам, а также 24 из наиболее значительных английских торговых и фабричных городов — этот билль был копией того билля, который был внесен в палату общин в 1797 году лордом Греем (главой министерства реформ в 1830 г.), бывшим тогда в оппозиции, и благоразумно им был забыт, когда он в 1806 г. очутился в кабинете. Это тот же самый билль, слегка видоизмененный. Изгнание Веллингтона из кабинета ввиду того, что он высказался против парламентской реформы, французская июльская революция, угроза крупных политических объединений между буржуазией и рабочими в Бирмингеме, Манчестере, Лондоне, крестьянская война в земледельческих графствах, красный петух, который распространял свое пламя по самым плодородным округам Англии, — все эти обстоятельства вынудили вигов внести хотя бы какой-нибудь билль о парламентской реформе. Они уступили нехотя, с досадой после тщетных попыток укрепить свою позицию компромиссным соглашением с ториями. Тут они встретили препятствия как в грозном поведении народных масс, так и в упрямой непримиримости ториев. Едва только билль о парламентской реформе превратился в закон и стал вводиться в действие, как народ, по выражению Брайта (6 июня 1849 г.), «начал чувствовать, что его обманули».

Быть может, еще ни разу такое могучее и по всем внешним признакам успешное народное движение не свелось к таким ничтожным результатам. Не только рабочий класс был лишен всякого политического влияния, но и буржуазия сразу поняла, что не простой фразой было заявление лорда Ольторпа, души кабинета реформ, обращенное

к его противникам из лагеря ториев: «Билль о парламентской реформе является самым аристократическим из мероприятий, когда-либо предложенных нации». Новое представительство от сельских местностей далеко превзошло тот прирост голосов, который был предоставлен городам. Право голоса, предоставленное временным арендаторам, превратило графства еще больше в орудие аристократии. Замена плательщиков податей и пошлин домовладельцами, владения которых приносят ежегодно десять фунтов дохода, лишила права голоса значительную часть городского населения. Предоставление и непредоставление избирательных прав было в общем рассчитано не на увеличение влияния буржуазии, а на умаление влияния ториев и усиление влияния вигов. Рядом самых невероятных уловок, хитростей и обманов было достигнуто неравенство избирательных округов и восстановлено колоссальное несоответствие между числом представителей и количеством народонаселения, с одной стороны, и значительностью избирательных корпораций, с другой. Если и было уничтожено 56 гнилых местечек с горсточкой населения в каждом, то целые графства и густо населенные города были превращены в гнилые местечки. Сам Джон Россель в письме к своим избирателям из Страуда, в котором идет речь о принципах билля о парламентской реформе (1832 г.), признает, что «десятифунтовое право голоса фактически сковано всякого рода правилами и ежегодная регистрация пользующихся избирательными правами превратилась в источник придинок и издержек». Там, где больше нельзя было действовать запугиванием и опираться на традиционное влияние, они заменялись подкупом, каковая система после принятия билля о парламентской реформе стала краеугольным камнем английской конституции.

Таков был билль о парламентской реформе, глашатаем которого был Россель, не будучи его автором. Единственными статьями, очевидным образом обязанными его изобретательности, является статья, требующая от *фригольдеров*, за исключением лиц духовного звания, годичного срока владения своим земельным участком, и еще одна статья, согласно которой Тависток — «гнилое местечко» семейства Россель — сохранило свои привилегии в неприкосновенном виде. Россель был второстепенным членом министерства реформ (с 1830 г. по ноябрь 1834 г.), а именно, казначеем армии без права голоса в кабинете. Он был чуть ли не самый незначительный среди своих коллег, но зато он являлся младшим сыном влиятельного герцога Бедфорда. Поэтому ему была предоставлена честь внести в палату общин билль

о реформе. Одно препятствие стояло на пути этой семейной инсценировки. В эпоху движения за реформу до 1830 г. Россель все время фигурировал как подручный Генри Брума. Росселю нельзя было поручить внесения билля о парламентской реформе, пока Брум сидел подле него в Нижней палате. Скоро это препятствие было устранено, и тщеславный плебей был брошен в палату лордов на шерстяной мешок. Так как наиболее значительные члены первоначального кабинета реформ или перебрались в Верхнюю палату (Ольторп в 1834 году), или вымерли, или перешли в партию ториев, Россель не только сделался единственным наследником министерства реформ, но и прослыл отцом ребенка, на крестинах которого он присутствовал. Он добился успеха под фальшивым предлогом, что он является автором билля о реформе, билля, который, сам по себе, был лишь подлогом и ловким маневром. Еще в период с 1830 по 1834 г. он выделялся той желчностью, с которой он выступал против всякого рассмотрения пенсионного списка.

III.

Лондон, 3 августа 1855 г.

Мы возвращаемся к характеристике Росселя. Мы дольше останемся на нем, так как, с одной стороны, он *классический представитель современного вигизма*, а, с другой, его история является, — по крайней мере в одном отношении — *историей реформированного парламента* вплоть до наших дней.

В своей защите билля о реформе Россель, касаясь системы *тайного голосования* и *краткосрочных парламентов*, — известно, что виги в 1694 г. превратили годичный парламент в трехлетний, а в 1717 г. в семилетний, — сделал следующее заявление: «Не подлежит никакому сомнению, что тайное голосование имеет много преимуществ. Основания, приводимые в его пользу, настолько убедительны, что ни в одном спорном вопросе я не встречался с более убедительными. Все же палата должна остерегаться принять слишком поспешное решение. Вопрос о *краткосрочном парламенте* чрезвычайно важен. Я предоставляю какому-нибудь другому члену палаты возможность в будущем поставить этот вопрос, так как не могу затемнять деталями мою большую тему». 7 июня 1833 г. он заявил, что «воздержался от внесения этих двух мер, чтобы избежать столкновения с палатой лордов, хотя дело идет об *убеждениях* (!), глубоко коренящихся в его душе. Он убежден, что они имеют существенное значение для счастья, благосостояния и благополучия страны». (Здесь перед вами образец собственной ему реторики.) В результате этого «глубоко коренящегося в нем убеждения» он в течение всей своей министерской карьеры являлся постоянным и непримиримым противником тайного голосования и коротких парламентов. В тот период, когда были сделаны эти заявления, последние играли двойную роль. Они успокаивали недоверчивых демократов из Нижней палаты и устрашали упрямых аристократов из Верхней палаты. Но как только Россель обеспечил себе поддержку нового двора королевы Виктории (смотри ответ Брума на послание Росселя избирателям Страуда, 1839 г.) и вообразил себя бессмертным собственником постов, он выступил с своим

заявлением от ноября 1837 г., в котором чрезмерную задержку билля о реформе оправдывал тем обстоятельством, что она исключает всякую возможность дальнейшего продвижения. «Цель билля о реформе, — сказал он, — заключалась в стремлении *увеличить перевес интересов землевладения*, и он мыслился как *перманентное разрешение* великого конституционного вопроса». Коротко говоря, он выступил со своим окончательным заявлением, которое доставило ему прозвище «Джона-Точки» (Finality John). Однако к поставленной им «точке», к решению остановиться на месте, он отнесся не более серьезно, чем к своей прежней решимости идти вперед.

Правда, в 1848 г. он выступил против предложения Юма о парламентской реформе. Опираясь на объединенные силы вигов, торриев и сторонников Пилля, он снова большинством 268 против 82 разбил Юма, когда тот в 1849 году опять внес подобное же предложение. Осмелев от поддержки консерваторов, он заносчиво бросил вызов: «Когда мы наметили проект билля о реформе и затем предложили его палате, мы постарались представителей этой палаты *приспособить* к другим органам государственной власти, оставив все в полной гармонии с конституцией. Г. Брайт и его единомышленники так *узки духом* (enggeistig), их способность суждения настолько ограничена, что нет положительно никакой возможности заставить их понять те великие принципы, которые нашими предками положены в основу конституции страны и которые у нас, их потомков, вызывают смиренное восхищение и стремление к подражанию. Палата общин в течение 17 лет, протекших после билля о реформе, оправдывала все справедливо возлагавшиеся на нее надежды. Существующая система, хотя и с некоторыми ненормальностями действует хорошо как раз благодаря некоторой своей *неправильности*». Однако в 1851 г., когда Россель потерпел поражение в связи с предложением Локка Кинга распространить избирательное право в графствах на собственность с ежегодным доходом в 10 фунтов, и он увидел себя вынужденным подать на несколько дней в отставку, его «широкий дух» открыл необходимость *нового билля о реформе*. Он обязался перед палатой общин внести билль. Он умолчал, в чем будет заключаться сущность новой «меры», но он выдал вексель, по которому *обязался уплатить в ближайшую сессию парламента*. «Притязание нынешнего министерства на занимаемое им место», — заявила тогда «Westminster Review», орган так называемых радикалов, находящихся в союзе с Росселем, — превратилось в формулу насмешек и упреков, и, наконец, когда уже стали казаться неизбежными его падение и уничтожение его партии, лорд Джон выступает

с обещанием нового билля о реформе в 1852 г. До этого момента не покидайте своего поста, — кричит он, — и я уголю ваши страстные желания широкой и либеральной реформой».

В 1852 году он действительно внес новый билль о реформе, на этот раз уже собственного изобретения, но столь крошечный по своим очертаниям, что консерваторы не сочли нужным нападать на него, а либералы защищать. Во всяком случае эта abortивная реформа дала этому ничтожному человеку, вынужденному, наконец, расстаться с министерством, предлог пустить, обращаясь в бегство, скифскую стрелу в своего победоносного преемника, графа Дерби. Он совершил свой уход с торжественной угрозой, что *«будет настаивать на расширении избирательных прав»*. Расширение избирательных прав стало ныне «близким его сердцу делом». Едва изгнанный из министерства, этот герой принимаемых по нужде мер, прозванный своими собственными сторонниками — «Джек Скверная погода» (Foul weather Jack), созвал в своей частной резиденции в Чешемплейсе различные фракции, от брака которых произошло расслабленное чудовище коалиции. Он не забыл пригласить «узких духом» Брайта и Кобдена, извиниться перед ними в торжественном собрании за свою духовную широту (Weitgeistigkeit) и выдать им новый вексель на другую, более «значительную» реформу. Будучи членом коалиционного министерства, Россель в 1854 году привел в веселое настроение палату общин еще одним проектом избирательной реформы, назначение которого, как он знал, было стать второй Ифигенией, принесенной им, вторым Агамемноном, в жертву для преуспевания второго троянского похода. Обряд жертвоприношения он выполнил в мелодраматическом стиле Метастазиио, с глазами полными слез, которые немедленно высохли, как только его место в кабинете, лишенное оклада, заменилось в результате жалкой интриги против г. Стрета, члена его собственной партии, постом президента кабинета с содержанием в 2 000 фунт. стерлингов.

Второй план реформы имел своей целью укрепить его падающее министерство, третий — низвергнуть кабинет ториев. Второй план был уверткой, третий — каверзой. Второй проект он преподнес в таком виде, что никто не имел желания ухватиться за него, третий — в таком виде, что никто не имел возможности это сделать. Обоими он доказал, что если судьба и сделала его министром, то природа готовила его в котельщики подобно Кристофу Слею. Даже в первом и единственном осуществленном билле он понял только его олигархический подвох, а не его историческую хитрость.

IV.

Лондон, 4 августа 1855 г.

С начала анти-якобинской войны влияние вигов в Англии стало все более и более падать. Тогда они обратили свои взоры на Ирландию, решив бросить ее на чашу весов, и написали на своем партийном знамени: «*Эмансипация Ирландии*». Очутившись в 1806 г. на одно мгновение у власти, они действительно внесли в палату общин билль о крохотной реформе для Ирландии, провели его через второе чтение и добровольно взяли его обратно, чтобы польстить ханжескому идиотизму Георга III. В 1812 году они сделали попытку, — правда, безуспешную, — навязать себя принцу-регенту (позже Георгу IV), под тем предлогом, что они — единственное орудие примирения с Ирландией. Как до агитации, так и во время агитации за реформу они всячески заискивали перед О'Коннелем, и «надежды Ирландии» служили для них могучим военным средством. Несмотря на это, первый акт министерства реформ в первой сессии реформированного парламента заключался в объявлении войны Ирландии, в «варварском и кровавом» мероприятии «принудительного билля», который обрек Ирландию на военное положение. Виги выполнили свои старые обещания «огнем, тюрьмой, ссылкой и даже смертью». Против О'Коннеля было возбуждено преследование, и он был осужден по обвинению в мятеже. В то же время виги внесли и провели через парламент принудительный билль против Ирландии только потому, что дали определенное обязательство предложить другой билль — об *английской государственной церкви* в Ирландии. Этот билль, — обязались они дальше, — должен заключать статью, которая отдавала бы в распоряжение парламента определенный *избыток* доходов, получаемых в Ирландии государственной церковью. С своей стороны парламента должен распоряжаться этими суммами в интересах Ирландии.

Значение этой статьи заключалось в провозглашении принципа, согласно которому парламента обладает правом экспроприации государственной церкви, — принципа, в правильности которого лорд Джон Россель должен был быть убежденным уже по одному тому, что все чудовищное состояние его фамилии состоит из прежних церковных

владений. Виги дали обещание отстоять этот церковный билль, или подать в отставку. Но как только был вотирован принудительный билль, они, под предлогом устранения столкновения с палатой лордов, взяли обратно вышеупомянутую статью, которая только и давала смысл их церковному биллю. Они своими собственными головами провалили свое предложение. Это произошло в 1834 г. Но к концу этого года словно электрический ток оживил ирландские симпатии вигов. Дело в том, что сэр Роберт Пиль вынудил их осенью 1834 г. оставить кабинет. Они были снова отброшены на скамьи оппозиции. И сразу же мы застаем нашего лорда Джона Росселя за ревностной работой по примирению с Ирландией. Он был главным агентом в переговорах по заключению *Личфильдхаузского* договора в январе 1835 г. Виги предоставили по этому договору О'Коннелю право патронажа (право распределять должности и т. д.) в Ирландии. О'Коннель, с своей стороны, гарантировал им ирландские голоса внутри и вне парламента. Но необходимо было запастись *предлогом* для изгнания ториев из Даунингстрита. Россель с характерной для него «застенчивостью» избрал полем сражения *церковные доходы* Ирландии, а боевым паролем — ту самую статью, снискавшую славу под названием «*статьи о присвоении*», от которой он и его коллеги по министерству реформ совсем незадолго перед этим *сами*, взяв обратно, отреклись. Пиль действительно потерпел поражение, его свалила «статья о присвоении». Был образован кабинет Мельбурна, в котором лорд Джон Россель устроился министром внутренних дел и лидером палаты общин. Теперь Россель стал превозносить себя, с одной стороны, за свою духовную стойкость, ибо он, и будучи на посту, продолжает твердо держаться своих *убеждений* о «статье о присвоении»; с другой стороны — за свою моральную умеренность, так как он отказывается *действовать* на основании этих убеждений. Он так и не перевел их из области слов в область поступков. Став премьер-министром, в 1846 г., он добился такой полной победы своей моральной умеренности над своей же духовной стойкостью, что отказался и от самых «убеждений». «Я не знаю, — воскликнул он, — более роковых мер, чем те, которые посягают на самые коренные основы государственной церкви — на ее доходы».

В феврале 1833 г. Джон Россель от имени министерства реформ резко выступил против ирландской агитации за отделение от Англии. «Истинной ее целью, — воскликнул он в палате общин, — является стремление опрокинуть без всяких церемоний объединенный парламент, и на место короля, палаты лордов и палаты общин объединенного королевства поставить другой парламент, лидером и главой которого был бы О'Коннель». В феврале 1834 г. в тронной речи был опять

сделан выпад против агитации за отделение, и министерство реформ предложило выступить с адресом и «в торжественной форме заявить, что нерушимой волей парламента является сохранение законодательного союза трех королевств в нетронutom и цельном виде». Но стоило только лорду Джону Росселю быть отброшенным на выбушие пески оппозиции, как он сразу заявил: «Что касается *отделения*, то этот предмет подлежит поправкам и запросам, как и всякий другой акт законодательства». Значит, точь-в-точь как любой пивной билль.

В марте 1846 г. Джон Россель свалил кабинет Пилля путем коалиции с ториями, которые горели желанием наказать отступничество своего вождя в вопросе о «хлебных» законах. Предлогом послужил ирландский билль Пилля *об оружии*, против которого Россель, нравственно возмущенный, выступил с безусловным протестом. Он стал премьером. Первым его выступлением было внесение в парламента того же «билля об оружии». Но он только осрамился. О'Коннель успел уже организовать колоссальные митинги против пилевского билля, собрать петиции с 50 000 подписей: он находился в Дублине, где пустил в ход все пружины агитации. Король Дан (популярная кличка Даниэля О'Коннеля) потерял бы и державу, и ренту, если бы в этот момент был сочтен соучастником Росселя. И в угрожающей форме он дал знать этому маленькому человеку, чтобы он немедленно взял обратно свой «билль об оружии». Россель взял билль обратно. О'Коннель сумел, несмотря на свою тайную игру с вигами, к их поражению присоединить унижение. Чтобы не оставалось никаких сомнений относительно того, *по чьему приказанию* дается сигнал к отступлению, он 17 августа в Дублине сообщил сторонникам отделения о взятии обратно «билля об оружии» — в *тот самый день*, когда Джон Россель объявил об этом в палате общин. В 1844 г. Россель напал на сэра Роберта Пилля за то, что «он наполнил Ирландию войсками и страной не правит, а только оккупировал ее». В 1848 г. Россель занял Ирландию военной силой, распространил на нее действие акта о государственной измене, провозгласил отмену Habeas Corpus Act'a и хвастал «энергичными мероприятиями» Кларендона. Но и эта энергия была фальшивым предлогом. В Ирландии восстали, с одной стороны, сторонники О'Коннеля вместе с попами, в тайном согласии с вигами, с другой — Смит О'Брайен и его сторонники. Последние были просто *одурачены*; они приняли всерьез игру в отделение, и потому кончили фарсом. «Энергичные меры», принятые правительством Росселя, и пущенные в ход жестокости совсем не вызывались обстоятельствами. Их целью было не упрочение английского господства в Ирландии, а продление режима вигов в Англии.

V.

Лондон, 6 августа 1855 г.

Хлебные законы были введены в Англии в 1815 г., в результате соглашения ториев и вигов повысить свою земельную ренту путем обложения нации налогом. Это было достигнуто не только тем, что хлебные законы — законы о запрещении ввоза ржи из-за границы — искусственно повышали в определенные годы цены на хлеб. Рассматривая период с 1815 г. по 1846 г., приходится признать, что еще большее значение имела иллюзия арендаторов, что хлебные законы могут при всяких условиях удерживать цены на хлеб на заранее определенной высоте. Эта иллюзия оказывала влияние на арендные контракты. Чтобы их постоянно освежать, парламент, как мы видим, постоянно занят новыми и улучшенными изданиями хлебного закона 1815 г. Когда цены на хлеб падали, несмотря на предписания хлебных законов, создавались парламентские комитеты, которые должны были обследовать причины оскудения земледельческих округов. Это оскудение земледелия, поскольку оно являлось предметом парламентского обследования, сводилось в действительности к несоответствию между ценами, которые арендатор платил за землю землевладельцу, и ценами, по которым он продавал земледельческие продукты публике, иначе говоря — *несоответствию между земельной рентой и ценами на хлеб*. Это несоответствие легко было устранить понижением земельной ренты — источника доходов земельной аристократии. Вместо этого последняя естественно предпочитала понижать законодательным путем цены на хлеб, и один хлебный закон заменялся другим, слегка видоизмененным; неудачное действие каждого объяснялось несущественными деталями, которые могут быть исправлены новым парламентским актом. Если так обстояло дело с ценами на хлеб при определенных обстоятельствах, то высота *земельной ренты* поддерживалась на неестественном уровне при всех условиях. Так как дело шло о «священных интересах» земельной аристократии, о наличных ее доходах, то обе ее фракции — тории и виги — согласились признать хлебные законы неподвижными звездами, стоящими *над* полем их партийной борьбы. Виги

противились даже попытке питать какие-либо «либеральные взгляды» на этот предмет, тем более, что тогда еще далека была перспектива любой дефицит в земельной ренте покрыть отвоеванием наследственной аренды правительственных постов. Обе фракции, с целью гарантировать за собой голоса финансовой аристократии, вотировали банковский закон 1819 г., согласно которому проценты по государственным долгам, сделанным в обесцененных деньгах, должны были выплачиваться в полноценных. Нация, взяв займы, скажем, 50 фунтов, должна была выплатить 100 фунтов. Так было куплено согласие финансовой аристократии на хлебные законы. Мошенническое повышение государственной ренты в услугу за такое же повышение земельной ренты — таково было соглашение между финансовой и земельной аристократией.

После этого не покажется удивительным, что лорд Джон Россель во время парламентских выборов 1835 и 1837 гг. объявил всякую *реформу хлебных законов* абсурдной, вредной, непрактичной и еретической. С самого начала своей министерской карьеры он отвергал всякое такое предложение, сначала с достоинством, а затем с большой страстью. В своей защите высоких хлебных пошлин он далеко оставил за собой сэра Роберта Пиля. Перспектива голода в 1838 — 1839 гг. не смогла поколебать ни его, ни других членов кабинета Мельбурна. Но чего не могло достигнуть бедственное состояние нации, то случилось в результате бедственного положения кабинета. Дефицит государственного казначейства в 7 500 000 фунтов и внешняя политика Пальмерстона, угрожавшая войной с Францией, побудили палату общин вынести, по предложению Пилля, вотум недоверия кабинету Мельбурна. Это случилось 4 июня 1841 г. Виги, всегда проявлявшие такую же жадность в погоне за местами, как и неспособность их занимать или желание от них отказаться, попытались, правда тщетно, избежать своей участи путем роспуска парламента. Тогда в глубокой душе Джона Росселя возникла идея разделаться с агитацией против хлебных законов, как он помог разделаться с движением в пользу реформы. Внезапно он объявил себя сторонником «умеренной твердой пошлины» вместо скользящей таможенной скалы — ведь он всегда был другом «умеренного» политического целомудрия и «умеренных» реформ. Он не постыдился проследовать по улицам Лондона в процессии правительственных избирательных кандидатов в сопровождении знаменосцев, которые нацепили на свои шесты два хлеба, резко различающихся один от другого, — один хлеб двухпенсовый с надписью — «хлеб Пилля», другой шиллинговый с

надписью — «хлеб Росселя». Но на этот раз нация не дала себя провести. Народ знал из опыта, что виги обещают хлеб, а расплачиваются камнями. Несмотря на смехотворное карнавальное шествие Росселя, новые выборы дали правительству вигов меньшинство в 76 депутатов. Оно должно было сняться с лагеря. Россель в отместку за плохую услугу, которую ему оказала в 1841 году умеренная твердая пошлина, вознаградил себя тем, что в 1842 г. спокойно дал возможность «скользящей скале» Пияля принять форму закона. Он презирал теперь «умеренную твердую пошлину»; он повернулся к ней спиной; он допустил ее падение, не обронив при этом ни слова.

В промежуток времени между 1841 и 1845 гг. «Лига противников хлебных законов» разрослась до колоссальных размеров. Старый договор между финансовой и земельной аристократией не гарантировал больше хлебных законов, так как промышленная буржуазия все больше и больше становилась, вместо финансовой аристократии, руководящей частью буржуазии. А для промышленной буржуазии отмена хлебных законов была вопросом жизни или смерти. Понижение издержек производства, расширение внешней торговли, увеличение прибыли, уменьшение главного источника доходов и тем самым власти земельной аристократии, повышение собственной политической силы — вот причины агитации промышленной буржуазии за отмену хлебных законов. Осенью 1845 г. промышленная буржуазия нашла себе грозных союзников в виде картофельной болезни в Ирландии, повышения хлебных цен в Англии и неурожая в большей части Европы. Сэр Роберт Пиль, утраченный угрожающей конъюнктурой, устроил в конце октября и начале ноября 1845 г. ряд заседаний кабинета, на которых внес предложение о временной отмене хлебных законов и даже намекнул на необходимость их окончательной отмены. Постановление кабинета задержалось вследствие упорного противодействия его коллеги Стенли (ныне лорд Дерби).

Джон Россель, совершавший в тот момент, во время парламентских вакансий, увеселительную поездку в Эдинбург, пронюхал о событиях в кабинете Пияля. Он решил использовать вызванную Стенли задержку, опередить Пияля в популярной позиции, внушить, что это он повлиял на Пияля, и таким образом лишить его предусмотрительный ход всякого морального значения. В соответствии с этим он из Эдинбурга обратился 22 ноября 1845 г. к своим избирателям из Сити с письмом, полным злых намеков по адресу Пияля, под тем предлогом, что министр слишком долго медлит принять решение по вопросу о бедственном положении в Ирландии. Периодический

голод в Ирландии в 1831, 1835, 1837 и 1839 гг. не смог поколебать веры Росселя и его коллег в хлебные законы. Теперь же он внезапно воспламенился. Даже такое чудовищное несчастье, как голод двух народов, не вызвало перед духовным взором этого ничтожного человека ничего другого, кроме картины западни для своего противника на «посту». В своем письме он пытается истинный мотив своего превращения в сторонника свободы торговли прикрыть следующими признаниями бедного грешника: «Я признаю, что мои убеждения по этому вопросу в течение двадцати лет не потерпели в общем никакого изменения. Я всегда был того мнения, что хлеб представляет собой исключение из общих правил политической экономии; но наблюдения и опыт убедили меня в том, что мы должны воздержаться от всякого вмешательства в вопросы ввоза продуктов питания». В том же самом письме он бросает Пилю упрек в том, что тот до сих пор еще не вмешался в ввоз продуктов питания в Ирландию. Пилю удалось изловить этого ограниченного человека его же собственной ловушкой. Он подал в отставку, написав королеве письмо, в котором обещал Росселю свою поддержку, если тот возьмется провести отмену хлебных законов. Королева пригласила Росселя к себе и поручила ему составление нового кабинета. Он пришел, увидел.. и объявил себя *неспособным* на это, даже при поддержке своего соперника. Он не думал, что дело обернется таким образом. Для него все это было фальшивым предложением, а ему угрожали поймать его на слове. Тогда снова выступил Пиль и провел отмену хлебных законов. Партия ториев этим его поступком была разбита и дезорганизована. Россель блокировался с ней, чтобы свергнуть Пилья. Вот где источник его притязаний на звание «министра свободы торговли», которым он на-днях хвастался в парламенте.

VI.

Лондон, 12 августа 1855 г.

Мы еще раз возвращаемся к лорду Джону Росселю, чтобы закончить с его характеристикой. В начале своей карьеры он приобрел своего рода имя своей терпимостью, а в конце ее — своим ханжеством. Первый раз — своим предложением об отмене «Акта об испытаниях и корпорациях» (Test and Corporations Act), а в другой раз — своим «Ecclesiastical Titles Bill» (биллем о духовных титулах). «Акт об испытаниях и корпорациях» запрещал диссентерам занимать государственные должности. Этот акт стал давно мертвой буквой, когда Россель внес в 1828 г. свое известное предложение отменить его. Он защищал свое предложение, исходя из убеждения, что «отмена этого акта увеличит прочность государственной церкви». Один писатель того времени сообщает: «Никто не был больше удивлен успехом этого предложения, чем сам его автор». Разгадка этого проосто-напросто в том, что год спустя (1829) *министерство торговли* внесло билль об эмансипации даже католиков, и, конечно, должно было желать освободиться предварительно от «Test and Corporations Act». Кроме этого диссентеры не получили от лорда Джона за все время пребывания его в оппозиции ничего, кроме обещаний. В министерстве он противился даже отмене церковных пошлин.

Его *поход против папы* еще более характерен для пустоты этого человека и ничтожности руководящих им мотивов. Мы видели, что в 1848 — 1849 гг. он провалил предложения своих собственных союзников, объединив вигов с ториями и сторонниками Пилля. Из-за такой зависимости от консервативной оппозиции его министерство стало слабым и неустойчивым в 1850 г., когда папская булла о введении церковной иерархии в Англии и назначение кардинала Уайзмана архиепископом вестминстерским вызвали поверхностное возбуждение среди самой лицемерной и вздорной части английского народа. Во всяком случае Россель не был захвачен врасплох мерами папы. Его тесть, лорд Минто, находился в Риме, когда «Римская газета» опубликовала в 1848 г. назначение Уайзмана. Из «письма к английскому народу» кардинала Уайзмана мы узнаем, что еще

в 1848 г. папа показывал лорду Минто буллу о введении церковной иерархии в Англии. Россель сам сделал несколько подготовительных шагов, заставив Кларендона и Грея признать официально духовные титулы в Ирландии и колониях. Теперь же, приняв во внимание слабость своего кабинета, обеспокоенный историческим воспоминанием о том, что в 1807 г. поход против папы лишил вигов власти, опасаясь, как бы Стенли, подражая Персивалю, не опередил его во время роспуска парламента, как он сам пытался опередить сэра Роберта Пиля с отменой хлебных законов, — преследуемый всеми этими предчувствиями и призраками этот маленький человек совершил *salto mortale* [головоломный прыжок] в область безудержного протестантского страстного рвення.

4 ноября 1850 г. он опубликовал пресловутое «письмо к епископу Дергемскому», где он заверяет епископа: «Я вполне с вами согласен в том отношении, что последнее покушение папы на наш протестантизм нельзя не считать беззастенчивым и коварным, и я этим обстоятельством возмущен в такой же степени, как и вы». Он говорит о «действенных попытках, имеющих целью содействовать в этот момент ограничению духа и порабощению души». Католические обряды он называет «маскарадом суеверия», на который значительное большинство нации смотрит с презрением, и, в заключение, обещает епископу выступить с новыми законами против узурпации папы, если бы старые законы оказались недостаточными. Тот же самый лорд Джон в 1845 г., будучи тогда не у дел, заявил: «Я думаю, что мы можем исключить те статьи, которые мешают римско-католическому епископу присваивать себе титулы, которые носят епископы государственной церкви. Нет ничего более абсурдного и детского, чем сохранять такие различия». В 1851 г. он внес в парламент свой билль о духовных титулах в подтверждение этих «абсурдных и детских различий». Но так как в этом году он был побит коалицией ирландской бригады с сторонниками Пиля, манчестерцами и т. д. — при обсуждении запроса Локка Кинга о расширении избирательных прав, — его протестантское рвення испарилось, и он дал обещание изменить этот билль, который в действительности появился на свет мертворожденным.

Так же, как с его фальшивым рвеннем в выступлениях против папы, обстояло дело и с его пылом по вопросу об *эмансипации евреев*. Все знают, что билль о еврейском равноправии является ежегодным фарсом, приманкой для избирательных голосов, которыми австрийский барон Ротшильд располагает в Сити. Фальшивым предлогом были также его декларации против рабства. «Ваша оппозиция, — писал

ему лорд Брум, — всем предложениям в пользу негров, ваше противодействие всякой попытке поставить препятствия вновь организованной торговле рабами увеличили разрыв между вами и страной. Представление о том, что вы, в 1838 году противник всех законов против рабства, враг всякого вмешательства в советы колоний, составленных из рабовладельцев, внезапно до такой степени влюбитесь в негров, что путем внесения билля в их пользу рискнете своим постом в 1839 году, обнаружило бы удивительную способность к самообману.

Фальшивым предлогом были также его реформы в *области судопроизводства*. Когда парламент в 1841 г. вынес вотум недоверия кабинету вигов и предстоящий роспуск палаты не обещал успеха, он попытался провести через палату общин билль о судах, чтобы «исцелить одно из самых мучительных зол нашей системы — волокиту в courts of equity [судах справедливости] — путем учреждения должности двух новых «judges of equity» (судей, которые руководились бы не строгостью закона, а справедливостью). Россель назвал этот свой билль — «великой расплатой по великой реформе судов». Истинной его целью было провести контрабандой на вновь открывшиеся должности двух друзей своих, вигов, до предстоящего, по видимому, образования кабинета ториев. Сэр Эдуард Согден (ныне барон Сент-Леонардс), раскусивший его насквозь, внес поправку, согласно которой этот билль вступает в законную силу только 10 октября (т. е. после созыва новоизбранного парламента). Несмотря на то, что в этот билль, который он назвал очень «спешным», не было внесено и малейшего изменения, он по принятии поправки немедленно взял его обратно. Билль стал пресным и потерял свою соль.

Колониальные реформы, проекты воспитания, «свободы подданных», общественная пресса и общественные собрания, военный энтузиазм и жажда мира — все это фальшивые предлоги для лорда Джона Росселя. Весь он — фальшивый предлог, вся его жизнь — сплошная ложь, вся его деятельность — непрерывная цепь ничтожных интриг для достижения грязных целей — поглощения общественных денег и узурпации одной лишь видимости власти. Никто лучше его не подтверждает библейского сказания, что ни один человек не может и дюйма прибавить к своей величине. Поставленный рождением, связями, совпадением общественной конъюнктуры на чудовищный пьедестал, он всегда оставался homunculus'ом — карликом, танцующим на вершине пирамиды. Вряд ли история выставила напоказ другого человека — столь великим в своем ничтожестве.

**КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ
ПАДЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ**

ВОЕННЫЕ СИЛЫ ПРОТИВ РОССИИ.

Лондон, 11 августа 1855 г.

Военные силы, которыми союзники в этот момент располагают против России, сводятся, кроме их собственных войск, к следующему:

1) Маленький вспомогательный пьемонтский корпус в составе 15 000 человек, — корпус, которого удалось добиться от Пьемонта общими угрозами Англии, Франции и Австрии. Это кровопускание Пьемонту было одним из тех условий, на которых Австрия продала свое присоединение к «договору 2 декабря».

2) *Иностранный легион* в составе нескольких тысяч человек — разношерстный сброд западных наемников, которых выманяют с родины по-одиночке, тайком и с нарушением полицейских правил.

3) Находящийся в процессе организации *итальянский легион* в составе от 4 до 5 тысяч человек.

4) *Польский легион*, существующий только в проекте.

5) Наконец, в отдаленной перспективе *испанский* вспомогательный корпус, представитель «бледной финансовой немочи».

Этот пестрый список вольных отрядов и крошечных армий отражает карту Европы, идущей теперь вслед за Англией и Францией. Можно ли дать более совершенную карикатуру той армии народов, которую двинул против России Наполеон I?

* ПОЛЬСКИЙ МИТИНГ В СЕН-МАРТИНСКОЛЛЕ.

Лондон, 13 августа 1855 г.

Раздраженные, неоднократно повторяющиеся выпады правительственных газет против большого польского митинга, состоявшегося в прошлую среду в Сен-Мартинсколле, вынуждают нас выступить с некоторыми замечаниями. Ясно, что инициатива митинга исходила от самого министерства. В качестве ширмы выдвинуто было «Литературное общество друзей Польши», — общество, в состав которого входят, с одной стороны, сторонники Чарторыйского, а с другой — дружественно настроенные к Польше английские аристократы. С самого своего возникновения это общество было слепым орудием в руках Пальмерстона, который при посредстве недавно умершего лорда Дедли Стюарта направлял и контролировал его. Польские адреса и депутации, которые это общество ежегодно посылало Пальмерстону, были для него одним из сильнейших средств сохранять за собой репутацию «руссофоба». Сторонники Чарторыйского, с своей стороны, извлекали из этого союза значительные выгоды: благодаря ему они могли, во-первых, фигурировать в роли единственно достойных, так сказать «официальных» представителей польской эмиграции, во-вторых, сводить на-нет демократическую партию польских эмигрантов и, наконец, располагать значительными суммами общества в качестве вербовочных средств для собственной партии. Борьба между Литературным обществом и «Централизацией» — демократическим польским обществом — была бурная и продолжительная. В 1839 г. «Централизация» организовала в Лондоне большой митинг, на котором разоблачила интриги «литературного» общества, развернула картину исторического прошлого Чарторыйских (это было сделано Островским, автором истории Польши на английском языке) и громко заявила о своем отрицательном отношении к дипломатически-аристократическим «восстановителям» Польши. С этого момента была поколеблена позиция «литературного» общества, узурпаторски им себе присвоенная. Мимоходом необходимо отметить, что события 1846, 1848 и 1849 гг. выдвинули третий элемент польской эмиграции,

социалистическую фракцию, которая вместе с демократами выступает против Чарторыйских.

Цели организованного по инициативе правительства митинга были тройкие: во-первых, образование польского легиона, чтобы отправить в Крым часть польской эмиграции; во-вторых, восстановление популярности Пальмерстона и, наконец, передача всякого польского движения в его и Бонапарта руки. Правительственные газеты утверждают, что цели митинга были расстроены глубоко законспирированной, имеющей русский источник, организацией. Нет ничего смешнее этого утверждения. Значительное большинство присутствовавших в Сен-Мартинсхолле состояло из лондонских чартистов. Направленная против правительства поправка¹ была внесена одним уркартистом и поддержана другими, — а именно Коллетом и Гартом. Печатные листки, раздававшиеся в зале, были такого содержания: «Митинг создан английскими аристократами, которые стремятся только к поддержанию старой правительственной системы и т. д.», «Польша осуждает союз с нынешними властителями Европы, не желает быть восстановленной ни одним из существующих правительств и опуститься до роли орудия дипломатических интриг». Эти листки были подписаны президентом и секретарем «польско-демократического комитета». Стоит только принять в расчет, что в Лондоне чартисты, уркартисты и «демократическая» польская эмиграция находятся далеко не в дружеских отношениях, и сразу исчезнет всякое подозрение насчет «заговора». Шумные перерывы митинга были вызваны исключительно непарламентарным отказом председателя лорда Гаррингтона огласить поправку Коллета и поставить ее на голосование. Они еще более усилились благодаря неожиданной идее полковника *Шульчевского*, секретаря «Литературного общества друзей Польши», позвать констебля, чтобы арестовать Коллета. Шум, разумеется, достиг высших пределов, когда лорд Гаррингтон, сэр Роберт Пиль и их друзья ушли с эстрады и очистили место. Как только Джордж Томпсон был избран председателем вместо Гаррингтона, немедленно было восстановлено спокойствие.

¹ Дословный текст принятой митингом поправки Коллета следующий: «Митинг, от души желая восстановления польской нации, не может забыть, что ее разгром является главным образом результатом коварного поведения Пальмерстона в период с 1830 по 1846 г., и поэтому, пока Пальмерстон находится на службе у короны, всякое предложение о восстановлении Польши является ловушкой и обманом. Истинность этого утверждения доказывается тем, что Пальмерстон так ведет войну, чтобы причинить России наименьший урон, а предложенные им условия мира таковы, что они окончательно свели бы на нет неприкосновенность и независимость Турции».

Экземпляры правящего класса Англии, выступавшие на этом польском митинге, вряд ли были способны вызвать особое уважение к патрициату. Граф *Гаррингтон*, быть может, очень хороший человек, но, без сомнения, очень скверный оратор. Трудно себе представить более мучительную картину. Его светлость с большим трудом произнес два связанных слова. До этого момента он не смог закончить ни одной фразы. Вместо него это сделали стенографы. Его светлость — человек военный и несомненно храбрый, но если судить по тому, как он вел митинг, он менее всего создан для роли вождя. Как оратор, лорд *Эбрингтон*, этот акушер билля о воскресном отдыхе, не многим превосходит лорда Гаррингтона. Его физиономия выражает тупость, его черепная коробка похожа на стенобитную машину. У него одно неоспоримое достоинство: его нельзя побить доводами. Наполеон однажды сказал: «Англичане не знают, когда их бьют». В этом отношении Эбрингтон — образцовый англичанин.

После лордов выступили баронеты. Лорд *Эбрингтон* огласил правительственное предложение о восстановлении Польши. Сэр *Роберт Пиль* выступил вслед за ним и говорил в качестве его секунданта. Во многих отношениях трудно представить себе больший контраст, чем между депутатом от Темворта (Пиль) и депутатом из Мерилебона (Эбрингтон). Первый — беспутный и природный шарлатан, второй — манерный пуританский трус. Первый забавляет, второй вызывает отвращение. Сэр Роберт Пиль производит впечатление странствующего торговца вином, возведенного в дворянское достоинство, лорд Эбрингтон — инквизитора, обращенного в протестантство. Если бы смешать воедино Тони Льюмпкинса и Красавца-Брюммеля, то они дали бы приблизительно такую же нелепицу, какая нам является в лице, одежде и манерах Пилия. Это — необыкновенная смесь клоуна и дэнди. Пальмерстон очень пристрастен к этому редкому экземпляру из Темворта. Он находит его полезным. Когда он хочет знать, в какую сторону дует ветер народных настроений, он в качестве флюгера выставляет Роберта Пилия. Когда он желал убедиться, санкционирует ли общественное мнение Англии высылку Виктора Гюго и т. д., он поручил выступить Роберту Пилию с резкими нападками против эмигрантов и апологией Бонапарта. Так же было и по отношению к Польше. Он пользуется им в качестве «щупальца». Для этой не очень-то достойной роли Пиль замечательно подходит. Он представляет собой то, что англичане называют «а chartered libertine» (патентованным распутником), — общепризнанного шалуна, привилегированного чудака, за выходки и вылазки, зигзаги, слова и поступки которого не сделают ответственными

ни одно министерство, ни одну партию. На польский митинг сэр Роберт прибыл разодетым и, как говорят, нарумянившись, как артист. Он казался зашнурованным, имел в петличке красную рсву, надушился, как модистка, и в правой руке держал чудовищный зонтик, которым ударял в такт своей речи. По чрезвычайно ироническому совпадению непосредственно за лордами и баронетами выступил г. *Тайт*, бывший вице-президент «Ассоциации административных реформ». С тех пор как он, благодаря влиянию этой ассоциации, был провозглашен Солоном из Бата, он, как известно, свою парламентскую карьеру начал с того, что голосовал *против* предложения Шелли о частичной административной реформе и подал свой голос *за* турецкий заем Пальмерстона, *воздержавшись* в то же время с большим тактом от голосования по предложению Робека. Лорды и баронеты, казалось, со смешком показывали на него: «Смотрите, вот наш заместитель». Нет никакой нужды подробнее характеризовать г. Тайта. Это сделал Шекспир, когда изобрел бессмертного Шеллоу, которого Фальстаф сравнивает с одной из тех фигурок, которых после обеда вырезают из сырной корки. В противоположность всем этим господам, *Гарт*, молодой, никому неизвестный плебей, с первых же слов произвел впечатление человека, призванного увлекать за собой массы и владеть ими. Теперь понятно огорчение правительства, вызванное польским митингом. Митинг превратился в поражение не только для Пальмерстона, но еще больше для класса, представителем которого он является.

* «НЕПОСТИЖИМАЯ ВОЙНА».

I.

Лондон, 17 августа 1855 г.

Англо-французская война против России будет бесспорно фигурировать в военной истории как *«непостижимая война»*. Обильное красноречие на-ряду с ничтожной активностью; огромные приготовления и лишённые всякого значения результаты; предусмотрительность, весьма близкая к робости, сменяемая безумной смелостью, результатом полного невежества; полная посредственность генералов и на-ряду с ней исключительная храбрость войск; как бы умышленные поражения и победы, одержанные благодаря недоразумению; армии, уничтоженные в результате небрежности и снова спасённые в результате удивительного совпадения обстоятельств, — бесконечный клубок противоречий и непоследовательностей. И все это так же характерно для русских, как и для их врагов. Если англичане уничтожили образцовую армию благодаря плохому управлению чиновников и ленивой неповоротливости офицеров, если французы подвергали себя бесполезным опасностям и терпели громадные потери только потому, что Луи Бонапарт притворялся, что руководит войной из Парижа, то русские терпели подобный же урон благодаря плохому управлению и глупым, но решительным приказаниям из Петербурга. Военный талант императора Николая с турецкой войны 1828 — 1829 гг. старательно «замалчивается» даже его самыми подобострастными льстецами. Если русские и могут указать на Тотлебена, который, между прочим, *не русский*, то, с другой стороны, у них имеется Горчаков и много других с фамилиями на «ов», которые ни с какой стороны не уступают Сент-Арно и Раглану в бездарности.

Можно было бы думать, что по крайней мере теперь, когда так много голов занято придумыванием всевозможных планов нападения и защиты, когда с каждым днем все растут массы войск и материалов, появится на свет какая-нибудь крупная идея. Ничего подобного. Война затягивается, но ее продление способствует только расширению театра военных действий. Чем больше открывается военных театров, тем меньше совершается событий на каждом из них.

Их теперь шесть: *Белое море, Балтийское море, Дунай, Крым, Кавказ и Армения*. И все, что совершается на этом необозримом пространстве, может быть описано на одной странице.

О *Белом море* англо-французы благоразумно совсем умалчивают. Тут у них лишь две возможных военных задачи: помешать береговой и прочей торговле русских в этих водах и, если можно, взять Архангельск. Первое они попытались сделать, но только частично. Соединенные эскадры как в этом, так и в прошлом году явились слишком поздно и отправились слишком рано обратно. Вторая задача — взятие Архангельска — не была даже и поставлена. Вместо того, чтобы отдаться этой основной задаче, осадная эскадра занялась жалкими атаками на русские и лопарские деревни и разрушением жалкого имущества нищих-рыбаков. Это позорное поведение английские корреспонденты оправдывают естественным раздражением эскадры, чувствующей, что она не может сделать ничего серьезного! Хороша защита!

На *Дунае* — никаких событий. Дельта этой реки не очищается даже от пиратов, делающих ее небезопасной. Австрия владеет ключом к воротам, которые с этой стороны ведут в Россию, и, очевидно, решила не выпускать его из своих рук.

На *Кавказе* все тихо. Грозные черкесы, как и все дикие и независимые горцы, повидимому, очень довольны отступлением походных русских колонн из их долин и не выражают никакого желания спускаться в долину, кроме как для разбойничьих налетов. Они умеют сражаться только на своей собственной земле, а, кроме того, перспектива присоединения к Турции очень мало их воодушевляет.

В *Азии* Турция является такой, какова она и есть: ее армия отражает полностью расстроенное состояние всего государства. Оказалось необходимым позвать на помощь франкского гяура; но франки ничего тут не смогли сделать, кроме полевых сооружений. Все их попытки принудить войска к цивилизованным методам ведения войны кончились полным крушением. Русские окружили Карс и, кажется, готовятся повести на него планомерное наступление. Трудно придумать хотя бы один шанс на выручку этого города, разве только Омер-паша высадится у Батума с 20 000 человек и ударит на русских с фланга. Остается совершенно непонятным, и во всяком случае совсем не лестным для русских, то обстоятельство, что они, располагая армией от 20 до 30 тысяч хороших солдат, так медленно и так осторожно действовали против такого плохо дисциплинированного противника. Каких бы

успехов они ни добились на этом театре военных действий, самым лучшим результатом может быть завоевание Карса и Эрзерума, ибо поход на Константинополь через Малую Азию совершенно невероятен. Война в Азии имеет поэтому пока главным образом местное значение. И так как вследствие неточности существующих карт вряд ли возможно вынести издали правильное тактическое или стратегическое суждение, мы не будем подробно касаться этой темы. Остаются два главных военных театра: Крым и Балтийское море.

II.

Лондон, 18 августа 1855 г.

В *Крыму* осада идет самым сонным образом. Весь месяц июль французы и англичане работали над своим новым продвижением к Редану и Малахову, и, хотя мы все время слышали, что они «совсем вплотную» придвинулись к русским, мы теперь узнаем, что 4 августа голова подкопа находилась на расстоянии не меньше 115 метров от русских главных окопов, а, может быть, и еще дальше. Конечно, хорошо уже и то, что удалось заставить пылкого Пелисье признать, что его «система атак» потерпела крушение и что регулярные осадные работы должны проложить дорогу его войскам. Тем не менее, чрезвычайно своеобразным является способ военных действий, при котором 200 000 человек спокойно лежат в палатках до окончания траншей и пока что вымирают от холеры и лихорадки. Если реку Черную, как пишут парижские газеты, нельзя перейти ввиду неприступности русских позиций, лежащих по ту сторону реки, то морская экспедиция в Евпаторию и попытка с этой стороны заставить русских выйти в открытое поле и разведать их реальные силы и состояние их резервов могла бы дать некоторые положительные результаты. При нынешнем же положении вещей турецкие и сардинские войска и половина французских и английских обречены на роль пассивных зрителей. Часть этих войск можно было бы употребить для различных диверсий. Единственные диверсии, о которых мы узнаем, происходят в цирке Эстли, в увеселительных садах Серрей и Креморн, где русские каждый вечер при громовом одобрении патриотически настроенных зевак переживают ужасные потери.

Русские должны в этот момент получить все свои подкрепления и на ближайшее время достичь максимума своей силы. Англичане отсылают еще несколько полков, французы уже отправили от 10 до 15 тысяч человек, еще больше идет вслед, и в общем союзные войска в *Крыму* должны получить подкрепление в 50 или

60 тысяч свежих войск. Вместе с тем французское правительство зарегистрировало или закупило большое количество речных пароходов (по разным данным — от 50 до 60), которые должны быть использованы для экспедиции в Черное море. Назначены ли они для Азовского моря или для входа в Днепр и Буг, где Очаков, Кинбурн, Херсон и Николаев являются объектами нападения, пока неизвестно. Мы еще раньше предупреждали, что в середине августа дело дойдет до кровопролитных сражений, так как к этому времени русские, получив подкрепление, снова возьмут в свои руки *инициативу*. И, действительно, они, под руководством генерала Липранди, сделали вылазку против французских и сардинских войск, стоящих у реки Черной, и были отброшены назад с большими потерями. Потери союзников не указаны и, следовательно, должны быть очень значительны. Чтобы остановиться подробнее на этом деле, необходимо располагать более детальными известиями, чем те, которые даны по телеграфу.

На *Балтийском* море «удалось, наконец, нанести серьезный удар». «A great blow has been struck». Смотри английские газеты. Бомбардировка Свеаборга! Разрушение Свеаборга! Все земляные и другие укрепления лежат в развалинах! Свеаборг фактически перестал существовать! Великий триумф союзников! Флот находится в состоянии неопишуемого энтузиазма! А теперь присмотримся к самому событию. Союзные флоты — 6 линейных кораблей, 4 или 5 больших фрегатов и около 30 мортирных судов и канонерок — 7 августа отправились из Ревеля в Свеаборг. 8 августа они заняли свои позиции. Мелко сидящие суда прошли песчаные мели и скалы к западу от крепости, где большие корабли не могли пройти, и остановились, очевидно, на расстоянии пушечного выстрела от островов, на которых лежит Свеаборг. Большие корабли остались снаружи и, насколько мы можем судить, вне района выстрелов крепостных орудий. После этого канонерки и мортирные суда открыли огонь. Прямо действующий огонь не был пущен в ход, имело место лишь метание бомб в самом высоком направлении, какое допускали пушки. Бомбардировка продолжалась 45 часов. Крепость потерпела определенный урон, который сейчас трудно установить без детальных сообщений с обеих сторон. Арсенал и различные пороховые погреба (очевидно, менее значительные) были разрушены. «Город» Свеаборг (насколько нам известно, несколько домов, населенных людьми, занятыми во флоте или крепостных укреплениях) уничтожен пожаром. Ущерб, нанесенный непосредственно крепости, очень незначителен, так как флоты, как

доносят оба адмирала, не насчитывают *ни одного убитого*, всего несколько раненых, и никаких потерь в материальной части. Это — лучшее доказательство, что они держались на безопасной позиции, а в таком случае они могли только бомбардировать, а не действовать прямым огнем, которым только и можно разрушить крепостные укрепления. Дендас, в общем более пристойный и сдержанный в своей депеше, чем французский адмирал (по крайней мере, если судить по его буквальному тексту в «Moniteur», быть может приукрашенному в Париже), признает, что из семи островов, на которых лежит Свеаборг, причиненный ущерб относится к трем, лежащим к западу от главного входа в Гельсингфорскую бухту. Напасть на главный вход, кажется, и не пытались. Большие суда играли роль бездействующих зрителей, и о решающем деле при таких атаках — высадке войск с целью штурмовать крепость и разрушить ее — не возникало даже вопроса. Таким образом, причиненный ущерб падает только на запасы и магазины, т. е. на то, что легко поддается восстановлению. Если русские энергично используют время и средства, Свеаборг через три дня будет в таком же хорошем состоянии, как и раньше. С военной точки зрения Свеаборг почти не потерпел ущерба. Вся эта история сводится к акту, материальные результаты которого едва ли оправдали произведенные на него издержки и который был предпринят отчасти потому, что Балтийскому флоту надо было что-нибудь сделать перед возвращением домой, а отчасти ввиду того, что Пальмерстону хотелось закончить фейерверком парламентскую сессию. К сожалению, для этой цели событие запоздало на сутки. Таково знаменитое разрушение Свеаборга усилиями соединенных флотов. Мы вернемся еще раз к этой теме, как только поступят подробные сообщения.

* ВЗЯТИЕ МАЛАХОВА.

Лондон, 14 сентября 1855 г.

«Звон колоколов и пальба орудий» — таков сейчас лозунг дня в Англии. Воздух наполнен ликованием и каждое заслуживающее внимания здание, как общественное, так и частное, увешано англо-французскими флагами. То же самое в Манчестере, что и в Лондоне, несмотря на «манчестерскую школу», в Эдинбурге то же, что и в Манчестере, несмотря на шотландскую философию. Ничто не в состоянии сейчас отрезвить — даже необыкновенный список убитых, переданный в Лондон по телеграфу. Поражение англичан у Редана и взятие решающего пункта, Малахова, французами, — только этот контраст омрачает победные крики и ставит границы самовосхвалению. Кто разделяет старый предрассудок, — которым мы обязаны, наряду со многими другими, некритическому смешению современных общественных порядков с античными, — предрассудок о том, что промышленность и торговля уничтожают воинственный характер народа, тот может сейчас в Англии, даже в Манчестере, ее промышленной столице, убедиться в противоположном. Дело очень просто. В современном мире если и не индивидуальное, то во всяком случае национальное богатство растет вместе с ростом *труда*, в античном мире оно росло вместе с усилением *лени* нации. Стюарт, шотландский экономист, опубликовавший свое замечательное произведение за десять лет до Адама Смита, как раз открыл и развил это положение.

Общественный энтузиазм ищет себе пока напрасно пищи в новых телеграфных известиях. Они настолько же скудны, насколько первое было богато. Пелисье пишет, что в Севастополе в руки союзников попало множество материала. Мы готовы высказать подозрение — много старого железа, которое скоро упадет в цене.

Оборот, какой сейчас примут события, в значительной степени зависит от мотивов, заставивших русских так внезапно очистить южный берег. По крайней мере одно ясно: этот шаг вряд ли был продиктован чисто тактическими или стратегическими соображениями. Если бы Горчаков сдачу Корабельной стороны и города

считал неразрывно связанной с падением Малахова, то зачем такие громадные массы защитных укреплений внутри предместья? Несмотря на командную позицию Малахова, можно было путем упорной обороны сперва внутренних защитных укреплений предместья, а затем самого города, протянуть еще 5 — 6 недель. Если судить по самым лучшим картам, планам и моделям, нет никаких чисто стратегических или тактических оснований для внезапной сдачи тех позиций, которые до сих пор так настойчиво удерживались. Остаются лишь две возможности объяснения: или моральное самочувствие русской армии было настолько понижено, что было бы неблагоприятным снова задержаться за внутренними укреплениями города, или же недостаток продовольствия стал давать себя чувствовать не только в городе, но и в лагере; возможно, наконец, что действовало и то, и другое.

Почти непрерывный ряд поражений, которые русская армия терпела, начиная с Ольтеницы и Четати до сражения у Черной и штурма 8 сентября, мог подействовать на осажденных только деморализующим образом, тем более, что значительная часть их были свидетелями поражений на Дунае и у Инкермана. Русские, правда, обладают притупленным моральным чувством и могут поэтому дольше терпеть поражения, чем другие войска. Все же и это терпение имеет свои границы. Слишком долгое сопротивление осажденной крепости действует само по себе деморализующим образом. Оно влечет за собой много страданий, трудов, беспокойства, болезней и постоянную наличность опасностей, — не острых, которые закаляют, а хронических, которые надламывают. Поражение у Черной, где была занята половина армии, шедшей на выручку, как раз тех подкреплений, которые должны были спасти южную часть, и взятие Малахова, этого ключа всей позиции, — эти два поражения должны были закончить процесс деморализации. Так как Малахов господствовал над мостом, который вел на другую сторону, и французы могли его разрушить каждое мгновение, всякое прибытие подкреплений становилось проблематичным и отступление — единственным спасением для войск.

Что же касается недостатка продовольствия, то имеются признаки, что он уже давал себя чувствовать. Прекращение русского судоходства по Азовскому морю ограничило русских одной операционной линией и сократило поэтому подвоз провианта. Невероятная трудность доставлять жизненные припасы и военное снаряжение через редко населенные степи, естественно, еще более увеличилась, после того как остался открытым один только путь на Херсон. Транс-

портные средства, собранные русскими путем реквизиций в Украине и донских провинциях, мало-помалу износились, а для близлежащих провинций, уже и без того истощенных, становилось все труднее замещать их новыми. Этот недостаток в подвозе, очевидно, обнаружился раньше всего не в Севастополе, где были большие запасы, а в лагере у Инкермана, у Бахчисарая и на линии подвоза подкреплений. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что две дивизии гренадеров, которые так долго находились в дороге и теперь стоят у Перекопа, не продвинулись вперед и не приняли участия в сражении при Черной, а также и тот факт, что это сражение, несмотря на неприбытие лучшей половины шедших на выручку войск, было предпринято с такими силами, которые несколько не соответствовали стоящей перед ними задаче. Если соображения эти правильны, то Горчакову ничего другого и не оставалось, как использовать взятие Малахова в качестве приличного повода для спасения своего гарнизона.

НОВЫЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ В АНГЛИИ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

С тех пор как были преданы гласности посмертные бумаги сэра А. Бернса, опубликованные его отцом, чтобы снять с памяти сына ложное обвинение в том, что он начал несчастную и позорную афганскую войну, и представить очевидные доказательства, что пресловутые депеши сэра А. Бернса в том виде, как их представил парламенту Пальмерстон, не только искажены до полного извращения их первоначального смысла, но фактически подделаны и пополнены вставками, сфабрикованными со специальной целью ввести в заблуждение общественное мнение, — с тех пор, вряд ли появлялись документы, нанесшие больше вреда авторитету британского правительства и той касты, которая получила в наследственное владение государственные должности страны, чем переписка между Джемсом Грехемом и Чарльзом Непиром, которую старый адмирал публикует сейчас с целью оправдать себя перед общественным мнением. В этом споре Джемс Грехем имеет перед своим противником большое преимущество, — ни одно разоблачение, как бы оно ни было построено, не может уронить его репутации перед судом света. Тот самый человек, который, как он сам хвалился, был соучастником в убийстве Бандьера; тот самый человек, который был изобличен в регулярном вскрытии частных писем и использовании их в интересах Священного союза; кто, как покорная собака, лизал руки императора Николая, когда тот высадился на английском берегу; кто своим особым способом применения еще более увеличил и без того отвратительную жестокость новых законов о бедных, и кто, наконец, еще несколько месяцев тому назад перед переполненным парламентом пытался свалить на г. Лайарда позор бесчестия, нанесенный им самим бедному капитану Кристи, — такой человек может несомненно считаться застрахованным от каких-либо обвинений. Его общественная карьера таит в себе элемент таинственности. Он не обладает ни необыкновенными талантами Пальмерстона, позволяющими последнему не принадлежать ни к ка-

кой партии, ни наследственным влиянием Росселя на партию, дающим ему возможность обходиться без необыкновенных талантов; несмотря на это он все же добился того, что среди английских государственных деятелей он играет выдающуюся роль. Ключ к этой загадке мы находим не в летописях всемирной истории, а на страницах журнала «Punch». Из года в год в этом поучительном журнале появляется портрет, нарисованный в соответствии с жизненной правдой, с лаконической надписью: «Грязный малый сэра Роберта Пилля». Сэр Роберт Пиль, не будучи великим, был почтенным человеком, но он был британским государственным деятелем, лидером партии, вынужденным требованиями своего положения заниматься грязной работой, которую выполнять ему было достаточно противно. Тогда Джемс Грехем явился для него истинным благословением, и это обстоятельство сделало сэра Джемса необходимым, а вместе с тем и великим человеком.

Сэр Чарльз Непир принадлежит к фамилии, которая в равной мере выдается как своими дарованиями, так и своими странностями. Среди современных бесцветных людей Непиры производят впечатление первобытного племени, которое хотя и обладает способностью усваивать преимущества цивилизации, но не преклоняется перед ее условностями, не признает ее этикета и не подчиняется ее дисциплине. Если Непиры и оказали много услуг английскому народу, то, с другой стороны, они всегда ссорились с его правительством и восставали против него. И если они и обладают храбростью гомеровских героев, то отчасти они имеют кое-что из их хвастливых свойств. Так, например, покойный генерал сэр Ч. Непир — несомненно самый гениальный солдат, какого имела Англия с времен Мальборо — был не менее известен завоеванием Синда, чем своей тяжбой с Ост-индской компанией, которую его родные продолжали долгое время после его смерти. Или генерал сэр В. Непир — известный, как один из самых лучших военных писателей Англии — был не менее знаменит своими вечными пререканиями с британским военным министерством и так мало считался с узкими предрассудками своих соотечественников, что его история войны на Пиренейском полуострове британской критикой была единогласно признана «самым лучшим французским изложением», какое когда-либо появлялось. Также и старый адмирал Непир — противник сэра Дж. Грехема — прославился тем, что он уничтожил приказы своего начальства. Этого последнего потомка Непиров сэр Дж. Грехем считал возможным сдать, подобно змее-боа, железным объятием, оказавшимся на поверку не чем иным, как простой паутиной.

Сэр Джеймс Грехем, первый лорд адмиралтейства, сместил Чарльза Непира с его поста по его возвращении в Англию. В парламенте он характеризовал его как ответственного виновника балтийской неудачи и в доказательство процитировал несколько мест из частных писем Непира. Он обвинял Непира в том, что у него не хватало мужества выполнить смелые приказы морского министерства. Он высказал надежду, что в будущем ни один лорд адмиралтейства не будет столь неосмотрителен, чтобы поднять флаг сэра Чарльза Непира. И в находящихся в его распоряжении газетах сэр Джеймс издевался над «воющим Чарли», который, подобно мифологическому французскому королю, «с двадцатью тысячами солдат взбирался на вершину холма и сходил с него обратно». Сэр Ч. Непир, — мы цитируем его собственные слова, — «потребовал расследования своего поведения — ему в этом было отказано. Он апеллировал в кабинет министров, но не получил ответа; наконец, он обратился в палату общин. Ему было отказано под тем предлогом, что предъявление документов могло бы дискредитировать слуг ее величества». После бомбардировки Свеаборга этот довод, конечно, не имел смысла.

Сэр Джеймс считал тем больше обеспеченным свой успех, что был настолько предусмотрителен, что все свои письма, которые могли бы обнаружить его слабую сторону и реабилитировать его врага, он объявил «частными». О значении этого таинственного слова высказался сам сэр Джеймс, когда, давая свои показания перед севастопольской комиссией, он заявлял, что британский морской министр склонен рассматривать официальные инструкции как «частные», когда у него имеются солидные основания скрыть их не только от публики, но и от парламента. Человек, подобный сэру Джеймсу, считавший себя в праве превращать частные письма в официальные бумаги, считает вполне естественным объявлять официальные документы частной собственностью. Но на этот раз он сделал расчет без хозяина. Сэр Чарльз Непир, разорвав смело оковы «частных инструкций», подверг себя, правда, опасности быть вычеркнутым из списков английского флота, и вместе с тем, вероятно, отказался от права когда-либо снова поднять свой флаг, но зато он не только отрезал сэру Джеймсу возможность вступления в морское министерство, но и показал английскому народу, что его флот так же прогнил, как и его армия. Когда крымская кампания лишила британскую армию ее старой заслуженной славы, сторонники старого режима доказывали свою невиновность тем замечательным соображением, что Англия никогда не имела притязаний считаться первоклассной военной державой. Но никто, конечно, не станет утверждать, что

Англия не высказывала притязаний быть первой морской державой в свете. В этом заключается положительная сторона войны: она ставит нацию перед испытанием. Как мумии мгновенно распадаются, когда они подвергаются воздействию атмосферы, так и война приносит свой смертный приговор тем социальным учреждениям, которые не обладают больше жизненной силой.

Переписка между сэром Джемсом Грехемом и сэром Чарльзом Непиром падает на промежуток времени между 24 января и 6 ноября 1854 г., и ввиду ее значительной величины мы не можем полностью привести ее на наших страницах; но мы можем дать краткое ее изложение. До конца августа, когда, как известно, заканчивается сезон судоходства на Балтийском море, все шло гладко, хотя сэр Чарльз Непир уже в самом начале экспедиции высказал сэру Джемсу свое мнение о том, что «средства, которые адмиралтейство отпустило для вооружения и снаряжения флота на Северном море, недостаточны для поставленной цели и не позволят даже при благоприятных условиях выступить против русских». В течение всего этого времени сэр Джемс держится по отношению к дорогому сэру Чарльзу самого дружеского тона. 12 марта он «поздравляет» его с тем, что британский флот оставил английские берега в хорошем «порядке»; 10 апреля он «совершенно доволен его движениями»; 20 июня он называет Непира «законченным полководцем»; 4 июля он «выражает уверенность, что сэр Чарльз сделает все, что может сделать человек». 22 августа он «искренне поздравляет его с успехом его операций у Бомарзунда», а 25 августа он, в состоянии какого-то поэтического подъема, заявляет: «Я более чем доволен вашим поведением, я прямо воодушевлен тем умом и тем здравым смыслом, который до сего дня обнаружен вами». Все это время сэр Джемс только тем и озабочен, как бы сэр Чарльз «в ревностном желании совершить великий подвиг и удовлетворить бурные требования нетерпеливой толпы не поддался бы действию быстрых впечатлений и не отказался от выполнения высшей обязанности — иметь мужество делать то, что считаешь правильным, даже рискуя получить упрек в неправильной тактике». Еще 1 мая 1854 г. он пишет сэру Чарльзу: «Я полагаю, что как Свеаборг, так и Кронштадт могут быть взяты только с моря, а в особенности Свеаборг, и только большая армия могла бы действовать с успехом со стороны суши против таких сил, какие Россия может легко сконцентрировать на непосредственных подступах к столицам». Когда сэр Чарльз 12 июня пишет ему, «что он, поддержанный адмиралом Чэдсом, после зрелого обсуждения пришел к тому заключению, что единственным успешным способом завоевать Свеаборг

является снаряжение большого числа канонерок», сэр Джемс ответил ему 11 июня: «С 50 000 человек и 200 канонерок вы могли бы к концу сентября добиться значительных и решительных результатов». Но лишь только наступила зима и французская армия и флот уехали обратно, лишь только жестокие равноденственные бури начали вздымать волны Балтийского моря и сэр Чарльз начал доносить: «Якорные канаты наших кораблей начали уже рваться, «Дракон» имеет один только якорь, «Повелительница» и «Василиск» потеряли в последнюю ночь по одному якорю; «Волшебница» была вынуждена бросить якорь в тумане и должна была, подняв ночью якорь у Наргена, бросить его против Ренкарского маяка, так как она была отброшена к подводным камням; «Эвриал» наскочил на подводные скалы, и является чудом то, что он не погиб», — как сэр Джемс вдруг открыл, «что нельзя вести войну без риска и опасности», и Свеаборг должен быть взят без единого солдата, без единой канонерки и мортирного судна! В действительности мы можем только повторить слова старого адмирала: «Будь русский император британским морским министром, он не мог бы писать других писем».

В морском министерстве, как это явствует из данной переписки, царствует та же анархия, что и в военном министерстве. Сэр Джемс операции Непира внутри Бельтов одобрил, а министерство нет. В августе сэр Джемс писал Непиру, что ему следует готовиться к своевременному отплытию из Балтийского моря, а министерство посылало ему в это время телеграммы противоположного характера. У сэра Джемса одно представление о докладе генерала Ниэля, у министерства — другое. Но самым интересным в этой переписке являются те разъяснения, которые проливают новый свет на англо-французский союз. Французский адмирал показал сэру Чарльзу приказ о своем отзыве 13 августа. Французская армия отправилась обратно 4 сентября, а остаток французского флота отбыл 19 сентября. А сэр Дж. Грехем уверяет сэра Чарльза, что он только 25 сентября узнал об этом отправлении. Сэр Джемс поэтому ошибочно считал, «что это решение было принято на месте с согласия сэра Непира», но, как он подчеркивает, «без какого-либо обращения к английскому правительству». С другой стороны, Ниэль, французский генерал-инженер и интимный друг Луи Бонапарта, будто бы советовал «разрушить Свеаборг в два часа линейными кораблями». Из этого ясно, что он хотел навязать английскому флоту отчаянное нападение, при котором англичане без всякой пользы сломали бы себе шею о подводные скалы и русские укрепления.

СИЛЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ РОССИИ.

Лондон, 25 сентября 1855 г.

Поездка царя Александра в Одессу, переселение его супруги из Петербурга в сердце святой Руси — Москву, оставление в качестве наместника Константина, самого воинственного из его братьев — все эти обстоятельства служат доказательством того, что Россия решила оказать самое крайнее сопротивление. Николаев и Херсон — эти два лучше всего укрепленных пункта Южной России — представляют собой центр резервной армии, стягиваемой в настоящий момент в Таврической и Херсонской губерниях. Наряду с армейскими резервами (в составе 5-го, 6-го, 7-го и 8-го батальонов), число которых не поддается определению, в Николаеве должно быть сконцентрировано около 40 000 чел. ополчения, в то время как в Одессе находится чуть ли не 35 000 человек. Нет никакой возможности проверить правильность этих данных. Одно только ясно: в Южной России сконцентрированы значительные силы. *Стратегический план* России считается с возможностью не только потери Крыма, но и вражеского вторжения в Южную Россию. Вот почему главной линией обороны избрана линия Днепра с Херсоном и Николаевом в качестве первой и Екатеринославо в качестве второй оперативной базы. Так как Херсон и Николаев лежат в районе действий не только канонерок, но и военных шлюпок, необходима база внутри страны. Такой именно базой является Екатеринослав. Находясь у пункта, где Днепр изгибом своего течения образует угол чуть ли не в 75 градусов, Екатеринослав представляет великолепный центр для отступающей внутрь страны армии, которая думает найти прикрытие сперва за южным (с северо-востока на юго-запад), а затем за средним (с северо-запада на юго-восток) течением этой реки. Армия, продвигающаяся внутрь страны от Перекопа, должна была бы сперва перейти Днепр у Херсона, а затем идти по направлению к Екатеринославу, чтобы там снова переправиться через ту же реку. Всякий отряд, который перешел бы на левый берег Днепра, было бы легко задержать в нескольких милях к югу от Екатеринослава, по линии реки Волчны, где

эта река впадает в Днепр. К этим преимуществам присоединяется еще и то обстоятельство, что вся страна к югу от Екатеринослава представляет собой широкую степь протяжением в 200 миль, где одинаково трудно как провести, так и прокормить армию, тогда как сам город, находясь у северного конца степи и прилегая непосредственно к богатым, относительно густо населенным Киевской и Полтавской губерниям, может без затруднения получить необходимое количество припасов. Наконец, Екатеринослав сохраняет контакт с армией центра у Киева и прикрывает дорогу на Москву. Ввиду этого Екатеринослав укрепляется и обеспечивается всем необходимым для снабжения южной армии. Здесь накапливаются массами средства пропитания, обмундирование и боевые припасы. Если, с одной стороны, все это говорит в пользу стратегической проницательности русских, — не даром так долго школил их старый генерал и дезертир Жюмини, — то, с другой стороны, это является не меньшим доказательством того, что русские уже давно не верят в успех. Если бы союзники двинулись в глубь России (от Перекопа), то им пришлось бы раньше всего форсировать Екатеринослав. Об этом же не может быть и речи в кампанию этого и даже 1856 года. Сперва надо было бы отнять у России весь Крым, все Закавказье и Кавказ до Терека и Кубани, предать Одессу огню, разрушить Николаевскую гавань и очистить Дунай до Галаца, — надо было бы отсечь все эти окраины России, прежде чем у союзников могла бы возникнуть хотя бы даже идея похода внутрь России. Таким образом, предусмотрительный стратегический план русских кажется планом плохих предчувствий. Союзные войска движутся к долине верхнего течения реки Черной, чтобы обойти крайнее правое крыло у Ай-Тодора или у верхнего течения Бельбека. Об этом одинаково говорят телеграммы Горчакова и Пелисье. Нам кажется, что этот маневр союзников носит слишком откровенный характер, чтобы он действительно имел указанную цель. Задача союзников заключается сейчас, очевидно, в том, чтобы прогнать русских с укрепленных позиций на Макензиевых высотах. Если им это удастся, то русские вынуждены будут оставить северный форт, а вместе с ним и Крым. Между Макензиевыми высотами и Симферополем нет ни одной обходной позиции, а по ту сторону Симферополя степи, не подходящие для больших армий, не представляют совсем никаких позиций. Будут ли русские отстаивать Крым — зависит от их способности удержаться на их теперешних позициях на Макензиевых высотах.

ПАДЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ.

Лондон, 29 сентября 1855 г.

8 сентября были пущены в ход пять французских и отдельные части двух английских дивизий. Из почти 45 000 человек союзники потеряли, по их собственным словам, 10 000 чел. — почти четвертую часть. Потери русских не поддаются определению. По сообщению генерала Ниэля, французы продвинули на всех пунктах свои траншеи вплотную к русским укреплениям. У малого Редана (бастион № 1) и у Малахова (бастион № 2) голова подкопа была на расстоянии всего 25 ярдов от русских окопов. У бастиона № 4 (бастиона со штабным флагом) расстояние составляло 30, у центрального бастиона (бастион № 5) — 40 ярдов. На всех этих пунктах штурмовые колонны вплотную продвинулись к объектам штурма. Англичане, несмотря на возражения французских инженеров, бросили подкоп на расстоянии 240 ярдов от большого Редана (бастион № 3). Ребячество этого поведения было уже в достаточной степени освещено. Французский генерал поделил свои силы следующим образом: у Малахова, ключа всей позиции, — дивизия Мак-Магона; направо от Малахова, у куртины, связывающей его с бастионом № 1, дивизия Ламотружа; правее всего, против бастиона № 1, дивизия Дюлака. Мак-Магон имел в качестве резервов одну гвардейскую дивизию под начальством генерала Меллине. Так была организована французская атака на Корабельную сторону. Что касается городской части, то напасть непосредственно с фронта на бастион с штабным флагом, представлявший собой своего рода выдвинутую крепость, расположенную на очень прочной позиции и заключающую в себе ряд солидных внутренних укреплений, представлялось невозможным. Здесь необходимо было раньше штурмовать центральный бастион силами дивизии Левальяна, за которой в случае успеха должна была последовать дивизия д'Отмарра и обойти горло бастиона со штабным флагом. Одновременно с этим пьемонтская бригада Чиалдини, сконцентрированная в траншеях, должна была напасть на него с фронта. Позиция между Малаховым и бастионом со штабным флагом была занята англичанами. Они должны были атаковать

Редан. Предполагалось сперва штурмовать Малахов, а затем, после его падения, двинуть остальные колонны на штурм соответственно предназначенных им укреплений. Малахов представлял собой большой редут на вершине господствующего холма, по имени которого он и был назван, закрытый со всех сторон, но с отверстиями сзади для пропуска подкреплений. При посредстве куртины он связывался справа и слева с большим и малым Реданом. Последние также представляли собой закрытые редуты, заключавшие в себе менее значительные сооружения, полагающиеся редутам; их задние фасады с бойницами, обращенными внутрь редутов, образовывали правильные выступы. Углубления этих выступов были, в свою очередь, связаны с Малаховым другой внутренней куртиной, которая представляла вторую линию укреплений. Внутренние части большого и малого Редана были лишены всяких заграждений и были вполне открыты огню выступов и редутов. Иначе обстояло дело с Малаховым, на котором после взятия Мамелона сконцентрировался вражеский огонь. Во всю длину своих валов он был усеян полыми траверсами, которые служили защитой от бомб канонирам и обслуживающим их войскам, внутренняя же часть была наполнена блокгаузами, защищенными от действия бомб, представлявшими казармы и совершенно непригодными к отражению штурмовых колонн. Когда поступили первые сведения о взятии Малахова, мы высказали предположение, что русские, очевидно, совершили здесь ту же ошибку, какая была ими допущена при конструкции Камчатского редута на Мамелоне, а именно: с целью защитить себя от неприятельского огня, они внутреннюю часть сделали непригодной для защиты против атаки, разбив ее на ряд маленьких помещений. Это предположение теперь полностью подтверждается сообщением генерала Ниэля. Лабиринт Малахова, как и Мамелона, оказался совершенно неспособным к защите. В десять минут он был взят, чтобы уже больше никогда не быть отвоеванным обратно. Подготовка французов к штурму Малахова достойна удивления. Все было предусмотрено и все было наготове. Был пущен в ход совершенно новый, еще не описанный вид мостов для перехода через рвы. Они были наведены меньше, чем в минуту. Едва только началась атака, как саперы сконструировали летучий подкоп от траншеи ко рву, перерезали широкие проходы через русские брустверы, заполнили лежащий напротив ров и образовали проход во внутреннюю часть Малахова редута, где могли двигаться подкрепления, резервы и даже полевые орудия. Как только весь редут был взят, проходы в углублении были быстро закрыты, были вырезаны бой-

ницы, подняты полевые пушки и через несколько часов, раньше чем русские могли и подумать об обратном отвоевании укрепления, оно обратилось против них. Русские опоздали. Канониры стояли наготове, чтобы в случае нужды заклепать орудия, а отряды пехоты имели за поясами короткие рабочие инструменты. Эта атака была произведена под непосредственным руководством Пелисье и Ниэля. Все остальные атаки были безрезультатными и в особенности неудачной была атака на центральный бастион. Эта атака под начальством генерала де-Сая была предпринята с совершенно недостаточным количеством войск, и французы, лишь только достигли русского бруствера, вынуждены были искать за ним защиты. Атака превратилась в перестрелку и, естественно, была отбита. Атака на малый Редан была чрезвычайно кровопролитна, и его позиции защищались с удивительной храбростью русскими, отбившими здесь пять французских бригад. Мы уже как-то имели случай указать на нелепость господствующей в английской армии системы строить штурмовые колонны настолько слабыми, что их приходится рассматривать как потерянные, лишь только они натываются на малейшее сопротивление. Эта рутина базируется на том обстоятельстве, что крепости, с которыми англичанам приходилось иметь дело, — в том числе и Веллингтону в Испании, — были построены по итальянско-испанской системе и вряд ли могли скрывать более 500 человек. Как все у англичан становится традиционным, так и их система штурма, хотя бы ее предпосылки давно уже исчезли. Так, лорд Раглаң подражал 18 июня, — известно с каким успехом, — старой манере Веллингтона. Вместо того, чтобы извлечь урок из его неудачи, Симпсон счел необходимым не только подражать Раглаңу, но и превзойти его. Симпсон располагал 8 сентября 25 000 человек. Из них для штурма он оставил всего 1 800 человек.

Атаки на центральный бастион и малый Редан были все же до известной степени только демонстрациями. И только возложенный на англичан штурм большого Редана имел особое значение. Это была позиция, которая получила бы *немедленно* решающее значение для взятия Малахова, ибо если Малахов благодаря своей высоте господствовал над Реданом, то Редан, в свою очередь, царил над подступами к Малахову, и его захват мог бы способствовать фланговой угрозе всем идущим к этому холму русским колоннам. Падение Малахова заставило русских сдать всю южную часть, падение Редана заставило бы их в самом спешном порядке покинуть, по крайней мере, Корабельную сторону, раньше чем они успели организовать хорошо обставленную огнем и взрывами систему разрушения, под защитой

которой они смогли теперь отступить с достаточной безопасностью. Английская армия, благодаря промахам своего генерала, помешала полному осуществлению победы. Лавры этого дня принадлежат генералам Боске и Мак-Магону. Боске командовал всей французской атакой на правой стороне, а Мак-Магон — дивизией, взявшей Малахов.

Русские сражались с обычной для них пассивной храбростью. Малахов был, очевидно, захвачен врасплох. Гарнизон принимал пицу, и только артиллерия стояла у своих пушек, готовая к атаке.

РУССКАЯ АРМИЯ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

В момент объявления войны между западными державами и Россией англо-французская пресса держалась того мнения, что Россия не будет терпеть нужды в человеческом материале для армии, но скоро почувствует недостаток в деньгах. Рассчитывали, что финансовые затруднения сведут на-нет физическую силу и воспрепятствуют движениям тех миллионов солдат, которых Россия, как говорили, могла в любое время выставить против своих врагов. Что же произошло в действительности? Россия, хотя и изгнанная формально со всех крупных европейских бирж, без всякого труда заключила заем; ее бумажные деньги, несмотря на повторные недавние выпуски, продолжают пользоваться кредитом; ее войска во время похода получают продовольствие и транспортные средства от населения таким способом, который был бы невозможным ни в одной не столь исключительно земледельческой стране. Несмотря на блокаду ее портов, она сумела до сих пор обойти все финансовые подводные камни, о которые, по твердому убеждению лондонских мудрецов, она должна была разбиться. Что же касается неисчерпаемого людского запаса, факты действительности выглядят совершенно иначе. В то время как Англия путем вербовки добровольцев в стране и за границей постепенно достигла увеличения своей крымской армии приблизительно до 40 тысяч человек, в то время как Франция призвала в текущем году всего 140 тысяч человек вместо 80 тысяч и все же могла послать на восток армию, достаточно многочисленную для более крупных заданий, чем те, что Пелисье мог ей предложить, — что могла сделать Россия? Два всеобщих рекрутских набора были объявлены на всем протяжении территории, подлежащей рекрутчине, оба из расчета приблизительно по десять человек на каждую тысячу душ мужского пола, затем всеобщий набор в народное ополчение в двадцать три человека на тысячу душ, и в настоящее время издан приказ о новом всеобщем наборе в линейные войска из расчета десяти человек на каждую тысячу душ. Средний набор в мирное время составляет около пяти человек на тысячу

для половины империи, тогда как другая половина поставляет рекрутов в следующем году. Таким образом годовой средней цифрой на всю империю (разумеется, за исключением провинций, не подлежащих набору) является $2\frac{1}{2}$ на тысячу душ мужского пола. Два же года войны в настоящее время уже заставили произвести наборы, в итоге составляющие 53 на тысячу душ, или около двух с половиной процентов всего населения мужского и женского пола. Следовательно, набор каждого из этих двух лет в десять раз превышал обычное количество мирного времени. Если допустить, что Франция призвала в армию за два года войны в общем 300 тысяч человек, что несомненно превышает действительный призыв, это составит для населения в 36 миллионов — пять шестых процента за два года, или пять двенадцатых процента в год, т. е. как раз шестую часть того количества, которое Россия могла включить в свою армию. Правда, в России в мирное время ежегодно призывается на военную службу около одной девятой процента, а во Франции — около двух девярых процента всего населения. Но так как срок действительной службы в России более чем в два раза длиннее, чем во Франции, то это обстоятельство более чем уравнивается.

Что это непрерывное выкачивание работоспособного мужского населения начинает сказываться в России, в то время как соответственное явление почти не ощущается во Франции, — мы узнаем со всех сторон. В особенности в Польше, насколько мы осведомлены, чувствуется недостаток в рабочих руках для обработки земли; большое недовольство дворянства по поводу лишения его вообще наиболее ценной крепостной собственности является другим доказательством этого факта. Назначение блестящего аристократа Ланского министром внутренних дел и его циркулярное обращение к дворянству с извещением о том, что император Александр особым указом гарантировал все их права и привилегии, показывает, насколько встревожен двор этими симптомами недовольства в среде крепостников.

Все же самой замечательной чертой этих быстро следующих один за другим рекрутских наборов является незначительность численного приращения, сообщаемого ими армии. Принимая общее число душ мужского пола, подлежащих рекрутскому набору, в 22 миллиона, — что несомненно является цифрой преуменьшенной, — за два года было призвано не менее 660 тысяч человек в линейные войска и 560 тысяч — в ополчение. Из последнего в действительности была мобилизована лишь часть, достигающая, может быть, 200 тысяч человек; таким образом, фактическая убыль ра-

ботоспособного мужского населения составила около 860 тысяч человек. Кроме того, должны быть причислены солдаты запаса, уволенные в отпуск на последние пять или десять лет их срока службы и призванные до начала войны; но так как большинство их было призвано еще в 1853 г., мы не будем их здесь принимать в расчет.

Несмотря на эти резервы, образующие пятый и шестой батальоны в каждом пехотном полку, несмотря на 660 тысяч рекрутов, распределенных частью по первым четырем линейным батальонам каждого полка, частью — по вновь сформированным запасным (седьмому и восьмому) батальонам этих полков, — различные линейные корпуса еще далеко не достигают своего полного людского комплекта. Весьма любопытное доказательство этого мы имеем в прокламации, выпущенной в Николаеве командующим южной армией, ген. Лидерсом. Он объявляет, что по высочайшему приказу двадцать три *дружины* ополчения (23 тысячи человек), причисленные к южной армии, включаются в линейные войска и должны быть присоединены к третьему и четвертому батальону каждого полка. Но эта мера во всяком случае может означать лишь то, что полки, образующие южную армию, настолько численно сокращены, что известное количество солдат третьего и четвертого батальонов должно быть переведено в первый и второй батальоны, а их места — заполнены ополчением. Другими словами, до пополнения их ополчением четыре батальона этих полков по силе едва равнялись двум батальонам полного комплекта. Если такая убыль имела место в армии, большая часть которой никогда не встречалась с неприятелем и ни одна часть которой не была в деле со времени Силистрии, каковы же должны быть потери в Крыму и в Азии! Мы получаем вдруг возможность взглянуть на действительное состояние русской армии, и то предположение, которое мы на основании этого ознакомления можем сделать относительно ее расстройств, объясняет возможность того, что две трети миллиона человек, поглощенные ею, не увеличили заметно ее количества.

Но чем вызываются столь огромные, непропорциональные потери? Во-первых, теми громадными переходами, которые новобранцы должны совершать от мест их жительства до главных губернских городов, затем до их распределительных пунктов, наконец — до их полков, не считая переходов, которые этим полкам предстоит еще делать впоследствии. Вовсе не пустяк для новобранца промаршировать от Перми до Москвы, от Москвы до Вильны и наконец от Вильны до Одессы или Николаева. Если же подобные бесконечные марши подхлестываются верховной волей такого человека,

как Николай, который точно устанавливает час прибытия и час отбытия и наказывает за всякое отклонение от его приказа; если бригады, дивизии, армейские корпуса в горячей поспешности устремляются с одного конца империи к другому, не обращая внимания на то, сколько они оставляют позади вследствие болезни и усталости; если переход от Москвы до Перекопа должен быть совершен как обычный форсированный марш, который нигде в других странах никогда не продолжается больше двух дней, то эта изнашиваемость в значительной мере находит себе объяснение. Но к этому чрезмерному напряжению физических сил солдат нужно прибавить общие беспорядки, неизбежно возникающие на почве всем известного дурного управления во всех отраслях русской военной службы, особенно в интендантском ведомстве. Затем нужно принять во внимание и способ продовольствования солдат во время похода по мере возможности за счет жителей местностей, лежащих по пути похода, — способ, вполне пригодный при хорошей организации в исключительно земледельческой стране, но не дающий должных результатов и чреватый величайшими затруднениями, когда, как в России, интендантство и командующее офицерство растрчивает в свою пользу похищаемые у крестьянства запасы. И, наконец, нужно считаться с большими просчетами, неизбежно происходящими там, где армиям, рассеянным на таком обширном пространстве, приходится двигаться по приказам из единого центра, и от них требуется исполнение этих приказов с точностью часового механизма, в то время как все предпосылки, на которых основаны эти распоряжения, ошибочны и не заслуживают доверия. Не меч и выстрел неприятеля, не болезни, от которых нельзя избавиться во многих частях Южной России, не необходимость длинных переходов, столь опустошающих русскую армию, — а те особые условия, при которых русский солдат вербуются, муштруется, марширует, обучается, кормится, одевается, расквартировывается, управляется и сражается, обуславливают тот ужасный факт, что почти вся русская армия, имевшаяся налицо в 1853 г., уже исчезла с лица земли, вызвав у своих противников не более трети ее потерь.

Последний приказ генерала Лидерса замечателен еще в одном отношении. Приказ открыто признает, что ополченцы совсем не подготовлены к тому, чтобы выступить против врага. Он умоляет старых солдат не насмехаться над молодыми войсками и не презирать их за неловкость в обращении с оружием, считаясь с тем, что новобранцы почти не знакомы с муштровкой; приказ вводит изменения в учебный устав, которые, повидимому, вполне одобрены

императором. Люди не должны доводиться до «отвращения» бесполезной парадной муштрой; их нужно обучать лишь самым необходимым движениям: обращение с ружьями, заряджение, стрельба из них, стрельба в цель, движение колоннами, правила рукопашного боя, — все остальное объявляется бесполезной парадной муштрой. Таким образом русский генерал, при прямом одобрении императора, осуждает две трети всего русского учебного устава как бесполезную глупость, способную лишь внушить солдату отвращение к его обязанностям; а этот устав был как раз тем произведением, которым покойный император Николай больше всего гордился!

«Молодые солдаты», каждый жест и шаг которых должен, как видно, вызывать взрыв хохота их товарищей, не считались бы новобранцами ни в одной другой стране. Они находились в строю от шести до десяти месяцев и все еще так же неуклюжи, как если бы они прибыли прямо от сохи. Нельзя ссылаться на то, что длинные переходы не оставляли им времени для учения. Наполеон в своих последних кампаниях включал рекрутов в соответствующие батальоны после двухнедельного обучения и затем отправлял их в Испанию, в Италию, в Польшу; они обучались в походе, во время переходов и по прибытии на квартиры; и когда их вливали в армию, после шести или восьми-недельного марша, считалось, что они годны для действительной службы. Никогда Наполеон не давал своим рекрутам более трех месяцев на учение, чтобы стать солдатами; даже в 1813 г., когда ему пришлось создавать новую армию, свежие кадры и все прочее, он довел своих новобранцев до поля военных действий в Саксонии через три месяца по прибытии их на распределительные пункты; и его противники скоро испытали, что он сделал с этими «нетесанными рекрутами». Какая разница между быстротой усвоения французов и мужиковатой неуклюжестью русских! Какое свидетельство бездарности офицеров этого русского ополчения! А Лидерс еще говорит, что почти все эти офицеры служили в строю и многие из них нюхали порох.

Ограничение обучения самыми необходимыми упражнениями показывает, с своей стороны, чего Лидерс ждет от своих новых подкреплений. Разсыльный строй и движения колоннами одни являются предметами занятий; никакого развертывания фронта, никакого сворачивания в колонны из развернутого строя. Русский солдат действительно менее всего пригоден к линейным операциям, но он также непригоден и к легким схваткам. Его сила — бой сомкнутыми колоннами, — построение, при котором промахи командующих офицеров вызывают возможно меньше беспорядка и замешательства в

общем ходе сражения и при котором инстинкт сцепления храброй, но бездушной массы может компенсировать эти промахи. Русские солдаты, подобно диким степным коням, преследуемым волками, сбиваются вместе в бесформенную массу, неподвижную, не поддающуюся управлению, но такую, которая удерживает за собой позицию, пока ее не сломит величайшее напряжение противника. Но линейные построения все же необходимы во многих случаях, и даже русские обращаются к ним, хотя и в ограниченной мере. Чего же ждать от армии, которая совсем неспособна развернуть строй или же, развернув строй с большим трудом, не может вновь свернуться в колонны, не вызвав всеобщего замешательства?

ПАДЕНИЕ КАРСА. ИТОГИ ВОЙНЫ

ПАДЕНИЕ КАРСА.

I.

Падение Карса является поворотным пунктом в истории мнимой войны против России. Без падения Карса не было бы пяти пунктов, не было бы ни конференций, ни Парижского договора, одним словом, не было бы мнимого мира. Затем, если мы, основываясь на одних только Синих правительственных книгах, хотя они и состряпаны таким образом, что совершенно изуродованы сокращениями, искажены пропусками, подкрашены и заштопаны подлогами, — если мы при их помощи сможем доказать, что падение Карса входило в планы кабинета лорда Пальмерстона и от начала до конца было систематически им проведено, тогда поднимется завеса, и драма Восточной войны со всеми ее ошеломляющими событиями освободится от того тумана, которым она была окутана до сих пор.

К концу мая 1855 г. генерал Вильямс сообщил лорду Кларендону, что «к Гумри (Александрополь) стянуты значительные силы в составе 28 000 человек пехоты, 7500 человек кавалерии и 64 артиллерийских орудий и что мушир [командующий корпусом] получил известие о готовящемся нападении неприятеля на Карс. В этом укрепленном лагере у нас имеется 13 900 человек пехоты, 1 500 человек кавалерии, 1 500 артиллеристов и 42 полевых орудия».

Семь дней спустя, 3 июня, Вильямс сообщает Кларендону: «Сейчас у меня гарнизон Карса располагает продовольствием на 4 месяца, и я питаю надежду, что центральное правительство и союзники скоро докажут этим остаткам армии, что они не окончательно забыты». Эта депеша (смотри Карские документы, № 231) была получена на Даунингстрите 25 июня. Таким образом британское правительство было в этот день поставлено в известность, что Карс падет 3 октября, если он не получит подкреплений. На этом оно построило свои дальнейшие операции.

11 июля лорд Кларендон получил от генерала Вильямса три телеграммы, датированные 15, 17 и 19 июня, в которых он последовательно сообщает о состоявшихся стычках на аванпостах, о храбром

отражении турками 16 июня регулярного нападения русских на укрепленный лагерь и, наконец, о том, что враг совершил обходное движение против укрепленного лагеря и в составе 30 000 человек остановился на расстоянии одного часа ходьбы от самого слабого пункта турецкой позиции. Вильямс заканчивает последнюю телеграмму следующими словами: «К сожалению, у нас нет нерегулярной кавалерии... Враг частично уже перерезал нашу связь с Эрзерумом».

Когда такое же сообщение поступило в Константинополь, лорд Редклифф был приглашен на совещание во дворец великого визиря на Босфоре. Турецкие министры предложили выручить Карс при помощи экспедиции из Редут-Кале через Кутаис в Грузию в составе 20 000 человек войск генерала Вивиана, 3 000 человек из отряда Битсона, 12 000 из батумского гарнизона, 2 000 албанцев, 5 000 человек из Болгарии, 800 человек регулярной египетской кавалерии, 600 человек тунисской кавалерии — в общем составе 43 400 человек.

Порта выразила готовность доверить руководство этой экспедицией английскому полководцу и в качестве такового признать генерала Вивиана. Это предложение было 11 июля в руках у Кларендона, а 12 июля лорд Редклифф послал ему следующую телеграмму:

Приготовления к возможной экспедиции в полном ходу. Можно было бы сэкономить много драгоценного времени, если бы я немедленно получил по телеграфу сообщение, питает ли правительство склонность санкционировать энергичную диверсию через Редут-Кале и Кутаис в Грузию.

С 25 июня по 12 июля правительство, точно осведомленное об опасности, грозящей Карсу, и пальцем не двинуло для его спасения; ни разу телеграф не был пущен в ход. Но с того самого дня, когда решено было расстроить план помощи Карсу, правительство проявляет лихорадочную деятельность. Уже 13 июля (смотри Карские документы, № 248) Кларендон отправил Редклиффу телеграмму следующего содержания:

Правительство ее величества того мнения, что было бы весьма разумным послать подкрепления в тыл русской армии. Подкрепления могли бы пойти в Трапезунд, а оттуда направиться в Эрзерум. Расстояние от Трапезунда до Эрзерума меньше расстояния от Редут-Кале до Тифлиса, и дорога идет через дружественную, а не неприятельскую страну. В Эрзеруме армия встретит готовых на помощь друзей, а не сопротивляющихся врагов, и там ее ждут запасы продовольствия, а не голод. Если армия в Карсе не может удержать эту позицию в борьбе с русскими, пусть она отступит к Эрзеруму и там же пусть сконцентрируется вся турецкая армия. Если русским необходимо нанести поражение, то этого легче добиться силами объединенной армии, чем силой ее отдельных частей. А поражение было бы для них тем решительнее, чем дальше внутри турецких границ оно бы произошло.

На следующий день после получения телеграммы Редклиффа Кларендон становится еще более великодушным и заносит уже и Эрзерум в список тех мест, которые могут быть очищены.

Телеграфно. Граф Кларендон—лорду Стратфорду де-Редклиффу.

Министерство иностранных дел, 14 июля 1855 г.

План подкрепления армии Карса, развиваемый вами в ваших телеграммах от 30 июня и 1 июля (должно быть 12 июля), не встречает одобрения. Основания, почему неудобно использовать турецкие контингенты, пока они не станут пригодными к службе, будут вам переданы через сегодняшнего курьера. Операционным базисом должен стать Трапезунд, а если турецкая армия Карса и Эрзерума не может отстоять последний пункт против русских, пусть она отступает к Трапезунду, где она легко может получить подкрепления.

Если Карс является ключом к Эрзеруму, то Эрзерум представляет ключ к Константинополю и центральный пункт стратегических и торговых путей Анатолии. Лишь только Карс и Эрзерум попадут в руки русских, как сухопутная торговля Англии с Персией через Трапезунд сейчас же прекратится. Британское правительство, которому все эти обстоятельства хорошо известны, дает Порте хладнокровно совет выдать ключи ее дома в Азии, когда еще нет непосредственной опасности, и приглашает осажденную армию Карса отправиться к той самой армии, которой было запрещено присоединиться к осажденной армии. «Если русские должны быть побиты», — заявляет его светлость (зачем это собственно нужно? — как бы спрашивает он), — то их поражение, — так думает он, — будет тем решительнее и легче, чем дальше внутри турецких границ оно произойдет, — иначе говоря, чем больше пунктов и областей будет отдано русским и чем ближе они будут к Константинополю.

Эти телеграммы лорда Кларендона находят себе достойный дубликат в следующей депеше милорда «Take care of Dowb»¹ Пенмюра, английского Карно, к генерал-лейтенанту Вивиану:

«Лорд Пенмюр — генерал-лейтенанту Вивиану.

Военное министерство, 14 июля 1855 г.

Сэр!

Препровождаю при этом для вашей информации копию телеграммы, отсланной только что графом Кларендоном на имя посольства ее величества в Константинополе и имеющей своей темой предложенный Портой план подачи помощи турецкой армии, осажденной в Карсе. Я должен вас поставить в известность, что совершенно согласен со всем, что в этой телеграмме сказано относительно

¹ «Обратите внимание на Дауба». Такую кличку дали Пенмюру после того, как он в специальной телеграмме просил обратить особое внимание на своего племянника, молодого офицера Даубиггин. *Ред.*

неприемлемости плана Турции. Я питаю слишком большое доверие к вашим специальным знаниям, чтобы опасаться, что вы сможете пуститься в столь рискованную и беспорядочную экспедицию, как та, которую предлагает Турция. Конечно, ваша обязанность, не только как начальника контингента, но и британского офицера, пользующегося доверием правительства ее величества, оказать всякую возможную помощь нашим союзникам-туркам, но одновременно с этим необходимо вам быть настолько осторожным, чтобы не поставить на карту честь британского имени и свою собственную репутацию, пускаясь в такие военные предприятия, для которых нет еще собственного базиса, не налажена связь, не созданы запасы и не подготовлены транспортные средства. Смелый удар (*coup de main*), когда внезапно бросают армию на берег, чтобы создать угрозу сильной неприятельской позиции или даже напасть на нее, — это одно дело; совсем иное дело — хорошо обдуманная экспедиция, которую отправляют в собственную страну неприятеля, чтобы вести с ним войну. В первом случае надо идти на риск, во втором — необходимо все приготовить перед делом. Кроме того, на основании всех доступных мне источников, я прихожу к заключению, что батумская армия находится в жалком состоянии. Я знаю, что контингент едва организован, о болгарских войсках у вас нет никаких данных, а о кавалерии Битсона я знаю, что она настолько же знакома с порядком и дисциплиной, как и ваши собственные войска. Коротко говоря, я убежден, что было бы безумием таким путем пытаться подать помощь бригадному генералу Вильямсу. Теперь поздно жаловаться на политику, которая обрекла на такое отчаянное положение столь храброго офицера и его армию. Но, с другой стороны, это значило бы открыть настежь ворота ряду других неудач, если бы захотели осуществить планы, предложенные для его высвобождения. Вы должны, как это несомненно ясно и для вас, не теряя времени, привести ваши войска в состояние, пригодное для военных действий, которые вас, без сомнения, ждут в каком-либо пункте, как только вы к этому будете готовы. Организация для армии так же необходима, как твердость и храбрость, и там, где нет в наличии первого свойства, совершенно бесполезны два последних.

В этой телеграмме военный министр Пальмерстона выступает настоящим шутком, годным только для забавы своего господина. Угрожать сильной позиции Севастополя «или даже напасть на нее», на позицию, где Россия в течение двадцати лет строила защитные укрепления, представляется ему весьма разумной вещью, ибо это есть необдуманый «смелый удар» союзников; но «хорошо продуманный план» со стороны Порты — план нападения на неприятельскую страну с намерением побить врага — нет, о чем-либо подобном «Дауб» и не слыхал! Он полностью разделяет соображение Кларендона о том, что истинная сущность военного искусства заключается в укреплении тыла своих собственных войск, а не в операциях в тылу врага, — мысль, которая дает возможность ставить его на-ряду с Наполеоном I, Жюмани и другими великими стратегами. Он также согласен со своим другом в том, что в военное время армия никогда не должна проходить через неприятельскую страну, а

только через дружественную, «где есть продовольствие и нет голода», — истая философия обжорства. Но под услужливым дурачеством шута мы различаем блеск того духа, который его подгоняет! Ибо если принять открытие бедного «Дауба», то Грузия является вражеской страной, а не дружественной, Грузия, эта русская Польша на Кавказе.

Турецкое предложение, которое «Дауб» назвал рискованным и запутанным, по своему общему замыслу было смелым, правильным и являлось по-нашему единственной стратегической идеей, рожденной этой войной. Оно сводилось к занятию эксцентрической позиции по отношению к осадной армии — к угрозе Тифлису, этому центральному пункту русской власти в Азии, и вынуждению Муравьева к отступлению от Карса под угрозой быть отрезанным от оперативной базы и коммуникационной линии. Эта мингрельская экспедиция сулила не только выручить Карс, но и создать условия для ведения всюду наступательной тактики и достижения таким путем самого большого преимущества, возможного на войне, — заставить врага перейти к обороне. Но так как опасность была близка, то такой план мог удалиться в том случае, если бы он был выполнен с величайшей энергией, при наличии достаточного количества войск, с богатыми транспортными средствами и при изобилии продовольствия. Так как Муравьев в качестве первой оперативной базы в непосредственном тылу имел Александрополь — крепость, специально избранную для обороны против турок, он был в состоянии так долго удерживать свою позицию, пока не убедился, что неприятельское продвижение к Тифлису действительно грозит ему опасностью. Чтобы осуществить этот план, необходимо было бы высадить на черкесском берегу не меньше 55 000 человек, взять Кутаис и Александропольское ущелье. Омер-паша, который позже предпринял эту экспедицию во главе 36 000 человек, привел в долину Риона не больше 18 — 20 тысяч человек.

Нет никакого сомнения в том, что 20 000 человек принесли бы в Эрзеруме больше пользы, чем 40 000 в Мингрелии. С другой стороны, не нужно забывать того, что в то время, когда Порта выступила со своим предложением, число русских в Тифлисе, по сообщению Синей книги, не превышало 15 000 человек и Бебутов еще не пришел со своими подкреплениями. Кроме того, продвижение вполне достаточной для этой цели армии из Трапезунда через Эрзерум в Карс с необходимым запасом продовольствия, пушек и боевых припасов потребовало бы, по уверению Омера-паши, как раз четырех месяцев.

И, наконец, если бы Порты, не обладая необходимыми средствами, предложила правильный план, то обязанностью ее союзников было бы предоставить ей необходимые средства, а не предлагать со своей стороны ложный план. В это время 60 000 турок были заперты в Крыму в состоянии бездействия, а, кроме того, это были единственно годные в военном отношении турецкие войска.

«В Батуме, Сухум-Кале и других, лежащих поблизости прибрежных пунктах, — пишет лорд Редклифф 28 июня, — было бы чрезвычайно трудно сконцентрировать больше 10 000 человек. Остальные части империи (за исключением Болгарии) не могут дать никаких ощутительных резервов, кроме Боснии, откуда можно было бы взять несколько тысяч человек; я говорю о регулярных войсках; башибузуков можно было бы набрать, но ведь вы, милорд, знаете, как мало можно рассчитывать на столь недисциплинированные войска. Для меня представляется вопросом, есть ли в Болгарии, включая и все гарнизоны, больше 50 000 человек. Австрия, правда, заявила о своем намерении рассматривать переход русских через Дунай как повод к войне и дала обязательство не допустить Россию в Придунайские княжества. Но решение, которое в таком случае дало бы возможность Порте построить на этих заверениях свои мероприятия и не обращать внимания на то, как было бы неблагоприятно оставить важную позицию без защиты, — такое решение скорее могло бы вызывать удивление, чем рассчитывать на осуществление».

Какие же войска оставались в распоряжении Порты, кроме англо-турецкого контингента? А этот контингент, как следует из телеграмм Кларендона и Пенмюра, служил только уловкой, чтобы отнять у Порты последние боевые силы, находившиеся в ее распоряжении.

Имело ли английское правительство свой собственный военный план, который оно противопоставило бы турецкому? Задумывалось ли оно над тем, чтобы послать англо-турецкий контингент в Трапезунд, а оттуда в Эрзерум или Карс? В своей телеграмме от 14 июля Кларендон высказывается против того, чтобы «пустить в ход турецкий контингент, пока он не станет способным к военной службе». Но если контингент был негоден для военной службы, он не годился в такой же мере и для экспедиции в Эрзерум и Мингрелию.

Этот шут Пенмюр в телеграмме от того же числа пишет Вивиану, начальнику контингента: «Вы должны, не теряя времени, сделать ваши войска готовыми для военной службы, которая, несомненно, ожидает их где-нибудь, лишь только они будут к ней готовы». Он тре-

бует их подготовки не для определенной задачи, не для Эрзерума хотя бы, а так, *на всякий случай*, иначе говоря, *ни на какой*. Несмотря на это еще 7 сентября Кларендон считает (смотри № 302 в документах) англо-турецкий контингент слишком слабо организованным для того, чтобы он мог занять место в окопах под Севастополем. Ясно, таким образом, что английское правительство выдвигает эрзерумский проект не для того, чтобы его осуществить, а с целью расстроить мингрельскую экспедицию Порты. Оно противилось не одному определенному, а всякому плану помощи Карсу. «Было бы безумием пытаться подать помощь бригадному генералу Вильямсу... Теперь поздно жаловаться на политику (политику Пальмерстона), которая обрекла на такое отчаянное положение столь храброго офицера и его армию», — писал Пенмюр Вивиану. Слишком поздно сделать что-либо другое, как отдать Карс русским и вместе с Эрзерумом в придачу, — говорит Кларендон в своей депеше к Редклиффу. Этого плана пальмерстонское правительство не только прочно придерживалось с 13 июля, но этот план получает признание и в Спией книге, и правительство ни на одну минуту не отступает от него.

Каждая телеграмма Редклиффа, датированная июлем (смотри №№ 254 — 277 в Карсских документах), говорит нам о том, что Турция усердно занята подготовкой к мингрельской экспедиции. Как же все это могло произойти?

12 июля 1855 г., мы помним, лорд Редклифф телеграфировал графу Кларендону о том, что приготовления к мингрельской экспедиции под руководством генерала Вивиана идут успешно, и он «в целях экономии драгоценного времени» просит телеграфных инструкций от правительства. Поэтому Кларендон посылает свой протест против турецкого проекта по телеграфу; несмотря на то, что это послание датировано 14 июля, оно достигает Константинополя только 30 июля. Между тем лорд Редклифф пишет опять Кларендону следующее:

Неблагоприятный отзыв английского правительства по поводу обсуждавшихся в последнее время планов относительно помощи турецкой армии в Карсе, естественно, усилил затруднительность положения Порты. Моей обязанностью было передать этот отзыв турецким министрам не только как выражение мнения, но и как запрет в отношении контингента генерала Вивиана. Отсюда непосредственно вытекает чрезвычайно серьезная дилемма: правительство ее величества не только задерживает контингент, но довольно решительно высказывается за альтернативу — послать подкрепления в Эрзерум через Трапезунд. Этот план не разделяется здесь ни Портой, ни каким-либо официальным или личным авторитетом. Сераскир, Омер-паша, генерал Гийон

и наши собственные офицеры — все согласны с Портой и французским посольством в том, что диверсия на Редут-Кале имеет больше шансов на успех, при условии, конечно, снабжения в достаточной степени транспортными средствами, продовольствием и другими необходимыми предметами. Между тем известия из Карса — совсем не ободряющего характера, и драгоценное время неизбежно расточается на сомнения и неизвестность.

Так как дорога из Константинополя в Лондон несколько не длиннее расстояния между Лондоном и Константинополем, то становится чрезвычайно удивительным, что телеграмма Редклиффа, посланная из Константинополя 12 июля, уже 14 июля была в Лондоне, тогда как депеша Кларендона, отправленная из Лондона 14 июля, достигла Константинополя только 30 июля. В своей телеграмме от 19 июля Редклифф жалуется на молчание правительства, которое он просил «незамедлительно сообщить свое мнение». Из другой телеграммы, датированной 23 июля, мы видим, что он все еще не имеет ответа. И действительно, только 30 июля, как мы уже говорили, он подтверждает получение ответа. Таким образом, нет никаких сомнений в том, что лондонская дата на телеграмме Кларендона *ложная* и что на самом деле телеграмма была отослана на несколько недель позже той даты, которая обозначена в Синей книге. Этот подлог изобличает цель промедления. Надо было потерять наиболее драгоценное время, породить сомнение и неизвестность и, что важнее всего, заставить турецкое правительство потратить напрасно весь месяц июль на приготовления к экспедиции Вивиана, которая, по твердому решению британского правительства, не должна была осуществиться.

II.

Так как стратегические колебания британского правительства не позволили ему в течение трех месяцев прийти к какому-нибудь заключению относительно больших операций, которые предполагала предпринять Порта, то не было бы ничего более уместного и настоятельного, чем отправка в этот промежуток времени за свой собственный страх маленького отряда по маршруту на Эрзерум, чтобы возобновить связь между этим городом и Карсом. Союзники были хозяевами Черного моря, а английское правительство имело в своем полном распоряжении 4 000 башибузуков из отряда Битсона, — единственный готовый к сражению отряд турецкой нерегулярной кавалерии. Высадившись у Трапезунда, он мог бы в течение 10 дней достигнуть Эрзерума, привести в Карс провиант и дать возможность этой крепости продлить сопротивление на срок от 4 до 6 недель, когда на-

ступление суровой армянской зимы положило бы конец всем наступательным действиям осаждающих. 7 июля генерал Битсон писал Редклиффу, прося послать его на активную операцию.

Его представления не были приняты во внимание. 14 августа сами войска подали петицию, в которой просили не держать их больше без дела, а послать их в Азию. Они не получили никакого ответа. Тогда Битсон осмелился 12 сентября заявить о себе в третий раз. И так как терпение британского правительства было исчерпано беспокойной назойливостью нескромного просителя, были пущены в ход некоторые военно-дипломатические интриги, в результате которых последовал отзыв Битсона из армии. И так как сам Битсон был отстранен от службы, то все его переговоры с правительством были изъяты из Синей книги.

Мы уже видели, как упрямо британское правительство настаивало на экспедиции в Эрзерум через Трапезунд. Когда же пришло известие, что русские заняли большую дорогу между Эрзерумом и Карсом и отрезали часть провианта, предназначенного для карсского гарнизона, за спиной британского посольства была сделана самостоятельная попытка подать немедленную помощь из Трапезунда. В телеграмме Редклиффа от 16 июля 1855 г. заключается следующее донесение вице-консула Стивенса:

Трапезунд, 9 июля 1855 г.

Милорд!

Имею честь сообщить вам, что Гафиз-паша вчера отбыл в Эрзерум с 300 артиллеристами и 20 пушками. Большое количество нерегулярных войск, сила которых должна достигать 10 000 человек, стягивается сейчас и сегодня же отправляется к тому же месту.

Стивенс.

Редклифф тотчас же потребовал должных объяснений, почему сераскир замалчивал концентрацию 10 000 человек нерегулярных войск и поход Гафиза-паши к Эрзеруму.

Он жалуется, что «от его превосходительства он узнал не больше того, что Тусум-паша получил предложение отправиться в Трапезунд, а оттуда, быть может, в Сивас, где он соберет 4 000 человек нерегулярных войск и с ними отбудет на театр военных действий». Если провести линии между Трапезундом, Сивасом и Эрзерумом, то видно, что они образуют нечто вроде равнобедренного треугольника, основанием которого является линия между Эрзерумом и Трапезундом, которая на одну треть короче каждой боковой стороны. То, что подкрепления были посланы прямо из Трапезунда в Эрзерум, вместо того чтобы послать Тусума-пашу из Константинополя

в Трапезунд, из Трапезунда, «быть может», в Сивас, где он мог бы потерять время, собирая там нерегулярные войска, чтобы потом, быть может, отправиться с ними в Эрзерум, — все это было слишком быстрым приемом, которого британский посол не мог не порицать. Так как лорд Редклифф не осмелился сказать сераскиру, что освобождение осажденного города зависит от хорошо продуманной медлительности, то он обратился к нему с вопросом: «Не является ли сомнительным то обстоятельство, что такая значительная масса башибузуков, которые так быстро и так беспорядочно собраны вместе, может принести пользу не кому другому, как только врагу». И когда сераскир на это справедливо возразил, что «он настоятельно просил денежных средств, чтобы оплатить башибузуков, так как уплата жалованья является главным средством поддержать порядок, и даже угрожал отставкой, если требование его не будет удовлетворено», лорд Редклифф сразу стал туг на ухо.

Если мы обратимся к другому оперативному плану, предложенному Портой и отклоненному ее союзниками, то мы попадем в лабиринт, полный закоулков и без единого прямого пути.

Из телеграммы, отправленной 15 июня подполковником Симмонсом, британским агентом в лагере Омера-паши, на имя лорда Кларендона, и приложенного к ней меморандума Омера-паши вытекает следующее: 23 июня Омер-паша получил от генерала Вильямса письмо, в котором тот доносил, что связь с Эрзерумом прервана, и в самых настоятельных выражениях требовал, чтобы Карсу незамедлительно были посланы подкрепления или была произведена действительная диверсия на Редут-Кале. 7 июля Омер-паша обратился с меморандумом к союзным главнокомандующим — генералам Пелисье и Симпсону — и предъявил к ним требование немедленно созвать совет союзных генералов и адмиралов, чтобы тотчас же принять решение. В этом меморандуме он предлагает «двинуться с частью своей армии, находящейся здесь (в Балаклаве) и в Керчи — 25 000 человек пехоты, 3 000 человек кавалерии из Евпатории и соответствующей артиллерии — на какой-нибудь пункт черкесского побережья и, подвергая угрозе коммуникационную линию русских, заставить их снять осаду Карса». Чтобы подкрепить этот план, Омер указывает, что оттоманская армия в Азии, в количестве 10 000 человек, осажденная в укрепленном лагере Карса гораздо более сильной русской армией, находится в таком положении, когда она под давлением голода вынуждена будет капитулировать; что гарнизон Карса фактически является турецкой армией в Азии; что раз гарнизон Карса капитулирует, в руки врага попадет Эрзе-

рум, город, который, благодаря его положению, очень трудно укрепить, и враг делается господином связи с Персией и с большей частью Малой Азии; что союзники, приняв его предложение, смогут использовать главные преимущества, которыми они обладают, именно — благоприятное положение морского транспорта и единственную турецкую армию, вполне готовую к походу и сражению, т. е. его собственную. На этот меморандум маршал Пелисье и генерал Симпсон ответили, что «ввиду недостатка более точной информации они считают созыв совещания преждевременным». Несмотря на это, Омер-паша 12 июля снова обращается к ним с посланием, в котором сообщает, что «он тем временем получил от своего правительства депешу о том, что вся Азиатская Турция до самых ворот Константинополя находится без защиты; правительство закликает его, так как дорога каждая минута, немедленно найти пути и средства и пустить в ход все ресурсы, необходимые для предотвращения той великой опасности, в которой находится турецкое правительство, а следовательно, и дело союзников». «При этих обстоятельствах, — прибавил он, — имея в Крыму 60 000 солдат, большая часть которых происходит из Азии, семьи и имущество которых подвергаются неприятельскому разорению, и находя, что эта армия в Крыму бездействует, и, насколько я могу судить, не имеется надежд на ее использование в ближайшем будущем, — я считаю своей обязанностью по отношению к моему повелителю и в интересах общего дела повторить мое прежнее предложение». Он поэтому еще раз приглашает их на совещание в английской главной квартире. Одновременно с этой общей нотой на имя союзных генералов он посылает через подполковника Симмонса секретное письмо на имя генерала Симпсона и адмирала Лайонса, из которого мы приводим нижеследующую выдержку:

Порта предложила генералу Вивиану вести турецкий контингент к Редут-Кале... Омер-паша считает все же большим риском послать туда этих людей, так как они еще не свыклись с своими офицерами, офицеры же не говорят на их языке и не смогут командовать ими в битве, и контингент, хотя и мог бы образовать гарнизон, не находится еще в таком состоянии, чтобы отправиться в глубь страны. Кроме того, контингент и по численности своей слишком слаб, чтобы выполнить имеющуюся в виду операцию. Омер-паша еще того мнения, что ему, пользующемуся доверием турок и хорошо известному в Азии, где он уже предал несколько кампаний, легче будет добиться симпатии и помощи жителей при добывании для армии жизненных припасов и при разведках, чем чужим людям, не знающим ни языка, ни страны.

14 июля состоялась конференция, в которой приняли участие Омер-паша, подполковник Симмонс, генералы Симпсон, Пелисье, Мартемпре и адмиралы Лайонс, Брюа и Стюарт. Омер-паша дал

детальное описание русских военных сил в Азии и их операций в окрестностях Карса. Он исчерпывающим образом развил вышеприведенные аргументы и самым энергичным образом настаивал на том, что, по его мнению, «нельзя больше тратить времени и необходимо принять незамедлительно меры против дальнейшего вторжения русских в Азию». Несмотря на это, как доносит Кларендону полковник Симмонс «генералы и адмиралы, не получившие от своих послов в Константинополе никакой информации, из которой следовало бы, что дела в Азии обстоят так плохо, как это считает необходимым изобразить Омер-паша на основании информации своего правительства», решили «не высказывать по этому вопросу никаких мнений, пока у них нет своей информации». Итак, союзные генералы отказались высказать свое мнение, так как они не получили информации от своих правительств. Позже эти правительства заявили, что они не могут издавать никаких приказов ввиду того, что генералы не сообщили своих мнений. Пораженный до некоторой степени холодным отношением союзных командующих, их своеобразной манерой выставлять свое недоверие к фактам в качестве основания для того, чтобы не высказывать своего мнения о них, их невежливостью — обвинением его правительства во лжи, Омер-паша, единственно и непосредственно заинтересованный в этом деле, немедленно поднялся и категорически заявил, «что при таких условиях он считает своей обязанностью отправиться на несколько дней в Константинополь, чтобы посоветоваться со своим правительством». И, действительно, два дня спустя, 16 июля, он отправился в Константинополь, взяв с собой полковника Симмонса, но его сопровождал, кроме того, какой-то полковник Сюлен, «который ехал под предлогом восстановления своего здоровья» (смотри 1-е приложение к № 270 Карских документов), а на самом деле имел поручение от генералов Пелисье и Симпсона расстроить планы Омера-паши. Этот Сюлен, принадлежавший к штабу генерала Симпсона — величайшего неудачника в армии, по выражению генерала Эванса — привез Редклиффу письмо от этого жалкого Симпсона, в котором тот сообщает посланнику, что дело не в том, будто бы они не оказывают никакого доверия утверждениям Омера-паши, но что «они категорически протестуют против всякого отзыва войск из Крыма в настоящий момент»; что дело также не в том, будто бы они считают уместным замалчивать перед Омером-пашой свои мнения, а в том, что он «настоятельно просит его превосходительство употребить свое могущественное влияние у Порты на то, чтобы их мнение восторжествовало над мнением его высочества», ибо «на карту поставлены крупные государственные интересы», и «от

успеха дела могут получиться серьезные последствия». Действительно успех! Именно успех Омера-паши не давал спать генералу Пелисье, который до сих пор не мог похвастать ничем другим, кроме позорного сражения 18 июня. Жалкий Симпсон, военный неудачник, которого генерал Эванс рисует человеком, ограниченным от природы, был все же достаточно хитер для того, чтобы воспользоваться тяжелым положением своего сотоварища по командованию и завязать за спиной Омера-паши интригу, — единственный, можно сказать, маневр, проведенный им за все время Крымской войны.

В депеше 19 июля Редклифф пишет Кларендону, что «в позапрошлую ночь (17 июля) он, к своему изумлению, узнал, что Омер-паша внезапно прибыл из Крыма и прямо направился к сераскиру». Он внутренне смеется, когда фанариот Пизани ему сообщает, что «прибытие генералиссимуса без разрешения правительства вызвало большое неудовольствие» и «что у него сложилось твердое убеждение, что Омер-паша лучше всего соблюдает интересы союзников, если он немедленно вернется в Крым к командованию своими войсками». Несмотря на это твердое убеждение Редклиффа, пребывание Омера-паши в Константинополе затягивается с 17 июля до начала сентября. Мы дальше увидим, чем была вызвана эта трата времени.

23 июля Кларендон получает от Редклиффа сообщение, что «Омер-паша заявил Порте о своем желании самому произвести вторжение из Редут-Кале в Грузию и обойти Кутаис». Это предложение было в предыдущую ночь (22 июля) обсуждено на совещании у великого визиря, и результат этих обсуждений тот, что «войска, которые предположено использовать вышеуказанным способом под начальством Омера-паши, должны быть составлены из 20 000 человек из Евпатории и 5 500 человек из Болгарии, а образовавшаяся недостача в Евпатории должна быть заполнена снова укомплектованным контингентом. Чтобы оставить возможность выбора, было сделано предложение, чтобы в том случае, если бы указанный план оказался невыполнимым, он был изменен таким образом, чтобы взять из Крыма только 10 000 человек и 15 000 из Болгарии, включая сюда тех, которые должны войти в состав контингента».

Эта телеграмма, которую Кларендон получил, как говорят, 1 августа и получением которой он воспользовался для того, чтобы телеграфировать британскому посланнику в Париже, лорду Каули, сознательно и очевидно извращена в том ее пункте, который имеет решающее значение. Это касается того пункта, где говорится, что Порта предложила отозвать 20 000 человек из Евпатории, чтобы отдать их под начальство Омера-паши и заменить их в Евпатории

турецким контингентом. На этот именно пункт ссылается Кларендон в своей телеграмме на имя лорда Каули, причем он заявляет, что «правительство ее величества относится к этому благосклонно», и он надеется, что «и императорское правительство заявит о своем согласии с этим». В этом пункте Евпатория умышленно поставлена вместо Балаклавы. Из телеграммы полковника Симмонса, датированной 15-м июля и полученной Кларендоном 30 июля, видно, что Омер-паша и в своем меморандуме на имя союзных генералов, и в военном совете настаивал на том, чтобы взять с собой ту часть своих войск, которая находится здесь (в Балаклаве) и привезена им из Евпатории и которую он считает единственно приспособленной для военного похода в Азию. Быть может, Омер-паша изменил свое намерение по прибытии в Константинополь? Совершенно противоположное вытекает из телеграммы от 2 августа, в которой Симмонс сообщает:

Его высочество Омер-паша сообщил мне, что он в целях укомплектования контингента охотно предоставит любой турецкий отряд из находящихся под его начальством, за исключением той дивизии, которая находится сейчас в лагере под Севастополем; этот отряд состоит из лучших его войск, и конечно, он желает иметь их при себе в случае, если ему придется совершить предполагаемое движение в Азию».

Быть может, захотят утверждать, что Порты на своем совете в ночь на 22 июля пришла к решению, находящемуся в противоречии с предложениями Омера? В той же самой телеграмме от 23 июля, в которой Редклифф сообщает о принятом Портой решении, он говорит Кларендону, что «Омер-паша был милостиво принят султаном и очень богато им одарен», и при этом прибавляет: «Мне незачем упоминать о том, что он в самых лучших отношениях с министрами его величества и в особенности с сераскиром». Не может быть поэтому и речи о каком-либо разногласии между Портой и ее главнокомандующим. Они были оба одинаково поражены, когда получили из Лондона приказ отдать под начальство Омера войска в Евпатории и отнять у него отряды у Севастополя и Керчи. Какую же цель преследовало английское правительство, когда оно подделало вышеупомянутое место? Ответ ясен. Английское правительство старалось скрыть от общественного мнения тот факт, что, выставляя себя перед французским правительством сторонником плана Омера, оно в то же время простой перетасовкой слов превратило собственное предложение Турции в нечто, прямо ей враждебное. Так получался еще один объект для спора. Положение становилось все запутаннее, и можно было праздно провести август и сентябрь в издании приказов и контр-приказов. Эта двойная игра пра-

вительства обнаружилась даже при составлении Синей книги. Чтобы спутать читателя, нота Кларендона к Каули фигурирует на 248 странице; после нее, на страницах 248 — 252, следуют выдержки из телеграммы Редклиффа от 19 июля, письма Симпсона к Редклиффу от 16 июля, писем Омера-паши и его меморандума, и только на последнем месте появляется телеграмма Редклиффа от 23 июля, результатом которой должна якобы являться инструкция Кларендона для Каули.

Нам необходимо теперь задержаться один момент на министерстве иностранных дел, на Даунингстрите, и присмотреться к графу Кларендону, который там усердно играет роль главного приказчика великого Пальмерстона. Два дня спустя после отправления его послания к Каули от 16 июля, он посылает Редклиффу другую телеграмму, которая заканчивается следующими словами:

Сейчас, как и прежде, правительство ее величества рекомендует все военные силы, которые будут отосланы для освобождения Карса, направлять на Трапезунд. Если бы Омер-паша, который, по нашим сведениям, намерен отправиться в Константинополь, решил бы взять с собой какую-нибудь часть своей собственной армии с тунисцами и албанцами, правительство ее величества не сделало бы никаких замечаний по поводу этого образа действий.

В то время как депеша Редклиффа, посланная из Константинополя 23 июля, достигла Лондона 1 августа, ровно в девять дней, депеше Кларендона, датированной 16-м июля, снова надо было больше полумесяца, чтоб попасть в Константинополь. Ее еще не было там 30 июля, когда Редклифф пишет. «Правительство ее величества, настаивая на том, чтобы подкрепления были отправлены на Трапезунд, ставит Порту перед крайне тяжелой дилеммой». Итак, в распоряжении Редклиффа не было еще телеграммы Кларендона, в которой он заявляет, что английское правительство не будет возражать против экспедиции через Редут-Кале, если ее предпринимает сам Омер-паша. Своеобразная характерная черта хронологии этой дипломатически-военной драмы заключается в том, что все телеграммы, обусловливающие какое-нибудь промедление, приходят чрезвычайно быстро, тогда как телеграммы, рекомендующие ускорение действий, запаздывают самым непонятным образом. Но в телеграмме Кларендона, цитированной нами последней, есть еще один, в такой же мере поразительный, пункт. В то время как лорд Редклифф пишет из Константинополя 19 июля, что он в высшей степени изумлен сообщением о внезапном прибытии Омера-паши в Константинополь, Кларендон информирует из Лондона Редклиффа уже 16 июля, т. е. в тот день, когда Омер оставил Крым, о том, что, «как он узнал, Омер намерен отправиться в Константинополь». Как мы

знаем, Омер-паша сам принял это решение только 14 июля, после того как был прерван военный совет. За время с 14 по 16 июля ни одно судно не отправилось в Константинополь из Севастополя, и Омер-паша был вынужден просить адмирала Лайонса предоставить в его распоряжение корабль ее величества «Valorous». Разве можно допустить, что в то время, как для телеграмм министерства иностранных дел требуется 17 дней, чтобы достигнуть Константинополя, те телеграммы, которые оно получает из Крыма, осведомляли его о фактах, еще не имевших места? Конечно, дело обстоит не так. Тут надо принять во внимание подводный морской кабель из Севастополя в Варну и телеграф из Варны в Лондон, так что Кларендон мог получить непосредственные сведения в тот самый день, когда военный совет имел свое заседание. Но где же находится эта телеграмма с севастопольской датой? Конечно, в Синей книге ее нет. Она просто опущена. А почему? Та же электрическая проволока, сообщавшая Кларендону о предполагаемой поездке Омера-паши в Константинополь, наверно поставила его в известность о том сопротивлении, которое Омер-паша встретил у Пелисье, иначе говоря — у французского правительства. Отсюда естественно вытекает вопрос, почему же Кларендон медлил от 16 июля до 1 августа делать сообщение французскому правительству об этом деле и вступить с ним в переговоры относительно пункта, от которого зависел весь поход. Чтобы уклониться от этого вопроса, он предпочел совсем скрыть это телеграфное сообщение. Но если Кларендон уничтожил телеграмму из Крыма, то зачем же он опубликовал свою собственную телеграмму из Лондона с датой от 16 июля? Так как вряд ли можно было открыть след того, что она когда-либо прибыла в Константинополь, ее пропуск в Синей книге не оставил бы ощутительного пробела. Тут преследовалась двоякая цель. Во-первых, можно было особо подчеркнуть готовность английского правительства выручить Карс в противоположность тем трудностям, которые создавал Бонапарт, и таким образом переложить на его плечи всю ответственность за промедление. С другой стороны, вера Кларендона в подложную телеграмму от 23 июля должна была быть доказана его готовностью предоставить Омелу-паше любую часть его армии до того, как он узнал решение Порты навязать ему евпаторийскую армию. Но лишь только Кларендон узнал об этом решении, он стал настаивать на нем несмотря на все протесты Омелу-паши и Порты. Все поведение Кларендона, его поощрение Порты заниматься в течение всего июля экспедицией Вивиана, задержка переговоров с Бонапартом до августа, его подмена в телеграмме в Париж сделанного Портой пред-

ложения, причем, будь это предложение принято Бонапартом, оно стало бы источником новой путаницы в этой комедии заблуждений, — все эти шаги служили одной цели — выиграть время.

III.

Второго августа 1855 г. лорд Каули телеграфировал из Парижа, что «граф Валевский предвидит возражения против предложения», сделанного Кларендоном от имени Порты. Таким образом, ловкому графу представился случай выказать свое патриотическое усердие в депеше, датированной 3-м августа, и переложить на французское правительство ответственность за те громадные последствия, которые бы имели место в случае, если б Карс и Эрзерум попали в руки русских. На следующий день, 4 августа, он [Кларендон] получил из Парижа следующую телеграмму:

Лорд Каули — графу Кларендону.

Париж, август 1855 г.

Французское правительство не будет противиться предполагаемой экспедиции Омера-паши в Малую Азию под тем условием, чтобы численность турецких контингентов под Севастополем не была уменьшена.

Несмотря на эту условную форму, эта телеграмма означает безусловное принятие сделанного Кларендоном 1 августа от имени Порты предложения, согласно которому войска, стоящие в Евпатории, передаются Омеру-паше и заменяются там контингентом генерала Вивиана. В тот же день Кларендон телеграфировал Редклиффу:

4 августа. Омер-паша может идти на помощь Карсу при условии, если он не уменьшит числа турецких войск под Севастополем и оставит нетронутым гарнизон в Еникале.

Французское правительство протестовало только против уменьшения турецких войск под Севастополем. Английское правительство прибавляет к этому еще одно препятствие, накладывая запрет на турецкие войска в Еникале. 8 августа Кларендон получил от генерала Вильямса письмо, датированное — Карс, 14 июля, в котором он сообщает, что генерал Муравьев сделал 11 и 12 июля точные рекогносцировки и 13 июля «появился со всей своей армией на южных высотах, возвышающихся над Карсом, являющихся ключом нашей защиты, с вершины которых Карс был взят в 1828 году». Письмо заканчивается словами: «Вместе с тем я узнал, что русский генерал ожидает подкрепления из Баязета через Александрополь и что те войска, которые недавно были взяты из гарнизонов

на черкесском берегу, также находятся по дороге в глубь Грузии и смогут принять участие в будущих операциях в Малой Азии» (№ 276). Стремление Кларендона уменьшить боевые силы Турции получило новый импульс, как только он узнал о русских подкреплениях. Он немедленно дополняет свой *index militum prohibitorum* [список запрещенных солдат].

Телеграфно. Граф Кларендон — лорду Редклиффу.

Министерство иностранных дел, 9 августа 1855 г.

Контингенту генерала Вивиана отправиться немедленно в Евпаторию. Турецкие войска, в количестве от 10 до 12 тысяч человек, следуют с Омером-пашей в Редут-Кале. Турецкие войска в Балаклаве и Керчи не должны быть уменьшены в числе. Турецкое войско, которое под начальством Омера-паши пойдет в Редут-Кале, должно быть пополнено болгарскими или другими войсками, во всяком случае не крымскими.

Мы видим таким образом, как Кларендон снова расширяет круг своих запретов. Вспомнив, что в своей депеше от 15 июля полковник Симмонс сообщал о намерении Омера-паши взять с собой «ту часть войск, которые находятся здесь (в Балаклаве) и в Керчи — 25 000 человек пехоты, 3 000 человек кавалерии из Евпатории и артиллерию», он запрещает Порте трогать керченский гарнизон и распространяет протест Бонапарта против отъезда войск из-под Севастополя на весь Крым за исключением Евпатории. И даже в этом месте количество войск сокращается до 10 или 12 тысяч вместо 20 000, упомянутых им в его телеграмме французскому правительству от 1 августа. Со своего рода клоунским юмором предоставляет он Порте добывать войска «где-нибудь в другом месте». Начинив бомбу в Лондоне, он сможет спокойно ждать, пока она разорвется в Константинополе.

В телеграмме Кларендона к Редклиффу от 16 июля нас поразило следующее место: «Если бы Омер-паша, который, по нашим сведениям, намерен отправиться в Константинополь, решил взять с собой какую-нибудь часть его собственной армии в Редут-Кале, то английское правительство не сделало бы никаких возражений против этого образа действий». Из письма Фуада-эфенди к Редклиффу от 31 июля, из ответа Редклиффа от 4 августа и письма Редклиффа от 8 августа (см. № 282 и приложение) следует, что телеграмма Кларендона от 16 июля еще не прибыла в Константинополь 8 августа. Фуад-паша констатирует в своем письме, что уже предпринятые мероприятия (в отношении мингрельской экспедиции) временно отменены, «так как ожидаемый (из Лондона) официальный и категорический ответ еще

не поступил», и берет турецкий план мингрельской экспедиции под защиту «против возражений, содержащихся в английских телеграммах», согласно которым помощь *должна* быть послана через Эрзерум по дороге на Трапезунд. В своем ответе от 4 августа Редклифф говорит, что, «будучи недавно вызван высказать мнение своего правительства, он сделал это с мучительным сознанием тех затруднений, в которых находится Порты», ибо эти затруднения еще более увеличатся вследствие тех «взглядов, которые он должен был изложить», и при этом прибавляет: «Хотя правительство ее величества заявило, что оно отдает решительное предпочтение более прямой операции через Трапезунд и Эрзерум, оно вероятнее всего откажется от своих возражений против диверсии со стороны Черкесии, если пущенные в ход военные силы будут прочно связаны и надежны». В своей телеграмме от 8 августа к Кларендону Редклифф жалуется на то, что правительство «все еще главное значение придает Трапезунду, как единственной возможности подать помощь... Все военные авторитеты высказываются за противоположный план (мингрельскую экспедицию). Несмотря на все приведенные против меня прочно обоснованные доказательства в пользу единственно возможного пути помощи Карсу, я откровенно сообщил Порте совершенно противоположные взгляды моего правительства».

Ответ Кларендона на эту последнюю телеграмму Редклиффа (20 августа) надо рассматривать с двух точек зрения — в связи с утверждением Редклиффа, что, по его мнению, английское правительство противилось мингрельской экспедиции до 8 августа, и в связи с проектом, который был послан Кларендоном в Париж 1 августа как собственный проект Порты.

По первому пункту Кларендон заявляет (см. № 203):

Мои различные телеграфные сообщения и моя телеграмма от 4-го сего месяца, которую вы должны были получить, судя по дате отсылки вашей телеграммы, покажут вам, что правительство ее величества в союзе с императорским правительством Франции согласилось на то, чтобы Омер-паша отправился в Малую Азию с целью сделать диверсию для оказания помощи Карсу; правительство ее величества в этом случае не настаивает больше на раньше занятой им позиции, что помощь должна идти через Трапезунд.

За исключением телеграммы от 14 июля, в которой Кларендон протестовал против мингрельской экспедиции и требовал от турок отступления от Карса и Эрзерума; кроме телеграммы от 9 августа, которую Редклифф, естественно, не мог получить 8 августа, Кларендон, согласно сообщению Синей книги, не посылал ни одной телеграммы. Мы имеем дело с очевидным подлогом, когда он говорит о своих

«различных телеграфных сообщениях», в которых он берет обратно возражения английского правительства против мингрельской экспедиции. Почему же он не ссылается на свою телеграмму от 16 июля? Да потому, что она фигурирует только в Синей книге, написана только для Синей книги и никогда не выходила за пределы министерства иностранных дел на Даунингстрите. Редклифф, как бы догадываясь о поставленной ему ловушке, писал 1 августа Кларендону (№ 286):

Я только что ознакомился, милорд, с содержанием вашей телеграммы от 9-го текущего месяца. Турецкому министерству, как и Омеру-паше, будет служить величайшим удовлетворением то обстоятельство, что английское правительство санкционировало эксперимент диверсии против Редут-Кале. Точка зрения предыдущего сообщения, высказывавшегося исключительно в пользу продвижения к Карсу от Трапезунда, вызвала очевидное разочарование.

Редклифф ничего не знает о различных «телеграфных сообщениях» Кларендона. Он знает только, что предыдущее сообщение высказывалось «исключительно» в пользу экспедиции через Трапезунд. Он, очевидно, говорит о телеграмме от 13 июля, поддержанной депешей от 14 июля. О существовании известия от 16 июля он вообще ничего не знает. Этому пункту мы придаем значение по очень простому основанию. Одного взгляда на Карсские документы будет для кого угодно достаточно, чтобы убедиться в том, как английское правительство все время старалось расстроить планы Порты. Обнаруженные нами подделки, извращения и ложь доказывают, что английское правительство ясно сознавало, что оно ведет фальшивую игру, и, кроме того, вскрывают тот факт, что у него существовал заранее условленный план, в котором оно не осмеливалось публично сознаться.

Теперь рассмотрим телеграмму Кларендона от 20 августа с другой точки зрения.

«Омер-паша, — говорит он, — как командующий войсками султана, будет иметь свободную возможность так построить свои движения, что они будут наиболее полезны для общего дела; единственным ограничением, которое ставится ему обоими правительствами в его образе действий, это условие, чтобы диверсия в Азии не вызвала какого-либо уменьшения турецких сил у Севастополя и Еникале, тогда как турецкий контингент под начальством генерала Вивиана может быть употреблен на то, чтобы заменить те турецкие войска, которые Омер-паша возьмет с собой из Евпатории».

Согласно телеграмме Кларендона в Париж от 1 августа, Порта предложила отдать войска из Евпатории под начальство Омера-паши и не трогать турецкую армию у Севастополя. Как может он простое принятие собственного проекта Порты представлять в виде «огра-

ничения действий Омера-паши»? Но, с другой стороны, как он мог иначе поступить, когда как раз телеграмма Редклиффа, на которую он отвечает, напоминает ему о том, что паша рассчитывает на 17 000 человек из Балаклавы, на 3000 из Керчи и т. д. Таким образом, то, что в его телеграмме в Париж фигурирует как собственное предложение Порты, предписывается сейчас Порте в виде совета ее западных союзников.

До 13 августа — как раз месяц после того, как Омер-паша предложил союзным генералам свою мингрельскую экспедицию — Порта находилась под мучительным впечатлением, что британское правительство противится ей, и все ее приготовления к выручке Карса были вследствие этого крайне ослаблены. Только 13 августа Порта видит себя освобожденной от этого кошмара и чувствует удовлетворение, узнав, что ее западные союзники согласились с принятым ею решением от 22 июля. Наконец, Порта получает свободу обратить свои силы против Муравьева вместо Кларендона. 15 августа созывается оттоманский совет, чтобы обсудить вопрос о фактических средствах для спасения Карса. Результат этих совещаний настолько же удивителен, как и неожиданный.

«Омер-паша, — говорит Редклифф в своей телеграмме Кларендону от 16 августа (№ 294), — самым решительным образом высказывается против переданного по телеграфу лондонского проекта использования евпаторийских контингентов и не считает возможным взять на себя ответственность командования экспедицией, если не будет разрешено принять участие в экспедиции турецким войскам, находящимся под Севастополем».

Мы видим, таким образом, как теперь о евпаторийском проекте, который якобы был сообщен в Лондон 23 июля, утверждают, что он был 9 августа передан из Лондона в Константинополь.

16 августа полковник Симмонс равным образом послал депешу Кларендону (№ 297):

Я должен сообщить вам, милорд, что сераскир, будучи извещен лордом Стратфордом де-Редклиффом о том, что правительство ее величества назначило турецкий контингент в Евпаторию, сообщил это известие его высочеству Омеру-паше. Последний, будучи убежден, что это не даст Порте возможности собрать необходимые силы, чтобы предпринять поход в Азию для спасения карской армии, представил доклад военному министру... Омер-паша, хотя и настаивает на том, чтобы взять с собой свои войска из-под Севастополя, все же согласится перевести в англо-турецкий контингент часть своих войск и турецкие войска из Керчи в таком количестве, какое потребуется для пополнения контингента... Предложение паши кажется мне единственным, дающим надежду на спасение армии в Карсе, конечно, при соблюдении условия, которое, как это известно его высочеству, было поставлено английским и французским правительствами и сводилось к тому, что не может быть и речи о каком-нибудь уменьшении

количества войск в Крыму, и что поэтому первое предложение Омера генералам, о котором я докладывал 15 июня, не может быть проведено в жизнь. Паша сомневается в том, что экспедиция и сейчас явится достаточно своевременной для того, чтобы спасти гарнизон Карса. Если даже и так, то она во всяком случае помешает неприятелю укрепиться в Эрзерумской области и принять меры к новому продвижению в глубь страны в следующей военной кампании.

Меморандум Омера-паши на имя сераскира, о котором имеются намеки в этой телеграмме полковника Симмонса, приложен к письму Редклиффа на имя Кларендона от 16 августа. Мы берем из него следующие соображения Омера-паши:

Ныне находящиеся в Евпатории войска состоят из различного материала— тунисцев и египтян, и они ощущают недостаток в средствах сухопутного транспорта... Они не в состоянии выступить в поход или маневрировать... Если египтяне должны будут отправиться в Азию,— а поход по необходимости будет иметь место в начале зимы,— они, привыкшие к жаркому климату, не смогут выполнить необходимых движений, а так как армия составлена из различного материала, то окажется очень мало шансов на успех. Если будет осуществлен этот проект, этим будет нарушено единство как турецкой, так и английской армии, а не надо забывать, что значительная доля боеспособности, если не все существование армии, зависит от ее единства.

Паша отмечает, что всякий полководец при ведении войны должен заранее предвидеть самые тяжелые условия, в которые он может попасть в результате военных событий, и насколько возможно предусмотреть неудачи. Он берет тот случай, когда карсская армия была бы уничтожена до его вторжения в Азию и русские продвинулись бы дальше этого пункта, и заявляет, что в таком случае он с составленной из разнородного материала армией, к которой он не может питать полного доверия, очутился бы в таком же затруднительном положении, как и теперешняя азиатская армия.

Всякий генерал, которому доверяют какую-нибудь операцию, должен быть согласен с самой операцией и методом ее выполнения для того, чтобы он мог считаться ответственным за ее течение. Англо-турецкий контингент, будучи доведен до полного состава отрядами, взятыми из Болгарии и Керчи, будет почти равен по числу находящимся под его командой дивизиям. Что же касается числа союзных войск, то их незачем уменьшать, если только согласается с его мнением. «Наоборот, если будет осуществлен лондонский проект, то благодаря этому будут нарушены те систематические меры, которые предпринимаются сераскиром для обеспечения гарнизона Евпатории, должны будут произойти неизбежные замедления и организованы совершенно новые учреждения».

Уничтожение последнего боеспособного турецкого войска, по-

теря единства как в турецкой, так и в английской армии, преднамеренное принесение в жертву тунисцев и египтян, нарушение систематических мероприятий по обеспечению турецких войск в Евпатории, создание неизбежных промедлений, крах его собственного военного имени и подвержение мингрельской армии судьбе карсской армии — таковы, по мнению Омера-паши, естественные последствия присланного из Лондона плана. При сообщении этого энергичного протеста Кларендону Редклифф даже и не догадывается, что он сам был тем каналом, через который Порта была вынуждена передать тождественный проект лорду Кларендону.

Таким образом мы имеем новое и бесспорное доказательство того, что предложение Порты в том виде, как оно изложено в телеграмме от 23 июля, является лондонской подделкой и что Кларендон, предлагая его французскому правительству в своей телеграмме от 1 августа, прекрасно сознавал, что он совершает низкую подделку.

Его план осуществился согласно его желаниям. Порта, информированная, наконец, о том, что английское правительство в общем согласно с турецкой экспедицией, одновременно узнает, что оно противится ряду подробностей ее осуществления. После того как Порта вынуждена была бороться целый месяц с эрзерумским проектом Кларендона, она должна теперь потерять еще более драгоценный месяц август на то, чтобы обратить свое оружие против его евпаторийского плана.

К телеграмме Редклиффа Кларендону от 20 августа приложен второй меморандум Омера-паши, похожий по содержанию на первый, но имеющий такой конец (см. № 296):

Всякий генерал, который попытается осуществить подобного рода операцию противно всем военным правилам, принесет в жертву свою военную репутацию и, кроме того, подвергнет опасности общий союз. Я не имею намерения делать ни то, ни другое.

Если бы я даже принял командование на себя, то это не принесло бы никакой пользы делу.

Он характеризует евпаторийские войска «как недисциплинированных, разнородных и неопытных солдат».

20 августа (смотри № 298, Симмонс — Кларендону) Омер-паша информирует Симмонса о положении вещей в Карсе по описанию адъютанта сераскира, который оставил Карс 5 августа и прибыл в Константинополь 19 августа:

Во времени его отъезда склады заключали внутри города Карса запасы на 4, максимум 5 недель, боевыми припасами гарнизон также был снабжен более чем недостаточно. Последнее, однако, не имеет большого значения, так как

Муравьев заявил своей, после полученных подкреплений, насчитывающей около 50 000 человек армии, что он хочет взять Карс измором и захватить его, не сделав ни одного выстрела... Русские заставили жителей уничтожить на расстоянии восьми часов ходьбы (28 миль) в округности все, что даже по виду похоже на предметы питания. Гарнизон Карса состоит из 6 000 человек регулярных и 12 000 человек нерегулярных войск; но из последних многие или распускаются, или разбегаются. Из беседы с Омером-пашой, — говорит Симмонс, — следует, что Порты чрезвычайно огорчена печальным положением дела в Азии, и почти твердая перспектива в конце этого месяца или начале сентября потерять карсский гарнизон — 16 000 человек и почти 200 орудий, из них 70 полевых — доводит ее почти до отчаяния... Порты очень опечалена и разочарована тем, что было потеряно так много времени и что кабинеты Парижа и Лондона, а также военные авторитеты в Крыму не придали событиям такого серьезного значения, какое им придавала Порты, а только противились тем предложениям, которые делались с целью улучшить ее положение и предотвратить несчастье.

21 августа в заседании совета министров Порты (№ 299, Симмонс — Кларендону 23 августа)

«...было принято решение действовать с величайшей энергией и использованием всех имеющихся в распоряжении Порты средств в направлении выполнения предложенного Омером-пашой плана... Была выработана нота, которая должна была быть передана послам Англии и Франции, чтобы поставить их в известность о принятом Портой решении и потребовать от них содействия их флота для перевозки турецких войск с артиллерией, багажом и сухопутными транспортными средствами на азиатский берег... Сделав все, что было в ее силах, для организации похода с целью подать помощь карсскому гарнизону и вернуть свою прежнюю позицию в Азии, Порты чувствует себя свободной от ответственности за всякое несчастье, которое может произойти в результате неудачи предложенных для этой цели планов. Чтобы наладить движение, турецкое правительство послало свои корабли в Сизополис, где начнется посадка войск на суда. Все же Порты питает серьезные сомнения, предпринять ли ей этот решительный шаг, ввиду того, что англо-турецкий контингент получил из Лондона приказ отправиться в Евпаторию.

Уже и августу скоро конец, а Порты все еще чувствует себя связанной в своих движениях евпаторийским планом Кларендона. Ее опасения растут тем больше, чем отчаяннее становятся вести из Карса, и, наконец, она добивается от Редклиффа, совершившего в это время поездку в Севастополь, следующего телеграфного сообщения (№ 290).

Лорд Редклифф — графу Кларендону.

У Севастополя, 26 августа.

Я требую здесь немедленного и категорического сообщения насчет того, может ли Омер-паша снять турецкие войска из Балаклавы в полном составе или частично, при том условии, что они будут заменены другими войсками в таком же числе, и располагает ли в этом случае контингент генерала Вивиана свободной возможностью занять свое место у Севастополя вместо того, чтобы идти в Евпаторию. Омера-пашу ожидают со дня на день. Он ставит

свою экспедицию в зависимость от того, будет ли ему предоставлена возможность действовать так, как выше было указано. Он привел в пользу этого достаточные доказательства. Если бы мы могли доставить транспортные суда, то войска могли бы, повидимому, через месяц высадиться в Редут-Кале. Русские, угрожавшие Эрзеруму, отступили к карсской дороге. От турецкой армии получены известия, что она в начале августа обладала запасом провианта почти на 6 недель.

IV.

Кларендон добился, таким образом, благодаря своему евпаторийскому проекту того, что всякая активность Порты в течение всего августа была сведена на-нет. Телеграмма Редклиффа подтверждала утверждение генерала Вильямса, что «продовольствия в Карсе едва ли хватит до начала сентября». С каким чрезвычайным самопожертвованием турецкий гарнизон в Карсе добился продления своего существования сверх срока, указанного Вильямсом, показывает меморандум, который мы здесь приводим (приложение к № 315):

Карс, 1 сентября 1855 г.

Мы очень бережно обращаемся с продовольствием. Солдаты посажены на половинный паек хлеба и мяса или риса с маслом. Часто 100 драхм¹ бисквитов вместо хлеба. Кроме этого ничего. Нет денег. 3 000 стрелков мусульманского населения скоро умрут от голода. Армяне получили приказ завтра оставить город. Нет ячменя, почти нет фуража. В кавалерии одни блуждающие скелеты, которые высылаются из крепости, артиллерийские лошади скоро окажутся в таком же положении. Как же можно будет снять орудия с места? Что делается для того, чтобы выручить эту армию?

Вильямс.

Как только Кларендон убедился, что запасов в Карсе нехватит дольше начала октября, а с другой стороны, Редклифф заверил его, что даже при помощи транспортных средств союзников войска Омера-паши придут в Редут-Кале не раньше первых дней октября, он не видит уже более опасности в том, чтобы заставить французское правительство принять турецкий проект. Кроме того, он был информирован о том, что как раз в тот момент, когда он обратился к этому правительству, готовилось нападение на Севастополь и что Пелисье вследствие этого будет иметь серьезные основания противиться всяким изменениям в составе войск под Севастополем. Чтобы скрыть это обстоятельство, телеграмма Редклиффа передается в форме искаженной выдержки. Вот телеграмма Кларендона лорду Каули:

Министерство иностранных дел, 28 августа 1855 г.

Правительство ее величества питает уверенность, что императорское правительство присоединится к прилагаемому при сем ответу на телеграмму виконта

¹ Драхма (или диргем) — мелкая мера веса в Турции, равная приблизительно одному грамму. *Ред.*

Стратфорда де Редклиффа, посланную из Балаклавы от 26 августа. Если это так, пусть ваше превосходительство соизволит передать ее немедленно через лорда Пенюра генералу Симпсону, который информирует виконта Редклиффа, если он еще в Балаклаве, в таком смысле: Омер-паша волен взять с собой в Азию из Балаклавы те его войска, какие ему угодно; они должны быть заменены в том же размере контингентом генерала Вивиана или войсками из Евпатории в зависимости от решения союзных генералов; соответствующие инструкции об их транспортировании должны быть даны в согласии с адмиралами.

Кларендон.

Даже и в этой телеграмме Кларендон не может удержаться от того, чтобы не напасть на Порте.

Несмотря на то, что из различных меморандумов Омера-паши он хорошо осведомлен о том, что замена войск последнего под Севастополем войсками из Евпатории может в высшей степени повредить его проекту, он как бы мимоходом предлагает французскому правительству заменить севастопольские войска контингентом Вивиана или евпаторийскими войсками. Ответ из Парижа гласил следующее:

Телеграфно. Лорд Каули — графу Кларендону.

Париж, 29 августа 1855 г.

Император не возражает против удаления турецких войск из Балаклавы и замены их другими при том условии, если союзные главнокомандующие не станут возражать против этого. Он не хочет взять на себя ответственность сказать больше при таких условиях. Я посылаю это телеграфное извещение генералу Симпсону и к слову «Азия» прибавляю: «при том условии, если вы и генерал Пеллисе не станете возражать».

Искреннее нетерпение лорда Кларендона ускорить в этот важный момент мингрельскую экспедицию вытекает прежде всего из его депеши от 7 сентября, которую он отослал обыкновенной почтой полковнику Симмонсу, так что она прибыла к нему только 23 сентября. Он получил 5 сентября от полковника Симмонса следующую телеграмму (№ 301):

Я должен сообщить вам, милорд, сделанное мне Омером-пашой заявление о том, что он не сможет покинуть Константинополь ранее 5 — 6 дней, так как он занят организацией необходимых подготовлений к экспедиции в Азию и его присутствие здесь в интересах их окончания безусловно необходимо.

Вследствие полученных от Порты распоряжений

Омер-паша надеется переправить в Азию при помощи одного только турецкого флота в две поездки до 50 000 человек и 3 400 лошадей, так что на всю операцию потребуется от 3-х до 4-х недель или на каждую поездку от 10 до 14 дней. Омер-паша страстно желает, чтобы союзники помогли ему перевезти войска и материалы, находящиеся под Севастополем, и обозных лошадей из Сиво-

полиса, и он полагает, что наиболее удовлетворительно справиться с этой задачей можно будет в том случае, если английскому флоту будет дано разрешение перевезти в Азию войска, находящиеся у Севастополя, доставив раньше в Балаклаву контингент, который должен заменить эти войска.

На эту телеграмму Кларендон отвечает в следующем тоне:

Граф Кларендон — подполковнику Симмонсу.

Министерство иностранных дел, 7 сентября 1855 г

Сэр!

Доклад о мерах спасения азиатской армии, предложенных Омером-пашой Порте, содержащийся в вашей телеграмме от 26-го прошлого месяца, не вяжется с позднейшими сообщениями, полученными правительством ее величества. Вы сообщаете в вашей телеграмме, что Омер-паша рассчитывает взять с собой часть войск, находящихся у Севастополя и заменить их контингентом генерала Вивиана. Из телеграммы же генерала Симпсона, датированной позже, следует, что Омер-паша такого мнения, что контингент генерала Вивиана не был бы в состоянии раньше ближайшей весны занять позицию у Севастополя. Ввиду этого мнения и протеста генерала Симпсона против отправления к нему контингента,—протеста, основанного на вышеуказанном мнении, правительство ее величества решило, что контингент не должен отправляться на соединение с армией у Севастополя.

Кларендон.

Мы обращаем внимание на то, что телеграмма Симпсона, этого жалкого вояки, в Синей книге опущена, что «мнение» Омера-паши является подлогом и что «позднейшая дата», под которой Омер-паша высказал свое новое мнение, находящееся в противоречии с его мнением от 26 августа, явно относится к началу июля, как это следует из приводимой ниже выдержки из телеграммы полковника Симмонса, отправленной им из Камарского лагеря 23 сентября 1855 г.

Позволяю себе информировать вас, милорд, по этому предмету, что Омер-паша этот свой взгляд высказал еще в начале июля в письме к генералу Симмонсу... когда он еще не знал о критическом положении азиатской армии. Он тогда высказался в том смысле, что крепко держится того мнения, что генерал Симпсон не может думать о том, чтобы использовать контингент в открытом поле против неприятеля... Лорд Раглан неоднократно спрашивал меня, считаю ли я возможным употребить контингент на охрану балаклавской линии, и когда я запрашивал Омера-пашу насчет его мнения по этому вопросу, он мне сказал, что он не видит к этому никаких препятствий, если лорд Раглан считает это совершенно необходимым.

Высказывая мнение Омера-паши, относящееся к тому времени, когда не было и разговоров о мингрельской экспедиции, фальсифицируя это его мнение и основывая затем свой протест на этой фальсификации, Симпсон при своем «тупоумии» следовал, само собой понятно, тем тайным инструкциям, которые он получал из Лондона.

Бедный Симпсон является одним из изобретений Пальмерстона, одним из его Големов. Големы — это, как говорит немецкий поэт Арним, земляные глыбы в образе человека, в которые прихотливый волшебник вдунул искусственную жизнь. Если даже предположить, что Симпсон писал точно так, как это изображено в телеграмме Кларендона, — пропуск этой телеграммы в Синей книге ставит и это под вопрос, — то и тогда у Кларендона во всяком случае не могло быть сомнения ни насчет содержания, ни насчет даты мнения Омера-паши.

Уже 15 июля Симмонс уведомил его, что, по мнению Омера-паши, «контингент, хотя пригоден для гарнизонной службы, не в состоянии отправиться внутрь страны», а в более поздней телеграмме он заявил, что в «Балаклаве и Керчи войска контингента будут находиться внутри укрепленных линий», а не «в открытом поле».

История мингрельской экспедиции Омера-паши не передана в Синей книге, но и в ней просачивается достаточно материала для того, чтобы получить представление о тех препятствиях, которые союзными правительствами ставились ему на пути даже в тот более поздний период, когда они уже после сопротивления дали свое согласие и южная часть Севастополя была взята.

Симмонс пишет Кларендону 21 сентября из Камарского лагеря:

18-го сего месяца генерал Пелисье согласился на отправку трех батальонов турецких егерей в Азию. В течение одного или двух дней они будут отправлены в Батум на кораблях. До сих пор генерал Пелисье не дал еще своего согласия на отправку в Азию других здесь стоящих турецких войск.

«На мои запросы у Порты, — говорит Редклифф 26 сентября, — меня заверили, что перевозка войск и транспорт жизненных припасов подвигаются, хотя и медленно, так как для этой цели транспортные средства предоставлены в ограниченном размере. Никким образом нельзя отделаться от того впечатления, что многочисленные изменения военного плана, нужды наших операций под Севастополем и большие требования на транспортные средства — что все это, взятое вместе, сильно способствует ослаблению надежды на спасение Карса».

Но многочисленные изменения военного плана исходят от английского министерства; нужды, вызванные операциями в Севастополе — пустой предлог, так как союзники после взятия города ограничились одной охраной его развалин, а недостаток в необходимых транспортных средствах был обусловлен тем, что с Даунингстрита все время шли распоряжения о ненужной перегозке контингентов из В. рны в Еникале, Керчь, Евпаторию и обратно в Босфор.

Мрак этих предчувствий был на одно мгновение рассеян сверкнувшим как метеор блеском победы, одержанной турками 29 сентября у Карса над штурмовыми колоннами русских. В своей телеграмме от того же числа генерал Вильямс называет этот день «славным для турецкого оружия». В своей депеше от 3 октября (№ 372) он сообщает Кларендону:

Турецкая пехота, а равно и артиллерия в течение сражения, длившегося почти семь часов, сражались с крайней энергией; если припомнить, что в течение чуть ли не четырехмесячного периода они работали над своими укреплениями, а ночью их охраняли, если подумать о том, что они плохо одеты и посажены на половинный паек и в течение 29 месяцев не получали жалованья, то я полагаю, вы, милорд, признаете, что они показали себя достойными удивления всей Европы и без сомнения завоевали право быть зачисленными в ряд ее самых превосходных войск.

Порта при получении этого радостного известия обратилась с приветствием к защитникам Карса (№ 345), в котором говорится:

Мы были убеждены в неустрашимости и рвении, воодушевляющих ваше превосходительство, в бесконечной милости бога и находим утешение в этой мысли. С другой стороны, мы день и ночь работали над тем, чтобы изобрести средства, которые заставили бы врага снять осаду. Радостное известие об этой победе преисполнило нас новой жизнью.

Каким же избытком новой жизни встрепенется грудь Кларендона! Он, который работал день и ночь над изобретением средств, которые должны были расстроить придуманные Портой планы, не рассыпает ли он, по крайней мере с виду, дешевых цветов своей риторической симпатии? Ни в каком случае. Он, обманутый в своих расчетах, выражает против Порты досаду в короткой и вызывающе пропической телеграмме (№ 346).

...Забывтый гарнизон Карса будет иметь, по крайней мере, то удовлетворение, что узнает, что его страдания... нарушили покой турецких министров, которые, будучи лишены всех обычных средств к спасению Карса, никогда не переставали молиться о его благополучии и успехе.

Кларендон, раньше молчаливый друг Эбердина, выступает здесь в роли пронзительной дудки Пальмерстона.

После отражения русских от Карса 29 сентября до дня его капитуляции, 24 ноября, прошло опять почти два месяца. Как провело британское правительство это время? Во-первых, оно задержало необходимые Омеру-паше транспортные средства. 2 октября г. Олифант, корреспондент «Times'a», пишет из лагеря Омера-паши:

Внешний вид турецкой армии становится с каждым днем все внушительнее. Как только прибудут 10 000 турецких солдат из Балаклавы, на отправку которых

союзные генералы дали, наконец, после сопротивления свое согласие, она будет насчитывать 50 000 человек. Задержка обуславливается главным образом медлительностью нашего командования в Крыму, которое не предоставляет транспортных средств для перевозки сюда войск и не задумывается даже в малейшей степени над тем, придут ли они сюда или нет. Это прямо несчастье, что единственное серьезное основание для беспокойства, которое Омер-паша испытывает по отношению к этой экспедиции, имеет тот же источник, который принес уже так много бедствий.

Но это еще не все. Уже в июне месяце Пальмерстон заявил во время парламентских дебатов о турецком займе, что Порта находится в печальном финансовом тупике, и все ее дальнейшие операции зависят от того, получит ли она сейчас деньги. Парламент дал свое согласие на заем, и британское правительство объявило об этом займе в августе 1855 г.; но из акта, представленного парламенту, следует, что Порте из разрешенных ей 5 миллионов фунтов стерлингов 29 января 1856 г. было выплачено едва только 2 миллиона, и даже эта сумма высылалась маленькими порциями в 100 000 фунтов.

Еще 24 ноября 1855 г. Порта заявила (№ 353, приложение № 4):

В заключение его превосходительство (сераскир) обратился ко мне и сказал, что я ведь знаю так же хорошо, как и он, о тех постоянных усилиях, которые были им сделаны для оказания помощи Карсу. Омер-паша был задержан причинами, над которыми он, к несчастью, был не властен. Дело зависело от союзников. Уже давно было ясно, что ни одно мероприятие, которое они в силах предпринять, не сможет достигнуть поставленной цели, если его надо будет проводить без помощи задержанных в Крыму войск... С большой настойчивостью его превосходительство продолжал мне разъяснять, что турки будут абсолютно не в состоянии сделать необходимое для дальнейшего выполнения кампании, если будет произведена задержка в реализации займа. Хлеб в размере 1 миллиона килограмм, закупленный ими для нужд армии, не будет доставлен им, так как они не в состоянии его оплатить... Он писал великому визиру, что в том случае, если деньги из этого источника (займа) не поступят в течение недели, считая с сегодняшнего дня, он подаст в отставку» (*Письмо генерала Мансфильда лорду де-Редклиффу*).

Это прямо замечательное совпадение, что как раз в тот самый день, когда капитулировал Карс, сераскир убедительно объяснял британскому военному уполномоченному (Military Commissioner) истинные основания этого несчастья: задержка экспедиции Омера-паши вследствие того, что союзники не давали Порте ее собственных войск, и затем приостановка всех операций в октябре и ноябре ввиду того, что британское правительство не давало Турции ее собственных денег.

Когда в Карсе 24 ноября решились на капитуляцию,

«солдаты сотнями умирали ежедневно от голода. Они превратились в скелеты и были неспособны ни сражаться и бегать. Женщины приносили сво-

их детей в генеральский дом, чтобы они там получали пищу, и оставляли их там; весь город был усеян мертвыми и умирающими» (№ 366).

В течение всего того периода, когда Кларендон систематически расстраивает планы Порты, ослабляет ее силы и задерживает ее собственные деньги, мы видим, как он шепчет скованной Порте на ухо советы энергично действовать и ругает ее за слабость. Вряд ли в мировой истории найдется более забавная, более горькая параллель, чем между британским правительством, которое своими злоключениями в Крыму, Балтийском море, Тихом океане и великолепными наградами виновникам этих неудач превращает Англию в мишень для насмешек Европы, и тем же правительством, которое в самых резких тонах античного Катона насмехается над Портой за неудачи ее военных и гражданских властей. Правительство продажных Седлеров, которое морально возмущается продажностью пашей; покровители Кодрингтонов и Эллиотов, настаивающие на наказании Селима-паши и Тагира-паши; импровизаторов-Симпсонов, изрекающих угрозы по адресу покровителей Омера-паши. Пенмюр — этот «Обратите-внимание-на-Дауба», обучающий сераскира; Даунингстрит с своими докторами Смитами, с своими Фильдерами, с своими Эриями и Гордонами, которые еще в заседаниях севастопольского комитета бранили какого-то пашу в Трапезунде за то, что груз трута и шомполов не был связан в пачки и не покрыт рогожами, — такова верная картина Восточной войны. И впереди всех храбрый Кларендон с его душу трогающими жалобами на апатию Порты — прямо картина официального Терсита, укоряющего Данаид за то, что они не наполняют своей бездонной бочки.

ТРАДИЦИОННАЯ АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Относительно внешней политики английских вигов распространено весьма ошибочное мнение, будто они всегда были заклятыми врагами России. История ясно доказывает обратное. В дневнике и переписке Джемса Гарриса, первого графа Мальмсбери, — бывшего несколько лет, как во время вигского, так и торийского правительства, английским представителем при петербургском дворе, — и в мемуарах и переписке Чарльза-Джемса Фокса, опубликованной лордом Джоном Росселем, мы находим поразительные разоблачения о вигской политике, вдохновителем и родоначальником которой был Фокс, являющийся до сих пор политическим верховным жрецом вигов, которые чтут его не меньше, чем османы Магомета. Чтобы убедиться, как Англия всегда угождала перед Россией, мы вкратце напомним о событиях, предшествовавших вступлению Фокса в кабинет.

Из дневника графа Мальмсбери мы узнаем, с какой лихорадочной торопливостью Англия старалась укрепить свои дипломатические связи с Россией во время нашей войны за независимость. Английскому послу было поручено во что бы то ни стало заключить с Россией наступательный и оборонительный союз. Ответ царицы был сперва уклончив: самое слово «наступательный» было ненавистно Екатерине, и она хотела выждать сперва развития событий. Под конец английский дипломат понял, что все дело в желании России заручиться поддержкой Англии в ее планах против Турции; и Гаррис известил свое правительство, что оно должно поощрять русские аппетиты, если хочет обеспечить себе помощь России против американских колоний.

На следующий год сэр Джемс Гаррис выступает уже с более умеренным предложением. Он не добивается больше союза с Россией: Англия удовлетворится протестом России, который, будучи поддержан морскими военными силами, сдерживал бы Францию и Испанию. Императрица возражает, что у нее нет достаточных оснований для подобного шага. Тогда английский посол делает ей следующее ра-

болепно-льстивое представление: «Так могла бы говорить русская государыня семнадцатого века, но с тех пор Россия сделалась руководящей державой в Европе, и интересы Европы являются также и ее интересами. Если бы Петр Великий мог увидеть русский флот в союзе с английским, он бы перестал себя считать первым русским государем» — и так далее в том же духе.

Императрица приняла эту лесть, но отклонила предложения посла. Два месяца спустя, 5 ноября 1779 г., король Георг написал своей «госпоже сестре» (lady sister), русской царице, собственноручное письмо на старомодном французском языке. Он уже не настаивал на формальном выступлении, а просил о простой демонстрации. «Одного лишь появления, — писал король, — части императорского флота было бы достаточно, чтобы восстановить и утвердить мир в Европе; противоанглийская коалиция распалась бы тотчас». Можно ли указать еще другой случай, когда первоклассная держава молила бы так униженно о помощи?

Но все это подхалимство не помогло Англии, и в 1780 г. был провозглашен вооруженный нейтралитет. Англия покорно проглотила пилюлю. Чтобы смягчить ее горечь, английское правительство заранее объявило, что русские торговые суда не будут задерживаться английскими крейсерами. Так Англия без всякого принуждения отказалась от права обыска иностранных судов. Вскоре после этого английский дипломат заверил петербургский кабинет, что британские военные суда не будут чинить препятствий подданным императрицы в их торговых поездках; а в 1781 г. сэр Джемс Гаррис поставил в заслугу английскому адмиралтейству, что оно смотрит сквозь пальцы на частые случаи подвоза русскими судами морских припасов неприятелям Англии и что всякий раз, когда эти суда бывали по ошибке арестованы или задержаны, адмиралтейство уплачивало за это щедрую компенсацию. Все средства пускались в ход английским кабинетом, чтобы отвлечь Россию от нейтралитета. Вот что пишет, например, лорд Стормонт английскому послу в Петербурге: «Нельзя ли подействовать на честолюбие императрицы чем-нибудь существенным — какой-нибудь уступкой в пользу ее флота и торговли, чтобы склонить ее к оказанию нам помощи против наших мятежных колоний?» Гаррис отвечает, что такой приманкой могла бы быть уступка о-ва Минорки. В 1781 г. Минорка была действительно предложена Екатерине, но — отвергнута ею.

В марте 1782 г. в кабинет вошел Фокс, и тотчас же русскому послу в Лондоне было заявлено, что Англия готова начать переговоры с Голландией, которой предшествовавшее правительство объявило

войну на основании договора 1674 г. (разрешавшего вольным кораблям вольную торговлю), и что она собирается немедленно заключить перемирие. Фокс поручил Гаррису представить этот шаг как доказательство того внимания, с каким король относится к пожеланиям и мнениям императрицы. Но этим Фокс не ограничился. На одном заседании министров было решено просить короля, чтобы он известил русского посла, жившего в близком соседстве с королевским дворцом, о своем желании быть полным единомышленником императрицы и установить теснейшую связь с петербургским двором, положив в основу переговоров между обеими странами декларацию о нейтралитете.

Вскоре после этого Фокс вышел в отставку. Его преемник, лорд Грентхем, подтвердил, что сравнительное расположение Петербурга к Лондону явилось плодом политики Фокса; и когда Фокс снова вошел в состав правительства, он первым делом заявил, что всякий просвещенный англичанин должен стоять за союз с северными державами и что такова должна быть английская политика раз навсегда. В одном из своих писем к Гаррису он напоминает ему, что дружба с петербургским двором имеет первостепенное значение для Великобритании, и пишет, что важнейшая цель его первого краткого правления заключалась в том, чтобы уяснить императрице, как искренно английское министерство стремится следовать ее заветам и завоевать ее доверие. Преданность Фокса идее союза с Россией была огромна. Он убеждал короля написать императрице письмо и просить ее обратить свое благосклонное внимание на английские дела.

В 1791 г. Фокс, бывший тогда в оппозиции, заявил в парламенте, что «несколько странно слышать в английской палате речи о растущем могуществе России, как о чем-то внушающем тревогу. Двадцать лет тому назад Англия ввела русские суда в Средиземное море. Он (Фокс) советовал королю не препятствовать присоединению Крыма к России. Англия поддержала Россию в ее замысле основать свое величие на развалинах Турции. Было бы безумием проявлять недовольство по поводу возросшего могущества России на Черном море». Во время этих же прений Берк, бывший тогда вигом, заметил, что «несколько странно считать Турецкую империю необходимой частью европейского равновесия»; и подобные взгляды высказывались Берком (который считается в Англии всеми партиями классическим образцом английского государственного деятеля) все чаще и все энергичнее до самого конца его политической карьеры, а затем были подхвачены крупнейшим вождем вигов, к которому перешло руководство партией.

Во время своего пребывания у власти, в 1831 и 1832 гг., лорд Грей высказал в прениях по вопросам внешней политики свое твердое убеждение, что поглощение Турции русской империей было бы выгодно для самой Турции и способствовало бы благоденствию Европы. А разве Россия была тогда менее варварской, чем какой ее изображают сейчас? Разве она была тогда в меньшей степени страной того отвратительного деспотизма, который современные виги рисуют в таком страшном виде? И все же перед ней не только рабопенно пресмыкались, ища ее союза, но английские либеральные государственные деятели даже поощряли ее в тех самых замыслах, за которые теперь ее так жестоко клеймят.

ВОЙНА В АЗИИ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Мало-помалу мы узнаем о подробностях падения Карса; и до сих пор они полностью подтверждают все, что мы не раз говорили о положении турецкой армии в Малой Азии. Теперь уже никак нельзя отрицать, что эта армия систематически уничтожалась нерадивостью турецкого правительства и безграничным господством турецкой лени, фатализма и тупости. Более того, обнаруженные теперь факты делают крайне вероятным предположение, что даже прямая измена, как это обычно бывает в Турции, сыграла свою роль в падении Карса.

Еще в самом начале прошлогодней кампании нам пришлось беседовать с нашими читателями об отчаянном положении турецкой армии в Эрзеруме и Карсе и о тех бесстыдных хищениях, которыми это положение было вызвано. Для обороны армянского нагорья было сосредоточено два армейских корпуса, мало-азиатский и месопотамский, и кроме того часть сирийского корпуса. Эти войска были усилены своими запасными батальонами и составляли ядро многочисленной армии из курдских и бедуинских нерегулярных частей. Но четыре или пять неудачных сражений в 1853 и 1854 гг., в районе между Ахалцыхом и Баязетом, сломили спайку и боевую энергию этих войск, а отсутствие одежды и продовольствия в зимние месяцы окончательно разложили их. Пестрая компания венгерских и польских эмигрантов, среди которых были и авантюристы и вполне достойные люди, собрались в главном штабе этой армии, где они, впрочем, не занимали никаких официальных постов. В глазах невежественных, завистливых и интригующих пашей авантюристы могли сойти за первоклассных деятелей, а с действительно полезными людьми из числа находившихся при штабе эмигрантов обращались как с авантюристами; в результате поднялась настоящая свистопляска тщеславия и интриг, подорвавшая кредит эмигрантов в целом и уничтожившая почти всякие следы их влияния. Затем появились английские офицеры, встреченные с глубоким уважением, как того требовал долг вежливости по отношению к союзному правительству

и как это было естественно при крайней беспомощности турецких командиров. Но и им не удалось вдохнуть хоть сколько-нибудь бодрости в разложившуюся армию. Своими усилиями они могли пробудить на минуту того или другого пашу от тупоумной спячки, добиться сооружения наиболее необходимых укреплений в Карсе, предупредить иной раз какое-нибудь особенно вопиющее хищение государственного имущества или даже тайный сговор с неприятелем, — но это все. Когда прошлой весной ген. Вильямс выбивался из сил, чтобы добыть для Карса самые необходимые продовольственные запасы, он все время наталкивался на препятствия. Турецкое интендантство не учло возможность осады и не обзавелось лошадьми для подвоза снабжения. Когда выяснилось, что имеется достаточное количество ослов, оно нашло оскорбительным для чести султана перевозить его грузы на ослах, и так далее. И в конце концов Карс, этот оплот Армении, расположенный на расстоянии всего двух переходов от русской крепости Гумри, остался совсем без всякого продовольствия и должен был сам добывать себе корм в окрестностях. Так же обстояло дело с военными припасами. После атаки, произведенной русскими 29 сентября, артиллерийских припасов осталось только дня на три, хотя настоящей осады вовсе не было, — 29 сентября произошло единственное сражение за все время блокады. Присланные в Карс ящики с лечебными принадлежностями заключали в себе всякую дрянь, а врачи снабжались из Константинополя родовспомогательными инструментами, которыми им и пришлось зондировать раны и производить ампутации.

Таково было положение в Карсе. И если гарнизон, состоящий из деморализованных анатолийских войск, мог с такими скудными средствами оказать столь отчаянное сопротивление 29 сентября и так долго держаться после, несмотря на голод, то это одно из тех положительных явлений турецкой истории, которыми так изобилует настоящая война. Тот же фатализм, который ввергает в апатическое бездействие начальствующую верхушку, порождает это упорное сопротивление в массах. Это последние остатки того воинственного духа, который пронес когда-то знамя ислама от Мекки до Испании и был остановлен только под Пуатье. Его наступательный натиск пропал, но следы его оборонительной мощи сохранились. Это упорство сопротивления за крепостными стенами является типично турецким; было бы грубой ошибкой объяснять его присутствием европейских офицеров. Если последние и были в Карсе и Силистрии в 1855 и 1854 г., то их не было в Варне, в Браггове, в Силистрии в 1829 г., когда совершались такие же чудеса храбрости. Европейские офицеры

могли в этих условиях только исправлять ошибки, укреплять редуты, вносить единство в систему обороны, предупреждать прямую измену. Но личная храбрость солдат была всегда одинакова, независимо от присутствия или отсутствия европейцев; не было в ней недостатка и в Карсе даже среди дезорганизованных войск почти совершенно разложившейся анатолийской армии.

И тут мы должны отметить заслуги английских офицеров, сыгравших видную роль в обороне Карса и находящихся сейчас в качестве военнопленных в Тифлисе. Что ими было сделано очень много для организации средств сопротивления, что они старательно укрепили город и снабдили его всем, чем только было возможно, что они разогнали сонную апатию пашей и руководили обороной 29 сентября, — все это не подлежит никакому сомнению. Но нелепо приписывать им, как это делает сейчас английская печать, всю честь 29 сентября и обороны крепости вообще и изображать их в виде горсти героев, покинутых в минуту опасности трусливыми турками, ради которых они жертвовали собой. Что во время штурма они были в первых рядах бойцов — этого мы не думаем отрицать: англичанин так драчлив по натуре, что английский офицер больше всего и чаще всего грешит в бою именно тем, что забывает о своих обязанностях командира и сражается как простой солдат. Ведь он знает, что ему вполне обеспечены восторженные похвалы его соотечественников, между тем как во всякой другой армии он рисковал бы в этом случае быть разжалованным за потерю самообладания. Но, с другой стороны, турецкий солдат настолько привык видеть своих собственных офицеров удирающими от опасности, что в пылу боевого воодушевления он меньше всего думает о каких-то командирах, а сражается там, где его застала битва; и он уж во всяком случае не обратит внимания и тем более не воодушевится от того, что рядом с ним полдюжины англичан стараются показать свое мужество. Что план укреплений Карса был задуман совершенно неправильно — мы подробно показали на другой же день после получения известия о штурме 29 сентября, и высказанное нами тогда суждение было полностью подтверждено официальной картой этих укреплений, опубликованной британским правительством. В конце концов заслуги английских офицеров в Карсе приходится, таким образом, расценивать согласно французской поговорке: «в царстве слепых кривой становится царем». Иной человек, неспособный приобрести достаточное количество знаний, чтобы выдержать экзамен на подпоручика во Франции, мог бы сойти за крупного генерала среди индокитайцев; и если английские офицеры славятся у себя в стране полной неком-

петентностью в вопросах своей профессии, то едва ли они могли внезапно озариться светом знаний и военных талантов, приехав в Турцию. Мы лично считаем, что у Кмети столько же заслуг, как у любого участника обороны Карса.

Пока все это происходило в Карсе, какое было положение в Эрзеруме? Около дюжины престарелых пашей проводили там время, покуривая свои чубуки, совершенно не сознавая, что на них лежит какая-то ответственность, что Карс находится под ударом и что неприятель стоит на расстоянии нескольких переходов, по ту сторону холмов Деве-Бойуна. Несколько тысяч регулярных войск, с прибавкой кое-каких нерегулярных частей, двигались взад и вперед, ни разу не рискуя напасть на неприятеля и отступая при первом обнаружении его передовых постов. У эрзерумской армии не было ни сил, ни мужества для освобождения Карса, и пока он погибал от голода, она едва решалась на демонстративные диверсии для его поддержки. Генерал Вильямс не мог не знать, что ему не на что рассчитывать с этой стороны. Что же касается тех донесений и обещаний, которые он получал в связи с передвижениями Омера-паши, то об этом мы ничего не знаем. Ходили слухи, что в последнюю минуту Вильямс решил прорваться с гарнизоном сквозь русскую армию; но мы не думаем, чтобы такой план мог быть задуман серьезно. Холмистая местность, с очень немногими проходами, открывающими путь к Эрзеруму, предоставляла все выгоды русским; заняв несколько ущелий, они легко помешали бы осуществлению этого плана. К тому же передвижения войск становятся к концу октября почти невозможными в области, которая расположена на возвышенности в 5 — 8 тысяч футов над уровнем моря и в которой зима наступает очень рано и продолжается от 6 до 9 месяцев. Если Карс мог продержаться до зимы, то потеря гарнизона в 6000 человек регулярных войск была пустяком по сравнению с выигрышем времени. Эрзерум, главный центр всех турецких запасов в Армении, был лишен почти всяких укреплений, и выигрыш времени обеспечивал ему безопасность до мая 1856 г.; конечный же успех русских сводился к фактическому овладению селениями, расположенными на реках Карс-чае и верхнем Араксе, которые не могли бы быть отняты у них, даже если бы гарнизону Карса удалось пробиться к Эрзеруму. Последний почти вовсе не был укреплен, и если бы гарнизон Карса успел дойти до него к середине октября, все равно не было бы достаточных сил для его защиты. В неукрепленном виде можно было бы защищать только Деве-Бойуна, дав сражение перед городом, в ущельи. Эрзерум был, таким образом, спасен выдержкой карсского гарнизона.

С другой стороны, задаются вопросом, не мог ли бы Омер-паша спасти Карс, и почти каждый европейский корреспондент на Востоке отвечает на это по-своему. Теперь пытаются даже свалить всю вину за падение Карса на Омера-пашу и пытаются как раз те круги, которые еще недавно всячески превозносили его. По этому поводу надо прежде всего сказать, что Омера-пашу так долго задерживали против его воли в Крыму, что едва ли он успел бы предпринять до зимы какие-нибудь крупные операции. Когда он затем прибыл в Константинополь, чтобы провести там свой план военных действий, ему пришлось тратить время на борьбу со всевозможными интригами. И когда, наконец, уже все было готово, обещанных английских транспортов не оказалось на месте; когда турецкая армия была сконцентрирована около Батума, и позднее близ Сухум-Кале, она оказалась без продовольствия, без военных припасов и транспортных средств. Как мог бы Омер-паша, при таких обстоятельствах, двинуться прямо на помощь Карсу, — понять довольно трудно. Мы видели, что во время своего мингрельского похода он ни разу не рискнул удалиться от побережья больше, чем на расстояние двух или трех дней пути, а между тем он шел тогда по хорошим русским военным дорогам. В Карс же, все равно, пошел ли бы он через Эрзерум или через Ардаган, он должен был бы итти на расстоянии двадцати или двенадцати дней пути от берега, двигаясь по руслам речек и по гористым тропинкам, по которым можно провести в качестве обоза только вьючную лошадь. Караваны из Трапезунда в Эрзерум не имеют в своем распоряжении других дорог, и то обстоятельство, что они никогда не везут с собой телег, лучше всего показывает, по какой местности им приходится двигаться. А между тем это единственный проложенный путь, какой вообще имеется; что касается так называемых дорог из Батума в глубь страны, то их существование весьма проблематично, во всяком случае по ним не происходит сколько-нибудь значительного движения. Мудрым военным критикам, упрекающим Омера-пашу в том, что он не пошел прямо на Карс, следовало бы сначала ознакомиться с сообщениями лиц, которые путешествовали по этим местам, — например, с описаниями Кергона или Боденштадта. По поводу же замечания лондонского «Times'a», что генерал Вильямс предложил Омелу-паше итти на Карс прямо из Батума, мы можем только сказать, что Вильямс слишком хорошо знает Армению, в которой он прожил много лет, чтобы давать подобные советы.

При существующих условиях самое лучшее, что мог сделать Омер-паша, это угрожать коммуникационной линии русских перед Карсом. Насколько успешно он мог это делать, зависело от

подвижности его собственной армии и от противостоящих ей русских сил. Отложив рассмотрение первого из этих пунктов до того времени, когда он выяснится на деле, мы с самого начала заявили, что по всей вероятности русские окажутся слишком крупной силой для нападающей армии Омера-паши. Наш первый и, как выяснилось, совершенно правильный подсчет имеющихся у Бебутова сил показал, что даже в Кутаисе русские могли бы, с небольшими перегруппировками, выставить против турок превосходные силы. Так они и сделали. Даже при полной свободе маневрирования Омер-паша не мог бы с имеющейся в его распоряжении армией форсировать переправу через Рион. Но помимо того медленность и неаккуратность, с какой ему доставлялись припасы, затрудняли все его операции с самого начала. После каждого двух-трех переходов ему приходилось останавливаться чуть ли не на неделю, чтобы достать самое необходимое; и когда он продвинулся, наконец, на расстояние трех дней пути от Редут-Кале в глубь страны, он оказался совершенно парализованным. Видя в то же время перед собой более сильную армию, он мог только отступить к побережью, куда русские последовали за ним, тревожа его тыл очень серьезно. Сейчас турецкая армия, жестоко пострадавшая от неприятельских действий и болезней, отдыхает на побережьи и перевозится в Батум, Трапезунд и другие места. Мингрелия, за исключением береговых фортов, снова в руках русских.

Этим заканчивается третья удачная кампания русских в Азии: Карс и его округ завоеваны; Мингрелия освобождена от неприятеля; последний еще оставшийся боеспособным отряд турецких войск — армия Омера-паши — значительно обессилен численно и морально. Это немаловажные результаты в стране, подобной юго-западному Кавказу, где все операции неизбежно замедляются характером местности и недостатком дорог. И если сопоставить эти успехи и завоевания с тем фактом, что союзники заняли южную часть Севастополя, Керчь, Кинбурн, Евпаторию и несколько фортов в Черкесии, то станет ясно, что достижения союзников далеко не так огромны, чтобы оправдать бахвальство английской печати. Интересно, что парижский «*Constitutionnel*» в статье, инспирированной французским двором, прямо обвиняет лорда Редклиффа в том, что он — главный виновник азиатских неудач, ибо он не только мешал Порте получить ассигнованные ей союзниками средства, но и заставлял ее задерживать как можно дольше подкрепления, предназначавшиеся для этого театра военных действий.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Метод ведения войны, которого придерживались до сих пор западные державы в своих операциях против России, рухнул окончательно. Кампанию нынешнего года, если такая кампания состоится, нельзя будет вести по тому плану, которого держались доньше. Скоцентрировать все силы Франции, Англии, Турции и Сардинии против одного пункта в Крыму, против пункта, который при использовании всех возможных средств можно было бы захватить между прочим; бороться за овладение этим пунктом целых одиннадцать месяцев и в результате овладеть им только наполовину; настолько пренебрегать всякой другой возможностью нанести неприятелю решающие удары, что Россия успела завоевать Карс, компенсируя этим потерю южной части Севастополя, — так можно было вести одну-две кампании в войне, в которой наиболее уязвимые места борющихся сторон были прикрыты нейтралитетом Центральной Европы. Но так нельзя будет вести дело дальше. Заседавший только что в Париже военный совет служит наилучшим доказательством, что теперь мы будем иметь нечто вроде войны всерьез, если только война вообще будет продолжаться.

Война, как она велась до сих пор, была состоянием официальных враждебных действий, смягчаемых необычайной вежливостью. Мы имеем здесь в виду не учтивость во время неизбежных эпизодов с выбрасыванием белых флагов, а ту учтивость, которую противники проявляют друг к другу даже на своих военных совещаниях. Самое возникновение войны объясняется только просчетом со стороны императора Николая. Он никак не ожидал, что Франция и Англия объединятся для совместного отпора его замыслам относительно Турции; он рассчитывал на небольшую спокойную войну только с султаном, на войну, которая второй раз приведет его войска под стены Константинополя, поднимет на ноги европейскую дипломатию, когда уже будет поздно, и даст в конце концов возможность его собственным дипломатам выиграть, по обыкновению, вдвое больше на конференциях и конгрессах, чем его войска выиграли на полях сраже-

ния. К несчастью, вопреки всякому ожиданию, против собственной воли, Россия и западные державы оказались втянутыми в войну, сами того не замечая; пришлось воевать, хотя никто этого не хотел. У каждой стороны было в запасе последнее средство, которым она надеялась отпугнуть другую сторону от крайних шагов: ожидали, что война будет войною за принципы, что она будет носить более или менее революционный характер и что в ней примут участие Германия и зависящие от нее страны — Венгрия, Польша, Италия. *Ultima ratio* [крайним средством] Запада должно было явиться развязывание борьбы угнетенных национальностей Венгрии, Польши, Италии и более или менее самой Германии. *Ultima ratio* России заключалось в призыве к панславизму, к осуществлению мечтаний, которые лелеялись за последние пятьдесят лет разными энтузиастами среди славянского населения Европы.

Но ни русское правительство, ни правительство Луи Бонапарта (не говоря уже о Пальмерстоне) не захотело прибегнуть к подобному средству до последней минуты, и в результате война ведется на основе взаимной предупредительности и учтивости, едва ли обычной даже между легитимными монархами старой крови, а уже тем более между такими выскочками и узурпаторами, как Романовы, представители ганноверского дома и псевдо-Бонапарты. Балтийское побережье России едва было задето войной; ни малейших попыток прочно занять его не было сделано. Там, как и на Белом море, частное имущество подвергалось гораздо большей опасности, чем государственное; а на финском побережье английские эскадры специально поставили себе, новидимому, единственной целью примирить финнов с русским господством. Подобным же образом действовали они и на Черном море. Отправленные туда союзные войска явились словно для того, чтобы внушить туркам жажду русского вторжения; иначе по крайней мере нельзя объяснить их поведение с 1854 г. вплоть до нынешнего дня. Наиболее светлый период их деятельности в Турции приходится на время их стоянки в Варне, когда, не будучи в состоянии сделать что-нибудь полезное, они хоть не причиняли серьезного вреда никому, кроме самих себя. Когда же они ушли, наконец, в Крым, они ухитрились вести там войну таким способом, что русское правительство имело все основания быть в высшей степени довольным ими. Недавно герцог Кембриджский роздал множество медалей среди французских войск, которые вернулись из Крыма: но никакие медали, кресты, большие кресты, звезды и ленты из рук русского правительства не могли бы выразить всю благодарность, которую оно должно питать к руководителям

кампании 1854—1855 гг. В самом деле, оставление южной части Севастополя русским гарнизоном обошлось союзникам в 250 000 человек убитыми и ранеными, не говоря уже о миллионных расходах. Русские, всегда терпевшие поражение в бою, побивали своих врагов решимостью, энергией и искусством своих военных инженеров. Если Инкерман был несмываемым позором для русских, то постройка русскими редутов на Сапуне и Мамелоне, под самым носом у неприятеля, была несмываемым позором для англичан и французов. Да и ясно, наконец, что Севастополь не истощил русских в такой мере, как союзников, ибо он не помешал русским взять Карс.

Падение Карса является, действительно, самым позорным событием, какое только могло случиться с союзниками. Располагая огромными боевыми ресурсами на море, имея с июня 1854 г. армию, численно превосходящую русские силы, они ни разу не атаковали наиболее слабые места России — ее закавказские провинции. Мало того, они позволили русским организовать в этом районе независимую операционную базу, нечто вроде наместничества, способного держаться некоторое время против превосходных неприятельских сил даже в случае уничтожения связи с метрополией. Но не удовлетворившись и этим, не смущаясь постоянными поражениями азиатско-турецкой армии в 1853—1854 гг., они не дали возможности турецкой армии Омера-паши поправить положение в Азии, удерживая ее в Крыму, причем в Крыму они позволяли ей только рубить дрова и таскать воду для союзников. Так, после тщательной очистки береговой полосы между Керченским проливом и Батумом от всех русских поселений и после овладения таким образом линией, на которой можно было в десяти или пятнадцати пунктах создать капитальные базы для любых операций против Кавказа или Закавказья (этой, как мы часто доказывали, слабейшей части России), — после всего этого не было предпринято ровно ничего, пока, ввиду непосредственной угрозы Карсу и вынужденного бездействия эрзерумской армии, Омеру-паше не был, наконец, разрешен его злополучный поход в Мингрелию, — когда уже было слишком поздно.

Это упорное втискивание войны в пределы полуострова, размерами не больше Лонг-Айленда, бесспорно помогло союзникам отстранить от себя все неприятные вопросы. Отпали вопросы об угнетенных национальностях, о панславизме, об осложнениях с Центральной Европой, о необходимости завоеваний, отпала возможность получения больших, решающих результатов, которые могли бы затруднить будущие переговоры, вызывая необходимость реальных жертв с чьей-либо стороны. Но для непосредственных участников настоящей кампании

это далеко не так приятно. Для них, по крайней мере начиная с сержанта и ниже, война была суровым, неумолимым фактом. Никогда еще, с тех пор как существуют войны, столь блестящая храбрость не расточалась ради столь скудных результатов, как в эту крымскую кампанию. Никогда такое количество первоклассных солдат не было принесено в жертву, и в такой короткий срок, для достижения столь сомнительных успехов. Ясно, что такого самопожертвования еще раз нельзя уже требовать от армий. Должны быть какие-либо более ощутительные результаты, чем пустая «слава». Нельзя продолжать войну, давая до двух больших сражений и производя от четырех до пяти генеральных штурмов в год и не двигаясь при этом с места. Никакая армия этого долго не выдержит. Никакой флот не выдержит третью кампанию, столь же бесцветную, как две предшествующие, в Балтийском и Черном морях. И мы слышим, действительно, о планах вторжения, в случае продолжения войны, в Финляндию, в Эстонию, в Бессарабию; говорят о прибытии шведских вспомогательных сил и о демонстрациях Австрии. Но в то же время мы узнаем, что Россия приняла австрийские предложения как основу для переговоров, и хотя это еще далеко не решает вопроса о мире, это открывает все же возможность ликвидации конфликта.

Таким образом, возможно, что новой кампании не будет; но если ей суждено быть, она наверное будет более широкой и плодотворной, чем те, что имели место до сих пор.

ИТОГИ ВОЙНЫ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Заключение мира теперь весьма вероятно. Одна из самых смертельных схваток, когда-либо обогривших кровью нашу землю, приближается к концу. В течение сорока лет Европа не знала проклятия подобной борьбы; по важности и значительности ее главных участников, равно как и по разнообразию и необъятности их ресурсов, едва ли найдется что-либо аналогичное во всей истории человечества. Но ни политический, ни социальный уклад Европы не поколеблен в результате войны. Все эти громадные расходы и потоки пролитой крови ничего не дали народу. Впрочем, ни о чем подобном и не думали в начале, а потому ничего подобного и не могло получиться в конце. Как бы то ни было, великая драма перешла теперь в новую стадию, которая может оказаться продолжительной или кратковременной, но которая во всяком случае создает на время новые основы для политических отношений между европейскими монархами и их правительствами. И все-таки по своим результатам настоящая война не очень отличается от большинства прошлых европейских войн. И теперь, как прежде, побежденные и победители выходят из войны с новыми успехами и потерями, с новым опытом; они делятся между собой и сладкими, и горькими плодами, пожатыми в крови и пламени.

В течение всей этой необычайной борьбы мы старались всеми доступными нам способами сохранить независимость наших суждений; мы старались разумно мыслить и делать выводы из упрямых, неизменных фактов, а не из произвольных и легкомысленных построений. Мы следили за событиями — иногда мы их даже предсказывали — по мере того, как они развертывались, одинаково в военной и в дипломатической области. Мы знакомили читателей «Трибуны» с фактами в их подлинном и действительном виде, а не в том освещении, какое могли бы им придать пристрастие или предрассудки. Мы добросовестно старались судить без всякого предубеждения о действующих лицах и их делах, о движениях армий и действиях дипломатов, и оценивать каждую сторону по существу, воздавать каждому

деятелю по заслугам. И теперь, когда война перешла, повидимому, в свою последнюю стадию, мы постараемся в том же духе подвести в общих чертах ее итоги.

Первое место среди союзных держав занимает Франция, целиком воплощаемая ее нынешним повелителем, Луи Наполеоном. Он — руководитель, олицетворение западного союза. Он один ринулся в настоящую войну с определенной целью, с твердо намеченным планом. До того, как он предал и низвергнул республику, он заявлял по каждому удобному поводу, что империя означает мир. Но это говорилось только для обмана лавочников и капиталистов, этих наиболее чувствительных и робких созданий. Он, носитель имени, знаменующего собой деспотизм и кровопролитие, — он, который этим отголоском минувшей славы прельстил воображение французских масс, — он слишком хорошо знал, что для сохранения его престижа совершенно необходимо боевое крещение и блеск военных успехов. Поэтому для него с самого начала была неизбежна война с одной из двух держав, бывших главными виновницами свержения его дяди, — с какой из них, это было уже не так важно. Нужно было отомстить за Бородино или Ватерлоо и заменить старые лавры новыми. Луи Наполеон достаточно умен, чтобы понимать, что война всегда будет более или менее популярна среди народа с глубоко воинственными инстинктами, — народа, для которого, — назывался ли он галлами или французами, — боевая жизнь была в течение веков нормальным состоянием. И действительно, не успел он захватить власть, как уже начали распространяться слухи, что он готовит нападение на Англию, своего исконного национального врага. Джон Бульль если и не перепугался до смерти, во всяком случае почувствовал себя неважно и стал с неуклюжим лицемерием похлопывать по спине кровавого узурпатора, чтобы обезопасить себя от его враждебных намерений. А между тем Россия, Австрия и Германия отвечали довольно холодно на предупредительные шаги вероломного и бесчестного проходимца, дорвавшегося до власти. Таким образом война с Англией, как бы она ни была популярна во Франции, сделалась пока невозможной, ибо нельзя было решиться на высадку десанта в Англии, не обеспечив себя от нападения на Рейне. В подобной войне Англия несомненно имела бы на своей стороне главные европейские державы. Эти державы, подогреваемые английскими субсидиями, выступили бы против Франции в защиту международного права, порядка и законности. Угроза такого осложнения была, однако, предотвращена английским двором, который своей мягкой обходительностью и предупредительной угодливостью отвлек замыслы опасного врага в другую сторону.

Что-нибудь, однако, новый Наполеон должен был предпринять, чтобы укрепиться в своей роли властителя чувств, если не предрассудков, французского народа. Рим пресмыкался перед императорской мантией, и Луи Наполеон искал случая показать себя достойным папского благословения и поддержки. Он пылко вмешался в нескончаемые споры разных христианских исповеданий из-за святых мест, стараясь обеспечить там римскому духовенству привилегированное положение или даже верховенство. Римское влияние должно было таким образом восторжествовать на Востоке за счет греческой церкви, господствовавшей до сих пор здесь благодаря поддержке России. Порты, как это всегда бывает со слабыми правительствами, когда могущественные государства тянут их в разные стороны, колебалась между противоположными влияниями и, пытаясь удовлетворить обе стороны, лгала обеим. Луи Наполеон добился уступок, возбудивших зависть или раздражение Николая, который настаивал на своем верховном праве охранять интересы своих единоверцев, — на праве, которое было обеспечено за ним целым рядом трактатов. Меншиков выехал в Турцию со своим знаменитым поручением, и вскоре факел войны запылал на берегах Черного моря.

Луи Наполеон с радостью воспользовался удобным случаем отомстить Николаю за его холодное и презрительное признание нового французского императора. Он насильно увлек за собою кабинет Эбердина и надеялся стать вождем общего крестового похода западных держав против грозного северного колосса. Австрия, которая была обязана России своим существованием и которая, в духе своей обычной политики, жаждала случая заплатить за это неблагодарностью, поддерживала затею Наполеона с самого начала. Война разразилась. Читатели «Трибуны» имели возможность следить за ней в ее мельчайших подробностях; им сообщалось обо всех успехах и неудачах воюющих сторон; они знакомились с ходом, объемом и боевым эффектом военных действий, со всеми перипетиями переговоров и конференций. Теперь кровавая трагедия подходит к концу. Одному Луи Наполеону она принесла осуществление всех его планов, исполнение всех его надежд. Французская жажда военных лавров утолена. Франция снова стоит на вершине могущества, она — первая военная держава Европы. Народы, окружающие ее, ее враги, союзники и нейтральные страны, изумляются или благоговеют. Даже в области морских военных сил и морского военного искусства она показала, что Англия не слишком обогнала ее. Луи Наполеон укрепил свое положение, по крайней мере на время. Своим вновь изобретенным способом выпуска займов он поймал в свои сети народные

массы страны и до известной степени приковал их к своему существованию и к своим успехам. Армия, которая поддерживала его в темную минуту захвата власти, привязана теперь к нему новыми и более сильными узами, и это увеличивает его шансы на долгое царствование. Под властью государя, который понимает ее подвижной темперамент и умеет потворствовать ее страстям и слабостям, нация удовлетворена, хотя бы на время, в условиях полного отсутствия каких бы то ни было свобод. Шаткий трон Франции снова как будто получает равновесие и устойчивость. Верховенство в Европе перешло из Петербурга в Париж. Представители России и Англии встретятся в Париже, чтобы выработать условия мира под наблюдением Наполеона. Россия должна испытать чашу унижения. Согласно последним известиям, Франция будет представлена на конгрессе графом Валуевским, польским эмигрантом, который будет говорить как равный с равным, — нет, как высший, — с Орловым, с другом и советником его гонителя! Луи Наполеон является в настоящий момент дипломатическим властелином Европы, даже в большей мере, чем был его дядя, который считался с Россией и никогда не диктовал условий Англии. Высокомерный враг Бонапартов, сокрушивший дядю, смирился перед племянником. Англия, уже не первая, а скорее переходящая в разряд второстепенных держав, ищет поддержки у своей могущественной союзницы. Луи Наполеон издавал свои декреты из Виндзорского дворца. Стоит ему только убрать руку, и Англия падет. Его слово, имеющее силу безапелляционного приказа, должно быть немедленно и покорно выполнено, хотя ли того или нет. Во время войны Англия не блистала ни в совете, ни на поле битвы. Ее морские подвиги лишь позорят ее прошлое, ее правящий класс не пожинал лавров в боях, а дома обнаружил самое плачевное отсутствие административных способностей. Пока страна была охвачена военной горячкой, все внутренние политические реформы были отложены. И что бы там ни говорилось, сидящей наверху аристократии еще не нанесен, повидимому, тот удар, за которым должно последовать ее падение. Тем не менее Англия, вытаскивая, согласно французской поговорке, каштаны из огня руками Франции, добилась кое-каких существенных успехов. Русский флот, ее самый страшный жупел, уничтожен по крайней мере на двадцать лет вперед в том месте, где его присутствие вызывало наибольшее беспокойство. Таким образом, свободная торговля обеспечена Англии и впредь в Южной Азии и в Европейской Турции.

О Турции, этом злополучном яблоке раздора и третьей участнице союза, остается сказать весьма немного, чтобы довершить картину

ее разорения. Она начала войну, отвергнув первый проект мирного разрешения конфликта, составленный в Вене и подписанный Россией, Францией, Англией, Австрией и Пруссией. Турция заставила Англию и Францию обнажить свои мечи. В начале войны она одерживала блестящие победы; теперь ее армия деморализована и рассеяна, ее флот почти совершенно уничтожен. Она отходит на задний план, не принимая почетного участия в последних событиях. Коллективный протекторат над нею существует уже сейчас и будет утвержден договорами. Первоначальные четыре пункта венского предложения, равно как и принятые недавно предварительные условия мира, были выработаны без участия Турции и без ее согласия. Они будут навязаны ей насильно, как их собираются навязать России. Турецкая территория занята союзниками, которые располагаются на ней, как дома, и не рассчитывают скоро уйти. Турция лежит измученная, обессиленная, охваченная глубоким процессом социального и политического разложения, — процессом, который ускоряется ее отчаянными усилиями продолжать войну и удовлетворить требования своих союзников. Этой ценой она должна заплатить за честь быть принятой в высшие европейские круги.

Таково различное положение трех главных союзников к концу борьбы. Как она отразилась на положении России, Австрии и Германии, — мы рассмотрим в другой раз.

МИР В ЕВРОПЕ.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Географическое положение Германии, отделяющей западный союз, и прежде всего Францию, от врага на востоке, сделало то, что об исключавшем всякое вмешательство нейтралитете, по крайней мере для Австрии, не могло быть и речи. Однако это положение делало позицию Германии и прежде всего позицию двух ее главных держав, Австрии и Пруссии, крайне затруднительной, более того — опасной. Как бы то ни было, обе они выпутались из затруднений очень ловко, причем каждая шла своим особым путем и вела свою особую политику. Обсуждая взятый ими курс, необходимо иметь в виду, что самосохранение представляет первую обязанность каждого правительства, каковы бы ни были его природа и характер. Чем значительнее окружающие его внешние осложнения, тем более оно обязано использовать их для себя, не обращая внимания на своих соседей или бывших союзников. Таково было положение Австрии, и венский кабинет маневрировал соответствующим образом искусно и тонко. Хотя, с одной стороны, и опасно было стоять между двумя могущественными противниками, зато, с другой, центральное положение Австрии облегчало ей политику. Обоим противникам приходилось искать ее поддержки. Россия с самого начала требовала от нее по меньшей мере полного нейтралитета, т. е. невозможного. Союзники ожидали, что Австрия станет на их сторону, однако ее финансы не позволили бы ей пуститься в столь опасный эксперимент, если бы даже она проявила к этому склонность. Выгоды от пребывания в рядах победителей представлялись недостаточно ясными, и потому Австрия до конца сохраняла разумный нейтралитет, держась в резерве в качестве возможного в будущем противника, которого приходилось бояться каждой стороне в настоящем споре.

Для австрийской короны стать на чью-либо сторону означало бы огромный риск. В ее империи таится много тлеющих искр и горючих материалов под пеплом ее различных национальностей: мадьяры и ломбардцы глядят на запад, между тем как славяне, единоплеменники и единоверцы России, могут легко поддаться действию

панславистской пропаганды. Поэтому задача австрийского дома заключалась в поддержании своей власти внутри и в охране своих границ; с другой же стороны, всякое ослабление ее могущественных соседей всегда должно явиться для Австрии неожиданным подарком. Из этих опасностей Франц-Иосиф вышел невредимым.

Россия в качестве благодетеля во время венгерского восстания, а еще более своими захватническими тенденциями, тяжело давила на Австрию. В начале распри с Турцией последняя поэтому сразу проявила свое неудовольствие, — более того, — свое враждебное отношение к образу действий Николая, и этим поощрила вмешательство Англии и Франции. Усилить Россию на Дунае или в Черном море или содействовать распадению Турции значило бы для Австрии подвергать опасности собственное существование. Таким образом, в интересах ее самосохранения было обуздать Россию, по крайней мере на некоторое время, не позволить ей расширить свои границы и увеличить свое хотя бы моральное влияние на славянское и христианское население, находящееся под мусульманским владычеством. Добиться этого результата, в то же время не вмешиваясь в драку, было мастерским достижением политики самосохранения. Австрия добилась того и другого. Франц-Иосиф последовательно становился объектом ухаживаний и угроз с обеих сторон — со стороны Николая и со стороны Луи Бонапарта; английские политики и английская печать колебались между тактикой лести и тактикой угрозы. Невзирая ни на что, Австрия шла своим путем. Она была рада видеть ослабление России, но она не желала ее разрушения, ибо последнее открыло бы самое Австрию для нападения Франции и западных держав. Сделавшись притягательным центром, Австрия держала в своих руках равновесие сил, однако отнюдь не оставаясь нейтральной. Несмотря на грубые искажения английской прессы, всегда склонной вводить в заблуждение общественную мысль, хладнокровный наблюдатель ясно увидит огромные услуги, оказанные Францем-Иосифом западным державам. Как только эти последние решили вести войну, Австрия стала бельмом в глазу у России тем, что мешала ее военным и стратегическим операциям вдоль большей части ее западных и южных границ. Если бы не влияние Австрии, то Пруссия и другие германские государства могли бы, в ходе событий, предпринять какую-нибудь решительную демонстрацию в пользу России. Холодная и по временам враждебная позиция венского кабинета, а также концентрация войск, сначала в Богемии, а затем в Галиции, заставили Россию держать в слишком дорогом стоящем бездействии несколько сот тысяч своих отборных войск, которые при ином положении она могла бы бросить

на Турцию и союзников и попытаться, перейдя Дунай, занять Болгарию, перевалить через Балканы и появиться перед Константинополем.

Когда Силистрия подверглась нападению, то ни Омер-паша, ни союзники, в числе едва ли 60 000 человек, ряды которых опустошали страшные болезни, не могли двинуться ей на выручку. Английская кавалерийская бригада, направленная на рекогносцировку в зачумленные равнины Добруджи, в короткое время потеряла треть своего состава, а французская пехотная бригада, исполняя то же задание, крайне пострадала от климата. Сколь ни бесспорны были храбрость и верность долгу защитников Силистрии, крепость была бы или взята приступом, или принуждена сдаться после повторных атак 80-тысячной русской армии. В этот критический момент Австрия приняла решение оккупировать румынские княжества, чем отрезала сообщения русской армии и угрожала ее тылу. Ввиду этого Паскевичу пришлось сразу снять осаду, и началось унижительное для русских отступление. Оккупация княжеств обеспечила Турцию от дальнейших нападений России и позволила союзникам высадиться в Крыму. Этот совершенно неожиданный удар застал Николая и его генералов врасплох, так как Севастополь не был защищен достаточными сухопутными силами. Результат гигантской борьбы за его укрепления известен. Россия была уязвлена в наиболее чувствительном месте, ибо нигде по всей обширной ее границе нельзя было найти пункта, где бы перевес сил так неблагоприятно сложился против нее. Потеря ею здесь флота и громадного количества различных военных материалов одинаково затрагивает ее гордость и престиж. Все это есть следствие оккупации княжеств Австрией и ее враждебной позиции. А теперь Франц-Иосиф предъявил Александру мирный ультиматум, правда, сопровождая его вежливым поклоном, но все же держа его на острие штыка, и таким образом заставил его принять унижительные для гордости царя и нации условия.

Воздействуя на ход войны, Австрия смогла восстановить свою силу и упрочить свое значение при европейских дворах; она частично приобрела влияние на германских либералов, враждебных России, выставив себя защитницей германских интересов на Дунае; в то же время она избежала восстаний у себя дома и сохранила в неприкосновенности свою армию и военные припасы, когда другие истощили то и другое. Сохраняя, таким образом, блага мира, она начала пробуждать жизнь и восстанавливать порядок в своих расстроенных финансах и теперь питает надежду на полное их восстановление. Ее правительство провело также некоторые радикальные реформы в пользу крестьянства, и потому, если не придавать значения неопределенной,

далекой еще возможности революции, Франца-Иосифа можно признать опять представителем одной из самых сильных держав в Европе.

Пруссия из принципа и из экономии является противником всякого ненужного конфликта, и ее правительство, конечно, с огорчением и сожалением видело, что первоначальная демонстрация России предвещала войну. Берлинский кабинет слишком хорошо чувствовал, что его положение чересчур деликатно и трудно, чтобы не впутаться в осложнения. Родственные связи королевского дома, симпатии аристократии и огромного большинства офицеров всех чинов в армии были на стороне России. Либеральная часть нации, Рейнские провинции и часть Силезии ненавидели Россию за то, что она так долго была оплотом абсолютизма. Пруссия должна была поддерживать и сохранять свое руководящее положение в Германии, где давняя борьба между Берлином и Веной, — временно затихшая вследствие страха перед угрозой революции, — этой общей опасностью — снова возобновилась благодаря событиям 1848 — 1849 гг. и их косвенным последствиям. Кроме того, Пруссия остерегалась подвергнуть свои Рейнские провинции опасности французского нашествия, а также проявлять слишком много участия по отношению к России и в то же время оказывала своим императорским родственникам, дипломатически и материально, столько добрососедских услуг, сколько было возможно, не нарушая приличий и собственной безопасности. Когда начались военные действия и Австрия заняла враждебную позицию, Николай просил только о соблюдении строгого нейтралитета. В то время Пруссия должна была считаться с своими германскими политическими единомышленниками и со своим положением, во имя которого Австрии удалось получить от нее обещание соглашения, а от Германии гарантию помощи в случае, если она подвергнется нападению России. В Берлине на это согласились, более или менее скрепя сердце, и в Вене далеко не все были уверены, что в случае, если Австрия нападет на Николая, Фридрих-Вильгельм не вступится активно за своего зятя.

Раньше, чем французская армия, — даже предполагая отсутствие сопротивления со стороны Германии, — могла бы достигнуть Эльбы или Эмса, соединенные армии России и Пруссии уже стояли бы под Веной. Таким образом, Пруссия охладила воинственный пыл Франца-Иосифа, если таковой у него был, и в конце концов предохранила свои владения, равно как Германию вообще, от возможной перспективы — стать всеевропейским полем сражения. Берлинский кабинет старался также поддерживать в Германии свое влияние против большинства дворов, и австрийские предложения в сейме всегда оставались безуспешны. Сверх того, кабинет не желал всту-

пать в тот или иной тесный союз с Россией или произвести какую-либо демонстрацию, кроме решительного неодобрения поводов возникшего конфликта. Пруссия противилась также приглашению Австрии, Франции и Англии присоединиться к их конвенциям и договорам. Соответственно этому, прусская дипломатия была исключена из участия в прежних конференциях, и это исключение, как говорят, будет распространено и на конференции, предстоящие в будущем.

Эти знаки недоброжелательства прусское правительство, кажется, переносит в высшей степени философски, ибо в конце концов оно уверено — и вполне основательно, — что окончательное устройство европейских дел не может обойтись без ее участия. Таким образом, при развязке драмы она не потерпела никакого ущерба, а ее осторожная политика не уронила ее политического значения. Пресса и парламент в Англии порицают прусскую нацию, правительство и монарха, Луи Наполеон, напротив, проявляет в отношении Фридриха-Вильгельма вежливость и готовность его оправдывать. За исключением небольшой суммы в несколько миллионов долларов, истраченных на принятие мер на случай войны, Пруссия в общем воспользовалась войной для того, чтобы увеличить свое внутреннее благосостояние. Это относится главным образом к ее восточным провинциям, через которые идет колоссальный экспорт России к прусским портам. Эти выгоды в высшей степени содействовали тому, что политика правительства приобрела популярность в народе. Когда будет заключен мир, прусская нация, не тронутая войной, останется в выигрыше, а королевская фамилия и правительство на будущее время сохранят дружеское расположение русского царя и народа, которые все еще остаются могущественными и, в случае нужды, полезными соседями.

Что касается маленькой Сардинии, то ей пришлось выказать героизм и принять участие в конфликте. Она потеряла некоторое количество солдат в Крыму, больше от болезней, чем от русских пуль, и вошла в значительные долги, потратив на войну миллионы денег. Хотя она и не покрыла себя славой, тем не менее Франция и Англия снисходительно похлопывали по плечу ее короля и министров, равно и Австрия не выказывает признаков какого-либо неудовольствия ею. Сардиния получила три или четыре старых медных пушки в качестве трофеев из Севастополя, в штурме которого она не участвовала; и, наконец, ее почтили разрешением занять самый маленький уголок на мирной конференции в Париже.

АРМИИ ЕВРОПЫ

I.

Война, свирепствовавшая в течение последних двух лет на берегах Черного моря, привлекла особое внимание к 2 миллиону вооруженных людей, содержимых Европой даже в мирное время, — число, которое, быть может, очень скоро увеличится вдвое. Если — что почти несомненно — война продолжится, то мы в непродолжительном времени будем свидетелями того, что 4 миллиона солдат будут втянуты в активные операции на театре военных действий, который от моря до моря растянется по всему европейскому континенту.

В силу этого характеристика не только тех армий, которые доселе были втянуты в восточный конфликт, но и остальных более значительных европейских армий не может не заинтересовать наших читателей, особенно потому, что по эту сторону Атлантического океана, к счастью, еще не было таких войсковых масс, которые по своим размерам могли бы хоть сколько-нибудь сравниться даже с второстепенными армиями Европы, так что о структуре подобных организаций американские граждане, не получившие специальной подготовки, имеют лишь смутное представление.

Того ревнивого отношения, которое в прежнее время заставляло каждую державу окружать тайной свою армию, более не существует. Странное дело, даже в государствах, наиболее враждебных гласности, в которых все гражданские ведомства до сегодняшнего дня окутаны густой пеленой мрака, необходимого абсолютизму, организация армий отлично известна всем гражданам. Публикуются официальные сведения об армии, в которых указывается не только деление вооруженных сил на корпуса, дивизии, бригады, полки, батальоны и эскадроны, но и расположение этих частей, а также число и имена командующих ими офицеров. На крупные смотры не только допускаются, но прямо приглашаются иностранные офицеры, им предлагают высказать свои критические замечания, происходит обмен наблюдениями, ведется серьезная дискуссия о различных установлениях и изобретениях каждой армии, и таким образом в этой области царит гласность, которая удивительным образом противоречит

многим другим наиболее характерным чертам того же правительства. Любое военное министерство в Европе может теперь сохранить в тайне разве только несколько рецептов химических составов вроде ракет или фюзеев,¹ но и о них очень скоро разузнают или они делаются устаревшими благодаря новым изобретениям; так, например, британский ракетный состав был вытеснен военной ракетой г. Хейля, которая была принята в северо-американской армии, а теперь усвоена также и английской.

В результате такой гласности военные министерства всех цивилизованных государств образуют в мирное время нечто вроде обширного военного комитета, цель которого обсуждать все предлагаемые нововведения и дать возможность каждому из своих членов использовать опыт остальных. Таким образом, выяснилось, что уставы, организация и общее управление почти всех европейских армий приблизительно одинаковы, и в этом смысле можно сказать, что качественно любая армия не уступает другой. Но национальный характер, исторические традиции и особенно различная степень культуры создают всяческие различия и являются источником особых преимуществ и недостатков каждой данной армии. Французы и венгерцы, англичане и итальянцы, русские и немцы — все в определенных условиях могут быть хорошими и дельными солдатами; но, несмотря на единообразную систему обучения, как будто сглаживающую все различия, каждый из них проявит свои достоинства по-своему благодаря тому, что его свойства отличаются от свойств его соперников.

Это подводит нас к вопросу, не раз обсуждавшемуся военными патриотами различных национальностей: какие солдаты лучше всех? Каждая нация, разумеется, стоит на страже своей славы, и по мнению публики, воспитанной на рассказах, лишенных критической точности и ярко подмалеванных патриотическими красками, один отечественный полк в состоянии «мести» два или три полка всякой другой нации. Военная история как наука, в которой беспристрастная оценка фактов является единственным руководящим принципом, — очень молода и не может похвастаться богатством своей литературы. Тем не менее она — область науки, завоевавшая уже право на свое существование; все более и более рассеивает она, как мякину, бесстыдное и глупое хвастовство, так долго характеризовавшее произведения, называвшие себя историческими только на том основании, что они без зазрения совести извращали все факты, которые им приходилось излагать. Прошло то время, когда, описывая историю войны,

¹ Фюзей—трубки для зажигания снарядов. *Ред.*

авторы могли продолжать эту войну, так сказать, за собственный страх и риск, безопасно бомбардируя своего бывшего врага грязью, после того, как с заключением мира в него нельзя стало палить железом. И хотя целый ряд второстепенных вопросов военной истории все еще остается неразрешенным, во всяком случае несомненно, что ни одна из цивилизованных наций не может похвастаться тем, что в определенную эпоху она дала наилучших для своего времени солдат. Немецкие ландскнехты позднего средневековья и швейцарские солдаты XVI столетия были в свое время столь же непобедимы, как блестящие испанские воины, которые сменили их в качестве «первой во всем мире пехоты»; французы Людовика XIV и австрийцы принца Евгения одно время оспаривали друг у друга пальму первенства, пока пруссаки Фридриха Великого не разрешили этот вопрос, разбив тех и других; но достаточно было поражения при Иене, чтобы пруссаки были скомпрометированы, и французы снова повсюду признаны лучшими солдатами Европы; однако они не смогли — в Испании — помешать англичанам обнаружить свое превосходство над ними в определенных условиях и в определенные моменты сражения. Несомненно, что легионы, которые в 1805 г. Наполеон из Булонского лагеря привел под Аустерлиц, были лучшими войсками того времени; несомненно, что Веллингтон знал, что говорит, когда после окончания Пиренейской войны назвал своих солдат «армией, с которой он пошел бы куда угодно и сделал бы все, что угодно», и все же цвет этой сражавшейся на полуострове британской армии был разбит при Новом Орлеане ополченцами и добровольцами без всякой выучки и организации.

Таким образом, опыт всех прошлых кампаний приводит нас к одному и тому же выводу, и каждый честный старый солдат, не зараженный предрассудками, подтвердит это, а именно, что военные качества — как в смысле храбрости, так и в отношении умения применить свои знания — в общем довольно равномерно распределены между различными нациями мира; во-вторых, что армии отличаются друг от друга не столько тем, что одна лучше или хуже другой, а тем особым характером, который свойствен каждой из них; и, наконец, что при гласности, которая царит теперь в военном деле, только напряженная работа мысли, направленная на улучшение военных порядков и на использование государственных ресурсов, а также развитие военных качеств, свойственных данной нации, могут на некоторое время поднять ту или другую армию над всеми ее соперницами. Мы видим, таким образом, что более высокая культурность страны ставит ее в весьма выгодное положение по отношению к ее

менее развитым соседям. В качестве примера мы можем указать на то, что русская армия при всех своих отличных воинских качествах никогда не в состоянии была осилить какую бы то ни было из армий цивилизованной Европы. При равных условиях русские всегда дрались отчаянно, но — по крайней мере вплоть до теперешней войны — их всегда побеждали противники, — будь то французы, пруссаки, поляки или англичане.

Прежде чем перейти к рассмотрению отдельных армий, необходимо сделать несколько общих замечаний относительно всех их. Каждая армия, особенно крупная, в 300 — 500 тысяч и больше человек, со всеми своими естественными подразделениями, различными родами оружия, потребностями в людях, в материалах и в их распределении, представляет собой такую сложную организацию, что в нее должна быть внесена максимальная четкость. Ей по существу присуще такое разнообразие, что, казалось бы, нечего его множить искусственными и лишеными смысла подразделениями. Однако привычка и дух смотров и парадов — это проклятие старых армий — внесли почти во все европейские армии невероятные усложнения.

В каждой стране люди, а также и лошади, отличаются друг от друга своими размерами, своей силой и своим темпераментом, и это делает необходимым выделение легкой пехоты и легкой кавалерии. Не считаться с этой необходимостью значило бы смешивать воедино индивидов, чьи военные свойства по природе своей противоположны друг другу, следовательно до известной степени нейтрализовать эти свойства и тем самым ослабить действенность целого. Таким образом, каждый род оружия естественно делится на две обособленные группы: одна из них состоит из более тяжелых и неповоротливых людей (а в соответствующих частях — лошадей) и предназначена главным образом для решительных атак и для боя сомкнутыми рядами, а вторая — из людей более легких и более активных, особенно приспособленных к стычкам, к службе на аванпостах и в передовых наблюдательных отрядах, к быстрым маневрам и т. п. Такое разделение вполне законно. Но почти в каждой армии та и другая из этих естественных групп имеет еще и другие подразделения, основанные на бессмысленных различиях в мундире и на фантастических соображениях теоретического порядка, которые неизменно опровергаются практикой и опытом.

Так, в каждой европейской армии имеется гвардия, которая претендует на то, чтобы быть ее избранной частью, но в действительности лишь состоит из наиболее высоких и широкоплечих людей, каких только можно было достать. Русская и английская гвардии

особенно отличаются в этом отношении, хотя ничем не доказано, что они превосходят храбростью и успешностью другие полки соответствующей армии. Наполеоновская старая гвардия была совсем иным учреждением; это действительно было отборное войско, и физические размеры не играли никакой роли в ее формировании. Но даже и эта гвардия ослабляла остальную часть армии, поглощая ее лучшие элементы; щадя эту не знавшую себе соперников войсковую часть, Наполеон иногда делал ошибки, как, например, под Бородиным, где в решительный момент он не двинул вперед гвардию и тем самым упустил случай помешать русским войскам отступить в полном порядке. У французов, кроме императорской гвардии, в каждом батальоне имеется в своем роде отборная часть, состоящая из двух рот — гренадеров и вольтижеров, что без всякой нужды усложняет тактические движения батальона. У других наций существуют также подобные войсковые части. Все они не только отличаются особым формированием и мундиром, но и выше оплачиваются. Указывалось на то, что такая система побуждает честолюбие рядового, особенно у более возбудимых народов — французов и итальянцев. Но можно было бы достигнуть того же самого и, пожалуй, даже лучшего результата, если бы солдаты, сумевшие выдвинуться, оставались в своей роте, а не служили предлогом для нарушения тактического единства и симметрии батальона.

Еще более поразительную нелепость можно наблюдать в кавалерии. Здесь различие между легкой и тяжелой лошадей служит основанием для всякого рода подразделений — кирасиры, драгуны, карабинеры, уланы, егеря, гусары и т. д. Все эти подразделения не только не имеют никакого смысла, но они прямо вредны вследствие создаваемых ими усложнений. Гусары и уланы заимствованы у венгерцев и поляков. Но в Венгрии и в Польше эти кавалерийские части имеют определенное значение; это были национальные войска и их мундиры были национальной одеждой страны. Переносить подобные особенности в другие страны, в которых нет оживляющего их духа, — по меньшей мере смешно. Не без основания в 1848 г. один венгерский гусар ответил русскому гусару, обратившемуся к нему со словом «товарищ»: «Что за товарищ? Я гусар, а ты — шут!» («Nicht Kamerad, ich Husar, du Hanswurst!») Другим столь же смехотворным учреждением являются почти во всех армиях кирасиры, ослабляющие себя и лошадей своими щитами (французская кираса весит 22 фунта), которые при этом не предохраняют их от действия ружейной пули, пущенной с расстояния в 150 рядов. От кирасы было уже освобождены, но монархическая традиция вновь ввела ее

в французскую кавалерию, и примеру Франции скоро последовали все европейские государства.

Если не считать нашей [Соединенных Штатов Америки] скромной армии, то сардинская — единственная из всех цивилизованных армий, в которой кавалерия делится только на легкую и тяжелую, без дальнейших подразделений, и где окончательно распрощались с кирасой.

В области артиллерии у всех наций царит величайшее разнообразие калибров. У англичан в теории оно особенно велико: 8 калибров и 12 образцов пушек, но на практике обладание огромным материалом позволяет им внести в свою артиллерию большую простоту. Так, например, в Крыму они пользуются почти исключительно девятифунтовыми и двадцатичетырехфунтовыми гаубицами. Французы в течение последних нескольких лет до последней степени упростили свою артиллерию, заменив свои четыре различных калибра одним — легкой двенадцатифунтовой пушкой, о которой мы скажем несколько слов в соответствующем месте. У большинства остальных армий еще до сих пор существует от трех до четырех калибров, не считая различий в повозках, обозных двуколках, колесах и т. п. Технические части, — инженерные войска и т. д., к которым мы можем причислить и штаб, — во всех армиях организованы приблизительно одинаково, за исключением британской армии, в которой — к ее огромному ущербу — штаб не является особой организацией. О других, менее значительных различиях будет сказано в соответствующих местах.

Мы начнем с той армии, которая, получив свою организацию во время революции и при Наполеоне, служила своего рода образцом для всех европейских армий с самого начала текущего столетия.

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ.

К началу нынешней войны у Франции было 100 линейных полков пехоты (полки с 76-го по 100-й до недавнего времени назывались «легкой пехотой», но ни выучкой, ни организацией они несколько не отличались от остальных линейных полков). Каждый полк состоит из трех батальонов — двух полевых и третьего резервного. Но во время войны третий батальон очень скоро может быть приспособлен к полевой службе, и тогда запасным становится четвертый батальон, сформированный из особых кадровых рот трех батальонов. К этому прибегали во время наполеоновских войн, когда формировался даже пятый, а иногда и шестой батальон. В настоящее время, однако, мы имеем дело с полком трехбатальонного состава. Каждый

батальон состоит из восьми строевых рот (рота гренадеров, рота вольтижеров и шесть обычных рот); рота в военное время состоит из 3 офицеров и 115 унтер-офицеров и солдат. Таким образом, французский линейный батальон насчитывает в военное время приблизительно 960 человек, из которых восьмая часть (вольтижеры) выделена особо для несения легкой пехотной службы.

Специальные войска, предназначенные для несения легкой пехотной службы, состоят из пеших егерей и африканских частей. До войны было всего 10 егерских батальонов, но в 1853 г. число их было удвоено, так что почти каждая пехотная дивизия (четыре полка) при своем формировании может получить батальон егерей. В каждом из этих батальонов по 10 рот, т. е. около 1 300 человек. Войска, специально предназначенные к африканской службе, состоят из 3 полков, или 9 батальонов, зуавов, 2 полков, или 6 батальонов, иностранного легиона и 6 батальонов легкой пехоты (сюда входят 3 батальона туземных егерей) — итого 21 батальон, приблизительно 22 000 человек.

Кавалерия делится на четыре части:

1) Тяжелая или резервная кавалерия — 12 полков (2 карабинерских полка и 10 кирасирских) = 72 эскадрона.

2) Линейная кавалерия — 20 полков (12 драгунских и 8 уланских) = 120 эскадронов.

3) Легкая кавалерия — 21 полк (12 полков конных егерей и 9 гусарских) = 126 эскадронов.

4) Африканская легкая кавалерия — 7 полков (4 полка африканских егерей и 3 полка спаги) = 42 эскадрона.

Каждый эскадрон во время войны состоит: в резервной и линейной кавалерии из 190 человек, в легкой кавалерии — из 200 человек. В мирное время не наберется и четырех эскадронов, в которых было бы налицо 120 человек с полным снаряжением, так что при каждой мобилизации армии приходится возвращать из отпуска огромное число людей и приобретать для них лошадей, что в такой бедной лошадьми стране, как Франция, может быть достигнуто лишь путем широкого ввоза их из-за границы.

Артиллерия после недавней реорганизации состоит из 17 полков — 5 полков пешей артиллерии, предназначенной к гарнизонной и осадной службе, 7 линейных полков (для службы при пехотных дивизиях), 4 полков конной артиллерии и 1 полка понтонеров. Пешая артиллерия, повидимому, лишь в исключительных случаях предназначена к полевой службе. В линейной артиллерии орудийные повозки и передки сделаны таким образом, чтобы прислуга могла

держаться на них во время быстрых движений. Конная артиллерия организована так же, как и другие части. Линейная и конная артиллерия насчитывает 137 батарей по 6 орудий в каждой, к которым в качестве резерва могут быть присоединены 60 батарей пешей артиллерии — всего, в общей сложности, 1 182 орудия.

Кроме перечисленных категорий, артиллерия включает в себя 13 рабочих рот.

К специальным войскам принадлежат — генеральный штаб из 560 офицеров, штабы крепостей, артиллерийские и инженерные — всего приблизительно в составе 1 200 офицеров, 5 саперных полков, 5 вьючных эскадронов, 5 обозных эскадронов, 1 187 человек медицинского персонала и т. д. Размеры всей армии видны из следующей таблицы:

Пехота

Линейная, 300 батальонов и 300 кадровых рот . .	335 000 чел.
Егеря, 20 батальонов	26 000 »
Африканские войска, 21 батальон	22 000 »
<hr/>	
Всего	383 000 чел.

Кавалерия

Резервная, 72 эскадрона и 12 кадровых	16 300 чел.
Линейная, 120 эскадронов и 20 кадровых	28 400 »
Легкая, 126 эскадронов и 21 кадровый	31 300 »
Африканская, 42 эскадрона	10 100 »
<hr/>	
Всего	86 000 чел.

Артиллерия и специальные войска, 1 200 орудий .	70 000 »
---	----------

Итого	1 200 орудий . 539 000 чел.
-----------------	-----------------------------

Сюда надо прибавить вновь сформированную гвардию, состоящую из пехотной дивизии (2 полков гренадеров и 2 полков вольтижеров), кавалерийской бригады (1 полка кирасиров и 1 полка наблюдателей), батальона егерей и пяти или шести артиллерийских батарей, а также жандармерию в 25 000 человек, из которых 14 000 верховые. Кроме того, недавно сформированы еще два пехотных батальона — 101-й и 102-й, и формируется новая бригада иностранного легиона (швейцарцы). Таким образом, французская армия, как она теперь организована, заключает в себе кадры приблизительно в 600 000 человек, и это число довольно точно характеризует ее силу.

Армия набирается посредством жеребьевки, в которой участвуют все молодые люди, которым пошел двадцатый год. Предполагается, что ежегодно набор даст 140 000 человек, но в мирное время

лишь 60 — 80 тысяч берутся на военную службу. Остальные могут быть призваны в любой момент в течение восьми лет после жеребьевки. Кроме того, в мирное время множество солдат находится в длительном отпуску, так что время, фактически проведенное на военной службе, — даже теми, кто призван, — не превосходит 4 — 5 лет. Система эта, давая отличное воспитание фактически несущим службу войскам, не подготавливает достаточно обученного резерва на случай экстренных обстоятельств. Большая континентальная война, в которой Франции пришлось бы иметь дело с двумя или тремя крупными армиями, уже во вторую кампанию заставила бы ее вывести в поле множество сырых рекрутов, и в третью кампанию обнаружилось бы весьма чувствительное ухудшение армии. Несомненно, что французы очень быстро овладевают ремеслом солдата, но в таком случае к чему нужен долгий срок службы, лишаящий огромную часть молодежи благотворного влияния военной выучки?

Повсюду, где военная служба принудительная и срок ее продолжителен, европейское общество сочло необходимым ввести для имущих классов привилегию так или иначе откупаться от обязанности служить лично. Так, во Франции система заместительства санкционирована законом, и около 80 000 заместителей постоянно служат во французской армии. Обычно они вербуются из рядов так называемых «опасных классов». С ними не легко справиться, но если их вымуштровать, они становятся превосходными солдатами. Чтобы держать их в узде, нужна очень строгая дисциплина, и их представления о порядке и подчинении часто носят весьма странный характер. Полк, в котором их много, мало пригоден для гарнизонной службы и может вызвать много затруднений. Поэтому пришли к заключению, что самое подходящее для них место — перед неприятелем. Легкие африканские войска набираются главным образом из них, — почти все зуавы вступили в армию в качестве «заместителей». Крымская кампания показала ясно, что зуавы нигде не изменяют своим африканским навыкам — любви к грабежу и склонности к волнениям при неблагоприятных обстоятельствах, и, быть может, в этом смысле надо понимать слова родственного им по душевному складу покойного маршала Сент-Арно в бюллетене о битве при Альме: «Поистине, зуавы — лучшие солдаты во всем мире».

Снаряжение французской армии в общем первоклассное. Конструкция оружия превосходна, особенно хороша кавалерийская сабля — отличного образца, хотя, пожалуй, несколько длинная. Пехота обмундирована по новой системе, одновременно введенной во Франции и в Пруссии. Перекрещивающиеся портупей для патронных

сумок и шашки или штыка сданы в архив; то и другое носят на поясе, поддерживаемом через плечи двумя кожаными скрепами, тогда как ранец носится свободно за плечами на двух ремнях без старомодного соединительного ремня поперек груди. Таким образом, грудь оставлена свободной, и нынешний солдат уже несколько не похож на прежнего, который до крайности был стеснен своего рода кожаными панцирем. Обмундирование отличается простотой и вкусом. Надо признать, что как в гражданских модах, так и в военных Франция обнаруживает больше вкуса, чем всякая другая нация. Синий сюртук до колен с низким, спереди вырезанным воротом, красные не слишком широкие штаны, легкое кепи — наиболее подходящий для солдата головной убор из всех, когда-либо изобретенных, — башмаки с гетрами и легкий серый плащ — такова экипировка французского пехотинца, наиболее простая и рациональная во всей Европе. В Африке голова защищена от солнечных лучей белым фланелевым капюшоном, войска получают также фланелевое исподнее белье. В Крыму в последнюю зиму носили капюшоны из тяжелого сукна, покрывающие голову, затылок и плечи. Пешие егеря одеты во все серое с зелеными обшлагами. У зуавов нечто вроде турецкого наряда, повидимому отлично приспособленного к климату и к тому роду службы, который они несут. Егеря и некоторые из африканских батальонов вооружены винтовкой, остальная часть пехоты — простым пистонным мушкетом. Однако имеется, повидимому, тенденция вооружить большее количество войск винтовкой.

Кавалерия состоит из молодцов на подбор, более легких по весу, чем кавалеристы большинства других армий, но несколько не уступающих им. В мирное время она довольно хорошо снабжена лошадьми, ввозимыми из-за границы, либо доставляемыми правительственными конскими заводами и областями, в которых удалось улучшить туземную породу, не отличавшуюся до последнего времени высоким качеством. Но во время войны, когда конский состав сразу должен быть удвоен, ресурсы страны оказываются совершенно недостаточными, и приходится покупать за границей тысячи лошадей, из которых многие вряд ли пригодны для кавалерийской службы. Таким образом, в случае продолжительной войны французская кавалерия скоро придет в упадок, если только правительство не сумеет захватить страны, богатые лошадьми, как оно поступило в 1805, 1806 и 1807 гг.

Артиллерия в настоящее время вооружена исключительно легкой двенадцатифунтовой пушкой — так называемым изобретением Луи-Наполеона. Но так как легкая двенадцатифунтовая пушка, при-

способленная к заряду, равному четверти веса снаряда, уже существовала в английской и голландской армиях, бельгийцы же уже перестали делать камеру в своих гаубицах, а пруссаки и австрийцы в некоторых случаях палят гранатами из своих обыкновенных двенадцатифунтовых и двадцатичетырехфунтовых пушек, то мнимое изобретение Луи-Наполеона сводится к приспособлению легкой двенадцатифунтовой пушки к обычной у французов восьмифунтовой повозке. Однако французская артиллерия явно выиграла в простоте и рациональности благодаря этому нововведению; еще трудно сказать, не пострадала ли благодаря ему ее подвижность, а также не окажется ли двенадцатифунтовая пушка мало пригодной для полых снарядов. Во всяком случае мы уже имеем сведения, что сочтено необходимым послать в восточную армию гаубицы более крупного калибра.

Тактический устав французской армии представляет собой странную смесь солдатского здравого смысла и старомодных традиций. Быть может, нет языка, который был бы так приспособлен, как французский, к лаконической, точной и властной команде, а между тем команда подается крайне многословно: где достаточно было бы одного-двух слов, там офицер должен произнести целую фразу, а то и две. Маневрирование отличается сложностью, и строевые занятия содержат в себе много устаревших нелепостей, абсолютно не совместимых с современным уровнем тактической науки. В обучении рукопашному бою, — к которому у француза как будто прирожденные способности, — царит такая педантическая муштровка, с которой вряд ли знакомы даже в русской армии. То же можно сказать и о некоторых частях кавалерийского и артиллерийского обучения. Но когда французы идут на войну, требование момента очень скоро заставляет их бросить все эти устаревшие и педантические приемы, и новые тактические методы, отвечающие новому положению, никем так быстро не усваиваются и не вводятся, как французами.

В общем можно сказать, что легкие войска являются сильной стороной французской армии. Они в буквальном смысле слова легче всех других европейских войск. Нигде средний рост солдат не бывает так мал, как во Франции. В 1836 г. из 80 000 французских солдат только 743 были ростом в 5 футов 8 дюймов и выше и лишь у семерых рост достигал 6 футов, тогда как целых 38 000 человек были ростом от 4 футов 10¹/₂ дюймов до 5 футов 2 дюймов. И однако эти низкорослые люди не только отлично дерутся, но в состоянии перенести величайшие лишения и своей подвижностью превосходят почти все другие армии. Генерал Нецир утверждает, что британский солдат—

тяжелее всех нагруженное боевое животное; но он никогда не видал французского африканского солдата, который, кроме оружия и личного багажа, несет на спине груз, высоко поднимающийся над его кивером, — палатку, дрова, провизию, — и таким образом проходит тридцать, сорок миль в день под тропическим солнцем. А потом сравните крупного, неповоротливого британского солдата, рост которого в мирное время равен по меньшей мере 5 фута 6 дюймам, с маленьким, коротконогим французом в 4 фута и 10 дюймов! И этот маленький француз, несмотря на весь свой груз, остается превосходным легким пехотинцем: он атакует, бежит, пускается вскачь, ложится, вскакивает на ноги, все время заряжая, стреляя, наступая, отступая, рассеиваясь, соединяясь, перестраиваясь, и проявляет не только вдвое большую подвижность, но и вдвое большую сообразительность, чем его широкоплечий соперник с острова «рост-бифа». Эта служба легкого пехотинца доведена до совершенства в двадцати батальонах пеших егерей. Эти несравненные войска — несравненные по соответствию своему назначению — обучены все свои движения на глазах у неприятеля производить своеобразной легкой рысью — так называемым *pas gymnastique* [гимнастическим шагом], которым они проделывают от 160 до 180 шагов в минуту. Они не только могут, с краткими перерывами, бежать полчаса и более, но и любое другое движение, диктуемое обстоятельствами, — ползание, прыжки, лазанье, плавание и т. д., — не представляет для них трудности. В то же время они превосходно стреляют, и мало кто при равных условиях устоит в небольших стычках против этих не знающих промаха стрелков, находящих себе укрытие за малейшей неровностью почвы.

Что касается массовых действий французской пехоты, то свойственная французам страстность дает им большие преимущества и наносит большой ущерб. Обычно ее первая атака отличается деловитостью, напором, решительностью, а порой и бешенством. В случае успеха никто не устоит против нее. В случае же поражения она скоро приводит в порядок свои ряды, и ее вновь можно бросить в бой. Но неудачная или даже не вполне удачная кампания быстро лишает французскую пехоту ее устойчивости. В успехе нуждаются все армии, но особенно он необходим армиям романо-кельтским. В этом отношении на стороне германских народов (*Teutonic race*) огромное превосходство. Французы, получив от Наполеона заряд, в течение пятнадцати лет били своих противников, пока неудачи не сразили их, но войну, вроде семилетней, доведенной до конца Фридрихом Великим, — в течение которой он не раз был на краю

бездны, часто терпел поражения, но которую увенчал победой, — такую войну никогда нельзя было бы выиграть с помощью французских войск. Испанская война 1809 — 1814 гг. может в этом отношении служить прекрасной иллюстрацией.

При Наполеоне французская кавалерия, в противоположность пехоте, гораздо больше славилась своими массовыми действиями, чем службой в качестве легкого войска. Она считалась неотразимой, и даже Непир допускает ее превосходство над английской кавалерией того времени. Веллингтон до известной степени держался того же мнения. Но, как ни странно, эта неотразимая кавалерия состояла из таких слабых всадников, что все свои атаки производила рысью и, лишь в крайнем случае, легким галопом! Но она двигалась тесными рядами и бросалась в бой лишь после того, как ей был подготовлен путь слабым огнем артиллерии, да и после этого только большими массами. Отвага и упоение победой довершали дело. Современный французский кавалерист, в особенности в алжирских полках, в общем хороший наездник и в еще большей мере ловкий фехтовальщик, хотя в искусстве верховой езды он все еще уступает британскому, прусскому и в особенности австрийскому кавалеристу. Но ввиду того, что во время войны кавалерия должна удвоить свой состав, ее качество, несомненно, понизится. Однако французы бесспорно обладают тем существенным для кавалериста свойством, которое мы называем «стремительностью» (*dash*) и которое компенсирует многие недостатки. С другой стороны, французский кавалерист обычно крайне невнимателен к своей лошади.

Французская артиллерия всегда стояла на высоком уровне. Почти все усовершенствования в артиллерийском деле за последние три или четыре века исходили от французов. Во время наполеоновских войн французская артиллерия была особенно опасна своим искусством выбирать позиции для своих орудий, — искусством, которым очень плохо владели остальные армии того времени. Все свидетельства сходятся в том, что никто не мог превзойти французов в умении таким образом установить свои орудия, чтобы лежащая впереди местность предохраняла от огня неприятеля и вместе с тем усиливала действенность собственного огня. Теоретическая сторона артиллерийского дела тоже всегда энергично разрабатывалась французами; этому способствовал математический уклон их ума. Точность языка, научный метод и здравость суждений, характеризующие их артиллерийскую литературу, показывают, до какой степени отвечает эта область науки их национальным склонностям.

О специальных войсках — инженерных, штабных, санитарных

и обозных — достаточно сказать, что они в высокой мере отвечают своему назначению. Военные школы — в своем роде образцовы. От французского офицера не требуется, чтобы он имел то общее образование, которое считается необходимым в Пруссии; но школы, которые он проходит, дают ему превосходную профессиональную выучку, хорошее знакомство с вспомогательными науками и умение объясняться, по крайней мере, на одном из иностранных языков. Во французской армии имеется еще одна группа офицеров; это — старые унтер-офицеры, дослужившиеся до более высоких чинов. Они редко идут дальше капитанского чина, так что во французской армии много молодых генералов и старых капитанов, и система эта отлично себя оправдывает.

В общем французская армия всеми своими чертами показывает, что она принадлежит воинственному и пылкому народу, который гордится своими защитниками. То, что дисциплинированность и военные достоинства этой армии не дали себя развратить подачками Луи Бонапарта, и преторианцы декабря 1851 г. так скоро превратились в крымских героев, — это, без сомнения, громко говорит в ее пользу. Еще никогда ни одно правительство так низко не льстило армии, так открыто не призывало ко всякого рода эксцессам, как французское осенью 1851 г.; ни одной армии не предоставлялось такой безудержной свободы действий, как французской во время декабрьской гражданской войны. И, тем не менее, она вернулась к дисциплине и к исполнению своего долга. Правда, в Крыму преторианский элемент несколько раз давал о себе знать, но Канроберу каждый раз удавалось подавить его.

АНГЛИЙСКАЯ АРМИЯ

Британская армия представляет собою полнейший контраст с французской. Не найдется и двух черт, сходных между ними. В чем французы сильны, в том англичане слабы, и наоборот. Подобно тому, как сама старая Англия представляет собою сплошную массу вопиющих злоупотреблений, и организация ее армии насквозь гнилая. Все в ней кажется устроенным так, чтобы предотвратить всякую возможность осуществления поставленных целей. В силу какой-то непостижимой случайности самые смелые усовершенствования, — правда, немногочисленные, — находят себе место посреди кучи бессмысленных пережитков. И все же, когда эта громоздкая и скрипучая машина пущена в ход, она так или иначе делает свою работу.

Чтобы описать организацию британской армии, не потребуется много слов. Пехота состоит из 3 гвардейских полков, 85 линейных

полков, 13 полков легкой пехоты и 2 стрелковых полков. В настоящую войну в гвардейских, стрелковых и некоторых других полках по три батальона, в остальных — по два; при каждом батальоне — кадровая рота. Однако рекрутские наборы вряд ли в состоянии пополнить уроны, причиняемые войной, так что существование вторых батальонов довольно сомнительно. В настоящий момент общее количество действующей пехоты, наверное, не превосходит 120 000 человек.

Кроме регулярных войск, в состав пехоты входит милиция, образующая нечто вроде запаса, или резервуара армии. Число ее, согласно парламентскому акту, может достигать 80 000 человек, но в действительности ее не больше 60 000, хотя в одном Ланкашире под ружьем 6 батальонов. По действующему ныне закону милиция может добровольно служить в колониях, но ее нельзя отправлять на чужие театры военных действий. Поэтому она может быть использована лишь для замены линейных войск, несущих гарнизонную службу в Корфу, в Мальте и на Гибралтаре или же — во вторую очередь — в более далеких колониях.

Кавалерия состоит из 3 гвардейских полков (кирасиров), 6 полков драгунской гвардии, 4 тяжелых драгунских полков, 4 легких драгунских, 5 гусарских и 4 уланских. Каждый полк в военное время должен иметь до 1 000 сабель (4 эскадрона по 250 человек, кроме запаса). Некоторые полки в таком именно составе были отправлены в Крым, но несчастья последней зимы, бессмысленная атака под Балаклавой и слабый приток рекрутов в общем свели их к прежнему довоенному составу. Мы не думаем, что в настоящий момент все 26 полков насчитывают больше 10 000 сабель, т. е. в среднем по 400 сабель на полк.

Артиллерия состоит из 1 полка пешей артиллерии (12 батальонов с 96 батареями) и 1 бригады конной артиллерии (7 батарей и 1 ракетная батарея). В каждой батарее — 5 пушек и 1 гаубица; по калибру пушки — трех-, шести-, девяти-, двенадцати- и восемнадцати-фунтовые; калибры гаубиц — $4\frac{2}{5}$, $4\frac{1}{2}$, $5\frac{1}{2}$ и 8 дюймов. Кроме того, в каждой батарее имеется два образца пушек — тяжелых и легких — почти всех калибров. Но фактически полевыми калибрами являются лишь легкая девятифунтовая и легкая двенадцатифунтовая пушки, а также $4\frac{1}{2}$ - и $5\frac{1}{2}$ -дюймовые гаубицы. В общем можно сказать, что ныне в британской артиллерии общепринятой является девятифунтовая пушка с $4\frac{1}{2}$ -дюймовой (двенадцатифунтовой) гаубицей в качестве вспомогательного орудия. Кроме перечисленных орудий, употребляются еще шести- и двенадцатифунтовые ракетные пушки.

Вследствие того, что английская армия в своем мирном составе образует лишь кадры для военного времени и вербуются исключительно путем добровольной записи, невозможно в каждый данный момент точно определить ее силу. Однако мы, пожалуй, не ошибемся, если ее теперешнюю силу определим приблизительно следующими цифрами: 120 000 человек пехоты, 10 000 кавалерии, 12 000 артиллерии с 600 пушками (из которых на лошадях меньше одной пятой). Из этих 142 000 человек около 32 000 находятся в Крыму, около 50 000 в Индии и колониях, а остальные 60 000 (из которых одна половина — сырые рекруты, а другая половина обучает их) в Англии. К ним надо еще прибавить 60 000 человек милиции. Инвалидов, йоменскую конницу и другие бесполезные войсковые части, которых нельзя использовать на зарубежной службе, мы можем не принимать в расчет.

Система вербовки посредством добровольной записи крайне затрудняет в военное время возможность поддерживать армию на должной высоте, и в настоящее время англичане снова испытывают эти затруднения. Теперь, когда так же, как и во времена Веллингтона, они могут сконцентрировать и держать на одном театре военных действий никак не больше 30 — 40 тысяч человек. А так как их союзниками в настоящее время являются не испанцы, а французы, то «героический отряд» британцев почти незаметен в массе союзных войск.

В британской армии существует один порядок, который достаточно характеризует тот общественный слой, из которого вербуются солдаты. Я говорю о порке. Телесных наказаний не знает ни французская, ни прусская армия; их нет и во многих второстепенных армиях. Даже в Австрии, где большинство рекрутов — полуварвары, имеется явная тенденция отменить их; так, например, наказание посредством проведения сквозь строй недавно вычеркнуто из австрийского воинского устава. Наоборот, в Англии «кошка-девятихвостка» — орудие пытки, вполне могущее выдержать сравнение с русским кнутом в период наибольшего его расцвета — сохранила свое полное действие. Странное дело, всякий раз, когда в парламенте поднимался вопрос о воинском уставе, старые военачальники, — все те, кто были грозой солдат, — высказывались за «кошку», и никто из них с такой горячностью, как старик Веллингтон. В их глазах не выпоротый хоть раз солдат был каким-то чудовищно-нелепым существом. Отважность, дисциплинированность и непобедимость они считали исключительными свойствами тех солдат, у которых на спине были рубцы, по крайней мере, от пятидесяти ударов.

Не надо забывать, что «кошка» не только причиняет физическую боль, — она оставляет неизгладимые следы, на всю жизнь метит человека, клеймит его. Даже в британской армии такое наказание, такое клеймение фактически равносильно вечному позору. Выпоротый солдат уже не ровня своим товарищам по оружию. Но, согласно британскому воинскому уставу, почти все наказания на боевом фронте сводятся к порке; и, таким образом, то самое наказание, которое, по мнению его защитников, является единственным средством поддержать дисциплину, особенно в критических случаях, ведет к подрыву дисциплины, морально подавляя солдата и уничтожая его чувство чести.

Это объясняет два интересных факта. Во-первых, огромное количество английских дезертиров из лагеря под Севастополем. Зимой, когда британским солдатам приходилось делать нечеловеческие усилия, чтобы охранять окопы, те из них, которые не в состоянии были бороться со сном в течение двух, двух с половиной суток подряд, подвергались порке! Вот это идея — пороть таких героев, какими показали себя британские солдаты в окопах перед Севастополем и в бою под Инкерманом, который они выиграли, несмотря на своих генералов?! Но сообщения с театра военных действий не оставляют на этот счет никаких сомнений. Лучших людей в армии пороли, когда они больше не в силах были бороться с усталостью, и обесчещенные, они перебежали к русским. Что могло бы еще строже осудить всю эту систему? Ни в одну из прежних войн войска какой бы то ни было нации не дезертировали массами к русским; они знали, что там с ними обойдутся хуже, чем дома. Британской армии принадлежит честь поставить первый значительный контингент таких дезертиров, и, по свидетельству англичан, причиной этого дезертирства была порка. Второй факт, это — полный провал всех попыток создать иностранный легион, подчиненный британскому воинскому уставу. Жители континента склонны беречь свои спины, и страх порки победил соблазн наград и хороших окладов. До конца июня на военную службу записалось не больше 1 000 человек вместо требуемых 15 000. И несомненно, что если власти вздумают применить порку к этой тысяче несчастных людей, то они вызовут бурю возмущения, которая заставит их либо уступить, либо немедленно распустить иностранный легион.

Обмундирование и снаряжение британских солдат — образец того, какими им не следовало бы быть. До настоящего времени сохранилась форма, которую носили в армиях в 1815 г. Не было допущено никаких реформ. Старомодный, с хвостом, как у ласточки, сюртук, обезображенный пелепыми обшлагами, все еще отличает

британского солдата от всех других. Штаны узки и неудобны. Старая система перекрещивающихся ремней для прикрепления штыковых ножен, патронташа и ранца невозбранно царит почти во всех полках. В кавалерии форма гораздо лучше и рациональнее, чем в пехоте, но все же она слишком узка и стесняет движения. Кроме того, англичане—единственный народ, сохранивший в своей армии красный сюртук, «славный красный сюртук», как его называет Непир. Предполагается, что этот сюртук, в котором их солдаты имеют вид одетых обезьян, своим блеском способен нагнать ужас на неприятеля. Но, увы! Всякий, кто имел случай наблюдать кирпично-красных британских пехотинцев, должен признать, что их сюртуки после четырех недель носки вызывают у каждого зрителя не чувство ужаса, а чувство отвращения, и что любой другой цвет был бы внушительней, если бы только он был достаточно защищен от пыли, грязи и сырости. У датчан и ганноверцев прежде был принят красный сюртук, но они очень скоро его бросили. Первая же кампания в Шлезвиге показала датчанам, какую прекрасную службу могут сослужить неприятелю красный сюртук и белые ремни на груди.

В последнее время для английских красных сюртуков установлен прусский покрой. Пехота носит австрийский шако или кепи; кавалерия — прусский шлем. Система перекрещивающихся ремней, красный цвет и узкие штаны в той или иной мере сохраняются. Таким образом, улучшения сводятся к нулю, и британский солдат, как и прежде, будет являть странное зрелище в кругу остальных европейских армий, одетых и снаряженных в несколько большем соответствии с здравым смыслом.

Однако в британской армии проведена одна реформа, которая превосходит все, что сделано в других армиях. Я имею в виду вооружение всей пехоты винтовкой Минье, усовершенствованной Причардом. Каким образом старики, стоящие во главе армии, обычно столь упорные в своих предрассудках, могли принять такое смелое решение, — это очень трудно сказать. Но они пошли на это и тем самым вдвое усилили действенность своей пехоты. Несомненно, что под Инкерманом винтовка Минье своей исключительной меткостью и огромной силой решила бой в пользу англичан. Залп английской линейной пехоты неизбежно должен произвести ошеломляющее действие на всякого противника, вооруженного обычными мушкетами, потому что винтовка Минье заряжается так же быстро, как любая гладкоствольная пушка.

В кавалерии — прекрасный конский состав и сабля отличного образца. На что она способна, она показала под Балаклавой. Но в

общем всадники слишком тяжелы для лошадей, и поэтому несколько месяцев активных действий должны свести на-нет британскую кавалерию. Это теперь доказано крымским опытом. Если бы средний рост кавалерии был снижен — в тяжелой кавалерии до 5 футов 6 дюймов, а в легкой до 5 футов 4 или даже 2 дюймов, — как это, насколько мы знаем, сделано в пехоте, — то кавалерийские части гораздо более отвечали бы своему боевому назначению. А при существующих условиях лошади слишком сильно перегружены и поэтому неизбежно выходят из строя, прежде чем удастся с успехом использовать их против неприятеля.

Точно так же и артиллерийскую службу несут люди более рослые, чем это следовало бы. Артиллерист должен быть такого роста, чтобы он мог снять пушку с передка, а для этого рост в 5 футов 6 дюймов вполне достаточен, как мы знаем на основании большого личного опыта и наблюдений. Действительно, люди ростом в 5 футов, 5 или 6 дюймов, если они крепкого сложения, — наилучшая прислуга при орудиях. Но у англичан нет показных воинских частей, и их солдаты, хотя высоки и молодцы на вид, лишены той физической крепости, которая необходима для действительно хорошего артиллериста. Их артиллерийский материал — первоклассного качества: пушки — наилучшие в Европе, порох не знает себе равного в Европе, снаряды отличаются исключительной гладкостью поверхности. Несмотря на это, ни одни пушки в мире не дают такого большого процента непопаданий, и это показывает, какие люди управляют ими; ни в одной европейской армии офицерский состав артиллерии по своему профессиональному образованию не стоит на таком низком уровне, как в английской. Знания английского артиллерийского офицера чаще всего ограничиваются начатками артиллерийской науки, и фактически он умест только обращаться с полевыми орудиями, да и то не в совершенстве. Как у офицеров, так и у солдат британской артиллерии два больших достоинства — хороший глазомер и огромное спокойствие во время действий.

В общем действенность британской армии очень ослабляется невежеством — как теоретическим, так и практическим — офицерского состава. Экзамен, которому они подвергаются, носит смехотворный характер: от капитана требуется знание первых трех книг Евклида! Но главная задача британской армии, это — устраивать на солидные места младших сыновей аристократических и помещичьих семей, и поэтому образовательный уровень офицера неизбежно определяется не требованиями службы, а тем скудным запасом знаний, которым может обладать английский «джентльмен». Что касается

практических знаний офицера, то они тоже недостаточны. Британский офицер полагает, что у него только один долг: во время боя вести своих людей против неприятеля и показывать им пример храбрости. Умение руководить войсковою частью, пользоваться благоприятными обстоятельствами и т. д. не входит в его обязанности. А смотреть за своими людьми, следить за их потребностями — это ему никогда и в голову не придет. Половина несчастий, постигших английскую армию в Крыму, имеет своим источником эту всеобщую негодность офицеров. Однако у них есть одно качество, которое оказывает им не малые услуги: большинство их — страстные охотники, и это дает им умение быстро и инстинктивно оценивать выгоды почвы, — умение, которое, несомненно, развивает охота.

Низкая квалификация офицеров ни на чем не отражается так вредно, как на штабной службе. Ввиду того, что не имеется подготовленных к ней кадров, каждый генерал организует собственный штаб из полковых офицеров, совершенно невежественных в этом деле. Подобный штаб хуже, чем полное его отсутствие. Особенно плохо поставлена служба разведки, что неизбежно, когда она поручается людям, не имеющим специальных знаний.

Остальные специальные войска подготовлены, пожалуй, лучше, но все же их уровень значительно ниже, чем у других народов, и в общем английский офицер мог бы прослыть невеждой среди офицеров всякой другой страны. Об этом свидетельствует военная литература англичан. Почти любое произведение полно грубейших ошибок, которых в других странах не простили бы кандидату на чин лейтенанта; факты описываются небрежно, неделовым и невоенным языком, с опущением важнейших пунктов, и сразу видно, что автор не владеет предметом. Следствием этого является то, что самые нелепые положения, высказанные в иностранных книгах, принимаются слепо на веру.¹ Впрочем, мы должны сказать, что есть несколько отрядных исключений, и особое место среди них занимают «Пиренейская война» В. Немира и «Морская артиллерия» Говарда Дугласа.

Административная, санитарная, интендантская, транспортная и другие второстепенные части — в отвратительном состоянии, и события в Крыму довели их до полного развала. Делаются попытки улучшить их, а также централизовать управление, но каких результатов можно от этого ожидать, раз гражданское управление, да фактически и вся правительственная система остаются теми же.

¹ Так, например, мы можем сослаться на книгу полковника Чесни об огнестрельном оружии; автор считается в Англии одним из лучших артиллерийских офицеров.

Несмотря на все эти колоссальные недостатки, британская армия так или иначе доводит до конца каждую кампанию, не пожиная, правда, особых лавров, но и не покрывая себя позором. Ее потери в людях, царящая в ней бесхозяйственность, многообразные ошибки ее командования поражают нас, когда мы сопоставляем все это с тем, что имеет место в других армиях при тех же обстоятельствах. Но она всегда помнит о воинской чести, редко отступает перед неприятелем и почти никогда не испытывает полного поражения. Это объясняется личным мужеством и стойкостью войск, их дисциплинированностью и безусловным послушанием. Пусть британский солдат неповоротлив, несообразителен и беспомощен, когда он представлен самому себе или когда ему приходится нести сторожевую или разведочную службу, зато он не имеет соперников в регулярном бою, где он действует массами. Сильнее всего он в сомкнутом ряду. Английская пехотная часть способна проделать то, что было бы не по силам всякой другой пехоте, — подпустить атакующую кавалерию, держать заряженные ружья до последнего момента и дать залп, когда неприятель в тридцати ярдах, и почти всегда с полным успехом. Британская пехота с таким хладнокровием открывает огонь — даже в самом критическом положении, — что своим действием он превосходит огонь всех других войск. Так сомкнутые ряды шотландцев отразили атаку русской кавалерии под Балаклавой. Несокрушимая стойкость этой пехоты еще никогда не давала таких блестящих результатов, как в сражении под Инкерманом, где французы в подобном же положении, наверное, были бы разбиты. Но, с другой стороны, французы никогда не допустили бы, чтобы их настигли врасплох в таком положении. Эта выдержка и стойкость как в атаках, так и в обороне компенсируют темные стороны британской армии, и они одни спасли ее не от одного поражения, вполне заслуженного и почти нарочно подготовленного негодностью ее офицеров, абсурдностью ее управления и негибкостью ее движений.

АВСТРИЙСКАЯ АРМИЯ.

Австрия использовала первые моменты отдыха после суровых испытаний 1848 и 1849 гг., чтобы реорганизовать свою армию на современных принципах. Почти все ее части подвергнуты коренным реформам, и теперь она отличается большей действенностью, чем когда-либо раньше.

Прежде всего — пехота. Она состоит из 62 линейных полков, 1 полка и 25 батальонов стрелков и 14 полков и 1 батальона пограничной пехоты. Последние вместе с стрелками образуют легкую пехоту.

В линейный пехотный полк входит 5 полевых батальонов и 1 кадровый — всего 32 роты, причем полевые роты насчитывают по 220 человек, а кадровые — по 130. Таким образом состав полевого батальона равен 1300 человек, а состав целого полка — 6 000, т. е. он равен составу бригадской дивизии. Вся линейная пехота в военное время состоит, следовательно, из 370 000 человек.

В пограничной пехоте каждый полк имеет 2 полевых батальона и 1 кадровый — всего 16 рот (3 850 человек). Численность всей пограничной пехоты равна 55 000 человек.

Егеря или стрелки составляют 32 батальона по 1 000 человек в каждом. Общая численность этих войск — 32 000 человек.

Кавалерия делится на тяжелую и легкую. Первая состоит из 8 кирасирских и 8 драгунских полков, вторая — из 12 гусарских и 12 уланских (из которых 7 полков прежде были легкими драгунами, но потом их превратили в уланские).

Тяжелые полки состоят из 6 эскадронов, не считая кадрового, легкие — из 8 эскадронов и 1 кадрового эскадрона. В тяжелом полку — 1 200 человек, в легком — 1 600. Численность всей кавалерии в военное время равна приблизительно 67 000 человек.

Артиллерия состоит из 12 полевых полков, из которых каждый имеет 4 шестифунтовых и 3 двенадцатифунтовых пеших батарей, 6 конных батарей, 1 гаубичную батарею — в общей сложности 1 344 пушки в военное время; далее — из 1 берегового полка, 1 ракетного полка из 20 батарей с 160 трубками. Итого 1 500 пушек и ракетных трубок и 53 000 человек.

Общая численность всей действующей в военное время армии равна 522 000 человек. К ним надо прибавить около 16 000 саперов, минеров и понтонеров, 20 000 человек жандармерии, транспортных войск и т. д., в общем приблизительно 590 000 человек. Посредством призыва резервов армия может быть увеличена на 100 — 120 тысяч человек; ресурсы, имеющиеся на военной границе, — если их использовать до конца, — дадут, пожалуй, еще 100 — 120 тысяч. Но ввиду того, что эти силы не могут быть стянуты в определенный момент и поступление их неизбежно должно быть постепенным, то они служат главным образом для возмещения понесенных потерь. Военные силы, которые Австрия может выставить в случае войны, вряд ли превысят 650 000 человек.

Армия делится на две резко отличные друг от друга части — на регулярную армию и пограничные войска. Срок службы в регулярной армии — 8 лет, после которых солдаты еще остаются 2 года в резерве. Однако — как и во Франции — им даются длительные

отпуска, и действительное время, в течение которого они находятся под ружьем, может быть определено в 5 лет.

Пограничные войска организованы по совершенно иному принципу. Это — потомки южно-славянских (кroatских или сербских), валашских и отчасти немецких поселенцев, которые в порядке военной аренды получали от короны земли и в прежнее время должны были защищать границу, от Далмации до Трансильвании, от турецких вторжений. Служба эта теперь свелась к простой формальности, но австрийское правительство не пожелало отказаться от такого мощного резервуара солдатских масс. Лишь существование пограничной организации спасло в 1848 г. итальянскую армию Радецкого, а в 1849 г. сделало возможным первое вторжение в Венгрию под командой Виндишгреца. Своим тронем Франц-Иосиф обязан не только России, но и южно-славянским пограничным полкам. На длинной полосе земли, которую они занимают, каждый коронный арендатор (т. е. почти каждый житель) обязан в возрасте от 20 до 50 лет вступать в войска в случае призыва. Молодежь, разумеется, составляет основное ядро этих полков; что касается пожилых, то они главным образом несут пограничную караульную службу, пока в случае войны их не призвуют в действующие войска. Это объясняет, каким образом население в $1\frac{1}{2}$ —2 миллиона может в военное время выставить 150—170 тысяч чел., или 10—12% всего своего количества.

У австрийской армии много черт сходства с британской. И в той и в другой — смесь национальностей, хотя обычно каждый данный полк однороден по национальному составу. Шотландский горец, житель Уэльса, ирландец и англичанин едва ли больше отличаются друг от друга, чем немец, итальянец, кроат и мадьяр. В той и другой служат офицеры различных рас и даже иностранцы. В той и другой теоретическая подготовка офицеров из рук вон плоха. В той и другой тактические формы сохраняют многое из старой линейной системы и лишь в малой мере усвоили применение колонн и легкого стрелкового боя. В той и другой необычен цвет формы: у англичан красный, у австрийцев — белый. Но по всей своей организации, по опытности и компетентности офицерского состава и тактической подвижности австрийская армия во много раз превосходит британскую.

Форма солдат — исключая нелепый белый цвет пехотного сюртука — по своему покрою приспособлена к современным требованиям. Короткая туника, вроде прусской, светло-голубые штаны, серый плащ, легкое кепи, похожее на французское, образуют очень хорошее и рациональное обмундирование; только узкие штаны венгерских

и кroatских полков — часть их национального одояния — надо признать весьма неудобными. Снаряжение — устаревшей системы; сохранены перекрещивающиеся ремни. Пограничные войска и артиллерия носят коричневые сюртуки; кавалерия — белые, коричневые и голубые. Мушкетеры очень громоздкие, а винтовки, которыми вооружены егеря и часть каждой роты, — устарелого образца и много ниже винтовки Минье. Принятый к общему употреблению мушкет представляет собой старое кремневое ружье, весьма несовершенно переделанное в пистонный мушкет; он очень часто дает осечку.

Пехота — и в этом отношении она походит на английскую — сильнее в действиях массами, чем в требующей ловкости легкой пехотной службе. Однако мы должны сделать исключение для пограничных войск и для егерей. Первые — во всяком случае большинство из них — очень сильны в перестрелке, — особенно сербы, которые любят пользоваться засадами. Егеря — почти все тирольцы — отличные стрелки. Но немецкая и венгерская пехота всегда славилась своей стойкостью, и во время наполеоновских войн она часто обнаруживала качества, которые ставят ее рядом с британской. И она также не раз сомкнутым строем принимала атаку кавалерии, не считая нужным перестраиваться в каре; когда же она таким образом перестраивалась, неприятельской кавалерии редко удавалось ее опрокинуть, о чем свидетельствует сражение при Асперне.

Кавалерия — превосходна. Тяжелая, или «немецкая», конница, состоящая из немцев и чехов, обладает отличным конским составом, прекрасно вооружена и всегда на высоте своих задач. Легкая кавалерия, пожалуй, пострадала от того, что в ней соединены немецкие легкие кавалеристы с польскими уланами, но входящие в ее состав венгерские гусары навсегда останутся образцом легкой конницы.

Артиллерия, вербуемая главным образом из немецких провинций, всегда стояла высоко, и не столько тем, что она во-время и с толком вводила у себя реформы, сколько практической подготовкой своего персонала. Особенно тщательную подготовку получает унтер-офицерский состав, не знающий себе равных в других армиях. Что касается офицеров, то приобретение ими теоретических знаний более, чем следовало бы, предоставлено их доброй воле, и все же многие из лучших военных писателей — австрийцы. Изучение своей специальности является в Австрии правилом, по крайней мере для низших офицеров, тогда как в Англии считают, что офицер, имеющий теоретические интересы, позорит свой полк.

Специальные войска — штабные и инженерные — превосходны, о чем свидетельствуют отличные карты австрийского штаба, особенно

карта Ломбардии. Британская артиллерийская карта, несмотря на все свои достоинства, значительно уступает им.

Огромное зло австрийской армии — многообразие ее национального состава. В британской армии все, по крайней мере, говорят по-английски, тогда как у австрийцев даже унтер-офицеры не-немецких полков едва владеют немецкой речью. Это неизбежно создает путаницу, всяческие затруднения во взаимном общении офицера и солдата. Отчасти зло это ослабляется тем, что благодаря частой перемене стоянок офицеры волей-неволей научаются объясняться на всех языках, на которых говорят в Австрии. Все же положение остается ненормальным. Строгость дисциплины, поддерживаемой частым наказанием розгами, и долгий срок службы препятствуют взрыву серьезных раздоров между различными национальностями, по крайней мере в мирное время. Но 1848 г. обнаружил, как ничтожна спайка в австрийских войсках. В Вене германские полки отказались бороться против революции. В Италии и в Венгрии национальные войска перешли на сторону повстанцев почти без всякого сопротивления. И в этом слабая сторона австрийской армии. Никто не может сказать, надолго ли сохранит она свою целостность и сколько полков, в том или ином случае, изменят присяге и повернут ружья в сторону своих прежних товарищей. Шесть различных народов и два или три различных вероисповедания представлены в австрийской армии; их противоречащие друг другу симпатии должны враждебно столкнуться в такое время, как наше, когда все народы мечтают о свободном использовании своих сил. Будет ли в войне против России православный серб, обработанный панславистской агитацией, драться с русскими, своими братьями по крови и по религии? Предадут ли в революционной войне итальянцы и венгерцы свою родину, чтобы воевать за императора, чуждого им по языку и по национальности? Вряд ли можно на это рассчитывать, и поэтому как бы сильна ни была австрийская армия, нужны совершенно особые условия, чтобы она могла проявить свою мощь.

II.

ПРУССКАЯ АРМИЯ.

Прусская армия заслуживает специального обзора по причине ее своеобразной организации. В то время, как во всякой другой армии основу всей военной организации составляет мирный контингент и не принимается никаких мер к созданию кадров для новых формирований, которых сразу же требует большая война, — в Пруссии, как утверждают, все до мельчайших подробностей приспособлено к военному положению. Армия мирного времени представляет здесь лишь школу, в которой население обучается владеть оружием и производить те или иные военные упражнения. Эта система, включающая, как предполагается, в ряды армии в момент войны все мужское население, годное к военной службе, очевидно, способна защитить ту страну, которая ее применяет, от всякого неприятеля. Но не в этом только дело. Благодаря ей страна становится сильнее почти на 50% по сравнению с тем положением, если бы она держалась французской или австрийской системы рекрутских наборов. Только при помощи этого средства земледельческое государство с какими-нибудь 17 миллионами жителей, занимающее незначительную территорию, не обладающее флотом и не ведущее непосредственной морской торговли, с мало развитой сравнительно промышленностью, — в состоянии удерживать до известной степени положение великой европейской державы.

Прусская армия состоит из двух крупных частей: *линейные* войска, солдаты которых еще обучаются, и *ландвер* [ополчение], состоящий из уже обученных людей, про которых можно сказать, что они находятся в бессрочном отпуску.

Служба в линейных войсках продолжается пять лет для каждого мужчины в возрасте от 20-го до 25-го года; но уже три года действительной службы считаются достаточными, после чего солдат отпускается домой и состоит в так называемом военном запасе. В течение этого времени он продолжает еще числиться в запасных списках своего батальона и эскадрона и может в любое время быть призван в свою часть.

После двухлетнего пребывания в военном запасе солдат переходит в ополчение первого разряда (*erstes Aufgebot des Landwehrs*), в котором он остается до 32-го года своей жизни. В течение этого периода он обязан являться один раз в два года на корпусные маневры, которые обыкновенно бывают весьма обширных размеров и происходят совместно с маневрами линейных войск. Маневры обыкновенно продолжаются месяц, и для этой цели концентрируется от 50 000 до 60 000 войск. Ландвер первого разряда действует в полевых операциях совместно с линейными частями. Он образует такие же отдельные полки, батальоны и эскадроны, как и линейные войска, и с той же полковой нумерацией. Но артиллерия остается прикрепленной к соответствующим полкам линейных частей.

В возрасте от 32-го до 39-го года включительно солдат состоит в ополчении второго разряда (*zweites Aufgebot*); в это время он уже более не призывается на действительную службу, если только не разразится война. В последнем случае ополченцы второго призыва несут гарнизонную службу в крепостях, давая тем самым возможность использовать для полевых операций все линейные войска и всех ополченцев первого призыва.

После 40-го года солдат уже освобождается от призыва, исключая только того случая, когда к оружию призывают мифический *ландштурм*, или массовый набор. В ландштурм входит каждый мужчина, не вошедший в вышеперечисленные категории, освобожденный от военной службы вследствие низкого роста, слабого здоровья или по какой-либо другой причине, в возрасте от 16 до 60-го года. Про этот ландштурм нельзя даже сказать, что он существует на бумаге, потому что нет ни организации, которая бы специально им ведала, ни оружия, ни обмундирования. И если когда-либо его соберут, то он может быть использован лишь для полицейской службы внутри страны и для ужасного истребления крепких напитков.

Так как в Пруссии каждый гражданин по закону является солдатом в возрасте от 20-го до 40-го года, то население в 17 миллионов может, как это предполагают, выставить полный контингент, по крайней мере, в $1\frac{1}{2}$ миллиона человек. Но в действительности и половины этого числа не удастся собрать. В самом деле, при обучении такой массы людей в течение трехлетней службы в полках можно было бы рассчитывать, что весь мирный контингент достигнет, по крайней мере, 300 000 человек, когда на самом деле Пруссия имеет что-то около 130 000. Существуют различные способы освобождения большого количества лиц, подлежащих военной

службе: люди, в достаточной степени годные к службе, объявляются слишком слабыми, медицинская инспекция или отбирает только самых лучших кандидатов, или позволяет себе склоняться на подкупы при отборе годных к службе и т. д. Прежде уменьшение срока действительной службы для пехоты — до двух лет — понижало цифру контингента до 100 000 или 110 000 человек. Однако после революции, когда правительство убедилось, как много значит один добавочный год службы в деле приучения солдат к повиновению своим офицерам и для того, чтобы можно было положиться на них в случае революции, — трехлетний срок службы был снова всюду восстановлен.

Регулярная, или линейная, армия состоит из 9 армейских корпусов, 1 гвардейского и 8 линейных. Своеобразие их организации будет объяснено сейчас же. Они заключают в себе всего 36 полков пехоты (гвардии и линейных войск), в каждом по 3 батальона; 8 запасных полков, по 2 батальона в каждом; 8 сводных запасных батальонов и 10 батальонов егерей, всего 144 батальона пехоты, или 150 000 человек.

Кавалерия состоит из 10 кирасирских, 5 драгунских, 10 уланских и 13 гусарских полков, по 4 эскадрона каждый, или 800 человек, — всего 30 000 солдат.

Артиллерия образует 9 полков; каждый полк во время войны имеет 4 шестифунтовых, 3 двенадцатифунтовых и 1 гаубичную пешие батареи и 3 конных батареи, с одной запасной ротой, которая может быть превращена в двенадцатую батарею; кроме того, имеется 4 гарнизонных роты и 1 рабочая рота. Но так как для обслуживания этих орудий и пополнения рот требуется весь военный запас и ландвер первого призыва (артиллеристы), то линейную артиллерию можно считать состоящей из 9 полков, по 2 500 человек приблизительно в каждом, с приблизительно 30 орудиями в каждом полку, снабженных полностью конским составом и всяким прочим снаряжением.

Таким образом, общая цифра прусских линейных войск доходит до 200 000 человек, но из нее смело можно вычесть 60 000 или 70 000 запасных, отпущенных домой после трехлетней службы.

Ландвер первого призыва исчисляется из расчета один ландверный полк на каждый полк гвардии или линейных войск, не считая 8 запасных полков; кроме того, он имеет еще 8 запасных батальонов, образуя всего 116 батальонов, или около 100 000 человек. Кавалерия состоит из 2 гвардейских полков и 32 линейных с 8 запасными эскадронами; всего 136 эскадронов, или около 20 000 человек.

Артиллерия, как выше указывалось, вся прикреплена к линейным полкам.

Ландвер второго призыва насчитывает 116 батальонов, 167 эскадронов (включая различные запасные и кадровые эскадроны, обязанности которых одинаковы с обязанностями ландвера второго призыва) и некоторое количество гарнизонной артиллерии, всего около 150 000 человек.

С 9 батальонами саперов, представляющими собой отдельные небольшие части, с приблизительно 30 000 инвалидов и армейским обозом, в военное время насчитывающим не менее 45 000 человек, вся прусская армия считается состоящей из 580 000 человек; из них 300 000 могут быть употреблены для полевых операций, 54 000 для обучения новобранцев, 170 000 для гарнизонов и как резервы, из которых 60 000 неспособны к бою. Число полевых орудий, которыми располагает вся армия, определяется цифрой от 300 до 850; они разделены по батареям, каждая в 8 орудий (6 пушек и 2 гаубицы).

Для всех этих войск не только имеется полная организация кадров, но и заранее подготовлено все оружие и снаряжение; в случае мобилизации остается только найти лошадей. Но Пруссия богата лошадьми, и так как животные, как и люди, подлежат немедленной реквизиции, то здесь также не представляется никакой трудности. Так говорит устав, но как обстоит дело в действительности, это видно из примера 1850 г., когда происходила мобилизация армии. Первый набор ландвера был обмундирован и снаряжен, хотя и с немалыми трудностями, но для ландвера второго призыва не было заготовлено ни одежды, ни обуви, ни оружия, и он представлял самое смешное зрелище, какое только можно себе представить. Однако компетентные наблюдатели, сами служившие в прусской армии, еще задолго до этого предсказывали, что дело будет обстоять именно так, что фактически Пруссия в случае взрыва войны может рассчитывать лишь на линейные войска и частично на ландвер первого призыва. Их предположения полностью были подтверждены событиями. Несомненно, снаряжение для ландвера второго призыва с этих пор уже заготавливается, и, если бы эта масса была призвана теперь, то из нее в течение месяца или шести недель образовался бы весьма солидный корпус для гарнизонной, а отчасти и полевой службы. Но ведь во время войны трехмесячная муштровка считается вполне достаточной, чтобы приготовить рекрута для боя, и таким образом громоздкая система, принятая Пруссией, вовсе не обеспечивает тех громадных преимуществ, которые обычно ей

приписываются. Кроме того, материал, заготовленный для второго набора, через несколько лет исчезнет таким же образом, как это произошло с материалом 1850 г., который в свое время ведь также имелся налицо, но который исчез, когда в нем почувствовалась необходимость.

Усвоив ту точку зрения, что каждый гражданин должен быть солдатом, Пруссия остановилась на полдороге и искавила этот принцип, придав ложный характер всей своей военной организации. Раз система рекрутских наборов (*conscription*) оставлена и заменена всеобщей воинской повинностью, регулярная, постоянная армия как таковая должна быть уничтожена. Должны быть сохранены лишь кадры офицеров и унтер-офицеров, через руки которых проходит обучение молодых людей, причем срок этого обучения не должен продолжаться более, чем это необходимо для данной цели. Если бы дело обстояло так, то срок службы мирного времени должен был бы сократиться до одного года, по крайней мере для пехоты. Но это, конечно, неприемлемо ни для правительства, ни для военных педантов старой школы. Правительство хочет иметь послушную и надежную армию, которую в случае нужды можно было бы употребить против внутренних беспорядков у себя дома; армейские педанты хотят такой армии, которая бы своей муштровкой, общим видом и солидностью не имела равных среди остальных европейских армий, состоящих из сравнительно пожилых солдат. Молодые войска, находящиеся на службе не больше года, не отвечают ни одному из этих требований. Поэтому принят средний трехлетний срок службы, и отсюда проистекают все недостатки и слабые места прусской армии.

Как уже мы видели, по крайней мере половина годных людей исключена из армии. Они заносятся в списки ландвера второго призыва, который на бумаге разбухает до громадных размеров, но фактически даже те силы, которыми он мог бы обладать, ослабляются массой людей, никогда не имевших дела с ружьем и представляющих из себя не более, как сырых рекрутов. Это уменьшение действительной военной силы страны, по крайней мере, на одну половину есть первое прямое следствие удлиненного срока военной службы.

Но и сами линейные войска и ландвер первого призыва также страдают от этой системы. В каждом полку одна треть солдат служит меньше трех лет, одна треть меньше двух лет, а остальные меньше года. Нечего и ждать, чтобы армия, составленная подобным образом, обладала такими военными качествами, как строжайшее подчинение начальникам, устойчивость боевых рядов, дух корпоративности, ко-

торые отличают старых солдат английской, австрийской, русской и даже французской армий. Англичане, являющиеся компетентными судьями в этом деле, так как их солдаты служат долгие сроки, замечают, что требуется целых три года для того, чтобы совершенно перевоспитать рекрута.¹ Так как в прусской армии мирного времени совсем нет людей, прослуживших полностью три года, то вполне естественно, что эти воинские качества старых солдат, или, по крайней мере, подобие их, вбиваются в молодого рекрута при помощи мер самой крайней строгости. Прусские младшие офицеры и фельдфебели, будучи не в состоянии выполнить возложенную на них задачу, относятся к своим подчиненным с грубостью и жестокостью, которые вдвойне отвратительны из-за их педантичности. Между тем последняя в высшей степени смешна, так как она находится в полном противоречии с той ясной и разумной системой обучения, которая предписана, и так как она постоянно обращается к традиции Фридриха Великого, который обучал людей совершенно иного сорта и в условиях совершенно иной тактики. Таким образом, военно-полевые действия приносятся в жертву парадам, и в общем прусские линейные войска стоят ниже тех старых батальонов и эскадронов, которые могут быть выставлены в начале войны против них какой-либо из европейских великих держав.

Так обстоит дело с прусской армией, несмотря на ряд ее преимуществ, которыми не обладают другие армии. Пруссаки, как и вообще немцы (the German), дают прекрасный материал для военной службы. Страна состоит из обширных равнин, перемежающихся многочисленными горными хребтами, и предоставляет в изобилии материал для всех видов оружия. Большинство немцев обладает физическими свойствами, которые одинаково отвечают требованиям, предъявляемым со стороны как легкой пехотной, так и тяжелой (линейной) пехотной службы, с чем едва ли сравнится какая-либо другая нация. Страна изобилует лошадьми и может предоставить кавалерии большое число людей, с детства привыкших сидеть в седле. Осмотрительность и выдержанность немцев особенно делают их пригодными к артиллерийской службе. Принадлежа к наиболее драчливым народам, они воюют не только из-за своих собственных целей, но довольно часто, когда у них нет войны у себя дома, они ищут ее за границей. Начиная с ландскнехтов средних веков и до современных иностранных легионов Франции и Англии, немцы всегда давали большую массу наемников, сражавшихся в качестве профессионалов. Если французы

¹ См. *W. Napier's «Peninsular War»* [В. Непер, Пиренейская война].

превосходят их своим проворством и живостью в атаках, если англичане в большей степени обладают способностью к упорному сопротивлению, — немцы, без сомнения, превосходят все другие европейские нации своей общей способностью к военному делу, что делает их хорошими солдатами при всяких обстоятельствах.

Прусские офицеры являются наиболее образованными представителями своего класса во всем мире. Общий образовательный минимум, которому они подчинены, гораздо выше по сравнению с другими армиями. В целях пополнения их теоретического образования заведены школы при бригадах и дивизиях; высшие и более специальные военные знания получают в многочисленных военно-учебных заведениях. Прусская военная литература стоит чрезвычайно высоко; работы последнего двадцатилетия достаточно доказывают, что их авторы не только в совершенстве понимают свое собственное дело, но и могут соперничать с офицерами любой армии в смысле общих научных представлений. Правда, в их среде встречается не мало дилетантов, метафизиков, что вполне понятно, так как в Берлине, Бреславле или Кенигсберге вы можете увидеть офицеров, сидящих вместе с студентами на университетских лекциях. Клаузевиц является таким же образцовым автором по работам о линейных войсках в мировой литературе, как и Жюмини, а работы инженера Астера делают эпоху в науке фортификации. Все же слово «прусская лейтенант» употребляется как поговорка по всей Германии, и действительно, доведенный до карикатурной формы дух корпоративности, педантизм и нелепые манеры, навеянные общим тоном армии, вполне оправдывают этот взгляд. Нигде нет так много старых, упрямых, придирчивых педантов среди офицеров и генералов, как в Пруссии; большинство из них, впрочем, — развалины 1813 и 1815 гг. После всего сказанного нужно признать, что абсурдная попытка превратить прусские линейные войска в то, чем они никогда не могут быть, — в армию старых солдат, — понижает качество как офицеров, так и еще в большей степени солдат.

Правила обучения в прусской армии, без сомнения, лучшие во всем мире. Простые, единообразные, основанные на общих принципах здравого смысла, они не оставляют желать чего-либо лучшего. Они являются плодом гения Шарнгорста, который со времени Морица Нассауского является, пожалуй, величайшим военным организатором. Правила маневрирования большими войсковыми массами также хороши. Но научные руководства по артиллерийской службе, официально рекомендуемые офицерам, устарели и не соответствуют требованиям настоящего времени. Однако это порицание относится лишь

к работам, являющимся более или менее официальными, и не касается прусской литературы по артиллерии в целом.

Инженерный корпус пользуется, и вполне заслуженно, весьма высоким авторитетом. Из его среды вышел Астер, этот первый военный инженер со времени Монталамбера. Прусские военные инженеры построили целый ряд крепостей от Кенигсберга и Познани до Кельна и Кобленца, возбуждающих удивление всей Европы.

Снаряжение прусской армии, со времени перемен, произведенных в 1843 и 1844 гг., не очень красиво, но вполне подходяще для солдат. Шлем хорошо защищает от солнца и дождя, одежда держится свободно и удобно; все обмундирование пригнуто еще лучше, чем у французов. Гвардия и легкие батальоны (один в каждом полку) вооружены нарезными игольчатыми ружьями; остальные линейные войска имеют мушкеты, преобразованные при помощи весьма несложной операции в хорошие винтовки Минье; что касается ландвера, то он через два-три года также получит винтовку Минье, но пока он употребляет пистонные мушкеты. Кавалерийские сабли слишком широки и кривы, и большинство их ударов падает плоско. Артиллерийский материал — пушки, повозки и упряжь — оставляют желать много лучшего.

В общем прусская армия, т. е. линейные войска и ландвер первого разряда, представляет внушительную массу людей, но вовсе не является тем, чем хвастаются прусские патриотически настроенные писатели. Линейные войска, когда окажутся на поле битвы, сразу же сбросят с себя цепи парадных церемоний и после нескольких схваток сумеют быть равными своим противникам. Ландвер первого разряда, как скоро в нем будет пробужден дух старого солдата и при условии, что война будет популярна, сравняется с самими лучшими старыми войсками в Европе. То, чего Пруссия должна опасаться, это — активности неприятеля в первый период войны, когда против нее будут брошены более организованные и более старые регулярные войска; но если война затянется, Пруссия будет иметь в своей армии пропорционально большее количество старых солдат, чем какое-либо другое европейское государство. В начале кампании линейные войска будут представлять основное ядро армии, но ландвер первого разряда скоро оттеснит их на второе место, так как его солдаты обладают лучшими физическими и военными качествами. Это — настоящие старые солдаты Пруссии, а не безбородые юнцы линейных войск. О ландвере второго разряда мы не говорили, он еще должен показать, что он представляет собою.

РУССКАЯ АРМИЯ.

В России также принимались известные меры к созданию кадров на случай военного положения при помощи системы запасов, похожей в некоторых отношениях на прусскую систему ландвера. Но вообще русские резервы включают в себя такое ограниченное число людей и их так трудно собрать вместе из различных пунктов громадной империи, что уже спустя шесть месяцев после объявления войны англичанами и французами и еще прежде, чем раздался хотя бы один выстрел в Крыму, — сразу же выявилась необходимость покончить с этой системой и приступить к формированию новых корпусов, за которыми последовали дальнейшие новые формирования. Таким образом, в России нужно различать состояние армии в момент начала войны и армию в ее теперешнем состоянии.

Русская армия мирного времени состоит из следующих частей: 1) действующая армия — 6 линейных корпусов (№№ 1 — 6); 2) запасная армия — 1 гвардейский корпус, 1 корпус grenадеров, 2 кавалерийских резервных корпуса; 3) специальные корпуса — Кавказский, Финляндский, Оренбургский и Сибирский; 4) войска внутренней службы — ветераны, внутренняя гвардия, инвалиды и т. п.; 5) нерегулярные войска. Сюда же могут быть отнесены резервы, состоящие из солдат, находящихся в отпуску.

Состав каждого из 6 линейных корпусов таков: он включает в себя 3 пехотных дивизии, из которых каждая имеет 1 линейную бригаду и 1 бригаду легкой пехоты, в каждой бригаде 2 полка, в каждом полку 4 служебных батальона; всего 6 бригад, или 12 полков, составляющих 48 батальонов, с одним батальоном стрелков и одним — саперов; итого 50 батальонов. Сюда же входит 1 дивизия легкой кавалерии в составе 1 бригады уланов и 1 бригады гусаров, каждая из 2 полков или 16 эскадронов, всего 32 эскадрона. Артиллерия состоит из 3 пехотных бригад и 1 конной; всего 14 батарей или 112 орудий; общий итог по каждому корпусу — 50 батальонов, 42 эскадрона, 112 орудий; весь итог по 6 корпусам: 300 батальонов, 192 эскадрона, 672 орудия.

Гвардия заключает в себе 3 дивизии или 6 бригад, составляющих 12 полков (9 полков grenадеров и 3 карабинеров или легкой пехоты); всего 36 батальонов, так как полки гвардии и grenадеров имеют только по 3 служебных батальона. Сюда нужно присоединить еще 1 батальон стрелков и 1 — саперов и минеров; 3 кавалерийских дивизии (1 кирасиров, 1 уланов и 1 гусаров), образующих 6 бригад, или 12 полков, всего 72 эскадрона кавалерии; 1 артиллерийскую

дивизию в 5 бригад и 15 батарей (9 пеших, 5 конных и 1 ракетная); всего 135 орудий. Войска гренадеров состоят из 3 дивизий, или 6 бригад, составляющих 12 полков или 36 батальонов пехоты, 1 батальона стрелков и 1 саперов и минеров. Этот корпус имеет также 1 кавалерийскую дивизию, куда входят 2 бригады (1—уланов и 1—гусаров) в составе 4 полков или 32 эскадронов: артиллерия состоит из 3 пехотных и 1 конной бригады с 14 батареями; всего 112 орудий.

Резервная кавалерия организована следующим образом: 1-й корпус: 3 дивизии (2—кирасиров и 1—уланов) в составе 6 бригад или 12 полков; всего 80 эскадронов (48 эскадронов кирасиров, 32 — уланов). Имеется также 1 дивизия конной артиллерии, состоящая из 3 бригад с 6 батареями; всего 42 орудия. — 2-й корпус: 3 дивизии (1 — уланов, 2 — драгунов) или 6 бригад, что дает 12 полков или 112 эскадронов (32 эскадрона уланов, 80—драгунов). Имеются также 2 эскадрона верховых саперов и понтонеров и 6 батарей конной артиллерии с 48 орудиями.

Кавказский корпус включает в себя 1 резервную бригаду гренадеров в составе 2 полков или 6 батальонов, 3 дивизии пехоты в составе 12 полков или 48 батальонов, 1 батальон стрелков, 1 батальон саперов, 47 батальонов кавказской линии (ополчение), всего 103 батальона. Кавалерия состоит из 1 полка драгунов в 10 эскадронов. Артиллерии имеется 1 дивизия с 10 обыкновенными и 6 горными батареями; всего 180 орудий.

Финляндский корпус содержит в себе одну дивизию в составе 2 бригад или 12 батальонов пехоты; Оренбургский корпус состоит из одной дивизии, также в 2 бригады, но лишь из 10 батальонов; Сибирский корпус — из одной дивизии в 3 бригады, образующих 15 батальонов.

Весь итог по всем регулярным войскам, находящимся под оружием в мирное время, может быть выражен следующей таблицей:

	Батальоны	Эскадроны	Орудия
Шесть линейных корпусов	300	192	672
Гвардия	38	72	135
Гренадеры	38	32	112
Резервная кавалерия	—	194	96
Кавказский корпус	103	10	180
Финляндский корпус	12	—	—
Оренбургский корпус	10	—	—
Сибирский корпус	15	—	—
Всего	516	500	1 195

Войска для внутренней службы состоят из 52 батальонов внутренней гвардии, 800 рот ветеранов и инвалидов, 11½ эскадронов

жандармов и 98 рот артиллерии. Эти войска едва ли можно включать в число действительных боевых сил страны.

Нерегулярные войска, преимущественно кавалерия, делятся следующим образом:

1. Донские казаки — 56 полков, каждый по 6 сотен; всего 336 сотен, 13 батарей.

2. Черноморские казаки — 72 сотни, 9 батальонов, 3 батареи.

3. Кавказские линейные казаки (на Кубани и Терекe) — 120 сотен и 3 батареи.

4. Астраханские казаки — 18 сотен, 1 батарея.

5. Оренбургские казаки — 60 сотен, 3 батареи.

6. Уральские казаки — 60 сотен.

7. Башкирский набор — 85 сотен (почти целиком из башкиров и калмыков).

8. Сибирские казаки — 24 батальона, 84 сотни с 3 батареями; состоят частично из тунгусов, бурятов и пр.

9. Азовские казаки, обязанные годовой службой.

10. Дунайские казаки в Бессарабии — 12 сотен.

11. Байкальские казаки, недавно сформированные; их организация и количество неизвестны.

Всего насчитывается 847 сотен (эскадрон в 100 человек каждый, от слова «sto» сотня), 32 батальона, 26 батарей. Это составляет около 90 000 человек кавалерии и 30 000 пехоты. Но для чисто военных целей на западной границе могут быть использованы не более 40 000 или 50 000 кавалерии, некоторые батареи и ни одной пехотной единицы.

Таким образом, русская армия в мирное время (исключая войска внутренней службы) состоит из 360 000 пехоты, 70 000 кавалерии и 90 000 артиллерии; всего 500 000 человек, кроме казаков, число которых изменяется в зависимости от обстоятельств. Но из этих 500 000 человек местные корпуса—Кавказский, Оренбургский и Сибирский—не могут быть использованы для какой-либо войны на западной границе империи; следовательно, против Западной Европы Россия не может двинуть более 260 000 человек пехоты, 70 000 кавалерии и 50 000 артиллерии, приблизительно с 1 000 орудиями, не считая еще около 30 000 казаков.

Так обстоит дело в условиях мирного времени. На случай войны были приняты следующие меры: полный срок службы был установлен в двадцать, двадцать два года или двадцать пять лет, в зависимости от обстоятельств; но после десяти или пятнадцати лет (в зависимости от обстоятельств) солдаты отпускались домой, считаясь находя-

пчимся в запасе. Организация этого запаса выражалась в различных формах, но, как это обнаружилось теперь, отпускные солдаты входили в запасный батальон (четвертый батальон в полках гвардии и гренадеров, пятый — в линейных), запасный эскадрон или запасную батарею соответствующего вида оружия. По истечении пяти лет они переходили в кадровый (пятый или соответствующий шестой) батальон своего полка, кадровый эскадрон или батарею.

Таким образом, предполагалось, что призыв запаса усилит количество пехоты и артиллерии почти на 50%, а кавалерии — на 20. Этим запасом должны были командовать отставные офицеры, и кадры его, если не полная организация, были до известной степени подготовлены.

Но когда разразилась война, все изменилось. Действующая армия должна была послать 2 дивизии на Кавказ, хотя они были предназначены для сражений на западной границе. Прежде чем англо-французские войска высадились на востоке, 3 корпуса действующей армии (3-й, 4-й и 5-й) были втянуты в кампанию против турок. Запасные войска действительно концентрировались, но требовалось чрезвычайно много времени, чтобы солдаты могли достичь назначенного им главного пункта, будучи рассеяны по разным местам империи. Наличие союзных войск и флота на Балтийском и Черном морях, равно как и колеблющаяся позиция Австрии вынуждали более решительные меры: наборы были удвоены и утроены, и разношерстная масса собранных таким образом рекрутов совместно с запасными образовали четвертый, пятый, шестой, седьмой и восьмой батальоны; подобное же увеличение было произведено и в кавалерии. Таким образом 8 корпусов гвардии, гренадеров и линейных вместо 376 батальонов стали насчитывать уже 800, в то время как на каждый эскадрон или батарею мирного времени были также прибавлены, по крайней мере, 1 запасный эскадрон или батарея. Все эти цифры, однако, выглядят более страшными на бумаге, чем в действительности, потому что вследствие продажности русских чиновников, дурного управления армией и огромных переходов, которые приходится делать рекрутам от их домов до сборных пунктов, а от сборных пунктов к местам расположения корпусов и отсюда к месту военных действий, — большая часть солдат выбыла из строя или обессилила еще ранее встречи с неприятелем. Кроме того, бедствия от болезней и потери в битвах за время двух прошлых кампаний были весьма серьезны, и поэтому мы не думаем, чтобы 1 000 батальонов, 800 эскадронов и 200 батарей русской армии заключали в себе в настоящее время более 600 000 человек.

Правительство, однако, не удовлетворялось вышеуказанными мероприятиями. С быстротой, свидетельствующей о том, что оно вполне осознало трудности собирания в одно место громадных масс людей из различных частей обширной империи, правительство, лишь только была закончена организация седьмого и восьмого батальонов, объявило мобилизацию ополчения. Это ополчение (*militia, or opoltshe-nie*) должно было быть организовано в виде дружин (батальонов) по 1 000 человек каждая, пропорционально числу населения той или иной губернии; на службу должны были идти 23 человека из каждой 1 000 мужчин или почти четверть процента всего населения. В настоящее время ополчение призвано пока лишь в западных губерниях. Этот набор, производившийся среди населения в 18 000 000 душ, в котором насчитывается около 9 000 000 мужского пола, должен был дать около 120 000 человек, — и эта цифра совпадает с русскими официальными отчетами. Не приходится сомневаться в том, что ополчение по своему качеству будет во всех отношениях ниже даже тех запасных частей, которые были сформированы недавно, но во всяком случае оно дает значительное добавление к военным силам России и, будучи употреблено на гарнизонную службу в Польше, сможет освободить для боевых действий большое число линейных полков. С другой стороны, на западную границу уже прибыло не только много казаков, но и значительное количество башкир, киргизов, тунгусов и прочих монгольских частей. Этот факт показывает, насколько рано отдан был приказ об их отправлении на запад, так как, прежде чем эти войска могли прибыть в Петербург или на Вислу, многим из них нужно было потратить на передвижение свыше года.

Так, Россия напрягала свои военные ресурсы до самых крайних пределов и все же после двухлетней кампании, в течение которой она не потерпела ни одного решительного поражения, она не может насчитывать более 600 000 или самое большое 630 000 регулярных войск с 100 000 ополченцев и, может быть, 50 000 нерегулярной кавалерии. Мы не хотим этим сказать, что страна уже истощена, но для нас совершенно ясно то положение, что Россия после двухлетней войны не сможет сделать того, что сделала Франция после двадцатидвухлетней войны, и притом после полной гибели своей превосходной армии в 1812 г. Россия не в состоянии создать свежие войска в 300 000 человек и остановить, хотя бы, по крайней мере, на время, наступление неприятеля. Так велико различие в военной мощи между странами, из которых одна имеет густое население, а другая — редкое. Если бы Франция граничила с Россией, то 66 000 000 жителей России были бы слабее 38 000 000 населения Франции. Что

44 000 000 немцев представляют большую силу, чем 66 000 000 подданных православного царя, — в этом нет ни малейшего сомнения.

Русская армия набирается различными путями. Большая часть солдат набирается путем регулярных наборов, которые происходят один год в западных губерниях Европейской России, а следующий — в восточных. Обычный процент набора — четыре или пять человек с каждой тысячи мужского пола («душ»), поскольку в русские переписи населения заносится лишь мужской пол, так как, согласно православным восточным верованиям, женщины не являются «душами». Солдаты, набранные в западной половине империи, служат 20 лет, набранные в восточной половине — 25 лет. Гвардия служит 22 года; молодые люди из военных поселений — 20 лет. Кроме этих наборов, обильный источник для рекрутов представляют дети солдат. Каждый сын, родившийся у солдата во время его пребывания на службе, обязан служить; это правило заходит так далеко, что государство претендует на детей, рожденных солдатскими женами, даже в том случае, если их мужья находились на другом конце империи в течение уже пяти или десяти лет. Эти солдатские дети называются *кашто-нистами*, и большинство их воспитывается за счет государства; из них вербуются большинство унтер-офицеров. Наконец, на службу в армию присуждаются приговорами судов преступники, бродяги и другие ни на что не годные люди. Дворянин имеет право послать в армию своего крепостного, если последний не обладает телесными недостатками; и это же может сделать каждый отец семейства по отношению к своему сыну. «С богом, иди под красную шапку» («S'bogom idi pod krasnuyu sharpu»), т. е. иди в армию, таков обычный разговор русского крестьянина с непослушным сыном.

Унтер-офицеры, как мы уже сказали, в большинстве своем рекрутируются из солдатских сыновей, воспитываемых в правительственных заведениях. С раннего детства подчиненные военной дисциплине, эти пары не имеют ничего общего с теми людьми, которых они впоследствии должны обучать и руководить. Они образуют класс, совершенно оторванный от народа. Они принадлежат государству и не могут существовать без него; предоставленные собственным средствам, они ни на что неспособны. Поэтому продолжать жизнь под опекой правительства является их единственной целью. Чем является в русской гражданской службе низший класс чиновников, рекрутирующийся из детей тех же чиновников, то же самое представляют собой унтер-офицеры в армии: хитрость, низость взглядов, узкоэгоистическое повиновение соединяются с поверхностным начальным образованием, делающим их еще более отвратительными; тщеславные

и жадные до наживы, продавшиеся душой и телом государству, они в то же время сами ежедневно и ежечасно продают его по мелочам, если это хоть сколько-нибудь может быть для них выгодно. Прекрасным образчиком этого типа является фельдъегерь или курьер, сопровождавший г. де-Кюстина в его путешествии по России и так удивительно изображенный им в своем отчете об этой поездке. Эта категория людей, в гражданской и военной областях, главным образом и поддерживает ту громадную коррупцию, которая пронизывает все отрасли государственной службы в России. Все же нет сомнения, что если бы Россия отказалась от этой системы полного присвоения государством детей, она была бы не в состоянии найти нужное ей количество гражданских низших чиновников и военных унтер-офицеров.

С офицерами дело обстоит, пожалуй, еще хуже. Воспитание, даваемое будущему ефрейтору или фельдфебелю, обходится сравнительно дешево; но воспитывать офицеров для миллионной армии (а такова именно цифра, для которой должны быть подготовлены русские кадры согласно официальным данным), это — вещь очень дорогая. Частные учреждения не делают для этого ничего или очень мало. Таким образом, все должно делать государство. Но ясно, что оно не в состоянии дать образование массе молодых людей, которые требуются для данной цели.

Поэтому, в силу определенного морального давления, дети дворян обязаны прослужить, по крайней мере, пять или десять лет в армии или гражданской службе; семья, которая «не служила» в течение трех поколений, теряет свои дворянские привилегии и, особенно, право владеть крепостными, без какого права обширная земельная собственность в России не имеет никакой ценности. Таким образом, большая часть молодых людей поступает в армию в чине прапорщика или поручика, все образование которых состоит в беглом разговоре по-французски на самые обычные темы и крайне небольших поверхностных знаний из элементарной математики, географии и истории, причем все это носит цель одного лишь показа. Служба для них — тяжелая необходимость, которую они выполняют с непритворным отвращением, как своего рода длительный курс медицинского лечения; как только предписанный срок службы истекает или достигнут чин майора, они уходят в отставку и тогда заносятся в списки запасных батальонов. Что касается воспитанников военных училищ, то они также начинаются знаниями лишь для того, чтобы сдать экзамен и даже в области чисто профессиональных знаний стоят далеко позади по сравнению с молодежью, обучающейся в австрий-

ских, прусских и французских военных школах. С другой стороны, талантливые и прилежные молодые люди, увлекающиеся своей специальностью, настолько редки в России, что за них сразу хватаются, лишь только они проявят себя, будь то иностранцы или русские. Государство весьма щедро снабжает их средствами, чтобы они могли закончить свое образование, и дает им быстрое продвижение. Их показывают перед Европой как достижение русской цивилизации. Если у них имеется склонность к литературным знаниям, они встречают всяческое поощрение, пока не переступают границ требований, поставленных русским правительством; эта группа как раз и дала то небольшое ценное, что имеется в русской военной литературе. Но в настоящее время русские, к какому бы классу они не принадлежали, еще слишком варвары, чтобы находить удовольствие в научных занятиях или в каком-нибудь умственном занятии (исключая интригу), поэтому почти все выдающиеся люди, какие имеются на военной службе, — или иностранцы, или — что значит почти то же самое — «остзейские» («ostezeiski») немцы из Прибалтийских губерний. Наиболее блестящим представителем этой группы является генерал Тотлебен, главный инженер в Севастополе, умерший в июле этого года от последствий ранения.¹ Он безусловно самый знающий человек своего дела в настоящей осадной кампании, возьмем ли мы русский лагерь или союзников, но он — прибалтийский немец, пруссак по происхождению.

Таким образом, в русской армии среди ее офицеров есть очень хорошие и очень плохие, но первые из них составляют бесконечно малую величину по сравнению с последними. Какого мнения русское правительство о своих офицерах, это ясно и безошибочно можно видеть из его тактических уставов. Этими уставами не только дается общий образец расположения бригады, дивизии или армейского корпуса, так называемая «нормальная диспозиция», которую командир может применять к местности и прочим обстоятельствам, но в них предписаны различные диспозиции для всевозможных случаев, в результате чего генералу не приходится уже что-либо выбирать и тем самым с его плеч снимается вся ответственность. Например, армейский корпус может по уставу быть построен пятью различными способами, и в битве при Альме русские действительно построились согласно одному из них — именно по третьей диспозиции — и, конечно, были разбиты. Эта мания делать абстрактные

¹ В тексте — неточность, объясняющаяся недостаточной информацией европейских газет: Тотлебен, раненый 20 июня 1855 г., должен был покинуть Севастополь, но затем выздоровел и умер лишь в 1884 г. *Ред.*

предписания на всевозможные случаи оставляет так мало свободы действий для командира и до такой степени мешает ему использовать преимущества местности, что один прусский генерал, критикуя эту систему, выразился так: «Такая система предписаний может быть терпима лишь в армии, большинство генералов которой настолько глупы, что правительство не может безопасно поручить им безусловное командование или предоставить их собственному рассуждению».

Русские солдаты являются одними из самых храбрых в Европе. Их упорство равно упорству английских и некоторых австрийских батальонов. Им свойственно то, что Джон Буль хвастливо приписывает себе, — они не чувствуют, когда их бьют. Каре русской пехоты сопротивлялось и сражалось в рукопашную долгое время, после того как кавалерия прорвалась через него, и всегда легче было русских расстрелять, чем заставить бежать обратно. Сэр Джордж Кеткерт, который видел их в 1813 и 1814 гг. в качестве союзников, а в 1854 г. в Крыму — как неприятелей, с уважением свидетельствует, что они «недоступны панике». Кроме того, русский солдат хорошо сложен, здоров, прекрасный ходок, крайне нетребователен в пище и питье, питаясь кое-чем, и более послушен своим офицерам, чем какой-либо другой солдат в мире. И все же русской армии не приходится много хвастаться. За все время существования России русские еще не выиграли ни одной битвы против немцев, французов, поляков или англичан, не превосходя их значительно своим числом. Даже при перевесе сил они всегда были биты другими армиями, исключая пруссаков и турок, но при Четати и Силистрии турки побили русских, хотя численно были слабее.

Кроме всяких прочих недостатков, русские солдаты — самые неуклюжие во всем мире. Они не годятся ни для легкой пехоты, ни для легкой кавалерии. Казаки, составляющие главную массу легкой кавалерии, каковы бы ни были их положительные качества в известных отношениях, в общем являются настолько ненадежными, что вторая линия русских аванпостов, находящаяся перед неприятелем, располагается всегда позади аванпостов казаков. Кроме того, казаки совершенно не годятся для атаки. Что касается регулярных войск, пехоты и кавалерии, они неспособны к легкому стрелковому бою. Русские, отличаясь подражательностью во всем, сделают, что им приказано или к чему их понуждают, но они наверняка не выполнят дело, если им приходится действовать за свою собственную ответственность. И действительно, последнего качества трудно ожидать от тех, кто никогда не был знаком с ответственностью и кто с одинаковой покорностью пойдет, если ему будет приказано, качать воду

или сечь своего товарища. Было бы напрасно ожидать от русского солдата, чтобы он в своих действиях на аванпостах или в легких боевых схватках проявил быструю сообразительность французов или просто здравый смысл немцев. Что ему нужно, это — команда, ясная, отчетливая команда, — и если он ее не получает, тогда он хотя, может быть, и не обратится в бегство, но и не пойдет вперед, не сумеет действовать собственным умом.

Кавалерия, хотя на нее тратятся большие средства и уделяется много внимания, у русских никогда не была отличной. Ни в войне против французов, ни в польских походах она не сумела отличиться. Пассивное, терпеливое и покорное послушание, характеризующее русских, вовсе не являются теми качествами, которые требуются в кавалерии. Основное качество кавалериста, это — «стремительность» (dash), но ее-то больше всего и недостает русским. Так, когда 600 английских драгунов со всей смелостью и отвагой настоящих кавалеристов стремительно бросились под Балаклавой на численно далеко превосходящих их русских, они промчались через всю русскую артиллерию, казаков, гусаров и уланов, пока не достигли густых колонн пехоты; только тогда англичане повернули обратно, но остается еще сомнительным, кто в этой кавалерийской операции заслуживает звания победителя. Если бы такая безрассудная атака была предпринята против какой-нибудь другой армии, то ни один из них бы не вернулся, так как неприятель охватил бы их с флангов и позади и просто отрезал бы их. Русские же кавалеристы ожидали противника, стоя неподвижно, и неприятель проскочил через них, прежде чем они догадались привести в движение своих коней! Поистине, если можно привести какой-либо яркий пример против русской регулярной кавалерии, так именно этот факт

Артиллерия снабжается материалами неодинакового качества, но где имеются хорошие орудия, она выполняет свое дело хорошо. Она обнаруживает большую храбрость в бою, но ей всегда недостает сообразительности. Русская батарея, потерявшая своих офицеров, становится ни на что не годной; но и пока живы офицеры, она способна только занимать предписанные уставом позиции, хотя бы это и было абсурдом. Во время осады крепостей, когда требуется пассивное упорство и постоянная готовность подвергнуться опасности, русская артиллерия отличалась не столько точностью прицела, сколько исполнительностью долга и устойчивостью под неприятельским огнем. Это доказывается всей осадой Севастополя.

Однако в артиллерии и инженерном деле встречаются как раз те образованные офицеры, которые выставляются русскими напоказ

перед Европой и развитие таланта которых действительно поощряется. В то время как, например, в Пруссии, наиболее способные люди, находясь на должностях младших офицеров, обычно натываются на препятствия со стороны своих начальников и всякие их предложения о введении того или иного усовершенствования порицаются как самонадеянные попытки к новшествам, — так что многие из них вынуждены были искать занятий в Турции, где они создали регулярную артиллерию, одну из лучших в Европе, — в России все такие люди поощряются и, если они в чем-нибудь отличатся, делают быструю и блестящую карьеру. Дибич и Паскевич сделались генералами — один, будучи двадцати девяти лет, другой — тридцати, а Тотлебен, в Севастополе, меньше чем в восемь месяцев продвинулся из капитанов в генерал-майоры.

Русские больше всего хвастаются своей пехотой. Она отличается чрезвычайной устойчивостью и, будучи в линейном строю или колоннах, равно как и находясь за брустверами, причиняет не мало хлопот неприятелю. Но этим и ограничиваются ее положительные качества. Она совершенно не годится для легкой пехотной службы; так называемые егеря являются легкой пехотой только по имени и фактически единственную легкую пехоту в армии представляют восемь батальонов стрелков, прикрепленных к легкому корпусу; русские пехотинцы обычно плохие стрелки, ходят они хорошо, но медленно; их колонны обычно бывают построены так плохо, что их всегда можно разбить артиллерийским огнем раньше, чем они пойдут в атаку. «Нормальные диспозиции», от которых не могут отказаться генералы, весьма способствуют этому. Например, в битве при Альме британская артиллерия произвела страшное опустошение в русских колоннах задолго до того, как британская линия, также довольно неуклюжая, была построена, вытянута вдоль реки и перестроена для атаки. Но и к чрезвычайной устойчивости русской пехоты, которой так много хвастаются, нужно подходить довольно осторожно после того, как при Инкермане 8 000 британской пехоты, застигнутой на позиции, не вполне еще ею занятой, сопротивлялись в рукопашном бою против 15 000 русских, наступавших на них в течение четырех часов и все время отражаемых при каждой новой атаке. Эта битва должна была показать русским, что они в наиболее любимой ими области нашли мастеров своего дела. Все попытки русских потерпели неудачу вследствие храбрости британских солдат, а также благодаря сообразительности и присутствию духа, которые были проявлены как младшими офицерами, так и самими солдатами. На основании этой битвы мы можем считать обоснованной претензию англичан,

утверждающих, что они обладают лучшей *линейной* пехотой во всем мире.

Обмундирование русской армии представляет почти полное подражание прусскому; снаряжение — крайне неудобное: через грудь крест-на-крест идут португепя для штыков и патронные сумки, а также еще лямки, на которых держится ранец. Теперь, конечно, произведены некоторые изменения, но касаются ли они как раз этого, — мы не знаем. Ручное оружие — очень неуклюже, и солдаты лишь недавно стали снабжаться пистолетами: русское ружье самое тяжелое и неуклюжее из всех существующих. Кавалерийские сабли дурного образца и плохо закалены. Относительно пушек (в Крым взяты новые орудия) пишут, что они очень хороши и превосходно обслуживаются; но однотипны ли они — это весьма сомнительно.

Наконец, русская армия все еще носит на себе печать первых шагов распространения цивилизации в стране и поэтому обладает всеми невыгодами и недостатками подобных тепличных созданий. В малых войнах казаки являются единственной боевой силой, которой следует опасаться благодаря их активности и неутомимости; но пьянство и грабежи делают их весьма ненадежными для их командиров. В большой войне медлительность, с которой русские выполняют свои стратегические маневры, не внушает больших опасений, если только им не придется иметь дело с таким небрежным противником, какими проявили себя англичане прошлой осенью. В правильном бою русские будут упорными противниками для солдат, но не опасными для генералов, которые ведут на них наступление. Их диспозиции обычно бывают очень просты, основаны на предписанных «нормальных правилах», и их легко разгадать; в то же время недостаток сообразительности как со стороны генералов, так и боевых офицеров и громоздкость войск делают чрезвычайно рискованными с их стороны какие-либо сложные маневры на поле сражения.

АРМИИ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ ГЕРМАНИИ.

Бавария имеет 2 армейских корпуса, в каждом по 2 дивизии. Дивизия состоит из 2 бригад пехоты (4 пехотных полка и 1 батальон стрелков), 1 бригады кавалерии в составе 2 полков и 3 пеших и 1 конной батареи. Кроме того, каждый армейский корпус имеет общий резерв артиллерии, состоящий из 6 пехотных батарей и отряда саперов и минеров. Таким образом, вся армия состоит из 16 полков, по 3 батальона в каждом, с 6 батальонами стрелков, — всего 54 батальона, 2 полков кирасиров и 6 полков легких драгунов, всего 48 эскадронов; 2 полков пешей артиллерии (с 6 шестифунтовыми и

6 двенадцатифунтовыми батареями в каждой) и 1-го конной артиллерии (4 шестифунтовых батареи), всего 28 батарей по 8 орудий в каждой, что дает 224 орудия, не считая 6 гарнизонных артиллерийских рот и 12 рот обоза; имеется также один инженерный полк в 8 рот и две санитарных роты. Всего боевых сил на случай военного положения — 72 000 человек, кроме запасных и ландвера, для которого, однако, не существует кадров.

В армию общегерманской федерации Австрия дает 1-й, 2-й и 3-й корпуса, Пруссия — 4-й, 5-й и 6-й, Бавария — 7-й; 8-й корпус дают вместе Вюртемберг, Баден и Гессен-Дармштадт.

Вюртемберг насчитывает 8 полков (16 батальонов) пехоты, 4 полка кавалерии (16 эскадронов), 1 полк артиллерии (4 пеших и 3 конных батареи с 48 орудиями), весь военный контингент — около 19 000 человек.

Баден имеет 4 полка (8 батальонов), 2 полка фузилеров, 1 стрелковый батальон, всего 10 батальонов пехоты, 3 полка (12 эскадронов) кавалерии, 4 пеших и 5 конных батарей с 40 пушками. Весь военный контингент 15 000 человек.

Гессен-Дармштадт имеет 4 полка (8 батальонов) пехоты, 1 полк (6 эскадронов) легкой конницы и 3 батареи артиллерии (одна конная) с 18 орудиями. Всего 10 000 человек.

Единственным своеобразием 7-го и 8-го армейских корпусов является то, что они усвоили французские повозки для артиллерии. 9-й корпус федеральной армии образован в Саксонии, которая дает туда одну дивизию; другую дивизию дает курфюрство Гессен-Нассау. Саксонская доля в этом корпусе представлена 4 бригадами пехоты (по 4 батальона в каждой) и 1 стрелковой бригадой (в 4 батальона), не считая 4 линейных батальонов и 1 батальона стрелков в качестве резерва, еще не организованного; 4 полками легкой кавалерии (по 5 эскадронов каждый) и одним артиллерийским полком (в 6 пеших и 2 конных батареи). Всего — 20 батальонов пехоты, 20 эскадронов конницы и 50 орудий, или 24 500 человек. В курфюрстве Гессен — 4 полка (8 батальонов), 1 батальон фузилеров и 1 батальон стрелков, 2 эскадрона кирасиров и 7 эскадронов гусаров, 3 батареи, из которых одна гусарская, и 3 батареи, из которых одна конная. Всего — 10 батальонов, 9 эскадронов, 19 орудий; весь военный контингент — 12 000 человек. Нассау имеет 7 батальонов, 2 батареи, или 7 000 человек военного контингента, при 12 орудиях.

10-й армейский корпус образуют войска Галловера и Брауншвейга, составляющих первую дивизию, и Мекленбурга, Голштейна, Ольденбурга и ганзейских городов, дающих вторую дивизию. Ганно-

вер дает 8 полков (16 батальонов) и 4 батальона легкой пехоты, 6 полков (24 эскадрона) кавалерии, 4 пеших и 2 конные батареи. Всего — 22 000 человек и 36 орудий. Артиллерия — английского образца. Брауншвейг имеет 5 батальонов, 4 эскадрона и 12 орудий, всего—5 300 человек. О мелких государствах, дающих вторую дивизию, не стоит упоминать.

Наконец, самые маленькие и мельчайшие немецкие государства образуют одну резервную дивизию; вместе с ней весь контингент армии германской федерации может быть выражен следующей таблицей:

	I. Контингенты				II. Резервы			
	Пехота	Кавалерия	Число орудий	Всего	Пехота	Кавалерия	Число орудий	Всего
Австрия ..	73 501	13 546	192	94 822	36 750	6 773	96	47 411
Пруссия ..	61 629	11 355	160	79 484	30 834	5 660	80	39 742
Бавария ..	27 566	5 086	72	35 600	13 793	2 543	36	17 800
8-й корпус . . .	23 369	4 308	30	30 150	11 685	2 154	32	15 075
9-й корпус . . .	19 294	2 887	50	24 254	9 702	1 446	25	12 136
10-й корпус . . .	22 216	3 572	58	28 067	11 107	1 788	29	14 019
Резервная дивизия	11 111	—	—	11 116	5 584	—	—	5 584
Всего .	238 721	40 754	592	303 493	119 455	20 364	298	153 767

Это, конечно, вовсе еще не говорит о настоящей вооруженной силе германской федерации, так как в случае нужды Пруссия, Австрия и Бавария смогут выставить гораздо большие контингенты. Войска 10-го корпуса и резервная дивизия, так же как и войска 9-го корпуса, могли бы образовать гарнизон, чтобы не препятствовать разнообразием своих организаций и своими особенностями быстроте боевых операций. Военные качества этих армий приблизительно те же самые, что австрийских и русских солдат, но, конечно, эти небольшие армии не дают благоприятных условий для развития военных талантов и в их порядках много устарелого и старомодного.

В третьей и заключительной статье мы рассмотрим испанскую, сардинскую, турецкую и прочие европейские армии.

III.

ТУРЕЦКАЯ АРМИЯ.

В начале нынешней войны турецкая армия была сильнее, чем когда-либо раньше. Различные попытки ее реорганизации и реформирования после восшествия на престол Махмуда, после янычарской резни, после Адрианопольского мира были объединены и приведены в систему. Первое и самое большое препятствие на пути к реформе — независимое положение пашей, командующих отдаленными провинциями, — было в значительной степени устранено, и в общем положение их было уравнено с положением пашей, командующих европейскими округами. Но их невежество, наглость и стяжательство остались такими же, какими они были в расцвет хозяйничанья азиатских сатрапов, и если в течение последних лет нам редко приходилось слышать о восстаниях пашей, то мы достаточно слышали о восстаниях провинций против своих алчных правителей, которые — прежде самые ничтожные домашние рабы и люди, готовые на что угодно, — пользовались своим новым положением, чтобы накопить богатство путем вымогательства, взяток и бессовестной растраты общественных средств. Само собой разумеется, что при таком положении вещей организация армии в большой степени существует только на бумаге.

Турецкая армия состоит из регулярной действующей армии (низам), резерва (редиф), нерегулярных войск и вспомогательных войск вассальных государств.

Низам состоит из 6 корпусов, из которых каждый набирается в том округе, который он занимает, походя этим на прусский армейский корпус, который также расположен в той провинции, где он рекрутируется. Вообще, как мы увидим, организация турецкого низама и турецкого редифа скопирована с прусского образца. Штабы 6 корпусов находятся в Константинополе, Шумле, Толи-Монастыре, Эрзеруме, Багдаде и Алеппо. Каждый корпус должен иметь во главе мушира (фельдмаршала) и состоять из 2 дивизий или 6 бригад, включающих в себя 6 пехотных полков, 4 кавалерийских и 1 артиллерийский.

Пехота и кавалерия организованы по французской системе, артиллерия — по прусской.

Пехотный полк состоит из 4 батальонов по 8 рот в каждом, и полная численность его должна равняться 3 250 человек, включая офицеров и штаб, или же 800 человек в батальоне. Однако до войны в полку редко было более 700 человек, а в Азии обычно и того меньше.

Кавалерийский полк состоит из 4 эскадронов уланов и 2 эскадронов егерей; в каждом эскадроне — 151 человек. В действительности же состав эскадрона в большинстве случаев был еще менее полон, чем состав пехотной роты.

Каждый артиллерийский полк состоит из 6 конных и 9 пеших батарей с 4 орудиями в каждой, так что общее количество орудий в полку равно 60.

Таким образом, считается, что корпус состоит из 19 500 штыков, 3 700 сабель и 60 орудий. Однако на самом деле численность корпуса никогда не превышает 20 — 21 тысячи человек.

Кроме 6 корпусов имеется 4 артиллерийских полка (1 резервный и 3 гарнизонной артиллерии), 2 полка саперов и минеров и 3 особых пехотных отряда, посылаемых в Кандию, Тунис и Триполи, общей численностью в 16 000 человек.

Итак, до войны общая численность низама, или регулярной действующей армии, была такова:

36 полков пехоты (в среднем по 2 500 человек)	90 000 чел.
24 полка кавалерии (в среднем по 660 — 670 человек)	16 000 »
7 полков полевой артиллерии	9 000 »
3 полка гарнизонной артиллерии	3 400 »
2 полка саперов и минеров	1 600 »
Отдельные отряды	16 000 »
<hr/>	
Всего	136 000 чел.

Солдаты, отслужив пять лет в низаме, отпускаются домой и в течение ближайших семи лет образуют часть редифа, или резерва. Резерв этот делится на такое же количество корпусов, дивизий, бригад, полков и т. д., как и действующая армия; по отношению к низаму он является тем же, чем в Пруссии первый разряд ландвера по отношению к линейным войскам, с единственным различием, что в Пруссии, — в делениях, более крупных, чем бригады, — линейные войска и ландвер всегда перемешаны, тогда как в турецкой армии они друг от друга отделены. Офицеры и унтер-офицеры редифа всегда находятся при запасных ротах; раз в году редиф созывается для

строевых упражнений и в течение этого времени получает тот же оклад и тот же паек, как и линейные войска. Но организация эта, предполагающая хорошо налаженное гражданское управление и такую ступень цивилизации, от которой еще очень далеко турецкое общество, неизбежно существует только на бумаге, и поэтому, считая редиф количественно равным низаму, мы должны значительно уменьшить его размеры.

Вспомогательные войска состоят из следующих частей:

1) Дунайские княжества	6 000 чел.
2) Сербия	20 000 »
3) Босния и Герцеговина	30 000 »
4) Верхняя Албания	10 000 »
5) Египет	40 000 »
6) Тунис и Триполи	10 000 »
Всего	116 000 чел.

К этим войскам надо прибавить добровольцев-башибузуков, которых Малая Азия, Курдистан и Сирия могут доставить в огромном количестве. Это — последние остатки тех нерегулярных полчищ, которые в прошлые века заполняли Венгрию и дважды появлялись перед Веной. До какой степени эти, по преимуществу кавалерийские, войска уступают даже наиболее слабо снаряженной европейской коннице, мы можем заключить на основании почти непрерывных поражений их в течение последних двух веков. Они утратили свою прежнюю самоуверенность, и теперь роль их сводится к тому, чтобы беспорядочными отрядами окружать армии, поедая и уничтожая все ресурсы, необходимые для пропитания регулярных войск. Их любовь к грабежу и недисциплинированность делают их неспособными даже к той сторожевой службе, которую русские поручают своим казакам, ибо когда башибузуки пужнее всего, их нигде не сыщешь. Поэтому в настоящую войну было признано рациональным уменьшить их число, и мы думаем, что их было собрано не больше 50 000 человек.

Таким образом, численную силу турецкой армии в начале настоящей войны мы можем определить в следующих цифрах:

Низам	136 000 чел.
Редиф	136 000 »
Вспомогательные войска регулярные, из Египта и Туниса . . .	50 000 »
Вспомогательные войска нерегулярные, из Боснии и Албании .	40 000 »
Вашибузуки	50 000 »
Всего	412 000 чел.

Но опять-таки из этой общей суммы мы должны кое-что вычесть. Что касается европейских корпусов, то они, повидимому, были хорошо снаряжены и состав их, насколько это возможно в Турции, был почти полон; но в Азии, в отдаленных провинциях, где преобладает мусульманское население, люди могли быть готовыми, тогда как с оружием, обмундированием, запасами снаряжения дело обстояло очень плохо. Дунайская армия была организована главным образом из трех европейских корпусов. Это было ядро, вокруг которого были собраны европейские редифы, сирийский корпус или, по крайней мере, большая его часть и отряды арнаутов, босняков и башибузуков. Чрезмерная осторожность Омера-паши, его упорное нежелание до самого последнего времени вывести свои войска в поле, — наилучшее доказательство его слабого доверия к способностям этой единственной хорошей регулярной армии, которой располагает Турция. Но в Азии, где старая турецкая система растрат и недобросовестности продолжала процветать попрежнему, оба корпуса низама, весь редиф и вся масса нерегулярных войск не могли противостоять русской армии, хотя последняя была значительно слабее в численном отношении; каждый бой кончался поражением турок, и к концу кампании 1854 г. азиатская армия Турции почти перестала существовать. Отсюда ясно, что не только подробной организации, но в большой степени и самих войск не существует реально. От иностранных офицеров и газетных корреспондентов в Карсе и Эрзеруме постоянно слышались жалобы на недостаток в оружии, обмундировании, снаряжении и пищевых припасах, и все они утверждали, что повинны в этом бездеятельность, неспособность и алчность пашей. Им регулярно посылались деньги, но они всякий раз клали их себе в карман.

Обмундирование турецкого регулярного солдата скопировано с западных образцов; существенным отличием является красная феска, наихудший для тамошнего климата головной убор, способствующий во время летней жары частым солнечным ударам. Качество обмундировочного материала очень скверное, а между тем он должен служить дольше, чем полагалось бы, так как обычно офицеры присваивают себе деньги, предназначенные для его возобновления. Оружие — плохих образцов как в пехоте, так и в кавалерии; только у артиллерии отличные полевые пушки, отлитые в Константинополе под руководством европейских офицеров и гражданских инженеров.

Турок сам по себе не плохой солдат. Он по натуре храбр, чрезвычайно вынослив и, при известных условиях, послушен. Европейские офицеры, которым удалось заслужить его доверие, могут положиться на него; мы можем указать на Граха и Буглера в Силистрии

и на Искандера-бея (Ильинского) в Валахии. Но это — исключение. Вообще же говоря, прирожденная ненависть турка к «гяуру» так несокрушима, его обычаи и идеи так отличны от европейских обычаев и идей, что, пока он останется господствующей расой в стране, он не подчинится людям, которых внутренне презирает как неизмеримо ниже его стоящие существа. Это чувство распространилось и на самую организацию армии, после того как она приняла европейские формы. Простой турок ненавидит учреждения гяуров не меньше, чем их самих. Поэтому строгая дисциплина, урегулированность деятельности и постоянное внимание, требуемые в современной армии, крайне ненавистны ленивому, созерцательному и фаталистически настроенному турку. Даже офицеры скорей дадут разбить армию, чем выйдут из оцепенения и проявят активность. Это — наихудшая черта турецкой армии, и ее одной было бы достаточно, чтобы сделать ее непригодной к какой бы то ни было наступательной кампании.

Рядовые и унтер-офицеры рекрутируются посредством добровольной записи и жеребьевки. Среди младших офицеров попадают выслужившиеся солдаты, но большинство их — денщики и слуги старших офицеров, так называемые чибудиси и кафейдиси. Константинопольские военные школы, стоящие далеко не на высоком уровне, не в состоянии выпускать достаточное количество молодых людей для заполнения свободных вакансий. Что касается более высоких чинов, то тут царит система такого фаворитизма, о котором западные народы не имеют понятия. Большинство генералов — по происхождению черкесские рабы, *любимцы* (*mignons*) тех или других крупных лиц во времена их молодости. Крайнее невежество, неспособность и самоуверенность царят невозбранно, и дворцовые интриги — главный путь к продвижению. Даже те немногие европейские генералы (ренегаты), которые находятся на турецкой службе, не были бы приняты, если бы они не были абсолютно необходимы, чтобы не дать развалиться всей машине. Сейчас они приняты без всякого разбора, — люди действительно ценные наряду с авантюристами.

В настоящее время, после трех кампаний, турецкой армии, можно сказать, не существует, кроме 80 000 человек первоначальной армии Омера-паши, находящейся частью на Дунае, частью же в Крыму. Азиатская армия состоит приблизительно из 25 000 оборванцев, не годных для полевых действий и деморализованных поражением. Остальные же из 400 000 исчезли неизвестно куда: погибли на поле сражения или от болезней, превращены в инвалидов или в

разбойников. Надо полагать, что это была последняя турецкая армия, потому что трудно ожидать от Турции, чтобы она смогла оправиться от удара, нанесенного ей союзом с Англией и Францией.

Прошли те времена, когда бои под Ольтеницей и Четати вызывали преувеличенный восторг перед турецкой отвагой. Уже одна упорная бездеятельность Омера-паши внушила сомнение в других военных достоинствах его войск, которое не смогла рассеять даже блестящая оборона Силистрии. Поражения в Азии, бегство под Баллаклавой, строго оборонительная позиция турок в Евпатории и их полнейшая пассивность в лагере под Севастополем сделали более трезвой общую оценку их военных способностей. Турецкая армия была такова, что до сих пор невозможно было вынести суждение о том, чего она стоит. Несомненно, некоторые из ее полков отличались храбростью и дисциплинированностью, способны были с честью нести какой угодно вид службы, но таких полков было очень мало. Огромная масса пехоты была слабо спаяна и поэтому не годилась для полевых действий, хотя и обнаруживала достоинства в окопной войне. Регулярная кавалерия безусловно уступала коннице любой европейской державы. На наиболее высоком уровне стояла артиллерия, полевые полки которой были превосходны; солдаты казались рожденными для своего дела, но офицеры были далеко не на высоте своих задач. Редифы, повидимому, очень страдали от плохой организации, хотя солдаты и были готовы показать себя с лучшей стороны. Среди нерегулярных войск арнауты и босняки проявили себя хорошими партизанами, но вместе с тем отлично годились для защиты укреплений. Зато башибузуки оказались почти бесполезными, а то и хуже того. Египетский контингент, повидимому, приблизительно на том же уровне, что и турецкий низам, тунисские же войска почти вовсе непригодны. Не удивительно, что вся эта разношерстная армия, с таким плохим офицерским составом и такой плохой администрацией, почти совершенно сошла на-нет после трех кампаний.

САРДИНСКАЯ АРМИЯ.

Эта армия состоит из 10 бригад пехоты, 10 батальонов стрелков, 4 бригад кавалерии, 3 полков артиллерии, 1 полка саперов и минеров, отряда карабинеров (полицейские войска) и сардинской легкой конницы.

В число 10 пехотных бригад входят 1 гвардейская бригада, 4 батальона гренадеров, 2 батальона егерей и 9 линейных бригад, — в общем 18 полков по 3 батальона в каждом. К ним присоединяются 10 стрелковых батальонов (берсальеры), по батальону на каждую

бригаду, так что количество обученной легкой пехоты в сардинской армии сравнительно выше, чем в какой бы то ни было иной.

Сверх этого при каждом полку имеется запасный батальон.

С 1849 г. состав батальонов сильно уменьшен по финансовым соображениям. В военное время батальон должен состоять из 1 000 человек, в мирное же время в нем не больше 400 человек, остальные отпущены домой на неопределенное время.

Кавалерия состоит из 4 полков тяжелой и 5 полков легкой конницы. В каждом полку — 4 полевых эскадрона и 1 запасный. В военное время полк в своих полевых эскадронах должен иметь приблизительно 800 человек, но в мирное время число их едва ли доходит до 600.

Артиллерия состоит из 1 полка рабочих и ремесленников, 1 полка гарнизонной артиллерии (10 рот) и 1 полка полевой артиллерии (6 пеших, 2 конных, 2 тяжелых батареи с 8 пушками в каждой). В легких батареях — по 8 однофунтовых пушек и 24 однофунтовых гаубицы, в тяжелых батареях — по 16 однофунтовых пушек, общее число пушек — 80.

Полк саперов и минеров насчитывает 10 рот, или приблизительно 1 100 человек. Карабинеры (конные и пешие) — очень многочисленны для такого маленького королевства, число их доходит до 3 200 человек. Легкая конница, несущая полицейскую службу в Сардинии, состоит приблизительно из 1 100 человек.

В первую кампанию против Австрии, в 1848 г., сардинская армия насчитывала, наверное, не меньше 70 000 человек. В 1849 г. численность ее дошла до 130 000 человек. После этого она была сокращена приблизительно до 45 000. Каковы ее силы в настоящий момент, невозможно определить, но несомненно, что после заключения договора с Англией и Францией она снова была увеличена.

Эта огромная эластичность пьемонтской армии, позволяющая ей в любое время увеличивать и уменьшать количество войск, находящихся под ружьем, объясняется системой рекрутирования, весьма близкой к прусской системе. И действительно, Сардиния во многих отношениях может быть названа итальянской Пруссией. В подчиненных Сардинии областях каждый гражданин точно так же обязан служить в армии, с той, однако, разницей по сравнению с Пруссией, что разрешено ставить вместо себя заместителей; срок, в течение которого гражданин считается военнообязанным, состоит, как и в Пруссии, из периода действительной службы и периода, когда солдат покидает ряды войск и остается в резерве, откуда он может быть призван в случае войны. Система эта занимает среднее место между прус-

ской системой и той, которая принята в Бельгии и в малых германских государствах. Таким образом, посредством призыва резервов пехота свой состав в 30 000 человек может увеличить до 80 000. Кавалерия и артиллерия усилятся лишь незначительно, так как обычно солдат этих родов оружия остается в своих полках в течение всего срока своей службы.

Пьемонтская армия в отношении внешнего вида и вышколенности не уступает ни одной европейской армии. Подобно французам, пьемонтцы невысоки ростом, особенно в пехоте: средний рост гвардейца не достигает и 5 футов 4 дюймов. Но благодаря своей изящной обмундировке, воинскому виду, крепкому и легкому сложению и тонким итальянским чертам лица они производят лучшее впечатление, чем любые другие части с более рослым составом. Форма и снаряжение в линейной пехоте и в гвардии следует французским образцам, заимствуя кое-какие подробности у австрийцев. У берсальеров — особая форма: матросская шапочка с пучком петушиных перьев и коричневый сюртук. Кавалеристы носят коричневые жакеты, доходящие до колен. Пехота вооружена пистонными ружьями, но у берсальеров — короткие тирольские винтовки, которые, несмотря на все свои достоинства, много уступают винтовке Минье. Первый ряд в кавалерии был обычно вооружен пиками; сохранился ли и теперь этот обычай в легкой коннице, мы не можем сказать. Восьмифунтовый калибр в конных и легких пеших батареях дает им то преимущество над прочими континентальными армиями, какое имели французы, пока сохраняли у себя этот калибр. Но их тяжелые батареи с шестнадцатифунтовыми пушками делают их самой тяжелой полевой артиллерией на континенте. Что пушки эти, после того как они установлены, могут оказать хорошую службу, показала битва у речки Черной, где их меткая стрельба не в малой степени поспособствовала успеху союзников и вызвала всеобщее восхищение.

Из всех итальянских областей Пьемонт по своим территориальным условиям больше всего способен создать хорошую армию. Равнины на берегах По и его притоков производят великолепных лошадей и красивую, рослую породу людей, самых высоких из итальянцев, отлично приспособленных к службе в кавалерии и в тяжелой артиллерии. Горы, обступающие эти равнины с трех сторон — с севера, с запада и с юга, — населены крепкими людьми, не такими рослыми, но сильными и энергичными, трудоспособными и смышленными, как все горцы. Они образуют ядро пехоты, особенно же берсальерских частей, которые почти не уступают венсенским егерям по вышколенности, но безусловно превосходят их физической силой и выносливостью.

Военные школы Пьемонта в общем стоят на высоком уровне, и поэтому офицерский состав очень хорош. Однако до 1846 г. аристократия и духовенство оказывали большое влияние на офицерские назначения. До этого времени Карл-Альберт знал только два способа управлять — с помощью духовенства и с помощью армии; в других частях Италии говорили, что из трех лиц, которых вы встретите в Пьемонте, один непременно окажется солдатом, другой монахом и только третий штатским человеком. В настоящее время положение резко изменилось; духовенство утратило большую долю своего влияния, и хотя много офицерских мест осталось за дворянством, кампании 1848 и 1849 гг. в известной мере придали армии демократический характер, который не так-то легко стереть. Некоторые английские газетные корреспонденты из Крыма утверждали, что почти все пьемонтские офицеры — «по происхождению дворяне». Но это далеко не так; я лично знаю многих пьемонтских офицеров, бывших раньше рядовыми, и берусь утверждать, что большинство нынешних капитанов и лейтенантов состоит либо из людей, заслуживших эполеты своей храбростью в борьбе против австрийцев, либо из лиц, по крайней мере никак не связанных с аристократией.

Мы полагаем, что величайший комплимент, который может быть сделан пьемонтской армии, заключается в мнении, высказанном ее недавним противником, генералом Шонгальсом, главным квартирмейстером австрийской армии в 1848 и 1849 гг. В своих «Воспоминаниях об итальянских кампаниях» этот генерал, один из лучших офицеров австрийской армии и человек, которому весьма не по душе все, что пахнет итальянской независимостью, говорит о пьемонтской армии с величайшим уважением. «Их артиллерия, — заявляет он, — состоит из отборных людей под командой дельных и знающих свое дело офицеров; материал очень хорош, а калибр лучше нашего». «Кавалерия имеет большие достоинства; первый ряд вооружен пиками, но ввиду того, что только исключительно хороший наездник в состоянии владеть этим оружием, мы не решились бы назвать это нововведение рациональным. Впрочем, их школа верховой езды стоит на высоком уровне». «При Санта-Лучиа обе стороны бились с поразительным мужеством. Пьемонтцы атаковали очень энергично и с большим натиском; как пьемонтцы, так и австрийцы показали образцы большого личного мужества». «Пьемонтская армия имеет право не краснеть вспомнить о битве при Новаре», и т. д.

Точно так же прусский генерал Виллизен, бывший очевидцем части кампании 1848 г. и относящийся отрицательно к итальянской независимости, высоко оценивает пьемонтскую армию.

С 1848 г. некоторые круги в Италии смотрят на короля Сардинии как на будущего главу всего полуострова. Хотя мы и не разделяем этого мнения, мы все же думаем, что если итальянцам суждено отвоевать свою свободу, то пьемонтская армия сыграет в этом решающую роль и образует вместе с тем ядро итальянской армии. Прежде чем это произойдет, в самом Пьемонте произойдет еще не одна революция, но заключенные в нем превосходные воинские элементы все это переживут и даже выиграют от включения в действительно национальную армию.

ОСТАЛЬНЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ АРМИИ.

Папская армия существует, повидимому, только на бумаге. Состав батальонов и эскадронов никогда не бывает полон, и они образуют лишь слабые дивизии. Имеется еще полк швейцарской гвардии, — единственная часть, на которую правительство может хоть сколько-нибудь опереться. Тосканская, пармская и моденская армии слишком незначительны, чтобы останавливаться на них; достаточно сказать, что в общем они организованы по австрийскому образцу. Остается еще неаполитанская армия, но и о ней лучше всего не распространяться. Она никогда не проявляла доблести перед лицом неприятеля, и воевала ли она за короля, как в 1799 г., или за конституцию, как в 1821-м, всегда отличалась тем, что пускалась в бегство. Даже в 1848 и 1849 гг. туземная неаполитанская армия терпела от инсургентов поражение за поражением, и если бы не швейцарцы, король-Бомба не сидел бы теперь на троне. Во время осады Рима Гарибальди с горстью солдат выступил против неаполитанской дивизии и дважды разбил ее. В мирное время сила неаполитанской армии оценивается в 26 — 27 тысяч человек, но в 1848 г. она, говорят, насчитывала 49 000 и полный ее состав достигает будто бы 64 000. Из всех этих войск только швейцарцы заслуживают внимания. Они образуют 4 полка по 2 батальона в каждом; при полном составе батальон должен состоять из 600 человек, и все 4 полка — из 4 800. Но в настоящее время кадры переполнены, так что в каждом батальоне — 1 000 человек (четвертый, Бернский, батальон насчитывает даже 2 150), и общее количество швейцарцев равно приблизительно 9 000 чел. Это действительно первоклассные войска под командой своих собственных офицеров, независимые в своей внутренней организации и в своем управлении от неаполитанского правительства. Впервые они были приняты на службу в 1824 или 1825 г., когда король, не доверяя больше своей еще недавно бунтовавшей армии, счел необходимым окружить себя сильной лейб-гвардией. С различными

кантонами были на тридцать лет заключены договоры или, как они назывались, «капитуляции»; за швейцарскими войсками были обеспечены свой собственный военный материал и своя военная организация, оплачивались они втрое выше туземных неаполитанских солдат; войска рекрутировались из добровольцев в кантонах, где действовали вербовочные бюро. Офицерам в отставке, ветеранам и раненым были обеспечены пенсии. Если по истечении тридцати лет капитуляция не возобновлялась, то полки должны были быть распущены. Нынешняя швейцарская конституция запрещает вербовку на иностранную службу, и поэтому в 1848 г. капитуляции были аннулированы; вербовка в Швейцарии была, по крайней мере официально, приостановлена, но в Классо и в других местах Ломбардии были организованы кадровые части, и много вербовочных агентов тайно продолжали свою работу на швейцарской территории. Неаполитанское правительство так жаждало рекрутов, что не отказалось даже от услуг политических эмигрантов, находившихся тогда в Швейцарии. Ввиду этого неаполитанский король подтвердил привилегии, установленные капитуляциями для швейцарских солдат, и в августе прошедшего года, когда истекли обусловленные договором тридцать лет, в специальном декрете вновь продлил привилегии на все то время, на какое швейцарцы останутся у него на службе.

ШВЕЙЦАРСКАЯ АРМИЯ

В Швейцарии нет настоящей национальной армии: каждый швейцарец обязан служить в ополчении, если он годен к военной службе. Ополчение делится на три возрастные категории (*Auszug*, *Erstes Aufgebot*, *Zweites Aufgebot*). Молодые люди в течение первых лет службы призываются отдельно для обучения и время от времени подвергаются лагерному обору. Но всякий, кому довелось видеть неуклюжую поступь и нескладный вид швейцарского отряда или слушать шутки, которыми молодые солдаты обмениваются с обучающим их сержантом, должен признать, что их воинские качества развиты очень слабо. О том, что представляет собою в боевом отношении ополчение, мы можем судить только по войне Зондербунда в 1848 г., отличавшейся необыкновенно ничтожным уроном по сравнению с участвовавшими в ней силами. Организация ополчения почти всецело находится в руках отдельных кантональных правительств, и хотя ее общие формы установлены федеральным законом и во главе стоит федеральный штаб, вся эта система не может не приводить к путанице и отсутствию единообразия, так как она неизбежно препятствует рациональному сосредоточению припасов, введению улуч-

шений и систематическому укреплению военных пунктов, особенно там, где Швейцария слаба, — на ее границе с Германией.

Швейцарцы, подобно всем горцам, — прекрасные солдаты, если их обучить военному делу. Повсюду, где они служили в качестве регулярных войск под чужими знаменами, они сражались чрезвычайно хорошо. Но ввиду их интеллектуальной косности они нуждаются в гораздо большей муштровке, чем французы или северные немцы, чтобы получить спайку и чувство уверенности в себе. Возможно, что в случае нападения на Швейцарию со стороны иностранного государства, патриотизм поможет швейцарцам дать отпор, но и это весьма сомнительно. Регулярная армия в 80 000 человек и даже меньше наверное справится с теми 160 000 и больше, которых швейцарцы, по их словам, могут выставить. В 1799 г. французы обошлись всего несколькими полками.

Швейцарцы очень гордятся своими исключительными стрелками. Несомненно, что в Швейцарии сравнительно больше хороших стрелков, чем в какой бы то ни было другой европейской стране, за исключением альпийских владений Австрии. Но когда видишь, что почти все эти мастера стрельбы вооружены в армии нескладным пистонным ружьем, уважение к швейцарским стрелкам значительно падает. Немногие стрелковые батальоны состоят, вероятно, из отличных стрелков, но их короткие и тяжелые штуцеры — устаревшее оружие, ничего не стоящее по сравнению с винтовкой Минье, а швейцарский медленный способ зарядки посредством насыпания пороха из рожка не сулит большого успеха против войск, вооруженных более совершенным оружием.

Вооружение, снаряжение, организация, система обучения — все в швейцарской армии носит устарелый характер, и по всей вероятности это так и останется, пока кантональное правительство будет причастно к этому делу.

СКАНДИНАВСКИЕ АРМИИ.

Шведская и норвежская армии, хотя и объединены под знаменами одного и того же государя, существуют отдельно друг от друга, как и страны, которым они принадлежат. В противоположность Швейцарии, эти горные государства обладают постоянными армиями. Но природой своей почвы, а следовательно и бедностью и редкостью своего населения, скандинавский полуостров так родствен Швейцарии, что и здесь доминирует та же система, а именно система ополчения.

У Швеции три категории войск — полки, набранные посредством добровольной записи (*värfvade trupper*), провинциальные

полки (*indelsta trupper*) и резервные войска. *Värfvade* состоят из 3 полков пехоты, по 2 батальона в каждом, 2 полков кавалерии и 3 полков артиллерии с 13 пешими и 4 конными батареями, имеющими 96 шестифунтовых, 24 двенадцатифунтовых и 16 двадцатичетырехфунтовых пушек. В общем это составляет 7 700 человек и 136 пушек.

Эта категория включает в себе всю артиллерию шведской армии.

Indelta образуют 20 провинциальных полков по два батальона в каждом с пятью отдельными батальонами пехоты и шесть полков кавалерии с числом эскадронов, колеблющимся между одним и восемью. Предполагается, что численность этих войск равна 33 000.

Резервные войска образуют главную массу армии. Их созыв должен дать до 95 000 человек.

Кроме того, имеется в Готланде особое, находящееся всегда под ружьем ополчение, которое насчитывает 7 850 человек и расчлениено на 21 роту с 16 отрядами. Итак, в общей сложности, шведская армия насчитывает около 140 000 человек и 150 полевых орудий.

Срок службы добровольцев в полках первой категории равен обычно 14 годам, но закон разрешает вербовать и на три года. *Indelta* представляют собой ополчение, живущее в предоставленных им и их семьям фермах; лагерный сбор имеет место только один раз в год и продолжается четыре недели. Их оплата состоит в доходе с занимаемых ими ферм, но во время призыва они получают особое вознаграждение. Офицеры также получают в аренду у себя в областях участки коронной земли. Резервы состоят из всех годных к военной службе шведов в возрасте от 20 до 25 лет. После краткого обучения они распускаются по домам и после этого призываются ежегодно на две недели. Таким образом, за исключением немногочисленной категории *värfvade* и готландских войск, вся масса шведской армии — *indelsta* и резервы — во всех отношениях представляет собой ополчение.

В военной истории шведы занимают место, резко противоречащее скудости населения, из которого набирались их армии. Густав-Адольф во время Тридцатилетней войны своими реформами открыл новую эру в области военного дела. Карл XII, чей огромный военный талант погубила страсть к авантюрам, заставил шведов продельвать чудеса, — например, брать окопы кавалерийской атакой. В последних войнах против России шведы показали себя с наилучшей стороны; в 1813 г. Бернадот по возможности не подвергал риску свои войска, и шведы почти не были под огнем, разве только слу-

чайно, за исключением битвы под Лейпцигом, где они составляли лишь ничтожную часть союзных сил. Värfvade, а также и indelta, всегда поддержат славу шведского оружия; но резервы, если их не созвать и не обучать в течение долгого времени перед военными действиями, могут сражаться лишь как армии рекрутов.

У Норвегии — 5 бригад пехоты, содержащих 22 батальона или 12 000 человек, 1 бригада кавалерии, состоящая из 3 дивизионов егерей (1 070 человек), и 1 полк артиллерии, насчитывающий около 1 300 человек. Кроме того, в резерве — ополчение из 9 000. Следовательно, общая численность норвежской армии равняется приблизительно 24 000 человек. Характер этой армии мало чем отличается от характера шведской армии. Единственная черта отличия, это — небольшое число егерских рот, снабженных лыжами, на которых они при помощи длинных палок, подобно лопарям, быстро передвигаются по снегу.

Датская армия состоит из 33 батальонов пехоты (1 гвардейского, 12 линейных, 5 легких и 5 егерских), объединенных в 4 бригады, причем каждый батальон в мирное время насчитывает около 700 человек; 3 бригад кавалерии (3 гвардейских эскадронов, 6 драгунских полков по 4 эскадрона в каждом, с 140 саблями в эскадроне мирного времени); 1 артиллерийской бригады (2 полка с 12 батареями, имеющими 80 шестифунтовых и 16 двенадцатифунтовых пушек) и 3 саперных рот. Общая численность — 16 630 человек пехоты, 2 900 человек кавалерии и 2 900 артиллерии и саперных частей с 96 орудиями.

В военное время состав каждой роты доводится до 200 человек, состав батальона до 800 человек и состав эскадрона до 180 человек, так что численность всех линейных войск достигает 25 500 человек. Кроме того, могут быть призваны из резерва 32 батальона, 24 эскадрона и 6 батарей — в общем 31 500 человек, что дает возможность усилить армию до 56 — 57 тысяч человек. Но и это количество в случае нужды может быть увеличено; в последнюю войну одна Дания, без Голштинии и Шлезвига, выставила от 50 до 60 тысяч чел., а в указанных герцогствах она вновь имеет право производить набор.

Армия рекрутируется посредством жеребьевки из молодых людей, начиная с двадцатидвухлетнего возраста. Срок службы — 8 лет, но в действительности артиллеристы служат 6 лет, а солдаты линейных войск остаются в полках только 4 года, остальное же время находятся в резерве. В возрасте от 30 до 35 лет датчане принадлежат к первой категории ополчения, а в возрасте от 35 до 45 лет — ко второй его категории. Все это очень хорошо организовано, но в случае войны с Германией почти половина датских войск, — набранных

в герцогствах — развалится и обратит оружие против нынешних своих товарищей. Как раз эта сильная примесь шлезвиг-голштинцев является слабой стороной датской армии, что фактически делает ее почти совершенно бессильной против ее наиболее мощного соседа.

Со времени реорганизации в 1848—1849 гг. датская армия хорошо снаряжена, хорошо вооружена и во всех отношениях поднята на высокий уровень. Уроженец собственно Дании — хороший солдат, отлично зарекомендовавший себя почти во всех боях трехлетней войны, но шлезвиг-голштинец, несомненно, обнаружил превосходство над ним. Офицерский состав в общем хорош, но в нем слишком много аристократии и слишком мало научной подготовки. Офицерские донесения всегда составлены очень небрежно, как и донесения британских офицеров; сходство датских войск с британскими состоит еще в том, что они отличаются малой подвижностью; но им еще не удалось показать несокрушимую выдержку, обнаруженную победителями при Инкермане. Датчане — отличные артиллеристы, сохраняющие такое же хладнокровие во время действия, какое характерно для их сородичей, англичан. Хотя и жители равнины, они весьма приспособлены к легкой пехотной службе; их первый стрелковый батальон в 1850 г. мог соперничать с любой частью того же рода оружия.

ГОЛЛАНДСКАЯ АРМИЯ.

Голландская армия состоит из 36 батальонов пехоты, объединенных в 9 полков и насчитывающих 44 000 человек, из 4 драгунских полков (20 эскадронов), 2 эскадронов конных егерей и 2 эскадронов жандармов (все 24 эскадрона кавалерии насчитывают 4 400 человек), из 2 полков полевой артиллерии (5 шестифунтовых и 6 двенадцатифунтовых пеших батарей и 2 шестифунтовых и 2 двенадцатифунтовых конных батарей) с 120 орудиями и из одного саперного батальона. Общая численность равна 58 000 человек, не считая нескольких полков в колониях. Но армия эта не всегда имеется налицо в мирное время. Под ружьем находится ядро, состоящее из офицеров, унтер-офицеров и небольшого количества завербованных рядовых. Вся остальная масса, хотя и обязана служить в течение 5 лет, на деле обучается в течение двух-трех месяцев, а после этого распускается по домам, чтобы потом ежегодно отбывать в течение нескольких недель лагерный сбор. Сверх того имеются три категории резерва, в которые входят все годные к военной службе граждане в возрасте от 20 до 35 лет. Первая категория образует 53 батальона пехоты и

артиллерии, а вторая — 29 батальонов. Но эти части совершенно не организованы, и их нельзя рассматривать даже как ополчение.

БЕЛЬГИЙСКАЯ АРМИЯ.

Бельгийская пехота состоит из 16 полков, содержащих 49 батальонов, кроме резервного батальона при каждом полку; всего в ней людей — 46 000. Кавалерия состоит из 2 полков егерей, 2 полков уланов, 1 полка наблюдателей, 2 полков кирасиров — в общем 36 эскадронов, кроме 7 резервных эскадронов, насчитывающих 5 800 человек. Артиллерия состоит из четырех полков (4 конных, 15 пеших, 4 кадровых батарей и 24 гарнизонных рот) с 152 пушками, шести- и двенадцатифунтовыми. Кроме того, имеется один полк саперов и минеров, насчитывающий 1 700 человек. Без резерва общая численность армии равна 62 000 человек; вместо с резервом, как показал последний призыв, численность ее может быть доведена до 100 000 человек. Армия рекрутируется жеребьевкой; срок службы — 8 лет, но больше половины этого времени проводится в отпуску. Таким образом, в мирное время военные силы Бельгии вряд ли достигают 30 000 человек.

ПОРТУГАЛЬСКАЯ АРМИЯ.

Португальская армия в 1850 г. состояла из следующих войск:

	В мирное время	В военное время
Пехота	18 738	40 401
Кавалерия	3 508	4 676
Артиллерия	2 707	4 098
Инженерные и штабные войска .	728	495
	<hr/> 25 681	<hr/> 99 670

Артиллерия состоит из 1 полевого полка с 1 конной и 7 пешими батареями, 3 полков для гарнизонной службы и 3 отдельных батальонов на островах. Калибр — 6 и 12 фунтов.

ИСПАНСКАЯ АРМИЯ.

Из всех европейских армий испанская ввиду особых условий представляет наибольший интерес для Соединенных Штатов. Поэтому, заканчивая обзор военных сил в Европе, мы уделим ей больше внимания, чем она, казалось бы, заслуживает по своему значению, если сопоставить ее с армией ее соседей по другую сторону Атлантического океана.

Испанские военные силы состоят из армии внутри страны и колониальных армий.

В первую входит 1 полк гренадеров, 45 линейных полков по 3 батальона в каждом, 2 полка двухбатальонного состава в Цеупсе и 13 батальонов негров (*cafaadores*). Все эти 160 батальонов насчитывали в 1852 г. 72 670 человек, стоивших государству ежегодно 82 692 651 реал, или 10 336 581 доллар. Кавалерия состоит из 16 полков карабинеров, драгунов и уланов по 4 эскадрона в каждом, с 11 эскадронами егерей, или легкой конницы, в 1851 г., — всего 12 000 человек, обходившихся государству в 17 549 562 реала, или 2 193 695 долларов.

Артиллерия состоит из 5 пеших полков по 3 бригады в каждом, по одному полку для каждой части королевства, из 5 бригад тяжелой артиллерии, 3 конных и 3 горных, — в общем из 26 бригад, или, как их теперь называют, батальонов. В конно-артиллерийском батальоне 2 батареи, в горном и пешем — 4. Все 96 пеших и конных батарей имеют при себе 588 полевых пушек.

Саперы и минеры образуют полк в 1 240 человек.

Резерв состоит из 4 батальонов для каждого пехотного полка и кадрового эскадрона для каждого кавалерийского полка.

Совокупность военных сил — на бумаге — в 1851 г. исчислилась в 103 000 человек; в 1843 г. после падения Эспартеро она равнялась лишь 50 000; но одно время Нарваес поднял число до 100 000. В среднем можно считать, что под ружьем находится самое большее 90 000 человек.

Состав колониальных армий следующий:

1) Кубинская армия состоит из 16 пехотных полков ветеранов, 4 рот добровольцев, 2 полков кавалерии, 2 полков (по четыре батареи) пешей и 1 батальона (из 4 батарей) горной артиллерии, 1 батальона (из 2 батарей) конной артиллерии и 1 батальона саперов и минеров. Кроме этих линейных войск, имеется еще *milicia disciplinada* [обученная милиция] из 4 батальонов и 4 эскадронов и *milicia urbana* [городская милиция] из 8 эскадронов — в общей сложности 37 батальонов, 20 эскадронов и 54 орудия. За последние годы эта постоянная кубинская армия усилена многочисленными частями из Испании, и если ее первоначальную численность мы примем в 16—18 тысяч человек, то теперь на Кубе, пожалуй, тысяч 25—28. Но подсчет этот лишь приблизительный.

2) Порторикская армия состоит из 3 пехотных батальонов ветеранов, 7 батальонов обученной милиции, 2 батальонов местных добровольцев, 1 эскадрона таких же добровольцев и 4 батарей пе-

шей артиллерии. Беспорядочное состояние большинства испанских колоний не дает возможности сколько-нибудь точно определить численность этой армии.

3) Филиппинская армия состоит из 5 полков пехоты по 8 рот в каждом, из 1 полка люзонских стрелков, 9 пеших батарей, 1 конной и 1 горной. Отряд (?) из 5 батальонов туземной пехоты и другие провинциальные отряды, которые существовали раньше, были распущены в 1851 г.

Армия рекрутируется посредством жеребьевки, допускаются заместители. Ежегодно набор дает контингент в 25 000 человек; в 1848 г. были призваны три контингента — 75 000 человек.

Своей нынешней организацией испанская армия обязана главным образом Нарваесу, хотя уставы, введенные Карлом III в 1768 г., до сих пор образуют ее основу. Нарваес отнял у полков их старые провинциальные флаги и заменил их общим испанским флагом; точно так же он уничтожил провинциальную организацию, централизовал армию и внес в нее единообразие. Зная слишком хорошо по опыту, что деньги — основной двигатель для такой армии, которая почти никогда не оплачивалась и редко бывала одета и накормлена, он попытался внести большую правильность в ее финансовое управление и в выплату жалованья. Имел ли он успех во всех своих начинаниях, неизвестно, но все введенные им улучшения быстро исчезли во время управления Сарториуса и его преемников. Нормальное положение — «никакой оплаты, никакого питания, никакой одежды» — было всецело восстановлено, и в то время как высшие чины и офицеры щеголяют в мундирах, сверкающих золотом и серебром, и даже носят форму, не предусмотренную никаким уставом, солдаты ходят в отрепьях и без обуви. Один английский офицер так описывает состояние испанской армии 10—12 лет тому назад: «Вид испанских солдат до последней степени не военный. Часовой ходит взад и вперед около своего поста, причем шапка еле держится у него на затылке, а ружье болтается на плече, и с самым непринужденным видом напевает какую-нибудь веселую сегедилью [песню]. Часто в его обмундировании не хватает весьма существенных частей или же мундир и штаны представляют собой такие безнадежные отрепья, что даже в летнее время он принужден надеть поверх них серую шинель; башмаки в двух случаях из трех совершенно разорваны и из них торчат голые пальцы. Таковы в Испании прелести военной жизни!»

Приказ, изданный Сerrано 9 сентября 1843 г., предписывает, чтобы «все офицеры и высшие чины армии в общественных местах впредь появлялись в форме своего полка и с шашкой установленного

образца, если они не в штатском; офицеры обязаны также носить точные знаки своих чинов; все другие знаки и всякие произвольные и смешные украшения, которыми многие из них считают возможным пеголять, воспрещаются». Это относится к офицерам, а вот что можно процитировать о солдатах:

«Бригадный командир Кордова открыл в Кадиксе подписку — его имя фигурирует на первом месте — для сбора суммы, необходимой для поднесения по паре суконных штанов каждому из отважных бойцов Астурийского полка».

Эта финансовая неурядица объясняет тот факт, что с 1808 г. испанская армия находится в состоянии почти непрерывного мятежа. Но истинные причины этого лежат глубже. Длительная война с Наполеоном, в которой разные войсковые части и их вожди получали политическое влияние, впервые придала испанской армии преторианскую окраску. Много энергичных людей с революционных времен остались в армии; включение партизан в регулярные войска еще усилило этот элемент. Таким образом, высшие командные лица сохранили свои преторианские вождения, а солдаты и низшие офицерские чины пропитаны революционными традициями. Все это непрерывно подготовляло восстание 1819—1822 гг., а позднее, в 1833—1843 гг., гражданская война снова выдвинула на авансцену армию и ее вождей. Используемая всеми партиями в качестве орудия, испанская армия должна была рано или поздно взять в свои руки правительственную власть.

«Испанцы — воинственный, но не военный народ», — сказал аббат де-Прадт. Несомненно, что из всех европейских народов они питают наибольшую антипатию к военной дисциплине. Тем не менее возможно, что народ, который в течение века и больше славился своей пехотой, снова создаст армию, которой сможет гордиться. Но чтобы это стало возможным, необходимо изменить не только военную систему, но в еще гораздо большей степени весь строй гражданской жизни.

ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

*ВОССТАНИЕ В МАДРИДЕ.

Лондон, 4 июля 1854 г.

Давно уже ожидавшееся военное восстание в Мадриде наконец совершилось, произведенное под руководством генералов О'Доннелля и Дульсе. Французские правительственные газеты спешат сообщить, что, по полученным ими сведениям, испанское правительство уже преодолело опасность и что восстание подавлено. Но мадридский корреспондент «Morning Chronicle», дающий подробное описание восстания и приводящий текст прокламации инсургентов, пишет, что последние лишь удалились из столицы, чтобы соединиться с гарнизоном Алкалы, и что, если Мадрид останется пассивным, повстанцы легко смогут достичь Сарагоссы.

Если настоящее движение окажется более успешным, чем последнее восстание в этом городе, то результатами его будет отвлечение Франции от военных действий, что послужит предметом разногласий ее с Англией, а также, вероятно, увеличение существующих осложнений между Испанией и правительством Соединенных Штатов.

* ПОДРОБНОСТИ МАДРИДСКОГО ВОССТАНИЯ.

Лондон, 7 июля 1854 г.

Известия, которые мы получаем о военном восстании в Мадриде, продолжают носить чрезвычайно противоречивый и отрывочный характер. Все мадридские телеграммы являются, конечно, правительственными сообщениями, и такой же степенью достоверности обладают бюллетени, опубликованные в «Gaceta». Обзор скудного имеющегося в моем распоряжении материала, — вот все, что я могу предложить читателям «Трибуны».

Необходимо припомнить, что О'Доннель был одним из тех генералов, которые были изгнаны королевой в феврале этого года; отказавшись повиноваться, он скрывался в Мадриде и из своего тайного убежища поддерживал сношения с гарнизоном Мадрида, особенно с Дульсе, генерал-инспектором кавалерии. Правительство было осведомлено о его пребывании в Мадриде, а в ночь на 27-е июня военный министр генерал Бласер и капитан-генерал Новой Кастилии Лара получили предупреждения о предполагаемом начале восстания, которое должно произойти под руководством генерала Дульсе. Однако ничего не было сделано, чтобы предупредить или задуть восстание в его зародыше. 28 июня генерал Дульсе смог поэтому без какого-либо затруднения собрать 2 000 человек кавалерии под предлогом смотра и выступить с ними из города, в сопровождении О'Доннеля, с целью похитить королеву, находившуюся в Эскуриале. План, однако, не удался, и королева 29-го прибыла, в сопровождении председателя Совета, в Мадрид, где производила смотр, в то время как инсургенты захватывали соседние местности вокруг столицы. К восставшим присоединился полковник Эчаге с 400 солдат полка «Принца», захвативший наличную кассу полка в сумме 1 000 000 франков. 29-го вечером из Мадрида была отправлена, под начальством генерала Лары, колонна, состоявшая из семи батальонов пехоты, одного полка кавалерии, отряда конных жандармов и двух батарей артиллерии, чтобы встретить мятежников, расположившихся в Venta del Spiritu Santo [Гостинице святого духа] и селе Викальваро. Битва между двумя армиями произошла 30 июня. О ней имеется три отчета:

официальный отчет, адресованный генералом Ларой военному министру и опубликованный в «Gaceta», второй отчет, напечатанный в «Messenger de Bayonne», и третий — мадридского корреспондента «Indépendance Belge», который был очевидцем сражения. Первый из названных отчетов можно найти во всех лондонских газетах и в нем преспокойно передаются в одном месте слова генерала Лары, что он напал на инсургентов, в другом — его же утверждения, что инсургенты на него напали; в одном месте у него есть пленники, в другом он их выпускает, провозглашая победу и возвращаясь в Мадрид, оставляя в конце концов повстанцев хозяевами положения, но покрыв поле мертвыми «врагами», утверждая, что его потери составляют всего лишь тридцать раненых.

«Messenger de Bayonne» передает ход дела следующим образом:

30 июня в 4 часа утра генерал Кесада оставил Мадрид, отправившись во главе двух бригад, чтобы напасть на мятежные войска: Сражение продолжалось недолго. Генерал Кесада получил стремительный отпор, после чего в 7 часов вечера сделал вылазку военный министр генерал Бласер, собравший весь гарнизон Мадрида (замечу, что этот гарнизон состоит приблизительно из 7 000 — 8 000 человек). Начавшаяся немедленно битва продолжалась без перерыва до вечера. Правительственная пехота, испугавшись большого числа инсургентов, построилась в каре. Полковник Гарриго с несколькими эскадронами так стремительно напал на одно из этих каре, что пробился сквозь него, но был встречен огнем прикрытой батареей в пять орудий, картечь которой рассеяла его эскадроны. Гарриго попал в руки войск королевы, но генерал О'Доннель не упустил момента, чтобы соединиться с его эскадронами, и так сильно ударил по пехоте, что совсем расстроил ее ряды, освободил Гарриго и захватил пять артиллерийских орудий. Получив этот удар, войска королевы отступили в Мадрид, куда и прибыли в 8 часов вечера. Один из их генералов, Менсина, был легко ранен. В жестоких схватках у обеих сторон были многочисленные убитые и раненые.

Теперь переходим к отчету «Indépendance», датированному: Мадрид, 1 июля. Этот отчет представляется нам наиболее достоверным. В нем говорится следующее:

Venta del Spiritu Santo и Викальваро были театром жестоких боев, в которых войска королевы были отброшены в сторону Fonda della allegria [Веселая корчма]. Три каре, одно за другим построенные на различных пунктах, были добровольно распущены по приказанию военного министра. Четвертое было построено за Ретиро. Десять эскадронов, под личным начальством О'Доннеля и Дульсе, напали на него в центре (?), в то время как герильеры завладели им с фланга (?). (Трудно понять, что подразумевает корреспондент под «центром» и «флангом», когда атака производится на каре.) Инсургенты дважды доходили до рукопашной битвы с артиллерией, но были отражены картечью. Очевидно, повстанцы намеревались захватить несколько артиллерийских орудий, находившихся на каждом углу каре. С наступлением ночи эшелоны правительственных войск возвратились к Алькарским воротам, где один эскадрон кавалерии, остававшийся еще верным, неожиданно был достигнут отрядом

повстанцев-уланов и вынужден был скрыться за Plaza del toro [Площадь быка]. Воспользовавшись замешательством, вызванным этой неожиданной атакой, повстанцы захватили четыре оставленных артиллерийских орудия. Потери у обеих сторон были приблизительно равные; кавалерия инсургентов сильно пострадала от картечи, но ее копыта почти уничтожили полк de la Reuna Gobernadora [царствующей королевы] и конной жандармерии. Последние известия сообщают, что повстанцы получили подкрепления из Толедо и Вальядолид. Ходят слухи, что генерала Нарваеса ожидают сегодня в Валлекас, где он будет принят генералами О'Доннелем, Рос-де-Олано и Армеро. У Атокских ворот прорыты траншеи. Толпы любопытных наполняют железнодорожную станцию, откуда можно видеть передовые посты генерала О'Доннеля. Все ворота Мадрида, конечно, строго охраняются.

3 часа пополудни, тот же день. Инсургенты в значительном количестве занимают местечко Валлекас, находящееся на расстоянии трех английских миль от Мадрида. Правительство ожидает сегодня прибытия войск из провинций, особенно королевского батальона (Bataillon del Rey). Если верить последним сведениям, эта часть уже присоединилась к инсургентам.

4 часа пополудни. В настоящий момент почти весь гарнизон покидает Мадрид и идет в направлении к Валлекас, чтобы встретить инсургентов, которые обнаруживают чрезвычайную уверенность. Магазины все закрыты. Отставные гвардейцы и все прочие правительственные чиновники спешно вооружены. Сейчас я узнаю, что вчера несколько рот гарнизона присоединились к инсургентам. Мадридским гарнизоном командует генерал Кампузано, про которого неправильно говорили, будто он перешел на сторону повстанцев, генерал Виста-Гермоса и военный министр Бласер. До сих пор еще не подошли подкрепления, которых ожидает правительство; но, как говорят, 4-й линейный полк и 1-й кавалерийский уже оставили Вальядолид и идут быстрым маршем на Мадрид. То же самое утверждают относительно гарнизона Баргос, которым командует генерал Турон. Наконец, генерал Риверо покинул Сарагоссу, ведя с собой значительные части. Ввиду этого нужно ожидать еще более кровавых столкновений.

До 6-го н. м. из Мадрида не поступали ни газеты, ни письма. Только «Moniteur» поместил следующую лаконическую телеграмму, датированную 4-м июля:

Порядок продолжает сохраняться в Мадриде и провинциях.

Согласно одному частному сообщению, инсургенты находятся в Аранхуесе. Если предполагаемая корреспондентом «Indépendance» битва имела своим следствием победу правительства, то тогда не было бы недостатка ни в письмах, ни газетах, ни бюллетенях. Несмотря на осадное положение, провозглашенное в Мадриде, газеты «Clamor Publico», «Nacion», «Diario», «Esperanza» и «Erosa» вновь вышли без уведомления правительства, узнавшего об этом ужасном факте от своего шпиона. Между арестованными в Мадриде называют банкиров Антонио-Гиллермо Морено и Хосе-Мануэля Колада. Издано также предписание об аресте Сихора Сервильяно, маркиза де-Фуентес де-Дуеро, близкого друга маршала Нарваеса. Господа Мон и Пидаль находятся «под надзором».

Было бы преждевременно судить об общем характере этого восстания. Но я могу сказать, что, повидимому, оно не является делом прогрессистской партии, так как генерал Сан-Мигэль остается спокойно в Мадриде. Относительно Нарваеса, наоборот, все сообщения говорят, что он является душой заговора и что королева Христина, влияние которой за последнее время упало благодаря фавориту царствующей королевы Сан-Луису, также не безучастна к этому движению.

За исключением Турции, едва ли о какой-либо другой стране в Европе знают так мало, как об Испании, о которой существуют самые ложные представления. Бесчисленные местные pronunciamientos [восстания] и военные мятежи приучили Европу ставить Испанию на один уровень с императорским Римом эпохи господства преторианцев. Это — совершенно ложное представление, которого придерживаются также и по отношению к Турции поверхностные наблюдатели, воображающие, что жизнь нации погасла только потому, что ее официальная история в течение последнего столетия состояла сплошь из дворцовых революций и мятежей янычаров. Причина этой ошибки заключается в том простом факте, что историки, вместо того, чтобы видеть источник силы этих народов в их провинциальных и местных организациях, ищут его в дворцовых альманахах. То, что носит название «государственных переворотов», так мало задевало испанский народ, что он целиком предоставлял эту ограниченную область изменчивым страстям и мелким интригам придворных фаворитов, генералов, авантюристов и немногих так называемых государственных деятелей, и до сих пор у него было очень мало поводов, чтобы раскаиваться в этом безразличии. Характер новейшей испанской истории заслуживает совершенно иной оценки, чем та, какая давалась до сих пор, и я буду иметь случай подробно остановиться на этом в одной из моих следующих корреспонденций. Что я сейчас могу заметить,—это следующее: не будет ничего удивительного, если из чисто военного восстания на полуострове возникнет всеобщее восстание, поскольку последние финансовые декреты правительства превратили сборщика налогов в настоящего пропагандиста революции.

* ПРОКЛАМАЦИИ ДУЛЬСЕ И О'ДОННЕЛЯ. — УСПЕХИ ИНСУРГЕНТОВ.

Лондон, 18 июля 1854 г.

Как видно из прокламаций Дульсе и О'Доннеля, восстание в Испании вступает в новую фазу: первый из них — сторонник Эспартеро, второй в прошлом решительный приверженец Нарваеса, а в тайне, может быть, и королевы Христины. О'Доннель, убедившись, что в настоящее время невозможно привести в движение испанские города чисто дворцовой революцией, внезапно выдвигает либеральные принципы. Место выпуска его прокламации — Мансанарес, местечко Ламанча, недалеко от Сиудад-Реаль. Прокламация заявляет, что его цель — сохранение трона, но в то же время устранение камарильи, строгое соблюдение основных законов, улучшение избирательного закона и закона о печати, уменьшение налогов, продвижение в гражданской службе, сообразное с заслугой, децентрализация и создание национальной милиции на широкой базе. Прокламация предлагает провинциальные хунты и общее собрание кортесов в Мадриде с поручением им пересмотра законов. Прокламация генерала Дульсе составлена еще энергичнее. Она объявляет:

Нет более прогрессистов и умеренных; все мы — испанцы, берущие за образец людей 7 июля 1822 г. Возврат к конституции 1837 г.; сохранение Изабеллы II на троне; изгнание навсегда королевы-матери; отставка нынешнего министерства; восстановление мира в стране — таковы цели, к которым мы стремимся какою бы то ни было ценою, и мы покажем это на поле чести изменникам, которых покараем за их преступное безумие.

По словам «*Journal des Débats*», в Мадриде были захвачены бумаги и письма, которые будто неоспоримо доказывают, что тайной целью инсургентов является провозглашение трона вакантным, объединение Иберийского полуострова в одно государство, и предложение короны дон-Педро V, принцу Саксен-Кобург-Готскому. Нежное попечение «*Times'a*» об испанском восстании, равно как присутствие вышеназванного дон-Педро в Англии как будто бы показывают, что и в самом деле затеяна какая-то новая кобургская плутня. Очевидно, испанскому двору совсем не по себе, ибо все

возможные министерские комбинации уже перепробованы, после того как содействие Истуриса и Мартинес-де-ла-Роса не помогло. «*Messenger de Bayonne*» утверждает, что граф де-Монтемолен покинул Неаполь сейчас же по получении вестей о восстании.

О'Доннель вступил в Андалузию, перевалив Сьерра-Морену с тремя колоннами, из которых первая шла через Каролину, вторая — через Поццо-Бьянко, а третья — через Деспеньясперрос. «*Gaceta*» признает, что полковнику Бусете удалось внезапно захватить Куэнку; обладая этим пунктом, инсургенты могли легко сообщаться с Валенсией. В этой провинции восстание охватывает в настоящее время четыре или пять городов, помимо Алуры, где правительственные войска потерпели жестокую неудачу.

Кроме того, утверждают, что восстание вспыхнуло также в Реусе, в Каталонии, а «*Messenger de Bayonne*» прибавляет, что были беспорядки в Арагоне.

*** ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. — БОРЬБА ПАРТИЙ. — ПРОНУНЦИАМЕНТО В САН-СЕБАСТИАНЕ, БАРСЕЛОНЕ, САРАГОССЕ И МАДРИДЕ.**

Лондон, 21 июля 1854 г.

«Ne touchez pas à la Reine» [не касайтесь королевы] — таков старинный лозунг кастильцев; однако авантюристка мадам Муньос и ее дочь Изабелла так долго переступали границы дозволенного даже кастильским королевам, что присущие испанскому народу предрассудки лояльности утратили свою силу.

В 1843 г. пронунциаменто длились три месяца, а в 1854 г. они длились едва ли столько же недель. Министерство распущено, граф Сан-Луис бежал, королева Христина пытается добраться до французской границы, а в Мадриде как войска, так и гражданское население объявили себя против правительства.

С самого начала столетия революции в Испании поразительно похожи одна на другую, если не считать движений за провинциальные и местные привилегии, периодически волнующие северные провинции; обычно за каждым дворцовым заговором следуют военные мятежи, которые неизменно сопровождаются муниципальными пронунциаменто. Это явление имеет две причины. Во-первых, мы видим, что то, что мы называем государством в современном смысле, благодаря провинциальной замкнутости народной жизни, имеет, в противовес двору, национальное воплощение только в армии. Во-вторых, особое положение Испании и война на полуострове создали условия, при которых все жизнеспособное в испанской национальности смогло сконцентрироваться только в армии. Таким образом, единственные национальные движения (в 1812 и в 1822 гг.) исходили от нее; вследствие этого способная к движению часть нации привыкла видеть в армии естественное орудие каждого национального восстания. Однако во время смутного периода от 1830 до 1854 г. городам Испании стало ясно, что армия, вместо того, чтобы попрежнему поддерживать дело нации, сделалась орудием соперничества честолюбцев в их стремлении захватить военную опеку над двором. Соответственно этому мы видим, что движение 1854 г. оказывается совершенно иным,

нежели даже движение 1843 г. В глазах народа *emute* [мятеж] генерала О'Доннеля представлял все, что угодно, только не заговор против господствующего влияния при дворе, тем более, что этот мятеж получил поддержку экс-фаворита Серрано. Поэтому города и деревни не решались откликнуться на призыв, исходивший от кавалерии в Мадриде; вот почему генерал О'Доннель был принужден в корне изменить характер своих операций, дабы не остаться одиноким и не обречь себя на неудачу. Ему пришлось включить в свою прокламацию три пункта, одинаково направленных против верховенства армии: созыв кортесов, бережливость в управлении и образование национальной милиции; это последнее требование вызвано желанием городов снова стать независимыми от армии. Итак, не подлежит спору, что военное восстание получило поддержку народного восстания, лишь подчинившись его условиям. Увидим, будет ли оно принуждено сохранить верность этим условиям и выполнить данные обещания.

За исключением карлистов, все партии выпустили свои воззвания — прогрессисты, сторонники конституции 1837 г., сторонники конституции 1812 г., унионисты (требующие аннексии Португалии) и республиканцы. Сообщения о последней партии необходимо принимать с осторожностью, поскольку они подвержены цензуре парижской полиции. Помимо этой борьбы между партиями, разгорается соперничество между военными вождями. Как только Эспартеро услышал об успехах О'Доннеля, он поспешил покинуть свое убежище в Леганесе и провозгласил себя главою движения. Но едва честолюбивый Цезарь-Нарваес узнал, что выступил его старый соперник, Помпей, он тотчас же предложил свои услуги королеве; предложение было принято, и Нарваес получил поручение образовать министерство. Детали, сообщаемые мною дальше, показывают, что далеко не везде военные захватили инициативу; напротив, кое-где им пришлось уступить непреодолимому давлению населения.

Помимо пронунциаменто в Валенсии, о чем я писал в прошлый раз, было еще пронунциаменто в Аликанте. В Андалузии пронунциаменто произошло в Гренаде, Севилье и Хаэне. Кроме того, пронунциаменто охватили следующие города: в Старой Кастилии — Бургос; в Леоне — Вальядолид; в Бискайи — Сан-Себастьян и Витторию; в Наварре — Толозу, Пампелуну и Гипудзкоа; в Арагоне — Сарагосу; в Каталонии — Барселону, Таррагону, Лериду и Герону; говорят также, что пронунциаменто было на Балеарских островах. Согласно письму из Карфагена от 12 июля, ожидалось пронунциаменто также в Мурсии. В письме читаем:

В силу bando [приказа], обнародованного местным военным губернатором, все жители Карфагена, владеющие ружьями и иным оружием, обязаны в течение 24 часов сдать его гражданским властям. По просьбе французского консула, военное управление разрешило французам, обитающим здесь, по примеру 1848 г. сдать оружие в консульство.

Из всех этих пронунциаменто только о четырех стоит поговорить особо, а именно: о пронунциаменто Сан-Себастиана в Бискайи, Барселоны — столицы Каталонии, Сарагоссы — столицы Арагона и Мадрида.

В Бискайи инициаторами пронунциаменто были муниципалитеты, в Арагоне — военные. Муниципалитет Сан-Себастиана высказывался в пользу восстания, когда раздалось требование вооружить народ. Нсмедленно же город был вооружен. До 17-го числа не удавалось принудить составляющие гарнизон два батальона присоединиться к народу. Но после того, как произошло слияние между городским населением и военными, 1 000 вооруженных граждан в сопровождении некоторого количества войск двинулись к Пампелуне и организовали восстание в Наварре. Уже одно появление вооруженных граждан Сан-Себастиана облегчило восстание столицы Наварры. Генерал Сабала присоединился к движению позже и отправился в Байонну, призывая солдат и офицеров Кордовского полка, бежавших туда после своего недавнего поражения при Сарагоссе, тотчас вернуться домой и соединиться с ним в Сан-Себастиане. Согласно некоторым сообщениям, он выступил затем в Мадрид с целью представить себя в распоряжение Эспартеро, между тем как другие известия говорят, что он идет на Сарагоссу, дабы соединиться с арагонскими инсургентами. Генерал Масарредо, командующий в Баскских провинциях, отказался принять участие в пронунциаменто Витории и был принужден удалиться во Францию. Войска генерала Сабалы состоят из двух батальонов Бурбонского полка, батальона карабинеров и отряда кавалерии. В заключение моего рассказа о Баскских провинциях сообщаю, как характерную черту, что бригадир Баркаистеги, назначенный губернатором Гипудэкоа, является одним из бывших адъютантов Эспартеро.

В Барселоне инициатива была, повидимому, захвачена военными, однако, судя по полученным нами дополнительным сведениям, весьма сомнительно, чтобы эта инициатива была вполне добровольна. 13 июля, в 7 часов пополудни, солдаты, расквартированные в казармах Сан-Пуэбло и Буен-Сусесо, уступая демонстрации народной толпы, провозгласили свое пронунциаменто при возгласах: Да здравствует королева! Да здравствует конституция! Смерть министрам!

Долой Христину! «После братания с толпой и совместного с нею шествия по проспекту солдаты остановились на площади Конституции. Кавалерия, которую, по причине недоверия к ней капитан-генерала, в течение предшествующих шести дней не выпускали из казарм, в свою очередь объявила пронунциаменто. С этого момента весь гарнизон перешел на сторону народа, и всякое противодействие властей стало невозможно. В 10 часов военный губернатор, генерал Марчеси, уступил общему давлению, а в полночь капитан-генерал Каталонии объявил свое решение примкнуть к движению. Он явился на площадь Аюнтаменто, заполненную народом, и произнес перед ним речь. 18-го числа была сформирована хунта, в которую вошли капитан-генерал и другие выдающиеся лица, с лозунгом: конституция, королева и нравственность. Дальнейшие известия из Барселоны утверждают, что по приказанию новых властей несколько рабочих были расстреляны за то, что ломали машины и посягнули на чужую собственность, а также, что был арестован республиканский комитет, собравшийся в соседнем городе; впрочем, надо иметь в виду, что эти известия прошли через руки правительства 2 декабря, специальным призыванием которого является клевета на рабочих и республиканцев.

Как говорят, в Сарагоссе инициатива исходила от военных; однако утверждение это опровергается дополнительным замечанием, что тут же было постановлено сформировать корпус милиции. Как достоверно известно и как подтверждает сама мадридская «Gaceta» перед пронунциаменто в Сарагоссе 150 солдат Монтозского кавалерийского полка на квартирах в Торрехоне по пути в Мадрид и в пяти лигах от него возмутились и покинули своих командиров, которые вечером, 13-го числа, прибыли в Мадрид с полковым сундуком. Солдаты, под командой капитана Барайбана, сели на коней и двинулись по дороге к Хуэте, как предполагают, в намерении соединиться с отрядом полковника Бусеты в Куэнке. Что же касается Мадрида, против которого Эспартеро, как говорят, двигается с «армией центра», а генерал Сабала с северной армией, то совершенно понятно, что город, живущий двором, присоединяется к восстанию в последнюю очередь. Еще 15-го сего месяца «Gaceta» опубликовала бюллетень военного министра, утверждающий, что мятежники бегут, а полная энтузиазма лойяльность войск возрастает. Граф Сан-Луис, который, повидимому, очень верно оценил положение в Мадриде, заявил рабочим, что генерал О'Доннель и анархисты лишат их всякого заработка; напротив, в случае победы правительства, оно всем им даст занятие на общественных работах с оплатою по 6 реалов.

(75 центов) в день. Этим маневром Сан-Луис надеялся завербовать под свое знамя наиболее легко воспламеняемую часть мадридского населения. Однако его успех напоминает успех партии «National» в Париже в 1848 г. Приобретенные им союзники превратились вскоре в его опаснейших врагов, ибо суммы, платимые за их поддержку, были истрачены на шестой день. Насколько правительство опасалось прононциаменто в столице, показывает прокламация генерала Лары (губернатора), запрещающая распространение каких-либо известий об успехах восстания. Далее, тактика генерала Бласера, повидимому, ограничивалась старанием предупредить всякий контакт с инсургентами для избежания заразы в собственных войсках. Говорят, что первоначальный план генерала О'Доннеля предусматривал встречу правительственных войск на равнинах Ламанча, столь удобных для действий кавалерии. Однако прибытие экс-фаворита Серрано, поддерживавшего связи с некоторыми из главных городов Андалузии, заставило отказаться от этого плана. Армия конституционалистов решила не оставаться в Ламанче, но итти на Хаэн и Севилью.

Заметим, между прочим, что бюллетени генерала Бласера имеют удивительное сходство с приказами по службе генералов XVI века, которые так потешали Франциска I, и с приказами XVIII века, которые высмеивал Фридрих Великий.

Ясно, что это испанское восстание должно возбудить разногласия между правительствами Франции и Англии; сообщение одной французской газеты, будто бы генерал О'Доннель перед началом восстания скрывался во дворце британского посла, едва ли ослабит опасения Бонапарта на этот счет. В отношениях между Бонапартом и Викторией начинает уже чувствоваться раздражение. Бонапарт ожидал встретить королеву при посадке своих войск на суда в Кале, но ее величество ответила на это желание тем, что в тот же самый день посетила экс-королеву Амелию. С другой стороны, когда английские министры были запрошены о причине неблокирования Белого, Черного и Азовского морей, последние для своего оправдания сослались на союз с Францией. На это Бонапарт ответил в «Moniteur» объявлением о блокаде названных морей, не дожидаясь получения формального согласия от Англии. Наконец, так как посадка французских войск исключительно на британские суда произвела дурное впечатление в Англии, Бонапарт опубликовал список французских судов, предназначенных для той же цели.

ЭСПАРТЕРО.

(ПЕРЕДОВАЯ.)

Революциям свойственна одна особенность: в тот самый момент, когда народ готов уже ринуться вперед и открыть новую эру, он добровольно подпадает под власть иллюзий прошлого и отдает всю свою силу и влияние, добытые с такими жертвами, в руки людей, которые являются представителями народного движения минувшей эпохи или слынут таковыми. Эспартеро — один из таких людей прошлого, которых народ в моменты социальных кризисов по привычке поднимает на плечи и от которых потом ему уже трудно избавиться, как моряку Синдбаду от злого старика, зажавшего его шею ногами. Спросите испанца, принадлежащего к так называемой прогрессистской школе, какова политическая ценность Эспартеро, и он, не задумываясь, ответит вам, что «Эспартеро представляет единство великой либеральной партии; Эспартеро популярен, ибо он выходец из народа; его популярность служит исключительно делу прогрессистов». Правда, он — сын ремесленника, поднявшийся до поста правителя Испании; он вступил в армию простым солдатом, а оставил ее фельдмаршалом. Но если он и символизирует единство великой либеральной партии, то, пожалуй, лишь как посредственность, в которой нейтрализуются все крайности. Что же касается популярности прогрессистов, то без преувеличения можно сказать, что она была потеряна с того момента, когда с самой партии она была перенесена на эту отдельную личность.

Двусмысленный и специфический характер величия Эспартеро полностью доказывается тем простым фактом, что это величие до сих пор никто не сумел объяснить. Между тем как его друзья отделяются общими местами аллегорического свойства, его враги, намекая на странный характер его частной жизни, объявляют его не более, как счастливым игроком. Видно, что и тем, и другим одинаково трудно открыть какую-либо логическую связь между человеком, с одной стороны, его славой и именем — с другой.

Военные заслуги Эспартеро в такой же мере спорны, в какой его политические промахи неоспоримы. В посвященной Эспартеро

объемистой биографии сеньора де-Флореса, много говорится о боевой доблести и военном искусстве, проявленных им в провинциях Чаркас, Пас, Арекипа, Потози и Кочабамба, где он сражался под командой генерала Морильо, которому было поручено вернуть южно-американские государства испанской короне. Однако об общем впечатлении от его американских подвигов, оставшемся в легко возбудимых головах его земляков, достаточно говорит прозвище вождя аякучизма, данное ему самому, и кличка «Аякучосы», данная его приверженцам, — намек на проигранную при Аякучо битву, в которой Перу и Южная Америка были окончательно потеряны для Испании. Во всяком случае Эспартеро представляет весьма оригинального героя, историческое крещение которого ведет не от победы, но от поражения. В семилетней войне против карлистов он ни разу не отличился каким-либо смелым ходом вроде тех, которые его сопернику Нарваесу быстро доставили репутацию воина стального закала. Он, несомненно, обладал даром извлекать все возможное из мелких успехов, но то, что Марото выдал ему последние силы претендента, было исключительно его счастьем; а восстание Кабреры в 1840 г. представляло всего лишь запоздалую попытку гальванизировать труп карлизма. Сам сеньор де-Марлиани, историк новейшей Испании, и притом почитатель Эспартеро, принужден признать, что эту семилетнюю войну можно сравнить только с феодальными войнами мелких владетелей Галлии X века, когда успехи достигались не победами. И еще одна неудача: повидимому, из всех подвигов Эспартеро в Испании самое яркое впечатление оставило если не настоящее поражение, то все же дело для героя свободы весьма странное: он прославился бомбардировкой городов, а именно — Барселоны и Севильи. Если бы испанцы, — говорит один писатель, — захотели его изобразить в образе Марса, они придали бы этому богу вид «разрушителя стен».

Когда в 1840 г. Христина была вынуждена отречься от регентства и бежать из Испании, Эспартеро, вопреки желанию весьма значительной части прогрессистов, принял высшую власть, ограниченную, однако, парламентом. Он окружил себя чем-то вроде камарильи, по внешности действуя, как военный диктатор, в сущности же не пытаясь возвыситься над уровнем обычного конституционного короля. Его милостями пользовались скорее умеренные, чем прогрессисты, которые, за редкими исключениями, не допускались на должности. Не примирив с собою врагов, он постепенно отдалил от себя друзей. Не решаясь разбить оковы парламентского режима, он не сумел ни примириться, ни сработаться с ним, ни сделать из него собственное орудие действия. За три года его диктатуры револю-

ционный дух, в длинной цепи компромиссов, мало-помалу исчезал, а раздоры в прогрессистской партии, никем не сдерживаемые, достигли высшей степени и привели к тому, что умеренные смелым ударом смогли вернуть себе всю власть. Таким образом, авторитет Эспартеро настолько пал, что им же назначенный посол в Париже стал строить ему козни вместе с Христиной и Нарваесом, а его средства настолько оскудели, что он не смог парировать их жалкие интриги и мелкие плутни Луи-Филиппа. Он настолько утратил понимание собственного положения, что пытался идти против общественного мнения, которое только того и ждало, чтобы под каким-нибудь предлогом уничтожить его.

В мае 1843 г., когда от его прежней популярности ничего уже не оставалось, он удерживал при себе Сеана, Сурбано и других членов своей военной камарильи, вопреки открытому требованию их отставки; напротив, он уволил министерство Лопеса, располагавшее значительным большинством в палате депутатов, и упорно отказывался амнистировать изгнанных умеренных, чего в то время требовали все — парламент, народ и даже армия. Это требование попросту означало, что его управление надоело всем. Тогда-то, вдруг, целый ураган пронунциаменто против «тирана Эспартеро» потряс полуостров из конца в конец; это движение по скорости распространения можно сравнить только с нынешним. Умеренные и прогрессисты соединились для общей цели — отделаться от правителя. Кризис захватил его врасплох, роковой час застал его неподготовленным.

Нарваес в сопровождении О'Доннелля, Кончи и Песуэлы с горстью людей высадился в Валенсии. С их стороны от начала до конца — быстрота действия, рассчитанная отвага, энергия и решимость. Со стороны Эспартеро — беспомощные колебания, губительные промедления, вялая нерешительность, беспечная слабость. Меж тем как Нарваес, заставив снять осаду Терруэля, направился в Арагон, Эспартеро покинул Мадрид и целые недели провел в Альбасете в непонятном бездействии. Когда Нарваес привлек на свою сторону корпуса Сеана и Сурбано у Торрехона и пошел на Мадрид, Эспартеро соединился, наконец, с Ван-Галеном и подверг Севилью бесполезной и возмутительной бомбардировке. Затем он стал поспешно уходить с одной позиции на другую, на каждой теряя все новые отряды, пока, наконец, не очутился на морском берегу. Когда он сел на корабль в Кадиксе, то этот город, — последний, где у него еще оставались приверженцы, — послал своему герою последнее прощанье, также объявив себя против него. Один англичанин, живший во

время этой катастрофы в Испании, дает образный рассказ, как Эспартеро постепенно катился с вершины своего величия: «То было не мгновенное ужасное падение после честной битвы, то был медленный спуск, шаг за шагом, без всякой борьбы, от Мадрида к Сиудад-Реаль, от Сиудад-Реаль к Альбасете, от Альбасеты к Кордове, от Кордовы к Севилье, от Севильи к порту св. Марии, а оттуда в широкий океан. Он падал от обоготворения к энтузиазму, от энтузиазма к привязанности, от привязанности к уважению, от уважения к безразличию, от безразличия к презрению, от презрения к ненависти, а ненависть выбросила его в море.

Каким же образом Эспартеро мог снова стать спасителем страны и «мечом революции», как его называют? Такой результат был бы совершенно непонятен, если бы не десять лет реакции, в течение которых Испания страдала под беспощадной диктатурой Нарваеса и под ярмом любимцев королевы, сменивших Эспартеро. Длительные периоды жестокой реакции имеют изумительное свойство ставить на прежнее место павших вождей, потерпевших неудачу в революции. Чем большим воображением одарен народ, — а где оно больше, чем на юге Европы, — тем сильнее его стремление противопоставить лицу, воплощающему деспотизм, лицо, воплощающее революцию. Будучи не в состоянии сразу сымпровизировать такового, народ выкапывает мертвецов своих прежних движений. Разве сам Нарваес не был близок к тому, чтобы стать популярным за счет Сарториуса? Эспартеро, с триумфом вступивший в Мадрид 29 июля, не был реальным существом; то был призрак, имя, воспоминание.

Справедливость требует напомнить, что Эспартеро никогда не выдавал себя за что-либо иное, кроме как за приверженца конституционной монархии; если на этот счет когда-либо существовало сомнение, оно должно было рассеяться ввиду того восторженного приема, который в годы изгнания он встретил в Виндзорском замке и в правящих классах Англии. Когда он прибыл в Лондон, вся аристократия с Веллингтоном и Пальмерстоном во главе устремилась в его дом. Эбердин, в качестве министра иностранных дел, прислал ему приглашение на прием к королеве; лорд-мэр и ольдермены Сити устраивали в честь его тонкие обеды в Мэншен-Хаузе; когда же стало известно, что испанский Цинциннат проводит свой досуг в занятиях садоводством, то не было такого общества ботанического, садоводческого или земледельческого, которое не поспешило бы поднести ему звание своего члена. Он был настоящим львом столицы. В конце 1847 г. амнистия вернула родину испанским изгнанникам, а декрет королевы Изабеллы назначил его сенатором. Однако он

покинул Англию лишь после того, как королева Виктория пригласила его и его герцогиню к столу и, кроме того, оказала ему необычайную честь предложением провести ночь под кровлей Виндзорского замка. Правда, как мы думаем, весь этот блеск, которым окружили его особу, был отчасти вызван мнением, что Эспартеро и раньше, и теперь был представителем британских интересов в Испании. Верно и то, что демонстрации в честь Эспартеро были в некотором роде демонстрациями против Луи-Филиппа.

По возвращении в Испанию он принимал одни за другими депутации и поздравления, а город Барселона отрядил к нему специального посла с поручением оправдать свое дурное поведение в 1843 г. Однако слышал ли кто-либо упоминание его имени во время рокового периода от января 1846 г. до последних событий? Возвысил ли он сам свой голос во время этого мертвого молчания униженной Испании? Говорят ли хотя бы об одном акте патриотической оппозиции с его стороны? Он спокойно удаляется в свое имение в Логроньо, сажает капусту и цветы и дожидается своего часа. Не он пошел к революции, а она сама пришла за ним. Он сделал больше, чем Магомет. Он ждал, чтобы гора пришла к нему, и она действительно пришла. Впрочем, в его поведении надо упомянуть об одном исключении. Когда разразилась февральская революция, а за ней последовало всеобщее потрясение Европы, он побудил сеньора де-Принсипе и нескольких друзей опубликовать брошюру под заглавием «Эспартеро, его прошлое, настоящее и будущее», с целью напомнить Испании, что в ней еще живет человек прошедшего, настоящего и будущего. Вскоре революционное движение во Франции затихло, и человек прошедшего, настоящего и будущего был снова забыт.

Эспартеро родился в Гранатуле, в Ламанче, и, подобно своему знаменитому земляку, он тоже имел свою *idée fixe* [навязчивую идею] — конституцию, и свою Дульцинею Тобозскую — королеву Изабеллу. 8 января 1848 г., когда он вернулся в Мадрид из своего изгнания в Англии, он был принят королевой, — расставаясь с ней, он сказал: «Я прошу ваше величество призвать меня, коль скоро вам понадобится рука, чтобы защищать вас, или сердце, чтобы вас любить». И вот теперь ее величество призвала его, и ее странствующий рыцарь тут как тут, смиряет волны революции, охлаждает массы своим обманчивым спокойствием, дает Христине, Сан-Луису и прочим убежище во дворце и громко исповедует свою нерушимую веру словам невинной Изабеллы.

Как известно, достойная королева, черты которой, как говорят, с каждым годом обнаруживают все более поразительное сходство

с чертами недоброй памяти Фердинанда VII, была объявлена совершеннолетней 15 ноября 1843 г. 21 ноября того же года ей исполнилось всего 13 лет. Олосага, на три месяца назначенный ей в наставники Лопесом, образовал министерство, негодное камарилье и кортесам, недавно избранным под впечатлением первых успехов Нарваеса. Он хотел распустить кортесы и получил дающий ему на это полномочие королевский декрет с подписью королевы, но с пустым местом вместо даты. Вечером 28 ноября декрет был передан Олосаге собственноручно королевой. Вечером 29-го он снова беседовал с нею; но едва он покинул ее, как один из младших статс-секретарей явился к нему на дом, сообщил ему о его отставке и потребовал обратно декрет, к подписанию которого он якобы принудил королеву. Олосага, адвокат по профессии, был слишком тонким человеком, чтобы этим путем попасть в ловушку. Он возвратил документ лишь на следующий день, показав его, по крайней мере, сотне депутатов, с целью доказать, что подпись королевы была сделана ее обычным нормальным почерком. 13 декабря Гонсалес-Браво, назначенный премьером, вызвал к королеве председателей палат, главных мадридских нотаблей, Нарваеса, маркиза де-ла-Санта-Круса и других, дабы ее величество могла сделать заявление относительно происшедшего между ней и Олосагой вечером 28 ноября. Невинная крошка-королева привела их в комнату, где она принимала Олосагу, и в целях их осведомления очень живо, но несколько утрированно разыграла маленькую драматическую сцену. Вот так Олосага запер дверь на задвижку, так он схватил ее за платье, так принудил ее сесть, так водил ее рукой, так вынудил ее подписать под декретом, — словом, так нарушил ее королевское достоинство. Во время этой сцены Гонсалес-Браво записывал ее заявления, а присутствующие осматривали упомянутый декрет, подпись которого, казалось, была сделана с помарками и дрожащей рукой. Таким образом, на основании торжественного заявления королевы Олосага подлежал осуждению по обвинению в оскорблении величества, т. е. либо растерзанию на части четыремя конями, либо, в лучшем случае, к пожизненной ссылке на Филиппины. Но, как мы видели, Олосага принял свои меры. Последовали семнадцатидневные дебаты в кортесах, вызвавшие еще большую сенсацию, нежели знаменитый процесс королевы Каролины в Англии. Защитительная речь Олосаги в кортесах содержит между прочим такие слова: «Если нам говорят, будто слову королевы должно верить без всякого сомнения, то я отвечаю: нет! Обвинение либо есть, либо его нет. Если оно есть, то слово королевы, как и всякое другое, представляет свидетельское показание, и ему я противо-

поставляю свое». В суждении кортесов слову Олосаги было придано больше веса, нежели слову королевы. Позже он бежал в Португалию, спасаясь от подосланных к нему убийц. Таков был первый жест Изабеллы на политической сцене Испании и первое доказательство ее честности. Это все та же малютка-королева, словам которой Эспартеро призывает верить народ и которой он, «меч революции», после одиннадцатилетней школы скандала, предлагает «руку помощи» и «любящее сердце».¹

¹ Далее нами опущена последняя фраза статьи, вставленная редакцией «Трибуны»: «Пусть судят наши читатели, можно ли после этого ожидать от испанской революции каких-либо добрых результатов или нельзя». См. письмо Маркса к Энгельсу от 10 ноября 1854 г. Сочинения, т. XXII, стр. 68. *Ред.*

* КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ ЗА РАБОТОЙ.

Лондон, 8 августа 1854 г.

Баррикады в Мадриде еще не были убраны по требованию Эспартеро, а контр-революция уже принялась за работу. Первой контрреволюционной мерой была безнаказанность королевы Христины, Сарторлуса и их приспешников. Затем последовало образование министерства с участием члена партии умеренных О'Доннеля, в качестве военного министра, причем вся армия была отдана в распоряжение этого старого друга Нарваеса. В списке стоят имена Пачеко, Лухана, дон-Франсиско Санта-Круса; все они—заведомые сторонники Нарваеса, а Пачеко был кроме того членом недоброй памяти министерства 1847 г. Другой, Саласар, назначен единственно за то, что был другом детства Эспартеро. В награду за кровавые жертвы, принесенные народом на баррикадах, ордена посыпались на генералов Эспартеро и на умеренных друзей О'Доннеля. Намереваясь в конечном счете привести прессу к молчанию, избрали для этого путь восстановления закона о печати 1837 г. Вместо созыва учредительных кортесов Эспартеро, говорят, намеревается созвать только палату на основе конституции 1837 г. и даже, по словам некоторых, на ее основе, но с изменениями Нарваеса. Для более полного обеспечения успеха этих мероприятий, равно как и других, имеющих последовать в будущем, большие массы войск концентрируются в окрестностях Мадрида. Во всем этом стоит отметить в особенности ту внезапность, с какой наступила реакция.

В первый момент начальники баррикад явились к Эспартеро, чтобы высказать ему несколько замечаний относительно подбора его министерства. Эспартеро пустился в долгие объяснения по поводу окружающих его затруднений и пытался защищать свои назначения. Однако депутаты не выказали особенного удовлетворения его объяснениями. В то же время были получены «очень тревожные» известия о движениях республиканцев в Валенсии, Каталонии и Андалузии. Затруднение Эспартеро, видимо, вызвано его декретом, санкционирующим дальнейшее функционирование провинциальных хунт. Распустить Мадридскую хунту он тоже еще не посмел, хотя министерство уже сформировано и вступило в исполнение своих обязанностей.

* ТРЕБОВАНИЯ ИСПАНСКОГО НАРОДА.

Лондон, 11 августа 1854 г.

Несколько дней тому назад «Charivari» напечатало карикатуру, изображающую испанский народ в разгаре битвы и две сабли — Эспартеро и О'Доннеля — схватившимися над его головой. «Charivari» ошибочно принял за конец революции то, что является лишь ее началом. Уже началась борьба между О'Доннелем и Эспартеро, и не только между ними, но также между военными вождями и народом. Правительству мало помогло назначение тореадора Пучеты главным управляющим боен, учреждение комитета по наградам защитникам баррикад и, наконец, назначение двух французов, Пюжолья и Дельма, историографами революции. О'Доннель требует избрания кортесов на основе закона 1845 г., Эспартеро — на основе конституции 1837 г., а народ — на основе всеобщего избирательного права. Народ отказывается разоружиться раньше, чем будет опубликована программа правительства, ибо мансанаресская программа уже не удовлетворяет его видам. Он требует аннулирования конкордата 1852 г., конфискации имений контр-революционеров, финансового отчета, отмены подрядов на постройку железных дорог и других мошеннических подрядов на общественные работы и, наконец, суда над Христиной в особом трибунале. Две ее попытки бегства были предупреждены благодаря вооруженному сопротивлению народа. «El Tribuno» дает следующий счет сумм, которые Христина должна вернуть Национальному казначейству: 24 миллиона, незаконно полученные в качестве регентши за время 1834 — 1840 гг., 12 миллионов, полученные по возвращении ее из Франции после трехлетнего отсутствия, и 35 миллионов, полученные от казны Кубы. Этот счет составлен великодушно. Когда Христина покинула Испанию в 1848 г., она увезла с собою крупные суммы и почти все драгоценности испанской короны.

*** ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РОССИЯ. — ВОПРОС О
КОЛОНИЯХ. — КОРРУПЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ. —
АНАРХИЯ В ПРОВИНЦИИ. — МАДРИДСКАЯ ПЕЧАТЬ.**

Лондон, 15 августа 1854 г.

За несколько месяцев до начала нынешней испанской революции я сообщал читателям «Трибуны», что русские влияния были пущены в ход с целью вызвать волнения на полуострове. Для этого Россия не нуждалась в непосредственных агентах. К ее услугам был «Times», представитель интересов и друг короля-Бомбы, «юной надежды» Австрии, Николая, Георга IV, внезапно восплавывший негодованием против безнравственности королевы Изабеллы и испанского двора. Имелись, сверх того, дипломатические агенты английского министерства, которых русскому министру Пальмерстону было не трудно водить за нос, рисуя им картины Кобургского королевства на полуострове. Достоверно известно, что не кто иной, как британский посол, спрятал О'Доннелю в своем дворце и уговорил банкира Колладо, состоящего ныне министром финансов, авансировать суммы, нужные О'Доннелю и Дульсе для их пронунциаменто. Тому, кто усомнился бы в том, что Россия действительно принимала участие в делах полуострова, я позволю себе напомнить дело острова де-Леон. В 1820 г. значительные военные силы были стянуты в Кадиксе для отправки в южно-американские колонии. Внезапно армия, расположенная на острове, объявила себя за конституцию 1812 г., ее примеру последовали войска в других местах. Благодаря Шатобриану, французскому послу на конгрессе в Вероне, мы теперь знаем, что Россия подбивала Испанию предпринять экспедицию в Южную Америку, а Францию вовлекала в поход в Испанию. С другой стороны, из послания президента Соединенных Штатов мы узнаем, что Россия обещала ему не допустить экспедицию против Южной Америки. Таким образом, не требуется большой сообразительности, чтобы открыть настоящего виновника восстания на острове де-Леон. Тем не менее, я приведу еще пример нежного попечения России о волнениях на Испанском полуострове. В своей «Политической истории современной Испании» (Барселона, 1849) сеньор де-Марлиани,

для доказательства отсутствия у России оснований противодействовать конституционному движению в Испании, рассказывает следующее:

На Неве можно было видеть, как испанские солдаты присягали конституции (1812 г.) и принимали свои знамена из рук самого императора. В своем необычайном походе против России Наполеон сформировал из испанских военнопленных, интернированных во Франции, особый лагерь, который после поражения французской армии, дезертировал в русский лагерь. Александр принял испанцев чрезвычайно благосклонно и поселил их в Петергофе, где императрица часто навещала их. Однажды Александр приказал им собраться на льду Невы и привел к присяге на верность испанской конституции, причем пожаловал им знамена, вышитые собственноручно императрицей. Этот корпус, именуемый с тех пор «Корпусом императора Александра», был посажен на суда в Кронштадте и привезен в Кадикс. Свою верность присяге, данной на Неве, он доказал тем, что в 1821 г. поднял в Оканьи мятеж в целях восстановления конституции.

Интригуя на полуострове через посредство Англии, Россия в то же время оговаривает Англию перед Францией. Так, в «Новой прусской газете» мы читаем, что Англия устроила испанскую революцию за спиной у Франции.

Что за польза для России вызывать волнения в Испании? Ее цель — при этом — произвести диверсию на западе, возбудить разногласия между Англией и Францией и в конце концов вовлечь последнюю в интервенцию. Англо-русские газеты уже сообщали, что французские инсургенты июньских дней строили баррикады в Мадриде. Подобное же рассказывали в свое время Карлу X на конгрессе в Вероне:

Прецедент, созданный испанской армией, вызвал подражание в Португалии, захватил Неаполь, распространился на Пьемонт и всюду дал опасный пример вмешательства армий в дело реформы и навязывания законов собственной стране силой оружия. Немедленно после восстания в Пьемонте произошли движения во Франции, а именно в Лионе и других местах, причем их цель была одинакова. В заговоре Бертонна в Ла-Рошелли приняли участие 25 солдат 45-го полка. Революционная Испания перекачивает обратно во Францию отвратительные элементы раздора, и демократические клики обеих стран объединяются против монархической системы.

Мы вовсе не хотим сказать, будто испанская революция есть всецело дело англичан и русских. Россия лишь содействует мятежным движениям в моменты, когда видит приближение революционного кризиса. Однако, когда затем начинается настоящее народное движение, оно всегда оказывается столь же враждебно интригам России, как и агентам угнетения своего правительства. Так было в Валахии в 1848 г., таково же положение в Испании в 1854 г.

Вероломный образ действия Англии полностью обнаружен поведением ее посла в Мадриде, лорда Хаудена. Возвращаясь из Англии к своему служебному посту, он перед отъездом собрал владельцев испанских процентных бумаг и призывал их требовать от правительства оплаты своих претензий и, в противном случае, пригрозить полным отказом в кредите испанским купцам. Новому правительству он создавал этим затруднения; а вернувшись в Мадрид, он тотчас подписался в пользу жертв баррикад, за что испанский народ устроил ему овацию.

«Times» обвиняет г. Суле в том, что именно он вызвал восстание в Мадриде в интересах нынешней американской администрации Кубы. Однако г. Суле не писал статей в «Times» против Изабеллы II; к тому же партия, склонная к аннексии Кубы, от революции не выиграла ничего. Вообще же в этом вопросе характерно назначение на пост капитан-генерала Кубы генерала де-ла-Кунчи, когда-то секунданта герцога Альбы на дуэли последнего с сыном г. Суле. Было бы ошибкой предполагать, что испанские либералы сколько-нибудь разделяли точку зрения английского либерала г. Кобдена на отказ Испании от колоний. Великой целью конституции 1812 г. было сохранение господства над колониями путем введения в новый кодекс системы союзного представительства. В 1811 г. испанцы предприняли даже обширные вооружения в виде набора нескольких полков в Галисии — единственной испанской провинции, в то время не занятой французами, — чтобы применить насилие по отношению к своим южно-американским колониям. Едва ли не важнейшим принципом этой конституции было сохранение всех принадлежащих Испании колоний, и нынешние революционеры разделяют это мнение.

Еще ни в одной революции поведение общественных деятелей не давало более скандального зрелища, нежели в этой, начатой в интересах «нравственности» испанской революции. Коалиция старых партий, образовавшая нынешнее испанское правительство (сторонники Эспартеро и сторонники Нарваеса), главное свое внимание обратила на дележ добычи, состоящей из должностей, назначений, жалований, титулов и наград. Дульсе и Эчаге уже прибыли в Мадрид, Серрано также просил разрешения прибыть, с целью обеспечить себе долю в хищениях. Между умеренными и прогрессистами происходят резкие несогласия: первым поручено назначение всех генералов, вторым — всех политических главарей. Чтобы умерить взаимную зависть «черни», тореадор Пучета был повышен с должности директора боен на должность полицеймейстера. Даже очень умеренная газета «Сла-

por Publico» не скрывает своего разочарования. «Генералы и вожди проявили бы более достоинства в своем поведении, если бы отказались от повышений, явив тем самым благородный пример бескорыстия и подчинившись принципам нравственности, провозглашенной революцией». С особенным цинизмом были распределены места послов. Не говорю уже о назначении в Париж сеньора Олосаги, который в бытность свою послом Эспартеро при том же дворе в 1843 г. устраивал заговоры с Луи-Филиппом, Христиной и Нарваесом, не говорю о назначении в Вену Александра Мона, бывшего министра финансов Нарваеса в 1844 г., ни о назначении Риос-Росаса в Лиссабон и Пастора Диаса в Турин, обоих из партии умеренных, лиц с весьма посредственными дарованиями. Я говорю о назначении послом в Константинополь Гонсалеса-Браво, этого воплощения испанской коррумпции. В 1840 г. Bravo издавал журнал «El Cuirigay» («Жаргон»), своего рода мадридский «Punch», в котором с яростью нападал на Христину. Спустя три года погоня за должностью превратила его в шумного moderado [умеренного]. Нарваес, который в бытность свою премьер-министром Испании нуждался в покорном орудии, пользовался им, а затем выбросил его вон, едва перестал в нем нуждаться. В промежутке Bravo устроил назначение министром финансов некоего Карраско, попросту ограбившего испанскую казну. Помощником секретаря казначейства он сделал своего отца, человека, уже раньше прогнанного с мелкой должности в казначействе за взятки; своего зятя, завсегдагата театра Принсипе, Bravo сделал грумом при королеве. Когда его упрекали в изменах и продажности, он отвечал: «Не смешно ли постоянно оставаться тем же самым?» Этот-то человек оказался избранником на пост посла «революции нравственности».

Как контраст этим гнусностям официального мира, позорящим испанское движение, доставляет некоторое утешение то, что народ заставил, наконец, этих молодцов отдать Христину в распоряжение кортесов и согласиться на созыв национального учредительного собрания без сената, следовательно избираемого не на основе законов о выборах 1837 или 1845 гг. Правительство еще не отважилось навязать собственный избирательный закон, народ же единодушно требует всеобщего голосования. На выборах в национальную гвардию в Мадриде голоса получили исключительно прогрессисты exaltados [крайние].

В провинциях царит полная анархия; учреждены хунты, действующие повсюду, и каждая из них публикует декреты в интересах своей местности: одна — отменяя табачную монополию, другая —

управдняя пошлины на соль. Контрабандисты развивают обширную деятельность с тем большим успехом, что в Испании они — единственная сила, никогда не впадающая в дезорганизацию. В Барселоне солдаты дерутся то между собой, то с рабочими. Эта анархия провинций весьма на-руку делу революции, ибо она мешает вождям «конфисковать» революцию в столице.

Мадридская печать представлена в настоящее время следующими газетами: «España», «Novedades», «Nacion», «Eposa», «Clamor Publico», «Diario», «Español», «Tribuno», «Esperanza», «Ibaria», «Catico», «Miliciana», «Independencia», «Guarda Nacional», «Esparterista», «Union», «Europa», «Espadataur», «Liberal», «Eco de la Revolucion», Газеты: «Heraldo», «Boletin del Pueblo» и «Misangero» более не существуют.

*** СОЗЫВ УЧРЕДИТЕЛЬНЫХ КОРТЕСОВ. — ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН. — БЕСПОРЯДКИ В ТОРТОЗЕ. — ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА. — СКУНКА ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ОРУЖИЯ. — ИСПАНСКИЕ ФИНАНСЫ.**

Лондон, пятница, 21 августа 1854 г.

Передовицы газет «Assemblée Nationale», «Times» и «Journal des Débats» доказывают, что ни чисто русская, ни русско-кобургская, ни конституционная партии не довольны ходом испанской революции. Отсюда могло бы казаться, что у Испании есть кое-какие шансы, хотя внешняя обстановка и говорит как будто бы противное.

8-го числа сего месяца делегация Союзного клуба посетила Эспартеро, с целью передать ему адрес с требованием всеобщего голосования. Одна за другой поступают многочисленные петиции того же содержания. В связи с этим долгие и оживленные прения происходили в совете министров. Однако сторонники всеобщего голосования, равно как сторонники избирательного закона 1846 г., потерпели поражение. Мадридская «Gaceta» публикует декрет о созыве кортесов на 8 ноября, содержащий в качестве предисловия exposé [доклад], адресованный к королеве. Выборы должны производиться на основании несколько измененного закона 1837 г. Кортесы должны быть учредительным собранием, причем законодательные функции сената отменяются. Остаются в силе два параграфа закона 1846 г., касающиеся способа формирования избирательных mesas (бюро, принимающие голоса и публикующие результаты выборов) и числа депутатов: один депутат избирается на каждые 5 000 душ. Таким образом, собрание будет насчитывать 420 — 430 членов. Согласно циркуляру министра внутренних дел Санта-Круса, списки избирателей должны быть составлены к 6 сентября. По проверке списков провинциальными депутациями их пополнение заканчивается 12 сентября. Выборы состоятся 3 октября в главных пунктах избирательных округов. Подсчет голосов начнется 16 октября в главном городе каждой провинции. В случаях неопределенного результата новое голосование должно быть закончено к 30 октября. Циркуляр

недвусмысленно заявляет, что «кортесы 1854 г., подобно их предшественникам 1837 г., спасут монархию; они явятся новой связью между трон и нацией; в этом не может быть ни сомнения, ни спора». Иначе говоря, правительство воспрещает обсуждение вопроса о династии; отсюда «Times» делает обратное заключение, предполагая, что вопрос будет поставлен о том, быть ли нынешней династии или вообще не быть никакой; нужно ли говорить, что эта последняя перспектива огорчает «Times» и путает все его расчеты.

Избирательный закон 1837 г. дает право голоса только тем гражданам, которые имеют квартиру, платят *mayores cuotas* (корабельную подать, взимаемую государством) и достигли 25-летнего возраста. Кроме того, правом голоса пользуются члены испанских академий истории и свободных искусств, доктора, лиценциаты богословского, юридического и медицинского факультетов, члены церковных капитулов, приходские викарии с подчиненным им духовенством, судьи и адвокаты с двухлетним стажем, офицеры армии определенного срока службы, состоящие на действительной службе или в резерве, врачи, хирурги, аптекари с двухлетним стажем, архитекторы, живописцы и скульпторы, состоящие членами какой-либо академии, профессора и преподаватели учебных заведений, содержимых на счет государства. Тот же закон лишает права голоса неплательщиков государственных и местных налогов, банкротов, лиц, пораженных в правах по причине нравственной или гражданской несостоятельности, наконец, всех, состоящих под судом и следствием.

Итак, правительственный декрет не дает всеобщего избирательного права и изъекает вопрос о династии из ведения кортесов. И все же представляется мало вероятным, что даже такое собрание окажется приемлемым для правительства. В 1812 г. испанские кортесы не касались вопроса монархии лишь потому, что она существовала только по имени, ибо короля целый ряд лет не было в Испании. Повторение того же в 1837 г. было вызвано тем, что кортесы должны были уладить отношения с абсолютной монархией и потом уже думать об отношениях с монархией конституционной. Что касается общего положения, то «Times» вполне резонно сетует о том, что Испания не имеет французской централизации; вследствие этого победа над революцией в столице окажется бесплодна для провинций, пока в них продолжается «анархия», без которой никакая революция не может иметь успеха.

Само собою разумеется, испанская революция имеет свои особенности, не повторяющиеся нигде. Таково, например, совмещение разбоя с революционной деятельностью — комбинация, появившаяся

впервые в борьбе герильеров с французским нашествием, затем воспринятая «роялистами» в 1823 г. и, наконец, карлистами с 1835 г. Поэтому нет ничего удивительного в сообщении о крупных беспорядках, происшедших в Тортозе, в Нижней Каталонии. В прокламации от 31 июля Junta popular [народная хунта] этого города говорит: «Банда презренных убийц, прикрываясь требованием отмены косвенных налогов, захватила город и попраала все общественные законы. Свое выступление она ознаменовала грабежом, убийствами и поджогами». Впрочем, хунта быстро восстановила порядок: граждане вооружились и подоспели на выручку слабому гарнизону города. Начались заседания военной комиссии, уполномоченной преследовать и наказывать виновников катастрофы 30 июля. Разумеется, это событие дало реакционным журналам повод к декламациям морального свойства. Сколь мало можно доверять им в этом деле, видно из замечания «Messager de Bayonne», будто бы карлисты подняли знамя в провинциях Каталонии, Арагоне и Валенсии, и именно в тех прилегающих горах, где во время карлистских войн были главные их гнезда. Как раз у карлистов впервые появился *ladro faceioso* [мятежный разбойник], т. е. разбойник, выдающий себя за приверженца партии гонимых правительственной властью. Со времени Вирриата испанский герильеро всегда имел в себе нечто от разбойника; но если настоящий разбойник присваивает себе титул герильеро, то это уже новость карлистского изобретения. Участники тортозских событий несомненно принадлежат к этому типу.

В Лериде, Сарагоссе и Барселоне положение серьезно. Оба первые города отказались объединиться с Барселоной, ибо в ней первую роль играют военные. Однако, повидимому, даже там Конча не в состоянии совладать с бурей, и его место должен занять генерал Дульсе, так как предполагают, что недавно приобретенная им популярность дает более гарантий в деле устранения трудностей.

Тайные общества возобновили свою деятельность в Мадриде; они управляют демократической партией так же, как в 1823 г. Первое требование, предъявленное народом по их настоянию, состоит в том, что все министры, начиная с 1843 г., должны представить свои отчеты.

Правительство производит обратную скупку оружия, захваченного народом в дни баррикад. Таким путем оно получило 2 500 ружей, бывших раньше в руках инсургентов. «Аякучо» дон-Мануэль Сагести, бывший губернатором Мадрида в 1843 г., восстановлен в своей должности. Он выпустил к населению и национальной милиции две прокламации, в которых объявляет свое намерение решительно

подавлять всякие беспорядки. Быстрым темпом выполняется удаление креатур Сарториуса с различных должностей. Эти смещения представляют, быть может, единственное дело, которое в Испании совершается быстро. Тут все партии проявляют одинаковое проворство.

Саламанка, вопреки прежним известиям, не в тюрьме; он был арестован в Аранхуесе, но вскоре освобожден, и сейчас находится в Малаге.

Что народное давление выполняет известный контроль над министерством, — факт, неслыханный в истории Испании, — доказываете тем, что министры военных, внутренних дел и общественных работ в обширных размерах произвели смещения и упрощения в личном составе различных ведомств.

Унионистская или кобург-браганцкая партия представляет по своей слабости нечто жалкое. В противном случае подняла ли бы она такой шум по поводу единственного адреса, присланного из Португалии мадридской национальной гвардии? Присматриваясь к нему ближе, мы видим, что адрес (исходящий от лиссабонской газеты «Journal de Progrès») не имеет ничего общего с династическим вопросом и является попросту братским приветом, столь знакомым по движению 1848 г.

Главной причиной испанской революции было состояние финансов, в частности декрет Сарториуса, предписывающий уплату налогов за шесть месяцев вперед. Когда вспыхнула революция, все государственные кассы были пусты, хотя ни в одной отрасли государственной службы платежи не были выполнены. Более того, в течение ряда месяцев предназначенные для специальных целей суммы не были направлены по своему назначению. Так, например, дорожные сборы, взимаемые у застав, вовсе не шли на содержание дорог. То же было с суммами, специально отложенными для общественных работ. При ревизиях касс общественных работ вместо счетов за выполненные работы в них находили счета придворных фаворитов. Известно, что финансовые операции уже давно были самым выгодным занятием в Мадриде. Испанский бюджет на 1853 г. представлял следующие статьи:

Гражданский лист и уделы	47 350 000	реалов
Законодательство	1 331 685	»
Проценты государственного долга	213 271 423	»
Председатель совета	1 687 860	»
Иностранное ведомство	3 919 083	»
Ведомство юстиции	39 001 233	»
Армия	278 646 284	»
Флот	85 165 000	»

Ведомство внутренних дел	43 957 940	реалов
Полиция	72 000 000	»
Финансы	142 279 000	»
Пенсии	143 400 586	»
Культ	119 050 508	»
Сверхсметные расходы	18 387 788	»
Итого	1 209 708 742	реала

Несмотря на этот бюджет, Испания из стран Европы менее всех платит налогов и нигде экономический вопрос не является столь простым, как здесь. Так как муниципалитеты в Испании по традиции сами управляют собственными делами, то сокращение и упрощение бюрократического аппарата представляют в ней наименее трудностей; такова реформа таможенных пошлин и добросовестное использование еще не отчужденных bienes nacionales [национальных имуществ]. Социальный вопрос в современном смысле слова не имеет почвы в стране с еще не развитыми естественными богатствами и столь малочисленным населением, как в Испании, — всего в 15 000 000 душ.

*

*** РЕАКЦИЯ В ИСПАНИИ. — СОСТОЯНИЕ ФИНАНСОВ. —
КОНСТИТУЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ИБЕРИЙСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ.**

Лондон, пятница, 1 сентября 1854 г.

Прибытие в Мадрид Викальварского полка воодушевило правительство к дальнейшей контр-революционной деятельности. Восстановление реакционного закона о печати 1837 г. с присоединением всех строгостей дополнительного закона 1842 г. убило всю так называемую «поджигательную» часть прессы, издатели которой не смогли представить требуемый *залог*. 24 августа вышел последний номер «Clamor de las Barricades» под заглавием «Ultimas Barricades» [«Последние баррикады»], ибо оба его издателя были арестованы. Взамен его в тот же день появилась новая реакционная газета под заглавием «Las Cortes». «Его превосходительство капитан-генерал дон-Сан-Мигэль, — говорится в программе этой газеты, — оказывающий нам честь своей дружбой, милостиво предложил нашему изданию свое сотрудничество. Его статьи в качестве подписи будут иметь его инициалы. Лица, стоящие во главе нашего предприятия, будут энергично защищать эту революцию, победившую злоупотребления и эксцессы развращенной власти, но свое знамя они водрузят лишь в лоне учредительного собрания. Великая битва должна быть дана только там». Имеется в виду великая битва за интересы Изабеллы II и Эспартеро. Вспомним, что тот же Сан-Мигэль объявил на банкете прессы, что у печати нет иной цензуры, кроме ее самой, здравого смысла и общественного воспитания, что она представляет учреждение, которое уничтожить не могут ни меч, ни каторга, ни ссылка, ни какая-либо другая сила в мире. Но в тот самый день, когда он предлагает свое сотрудничество прессе, он не находит ни слова возражения против декрета, лишаящего ее столь милой ему свободы.

За подавлением свободы печати тотчас последовала отмена свободы собраний, тоже в силу королевского декрета. В Мадриде были распущены клубы, а в провинциях хунты и комитеты общественной безопасности за исключением тех, которые министерство признало

«депутациями». Союзный клуб был закрыт в силу декрета министерства, несмотря на то, что Эспартеро лишь за несколько дней перед тем принял звание его почетного председателя, — факт, который «Times» тщетно старается отрицать. Этот клуб отправил депутацию к министру внутренних дел с требованием увольнения сеньера Сагести, губернатора Мадрида, причем последнему ставилось в вину нарушение свободы печати и права собраний. Сеньер Санта Крус ответил, что он не может порицать государственного чиновника за принятие мер, одобренных советом министров. В результате началось серьезное волнение; однако площадь Конституции была занята национальной гвардией, и тем дело кончилось. Мелкие газеты еще не были закрыты, когда крупные, до тех пор оказывавшие покровительство Сагести, нашли повод для ссоры с ним. Чтобы зажать рот газете «*Clamor Publico*», ее главный редактор, сеньер Корради, был назначен министром. Но эта мера не будет достаточна, так как не могут же все редакторы быть введены в состав министерства.

Однако самым смелым шагом контр-революции является разрешение королеве Христине выехать в Лиссабон, и это после того, как совет министров обязался предоставить ее в распоряжение учредительных кортесов, — нарушение слова, которое пытаются прикрыть немедленной конфискацией испанских имений Христины, составляющих, как известно, наименьшую часть ее состояния. Таким образом, Христина отделалась дешево, а теперь мы узнаем, что и Сан-Луис благополучно добрался до Байонны. Самую интересную часть дела представляет способ, каким был получен подразумеваемый нами декрет. 26 августа несколько патриотов и национальных гвардейцев собрались для обсуждения общественной безопасности, причем они порицали правительство за его колебания и полумеры и решили отправить депутацию в совет министров с требованием удалить Хрестину из дворца, где она строит козни против народной свободы. Весьма подозрительно было то, что к этому предложению присоединились два адъютанта Эспартеро вместе с самим Сагести. Тогда совет министров собрался на заседание, и конечным результатом их собрания было тайное бегство Христины.

25 августа королева в первый раз показалась публично, на прогулке в Прадо, в сопровождении своего так называемого мужа принца Астурийского. Повидимому, она была принята народом крайне холодно.

Комитет, назначенный для составления отчета о состоянии финансов в момент падения министерства Сарториуса, опубликовал этот отчет в «*Gaceta*» с предпосланным ему *exposé* [докладом] сеньера

Колладо, министра финансов. Согласно отчету, неутвержденный долг (floating debt) Испании равен 33 000 000 долларов, а весь дефицит — 50 000 000. Повидимому, даже чрезвычайные средства правительства были забраны вперед за целые годы и растрочены. Доходы Гаванны и Филиппин были забраны за два с половиной года вперед. Суммы, полученные от принудительного займа, исчезли бесследно. Ртутные рудники Альмеды были заложены на целые годы. Наличных остатков, подлежащих внесению в депозитную кассу, не существует. Равным образом не существует фонда по военному заместительству. 7 485 692 реала подлежали уплате за покупку полученного, но не оплаченного табака. То же самое 5 505 000 реалов по счетам за общественные работы. Согласно заявлению сеньора Колладо сумма обязательств самого неотложного характера равняется 252 980 253 реалам. Меры, предложенные им для покрытия этого дефицита, обнаруживают настоящего банкира; он предлагает: возвратиться к спокойствию и порядку, продолжать взимание всех прежних налогов и заключить новые займы. В соответствии с этим советом Эспартеро получил от главных мадридских банкиров 2 500 000 долларов взамен обещания вести политику всецело в духе «moderados». Насколько он готов сдерживать свое обещание, показывают его последние мероприятия.

Не следует думать, что эти реакционные меры совсем не вызвали противодействия народа. Когда 28 августа стало известно об отъезде Христины, снова были сооружены баррикады; но, если верить телеграфному сообщению из Байонны, напечатанному во французском «Moniteur», войска вместе с национальной гвардией штурмовали баррикады и подавили движение.

Таков порочный круг, в котором роковым образом обречены двигаться революционные правительства-выкидыши. Долги, наделанные их контр-революционными предшественниками, они превращают в национальные обязательства. Чтобы быть в состоянии платить по ним, им приходится продолжать взимание старых налогов и заключать новые займы. Но чтобы суметь это сделать, они должны гарантировать «порядок», т. е. самолично принимать контр-революционные меры. Таким образом новая народная власть сразу превращается в служанку крупных капиталистов и в угнетательницу народа. Таким же точно способом временное правительство Франции в 1848 г. было принуждено ввести известный 45-сантимный налог и конфисковать фонды сберегательных касс, чтобы уплатить капиталистам следуемые им проценты. «Революционное испанское правительство, — говорит английский автор книги «Правда об Испании», — по меньшей мере не пало столь низко, чтобы усвоить себе позорную доктрину

отказа от платежей, практикуемую в Соединенных Штатах». В действительности же, если бы какая-либо прежняя революция хотя бы раз позволила себе такой отказ, то позорное правительство Сан-Луиса не нашло бы ни одного банкира, который согласился бы дать ему авансы. Но, может быть, наш автор придерживается того взгляда, что делать долги есть привилегия контр-революции, а платить по ним — привилегия революции.

Повидимому, Сарагосса, Валенсия и Алжесирас не согласны с этой точкой зрения, ибо они отменили все тягостные для них налоги.

Не довольствуясь назначением Браво-Мурильо послом в Константинополь, правительство отправило Гонсалеса-Браво на тот же пост в Вену.

В субботу, 27 августа, состоялись избирательные собрания Мадридского округа, с целью всеобщим голосованием назначить уполномоченных для наблюдения за выборами в столице. В Мадриде существуют две избирательных комиссии — Либеральный союз и Союз торговли.

Приведенные выше симптомы реакции покажутся менее страшными лицам, знакомым с историей испанских революций, нежели поверхностному наблюдателю, ибо вообще испанские революции начинаются с собрания кортесов, служащего обычно сигналом для роспуска правительства. Кроме того, в Мадриде есть лишь немного войск и, самое большее, 20 000 национальных гвардейцев, но из них собственно лишь около половины вооружены, между тем как известно, что народ не последовал призыву сдать оружие.

Невзирая на слезы королевы, О'Доннель распустил ее лейб-гвардию, ибо регулярная армия ревниво относилась к привилегиям этого корпуса; из рядов последнего Годой, известный своей игрой на гитаре и пением *seguidillas graciosas y picantes* [грациозных и пикантных сегедиллий] поднялся до положения супруга королевской племянницы, а Муньос, известный только своими индивидуальными качествами, сделался супругом королевы-матери.

В Мадриде группа республиканцев пустила в обращение следующую *Конституцию Федеральной иберийской республики*.

Титул 1. *Организация Федеральной иберийской республики.*

Ст. 1. Испания с ее островами и Португалия объединяются и образуют Федеральную иберийскую республику. Цветами флага становится сочетание двух нынешних флагов Испании и Португалии. Ее девизом будет Свобода, Равенство, Братство.

Ст. 2. Верховная власть принадлежит совокупности граждан.

Она неотчуждаема и неотъемлема. Никакое отдельное лицо, никакая часть народа не может присвоить себе пользование ею.

Ст. 3. Закон есть выражение национальной воли. Судьи назначаются народом посредством всеобщего голосования.

Ст. 4. Все граждане, достигшие 21 года, пользуются правами избирателей.

Ст. 5. Смертная казнь отменяется как за политические, так и за уголовные преступления. Все дела подлежат суду присяжных.

Ст. 6. Собственность неприкосновенна. Имения, отнятые у политических эмигрантов, им возвращаются.

Ст. 7. Налоги уплачиваются пропорционально доходам. Существует только один налог, прямой и всеобщий. Все косвенные налоги, городские пошлины и пошлины на съестные припасы отменяются. Равным образом отменяются правительственные монополии на соль и табак, гербовый сбор, патентный сбор и конскрипция.

Ст. 8. Гарантируется свобода печати, собраний, союзов, неприкосновенность жилища, свобода обучения, торговли и совести. *Каждая религия сама оплачивает своих служителей.*

Ст. 13. Управление республики распадается на федеральное, провинциальное и муниципальное.

Титул II. *Федеральное управление.*

Ст. 14. Оно вверяется Исполнительному совету, назначаемому и распускаемому Центральным федеральным конгрессом.

Ст. 15. Международные и торговые сношения, единообразие мер, весов и монеты, почта и вооруженные силы находятся в ведении Федерального управления.

Ст. 16. Центральный федеральный конгресс составляется из девяти депутатов от каждой провинции, избранных всеобщим голосованием и связанных своими инструкциями.

Ст. 17. Центральный федеральный конгресс является постоянным.

Ст. 20. Всякий раз, как должен быть издан закон, администрация, признающая его необходимым, вносит проект на усмотрение конфедерации за шесть месяцев для конгресса и за три месяца для провинциального законодательства.

Ст. 21. Всякий народный депутат, не придерживающийся полученных им инструкций, предается суду.

Титул III посвящен провинциальному и муниципальному управлению и устанавливает те же принципы. Последняя статья этой главы гласит: *«Не должно быть более колоний; они преобразуются в провинции и управляются на одинаковых с ними принципах. Рабство уничтожается.»*

Титул IV. *Армия.*

Ст. 34. Весь народ будет вооружен и организован в Национальную гвардию, частью подвижную, частью неподвижную.

Ст. 35. Подвижная гвардия составляется из неженатых в возрасте от 21 до 35 лет; ее офицеры назначаются посредством выборов из учеников военных школ.

Ст. 36. Неподвижная милиция состоит из всех граждан между 35 и 56 годами; офицеры назначаются посредством выборов. Их служба состоит в защите общин.

Ст. 38. Корпуса артиллерии и инженерных войск набираются из добровольцев; они являются постоянными и стоят гарнизонами в крепостях по побережью и границам. Внутри страны не должно быть крепостей.

Ст. 39 относится к флоту и содержит такие же постановления.

Ст. 40. Штабы провинций и капитан-генеральства упраздняются.

Ст. 42. Иберийская республика отказывается от всех завоевательных войн и будет подчинять свои споры посредничеству правительств, не заинтересованных в вопросе.

Ст. 43. Не должно быть постоянной армии.

*** ПОСЛЕДНИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА. —
РЕАКЦИОННАЯ ПРЕССА О ПОЛОЖЕНИИ В ИСПАНИИ. —
ИЗЫТОК ГЕНЕРАЛОВ.**

Лондон, 12 сентября 1854 г.

Реакционная пресса все еще недовольна последними мероприятиями правительства; на факт нового соглашения, заключенного с революцией, она отвечает брюзжанием. Так, в «Journal des Débats» мы читаем:

Всего лишь 7 августа Эспартеро заявил, «что в согласии с желанием мадридского народа герцогиня Риансарес не покинет столицу ни днем, ни ночью, ни как-либо тайно». Всего лишь 28 августа королева Христина после двадцатидневного ареста получила разрешение уехать средь бела дня и даже с некоторой помпой. Однако правительство показало свое бессилие, дав одновременно приказ о конфискации ее имений.

«Débats» надеется на отмену этого приказа. Однако упованиям газеты в этом случае, пожалуй, еще скорее суждено не сбыться, нежели в тот раз, когда она выражала слабую надежду, что конфискация орлеанских имений не будет приведена в исполнение Бонапартом. Губернатор Свиедо уже приступил к секвестру угольных копей, принадлежащих Христине в провинции Астурии. Директорам копей в Сиеро, Лангрео и Пьеро-Корриль уже дан приказ представить отчет и в административном отношении подчиниться правительству.

Что касается «бела дня», среди которого, согласно «Débats», будто бы состоялся отъезд Христины, то тут газета оказалась весьма плохо осведомлена. Покинув свои апартаменты, королева Христина прошла по коридорам среди гробовой тишины, ибо были приняты все меры, чтобы никто не попался ей навстречу. Национальная гвардия, занимавшая бараки во дворе королевского дворца, даже не подозревала о ее отъезде. Весь план был составлен в такой тайне, что сам Гарриго, которому было поручено эскортировать королеву, получил приказ лишь в самый момент отъезда. Эскорту же сообщили о его назначении уже в расстоянии двенадцати миль от Мадрида, и тут Гарриго с великим трудом удалось удержать своих людей как от

оскорблений королевы, так и от возвращения прямехонько в Мадрид. Командиры национальной гвардии узнали о происшедшем только спустя два часа по отъезде мадам Муньос. Как утверждает «Esraña», она достигла португальской границы утром 3 сентября. Ее настроение в пути, говорит газета, было отлично, но ее герцог был несколько triste [грустен]. Отношения между Христиной и этим самым Муньос можно понять, лишь вспомнив ответ Дон-Кихота на вопрос Санчо-Пансы, почему он, Дон-Кихот, любит Дульцинею, эту последнюю из деревенских девок, меж тем как он мог бы иметь у своих ног принцесс? «Одну даму, — ответил достойный рыцарь, — окруженную толпой высокородных, богатых и остроумных поклонников, спросили как-то, почему она взяла себе любовником простого крестьянина. — Знайте, — ответила дама, — что в том, для чего я им пользуюсь, он больший философ, нежели сам Аристотель».

О взгляде на положение в Испании реакционной прессы вообще можно судить по некоторым извлечениям из «Kölnische Zeitung» и «Indépendance Belge».

«По словам хорошо осведомленного и надежного корреспондента, — говорит первая газета, — к тому же приверженца О'Доннелля и партии moderado, положение дел тревожно, ибо между партиями не прекращается глубокий конфликт. Трудящиеся классы, обрабатываемые агитаторами, пребывают в состоянии непрерывного возбуждения».

«Будущему испанской монархии, — пишет «Indépendance», — грозят большие опасности. Все истинные испанские патриоты единодушны в том, что революционным оргиям необходимо положить конец. Ярость пасквильтов и строителей баррикад бушует против Эспартеро и его правительства с тою же силой, как против Сан-Луиса и банкира Саламанки. Однако, по правде сказать, нельзя возлагать на эту рыцарскую нацию ответственность за подобные эксцессы. Народ Мадрида не должно отождествлять с чернью, вопившей: «смерть Христине!», равно как делать его ответственным за гнусные пасквили, распространяемые среди населения под заглавием «Хищения Сан-Луиса, Христины и их прислужников». 1800 мадридских баррикад и крайние коммунистические манифестации в Барселоне говорят об участии чужеземной демократии в испанских сатурналиях. Не подлежит сомнению, что много французских, немецких и итальянских эмигрантов принимало участие в печальных событиях, ныне волнующих полуостров. Не подлежит сомнению, что в Испании вот-вот вспыхнет социальный пожар; непосредственным его следствием станет потеря жемчужины Антилий, богатого острова Кубы, ибо Испания будет не в состоянии бороться против захватных претензий Америки или патриотизма разных Суле и Саидерсов. Давно пора Испании открыть свои глаза, а всем порядочным людям цивилизованной Европы общими усилиями ударить в набат».

Конечно, участия чужеземной демократии отнюдь не требуется, чтобы вызвать возмущение в населении Мадрида при виде того, как

его правительство 28-го числа нарушает слово, данное 7-го, как оно приостанавливает свободу собраний и возобновляет закон о печати 1837 г., требующий 40 000 реалов залога и 300 реалов прямых податей в качестве условия для издательства. Если волнующие провинцию движения продолжают оставаться неопределенными и нерешительными, — что говорит этот факт, как не то, что для революционного действия как раз нехватает настоящего центра? Ни единого декрета на благо провинциям не появилось с тех пор, как так называемое революционное правительство попало в руки Эспартеро. Провинции видят это правительство в окружении того же наущничества, интриг, искательства мест, как и при Сан-Луисе. Та же стая присосалась к правительству, — бич, терзающий страну с эпохи Филиппов.

Заглянем в последний номер мадридской «Gaceta» от 6 сентября. Здесь есть доклад О'Доннеля, вскрывающий такой избыток военных постов и титулов, что из каждых трех генералов лишь одного можно использовать на активной службе. Это и есть то зло, под проклятием которого Испания живет с 1823 г.: генералы загромаждают ее. Можно было бы думать, что последует декрет, устраняющий это зло. Ничуть не бывало. Декрет, вышедший вслед за докладом, созывает совещательную военную хунту, составленную из нескольких генералов, назначенных правительством из таких, которые в настоящее время не занимают должностей в армии. Помимо их обычного жалованья эти господа должны получать: каждый генерал-лейтенант 5 000 реалов, а каждый генерал-майор—6 000. Генерал Мануэль де-ла-Конча был назначен президентом этой военной хунты-синекуры. Тот же номер «Gaceta» сообщает о новом урожае наград, пенсий и т. п., словно первая щедрая раздача не выполнила своего назначения. Сан-Мигэль и Дульсе получили большой крест ордена Карла III; все награды и предварительные отличия, назначенные хунтой Сарагоссы, подтверждаются и расширяются. Однако самая замечательная часть этого номера «Gaceta» есть объявление о том, что выплата государственным кредиторам возобновится 11-го числа сего месяца. Невероятное безумие испанского народа — не быть удовлетворенным такими подвигами своего революционного правительства!

* РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСПАНИЯ.

I.

В настоящее время революция в Испании настолько явно превращается в хроническое явление, что лица, принадлежащие к имущим и консервативным классам, как сообщает наш лондонский корреспондент, начинают покидать страну и искать безопасности во Франции. И не удивительно: ведь Испания никогда не придерживалась новейшей французской моды, с таким увлечением подхваченной повсюду в 1848 г., проделывать революцию от начала до конца в трехдневный срок. Ее усилия в этой сфере бывают обычно сложны и длительны. Три года — вот, повидимому, кратчайший срок, который она ставит своим революциям, а ее революционные циклы иногда растягиваются и на целых девять лет. Так, первая испанская революция нынешнего столетия продолжалась от 1808 по 1814 г., вторая от 1820 по 1823, а третья — от 1834 по 1843. Сколько времени продлится и чем кончится нынешняя революция этого не предугадает и самый проницательный политик; однако можно сказать без преувеличения, что ни одна часть Европы, даже Турция и Россия с ее войной, не представляет для вдумчивого наблюдателя столь глубокого интереса, как Испания наших дней.

Восстания в Испании столь же древни, как и власть придворных фаворитов, против которых они обычно бывают направлены. Так, в конце XIV века аристократия возмутилась против короля Хуана II и его фаворита дон-Альваро де-Луна. Еще более серьезные движения произошли в XV веке против короля Генриха IV и вожака его камарильи дон-Хуана де-Пачеко, маркиза де-Вильена. В XVII столетии народ в Лиссабоне разорвал на куски Васконсельоса, этого Сарториуса при испанском вице-короле в Португалии, и та же участь постигла в Сарагоссе Санта-Колому, любимца Филиппа IV. В конце того же века, при Карле II, народ в Мадриде восстал против камарильи королевы, состоявшей из графини де-Берлипис и графов Оропезы и Мельгара, наложивших на все продукты, ввозимые в столицу, обременительный налог, доход с которого они поделили между собой. Народ явился к королевскому дворцу, вытребовал короля на балкон и

заставил его публично осудить камарилью королевы. Затем толпа направилась к дворцам графов Оропезы и Мельгара, разграбила их и сожгла, причем пыталась захватить также и их хозяев, которым, однако, удалось скрыться, поплатившись вечным изгнанием. Причиной восстания в XV веке был предательский договор, заключенный любимцем Генриха IV маркизом де-Вильеном с французским королем Людовиком XI, в силу которого Каталония была уступлена Франции. Спустя три столетия, договор, — заключенный в Фонтенебло 27 октября 1807 г., представлявший сделку между фаворитом Карла IV и любовником его жены дон-Мануэлем Годоем, «Принцем мира», с одной стороны, и Бонапартом — с другой, — о разделе Португалии и вступлении в Испанию французских армий, вызвал в Мадриде народное восстание против Годоя, за которым последовало отречение Карла IV, вступление на престол его сына Фердинанда VII, вторжение французской армии в Испанию и, наконец, война за независимость. Как в XV веке гражданская война началась народным мятежом против камарильи в лице маркиза де-Вильена, так теперь испанская война за независимость началась народным мятежом против камарильи в лице Годоя. Точно также началом революции 1854 г. было восстание против камарильи, во главе которой стоял граф Сан-Луисом.

Несмотря на постоянно повторяющиеся перевороты, в Испании, вплоть до нашего столетия, за исключением войны Священной лиги, при Карле I или Карле V, как его называют немцы, серьезных революций не было. В то время непосредственный предлог подавала, как обычно, правительственная клика, которая при благосклонном содействии вице-короля Испании, кардинала Адриана, родом фламандца, довела до отчаяния кастильцев своей бесстыдной алчностью, продавая государственные должности тем, кто больше даст, и открыто торгуя судебными приговорами. Сопротивление фламандской камарилье было лишь внешней стороной движения. Сущность его заключалась в защите вольностей средневековой Испании против захватов современного абсолютизма.

После того как соединение Арагона, Кастилии и Гренады при Фердинанде Католике и Изабелле I создало материальную основу испанской монархии, Карл I предпринял преобразование этого все еще феодального государства в абсолютное. Он повел нападение сразу на оба столпа испанской свободы, на кортесы и аюнтаменты (Ayuntamientos); первые представляли собой преобразованную форму древних готских concilia (bera), вторые почти без перерыва шли от римской эпохи, поскольку аюнтаменты были свойственны римским муници-

пиям и являлись смещением наследственного и избирательного начала. По части муниципального самоуправления города Италии, Прованса, Северной Галлии, Великобритании и отчасти Германии представляли большое сходство с испанскими городами в их тогдашнем виде; что же касается кортесов, то с ними нельзя сравнивать ни генеральных штатов Франции, ни британского средневекового парламента. В формировании испанского королевства имелись условия, исключительно благоприятные для ограничения королевской власти. С одной стороны, отдельные участки территории были отвоеваны и превращены в особые королевства в течение долгих войн с арабами. В этих войнах возникли народные законы и обычаи. Постепенное завоевание, совершенное главным образом знатью, чрезвычайно усилило ее могущество и в то же время уменьшило власть короля. С другой стороны, населенные пункты и города внутри страны достигли крупного значения, ибо жители вынуждены были селиться вместе в укрепленных местах и искать безопасности от непрерывных вторжений мавров; в то же время полуостровная форма Испании и постоянные сношения с Провансом и Италией создали первоклассные торговые приморские города на побережьях. Уже в XIV столетии города представляли самую могущественную часть кортесов, в состав которых входили их представители вместе с представителями духовенства и знати. Важно также, что медленное избавление от арабского владычества в процессе почти восьмисотлетней упорной борьбы привело к тому, что полуостров, освободившись вполне, получил характер, совсем отличный от тогдашней Европы: в эпоху европейского Возрождения по своему быту север Испании был готским и вандалским, юг же арабским.

Когда Карл I вернулся из Германии, где он был возведен в императорское достоинство, кортесы собрались в Вальядолиде, чтобы принять его присягу в верности древним законам и возложить на него корону. Карл, уклонившись от приезда, отправил уполномоченных, с тем расчетом, что они примут присягу кортесов на верность королю. Кортесы отказались допустить уполномоченных в свое собрание и поставили монарха в известность, что если он не явится и не присягнет законам страны, он никогда не будет признан королем Испании. Карл уступил; он предстал перед кортесами и принес присягу, по словам историков, с очень кислой миной. При этом случае кортесы заявили ему: «Государь, вы должны знать, что король есть только слуга нации на жаловании». Таково было начало вражды между Карлом I и городами. В результате его интриг целый ряд восстаний вспыхнул в Кастилии, была образована Священная лига

Авилы, и соединенные города созвали собрание кортесов в Торте-сильясе. 20 октября 1520 г. отсюда был отправлен королю «протест против злоупотреблений». В ответ на него Карл лишил личных прав всех депутатов, собравшихся в Торте-сильясе. Гражданская война стала неизбежна; горожане призывали к оружию; их солдаты под командой Падильи захватили крепость Торре-Лобатон, но в конце концов были разбиты превосходными силами короля в сражении при Вильяларе 23 апреля 1521 г. Виднейшие заговорщики сложили головы на плахе, а старинные вольности Испании перестали существовать.

Разнообразные обстоятельства соединились вместе к выгоде растущей мощи абсолютизма. Недостаток единства между провинциями парализовал их отдельные усилия; однако главную услугу Карлу оказал резкий антагонизм классов — дворянства и горожан, помогший ему унижить тех и других. Мы уже упоминали, что с XIV в. влияние городов в кортесах было весьма значительно, а со времени Фердинанда Католика Святое братство (Santa Hermandad) оказалось в руках городов мощным орудием против кастильского дворянства, обвинявшего их в нарушении своих древних привилегий и юрисдикции. Вот почему дворянство проявило такое усердие в поддержке проектов Карла I уничтожить Священную лигу. Сломив ее вооруженное сопротивление, Карл принялся за сокращение муниципальных привилегий городов; вследствие быстрой убыли населения, потери богатства и значения их влияние в кортесах пало. Тогда Карл круто повернул оружие против дворянства, которое оказало ему помощь в подавлении городских свобод, но само сохранило еще крупное политическое значение. Мятеж армии из-за неуплаты жалованья принудил Карла в 1539 г. собрать кортесы, чтобы получить их согласие на налоги. Возмущенные тем, что прежние субсидии были зря истрачены на цели, чуждые интересам Испании, кортесы решительно отказали в помощи. В бешенстве Карл распустил их; когда же дворянство стало настаивать на своем изъятии из обложения в силу привилегии, он объявил, что требующие такого права не смеют участвовать в кортесах, и в самом деле исключил их из этого собрания. Для кортесов это был смертельный удар; их собрание свелось отныне к выполнению простой придворной церемонии. Третья составная часть древних кортесов — духовенство еще со времени Фердинанда Католика стало под знамя инквизиции и давно перестало отождествлять свои интересы с интересами феодальной Испании. Напротив, благодаря инквизиции церковь превратилась в самое страшное орудие абсолютизма.

Если после царствования Карла I политический и социальный

упадок Испании обнаруживал все позорные симптомы медленного разложения, напоминающие худшие времена Турецкой империи, то все же при этом императоре прах древних вольностей покоился по крайней мере в пышной гробнице. То было время, когда Васко-Нуньес Бальбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дариена, Кортес — в Мексике, Писарро — в Перу; то было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пыльное воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдorado, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Свобода Испании исчезала... но вокруг лились потоки золота, звенели мечи, и зловеще горело зарево костров инквизиции.

Как же объяснить то странное явление, что после трех почти столетий владычества Габсбургов, а вслед за ней династии Бурбонов, из которых и одной было бы достаточно, чтоб раздавить любой народ, муниципальные вольности Испании до известной степени сохранились? Как объяснить, что именно в той стране, где из всех феодальных государств впервые поднялась абсолютная монархия в самых резких формах, централизация никогда не могла пустить корней? Ответить на эти вопросы не трудно. XVI век был эпохой образования великих монархий, которые повсюду воздвиглись на развалинах враждовавших между собой феодальных классов: аристократии и городов. Но при этом в других крупных государствах Европы абсолютная монархия выступает в качестве цивилизующего центра, в качестве основоположника национального единства. Там она была лабораторией, в которой различные элементы общества подвергались такому смещению и обработке, что города находили возможным променять свою средневековую местную независимость и свою суверенность на всеобщее господство буржуазии и публичную власть (*common sway*) гражданского общества. Напротив, в Испании аристократия приходила в упадок, не потеряв своих самых вредных привилегий, а города утратили свою средневековую мощь, не получив современного значения.

Со времени установления абсолютной монархии эти города прозябали в состоянии непрерывного упадка. Здесь не место определять политические или экономические условия, разрушившие испанскую торговлю, промышленность, мореплавание и земледелие. Для настоящей нашей цели достаточно указать на самый факт. По мере упадка торговой и промышленной жизни городов внутренний обмен становился реже, взаимное общение жителей разных провинций слабее, средства сообщения забрасывались, большие дороги пустели. Местная жизнь Испании, независимость ее провинций и коммун,

разнообразие в состоянии общества были первоначально обусловлены географическими свойствами страны, а затем развились исторически благодаря своеобразным способам, какими различные провинции освобождались от владычества мавров, образуя при этом маленькие независимые государства; все эти явления теперь окончательно усилились и окрепли благодаря экономической революции, иссушившей источники национальной энергии. Между тем как абсолютная монархия нашла в Испании материал, по самой своей природе не поддающийся централизации, она сделала все от нее зависящее с целью не допустить роста общих интересов, возникающих из национального разделения труда и многообразия внутреннего обмена, которые и являются подлинным фундаментом для единой системы администрации и господства общего закона. Таким образом, абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы, вообще должна быть приравнена к азиатским формам правления. Испания, подобно Турции, осталась скоплением дурно управляемых республик с номинальным сувереном во главе. Деспотизм разнообразил свой характер в различных провинциях в зависимости от произвольного толкования общих законов со стороны вице-королей и губернаторов, но при всем своем деспотизме правительство не помешало провинциям сохранить их различные законы и обычаи, различные монеты, военные знамена разнообразных цветов и особые системы налогового обложения. Восточный деспотизм затрагивает муниципальное самоуправление только тогда, когда оно сталкивается с его непосредственными интересами, но он весьма охотно допускает существование этих учреждений, пока они снимают с него обязанность что-либо делать самому и избавляют от хлопот регулярного управления.

Таким-то образом случилось, что Наполеон, подобно всем людям своего времени, считавший Испанию безжизненным трупом, роковым образом должен был с изумлением убедиться, что если испанское государство было мертво, то испанское общество было полно жизни, и в каждой его части били через край силы сопротивления. По договору в Фонтенебло он направил свои войска в Мадрид; заманив королевскую фамилию для переговоров в Байонну, он принудил Карла IV взять обратно свое отречение и затем уступить ему свои владения; запугиванием он вынудил от Фердинанда VII такое же заявление. Карл IV с королевой и «Принцем мира» были отправлены в Компьень, Фердинанд VII с братьями заключены в замок Валансэ, трон Испании Наполеон отдал своему брату Жозефу, затем собрал испанскую хунту в Байонне и наделил ее одной из

своих готовых конституций. Не видя ничего живого в испанской монархии, кроме жалкой династии, которую он посадил за прочный замок, Бонапарт был совершенно уверен, что ему удалось забрать себе Испанию. Но всего через несколько дней после его *coup de main* [смелого удара] пришла весть о восстании в Мадриде. Правда, Мюрат подавил этот бунт, убив около 1 000 человек; но когда об этой бойне стало известно в стране, восстание вспыхнуло в Астурии, а вскоре затем оно охватило всю монархию. Заметим, что это первое самопроизвольное движение исходило из среды народа; между тем как «лучшие» классы спокойно подчинились чужеземному игу.

Таким-то путем Испания подготовилась к своему новейшему революционному поприщу и вступила в борьбу, ознаменовавшую ее развитие в нынешнем столетии. Факты и влияния, подробности которых мы вкратце указывали выше, еще определяют ее судьбы и направляют порывы ее народа. Мы указали, что они необходимы для оценки не только нынешнего кризиса, но всего, что она свершила и претерпела с момента захвата ее Наполеоном, — почти пятидесятилетнего периода трагических эпизодов и героических усилий, — поистине, одной из самых трогательных и поучительных глав современной истории.¹

¹ Далее нами опущена заключительная фраза статьи, вставленная редакцией «Трибуны»: «Будем надеяться, что новые страницы, которые испанский народ вписывает в свою летопись, окажутся достойными его и принесут блажие плоды как ему, так и всему миру». См. письмо Маркса к Энгельсу от 10 ноября 1854 г. Сочинения, т. XXII, стр. 68. *Ред.*

II.

Мы уже дали нашим читателям обзор истории прежних революций в Испании как средство для понимания и оценки процессов развития, которые эта нация в настоящее время представляет взорам всего мира. Еще более интереса, а в качестве источника для понимания современности, пожалуй, столько же ценно, представляет великое национальное движение, сопровождавшее изгнание Бонапартов и вернувшее испанский трон династии, занимающей его донныне. Но чтобы правильно оценить это движение и его героические события, незабываемое зрелище живучести народа, считавшегося чуть не мертвым, мы должны вернуться к первым действиям Наполеона против испанской нации. Действительная причина всего происшедшего, повидимому, впервые была формулирована в Тильзитском договоре, заключенном 7 июля 1807 г. и, как говорят, получившем завершение в секретной конвенции, подписанной князем Куракинским и Талейраном. Договор был опубликован в номере мадридской «Gaceta» от 25 августа 1812 г.; в нем были, между прочим, следующие условия:

Ст. I. России предоставляется завладеть Европейской Турцией и распространить свои владения в Азии настолько, насколько она найдет это нужным.

Ст. II. Бурбонская династия в Испании и Браганцкий дом в Португалии перестанут править. Короны обеих этих стран будут переданы принцам дома Бонапартов.

Предполагая, что этот договор подлинный, — а это едва ли кем-либо оспаривается, как явствует даже из недавно опубликованных мемуаров короля Жозефа Бонапарта, — мы видим, что настоящим основанием для французского нашествия на Испанию в 1808 г. является именно он, между тем как испанские движения этого времени, повидимому, связаны тайными нитями с судьбами Турции.

Когда затем в результате резни в Мадриде и соглашений в Байонне сразу вспыхнули восстания в Астурии, Галисии, Андалузии и Валенсии, а французская армия заняла Мадрид, то Бонапарт под вымышленными предлогами захватил четыре северных крепости — Пампелуну, Сан-Себастьян, Фигерас и Барселону; часть испанской

армии была перевезена на остров Фионию для участия в операциях против Швеции; наконец, все представители власти, — военные, духовные, судебные и административные, — а также и аристократия призывали народ подчиниться захватчику. Был, однако, один момент, который уравнивал все трудности положения. Благодаря Наполеону страна избавилась от короля, королевской фамилии и королевского правительства. Были разбиты оковы, которые мешали испанскому народу проявить свою врожденную энергию. Оставаясь же под властью своих королей в обычных условиях, он был почти неспособен на сопротивление; это доказали бесславные походы 1794 и 1795 гг.

Наполеон вызвал к себе в Байонну самых выдающихся лиц Испании, чтобы собственноручно передать им нового короля и конституцию. За весьма немногими исключениями, явились все. 7 июня 1808 г. король Жозеф принял в Байонне депутацию грандов Испании, от имени которых герцог Инфентадо, ближайший друг Фердинанда VII, обратился к нему с такими словами:

«Государь, гранды Испании всегда славилась верностью своему королю; также и теперь ваше величество найдет в них прежнюю верность и привязанность».

Королевский совет Кастилии уверял бедного Жозефа, что он «был главным отпрыском фамилии, самим небом предназначенной к господству». Столь же низки были приветствия герцога дель-Парке, возглавлявшего депутацию от армии. На следующий день эти же лица издали прокламацию, предписывающую всем покорность династии Бонапартов. 7 июля 1808 г. новая конституция была подписана девяносто одним испанцем высшего ранга; среди них фигурировали герцоги, графы и маркизы, равно как и многие главы духовных орденов. При обсуждении этой конституции их возражения вызвала только отмена древних привилегий и льгот. В состав первого министерства и первого придворного штата Жозефа вошли те же лица, которые принадлежали к министерству и придворному штату короля Фердинанда VII. Часть высших классов видела в Наполеоне человека, посланного провидением для возрождения Испании; другие смотрели на него как на единственный оплот против революции, но никто не верил в возможность успеха национальной борьбы.

Таким образом, с самого начала испанской войны за независимость высшая знать и члены старой администрации выпустили из своих рук руководство буржуазией и народом, ибо они предоставили эти классы самим себе в начале борьбы. На одной стороне были *affrancesados* (офранцузенные), на другой — нация. В Вальядолиде,

Карфагене, Гренаде, Хаэне, Сан-Лукаре, Каролине, Сиудад-Родриго, Кадиксе и Валенсии первые лица прежней администрации — губернаторы, генералы и другие выдающиеся лица, рассматривавшиеся как французские агенты и препятствие национальному движению — пали жертвой разъяренного народа. Власти повсюду были смещены. Уже за несколько месяцев до восстания 19 марта 1808 г. в Мадриде происходили волнения, направленные к тому, чтобы El Chorigero (колбасник — прозвище Годоя) с его ненавистной шайкой были удалены с их постов. Эта цель была теперь достигнута в полном национальном объеме; тем самым внутренняя революция, которой желали народные массы вне всякой связи с борьбой против чужеземного нашествия, совершилась. В целом движение, казалось, было направлено скорее *против* революции, чем *за* нее. Будучи национальным благодаря провозглашению независимости Испании от Франции, оно было также династическим, ибо противопоставляло «возлюбленного» Фердинанда VII Жозефу Бонапарту; оно было реакционно своим противопоставлением древних учреждений, обычаев и законов рациональным новшествам Наполеона; оно было суеверно и фанатично, ибо так называемому французскому атеизму и уничтожению особых привилегий римской церкви противопоставляло «святую религию». Священники, утраченные участием своих французских братьев, из чувства самосохранения возбуждали народные страсти. «Священный елей суеверия, — говорит Соути, — придавал патриотическому пламени еще более силы».

Все войны за независимость, которые в то время велись против Франции, носили двойственный характер: возрождения и реакции в одно и то же время; но нигде этот характер не был выражен в такой степени, как в Испании. В воображении народа король был окружен ореолом романтического принца, угнетаемого и плененного великаном-разбойником. Для народа самые захватывающие и любимые эпохи его прошлого были полны священными и чудесными преданиями о борьбе креста с полумесяцем; к тому же множество народа из низших классов привыкло носить рясу нищего монаха и кормиться за счет церкви. Один испанский писатель, дон-Хосе-Клементе Карнисеро в 1814 и 1816 гг. опубликовал следующую серию произведений: «Наполеон, истинный Дон-Кихот Европы», «Главные события славной испанской революции», «Законное восстановление инквизиции», — одного заглавия этих книг достаточно, чтобы почувствовать тот элемент испанской революции, который мы находим также в манифестах провинциальных хунт; все они ставят на своем знамени короля, святую религию и родину, а некоторые говорят народу даже

о том, что «дело идет о спасении за гробом, ибо грозит опасность его лишиться».

Если крестьянство, жители маленьких городов внутри страны и многочисленная армия нищих в рясах и не в рясах, глубоко пропитанные религиозными и политическими предрассудками, составляли огромное большинство национальной партии, она содержала также деятельное и влиятельное меньшинство, видевшее в борьбе народа против французского нашествия сигнал к политическому и социальному возрождению Испании. Это меньшинство состояло из жителей портовых и торговых городов и отчасти тех провинциальных центров, где при Карле V отчасти развились материальные условия современного общества. Они подкреплялись культурными элементами высшего и среднего классов, писателями, врачами, адвокатами и даже священниками, которым Пиреней не преградили доступа к философии XVIII века. Подлинной декларацией этой группы можно считать знаменитый меморандум Ховельяноса об усовершенствовании земледелия и аграрный закон 1795 г., составленный по приказу королевского совета Кастилии. Наконец, в Испании была еще буржуазная молодежь, как, например, университетское студенчество, с увлечением примкнувшая к стремлениям и принципам французской революции и одно время даже питавшая надежду возродить родину с помощью Франции.

Пока дело шло только об общей защите родины, две крупные составные части национальной партии пребывали в полном согласии. Антагонизм выступил наружу, как только они встретились в кортесах, на арене борьбы за новую конституцию, которую предстояло создать. С целью поддержать в народе патриотический дух революционное меньшинство не задумалось обратиться к национальным предрассудкам старых народных верований. Для непосредственных интересов национальной защиты такая тактика могла представляться целесообразной; однако она роковым образом должна была привести национальное меньшинство к неудаче, когда для интересов консервативной части старого общества наступило бы время использовать те же предрассудки и народные страсти, чтобы разрушить подлинные, конечные планы революционеров.

Покидая Мадрид по требованию Наполеона, Фердинанд учредил Высшую правительственную хунту под председательством инфанта Антонио. Но уже в мае эта Хунта перестала существовать. Центрального правительства не было, и мятежные города образовали свои собственные хунты под руководством своих провинциальных столиц. Эти провинциальные хунты образовали столько же независимых

правительств, каждое из которых организовало свою армию. Хунта представителей в Овьедо объявила, что суверенитет полностью перешел к ней, призвала народ к войне против Бонапарта и отправила делегатов в Англию для заключения перемирия. Позже то же самое было сделано хунтой Севильи. Замечательно, как сила вещей принудила этих фанатичных католиков к союзу с Англией, в которой испанцы привыкли видеть воплощение наихудшей ереси, немногим лучше самого «Великого Турка». Нападение французского атеизма бросило их в объятия британского протестантизма. Поэтому не удивительно, что Фердинанд VII, по возвращении в Испанию, объявил в декрете, восстанавливающем святую инквизицию, что одною из причин, «исказивших чистоту религии в Испании, было пребывание в ней иноземных войск, состоящих из различных сект, одинаково зараженных ненавистью к святой римской церкви».

Провинциальные хунты, которые появились столь неожиданно, совершенно независимо друг от друга, признавали некоторое, — правда, весьма незначительное и неопределенное — руководство Верховной хунты в Севильи, ибо этот город считался столицей Испании, пока Мадрид находился в руках чужестранцев.

Так было установлено некоторое подобие федерального правительства, очень анархическое, которое вследствие столкновений противоположных интересов, местных самолюбий и соперничающих влияний представляло мало пригодное орудие для централизации военного командования и совместных боевых операций.

Воззвания этих хунт к нации проявляют всю героическую мощь народа, внезапно воспрянувшего от долгого сна и словно под действием электрического тока ринувшегося в лихорадочную деятельность; в то же время их стиль не свободен от чрезмерной напыщенности, от паясничества и болтливости, от многословного веле-речия, которые дали Сисмонди повод охарактеризовать испанскую литературу эпитетом восточной. В не меньшей степени эти воззвания говорят о ребяческом тщеславии, свойственном испанскому характеру, и недаром члены хунт украшали себя титулом «высочества» и рядились в пестрые костюмы.

В связи с этими хунтами надо отметить два явления: одно из них показывает приниженное состояние народа в момент его восстания, другое оказалось вредным для успехов революции. Хунты избирались всеобщим голосованием; однако «все усердие низших классов проявлялось в их покорности». Обычно они выбирали своих природных начальников, высшее и низшее провинциальное дворянство, поддерживаемых духовенством и очень редко выдающимися

представителями буржуазии. Народ был до того проникнут сознанием своей беспомощности, что инициативу он проявлял только в том, что принуждал высшие классы к сопротивлению против французов, вовсе не претендуя на участие в руководстве этим сопротивлением. Например, в Севилье «первой мыслью народа было потребовать, чтобы приходское духовенство и главы монастырей собрались для избрания членов хунты». Таким образом, хунты были наполнены людьми, избранными на основании их прежнего социального положения, всего менее похожими на революционных вождей. С другой же стороны, народ, назначая своих начальников, не помышлял ни об ограничении их власти, ни об определении срока. Конечно, хунты думали только о расширении первой и о продлении второго. Таким образом, эти детища народного порыва, произведенные на свет в начале революции, просуществовали до самого ее конца, играя роль плотин против революционного потока, всякий раз как он грозил наводнением.

20 июля 1808 г., в тот самый день, когда Жозеф Бонапарт вступил в Мадрид, Кастаньес принудил 14 000 французов, под командой генералов Дюпона и Видаля, сложить оружие при Байлене, а еще через несколько дней Жозефу пришлось удалиться из Мадрида в Бургос. Сверх того произошли еще два события, сильно поднявшие дух испанцев; генерал Палафокс выгнал Лефевра из Сарагоссы, а в Корунью прибыла семитысячная армия маркиза де-ла-Романьи, которая, не считаясь с французами, отплыла с острова Фионии, чтобы подать помощь своей родине.

После битвы при Байлене революция достигла кульминационного пункта, и та часть высшей знати, которая либо признала династию Бонапарта, либо мудро воздерживалась от выступлений, присоединилась теперь к народному делу, что для последнего явилось преимуществом весьма сомнительного свойства.

III.

Раздел власти между провинциальными хунтами спас Испанию от первого удара французского нашествия не только тем, что во много раз усилил средства страны, но и тем, что лишил нападающих возможности покончить борьбу одним ударом; действительно, французы были в полном недоумении, видя, что центр сопротивления испанцев находится всюду и нигде. Тем не менее, вскоре после капитуляции Байлена и эвакуации Мадрида Жозефом повсюду стали чувствовать необходимость в той или иной форме создать правительственный центр. После первых успехов усиление раздоров между провинциальными хунтами привело, например, к тому, что генерал Кастаньес лишь с трудом удержал Севилью от нападения на Гренаду. Французская армия, за исключением корпуса маршала Бессьера, в полном беспорядке отступала на линию Эбро, и если бы испанцы продолжали энергично теснить ее, она была бы либо без труда рассеяна, либо по меньшей мере принуждена перейти обратно границу; вместо этого ей дали возможность оправиться и занять сильную позицию. Но не эти неудачи, а главным образом зверское усмирение генералом Мерленом восстания в Бильбао вызвало наконец общенациональный протест против завистливого соперничества хунт и беспечного попустительства командиров. Настоятельная необходимость координировать военные операции; уверенность, что Наполеон не замедлит появиться во главе победоносной армии с берегов Немана, Одера и Балтики; потребность в единой власти для заключения договоров и союзов с Великобританией и прочими державами, а также для поддержания связи с испанской Америкой и взимания с нее налогов; присутствие в Бургосе французской центральной власти и необходимость противопоставить чужой святыне свою — таковы были причины, принудившие севильскую хунту, скрепя сердце, отказаться от своего неопределенного и в сущности номинального верховенства и предложить различным провинциальным хунтам избрать из своей среды по два депутата, собрание которых образовало бы центральную хунту; при этом провинциальные хунты должны были сохранить за собой внутреннее управление своими областями, —

«однако при условии надлежащего подчинения центральному правительству». Таким образом, Центральная хунта в составе 35 депутатов от провинциальных хунт (34 собственно испанских и один с Канарских островов) собралась в Аранхуесе 26 сентября 1808 г., как раз накануне того дня, когда властители России и Германии распростерлись ниц перед Наполеоном в Эрфурте.

В условиях революционного времени судьбы армии еще ярче отражают истинную природу гражданского правительства, нежели в обычной нормальной обстановке. Центральная хунта, призванная изгнать неприятеля из Испании, успехами французского оружия была сама принуждена бежать из Мадрида в Севилью, а из Севильи в Кадикс, где ее ждал бесславный конец. Ее правление ознаменовалось целым рядом позорных поражений, уничтожением испанских армий и, наконец, превращением регулярных военных действий в партизанскую борьбу. Вот что говорил Уркихо, один испанский дворянин, капитан-генералу Кастилии Куэсте 3 апреля 1808 г.:

Наша Испания представляет собою готическое здание, сложенное из разнородных кусков; в ней столько же сил, привилегий, законодательств и обычаев, сколько провинций. Ничего подобного тому, что в Европе называется общественным духом, она не имеет. Эти условия всегда будут мешать установлению у нас центральной власти, настолько прочной, чтобы суметь объединить наши национальные силы.

Итак, если действительное состояние Испании в эпоху французского нашествия поставило величайшие препятствия для создания революционного центра, то самый состав Центральной хунты сделал ее неспособной совладать с тем ужасным кризисом, в котором очутилась страна. Для исполнительного органа слишком многочисленная и слишком случайная по составу, она в то же время была слишком малочисленна, чтобы претендовать на авторитет Национального конвента. Уже то обстоятельство, что власть ее членов имела источником полномочия провинциальных хунт, делало ее неспособной преодолеть честолюбие, злонамеренность и капризный эгоизм этих корпораций. Эти хунты, члены которых, как показано в предшествующей статье, выбирались сообразно их прежнему положению в старом обществе, а не их способности создать новое, в свою очередь посылали в Центральную хунту испанских грандов, прелатов, сановников Кастилии, бывших министров, высших гражданских и военных чиновников вместо лиц, выдвинутых революцией. Испанская революция с самого начала потерпела неудачу вследствие ее старания держаться в границах законности и хорошего тона.

Самыми выдающимися членами Центральной хунты, возглавлявшими две большие партии, были Флорида Бланка и Ховельянос; оба они в свое время пострадали от преследований Годоя, оба были когда-то министрами, а теперь стали инвалидами, оба состарились в размеренной и педантичной рутине косного испанского режима, торжественная и обстоятельная медлительность которого вошла в пословицу уже во времена Бекона, который как-то воскликнул: «Хорошо бы, если бы смерть пришла за мной из Испании, она тогда явилась бы в самый поздний час».

Флорида Бланка и Ховельянос являли собою противоположность, которая, однако, вела свое начало от того периода XVIII столетия, который предшествовал эпохе французской революции; первый был плебей-бюрократ, второй — аристократ-филантроп; Флорида Бланка — сторонник и деятель просвещенного абсолютизма, имевшего своими представителям Помбалья, Фридриха II и Иосифа II; Ховельянос — «друг народа», надеявшийся привести его к свободе путем тщательно обдуманной цепи экономических законов и литературной пропагандой возвышенных доктрин; оба были противниками феодальных традиций — один, стремясь освободить от них монархию, другой — стремясь избавить от их оков гражданское общество. Роль каждого из них в истории страны соответствовала различию их идеологии. Флорида Бланка был верховным правителем на посту премьер-министра Карла III, и его правление становилось деспотично в той мере, в какой он наталкивался на сопротивление. Министерская карьера Ховельяноса при Карле IV была кратковременна; свое влияние на испанский народ он приобрел не как министр, а как ученый, не декретами, а книгами. Флорида Бланка, когда политическая буря поставила его во главе революционного правительства, был восьмидесятилетним стариком, сохранившим в целостности только веру в деспотизм и неверие в способность народа к самостоятельности. Когда он был делегирован в Мадрид, он оставил в муниципалитете Мурсии тайный протест, заявляющий, что он уступил только силе и опасности покушений со стороны народа и что он подписал этот протокол, лишь имея в виду оправдать себя перед королем Жозефом в принятии мандата из рук народа. Не довольствуясь возвратом к традициям своего зрелого возраста, он исправил те мероприятия эпохи своего министерства, которые находил предпринятыми слишком поспешно. Так, в свое время он изгнал иезуитов из Испании; теперь же, едва став членом Центральной хунты, он добился разрешения вернуться им «в качестве частных лиц». Единственная перемена, происшедшая с тех пор, заключа-

лась, по его мнению, лишь в том, что Годой, изгнавший его и лишивший великого графа Флориду Бланку его всемогущества, был сам теперь заменен тем же графом Флоридой Бланкой и в свою очередь подвергнут изгнанию. Таков был человек, которого Центральная хунта избрала своим президентом и которого ее большинство признало своим непогрешимым вождем.

Ховельянос, стоявший во главе влиятельного меньшинства Центральной хунты, был тоже уже стар и утратил значительную часть своей энергии в долговременном и тяжком заключении, которому в свое время подверг его Годой. Но даже в лучшие годы своей жизни он не был человеком настоящего революционного действия, а скорее благонамеренным реформатором, слишком разборчивым в своих средствах и потому неспособным доводить дело до конца. Во Франции он пошел бы вместе с Мунье или Лалли-Толлендалем, но не ступил бы ни шагу дальше. В Англии он стал бы популярным членом палаты лордов. В мятежной Испании он был способен давать идеи пылкой молодежи, в сфере же действия ему было далеко даже до покорного упрямства Флориды Бланки. Не чуждый аристократических предрассудков и потому весьма склонный к англomanии в духе Монтескье, этот безупречный характер был, казалось, воплощенным свидетельством, что если в Испании мог появиться ум, способный к общим идеям, то лишь как исключение и за счет личной энергии; эту последнюю испанцы обнаруживали лишь в местных делах.

Впрочем, в Центральной хунте было несколько человек во главе— с делегатом Сарагоссы дон-Лоренсо Кальво-да-Росасом, которые, разделяя реформаторские воззрения Ховельяноса, в то же время толкали к революционным действиям. Однако, при их малочисленности и отсутствии среди них громких имен, им было не под силу вытащить тяжелую государственную колесницу Хунты из глубокой колеи испанского церемониала.

Этот-то орган власти, составленный столь примитивно, внутренне столь вялый, вдохновляемый отжившими воспоминаниями, был призван совершить революцию и победить Наполеона. Если язык его манифестов был столь же силен, сколь были слабы его действия, то виною этому был испанский поэт дон-Мануэль Кинтана; Хунта проявила литературный вкус, назначив его секретарем и поручив ему составление своих манифестов.

Как напыщенные герои Кальдерона, которые, принимая условные титулы за настоящее величие, докладывают о себе утомительным перечислением своих титулов, так и Хунта прежде всего занялась присвоением себе почестей и отличий, соответствующих ее

выдающемуся положению. Ее президент получил титул «высочества», прочие члены — «превосходительства», а всей Хунте в целом был присвоен титул «величества». Ее члены нарядились в маскарадный мундир, похожий на генеральский, украсили грудь значком, изображающим Старый и Новый свет, и назначили себе годовое содержание в 120 000 реалов. В полном согласии с духом старой испанской традиции они считали, что величественно и достойно вступить на историческую сцену Европы вожди восставшей Испании могут, только задрапировавшись в театральные костюмы.

Изложение внутренней истории Хунты и деталей ее управления не входит в задачу настоящих очерков. Мы ограничимся здесь ответом на два вопроса. Каково было влияние Хунты на развитие революционного движения Испании, во-первых, и на защиту страны, во-вторых? Ответ на эти два вопроса разъяснит многое в испанских революциях XIX века, что до сих пор казалось непонятным.

Вначале большинство членов Центральной хунты видело свой долг прежде всего в подавлении первых революционных порывов. Сообразно этому Хунта усилила прежние строгости против прессы и назначила нового великого инквизитора, которому, к счастью, французы помешали вступить в исполнение своих обязанностей. Хотя большая часть земельной собственности в Испании была изъята из оборота правом «мертвой руки» — в наследственных поместьях знати и неотчуждаемых имениях церкви, — Хунта распорядилась приостановить уже начавшуюся продажу имений «мертвой руки», угрожая даже аннулировать частные сделки по продаже церковных имений. Она признала национальный долг, но не приняла никаких финансовых мер ни для того, чтобы освободить бюджет от огромной массы повинностей, обременивших его в результате векового хозяйничанья сменявших друг друга продажных правительств; ни для того, чтобы преобразовать их систему, несправедливость, нелепость и тяжесть которой вошли в пословицу; ни для того, наконец, чтобы открыть нации новые источники производительной деятельности разрушением оков феодализма.

IV.

Уже во времена Филиппа V Франсиско-Бенитола Соледад говорил: «Все беды Испании происходят от ее тогадов (юристов)». Во главе пагубной судебной иерархии Испании стоял «Consejo Real» [Королевский совет] Кастилии. Рожденный в бурную эпоху дон-Хуанов и Генрихов, усиленный в своем значении Филиппом II, который открыл в нем достойное дополнение Santo officio [инквизиционного трибунала], этот Совет воспользовался бедствиями тех времен и слабостью последних королей для того, чтобы путем захвата сосредоточить в своих руках самые разнообразные полномочия и к своим функциям верховного судилища присоединить функции законодателя и высшего контролирующего органа всех королевств Испании. Таким образом по своей власти он превзошел даже французский парламент, на который во многом походил, — кроме того, что никогда не становился на сторону народа. Будучи самой могущественной властью старой Испании, Королевский совет был, конечно, самым непримиримым врагом новой Испании, равно как всех недавно возникших народных властей, угрожавших ослабить его верховное влияние. Возглавляя сословие юристов и представляя воплощенную гарантию их злоупотреблений и привилегий, Совет, естественно, располагал всей совокупностью многочисленных и мощных интересов, связанных с испанской юстицией. Таким образом, он представлял силу, с которой революция не могла вступить в компромисс; революция должна была уничтожить эту силу, чтобы самой не быть уничтоженной ею. Как мы видели в одной из прежних статей, Совет продался Наполеону и этой изменой потерял свой авторитет в глазах народа. Однако в день вступления в исполнение своих обязанностей Центральная хунта имела глупость сообщить Совету о своем сформировании и потребовать от него присяги на верность; при этом Хунта объявила, что по принесении присяги Советом она разошлет формулу последней всем прочим властям королевства. Этот неосмотрительный шаг, вызвавший открытое осуждение всей революционной партии, показал Совету, что Центральная хунта нуждается в его поддержке; естественно, что он воспрянул духом и через несколько дней после

притворных колебаний с затаенным недоброжелательством выразил свое подчинение Хунте. Присяга сопровождалась со стороны Совета выражением его собственных реакционных сомнений, вылившимся в форму рекомендации Хунте самораспуститься, сократив свой состав до трех-пяти членов, согласно закону 3, разделу 2, параграфу 15, и силою закрыть провинциальные хунты. После разгона Королевского совета французами, вернувшимися в Мадрид, Центральная хунта, не довольствуясь своим первым промахом, имела безрассудство воскресить Совет, создав Consejo Reunido, т. е. объединение Королевского совета со всеми прочими обломками древних королевских советов. Таким образом сама же Хунта создала для дела контр-революции центральный орган, который, конкурируя с ее влиянием, все время устраивал ей затруднения и препятствия интригами и заговорами, толкал ее на самые непопулярные шаги, а затем, с видом благородного негодования, выставлял ее на позор перед возбужденной народной массой. Нужно ли говорить, что, признав, а затем и восстановив Королевский совет, Центральная хунта оказалась не в состоянии провести какую-либо реформу ни в устройстве испанских судов, ни в совершенно негодном гражданском и уголовном законодательстве.

Несмотря на то, что в испанском восстании преобладали национальные и религиозные элементы, в два первые его года в нем существовали самые решительные тенденции к социально-политическим реформам; это доказывается всеми заявлениями провинциальных хунт того времени, которые, даже будучи составлены в большинстве из представителей привилегированных классов, не переставая осуждали старый порядок и обещали радикальные реформы. Далее, этот факт доказывается манифестами Центральной хунты.

В своем первом обращении к нации от 8 ноября 1808 г. Хунта говорит:

Тирания, осуществляемая в течение двадцати лет самым негодным образом, бросила страну на край гибели; ненависть и раздор отдалили нацию от ее правительства. Еще недавно угнетенный и униженный, не сознавая собственной мощи, не находя ни в учреждениях, ни в законах защиты против злоупотреблений правительства, народ считал чужеземное владычество менее ненавистным, нежели эту губительную тиранию. Господство воли, всегда капризной и почти всегда неправой, длилось слишком долго; терпением народа, его любовью к порядку и великодушной лояльностью слишком долго злоупотребляли; пришло время, когда закон, основанный на общем благе, должен вступить в свои права. Реформа стала необходима во всех областях жизни. Хунта образует различные комитеты, имеющие свои особые ведомства, и к ним должно направлять все письменные предложения по части правительства и администрации.

В своем обращении от 28 октября 1808 г., изданном в Севилье, Хунта говорит:

Слабый и дряхлый деспотизм подготовил путь тирании французов. Допустить в государстве повторение прежних злоупотреблений было бы столь же чудовищным преступлением, как предать вас в руки Бонапарта.

В Центральной хунте, как видно, произошло самое оригинальное разделение труда: между тем как партии Ховельяноса разрешили провозглашать и облекать в форму протоколов революционные стремления нации, партия Флориды Бланки доставляла себе удовольствие называть их ложью и революционным химерам противопоставлять контр-революционные действия. Как бы то ни было, для нас важно, на основании признаний провинциальных хунт, сделанных Центральной хунте, доказать существование часто отрицаемого факта революционных стремлений в эпоху первого испанского восстания.

О способе, каким Центральная хунта пользовалась благоприятными поводами для реформ, представлявшимися благодаря доброй воле нации, давлению обстоятельств и наличию непосредственной опасности, можно составить себе понятие по влиянию, которое оказывали ее комиссары в различных провинциях, куда их рассылали. Один испанский автор простодушно рассказывает нам, что Центральная хунта, не страдая избытком талантов, старательно удерживала выдающихся своих членов в центре, а ни на что не способных отправляла на окраины. Эти комиссары были облечены полномочием председательствовать в провинциальных хунтах и быть представителями Центральной хунты во всей полноте ее функций. Приведем лишь несколько примеров их деятельности: генерал Романья, которого испанские солдаты прозвали маркизом де-лас-Ромериасом [странствующим] за его вечные марши и контр-марши, причем сражения происходили только, если ему случалось быть в отлучке, — этот Романья, разбитый Сультом и выгнанный из Галисии, явился в Астурию в качестве комиссара Центральной хунты. Первым его действием было отыскать повод для ссоры с провинциальной хунтой Овьедо, энергичные революционные меры которой возбудили ненависть привилегированных классов. Он не задумался распустить ее и заменить собственными ставленниками. Маршал Ней, узнав о несогласиях в провинции, где до тех пор сопротивление французам было всеобщим и единодушным, немедленно повел свои силы в Астурию, прогнал маркиза де-лас-Ромериаса, вступил в Овьедо и подверг этот город трехдневному грабежу. Когда же, в конце 1809 г., французы очистили Галисию, наш маркиз и комиссар Центральной хунты вступил в Корунью, присвоил всю государственную власть себе, уничтожил окружные

хунты, размножившиеся параллельно с восстанием, на их место назначил военных губернаторов, угрожая бывшим членам хунт преследованием, да и в самом деле преследуя патриотов и нарочно выказывая высшую благосклонность лицам, ставшим на сторону врагов, наконец во всех отношениях проявлял себя как вредный, несдержанный и капризный болван. В чем же заключались проступки провинциальной и окружных хунт Галисии? Они издали приказ о всеобщем рекрутском наборе без изъятия классов или лиц; они взимали налоги с капиталистов и собственников; они убавили жалование государственных чиновников; они приказали духовным корпорациям предоставить в распоряжение хунт наличность их касс; словом, они приняли революционные меры. Со времени знаменитого маркиза де-лас-Ромериаса Астурия и Галисия, две провинции, наиболее отличившиеся своим общим сопротивлением французам, — стали уклоняться от участия в войне за независимость, лишь только им перестала грозить непосредственная опасность нашествия.

В Валенсии, где, казалось, открывались новые перспективы, пока народ был предоставлен самому себе и своим выборным вождям, революционный дух был сломлен влиянием центрального правительства. Не довольствуясь подчинением этой провинции некоему дон-Хосе Каро с чином генерала, Центральная хунта отправила в нее «собственного» комиссара, барона Лабасору. Этот барон вменил провинциальной хунте в вину то, что она не подчинилась некоторым приказам сверху, и отменил ее декрет, в силу которого назначения на вакантные должности каноников, церковных бенефиций и командорств были вполне правильно приостановлены, а доходы с них предназначены в пользу военных госпиталей. Это подало повод к ожесточенному спору между Центральной хунтой и хунтой Валенсии; это же объясняет позднейшее бездействие Валенсии под либеральным управлением маршала Сюше, а после возвращения Фердинанда VII — ее старание провозгласить последнего королем в противовес тогдашнему революционному правительству.

В Кадиксе, самом революционном пункте Испании того времени, присутствие комиссара Центральной хунты, глупого и тщеславного маркиза де-Виттеля, вызвало восстание 22 и 23 февраля 1809 г., которое имело бы самые губительные последствия, если бы не удалось своевременно превратить его в войну за независимость.

Самым ярким примером бестактности Центральной хунты в назначениях комиссаров является отправка делегатом к Веллингтону сеньора Лосано-де-Торрес, который, унижаясь до роли льстеца при английском генерале, секретно уведомлял Хунту, что жалобы

последнего на недостаток продовольствия совершенно неосновательны. Открыв двуличие этого подлеца, Веллингтон с позором выгнал его из своего лагеря.

Центральная хунта находилась в самых благоприятных условиях для выполнения того, что она провозгласила в одном из своих обращений к испанской нации: «Провидению было угодно, чтобы среди этого ужасного кризиса вы не могли подвинуться ни на шаг к независимости, не приближаясь в то же время к свободе». Когда Хунта взяла бразды правления, французы еще не овладели и третьей частью испанской территории. Прежние власти либо отсутствовали, либо подчинились неприятелю, либо были распущены по его приказанию. Во имя защиты общего отечества Хунта могла бы выполнить любую социальную реформу, передающую владение и влияние от церкви и аристократии — буржуазии и крестьянству. На ее долю выпало то же счастье, как в свое время на долю Комитета общественного спасения во Франции, а именно: внутреннее потрясение было усилено необходимостью обороны от нападения извне; кроме этого Центральная хунта имела перед собой пример смелой инициативы некоторых провинциальных хунт, инициативы, вызванной давлением обстоятельств. Но Центральная хунта, мало того что мертвым грузом повисла на испанской революции, она в буквальном смысле действовала в пользу контр-революции: восстанавливала прежние власти, снова ковала уже разбитые цепи, старалась тушить пламя революции всюду, где оно загоралось, бездействовала сама и мешала действовать другим. Во время пребывания Хунты в Севилье даже английское правительство ториев 20 июля 1809 г. сочло нужным обратиться к ней с нотой, содержащей решительный протест против взятого ею контр-революционного курса, «в опасении, как бы она не подавила энтузиазм общества». Кто-то заметил, что Испания претерпевала все бедствия революции, не испытывая роста сил, порождаемых ею. Если в этом замечании есть доля правды, оно произносит уничтожающий приговор Центральной хунте.

Мы нашли тем более необходимым остановиться на этой стороне дела, что еще ни один европейский историк не понял ее решающего значения. Только под властью Центральной хунты было возможно связать насущные вопросы и нужды национальной обороны с преобразованием испанского общества и освобождением его природного гения, без чего всякая политическая конституция должна рассыпаться в прах при малейшем столкновении с реальной жизнью. Кортесы находились в совершенно противоположных условиях: оттесненные с территории полуострова на остров, стрезанные в течение двух лет от основной

части монархии осадной французской армией, они представляли идеальную Испанию, между тем как реальная Испания была завоевана или сражалась. Во время кортесов страна была разделена на две части. На острове де-Леон — идеи без дел, в остальной Испании — деятельность без идей. Напротив, в эпоху Центральной хунты нужно было проявление исключительной слабости, неспособности и злой воли со стороны верховного правительства, чтобы оторвать испанскую войну от испанской революции. Вопреки утверждению французских и английских авторов, кортесы потерпели неудачу не потому, что они действовали революционно, но потому, что их предшественники были реакционерами и упустили удобный момент для революционного действия. Новые испанские авторы, хотя и обижаются на англо-французских критиков, однако оказываются неспособны их опровергнуть, и их все еще коробит острота аббата де-Прадта: «Испанский народ похож на жену Сганарелля, которой хочется быть битой».

V.

Центральная хунта не сумела защитить родину, ибо она не выполнила свою революционную миссию. Она сама сознавала свою слабость, неустойчивость своей власти и свою чрезвычайную непопулярность. Могла ли она пытаться прекратить соперничество, зависть и властные претензии генералов — общее явление всех революций — иными способами, иначе как недостойными хитростями и мелочными интригами? Поскольку Хунта находилась в состоянии постоянного страха и подозрительности перед своими военными командирами, мы можем вполне доверять следующему письму Веллингтона к его брату маркизу Веллеслей от 1 сентября 1809 г.:

Мои наблюдения над действиями Центральной хунты заставляют меня опасаться, что в распределении своих сил она руководится не столько целями военной обороны и боевых операций, сколько политическими интригами и мелкими политическими целями.

В революционные эпохи, когда все узы подчинения ослабевают, военную дисциплину можно восстановить только строгим подчинением генералов дисциплине гражданской. Так как Центральной хунте с ее нелепым устройством никогда не удавалось сдерживать своих генералов, то и этим последним не удавалось добиться повиновения от солдат, так что до самого конца войны испанская армия ни разу не достигала среднего уровня дисциплины и повиновения. Распущенность в армии поддерживалась вечной нуждой в продовольствии, одежде и всех предметах, необходимых для армии, ибо мораль армии, употребляя выражение Наполеона, зависит всецело от ее материальных условий. Центральная хунта была неспособна без перебоев снабжать армию, ибо поэтические манифесты бедняги Кинтаны для этого не годились, применить же наряду с декретами принуждение значило прибегнуть к тем самым революционным мерам, которые сама же Центральная хунта осудила в провинциях. Даже всеобщий набор без привилегий и льгот и предоставление всем испанцам доступа к любому чину в армии были делом провинциальных хунт, а не центральной. Итак, если поражения испанских армий были

вызваны неспособностью Центральной хунты произвести революцию, то они в свою очередь еще более угнетающе действовали на правительство и, навлекая на него презрение и подозрения народа, усиливали его зависимость от притязательных, но бездарных военных вождей.

Испанская регулярная армия, повсюду терпя поражения, тем не менее оказывалась всюду. Двадцать раз рассеянная, она снова стояла против неприятеля в боевой готовности и часто после поражения являлась с возросшими силами. Бить ее было бесполезно, ибо, быстро убегая, она терпела ничтожные потери людьми, а о потере поля битвы она не заботилась. В беспорядке удирая в ущелья гор, отряды знали, что они опять соберутся и появятся в самый неожиданный момент, с новыми подкреплениями и с возможностью, если и не сопротивляться французским армиям, то, по меньшей мере, не давать им покоя и заставляя разбрасывать свои силы. Испанцы были счастливее русских, им не надо было сперва умереть, чтоб потом воскреснуть из мертвых.

Неудачная битва при Оканьи 19 ноября 1809 г. была последним большим правильным сражением, которое дали испанцы; с этих пор они ограничились исключительно герильерской [партизанской] войной. Уже самый факт отказа от регулярной войны свидетельствует, что национальный правительственный центр ступивался перед центрами местными. Когда поражения регулярной армии стали постоянным явлением, повсюду появились отряды герильеров, и народная масса, не думая о поражениях армии, восхищалась единичными подвигами своих героев. По крайней мере, в этом пункте Центральная хунта разделяла всеобщие иллюзии: «Gaceta» давала более подробные отчеты о какой-нибудь стычке герильеров, чем о сражении при Оканьи».

Как Дон-Кихот своим копьём протестовал против пороха, так и герильеры протестуют против Наполеона; различие—только в успехе. «Эти герильеры, — говорит «Австрийский военный журнал» (т. I, 1821), — свою операционную базу носили, так сказать, в себе самих, и всякая военная операция, против них направленная, оканчивалась тем, что самый объект ее исчезал».

В истории герильерской войны надо различать три периода. В первом периоде население целых провинций бралось за оружие и вело партизанскую войну, как, например, в Галисии и Астурии. Во втором периоде отряды герильеров, составленные из остатков разбитых армий, дезертировавших из французских армий испанцев, из контрабандистов и пр., вели войну на свой риск и страх,

независимо от всяких иностранных влияний и в соответствии с собственным непосредственным интересом. Счастливые события и обстоятельства нередко отдавали им во власть целые округа. Пока организация герильеров была такова, они, как боевая единица, не казались страшны, но тем не менее были чрезвычайно опасны для французов. Герильеры представляли основу фактического вооружения народа. Всякий раз, как представлялся случай поживиться крупной добычей или имелась в виду более сложная операция, из народной массы выходили предприимчивые смельчаки и присоединялись к герильерам. Они стремительно бросались на свою добычу или располагались в боевом порядке, в зависимости от цели своего предприятия. Нередко можно было видеть, как они целый день подстерегали осторожного врага с целью перехватить курьера или забрать себе обоз. Таким-то образом Мина младший захватил вице-короля Наварры, назначенного Жозефом Бонапартом, а Хулиан взял в плен коменданта Сиудад-Родриго. Как только дело заканчивалось, каждый шел своей собственной дорогой, и можно было видеть, как вооруженные люди рассеивались во всех направлениях; приставшие же к герильерам крестьяне спокойно возвращались к своим обычным занятиям, и «их отсутствие проходило незамеченным». В результате сообщения по всем дорогам были прерваны. Врагов были тысячи, но ни один не был видим. Нельзя было отправить курьера, рискуя отдать его в руки врага; послать продовольствие, которое бы не было перехвачено; словом, за всяким движением французов следили сотни неприятельских глаз. Между тем поразить зло в самом корне было невозможно. Французам приходилось ежеминутно быть наготове против врага, который, беспрестанно убегая, появлялся вновь и, оставаясь невидимым, находился всюду, ибо каждая гора служила ему прикрытием. «Силы французов, — говорит аббат де-Прадт, — истощались не сражениями, но беспрестанными мелкими атаками невидимого неприятеля, который тут же исчезал в массе народа, но тотчас же снова появлялся с обновленными силами. Лев, замученный до смерти комаром в басне, — вот верная картина французской армии». В третий период герильеры стали подражать регулярной армии; их отряды возросли до 3 — 6 тысяч человек, потеряли связь с округами и стали под команду нескольких вождей, которые употребляли их для собственных целей. Эта перемена организации герильеров была весьма на-руку французам. Вследствие своей многочисленности уже не будучи в состоянии скрываться и внезапно исчезать, избегая сражения, как прежде, герильеры часто давали захватывать себя врасплох, терпели

поражения и на долгое время теряли способность вредить французам.

Сравнивая три периода герильерской войны с политической историей Испании, мы видим, что они представляют соответствующие стадии остывания мужества народа по вине контр-революционно настроенного правительства. Партизанская война началась с восстания целых масс населения и продолжалась силами отрядов герильеров, опиравшихся на целые округа; она закончилась превращением последних в нерегулярные военные части, которые либо вырождались в шайки бандитов, либо преобразовывались в регулярные полки.

Отрыв от верховного правительства, падение дисциплины, постоянные поражения, беспрестанные формирования, расформирования и переформирования в течение шести лет, — все эти явления роковым образом придали испанской армии в целом преторианский характер и сделали ее одинаково способной превратиться в руках вождей в их послушное орудие или в бич населения. Генералы сами были принуждены принимать участие в центральном правительстве, вздорили с ним или составляли против него заговоры; они постоянно бросали свой меч на чашку политических весов. Так, Куэста, доверие к которому со стороны Центральной хунты, повидимому, росло по мере его поражений в битвах, начал с заговоров против нее совместно с Королевским советом и ареста представителей Леона в Центральной хунте. Генерал Морла, член Центральной хунты, перешел в бонапартистский лагерь, предварительно сдав Мадрид французам. Нахал маркиз де-лас-Ромериас, тоже член Центральной хунты, строил ей козни вместе с хвастуном Франсиско¹ Палафоксом, негодяем Монтихо и буйной хунтой Севильи. Генералы Кастаньес, Блек, Лабисбаль (один из О'Доннелей) были правителями в эпоху кортесов и занимались интригами, а капитан-генерал Валенсии дон-Ксавье Элио в конце концов предал Испанию на милость Фердинанда VII. Преторианский элемент, несомненно, был гораздо ярче выражен среди генералов, нежели в их войсках.

Во время войны герильеры получили часть своих командиров, как Порлье, Ласи, Эрольес и Вильякампа, из среды выдающихся офицеров линейных полков, и в свою очередь линейные войска впоследствии получили командиров из вождей герильеров, как Мина, Эмпесинадо и другие; и армия и герильеры представляли самую революционную часть испанского общества, ибо они набирались из

¹ В тексте ошибочно: «Хосе». *Ред.*

всех слоев без разбора, между прочим из среды пылкой, стремящейся вперед патриотической молодежи, свободной от расслабляющего влияния центрального правительства, сбросившей с себя оковы старого режима; некоторые из этой молодежи, как Риэго, уже побывали во французском плену. Поэтому нас не должно удивлять влияние, оказанное испанской армией на события в последующих движениях, как в тех случаях, когда она выступала с революционной инициативой, так и в тех, когда своим преторианским характером она вредила делу революции.

Что касается герильеров, то ясно само собою, что, проведя много лет на арене кровавой борьбы, усвоив себе привычки к бродяжничеству, потворствуя всем страстям ненависти и мстительности и любви к грабежу, они должны были в мирное время превратиться в самый опасный сброд, по первому знаку готовый во имя любой партии или любого принципа примкнуть к тому, кто мог щедро заплатить им или доставить случай поживиться добычей.

I.

24 сентября 1810 г. чрезвычайные кортесы собрались на острове де-Леон; 20 февраля 1811 г. они перенесли свои заседания в Кадикс; 19 марта 1812 г. они обнародовали новую конституцию и через три года после открытия, 20 сентября 1813 г., закончили свои заседания.

Обстоятельства, при которых собрался этот конгресс, не имеют ничего себе подобного в мировой истории. Мало того, что еще ни разу в прошлом не было законодательного собрания, участники которого сошлись бы с столь различных частей земного шара для решения судьбы столь обширных территорий в Европе, Америке и Азии, с таким разнообразием племен и с такою сложностью интересов, — замечательно еще и то, что почти вся Испания была занята французами, а сам конгресс, фактически отрезанный от страны неприятельской армией и запертый на крохотном клочке земли, должен был издавать законы пред лицом окружающей его и осаждающей армии. Из отдаленного уголка Гадитанского острова конгресс приступил к заложению основ новой Испании, подобно тому, как его предки действовали с горных высот Кавадонги и Собрарве. Как объяснить тот замечательный факт, что конституция 1812 г., позже, на конгрессе в Вероне, заклеянная коронованными особами всей Европы как самое мятежное изобретение якобинства, вышла из головы древней монашеской и абсолютистской Испании в момент, когда, казалось, страна была целиком поглощена священной войной против революции? И опять же, как объяснить внезапное исчезновение этой же конституции, подобной призрачной тени, — «*sueno de sombra*», по выражению историков — при первой же встрече с живым представителем Бурбонов? Если рождение конституции 1812 г. загадка, то ее смерть тоже загадка. Чтобы разрешить ее, мы начнем с краткого рассмотрения самой конституции 1812 г., которую испанцы снова попытались воплотить в жизнь еще два раза — сначала в годы от 1820 до 1823 и потом в 1836 году.

Конституция 1812 г. состоит из 334 статей и содержит следующие 10 разделов: 1) об испанской нации и испанцах; 2) о территориях

Испании, ее религии, правительстве и испанских гражданах; 3) о кортесах; 4) о короле; 5) о судах и отправлении правосудия, гражданского и уголовного; 6) о внутреннем управлении провинций и общин; 7) о налогах; 8) о национальных военных силах; 9) о народном просвещении; 10) о соблюдении конституции и способах производить в ней изменения.

Исходя из того принципа, что «носителем верховной власти по существу является нация, которой поэтому принадлежит исключительное право устанавливать основные законы», конституция, тем не менее, провозглашает принципы разделения властей, в силу которого «законодательная власть передается кортесам совместно с королем», исполнение законов вверяется королю, а «применение законов в гражданских и уголовных делах принадлежит исключительно судебным учреждениям, причем ни кортесы, ни король отнюдь не имеют полномочий отправлять судебные функции, вести в суде подлежащие решению дела или назначать пересмотр решений, уже состоявшихся».

Основой национального представительства является население, причем один депутат приходится на каждые 70 000 душ. Кортесы состоят из одной палаты, а именно палаты депутатов; выборы производятся всеобщим голосованием. Избирательным правом пользуются все испанцы за исключением домашней прислуги, обанкротившихся и преступников. После 1830 г. не могут пользоваться этим правом все граждане, не умеющие читать и писать. Однако порядок выборов — косвенный, ибо они проходят через три ступени, приходских, окружных и провинциальных. Имущественного ценза для депутата не требуется. Правда, согласно ст. 92, «для права быть избранным в кортесы необходимо обладать соответствующим годовым доходом от личной недвижимой собственности», однако ст. 93 отсрочивает действие предыдущей до тех пор, пока кортесы в своих будущих собраниях объявят, что время ее применения наступило. Король не обладает правом ни распускать, ни отсрочивать кортесы, которые ежегодно собираются в столице 1 марта, для чего не требуется их созыва, и заседают по крайней мере три месяца к ряду.

Новые кортесы избираются через каждые два года, и ни один депутат не может заседать в двух кортесах подряд, т. е. депутат может быть переизбран лишь после промежуточных кортесов двухлетнего срока. Никакой депутат не может добиваться или принимать от короля награды, пенсии или почетные отличия. Государственные секретари, государственные советники и все должностные лица

королевского двора не могут быть депутатами кортесов. Никакой государственный чиновник, состоящий на службе правительства, не может быть избран депутатом в кортесы от провинции, в которой он отправляет свою должность. Для возмещения депутатам их расходов каждая провинция должна уплачивать суточные в таком размере, в каком кортесы во втором году данного состава назначат для депутатов следующего состава. Кортесы не могут обсуждать вопросы в присутствии короля. Если министры имеют сделать кортесам какое-либо сообщение от имени короля, они могут присутствовать при дебатах, когда и как кортесы сочтут это удобным, могут также участвовать в них, но не могут присутствовать при голосовании. Король, принц Астурийский и регенты обязаны принести присягу конституции в присутствии кортесов, которые определяют все вопросы факта или права, могущие возникнуть в связи с порядком престолонаследия, а в случае необходимости могут выбрать регента. Кортесы одобряют, до ратификации, все договоры, касающиеся наступательных союзов, субсидий и торговли, разрешают или воспрепятствуют допущению иностранных войск на территорию королевства, предписывают создание или упразднение должностей в судебных учреждениях, установленных конституцией, а также создание или упразднение государственных должностей; они определяют на каждый год по предложению короля состав сухопутных и морских сил во время мира и во время войны, издают распоряжения по армии, флоту и национальной милиции во всех их ведомствах; определяют расходы государственного управления, ежегодно устанавливают налоги, в случае надобности заключают государственные займы, решают обо всем, касающемся монеты, мер и весов; устанавливают общий план народного просвещения, охраняют политическую свободу печати, принимают меры к тому, чтобы ответственность министров действительно осуществлялась и т. д. Король имеет только отсрочивающее вето, которое он может применить лишь в течение двух последовательных сессий, но если тот же законопроект будет предложен в третий раз и одобрен кортесами следующего года, то согласие короля предполагается полученным, и он обязан дать его. До окончания каждой сессии кортесы назначают постоянную комиссию из семи членов, заседающую в столице до следующего собрания кортесов с полномочием наблюдать за строгим соблюдением конституции и выполнением законов; она докладывает ближайшим кортесам о всяком замеченном ею нарушении, а в критические моменты имеет право созвать чрезвычайную сессию кортесов. Король не может покинуть страну без согласия кортесов. Для вступления в брак он

тоже испрашивает их разрешение. Кортесы назначают ежегодную сумму доходов королевского двора.

Единственным личным советом при короле является Государственный совет, в котором министры не участвуют и который состоит из сорока членов — четырех из духовенства и четырех из грандов Испании, остальные набираются из выдающихся администраторов, выбранных королем из списка ста двадцати лиц, назначенных кортесами; но ни один депутат не может быть советником и никакой советник не может принимать от короля должностей, почетных отличий или назначений. Государственные советники не могут быть уволены без достаточных оснований, доказанных в высшей судебной палате. Кортесы определяют жалование этих советников, мнение которых по всем важным вопросам король обязан выслушивать и которые назначают кандидатов на церковные и судебные посты. В судебном ведомстве упраздняются все старые «consejos» [советы] и вводится новая организация судебных учреждений, создается Высшая судебная палата для суда над министрами в случае их обвинения, для разбора всех случаев увольнения или отстранения от должности государственных советников и членов судебных палат и т. д. Ни один процесс не может быть начат без доказательства сделанной предварительно попытки примирения. Пытка, принудительное взимание и конфискация имущества отменяются. Все чрезвычайные суды упраздняются, за исключением военных и церковных, однако на их решения допускается апелляция в Высшую судебную палату.

Для внутреннего управления городов и общин (где последних нет, они должны быть образованы из округов с населением в 1 000 душ) составляются аюнтаменты из одного или более магистратов, ольдерменов и общинных советников под председательством начальника полиции (*corregidor*), причем все избираются всеобщим голосованием. Ни один государственный чиновник во время состояния его на королевской службе не может быть избран магистратом, ольдерменом или общинным советником. Муниципальные должности считаются общественной службой, от которой никто не может быть освобожден без уважительных причин. Муниципальные учреждения выполняют свои обязанности под наблюдением провинциальных депутатий.

Политическое управление провинций поручается губернатору (*gefe politico*), назначаемому королем. В помощь ему придана депутация, в которой он является председателем и которая избирается округами, собравшимися для общих выборов в кортесы.

Эти провинциальные депутации состоят из семи членов, в помощь им дается секретарь, оплачиваемый кортесами. Они ежегодно собираются в сессии длительностью не более девяноста дней. Характер их прав и обязанностей позволяет их рассматривать как постоянные комиссии кортесов. Все члены аюнтаментов и провинциальных депутатий при вступлении в должность присягают на верность конституции. Что касается налогов, то все без изъятия испанцы обязаны пропорционально своим средствам делать взносы на покрытие государственных расходов. Все таможи упраздняются за исключением портовых и пограничных. Все без исключения испанцы подлежат воинской повинности, и рядом с регулярной армией в каждой провинции должны быть сформированы корпуса национальной милиции, состоящие из жителей провинции, соответственно населению и условиям быта. Наконец, конституция 1812 г. не может быть изменена, расширена или исправлена даже в мелочах до истечения восьми лет со дня ее вступления в силу.

Составляя этот новый план испанского государства, кортесы, разумеется, сознавали, что столь современная политическая конституция окажется совершенно несовместима со старой социальной организацией, и, соответственно этому, они обнародовали целую серию декретов с целью органического преобразования гражданского общества. Так, они уничтожили инквизицию. Они уничтожили сеньориальную юстицию со всеми ее исключительными феодальными привилегиями, запретами и лишениями, т. е. правом охоты, рыбной ловли, пользования лесом, мельницей и т. д., за исключением лишь тех прав, которые были приобретены в свое время покупкой и подлежали выкупу. Они уничтожили десятины по всему королевству, отменили назначение на все церковные должности, не связанные с отправлением церковных служб, и предприняли шаги в целях упразднения монастырей и конфискации их собственности.

Они намеревались превратить в частную собственность обширные пустоши, королевские домены и общинные земли продажей половины их площади на предмет погашения государственного долга и раздачей другой части мелкими участками, в качестве патриотического вознаграждения, демобилизованным солдатам войны за независимость и предоставлением третьей части бесплатно и тоже участками бедным крестьянам, которые желали бы иметь землю, но не в состоянии ее купить. Они разрешили огораживание пастбищ и прочей земельной собственности, прежде запрещенное. Они отменили нелепый закон, запрещавший превращать пастбища в пахотную землю, а пахотную землю в пастбище, и вообще освободили земледелие

от прежних произвольных и смешных правил. Они отменили все феодальные законы об арендных договорах, а также закон, в силу которого наследник неотчуждаемого поместья не был обязан подтвердить арендные контракты, заключенные его предшественником, ибо эти последние считались утратившими силу по смерти того, кто дал на них свое согласие. Они уничтожили «*voto de Santiago*», так называлась одна древняя подать в виде лучшего сорта хлеба и лучшего сорта вина, взимаемая с земледельцев некоторых провинций главным образом на содержание архиепископа и капитула Сантьяго. Они издали декрет о введении большого прогрессивного налога и т. д.

Так как одной из главных целей кортесов было сохранение владычества над американскими колониями, в которых уже начинались восстания, они признали полное политическое равенство американских и европейских испанцев, объявили общую амнистию без всяких исключений, издали декреты против угнетения туземцев Америки и Азии, упразднили так называемые «*mitas*» и «*repartimentos*»¹ и т. д., уничтожили ртутную монополию и первыми в Европе отменили работорговлю.

Конституция 1812 г. подверглась нападкам с разных сторон. Одни, как, например, сам Фердинанд VII (см. его декрет от 4 мая 1814 г.), обвиняли ее в том, что она представляла чистейшее подражание французской конституции 1791 г., пересаженное на испанскую почву мечтателями, не считавшимися с историческими традициями Испании. Другие же, как, например, аббат де-Прадт в книге «*De la révolution actuelle de L'Espagne*» [«О современной испанской революции»], утверждали, что кортесы без всякой надобности цеплялись за устаревшие формулы, заимствованные из древних «*fueros*»² и принадлежавшие феодальной эпохе, когда королевская власть была ограничена чрезвычайными привилегиями грандов.

Истина заключается в том, что конституция 1812 г. представляет воспроизведение древних «*fueros*», понятых, однако, в духе французской революции и приспособленных к нуждам нового общества. Например, право восстания обыкновенно рассматривают как одно из самых смелых нововведений якобинской конституции 1793 года, а между тем оно встречается в древних «*fueros*» Собораве,

¹ «*Mita*» — назначение по жребию индейцев на общественные работы; «*repartimento*» — право белого брать для работы на своей ферме такое число туземцев, сколько он в состоянии прокормить. *Ред.*

² *Fueros* — права и привилегии, которыми пользовались отдельные области Испании при феодализме. *Ред.*

где носит название «Privilegio de la Union» [привилегия союза]. Оно имеется также в древней конституции Кастилии. Согласно статутам Собрарве, король без предварительного согласия кортесов не может объявить войну и заключить мир или союзный договор. Постоянная комиссия из семи членов кортесов, обязанная следить за строгим соблюдением конституции в промежутках между сессиями законодательного собрания, издавна существовала в Арагоне и была введена в Кастилии, когда главные кортесы монархии были объединены в одно учреждение. Ко времени французского нашествия подобная комиссия еще уцелела в королевстве Наварры. Что касается образования Государственного совета из 120 лиц, список которых представляется королю кортесами и которые ими же [кортесами] оплачиваются, то сама идея этого странного создания конституции 1812 г. была внушена его авторам воспоминаниями о роковом влиянии придворных камарильи во все эпохи испанской монархии. Государственный совет мыслился как замена камарильи. Кроме того и в прошлом существовали аналогичные учреждения. Так, например, во времена Фердинанда IV при короле всегда находились двенадцать лиц, назначенных городами Кастилии, долженствовавшие служить ему советниками, и в 1419 г. делегаты городов жаловались, что их уполномоченных более не допускают в Королевский совет. На первый взгляд исключение из кортесов высших чиновников и лиц придворного штата, равно как воспрещение депутатам принимать от короля почетные отличия или должности кажется заимствованием из конституции 1791 г. и естественным следствием нового принципа разделения властей, санкционированного конституцией 1812 г. На деле, однако, мы не только встречаем соответствующие прецеденты в древней конституции Кастилии, но знаем, что народ неоднократно восставал и убивал депутатов, которые принимали отличия или должности от короны. Что же касается права кортесов назначать регентство в случаях малолетства короля, то древние кортесы Кастилии постоянно пользовались им в течение долгого периода непрерывных несовершеннолетий в XIV веке.

Правда, кортесы Кадикса отняли у короля всегда принадлежавшую ему власть созывать, распускать или отсрочивать кортесы; но так как фактическое исчезновение кортесов в прошлом было вызвано теми приемами, какими короли старались расширить свои привилегии, то необходимость отмены вышеупомянутого королевского права стала очевидна. Приведенных фактов достаточно, чтобы показать, что тщательное ограничение королевской власти — самая яркая черта конституции 1812 г., полностью оправдываемая све-

жими печальными воспоминаниями позорного периода деспотизма Годоя, — происходило из древних «fueros» Испании. Кортесы в Кадиксе только отняли этот контроль у привилегированных сословий и передали его национальному представительству. Какой страх внушали испанским королям древние «fueros», видно из того, что когда в 1805 г. понадобилось составить новое собрание испанских законов, то королевский ордонанс повелел удалить из него все остатки феодализма, находившиеся в предшествующем собрании законов и относящиеся к периоду, когда слабость монархии заставляла королей заключать со своими вассалами соглашения в ущерб своему суверенитету.

Если избрание депутатов всеобщим голосованием было нововведением, то не следует забывать, что кортесы 1812 г., равно как и все хунты, были сами избраны таким же голосованием; что, следовательно, ограничение его было бы нарушением уже завоеванного народом права; наконец, не следует забывать, что введение цензового начала в эпоху, когда почти вся земельная собственность в Испании была связана правом мертвой руки, фактически лишило бы избирательных прав большую часть населения.

Соединение народных представителей в одну единственную палату отнюдь не является копией французской конституции 1791 г., как это хотят доказать ворчливые английские тори. Наши читатели уже знают, что со времени Карла I (германского императора Карла V) аристократия и духовенство потеряли свои места в кортесах Кастилии. Но даже в те времена, когда кортесы разделялись на «bragas» (ветви), представляющие различные сословия, они собирались в одном общем зале, были отделены друг от друга только местами и голосовали совместно. Среди немногих провинций, в которых ко времени французского нашествия кортесы еще обладали действительным значением, Наварра, правда, сохраняла древний обычай созывать кортесы по сословиям, но в Васкондагасе вполне демократические собрания не имели в своей среде даже представителей духовенства. Кроме того, если духовенство и аристократия еще сохраняли свои ненавистные привилегии, то они уже давно не представляли независимых политических корпораций, существование которых являлось основой организации древних кортесов.

Разделение властей, судебной и исполнительной, постановленное кортесами в Кадиксе, уже в XVIII веке являлось предметом требований наиболее просвещенных государственных деятелей Испании; и общая ненависть к Королевскому совету в начале революции повсюду порождала сознание необходимости ограничить судебные учреждения их собственным кругом деятельности.

Раздел конституции, относящийся к муниципальному управлению в общинах, представляет, как мы показали в одной из предыдущих статей, чисто испанский продукт. Кортесы только восстановили древнюю муниципальную систему, но в то же время сняли с нее ее средневековый характер. Что касается провинциальных депутаций, облеченных теми же полномочиями во внутреннем управлении провинций, как аюнтаменты в управлении общин, то кортесы создали их в подражание подобным же учреждениям, еще существовавшим в эпоху французского нашествия в Наварре, Бискайи и Астурии. Уничтожая изъятия из воинской повинности, кортесы только санкционировали то, что стало общей практикой во время войны за независимость. Уничтожение инквизиции тоже представляло санкционирование совершившегося факта, ибо инквизиционный суд хотя и был восстановлен Центральной хунтой, однако не решался возобновить свои функции, и его члены удовлетворялись получением жалования, благоразумно выжидая лучших времен. Что касается отмены феодальных злоупотреблений, то кортесы не провели ее даже в объеме той реформы, которой требовала знаменитая докладная записка Ховельяноса, представленная им в 1795 г. Королевскому совету от имени Мадридского экономического общества.

Уже министры просвещенного деспотизма конца XVIII века, Флорида Бланка и Кампоманес, предпринимали некоторые шаги в этом направлении. Кроме того, не следует забывать, что одновременно с кортесами в Мадриде действовало французское правительство, которое во всех провинциях, занятых армиями Наполеона, смело с лица земли все монастырские и феодальные учреждения и ввело современную систему управления. Бонапартистские газеты изображали восстание исключительно как результат козней и подкупов Англии, поддерживаемых монахами и инквизицией. В какой степени соперничество с чужеземным правительством оказало плодотворное влияние на решения кортесов, видно из того, что даже Центральная хунта в своем сентябрьском декрете 1809 г., возвещавшем созыв кортесов, обращалась к испанцам с такими словами: «Наши хулители утверждают, будто мы отстаиваем старые злоупотребления и закоснелые пороки развращенного правительства. Докажите им, что вы боретесь столько же за счастье, как и за независимость вашей страны; что отныне вы не будете подчинены произволу и изменчивым прихотям одного человека» и т. д.

С другой стороны, мы можем проследить в конституции 1812 г. несомненные признаки компромисса между либеральными идеями XVIII века и мрачными традициями эпохи клерикального засилья.

Достаточно привести статью 12, согласно которой «религия испанского народа есть и всегда будет католическая, апостольская и римская, единственная истинная религия. Нация охраняет ее мудрыми и правыми законами и воспрещает исповедание какой-либо иной»; статья 173 повелевает королю, при вступлении на престол, принести перед кортесами следующую присягу: «Мы, божиею милостью и в силу конституции испанской монархии, король Испании, клянемся всемогущим и святым Евангелием, что будем защищать и охранять католическую, римскую и апостольскую религию и не потерпим никакой другой в нашем королевстве».

Итак, более тщательный анализ конституции 1812 г. приводит нас к заключению, что она далеко не является рабским подражанием французской конституции 1791 г., но представляет оригинальное произведение умственной жизни Испании; она возрождает древние национальные учреждения, вводит преобразования, которых громко требовали выдающиеся писатели и государственные деятели XVIII века, и делает необходимые уступки народным предрассудкам

VII.

В силу некоторых благоприятных обстоятельств на собрании в Кадиксе оказались наиболее прогрессивно настроенные люди Испании. Когда происходили выборы, движение еще не улеглось, и сама непопулярность Центральной хунты заставила избирателей обратить взор на ее противников, которые в значительном числе принадлежали к революционному меньшинству нации. На первом собрании кортесов были представлены почти исключительно самые демократические провинции, — Каталония и Галисия; депутаты от Леона, Валенсии, Мурсии и Балеарских островов прибыли только через три месяца. Самые реакционные провинции, из расположенных внутри страны, за исключением некоторых местностей, не могли приступить к выборам в кортесы. Так как в различных королевствах, больших и малых городах старой Испании французские армии не допускали избрания депутатов, а из заокеанских провинций Новой Испании депутаты не могли прибыть во-время, то дополнительные представители от этих провинций были избраны из массы их уроженцев, загнанных в Кадикс бедствиями войны, а также из южно-американцев — купцов, туземцев и прочих лиц, собравшихся в этом городе из любопытства или ради личных своих дел. Тако случилось, что эти провинции оказались представлены людьми, более склонными к новшествам и более проникнутыми идеями XVIII века, нежели было бы в том случае, если бы они сами могли выбрать своих представителей. Наконец, то обстоятельство, что кортесы собрались в Кадиксе, оказало решающее влияние, ибо этот город имел репутацию самого радикального в королевстве и более походил на американский город, чем на испанский. Его население наполняло галереи залы заседаний и путем запугивания и давления извне смиряло реакционеров, когда их оппозиция становилась опасной.

Однако было бы весьма ошибочно предполагать, будто большинство в кортесах состояло из сторонников реформы. Кортесы распались на три партии: консерваторов (*serviles*), либералов (это партийное название из Испании распространилось по всей Европе)

и американцев; эти последние голосовали то с той, то с другой партией в зависимости от своих собственных интересов. Консерваторы, значительно более многочисленные, были увлечены активностью, рвением и энтузиазмом либерального меньшинства. Депутаты от духовенства, составлявшие большинство консервативной партии, были всегда готовы пожертвовать прерогативами короля, частью под влиянием воспоминаний об антагонизме церкви и государства, частью же с целью приобрести популярность и таким образом спасти привилегии и злоупотребления своей собственной касты. В дебатах по вопросам всеобщего голосования, однопалатной системы, бесцензурного избирательного права и отсрочивающего вето церковная партия всегда присоединялась к самой демократической части либералов против сторонников английской конституции. Один из них, каноник Каньедо, впоследствии архиепископ бургосский и беспощадный гонитель либералов, обратился к сеньору Муньос-Торреро, тоже канонику, но члену либеральной партии, с такими словами: «Вы допускаете, чтобы у короля оставалась огромная власть, однако, как духовное лицо, вы обязаны стоять за интересы церкви, а не короля». Либералам пришлось идти на компромисс с церковной партией, как мы уже убедились из некоторых статей конституции 1812 г. Когда обсуждалась свобода печати, священники указывали на то, что она «противна религии». После самых бурных дебатов, после провозглашения принципа, что всякий свободен высказывать публично свои убеждения без особых разрешений, кортесы единогласно приняли поправку, которая вставкой слова: «политические» сократила эту свободу наполовину и оставила все сочинения на религиозные темы в ведении церковной цензуры, согласно постановлениям Тридентского собора. 18 августа 1811 г. после принятия декрета против всех, посягающих на неприкосновенность конституции, прошел другой декрет, объявляющий, что всякий, кто замыслит отвратить испанскую нацию от исповедания римско-католической религии, будет преследуем как изменник и предан смертной казни. Когда «voto de Santiago» было уничтожено, в виде компенсации была принята резолюция, провозглашающая св. Терезу покровительницей Испании. Кроме того либералы постарались не предлагать и не принимать декретов об упразднении инквизиции, десятин, монастырей и т. д., пока конституция не будет провозглашена. Но как раз с этого момента оппозиция консерваторов внутри кортесов и духовенства вне их стала неодолимой.

Мы выяснили обстоятельства, которые делают понятными происхождение и характерные черты конституции 1812 г.; нам предстоит теперь разрешить проблему ее внезапного и бесследного исчезновения.

при возвращении Фердинанда VII. Редко мир был свидетелем столь унижительного зрелища. Когда Фердинанд 16 апреля 1814 г. вступил в Валенсию, «ликующая толпа впряглась в его экипаж и всячески, словами и жестами, выражала свою готовность нести прежнее иго; раздавались крики: «многие лета абсолютному королю! Долой конституцию!» Во всех больших городах так называемая «Plaza Mayor», т. е. Большая площадь, во время революции была переименована в площадь Конституции; всюду на этих площадях были поставлены камни с высеченным на них новым названием. В Валенсии этот камень теперь был выброшен, и «временный» камень из дерева был поставлен на его место с надписью «Real Plaza de Fernando VII» [Королевская площадь Фердинанда VII]. Чернь в Севилье отставила все власти, выбрала вместо них на старые должности других и потребовала от них восстановления инквизиции. От Аранхуэса до Мадрида экипаж Фердинанда тащил народ. Когда король вышел, чернь подхватила его на руки и, торжествуя, показав его огромной толпе перед дворцом, отнесла в дворцовые апартаменты. Над входом в здание кортесов в Мадриде красовалась надпись «Свобода» из бронзовых букв; толпа бросилась к зданию, чтобы удалить эту надпись; притащили лестницы, стали срывать буквы со стены, и когда одна за другой они падали на мостовую, зрители встречали каждую криками ликования. Затем была собрана масса протоколов кортесов, либеральных газет и памфлетов и образовалась процессия с религиозными братствами и черным и белым духовенством во главе; все эти бумаги были сложены в кучу на одной из городских площадей и сожжены в виде грандиозного политического ауто-да-фе; затем была отслужена торжественная месса [обедня] с пением «Te Deum» [тебя бога хвалим] в знак благодарности за торжество. Конечно, городская чернь была частью подкуплена и, подобно неаполитанским лаццарони, предпочитала пышное господство короля и монахов скромному режиму буржуазии. Однако важнее, чем эти наглые демонстрации, было то, что вторичные общие выборы дали решительную победу консерваторам; уже 20 сентября 1813 г. учредительные кортесы были заменены обычными, которые 15 января 1814 г. перенесли свои заседания из Кадикса в Мадрид.

В предшествующих статьях мы показали, как сама революционная партия содействовала возбуждению и усилению старых народных предрассудков, с намерением превратить их в оружие против Наполеона. Мы видели, как Центральная хунта в единственный период, когда можно было соединить социальные преобразования с мерами национальной обороны, делала все от нее зависящее, чтобы вос-

препятствовать им и подавить революционные стремления в провинциях. Напротив, кортесы в Кадиксе, в продолжение большей части своего существования отрезанные от всякого сообщения с Испанией, могли довести до сведения народа свою конституцию и свои органические декреты только после того, как французские армии удалились. Кортесы явились, так сказать, *post factum* [после того как событие уже совершилось]. Они нашли народ в состоянии усталости, истощения, недуга — естественный результат затянувшейся войны, которая велась исключительно на испанской территории, — войны, в которой армии были вечно в движении, сегодняшнее правительство редко доживало до завтра, а кровь, не переставая, лилась почти шесть лет по всей Испании, от Кадикса до Пампелуны и от Гренады до Саламанки. От такого общества нельзя было ждать проявления особенных восторгов перед отвлеченными красотами какой бы то ни было конституции. Тем не менее, когда конституция 1812 г. была впервые обнародована в Мадриде и других провинциях, оставленных французами, она была принята с «восторгом и ликованием», народные массы обычно ожидают мгновенного исчезновения своих социальных бедствий от простой перемены правительства. Когда же они увидели, что конституция не обладает такой чудодейственной силой, их напряженное ожидание превратилось в разочарование, а у страстных южан всего лишь один шаг отделяет разочарование от ненависти.

Были также некоторые обстоятельства, особенно содействовавшие охлаждению народных симпатий к конституционному режиму. Кортесы обнародовали строжайшие декреты против «офранцузенных» (*affrancesados*) или «хосефитов». ¹ К этой мере они были отчасти вынуждены требованием мести со стороны черни (*populace*) и реакционеров, которые затем мгновенно повернули против кортесов, как только декреты, вынужденные ими, должны были войти в силу. Свыше 10 000 семей отправились в изгнание. Целая туча мелких тиранов набросилась на провинции, покинутые французами, учредила в них свою произвольную власть и начала розыски, преследования, тюремные заключения, инквизиторские процессы против всех, кто был скомпрометирован переходом на сторону французов, принятием от них должностей, покупкой от них национальных имений и пр. Вместо того, чтобы попытаться всячески облегчить переход от французского режима к национальному, регентство сделало все от него зависящее, чтобы увеличить трудности и разжечь страсти, неизбежные при таких переменах власти.

¹ Хосефиты — сторонники Жозефа Бонапарта. *Ред.*

Зачем же регентство действовало таким образом? Именно затем, чтобы иметь повод потребовать от кортесов приостановления конституции 1812 г., которая, по их словам, оказывала столь вредное действие. Мимоходом заметим, что все регентства, эти высшие исполнительные органы, назначенные кортесами, неизменно состояли из самых отъявленных врагов кортесов и их конституции. Это замечательное явление весьма просто объясняется тем, что при назначении исполнительной власти американцы всегда примыкали к консерваторам, ибо ослабление этой власти они считали необходимым условием для достижения американскими колониями независимости от метрополии. Простые несогласия между исполнительным органом и суверенными кортесами казались им для их цели недостаточными. Сильное неудовольствие в народе возбудило также введение кортесами единого прямого налога на земельную ренту, а также на доход от промышленности и торговли, а еще более — нелепый декрет, запрещавший хождение всей испанской монеты, чеканенной Жозефом Бонапартом, и предписывавший ее держателям обмен на национальную монету; одновременно воспрещалось обращение французской монеты и объявлялся тариф, по которому она подлежала обмену на деньги национального чекана. Так как этот тариф сильно разнился от прежнего, установленного французами для сравнительной оценки французских и испанских монет в 1808 г., то множество частных лиц потерпели значительный материальный ущерб. Эта нелепая мера содействовала также росту цен на предметы первой необходимости, уже значительно превысивших средний уровень.

Классы, наиболее заинтересованные в ниспровержении конституции 1812 г. и восстановлении старого режима, — гранды, духовенство, монахи и юристы, — не упустили случая довести до высшей степени народное раздражение, уже вызванное несчастными обстоятельствами, которые сопровождали введение в Испании конституционного режима. Вот чем объясняется победа консерваторов на общих выборах 1813 г.

Сколько-нибудь серьезного сопротивления король мог ожидать только со стороны армии, но генерал Элио со своими офицерами, нарушив данную ими присягу конституции, провозгласили Фердинанда VII в Валенсии без всякого упоминания о конституции. Примеру Элио вскоре последовали прочие военные командиры.

В своем декрете от 4 мая 1814 г., в котором Фердинанд VII распускал мадридские кортесы и упразднял конституцию 1812 г., он в то же время выразил свою ненависть к деспотизму, обещал созывать кортесы в старых законных формах, установить разумную

свободу печати и т. д. Он выполнил свое обещание тем единственным способом, какого заслуживал оказанный ему испанским народом прием: все акты кортесов были отменены, все учреждения были восстановлены в прежнем виде, воскресла святая инквизиция, иезуиты, изгнанные дедом короля, были призваны обратно, самые выдающиеся члены хунт, кортесов и их приверженцы были осуждены на галеры, заточены в африканские тюрьмы или изгнаны, а самые славные вожди герильеро, Порлье и де-Ласи, были приговорены к расстрелу.

VIII.

В течение 1819 г. в окрестностях Кадикса стягивалась экспедиционная армия, назначением которой было завоевание восставших американских колоний. Командование ею было поручено Генриху О'Доннелю, графу Лабисбалью, дяде Леопольда О'Доннеля, теперешнего министра Испании. Прежние экспедиции против испанской Америки, поглотившие с 1814 г. 14 000 человек и проводившиеся самыми ужасными и беспощадными способами, внушали армий величайшее отвращение и обычно рассматривались как коварное средство отделаться от недовольных полков. Несколько офицеров, в том числе Кирога, Лопес-Баньос, Сан-Мигэль (нынешний Лафайет Испании), О'Дали и Арко Агеро решили воспользоваться неудовольствием солдат, сбросить иго деспотизма и провозгласить конституцию 1812 г. Лабисбаль, посвященный в тайну заговора, обещал стать во главе движения. В союзе с ним вожди заговора назначили на 9 июля 1819 г. общий смотр экспедиционной армии, во время которого должно было произойти их революционное выступление. Действительно, Лабисбаль явился на смотр, но вместе того, чтобы сдержать свое слово, приказал разоружить участвовавшие в заговоре полки, арестовал Кирогу и прочих вождей и отправил курьера в Мадрид с хвастливым донесением, что он, Лабисбаль, предупредил самую опасную катастрофу. Он был награжден повышением в чине и орденом, но когда позже двор получил более точную информацию о событиях, он был отставлен от командования и получил приказ прибыть в столицу. Это—тот самый Лабисбаль, который в 1814 г. при возвращении короля в Испанию отправил своего штабного офицера с двумя письмами к Фердинанду. Слишком большое расстояние, отделявшее его от короля, не позволило ему наблюдать поведение последнего и сообразно этому приспособлять свои действия к действиям монарха; поэтому в одном письме Лабисбаль распространялся в высокопарных похвалах конституции 1812 г., в том предположении, что король намерен принести присягу на верность ей. Напротив, в другом письме он изображал конституционную систему как режим анархии и хаоса, приветствовал намерение Фердинанда

уничтожить ее и предлагал себя и свою армию как средство против бунтовщиков, демагогов и врагов трона и алтаря. Офицер передал это второе послание, которое было сердечно принято Бурбоном.

Несмотря на симптомы мятежа, обнаружившиеся в экспедиционной армии, мадридское правительство, возглавляемое герцогом Сан-Фернандо, министром иностранных дел и председателем кабинета, упорно пребывало в состоянии необъяснимой апатии и бездеятельности и не делало ничего, чтобы либо ускорить экспедицию, либо разместить армию отдельными частями по различным портовым городам. Между тем дон-Рафаэль дель-Риэго, командир второго батальона астурийцев, квартировавшего тогда в Лас-Кабесас де-Сан-Хуан, с одной стороны, и Кирога, Сан-Мигэль и прочие военные начальники острова де-Леон, которым удалось бежать из тюрьмы, — с другой, уговорились между собой одновременно начать революционное выступление. Положение Риэго было самое трудное. Община Лас-Кабесас находилась в центре трех главных пунктов, где была расквартирована экспедиционная армия; эти пункты были Утрера, где стояла кавалерия, Лебриха, где находилась вторая пехотная дивизия, и Аркос, где квартировал батальон разведчиков и где находился главнокомандующий со штабом. Хотя этот батальон был вдвое сильнее батальона астурийцев, Риэго все же удалось 1 января 1820 г. захватить врасплох и арестовать главнокомандующего и его штаб. В тот же день в той же самой общине он провозгласил конституцию 1812 г., выбрал временного алькада [коменданта] и, не довольствуясь выполнением порученной ему задачи, привлек на свою сторону разведчиков, захватил врасплох батальон аррагонцев, стоявший в Борносе, пошел из Борноса в Херес, а оттуда в порт св. Марии, всюду провозглашая конституцию, пока 7 января не достиг острова де-Леон, где сдал арестованных им военных в форт св. Петра. Вопреки прежнему соглашению, Кирога и его последователи не овладели, посредством такого же внезапного удара, ни мостом в Суазо, ни островом де-Леон, а спокойно сидели вплоть до 2 января, когда посланный Риэго, Ольтра, привез им официальное сообщение о захвате Аркоса и аресте штаба.

Все силы революционной армии, высшее командование которой было поручено Кироге, не превышали 5 000 человек, и после того, как ее атаки на ворота Кадикса были отбиты, она сама была заперта на острове де-Леон. «Наше положение, — говорит Сан-Мигэль, — было необычно; революция, на 25 дней принявшая стационарный характер, не теряя и не захватывая ни дюйма почвы, представляла одно из самых странных явлений в политике». Провинции,

казалось, спали летаргическим сном. Так прошел январь. В конце его Риэго, видя, что пламя революции может погаснуть на острове де-Леон, образовал, вопреки советам Кироги и прочих вождей, подвижную колонну в 1 500 человек и двинулся по Андалузии в виду преследовавшего его вдесятеро сильнейшего отряда, провозглашая конституцию в Алжесирасе, Ронде, Малаге, Кордове и других городах; жители всюду встречали его дружелюбно, но нигде ему не удалось вызвать серьезного восстания. Между тем его преследователи, потратив целый месяц на бесплодные марши и контрмарши, казалось, хотели только одного, — по возможности избежать слишком близкой встречи с его маленькой армией. Поведение правительственного отряда было совершенно необъяснимо. Экспедиция Риэго, начавшаяся 27 января 1820 г., окончилась 11 марта, когда он был принужден распустить людей, еще следовавших за ним. Его маленький корпус не был рассеян решительной битвой, но исчез под влиянием изнурения, постоянных мелких стычек с неприятелем, болезней и дезертирства.

Между тем положение восставших на острове складывалось отнюдь не благоприятно. Их блокада с моря и суши продолжалась, а всякое движение в их пользу внутри города Кадикса подавлялось гарнизоном. Как же случилось, что пока Риэго распускал свой конституционный отряд в Сьерра-Морене, 9 марта в Мадриде Фердинанд VII был принужден присягнуть конституции, так что Риэго в действительности достиг своей цели ровно за два дня до того, как он окончательно отчаялся в успехе?

Поход колонны Риэго приковал к себе всеобщее внимание; провинции были полны ожидания и жадно следили за каждым его движением. Умы, пораженные смелостью Риэго, быстротою его действий, энергичным отпором врагу, приписывали ему воображаемые триумфы, прибытие подкреплений и присоединение масс народа, чего в действительности не было. Вести о предприятии Риэго, доходя до самых дальних провинций, достигали преувеличенных размеров, и эти наиболее отдаленные от места действия провинции первые высказались за конституцию 1812 г. Испания до того созрела для революции, что даже ложных вестей оказалось достаточно, чтобы вызвать ее. Но ведь так же точно ложные известия вызвали ураган 1848 г.

В Галисии, Валенсии, Сарагоссе, Барселоне и Пампелуне одно за другим вспыхнули восстания; Генрих О'Доннель, иначе граф Лабисбаль, призванный королем для борьбы с Риэго, предложил не только выступить против него с оружием, но и уничтожить его маленькую армию, а его самого захватить. Он только попросил назна-

чить его командиром частей, стоявших в Ламанче, и отпустить денег на его личные нужды. Король сам передал ему кошелек с золотом и необходимые приказания частям в Ламанче. Но по прибытии в Оканью Лабисбаль стал во главе войск и провозгласил конституцию 1812 г. Весть о его отпадении от короля пробудила общественный дух в Мадриде, где тотчас вспыхнула революция. Тогда правительство вступило в переговоры с нею. В декрете от 6 марта король предложил созвать *древние* кортесы, собранные *послословно*, но декрет не удовлетворил ни одну из партий — ни сторонников старой монархии, ни сторонников революции. Ведь по своему возвращении из Франции король дал такое же обещание, но не выполнил его. В течение ночи 7 марта в Мадриде происходили революционные демонстрации, «Gaceta» в номере от 8 марта опубликовала декрет Фердинанда VII с обещанием присягнуть конституции 1812 г. Он говорил: «Вступим все, и я первый, с честными намерениями на путь конституции». 9 марта народ овладел дворцом, и король спасся только тем, что восстановил мадридское аюнтаменто 1814 г. и в его присутствии принес присягу конституции. Он не задумывался дать ложную клятву, ибо у него всегда под рукой был исповедник, готовый дать ему отпущение в любом грехе. В то же время была созвана совещательная Хунта, первым декретом которой был приказ об освобождении политических заключенных и призывании на родину политических эмигрантов. Тюрьмы, теперь открытые, дали королевскому дворцу первое конституционное министерство. Кастро, Геррерос и А. Аргельес, образовавшие первое министерство, были мучениками 1814 г. и депутатами 1822-го. Истинным источником энтузиазма, проявленного при восшествии Фердинанда на престол, была радость, вызванная отречением его отца, Карла IV. Источником общего ликования при провозглашении конституции 1812 г. была радость по поводу удаления Фердинанда VII. Что же касается самой конституции, то, как мы знаем, по окончании ее составления, не оказалось территории, где можно было бы ее провозгласить. Для большинства испанского народа она была подобна тому неведомому богу, которому поклонялись древние афиняне.

В наши дни английские писатели, определенно намекая на нынешнюю испанскую революцию, утверждают, что движение 1820 г., с одной стороны, было только военным заговором, а с другой, — что оно было только результатом русской интриги. Оба утверждения одинаково смешны. Что касается военного восстания, то мы видели, что в то время, как оно потерпело неудачу, революция одержала победу; кроме того, загадка, которую мы должны разрешить,

заключается не в заговоре 5 000 солдат, а в том, что этот заговор был санкционирован тридцатипяти тысячной армией и самой лояльной нацией в двенадцать миллионов населения. Если революция была начата армией, то это весьма просто объясняется тем, что из всех корпораций испанской монархии одна лишь армия была коренным образом преобразована и революционизирована во время войны за независимость. Что касается русской интриги, то невозможно отрицать, что Россия участвовала в делах испанской революции: из всех европейских держав Россия первая признала конституцию 1812 г. договором, заключенным 20 июля 1812 г. в Великих Луках; она первая возбудила революцию 1820 г., первая предала ее Фердинанду VII, первая зажгла факел контр-революции в разных местах полуострова, первая торжественно протестовала против революции перед Европой и, в конце концов, принудила Францию к вооруженному выступлению против нее. Русский посол, г. Татищев, был несомненно самой выдающейся личностью при мадридском дворе, негласным главой камарильи. Ему удалось ввести в среду придворных одного негодяя низкого происхождения, Антонио Угарте, и сделать его главой монахов и лакеев, которые на своих келейных совещаниях распоряжались скипетром от имени Фердинанда VII. Благодаря Татищеву Угарте был сделан генерал-директором экспедиции против Южной Америки, а благодаря Угарте герцог Сан-Фернандо был назначен министром иностранных дел и президентом кабинета. Угарте устроил покупку у России сгнивших кораблей для южно-американской экспедиции, за что получил анненский орден. Угарте помешал Фердинанду и его брату дон-Карлосу явиться к армии в самом начале кризиса. Он был таинственным виновником необъяснимой апатии герцога Сан-Фернандо и тех мероприятий, которые вызвали у одного испанского либерала в Париже в 1836 г. такое замечание: «Трудно отделаться от впечатления, что правительство само доставило средства для ниспровержения существующего порядка вещей». Если к этому прибавить любопытный факт, что президент Соединенных Штатов в своем послании восхвалял Россию за то, что она обещала ему не допустить вмешательства Испании в дела южно-американских колоний, то не останется и тени сомнений касательно роли России в испанской революции. Однако, что доказывают все эти факты? Доказывают ли они, что Россия вызвала революцию 1820 г.? Ничуть не бывало; они доказывают лишь то, что она помешала испанскому правительству оказать ей сопротивление. Что рано или поздно революция должна была опрокинуть абсолютную и клерикальную монархию Фердинанда VII, это доказывается: 1) рядом

заговоров, с 1814 г. следовавших один за другим; 2) свидетельством Мартиньяка, французского комиссара при герцоге Ангулемском во время легитимистского похода в Испанию; 3) свидетельством самого Фердинанда VII, которое нельзя отвергнуть.

В 1814 г. Мина замыслил восстание в Наварре, дал первый знак к сопротивлению, призвал к оружию, вступил в крепость Пампелуну, но, не доверяя собственным приверженцам, бежал во Францию. В 1815 г. генерал Порлье, один из самых знаменитых герильеров войны за независимость, провозгласил конституцию в Коруньи. Он был обезглавлен. В 1816 г. Ричард намеревался захватить короля в плен в Мадриде. Он был повешен. В 1817 г. один адвокат, Наваро, с четырьмя сообщниками погиб на эшафоте в Валенсии за то, что провозгласил конституцию 1812 г. За такое же преступление в том же году на Майорке был расстрелян храбрый генерал Ласи. В 1818 г. полковник Видаль, капитан Сола и другие, провозгласившие конституцию в Валенсии, были разбиты и преданы казни. Заговор на острове де-Леон был лишь последним эпизодом в ряде предприятий, стоивших головы стольким храбрецам эпохи 1808 — 1814 годов.

Мартиньяк, опубликовавший в 1833 г., незадолго до своей смерти, книгу «Испания и ее революции», говорит так:

Прошло уже два года с тех пор, как Фердинанд VII вернул себе абсолютную власть, а все еще продолжают проскрипции по вине камарильи, набранной из отбросов человечества. Вся государственная машина перевернута к верху дном: царит полный беспорядок, застой и путаница — налоги, распределенные самым неравномерным образом, финансы в ужасающем состоянии, займы без кредита, невозможность удовлетворить самым настойчивым нуждам государства, армия без жалования, судьи, оплачивающие себя взятками, подкупная и бездельная администрация, неспособная что-либо улучшить или даже что-либо сохранить. Отсюда всеобщее недовольство в народе. Новая конституционная система встречена с энтузиазмом большими городами, торговым и промышленным классами, людьми свободных профессий, армией и пролетариатом. Ей противятся только монахи, а крестьянство недоумевает.

Таковы предсмертные признания человека, который был главным орудием разрушения этой новой системы. Фердинанд VII в своих декретах 1 марта, 11 апреля, 1 июня 1817 г. и 24 ноября 1819 г. и пр. буквально подтверждает слова Мартиньяка и заканчивает свои сетования так: «Народные жалобы, стон которых стоит у нас в ушах, покрывают одна другую». Как видно, чтобы вызвать испанскую революцию, нужды в Татищевых не было.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

Аали-паша (Мегемет-Эмин) — турецкий великий визирь (1855 — 1856, 1861 и 1867 — 1869) — 580.

Абдул-Меджид (1823 — 1861) — турецкий султан (1839 — 1861) — 6, 26 48, 64, 133, 353, 564, 592.

Адриан - Флорент (1459 — 1523) — испанский кардинал, с 1522 г. папа под именем Адриана II — 718.

Азир-паша — турецкий генерал — 117.

Александр I (1777 — 1825) — русский император (1801 — 1825) — 327, 358, 699, 731.

Александр II (1818 — 1881) — русский император (1855 — 1881) — 148, 353, 358, 363, 367, 389, 454, 537, 544, 603.

Аллэнде-Саласар, Хосе (1802 — 1893) — испанский генерал, морской министр в правительстве Эспартеро (1854) — 696.

Альба, герцог — см. Фитц-Джемс-Стюарт.

Альберони, Хулио, кардинал (1664 — 1752) — фаворит и министр испанского короля Филиппа V — 301.

Альберт - Френсис - Чарльз - Огюст - Эммануэль (1819 — 1861) — сын Кобургского герцога, «принц-супруг», муж королевы Виктории — 5, 449, 450, 451, 462, 463, 464.

Алькок, Томас (род. 1801) — английский либерал, член парламента — 130.

Амалья-Мария (1782 — 1866) — французская королева, жена Луи-Филиппа — 688.

Англемский герцог, Луи-Антуан де-Бурбон (1775 — 1844) — французский принц, сын французского короля Карла X; при реставрации один из столпов реакции, возглавлял поход против испанской революции в 1823 г. — 767.

Анна (1685 — 1714) — английская королева (1702 — 1714) — 328.

Антонио-Паскуало-Франсиско (1755 — 1817) — испанский принц (инфант), дядя Фердинанда VII — 727.

Аргайль, герцог, Джордж-Дуглас-Кембелл (1823 — 1900) — английский аристократ, виг, лорд-хранитель печати (1833 — 1855, 1859 — 1865 и 1880 — 1881), министр по делам Индии (1868 — 1874) — 317.

Аргельес, Августин (1776 — 1844) — испанский либерал, сторонник Эспартеро, участвовал в составлении конституции 1812 г., министр внутренних дел (1820 — 1821) и опекун королевы Изабеллы (1841 — 1843) — 765.

Аристотель (384 — 322 до н. э.) — древне-греческий философ — 715.

Арю-Агеро, Филипп — испанский офицер, участник заговора Ризго — 762.

Армеро-и-Пеньярандо (1804 — 1867) — испанский генерал — 679.

Арним, граф, Генрих (1791 — 1859) — прусский дипломат; посол в Брюсселе, Париже и Вене (1845 — 1848 и 1851 — 1858), министр иностранных дел (1849) — 119.

Арним, Людвиг-Иоахим фон (1781 — 1831) — немецкий поэт-романтик — 578.

Архимед (287 — 221 до н. э.) — древне-греческий математик и механик — 467.

Астер, Эрнест-Людвиг фон (1778 — 1804) — прусский военный инженер, автор ряда работ по фортификации — 640, 641.

Астурийский принц, Франсиско де-Асис, Мария-Фердинандо (1822 — 1902) — «король-супруг», муж испанской королевы Изабеллы — 709.

Ауберцус — торговая фирма в Лондоне — 242.

Ахмет I (1589 — 1617) — турецкий султан (1603 — 1617) — 8.

Б.

Байрон, лорд, Джордж-Нозель-Гордон (1788 — 1824) — английский поэт, романтик, член палаты лордов, виг — 272.

- Бальбоа, Васко-Нуньес де (1475—1517) — испанский завоеватель в Америке — 721.
- Бальзак, Оноре де (1799 — 1850) — французский писатель, романист — 306.
- Бандьера, братья, Атилно (1811 — 1844) и Эмилио (1819 — 1844) — итальянские революционеры-националисты, члены общества «Молодая Италия»; 12 июня 1844 г. сдвтели неудачную попытку поднять восстание в Калабрии, после чего были казнены — 246, 448.
- Бараге д'Илье, граф Ашиль (1795 — 1878) — французский генерал; в 1854 г. командовал французскими войсками на Балтийском море — 107, 421.
- Барайбан, капитан — испанский офицер — 687.
- Баркаистеги — испанский генерал, сторонник Эспартеро — 686.
- Баррингтон, виконт, Вильям-Уайльдман (1717—1793) — английский торий, министр финансов (1761) и военный министр (1765 — 1768) — 329.
- Барро, Камиль-Гиасинт-Одилон (1791 — 1873) — французский политический деятель, участник революции 1830 г., в дальнейшем лидер либерально-монархической буржуазной оппозиции; в 1848 г. член Национального собрания и глава первого министерства в президентство Лун-Наполеона (1848—1849) — 399.
- Баязет I (1347 — 1403) — турецкий султан (1389 — 1402) — 98.
- Бebbедж, Чарльз (1792 — 1871) — английский математик и механик, изобретатель счетной машины — 444.
- Бebutov, князь, Василий Осипович (1791 — 1858) — русский генерал; во время Крымской войны командовал корпусом на Кавказе — 555, 591.
- Бедо, Мари-Альфонт (1804 — 1863) — французский генерал, участник алжирских походов; в 1848 — 1851 гг. вице-президент Учредительного и Законодательного собраний, после перерыва 2 декабря 1851 г. эмигрант до 1859 г. — 66, 67, 170.
- Бедфорд — английская аристократическая фамилия — 401, 497.
- Бедфорд, герцог, Джон Россел (1766 — 1839) — английский аристократ, член палаты лордов, виг, отец Джона Росселя (премьер-министра) — 502.
- Бейли, Генри-Джеймс (род. 1804) — английский торий, член парламента — 418.
- Бекон, Френсис, барон Веруламский, виконт Сент-Альбанс (1561 — 1626) — английский философ и политик, член парламента, лорд-канцлер — 732.
- Бенкс, Джордж (1788 — 1856) — английский торий, член парламента — 130.
- Бенкс — полицейский инспектор в Лондоне — 467 — 479.
- Бентли — владелец гостиницы в Балларате (Австралия) — 329, 330.
- Бердет, сэр, Френсис (1770 — 1844) — английский радикал, член парламента — 398, 440.
- Беринг, Френсис-Торнхилл, барон Нортбрук (1796 — 1866) — английский виг; происходил из банкирской семьи; министр финансов (1839 — 1841) и морской министр (1848 — 1849), член парламента — 299, 426, 427, 442, 445.
- Берк, Эдмунд (1729 — 1797) — английский публицист, вначале виг, затем торий; один из упорных противников Великой французской революции, идеолог английской контрреволюционной финансовой и торговой аристократии — 497.
- Берли, Морис-Фредерик, барон Фитцгардинг (1788 — 1867) — английский адмирал, либерал, член парламента, лорд адмиралтейства — 135, 138, 139, 286, 449.
- Берли, Френсис-Генри-Фитцгардинг (1794 — 1870) — английский либерал, член парламента — 486.
- Берлипс, графиня, Гертруда фон-Гутенберг — фрейлина испанской королевы, жены Карла II — 717.
- Бернадо, Жан-Батист-Жюль (1763 — 1844) — французский маршал; в 1818 г. избран королем Швеции под именем Карла XIV — 669.
- Бернс, сэр, Александр (1805 — 1841) — английский дипломат в Индии, политический комиссар при английской армии в афганской войне (1839 — 1841) — 532.
- Бернс, Джеймс — отец предыдущего — 532.
- Беррийская герцогиня, Мария-Каролина-Фердинанда-Луиза (1798 — 1870) — мать Генриха V, претендента легитимистской партии в эпоху юльской монархии и Наполеона III; в 1832 г. пыталась поднять в Вандее восстание в пользу своего сына — 65, 66.
- Бергон, Жан-Батист (1769 — 1822) — французский генерал, участник наполеоновских войн; в 1822 г. после неудачного восстания против Бурбонов был казнен — 699.

- Бесьер, Жан-Батист, герцог Истрия (1768 — 1813) — один из маршалов Наполеона I — 730.
- Бетлер, Джеймс-Армар (1827 — 1854) — капитан английской армии, участвовавший в защите Сялпстрии — 138, 142, 659.
- Бетман-Гольвег, Мориц-Август фон (1795 — 1877) — прусский юрист, умеренный либерал; в 1852 — 1855 гг. член палаты депутатов, далее министр просвещения (1858 — 1862) — 34, 35.
- Бетт, Айзек (1813 — 1879) — ирландский торий, член английского парламента — 140, 141, 305.
- Бибеско - Сгирбей, Барбо - Димитрий (1799 — 1869) — валахский господарь (1849 — 1853 и 1854 — 1856) — 133.
- Бибеско, Барбо — префект Мегединца (Малая Валахия) — 106.
- Биддельф, сэр, Томас-Миддлетон (1809 — 1878) — английский капитан, позднее генерал — 188.
- Бизо, Мишель-Брис (1795 — 1855) — французский генерал — 364.
- Билле-Браге, граф — датский дипломат, в 1854 г. посол в Вене — 119.
- Биль — английский либерал — 355.
- Бильс, Эдмонд (1803 — 1881) — английский радикал, в дальнейшем председатель Лиги реформы (1856) — 355.
- Битсон, Вильям-Фергюсон — английский генерал; во время Крымской войны командовал кавалерийским отрядом в Азии — 552, 554, 558, 559.
- Блай — чартист — 467. ♣
- Бланка — см. Флорида Бланка.
- Бласер-и-Сан-Мартин, Ансельмо (1813 — 1872) — испанский генерал, военный министр перед революцией 1854 г. — 678, 679, 680, 688.
- Блек, Хоакин (1759 — 1827) — испанский генерал — 744.
- Блеквуд, Фредерик-Темпль-Гамильтон (1826 — 1902) — английский дипломат, флигель-адъютант при королеве Виктории (1849 — 1852 и 1854 — 1858), в дальнейшем посол в Петербурге, Константинополе и Париже и генерал-губернатор Канады и Индии — 5.
- Блекет, Джон-Фенвик-Бургойн (1821 — 1856) — английский либерал, член парламента — 48.
- Блюхер, Гебгард-Лебрехт, князь Вальштадтский (1742 — 1819) — прусский фельдмаршал — 42, 168, 178, 204.
- Боденштедт, Фридрих фон (1819 — 1892) — немецкий путешественник по Кавказу, Армении и Малой Азии — 690.
- Боксер, Эдуард (1784 — 1855) — английский адмирал — 299.
- Боллингброк, виконт, Сент-Джон, Генри (1678 — 1751) — один из лидеров английской торийской партии, военный министр (1704 — 1708) — 401.
- Бомонт, лорд, Мильс-Томас-Степльтон (1805 — 1854) — английский либерал, член палаты лордов — 92.
- Бонапарт, Жозеф (1768 — 1844) — один из братьев Наполеона I, король Испании (1808 — 1813) — 718, 722, 724, 725, 726, 729, 730, 732, 737, 743, 760.
- Бонапарт, Наполеон-Жозеф-Шарль-Поль (он же принц Жером-Наполеон) (1822 — 1891) — двоюродный брат Наполеона III; считался вождем «левых» бонапартистов; в феврале 1855 г. опубликовал памфлет «О ведении войны на Востоке. Крымская экспедиция», известный под именем «Брюссельского мемуара» — 175 — 176, 337, 338, 342, 346.
- Бонапарты — французская династия (1804 — 1815 и 1852 — 1870) — 385, 447, 593, 599, 724, 725.
- Бонин, Эдуард фон (1793 — 1865) — прусский генерал, военный министр (1852 — 1854 и 1858 — 1859); во время Крымской войны стоял за присоединение Пруссии к союзникам — 27, 359.
- Боске, Пьер-Франсуа-Жозеф (1810 — 1861) — французский генерал — 175, 176, 177, 192, 199, 200, 202, 204, 209, 542.
- Браво-Мурильо, Хуан (1803 — 1873) — испанский адвокат, из партии умеренных, министр юстиции (1847), финансов и просвещения (1847 — 1851), министр-президент (1851 — 1852) — 711.
- Браганцы — португальская династия (1640 — 1910) — 724.
- Брайт, Джон (1811 — 1889) — английский фабрикант, либерал, лидер фри-трейдеров, член парламента, министр торговли в министерстве Гладстона (1868 — 1870) — 22, 50, 52, 241, 343, 314, 315, 356, 380, 398, 399, 415, 416, 419, 445, 446, 501, 505, 506.
- Братиану, Иоанн (1822 — 1891) — румынский политик, вначале республиканец, в дальнейшем лидер конституционной национал-либеральной партии, премьер-министр (1867 — 1868 и 1876 — 1888) — 101.
- Бренан — инспектор полиции в Лондоне — 461.
- Броун, Джон — английский матрос — 453.
- Броун, сэр, Джордж (1790 — 1865) — английский генерал — 158, 175, 176, 420.

- Брук, Карл-Людвиг фон (1798 — 1860) — австрийский политик, министр торговли (1848 — 1851), в 1853 — 1855 гг. посол в Константинополе, далее министр финансов (1855 — 1860) — 133.
- Брум, барон Генри - Питер (1778 — 1868) — английский либерал, член палаты лордов — 13, 94, 460, 502, 504, 516.
- Бруннов, барон, Филипп Иванович, впоследствии граф (1797 — 1875) — русский дипломат, посол в Лондоне (1840 — 1854) — 15, 16, 115, 434.
- Брут, Марк-Юний (ок. 79 — 42 до н. э.) — один из лидеров республиканской аристократической партии в Риме, убивший Цезаря — 264, 476.
- Брюа, Арман-Жозеф (1796 — 1855) — французский адмирал, главнокомандующий французского флота в Черном море — 119, 157, 551.
- Брюммель, Джордж-Брайен (1778 — 1840) — лондонский дворянин, офицер, получивший за свое щегольство прозвище «Бо-Брюммель» (Красавец-Брюммель), друг принца-регента (впоследствии Георга IV) — 522.
- Бувери, Вильям-Плидентль, граф Реднор (1779 — 1869) — английский виг, член парламента — 481.
- Будберг, барон, Александр Иванович (1798 — 1876) — русский генерал; в 1853 — 1854 гг. чрезвычайный комиссар в княжествах Молдавии и Валахии — 97, 113, 133, 148.
- Бульвер, Эдуард-Джордж-Эрль, барон Литтон (1803 — 1873) — английский торий, член парламента — 444, 456, 476, 477, 478, 481, 485.
- Бунзен, Христиан-Карл-Иозиас (1791 — 1860) — немецкий дипломат, прусский посол в Лондоне (1842 — 1854) — 359.
- Буоль-Шауэнштейн, граф, Карл-Фердинанд (1797 — 1865) — австрийский дипломат, посол в Петербурге (1848 — 1850), министр иностранных дел и премьер-министр (1852 — 1859) — 115, 119, 219, 258, 259, 378, 428, 493.
- Бурбоны — испанская династия (1700 — 1931) — 721, 724, 745.
- Бургойн, сэр, Джон Фокс (1782 — 1876) — английский генерал-инженер — 302.
- Буркена, барон, Франсуа-Адольф (1799 — 1869) — французский дипломат, посол в Константинополе (1841 — 1848) и в Вене (1853 — 1866) — 219, 258, 259.
- Бусета — испанский полковник — 683, 687.
- Бюжо-де-ла-Ликоннери, Тома-Робер, герцог Или (1784 — 1849) — французский маршал, один из активных деятелей польской монархии, завоеватель Алжира — 65, 66.

В.

- Вайн, Жан-Батист-Филибер (1790 — 1872) — французский маршал, военный министр (1854 — 1859) и министр двора Наполеона III (1860 — 1870) — 346.
- Валевский, граф, Флориан-Александр-Жозеф - Колонна (1810 — 1868) — польский граф, сын Наполеона I, французский дипломат; в начале 1850-х годов посол в Лондоне, с 1855 г. министр иностранных дел во Франции, председательствовал на парижском конгрессе дипломатов 1856 г. — 567, 599.
- Вальполь, Спенсер-Орас (1806 — 1898) — английский торий, министр внутренних дел (1852, 1858 — 1859 и 1866) — 289, 447, 500.
- Ван-Гален, Антонио (ум. 1858) — испанский генерал, сторонник Эспартеро — 691.
- Вандам, Доминик-Рене, граф Унебург (1770 — 1830) — один из маршалов Наполеона I; в 1813 г. вынужден был сдать со своим корпусом при Кульме союзникам — 383.
- Варвик, Ричард, граф Варвик и Солисберн (1428 — 1471) — крупный английский феодал («делатель королей»), принимавший участие в гражданской войне Алой и Белой розы — 316, 476.
- Васконсельос, Мигель (ум. 1640) — испанский министр в Португалии; убит при восстании в Лиссабоне — 717.
- Ваттель, Эмерих (1714 — 1767) — швейцарско-немецкий юрист, специалист по международному праву — 389.
- Ведель, Леопольд-Генрих фон (1784 — 1861) — прусский генерал; начальник крепости Люксембург; в 1855 г. был послан с дипломатической миссией в Париж — 350.
- Векфильд, Эдуард - Гиббон (1796 — 1862) — английский колониальный реформатор (Австралия и Новая Зеландия), теоретик капиталистической системы колонизации — 486.
- Великий визирь — см. Аали-паша.
- Веллеслей, маркиз, Ричард - Коллин (1760 — 1842) — английский генерал, торий, брат герцога Веллингтона; генерал-губернатор Индии (1797 —

- 1805) и министр иностранных дел (1809 — 1812) — 233, 741.
- Веллингтон, герцог, Артур-Веллеслей (1769 — 1852) — английский фельдмаршал, главнокомандующий в эпоху наполеоновских войн; торий, вождь английских реакционеров, премьер-министр (1827 — 1829 и 1834) — 15, 42, 43, 46, 48, 68, 88, 171, 233, 318, 461, 501, 541, 611, 621, 625, 692, 738, 739, 741.
- Вен, лорд, Гарри-Джордж (род. 1803) — английский либерал, член парламента — 418.
- Вендланд, де — секретарь греческого короля Оттона I; пытался вовлечь Грецию в Восточную войну на стороне России — 119.
- Вестминстер, маркиз, Ричард-Гровенор (1795 — 1869) — английский виг, член палаты лордов — 470.
- Вестморленд, граф, Джон-Фейн (1784 — 1859) — английский дипломат, посол в Берлине (1841 — 1851) и в Вене (1851 — 1855); торий, член палаты лордов — 219, 258, 259, 423, 424.
- Вивиян, Роберт-Джон-Гасси (1802 — 1887) — английский генерал; во время Крымской войны командовал турецким отрядом в Керчи — 552, 553, 556, 557, 558, 561, 566, 567, 568, 570, 574, 576, 577.
- Видаль, Хоакин — испанский полковник, революционер; казнен в январе 1819 г. за провозглашение конституции 1812 г. — 729, 767.
- Виктор-Эммануил II (1820 — 1878) — король Сардинии и Пьемонта (1849 — 1861) и объединенной Италии (1861 — 1878) — 665.
- Виктория I (1819 — 1901) — королева Англии (1837 — 1901) — 5, 17, 64, 369, 449, 450, 462, 464, 467, 481, 513, 565, 566, 569, 575, 688, 692.
- Вильявен, Вильгельм (1790 — 1879) — прусский генерал и военный писатель — 664.
- Вильгельм III (1650 — 1702) — король Англии (1688 — 1702) — 220, 301, 318, 319.
- Вильен, маркиз де — см. Пачеко, Хуан.
- Вильсон, Джемс (1805 — 1860) — английский экономист; с 1843 г. издавал еженедельную газету «Economist»; либерал, член парламента — 141, 240, 305.
- Вильякампа, Педро (1776 — 1845) — испанский генерал, один из вождей герильеро — 744.
- Вильямс, сэр, Вильям-Пенвик (1800 — 1883) — английский генерал; руководил обороной Карса, далее член парламента, либерал — 551, 552, 554, 557, 560, 567, 575, 579, 587, 589, 590.
- Виндшигрец, Альфред (1787 — 1862) — австрийский генерал, в 1848 г. подавивший восстание в Вене — 393, 631.
- Вириат (II в. до н. э.) — национальный герой Лузитании (древняя Португалия), нанесший римлянам ряд поражений (146 и 145 гг.) и добившийся признания Римом независимости Лузитании — 705.
- Виста-Гермоса — испанский генерал — 680.
- Виттель, маркиз де — испанский аристократ, комиссар Центральной хунты в Кадиксе (1809) — 738.
- Влад V (сер. XV в.) — князь (господарь) Валахии — 98.
- Вобан, Себастьян (1633 — 1707) — французский маршал, крупный военный инженер — 194.
- Вольтер, Франсуа-Мари (1694 — 1748) — французский писатель-сатирик и философ, деист, один из идеологов французской буржуазии кануна революции — 13, 466.
- Воронцов, князь, Михаил Семенович (1782 — 1856) — русский генерал, в 1844 — 1853 гг. главнокомандующий кавказских войск и наместник Капказа — 84, 86, 135, 136, 140, 298.
- Вуд, сэр, Чарльз (1800 — 1885) — английский либерал, министр финансов (1846) и председатель контрольного совета по делам Индии (1852 — 1855), далее морской министр (1855) и министр по делам Индии (1859 — 1865) — 275, 301, 317, 366.
- Выков — американский журналист, агент Пальмерстона — 289.

Г.

- Габсбурги — испанская династия (1519 — 1700) — 721.
- Гай, Людевит (1809 — 1872) — хорватский журналист и филолог, основатель так называемого «Иллирийского движения», стремившегося объединить хорватов с сербами; в 1848 г. член Временного хорватского правительства; с наступлением реакции вступил в союз с австрийским правительством — 391.
- Гакстгаузен, барон, Август фон (1792 — 1866) — немецкий писатель; в 1843 — 1844 гг. путешествовал по России; издал трехтомную работу «Исследования внутренних отношений, народной жизни и в особенности

- сельских учреждений России» (1847 — 1852) — 397.
- Гальфорд, сэр, Джон — английский торий, член парламента — 352.
- Гамелен, Франсуа - Альфонс (1796 — 1864) — французский адмирал, в 1854 г. главнокомандующий французского флота в Черном море, далее морской министр (1855 — 1860) — 39, 58, 174, 245.
- Гамильтон, В.-А.-Б. — чиновник в английском адмиралтействе (морском министерстве) — 246.
- Гаммер-Пургшталль, Иозеф фон (1774 — 1856) — немецкий ученый, лингвист и историк, исследователь Ближнего Востока — 61.
- Ганка, Вацлав (1791 — 1861) — чешский ученый, филолог и историк, один из идеологов панславизма — 391.
- Ганноверы — королевская династия в Англии (с 1714 г.) — 593.
- Гардинг, виконт, Генри (1785 — 1856) — английский фельдмаршал, торий, в 1852 — 1855 гг. главнокомандующий британских войск — 287, 353.
- Гардук, граф, Чарльз-Филипп-Йорк (1799 — 1873) — английский адмирал, торий, член палаты лордов — 14, 126, 257, 403, 404.
- Гарибальди, Джузеппе (1807 — 1882) — итальянский революционер, мелкобуржуазный демократ, вождь итальянской национальной революции — 665.
- Гарриго — испанский полковник — 679, 714.
- Гаррингтон, Лестер - Фитцджеральд-Чарльз-Стенгоп (1784 — 1862) — английский либерал, член палаты лордов — 521, 522.
- Гаррис, сэр, Джемс, впоследствии граф Мальмсбери (1746 — 1820) — английский дипломат, посол в Петербурге (1777 — 1782) — 582, 583, 584.
- Гаррисон, Джордж — английский рабочий, чартист — 355.
- Гарсиа-де-ла-Крузста, Грегорио (1741 — 1811) — испанский генерал, капитан-генерал Кастилии (1808), разжалованный после ряда неудач в борьбе с французами — 731, 744.
- Гарт — чартист — 521, 523.
- Гартлет — английский консул в Мемеле — 160.
- Гассан-бен-Саббах (ум. 1124) — основатель мусульманской политико-религиозной секты ассасинов, захвативших в XII — XIII вв. ряд укрепленных пунктов в Персии и Сирии и боровшихся против турок-сельджуков и европейских «крестоносцев» — 259.
- Гафиз-паша — турецкий генерал — 559.
- Гейден, Логин Петрович (1772 — 1850) — русский адмирал, в 1827 — 1829 гг. командовал эскадрой в Средиземном море — 87.
- Гейтсбери, барон, Вильям А'Корт (1779 — 1860) — английский дипломат, посол в России (1828 — 1832) — 92.
- Геккерен, Якоб-Дерн-Бурхардт-Аннесде (род. 1791) — голландский дипломат, в 1830-х годах посол в Петербурге, далее в Вене — 119.
- Генрих IV (1425 — 1474) — король Кастилии (1454 — 1474) — 717, 718, 785.
- Генрих IV Бурбон (1553 — 1610) — король Франции и Наварры (1589 — 1610) — 8.
- Генрих VIII (1491 — 1547) — король Англии (1509 — 1547) — 498.
- Георг I (1660 — 1727) — король Англии (1714 — 1727) — 220.
- Георг II (1683 — 1760) — король Англии (1727 — 1760) — 220.
- Георг III (1738 — 1820) — король Англии (1760 — 1820) — 507, 583, 584.
- Георг IV (1762 — 1830) — принц-регент (1811 — 1820) и король Англии (1820 — 1830) — 466, 507, 698.
- Герберт, барон, Сидней (1810 — 1861) — английский либерал-консерватор (пилилт), военный министр (1845 — 1846), 1852 — 1855 и 1859 — 1860) — 135, 136, 137, 138, 140, 220, 261, 265, 266, 271, 273, 279, 282, 286, 287, 288, 293, 298, 313, 314, 315, 332, 334, 371, 418, 491.
- Геррерос, Мануэль-Гарсиа — испанский либерал, член конституционных министерств 1814 и 1822 гг. — 765.
- Гесс, Генрих фон (1788 — 1870) — австрийский фельдмаршал, в 1854 г. главнокомандующий австрийской армии в Дунайских княжествах — 27, 33, 103, 156.
- Гете, Иоганн-Вольфганг (1749 — 1832) — немецкий поэт — 241.
- Геткот, сэр, Вильям (род. 1801) — английский торий, член парламента — 426, 427, 442.
- Геткот — английский морской капитан — 160.
- Гибсон, Томас-Мильнер (1806 — 1884) — английский либерал, один из лидеров фритредерского движения, член парламента, министр торговли (1859 — 1865 и 1865 — 1866) — 418, 423, 424, 444, 477.
- Гизо, Франсуа-Пьер-Гильом (1787 — 1874) — французский политик и историк, идеолог французской финансовой аристократии, министр ино-

- странных дел и премьер-министр (1840 — 1848) — 376, 414.
 Гийон, Ришар-Дебоф (1813 — 1856) — венгерский генерал, родом из Англии; участник венгерской революции; после поражения последней перешел в турецкую армию под именем Куршид-паши, участвовал в обороне Карса — 557.
 Гика, Григорий-Александр (1807 — 1857) — молдавский господарь (1849 — 1853 и 1853 — 1857) — 100, 102, 133.
 Гильдьярд — английский торий, член парламента — 139.
 Гильс — начальник полиции в Лондоне — 471.
 Гладстон, Вильям-Юарт (1809 — 1898) — вождем английской либеральной партии, министр торговли (1843 — 1846), финансов (1852 — 1855 и 1859 — 1866) и премьер-министр (1868 — 1874, 1880 — 1885, 1885 — 1886, 1892 — 1894) — 26, 230, 240, 264, 275, 276, 277, 297, 281, 282, 283, 288, 293, 294, 297, 302, 313, 314, 315, 333, 334, 353, 354, 371, 372, 380, 418, 424, 426, 427, 429, 432, 434, 436, 443, 445, 447, 452, 456.
 Гоббс, Томас (1588 — 1679) — английский философ-материалист, теоретик абсолютистского государства — 443.
 Гогенцоллерны — прусская династия (1701 — 1918) — 593.
 Годерич, лорд — см. Робинсон, виконт Годерич.
 Годой, Мануэль (1767 — 1851) — фаворит Карла IV испанского; получил в 1795 г. после неудачной войны и подписания мира с французами титул «принца мира» — 711, 718, 722, 726, 732, 783, 752.
 Гонсалес-Браво, Луис (1811 — 1871) — испанский журналист, либерал, министр-президент (1843), посол в Лиссабоне (1847 и 1856) и министр внутренних дел (1865 — 1868), в дальнейшем министр-президент в министерстве умеренных (1868) — 694, 701, 711.
 Гоппе и Ко — банкирская фирма в Амстердаме — 81, 85, 95.
 Гордон, сэр, Джон-Вильям (1814 — 1870) — английский генерал-инженер; во время Крымской войны командовал инженерными войсками — 581.
 Горнер, Леонард (1785 — 1864) — английский геолог и фабричный инспектор — 352, 488.
 Горчаков, князь, Александр Михайлович (1798 — 1882) — русский дипломат, в 1854 — 1856 гг. посол в Вене, далее министр иностранных дел — 103, 115, 119, 219, 245, 258, 378, 424, 433.
 Горчаков, князь, Михаил Дмитриевич (1793 — 1861) — русский генерал, главнокомандующий во время Крымской войны, с 1856 г. наместник Польши — 79, 113, 119, 121, 133, 148, 149, 268, 524, 529, 531, 538.
 Готем, сэр, Чарльз (1806 — 1855) — английский генерал-губернатор провинции Виктория в Австралии — 330, 331.
 Граббе, Павел Христофорович (1787 — 1875) — русский генерал — 200.
 Грант, Джемс (1802 — 1879) — английский журналист, издатель газеты «Morning Advertiser» (1850 — 1871) — 250.
 Гранье-де-Кассаньяк, Бернар-Адольф (1806 — 1880) — французский журналист, до революции 1848 г. орлеанист, затем активный бонапартист, член Законодательного корпуса — 376.
 Грах, Фридрих (1812 — 1854) — прусский артиллерист, перешедший на турецкую службу, руководил обороной Силистрии — 72, 73, 74, 659.
 Грей, графы — английская аристократическая фамилия — 275, 297.
 Грей, виконт, затем граф, Генри-Джордж (1802 — 1894) — английский виг, военный министр (1835 — 1839) и министр колоний (1846 — 1852) — 13, 232, 283, 317.
 Грей, Джордж (1799 — 1882) — английский виг, министр внутренних дел (1846 — 1852, 1855 — 1858 и 1861 — 1866) и колоний (1854 — 1855) — 62, 263, 280, 317, 481, 486.
 Грей, Чарльз, виконт Хаунг (1764 — 1845) — английский виг, министр морской (1806), иностранных дел (1806 — 1807) и премьер-министр (1831 — 1834); провел билль о парламентской реформе 1832 г. — 501, 515, 585.
 Гренби, маркиз — английский торий, член парламента — 426.
 Гренвилль, Август-Боцци (1783 — 1872) — английский врач, родом из Италии, автор ряда работ по медицине — 326.
 Гренвилль, граф, Джордж-Левесон-Гоуэр (1815 — 1891) — английский либерал, министр иностранных дел (1851 — 1852, 1870 — 1874 и 1880 — 1885) и колоний (1868 — 1870 и 1886); в 1852 — 1854 и в 1859 гг. президент Тайного совета — 14, 15, 246, 317, 324, 460, 464, 469.
 Гренвилль, графиня, Мария-Луиза

- Дальберг (ум. 1860) — жена предыдущего — 469.
- Грентхем, барон, Робинсон - Томас (1738 — 1786) — английский виг, министр иностранных дел (1782 — 1783) 584.
- Грехем, Вильям (род. 1817) — английский либерал, член парламента — 361.
- Грехем, сэр, Джеймс-Роберт-Джордж (1792 — 1861) — английский виг, министр внутренних дел (1841 — 1846) и морской (1852 — 1855) — 24, 84, 246, 271, 282, 293, 302, 313, 314, 324, 361, 366, 419, 425, 443, 444, 445, 448, 452, 532, 533, 534, 535, 536.
- Грифитс, Эван, д-р (1795 — 1873) — английский индепендентский священник — 446.
- Гровенор, лорд, Роберт (1801 — 1893) — английский виг, член парламента — 419, 436, 466, 467, 470, 474.
- Гусейн-паша — турецкий генерал — 111.
- Густав-Адольф (1594 — 1632) — король Швеции (1611 — 1632) — 668.
- Гутьеррес-де-ла-Конча, Мануэль, маркиз дель - Дуэро (1808 — 1874) — испанский генерал; в 1843 г. участник заговора против Эспартеро; в 1854 г. президент военной хунты — 691, 705, 716.
- Гутьеррес-де-ла-Конча, Хосе (1809 — 1895) — испанский генерал, капитан-генерал Кубы (1850 — 1852 и 1854 — 1859) — 700.
- Гюго, Виктор-Мари (1802 — 1885) — французский писатель, поэт и драматург, романтик; в 1848 — 1851 г. член Учредительного и Законодательного собраний; после переворота Луи Бонапарта был в изгнании до 1870 г. — 522.
- Д.**
- Данненберг, Петр Андреевич (1792 — 1872) — русский генерал — 120, 209, 213.
- «Дауб» — см. Пенмюр.
- Даубиггин — английский офицер, племянник военного министра Пенмюра — 553.
- Девоншир, герцоги — английская аристократическая фамилия — 401.
- Девоншир, герцог, Вильям-Джордж-Спенсер-Кевендиш (1790 — 1858) — английский аристократ, член палаты лордов, либерал — 356.
- Дейти, Симон — французский авантюрист, выдавший Тьеру местопребывание герцога Беррийской после Вандейского восстания (1832) — 65.
- Дельма — французский публицист и историк — 697.
- Демосфен (384 — 322 до н. э.) — афинский оратор и политик; возглавлял республиканскую партию в борьбе против сторонников Филиппа Македонского — 338.
- Дендас, Джеймс-Уитли (1785 — 1862) — английский адмирал, главнокомандующий английского флота в 1854 — 1855 гг. — 82, 158, 159, 194, 195, 444, 448, 458, 527, 528.
- Дендональд, граф, Томас-Кохрен (1775 — 1860) — английский адмирал — 448.
- Денкеллин, лорд (род. 1827) — английский либерал, член парламента, сын маркиза Кларнрикарда — 251.
- Денкомб, Томас-Слингсби (1796 — 1861) — английский радикал, член парламента; в 1842 г. представил палате чартистскую петицию — 301, 304, 448.
- Дерби, граф, Эдуард-Джордж-Джозеф-Смит, лорд Стенли (1799 — 1869) — английский торий, лидер протекционистов, премьер-министр (1852, 1858 — 1859 и 1866 — 1868) — 6, 13, 14, 15, 16, 17, 50, 215, 272, 275, 279, 280, 289, 293, 305, 324, 340, 368, 402, 405, 406, 408, 426, 456, 481, 489, 494, 512, 515.
- Державин, Гавриил Романович (1743 — 1816) — русский поэт, идеолог дворянской аристократии эпохи Екатерины II — 108.
- Деркин — инспектор полиции в Лондоне — 471.
- Джерольд, Дуглас-Вильям (1803 — 1857) — английский журналист-юморист — 251.
- Джефрис, барон, Джордж (1648 — 1689) — английский юрист, верховный судья при Якове II, провел с чрезвычайной жестокостью ряд политических судебных процессов — 404.
- Джонс, Гарри-Дэвид (1791 — 1866) — английский генерал — 302, 364.
- Джонс, Гейль — английский радикал — 404.
- Джонс, Эрнест-Чарльз (1819 — 1869) — лидер революционного крыла чартизма — 151, 154, 355, 399, 408, 409, 410, 439.
- Джонсон — полицейский комиссар в Балларате (Австралия) — 330.
- Диас, Никомедес-Настор (1811 — 1863) — испанский литератор, из партии умеренных; посол в Турине (1854), в дальнейшем министр юстиции (1862) — 701.
- Диас-Порлье, Хуан (1788 — 1815) — ис-

- панский генерал, один из вождей герильберов; казнен за попытку провозглашения конституции 1812 г. — 744, 761, 767.
- Цибич, граф, Иван Иванович (1785 — 1831) — русский фельдмаршал, главнокомандующий в русско-турецкой войне 1828 — 1829 гг.; усмиритель польского восстания 1831 г. — 70, 72, 652.
- Дизраэли, Бенджамин, граф Биконсфильд (1804 — 1881) — вождь английской консервативной партии и основоположник английского империализма; министр финансов (1852, 1858, 1859 и 1866 — 1868) и премьер-министр (1868 и 1874 — 1880) — 17, 18, 23, 50, 51, 52, 93, 123, 125, 129, 130, 131, 135, 139, 215, 249, 257, 264, 275, 276, 279, 280, 289, 301, 303, 305, 307, 366, 401, 418, 419, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 432, 433, 435, 443, 446, 478.
- Дилейн, Джон-Тадеус (младший) (1817 — 1879) — издатель газеты «Times» (1841 — 1877) — 290.
- Добровский, Иосиф (1753 — 1829) — чешский писатель, филолог и этнолог, один из ранних идеологов панславизма — 391.
- Дона, граф, Фридрих-Эмиль (1784 — 1859) — прусский генерал; в 1812 — 1815 гг. состоял на русской службе; во время Крымской войны держался руссофильской позиции — 33.
- Друэн-де-Люис, Эдуард (1805 — 1881) — французский дипломат, министр иностранных дел (1848 — 1849, 1852 — 1855 и 1862 — 1866) — 376, 379, 491.
- Друммонд, Генри (1786 — 1860) — банкир в Лондоне, консерватор, член парламента — 266, 305.
- Дрюэ, Анри (1799 — 1855) — швейцарский радикал, член федерального совета, в 1850 г. президент Швейцарской республики — 162.
- Дуглас, сэр, Говард (1776 — 1861) — английский генерал и военный писатель, автор ряда работ по артиллерии — 252, 265, 628.
- Дульсе-и-Гарай, Доминго (1808 — 1869) — испанский генерал, сторонник Эспартеро, участник военных восстаний 1841, 1854 и 1868 гг. — 677, 678, 679, 682, 700, 705, 716.
- Дунс-Скотт (ок. 1285 — ок. 1308) — профессор богословия в Оксфорде и Париже, виднейший представитель средневековой схоластики — 297.
- Дюгамель, Александр Осипович (1801 — 1880) — русский генерал; в 1848 г. выполнял дипломатические поручения в Молдавии и Валахии — 101.
- Дюк, сэр, Джемс — английский виг, член парламента, в 1848 — 1849 гг. лорд-мэр Лондона — 354.
- Дюка — секретарь Наполеона III — 37.
- Дюлак — французский генерал — 539.
- Дюмурье, Шарль-Франсуа (1739 — 1823) — французский генерал, жироидист; в 1793 г. пытался поднять армию против Конвента — 271, 287.
- Дюпон-де-Летан, Пьер (1765 — 1840) — один из генералов Наполеона I; в 1808 г. капитулировал при Байлене — 383, 729.

Е.

- Евгений Савойский, принц (1663 — 1736) — австрийский генерал, главнокомандующий в войнах Австрии против Франции, Турции и Испании — 611.
- Евклид (315 — 255 до н. э.) — древнегреческий математик — 627.
- Екатерина II (1729 — 1796) — русская императрица (1764 — 1796) — 108, 358, 582, 583, 584.
- Елизавета Алексеевна (1779 — 1826) — русская императрица, жена Александра I — 699.

Ж.

- Железный герцог — см. Веллингтон.
- Жером Бонапарт (младший) — см. Бонапарт, Наполеон - Жозеф - Шарль - Поль.
- Жирарден, Эмиль (1806 — 1881) — французский журналист — 368.
- Жозеф, король — см. Бонапарт, Жозеф.
- Жюли — французский полицейский комиссар — 65.
- Жомини, барон, Анри (1779 — 1869) — швейцарский генерал; до 1813 г. служил в армии Наполеона I, далее перешел в русскому правительству; автор ряда крупных работ по стратегии — 554, 640.

И.

- Изабелла I (1451 — 1504) — королева кастильская (1474 — 1504), жена Фердинанда V Арагонского — 718.
- Изабелла II (1830 — 1904) — королева Испании (1833 — 1868) — 678, 679, 680, 681, 682, 684, 685, 686, 692, 693, 694, 695, 698, 700, 708, 709, 711.
- Изет-паша — турецкий генерал — 117.
- Измаил-паша — см. Кметн, Георг.
- Ильинский (Искандер-бей или бег, (1814 — 1864) — польский авантюрист) служил в войсках Испании, Порту-

- галлии и Франции, участник венгерской революции 1848—1849 гг., затем бежал в Турцию и принимал участие в Крымской войне — 157, 373, 660.
- Инглэнд, сэр, Ричард (1793—1883) — английский генерал — 175.
- Инфентадо, герцог, Педро Алькаварада-Толедо (1773—1841) — испанский аристократ, фаворит Фердинанда VII, президент Совета регентства (1823), министр-президент (1824) — 725.
- Йорк, Чарльз-Филипп (1764—1834) — английский горный, военный министр (1803—1804) и морской (1810—1811) — 403, 404, 405.
- Иосиф II (1741—1790) — австрийский император (1765—1790) — 256, 732.
- Искандер-бей — см. Ильинский.
- Истурис, Франсиско-Ксавье (1790—1871) — испанский либерал, участник революции 1820—1823 гг., министр-президент (1836), несколько раз был председателем кортесов — 683.

К.

- Кабрера-и-Гриньо, Рамон, граф Морелла (1806—1877) — испанский генерал, главнокомандующий карлистских войск в гражданской войне сторонников дона Карлоса против правительства Марии-Христины — 690.
- Кавеньяк, Луи-Эжен (1802—1857) — французский генерал, участник алжирских походов, буржуазный республиканец; в 1848 г. военный министр, подавивший июньское восстание, в дальнейшем министр-президент до избрания Луи Бонапарта — 170, 421.
- Калерги, Димитрий (1803—1867) — греческий генерал и политический деятель, адъютант президента Каподистрии; в 1854—1855 гг. военный министр — 163.
- Калпгула, Гай-Цезарь (12—41 н. э.) — римский император — 319.
- Кальво-да-Росас, Лоренсо — испанский революционер, участник войны за независимость Испании, член Центральной хунты — 733.
- Кальдерон-де-ла-Барна, Педро (1600—1681) — испанский поэт-драматург — 733.
- Кампоманес, граф, Педро-Родригес (1723—1803) — испанский дипломат и экономист, министр финансов (1763—1788) — 754.
- Кампусано, Франсиско — испанский генерал, в 1854 г. начальник мадридского гарнизона — 680.
- Каннинг, Джордж (1770—1827) — английский горный, министр иностранных дел (1822—1827) и премьер-министр (1827 г.) — 90, 313, 401, 500.
- Каннинг, Стратфорд, виконт де-Редклифф (1786—1880) — английский дипломат, посол в Константинополе (1842—1846 и 1848—1858) — 26, 101, 156, 163, 552, 553, 556, 557, 558, 559, 560, 562, 563, 564, 565, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 578, 580, 591.
- Канробер, Франсуа-Сертен (1809—1895) — французский генерал, бонапартист, главнокомандующий французских войск в Крыму после смерти Сент-Арно — 157, 186, 206, 212, 346, 364, 373, 375, 385, 417, 420, 421, 622.
- Каньедо — испанский священник, член кортесов 1810—1813 гг., впоследствии архиепископ бургосский и крайний реакционер — 757.
- Каподистрия, граф, Иоанн (1776—1831) — русский министр иностранных дел (1816—1822), затем президент Греции (1827—1831) — 163.
- Караффа, графы — аристократическая фамилия в Неаполе — 114.
- Кардиган, граф, Джемс-Томас-Бруденель (1797—1868) — английский генерал — 140, 169, 202.
- Кардуэлль, виконт, Эдуард (1813—1886) — английский либерал-консерватор, затем либерал, министр торговли (1852—1855), по делам Ирландии (1859—1861), колоний (1864—1866) и военный (1868—1874) — 313.
- Карл I (1600—1649) — король Англии (1625—1649) — 220.
- Карл I (1500—1558) — король Испании (1516—1556) и император Германии (1520—1556) под именем Карла V — 718, 719, 720, 721, 727, 753.
- Карл II (1661—1700) — король Испании (1665—1700) — 717, 718.
- Карл III (1716—1788) — король Испании (1759—1788) — 673, 716, 732.
- Карл IV (1748—1819) — король Испании (1788—1808) — 718, 722, 732, 765.
- Карл X (1757—1836) — король Франции (1824—1830) — 90, 699.
- Карл XII (1682—1718) — король Швеции (1697—1718) — 669.
- Карл XIV — король Швеции — см. Бернадот, маршал.
- Карл-Альберт (1798—1849) — король Сардинии и Пьемонта (1831—1849) — 663.
- Карлейль, графы — английская аристократическая фамилия — 401.

- Карлос**, дон, Мария-Исидор де-Бурбон (1788 — 1855) — испанский принц, брат Фердинанда VII, стоявший во главе крайних реакционеров («карлисты»), поднявших гражданскую войну против либерального правительства Марии-Христины (1833 — 1840) — 766.
- Карнисеро**, Хосе-Клементе — испанский писатель XIX века, автор ряда работ по испанской истории — 726.
- Карно**, Лазарь-Ипполит (1801—1888) — французский публицист, один из лидеров буржуазно-республиканской оппозиции против Наполеона III — 553.
- Каро**, Хосе-Вентура (1742 — 1809) — испанский генерал — 738.
- Каро-и-Суредра**, Педро, маркиз де-ла-Романья («Ромериас») (1761 — 1811) — испанский генерал, участник войны за независимость Испании, член Центральной хунты — 729, 737, 738, 744.
- Каролина-Амелия-Елизавета** (1768 — 1821) — английская королева, жена Георга IV, возбудившего в 1820 г. против нее в палате лордов процесс по обвинению в неверности — 694.
- Карраско**, Августин — испанский экономист, из партии умеренных; в 1844 г. министр финансов в министерстве Нарваеса — 701.
- Картрайт**, Джон (1740 — 1824) — английский публицист, радикал, боролся в печати за реформу парламента — 440.
- Кастаньес-и-Арагонес**, граф Франсиско-Ксавье, герцог Байлен (1758 — 1852) — испанский генерал, участник войны за независимость Испании, разбил французов при Байлене (1808 г.) — 729, 730, 744.
- Кастелян**, Эспри-Виктор-Элизабет-Бонифас (1788 — 1862) — французский маршал, бонапартист, один из руководителей переворота 2 декабря 1851 г. — 421.
- Кастро** — см. Перес-де-Кастро.
- Катон**, Порций (старший) (234 — 149 до н. э.) — римский политик; выступал в Сенате с требованием разрушения Карфагена — 581.
- Каули**, лорд, Генри-Ричард-Чарльз-Веллеслей (1804 — 1884) — английский дипломат, посол в Париже (1852 — 1867) — 563, 564, 565, 567, 575, 576.
- Кембриджский герцог**, Джордж-Вильям-Фредерик-Чарльз (1819 — 1904) — английский принц; в 1856 г. назначен главнокомандующим крымской армии — 175, 176, 202, 370, 372, 593.
- Кентерберийский архиепископ** — см. Семнер, Джон-Берд.
- Кергон** — английский путешественник по Кавказу — 590.
- Кесада-и-Матенс**, Хенаро де (1818 — 1889) — испанский генерал, в 1854 г. военный губернатор Мадрида — 679.
- Кестльри**, лорд, Роберт Стюарт (1769 — 1822) — английский торий, военный министр (1805 — 1809) и министр иностранных дел (1812 — 1822); организатор подавления ирландского восстания 1798 г. — 358, 500.
- Кеткерт**, сэр, Джордж (1794 — 1854) — английский генерал — 175, 192, 202, 353, 650.
- Кетле**, Ламбер-Адольф-Жак (1796 — 1874) — французский ученый, физик, астроном и социолог, основатель современной статистики — 279.
- Кинг**, Питер-Джон-Локи (1811—1885) — английский радикал, член парламента — 505, 515.
- Кинтана**, Мануэль-Хосе (1772 — 1857) — испанский поэт, участник войны за независимость, секретарь Центральной хунты — 733, 741.
- Кирога**, Антонио (1784 — 1841) — испанский морской офицер, участник восстания Риуго — 762, 763, 764.
- Ких**, Вильям-Николаас (1817 — 1878) — ирландский либерал, член английского парламента — 275, 340.
- Кланрикард**, маркиз, Улик-Джон де-Бург (1802 — 1874) — английский дипломат, посол в Петербурге (1838 — 1841), виг, член палаты лордов — 87, 92, 93, 126, 306.
- Кларендон**, графы — английская аристократическая фамилия — 317.
- Кларендон**, граф, Джордж-Вильям-Фредерик-Вильерс (1802 — 1870) — английский либерал, министр иностранных дел (1853 — 1866 и 1868 — 1870) — 13, 14, 22, 25, 93, 123, 127, 155, 156, 264, 271, 273, 293, 302, 317, 326, 335, 360, 361, 427, 459, 460, 464, 493, 509, 551, 554, 556, 557, 558, 560, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 581.
- Клаузевиц**, Карл фон (1780 — 1831) — прусский военный писатель, автор ряда работ по вопросам военной стратегии и тактики — 640.
- Кмети**, Георг (1810 — 1865) — венгерский генерал; после участия в венгерской революции 1848 — 1849 гг. перешел на службу в турецкую армию под именем Измаила-паши; организатор обороны Карса — 589.
- Коббет**, Вильям (1762 — 1835) — английский публицист, предшественник чартистов по борьбе за всеобщее

- избирательное право и улучшение положения рабочих и трудящихся масс; с 1832 г. член парламента — 13, 52, 242, 274, 316, 398, 440, 500.
- Коббет, Джсн-Морган (1802 — 1874) — сын Вильяма Коббета, член парламента, консерватор — 352.
- Кобден, Ричард (1804 — 1865) — манчестерский фабрикант, либерал, лидер фритредеров, член парламента — 22, 130, 241, 248, 356, 398, 399, 415, 444, 445, 446, 506, 700.
- Кобурги — немецкая княжеская фамилия, представители которой правили в Бельгии, а также были тесно связаны с дворами английским, испанским и австрийским — 682, 698.
- Кодрингтон, сэр, Вильям-Джон (1804 — 1884) — английский генерал, в 1855 — 1856 гг. главнокомандующий английских войск под Севастополем; с 1857 г. член парламента, либерал — 581.
- Коллар, Ян (1793 — 1852) — чешско-словацкий поэт и писатель, один из ранних идеологов панславизма — 391.
- Колладо, Хосе-Мануэль — испанский банкир, либерал, министр финансов (1854 — 1856) — 680, 698, 710.
- Коллет, Добсон-Коллет — английский журналист, радикал, сторонник Д. Уркарта — 521.
- Кольчестер, барон, Чарльз-Эббот (1798 — 1867) — английский торий, член палаты лордов — 459, 460.
- Коммонс, д-р — директор Литературного института в Лондоне — 469.
- Константин Николаевич, великий князь (1827 — 1892) — второй сын Николая I; в 1853 — 1862 гг. стоял во главе флота и морского управления; один из лидеров «либеральной» партии в крестьянской реформе — 76, 537.
- Конча — см. Гутьеррес-де-ла-Конча, Мануэль и Гутьеррес-де-ла-Конча, Хосе.
- Копитар, Варфоломей (1780 — 1844) — словацкий ученый, лингвист, автор ряда работ по славянскому языкознанию — 391.
- Кордова — испанский генерал — 674.
- Корнилов, Владимир Алексеевич (1806 — 1854) — русский адмирал, один из организаторов обороны Севастополя — 374.
- Королева-мать — см. Мария-Христина.
- Король-Бомба — см. Фердинанд II, король Неаполитанский.
- Коронови-Кронберг, Иоганн-Баптист (1794 — 1880) — австрийский фельдмаршал, в 1854 г. командующий австрийским оккупационным корпусом в Дунайских княжествах — 96, 119.
- Корради, Фернандо (ум. 1885) — испанский журналист, основатель и редактор либеральной газеты «Сламог Публико» (1844), член правительства Эспартеро (1854) — 709.
- Кортес, Эрнан (1485 — 1547) — испанский конквистадор, завоеватель Мексики — 721.
- Котерингтон и К^о — торговая фирма в Лондоне — 242.
- Кошут, Людвиг (1802 — 1894) — венгерский революционер-националист, вождь либерального дворянства, глава республиканского правительства 1848 — 1849 гг. — 61, 130, 278.
- Красавец-Брюммель — см. Брюммель, Джордж-Брайен.
- Кристи (ум. 1855) — английский морской капитан — 448.
- Кромвель, Оливер (1599 — 1658) — вождь английской буржуазной революции, лорд-протектор Англии (1653 — 1658) — 247, 355.
- Куракин, князь, Александр Борисович (1752 — 1818) — русский дипломат, посол в Вене (1806 — 1808) и Париже (1808 — 1812) — 724.
- Куэста — см. Гарсия-де-ла-Куэста.
- Кюстин, Адольф, маркиз де (1790 — 1857) — французский литератор, путешественник, автор книги «Россия в 1839 г.» (1843) — 648.

Л.

- Лабасора, барон — участник испанской войны за независимость, член Центральной хунты (1809) — 738.
- Лабисбаль — см. О'Доннель, Генрих.
- Лайард, Остин-Генри (1817 — 1894) — английский археолог и дипломат, член парламента, либерал — 17, 18, 19, 20, 21, 87, 130, 258, 262, 288, 301, 305, 307, 324, 325, 354, 398, 401, 405, 418, 419, 436, 446, 448, 449, 452, 463, 477.
- Лайонс, Эдмунд, барон (1790 — 1858) — английский адмирал, в 1853—1855 гг. помощник главнокомандующего флота в Средиземном и Черном морях, в 1855 — 1858 гг. — главнокомандующий флота — 39, 119, 195, 412, 561, 566.
- Лалли-Толлендаль, маркиз, Трофим-Жерар (1751—1830)—участник Великой французской революции, умеренный либерал, сторонник конституционной монархии — 733.
- Ламармора, Альфонсо-Ферреро (1804 — 1878) — итальянский генерал, воен-

- ный министр (1849 — 1855, 1856 — 1859) и министр-президент (1859, 1864 — 1866) — 114.
- Ламорисьер, Кристоф-Леон-Луи-Жюль де (1806 — 1865) — французский генерал, участник алжирских походов (1830 — 1847), военный министр в министерстве Кавеньяка (1848), после переворота 2 декабря 1851 г. выслан за границу — 170, 421.
- Ламотруж, Жозеф-Эдуард де (1804 — 1883) — французский генерал — 539.
- Лара — испанский генерал, в 1854 г. капитан-генерал Новой Кастилии — 678, 679, 688.
- Ласи, Луис де (1775 — 1817) — испанский революционер, один из вождей герильеро, расстрелянный правительством реакции — 744, 761, 767.
- Ласи де — см. Эванс, Джордж де-Ласи.
- Лафайет, маркиз, Мари-Жозеф де (1757 — 1834) — французский политик, участник революций 1789 и 1830 гг.; умеренный либерал; способствовал возведению на престол Луи-Филиппа — 762.
- Левальян — французский генерал — 539.
- Ледрю-Роллен, Александр-Огюст (1807 — 1874) — французский политический деятель, мелкобуржуазный демократ; в 1848 г. член Временного правительства, участвовал в подавлении июньского восстания рабочих; с 1849 г. жил в эмиграции в Лондоне — 305.
- Лейнинген, граф, Карл-Фридрих (1804 — 1856) — австрийский политик; в 1848 г. президент германского имперского правительства, в 1853 г. чрезвычайный посол в Константинополе — 21.
- Лемб — английский священник — 319, 320.
- Ленгфорд — английский радикал, ур-картист, секретарь Бирмингемской конференции по вопросам внешней политики (июль 1855 г.) — 489, 490.
- Ленсдоун, маркиз, Генри-Петти-Фитцморис (1780 — 1863) — английский аристократ, член палаты лордов, либерал — 14, 293, 464.
- Леруа — см. Сент-Арно.
- Лефевр, Пьер-Франсуа-Жозеф, герцог Данцигский (1756 — 1820) — маршал Наполеона I, участник испанской кампании — 729.
- Ли, Джемс-Принс (1804 — 1869) — манчестерский епископ (1848 — 1869), ставленник лорда Джона Росселя — 326, 327.
- Ливен, князь, Христофор Андреевич (1777 — 1838) — русский дипломат, посол в Берлине (1809 — 1812) и Лондоне (1812 — 1834) — 88.
- Ливен, княгиня, Доротея (Дарья Христофоровна) (1784 — 1857) — жена предыдущего — 230, 464.
- Ливерпуль, граф, Роберт-Бенкс-Дженкинсон (1770 — 1828) — английский торий, премьер-министр (1812—1827) — 304, 358, 404.
- Лидерс, граф, Александр Николаевич (1790 — 1874) — русский генерал — 79, 95, 113, 545, 546, 547.
- Линджерст, лорд, Джон-Синглетон-Копли (1772 — 1863) — английский торий, член палаты лордов, лорд-канцлер (министр юстиции) (1827 — 1830, 1834 — 1835 и 1841 — 1846) — 87, 90, 260, 261, 358, 359, 360, 427.
- Линь, Шарль-Жозеф де (1735 — 1814) — бельгийский принц, генерал на австрийской службе, крупный военный писатель — 256.
- Липранди, Павел Петрович (1796 — 1864) — русский генерал — 95, 190, 197, 200, 202, 204, 213, 527.
- Ллойд, Эдуард (ок. 1688 — 1726) — содержатель кофейни в Лондоне, где собиравлись купцы и судовладельцы; в дальнейшем из этих собраний возникло крупное общество («Ассоциация Ллойда») по страхованию и защите морской торговли — 245.
- Ловет, Вильям (1800 — 1877) — лондонский столяр, один из основателей чартистского движения, принадлежал к правому реформистскому крылу чартизма — 440.
- Лонерган и Ко — торговая фирма в Лондоне — 242.
- Лопес-Баньос, Мигель — испанский генерал, участник заговора Риэго (1819), военный министр (1822) — 762.
- Лопес, Хоакин-Мария (1798 — 1855) — испанский адвокат и литератор, принадлежал к прогрессистской партии, министр-президент (1843) — 691, 694.
- Лосано-де-Торрес, Хуан-Эстебан — испанский либерал, член Центральной хунты (1808 — 1809 гг.), министр юстиции (1818 — 1819) — 638.
- Лоу, Роберт, позже виконт Шербрук (1811 — 1892) — английский либерал, член парламента, сотрудник «Times'a» — 305, 419, 426, 427, 442, 443.
- Луи-Наполеон (Бонапарт) — см. Наполеон III.
- Луи-Филипп (1773 — 1850) — король Франции (1830 — 1848) — 13, 65, 334, 376, 386, 404, 417, 691, 693, 701.
- Луна, Альваро де (1388 — 1453) — фаворит Хуана II, короля кастильского — 717.

- Лухан, Франсиско** (1798 — 1867) — испанский генерал и писатель, сторонник Нарваеса, в 1847 и 1854 гг. министр просвещения и искусств — 696.
- Льюис, сэр, Джордж-Корнуэлл** (1806 — 1863) — английский либерал, министр финансов (1855 — 1858), внутренних дел (1859 — 1861) и военный (1861 — 1863) — 317, 354.
- Людовик XI** (1423 — 1483) — король Франции (1461 — 1483) — 718.
- Людовик XIV** (1638 — 1715) — король Франции (1643 — 1715) — 8, 611.
- Люкен, граф, Джордж-Чарльз-Бингхем** (1800 — 1888) — английский генерал, торий, член палаты лордов — 175, 202, 353.
- М.**
- Маврокордато, Александр** (1791 — 1865) — греческий либерал, министр-президент (1822, 1844 и 1854—1855) — 50.
- Магиеро** — валашский генерал, командующий регулярными войсками Валахии во время революции 1848 — 1849 гг. — 102.
- Магомет** (570 — 632) — основатель мусульманской религии — 152, 582, 693.
- Магомет II (Великий)** (1430 — 1481) — турецкий султан (1451 — 1481) — 98.
- Мадвиг, д-р** — датский политический деятель, член ландстинга (верхней палаты Дании) — 159.
- Мадзини, Джузеппе** (1805 — 1872) — итальянский революционер, заговорщик, мелкобуржуазный демократ, основатель республиканского общества «Молодая Италия»; в 1848 — 1849 гг. член Временного правительства в Риме — 130, 162.
- Мазарини, Жюль** (1602 — 1661) — французский кардинал и министр — 11.
- Майльс, Вильям** (род. 1797) — английский торий, член парламента — 305.
- Майн, сэр, Ричард** (1796 — 1868) — начальник полиции в Лондоне — 470, 471.
- Макдональд** — сотрудник газеты «Times» — 370.
- Макензи** — шотландский адмирал на русской службе — 193, 538.
- Мак-Магон, Мари-Эдме-Патри-Морис, герцог Маджента** (1808 — 1893) — французский маршал, участник Крымской и франко-прусской войн; командовал войсками версальцев против Коммуны, президент Третьей республики (1873 — 1879) — 539, 542.
- Маньян, Бернар-Пьер** (1791 — 1865) — французский генерал, бонапартист, активный участник переворота 2 декабря 1851 г. — 421.
- Мак-Нейл, Джон** (1795 — 1883) — английский дипломат, секретарь посольства и ватем полномочный посол в Персии (1836 — 1842); председатель комиссии по расследованию хищений в английской крымской армии (1855) — 302.
- Мальборо, герцог, Джон-Черчилль** (1650 — 1722) — английский генерал, главнокомандующий в войне с Францией за «испанское наследство» (1701 — 1713) — 532.
- Мальмсбери, граф, Джеймс-Говард Гаррис** (1807 — 1889) — английский торий, министр иностранных дел (1852 и 1858 — 1859) — 13, 14, 15, 16, 366, 459, 460, 489, 490.
- Мансбак** — шведский генерал, в 1854 г. посол в Вене — 119.
- Мансфилд, Вильям-Роуз, барон Сендхерст** (1819 — 1876) — английский генерал, военный советник британского посольства в Константинополе — 580.
- Мантейфель, Отто-Теодор фон** (1805 — 1882) — прусский реакционер, министр внутренних дел (1848 — 1850) и министр-президент (1850 — 1858) — 29, 30.
- Мантейфель, барон, Эдвин-Карл** (1809 — 1885) — прусский фельдмаршал и дипломат — 358, 359.
- Мария Александровна** (1824 — 1880) — русская императрица, жена Александра II — 537.
- Мария-Анна Нейбургская** (1667 — 1740) — королева испанская, жена Карла II — 717, 718.
- Мария-Луиза** (1751 — 1819) — королева испанская, жена Карла IV — 718, 722.
- Мария-Христина** (1816 — 1878) — королева испанская, жена Фердинанда VII, регентша королевства (1833 — 1840) — 681, 682, 684, 687, 690, 691, 693, 696, 701, 709, 710, 711, 714, 715.
- Марлиани, Эммануэль де** (ум. 1873) — итало-испанский историк, либерал, сторонник Эспартеро — 690, 698.
- Марото, Рафаэль** (1783 — 1847) — испанский карлистский генерал — 690.
- Мартемпрэ, граф, Эдмон-Шарль** (1808 — 1883) — французский генерал, во время Крымской войны начальник штаба французской армии — 561.
- Мартин-Диас, Хуан (Эль-Эмпесинадо)** (1775 — 1825) — испанский генерал, один из вождей герильеров, участник

- восстания Риаго; после победы абсолютизма казнен — 744.
- Маргинес-де-ла-Роса, Бердехо-Гомес-и-Арройо, Франсиско де-Баула (1787 — 1862) — испанский писатель, один из лидеров партии умеренных, министр-президент (1834 — 1835) и министр внутренних дел в кабинете Нарваеса (1845 — 1846) — 683.
- Маргиньяк, виконт, Жан-Батист-Сильвер-Гей де (1778 — 1832) — французский роялист, премьер-министр (1828 — 1829); принял участие в подавлении испанской революции 1820 — 1823 гг.: опубликовал книгу «*Essay historique sur la révolution d'Espagne sur l'intervention de 1823*» («Исторический очерк испанской революции и интервенции 1823 г.») (1832) — 767.
- Марчеси-и-Олеага, Хосе-Мария (1801 — 1879) — испанский генерал — 687.
- Масарредо, Мануэль (1807 — 1857) — испанский генерал, военный министр (1844 и 1847) — 686.
- Магушевич, граф, Андрей (1796 — 1842) — русский дипломат, представитель России на Лондонской конференции 1829 — 1830 гг. — 88.
- Махмуд II (1785 — 1839) — турецкий султан (1808 — 1839) — 656.
- Мелик-шах (1054 — 1092) — персидский султан из сельджукской династии (1072 — 1092) — 259.
- Меллине, Эмиль (1798 — 1895) — французский генерал — 536.
- Мельбурн, виконт, Вильям (1779 — 1848) — английский виг, премьер-министр (1835 — 1841) — 230, 299, 306, 339, 508, 511.
- Мельгар, граф, Хуан-Томас-Эрикес-Кабрера (1652 — 1705) — придворный и министр Карла II испанского — 717, 718.
- Менсина — испанский генерал — 679.
- Меншиков, князь, Александр Сергеевич (1787 — 1869) — русский генерал, главнокомандующий во время Крымской войны — 19, 20, 21, 172, 176, 177, 178, 179, 187, 190, 191, 192, 193, 197, 206, 207, 226, 268, 598.
- Мерлен, граф, Кристоф-Антуан (1771 — 1839) — один из генералов Наполеона I — 730.
- Мерроу — английский либерал, член парламента — 355.
- Метастазиио, Пьеро-Антонис-Доменико-Бонавентура (1698 — 1782) — итальянский поэт, автор оперных либретто — 506.
- Меттерних, князь, Клеменс-Венцель-Лотарь (1773 — 1859) — австрийский министр иностранных дел (1809 — 1848) и имперский канцлер (1821 — 1848); крайний реакционер, организатор «Священного союза» королей для борьбы против революции — 86, 92, 391, 393, 444.
- Миклошич, Франц (1813 — 1891) — словацкий ученый, автор ряда работ по славянской филологии — 391.
- Мильнер-Гибсон — см. Гибсон, Томас-Мильнер.
- Мина — см. Эспоз-и-Мина, Франсиско.
- Мина (младший), Франсиско-Ксавье (1789 — 1817) — один из вождей испанских герильеров — 743.
- Миних, Бурхард-Христофор (1683 — 1767) — русский генерал, главнокомандующий в русско-турецкой войне (1735 — 1739) — 145.
- Минье, Клод-Этьен (1804 — 1879) — французский офицер; изобрел в 1849 г. винтовку — 45, 47, 196, 208, 210, 626, 632, 641, 663, 667.
- Минто, граф, Эллиот-Гильберт (1782 — 1859) — английский виг, в 1835 — 1841 гг. морской министр, в 1847 г. был послан с дипломатической миссией в Рим — 514.
- Михаил Николаевич, великий князь (1832 — 1909) — четвертый сын Николая I — 326.
- Мольсворт, сэръ, Вильям (1810 — 1855) — английский либерал-радикал, министр королевских лесов (1852 — 1855) и колоний (1855); издатель сочинений Роббса (1839 — 1845) — 47, 257, 275, 422, 443, 444, 486.
- Мольтке, граф, Гельмут-Бернгард (1800 — 1891) — германский фельдмаршал и военный писатель, организатор германского генерального штаба и фактический главнокомандующий в австро-прусской (1866 г.) и франко-прусской (1870 — 1871) войнах — 73, 384.
- Мон, Александр (1801 — 1882) — испанский политик, из партии умеренных, министр финансов (1844 — 1846) и премьер-министр (1864 — 1865), в 1854 г. посол в Вене — 680, 701.
- Монроэ, Джеймс (1758 — 1831) — президент республики Соединенных Штатов Америки (1816 — 1825); автор так называемой «доктрины Монроэ», согласно которой Америка не должна являться колонией какого бы то ни было европейского государства — 766.
- Монселль, Вильям (1812 — 1894) — ирландский либерал, член английского парламента, в 1852 — 1857 гг. занимал должность в артиллерийском управлении — 275, 325, 340.

- Монталамбер, маркиз, Марк-Рене (1714 — 1800) — французский военный инженер — 172, 641.
- Монталамбер, граф, Шарль (1810 — 1870) — вождь католической партии во Франции, член Национального и Законодательного собраний 1848 — 1849 гг., далее Законодательного корпуса — 376.
- Монтемолен, граф, Карлос-Луи-Мария-Фердинандо де-Бурбон (1818—1861)— французский принц из династии Бурбонов, претендент на испанский престол — 683.
- Монтескье, Шарль де-Секонда, барон де-ла-Бред (1689 — 1755) — французский писатель, теоретик конституционной монархии — 463, 733.
- Монтихо, граф — испанский аристократ, кандидат в регенты королевства в 1809 г. — 744.
- Морено, Антонио-Гиллермо — банкир в Мадриде — 680.
- Морильо-Пабло, граф Карфагенский, маркиз де-ла-Пуэрта (1778 — 1837) — испанский генерал, участник войны за независимость, в 1815 — 1820 гг. командующий испанскими войсками в Южной Америке — 690.
- Мориц Насаусский (1567 — 1625) — штатгальтер Голландии, крупный полководец, реорганизовавший голландскую армию — 640.
- Морла, Томас де (1752 — 1820) — испанский генерал; в 1808 г. сдал Мадрид Наполеону I; военный и морской министр при Жозефе Бонапарте — 744.
- Морни, Шарль - Огюст - Луи - Жозеф (1811 — 1865) — брат Наполеона III; в качестве министра внутренних дел содействовал перевороту 2 декабря 1851 г., председатель Законодательного корпуса (1854 — 1856 и 1857 — 1865) — 375.
- Мунц, Джордж - Фредерик (1794 — 1857) — английский радикал, член парламента — 47.
- Мунье, Жан-Жозеф (1758 — 1806) — участник Великой французской революции, председатель Национального собрания 1789 г., умеренный либерал, сторонник конституционной монархии — 733.
- Муньос, Аугустин-Фернандо, герцог Ривансарес, принц Астурийский (1808 — 1873) — муж испанской королевы — регентши Марии-Христины — 741.
- Муньос - Бенавенте, Хосе (Пучета) (1820 — 1856) — испанский торедор, участник революции 1854 г. — 697, 701.
- Муньос-Торреро, Диэго (1761—1829)— испанский священник, либерал, член кортесов 1810 — 1813 гг. — 757.
- Муньос, мадам — см. Мария-Христина.
- Мур, Джордж-Генри (1811—1870) — ирландский либерал, член английского парламента — 35.
- Муравьев, граф, Николай Николаевич (1794 — 1866) — русский генерал — 571.
- Муса-паша (ум. 1854) — турецкий генерал, командующий войсками в Силестрии — 75, 109.
- Мустафа II (1664 — 1703) — турецкий султан (1695 — 1703) — 8.
- Мюллинге, Джозеф-Рандольф (род. 1792) — английский торий, член парламента — 49.
- Мюраг, Иоахим (1767 — 1815) — шурин и сподвижник Наполеона I, король Неаполитанский; в 1808 г. главнокомандующий французских войск в Испании — 723.
- Мюраг-Наполеон-Люсьен-Шарль, принц (1803 — 1878) — двоюродный брат Наполеона III, сын Иоахима Мюрагта — 149.

Н.

Наваро — испанский адвокат, казнен в 1817 г. в Валенси за попытку провозгласить конституцию 1812 г. — 767.

Найт, Фредерик-Уинн—английский консерватор, член парламента — 130.

Найтингел, мисс, Флоренс (1820 — 1910) — английская филантропка и писательница, во время Крымской войны заведывала госпиталями в Скутари и Балаклаве — 371.

Наполеон I (1769 — 1821) — французский император (1804 — 1815) — 9, 34, 38, 42, 48, 49, 50, 61, 183, 184, 186, 206, 207, 210, 216, 217, 226, 227, 309, 318, 347, 348, 386, 445, 519, 522, 547, 554, 597, 598, 599, 611, 613, 614, 621, 632, 674, 718, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 733, 735, 741, 742, 754, 758.

Наполеон III, Луи Бонапарт (1808—1873)—французский президент (1848—1852), далее император (1852—1870)— 5, 33, 41, 46, 48, 49, 50, 64, 122, 129, 137, 141, 146, 149, 169, 170, 171, 187, 271, 293, 305, 318, 326, 332, 333, 334, 336, 337, 338, 346, 347, 348, 349, 350, 363, 366, 367, 368, 369, 373, 379, 381, 383, 384, 385, 386, 416, 444, 453, 455, 456, 458, 480, 484, 486, 521, 522, 524, 536, 566, 568, 593, 597, 598, 599, 602, 605, 619, 622, 688.

- Наполеон, принц — см. Бонапарт, Наполеон-Жозеф-Шарль-Поль.
- Нарваес, герцог, Роман-Мария (1800—1868) — испанский генерал, вождь партии умеренных (либерал-консерваторов), министр-президент (1844 — 1851, 1857 — 1858, 1864 — 1865 и 1866 — 1868) — 673, 680, 681, 682, 685, 690, 691, 692, 694, 696, 700, 701.
- Ней, Мишель (1769 — 1815) — один из маршалов Наполеона I; в 1808 — 1811 гг. командовал французским корпусом в Испании — 737.
- Непир — английская дворянская фамилия — 533.
- Непир, сэр, Вильям-Френсис-Патрик (1785 — 1860) — английский генерал и военный историк, автор «Истории пиренейской войны» (1828 — 1840) — 309, 533, 620, 621, 628, 639.
- Непир, сэр, Чарльз (1786 — 1860) — английский адмирал, в 1854 — 1855 гг. главнокомандующий балтийского флота, далее член парламента, либерал — 36, 37, 38, 84, 106, 113, 139, 158, 444, 448, 449, 532, 533, 534, 535, 536.
- Непир, сэр, Чарльз-Джеймс (1782 — 1853) — английский генерал, участник испанской войны против Наполеона; в 1840-х годах командовал в Индии, где завоевал королевство Синд — 533.
- Несмит, Чарльз (1826 — 1861) — английский артиллерийский офицер, корреспондент «Times'a» при штабе Омера-наши, активный участник обороны Силистрии — 75, 108, 110, 138, 142.
- Нессельроде, граф, Карл Васильевич (1780 — 1862) — русский дипломат, министр иностранных дел (1822 — 1856) — 15, 28, 358, 428, 429, 433, 434, 491.
- Николай I (1796 — 1855) — русский император (1825 — 1855) — 5, 13, 14, 15, 16, 22, 23, 32, 40, 58, 63, 80, 81, 86, 96, 103, 113, 122, 128, 129, 148, 155, 183, 211, 218, 228, 246, 247, 248, 255, 258, 278, 283, 312, 322, 326, 327, 350, 358, 366, 383, 427, 433, 434, 450, 454, 524, 546, 547, 592, 593, 598, 602, 603, 604, 698.
- Николай — английский либерал, член парламента — 355.
- Низль, Адольф (1802 — 1869) — французский генерал-инженер, руководил осадными работами у Севастополя — 347, 364, 536, 539, 540, 541.
- Ньюкестль, герцог, Генри-Пелгем-Клинтон, граф Линкольн (1811 — 1864) — английский аристократ, либерал-консерватор (пилит), министр по делам Ирландии (1846), военный министр и колоний (1852 — 1855) — 26, 55, 62, 86, 122, 123, 229, 230, 257, 260, 262, 263, 272, 273, 274, 279, 281, 283, 286, 287, 304, 313, 314, 353, 371.

O.

- O'Брайен, Вильям-Смит (1803 — 1864) — ирландский революционер-националист, лидер общества «Молодая Ирландия», член английского парламента; в 1848 г. пытался в Дублине поднять восстание, за что был приговорен к смертной казни, замененной ссылкой в Тасманию — 509.
- O'Дали, Демергио — испанский офицер, участник заговора Риэго — 762.
- O'Доннель, Хосе-Генрих, граф Лабисбаль (1769 — 1834) — испанский генерал, участник войны за независимость Испании, член Совета регентства (1812 г.); позже реакционер, подавил военный заговор 1819 и г. восстание Риэго 1823 г. — 744, 762, 765.
- O'Доннель-и-Хоррис, Леопольд, граф Люсена и герцог Тетуан (1809 — 1867) — испанский генерал, вначале принадлежал к прогрессивистской партии, затем перешел к умеренным, возглавлял военный заговор 1854 г.; военный министр (1854, 1858 — 1859, 1863 — 1864) и министр-президент (1856 — 1857, 1858 — 1863 и 1865 — 1866) — 677, 678, 679, 680, 682, 683, 685, 687, 688, 691, 696, 711, 715, 716, 762.
- O'Коннель, Даниэль (1775 — 1847) — лидер ирландских националистов, основатель клерикальной ирландской Национальной лиги, член английского парламента — 316, 339, 340, 440, 479, 507, 508, 509.
- O'Коннор, Фергюс (1794 — 1855) — лидер чартизма, возглавлял центристское течение в чартизме, член парламента — 316.
- Олифант, Лоренс (1829 — 1888) — английский путешественник и писатель; во время Крымской войны находился при главной квартире Омера-наши в качестве корреспондента «Times'a» — 579.
- Олосага, Салюстиано де (1805 — 1873) — испанский либерал, сторонник Эспартеро, премьер-министр и опекун королевы Изабеллы II (1843), посол в Париже (1843 и 1854) — 694, 695, 701.
- Ольторп, лорд — см. Спенсер, граф.

Ольтра — испанский офицер, участник заговора Риэго (1819 — 1820) — 763.

Омер-паша (Михаил Латош) (1806 — 1871) — по национальности кроат, принявший турецкое подданство, главнокомандующий турецкой армии в Крымской войне — 55, 56, 58, 69, 75, 80, 102, 111, 120, 121, 132, 138, 140, 143, 144, 148, 157, 213, 226, 293, 336, 373, 374, 375, 421, 432, 485, 525, 555, 557, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 589, 590, 591, 594, 603, 659, 660, 661.

Орлов, граф, Алексей Федорович (1786 — 1861) — русский дипломат, заключивший Унклар-Скелесский договор с Турцией (1833), представитель России на Парижском конгрессе 1856 г., один из упорных противников реформы 1861 г. — 27, 599.

Орлов (младший), князь, Николай Алексеевич (1827 — 1885) — сын предыдущего, полковник, участник Крымской войны, в дальнейшем посол в Париже (1871 — 1882) и Берлине (1882 — 1885) — 76, 79.

Оропеза, граф — испанский премьер-министр (1685 — 1689 и 1698 — 1699) — 717, 718.

Орси — французский биржевой спекулянт, агент Наполеона III — 458.

Осборн, Бирнелъ-Ральф (1808 — 1882) — английский либерал-радикал, член парламента — 47, 257, 275, 286.

Оскар I (1799 — 1859) — король Швеции и Норвегии (1844 — 1859) — 26, 180.

Осман-паша (род. 1792) — турецкий адмирал, командовавший эскадрой, уничтоженной русскими под Синопом в ноябре 1853 г., далее командовал сухопутной армией — 91, 101.

Остен-Сакен, Дмитрий Ярославович (1790 — 1864) — русский генерал — 209.

Островский, граф, Антон-Ян (1782 — 1845) — польский писатель, по подавлению революции 1830 — 1831 гг. жил в эмиграции, автор ряда работ по польской истории — 520.

О'Сюливан-де-Грас, граф, Альфонс-Альберт-Анри (1798 — 1866) — бельгийский дипломат, посол в Вене — 119.

Отмарр де — французский генерал — 589.

Отуей, Джордж-Грехем (род. 1816) — английский торий, член парламента — 452.

Оттон (1815 — 1867) — принц Баварский, король Греции (1833 — 1862) — 49, 50, 119, 163.

П.

Падилья, Хуан (1490 — 1521) — вождь кастильских горожан в борьбе против императора Карла V, казнен после поражения при Вильяларе — 720.

Пакстон, сэр, Джозеф (1801 — 1865) — английский архитектор, строитель дворца всемирной выставки в Лондоне (1851), член парламента, либерал — 305.

Палаfox-и-Мельси, Франсиско де (род. 1774) — испанский аристократ, член Центральной хунты (1808 — 1809), исключен из состава Хунты за попытку учредить регентство — 744.

Палаfox-и-Мельси, Хосе, герцог Сарагосский (1776 — 1847) — испанский генерал, участник войны за независимость, защищавший Сарагосу против французов; в 1809 — 1813 гг. находился во французском плену — 729.

Палацкий, Франц (1798 — 1876) — чешский историк, один из идеологов «австрийского» панславизма; председательствовал на Славянском конгрессе 1848 г. — 391.

Пальмерстон, виконт, Генри - Джон-Темплъ (1784 — 1865) — английский политик, виг, министр иностранных дел (1830 — 1841 и 1846 — 1852), внутренних (1852 — 1855) и премьер-министр (1855 — 1858 и 1859 — 1865) — 6, 15, 18, 22, 23, 24, 34, 38, 55, 62, 86, 87, 89, 92, 93, 102, 122, 123, 130, 131, 132, 141, 163, 219, 229, 230, 258, 260, 261, 263, 264, 265, 271, 272, 278, 279, 280, 282, 283, 286, 289, 290, 293, 301, 302, 304, 305, 307, 313, 314, 315, 317, 318, 325, 326, 328, 334, 335, 337, 340, 341, 350, 353, 354, 361, 362, 373, 378, 398, 399, 400, 405, 406, 407, 417, 418, 419, 422, 423, 424, 429, 434, 435, 436, 442, 443, 445, 446, 447, 451, 452, 456, 457, 461, 462, 463, 464, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 485, 486, 490, 493, 494, 511, 520, 521, 523, 528, 532, 551, 554, 557, 565, 578, 579, 580, 593, 688, 692, 698.

Панютин, Федор Сергеевич (1790 — 1865) — русский генерал — 95, 112, 255, 268.

Парке-Кастрильо, герцог дель, Диэго де-Каньяс-и-Портокарреро (1755 — 1832) — испанский генерал, либерал, президент кортесов 1820 г. — 725.

Пасифико, Дэвид (1784 — 1854) — английский подданный, уроженец Гибралтара, торговавший в Афинах; в 1847 г. в связи с сожжением его дома

- афинской толпой Пальмерстон в резком тоне потребовал компенсаций, что едва не привело к войне с Францией — 288.
- Паскевич, князь, Иван Федорович (1872 — 1856) — русский фельдмаршал, главнокомандующий в русско-турецкой войне 1828 — 1829 гг., усмиритель польского восстания 1831 г. и наместник царя в Польше: в 1854 г. командовал армией на Дунае — 55, 77, 79, 92, 95, 110, 113, 145, 603, 652.
- Паттен, Джон-Вильсон (1802 — 1892) — английский консерватор, член парламента — 250.
- Пачеко-и-Гутьеррес-Кальдерон, Хоакин-Франсиско (1808 — 1865) — испанский адвокат, из партии умеренных, член министерств 1847 г. и 1854 г. — 696.
- Пачеко, Хуан, маркиз де-Вильен (1419 — 1474) — фаворит и министр короля Генриха IV Кастильского — 718.
- Педро V (1837 — 1861) — король Португалии (1853 — 1861) — 682.
- Пекингтон, сэр, Джон-Сомерсет (1799 — 1880) — английский консерватор, член парламента, в министерствах Дерби Дизраэли занимал должности министров военного, морского и колоний — 123.
- Пеллсье, Жан-Жак (1794 — 1864) — французский генерал, в 1855 г. главнокомандующий французских войск в Крыму — 416, 417, 420, 421, 458, 462, 482, 484, 526, 529, 538, 541, 543, 560, 561, 562, 563, 566, 575, 576, 578.
- Пенмор, барон, Фокс-Моль («Дауб»), впоследствии граф Долгаузи (1801 — 1874) — английский генерал, либерал, член парламента, затем палаты лордов, военный министр (1846 — 1852 и 1855 — 1858) — 299, 302, 304, 313, 353, 405, 554, 555, 556, 557, 576.
- Перес-де-Кастро, Эваристо (ум. 1848) — испанский либерал, член кортесов (1812), входил в состав конституционных министерств 1814 и 1822 гг. — 765.
- Персиваль, Спенсер (1762 — 1812) — английский торий, премьер-министр (1809 — 1812) — 401, 404, 405, 515.
- Песуэла-и-Себальос, Хуан, граф де-ла Честа (1809 — 1906) — испанский генерал, сторонник Нарваеса — 691.
- Петр I (Великий) (1672 — 1725) — русский император (1682 — 1725) — 358, 583.
- Пидаль, Педро-Хосе (1800 — 1865) — испанский политик, из партии умеренных, председатель кортесов 1843 г. — 680.
- Пизани — фанариот в Константинополе — 563.
- Пий IX (1792 — 1878) — римский папа (1846 — 1878) — 13, 399, 514.
- Пиллет, Эпсли (1791 — 1863) — английский стеклозаводчик в Сотворке (предместье Лондона), член парламента, либерал — 355.
- Пиль, Роберт (1788 — 1850) — английский торий, затем либерал-консерватор, премьер-министр (1830 и 1841 — 1846); в 1846 г. в интересах промышленной буржуазии провел билль об отмене хлебных пошлин — 15, 230, 299, 315, 318, 334, 371, 380, 401, 411, 412, 419, 424, 425, 443, 444, 446, 452, 499, 505, 508, 509, 512, 513, 516.
- Пиль, сэр, Роберт (1822 — 1895) — сын предыдущего, член парламента, либерал; в 1855 г. лорд адмиралтейства в министерстве Пальмерстона — 280, 350, 351, 522.
- Пиль, Фредерик (1823 — 1906) — брат предыдущего, член парламента, либерал — 299, 325.
- Пидар (ок. 522 — 443 до н. э.) — древне-греческий поэт-лирик — 404.
- Писарро, Франсиско (1475 — 1541) — испанский конквистадор, завоеватель Перу — 721.
- Питт, Вильям (младший), граф Чатам (1759 — 1806) — английский торий, премьер-министр (1783 — 1801 и 1804 — 1806); организатор войны против французской республики — 313, 397, 401, 404.
- Помбаль, маркиз, Себастьян-Хосе де-Кирвало-и-Мельо (1699 — 1732) — португальский министр, фактический правитель Португалии (1750 — 1777), сторонник «просвещенного абсолютизма», добился уничтожения ордена иезуитов (1773) — 732.
- Помпей, Гней (106 — 48 до н. э.) — римский полководец, соперник Цезаря, возглавлявший партию аристократического земледелия — 685.
- Порлье — см. Дюас-Порлье.
- Порчестер, лорд — английский виг, член парламента — 266, 404.
- Поццо-ди-Борго, граф Карл-Андрей (1764 — 1842) — русский дипломат, посол в Париже (1814 — 1834) и Лондоне (1834 — 1839) — 245, 358.
- Прадт, Доминик-Жорж-Фредерик де-Фургес (1759 — 1837) — французский аббат, дипломат и писатель, автор «Мемуаров об испанской революции» (1816) — 740, 743.
- Прален, Альтарис-Розальба-Фани-Себастьяни (1807 — 1847) — французский аристократка, убила мужем в июне 1847 г. — 306.
- Пратт, Джон-Тидт (1797 — 1870) —

- английский чиновник, ведавший регистрацией обществ взаимопомощи — 153.
- Президент Соединенных Штатов — см. Монроэ.
- Принсипе-и-Видауд, Мигель-Августин (1811 — 1866) — испанский литератор и историк, сторонник Эспарtero — 693.
- «Принц мира» — см. Годой, Мануэль.
- Причард — английский изобретатель, усовершенствовавший винтовку Минье — 45, 626.
- Прокеш, Антон, барон фон-Остен (1795 — 1876) — австрийский дипломат и писатель; посол в Афинах (1834 — 1848), Берлине (1840 — 1852) и Константинополе (1855 — 1871) — 492.
- Пуффендорф, Самуэль фон (1632 — 1694) — немецкий ученый, юрист и историк, автор ряда трудов по естественному и международному праву — 389.
- Пучета (прозвище) — см. Муньос-Бенавенте, Хосе.
- Пуожоль, Александр-Дени-Абель де (1785 — 1861) — французский художник и историк — 69.

Р.

- Раглан, барон, Фитцрой-Джеймс-Генри-Сомерсет (1788 — 1855) — английский генерал, главнокомандующий британской армии во время Крымской войны — 55, 82, 136, 140, 143, 145, 158, 168, 170, 171, 185, 186, 187, 188, 189, 193, 195, 198, 203, 204, 206, 207, 225, 228, 229, 230, 271, 273, 295, 302, 303, 337, 346, 353, 372, 375, 381, 385, 420, 469, 524, 541, 577.
- Радецкий, граф, Иоганн-Иозеф-Венцель (1766 — 1858) — австрийский фельдмаршал, с 1831 г. главнокомандующий австрийскими войсками в Италии — 104, 114, 208, 393, 631.
- Райт, сэр, Вильям — английский политик; лорд-хранитель печати в начале XVIII в. — 328.
- Редингтон, сэр, Томас-Николас (1815 — 1862) — английский виг, член парламента — 324.
- Редклифф — см. Каннинг, Стратфорд; де-Редклифф.
- Решид-паша, Мустафа (1802 — 1858) — турецкий министр иностранных дел (1837 — 1838, 1845 и 1853 — 1856) и великий визирь (1846 — 1852 и 1856 — 1857) — 113, 132, 133.
- Риансарес, герцогиня — см. Мария-Христина.
- Риверо — испанский генерал — 679.
- Рид — английский полицейский комиссар в Балларате (Австралия) — 330.
- Риза-Гассан-паша (род. 1809) — турецкий генерал, сераскир (военный министр) (1840 — 1845, 1848 — 1850 и 1854 — 1857) — 55, 557, 559, 560, 563, 571, 572, 573, 580, 581.
- Риос-и-Росас, Антонио де-ла (1812 — 1873) — испанский политик, из партии умеренных, депутат нескольких кортесов — 701.
- Ричард II (1367 — 1400) — король Англии (1377 — 1399) — 302, 307.
- Ричард III (1452 — 1485) — король Англии (1483 — 1485) — 317.
- Ричард, Висенте (ум. 1816) — испанский революционер, повешен после неудачного заговора против Фердинанда VII — 767.
- Ричардс, Джордж-Генри — английский адмирал, в 1854 — 1855 гг. лорд адмиралтейства — 449.
- Ричмонд, герцог, Вильям-Питтгордон-Леннокс (1791 — 1860) — английский аристократ, член палаты лордов, торий — 257.
- Риго-и-Нуньес, Рафаэль де (1785 — 1823) — испанский генерал, участник войны за независимость Испании, организатор военного заговора 1819 — 1820 гг., казнен в Мадриде после победы реакции (1823) — 745, 748, 764, 765.
- Робек, Джон-Артур (1801 — 1879) — английский радикал, член парламента — 259, 260, 261, 263, 264, 265, 271, 273, 279, 280, 285, 286, 287, 288, 302, 304, 305, 313, 314, 315, 335, 372, 423, 424, 446, 447, 448, 449, 450, 457, 460, 462, 463, 464, 475, 476, 485, 488, 498, 523.
- Робеспьер, Максимилиен-Франсуа-Мари-Исидор де (1758 — 1794) — вождь французской якобинской партии, возглавлявший революционное правительство в период 1793 — 1794 гг. — 305.
- Робинсон, Фредерик-Джон, виконт Годерич (1782 — 1859) — английский торий, министр финансов (1823 — 1827) и премьер-министр (1827 — 1828), член палаты лордов — 242, 328.
- Роге, граф, Кристоф-Мишель (1800 — 1877) — французский генерал, бонапартист, активный участник переворота 2 декабря 1851 г. — 421.
- Родвелль, Джозайя — английский священник — 319, 320.
- Роджерс, Лаурей и К^о — мануфактурная фирма в Лондоне — 242.

- Рокеби, барон, Генри-Робинсон-Мон-тело (1798 — 1883) — английский генерал — 299.
- Романовы — царская династия в России (1613 — 1917) — 593.
- Романья (Ромериас), генерал — см. Каро-и-Суредра, Педро.
- Рос-де-Олано, Антонио (1808 — 1886) — испанский генерал, из партии умеренных, один из руководителей военного восстания 1854 г. — 680.
- Россель, Джон, лорд, впоследствии граф (1792 — 1878) — лидер английской партии вигов, премьер-министр (1846 — 1852 и 1865 — 1866) и министр иностранных дел (1852 — 1853 и 1859 — 1865), в 1855 г. (несколько месяцев) министр колоний — 5, 17, 18, 20, 22, 25, 48, 49, 50, 51, 52, 62, 86, 87, 93, 123, 125, 127, 128, 129, 130, 131, 135, 138, 139, 140, 215, 230, 248, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 272, 273, 274, 279, 280, 281, 282, 283, 285, 286, 287, 288, 289, 294, 303, 304, 306, 314, 315, 316, 317, 318, 324, 325, 366, 376, 377, 378, 379, 423, 424, 425, 427, 428, 432, 433, 434, 443, 444, 445, 446, 450, 452, 464, 476, 478, 481, 492, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 533, 582.
- Россель (ум. 1855) — участник демонстрации в Гайдпарке против воскресного билля, убитый полицией — 473.
- Ротшильд, барон, Лайонель-Натан (1808 — 1879) — глава банкирского дома Ротшильдов в Англии — 515.
- Рюльер, Жозеф-Марселен (1787 — 1863) — французский генерал, бонапартист, в 1848 — 1849 гг. член Учредительного и Законодательного собраний и военный министр — 67.
- С.**
- Сабала-и-де-ла-Пуэнте, Хуан, граф Паредес-де-Нава (1804 — 1879) — испанский генерал, адъютант Эспартеро (1834), участник революции 1854 г. — 686, 687.
- Сагести, Мануэль — губернатор Мадрида в 1843 и 1854 гг. — 705, 709.
- Сагиб-эфенди — турецкий муфтий — 164.
- Саид-паша — турецкий генерал — 121.
- Саламанка-Майоль, Хосе де (1811 — 1883) — испанский банкир, принадлежал к партии умеренных, министр финансов (1847 г.) — 706 — 715.
- Саласар — см. Алленде-Саласар.
- Саль, Шарль-Мари де (род. 1804) — французский генерал, участник Крымской войны — 541.
- Сами-паша — турецкий генерал, губернатор Видина — 111.
- Сандерс, Ромул-Митчелль (1791 — 1867) — американский дипломат, посол САСШ в Испании (1845 — 1850) — 715.
- Сан-Луис, граф, Луис-Хосе Сарториус (1820 — 1871) — испанский политик, реакционер, глава министерства накануне революции 1854 г. — 684, 687, 688, 692, 693, 696, 706, 709, 711, 715, 716, 717, 718.
- Сан-Мигель-и Вальедор, Эваристо (1785 — 1862) — испанский генерал, либерал, президент конституционного министерства 1822 г., в дальнейшем либерал — консерватор (умеренный), военный министр (1840 — 1843) — 681, 708, 716, 762, 763.
- Сан-Фернандо, герцог — испанский аристократ, реакционер, глава министерства накануне революции 1820 г. — 763, 766.
- Санта-Колома, граф, Дальмасио де — фаворит испанского короля Филиппа IV, капитан-генерал Каталонии, убит в 1640 г. во время восстания — 717.
- Салта-Крус, маркиз дон-Франсиско (1802 — 1883) — испанский политик, сторонник Нарваеса, министр внутренних дел (1854 — 1855) и министр финансов (1856) — 694, 695, 709.
- Санчес, Хулиан — один из вождей испанских герильеров — 743.
- Сарториус — см. Сан-Луис, граф.
- Саффи, Ауриелио (1819 — 1890) — итальянский революционер-националист, сторонник Мадзини — 162.
- Свисдо — губернатор Астурии (Испания) — 714.
- Седлер, Джон (1814 — 1856) — ирландский банкир, либерал, член английского парламента; в 1853 г. лорд казначейства в министерстве Эбердина — 276, 479, 581.
- Сеймур, сэр, Джордж Гамильтон (1797 — 1880) — английский дипломат, посол в Петербурге (1851 — 1854) — 21, 428, 433, 434.
- Селим-паша — турецкий генерал — 84, 581.
- Семнер, Джон-Берд (1780 — 1862) — архиепископ Кентерберийский, прима Англии (1848 — 1862) — 351.
- Сен-Жермен, граф (ок. 1710 — 1784) — авантюрист XVIII в., живший во Франции, Италии, Голландии, Англии и России, наживший шарлатанством и шпионством громадное состояние — 338.

- Сен-Жорж (1745 — 1801) — французский авантюрист, при якобинском правительстве (1793 — 1794) был заключен в тюрьму — 338.
- Сент-Арно, Арман-Жак-Леруа де (1801 — 1854) — французский маршал, военный министр (1851 — 1854), активный участник переворота 2 декабря 1851 г., главнокомандующий французских войск в Крыму — 41, 46, 55, 64, 65, 66, 67, 83, 114, 140, 143, 145, 158, 168, 170, 177, 193, 338, 346, 383, 384, 385, 417, 421, 524, 617.
- Сеоан, Хуан-Антонио — испанский генерал, до 1843 г. сторонник Эспартеро, далее Нарваеса — 691.
- Сераскир — см. Риза-паша.
- Сервиляно, Сихор, маркиз де-Фуентес де-Дуеро — испанский аристократ, сторонник Нарваеса — 680.
- Серрано-и-Домингес, Франсиско, граф де-Сан-Антонио, герцог де-ла-Торре (1810 — 1885) — испанский генерал, фаворит Марии-Христины; временно присоединился к революции 1854 г.; в дальнейшем один из деятелей реакции, регент королевства (1869 — 1871) — 674, 685, 688, 700.
- Сидмаут, виконт, Генри Эддингтон, (1757 — 1844) — английский торий, министр внутренних дел (1812 — 1821); прославился своими репрессиями против луддитов, один из виновников Манчестерской бойни («Питерлоо») 1819 г. — 401.
- Сийас, аббат, Эммануэль-Жозеф (1748 — 1836) — деятель Великой французской революции, автор брошюры «Что такое третье сословие», сыгравшей роль политической программы для буржуазии — 459.
- Сильвен (ум. 1854) — русский генерал — 76.
- Симмонс, сэр, Джон-Линторн-Арабия (1821 — 1903) — английский полковник, впоследствии генерал; во время Крымской войны состоял британским полномоченным при главнокомандующем турецкой армии — 560, 561, 562, 564, 568, 571, 572, 573, 574, 576, 577, 578.
- Симпсон, сэр, Джеймс (1792 — 1868) — английский генерал, начальник штаба Крымской армии; после смерти Раглана главнокомандующий — 299, 302, 319, 320, 541, 550, 561, 562, 563, 565, 567, 577, 578, 581.
- Симпсон — английский маклер — 319, 320.
- Сисмонди, Жан-Шарль-Леонард (1773 — 1842) — французский мелкобуржуазный экономист — 271, 278.
- Ситон, барон, Джон-Кольборн (1778 — 1863) — английский генерал, главнокомандующий в Ирландии (1855 — 1860) — 299.
- Скарлет, Джеймс-Йорк (1799 — 1871) — английский генерал — 203.
- Слокомб — английский рабочий, чартист — 409.
- Смит, Адам (1723 — 1790) — английский экономист, основатель классической школы политической экономии; автор книги «The Wealth of Nations» («Богатство народов») (1776) — 257, 529.
- Смит, Роберт-Вернон, позже барон Лайвден (1800 — 1873) — английский виг, член парламента, военный министр (февраль — март 1852 г.) и председатель Контрольного совета по делам Индии (1855 — 1858) — 266, 317.
- Смит, Эндрью (1797 — 1872) — английский военный врач, заведующий медицинским отделом английской армии во время Крымской войны — 371, 581.
- Собесский, Ян (1624 — 1696) — король Польши (1674 — 1696) — 61.
- Согден, Эдуард-Бергеншау, барон Сент-Леонардс (1781 — 1875) — английский юрист, в 1852 г. лорд-канцлер (министр юстиции), торий — 516.
- Соймонов — русский генерал — 148.
- Сола, Хуан-Мария (ум. 1819) — испанский капитан, революционер, казнен за провозглашение конституции 1812 г. — 767.
- Соледад, Франсиско-Бенитола — испанский монах XVIII в. — 735.
- Солиман-паша — турецкий генерал — 100.
- Солон (ок. 638 — 558 до н. э.) — афинский законодатель — 523.
- Сомерсет — английский генерал, в 1855 г. главнокомандующий британских войск в Индии — 299.
- Соути, Роберт (1774 — 1843) — английский поэт, в молодости поклонник Великой французской революции и якобинцев, позднее торий и клерикал — 726.
- Спенсер, граф, Джон-Чарльз, виконт Ольторп (1782 — 1845) — английский виг, министр финансов (1830 и 1831 — 1834) — 501.
- Стаффорд, Огюст-Стаффорд О'Брайен (род. 1811) — английский торий, член парламента — 287.
- Стенли, лорд — см. Дерби, граф (премьер).
- Стенли, Эдуард-Генри, позднее граф Дерби (1826 — 1893) — сын преды-

душего, либерал-консерватор, член английского парламента, министр иностранных дел (1866 — 1868, 1874 — 1878) — 305, 324, 426.

Стердж и Кормарк — английская фирма по торговле хлебом — 63.

Стивенс — английский вице-консул в Трапезунде — 559.

Стирбей — см. Вибеско-Стирбей.

Стопор — ирландский консерватор, судья в колонии Виктория (Австралия) — 25.

Стормонт, лорд — английский дипломат XVIII в. — 533.

Стрет, Эдуард, барон Бельпер (1801 — 1880) — английский виг, член парламента — 506.

Стюарт, лорд, Дедли-Кутс (1803 — 1854) — английский виг, член парламента, сторонник независимости Польши — 102, 130, 131, 135, 138, 139, 520.

Стюарт, Джеймс-Динхем (1712 — 1780) — шотландский экономист, предшественник Адама Смита по развитию теории стоимости: опубликовал в 1767 г. книгу «Inquiry into the Principles of Political Economy» («Исследование принципов политической экономии») — 529.

Стюарт, сэр, Хоустон (1791 — 1875) — английский адмирал, виг, в 1850 — 1852 гг. лорд адмиралтейства — 561.

Суворов, Александр Васильевич (1729 — 1800) — русский фельдмаршал — 76, 77, 145, 209.

Суле, Пьер (1802 — 1870) — американский дипломат, в 1853 — 1854 гг. вел с испанским правительством переговоры о продаже САСШ острова Кубы — 700, 715.

Сулейман II (Великий) (1495 — 1566) — турецкий султан (1520 — 1566) — 8.

Сульт, Никола-Жан-де-Дье (1769 — 1851) — французский маршал, главнокомандующий в Испанской войне (1808 — 1813), далее военный министр (1814 и 1830 — 1834) и премьер-министр (1839 — 1847); подавлял Линоское восстание 1831 г. — 737.

Сурбано, Мартин (1788 — 1844) — испанский генерал, один из вождей герильеров, расстрелян в 1844 г. за попытку провозгласить конституцию 1837 г. — 691.

Сутерленд, герцоги — английская аристократическая фамилия — 317, 401.

Сюлен — английский полковник — 562.

Сюше, Луи-Габриэль, герцог Альбуэра (1770 — 1826) — один из маршалов Наполеона I — 738.

Т.

Тагир-паша — турецкий генерал — 581.
Тайлер, Уот (ум. 1381) — вождь крестьянского восстания в Англии. 1381 г. — 302, 307.

Тайт, Вильям (1798 — 1873) — английский либерал, член парламента — 438, 523.

Талейран - Перигор, Шарль - Морис (1754 — 1838) — французский дипломат, министр иностранных дел (1797 — 1799, 1799 — 1809 и 1815), представитель Франции на Венском конгрессе — 93, 378, 724.

Татищев, Дмитрий Павлович (1767 — 1845) — русский дипломат, посол в Мадриде (1815 — 1821), Вене (1826 — 1841), уполномоченный на Веронском конгрессе (1822) — 765, 766, 767,

Тимур (Тамерлан) (1336 — 1405) — восточный завоеватель, эмир Самарканда — 79, 326.

Тиртей (конец VIII в. — начало VII в. до н. э.) — древне-греческий поэт, воспевавший в своих стихах идеал воина-спартанца — 58.

Титов, Владимир Павлович (ум. 1891) — русский дипломат и археолог, посол в Константинополе, накануне Крымской войны — 424, 433.

Томпсон, Джордж (1804 — 1878) — английский радикал, активный противник рабства и член Лиги против хлебных законов — 521.

Томпсон, Томас - Перронет (1783 — 1869) — английский полковник, впоследствии генерал, либерал, один из лидеров фритредерского движения, член парламента — 415.

Тотлебен, граф, Эдуард Иванович (1818 — 1884) — русский инженер, генерал, руководил во время Крымской войны укреплением Севастополя — 524, 649, 652.

Треверс, Ингрехем — английский радикал, лидер движения за административную реформу (1855) — 408, 409.

Троллоп, сэр, Джон (род. 1800) — английский торий, член парламента — 281.

Турон — испанский генерал — 680.
Тусум-паша — турецкий генерал — 559.

Тьер, Луи-Адольф (1797 — 1877) — французский политик и историк, либерал, премьер-министр (1836 — 1840), глава версальского правительства в 1871 г. и палач Коммуны, президент Третьей республики (1871 — 1873) — 65.

Тэйлор, Джеймс — английский либерал, участник движения за административную реформу (1855) — 354, 356.

Тэйлор, Том (1817 — 1880) — драматический писатель и издатель сатирического журнала «Punch» (1874 — 1880), в 1854 г. секретарь коллегии здравоохранения — 258.

Тюрр, Иван (1824 — 1908) — венгерский офицер, участник венгерской революции 1848 — 1849 гг. и итальянского национального освободительного движения; принимал участие в Крымской войне на стороне союзников — 162.

У.

Уайз, Джон-Эйсфорд (род. 1810) — английский либерал, член парламента — 417, 418.

Уайзман, Николас - Патрик - Стивен (1802 — 1865) — английский католический архиепископ-кардинал (1850 — 1865) — 515.

Уайтсайд, Джеймс (1804 — 1876) — ирландский юрист и историк, консерватор, член английского парламента, генерал-прокурор (1852) и главный судья Ирландии (1866) — 305.

Угарте-и-Ларрисабль, Антонио (1780 — 1833) — фаворит испанского короля Фердинанда VII — 766.

Уокер — начальник полиции в Лондоне — 471.

Уолмсли, Джошуа (1794 — 1871) — английский либерал, один из лидеров фритредерского движения, член парламента — 415.

Уотли, Ричард (1787 — 1863) — английский архиепископ в Дублине (1831 — 1863), автор «Лекций по политической экономии» (1855), либерал — 354.

Уркарт, Дэвид (1805 — 1877) — английский дипломат и писатель, туркофил; в 30-х годах служил в константинопольском посольстве; в 1847 — 1852 гг. член парламента, упорный противник политики Пальмерстона — 55, 61, 62, 134, 156, 327, 438, 441, 442, 444, 449, 481, 489.

Уркихо, Мариано-Луис (1768—1817) — испанский политик, министр иностранных дел при Жозефе Бонапарте (1809) — 731.

Ушаков, Александр Николаевич (1803 — 1877) — русский генерал — 113.

Уэркман — чартист — 409.

Ф.

Фердинанд II (1810 — 1859) — король Неаполитанский (1830 — 1859); получил за бомбардировку революцион-

ной Мессины (1848) прозвище «Король-Бомба» — 114, 149, 665, 698.

Фердинанд IV (1285 — 1312) — король Испании (1295 — 1312) — 752.

Фердинанд V Католик (1452 — 1516) — король Арагонии (с 1479 г.) и Кастилии (с 1475 г.) — 718, 720.

Фердинанд VII (1784 — 1833) — король Испании (1808 и 1814 — 1833) — 693, 718, 722, 725, 726, 727, 728, 738, 744, 751, 758, 760, 762, 763, 764, 765, 766, 767.

Фиерон, Жак-Амедэ-Филипп (род. 1796) — французский полковник, впоследствии генерал — 107.

Филипп (379 — 336 до н. э.) — царь македонский (359 — 336) — 338.

Филипп II (1527 — 1598) — король Испании (1556 — 1598) — 735.

Филипп IV (1604 — 1665) — король Испании (1621 — 1665) — 717.

Филипп V (1683 — 1746) — король Испании — 735.

Фильдер — английский генерал, главный начальник снабжения во время Крымской войны — 136, 337, 581.

Финке, Георг-Эрнст-Фридрих (1811 — 1875) — немецкий либерал, член Франкфуртского парламента, прусской палаты депутатов и прусского ландтага — 35.

Финлен, Джеймс — чартист, друг Эрнеста Джонса, в 1851 — 1855 гг. член Центрального комитета чартистов — 467.

Фитцвильям, граф, Чарльз-Вильям-Вентворт (1786 — 1857) — английский либерал, член парламента — 126.

Фитцджемс, Стюарт, герцог Бервик и Альба (1821 — 1881) — испанский аристократ — 700.

Фитцджеральд, лорд, Джон - Дэвис (1816 — 1889) — ирландский либерал, член английского парламента — 340.

Флемминг, граф — немецкий дипломат, в 1854 г. заместитель прусского посла в Вене — 119.

Флорес, Хосе-Секундо (род. 1789) — испанский литератор, автор книги «История Эспартеро» (1843) — 690.

Флорида Бланка, граф, Хосе-Моньино (1782 — 1808) — испанский политик, идеолог «просвещенного» абсолютизма, премьер-министр (1777 — 1792), председатель Центральной хунты (1808 — 1809) — 732 — 733, 737, 754.

Фокс, Чарльз-Джеймс (1749 — 1806) — английский виг, в 1873 г. премьер-министр — 263, 582, 583, 584.

Форэ, Эли-Фредерик (1804 — 1872) — французский генерал, бонапартист,

активный участник переворота 2 декабря 1851 г., во время Крымской войны некоторое время (1854 г.) командовал войсками под Севастополем — 176, 365, 417.

Франц-Иосиф (1830 — 1916) — австрийский император (1848 — 1916) — 80, 96, 97, 103, 144, 367, 602, 603, 604, 630, 633.

Франциск I (1494 — 1547) — французский король (1515 — 1547) — 8, 688.

Фридрих II (Великий) (1712 — 1786) — прусский король (1740 — 1786) — 360, 611, 621, 639, 688, 732.

Фридрих-Вильгельм III (1770 — 1840) — король Пруссии (1797 — 1840) — 731.

Фридрих-Вильгельм IV (1795 — 1861) — король Пруссии — 26, 29, 32, 63, 103, 350, 604, 615.

Фридрих-Франц, принц Мекленбургский, в дальнейшем великий герцог (1851 — 1897) — 26.

Фуад-паша (эфенди), Мегемет (1814 — 1896) — турецкий генерал, в 1848 г. правительственный комиссар в Дунайских княжествах, затем министр иностранных дел (1852 — 1853, 1858 — 1860 и 1867 — 1869) и великий визирь (1861 — 1867; — 101, 102, 568.

X.

Хайтер, сэр, Вильям-Гуденеф (1792 — 1878) — английский либерал, член парламента, в 1850 — 1858 гг. секретарь палаты — 261.

Хауден, барон, Джон-Гобарт-Карадок (1799 — 1873) — английский дипломат, посол в Мадриде (1850 — 1858) — 688, 698, 700.

Хейль, В. — английский фабрикант, владелец ракетной фабрики близ Лондона — 610.

Хеттон — английский рабочий — 251.

Ховельянос, Гаспар-Мельхиор де (1744 — 1811) — испанский политик, последователь французских энциклопедистов, министр юстиции (1797 — 1798), член Центральной хунты — 727, 732, 733, 737, 754.

Холль, сэр, Бенджамин, барон Лленовер (1802 — 1867) — английский либерал-радикал, член парламента, министр здравоохранения (1854 — 1855) и королевских лесов (1855 — 1858) — 257, 258, 486.

Холль, Джон (1795 — 1866) — военный хирург, инспектор госпиталей британской армии во время Крымской войны — 297.

Хомер — английский пивовар — 250.

Хорсман, Эдуард (1807 — 1876) — английский виг, член парламента — 310.

Христина — см. Мария-Христина.

Хулиан — см. Санчес, Хулиан.

Хуан II (1405 — 1454) — король Кастилии и Леона — 717, 735.

Ц.

Цезарь, Гай-Юлий (ок. 102 — 44 до н. э.) — римский полководец и писатель, возглавлял антиаристократическую партию, диктатор (48 — 44 гг.) — 685.

Цинциннат, Люций-Квинций (род. ок. 519 г. до н. э.) — римский диктатор — 692.

Ч.

Чаадаев — русский генерал — 268.

Чарторыйский, князь, Адам - Юрий (1770 — 1861) — польский аристократ, одно время близкий друг Александра I; участник восстания 1830 г. и председатель Временного правительства; после подавления восстания эмигрировал в Париж — 520.

Чесни, Френсис-Роудон (1798 — 1872) — английский полковник, затем генерал, автор книги «Русско-турецкая кампания 1828 — 1829 гг.» и ряда работ по артиллерии — 628.

Чиалдини, Энрико (1813 — 1892) — итальянский генерал, командующий сардинскими войсками во время Крымской войны — 539.

Чэдс, Генри-Дюси (1788 — 1868) — английский адмирал, в 1854 — 1855 гг. командовал эскадрой на Балтийском море — 139, 535.

Ш.

Шамиль (1797 — 1871) — шейх, духовный и военный вождь горцев Дагестана и Чечни; в течение двадцати пяти лет (1833 — 1859) вел энергичную борьбу против русского завоевания — 39, 124.

Шангарнье, Николя-Ан-Теодюль (1793 — 1877) — французский генерал, участник алжирских походов, орлеанист, после переворота 2 декабря выслан за границу — 170, 421.

Шарнгорст, Гергард - Иогани - Давид (1755 — 1813) — прусский генерал и военный писатель, проводивший военную реформу в Пруссии после разгрома ее армии Наполеоном — 640.

- Шарра, Жан-Батист-Адольф (1810 — 1865) — французский полковник, республиканец, член Учредительного и Законодательного собраний 1848 — 1849 гг., после переворота 2 декабря 1851 г. выслан за границу — 149.
- Шатобриан, Франсуа-Огюст, виконт (1768 — 1848) — французский дипломат и писатель, идеолог разгромленной аристократии, представитель Франции на Веронском конгрессе 1822 г., министр иностранных дел (1821 — 1824) — 798.
- Шафарик, Павел-Иосиф (1795 — 1861) — чешский ученый, славяновед, один из идеологов панславизма — 391.
- Шевалье-ле-Бурже — австрийский правительственный комиссар в Ломбардии — 134, 135.
- Шекспир, Вильям (1564 — 1616) — английский поэт-драматург — 13, 250, 461.
- Шелли, сэр, Джон-Вильерс (1808 — 1867) — английский либерал, член парламента — 354, 523.
- Шефсбери, граф, Антони-Эшли-Купер (1801 — 1885) — английский торий, член парламента (1826 — 1851): виднейший представитель «феодалного социализма» в Англии: содействовал проведению рабочего законодательства — 465.
- Ши, сэр, Вильям (1804 — 1868) — ирландский юрист, член английского парламента — 340, 479.
- Шильдер, Карл Антревич (1785 — 1854) — русский военный инженер, руководил осадой Силистрии — 72, 77, 79, 110, 145.
- Шольфильд, Вильям (1809 — 1867) — английский радикал, член парламента — 487, 488.
- Шонгальс, Карл (1788 — 1857) — австрийский генерал, участник итальянских походов 1848 — 1849 гг., автор «Воспоминаний об итальянской войне» (1852) — 664.
- Шульчевский, полковник — польский эмигрант, секретарь «Литературного общества друзей Польши» в Лондоне — 521.
- Э.
- Эбердин, граф, Джордж-Гамильтон-Гордон (1784 — 1860) — английский торий, затем либерал-консерватор (шлит), министр иностранных дел (1828 — 1830 и 1841 — 1846) и премьер-министр (1852 — 1855) — 5, 13, 14, 15, 18, 24, 38, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 93, 94, 123, 125, 126, 127, 131, 140, 215, 230, 260, 261, 263, 264, 265, 271, 272, 273, 274, 277, 279, 285, 293, 304, 307, 313, 314, 317, 424, 427, 435, 446, 456, 493, 579, 598.
- Эбрингтон (род. 1818) — английский либерал, член парламента — 355, 436, 473, 522, 523.
- Эванс, сэр, Джордж де-Ласи (1787 — 1870) — английский полковник, затем генерал, либерал, член парламента — 175, 336, 337, 354, 562, 563.
- Эддингтон, лорд — см. Сидмаут, виконт.
- Экленд, Джеймс — английский либерал, один из лидеров движения за административную реформу (1855) — 408.
- Элио, Франсиско-Ксабье (1767—1822) — испанский генерал, способствовал в 1814 г. восстановлению на троне Фердинанда VII — 744, 760.
- Эллиот, сэр, Джордж (1784 — 1863) — английский адмирал, главнокомандующий в англо-китайской войне за опиум (1840) — 581.
- Элленборо, барон, Эдуард-Лео (1750 — 1818) — английский юрист, торий, министр юстиции (1802 — 1816) — 403, 404.
- Элленборо, граф, Эдуард-Лео (1790 — 1874) — сын предыдущего, консерватор, генерал-губернатор Индии (1841 — 1844), морской министр (1846) и председатель контрольного совета по делам Индии (1858 г.), член палаты лордов — 125, 257, 401, 403, 405, 406, 407, 408.
- Эллис, Эдуард (1781 — 1863) — английский либерал, член парламента — 305.
- Эри, лорд, Ричард (1803 — 1881) — английский генерал, во время Крымской войны генерал-квартирмейстер английской армии — 581.
- Эмпесинадо — см. Мартин-Диас, Хуан.
- Эрольес, барон, Хоакин-Ибаньес (1785—1825) — испанский генерал, участник войны за независимость Испании — 744.
- Эспартеро, Бальдомеро, герцог де-ла-Виттория (1793 — 1879) — испанский генерал, лидер прогрессистской (либеральной) партии, регент Испании (1840 — 1843) и министр-президент (1854 — 1856) — 682, 685, 686, 687, 689, 690, 691, 692, 693, 695, 696, 697, 700, 701, 703, 708, 709, 710, 714, 715, 716.
- Эспинас, Эспри-Шарль-Мари (1815 — 1859) — французский генерал, бонапартист, 2 декабря 1851 г. разогнавший Законодательное собрание, участник Крымской войны, в дальнейшем министр внутренних дел (1858) — 169, 170, 417.

Эспоз-и-Мина, Франсиско (1781 — 1836) — вождь испанских герильеро, после неудачного восстания против Фердинанда VII (1814) бежал во Францию — 744, 767.

Эсхин (389 — 314 до н. э.) — афинский оратор, возглавлявший монархическую партию сторонников Филиппа Македонского — 338.

Эчаге, Рафаэль (1815 — 1887) — испанский полковник, в дальнейшем ге-

нерал, из партии умеренных — 678, 700.

Ю.

Юм, Джозеф (1777 — 1855) — английский радикал, член парламента — 130, 316, 415, 440, 500, 505.

Юнг, Джон, барон Лисгар (1807 — 1876) — английский торий, министр по делам Ирландии (1852 — 1855) — 275.

ИМЕНА ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ.

Агамемнон — один из героев древне-греческой поэмы «Илиада», македонский царь, предводитель троянского похода — 506.

Аграмант — вождь сарацин, персонаж из итальянской поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» (1515) — 234.

Антей — из греческой мифологии, великан, сын богини земли — 152.

Арам, Евгений — герой одного произведения английского поэта Тенисона (1809 — 1892), тип романтика — 144.

Ахилл — герой древне-греческого эпоса, главное действующее лицо «Илиады» — 66.

Боном, Жак (Жак-простак) — кличка, данная феодалами французским крестьянам, употребляется также в смысле национального прозвища французов — 180.

Булль, Джон (Джон-Бык) — прозвище английской буржуазии, получившее широкое распространение со времени появления политической сатиры Эбернета «History of John Bull» (1704) — 180, 285, 289, 373, 379, 416, 597.

Гамлет — герой трагедии Шекспира того же названия — 461.

Геркулес (Геракл) — герой-богатырь древне-греческого эпоса — 152, 229, 230.

Данаиды — из греческой мифологии, дочери царя Даная, за убийство своих мужей осужденные наполнять водой бездонную бочку — 381.

Дон-Кихот — герой романа Сервантеса того же названия — 405, 693, 715, 726, 741.

Дульциня Тобовская — персонаж из того же романа Сервантеса — 693, 715.

Зигфрид — из германского эпоса, герой поэмы о «Нибелунгах» — 424.

Ифигения — из греческой мифологии, дочь царя Агамемнона, принесенная им в жертву перед походом на Троию — 506.

Курций, Марк — герой одной из римских легенд, по преданию бросившийся в пропасть, чтобы спасти Рим от предсказанной ему гибели — 263, 264.

Люмпкинс Тони — персонаж одной из комедий Шеридана (1751 — 1861), представитель английского провинциального дворянства — 522.

Марс — из римской мифологии, бог войны — 690.

Молох — идол древних финикийцев, которому приносились человеческие жертвы — 350.

Нестор — из греческой мифологии, один из старейших героев «Илиады» — 120.

Пандора — из греческой мифологии, название первой женщины, получившей от Зевса среди прочих подарков ящик, в котором были заперты человеческие несчастья — 15.

Самсон — из библейской мифологии, легендарный силач, богатырь — 299.

Санчо-Панса — персонаж из романа Сервантеса «Дон-Кихот» — 715.

Сганарелль — комический персонаж из комедий Мольера «Сганарелль или мнимый рогоносец» и др. — 740.

Сивиллы — пророчицы в древней Греции; приписывавшиеся им предсказания жрецами были собраны в так называемые «Сивиллины книги» — 141, 327.

Синдбад — мореплаватель, персонаж из арабских сказок «Тысяча и одна ночь» — 689.

Скуирс — персонаж из романа Дикенса «Давид Копперфильд» — 123.

Слей, Кристофер — персонаж комедии Шекспира «Укрощение строптивой» — 506.

Тантал — из греческой мифологии, фригийский царь, за оскорбление богов осужденный вечно терпеть муки голода и жажды — 234, 371.

Терсит — персонаж из «Илиады», олицетворение физического уродства — 259, 464, 581.

Улисс (он же Одиссей) — герой греческого эпоса, персонаж из «Илиады» и «Одиссеи», олицетворение хитрости («мудрости») — 120, 259.

Фальстаф — персонаж из произведений Шекспира «Веселые кумушки» и «Генрих IV», олицетворение хвастовства, обжорства и трусости — 297, 523.

Шеллоу, судья — персонаж из комедии Шекспира «Веселые кумушки» — 523.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Абсолютизм, классовая природа абсолютизма.—720—721; роль в создании национального единства — 721; а. в Европе и а. в Азии — 722; «просвещенный» а. — 732, 754; боязнь гласности — 609 — 610.

Австралия, торговля с Англией—237 — 238, 241, 322 — 323; революционное движение — 329 — 331.

Австрия, позиция в Восточной войне — 14, 26 — 30, 41, 48 — 50, 62 — 63, 69 — 70, 80, 86, 95, 99, 103 — 106, 112, 115 — 119, 128 — 129, 132—134, 144, 155 — 157, 211, 214 — 216, 218, 219, 244, 247, 255. 311 — 312, 359 — 362, 366 — 367, 379, 423, 431 — 436, 453, 455, 491 — 493, 519, 595, 601 — 605, 645; австрийские финансы — 105, 122, 134 — 135, 162 — 163, 601, 603; национальные противоречия — 390, 393 — 394, 601 — 602, 631, 633; крестьянская реформа — 603 — 604; перспективы революции — 434, 604, 633.

Административная реформа (в Англии) — 397 — 399, 403, 405 — 406, 408 — 410, 414 — 415, 438 — 439, 449, 456 — 457, 523.

Адрианопольский (русско-турецкий) договор (1829 г.) — 87 — 93, 99, 126, 248 — 249, 383, 492, 493, 656.

Альбуэра, битва (1811 г.) — 208.

Альма, битва — 174 — 179, 192, 198 — 199, 205, 225, 333, 381, 617, 649, 652.

«Анархия» и революция — 701 — 702, 704, 741.

Анархисты в Испании — 687.

Английский банк и кризис 1825 г. — 249; структура и операции — 411 — 413; закон 1819 г. — 510.

Англичане, характеристика — 42, 380, см. также *Буль.* и *Джон.*

Англия, «Старая» и «Новая» Англия — 372, 399, 441, 622; торговля и промышленность — 63, 219 — 220, 236—243, 306, 322 — 324, 352, 382, 398 — 399; эмиграция населения — 220 — 221, 237; общественные классы — 152 —

153, 381 — 382, 487 — 488, см. также *Аристократия*, *Буржуазия*, *Крестьянство*, *Пролетариат*; национальные противоречия — 339, 341, 631; политический строй — см. *Конституция*, *Монархия* и *Парламент*; перспективы революции — 305 — 306, 323 — 324, 382.

Англия и Россия, торговое соперничество на Востоке — 221, 379 — 380, 599; русский экспорт в Англию—237, 239 — 240, 379 — 380; стремление Англии к союзу с Россией в XVIII в. — 582 — 585; характеристика отношений в первой половине XIX в. — 5, 14 — 23, 87 — 93, 221, 230, 246—249, 283, 427 — 436, 442 — 447, 449—450, 459 — 460, 482 — 494, 521, 592—593, 599, 693; стремление правительства избежать войны с Россией — 5, 221, 428, 593; популярность войны против России в английских народных массах — 221, 304, 380 — 382.

Англо-французский союз, договор 1840 г. — 230, 249, 334; напряженность отношений пред революцией 1848 г. — 288, 334; характеристика а.-ф. союза 1854 г. — 14, 59, 122, 219, 313 — 314, 333 — 338, 417, 491 — 494, 536, 597 — 600, 688, 699; предательское отношение союзников к Турции — 59, 128, 137 — 138, 145, 168 — 170, 239 — 240, 248 — 249, 433, 551 — 581, 584 — 585, 592, 599 — 600.

Антиаристократическое движение в Англии — см. *Аристократия*.

Антицерковное движение — см. *Церковь*.

Античный мир, характеристика — 417, 529, 681.

Арабы, войны с Испанией — 719, 722, 726.

Арендаторы в Англии — 341, 510, в Ирландии — 341, 479, см. также *Ирландская земельная реформа*.

Аристократия и капиталистическое производство — 446; а. и земельная рента—510—511; а. английская; экономическое положение — 153; характеристика как правящего класса —

- 220, 221, 228, 306 — 307, 321 — 323, 398, 400 — 402, 446 — 447, 457, 472 — 473, 521, 599; компромисс с буржуазией — 221, 319, 321 — 322, 407, 501 — 504, 511; массовое движение против а. а. — 438 — 441, 465 — 474; а. а. и война — 220, 382, 599, см. также *Армия английская*; а. испанская — см. *Дворянство испанское*; а. французская XVIII в. и народные массы — 466.
- Армия* как организация — 612; демократизация армии как средство повышения боеспособности — 220 — 221, 674; культурность страны и а. — 611 — 612; армии европейские, общая характеристика — 609 — 614; а. австрийская — 112, 203, 311 — 312, 611, 613, 620, 629 — 633, 654 — 655; а. английская, военное управление — 42 — 47, 136, 167 — 170, 188, 193 — 194, 225, 228 — 235, 265 — 266, 284, 286 — 288, 295, 308, 337, 370 — 372, 541, 622, 626, 628, торговля офицерскими должностями — 44, 328 — 329, телесные наказания — 295, 624 — 625, общая характеристика армии — 201 — 204, 208 — 210, 295, 308 — 309, 311, 377, 381, 462 — 463, 483, 519, 534, 543, 588 — 589, 614, 619 — 620, 622 — 629, 631 — 633, 638 — 640, 650 — 653, 670; а. баварская — 653 — 655; а. бельгийская — 619, 662, 671; а. германской федерации — 653 — 655; а. голландская — 619, 670 — 671; а. датская — 626, 669 — 670; а. испанская — 671 — 674, 713, 716, 731, 741 — 745, роль и. а. в революции — 674, 677 — 678, 699, 710, 731, 741 — 745, 761 — 767; а. итальянская — см. а. пьемонтско-сардинская; а. мелких итальянских государств — 665 — 666; а. норвежская — 668 — 669; а. португальская — 671; а. прусская — 206, 619, 621, 626, 634 — 641, 642, 654 — 655, 657, 662 — 663; а. пьемонтско-сардинская — 295, 519, 539, 614, 661 — 665; а. русская, военное командование — 145, 177, 192, 206, 209, 214, 226, 365, 482, 546, 649 — 650, общая характеристика р. а. — 81 — 82, 112, 180 — 184, 191 — 194, 206, 209 — 210, 213 — 214, 226, 266 — 268, 309 — 311, 482 — 483, 530, 542 — 548, 594, 612, 619, 642 — 653, см. также *Казачи*; а. саксонская — 654; а. Соединенных Штатов Америки — 609 — 610, 614; а. турецкая — 76, 143, 294, 579, 586 — 591, 594, 656 — 661, см. также *Янычары*; а. французская, военное командование — 167 — 170, 294, 346 — 349, 383 — 386, 453 — 456, ф. а. и бонапартизм — 159, 169, 376, 417, 619, 622, бунт в Варне — 169 — 170, 173, общая характеристика — 271, 309 — 310, 312, 542, 543 — 544, 547, 599, 610 — 612, 614, 615 — 622, 629, 638 — 640, 649; а. шведская — 668 — 669; а. швейцарская — 666 — 667.
- Артиллерия* в средние века — 231; теория артиллерийского дела — 614, 621, 627, 639; качества, требуемые от артиллериста — 627.
- Архангельск*, проект захвата англичанами — 60, 525.
- Ассоциация административных реформ* — см. *Административная реформа*.
- Атеизм французский в Испании* — 726, 728.
- Аустерлиц*, битва (1805 г.) — 212, 611.
- Афганистан*, война с Англией 1838 — 1839 гг. — 230; английская торговля в Афганистане — 237.
- Афины*, оккупация англо-французами 49 — 50, 273, 348.
- Африка (Северная)*, завоевание Францией — 170.
- Аютамменты (Испания)* — 718 — 719, см. также *Муниципальное самоуправление*.

Б.

- Байлен*, битва (1808 г.) — 384, 729, 730.
- Балаклава*, «фланговый марш» английских войск из Альмы в Балаклаву — 185 — 186, 190, 193, 225 — 266; битва под Балаклавой — 198 — 205, 226, 257, 297, 333, 353, 623, 626, 629, 651, 661.
- Балканы*, стратегическое значение — 56, 69, 91, 93.
- Балларат (Австралия)*, восстание — 329 — 330.
- Валпа-Тиманский (русско-турецкий) договор (1849 г.)* — 494.
- Баррикады* как средство революционной борьбы — 146, см. также *Испанская революция*.
- Бельгия*, отделение от Голландии — 31; промышленное развитие — 240.
- Берлинское национальное собрание 1848 г.*, характеристика — 140.
- Биржа* — 241; б. и война — 458, 461.
- Бирмингем*, роль в движении за парламентскую реформу 1832 г. — 397, 501; локаут (1855 г.) — 243; участие в движении за административную реформу — 438, 439.
- Бирмингемская конференция по вопросам внешней политики* — 489 — 494.
- Болгария* и Россия — 49, 56, 57, 239; оккупация союзными войсками — 133,

- 556; болгары и панславизм — 391.
- Бомарзунд**, действия английского флота — 160 — 161, 252, 535.
- Бонапартизм** и крестьянство — 381, 597 — 599; б. и рабочий класс — 386, 687; б. и церковь — 598; б. и армия — 169, 376, 619, 622; война как средство управления для бонапартизма — 379, см. также *Наполеон III*.
- Бородино**, битва (1812 г.) — 192, 597, 613.
- «**Брюссельский мемуар**» — 337 — 338, 346, 383, 385.
- Буржуазия**, роль в производстве — 153, 446; б. английская, характеристика — 318, 321 — 322, 446, борьба за власть — 221, 321 — 323, 397 — 399, 438, 466, 511, б. промышленная и б. торговая — 397, 399, 466, финансовая аристократия — 319, 438, 511, б. и народные массы — 323, 351, 354 — 357, 440, 449, 456 — 457, 489, 501, см. также *Рабочее движение*, б. и война — 379 — 380, 382, 398, см. также *Манчестерцы*; б. испанская и война за независимость — 725 — 727, 729; б. французская, характеристика — 597, отношение к войне — 379, 382, 597.
- Буржуазия мелкая** — см. *Мелкая буржуазия*.
- Бухара**, английская торговля — 237.
- Бухарест**, подавление революции 1848 г. — 101 — 102, 238 — 239.
- Бюджет Гладстона** — 230, 275 — 277.
- Бюджет Дизраэли** — 275 — 276.
- В.**
- Валахия** и Турция — 96 — 102, 132 — 134, подавление русскими и турками революции 1848 г. — 100 — 102, 239; последствия русской оккупации 1853 — 1854 гг. — 162. См. также *Дунайские княжества*.
- Варна**, стратегическое значение — 40, 59; конференция союзных главнокомандующих — 55, 79, 346; положение союзной армии в Варне — 118, 136, 158, 164, 169 — 170, 173, 233, 287, 336 — 337.
- Ватерлоо**, битва (1815 г.) — 168, 461, 597.
- Веффильдская школа колонизации** — 486.
- Венгрия** и Австрия — 49, 130, 218, 393 — 394, 601 — 602, 631, 633; В. и Восточная война — 130, 218, 361 — 362; В. и Англия — 130, 362, 494; В. и Россия — 61, 218, 393, 602; В. и панславизм — 60, 389, 393. См. также *Революция 1848 г.*
- Венская конференция (1855 г.)** — 244 — 249, 257 — 258, 307, 353, 358, 363, 378 — 379, 418, 423 — 436, 442 — 445, 450, 452 — 453, 491 — 494.
- Веронский конгресс (1822 г.)** — 698, 699, 746.
- Виги**, характеристика — 251, 259 — 261, 264, 280 — 281, 339, 401 — 402, 407 — 408, 439, 481, 497 — 516; в. и коалиционное министерство — 259 — 261, 263, 275; в. и министерство Пальмерстона — 293, 317 — 318; в. и отмена хлебных пошлин — 401, 509 — 513; в. и ирландский вопрос — 339, 341, 507 — 508; в. и движение за реформу — 408, 438 — 439, 457, 500 — 511, 564; в. и Россия — 459, 460, 582 — 585.
- Византийское общество** — 8.
- Винтовка**, системы Минье — 626, 632, 641, 662, 667; системы Причарда — 626.
- Военная история** как наука — 610, 611.
- Военная литература**, английская — 628, немецкая — 640 — 641, русская — 649.
- Военные школы** — 627, 640, 648 — 649.
- Война** и пролетариат — 382, 474; в. как испытание социальных учреждений — 535; в. династическая — 14, 32; в. народная — 221, 304, 382; превращение войны в революцию — 41, 146, 164, 184, 218, 306, 382.
- Войны**: *австро-итальянская 1848 — 1849 гг.* — 664 — 665; *австро-прусская 1850 г.* — 116, 637; *американская за независимость САСШ 1776 — 1783 гг.* — 330, 460, 582 — 583; *американская против Англии 1814 — 1815 гг.* — 611; *датско-прусская 1849 г.* — 69, 626, 669; *наполеоновская 1812 г.* (поход в Россию) — 192, 215 — 217, 348, 597, 613; *Пиренейская (в Испании)* — 43, 68, 611, 620, 674, 698, 705, 722 — 731, 738, 739, 741 — 746, см. также *Испанская революция 1808 — 1812 гг.*; *руско-турецкая 1768 — 1774 гг.* — 108, см. также *Кучук-Кайнарджийский договор*; *руско-турецкая 1812 г.* — 239; *руско-турецкая 1828 — 1829 гг.* — 69 — 70, 239, 384, см. также *Адриано-польский и Ункиар-Скелесский договоры*; *руско-турецкая 1848 г.* — 239, см. также *Валахия* и *Молдавия*; *руско-турецкая 1853 — 1856 гг.* — см. *Восточная война*.
- Восточная война**, объявление войны России Англией и Францией — 5, 6, 13, 24; кампания на Дунае — 14, 49, 53, 55 — 60, 68 — 85, 95 — 96, 108 — 114, 119 — 121, 128, 134, 142 — 149, 155 — 158, 167 — 170, 180, 213 —

214, 225, 659 — 661, см. также *Варна*, *Добруджа*, *Журжево* и *Силистрия*; кампания в Крыму — 84, 128 — 131, 156 — 158, 167 — 180, 183 — 213, 225 — 227, 252 — 254, 266 — 268, 294 — 297, 302 — 303, 309 — 312, 337 — 338, 343 — 349, 353 — 354, 363 — 365, 370 — 375, 383 — 386, 416 — 417, 419 — 421, 454 — 457, 460 — 464, 480 — 484, 526 — 527, 529 — 532, 537 — 542, 592, см. также *Алма*, *Балаклава*, *Евпатория*, *Инкерман*, *Керчь*, *Севастополь* и *Черная*; кампания в Азии — 84 — 85, 525 — 526, 538, 551 — 581, 586 — 592, 594, 661, см. также *Карс*, *Мингрельская экспедиция* и *Эрзерум*; действия на Черном море — 39 — 41, 83 — 84, 107, 127 — 130, 136 — 138, 157 — 167, 172, 239 — 240, 244 — 245, 385, 444, 593 — 594, 599, 645; действия на Балтийском море — 36 — 38, 41, 83 — 84, 106 — 107, 113, 118, 122, 127, 129, 136 — 139, 158 — 161, 195, 252, 347, 350, 400, 444, 448—449, 486, 525, 527 — 528, 532 — 536, 593, см. также *Бомарзунд*, *Кронштадт*, *Севагор* и *Финляндия*; действия на Белом море — 137, 157, 525, 593; общая характеристика и итоги войны — 145 — 146, 220 — 222, 346 — 349, 524, 551, 581, 591 — 600.

Восточный вопрос, протекторат европейских держав над Турцией — 8 — 12, 115, 155, 248, 428, 439, 598; вопрос о разделе Турции — 14 — 15, 19—23, 247 — 248, 358 — 359, 389, 427—428, 439; 491 — 494, 521; бессилие европейской дипломатии разрешить в. в. — 145, 221, 245, 428, 485, 491 — 494, см. также *Венская конференция* и *Парижский конгресс*.

Всеобщее избирательное право, значение его для Англии — 415, 440 — 441, для Франции — 440 — 441; в. и. п. в Испании — 697, 701, 747, 753.

Г.

Галиция и Австрия — 49, 390.

Галлиполи, союзные войска в Галлиполи — 40, 55 — 56, 83, 167, 233, 287, 383.

Ганге, русская резня у Ганге — 457 — 460.

Ганновер и Пруссия — 34.

Гардия, определение — 612; г. английский — 612, 613; г. наполеоновская — 613; г. русская — 613.

Генеральные штаты французские (при феодализме) — 719.

Герильеры — см. *Испанская революция*.

Германия, промышленность Г. — 240; Г. и славяне — 389 — 394; Г. и Восточная война — 434, 593, 601, см. также *Австрия* и *Пруссия*.

«*Гнилые местечки*» (Англия) — см. *Парламентская реформа*.

Голландия, отделение от Бельгии — 32; русский заем в Голландии — 81, 85, 95, 41; позиция в Восточной войне — 118.

Город и деревня — соотношение между ними во Франции и Англии — 381, 440.

Городское самоуправление — см. *Муниципальное самоуправление*.

Государственная власть и пролетариат — см. *Диктатура*.

Государство в капиталистическом обществе — см. *Конституция буржуазная*, *Парламентаризм* и *Бонапартизм*.

Греция и восстание греков в Турции — 25, 121, 124, 163 — 164; Г. и Россия — 49 — 50; Г. и Англия — 163, 288, 486.

Грузия и Россия — 555.

Густавсверн, бомбардировка англичанами — 36 — 37.

Д.

Дания, позиция в Восточной войне — 26, 53, 118, 149; новая конституция — 149 — 151; признаки революции — 164; интриги Англии и России — 489 — 491; русский заем в Дании — 493 — 494.

Дарданеллы, заинтересованность Англии — 379; Д. и Россия — 493; блокада русскими в 1829 г. — 87 — 88.

Дарданельский (русско-турецкий) договор (1841 г.) — 243, 247 — 248, 464, 494.

Дворянство английское — см. *Сквайры английские*; *дворянство испанское* и абсолютизм — 719 — 723, 753, отношение к революции — 725, 729, 760; *д. прусское* — см. *Юнкеры прусские*; *д. русское* — 544, 647 — 648. См. также *Аристократия*.

Двупартийная система, ее классовая сущность — 401 — 402, 475 — 476.

Дезертирство (в английской армии в Крыму) — 295, 625.

Дербиты (280) — см. *Торхи*.

Десятичасовой рабочий день, борьба за него в Англии — 352.

«*Джентльмен*» *английский*, характеристика — 627.

Диалектика в развитии капиталистического общества — 441, д. войны — 455, см. также *Стратегия военная*.

Диктатура, характеристика правитель-
ства революционной диктатуры —
285 — 286; проблема захвата власти
пролетариатом — 153, 382, 440—441.

Дисциплина военная, важность дисци-
плины — 169, 744; подчинение д. в.
революционной гражданской дисци-
плине — 741.

Диссиденты (диссентеры) (в Англии) —
465, 513 — 514.

Добруджа, стратегическое значение —
70 — 71, эвакуация русскими — 113—
114, 143, 158.

Доктринеры французские (партия) — 34.

*Домашне-капиталистическая промыш-
ленность* (в Англии) — 352.

Дунай, блокада английским флотом —
239 — 240, 245 — 246; споры из-за
судоходства между Англией и Рос-
сией — 379 — 380, 492; интересы
Австрии — 525, 602 — 603. См. также
Восточная война.

Дунайские княжества, европейские жи-
тницы — 137; конкуренция с южно-
русскими областями — 239 — 240,
379; эвакуация княжеств русскими —
см. *Восточная война, кампания на
Дунае*; оккупация Австрией — 26 —
27, 79 — 80, 96 — 98, 103 — 106, 116,
118 — 119, 132 — 134, 155 — 157,
556, 603, 663; признаки революции
(1854 г.) — 164.

Е.

Евпатория, турецкая экспедиция в Еъ-
патории — 253, 343 — 345, 563—564,
591.

Егерейский вопрос (в Англии) — 51, 52,
515.

Европа как торговая биржа — 458; Е. и
революция — 41, 114, 134, 146, 164,
184, 218, 382; неспособность консер-
вативной Европы в решительной вой-
не — 144 — 146; положение Е. после
войны 1853 — 1856 гг. — 596—605.

Екатеринослав, стратегическое значе-
ние — 537, 538.

Ж.

Железные дороги, роль в развитии между-
народных сношений — 241.

Журжево, занятие союзниками — 114,
120—121, 156; сражение—143—144.

З.

Заказказе и Россия — 594.

Законодательное собрание во Франци,
характеристика — 376.

Заработная плата, вычеты из заработ-
ной платы рабочего — 352.

Земельная рента и земельная аристокра-
тия — 510 — 511.

Землевладение, концентрация земельной
собственности в Англии — 298; рево-
люция землевладения в Ирландии —
340 — 341; в. во Франции — 381;
в. феодальное — 750 — 751 (в Испа-
нии). См. также *Арендаторы*.

Земляные укрепления — 220, 385.

И.

Иберийская федеративная республика
(Испания) — 682, 711 — 713.

Иезуиты в Испании — 732, 733, 761.

Иена, битва (1806 г.) — 206, 207, 225.

Иерусалим, население и религиозные
распри — 10 — 12.

Индия, завоевание Англией — 210, 460,
533; билль об индийской реформе —
275, 277; торговля с Англией — 237,
322 — 323.

Инквизиция в Испании — 720, 721, 726,
728, 734, 750, 754, 757, 761.

Инкерман, битва — 206 — 211, 226, 227,
309, 333, 372, 381, 530, 594, 625, 626,
629, 652, 670.

Иностраный легион во Франции — 66,
639; в Англии — 220, 251, 308, 519,
625, 639.

Ирландия, завоевание Англией — 460;
борьба за отделение от Англии —
339 — 341, 508 — 509; голод и эми-
грация — 341, 512 — 513; земельная
революция в Ирландии — 341; вос-
стание 1848 г. — 341, 509.

Ирландская бригада (депутаты) в ан-
глийском парламенте — 25, 26, 274,
325, 339 — 341, 479 — 480, 508—509.

Ирландская земельная реформа — 275,
277, 339 — 341, 479 — 480.

Испания, страна и население — 674,
681, 717, 722 — 723; И. при феода-
лизме — 717, 722 — 723; характери-
стика политического строя — 721 —
723; политические партии — см. *Кар-
листы, Прогрессисты, Республиканцы,
Умеренные и Унионисты*; И. и Ан-
глия — 237 — 238, 486, 494, 677,
688, 698 — 700; И. и Россия — 698 —
700, 765 — 767; И. и САСШ — 622,
677, 700, 715; И. и Франция — 677,
693.

Испанская революция, своеобразие
испанских революций — 681, 684,
704 — 705, 711, 717, 723; *революция
1808 — 1812 гг.*, роль различных
классов — 725 — 727, 729, 760, про-
вициальные и центральные хунты —
727 — 742, 756, кортесы 1810 —
1813 гг. — 739 — 740, 746 — 760, ге-
рильерская война — 742 — 745, 761;

- революция 1819 — 1823 гг.* — 674, 682, 684, 698 — 699, 705, 717, 746, 767; *революция 1834 — 1843 гг.* — 674, 682, 684—685, 693, 696—697, 704, 717, 746; *революция 1854 г.*, кризис финансов — 673, 674, 681, 696, 706 — 707, 709 — 711, ход восстания — 113, 122, 146, 277, 677 — 678, 703, 705 — 706, 710, программа революционных требований — 682, 685, 697, 701, 711 — 713, наступление реакции — 708, 711, 714 — 716.
- Испанские колонии* — см. *Южная Америка*.
- Испанцы*, характеристика — 674, 692, 759.
- Италия и Австрия* — 49, 130, 394, 453, 631, 633; И. и Англия — 130, 494; участие в Восточной войне — 270, 519, 593, 605, 663. См. также *Пьемонт и Сардиния*.
- Итальянское революционное движение*, революция 1847 — 1848 гг. — 146, 664 — 665; признаки революции в 1854 — 1855 гг. — 114, 134, 164, 665.
- Итальянцы*, характеристика — 613, 663.
- К.**
- Кавалерия*, подразделения в чавалерии — 612 — 614, 650; качества бойца-кавалериста — 203 — 204, 620 — 621, 632, 650.
- Кадикс*, роль в революции 1808 — 1812 гг. — 738, 746, 756, 758 — 759.
- Казахи* — 191, 650, 653, 658.
- Калифорния*, открытие золотых россыпей — 241; торговля с Англией — 322, 323.
- Канада*, эмиграция из Канады — 486.
- Капитал*, концентрация — 441.
- Капиталистическое общество*, противоречивый характер развития — 441; сравнение с античным — 529, см. также *Кризисы*, *Буржуазия*, *Пролетариат* и *Цивилизация буржуазная*.
- Капитуляции* (в Турции) — 8 — 9.
- Карлисты* (реакционная партия в Испании) — 690, 705.
- Карс*, стратегическое значение — 525, 553, 587 — 588; роль английских дипломатов в падении К. — 551 — 581; ход осады — 551 — 581, 586 — 592.
- Качбаг*, битва (1813 г.) — 178, 204.
- Керчь*, экспедиция союзников — 416 — 417, 420, 438, 482, 591.
- Китай*, английская торговля — 322 — 323.
- Коалиционное министерство в Англии*, характеристика — 62, 93 — 94, 152, 247, 250, 275, 279 — 280, 284, 340, 427, 475; законодательная деятельность — 5 — 6, 50 — 51, 275, 277 — 278, 282; к. м. и Восточная война — 6, 47, 50 — 52, 86 — 99, 131, 215, 245 — 246, 250, 350, 351; к. м. и виги — 259 — 261, 263, 275; к. м. и тории — 123, 260, 301, 318; к. м. и ирландцы — 340 — 341; падение к. м. — 257 — 265, 271 — 290.
- Команда военная*, качества хорошей команды — 619.
- Командный состав*, роль младшего состава — 308; качества, требуемые от командира — 627 — 628, 640, 648 — 649, 652. См. также *Армия* (отдельные армии).
- Консерваторы в Англии* — см. *Тории и Либерал-консерваторы*; к. в Испании — 756, 757, 758, 760, см. также *Умеренные*.
- Константинополь*, положение христианского населения — 7, 25; стремление России к захвату К. — 91, 389, 433, 592; союзники в К. — 167 — 168, 233; торговое значение К. — 237.
- Конституция буржуазная*, английская — 220 — 221, 279 — 281, 306, 322 — 324, 354 — 357, 401 — 402, 457, 465, 467, 500, 502, 504 — 505; испанская 1812 г. — 746 — 755, 757 — 761, 762 — 767; испанская 1854 г. (иберийская) — 711 — 713; французская 1791 г. — 751 — 753, 755; французская 1793 г. — 751.
- Кооперация в условиях капиталистического строя* — 152.
- Кортесы* (Испания), происхождение кортесов — 718, см. также *Испанская революция*.
- Крепостное право в России* — 544, 648.
- Крепостной и пролетарий* — 352.
- Крестьянская реформа*, в Молдавии — 100; в Австрии — 603 — 604.
- Крестьянство*, английское — 501, см. также *Фермеры* и *Фригольдеры*; к. испанское — 727; к. русское — 646 — 647; к. французское — 381, 597 — 598.
- Кризис сельскохозяйственный* (в Англии до 1846 г.) — 510.
- Кризисы торгово-промышленные*, причины кризисов — 236 — 237, 241; к. и свободная торговля — 322; влияние к. на рабочее движение — 323 — 324, 382; к. и движение буржуазии за реформы — 398 — 399.
- Кроты* — 143, 631.
- Кронштадт*, стратегическое значение — 83; действия союзного флота — 106 — 107, 113, 139, 535.
- Крым*, присоединение к России — 584.
- Крымская война* — см. *Восточная война*.
- Крымская экспедиция* — см. *Восточная война, кампания в Крыму*.

- Куба и Испания* — 672 — 673, 715.
Кульм, битва (1813 г.) — 384.
Кучук-Кайнарджийский (русско-турецкий) договор (1774 г.) — 9, 248, 383, 428, 433 — 434.

Л.

- Ландскнехты немецкие* — 611, 639.
Ланкашир, торгово-промышленный кризис (1855 г.) — 300, 322.
Левант, английская торговля — 88, 237, 379.
Либерализм европейский, характеристика — 34 — 35, 180.
Либералы в Англии — 305, 505, см. также *Либерал-консерваторы, манчестерцы и Радикалы английские*; л. в Германии — 34 — 35, 603; л. в Испании — 756 — 757, см. также *Прогрессисты*.
Либерал-консерваторы (пилиты), причастность к избирательной коррупции — 25 — 26; л.-к. и коалиционное министерство — 275, 279 — 280; л.-к. и министерство Пальмерстона — 293, 299, 315, 317, 424, 452; отношение к войне — 380, 443, 446, 452; объединение с манчестерцами в либеральную партию — 443, 446.
Либерал-радикалы — см. *Мэйферские радикалы*.
Лига против хлебных законов (Англия) — 401, 446, 512.
Линь, битва (1815 г.) — 168.
Лион, антибурбонское восстание 1822 г. — 699.
«Литературное общество друзей Польши» (Лондон) — 520 — 521.
Ломбардия, беспорядки и аресты (1854 г.) — 114; принудительный австрийский заем — 134 — 135; ломбардцы и Австрия — 601.
Лондон, движение в Сити за реформу — см. *Административная реформа*.
Лондонский договор по турецкому вопросу (1827 г.) — 249, 492.
Льюмпен-пролетариат, материал для английской армии — 308, 381; л.-п. и революция — 758.

М.

- Мавры* — см. *Арабы*.
Мадрид, восстание 1808 г. — 723; роль в революции 1854 г. — 677 — 683, 684, 687 — 688, 696, 700 — 701, 711, 715; деятельность тайных обществ — 705.
Мадьяры — см. *Венгры*.
Манчестер, торгово-промышленный кризис 1855 г. — 300, 323; роль в борьбе

за отмену хлебных пошлин — 397; столица промышленности — 444, 487, 529; роль в движении за парламентскую реформу — 501, 505.

Манчестерцы (манчестерская школа), характеристика — 444, 446; м. и пролетариат — 241 — 242, 351 — 352, 399, 446 — 447; м. и аристократия — 446 — 447; роль манчестерцев в парламенте — 339; м. и министерство Пальмерстона — 293, 354, 419; отношение к войне — 241, 380, 443, 445 — 447, 487, 529; объединение с пилитами в либеральную партию — 443, 446.

Маренго, битва (1800 г.) — 347.

Мексика, завоевание Испанией — 721.
Мелкая буржуазия, характеристика — 382, 597; м. б. как союзник пролетариата — 152 — 153, 382; конкуренция крупного капитала — 466.

Мингрельская экспедиция — 554, 557, 568 — 569, 576 — 578, 590, 594.

Министерство Дерби, падение министерства — 340, 275.

Министерство Пальмерстона, характеристика — 293, 299, 304, 307, 315, 317 — 318, 419, 427; м. П. и движение за реформы — 439, 456 — 457.

Молдавия и Турция — 96 — 102, 132 — 134; подавление русскими и турками революции 1848 г. — 100 — 102, 239. См. также *Дунайские княжества*.

Монархии нового времени (в Европе) — 721, см. также *Абсолютизм*.

Монархия в Англии — 446 — 447, 450 — 451.

«Morning Advertiser», характеристика — 250; агитация за реформу — 354.

Москва, стратегическое значение — 184, 216 — 217; центр «святой Руси» — 537.

Муниципальное (городское) самоуправление в древнем Риме — 719 — 722, средневековых городов — 719 — 722, 753 — 754, на Востоке — 722.

Мусульмане и христиане по Корану — 6 — 8; завоевания мусульман — 587, 658.

Мэйферские радикалы (в Англии) — 257 — 258, 275, 486.

Н.

- Налоги прямые* — 230, 381; н. косвенные — 276, 381, см. также *Бюджет Гладстона*.
Нарва, битва (1700 г.) — 227.
Национальная конституционная ассоциация (в Англии) — 354, 356, 408.
Национальное богатство, рост его в зависимости от роста труда — 529.

Национальный вопрос и Восточная война — 218, 595, см. также *Венгрия*, *Италия*, *Польша*.
Неаполь, революция 1822 г. — 699.
Негры, торговля неграми в *Виргинии* — 319; рабство негров и *Англия* — 515.
Немцы (германцы), характеристика — 639 — 640; немцы и славяне — см. *Панславизм*; немцы остзейские — см. *Прибалтийские немцы*.
Николаев, стратегическое значение — 455, 537.
Новара — битва (1849 г.) — 664.
Новый Орлеан, поражение англичан (1815 г.) — 611.

О.

«*Общество мира*» (фритредерское) — 380.
Одесса, торговое значение — 137, 240, стратегическое — 455, действия союзников — 157, 384, 454 — 455.
Оканья, битва (1809 г.) — 742.
Олтенница, битва (1853 г.) — 142, 186, 530, 661.

П.

Палата лордов в Англии, характеристика — 406, 407, 733; п. л. и Восточная война — 25, 124 — 127, 358 — 362, 403 — 406, 407, 459 — 460; министерский вопрос — 259 — 260, 264 — 265, 271 — 272.
Палата общин — см. *Парламент английский*.
Парижский конгресс дипломатов (1856 г.) — 551, 600, 605.
Палисады как средство укрепления — 386
Панславизм — 389 — 394, 594, 601 — 603.
Парады армейские — 612, 639.
Парламент английский, характеристика — 52, 140, 280, 285, 328, 449, 475, 477; подкупы на выборах — 25 — 26, 280, 502; п. а. и Восточная война — 13 — 24, 25 — 26, 48 — 52, 86 — 94, 125, 126 — 131, 135 — 141, 257, 442 — 447, 475; назначение следственной комиссии по расследованию крымских злоупотреблений — 303 — 304, 335 — 336, 370 — 372, 450 — 451, 457, 475; министерский вопрос — 259 — 266, 276, 282, 284 — 290, 301 — 306, 313 — 315, 322, 418 — 419. См. также *Парламентаризм* и *Парламентская реформа*.
Парламент английский средневековый — 719.
Парламент французский (судебный) — 785.
Парламентаризм, парламент как предохранительный клапан в классовом

обществе — 52, 457; громоздкость и неработоспособность п. — 285, 449; п. и рабочий класс — 440 — 441.
Парламентская реформа 1831—1832 гг. — 397, 405, 422, 440, 498 — 506; движение за реформу в 1855 г. — 414—415.
Парсвэй флот, роль в развитии международных сношений — 241.
Патриотизм и пролетариат — 382.
Пауперизм в Англии — 404.
Персия, английская торговля — 237, 553; предательская роль Англии — 494.
Перу, завоевание Испанией — 721.
Петербург, стратегическое значение — 160, 184.
Пехота, качества, требуемые от пехотинца — 203; подразделения в пехоте — 612 — 613. См. также *Армия*.
Пилиты — см. *Либерал-консерваторы*.
Познань и *Пруссия* — 49.
Полиция английская — 277, 471, 473, 486.
Польский легион (в Англии) — 519, 521.
Польша, стратегическое значение — 183 — 184, 217, 266 — 268; вопрос о восстановлении Польши — 218, 361 — 362, 521 — 522, 593; П. и Австрия — 390 — 391, 394; П. и Россия — 390, 394, 544, 555; П. и Англия — 494.
«*Порховой заговор*» (1853 г., Кошута) — 277.
Португалия и *Испания* — 685, 706, 711, 718, 724.
Право, превращение формы в содержание — 477; п. римское — 477; п. «мертвой руки» — 753; п. на восстание — 751.
Пресса, п. английская и война — 228 — 230, 256, 350, 366 — 368, 400; критика правительственной системы — 305 — 306, 407; п. европейская и испанская резолюция — 682, 687, 698, 703 — 704, 714 — 715; п. испанская во время революции 1854 г. — 708, 716.
Преторианцы, характеристика — 169, 681; п. во Франции — 169, 622; п. в Испании — 674, 744, 745.
Прибалтийские (остзейские) немцы — 649.
Прогрессисты (партия либералов в Испании) — 681 — 682, 689 — 695, 700, 701.
Пролетариат, пролетарий и крепостной — 352; п. — гегемон революции — 152 — 153, 382; п. английский, экономическое положение — 243, 323, 351 — 352, численность — 331 — 382; п. а. и буржуазия — 323, 351 — 352, 354 — 357, 440, 456 — 457, 489, 501, отношение к войне — 381 — 382, 474,

- 489, перспектива захвата власти—382, 440 — 441, см. также *Рабочее движение в Англии*; *п. испанский*, участие в революции — 687 — 688, 701—702; *п. французский*, отношение к войне — 381 — 382, к бонапартизму — 386, 687, перспектива захвата власти—382.
- Пруссия*, позиция в Восточной войне — 14, 26 — 30, 32 — 35, 41, 48 — 49, 86, 103, 116, 119, 155, 159 — 160, 215 — 216, 243, 254 — 255, 350, 358 — 362, 400, 431, 453, 455, 491, 601—605; страна и население — 34 — 35, 601—634, 639 — 640; политический строй — 28, 34 — 35, 604, 640; революционное движение — 434.
- Пьемонт*, страна и население — 295, 519, 663 — 664; революция 1822 г. — 699; участие в Восточной войне — 519, 665. См. также *Италия и Сардиния*.
- Р.**
- Работные дома в Англии* — 321, 402, 532.
- Рабочее время*, ограничение р. в. как показатель общественного развития — 241.
- Рабочее движение в Англии*, борьба за сокращение рабочего дня — 240—242, за фабричное законодательство — 351, 356, участие в движениях за политическую реформу — 323, 354 — 356, 398 — 399, 403 — 410, 438 — 441, 456 — 457, 501, перспективы пролетарской революции — 323 — 324, 382, см. также *Чартизм*; *р. д. во Франции*, перспективы революции — 382.
- Радикалы английские*, характеристика — 256 — 257, 305, 340, 440; боязнь массового движения — 422, 438, 505; р. и чартизм — 440. См. также *Манчестерцы*, *Мэйферские радикалы*, *Административная реформа* и *Парламентская реформа*.
- Разделение властей*, теория — 225, 233, 747, 752, 753.
- Реакция политическая*, идеализация павших вождей в эпоху реакций — 692.
- Революция* и иллюзии прошлого—689; момент «анархии» в революции—701—702, 704, 741; р. и долги контрреволюционных предшественников—710—711; старание держаться в границах законности как причина поражения революции — 731 — 732; р. и дисциплина — 741; перспективы р. в 1854—1355 гг. — 41, 114, 134, 146, 164, 184, 218, 305 — 306, 382, 633, 665.
- Революция французская 1789 г.* — 271, 286, 348 — 349; Национальный конвент — 285 — 286, 731; Комитет общественного спасения — 739; влияние на испанскую революцию — 727, 732, 751 — 755.
- Революция французская 1830 г.* (июльская) — 34, 64 — 65; влияние на Англию — 501.
- Революция 1848 г.* — 146, 236, 764; *р. 1848 г.* в Австрии — 393, 604, 629, 632 — 633, Венгрии — 393, 601 — 602, 633, Ирландии — 341, Италии — 631, 662, 665, Пруссии — 29, 34—35, 604, 636, Франции — 305 — 306, 334, 382, 688, 710, 717.
- Революции в Испании* — см. *Испанская революция*.
- Религия* и господствующие классы—466; превращение формы в содержание — 477. См. также *Церковь*.
- Рейнские провинции*, предмет спора между Пруссией и Францией — 33, 35, 604; отношение к России — 604.
- Республиканцы* (партия в Испании) — 685.
- Рим*, осада войсками Гарибальди—665.
- Родос* (Турция), восстание цейбеков — 163 — 164.
- Рокруа*, битва (1643 г.) — 227.
- Росселины* (280) — см. *Виши*.
- Россия*, страна и население — 216—217, 389 — 390, 393 — 394, 585, 645 — 646, 717; степень цивилизации — 209 — 210, 227, 585, 648, 651; финансы — 543; правительственная система — 449 — 450, 544, 585, 647 — 650; Р. как оплот реакции — 221, 604, см. также *Революция 1848 г.*
- Россия, внешняя политика*, стремление к мировому господству — 108, 389 — 391, 393 — 394, 427, 599; характеристика русской дипломатии — 90, 245, 247, 358, 592, 698 — 699; Р. и Австрия — см. *Австрия, позиция в Восточной войне*; Р. и Англия — см. *Англия и Россия*; Р. и Пруссия — 28 — 29, 33 — 34, 604 — 605, см. также *Пруссия, позиция в Восточной войне*; Р. и Турция — см. *Восточный вопрос*, *Войны русско-турецкие* и *договоры Адрианопольский, Балта-Лилманский, Дарданельский, Кучук-Кайнарджийский и Унклар-Скелесский*; Р. и Франция — 592 — 594, 597—600; см. также *Англо-французский союз*.
- Румынские княжества* — см. *Дунайские княжества*.
- Русские*, характеристика — 393, 530, 649, 651.
- Руциук*, прибытие союзных войск — 120 — 121, 140; стратегическое значение — 833.

С.

- Саксония и Пруссия — 34.
 Сардиния, «Итальянская Пруссия» — 662, 665, см. также Пьемонт.
 Севеборг, действия союзного флота — 83, 527 — 528, 534 — 536.
 «Святые места», споры из-за «святых мест» — 9 — 12, 598, см. также — Иерусалим.
 Священный союз — 86, 532. См. также Тройственный (австро-пруско-русский) союз.
 Свободная торговля (в Англии) — 306, 322. См. также Хлебные пошлины и Манчестеры.
 Севастополь, стратегическое значение и укрепления — 39, 172, 183 — 186, 188 — 189, 225, 253, 264, 540, 554; наступление союзников на Севастополь — 128 — 131, 167, 172 — 173, 178 — 179; ход осады — 185 — 198, 212 — 213, 225 — 226, 228 — 229, 252 — 254, 259 — 262, 281, 294 — 296, 314, 326, 333 — 334, 337 — 338, 342, 346, 353, 363 — 365, 374 — 375, 383 — 386, 416, 454, 458, 526 — 527, 567 — 568, 570 — 571, 574 — 576, 625; штурм 18 июня — 461 — 463; взятие Малахова — 529 — 531; падение Севастополя — 539 — 542, 591 — 592, 594, 605.
 Северо-Американские Соединенные Штаты, кризис промышленности (1855 г.) — 237 — 238, 240, 243, 322; хлебный вывоз в Англию — 380; САСШ и Испания — 715.
 Сербия, протест против австрийской оккупации — 116 — 118, 134; торговая конкуренция с южно-русскими областями — 239; С. и панславизм — 390 — 393.
 Силезия, отношение к России — 604.
 Силестрия, стратегическое значение и укрепления — 70 — 71, 73 — 74, 111, 186, 225; история крепости — 71 — 74; осада русскими в 1854 г. — 55 — 57, 63, 68 — 82, 84 — 86, 93, 108 — 112, 138, 142 — 146, 155 — 156, 168, 173, 186, 225, 244, 336, 384, 587, 603, 650, 661.
 «Синие книги», фальсификация документов в них — 307, 551, 559, 564, 566, 569 — 570, 577 — 578.
 Синол, поражение турецкого флота — 130, 137, 215, 282.
 Сицилия и Англия — 494.
 Скандинавский полуостров, природа и население — 668, см. также Норвегия и Швеция.
 Скайры английские — 401 — 402, 627.

- «Славная» революция (в Англии 1688 г.) — 321, 328, 402.
 Славяне и Европа — 389, 453. См. также Панславизм; с. в Австрии — 390 — 392, 601 — 602, 630 — 633; с. в Турции — 392 — 393, 453.
 Славянский конгресс (в Праге 1848 г.) — 392.
 Слоvincы — 390.
 Стратегия военная, значение быстроты и решительности в военном деле — 38, 205; важность захвата инициативы — 68, 212; отступление при перевесе сил противника — 176, 192; исправление ошибок — 192 — 193, 203, 481 — 482; концентрация боевых сил на решающем участке — 348, 384; время как условие победы — 481; учет конкретных условий — 649 — 650.

Т.

- «Times» («Таймс») и восточный вопрос — 17 — 22; Т. и война — 48 — 50, 55 — 58, 83 — 84, 119, 157, 221, 228 — 229, 244, 246, 252 — 253, 299 — 300, 353 — 354, 386; Т. и бюджет Гладстона — 275 — 276; Т. и министерский кризис — 265, 276, 299 — 300, 326, 478; Т. и испанская революция — 698, 703 — 704.
 Тактические маневры, движения шеренгами и колоннами — 45; штурмовые колонны — 539 — 541; требование большей простоты и подвижности в маневрах — 619 — 620, 649 — 651; роль инициативы командиров — 649 — 650.
 Телеграф, роль в развитии международных сношений — 241; в войне — 480.
 Тильзитский мир (1806 г.) — 454, 724.
 Тифлис, значение как административного центра — 555.
 Тори, характеристика — 260, 280 — 281, 401 — 402, 407; т. и коалиционное министерство — 123, 260, 301, 318; т. и министерство Пальмерстона — 293, 422, 318, 476; коалиция с радикалами — 301, 305; т. и движение за реформы — 318, 401, 407 — 408, 438, 456 — 457, 501 — 503; т. и ирландский вопрос — 339 — 341, 513; т. и война — 366, 447, 460; т. и отмена хлебных пошлин — 401, 509 — 512.
 Трапезунд, торговое значение — 553; стратегическое — 558 — 560, 569.
 Тройственный союз (австро-пруско-русский) — 28, 29, 86.
 Тройственный союз (англо-франко-турецкий) — 5, 26, 219, см. также Англо-французский союз.
 Турция, страна и население — 372,

491, 586 — 589, 658 — 660, 681, 717, 722; правительственная система — 525, 587, 656, 658, 659; финансы — 580, 656; процесс разложения Турции — 61, 433, 599 — 600; революционное движение — 163 — 164; Т. и Австрия — 14 — 15, 85, 96 — 98, 116 — 118, 132 — 134; Т. и союзники — см. *Англо-французский союз*; Т. и Россия — см. *Англия и Россия*, *Восточный вопрос* и *Войны русско-турецкие*; Т. и Греция — 121 — 122, 124, 163; Т. и Молдавия и Валахия — 96—102, 132 — 134; Т. и Сербия — 116—118.

Труд, разделение труда — 441, 722; т. и национальное богатство — 529; т. принудительный и т. добровольный — 450.

У.

Увечья от машин (на фабриках в Англии) — 487 — 488.

Украинцы — 390.

Умеренные (партия либерал-консерваторов в Испании) — 682, 690, 691, 693, 700, 701, 710.

Унионисты (партия в Испании) — 685, 706.

Ункиар-Скелесский (русско-турецкий) договор (1833 г.) — 91, 464, 494.

Унтер-офицеры в прусской армии — 638 — 639; в русской — 647—648.

Уркартиты — 441, см. также *Уркарт*, *Дэвид*.

Уэльс, уэльсцы и англичане — 631.

Ф.

Фабричное законодательство (в Англии) — 240 — 241, 351 — 352, 356, 402, 487 — 488.

Фальсификация продуктов (в Англии) — 486 — 487.

Фермеры английские, отношение к войне — 380 — 381.

Феодализм и абсолютизм — 718, 721, 722; препятствие для развития производительных сил — 734, 750, 751, 754; уничтожение пережитков феодализма буржуазно-демократической революцией — 750 — 755.

Феррара (Италия), восстание (1854 г.) — 134.

Филология славянская, роль в развитии панславизма — 391.

Философия немецкая, критика почитания и теологии — 391.

Финансовая аристократия, союз с земельной аристократией — 319, 511; ф. а. и государственная рента — 511.

Финляндия — как база нападения на

Россию — 83; английская экспедиция в Финляндию — 122, 160 — 161, 486, 593.

Фланговые марши — 178, 185, 193, см. также *Балаклава*.

Флот английский, характеристика морского управления — 534 — 536, см. также *Восточная война*.

Форма и содержание, превращение первой во второе в религии и в праве — 477.

Франкфуртское национальное собрание 1848 г., характеристика — 140.

Франция, население — 381, 646, см. также *Буржуазия*, *Крестьянство* и *Пролетариат*; промышленность — 240; финансы — 122, 210, 598; переворот 2 декабря 1851 г. — 293, 333, 347, 366, 379, 417, 622; характеристика Второй империи — 347, 349, 417, 421, 453, 456, 622, 687; заинтересованность Бонапарта в войне — 452 — 456, 597; Ф. в результате Восточной войны — 597 — 599; Ф. и Англия — см. *Англо-французский союз*; Ф. и Россия — см. *Россия*.

Французы, характеристика — 597, 613, 620, 622, 667.

Фригольдеры (Англия) — 502.

Фритредеры — см. *Манчестерцы*.

Х.

Херсон, стратегическое значение — 455, 537.

Хлебные пошлины (законы), борьба против них в Англии — 318, 321 — 322, 397, 401, 415, 510 — 513.

Хлебный рынок в Европе — 30 — 31, 59 — 60, 63 — 64, 239 — 240, 379 — 380.

Ц.

«Централизация» (польское общество в Лондоне) — 520.

Центральная Азия, английская торговля — 237, 379; проникновение России — 379 — 380.

Церковь как пережившая себя общественная сила — 465; ц. и господствующие классы — 466 — 467; ц. и абсолютизм — 720, 760; ц. английская (англиканская), характеристика — 319 — 320, 329, 465 — 466; движение народных масс в Англии против церкви — 249 — 250, 255, 436, 465 — 474; ц. а. и «святые места» — 12; ц. а. и война — 351; ц. греческая, положение ее в Турции — 6 — 10; ц. г. и Россия — 9 — 10, 393, 598; ц. русская, характеристика — 10, отношение к войне — 351; ц. като-

- лическая (латинская)* и «святые места» — 10, 598; ц. к. и Англия — 514 — 515; ц. к. в Ирландии — 318, 339 — 341, 506 — 508, 513; ц. к. в Испании — 720, 726 — 728, 736, 753 — 755, 760 — 761; ц. к. в Италии — 664; ц. к. во Франции — 598.
- Цивилизация элладная* (буржуазная) — 8, 209 — 210, 389, 393, 610 — 612, 649, 653, 658.
- Цорндорф*, битва (1758 г.) — 192.
- Ц.**
- Чартизм*, характеристика чартистской партии — 62; возрождение чартистского движения — 150 — 152, 356; сущность Народной хартии — 316, 355 — 356, 415, 438 — 441; чартисты и движение радикалов за реформы — 316, 355 — 356, 408 — 410, 438 — 441; «Малая хартия» Юма — 316, 415; ч. и манчестерцы — 356, 399; ч. и торговая буржуазия — 399; участие в движении против воскресного билля — 466 — 474. См. также *Бирмингемская конференция*.
- Черкесы* — 525.
- Черная*, битва при реке Черной — 199 — 200, 207, 212, 527, 530 — 531, 663.
- Черное море*, «равновесие» держав на Черном море — 429, 453, 454, 493; роль России — 584, 602, см. также *Восточная война*.
- Четати*, битва (1854 г.) — 530, 650, 661.
- Чехи* — 90, 392.
- Чиншничество русское* — 645, 647 — 648.
- Ш.**
- Швейцария*, промышленность Ш. — 240; характеристика страны и населения — 666 — 667; революция 1848 г. — 146, 667.
- Швеция* и Восточная война — 26, 38, 58, 83, 118, 159 — 160.
- Шотландцы*, характеристика — 201, 327; ш. и англичане — 631.
- Шумла*, стратегическое значение — 69; турецкая армия в Шумле — 93, 111, 294 — 295.
- Э.**
- Эйлау*, битва (1807 г.) — 192.
- Эмиграция населения* — 220, 236, 341, 486.
- Эмиграция политическая* в Лондоне — 277, 519 — 523. в Швейцарии — 666, в Турции — 586, 660, в Испании — 715; э. венгерская — 277, 586, итальянская — 666, 715, немецкая — 715, польская — 519 — 522, 586, 715, французская — 715.
- Эрзерум*, стратегическое значение — 525, 552 — 553, 567, 589; экспедиция в Эрзерум — 556 — 561, 569, 589 — 590.
- Эрфуртский мир* (1808 г.) — 731.
- Ю.**
- Южная Азия*, английская торговля — 599.
- Южная Америка*, английская торговля — 237; испанские колонии в Ю. А. — 612 — 613, 690, 698 — 700, 712 — 713, 730, 751, 760, 762, 766.
- Южные славяне* — 390, 393, 631.
- Юнкеры прусские* — 32 — 35, 401.
- Я.**
- Язык*, старославянский — 393, французский — 619.
- Якобинство* — 746; борьба против якобинцев в Англии — 404, 507.
- Янычары* — 376, 656, 681.

КРАТКАЯ ЛЕТОПИСЬ СОБЫТИЙ 1854—1856 ГГ.

1854 год.

27 марта. *Восточная война.* Официальное объявление Англией и Францией войны России.

10 апреля. *Восточная война.* Подписание союзного договора между Англией и Францией.

20 апреля. *Восточная война.* Заключение союзного договора между Австрией и Пруссией.

22 апреля. *Восточная война.* Бомбардировка Одессы союзным флотом.

19 мая. *Испания.* Декрет правительства о принудительном займе.

Конец мая. *Восточная война.* Английские и французские войска высаживаются в Пирее (гавань Афин) и принуждают Грецию отказаться от союза с Россией.

19 мая. *Восточная война.* Русские войска приступили к осаде Силистрии.

3 июня. *Восточная война.* Венское правительство требует от России немедленной эвакуации Дунайских княжеств.

14 июня. *Восточная война.* Заключение австро-турецкого договора.

22 июня. *Восточная война.* Протест сербского правительства против австрийской оккупации.

22 июня. *Восточная война.* Снятие русскими осады Силистрии.

28 июня. *Испанская революция.* Кавалерийские полки в Мадриде провозгласили восстание.

29 июня. *Восточная война.* Нота России о готовности эвакуировать Дунайские княжества, если союзники прекратят враждебные действия.

30 июня. *Испанская революция.* Сражение инсургентов с правительственными войсками при Викальваро.

7 июля. *Испанская революция.* Дульсе и О'Доннель опубликовали воззвание (Мансанаресская программа).

13 июля. *Восточная война.* Совещание дипломатов в Вене по восточному вопросу.

12—13 июля. *Восточная война.* Сражение при Журжеве.

17—19 июля. *Испанская революция.* Трехдневный баррикадный бой в Мадриде. Отставка реакционного правительства графа Сан-Луиса (Сарториуса).

20 июля. *Восточная война.* Конференция средних и мелких государств Германии в Бамберге. Вынесено постановление, что Германия должна стремиться избежать участия в войне.

24 июля. *Восточная война.* Нота французского министра иностранных дел Друэн-де-Люиса Австрии, требовавшая принятия Россией «четырёх пунктов» в качестве мирных гарантий.

25 июля. *Восточная война.* Бомбардировка союзниками Свеаборга.

26 июля. *Дания.* Опубликование новой конституции.

26 июля. *Восточная война.* Русская армия начинает эвакуацию Дунайских княжеств.

30 июля. *Испанская революция.* Образование коалиционного министерства из прогрессистов и умеренных под председательством Эспартеро и с участием О'Доннелля в качестве военного министра.

8 августа. *Восточная война.* Нота Венского кабинета России с предложением «четырёх пунктов».

15 августа. *Восточная война.* Взятие англичанами Бомарзунда.

22 августа. *Восточная война.* Австрия приступает к оккупации Дунайских княжеств.

28 августа. *Испанская революция.* Восстание в Мадриде в связи с известием о беспрепятственном отъезде Марии-Христины.

14—18 сентября. *Восточная война.* Высадка союзных войск в Крыму.

19 сентября. *Восточная война.* Наступление союзников на Севастополь.

20 сентября. *Восточная война.* Битва при Альме.

10 октября. *Восточная война.* Начало осады Севастополя.

17 октября. *Восточная война.* Бомбардировка Севастополя союзниками.

25 октября. Восточная война. Битва под Балаклавой.

5 ноября. Восточная война. Битва при Иккермане.

14 ноября. Восточная война. Буря на Черном море, уничтожившая значительную часть военного транспорта союзников.

1855 год.

Ноябрь, декабрь 1854 г. — Январь 1855 г. Признаки торгово-промышленного кризиса в Англии и Америке.

Январь. Англия. Образование в Лондоне по инициативе чартистов «Международного комитета» демократов и социалистов.

23 января. Англия. Кризис коалиционного министерства. Выход в отставку лорда Джона Росселя.

26 января. Восточная война. Сардиния присоединяется к Англии и Франции и посылает войска в Крым.

29 января. Англия. Отставка кабинета Эбердина.

Февраль (начало). Китай. Взятие китайским правительством Шанхая у тайпингов.

Февраль. Калифорния. Финансовая паника в Калифорнии.

Февраль. Англия. Голодные бунты в ряде городов (Ливерпуль и др.).

6 февраля. Англия. Образование кабинета Пальмерстона.

2 марта. Россия. Смерть Николая I.

5 марта (до 15 мая). Англия. Открытие работ парламентской следственной комиссии по выяснению злоупотреблений, связанных с Крымской экспедицией.

6 марта. Китай. Взятие китайским правительством Кантона у тайпингов.

15 марта. Восточная война. Открытие Венской мирной конференции.

9 — 30 апреля. Восточная война. Ожесточенная бомбардировка Севастополя союзниками.

24 мая. Англия. Дизраэли предлагает палате общин вынести недоверие министерству Пальмерстона.

30 ноября. Испанская революция. Провозглашение конституционной монархии с сохранением на троне Изабеллы II.

2 декабря. Восточная война. Заключение договора о союзе между Австрией и западными державами.

28 декабря. Восточная война. Совещание дипломатов в Вене. Предварительное обсуждение «четырёх пунктов».

5 июня. Восточная война. Расстрел русскими у Ганге (Финский залив) английской лодки, шедшей под парламентарским флагом.

18 июня. Восточная война. Неудачный штурм союзниками Севастополя.

24 июня — 1 июля — 8 июля. Англия. Воскресные беспорядки в Гайд-парке, вызванные биллем лорда Гровенора о запрещении воскресной торговли.

14 июля. Англия. Выход Росселя из министерства Пальмерстона.

17 июля. Англия. Предложение Робекка в парламенте о выражении порицания всем членам бывшего коалиционного министерства.

9 августа. Восточная война. Бомбардировка союзниками Свеаборга.

16 августа. Восточная война. Битва при Черной. Поражение русских.

30 августа. Англия. Смерть лидера чартистов Фергюса О'Коннора.

8 сентября. Восточная война. Падение Севастополя.

22 сентября. Англия. Торжественное собрание, организованное Международным комитетом в Лондоне по поводу празднования годовщины установления французской республики 1792 г.

29 сентября. Восточная война. Неудачный штурм русскими Карса.

14 октября. Англия. Беспорядки в Гайд-парке, протест против высоких цен на съестные продукты.

17 октября. Восточная война. Взятие союзниками крепости Кинбурн в Крыму.

21 ноября. Восточная война. Швеция заключает соглашение с Англией и Францией против России.

28 ноября. Восточная война. Падение Карса.

1856 год.

29 января. Восточная война. Прекращение военных действий. Принятие Россией предварительных условий мирного договора.

25 февраля. Восточная война. Открытие Парижского конгресса дипломатов.

30 марта. Восточная война. Подписание мирного Парижского трактата.

СОДЕРЖАНИЕ.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Статьи и корреспонденции
1854 — 1856 гг.

	Стр. VII
Предисловие. В. Адоратский	VII
<i>Вступление Англии и Франции в войну</i>	
* Объявление войны. — Мусульмане и христиане. {«New-York Daily Tribune» 15 апреля 1854 г.)	5
Военные дебаты в парламенте (N.-Y. D. T. 17 апреля 1854 г.)	13
* Заявления министров в Верхней и Нижней палатах. — Раз- облачения избирательных подкупов. — Россия и немецкие державы. — Спекуляции на хлебе	25
(N.-Y. D. T. 21 апреля 1854 г.)	
Прусская политика. (Передовая)	32
(N.-Y. D. T. 19 мая 1854 г.)	
Военные действия на Балтийском и Черном морях. — Англо-фран- цузская система военных операций	36
(N.-Y. D. T. 9 июня 1854 г.)	
Современное положение английской армии. — Тактика. — Об- мундирование. — Организация снабжения и т. д.	42
(N.-Y. D. T. 10 июня 1854 г.)	
* «Times». — Союзный договор между Австрией и Пруссией. — Пе- репалка в английском парламенте.	48
(N.-Y. D. T. 12 июня 1854 г.)	
<i>Эвакуация Придунайских княжеств</i>	
* Образование особого военного министерства в Англии. — Задер- жка на Дунае. — «Орел, бульдог, петух и заяц». — Экономиче- ское положение	55
(N.-Y. D. T. 14 июня 1854 г.)	
* Речи Кошута и Уркарта. — Новые министерские назначения. — Австрия и Россия. — Экономическое положение. — Маршал Сент-Арно	61
(N.-Y. D. T. 24 июня 1854 г.)	
Осада Силистрии. (Передовая)	68
(N.-Y. D. T. 26 июня 1854 г.)	
Положение на русско-турецком театре военных действий. (Пере- дovая)	79
(N.-Y. D. T. 8 июля 1854 г.)	
Война. — Парламентские дебаты	83
(N.-Y. D. T. 10 июля 1854 г.)	
* Русский заем. — Эвакуация княжеств. — Австро-турецкий дого- вор. — Молдавия и Валахия	95
(N.-Y. D. T. 19 июля 1854 г.)	
* Австрия и Валахия. — Отправление балтийской дивизии.	103
(N.-Y. D. T. 21 июля 1854 г.)	
* Осада Силистрии. (Передовая)	103
(N.-Y. D. T. 25 июля 1854 г.)	

	Стр.
*Театр военных действий. — Возбуждение в Италии. — Русская нота к немецким державам. — Сербия и Австрия. — Позция мелких государств.	113
(N.-Y. D. T. 28 июля 1854 г.)	
*Совещание в Вене. — Дело при Журжеве. — Слухи о взятии Бухареста. — Австрийский заем. — Министерский кризис в Англии.	119
(N.-Y. D. T. 3 августа 1854 г.)	
*Турция и Греция.	124
(N.-Y. D. T. 4 августа 1854 г.)	
Дебаты о войне в Верхней и Нижней палате.	125
(N.-Y. D. T. 7 августа 1854 г.)	
*Турция и Австрия. — Австрийский заем в Ломбардии. — Дебаты о войне в Нижней палате.	132
(N.-Y. D. T. 9 августа 1854 г.)	
Скучная война. (Передовая.)	142
(N.-Y. D. T. 17 августа 1854 г.)	
*Отступление русских. — Дания. — Английская народная хартия.	148
(N.-Y. D. T. 21 августа 1854 г.)	
*Эвакуация Придунайских княжеств.	155
(N.-Y. D. T. 25 августа 1854 г.)	
*Взятие Бомарзунда.	160
(N.-Y. D. T. 4 сентября 1854 г.)	
*Слухи об аресте Мадзини. — Австрийский принудительный заем в Павии. Триесте и пр. — Положение в Валахии. — Революция в Турции.	162
(N.-Y. D. T. 30 сентября 1854 г.)	

Крымская экспедиция

. Наступление на Севастополь. (Передовая.)	167
(N.-Y. D. T. 14 октября 1854 г.)	
Битва при Альме. (Передовая.)	174
(N.-Y. D. T. 26 октября 1854 г.)	
Военные силы России. (Передовая.)	180
(N.-Y. D. T. 31 октября 1854 г.)	
Осада Севастополя. (Передовая.)	185
(N.-Y. D. T. 15 ноября 1854 г.)	
Кампания в Крыму. (Передовая.)	190
(N.-Y. D. T. 27 ноября 1854 г.)	
*Битва под Балаклавой. (Передовая.)	198
(N.-Y. D. T. 30 ноября 1854 г.)	
Битва при Инкермае. (Передовая.)	206
(N.-Y. D. T. 14 декабря 1854 г.)	
Ход войны. (Передовая.)	212
(N.-Y. D. T. 1 января 1855 г.)	
Итоги.	219
(«Neue Oder-Zeitung» 2 января 1855 г.)	

Английское военное управление. Экономическое и политическое положение Англии

*Деорганизация английского военного управления.	225
(N. O.-Z. 4 января 1855 г.)	
Пресса и военная система.	228
(N. O.-Z. 6 января 1855 г.)	
Военное дело в Англии.	231
I. (N. O.-Z. 8 января 1855 г.)	—
II. (N. O.-Z. 9 января 1855 г.)	233
Торговый кризис.	236
I. (N. O.-Z. 11 января 1855 г.)	—
II. (N. O.-Z. 12 января 1855 г.)	238
III. (N. O.-Z. 20 января 1855 г.)	240

	Стр.
IV. (N. O.-Z. 25 января 1855 г.)	242
Четыре пункта	244
I. (N. O.-Z. 13 января 1855 г.)	—
II. (N. O.-Z. 15 января 1855 г.)	245
III. (N. O.-Z. 18 января 1855 г.)	247
Пивные хозяева и воскресный праздник. — Клаприкард	250
(N. O.-Z. 22 января 1855 г.)	
К критике осады Севастополя	252
(N. O.-Z. 23 января 1855 г.)	
Цель переговоров. — Полемика против Пруссии. — Снежный бунт	255
(N. O.-Z. 26 января 1855 г.)	
Кризис кабинета	257
I. Открытие парламента (N. O.-Z. 27 января 1855 г.)	—
II. Пояснение к кризису кабинета (N. O.-Z. 29 января 1855 г.)	259
III. Парламентские дела (N. O.-Z. 30 января 1855 г.)	261
IV. Из парламента. — С театра военных действий (N. O.-Z. 1 февраля 1855 г.)	265

Падение коалиционного министерства

К министерскому кризису	271
(N. O.-Z. 5 февраля 1855 г.)	
Свергнутое министерство	275
(N. O.-Z. 7 февраля 1855 г.)	
Партии и клики	279
I. (N. O.-Z. 8 февраля 1855 г.)	—
II. (N. O.-Z. 9 февраля 1855 г.)	281
Падение министерства Эбердина	284
(N.-Y. D. T. 17 февраля 1855 г.)	

Министерство Пальмерстона

Пальмерстон. — Армия	293
(N. O.-Z. 12 февраля 1855 г.)	
*Гладстон	297
(N. O.-Z. 13 февраля 1855 г.)	
Переизбрание Герберта. — Первые шаги нового правительства. — Известия из Ост-Индии	299
(N. O.-Z. 20 февраля 1855 г.)	
*Новая сессия парламента	301
I. (N. O.-Z. 22 февраля 1855 г.)	—
II. (N. O.-Z. 24 февраля 1855 г.)	305
III. (N. O.-Z. 23 февраля 1855 г.)	307
Состояние армий	309
(N. O.-Z. 24 февраля 1855 г.)	
К новому правительственному кризису	313
(N. O.-Z. 27 февраля 1855 г.)	
Юм	316
(N. O.-Z. 28 февраля 1855 г.)	
*Пальмерстон и английская олигархия	317
(N. O.-Z. 3 марта 1855 г.)	
Британская конституция	321
I. (N. O.-Z. 6 марта 1855 г.)	—
II. (N. O.-Z. 5 марта 1855 г.)	324
Английская печать об умершем царе	3.6
I. (N. O.-Z. 6 марта 1855 г.)	—
II. (N. O.-Z. 10 марта 1855 г.)	—
Торговля должностями. — Вести из Австралии	328
(N. O.-Z. 7 марта 1855 г.)	
К истории союза с Францией	332
(N. O.-Z. 9 марта 1855 г.)	

	Стр.
Следственная комиссия. — Брюссельский мемуар.	335
(N. O.-Z. 10 и 11 марта 1855 г.)	
Месть Ирландии	339
(N. O.-Z. 16 марта 1855 г.)	
События в Крыму	342
(N. O.-Z. 19 марта 1855 г.)	
Критика французской системы ведения войны.	346
(N. O.-Z. 20 марта 1855 г.)	
*Агитация против Пруссии. — День поста. — Столкновение между пролетариатом и буржуазией.	350
(N. O.-Z. 22 марта 1855 г.)	
*Балаклава. — «Times». — Митинг в «Лондонской таверне»	353
(N. O.-Z. 23 и 24 марта 1855 г.)	
*Дебаты о Пруссии в Верхней палате.	358
(N. O.-Z. 24 марта 1855 г.)	
Последние события в Крыму.	363
(N. O.-Z. 26 марта 1855 г.)	
*К истории англо-французского союза.	366
(N. O.-Z. 27 марта 1855 г.)	
*Разоблачения следственной комиссии.	370
(N. O.-Z. 31 марта 1855 г.)	
О положении в Крыму.	373
(N. O.-Z. 2 апреля 1855 г.)	
Скандал во Французском законодательном собрании. — Влияние Друэн-де-Люиса. — Состояние милиции.	376
(N. O.-Z. 7 апреля 1855 г.)	
Ближайшие перспективы во Франции и Англии.	378
(N.-Y. D. T. 27 апреля 1855 г.)	
Критика наполеоновской статьи в «Moniteur»	383
(N. O.-Z. 17 апреля 1855 г.)	

Панславизм

Германия и панславизм.	389
I. (N. O.-Z. 21 апреля 1855 г.)	—
II. (N. O.-Z. 24 апреля 1855 г.)	391

Движение против аристократического правительства в Англии

К истории агитационных движений.	397
(N. O.-Z. 10 мая 1855 г.)	
«Morning Post» против Пруссии. — Виги и тори	400
(N. O.-Z. 18 мая 1855 г.)	
*Предложение лорда Элленборо в Верхней палате.	403
(N. O.-Z. 19 мая 1855 г.)	
*Буржуазная оппозиция и чартисты.	407
(N. O.-Z. 19 мая 1855 г.)	
Денежный рынок.	411
(N. O.-Z. 22 мая 1855 г.)	
К движению в пользу реформ.	414
(N. O.-Z. 24 мая 1855 г.)	
К критике крымских событий. — Из парламента.	416
(N. O.-Z. 26 мая 1855 г.)	
Пролог к комедии у лорда Пальмерстона. — Ход последних событий в Крыму	419
(N. O.-Z. 29 мая 1855 г.)	
Парламентская реформа. — Перерыв и возобновление Венской конференции. — Так называемая истребительная война	422
(N. O.-Z. 30 мая 1855 г.)	
Предложение Дизраэли.	426
I. (N. O.-Z. 31 мая 1855 г.)	—
II. (N. O.-Z. 1 июня 1855 г.)	429

	Стр.
III. (N. O.-Z. 4 июня 1855 г.)	434
*Ассоциация административных реформ. — Народная хартия. — Уркарт	438
(N. O.-Z. 8 июня 1855 г.)	
*Парламентские дебаты по вопросу о целях войны	442
I. (N. O.-Z. 9 июня 1855 г.)	—
II. (N. O.-Z. 12 июня 1855 г.)	445
*Письма Непира. — Комитет Робека. — Митинги. — Выступление принца Альберта	448
(N. O.-Z. 18 июня 1855 г.)	
*Инцидент в палате общин. — *«Местная война». — Дебаты об ад- министративной реформе. — Доклад комитета Робека	452
I. (N. O.-Z. 19 июня 1855 г.)	—
II. (N. O.-Z. 23 июня 1855 г.)	453
С парижской биржи. — Дебаты о резне у Ганге в Верхней палате	458
(N. O.-Z. 26 июня 1855 г.)	
*Неудача 18 июня (Штурм Малахова кургана)	461
(N. O.-Z. 26 июня 1855 г.)	
*Антицерковное движение. — Демонстрация в Гайд-парке	465
I. (N. O.-Z. 28 июня 1855 г.)	—
II. (N. O.-Z. 5 июля 1855 г.)	470
*В английском парламенте. — Предложения Робека и Бульвера. Ирландский вопрос	475
I. (N. O.-Z. 14 июля 1855 г.)	—
II. (N. O.-Z. 16 июля 1855 г.)	477
Отставка Росселя. — События в Крыму	481
(N. O.-Z. 17 июля 1855 г.)	
*Пальмерстон. — Деятельность следственных комиссий. — Охрана труда на манчестерских фабриках	485
(N. O.-Z. 26 июля)	
Последняя конференция в Бирмингеме	489
(N.-Y. D. T. 10 августа 1855 г.)	
 <i>Лорд Джон Россель</i>	
I. (N. O.-Z. 28 июля 1855 г.)	497
II. (N. O.-Z. 4 августа 1855 г.)	500
III. (N. O.-Z. 7 августа 1855 г.)	504
IV. (N. O.-Z. 8 августа 1855 г.)	507
V. (N. O.-Z. 10 августа 1855 г.)	510
VI. (N. O.-Z. 15 августа 1855 г.)	514
 <i>Крымская кампания. Падение Севастополя</i>	
Военные силы против России	519
(N. O.-Z. 14 августа 1855 г.)	
Польский митинг в Сен-Мартинской школе	520
(N. O.-Z. 16 августа 1855 г.)	
*«Непостижимая война»	522
I. (N. O.-Z. 20 августа 1855 г.)	—
II. (N. O.-Z. 21 августа 1855 г.)	526
*Вятие Малахова	529
(N. O.-Z. 18 сентября 1855 г.)	
Новые разоблачения в Англии. (Передовая.)	532
(N.-Y. D. T. 24 сентября 1855 г.)	
Силы сопротивления России	537
(N. O.-Z. 29 сентября 1855 г.)	
Падение Севастополя	539
(N. O.-Z. 4 октября 1855 г.)	
Русская армия. (Передовая.)	543
(N.-Y. D. T. 16 ноября 1855 г.)	

	Стр.
<i>Падение Карса. Итоги войны.</i>	
Падение Карса	551
I. («People's Paper» 5 апреля 1856 г.)	551
II. («People's Paper» 12 апреля 1856 г.)	551
III. («People's Paper» 19 апреля 1856 г.)	567
IV. («People's Paper» 26 апреля 1856 г.)	575
Традиционная английская политика. (Передовая.)	582
(N.-Y. D. T. 12 января 1856 г.)	
Война в Азии. (Передовая.)	586
(N.-Y. D. T. 25 января 1856 г.)	
Европейская война. (Передовая.)	592
(N.-Y. D. T. 4 февраля 1856 г.)	
Итоги войны. (Передовая.)	596
(N.-Y. D. T. 19 февраля 1856 г.)	
Мир в Европе. (Передовая.)	601
(N.-Y. D. T. 21 февраля 1856 г.)	
<i>Армия Европы</i>	
I. («Putnam's Monthly» август 1855 г.)	609
II. («Putnam's Monthly» сентябрь 1855 г.)	634
III. («Putnam's Monthly» декабрь 1855 г.)	656
<i>Испанская революция</i>	
*Восстание в Мадриде	677
(N.-Y. D. T. 19 июля 1854 г.)	
*Подробности мадридского восстания	678
(N.-Y. D. T. 21 июля 1854 г.)	
*Прокламации Дульсе и О'Доннелла. — Успехи инсургентов.	682
(N.-Y. D. T. 3 августа 1854 г.)	
*Испанская революция. — Борьба партий. — Пронунциаменто в Сан-Себастьяне, Барселоне, Сарагоссе и Мадриде	684
(N.-Y. D. T. 4 августа 1854 г.)	
Эспартеро	689
(N.-Y. D. T. 19 августа 1854 г.)	
*Контр-революция за работой	696
(N.-Y. D. T. 21 августа 1854 г.)	
*Требования испанского народа	697
(N.-Y. D. T. 25 августа 1854 г.)	
*Испанская революция и Россия. — Вопрос о колониях. — Коррупция общественных деятелей. — Анархия в провинции. Мадридская печать	— 698
(N.-Y. D. T. 1 сентября 1854 г.)	
*Созыв учредительных кортесов. — Избирательный закон. — Беспорядки в Тортозе. — Тайные общества. — Скупка правительством оружия. — Испанские финансы	703
(N.-Y. D. T. 4 сентября 1854 г.)	
*Реакция в Испании. — Состояние финансов. — Конституция федеральной Иберийской республики	708
(N.-Y. D. T. 16 сентября 1854 г.)	
*Последние мероприятия правительства. — Реакционная пресса о положении в Испании. — Избыток генералов	714
(N.-Y. D. T. 30 сентября 1854 г.)	
Революционная Испания	717
I. (N.-Y. D. T. 9 сентября 1854 г.)	—
II. (N.-Y. D. T. 25 сентября 1854 г.)	724
III. (N.-Y. D. T. 20 октября 1854 г.)	730
IV. (N.-Y. D. T. 27 октября 1854 г.)	735
V. (N.-Y. D. T. 30 октября 1854 г.)	741
VI. (N.-Y. D. T. 24 ноября 1854 г.)	746
VII. (N.-Y. D. T. 1 декабря 1854 г.)	756
VIII. (N.-Y. D. T. 2 декабря 1854 г.)	762

	Стр.
<i>Указатели</i>	769
<i>Указатель имен</i>	771
<i>Предметный указатель</i>	799
<i>Краткая летопись событий 1854 — 1856 гг.</i>	811

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. Письмо Маркса к Энгельсу от 22 апреля 1854 г.	32 — 33
2. «Neue Oder-Zeitung» № 185 — 1855 г. (Заголовок)	389
3. «New-York Daily Tribune» № 4, 184 — 1854 г. (Заголовок)	677
4. Карты военных действий Крымской войны.	

(11 — 20 тысячи)

Отв. ред. *В. В. Адоратский.*

Техн. ред. *Я. Телишевский, И. Галактионов.*

Подписано к печати с матриц 7/1 1933 г.

Партиздат № 1140/м.

Ленгорлит № 464.

Тираж 30 370 экз.

Заказ № 578.

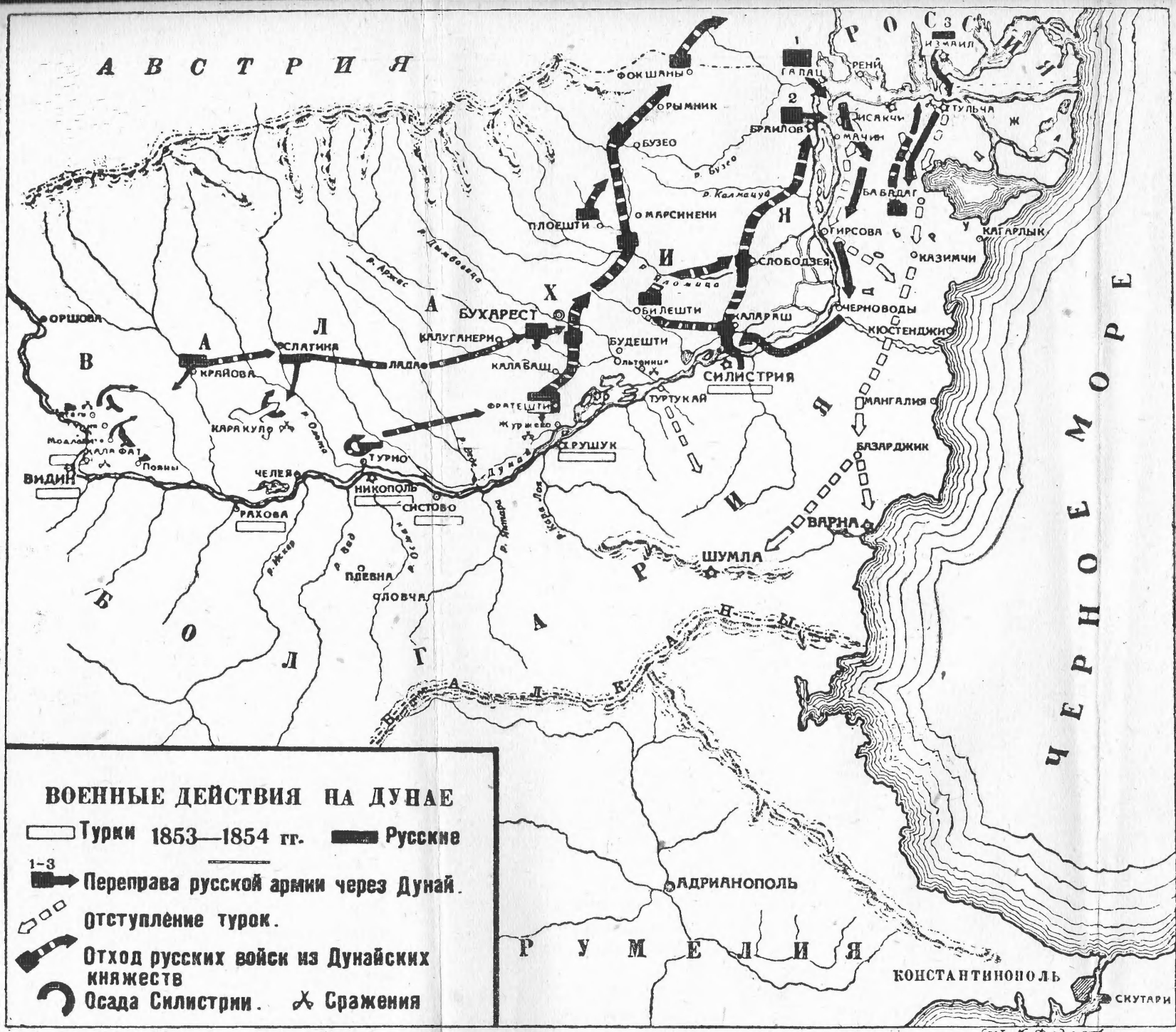
Формат бум. 68 × 110 см.

52 печ. л.

(101760 тип. знак. на 1 бум. листе).

Бум. л. 26.

Вышла в свет — апрель 1933 г.

А В С Т Р И Я

РОС С И Я

Ч Е Р Н О Е М О Р Е

Р У М Е Л И Я

КОНСТАНТИНОПОЛЬ

СКУТАРИ

ОРШОВА

ВИДИН

СЛАТИНА

КРЯЙОВА

КЯРКУЛ

ЧЕЛЯ

РАХОВА

ТУРНО

НИКОПОЛЬ

СИСТОВО

ПЛЕВНА

ФЛОВЧА

БУХАРЕСТ

КАЛУГАНЕРИ

ЛАДА

КАЛАВШО

ФРАТЕШТИ

ЖУРЖЕВО

ДУНАВ

ПЛОЕШТИ

О. МАРСИНЕНИ

ОБЛЕШТИ

БУДЕШТИ

Ольшеница

ТУРТУКАЯ

ДУНАВ

ДУНАВ

ДУНАВ

ДУНАВ

ДУНАВ

ДУНАВ

ДУНАВ

ДУНАВ

ДУНАВ

ДУНАВ

ДУНАВ

ДУНАВ

ДУНАВ

БОРМНИК

БУЗЕО

О. МАЧИН

О. МАРСИНЕНИ

О. МАЧИН

ОБЛЕШТИ

КАЛАРАШ

ТУРТУКАЯ

ТУРТУКАЯ

ТУРТУКАЯ

ТУРТУКАЯ

ТУРТУКАЯ

ТУРТУКАЯ

ТУРТУКАЯ

ТУРТУКАЯ

ТУРТУКАЯ

ТУРТУКАЯ

ТУРТУКАЯ

ТУРТУКАЯ

ТУРТУКАЯ

ТУРТУКАЯ

ТУРТУКАЯ

ГАЛАЦ

БРАЙЛОВ

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

РЕНИ

ДИСАКЧИ

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

ИЗМАИЛ

СТУЛЬЧА

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

КАГАРЛЫК

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

Ж

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

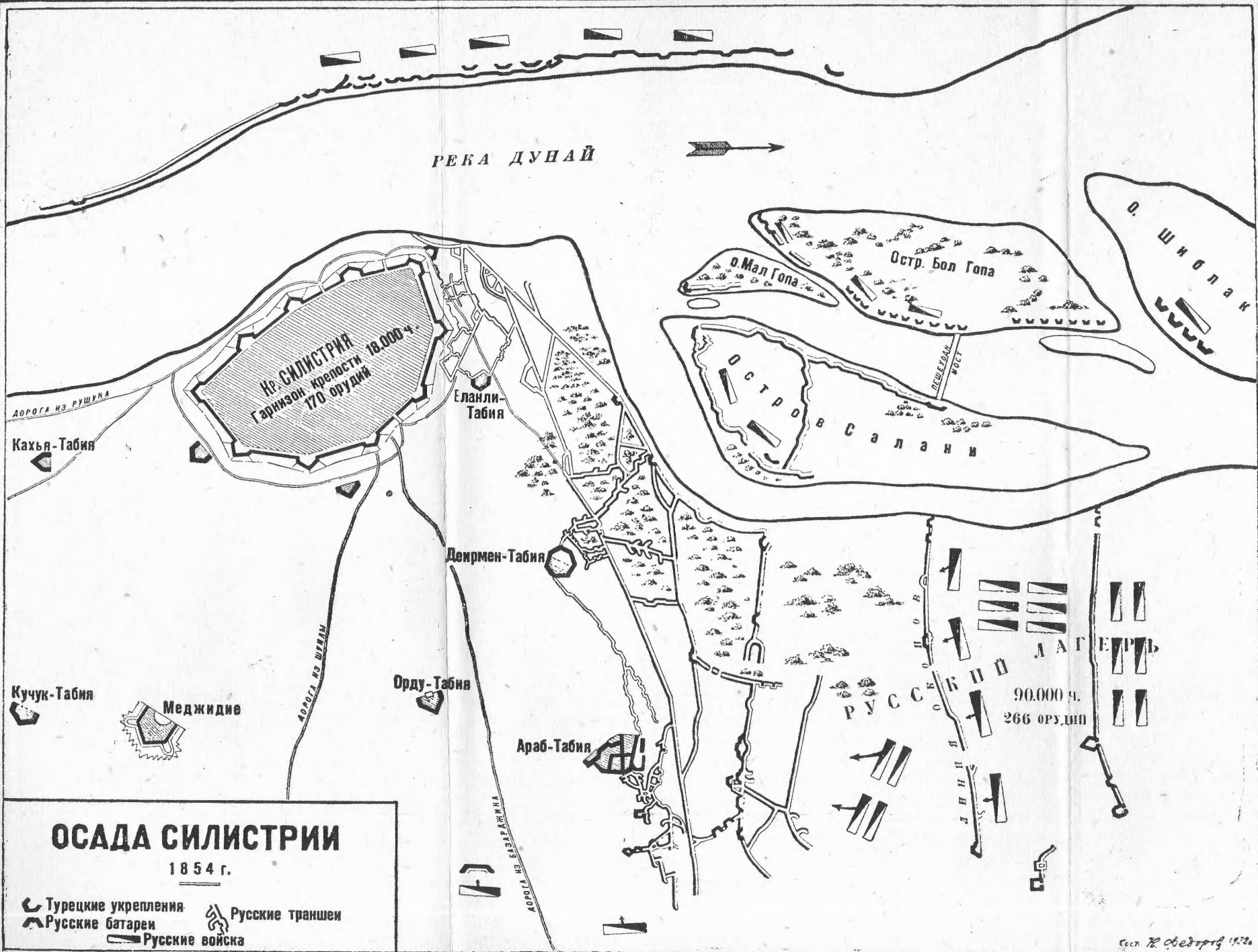
О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

О. МАЧИН

Скутари

ОСАДА СИЛИСТРИИ

1854 г.

- Турецкие укрепления
- Русские батареи
- Русские траншеи
- Русские войска

Сост. Н. Обедков 1872

КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ 1854-1856 ГГ.

Карта военных действий

ФРАНЦУЗЫ - 100.000 ч.
 АНГЛИЧАНЕ - 25.000 ч.
 ТУРКИ - 28.000 ч.
 САРДИНЦЫ - 15.000 ч.

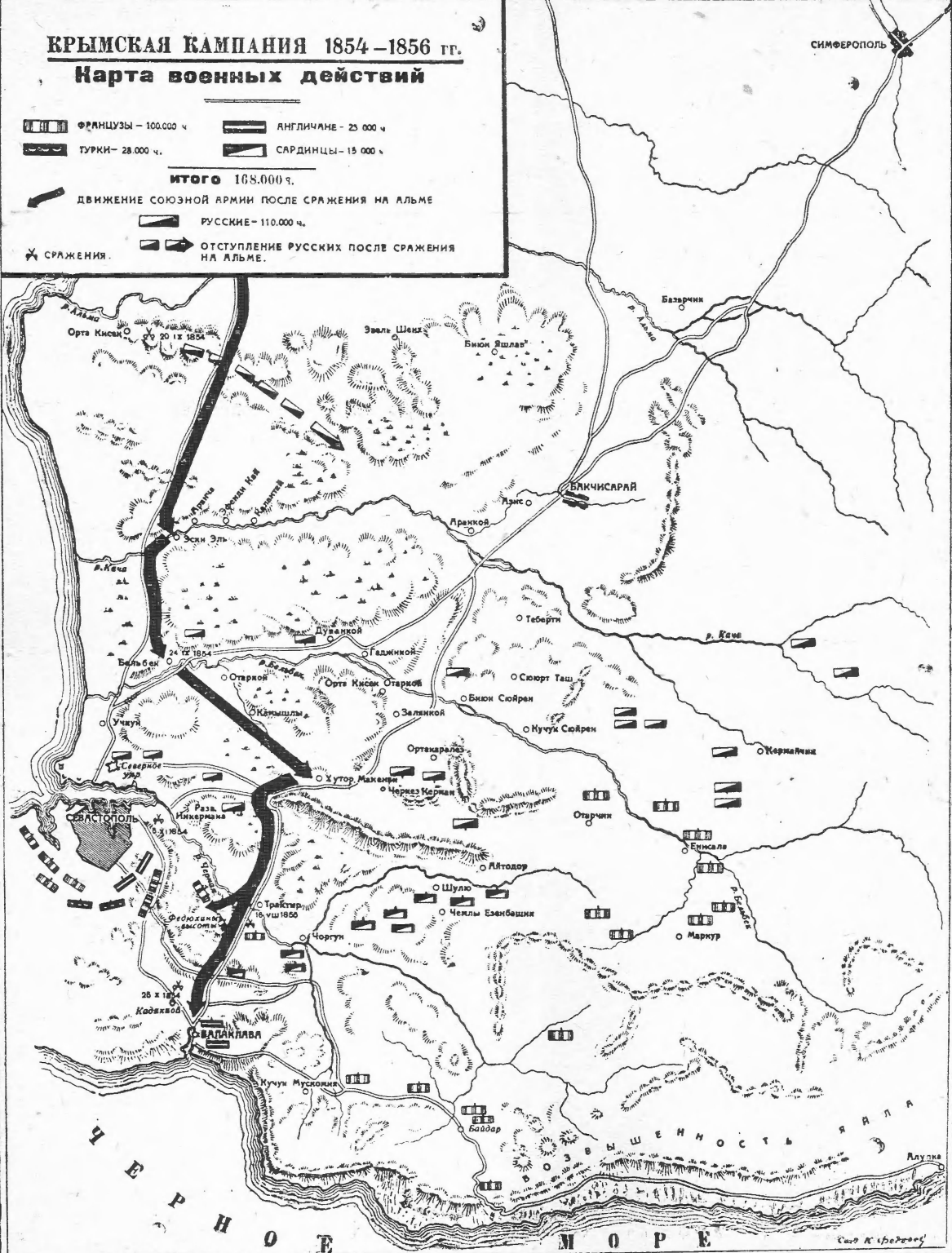
Итого 168.000 ч.

ДВИЖЕНИЕ СОЮЗНОЙ АРМИИ ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ НА АЛЬМЕ

РУССКИЕ - 110.000 ч.

СРАЖЕНИЯ.

ОТСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ ПОСЛЕ СРАЖЕНИЯ НА АЛЬМЕ.

СИМФЕРОПОЛЬ

Базарчик

БАХЧИСАРАЙ

Орта Кисак

Зевель Шенк

Биюк Яшлар

А. Лева

Бельбек

СЕВАСТОПОЛЬ

ВАЛЛАКЛАВА

Панис

Ареикой

Теберти

Орта Кисак Отаркой

Ортакаралаз

Ортакаралаз

Айтодор

Чорту

Чорту

Бабдар

Сювурт Таш

Биюк Сювурт

Нучук Сайрен

Отарчик

Шулю

Чемлы Еменбаши

Маркур

Керманлик

Енкале

Алуква

26 x 1854

20 x 1854

26 x 1854

Кадыквой

Федюженка

С. Северное устье

Учугу

Дуванкой

Гаджинкой

Утур. Макекен

Черкез Керман

Раз. Никермана

Раз. 1854

Трактир

18 vsh 1856

Кучук Мускован

Бабдар

Алуква

Возвышенность Яйла

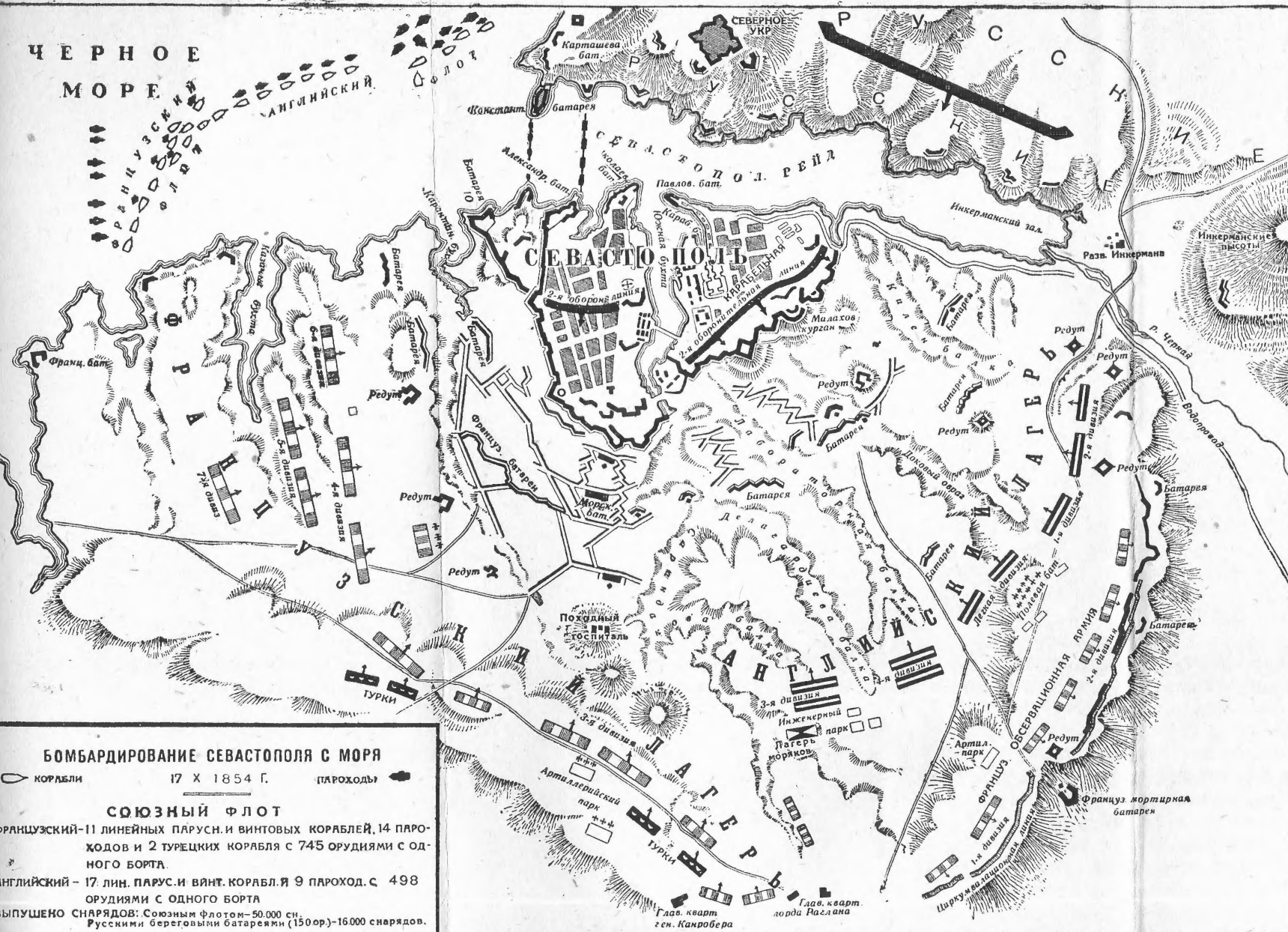
Черное море

С. К. Шереметев

КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ

1854—1856 гг.

ЧЕРНОЕ
МОРЕ

БОМБАРДИРОВАНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ С МОРЯ

КОРАБЛИ 17 X 1854 Г. ПАРХОДЫ

СОЮЗНЫЙ ФЛОТ
 ФРАНЦУЗСКИЙ — 11 линейных парусных и винтовых кораблей, 14 парусных и 2 турецких корабля с 745 орудиями с одного борта.
 АНГЛИЙСКИЙ — 17 лин. парусных и винт. кораблей, 9 парусных с 498 орудиями с одного борта.
 ВЫПУЩЕНО СНАРЯДОВ: Союзным флотом — 50.000 снарядов.
 Русскими береговыми батареями (150 ор.) — 16.000 снарядов.

ОСАДА СЕВАСТОПОЛЯ

9 X 1854 Г. — 8 IX 1855 Г.

Расположение союзных войск под Севастополем:

	ФРАНЦУЗЫ	120.000 чел. 807 оруд.
	АНГЛИЧАНЕ	
	ТУРКИ	

В день последнего штурма 8 сент. 1855 г. союзные войска находились:

ПРОТИВ КОРАБЕЛЬНОЙ СТОРОНЫ	38 720 ч.
ГОРОДСКОЙ	18 500 ч.

С 698 осадными и полев. орудиями, а 62700 ч. охраняли тыл и фланги союзников.

Гарнизон Севастополя состоял:

из 49.000 ч. и 1381 орудий. Из коих только 540 оруд. были предназначены для борьбы с осадными батареями. А остальные для внутренней и фланговой обороны и для действия в случае атаки с моря.

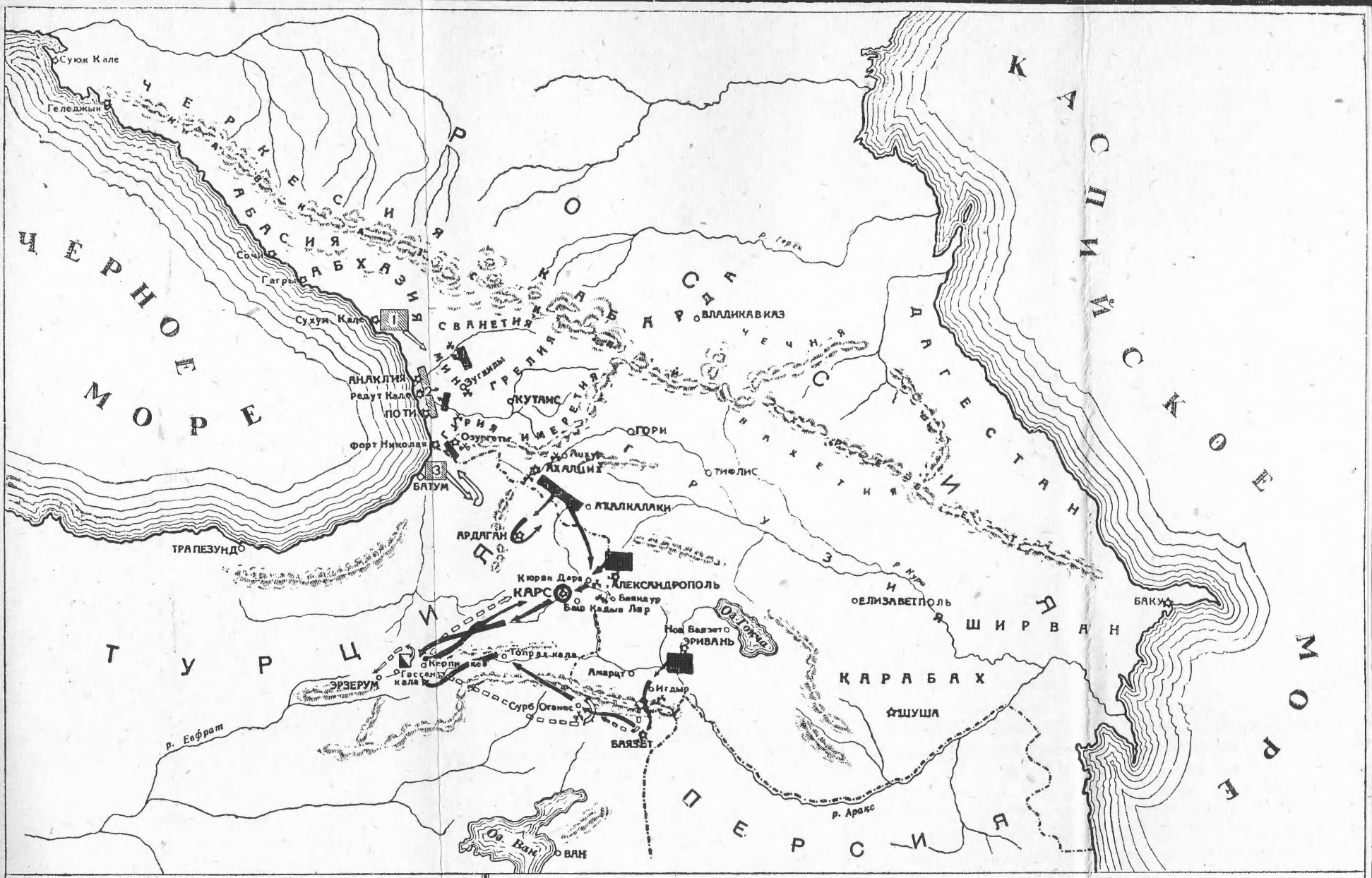
Потери с обеих сторон:

ЗА 11 МЕСЯЦЕВ ОСАДЫ ВЫБЫЛО ИЗ СТОЯ:	
У СОЮЗНИКОВ	ДО 71.000 Ч.
У РУССКИХ	ДО 83.000 Ч.

ЗА ВСЕ ВРЕМЯ ОСАДЫ АРТИЛЛЕРИЯ СОЮЗНИКОВ ВЫПУСТИЛА 1.104.000 СНАРЯДОВ, ИЗРАСХОДОВАВ 271.650 ПУД. ПОРОХУ; ЗА ЭТО ЖЕ ВРЕМЯ РУССКИЕ ВЫПУСТИЛИ 1.027.000 СНАРЯДОВ, ИЗРАСХОДОВАВ 160.000 П. ПОРОХУ.

	ТРАНШЕИ	ЗАГРАЖДЕНИЯ ИЗ ЗАТОПЛЕННЫХ РУССКИМИ КОРАБЛЕЙ.
	РЕДУИ	
	ФОРТ	
	БАТАРЕИ	
	ДОРОГИ	
	МОРТИРЫ	2-я ЛИНИЯ ЗАГРАЖДЕНИЙ.

Составил по английским и русским источникам И-та Маркса-Энгельса-Ленина К. Федоров

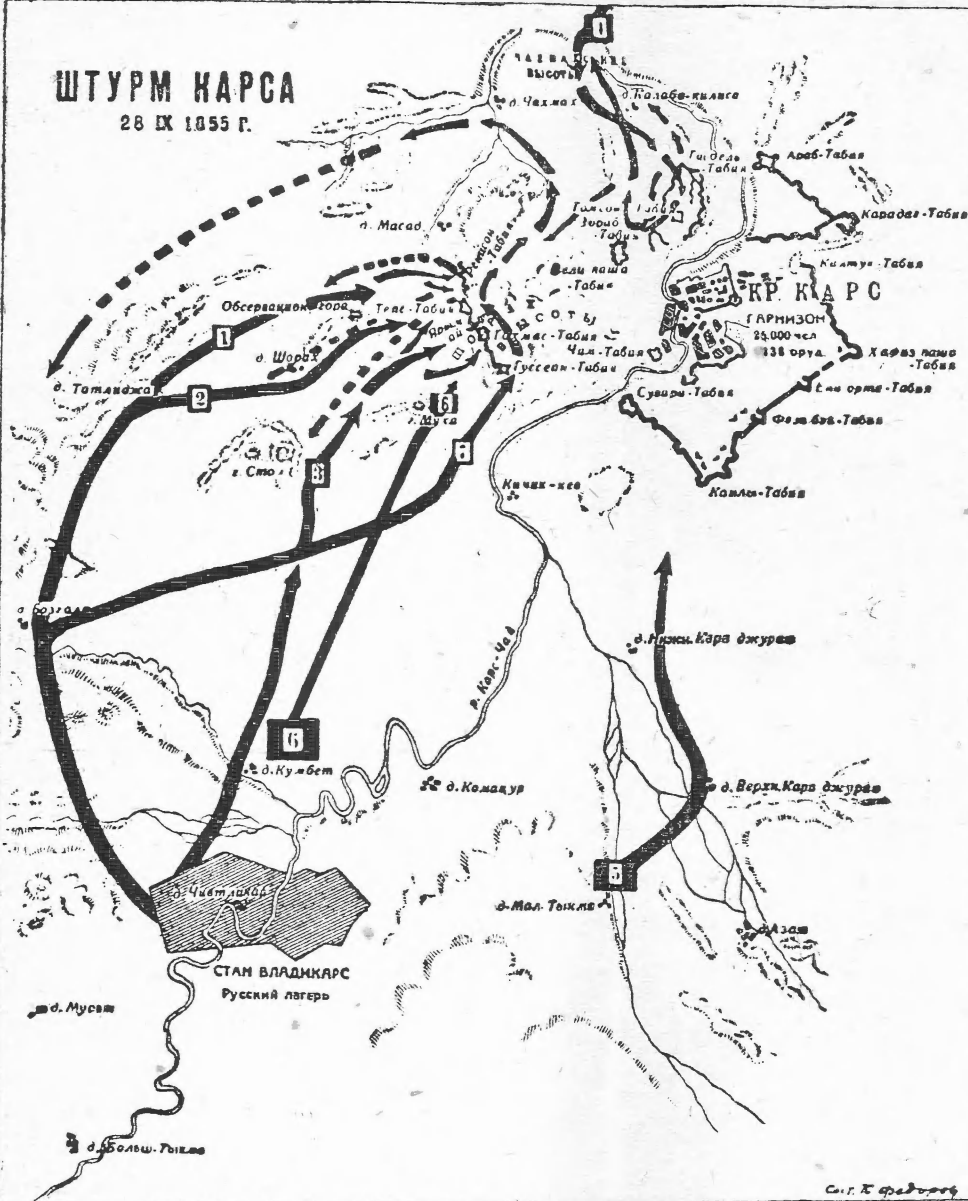
**ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ
В АЗИАТСКОЙ ТУРЦИИ
1853—1856 гг.**

ВОЙСКА ПОД НАЧ. ГЕН. МИЛЮТИНА 40 ТЫС. ЧЕЛ. 100 ОРУД.
 ОТРЯД ВЕЛИ-ПАШИ 12 ТЫС. ЧЕЛ.
 ВОЙСКА ОМЕР-ПАШИ 40 ТЫС. Ч. 57 ОРУД.
 ВОЙСКА МУСТАФА-ПАШИ

ВОЙСКА ПОД НАЧ. КН. МУХРАНСКОГО 10 ТЫС. Ч. 28 ОРУД.
 ОСАДА КАРСА
 ТУРЕЦК. УКРЕПЛ. ЛАГЕРЬ
 ОТСТУПЛЕНИЕ ТУРОК
 СРАЖЕНИЯ

ШТУРМ КАРСА

28 IX 1855 г.

С. Г. К. Фредерикс

- 1** → КОЛОННА ГЕН КОВАЛЕВСКОГО
- 2** → ГЕН КИ ГАГАРИНА
- 3** → ГЕН МАЙДЕЛЯ
- 4** → ГЕН. БАЗИНА
- 5** → ГРАФА НИРОДА
- 6** → ОТРЯД ПОЛК КАУФМАНА
- 6** → ОБЩИЙ РЕЗЕРВ, под командой ГЕН БРИММЕРА 15000 чел, 500 канн 22 орудий

16 500 ВЕСЛОУ, 6 500 КВАДРАТ.
74 ОРУДИЙ

- КРЕПОСТНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ
- НАСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ
- ОТСТУПЛЕНИЕ